

НИВА

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1876

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТЕРБУРГЪ

П. П. МАРКСОМЪ

КРЕЙЕРМАНЪ.

П. МАРКОВ.

На Большой Морской
и углу Невского просп.
д. Росмана, № 9.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 1

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПРИЖИЗНЕННЫМЪ ПАРИЖСКИМЪ МОДАМЪ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 3 Января 1876 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

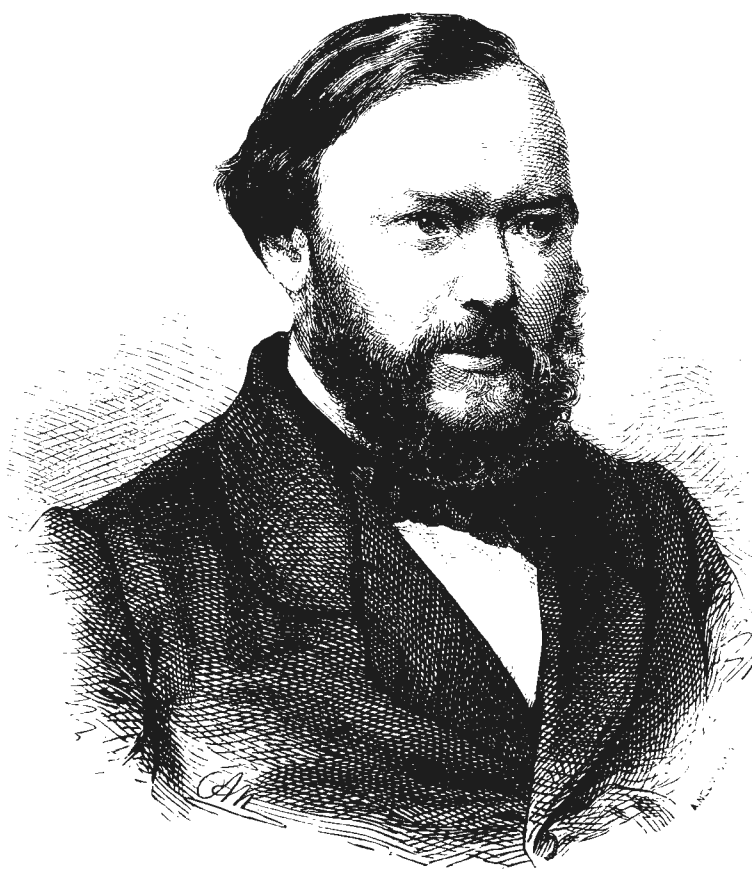
I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.*)

При этомъ № прилагается для всѣхъ Гг. подписчиковъ стѣнной календарь на 1876 г., какъ I премія на 1876 годъ.

Кромѣ того при этомъ № прилагаются „Парижскія Моды“ за Январь съ 23 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 21 чертежомъ.

Александръ Николаевичъ Островскій.

Александръ Николаевичъ Островскій извѣстный драматическій писатель, родился въ Москвѣ 30-го марта 1824 года. Воспитываясь сначала дома, а затѣмъ въ одной изъ московскихъ гимназій, по прохожденіи которой онъ поступилъ въ Московскій университетъ, курсъ котораго и окончилъ съ успѣхомъ. Склонность къ литературѣ проявилась у Александра Николаевича очень рано—и онъ началъ писать еще въ гимназій, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе своихъ учителей и наставниковъ. Задумавъ посвятить себя литературной дѣятельности, А. Н. Островскій обратился сначала исключительно къ изображенію жизни нашего купечества. Почти всѣ первыя произведенія его взяты изъ этого быта и это даетъ имъ нѣкоторый вполнѣ своеобразный отбѣнокъ. Но такъ какъ купеческій бытъ изученъ авторомъ серьезно и основательно, и пьесы его полны глу-

Александръ Николаевичъ Островскій. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

бокой жизненной правды и глубокаго драматическаго смысла, то, взятая вмѣстѣ, они составляютъ замѣчательную страницу въ исторіи русской литературѣ и даютъ А. Н. Островскому право на званіе лучшаго современнаго драматурга. Первымъ шагомъ А. Н. Островскаго на литературномъ поприщѣ была небольшая комедія «Семейная картина», написанная имъ въ 1846 году. Это первое произведеніе молодого писателя обратило на него общее вниманіе: по поводу этой пьесы разнесся даже слухъ, что она написана не имъ, а какимъ-то безысѣстнымъ актеромъ: критика отнеслась благожелательно къ автору. Вскорѣ вслѣдъ за первую пьесу явился цѣлый рядъ послѣдова- тельныхъ произведеній А. Н. Островскаго, все болѣе и болѣе увеличивавшихъ его извѣстность. Такъ, въ 1847 году появились его «Сны изъ Замоскворѣцкой жизни» и небольшой этюдъ

«Очерки Замоскворѣчья», Успѣхъ этихъ небольшихъ пьесъ поощрилъ молодого писателя къ дальнѣйшей дѣятельности на избранномъ имъ поприщѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдилъ его въ своихъ новыхъ произведеніяхъ не выходить изъ этой среды, столь богатой характерами и мотивами коренной русской жизни.

Четырехактная комедія «Свои люди сочтемся» поставила имя А. Н. Островскаго на ряду съ лучшими писателями того времени. Въ этомъ произведеніи уже были совершенно видны всѣ достоинства автора, строгая обдуманность и выработанность, что вмѣстѣ съ новостью быта, выводимаго имъ, новостью языка въ произведеніи—подѣйствовала сильно на читающую публику и успѣхъ пьесы въ чтеніи былъ громадный, хотя поставить на сцену ее и не позволяли.

Произведеніе это вызвало цѣлый рядъ рецензій, которыя, несмотря на все различіе взглядовъ рецензентовъ, какъ на пьесу такъ и вообще на требованія отъ драматическаго искусства, всѣ единогласно признали ее достойною быть причисленною къ замѣчательнымъ произведеніямъ а ея автора къ крупнымъ талантамъ первой величины. Однимъ словомъ успѣхъ былъ громадный, побудившій Островскаго еще въ томъ же году написать небольшую сцену «Утро молодого человѣка», а затѣмъ и сцену «Неожиданный случай». Въ 1852 году появилось второе большое произведеніе Островскаго «Бѣдная невѣста». Пьеса эта была принята нѣсколько холодно, за то появившаяся въ 1853 году комедія «Не въ свои сани не садись», и въ 1855 году «Бѣдность не порокъ», возвысили еще болѣе литературную репутацію ихъ автора. Далѣе слѣдовало болѣе слабое произведеніе: «Не такъ живи какъ хочется». «Въ чужомъ пиру похмѣлье» и сцены «Праздничный сонъ до обѣда» и «Не сошлись характерами» понравились публикѣ, особенно послѣднія, хотя это только рядъ живыхъ, хорошо веденныхъ сценъ, безъ самостоятельной серьезной задачи. Затѣмъ въ 1857 году Островскій написалъ «Доходное мѣсто», имѣвшее громадный успѣхъ», благодаря искусно затронутому въ немъ живому, современному вопросу и удачно обрисованнымъ темными сторонамъ высшаго и низшаго чиновническаго быта.. Въ 1859 г. появились новыя произведенія Островскаго: драма «Гроза» и комедія «Воспитанница», которую смѣло можно причислить къ лучшимъ пьесамъ русскаго репертуара. Увлечательный языкъ, полный драматизма сюжетъ, произвели впечатлѣніе на всѣхъ. Послѣ этихъ прекрасныхъ, истинно художественныхъ вещей, слѣдующія произведенія Островскаго стали слабѣе и представляли чисто внѣшній интересъ живыхъ сценъ и блестящаго изложенія. Онъ взялся за историческія драмы, съ которыми талантъ его не имѣетъ ничего общаго. Перныя историческія драмы Островскаго, или какъ онъ самъ называетъ ихъ «драматическія хроники» стали появляться въ печати съ 1862 года. Первою изъ этихъ драматическихъ хроникъ, съ которою познакомилась публика, была драма въ 5-ти дѣйствіяхъ «Кузьма Мининъ Сухорукъ», напечатанная въ январской книжкѣ «Современника» того года. Несмотря на художественную отдѣлку и на нѣкоторые весьма рельефныя сцены, эта историческая драма не имѣла успѣха. Вслѣдъ за драмой «Кузьма Мининъ» въ томъ же «Современникѣ» и съ 1865 г. появилась его вторая драматическая хроника «Воевода или сонъ на Волгѣ», поставленная затѣмъ на сцену. Въ 1867 г. были имъ напечатаны еще 2 драмы: «Дмитрій Самозванецъ» и «Тушино» и наконецъ въ началѣ 1868 драма въ 5 дѣйствіяхъ «Василиса Мелентьева». Какъ драма «Воевода, или сонъ на Волгѣ» имѣла успѣхъ при постановкѣ ея на сценѣ, благодаря художественной игрѣ Самойлова, такъ и «Дмитрій Самозванецъ» не прошелъ незамѣченнымъ благода-

ря хорошему исполненію Монахова. Не смотря на эти важныя удачи, всѣ его драмы, при всѣхъ ихъ внѣшнихъ литературныхъ достоинствахъ оказались гораздо слабѣе его бытовыхъ комедій. Впрочемъ и кромѣ своихъ историческихъ хроникъ, Островскій не переставалъ писать и бытовыхъ комедій и драмъ и одновременно съ сочиненіемъ поименованныхъ хроникъ, имъ были написаны: въ 1863 году четырехъ-актная драма «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», а въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ годахъ сцены и картинки изъ московской жизни: «Тяжелые дни» въ 3 дѣйствіяхъ, «Шутники» въ 4 дѣйствіяхъ и «На бойкомъ мѣстѣ», комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Картинки изъ московской жизни «Шутники» были особенно удачны.

Къ числу трудовъ Островскаго, относящихся къ этому времени, слѣдуетъ причислить его прекрасную переводъ комедіи Шекспира «Усмирение своенравной». Но исключая этихъ трудовъ, комедіи и сцены написанныя одновременно съ его драматическими хрониками были уже значительно слабѣе первыхъ, какъ-то: «На всякаго мудреца довольно простоты», «Бѣшенныя деньги», «Лѣсъ», «Не все коту масляница», «Не было гроша да вдругъ алтынъ» и «Комикъ». Самымъ выдающимся произведеніемъ изъ всѣхъ исчисленныхъ пьесъ была комедія «Не все коту масляница», которая по своей живости и правдивости и полнѣйшему отсутствію натянутости, которая начала проглядывать въ комедіяхъ Островскаго, вполнѣ выказала блестящій талантъ автора, напоминая прежнія творенія его въ родѣ «Свои люди—сочтемся» и другихъ. надѣлавшихъ такъ много шума.

Къ числу послѣднихъ сочиненій Александра Николаевича слѣдуетъ причислить и его переводы нѣсколькихъ весьма слабыхъ комедій въ родѣ «Заблудшей овцы», на которой онъ даже не выставилъ своего имени, «Рабство мужей», «Семья преступниковъ» и т. п.

Сочиненія А. Н. Островскаго были изданы сначала въ 1859 году графомъ Куселевымъ-Безбородко, и затѣмъ Кожанчиковымъ въ 1868 и 70 году въ 5 томахъ. Переводы же изданы были въ 1872 году, ко дню юбилея 25-лѣтней литературной его дѣятельности.

День юбилея 15-го марта 1872 года почитатели его таланта праздновали въ художественномъ клубѣ, хотя самъ юбиляръ по болѣзни на торжество и не могъ явиться. На торжественномъ обѣдѣ послѣ тоста провозглашеннаго въ честь отсутствующаго виновника торжества, чтобы ознаменовать этотъ день, была составлена подписка, причемъ было постановлено на эти деньги учредить въ деревнѣ, постоянномъ мѣстопребываніи драматурга, школу его имени. По окончаніи обѣда, собраніе художниковъ отправило Александру Николаевичу адресъ, а любители драматическаго искусства поднесли юбиляру роскошный альбомъ.

Въ заключеніе нашего краткаго біографическаго очерка мы должны сказать, что Александръ Николаевичъ Островскій, явился продолжателемъ славной дѣятельности Гоголя и Грибоедова, и создалъ самобытную русскую комедію, причемъ разработалъ цѣлую область, до него нетронутую литературою. Познакомивъ публику съ бытомъ русскаго купечества, Островскій обогатилъ нашу литературу и сцену.

Богатый репертуаръ пьесъ его, до сихъ поръ не сходящихъ со сцены, самымъ лучшимъ образомъ доказываетъ заслуги Александра Николаевича Островскаго.

В. Д.

Кто лучше?

Изъ очерковъ кавалерійской жизни.

(Посвящается другу моему Ицѣ Янкевичу Штрапецкому).

Въ одно прескверное утро поручикъ Болиголова очутился въ пренеприятныхъ обстоятельствахъ. Обстоятельства эти—Богъ ихъ знаетъ почему—въ обществѣ извѣстны преимущественно подъ именемъ „критическихъ“. Именно въ это самое скверное утро въ карманахъ поручика Болиголова, по самомъ тщательномъ разслѣдованіи, не оказалось ни копѣйки наличныхъ денегъ.

„И дернула-жь нелегкая засѣсть съ этимъ капитанъ-прохвостомъ“ мысленно укоряетъ себя поручикъ, вспоминая вчерашній штоссъ у какого-то проѣзжаго авантюриста, пана Ивановскаго, который встрѣтился въ ресторанѣ гостиницы кое съ кѣмъ изъ офицеровъ, откомендовался имъ оставшимъ капитаномъ, познакомился, зазвалъ къ себѣ въ номеръ, велѣлъ подать шампанска-

го, затѣмъ предложилъ играть, а затѣмъ... поручикъ Болиголова очутился „въ критическихъ“.

...И дернула-жь... Нѣтъ, да вѣдь какъ! По первому абцугу... Вѣдь болѣе тысячи въ выигрышѣ былъ... и забастовать бы,—Такъ нѣтъ же!.. А тутъ вдругъ тррахъ!—и пошло, и пошло... Какъ будто заколодило, проклятое!“

— Ваше благородіе, Штрапецкій пришелъ.

— Кто?

— Штрапецкій, Ицко.

— А, чертъ!.. Этого еще не доставало!.. Вѣдь сказано же тебѣ, болванъ, чтобы никого!.. Ну, что же я буду съ нимъ дѣлать?!.. Пошелъ, скажи, что сплю... еще не просыпались-моль.

— Да я, ваше благородіе, я имъ изволилъ уже такъ

докладывать, а они— „ничего, говорятъ, мы подождемъ, посидимъ“.

— А, чертъ его!.. Ну, нечего дѣлать зови!..

* * *

— Здрастуйте вамъ, гасшпидинъ сперучникъ.

— Здравствуй, Ицко. Садись.

— Нѣ, можно и пасптаять... Ви позволите?

— Какъ знаешь. Что скажешь хорошаго?

— А ви сшто скажите?

— Да что, братъ, у меня все скверно... Вотъ, проигрался вчера.

— Огхъ, сшлихаль, сшлихаль, сшлихаль... сшлихаль! грустно качаетъ головой Ицко.

— Да, братъ, увы!.. проигрался... и потому ты пришелъ совершенно напрасно.

— Напраснїй!.. А почомъ ви взнаете, что я напраснїй?

— Да потому что изъ моего долга я не могу теперь отдать тебѣ ни копѣйки.

— А на сшто минѣ ваше кипѣйке?.. Пфэ!.. Зжвините, когда жъ я вамъ говорилъ сшто на вашъ долгъ? И толки зайшоль взнать чи ви зждравїй?

— Здоровъ, какъ видишь.

— Н-но, зжвините, а я себѣ думаю, сшто ви не зждравїй?

— Почему жъ ты это думаешь?

— Такъ. Бо я сшлихаль, сшто ви досталъ себѣ карманне чагхотке, и я-жъ прїйшоль спытать у васше благородю, чи не хочете ви медицинске средство?

— Денегъ, что-ли? недовѣрчиво покосился на Ицку поручикъ.

— Такъ.

— Да ты развѣ дашь?

— Н-ну, якъ не я самъ, то можна сдобить. У мене есть одногхо щаловѣкъ, мой гхаросшїй зжнѣкомїй, и онъ даетъ на гхаросшїй пурцентъ... Алежъ ви понимаете, на гхаросшїй пурцентъ, подъ вѣксюль, то можна зъ нимъ поговдрить.

— О, благодѣтель рода человѣческаго! Приди въ объятїя мои! вскричалъ, простирая руки, обрадованный Болиголова.

— Алежъ на гхаросшїй пурцентъ! знаменательно поднялъ Ицко указательный палець.

— Сшлихаль, сшлихаль, сшлихаль! благодушно передразнилъ поручикъ, у котораго въ головѣ сейчасъ же замелькали свои соображенїя: „Четыреста рублей остальнаго долга дослать капитану, тридцать рублей въ бакалейную лавку, двѣнадцать сапожнику,—и того четыреста-сорокъ-два рубля... Стало быть, пятьсотъ рублей.“ — Мнѣ нужно пятьсотъ рублей, Ицко.

— Пяпсо-отъ!?. Пфс...

— Никакъ не менѣе.

— Алежъ за много пурценты выйдець, съ участїемъ предостерегъ Ицко, какъ - бы самымъ родственнымъ образомъ входя въ денежныя интересы и расчеты поручика: — Уй, какъ замного!.. Бо тотъ одного щаловѣкъ, мой знакомїй, онъ беретъ ни меншъ якъ десѣть пурценты на мясѣнць.

— Десять въ мѣсяць! въ ужасѣ всплеснулъ руками поручикъ:—десять въ мѣсяць!.. Пощади. Бога ради!

— Н-ну, кабъ то билъ я, то какъ я васъ люблю, то ябъ изъ васъ ажъ ни одного пурцентъ; а ни вѣксюль, а ни расписке, а такъ, на одного често. Алежъ то не я,—то мой зжнѣкомїй.

— Да вѣдь это-жъ безбожно!

— Н-ну и сшто ви гхдчите—жидъ, якъ есть жидъ! То не Еврей, не Езраэлитъ, а жидъ пархѣтый, и пурценты его жидовски... такїй сшвѣлачь! Н-но... а когда вамъ надо, то сшто ви будете шдѣлать?—ви будете давать и не десѣть, а дванасты, и тринасты, и пятнасты... Та-акъ?

Поручикъ Болиголова сидитъ, не отвѣчая ни слова, но все болѣе и болѣе погружаясь въ мрачное раздумье.

— Н-ну, то какъ же будетъ? переминаясь съ ноги на ногу, тихимъ вопросомъ прерываетъ Ицко минутное молчанїе.

— Да ужъ и самъ не знаю какъ! совздохомъ пожалуй поручикъ плечами: — только десять въ мѣсяць—этого я рѣшительно не могу.

— Зачѣмъ такъ?

— Да видишь ли, еслибъ я намѣренъ былъ никогда не платить моихъ долговъ, то я бы охотно согласился не то что на десять, а хоть на сто въ мѣсяць; но такъ какъ я имѣю обыкновенїе долги мои платить, то...

— Понимаю, понимаю! сообразительно подмигнувъ Ицко:—то десѣть будетъ вамъ замного... Я и самъ себѣ такъ мыслялъ... Н-но, пазжвѣльте, я зѣразъ побѣгу, повїдаю того сшвѣлача, поговору, — може, онъ будетъ согласнїй и на меншъ.

И благодѣтельный Ицко, не дожидаясь отвѣта, стремительно пустился обдѣлывать „айнъ вигонди гешефтъ“ для гасшпидинъ сперучникъ“.

* * *

Черезъ полчаса Штралецкїй входитъ снова. На лицѣ его какое-то странное выраженїе: не то онъ торжествуетъ, не то чѣмъ-то смущенъ отчасти.

— Ну, что, Ицко?

— Есть! многозначительнымъ и таинственнымъ шепотомъ докладываетъ онъ томѣющемуся поручику, и затѣмъ сразу же вынимаетъ изъ кармана вексельную бумагу и пачку засаленныхъ „жидовскихъ“ ассїгнацій, кладя передъ нимъ на столъ и то, и другое.

— Насколько? лаконически вопрошаетъ Болиголова.

— Этъ!.. Сшвѣлачь!.. презрительно и грустно махнулъ рукой Ицко.

— Десять, что-ли?

— Н-ну и сшто ви хочете! раздражается онъ потокомъ досады: — когда-жъ я вамъ говѣру, сшто жидъ, какъ есть жидъ! Зжвините!

— Да ты безъ прелюдїй, говори прямо: десять?

— Такъ! съ грустнымъ вздохомъ и смущенно потупляя глаза, высказался наконецъ Ицко.

— Не нужно! рѣшительнымъ движенїемъ, но съ внутренней досадой отодвинулъ отъ себя Болиголова и деньги, и вексельную бумагу.

Штралецкїй съ грустно-покорнымъ видомъ не торопиво сталъ припрятывать и то и другое въ свой старенькїй сафьянный и очень вмѣстительный бумажникъ, доставшїйся ему по наслѣдству отъ отца, если даже и не отъ дѣда еще.

Въ это время вошелъ деньчикъ и подаль Болиголовѣ письмо, пояснивъ, что принесъ-де факторъ изъ гостиницы.

Болиголова какъ-бы инстинктивно догадываясь, что содержанїе письма не должно быть ему особенно прїятнымъ, досадливо сорвалъ конвертъ и принялся разбирать безграмотное писанїе.

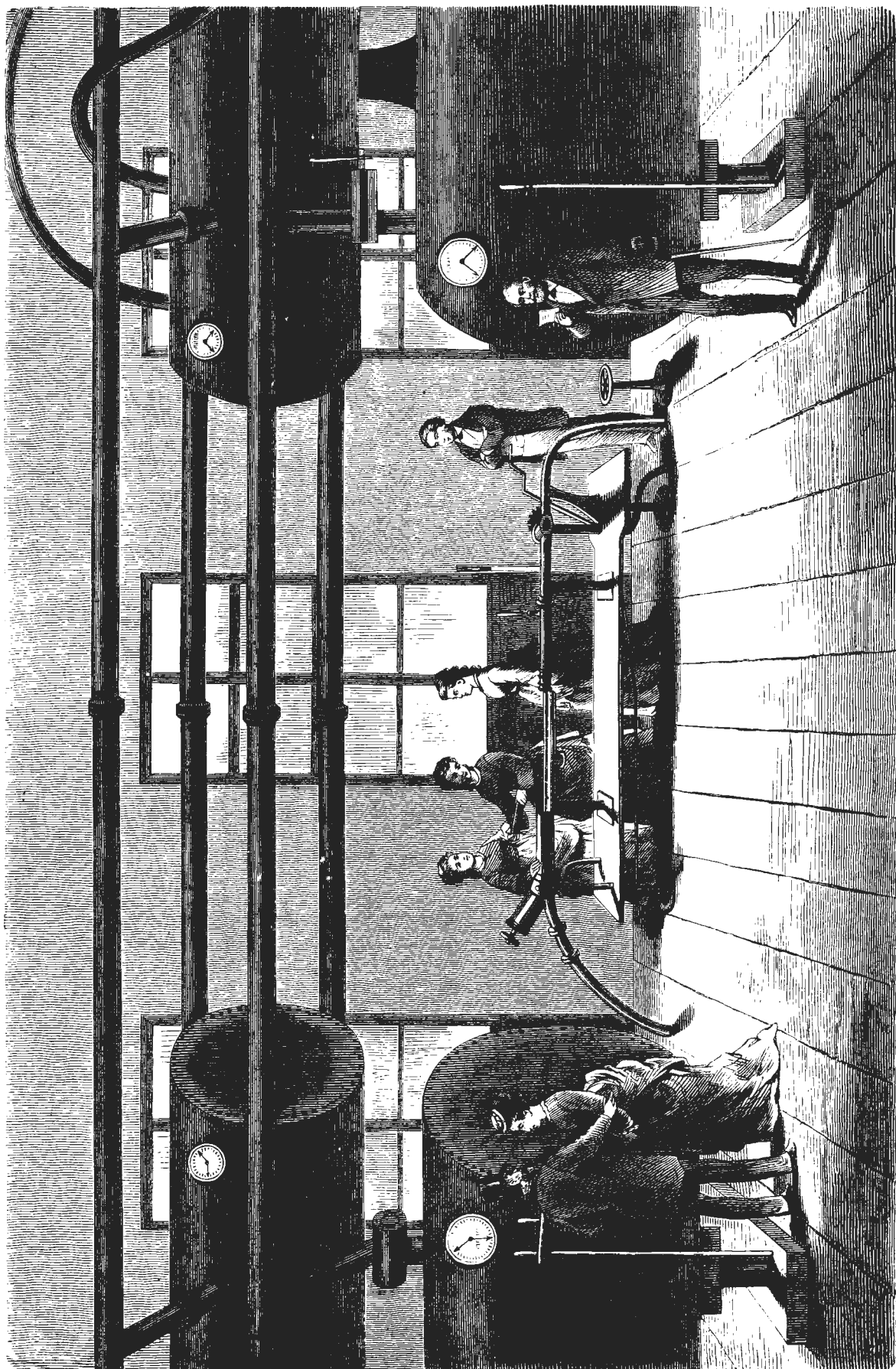
„Милостивой Государь!

„Потому что я есть намѣренный ѣхать сегодня да-лѣй, то и остаюся у надежде, что вы не задержите меня съ присылкой достальнаго вашего долгу четырехъ стовъ рубли. Съ отличнѣмъ уваженемъ имѣю честь быть капитанъ Ивановскїй“.

Судорожнымъ движенїемъ скомкавъ въ рукѣ письмо, Болиголова досадливо швырнулъ его въ уголъ и молча сталъ ходить по комнатѣ.

Ицко Янкелевичъ, скромно сложивъ на желудкѣ пальцы, какъ стѣрожкїй звѣрѣкъ, внимательно слѣдилъ своими пытливыми глазками за каждымъ движенїемъ поручика, который долго еще, словно маятникъ,

Воздушная почта. Рисов. Цанберъ, гравир. Кольбъ.

Въ зимнемъ саду. Картина Тони Февръ, гравир. Дюмонъ.

болтался изъ угла въ уголь по комнатѣ, тщетно соображая какъ ему быть и все-таки ни до чего не додумался.

Такимъ образомъ проходить минутъ десять, съ одной стороны во внутренней борьбѣ, съ другой во внимательномъ наблюденіи этого состоянія: одинъ все ходитъ, другой слѣдитъ глазами, но оба не подають о себѣ другъ другу ни малѣйшаго знака, ни звука, ни взгляда, словно бы тутъ вовсе и нѣтъ другого человека, а ходитъ одинъ Болиголова или сидитъ одинъ Ицко. Но наконецъ, послѣдній медленно подымается съ мѣста и съ глубокимъ, соболѣзующимъ вздохомъ произноситъ:

— До свиданья вамъ, госспидинъ сперучникъ.

— Постой ты, чертъ! Куда ты? словно бы очнувшись, остановилъ его Болиголова.

— Н-но? вопросительно подымаетъ къ его лицу свои взоры Штралецкій.

— Погоди... Останься, пожалуйста.

— Алежь жъвините, не маю часу.

— Да ну тебя! Не ломайся!... Давай, чтоли вексель!

— Н-но... А и сшто съ того будетъ? разставилъ Ицко свои растопыренныя ладони.

— Какъ „что будетъ!“ Ты мнѣ дашь деньги, я тебѣ подпишу вексель—и только.

— Алежь таки жидовски пурценты, хай имъ чо-ортъ! И минѣ-жъ такъ жалко зъ васъ... И за сшто ви тому свблачу будете платить такъ замного?.. Пфуй!..

— Да ну тебя, въ самомъ дѣлѣ! Не мучь, пожалуйста, давай скорѣе!

— Н-ну, какъ ви еже такъ хотите, то хай, будетъ такъ! Хай будетъ по вѣшому!

И Штралецкій съ покорнымъ видомъ снова выложилъ на столъ вексель и деньги.

Черезъ пять минутъ сдѣлка была окончена. Болиголова принялся пересчитывать пачку.

— Ицко! съ неприятнымъ недоумѣніемъ воскликнулъ онъ, дойдя до послѣдней бумажки: — да вѣдь тутъ не пятьсотъ, а только четыреста-пятьдесятъ?!

— То такъ есть, утвердительно согласился Штралецкій.

— А гдѣ-жъ остальные?

— А тожь, жъвините, тожь пойдуть за пурценты... То вже такій порадокъ, жебы пурценты навсегда за мѣсяць упяредь.

— Да вѣдь я такимъ образомъ опять останусь безъ копѣйки?!

— А на сшто вамъ кипѣйке? Вижь аймѣете крадуть! гхардсши гасшпида живутъ безъ кипѣйке, и никто съ того не жалуесе, абы былъ крадуть!

Дѣлать нечего,—и огорченному поручику волей-неволей пришлось согласиться съ этимъ убѣдительнымъ аргументомъ.

* * *

Проходить мѣсяць—и какъ разъ день въ день, часъ въ часъ къ Болиголовѣ является Ицка Янкелевичъ Штралецкій.

— Жъвините, я прійшоль напомнать...

— Знаю, знаю! И самъ не хуже тебя помню, да дѣлать-то, братъ, нечего: денегъ нѣтъ, не получилъ еще.

— Пфс... Когда ви хотите знать, то я и самъ въ сабѣ такъ мыслялъ, сшто нѣтъ... Н-ну, а сшто-жъ теперь будетъ?

— Не знаю. Что захочешъ, то и будетъ.

— То надо вѣксоль до протѣсту...

— Протѣстуй, пожалтй.

— Алежь съ того будетъ шкандалъ?!

— Какъ знаешъ.

— Н-ну, я не хочу кабы вамъ билъ шкандалъ, бо я васъ такъ люблю и вважаю... И на послю того зачѣмъ намъ будетъ шкандалъ? Ну, скажите пивжалуста!

— Однако, какъ же ты думаешь сдѣлать?

— Н-ну, и сшто я буду думать?!—Я-жъ завсѣмъ маленькій шаловѣкъ, сшто я могу сабя думать?.. То еже ви за мене додумайтю.

— И радъ бы, Ицко милѣйшій, да придумать ничего не могу. Думай ужъ ты за меня, я тебя уполномочиваю.

— Я?!.. Пфс... Н-ну, якъ такъ, то за позволеньемъ панскимъ, якъ такъ позволи, то ябъ сабѣ думалъ, сшто налучше всего зновъ переписать вѣксоль.

— Ицко! воскликнулъ повеселѣвшій Болиголова:— майнъ аллерлибстеръ Ицко! У тебя, чертъ возьми, геніальная голова! Умри, Ицко,—лучше этого ничего не сочинишь ты!

„Гасшпидинъ“ Штралецкій тотчасъ же вытащилъ изъ боковаго кармана дѣдовскій бумажникъ, аккуратно порылся въ немъ и досталъ вексель Болиголова вмѣстѣ съ новою вексельною бумагой.

— Пышитъ, ваше благородю, „одъ сего щисла повиненъ есть на шумма пятъсотъ-пятдесентъ-пять рубли на одного мѣсенць“.

Болиголова, просто въ ужасѣ нѣкоемъ, положилъ перо.

— Ицко! прервалъ онъ Еврея:—Ицко! Умилосердись! Вѣдь десять процентовъ, я понимаю, можно еще, пожалуйста, дать на одинъ мѣсяць; но на два—это, согласись самъ, будетъ уже слишкомъ „замного“. Это не возможно!..

— Пышитъ, ваше благородю, настойчиво но деликатно повторяетъ Ицко:—пышитъ „одъ сего щисла повиненъ есть на шумма пятъсотъ-пятьдесентъ-пять рубли“.

— Ицко! Проклятый! Вѣдь это ужъ проценты на проценты! Вѣдь ты безъ ножа рѣжешъ!

— Жъвините, якъ то можна безъ ножа зарѣзатъ?! Сшто это ви такого говоритю! оправдываясь, съ чувствомъ собственнаго достоинства отмахивается Ицко:— И еще въ додѣтекъ, кабы то билъ я; а вижь знаете сшами, сшто то не я, то мой жзнакъмій, одного шаловѣкъ, — то все онъ, а не я... И сшто я зъ нимъ буду издѣлать, якъ онъ такій свблачъ, такій жидъ! Онъ же мене тягнетъ за горло, ну а я еже по своѣмъ неволю зъ васъ тягну.

— Да вѣдь вексель на твое имя!

— Ну, а у того свблача есть другій вѣксоль, и тотъ вѣксоль еже есть написанный на мого имени, и онъ, гавору вамъ, зъ мене тянетъ! Яжъ шамъ плачу ему десѣтъ пурценты.

Въ концѣ концовъ вексель переписывается еще на мѣсяць, совершенно сообразно желанію Ицки.

Проходить новый мѣсяць—и отъ слова до слова повторяется таже самая исторія: вексель переписывается снова, но уже не на 555, а на 606 р. 50 к. Болиголова видитъ наконецъ, что такимъ образомъ незамѣтно зарвешься гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ какой-бы то ни было капитанскій штоссъ, а потому твердо рѣшается прервать дальнѣйшее и при томъ столь систематическое обирание свсего кармана. Но какъ въ этомъ случаѣ поступить злосчастному поручику?

* * *

Приходитъ слѣдующій срокъ, приходитъ и Ицка, съ предложеніемъ обмѣнять старый вексель на новый въ 665 р. 50 к. Но поручику рѣшительно объявляетъ дѣлай что хочешъ, поступай какъ знаешъ, а переписывать болѣе ни за что не стану!

— Ну, додумайте-жъ, якимъ-бы способомъ мнѣ развязаться зъ тымъ свблачомъ! Развяжите мене бо онъ зъ мене тягнетъ!

— Да что, братъ, какъ ни думаю, а выходитъ все на одно! вздыхаетъ Болиголова, наигрывая пальцемъ объ палець:—Изъ имѣнія ранѣе четырехъ мѣсяцевъ и думать нечего ни о какой получкѣ... А вотъ, развѣ что...

Если-бы въ Петербургъ поѣхать, — такъ бы, пожалуй, что сейчасъ же у родныхъ досталъ себѣ денегъ и расплатился бы...

— Ну, то пышитъ имъ, нехай присылаютъ! съ живостью подхватилъ Ицка.

— Писаль! съ безнадежнымъ вздохомъ махнулъ рукою поручикъ:—да не помогаетъ... Безъ личнаго свиданія ничего не подѣлаешь. Пишутъ въ отвѣтъ: пріѣзжай-де самъ, потолкуемъ, посмотримъ и устроимъ какъ нибудь все дѣло. Вотъ и письмо,—читай хоть самъ, пожалуй.

И Болиголова, для пущей убѣдительности, далъ Ицкѣ письмо петербургскаго родственника. Тотъ повертѣлъ его и такъ, и сякъ въ рукахъ, постарался прочесть, кое-что разобралъ и убѣдился.

— Ну, то надо ѣхать до Петербургу, присовѣтовалъ онъ.

— Нѣтъ—Вишь—ты, какой прыткой! Сейчасъ и до Петербургу! А на какіе шиши я поѣду?

— Якъ то на шисши? въ недоумѣніи заморгалъ Ицка.

— Да такъ, что на дорогу нужны же деньги, а у меня ни гроша.

Ицка раздумался

— И то вже будетъ завѣрно, сшто ви у Петербургу сдобудете деньгувъ? поборая въ себѣ послѣднія колебанія, осторожно спросилъ онъ послѣ минуты раздумья.

— Навѣрное добылъ бы, удостовѣрилъ поручикъ:—Вотъ тебѣ и письмо въ доказательство.

— Н-ну, то настягайте ваша шпабюка, ходите до гасшидинъ пулковникъ и берить отпускъ! самымъ положительнѣйшимъ образомъ порѣшилъ вдругъ Ицка.

— Да говорятъ же тебѣ толкомъ, что нѣтъ у меня денегъ на дорогу.

— То вже не ваша забота. Берить отпускъ.

— Да вѣдь надо же мнѣ, наконецъ, и жить чѣмъ въ Петербургѣ, хоть на первые-то дни, ну самъ подумай!..

— То вже, кажу, не ваша забота. Берить отпускъ, настоятельно и увѣренно подтверждаетъ Ицка, очевидно, весьма довольный въ душѣ тою новою комбинаціей, которая пришла ему въ голову.

Болиголова послѣдовалъ благому совѣту, подстегнулъ саблю, отправился къ полковому командиру,—и чрезъ два часа адъютантъ привезъ къ нему уже подписанный и припечатанный билетъ въ 28-ми дневный отпускъ.

Ицка Янкелевичъ, необыкновенно довольный собою и своею изобрѣтательностью, собственноручно помогалъ деньщику возиться надъ чемоданомъ Болиголовы, и укладывать необходимыя вещи.

— Ицко! пожимая плечами, время отъ времени вопрошаетъ его поручикъ: — да разъясни же ты мнѣ наконецъ, какъ же это будетъ? Взаимы, чтоли, достанешь ты намъ на дорогу, или какъ?

— Этъ!... Сшто такого!... То вже не ваша забота! жвините! вы только ѣхайте! каждый разъ отвѣчаетъ Ицка такимъ тономъ, какъ бы желая сказать: „не приставай, молъ! знаю что дѣлаю! Ужъ будешь доволенъ!“

И вотъ, онъ выказываетъ необычайную дѣятельность: считаетъ сколько платковъ носовыхъ уложено въ чемоданъ, все это записываетъ себѣ на особую бумажку— „для памяти“,—упаковываетъ сюртукъ, мундиръ, эплеты, этишкеты и прочія офицерскія вещи, заботливо освѣдомляется „чи не забыто еще чего?“ приводитъ двухъ извожиковъ, на одного сажаетъ поручика, на другаго валитъ чемоданъ, на чемоданъ же взбирается самъ, съ какимъ то своимъ собственнымъ узелкомъ подъ-мышкою, и торжественно препровождаетъ все это на желѣзную дорогу.

— Билетъ одъ первій клясъ и билетъ одъ багажъ, любезно преподнесъ онъ Болиголовѣ два билета, предварительно потыскавшись, понюхавъ и похлопотавъ у

обѣихъ кассъ—пассажирскоіи и багажноіи:—Вже будьте спшакоіиіи, вже все готово и я зъ вами.

— Какъ! И ты тоже ѣдешь?! непритворно изумился поручикъ.

— А такъ! До Петербурга! Вже и билетъ досталъ сабѣ! Въ кампанія зъ вами!

— И тоже въ первомъ классѣ? подтрунилъ тотъ.

— Ну-у!.. Пфай!.. Сшто ви говоритю! Я дже спшигался! выпучивъ глаза и словно бы дѣйствительно въ испугѣ, сталъ отмахиваться Ицка:—У первій клясъ!.. От-то!.. Чи я сдурилъ, чи сшто!.. Для сабя у первій!.. Я сабѣ взялъ у третій, а кабъ еще билъ читвортый, то я бы взялъ у читвортый!.. Жаль, очинъ жаль, сшто нѣтъ читвортый клясъ! съ легкимъ вздохомъ сожалѣнія покачалъ онъ головою:—Но такій глупій порадокъ на тымъ залѣзномъ колею!.. Очень доволна глупіи!

Затѣмъ, таинственно поманивъ къ себѣ поручика и отведя его нѣсколько въ сторону, Штралецкій, какъ-бы подъ величайшимъ секретомъ и съ опаской, чтобы кто не подслушалъ, заговорилъ ему шепотомъ:

— Жвините, якъ вамъ сшто схочется, чи то покушитъ, чи то выпить сшто, то вы все сабѣ спрашуйте, сшто ви схочете; а на потомъ ви толки моргнуть до меня, то я вже буду издѣсь, при вашемъ особу, и я вже самъ буду заплатитъ у буфѣтъ!.. Пизжалуста!

— Стало быть, я ѣду на полномъ твоёмъ иждивеніи? со смѣхомъ спросилъ поручикъ.

— Такъ. За мой щотъ, якъ бы то мой багажъ, подтвердилъ Ицка:—бо я знаю, ви такій благхородній щаловѣкъ, ви мене не схочете абидѣтъ, и ви менѣ будете отдавать увше, и никакой споръ, п никакой моровая шудія у насъ не будетъ. Такъ?

— Быть по твоему! соглашается Болиголова и, ничто же сумняся, оба отправились въ путешествіе—одинъ въ первомъ, другой въ третьемъ классѣ.

* * *

Пріѣхали въ Вильну, гдѣ вечерній пассажирскій поѣздъ стоитъ болѣе часу. Путешествующая публика разсаживается за сервированными столами, при чемъ немедленно же поднимается п обыкновенная стукотня ножей и вилокъ и бѣготня нумерованныхъ франныхъ лакеевъ съ блюдами и тарелками. Здѣсь Болиголова, на бѣду Ицкѣ, встрѣтился со старыми знакомыми, гусарскими офицерами, которые стоятъ частью въ городѣ, частью въ ближайшихъ окрестностяхъ, и вѣчно ко времени прихода поѣздовъ, наѣзжаютъ въ вокзалъ, ради собственнаго развлечения. Сѣли за ужинъ, потомъ шампанское, а Ицка изъ отдаленнаго угла, съ затаенною тоскою въ сердцѣ своемъ, наблюдаетъ и загадываетъ себѣ—потребуетъ ли шампанскаго панъ сперучникъ или не потребуетъ? и когда потребуетъ, то много ли потребуетъ? и сколько ему, Ицкѣ, за то заплатитъ придется?..

Потребовалъ!

— Огхъ!.. Айнь бутелькесъ! со вздохомъ мутящаго сокрушенія считаетъ про-себя Штралецкій.—Уй! нохъ, айнь бутелькесъ! цвай буделькесъ! хлопнувъ руками объ полы, и качая головой, шепчетъ онъ минутъ черезъ десять.

— Эй, Ицка! заплати тамъ по счету! кивнулъ ему поручикъ, окончивъ ужинъ —и господинъ Штралецкій, несказанно обрадовался тѣмъ, что всѣ его страхи и опасенія ограничились только двумя бутылками, предупредительно спѣшить исполнить волю своего „багажа“.

— Жвините! Сшлюхайте! поспѣшая за нимъ послѣ перваго звонка, убѣдительно шепчетъ ояъ на ухо съ умоляющимъ видомъ:—не кушійте вже большъ шимпаньскаго! бо оно для головы спшамое наскудство! И мнѣ жъ такъ дожалю, какъ ви будете нездаровій!.. Кушійте лепшъ водка, чи то киньякъ съ цукернемъ,—сшами благхородно напите!

И всю дорогу, на каждой станціи, гдѣ только есть буфетъ, Ицко непременно выскакиваетъ изъ своего вагона и начинаетъ расхаживать по платформѣ мимо купца, занятого его живымъ „багажемъ“? Иногда багажъ выходилъ, и тогда Ицко уже зналъ свою роль и вытаскивалъ бумажникъ, иногда же не выходилъ—и гаспидинъ Штралецкій, съ облегченнымъ и временно успокоеннымъ сердцемъ, возвращался въ свой вагонъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго томленія передъ слѣдующимъ буфетомъ.

И такимъ-то образомъ приѣхали они наконецъ въ Петербургъ. Предупредительный и расторопный Ицко тотчасъ же самъ и карету нанялъ, самъ и багажъ получилъ, и отъ всѣхъ мелочныхъ хлопотъ избавилъ своего клиента, и только когда все уже было у него готово и все исправлено, спросилъ его приподнимаемая шапка:

— А до какого гостиницу прикажете?

— Въ Бель-вю пошелъ, на Невскій.

— Въ бель-вю сплюхай! не безъ гордаго сознанія собственнаго достоинства повелительно крикнулъ онъ извощику, взгромоздясь съ чемоданами къ нему на козла. Ицко былъ теперь гордъ и веселъ сознаніемъ, что и онъ „тоже въ шталицу“ и притомъ „ѣхаетъ въ каретахъ“ и стало быть можетъ впоследствии у себя до-

ма рассказывать, „вспакимъ сволочамъ“ какъ это онъ „билъ на шталицу“ и какъ въ каретахъ ѣхалъ.

* * *

Былъ у Болиголовы въ Петербургѣ довольно близкій родственникъ и въ тоже время добрый другъ, который занимался изданіемъ одного весьма скромно распространеннаго журнала. На этомъ-то родственникѣ главнѣйшимъ образомъ и зиждились всѣ надежды, планы и расчеты поручика; къ нему то онъ поѣхалъ тотчасъ же, едва успѣлъ переодѣться съ дороги. Послѣ первыхъ родственныхъ привѣтствій и объятій, причины приѣзда въ Петербургъ были объяснены немедленно, тѣмъ болѣе что родственникъ редакторъ былъ уже заранее ознакомленъ съ этими причинами изъ писемъ поручика.

— Мм... Вотъ видишь ли, заговорилъ онъ нѣсколько морщась и пружась:—въ данную минуту дѣла мои нѣсколько плоховаты: журналъ идетъ мм. тово... то есть такъ себѣ, ни шатко, ни валко, а коли говорить откровенно, то болѣе пожалуй что и валко... Подписка слаба, сотрудники, бумага, типографія, то да се... Однимъ словомъ не въ авантажъ обрѣгаемъся.

Всеволодъ Крестовскій.

(Продолженіе будетъ).

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Н. Н—ой.

Встрѣтилъ тебя—и на мигъ предо мной
Юность мелькнула, пахнуло весной.
Боже—какъ жизнь насъ съ тобою измяла—
Сколько въ ней горя, какъ радости мало!

Гаснутъ надежды одна за другой.
Нѣтъ ужъ теперь не подняться мнѣ кажется—
Прежнее слово, какъ прежде, не скажется,
Прежняя пѣсня, какъ прежде, не сложится
Что-то надорвано, какъ то неможется...

Грудь точно камнемъ сдавило опять—
Рано ужъ что-то смеркаться—то начало...
Чтобы судьба впереди ни назначила
Скучно опять начинать!

Дни вы безпутные, дни вы тяжелые,
Всѣмъ вы тяжелые, всѣмъ невеселые!
Брань, да покорь да вражда,
Все сорвалось точно—бьется и тинется...
Что-то погибнетъ да что-то останется?...
Н.

Воздушная почта.

Окружающій насъ воздухъ, благодаря своей упругости, можетъ сильно сжиматься и расширяться. Это свойство его получило много общепользуемыхъ примѣненій. такъ напр., Монсеніскій тоннель былъ построенъ съ помощью машинъ, дѣйствовавшихъ посредствомъ сжатого воздуха. Кроме того, въ Лондонѣ, Нью-Йоркѣ, Парижѣ, а въ послѣднее время даже въ Вѣнѣ посредствомъ сжатого воздуха производится передача писемъ, газетъ и большаго количества. Первую мысль къ устройству воздушной почты подалъ проектъ такъ называемой желѣзной воздушной дороги шведскаго инженера Эриксона, который хотѣлъ примѣнить къ дѣлу идею Медхорста и др., о перевозкѣ посредствомъ сжатого воздуха людей, посылокъ и грузовъ. Эриксонъ скоро однако замѣтилъ, что воздушная желѣзная дорога невозможна и потому отказавшись отъ этой мысли, предался исключительно устройству своей извѣстной машины, которая, дѣйствуя съ помощью воздуха, разрѣженнаго и сгущеннаго посредствомъ теплоты, должна была, по мысли изобрѣтателя, конкурировать съ паровыми машинами. Калорическая машина подала мысль воспользоваться воздухомъ для перевозки незначительныхъ тяжестей, чему воздушная почта и была обязана своимъ происхожденіемъ. Часть воздуха, сгущенная или разрѣженная въ одномъ мѣстѣ, всегда стремится притти въ равновѣсіе съ остальной атмосферой, вслѣдствіе чего, посредствомъ искусственнаго попеременнаго сгущенія и разрѣженія можно породить двигательную силу, достаточную для перевозки тяжестей. Сжатый воздухъ употребляется въ Нью-Йоркѣ для перевозки по всей длинѣ главной улицы вагоновъ съ пассажирами, въ другихъ же городахъ употребляется исключительно только для доставки писемъ, газетъ и проч. Устройство воздушной почты легко понять—стоитъ только вообразить нѣсколько пунктовъ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи нѣсколькихъ верстъ и соединенныхъ между собою цѣлою системою герметически спаянныхъ желѣзныхъ трубокъ, совершенно гладкихъ внутри и въ которыхъ съ помощью остроумныхъ примѣненій, можно произвести, по желанію, разрѣженіе или сгущеніе воздуха. Въ извѣстныхъ мѣстахъ желѣзныхъ трубъ

устроены герметически закупоренныя отверстія, которыя можно открывать и закрывать помощью особаго аппарата. Если въ подобное отверстие опустить желѣзный цилиндръ, содержащій въ себѣ письма, пакеты и т. д. и прилегающій плотно къ стѣнкамъ трубы, а затѣмъ разрѣдить воздухъ находящійся въ трубѣ впереди цилиндра и спустить воздухъ, находящійся сзади его, то цилиндръ устремится впередъ съ невѣроятной быстротой, такъ какъ сжатый воздухъ, находящійся сзади его, будетъ стремиться расширяться. Въ Нью-Йоркѣ и Лондонѣ сгущеніе и разрѣженіе воздуха производится постоянно, такъ что цилиндры съ посылками могутъ быть отправляемы каждую минуту; въ Парижѣ же и Вѣнѣ цилиндры отправляются только въ извѣстные часы. Воздушные насосы, доставляющіе двигательную силу, дѣйствуютъ въ послѣднемъ случаѣ не прямо на систему трубъ, какъ въ Англии и Америкѣ, а на два большихъ приемника или резервуара, изъ которыхъ въ одномъ заключается сгущенный, а въ другомъ разрѣженный воздухъ. При опусканіи цилиндра въ желѣзную трубку, воздухъ, содержащійся въ послѣдней приводится, посредствомъ одного изъ приемниковъ въ разрѣженное состояніе, затѣмъ станція, для которой назначается посылка, увѣдомляется по телеграфу объ отправкѣ. Быстрота съ которой цилиндръ двигается въ трубѣ простирается до 28 аршинъ въ секунду, но можетъ быть доведена, въ случаѣ надобности, до 84 аршинъ, такъ что цилиндръ можетъ пройти разстояніе въ 75 верстъ, съ нѣсколькими промежуточными станціями въ полтора часа. При управленіи воздушной почтой, надо, во избѣжаніе несчастій, соблюдать много предосторожностей. Такъ какъ сжатый воздухъ, находящійся подъ давленіемъ трехъ атмосферъ, нагревается и осаждаются на него осаждаются влажность на холодныхъ стѣнкахъ желѣзныхъ трубъ, то устраиваются подземные приемники для этой влаги.

На картинкѣ изображенъ видъ вѣнской станціи воздушной почты, устроенной инженерами фонъ-Фельбингеромъ и Кристиномъ на протяженіи около 15 верстъ. Устройство ея обошлось около 222.000 рублей и со дня своего открытія (въ апрѣлѣ ны-

На каткѣ. Картина Бутибона, рисов. на деревѣ Хольцъ, гравир. Езерскій, Собств. Гушпиля и К°. въ Парижѣ.

пѣшняго года) она уже дала вполне удовлетворительные результаты. Два большихъ желѣзныхъ приемника, находящихся на правой сторонѣ картинки, содержатъ въ себѣ сгущенный воздухъ, находящіеся же на лѣвой — разрѣженный. Служба при полученіи и отправкѣ посылокъ исполняется обыкновенно женщинами. На картинкѣ изображено, какъ отправщица кладетъ цилиндръ, наполненный письмами и посылками въ трубу, верхняя половина которой открыта. Вслѣдъ за цилиндромъ вкладывается плотно прилегающій къ стѣнамъ трубы кружокъ и затѣмъ труба закрывается герметически. Съ помощью приемни-

ковъ, изображенныхъ на лѣвой сторонѣ картинны, воздухъ въ трубахъ, по которымъ долженъ идти цилиндръ разрѣжается; затѣмъ трубы приводятся въ соединеніе съ приемниками, содержащими сгущенный воздухъ. Послѣдній неудержимо устремляется въ трубы и гонитъ цилиндръ съ невѣроятной быстротой къ назначенной цѣли. Станція, на которую долженъ идти цилиндръ, уже заранѣе увѣдомлена по телеграфу и тамъ вынимаютъ его съ помощью особаго аппарата. Тѣмъ же путемъ цилиндръ возвращается обратно. Воздушной почтѣ по всей вѣроятности предстоитъ великая будущность.

САМАРКАНДСКІЕ НИЩЕ.

Чѣмъ менѣе развитъ народъ, чѣмъ ниже стоитъ уровень его цивилизаціи,—тѣмъ замѣтнѣе его общественные недуги, между которыми нищенство занимаетъ безспорно первенствующее мѣсто.

Нельзя сказать, чтобы цивилизація истребляла съ корнемъ это зло;—часто мы видимъ поразительную нищету рядомъ съ роскошью и комфортомъ цивилизованной жизни,—какъ на примѣръ подобнаго сопоставленія мы можемъ указать на Англію. Но въ цивилизованныхъ государствахъ, не добившись уничтоженія зла, умѣютъ, по крайней мѣрѣ, скрывать его, тщательно прятать отъ глазъ наблюдателя, некрасивыя на видъ, оскорбляющія глазъ, его проявленія. У народа полудикаго, варварскаго, не заботятся объ этомъ, и зло является наружу во всей своей непривлекательной наготѣ, занимаетъ виднѣйшія мѣста въ общей картинѣ общежитія, часто заслоняя собою болѣе отрадныя явленія.

Трудно отдать преимущество первому ли способу — скрывать, или беззащитности втораго, да это и не составляетъ предмета нашего короткаго очерка, а потому переходимъ прямо къ рисунку нашего извѣстнаго художника, такъ ярко и вѣрно перенесшаго на полотно и бумагу картины почти неизвѣстной жизни—варварскаго востока, центральныхъ пунктовъ Средней Азіи.

Здѣсь нищенство не носить на себѣ вовсе клейма порока—оно даже получаетъ какъ бы въ религиозный характеръ, освящается и обычаемъ, и вѣрованіями невѣжественныхъ массъ, и является среди этихъ массъ первенствующимъ, учащимъ, проповѣдующимъ, пользуясь привилегіями святости, составляющими часто даже предметъ зависти болѣе обезпеченныхъ классовъ.

Многочисленные шайки юродствующихъ, такъ называемыхъ „дивона“ — развѣ это не тѣже отвыкшіе отъ труда, излѣнившіеся бродяги, покрытые пестрымъ рубищемъ, забравшіе въ свои руки право публичной проповѣди, право, которымъ они пользуются исключительно какъ средствомъ добыванія легкаго хлѣба?.. Эти шайки имѣютъ свою организацію, раздѣляются на группы, на ордена, во имя того или другаго святаго, и, если самая ихъ бродячая жизнь и неизбѣжныя съ нею лишенія и болѣзни выхватываютъ жертвы изъ ихъ рядовъ, то на подобныя мѣста легко отыскиваются новые члены тунейдныхъ корпорацій и не даютъ уменьшаться нищенствующимъ легіонамъ, наводняющимъ всѣ людныя мѣста, площади передъ мечетями, базарные пункты, навѣсы городскихъ рынковъ и бойкіе перекрестки проѣздныхъ дорогъ.

Всякій раззорившійся, всякій пострадавшій отъ какаго нибудь частнаго или общественнаго бѣдствія, не думаетъ прежде всего поправиться, собраться съ силами и занять свое прежнее положеніе... Нѣтъ... „Такъ угодно было Аллаху,—такова его святая воля“, рѣшается обезкураженный, слабохарактерный фанатикъ—и

спокойно идетъ нищенствовать, не боясь, что его встрѣтитъ позоръ и униженіе.

Постоянные войны, которые велись за послѣднее время въ Средней Азіи, почти непрерывно смѣняя одна другую, не мало тоже способствовали развитію здѣсь нищенства,—особенно въ Самаркандѣ, въ этомъ ультра-азиатскомъ городѣ, въ этомъ папскомъ Римѣ мусульманскаго міра... и не мудрено, что это явленіе настолько поразило нашего художника, настолько остановило на себѣ его вниманіе, что онъ посвятилъ ему такую значительную часть своего труда, давъ намъ цѣлый рядъ вѣрныхъ, художественныхъ этюдовъ, снимокъ одного изъ которыхъ мы и предлагаемъ читателямъ на страницахъ нашего журнала.

Жаркое полуденное солнце накаливаетъ высокую глиняную стѣну, вдоль которой тянется проѣздная бухарская дорога... У этой стѣны, плотно прижавшись къ ней спинами, неподвижно стоятъ живые существа, покрытые грязью и пылью, обвѣшанные вмѣсто одежды грязными лохмотьями, кишачими паразитами,—лохмотьями, утратившими послѣдніе признаки какаго-нибудь покрова... Съ перваго взгляда и не разберешь, въ чемъ одѣты эти жалкія существа...

Помутившійся взглядъ безжизненно, вяло устремляется на дорогу; сухія, поблекшія губы машинально, безсознательно бормочатъ изрѣченія корана, призывъ къ подаенію...

Вы ѣдете мимо—не успѣваютъ въ вашихъ ушахъ замереть послѣднія ноты этого призыва, какъ вотъ уже раздаются новые, тождественные звуки—и долго, долго преслѣдуютъ васъ эти завыванія, пока вы не минуете бойкаго мѣста и не выѣдете на безлюдный просторъ примыкающей къ городу пустыни. Да и тамъ часто вы не найдете себѣ покоя: какъ изъ-подъ земли, чуть ли не изъ-подъ ногъ вашего коня выползаетъ отрепанное, грязное, заражающее воздухъ существо и гнусливымъ голосомъ начинаетъ пѣть все одну и ту же, безконечную, во вѣки вѣковъ неизмѣнную, монотонную пѣсню...

Это тѣ, которые боятся конкурентовъ по ремеслу, они предпочитаютъ степное безлюдье населеннымъ мѣстамъ, роютъ себѣ близъ дороги крохотныя землянки—и выползаютъ изъ своихъ норъ, едва только заслышатъ топотъ приближающагося коня, или визгливый скръшь тяжело нагруженной арбы.

Будемъ ждать и надѣяться, что рано или поздно благотворная цивилизація проникнетъ и сюда, въ эти варварскія захолустья и уничтожитъ заразительное зло,—если цивилизація эта, дѣйствительно, сумѣетъ его уничтожить. Вѣрнѣе, что она прикроетъ его только красивою занавѣскою, спрячетъ отъ глазъ наблюдателя, какъ сдѣлала она въ нашихъ европейскихъ, развитыхъ, благоустроенныхъ государствахъ.

Н. Карзинъ.

НА ДНѢ РЪКИ.

Беззвучно и знойно дышетъ лѣтній полдень. Едва плещутся рѣчныя волны, ясно отражая въ себѣ голубое небо съ лѣниво ползущими по нему ярко бѣлыми

облаками. Такъ и хочется броситься въ эти тихія, прозрачныя воды и освѣжиться отъ мучительнаго зноя...

Быстро летитъ наша лодка подъ дружнымъ напоромъ

веселье. Высоко вздымаются брызги при каждом ударе и обдают нас прохладой, и сверкают на солнцѣ радужными цвѣтами... Тише! Кинемте весла; берега далеко—давайте купаться съ лодки! Взгляните как чиста вода — вотъ столпъ солнечныхъ лучей пронизалъ ее и освѣтилъ до самаго дна. Вереницы рыбъ сплываютъ по всеѣмъ направлѣніямъ. Водоросли тянутся причудливыми извивами. На днѣ разбросаны ракушки. Тутъ не глубоко, тутъ, если даже не умѣть плавать, такъ и то утонуть невозможно...

Но... но что это такое? Что это — смотрите! Вотъ тамъ! Тамъ... видите... что-то бѣлое... большое... Неужели?! да... да... Боже мой... это... это человѣческое тѣло!! Невольный ужасъ леденитъ насъ. Смѣшанное чувство паническаго страха и мучительной жалости овладѣваетъ нами! А между тѣмъ, помимо воли, глаза прикованы къ ужасному предмету...

Подъѣдемъ ближе... тише! Смотрите — это женщина... молодая женщина! Смерть и вода еще не исказили, не обезобразили прекрасныя формы ея тѣла. Она будто спитъ въ этомъ подводномъ царствѣ, среди растений, среди играющихъ рыбъ, подъ глубоко проникающимъ лучемъ лѣтнаго солнца... Она будто спитъ запрокинувъ красивую голову, разметавъ блѣдныя руки... разсыпались ея густые волосы и тихое теченіе воды оплело ихъ между стебельками растений...

Что же это такое? Кто эта несчастная женщина? Вольно или невольно легла она въ эту волшебную, прозрачную и страшную постель, съ которой никогда

не встаютъ? Но развѣ можно терять время! Быть можетъ она еще жива, быть можетъ еще можно спасти ее! Скорѣе! Скорѣе! Дружными усиліями постараемся достать ее и положить въ лодку... Но она мертва! Спасти ее невозможно!..

Все ей оставилось, все ей простилось;
Если питно на ней было—такъ смылось:
Много страдавшимъ прощается многое!
Все миновалось—что прежде безславило
Жизнь ея горькую; смерть ей оставила—
Только невинное, только прекрасное! *)

О, какъ молода она, какъ была прекрасна! Что привело ее къ ранней погибели, если только она сама пожелала смерти?.. Какъ рѣшить это?.. Быть можетъ...

Какое намъ дѣло до ея таинственной повѣсти, хотя бы въ ней были даже позоръ и преступленіе—смерть разрѣшила ея страданія, разрѣшила и вину ея...

...Сложимъ на грудь, истомленную битвою,
Руки крестомъ ей, какъ будто съ молитвою
Въ вѣчность она отошла...

и поплывемъ съ нашей ужасной находкою туда, къ берегу, гдѣ можетъ быть найдется хоть одинъ человѣкъ, который зналъ ее, любилъ и который горько заплачетъ надъ ея безвременной могилой!..

W—d.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Дѣло Овсянникова о поджогѣ.

Условія еженедѣльнаго журнала не позволяли намъ слѣдить, подобно ежедневной газетѣ, за интересующимъ всеѣхъ дѣломъ Овсянникова о поджогѣ мельницы. Теперь же, желая ознакомить съ нимъ нашихъ читателей, мы представляемъ объ немъ возможно полный отчетъ. Приговоръ же по этому дѣлу подробно изложимъ въ № 51 «Нивы».

Въ числѣ судебныхъ процессовъ, занимавшихъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ вниманіе большинства, бесспорно первое мѣсто заняло дѣло коммерціи совѣтника, сиб. 1-й гильдіи купца Степана Тарасовича Овсянникова, ржевскаго 2-й гильдіи купца Андрея Петровича Левтѣва и ржевскаго мѣщанина Дмитрія Артемьева Рудометова, обвиняемыхъ въ поджогѣ паровой мукомольной мельницы, принадлежавшей коммерціи совѣтнику Кокореву. По дѣлу этому было вызвано 119 свидѣтелей, а на скамьяхъ защиты можно было видѣть цвѣтъ нашей адвокатуры: Спасовича—въ качествѣ гражданскаго истца отъ страховыхъ обществъ, Потѣхина—въ качествѣ защитника главнаго подсудимаго Овсянникова, Языкова—принявшаго на себя защиту Левтѣва и наконецъ Соколовскій—назначенный судомъ для защиты Рудометова. Обвиненіе поддерживалъ товарищъ прокурора Жуковский, председательствовалъ Лопухинъ.

Сущность этого интереснаго дѣла, привлекающаго въ залы заседанія и въ зданіе суда громадное количество народа въ продолженіи всего времени разбирательства, заключалась въ слѣдующемъ:

2-го февраля 1875 года на углу Измайловскаго проспекта и Обводнаго канала сгорѣла обширная паровая мельница коммерціи совѣтника Василія Александровича Кокорева, арендуемая поставщикомъ военнаго министерства коммерціи совѣтникомъ Степаномъ Тарасовичемъ Овсянниковымъ и застрахованная въ страховыхъ обществахъ «Якорь» и варшавскомъ въ суммѣ 700 тысячъ руб. сер. Пожаръ начался около 5 часовъ по полуночи и быстро распространился по всему зданію, которое сгорѣло за исключеніемъ наружныхъ стѣнъ, кочегарни и небольшого отдѣленія. Въмѣстѣ съ тѣмъ сгорѣли, по показанію его, Овсянникова, и его управляющаго, ржевскаго купца А. П. Левтѣва, 13,955 кулей муки, принадлежавшихъ военному вѣдомству и сложенныхъ въ магазинномъ отдѣленіи мельницы. Первоначально мѣстной полиціею не было усмотрѣно признаковъ поджога мельницы и въ составленномъ протоколѣ высказано предположеніе, что пожаръ могъ произойти отъ неосторожности рабочихъ. При повѣрѣтѣ полицейскаго дознанія, по распоряженію прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда выяснился однако рядъ обстоятельствъ, указывающихъ на умышленный поджогъ. Такимъ образомъ было обнаружено, что пожаръ начался въ помѣщеніяхъ мельницы, запертыхъ и удаленныхъ отъ жилыхъ квартиръ; что за два дня до пожара мельницы были прекращены ра-

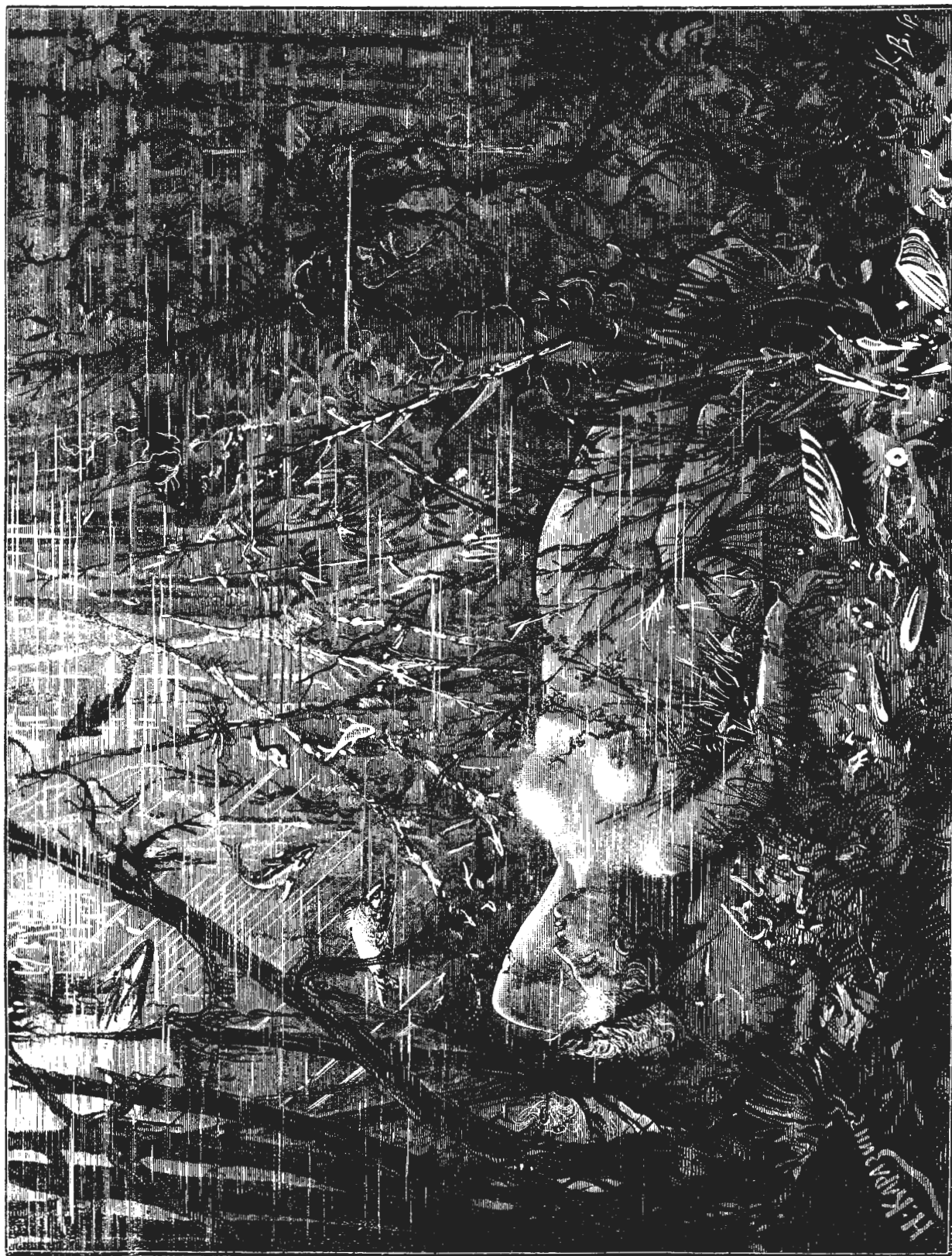
боты, при чемъ машины и топка котловъ остановлены, а также прекращено снабженіе зданія газомъ; что наканунѣ пожара была выпущена вода изъ трубъ и бака, устроенныхъ какъ для отопленія мельницы наромъ, такъ и на случай пожара; что прекращеніе работъ послѣдовало безъ видимой причины двумя мѣсяцами раньше предполагавашагося срока; что одновременно съ этимъ распущены почти все работники; что послѣдніе поденщики, нанятые для очистки зданія, ушли за 12 часовъ до начала пожара и послѣ нихъ мельница была со всеѣхъ сторонъ заперта; что пожаръ произошелъ за два дня до срока страхованія и наканунѣ общаго Овсянниковымъ уплаты преміи; наконецъ, что какъ положительно выяснено многими свидѣтелями, пожаръ начался одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, весьма удаленныхъ одно отъ другаго. Въмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что выпускъ воды и распущеніе рабочихъ, способствовавшіе успѣху поджога, послѣдовали по приказанію управляющаго Овсянникова, купца Левтѣва, и что количество сгорѣвшаго на мельницѣ хлѣба, заявленное Овсянниковымъ и Левтѣвымъ, было значительно преувеличено. Независимо отъ сего было обнаружено, что пожаръ мельницы приносилъ значительныя выгоды арендатору ея, коммерціи совѣтнику Овсянникову. Въслѣдствіе сего прокуроромъ было предложено судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ Клириму произвести предварительное слѣдствіе о поджогѣ вышеозначенной мельницы. Данія, обнаруженныя предварительнымъ слѣдствіемъ, заключаются въ слѣдующемъ: сгорѣвшая мельница, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, была построена коммерціи совѣтникомъ Я. Я. Фейгинымъ, согласно контракту, заключенному имъ съ военнымъ министерствомъ 30-го іюня 1867 года. По силѣ этого контракта Фейгину была предоставлена на 9 лѣтній срокъ поставка провіанта и фуража для войскъ с.-Петербургскаго военнаго округа и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, продовольственнымъ изъ петербургскихъ магазиновъ, съ тѣмъ чтобы хлѣбъ доставлялся въ зернѣ и перемалывался подъ надзоромъ интенданства на особой мельницѣ, которую Фейгинъ обязывался выстроить на свой счетъ. Такимъ образомъ предполагалось улучшить довольствіе войска и устранить злоупотребленія, постоянно повторявшіяся при прежней системѣ краткосрочныхъ подрядовъ и поставокъ провіанта мукою помола низовыхъ губерній. По истеченіи контрактнаго срока казна была въ правѣ приобрести мельницу въ собственность покупкою. Для постройки была уступлена Фейгину, за незначительную плату, казенная земля. Постройка мельницы стоила Фейгину болѣе 900 тыс. рублей и была окончена въ 1871 году. Въ техническомъ отношеніи, по удостовѣренію экспертовъ, мельница эта была впол-

*) «Мостъ вздоховъ» Томаса Гуда.

Самаркандские ништы. Рис. В. Верещагина, грав. Е. Наньри.

На днѣ рѣки. Оригинальный рисунокъ Н. П. Карзинина, грав. К. Вейерманъ.

нѣ образцовая. Въ пожарномъ отношеніи мельница, по отзыву экспертовъ, была обезпечена устройствомъ по всему зданію отопленія паромъ, трубъ со многими пожарными кранами и рукавами, а также бака на чердакѣ, вмѣщавшаго въ себѣ 6,000 ведеръ воды. Кромѣ того, для большаго обезпеченія отъ огня, вода на мельницу была проведена какъ изъ городского невискаго водопровода, такъ и изъ обводнаго канала, откуда накачивалась въ бакъ посредствомъ особой паровой топки. По заключенію экспертовъ запасъ воды на мельницѣ былъ такъ великъ, что при исправномъ содержаніи трубъ и бака можно было залитъ всякое помѣщеніе мельницы, гдѣ бы ни начался пожаръ. Какъ видно изъ дѣла, Левтѣвъ состоялъ повѣреннымъ Овсянникова по подряднымъ дѣламъ съ 1862 года и пользовался полнымъ довѣріемъ хозяина. Левтѣвъ получалъ содержанія по 6,000 руб.; а въ последнее время по 8,000 р. въ годъ, кромѣ разнородныхъ денегъ; имѣлъ даровой экипажъ, лошадей и квартиру отъ Овсянникова, въ домѣ его на Калашниковскомъ проспектѣ. Кромѣ значительнаго содержанія, какъ видно изъ торговыхъ книгъ Овсянникова, Левтѣвъ былъ связанъ денежными дѣлами Овсянникова, ставя свои бланки на векселяхъ Овсянникова на крупныя суммы, въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Передъ пожаромъ мельницы, Левтѣвымъ, какъ обнаружено слѣдствіемъ, были сдѣланы слѣдующія распоряженія: а) прекращенъ перемолъ на мельницѣ; б) распущены мельничныя рабочіе; в) прекращена топка и г) выпущена вода изъ всѣхъ трубъ и бака мельницы. Значеніе этихъ распоряженій выяснено при слѣдствіи съ достаточною ясностью. Прекращеніе перемола и распущеніе рабочихъ послѣдовало 30-го января, за два дня до пожара. Прекращеніе работъ Овсянниковымъ, Левтѣвымъ и другими служащими объяснялось различно. Первоначально во время дознанія Левтѣвъ заявилъ, что работа была прекращена вслѣдствіе порчи паровыхъ котловъ, трубъ и вообще котеларнаго отдѣленія. Также причина прекращенія работъ была указана въ рапортѣ окружному интенданту чиновнику Квадри, наблюдавшему за помоломъ на мельницѣ со стороны интендантства. Между тѣмъ по осмотру экспертомъ Полемъ котеларнаго отдѣленія, поврежденія, указанныя Левтѣвымъ, оказались немѣющими никакого значенія, и экспертъ призналъ, что машины на мельницѣ были вполне годны для безостановочной работы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла какъ Левтѣвъ, такъ и самъ Овсянниковъ представили нныя объясненія, заявляя, что работы были прекращены вслѣдствіе недостаточнаго количества помолотой муки, вполне обезпечивавшей продовольствѣ войскъ до сентября мѣсяца. Такое объясненіе дано и другими служащими Овсянникова.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ прекращенія работъ было распущеніе большей части мельничныхъ рабочихъ; самая мельница заперта и осталась въ полномъ распоряженіи немногихъ главныхъ служащихъ Овсянникова, которые на ней жили; кромѣ того остановка работъ давала предлогъ къ прекращенію паровой топки и къ выпуску воды изъ бака и трубъ мельницы. По объясненію всѣхъ служащихъ на мельницѣ, Левтѣвъ приказалъ прекратить топку и выпустить воду на томъ основаніи, что топить мельницу за прекращеніемъ работъ дорого, а воду слѣдуетъ выпустить для предупрежденія замерзанія трубъ и бака! По объясненію машиниста Кильшио и швейцара Семенова, Левтѣвъ приказалъ выпустить воду еще до прекращенія работъ на мельницѣ. За день до пожара Левтѣвъ спрашивался выпущена ли вода и получилъ въ отвѣтъ, что это исполнено будетъ на слѣдующій день. Наконецъ наканунѣ пожара главный прикащикъ Морозовъ доложилъ Левтѣву въ швейцарской, при его пріѣздѣ, что вода выпущена. Въ ночь, послѣ того какъ всѣ означенныя распоряженія Левтѣва были исполнены, мельница сгорѣла. Время, когда начался пожаръ, выяснено слѣдствіемъ весьма точно. Изъ дѣла видно, что 1-го февраля до 5 часовъ вечера нѣсколькими рабочими производилась обычная при остановкахъ перемола чистка мельницы. По уходѣ рабочихъ, въ 7 часу прикащики Овсянникова обошли мельницу и заперли всѣ выходы. Затѣмъ вечеромъ и ночью всѣ служащіе спали въ своихъ квартирахъ, кромѣ дворника Клокова, дежурившаго на улицѣ и ночнаго сторожа Рудометова, карауливаго во дворѣ мельницы. Ночью, по объясненію Рудометова, Клокова и Семенова, все было благополучно и никто въ мельницу не входилъ. Въ 5 часовъ пополудни дежурные на каланчѣ Нарвской части замѣтили на дворѣ мельницы первый дымокъ, а затѣмъ, спустя минутъ десять, свѣтъ, послѣ чего на каланчѣ была поднята тревога. Такимъ образомъ мельница загорѣлась несомнѣнно около 5 часовъ пополудни. Затѣмъ цѣлымъ рядомъ свидѣльскихъ показаній удостовѣрено, что огонь показался одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Весьма скоро, въ теченіе не болѣе получаса, пламя обняло все зданіе, чему, по заявленію пожарныхъ, способствовало какъ деревянное внутреннее устройство мельницы, такъ равно и благоприятное для распространенія огня положеніе вѣялочной трубы. Но въ началѣ пожара, какъ положительно удостовѣрено свидѣтелями Гранфельдомъ, Иконниковымъ, Сампсоновымъ и Григорьевымъ, кромѣ означенныхъ трехъ пунктовъ, всѣ остальные части мельницы были темны, и въ нихъ не было замѣтно ни огня, ни дыма. Притомъ, какъ удостовѣрено показаніями означенныхъ свидѣтелей и произведе-

денными осмотрами, подвалы, смежныя съ подвалами магазиннаго отдѣленія, частью вовсе были изъяты отъ дѣйствія огня, частью же загорѣлись послѣ прібытія пожарныхъ.

Во всякомъ случаѣ противоположный конецъ подвала магазиннаго отдѣленія, гдѣ былъ замѣченъ огонь, былъ удаленъ отъ вѣялки болѣе чѣмъ на 12 сажень. Всѣ изложенныя данныя приводятъ къ заключенію, что огонь въ подвалѣ магазиннаго отдѣленія не могъ перейти отъ вѣялочной трубы, и что пожаръ начался одновременно и самостоятельно въ различныхъ, весьма удаленныхъ одинъ отъ другаго пунктахъ зданія. Обстоятельство это устраняетъ само собою предположеніе о случайномъ происхожденіи пожара и доказываетъ, что мельница умышленно была подожжена съ разныхъ концовъ, причемъ были выбраны самыя удобныя для успѣшнаго поджога пункты, и поджогъ осуществленъ въ наиболѣе для сего удобныя моменты, въ глухое темное время, когда на мельницѣ всѣ снаги, дворники ушли и на дворѣ оставался одинъ ночной сторожъ Рудометовъ. Приготовительныя къ поджогу распоряженія, какъ изложено выше, были сдѣланы Левтѣвымъ. Затѣмъ вся обстановка поджога указывала, что зажечь мельницу могъ кто-либо изъ служащихъ, близкій и преданный Левтѣву, знакомый съ устройствомъ мельницы и имѣвшій возможность пройти незамѣтно въ тѣ помѣщенія мельницы, гдѣ начался пожаръ. Такимъ лицомъ былъ сторожъ Рудометовъ. По объясненію Рудометова, онъ первый изъ служащихъ на мельницѣ замѣтилъ огонь. Подъ утро предъ началомъ пожара онъ ходилъ по всему двору и былъ на дворикѣ у деревянной трубы вѣялки. На дворѣ не было никого видно. Пройдя по двору до Измайловскаго проспекта, минутъ черезъ пять, онъ пошелъ обратно и вдругъ увидѣлъ, что горитъ внутри трубы вѣялки. Горѣла нижняя часть трубы, на разстояніи не болѣе сажени. Отъ испуга онъ весь дрожалъ и потерялъ голосъ, однако побужалъ будить прикащиковъ Овсянникова; затѣмъ вернулся на мѣсто пожара но мѣрѣ къ тушенію пожара никакихъ не принялъ, постоялъ около горѣвшей трубы и пошелъ къ себѣ собирать имущество. Въ это время пріѣхали пожарные. Затѣмъ слѣдствіемъ обнаруженъ рядъ обстоятельствъ, разъяснившихъ, что поджогъ мельницы приносилъ значительныя выгоды арендатору ея; коммерціи совѣтнику Овсянникову; что объясненія Овсянникова и Левтѣва о понесенныхъ первыми пожарныхъ убыткахъ несправедливы, и наконецъ что поджогъ былъ нуженъ Овсянникову для устраненія конкуренціи Кокорева по подрядамъ. Какъ собственникъ мельницы, Кокоревъ при наступленіи въ 1876 году срока аренднаго контракта мельницы могъ по своему усмотрѣнію назначить Овсянникову новыя тяжелыя условія или, отказавъ въ арендѣ, тѣмъ самымъ устранить для Овсянникова возможность получить самый подрядъ. По удостовѣренію Кокорева, онъ имѣлъ въ виду въ случаѣ выгодныхъ цѣнъ будущаго подряда, взять его на себя, въ противномъ же случаѣ—отдать мельницу въ аренду съ платою по крайней мѣрѣ въ 100,000 рублей. Отношенія Кокорева къ Овсянникову послѣ тяжбы были таковы, что по заявленію перваго онъ не желалъ имѣть съ Овсянниковымъ общаго дѣла по подряду. Разсчетъ Овсянникова ясно видѣтъ затѣмъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Какъ на самомъ мѣстѣ пожара, такъ и во время производства слѣдствія, Овсянниковъ заявлялъ, что хотя мельница была застрахована имъ, но тѣмъ не менѣе онъ отказывается отъ всякаго притязанія на страховое вознагражденіе и признаетъ, что такое должно получить собственникъ мельницы Кокоревъ. Согласно сему Овсянниковъ, какъ самъ призналъ, прямо съ пожара пріѣхалъ къ Кокореву и вручилъ ему полисы страховыхъ обществъ на мельницу въ 700,000 р. Для разъясненія этого обстоятельства при слѣдствіи были потребованы находящіяся свѣдѣнія изъ страховыхъ обществъ, при чемъ оказалось, что о переходѣ мельницы отъ Фейгина въ собственность Кокорева страхователь Овсянниковъ обществамъ не заявилъ; равнымъ образомъ Овсянниковымъ былъ скрытъ отъ обществъ выпускъ воды изъ трубъ и бака. При такихъ условіяхъ, на основаніи уставовъ страховыхъ обществъ, договоръ страхователя долженъ считаться ничтожнымъ и нарушеннымъ. Овсянниковъ не могъ не знать объ этомъ общемъ правилѣ страховыхъ, какъ въ виду постоянныхъ отношеній своихъ къ страховымъ обществамъ, изъ коихъ въ сѣверномъ обществѣ онъ былъ однимъ изъ учредителей и членомъ совѣта, такъ равно въ виду того, что означенныя правила напечатаны на самомъ полисѣ общества «Якорь», находившемся до самаго пожара у Овсянникова. Такимъ образомъ Кокоревъ лишенъ права на страховое вознагражденіе и полисы, переданныя ему съ такой поспѣшностью Овсянниковымъ, не имѣютъ въ дѣйствительности никакой цѣнности. Вообще, по объясненію Кокорева, Овсянниковъ былъ въ духѣ, шутилъ, обѣщавъ въ будущемъ переговорить съ Кокоревымъ о возобновленіи мельницы и о будущемъ подрядѣ, а ровно ни однимъ словомъ не упомянулъ о своихъ убыткахъ и о сгорѣвшемъ имуществѣ, хотя по указанію Левтѣва уже зналъ, что сгорѣвшая мука на мельницѣ не застрахована. Лишеніе Кокорева страхового за мельницу вознагражденія несомнѣнно входило въ разсчетъ Овсянникова, такъ какъ получивъ страховое вознагражденіе, Кокоревъ могъ возобновить мельницу и конкуренція его по подрядамъ не устранялась. По показанію Овсянникова, отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ распоряженія по мельницѣ долженъ быть управ-

ляющий его Левтѣевъ, который пользовался полнымъ его довѣремъ и отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ давалъ не лично ему, а конторѣ. Притомъ, по объясненію Овсянникова, онъ цѣлый годъ не былъ ни на мельницѣ; ни въ магазинахъ, и не зналъ что тамъ дѣлается. Прекращены работы были съ его, Овсянникова, разрѣшенія, по случаю достаточнаго количества намолотой муки, но выпускъ воды и прекращеніе тонки были личныя распоряженія Левтѣева. Далѣе, по объясненію Овсянникова, онъ по старости лѣтъ вовсе не разсчитывалъ на будущій долгосрочный подрядъ и не взялъ бы таковой на себя. Наконецъ, относительно причины пожара, Овсянниковымъ первоначально было указано, что пожаръ могъ произойти вѣдствие искры, зарывенной рабочими въ вѣялкахъ, или попавшей изъ главной дымовой трубы въ подземные каналы, сообщавшіяся съ зерносушильною и трубою вѣялки. Въ слѣдующихъ объясненіяхъ Овсянниковъ напротивъ указывалъ, что мельница могла быть подожжена Кокоревымъ черезъ прикащика Кузнецова, съ цѣлью получить страховое вознагражденіе, превышавшее дѣйствительную стоимость мельницы. Объясненіе Овсянникова о нежеланіи вступать въ казенные подряды и о возможности

поджога Кокоревымъ, какъ указано выше опровергнуто слѣдствіемъ; равнымъ образомъ и прочія объясненія Овсянникова относительно происхожденія пожара, какъ въ виду несомнѣнныхъ доказательствъ того, что мельница была зажжена одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ и по соображенію заключенія экспертовъ, признавшихъ воспламененіе отъ дымовой трубы, по условіямъ тяги, невозможнымъ, должны считаться опровергнутыми. Наконецъ объясненіе Овсянникова о томъ, что онъ не входилъ въ распоряженія Левтѣева мельницею, опровергнуты Левтѣевымъ; всѣ распоряженія были лишь исполненіемъ личныхъ приказовъ Овсянникова, къ коему онъ по заведенному порядку являлся каждый день два раза: утромъ— для полученія приказаній на текущій день; а вечеромъ— для сдачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Левтѣевъ добавилъ, что въ частности прекращеніе работъ послѣдовало именно по приказу Овсянникова, а вода была выпущена по свѣту машиниста Кильніо. Третій обвиняемый, Рудометовъ, никакихъ объясненій въ свое оправданіе не представилъ, вполнѣ подтвердивъ относительно обстоятельствъ пожара вышеизложенныя первоначальныя свои объясненія.

(Окончаніе будетъ).

С М Ъ С Ъ .

На каткѣ.

Къ зимнимъ удовольствіямъ безспорно принадлежитъ катанье на конькахъ. Приятное въ связи съ полезнымъ всегда благотворно дѣйствуетъ на организмъ человѣка. Движеніе на чистомъ воздухѣ укрѣпляетъ тѣло, возбуждаетъ хорошій аппетитъ, а вѣдъ известно, что въ здоровомъ тѣлѣ здоровъ и духъ: *mens sana in corpore sano*, какъ гласитъ классическая поговорка. — Многие однакоже побаиваются коварной ледяной поверхности, потому что не полагаются на ловкость, на крѣпость своихъ ногъ (бенно — дамы) и предпочитаютъ скользить сидя въ креслахъ съ полозьями, на *половину*, такъ сказать, наслаждаются быстрымъ полетомъ по льду. Здоровая молодежь, отличается отвагою и смѣлостью: надѣясь на свои молодыя силы, ловкость, она называетъ робкихъ трусами и трусихами. Чтѣ-жъ, за то и удовольствія они испытываютъ больше! „Боятся волковъ — въ лѣсъ не ходитъ“, говорятъ молодежь, подкрѣпляя эту поговорку другою сентенціею: „Смѣлымъ Богъ владѣть!“ Она танцуетъ на каткѣ, придумываетъ разныя хитрыя фигуры, пишетъ ногами вензеля, перегоняетъ другъ дружкѣ, сталкивается, падаетъ, вскакиваетъ и— глядишь — опять на ногахъ, опять летитъ сломя голову по гладкому синему полю!...

Вотъ, посмотрите: двѣ молодыя дѣвушки, взявшись за руки, устроили для одной „трусихи“ *живую* изящную арку— маленькія триумфальныя ворота, черезъ которыя и пролетаетъ трусиха на великолѣпномъ креслѣ, подталкиваемомъ прекраснымъ джентльменомъ, безъ сомнѣнія — храбрымъ конькобѣйцемъ.

Въ Зимнемъ саду.

Подъ широкими листьями тропическихъ растений зимняго сада — помѣстилась прелестная группа. Молодая красавица-мать говоритъ что-то улыбаясь сидящему у ногъ ея на полу ребенку. Можетъ быть говорится что не надо мучить такъ бѣдную собаку, которая такъ терпѣливо и послушно подчиняется своей крошечной любимой хозяйкѣ, которая увѣряетъ быть можетъ мать, что собака это ничего. Сестра молодой женщины дразнитъ сидящаго въ богатой кляткѣ полугая, который собирается укунить бѣленькій пальчикъ. Въ саду такъ хорошо, уютно! Пусть снѣгъ носится хлопьями въ воздухѣ, пусть морозный вѣтеръ бьетъ потоками снѣгу въ зеркальныя стекла... Человѣкъ сурово зимою перенесъ въ свой домъ весну, цвѣты — и наслаждается ими, когда кругомъ бушуетъ вьюга.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСВІЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
И ПРОЧ. И ПРОЧ. И ПРОЧ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

Въ 16-й день сего декабря любезнѣйшая наша невѣстка, ея императорское высочество великая княгиня Ольга Теодоровна, супруга любезнѣйшаго нашего брата, его императорскаго высочества, великаго князя Михаила Николаевича, разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ намъ племянника, а ихъ императорскимъ высочествамъ сына, нареченнаго Алексіемъ.

Такое императорскаго нашего дома приращеніе пріемля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, въ утѣшеніе намъ ниспосланной, мы вполнѣ удостовѣрены, что всѣ вѣрнопоподанные наши вознесутъ съ нами ко Всевышнему теплыя молитвы о благополучномъ возвратѣ и преуспѣніи новорожденнаго.

Повѣляемъ писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, сего любезнѣйшаго намъ племянника, новорожденнаго великаго князя, его императорскимъ высочествомъ.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 16-й день декабря, въ лѣто отъ Рождества Христова

тысяча восемьсотъ семьдесятъ пятое, царствованія же нашего въ двадцать первое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Александръ».

Военное дѣло.

— Изъ напечатаннаго въ «Турк. Вѣд.» приказа генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, отъ 26 октября, видно, что командированные въ Гиссаръ и Кулябъ, въ теченіе двухмѣсячной поѣздки своей, майоръ Маевъ, подпоручикъ Вишневецкій и астрономъ Шварцъ посѣтили всѣ наиболѣе замѣчательныя города Гиссара, проникли въ мѣстности, донныя еще непосѣщенныя ни однимъ европейскимъ путешественникомъ и дошли до границъ Дарваза и Кундуза, подвергаясь вліянію крайне зловреднаго климата, отозвавшася весьма тяжело на здоровьѣ одного изъ членовъ экспедиціи, подпоручика Вишневецкаго. Несмотря на болѣзнь свою, подпоручикъ Вишневецкій не оставлялъ, однако, начатыхъ имъ работъ и, по возвращеніи генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го изъ похода въ Ходжентъ, представилъ весьма отчетливую, полную и подробную карту Гиссара и Куляба, вналичъ знакомящую съ краемъ, до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ ученому міру. Майоромъ Маевымъ составлено подробное топографическое описаніе пройденной экспедиціей мѣстности, а астрономъ Шварцъ опредѣлялъ 14 пунктовъ въ гиссарскихъ и кулябскихъ владѣніяхъ.

Морское дѣло.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, наши военныя суда, плавающія на заграничныхъ водахъ, находились на слѣдующихъ путяхъ и пунктахъ. Въ тихомъ океанѣ: винтовой 12-ти пушечный корветъ «Аскольдъ» прибылъ въ портъ Нагасаки; винтовой 6-ти пушечный клиперъ «Всадникъ» 21 августа снялся съ Хакодатскаго рейда для слѣдованія въ Анигу, въ портъ Корсаковскій, гдѣ должны начаться работы засѣдающей на клиперѣ комисіи для приведенія въ исполненіе трактата, заключеннаго съ японскимъ правительствомъ по принятію во владѣніе острова Сахалина и сдачѣ Курильскихъ острововъ; винтовой 5-пушечный клиперъ «Гайдамакъ» 1 октября прибылъ во Владивостокъ; винтовой 10-ти пушечный корветъ «Балнъ» 2 августа снялся съ рейда г. Нагасаки для слѣдованія во Владивостокъ. Въ Средиземномъ морѣ: винтовой 18-ти пушечный фрегатъ «Свѣтлана», подъ командою Его Императорскаго Высоч. Вел. Кн. Алексѣя Александровича, 12 октября прибылъ въ Портъ Пирей. Станціонеры, находящіеся въ распоряженіи нашего посольства въ Константинополѣ, пароходъ (колесный) — «Таманъ» — въ Константинополѣ и винтовая шхуна «Пезуапелъ» 25 октября вышла изъ Пирея для плаванія по архипелагу съ заѣздомъ въ Смирну на одинъ мѣсяцъ.

Петербургскія извѣстія.

— На разсмотрѣніе вѣдшей городской ду-

мы поступает записка гласнаго К—ва о продажѣ свободныхъ участковъ городской земли. Перечисляя въ запискѣ всѣ незанятые участки, принадлежащіе городу, г. К—въ приходитъ къ тому заключенію, что при настоящей высокой цѣнности земли продажа ихъ или сдача въ аренду могла бы послужить хорошимъ источникомъ для покрытія дефицита городского бюджета.

— Въ виду того, что большинство нашихъ крестьянъ, вслѣдствіе незначительности количества привозимыхъ ими на продажу въ городъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, эти послѣдніе сбываются ими, благодаря эксплуатаціи торговцевъ, по самой низкой цѣнѣ, въ административныхъ сферахъ, какъ мы слышали, возбужденъ вопросъ о мѣрахъ для содѣйствія организаціи крестьянскихъ артелей для торговли сельско-хозяйственными продуктами.

время своихъ дѣтей въ частныя учебныя заведенія.

Отоскуду.

— Въ «Вѣстн. Желѣз. Дорогъ» напечатано слѣдующее: «По полученнымъ изъ официальныхъ свѣдѣній, сообщеніе въ № 256 «Одесскаго Вѣстника» о столкновеніи поѣздовъ на лозово севастопольской жел. дор., причѣмъ будто бы ранено 200 человекъ, лишено всякаго основанія; никакихъ несчастныхъ случаевъ съ людьми на этой дорогѣ не было». Охотно вѣрятъ, что число лицъ, пострадавшихъ при катастрофѣ между станціями Мерефа и Борки не достигаетъ громадной цифры 200 человекъ, но что при этой катастрофѣ были убиты и ранены — это единогласно подтверждается цѣлымъ рядомъ корреспонденцій.

— По слухамъ, на разсмотрѣніе мини-

привода, а посредствомъ балансовъ съ грузомъ тяжести. «Самодвигатель» Голдырева имѣетъ передній, задній, средний, малый и большой ходы. Сила машина имѣетъ равныя силы паровыхъ машинъ и можетъ замѣнять ихъ на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и фабрикахъ.

Виржевыя извѣстія

22 декабря

Вингрийские билеты 1-го займа дѣлали по 232 р. Со 2-мъ займомъ дѣла почти не было. Продавцы требуютъ за нихъ 225½ р. Покупатели удерживаются на 224¾ р.

Съ фондами цѣны оставались прежнія. За ренту заплачено 104¼ и ½ р. За облигаціи центр. банка (43 л)—109 в.

Изъ акціи банковъ были сдѣланы: варшавскаго по 267 р. центр. банка русск. поземельн. кред. по 119 и 118½ р.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

На базарѣ.

Эй хохоль, что хочешь за индюшку?
— Пятьдесятъ карбованцевъ.
Что ты умою повихнулса, вонъ за поугая просить пятьдесятъ, та птица говоритъ, а твоя что?
— А моя птица думаетъ.

Московскія извѣстія.

— «Пет. Вѣд.» сообщаютъ изъ Москвы, что, съ 20 декабря, ликвидационная коммисія по дѣламъ московскаго ссуднаго банка приступитъ, вѣроятно, къ возвращенію вкладовъ. Не знаемъ, на сколько достоверно сообщаемое извѣстіе, но, по словамъ корреспондента, оно произвело въ Москвѣ радостное впечатлѣніе.

— «Русск. Лист.» слышалъ изъ вполне достовернаго источника, что слѣдствіе по дѣлу московскаго ссуднаго банка ведется такъ успѣшно, что надо предположить, что оно будетъ совершенно окончено не позднѣ января мѣсяца будущаго года.

— По полученнымъ изъ вѣрнаго источника свѣдѣніямъ, старообрядцы, послѣ нѣсколькихъ, какъ извѣстно, неудачныхъ попытокъ получить разрѣшеніе на открытіе собственной школы, начали помѣщать въ настоящее

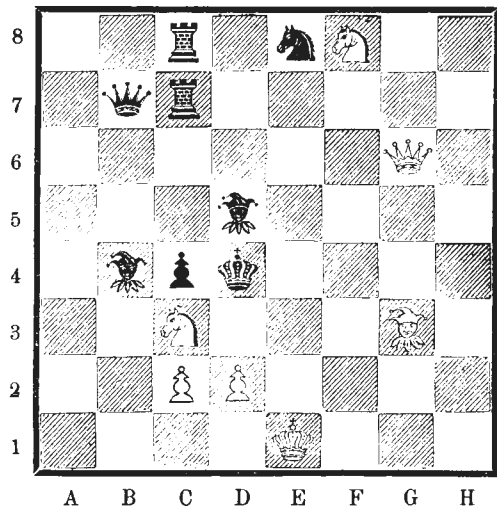
стертва путей сообщенія получили произведенныя изысканія для вновь проектированной линіи ниже-волжской желѣзной дороги, отъ берега р. Волги, противъ города Саратова, до Элтонскаго озера, на протяженіи 120 вѣст.

— Одновременно съ обсужденіемъ вопроса о преобразованіи полиціи внутри Россіи будетъ внесенъ на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ проектъ правилъ объ учрежденіи и способѣ содержанія въ нѣкоторыхъ городахъ пригородной полиціи.

— Изъ Севастополя капитанъ Вешенскій сообщаетъ «Одесскому Вѣстнику» слѣдующее: «Крестьянинъ-механикъ Пермской губерніи, Кунгурскаго уѣзда, Лаврентій Болдыревъ, 19 ноября, представилъ г. министру путей сообщенія проектъ и чертежи вновь изобрѣтенной имъ машины, которая будетъ дѣйствовать безъ огня, паровъ, пружинъ и

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 52. (1876 г.)

Бѣлые.

- 1) h5 — g6
- 2) h7 — f3
- 3) f5 — f3 +

Черные.

- 1) h8 — g8
- 2) g8 — h8

Пользовались также спросомъ акціи главн. общ. по 162, 163½ р.; рыбинскія по 83 р.; восковско брестскія по 61 р.; балтійскія по 86½ р., и одесскія по 40 р.

Стало извѣстно, что недовручка по Одесской желѣзной дорогѣ по 1 ноября этого года простирается на весьма значительную сумму, превосходящую 2 милліона рублей.

СОДЕРЖАНІЕ: Александръ Николаевичъ Островскій (съ портретомъ).— Кто лучше? Изъ очерковъ кавалерійской жизни. (Посвящается другу моему Идѣю Янковичу Штралецкому). **Всеволодъ Крестовскій.**— Стихотвореніе Н.— Воздушная почта (съ рисункомъ).— Самаркандскіе нищіе (съ рисункомъ) **Н. Каразина.**— На дѣрѣвѣ (съ рисункомъ)— Судебная хроника. Дѣло Овсянникова о поджогѣ.— Сибѣ (съ 2-мя рисунками). Юмористическіе очерки (съ рисункомъ).— Шахматы.— Разныя извѣстія.— Приложение объявленій.— **Отдѣльное приложение: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ** за Январь съ 23 рисунками и большой листъ выкроекъ.

Редакторъ **Ф. Бергъ** (Воскресенскіе).

При этомъ № прилагается Календарь на 1876 г. Моды за Январь съ 23 рисунками и большой листъ выкроекъ и прилож. объявленій на стр. 17 и 18, и прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина Ступина въ Москвѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы поступило въ продажу новое сочиненіе извѣстнаго французскаго писателя Ж. Верна.

„ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВЪ“

Въ переводѣ Марна-Волчка, въ 3-хъ томахъ, съ 150 гравюрами, рисованными въ Парижѣ. Цѣна 6 р. С.П.Б. 1873. Изящное изданіе, могущее служить роскошнымъ подаркомъ въ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ семействахъ. Переплетенные экземпляры во всѣхъ магазинахъ можно получить съ прилатою 1 р. или 1 р. 20.

По сходству основной мысли новое сочиненіе Ж. Верна можетъ быть сравнено съ Робинзономъ Крузе, но съ тѣмъ отличительнымъ преимуществомъ, что здѣсь могучія силы природы покоряются непреодолимой силѣ человѣческаго ума и новейшихъ открытій науки. Передъ читателемъ проходятъ всѣ періоды міроваго возрожденія: отъ

появленія перваго человѣка на землѣ до разрушенія міра. Каждый томъ этого сочиненія имѣетъ особое заглавіе:

- I томъ. «Крушеніе въ воздухѣ». Аэронавты заброшены на необитаемый островъ.
- II «Понинутый». Одиачный до скотоподобія человѣкъ и ошеломленная обезьяна.
- III «Тайна». Кончина маленькаго міра и разоблаченная тайна знаменитаго капитана Немо, проплывшаго 80 тысячъ верстъ подъ водой на кораблѣ Nautilus.

Редакція журнала «Природа и люди» по обстоятельствамъ, отъ нея совершенно независящимъ, вынуждена отказаться отъ своего изданія, не смотря на заготовленный уже литературный и художественный матеріаль, на значительныя затраты и успѣшную подписку.

Подписчики могутъ получить деньги обратно въ мѣстахъ подписки.

ВЪ МАГАЗИНѢ БУМАГЪ

КОНСТАНТИНА ЧЕРНОХВОСТОВА.

Въ Гостин. дворѣ, по Зеркальн. лин. № 35, въ СПб.

ПОЛУЧЕНЫ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

БОНБОНЬЕРКИ.

Въ самомъ разнообразномъ выборѣ и хлопунки съ сюрпризами и колкими восточными отъ 5 к. с.

Елки отъ 20 к., свѣчи парафиновыя 20 к. пачка, металлъ магній, бенгальскія огни всѣхъ цвѣтовъ, зажигательныя нитки, блестящія украшенія для елокъ.

Цвѣты фарфоровыя въ натуральномъ видѣ.

Фигуры и каррикатуры изъ гипса и бѣтена.

Абожуръ всѣхъ величинъ и фасоновъ.

Писчая и почтовая бумага вакъ французск., такъ и здѣшн. лучш. фабр. а также и всѣ проч. сорта бумаги, канцелярскія, чертежныя и классныя матеріалы, поставна бумага по контрастамъ съ залогомъ принимается съ уступкою.

Вещи для письменнаго стола, бивары, порфели, чернильницы на мраморѣ, бронзѣ и чугунѣ, вѣсныя чернила, отъ 40 к. штука, карандаши копировальныя и для мѣтки для бѣлыя, ручки съ чернилами.

Предметы для учащихся: глобусы, гоговальныя, пиналы, тетради графленныя въ сѣтку отъ 4 коп. сер., раницы, сумки и проч. предметы, вещи изъ напье-маше съ живописью изъ русскаго быта, портмонъ и прочіе предметы.

Альбомы отъ 60 к., большой выборъ вещей для подарковъ изъ никели, бронзы, чугуна и хрустала. Вѣнская гнутая мебель братьевъ Тонетъ, всѣ сорта обыкновенной и дѣтской.

3—3

Изданія Г. ГЕССЕЛЯ въ Лейпцигѣ:

РУЧНОЙ СЛОВАРЬ Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій. HANDWÖRTERBUCH der russischen u. deutschen Sprache. Zum Hand- u. Schulgebrauch nach den neuesten und besten Quellen bearbeitet von Fr. Boock, Ad. Frei u. Fr. Messer.

- I. Deutsch-Russisches Wörterbuch . . . . . 2 Rub. 50 коп. въ переплетѣ . . . . . 3 » 25 »
- II. Russisch-Deutsches Wörterbuch . . . . . 4 » — » въ переплетѣ . . . . . 4 » — »

Нѣмецко-Русскій и Русско-Нѣмецкій КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ. Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Taschenwörterbuch von Ad. Frei.

- I. Deutsch-Russ. Taschenwörterb. . . . . — Rub. 90 коп. въ переплетѣ . . . . . 1 » 40 »
- II. Russ.-Deut. Taschenwörterb. . . . . 1 » 10 » въ переплетѣ . . . . . 1 » 60 »

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій. Schulwörterbuch der russischen und deutschen Sprache von Ad. Frei . . . . . 2 Rub. 50 коп. въ переплетѣ . . . . . 3 » 25 »

Эти изданія можно выписывать черезъ книжный магазинъ:

К. Риккера въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту № 16.

Г. Гессель, въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту № 13.

Колесова и Михица, въ С.-Петербургѣ, № 13. въ Гостинномъ Дворѣ.

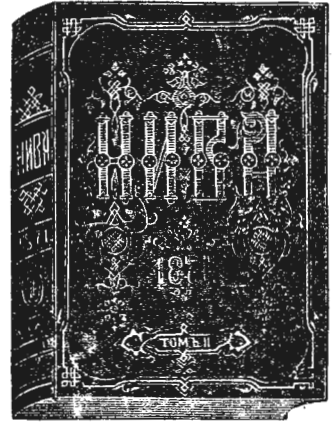
М. О. Вольфа въ С.Петербургѣ въ Гост. Двор.

4—3

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—26

КРЫШКИ

для переплета „Нивы“ 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 г. по образцу показанному рядомъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплести „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку.

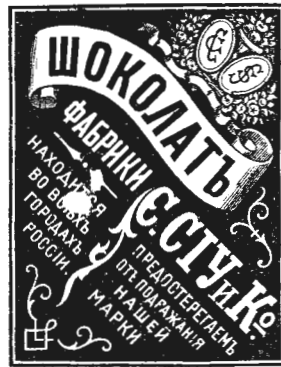
ПОДПИСКА

НА „ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ“ въ 1876 году.

„Донская Газета“ въ 1876 году будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить 2 раза въ недѣлю, въ размѣрѣ печатнаго листа. Годовая цѣна изданія остается прежняя (8 руб. съ пересылкою и доставкою), а полугодовая—4 руб. 50 коп. Для училищъ и гимназій Области войска Донскаго, выписывающихъ каждое не больше одного экземпляра, цѣна изданія: годовая—6 руб. и полугодовая—3 руб. 50 коп. Мѣсячные подписчики платятъ 1 руб.—Въ 1876 году „Донской Газетѣ“ будутъ помѣщаться телеграммы Русскаго Телеграфнаго Агентства о важнѣйшихъ явленіяхъ нашей и иностранной политики.

Подписка принимается въ г. Новочеркасскѣ, по Платовскому проспекту, домъ Карасева (бывшій Ильина).

3—3

45—22

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Кавошикова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событиями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щebetала ласточка. Сочиненіе Шпиллягата. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

„РУССКІЙ МІРЪ“

ВЪ 1876 ГОДУ

съ пересылкой и доставкой

За годъ . 10 р.

> полгода 5 >

Меньше полугода за каждый мѣсяць 1 р.

3—3

26—6

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. Franco Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes. 10—3

Издание годъ II.

Редакция въ Спб.
на углу Невскаго
просп. и В. Морской,
домъ Пастухова
№ 18 14 (надъ
Аптекой).

№ 1-й выйдетъ предъ Новымъ годомъ.
Подписная цѣна на Иллюстрированный дамскій
и дѣтскій специальный журналъ французскія
„МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ“.

Издание годъ II.

При Контрѣ
Экспедиціи объявленій
и приема под-
писки на разные
изданія.

Остается прежняя, т. е. 4 р. съ доставкой 5 р. и пересылкою 6 р.

Во всѣхъ выпускахъ въ годъ, журналъ содержитъ въ себѣ около 2000 гравюръ новейшихъ модъ и узоровъ для женскихъ работъ и не менѣе 24 парижскихъ, художественныхъ, раскрашенныхъ модныхъ картинокъ — а главное болѣе 120 полныхъ и во весь ростъ вырѣзныхъ выкроекъ (такого количества приложений — по своей диспозиціи, нѣтъ ни въ одномъ журналѣ). При всемъ томъ редакціи нѣтъ представляется удобный случай — на 1-й разъ разослать своимъ многоуважаемымъ подписчикамъ бесплатную премію, а именно: 2 картины масляными красками — изображающія: 1) «Ночь въ Неаполѣ» и 2) «Вечеръ въ Венеціи» или т. под. жанровъ.

Желающіе могутъ заказать для нихъ рамы (вызолоченныя или орѣхов. дерева).

Кромѣ того рекомендуется изящный и практичный Альбомъ для различнаго вышиванія и вязанія: по полотну, канвѣ и проч. заклю-

чающій въ себѣ 25 великорусскихъ и малоросс. оригинальныхъ рисунковъ (народной орнаментаціи). Цѣна 3 р., съ подробнымъ ихъ описаніемъ 3 р. 50 к. и пересылкою съ укупокою 4 р. Только и. подписчикамъ на „Моды и Рукодѣлія“ дается уступка съ Альбома 50 к.

Публикующіе въ журналѣ: на сумму до 30 р. и болѣе — пользуются отъ 25 до 33% или (взаимнѣ скидкн) получаютъ — самый журналъ, или Альбомъ, и по расчету, то и другое, вмѣстѣ безвозмездно.

Редакція принимаетъ отъ гг. иногородныхъ и всевозможныя порученія по выпискѣ всякаго рода матеріаловъ для туалета и друг. предметовъ.

P.S. Тутъ же между прочимъ, можно подписаться и на ежемѣс. журналъ „Библиотека для чтенія“. Цѣна въ годъ 8 р. 50 к. съ доставкой и 9 р. съ пересылкою, а также на „Музыкальный свѣтъ“ (съ нотами) въ годъ съ доставкой и пересылкою 11 р. 50 к.

МАГАЗИНЪ НОВОСТЕЙ ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА

(Гостинный дворъ №№ 122 и 123 въ С.-Петербургѣ).

Зимній сезонъ.

Кофты изъ бархата, фая, Матлассе, Букли, дра-де-Велюръ, Натэ, и пр. Матерій, опушенныхъ собольемъ, кунницею, песцомъ, енотомъ, кунгурою и др. различными мѣхами.

Бархатныя кофты съ различными мѣхами отъ 50 р. сер.

Парижскія модели.

Костюмы и платья для гуляній и Визитовъ, получены въ болѣемъ выборѣ изъ новѣйшихъ Парижскихъ и друг. модныхъ матерій отъ 20 руб.

Бурки ротонды на пуху и мѣху, крутые бархатомъ, Матлассе, фая и друг. модными тканями.

Вѣлыя вещи для свадебъ и баловъ изъ различныхъ матерій и роскошными отдѣлками.

Дѣтскія вещи для мальчиковъ и дѣвочекъ, полный выборъ отъ 2 до 15 лѣтъ.

Костюмы для дома и гуляній изъ разныхъ матерій.

Пальто и шубки новѣйшаго фасона изъ драпа, брисволь, сукна и друг. англійскихъ тканей, отдѣланныхъ кенгурою, рысью, енотомъ, барашкомъ и друг. мѣхами.

На всѣ означенныя вещи принимаются заказы.

P.S. Магазины Новостей открыты по воскреснымъ днямъ отъ 12 до 4 час.

Объ изданіи въ 1876 году журнала

„БИБЛИОТЕКА“ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Вступая во второй годъ своего существованія, „Библиотека для Чтенія“ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ 1875 году, а именно: въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и рассказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ по возможности одинъ законченный романъ, или часть его, и повѣсть или рассказъ. Годовое изданіе заключаетъ 12-ть книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода ежемѣсячный. Въ концѣ года подписчикамъ на „Библиотеку для Чтенія“ будетъ выдана, въ видѣ преміи, 12-я книга отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ полный законченный переводный романъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ 8 р., съ доставкой въ Петербургѣ 8 р. 50 к., съ доставкой въ Москвѣ и пересылкою иногороднымъ 9 р. Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 р. и въ 1-му мѣя остальныя. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: для городскихъ: въ Петербургѣ и Москвѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (въ Москвѣ безъ доставки); исключительно въ книжномъ магазинѣ КАШКИНА: Гизинскій пер., д. Холицкаго). Г. иногородныя испоробственно адресуютъ свои требованія въ Петербургъ, въ Редакцію журнала „Библиотека для Чтенія“, — Фурштатская ул., д. № 33. Подписывающіеся съ разсрочкою просятъ обращаться исключительно: городскія въ Петербургъ, — въ книжный магазинъ Бортневскаго, Троицкій пер., а иногородныя — въ редакцію. Въ 1875 году, между прочимъ, вошли въ „Библиотеку для Чтенія“ слѣдующія произведенія, которыя продаются также и отдѣльно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы: В. Коббъ — «Нью-Йоркскія тайны», ром., ц. 1 р. — «Графиня Листаль» ром. Ц. 1 р. 30 к. Е. Шаветтъ — «Куртизанка Шиффара», ром. Ц. 2 р. — «Комната преступленія», ром., Ц. 1 р. О. Ферре и Э. Море — «Докторъ-Исповѣдникъ» ром. Ц. 1 р. 25 к. Г. Мало — «Дочь актрисы», ром. Ц. 1 р. 50 к. — «Наслѣдство Маркиза» (продолж. «Дочь акт.») Д-ръ Ф. Либбахъ — «Съ брачной постели на эшафотъ», ром. изъ войны 1870 г., часть 1-я и 2-я. Ц. 2 р. 50 к. Дзбо — «Люди золота» ам рив. ром. Ц. 1 р. Э. Золя — «Приключеніе Большаго Сидуана и маленькаго Медерика», сатирическій рассказъ. Ц. 60 к. Реймаръ — «Темное дѣло», повѣсть, Ц. 60 к.

Въ послѣднюю книжку «Библиотеки» на 1875 годъ войдетъ: 3-я и послѣдняя часть романа «Съ брачной постели на эшафотъ.»

Склады этихъ изданій находятся въ С.-Петербургѣ — въ редакціи, и въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ КАШКИНА. Гг. иногородные за пересылку не платятъ.

Подписка на «Библиотеку для Чтенія» продолжается еще и на 1875 г. Подписывающіеся получаютъ немедленно всѣ №№, начиная съ 1-го, и премію.

Редакторъ-Издательница В. И. Сахарова.

P. S. Подписываться можно также въ бюро экспедиціи объявленій и подписки на разные изданія — при род. журнала «Моды и Рукодѣлія», на углу Невск. пр. и В. Морской, д. Пастухова (надъ аптекою), № 18—14.

Подписка на 1876 годъ на ежедневную газету

„НОВОСТИ“

ГОДЪ ШЕСТОЙ ИЗДАНІЯ.

Самая дешевая ежедневная газета, выходящая полными листами 360 разъ въ году, не исключая праздничныхъ и всѣхъ праздничныхъ дней. Подписная цѣна на годъ всего только 7 рублей, съ доставкою въ Петербургѣ 8 р. съ пересылкою во всѣ города имперіи 9 р.

Городской и иногородный читатель найдетъ въ газетѣ „НОВОСТИ“ все, что только есть выдающагося и интереснаго въ ежедневной жизни. Въ каждомъ номерѣ помѣщается одинъ, а иногда два фельетона, сюжеты, замѣтыванія преимущественно изъ русской жизни.

Редакція смотритъ на газету не какъ на простую спекуляцію, но какъ на проводникъ здравыхъ идей, какъ на отраженіе народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Легкость формы, общедоступность изложенія самыхъ серьезныхъ, или обыденныхъ предметовъ, въ видѣ разсказовъ, очерковъ, сценъ и зарисовокъ мѣстныхъ нравовъ, дѣлаютъ газету общедоступною для всѣхъ.

Постоянное улучшеніе, постоянно что-нибудь новое составляютъ главную задачу изданія.

Подписка принимается на всѣ сроки, съ перваго числа каждаго мѣсяца. При подпискѣ на годъ допускается разсрочка. При перемѣнѣ адреса подписчики благоволятъ прилагать двѣ 8-ми копѣечныя марки. — На основаніи положенія о гербовомъ сборѣ лица вносящія болѣе 5 р. и получающія подписной билетъ, уплачиваютъ 5-ти копѣечную гербовую марку, которая наклеивается на билетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 7 р., съ дост. 8 р. съ перес. 9; на 1/2 года: безъ дост. 4 р. съ дост. 5 р. съ перес. 5 р. 50 к.; на 3 мѣсяца: безъ дост. 2 р. 50 к., съ дост. 3 р. съ перес. 3 р. на 1 мѣсяць: безъ дост. съ дост. и съ перес. 1 р.

Подписка принимается: въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ главной контрѣ газетъ „НОВОСТИ“, Офицерская д. № 7—14., при книжномъ магаз. А. О. Базунова, Невскій просп., д. Ольхиной; въ Москвѣ при книжномъ магазинѣ Соловьева. Во избѣжаніе всякихъ ошибокъ покорнѣе просимъ гг. иногородныхъ, высылать деньги прямо въ Главную Контрору.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 2 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПРИЖИЗНЕННЫМЪ ПАРИЖСКИМЪ МОДАМЪ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫЕРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: черезъ книжный магазинъ И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живореза	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВЪ МОСКВУ и во все другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к. *)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

М. П. Погодинъ.

(Скончался 8-го декабря 1875 года). М. П. Погодинъ родился в. Москвѣ 11 ноября 1800 года отъ весьма бѣдныхъ родителей принадлежащихъ къ крестьянскому сословию. Раннее свое дѣтство М. П. провелъ также в. Москвѣ, подъ впечатлѣніемъ событій отечественной войны; эти событія, глубоко зашавшія въ молодую душу М. П., были отчасти причиною его желанія подробно ознакомиться съ исторіей. Въ 1813 году М. П. благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ и частной благотворительности, поступилъ въ 1 московскую гимназію. Любовь къ отечественной исторіи и непреодолимое желаніе изучить ее, уже съ четырнадцатилѣтняго возраста занимали М. П. и первымъ его приобретениемъ для ознакомленія съ русской исторіей, несмотря на скудные средства его, была исторія Карамзина, которую покойный читилъ въ теченіе всей своей жизни. Окончивъ гимназическій курсъ, М. П. былъ переведенъ въ Московскій университетъ, гдѣ съ новыми силами принялся за изученіе исторіи; сблизясь съ профессорами и товарищами, значительно повлиявшими на его воззрѣнія, М. П. рѣшился вы-

Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Фотогр. на деревѣ П. П. Тимохина, грав. К. Вейерманъ.

ступилъ на литературномъ поприщѣ, написавъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» статью подъ заглавіемъ «Сатирическій разборъ историческихъ таблицъ Филістри». Окончивъ университетскій курсъ, М. П. получилъ мѣсто учителя исторіи въ университетскомъ пансіонѣ и въ тоже время покровительствуемый извѣстнымъ литературнымъ меценатомъ, канцлеромъ Румянцевымъ, поручившимъ молодому М. П. весьма серьезные переводы, занялся ипп. Начавшися въ то время скептическое, совершенно новое направленіе въ которыхъ русскихъ историковъ, заставило М. П. заняться подробнымъ изученіемъ русскихъ летописей и т. п. и тема для диссертации на степень магистра уже взята была М. П. изъ древнерусской исторіи и относилась до происхожденія Руси, доказывая ея нормандское происхожденіе. Съ этого времени, т. е. съ 1824 года, М. П. получилъ въ Московскомъ Университетѣ кафедру всеобщей и русской исторіи. Въ теченіи своей профессорской дѣятельности, М. П. приобрулъ любовь и расположеніе студентовъ и обратилъ на себя вниманіемъ рѣчами, произнесенными имъ на универси-

тетских актах; изъ этихъ рѣчей большой фуроръ произвела рѣчь «о значеніи универстетовъ» и рѣчь «объ ученюмъ въслоніи». Разматривая и изучая лѣтописи, М. П. обращалъ вниманіе и на иностранную литературу, касающуюся древней Россіи, и выбранныя имъ статьи печатались вмѣстѣ съ его личными изысканіями въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ», Московскомъ Вѣстникѣ», и въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ». Въ то же время М. П. трудился и надъ другими изслѣдованіями по части древнерусской исторіи и труды свои выпускалъ отдѣльными книгами и брошюрами, изъ которыхъ особенно замѣчательнымъ его трудомъ было «Изслѣдованіе Несторовой лѣтописи». Занимаясь серьезной разработкой историческихъ вопросовъ, М. П. обратилъ вниманіе на начатую Карамзинымъ попытку введенія преподаванія исторіи въ школахъ и вскорѣ издалъ два руководства: «Начертаніе русской исторіи» для гимназій» и «Начертаніе русской исторіи для уѣздныхъ училищъ». Переводя многіе историческія иностранныя сочиненія, М. П. умѣлъ склонить къ тому же и учениковъ своихъ и какъ результатъ этой ученической работы подъ его редакціей.—переводы эти были своевременно изданы и обратили на себя вниманіе современнаго ему общества.

Большимъ успѣхомъ въ свое время пользовались изданныя М. П. сочиненія подъ заглавіемъ «Историческіе афоризмы», лекціи по Герену», «историческо-критическіе отрывки» и нѣкоторыя другія. Въ 1844 году М. П. окончилъ свою профессорскую дѣятельность и вышелъ изъ университета, но все такъ оставался при академіи наукъ, членомъ которой было избранъ вскорѣ по окончаніи университетскаго курса. Затѣмъ М. П. занялся приведеніемъ всѣхъ своихъ сочиненій и работъ въ систематическій порядокъ, результатомъ чего было изданіе въ 1846 году перваго тома собранія всѣхъ сочиненій его по русской исторіи, вышедшихъ въслѣдствіи въ количествѣ 7 томовъ. Первый томъ заключалъ въ себѣ собранныя авторомъ свѣдѣнія «О древнѣйшихъ источникахъ»; II т.—«О происхожденіи Руси»; III т.—«Нормандскій періодъ»; IV т.—«Удѣльный періодъ»; V-й т.—«Междоусобныя войны»; VI т.—«Библиографическій списокъ князей до Монголовъ» и VII т.—«Учрежденія». Этотъ послѣдній томъ вышелъ уже въ 1854 году. Дальнѣйшая дѣятельность М. П. уже непринадлежала исключительно исторіи, такъ какъ онъ занялся литературой вообще, журнальной въ особенности. Статьи же его по русской исторіи уже приняли полемическій характеръ, такъ какъ съ этого времени стали появляться въ печати взгляды и предположенія по древне русской исторіи,—идущіе совершенно въ разрѣзъ взглядамъ М. П. Погодина и онъ всѣми силами отстаивалъ свою теорію и свои приемы. Вотъ краткій перечень литературной дѣятельности М. П. Погодина съ 1825 года по 1854 годъ; сюда только не вошли его вышесказанныя сочиненія: «нѣсколько повѣстей и драмъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ; сотрудничество въ «Московскомъ Вѣстникѣ», «Зритель», «Телескопъ», «Московскомъ наблюдателѣ» и изданіе журнала «Москвитинья». Статьи М. П., помѣщаемыя въ журналахъ и въ особенности въ «Москвитини», отличались славянофильскимъ направленіемъ и возбуждали весьма оживленную полемику въ журналахъ противоположнаго направленія. Наклонность М. П. къ публицистикѣ главнымъ образомъ вытекала изъ его ученыхъ путешествій за границу, по славянскимъ землямъ и по Россіи: свѣдѣніями, почерпнутыми въ этихъ путешествіяхъ, М. П. считалъ

долгомъ подѣлаться съ публикой; путешествія эти дали ему возможность собрать коллекцію историческихъ памятниковъ, которые извѣстны подъ именемъ «Погодинскаго древнехранителя» и приобрѣтены отъ него въслѣдствіи Императорской публичной бібліотекой за 150,000 рублей серебромъ. Путешествіе покойнаго по Польскимъ и другимъ заграничнымъ славянскимъ землямъ и изученіе быта и состоянія обитателей этихъ земель, дали мысль М. П. объ улучшеніи участи этихъ обитателей и о возможности и необходимости болѣе тѣсныхъ сношеній между другими славянскими племенами. Дипломатическіе взгляды покойнаго на славянскій вопросъ сдѣлали его извѣстнымъ покойному Императору Николаю Павловичу, съ которымъ онъ неоднократно удостоивался бесѣдовать о положеніи славянскихъ племенъ. Мысль объ устройствѣ историческихъ свѣдѣній предложена также М. П., осуществленіе которыхъ покойный находилъ весьма благотворнымъ средствомъ для Россіи. Съ поѣздкою за границу и по славянскимъ землямъ связано также предложенное М. П. и вскорѣ введенное преподаваніе славянскихъ нарѣчій въ университетахъ. Сочувствію славянамъ, покойный устроилъ славянскіе комитеты сьерва въ Москвѣ, а затѣмъ и по всей Россіи, которіе и по нынѣ приносятъ весьма большую пользу страждущимъ славянамъ. Въ числѣ дипломатическихъ предсказаній покойнаго имъ первымъ изъ русскихъ было предсказано политическое объединеніе Германіи, незамедлившее вскорѣ осуществиться. Популярность М. П. между славянами всѣхъ племенъ возрастала годъ отъ году и сношенія его въ славянскими литераторами и учеными не прекращались до самой его смерти. Личное сочувствіе покойнаго къ славянамъ выразилось многократными случаями его ходатайства предъ обществомъ и частными лицами о матеріальной помощи нуждающимся братьямъ; кромѣ того М. П. неоднократно, по мѣрѣ силъ, лично помогалъ нѣкоторымъ славянскимъ литераторамъ и ученымъ, напр. въ изданіи ихъ сочиненій и т. п. Письма покойнаго, выражающіе его политическія воззрѣнія на славянскій вопросъ во время крымской компаніи, приобрѣли большую извѣстность за границею и были отпечатаны сначала въ Лейпцигѣ, а затѣмъ уже и въ Москвѣ; во всѣхъ этихъ письмахъ покойный М. П. высказывалъ, что для блага своего Россіи должна дать какъ внутренней, такъ и внѣшней политикѣ направленіе чисто національное. Послѣднія внутреннія реформы въ Россіи вызвали М. П. еще на новую дѣятельность, которая съ новой силою поглотила весь умъ покойнаго и выразилась въ постоянномъ участіи М. П. на земскихъ, думскихъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ слово его имѣло большое значеніе. Занявшись общественной дѣятельностью и службою, покойный не бросалъ и своей спеціальности; сношенія и переписка его съ извѣстными русскими и иностранными учеными продолжалась своимъ порядкомъ. Результатомъ его послѣднихъ трудовъ по русской исторіи были «Изслѣдованія о Сперанскомъ», «О Карамзинѣ», «О Дмитрѣ Донскомъ», «О Скопинѣ-Шуйскомъ», «О Посошковѣ» и проч., самымъ послѣднимъ его трудомъ было «Описаніе первыхъ 17 лѣтъ жизни Императора Петра Великаго».

Утрата М. П. Погодина весьма чувствительна для всего русскаго общества и Московскаго въ особенности, которое такъ еще недавно (въ 1871 году) приветствовало 50 лѣтіе ученой и литературной дѣятельности М. П. и выразило ему любовь и сочувствіе.

Кто лучше?

Изъ очерковъ кавалерійской жизни.

(Посвящается другу моему Ицъ Янкевичу Штралецкому).

(Продолженіе).

Болиголова при этомъ сюрпризѣ подвиснулъ и, что называется, повѣсилъ носъ на квинту.

— Но... это, въ сущности, ничего не значитъ! ободрительно продолжалъ редакторъ:—и я надѣюсь, что могу помочь тебѣ во всякомъ случаѣ.

— То-есть какъ же это? воспрянулъ духомъ поручикъ.

— А вотъ видишь ли, есть тутъ у меня одинъ сотрудникъ... По части искусства пишетъ...

— Искусства деньги занимать, что-ли? улыбнулся Болиголова.

— Мм... н-ѣтъ, по части искусства вообще: о живописи, о скульптурѣ и музыкѣ... больше все это съ эстетической стороны... съ высоты вѣчныхъ идеаловъ...

— Ну, такъ что же? спросилъ поручикъ:—При чемъ тутъ идеалы и эстетика?

— А при томъ, что онъ въ тоже время очень по-

лезный человекъ... И я самъ иногда въ крутыя минуты у него пользуюсь.

— Идеалами?

— Нѣтъ деньгами.

— Въ займы денегъ, что-ли?

— Да, на солидный процентъ и подъ вѣрное обезпеченіе, или подъ вѣрное поручительство.

— И идеалы сему не препятствуютъ?

— Ни мало! Напротивъ, очень помогаютъ. Я за это доставляю ему авторское удовольствіе видѣть свои статьи и свое имя въ печати.

— И стало быть, твое поручительство имѣетъ требуемую силу?

— Мм... Въ извѣстной степени, да.

— Такъ поручись за меня, голубчикъ! Ты самъ вѣдь знаешь, что изъ деревни черезъ четыре мѣсяца...

— За этимъ дѣло не станетъ, перебилъ редакторъ:— но,.. надо чтобы ты самъ ему понравился.

— Кому?

— Да все-жь ему, сотруднику.

— Это зачѣмъ-же?

— А затѣмъ что онъ требуетъ извѣстнаго уваженія къ своей особѣ да еще солидарности со своими убѣжденіями, а главное, почтенія къ его познаніямъ и таланту.

— Пфу ты, чортъ! Какія штуки еще!

— Да, не иначе! А ты, конечно, и не читалъ его произведеній? спросилъ редакторъ.

— Я?! удивился поручикъ: — я, мой другъ, кромѣ „Уставовъ“ рѣшительно ничего не читаю. А развѣ это нужно?

— Необходимо. Я дамъ тебѣ двѣ-три книжки моего журнала и укажу... Ты и знакомься предварительно, и если хочешь имѣть успѣхъ, то пожалуйста какъ можно болѣе ловкихъ комплиментовъ! Понимаешь?

— Ну, чортъ возьми, задача! закусивъ усь, пробормоталъ поручикъ: — Однако, нечего дѣлать! вздохнулъ онъ:—Только какъ-же и когда ты мнѣ это устроишь?

— А постараюсь завтра-же, успокоилъ родственникъ.— У меня завтра редакціонное утро, продолжалъ онъ:— сотрудники собираются, будетъ и онъ вѣроятно, а для пущей вѣрности я даже пошлю ему записку, чтобы приходилъ непременно и постараюсь предупредить его, а ты прїѣзжай около часу и познакомишься... Только не позабудь прочитать статьи предварительно.

— Нечего дѣлать, коли нужно, такъ хоть всю ночь и все утро убью на это. Только чортъ возьми, добавилъ Болиголова, какъ-бы размышляя съ самимъ собою:—эстетика, идеалы и деньги въ ростъ...

— Знаменіе времени, милый, улыбнулся редакторъ.

— Хм... знаменіе,.. Н-ѣтъ у насъ эти дѣла съ Ицкой Янкевичемъ, какъ видно, гораздо проще выходить.

И поручикъ, пока до времени, успокоился духомъ, въ ожиданіи завтрашнихъ успѣховъ.

— Уже поздно вечеромъ вернулся онъ въ свой номеръ. Сошный Штралецкій, помѣстивъ на стуль, давно ужъ поджидалъ тамъ его возвращенія.

— Ну и што? спросилъ онъ съ любопытствомъ, которое очевидно томило его душу тоскою ожиданія.

— Завтра! Завтра, мейнъ аллерлибстерь Ицко! увѣреннымъ тономъ успокоилъ его поручикъ.

— Завтра?... И то вже будетъ за вѣрно?

— По крайней мѣрѣ, такъ обѣщано.

— Ну, хвала Богху!... Ио я буду ждать до зявтра, успокоился Ицко.

— Какъ же ты помѣстился и гдѣ устроился? спросилъ Болиголова, раздвѣаясь:—тоже въ этой гостинницѣ?

— Што-о?.. Въ этомъ гостинницу?.. А хай ему чортъ! отмахнулся Штралецкій:—тутай меньшь якъ на пултѣра рубли и нумера нѣма, и ушѣ такъ задорого, такъ задорого — ай-вай!... Я улѣковалъ сабе на Сшадовомъ улицу въ Кукановъ домъ у Малкувекъ перевулекъ, — тамъ ушѣ наши... У одногхо Еврей улѣковался за два злѣты на сутку... И я вже покушилъ, купилъ сабе булке та щилетке—хвала Богху, на сшами отлични маниръ!.. До швиданью вамъ, гашпидинъ сперучникъ... Спшите!

И Ицко осторожно, на ципочкахъ вышелъ изъ комнаты.

* * *

На слѣдующій день, прїѣхавъ къ редактору въ назначенное время, Болиголова засталъ уже тамъ нѣсколько гостей сотрудниковъ, изъ которыхъ иные покосились на его кавалерійскій мундиръ со свойственною нѣкоторымъ литераторамъ угрюмостью, которая по большей части бываетъ у нихъ совершенно безпричинною. Впрочемъ, въ данную минуту Болиголовѣ было не до раз-

бирательствъ кто какимъ взглядомъ на него взираетъ. Протянувъ руку редактору, онъ мелькомъ взглянулъ ему въ глаза пылливо выспрашивающимъ выраженіемъ, которое, казалось, говорило: „ну что, успѣшно-ли?“ — „благополучно!“ отвѣтили ему изъ подтиска глаза редактора.—Поручикъ успокоился, усѣлся въ кресло и закурилъ папиросу. Сотрудники, межъ тѣмъ продолжали вести разговоры, т. е. ругали чью-то статью, понесли заочно какого-то литератора, сообщали нѣсколько слезень про общихъ враговъ и отсутствующихъ прїятелей, злословили какихъ-то постороннихъ редакторовъ, презрительно относились о какихъ-то постороннихъ газетахъ и журналахъ,—словомъ сказать, редакціонное утро было таково, какъ и всѣ, ему подобныя. Но все это для озабоченнаго по своему Болиголова не представляло ни малѣйшаго интереса. Разматривая этихъ господъ, онъ думалъ про себя: „который же изъ васъ, любезные друзья, есть благодѣтель рода человѣческаго?“—и никакъ не могъ съ точностью уяснить себѣ этого вопроса: всѣ они какъ-то болѣе походили на ищущихъ и берущихъ деньги, чѣмъ на дающихъ оныя.— „Который же изъ васъ даетъ, въ самомъ дѣлѣ? Этого ли совершенно приличный джентельментъ, или тотъ пискливый замаранка, или наконецъ сей кашлатый субъектъ, что похожъ болѣе на (воскресенскаго) дьякона, чѣмъ на „цивильнаго“ человѣка?“

Редакторъ между тѣмъ поднялся съ мѣста и кивкомъ предложилъ поручику слѣдовать за собою въ другую комнату.

— Ну что, прочелъ статью-то? быстро и съ озабоченнымъ видомъ спросилъ онъ.

— Прочестъ-то прочелъ, только, признаюсь, для меня это отчасти темна вода въ облачѣхъ.

— Ну, ничего... Хвали!.. Ты только хвали, знай, да поддакивай.

— Пфу ты, какое подлое положеніе! пожалъ плечами поручикъ.

— Ага, братъ, умѣешь кататься, умѣй и тово... понимаешь?

И подойдя къ двери, редакторъ высунулъ изъ нея голову къ сотрудникамъ.

— Анатолій Барисовичъ, пожалуйста сюда на минутку, съ особенною мягкостью въ голосѣ, позвалъ онъ кого-то,—и въ тужь минуту въ дверяхъ появился совершенно приличный джентельментъ, съ золотымъ пенсне, которое придавало какой-то особенный и какъ бы зловѣщій блескъ его совершенно круглымъ, хищно-совинымъ глазамъ. Джентельментъ былъ неприятно-красивъ собою и очень старательно ааботился чтобы всѣмъ манерамъ своимъ придавать изящную и плавную округленность. Онъ какъ-бы постоянно помнилъ про-себя объ этомъ.

— Позвольте, господа, познакомить васъ, началъ редакторъ, обращаясь къ обонимъ:—господинъ Шмецъ, — поручикъ Болиголова, о которомъ я вамъ говорилъ давеча.

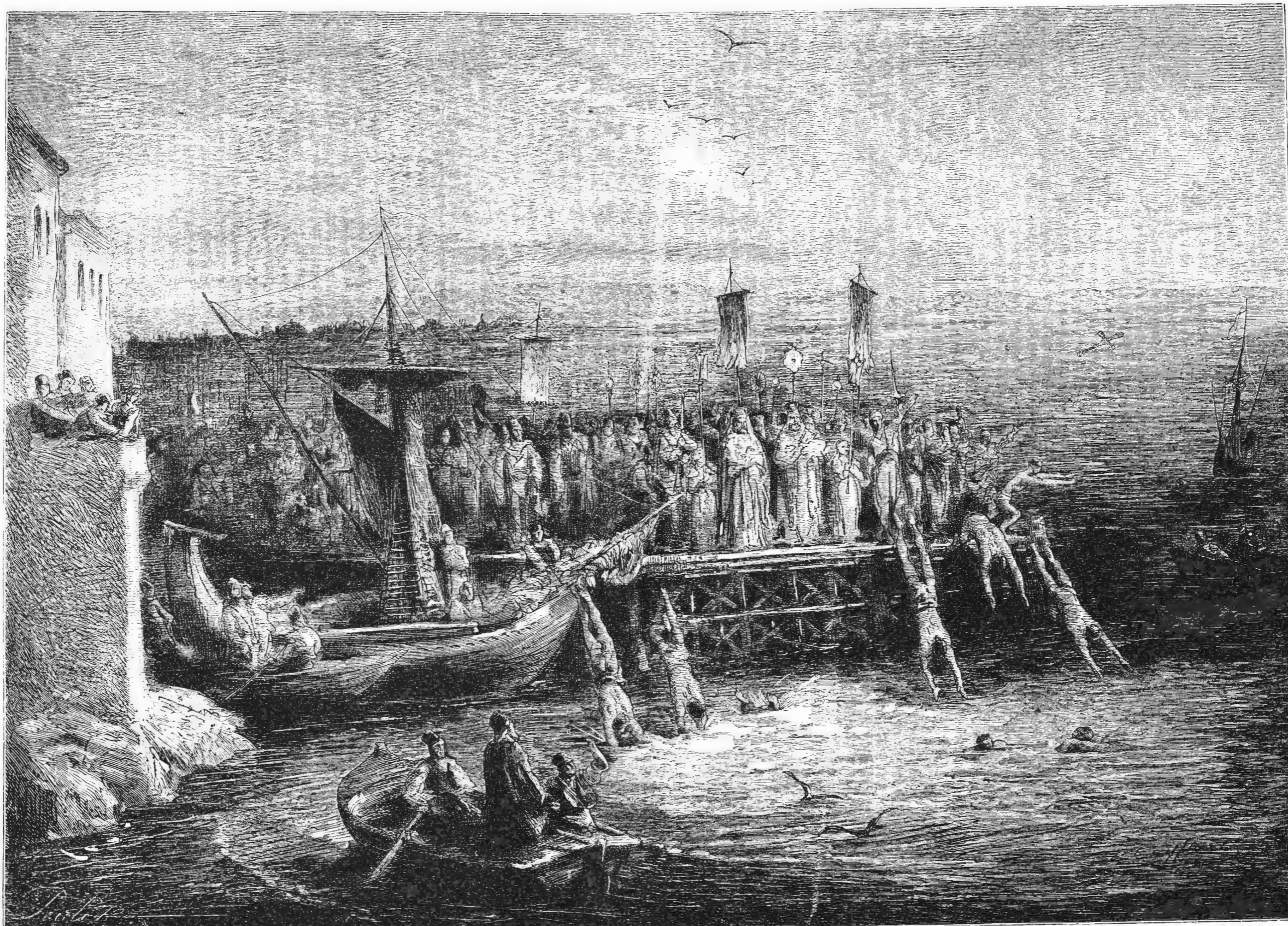
Господинъ Шмецъ оскалилъ улыбкою свои щучьи зубы и протянулъ руку. То и другое было продѣлано имъ съ очень изящною любезностью.

— Ваше имя давно уже извѣстно мнѣ по литературѣ, пробормоталъ межъ тѣмъ поручикъ, памятуя дружескій завѣтъ насчетъ возможно большаго количества комплиментовъ.

— А!... А вы развѣ читаете? спросилъ размякшимъ отъ удовольствія голосомъ польщенный авторъ, даже не сообразивъ, что вопросъ былъ и глушь, и неловокъ.

„Кромѣ „Уставовъ“ ничего“ чуть было не сорвалось съ языка поручика, но хорошо, что спохватился во время.

— О, какъ-же! поспѣшилъ онъ поддакнуть:—Ваши статьи объ искусствѣ, это... это въ своемъ родѣ... перлы... Я просто въ восторгѣ... и въ особенности отъ послѣдней статьи... Превосходно! Превосходно!.. Я, какъ

Праздникъ Крещения въ греческой деревнѣ Макри-Кейнѣ 6-го января. Рисов. Шифаръ, грав. Пелекъ.

и вы же, поклонникъ чистаго искусства, а потому и вашъ поклонникъ.

Въ улыбающихся глазахъ господина Шмеца показало даже нѣкое масло умиленія. Онъ съ чувствомъ поспѣшилъ еще разъ пожать руку поручика, который въ это самое время думалъ про себя: „О, Болиголова, сколь ты врешь и сколь кривишь душою!“..

— Мнѣ очень пріятно за наше время, заговорилъ межъ тѣмъ господинъ Шмецъ уже съ нѣкоторымъ нахальствомъ признаннаго авторитета:—да, именно, знаете ли за наше время, когда наконецъ и подъ военнымъ мундиромъ встрѣчаешь иногда пониманіе и любовь къ интересамъ высшаго порядка.

„Ахъ ты, шволачъ ты, шволачъ!“ подумалъ при этомъ комплиментѣ Болиголова, невольно какъ-то вспомнивъ любимое выраженіе и еврейскій акцентъ Ицки Штралецкаго. Но увь!—крутыя обстоятельства рѣшительно не допускали поручика отвѣтить этому Шмецу за его комплиментъ такъ, какъ-бы слѣдовало по совѣсти и какъ навѣрное отвѣтилъ-бы онъ, не будь у него этихъ проклятыхъ крутыхъ обстоятельствъ. А теперь, вмѣсто того, пришлось только пробормотать нѣчто въ родѣ, что давно уже, молъ, желалъ имѣть честь познакомиться съ вами.

— Н-да, да... и мнѣ самому тоже очень пріятно, растягивая слова, цѣдилъ сквозь зубы господинъ Шмецъ, уже тономъ нѣкотораго покровительства:—А вы, вѣроятно, и сами кое-что пописываете?

„Кромѣ векселей и росписокъ ничего“ хотѣлось-бы отвѣтить поручику, но... благоразуміе пересилило, и онъ ограничился однимъ скромнымъ „нѣтъ“, произнесеннымъ даже какъ будто со вздохомъ сожалѣнія.

— Но это все равно! какъ-бы въ утѣшеніе ему, замѣтилъ литераторъ:—И мнѣ во всякомъ случаѣ будетъ очень пріятно видѣть васъ у себя... Заходите, какъ нибудъ...

— Когда позволите? поспѣшилъ освѣдомиться поручику.

— Когда хотите, все равно... По вечерамъ только я обыкновенно въ оперѣ или во французскомъ театрѣ, ну а потомъ, конечно заѣдешь въ какойнибудь кабачекъ въ родѣ Бореля или Татаръ, поужинать... Я, знаете, люблю говорилъ Шмецъ нѣсколько небрежнымъ тономъ и какъ-то все поѣживаясь да поводя плечами:—эдакъ легкой ужинъ со стаканомъ добраго вина. А самое лучшее—приходите ко мнѣ завтракать, предложилъ онъ:— я завтракаю обыкновенно дома, въ двѣнадцать часовъ... Мы закусимъ и потолкуемъ за доброю сигарой... Да вотъ что: приходите мой адресъ извѣстень редакціи, а впрочемъ—вотъ моя карточка. Ровно въ двѣнадцать васъ будетъ ожидать уже сочный кусокъ росбифа. Мой поваръ готовитъ не дурно, — покрайней мѣрѣ, я имъ пока доволенъ.

Послѣднія слова свои господинъ Шмецъ произносилъ уже въ дверяхъ, возвращаясь въ кабинетъ редактора, гдѣ все еще жарко спорили и кричали о чемъ-то компанія сотрудниковъ. Онъ считалъ, что достаточно уже обласкалъ представленнаго ему офицера и что аудіенція его съ нимъ првддолжалась тоже достаточно.

— Ну, что, каково я подличалъ? спросилъ Болиголова у редактора, когда наконецъ всѣ литераторы разошлись.

— Отмѣнно хорошо! похвалилъ тотъ:—я даже и не ожидалъ отъ тебя такого искусства. Теперь, братъ, почти уже можно сказать, что дѣло въ шляпѣ.

— Да, но однако онъ вѣдь и не заикнулся про дѣло-то?

— Мм... видишь-ли, онъ вообще объ этой матеріи больше помалчиваетъ; но это, въ сущности, ничего не значить, и ты можешь быть совершенно покоенъ. Отправляйся къ нему завтракать, но только ровно къ двѣнадцати, — не просни и не прошалаберничай! онъ че-

ловѣкъ аккуратный и по этому же качеству судить о степени благонадежности своихъ кліентовъ.

— Да ты, голубчикъ, говорилъ-ли съ нимъ, предупредилъ-ли его какъ слѣдуетъ? озабоченно спросилъ поручику:— меня все сомнѣніе беретъ, что о дѣлѣ-то онъ ни полслова.

— Эхъ, любезный другъ! махнулъ рукою редакторъ:— ужъ разъ что завтракать пригласилъ и самъ время назначилъ, такъ стало быть и говорилъ, и предупредилъ, — не безпокойся! Приглашеніе къ завтраку прямо означаетъ, что дѣло твое на хорошей дорогѣ. Безъ того, повѣрь, не пригласилъ-бы!

И обнадеженный поручику успокоился до завтра.

А вечеромъ опять таки засталъ онъ въ своемъ номерѣ терпѣливо ожидавшаго Ицку.

— Н-ну, и сшто? спросилъ Ицко по вчерашнему.

— Завтра! Завтра, мейнъ аллерлибстеръ Ицко!

— А лежъ жквините, и вчбра было жквাত্রа, и жквাত্রа стало вже шшвѣдню, а ви изновъ мнѣ говорите „жквাত্রа“...

— Ну да; мнѣ говорятъ „завтра“, и я тебѣ говорю „завтра“.

— Такъ. То жквাত্রа?... И то вже будетъ за вѣрно?

— Надѣюсь, навѣрное.

— Н-ну, то хай будетъ такъ. До шшвиданью вамъ, гашпидинъ сперучникъ. Сшпите!

* * *

На карманныхъ часахъ Болиголова было безъ трехъ минутъ двѣнадцать, когда онъ подѣхалъ на извожикѣ къ дому, гдѣ обиталъ господинъ Шмецъ, этотъ современный „благодѣтель рода человѣческаго“ — благодѣтель высшаго полета, или, говоря его же словами, „высшаго порядка“, являвшій собою между подобными благодѣтелями типъ новый, и при томъ такой, какого не доводилось еще наблюдать армейскому уланскому поручику, имѣвшему доселѣ дѣла только съ разными Ицками да мадамъ Ривками.

Болиголова, поднявшись на лѣстницу взглянулъ еще разъ на часы, гдѣ стрѣлка показывала двѣнадцать безъ полторы минуты, а онъ нарочно заѣзжалъ сегодня въ часовой магазинъ Винтергальтера и попросилъ поставить твои стрѣлки точъ въ точъ по адмиралтейской пушкѣ. Передъ поручикомъ красовалась высокая дверь, обитая зеленымъ сукномъ, съ бронзовыми гвоздиками, съ мѣдною щелью, надъ которой было вырѣзано четкими буквами „для писемъ и газетъ“ и съ мѣдною же доскою, гдѣ столъ же четко кидалось въ глаза имя, отечество и фамилія „благодѣтеля“. Твердо помня замѣчаніе родственника о безпримѣрной аккуратности господина Шмеца и о томъ какую важную роль это качество должно играть въ его собственномъ дѣлѣ, Болиголова, чтобы быть аккуратнымъ до высшей степени педантизма, рѣшилъ себѣ, что лучше ужъ обождать передъ дверью даже и эти полторы минуты, и потому не жалъ пуговку электрическаго звонка не ранѣе какъ объ стрѣлки совершенно сошлись въ одной точкѣ цифрблята надъ знакомъ XII, что случилось какъ разъ въ ту секунду, когда съ адмиралтейства раздался гулъ полуденнаго выстрѣла. Дверь отворилась тотчасъ же, но не совсѣмъ, а только на одну четверть: она была на цѣпи, такъ что пока не снята эта цѣпь, что могло быть сдѣлано только посредствомъ какого-то особаго секрета, никто и никакими судьбами не могъ бы проникнуть въ квартиру господина Шмеца.— „Что это отъ воровъ ли такая предосторожность, или отъ тѣхъ, кто за его благодѣнія ходитъ морду бить ему?“ подумалъ себѣ легкомысленный поручику. Между тѣмъ въ щель выглядывала гладко выбритая фізіономія дожаго ливрейнаго лакея.

— Дома Анатолій Борисовичъ?

— Ваша фамилія? не отвѣчая на вопросъ, спросилъ тотъ.

Болиголова подаль свою карточку.

Лакей прочел ее, и результатом этого было то, что дверь, немедленно же освободясь отъ цѣпи, вполнѣ раскрылась предъ поручикомъ.

— Обождите въ приемной: Анатолий Борисычъ сейчасъ выйдти изволять, проговорилъ лакей, направляя гостя въ смежную комнату.

Болиголова, оставшись одинъ, оглядѣлся вокругъ. — „Фу, ты, какал роскошь!“ невольно подумалось ему, при видѣ всѣхъ этихъ массивныхъ бронзъ, икрустаціи, мозаикъ, фарфоровъ и старинной дубовой мебели съ удивительно рельефною рѣзбою. Каждая вещь являла въ своемъ родѣ замѣчательное произведеніе искусства и самымъ нагляднымъ образомъ доказывала, что у господина Шмеца, дѣйствительно, есть и пониманіе, и достаточно изящнаго вкуса, но... въ тоже время коллекція эта дѣлала такое впечатлѣніе, которое невольно наводило на мысли, что всѣ эти вещи попали сюда съ аукціоновъ, либо изъ кладовой закладчика. На стѣнахъ этой приемной красовались картины Лагоріо, Боголюбова, Маковского и др. На столахъ и пьедесталахъ стояли бронзы Либериша, мраморы Каменскаго и Бродскаго, — тѣ и другіе въ несомнѣннѣхъ оригиналахъ, и это сочетаніе именъ явно указывало, что господинъ Шмецъ предпочитаетъ, а можетъ быть и поощряетъ вообще русскую школу, русское искусство. Впрочемъ, Болиголова еще ранѣе изъ его статей объ искусствѣ и о прочихъ матеріалахъ уразумѣлъ, что господинъ Шмецъ отнюдь не принадлежитъ къ числу нигилистовъ; напротивъ, изъ этихъ статей явствовало, что онъ хотя и либераленъ, но какъ либераленъ? Въ самомъ благонамѣренномъ смыслѣ, — то-есть уважаетъ во-первыхъ почтенное сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, и всѣ прочія благодѣянія съ нимъ сопряженныя, во-вторыхъ, гласныя кассы ссудъ, и вообще благодѣтельную гласность въ третьихъ, готовъ содѣйствовать и народному образованію, не иначе какъ по системѣ бароновъ Корфа и Косинскаго, но, при всѣмъ либерализмѣ этого сорта, въ господинѣ Шмецѣ, относительно искусства, проявлялся болѣе всего русскій національ и даже, кое въ чемъ, съ консервативнымъ оттѣнкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ вопросахъ политическихъ господинъ Шмецъ былъ самымъ доброкачественнымъ патриотомъ, хотя подчасъ и не прочь былъ поддуть въ свой патриотизмъ дѣлу „гражданской скорби“, но только немножко, въ самомъ умѣренномъ количествѣ, такъ, чтобы о немъ каждый могъ подумать, что сей господинъ Шмецъ не то что совсѣмъ либераль и не то что совсѣмъ консерваторъ, но можетъ, по обстоятельствамъ, сдѣлаться и тѣмъ, и другимъ, вообще какъ ему заблагоразсудится, въ силу своей собственной независимости.

Господинъ Шмецъ, но смитря на свое предупрежденіе, что ровно въ двѣнадцать часовъ Болиголову будетъ уже ожидать дымящаяся паромъ кусокъ сочнаго роби-фа, заставилъ таки поручика около десяти минутъ прождать своего выхода въ приемную. Но за то, что это былъ за выходъ!.. Прежде всего невидимою рукою растворилась одна изъ дверей — и въ комнату вбѣжала, обнюхивая воздухъ породистый бульдогъ съ отвратительно злобною оскаленною мордой и остановился какъ разъ противъ Болиголовы, уставивъ и расширивъ на него пытливыя ноздри и не менѣе пытливыя взоры. Такъ и казалось, что уськи его только хозяйскій голосъ, бульдогъ въ тоже мгновеніе вошется зубами въ незнакомаго человѣка, какимъ въ данную минуту являлся предъ нимъ нашъ поручикъ.

„Гм... Если только сюда приходятъ иногда за тѣмъ, чтобы морду бить, то предосторожность недурная, да и дрессура отличная“, подумалъ себѣ Болиголова, оглядывая собаку не безъ сомнѣній насчетъ дружелюбности ея намѣреній.

Но размышленіе это было прервано шлепаньемъ

шаркающихъ туфель — и въ тужъ минуту въ дверяхъ появился господинъ Шмецъ, небрежно и быстро игрывая на пальцѣ шелковыми кистями роскошнѣйшаго атласнаго халата, и появился весь такой свѣжій, только что вымытый, благоухающій и сіяющій улыбкой.

— Pardon, Бога ради! развязно заговорилъ онъ, дѣлая видъ будто изъ скромности запакиваетъ грудь съ умѣренно-смущеннымъ видомъ: — pardon, cher monsieur Болиголова! Я заставилъ васъ подождать немного, но это не моя вина... Я только что взялъ мою утреннюю ванну, а этотъ каналья, мой камердинеръ, забылъ, что вышелъ весь флаконъ ароматической эссенціи, которую я обыкновенно вливаю въ мою ванну (это, знаете-ли, необыкновенно освѣжаетъ организмъ), и я вынужденъ былъ дожидаться пока этотъ негодяй леталъ на извозчикѣ въ косметическій магазинъ... Простите, Бога ради!.. Душевно радъ видѣть васъ! говорилъ Шмецъ, трясая руку поручика своею мягкою, свѣжею и душистою рукою. — Но вы, впрочемъ, необыкновенно аккуратны! прибавилъ онъ въ видѣ комплимента.

— Да, я былъ у вашей двери ровно въ двѣнадцать часовъ, но пушкѣ.

— О, какъ-же, какъ-же! подхватилъ Шмецъ: — я знаю, знаю... У меня у самага часы всегда по пушкѣ, и мнѣ тотчасъ-же доложили о васъ, но... вы уже знаете обстоятельство... Я, признаюсь, очень люблю аккуратность, и хотя по натурѣ вовсе не Нѣмецъ („Такъ уже навѣрное Жидъ“, подумалъ при этомъ поручикъ), но относительно аккуратности всегда желалъ-бы быть самымъ педантическимъ Нѣмцемъ, — это моя слабость... Я очень уважаю въ другихъ это, рѣдкое въ наши дни, качество, и очень требователенъ къ самому себѣ, а потому надѣюсь, вы теперь понимаете мою невольную манкировку?

Болиголова только молча поклонился на все это словоизліаніе.

— Ну, однако, соловья баснями не кормятъ! съ нѣкоторою озабоченною торопливостью, потирая руки, продолжалъ Шмецъ: — и я полагаю, что нашъ скромный завтракъ уже ожидаетъ насъ въ столовой. Пожалуйте!.. Прошу покорно!

И они прошли въ столовую, отдѣланную дубомъ, въ русскомъ вкусѣ. Роскошный буфетъ, въ видѣ избы, съ поставцами, полками, гребешками, пѣтушками и коньками, былъ весь уставленъ серебряными и позолоченными чашками, братынями, стопами, кружками, тарелками и блюдами Овчинниковской и Сазиковской работы и занимая видное мѣсто въ комнатѣ, производилъ эффектъ необычайный. Дубовый столъ, покрытый нѣжно бѣлою, какъ снѣгъ серебристою скатертью, съ большими цифрами *A* и *III* подъ дворянскою короной, красовался по срединѣ комнаты, сверкая яснымъ хрусталемъ и серебряными приборами. Два гладко выбритые лакея въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, замѣчательные своими необычайно солидными и важными фізіономіями, отодвинули отъ стола два стула съ высокими рѣзными спинками — и хозяйинъ съ гостемъ заняли мѣста.

— Какъ военный челевѣкъ, вы, конечно, пьете водку? любезно замѣтилъ первый, раскрывая необыкновенно изящный шкафчикъ-погрѣбецъ, гдѣ помѣщалось нѣсколько графинчиковъ: — которую прикажите? Здѣсь и *амерь-блянишъ*, и джинъ, и алляшъ, и листовка, и очищенная, но... лучше всего я порекомендую вамъ вотъ что. Вы вѣдь служите въ Литвѣ, — стало быть, вѣроятно, имѣете понятіе о доброй старушкѣ — Литевкѣ?... Посмакуйте-ка эту и скажите какова!

И аккуратно наливъ дозу старки въ рюмочку, которая была величиною не болѣе какъ съ наперстокъ, онъ любезно подаль ее поручику.

„Ужъ лучше бы и не дразнилъ, а далъ бы, какъ

слѣдуетъ настоящую рюмку очищенной“, кисловато помыслилъ про себя этотъ.

— Ну-съ? Какъ вы находите? спросилъ господинъ Шмецъ, уже заранѣе впиваясь въ гости торжествующимъ взглядомъ.

Болиголова, конечно, похвалилъ его нектаръ, ибо успѣлъ замѣтить, что если господинъ Шмецъ вообще предлагаетъ, угощаетъ или показываетъ что либо у себя въ квартирѣ, то это дѣлается такимъ самодовольнымъ и заранѣе торжествующимъ тономъ, который необходимо требуетъ безусловной похвалы, восторга и удивленія.

— Ну-съ, а теперь примемтесь за росбифъ! аппетитно потирая руки, предложилъ хозяинъ.

Важный лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ снялъ съ серебряной миски массивную крышку — и два говяжьихъ куска защекали своимъ вкуснымъ паромъ обоняніе состольниковъ.

— Куски оба хороши, но... берите этотъ!.. Онъ, кажись, будетъ посочнѣе, любезно предложилъ господинъ Шмецъ, собственноручно подвигая къ гостю горячую серебряную миску. — Ну-съ, а насчетъ винца? продолжалъ онъ, снова впиваясь въ Болиголову своими тор-

жествующими круглыми глазками: — какое вы предпочитаете? Не стѣсняйтесь:—это рѣшительно все равно, потому что я, для своихъ потребностей, держу свой домашній погребу, гдѣ, къ услугамъ своихъ пріятелей, имѣются всѣ лучшіе сорта. Но... что до меня, то я за моимъ скромнымъ завтракомъ предпочитаю бутылочку бургонскаго. Одобряете-ли мой вкусъ?

— Какъ нельзя болѣе! любезно замѣтилъ поручикъ.

— Въ такомъ случаѣ, очень радъ, и тѣмъ болѣе что это не нарушаетъ моей привычки, а то знаете-ли, какъ-то скучно и менѣе вкусно пить одно вино, въ то время какъ добрый пріятель, сидя вмѣстѣ съ вами, смакуетъ другое... Отъ однородности вина является однородность ощущеній вкуса, что сообщаетъ однородную теплоту обонянію организмамъ, а отъ этой теплоты уже естественно рождается и симпатическая однородность впечатлѣній, мысли и настроенія, не такъ-ли? Это, знаете-ли, очень глубокое физиологическое наблюдение, и честь его, надо сознаться, я долженъ приписать самому себѣ, моему собственному анализу.

Всеволодъ Крестовскій.

(Окончаніе будетъ).

КРЕЩЕНІЕ.

Каждому случалось конечно присутствовать при водосвятіи на праздникъ Крещенія, которое напр. здѣсь въ Петербургѣ и въ Москвѣ совершается съ такою торжественностью. Не смотря на холодъ и „Крещенскій“ морозъ, усердствующіе обыкновенно кидаются въ освященную воду, въ прорубь—Иордань... У нашихъ единовѣрцевъ грековъ онъ совершается не съ меньшею торжественностью, но на благодатномъ югѣ броситься въ голубя волны въ это время—не то что въ нашу прорубь.

Рисунокъ представляетъ торжество это въ греческой деревнѣ. Патріархъ съ духовенствомъ сопровождаемый многочисленною толпою съ хоругвями и образами выходитъ на берегъ моря, на особо устроенный для этого торжества помостъ и согласно древнему обычаю, какъ

можно далѣе кидаетъ въ море деревянный крестъ.

Въ тотъ самый моментъ какъ крестъ погружается въ волны, не смотря на холодъ (хотя не такой какъ у насъ) въ эту пору года, какъ у насъ-же, молодые люди наперерывъ кидаются въ море и стараются взять крестъ, колыхающійся на волнахъ. Тотъ кто, преодолевъ всѣ трудности—успѣетъ схватить крестъ, принимается съ почетомъ на берегу и за тѣмъ въ деревнѣ. Каждый сельчанинъ жертвуетъ деньги, чтобы дать возможность счастливому пловцу отдохнуть послѣ труднаго плаванья. Половина собранной такимъ образомъ суммы поступаетъ въ доходъ мѣстной церкви, другая же дѣлится между всѣми пловцами, которые и тратятъ ихъ тутъ же на праздникъ.

Осада Пскова Стефаномъ Баторіемъ.

Когда на московскій престолъ сѣлъ одинъ изъ суровыхъ собирателей земли русской, великій князь Иванъ Васильевичъ III, русская земля стала расти, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, силчаваясь въ одно цѣльное, московское государство. Окрестные города съ князьями и землями не въ силахъ были долго сопротивляться и покорились: окранны государства, заселенные иноплеменниками признавали силу великаго московскаго князя и тоже склоняли голову.

Такая участь постигла при Иванѣ III Новгородъ, Хлыновъ (Вятку), Тверь и Пермь; при сынѣ его Васильѣ II города Псковъ, Казань и др. въ царствованіе внука, Ивана IV Грознаго иноплеменскія владѣнія: Казань, Астрахань и западную часть царства сибирскаго. Въ головѣ московскаго царя и самодержца созрѣвала мысль о возможности пробраться на западъ, къ Балтійскому морю и черезъ него завести дѣятельныя сношенія съ Европой и ея цивилизаціей. То, что впоследствии было приведено въ исполненіе Петромъ, являлось уже въ видѣ смѣлой попытки еще въ XVI вѣкѣ у царя Ивана IV-го. Послѣдній не удовлетворялся однимъ русскимъ моремъ, черезъ которое завязались сношенія съ Англіей: оно лежало на далекомъ сѣверѣ и представляло судоходству тѣмъ неудобствъ. Лѣто по сѣверѣ длилось не болѣе двухъ мѣсяцевъ, остальное время года стояла лютая зима, море заковывалось въ ледъ, огромныя массы котораго, разбитыя вѣтромъ, носились на страхъ запоздалымъ пловцамъ.

На западѣ Балтійское море представляло всѣ удобства для сношеній, а Ливонія, лежащая на дорогѣ, была великимъ соблазномъ по своей слабости и доступности. У Москвы велось съ ней къ тому же давнѣе счеты: ливонскіе рыцари, потомки прежнихъ меченосцевъ, не пускали въ Русь ни вещей, ни нужныхъ людей, опасаясь переимчивости молодого европейскаго ученика. Западъ дѣйствительно боялся этого и слабая орден-

ская земля, подкрѣпляемая ободреніемъ сильныхъ державъ, исполняла роль осматривающаго чемоданы таможеннаго чиновника. Требовался къ царскому двору какой-нибудь предметъ роскоши и привозили его изъ-за границы въ одинъ изъ ливонскихъ портовъ, онъ такъ и не попадалъ въ Москву; надо было умнаго человѣка, литейнаго мастера или живописца—ловчиря-ласъ таже исторія.

Завоевать Ливонію значило для высшаго класса Московіи очень много, потому что у него, еще въ то далекое отъ насъ время, явился спросъ на разные предметы культуры и благодаря естественной преградѣ, лежащей на западѣ, плохо удовлетворялся.

Въ этомъ видна рѣзкая разниця между нѣмцами временъ Ивана IV и нѣмцами Петра I. Одни тормозили русскую цивилизацію, другіе старались ее привить. Война Московіи съ Ливоніей была неизбежна. Полное незнаніе рыцарей, что имъ дѣлать и что предпринимать въ виду сильныхъ сосѣдей, принудило вступить въ союзъ съ Польшей, гдѣ въ то время королевствовалъ Сигизмундъ Августъ. Это послужило Ивану IV предлогомъ для начала войны съ нѣмецкимъ орденомъ. Видя въ такомъ союзѣ и другихъ неисполненіяхъ мирнаго договора личную обиду, онъ послалъ въ Ливонію войска изъ татаръ и черкесовъ, подъ начальствомъ бывшаго казанскаго царя Шигъ-Алея. Кончался первый мѣсяцъ 1558 года, когда эта орда дерзнула ливонскую границу и начала свои опустошенія. Дикимъ полчищамъ Московскаго царя сдавались крѣпости, замки и города; страна задымилась пожарами, застонала, обливаясь людскою кровью.

Рознь, лежащая между завоевавшими Ливонію нѣмцами и покоренными финнами, не давала послѣднимъ возможности смотрѣть на вторженіе русскихъ войскъ какъ на общую бѣду съ господами рыцарями. Народъ былъ такъ забитъ и апатиченъ,

Осада Пскова Стефаномъ Ваторіємъ. Рисов. на дер. Медвѣдь, гравир. К. Вейсманъ.

что къ дѣлу разоренія замковъ отнесся совершенно равнодушно: ему было все равно, кто бы всталъ на смѣну прежнихъ тирановъ, которые, будучи потомками нѣкогда славнаго рыцарства, выродились въ довольныхъ помѣщиковъ, ѣли, охотились, пьянствовали, не заботясь о будущемъ, сваливъ всю эту заботу на покореннаго туземца - крестьянина, слабого и безотвѣтнаго. Въ начатой Иваномъ IV войнѣ главнымъ образомъ пострадалъ опять таки онъ: около каждаго замка была деревня, она тоже не спасалась отъ огня и грабежа... Пороку недѣ было искать спасенія... Если бы рыцари откинули прочь свою лѣнь и праздность, такое внезапное вторженіе сильнаго сосѣда не имѣло бы мѣста. Швеція, воспользовавшись удобной минутой, начала тоже наступательныя движенія. Выставить противъ было нечего, кромѣ какой нибудь горсти негодныхъ солдатъ—Польша и Германия только обѣщали, но ничего не исполняли; минуя раздѣла Ливоніи казалось была близка, но магистръ ордена, Кетлеръ, далъ дѣламъ рѣшительный оборотъ: онъ передалъ власть надъ Ливоніей королю Сигизмунду Августу, а самъ обязывался находиться въ вассальныхъ отношеніяхъ, властвуя надъ выговоренной Курляндіей и Семигалией. Это случилось въ ноябрѣ 1561 года. Рыцари, пишегъ историкъ того времени, снявъ свои мантии не могли удержаться отъ слезъ.

Для Ивана VI дѣла приняла худшій оборотъ: вмѣсто слабой землицы, помогать которой всѣ отступились, врагомъ являлась сильная въ то время Польша. Въ ней, вскорѣ послѣ збѣгства бездарнаго Генриха Анжуйскаго, взошла на престолъ энергичная личность бывшаго трансильванскаго воеводы Стефана Баторія. Московскія войска въ длинный промежутокъ польскаго междуцарствія (республики) овладѣли нѣсколькими пограничными городами и Стефанъ поклялся вернуть своему королевству все, что у него отнято. Настойчивость его въ дѣлѣ достиженія цѣли бросалась въ глаза современникамъ и не въ малый укоръ ставилъ ему Иванъ IV, что онъ человекъ, который если *уцѣпится* за которое дѣло, то всегда на своемъ поставить хочетъ. Прибавьте къ этой чертѣ личную храбрость и умѣнье вести войну и тогда нетрудно будетъ рѣшить, насколько такой противникъ могъ быть опасенъ.

Кромѣ личныхъ средствъ въ распоряженіи Стефана Баторія находились наемныя войска изъ венгровъ и нѣмцевъ, хорошая артиллерія и возможность быстро наступательнаго движенія.

У Ивана IV войска были разбросаны по границамъ, а линія которую послѣднія представляли была очень длинна. Московскій царь требовалъ у новаго короля Польши возврата взятыхъ орденскихъ владѣній, какъ своей старинной отчины. Переговоры тянулись долго и кончились тѣмъ, что въ іюнѣ 1579 года Баторій объявилъ Московіи войну и вмѣсто того чтобы идти въ Ливонію, гдѣ война еще тянулась съ временными перерывами и куда стянулись русскія войска, двинулся совершенно неожиданно въ землю врага и черезъ какихъ нибудь два мѣсяца стоялъ подъ стѣнами недавно отнятаго у Польши Полоцкѣ.

Не желая брать на себя грѣхъ пролитія крови, убывая руки, Стефанъ Баторій, взявъ городъ приступомъ, писалъ Московскому царю слѣдующее: «такъ какъ намъ не годилось исполнить твое требованіе (возвратить Ливонію) то мы сѣли на коня и пошли подъ отчинный нашъ городъ Полоцкъ, который Господъ Богъ намъ и возвратилъ. *Слѣдовательно* кровь христіанская проливается отъ тебя!» Въ сношеніяхъ съ сильнымъ врагомъ Иванъ Грозный выказывалъ трусость и наказывалъ гонимъ своимъ говорить съ польскимъ королемъ осторожно, терпѣть, жаловаться на безчестіе *не прытко* и пр. Самъ царь не обходился однако, при случаѣ, безъ намековъ королю на то, что онъ государь только со вчерашняго дня. Стефанъ Баторій обходился съ московскими послами неочтительно, при имени Грознаго не вставалъ, о государевомъ здоровьи, какъ водилось тогда, не спрашивалъ, а къ самому царю писалъ бранныя посланія, въ которыхъ называлъ Грознаго московскимъ фараономъ, волкомъ среди овецъ, человекомъ ядовитымъ, ничтожнымъ и грубымъ. «Для чего ты къ намъ не прѣхалъ съ своими войсками, для чего своихъ подданныхъ не оборонялъ» писалъ онъ къ нему послѣ взятія Полоцка, «и бѣдная курица передъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты—орелъ двухглавый прячешься!»

Рыцарь въ душѣ и на дѣлѣ, Баторій вызывалъ Грознаго на поединокъ, не желая бить даромъ людскую кровь.

Сердце Грознаго срывалось въ этихъ случаяхъ на послаха отъ польскаго короля и окружающихъ; онъ не приказывалъ звать къ своему обѣду и не давалъ имъ продовольствія; вторые терпѣли отъ его вспыльчивости: яркій примѣръ его раздражительности въ это время — сыноубійство. За взятіемъ Полоцка слѣдовали другія не менѣе удачныя осады Сокола, Велижа, Усвята, Великихъ Лукъ, Острова. Король не разъ воровался въ Польшу за деньгами и свѣжими силами, склонялъ на свою сторону сеймъ, выставляя всю пользу войны съ Московіей и опять принимался за ратные подвиги, получивши желаемое. Съ нимъ неотлучно присутствовалъ канцлеръ Замоискій, его любимецъ и человекъ очень образованный.

Раздумавъ идти на Новгородъ, Баторій подступилъ къ самой сильной въ то время крѣпости московскаго государства—Пскову, подъ стѣнами котораго его счастьемъ суждено было пзмѣ-

ниться. Былъ Августъ мѣсяца 1581 года. Старый Псковъ частъ беззаконныя сосѣдніе нѣмцы и его укрѣпленія могли выдержать долгую осаду. На вершинѣ городскаго холма возвышался дѣтинецъ, обнесенный стѣной изъ большихъ плитъ, необыкновенной толщины. По мѣрѣ расширенія города по рѣкамъ Псковѣ и Великой возникали новыя крѣпостныя стѣны, то каменные, то деревянные—дубовыя. Поправки стѣнъ и башенъ производились часто: въ поврежденіяхъ отъ вышнихъ враговъ небылъ недостатка. Промежутки между башнями застилался тесомъ, со скатами на обѣ стороны. Линія городскихъ укрѣпленій нарушалась многими каменными выступами. Но не одвѣ стѣны служили Пскову защитой: каждый горожанинъ, имѣвшій силу держать въ рукѣ сѣкиру либо мѣстѣ и воинъ. Въ то время какъ Стефанъ Баторій подошелъ къ городу, въ немъ насчитывалось до 50,000 пѣшихъ и до 7,000 конныхъ людей—сила не малая. Пороху и *наряду* *) было достаточно для долгой обороны, пищи—тоже. Надежды горожанъ возлагались на двухъ искусныхъ воеводъ, бывшихъ въ то время во Псковѣ: Ивана Петровича Шуйскаго и Василя Федоровича Скопина.

Поляковъ, Венгровъ и Нѣмцевъ у Баторія было до ста тысячъ, однако король, увидавъ высокія и крѣпкія стѣны Пскова, замѣтилъ свою ошибку въ расчетѣ: онъ не подозрѣвалъ до этого что городъ такъ хорошо укрѣпленъ и соображалъ сколько надо имѣть пѣхоты; для взятія стѣнъ приступомъ оказалось что наличныхъ силъ, собственно пѣшихъ людей, надо втрое больше того сколько приведено; конница бесполезна въ дѣлѣ осады. Въ добавокъ пороху было очень недостаточное количество, ядеръ и пр. тоже, а стѣны видимо отличались крѣпостью и толщиной, требовали частой стрѣльбы изъ орудій, тогда еще недавно появившихся на полѣ военныхъ дѣйствій.

1-го Сентября непріятель однако началъ свои осадныя работы, которыя состояли въ копаньи *борозды* (траншеи) 7-го захремѣла пальба изъ тяжелыхъ единороговъ. На слѣдующій день счастье стало склоняться на сторону энергичнаго Стефана: стѣну въ одномъ мѣстѣ пробили и пошли на приступъ, при чемъ удалось занять и занять двѣ башни: Свиною и Покровскую. Знамя взятаго уже колыхалось на высотѣ псковскихъ твердынь. Горожане падали духомъ.

Иванъ Шуйскій и Печерскій игуменъ Тихонъ, изъ которыхъ первый отличался личной храбростью, а второй — силой вѣры и краснорѣчіемъ—вышли къ псковскому народу и воодушевили его, сказавъ что надо отбитися отъ врага во ч.обы то не стало. Псковичи кинулись къ пролому и началась страшная рѣзня... Свиная башня взлетѣла черезъ нѣсколько часовъ навоздухъ; Венгры были выгнаны изъ Покровской, при чемъ и съ той и съ другой стороны потери были довольно значительны.

Не надо думать что прежнія битвы отличались большей человечностью чѣмъ теперь; судить по числу убиваемыхъ триста лѣтъ нѣзядь и въ настоящее время. Битва подъ Псковомъ походила на бойню гдѣ люди забывали что они не звѣри и каждый схватившійся съ другимъ въ рукопашную видѣлъ въ соперникѣ дѣйствительнаго врага, напригалъ всѣ усилія, чтобы его уничтожить. Палицы, сѣкиры, мечи, копыя, самострѣлы, камни даже зубы все пускалось въ ходъ. Тяжелые стѣсняющіе доспѣхи сбрасывались и русскіе дрались въ однихъ рубашкахъ съ остервененіемъ дикаго звѣря. Густыя бороды ратниковъ придавали еще болѣе внушительный видъ и безъ того суровымъ лицамъ. Каргина смятенія, крика и кровавой передѣлки холоднымъ оружіемъ заволакивалась дымомъ ударившей пушки...

Потери Баторія были значительнѣе русскихъ утратъ: у него убитыхъ собрали болѣе пяти тысячъ и въ томъ числѣ погибли храбрый предводитель Венгровъ Гавриилъ Бекешъ; Псковичи потеряли 863 чел. убитыми, да раненыхъ оказалось болѣе полутора-тысячъ. Насталъ мирный промежутокъ: военныя дѣйствія прекратились за недостаткомъ пороха у осаждавшихъ. За нимъ послали къ курляндскому герцогу.

Къ довершенію королевской неудачи, начались морозы; войско стало выказывать явное неудовольствіе, негодовало на Замоискаго, который хотѣлъ завести у наемщиковъ строгую дисциплину. Баторій рѣшилъ оставить своего канцлера подъ Псковомъ, а самъ поѣхалъ въ Польшу доложить сейму о ходѣ дѣлъ, запастись деньгами и всѣмъ нужнымъ. Грозный давно желалъ мира, но король не соглашался на такого рода сдѣлки и хотѣлъ добиться своего. Въ тоже время онъ плохо рассчитывалъ на поддержку отъ сейма и былъ поставленъ этимъ въ затруднительное положеніе. Послѣднимъ и воспользовался Иванъ IV. Нѣсколько разъ обращаясь къ иностраннымъ державамъ а въ томъ числѣ къ Папѣ съ просьбами о умиротвореніи беззаконнаго Стефана, онъ добился того, что папскій посоль, иезуитъ Посевинъ взялся за дѣло посредничества. По миру, заключенному на десять лѣтъ, въ декабрѣ 1581 года, недалеко отъ Заполья или Запольскаго Яма, въ деревнѣ Киверовой горѣ, Московское государство вынуждено было отказаться отъ всего что было захвачено въ злополучной Ливоніи и отложить такимъ образомъ свои покушенія на Балтійское море до болѣе удобнаго случая, который, какъ извѣстно, представился въ началѣ прошлаго столѣтія.

*) Пушкинъ.

РЫЦАРЬ ВЪ ЗАКОЛДОВАННОМЪ ЛЪСУ.

(Ундина, Жуковскаго, подражаніе Ламоттъ Фука).

Фридрихъ де Ламоттъ-Фука принадлежалъ къ семейству нормандскихъ эмигрантовъ. Онъ родился въ Бранденбургѣ въ 1781 году и былъ одно время офицеромъ, но въ послѣдствіи, принужденный болѣзнию выйти въ отставку, онъ переселился въ Берлинъ, гдѣ и жилъ до самой своей смерти въ 1843 году. Материалы для своихъ произведеній Фука бралъ большей частью изъ жизни среднихъ вѣковъ. Въ его стихотвореніяхъ мы часто встрѣчаемъ рядомъ съ теплымъ и нѣжнымъ чувствомъ какую то искусственную и принужденную холодность. Его волшебные и рыцарскіе романы отличаются такою же фантастичностью какъ и произведенія его предшественниковъ. Сказка «Ундина» принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Въ ней разсказываются похождения водяныхъ духовъ, не имѣющихъ души, но которые одарены ею за особенную доброту и благодѣянія людямъ.

Жуковский увлекся Ундиной Фука и, начавши вольный ея переводъ, сумѣлъ не только воспріять всю красоту подлинника, но далеко превзошелъ автора и такимъ образомъ создалъ почти совершенно оригинальное произведеніе, заслужившее громадную извѣстность.

Разсказъ, послужившій темою для прилагаемой картинки, былъ сообщенъ рыцаремъ Гульбрандомъ, попавшимъ въ бѣдную хижину рыбака, гдѣ онъ по случаю разлитія ручья долженъ былъ остаться нѣсколько дней сначала по неволѣ, а потомъ уже по собственному своему желанію, влюбившись въ прелестную Ундину, приемную дочь стараго рыбака него жены.

Ужасная во время турнира за одной изъ городекныхъ красавицъ, гордой и своенравной, но въ тоже время и легкомысленной Бертольдой, и уже почти увѣренный въ своемъ успѣхѣ, онъ попросилъ у нее однажды подарить ему перчатку, на что она и согласилась по съ условіемъ, если онъ рѣшится съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ и принести вѣтви о томъ, что тамъ происходитъ. Не была дорога рыцарю перчатка, но не желая изъ тщеславія отказаться отъ требуемаго, онъ согласился и отправился въ путь.

Спокойно сіяли деревья
Въ блескѣ зари, полосами лежавшемъ на зелени дерна — разсказывалъ рыцарь —
Было свѣжо; благовонныя листья такъ сладко шептались,
Все такъ манило подъ сумракъ прозрачный, что по неволѣ
Злишься на глушость людей, которымъ странныя лица въ райскомъ

Мѣстѣ такомъ могли померещиться. Въхалъ я въ чащу:
Мало по молу все стало пустынно и тихо, густой
Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ будто хватая
Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержалъ: посмотрѣть, высоко ли
Вошло солнце, хотѣлъ я; глаза подымаю, и что же
Вижу? Черное что-то копошится въ вѣтвяхъ дубовыхъ.
Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обнажилъ поспѣшно
Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ, дикимъ, визгливымъ
Мнѣ закричали, кстатѣ пожаловалъ, милости просимъ.
Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ было на чѣмъ намъ
Вашу милость изжарить. Потомъ съ отвратительно-дикимъ
Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ зашумѣло
Вѣтвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился мимо,
Вскачъ, и я не успѣлъ разглядѣть, какой такой гнѣздился
Дьяволь...

Конь мой
Мчался, какъ бѣшеный... Имъ овладѣть не имѣлъ я
Силы; вдругъ передъ нами стремнина, и скачетъ со мной онъ.
Прямо въ нее: но въ самое жъ это мгновеніе кто-то
Длинный, огромный, съдой, перерѣзавши пашу дорогу
Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился, и конь отшатнувшись,
Сталъ, и снова я имъ овладѣлъ. Озираюсь и что же?
Мой спаситель былъ не съдой великанъ, а блестящій
Изнестый ручей, бѣжавшій съ холма.

Но не успѣлъ рыцарь опомниться, какъ видитъ вдругъ, что
подлѣ него стоитъ

Отвратительный, грязный горбушъ, землянаго
Цвѣта лице, носъ огромный такой, что какись,
Былъ онъ длиною со все остальное тѣло уroda.
Онъ хохоталъ, оскаливъ зубы, шаркалъ ногами,
Гнулъся въ дугу. Я его оттолкнулъ, и коня повернувши
Былъ готовъ пуститься въ обратный путь... но карликъ
Прянувъ какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Берегись.
Я закричалъ, раздавлю. Но уродъ изковеркавшись снова,
Началъ визжать: сперва заплакавъ за работу: ты въ пропасть
Вмѣстѣ съ конемъ бы легълъ, когда бы не я подвернулся.

Рыцарь кинулъ ему золотой, но карликъ все не отставалъ и
все преслѣдовалъ его, онъ бросилъ ему еще одну золотую мо-

нету, но тотъ расхохотался и закричалъ: поддѣльное золото!
Золота много есть у меня! погляди, полюбуйся.

И въ эту минуту
Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла земная утроба,
Дернъ изумруднымъ, прозрачнымъ сдѣлался: взоръ мой свободно
Могъ сквозь него проникать въ глубину; и тогда мнѣ открылось
Область подземныхъ гномовъ: они гомозились, ронились
Комкались въ клубы, вились, развивались, сгребали металлы
Сыпали въ кучи рубинъ и сафиръ и смарагдъ и пускали
Вихри песка золотого другъ другу въ глаза. Мой сопутникъ
Быстро метался то внизъ, то вверхъ, и ему подавали
Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со смѣхомъ.
Каждый онъ въ бездну бросалъ, и, изъ пропасти въ пропасть
со звономъ
Падая, всѣ въ глубинѣ печезали со звономъ. Тогда онъ монету,
Данную мною, швырнулъ съ пронзительныхъ хохотомъ бездну;
Хохотомъ, шиканьемъ. свистомъ ему отвѣчали изъ бездны.

И вдругъ всѣ гномы затопились, забѣгали и ползли къ вер-
ху, растопыривъ на рыцаря свои длинные, покрытые пылью
металловъ когти. Ужасъ объялъ рыцаря и онъ, давъ шпоры ко-
ню пустился безъ оглядки и очнувшись увидѣлъ, что кругомъ
его уже нѣтъ никого, въ лѣсу все темно и уже вечерѣетъ и
сквозь деревья мелькаетъ тропинка, ведущая въ городъ. Онъ
торопится въхалъ на нее, но...

Что то сѣдо,
Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ, поминутно
Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и мнѣ заслонило
Путь: я пытаюсь объѣхать его, но куда ни поѣду
Тамъ и оно; разсердившись скачу на проломъ, но на встрѣчу
Прощетъ мнѣ пѣна, и ливнемъ холоднымъ я обдаю и рвется
Конь мой назадъ; ослѣпленъ, промоченъ до костей бросаюсь
Вправо и лѣво, но вте немогу попасть на тропинку,
Бѣлый никакъ на нее не пускаетъ меня. Попытаюсь
Вхалъ обратно—за мной по пятамъ онъ, но смиренъ и волю
Путь продолжать мнѣ даетъ: но лишь только опять на тропинку
Вѣду—онъ тутъ и опять заслоняетъ ее и холодной
Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ поневолѣ я выбралъ
Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ ужасно.

И такъ, противъ воли продолжая путь по указываемому этимъ
привидѣніемъ направленію, рыцарь въхалъ на поляну, гдѣ
стояла избушка рыбака.

Итакъ рыцарь изъ царственныхъ палатъ, съ шумныхъ тур-
нировъ и баловъ, очутился въ маленькой бѣдной лачугѣ, среди
стариковъ, мельника и его жены. и въ обществѣ красавицы дочки.
Но его не тянуло назадъ въ шумное общество, и общество Ун-
дины...

И прелестью пронизала, тишина
Душу Гульбранда, какъ прелестъ весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою думой.

Но случай прибавилъ къ нимъ еще одного человѣка и этотъ
незнакомецъ, занесенный на образовавшийся валѣдствіе силь-
ныхъ разливовъ островъ, былъ священникъ.

Только этого человѣка и не доставало, чтобы составить счастье
Ундины и рыцаря, которые смотрѣли на него какъ самимъ про-
видѣніемъ данное благо. И долго не думая Гульбрандъ объя-
вилъ себя женихомъ прекрасной Ундины. Послѣ вѣнчанья, ко-
гда старики съ отеческой любовью обняли обонхъ ново-
брачныхъ, Ундина, спокойно стоявшая во время — вдругъ на-
чала шалить. всѣхъ тормошитъ, причѣмъ и священникъ не былъ
оставленъ въ покоѣ, такъ что наконецъ замѣтилъ, что нужно
бы было въ такіа минуты думать о своей душѣ, а не шалить
такъ легкомысленно...

Душу? смѣясь закричала Ундина,
А если кому души не досталось,
Что тому дѣлать?

Оскорбленный священникъ строго взглянулъ на нее и по-
ручивъ молодую жену мужу вышелъ изъ хижины вмѣстѣ съ
стариками.

Милый, ты вѣрно также покинешъ меня, прошептала
Робко Ундина, но чѣмъ же я бѣдная, чѣмъ виновата?
Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ нему поднялися
Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали
Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что рыцарь
Все позабылъ и въ порывѣ любви протянулъ къ ней объятья.

Такъ прошелъ первый день; на второй около вечера Ундина

съ лаской прозрла Гульбранда слѣдомъ за нею идти и повела его въ лѣсъ, на островокъ окруженный водами разлившася ручья и увѣвшись подъ деревомъ Ундина начала:

Слушай. Ты долженъ знать ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ созданья, Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства; Рѣдко вы видите ихъ. Въ огнѣ живутъ Саламандры, Чудные, рѣзвые, легкіе: въ нѣдрахъ земли, не приступныхъ Свѣту, водятся хитрые Гномы; въ воздухѣ вѣютъ Сильфы; доно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ Духи веселыи водъ. Прекрасно и вольно живется Тамъ, подъ звонкокрystalными сводами; небо и солнце Свѣтятъ сквозь нихъ; и небесныя звѣзды туда проникаютъ; Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ пурпуромъ яркимъ, Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гуляешь по мягкимъ Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорамъ раковинъ пестрыхъ Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ минувшихъ Лѣтъ, облеченное тайнымъ [серебряныхъ водъ покрываломъ, Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ: всѣ онъ съ любовью Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные ихъ рядитъ. Пышнымъ вѣтвомъ тростниковъ ихъ сѣдья главы обвиваетъ. Жители странъ водяныхъ обольстительно—много прекраснѣй Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ погнавѣвши Дѣву морскую,—когда, изъ воды подымаяся тайно, Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ—повергался Въ хладную влагу за нею. Ундинами чудныя эти Дѣвы слывуть у людей. И, вдругъ, ты теперь предъ собою Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундину.—Гульбрандъ содрогнулся: Холодъ по членамъ его пробѣжалъ; неподвиженъ, какъ камень, Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лицо разскащицы милой, Силь не имѣя очей отвести. Покачавъ головою, Грустно замолкла она, вздохнула, потомъ продолжала:

Видомъ наружнымъ мы тоже, что люди, быть можетъ и лучше, Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми, покидал Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ и тѣломъ и духомъ. Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ, изъ праха Въ лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ. Намъ души не дано; пока продолжается наше Здѣсь бытіе, намъ стхнш покорны; когда жъ умираемъ, Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ вмгѣ истребляютъ:

Послѣ этого объясненія миръ, покой и довольство водворились въ хижинѣ. Но рыцарь задумывалъ вмѣстѣ съ ундинами вернуться къ себѣ на родину въ свой замокъ на Дунаѣ. Прошло нѣсколько времени, ручей уже вошелъ въ свои берега и рыцарь, простившись съ добрыми старичками, въ сопровожденіи священника пустился въ путь къ тому имперскому городу, откуда рыцарь гордой красавицей посланъ былъ въ заключенный лѣсъ. Во время странствованія по лѣсу къ нимъ присоединился еще третій человекъ, — онъ оказался дядей Ундины—лѣснымъ водопадомъ, который отрѣзалъ обратный путь рыцарю въ первые дни пребыванія его въ хижинѣ рыбака. Сопровождаемые имъ, дошли путники до окончанія лѣса, гдѣ Ундина обратившись къ дядѣ своему Струю сказала:

Вотъ и лѣсу конецъ.
Помощь твою теперь не нужно, оставь насъ; скорѣе Съ миромъ исчезни! Струй разсердился: онъ сдѣлалъ такую Страшную харю и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина Громко вскрикнула...

Рыцарь увидѣвъ ея испугъ, выхватилъ свой мечъ и хотѣлъ ударить имъ Струя; но тотъ рассыпался водопадомъ, обдавъ рыцаря холодною вѣной. Но лѣсъ окончился и они благополучно добрались до города.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Дѣло Овсянникова о поджогѣ.

(Окончаніе).

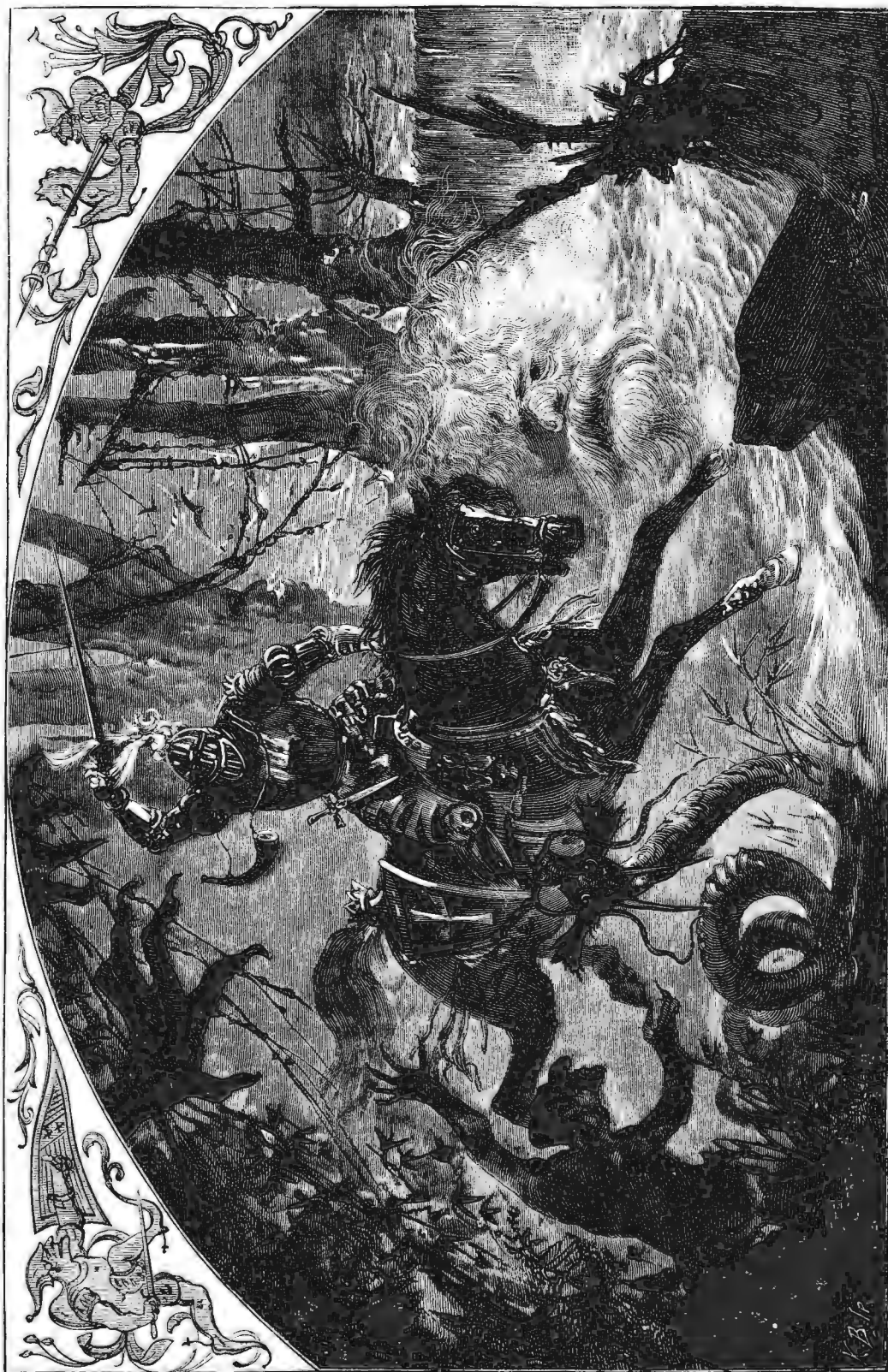
Товарищъ прокурора Жуковскій обвиненіе свое постропилъ, главнымъ образомъ, на исчисленіи тѣхъ выгодъ, которыя Овсянниковъ могъ имѣть отъ уничтоженія мельницы, въ связи съ долгосрочнымъ контрактомъ по поставкѣ провіанта въ Военное Министертво. Изъ данныхъ, добытыхъ какъ предварительнымъ, такъ и судебнымъ слѣдствіемъ, видно, что поставку въ Петербургъ выгоднѣе было производить мукою, нежели рожью; цѣна на муку мало измѣняется и кромѣ того, при провозѣ рожь гораздо скорѣе подвергается порчѣ вслѣдствіе подмочки, между тѣмъ какъ муку послѣ порчи можно сдабривать, а потому и удобнѣе доставлять хлѣбъ мукою, а не зерномъ. Затѣмъ при доставкѣ хлѣба мукою, расходъ на перемолъ остается у контрагента въ барышахъ и въ годъ барышъ этотъ достигаетъ до 400 тыс. р. Обращаясь къ самому пожару прокуроръ указалъ на то, что когда Помощникъ Градоначальника заявилъ Овсянникову предположеніе о поджогѣ, то Овсянниковъ исчезъ и его не могли найти, между тѣмъ какъ Овсянниковъ на судѣ заявлялъ, что онъ слѣдовалъ за Помощникомъ Градоначальника и лазилъ даже съ опасностью жизни въ машинное отдѣленіе; пожарные этого факта также не подтвердили. Принимая въ соображеніе отношенія Овсянникова къ интендантству и тѣ весьма скромныя указанія окружнаго интенданта Скворцова на явившіся у него подозрѣніе: «не продаетъ-ли Овсянниковъ казенную муку» и что отношенія между интендантствомъ и Овсянниковымъ дѣлаются натянутыми, можно объяснить себѣ расположеніе Овсянникова къ сдѣланному имъ пожертвованію, чрезъ что можно было имѣть болѣе шансовъ заручиться правомъ на заключеніе долгосрочнаго контракта съ 1876 года. Пожертвованіе хотя и было сдѣлано; но нельзя сказать, чтобы оно ввело Овсянникова въ большіе убытки, если вспомнить, что на мельницѣ не было столько муки, сколько числилось по книгамъ интендантства, и то, что интендантство платило ему 8 руб. 31 к. за кулъ и навонецъ, что горѣлой муки было продано нѣсколько тысячъ кулей частнымъ лицамъ по настоящей цѣнѣ, такъ что купецъ Шушинъ телеграммою прислалъ даже Овсянникову не прислать ему горѣлой муки; то увидимъ, что это пожертвованіе раскладывалось и на частныхъ лицъ, и убытокъ, такимъ образомъ, не былъ великъ. Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію отношеній Овсянникова къ Кокореву оказывается, что мельница была для нихъ не болѣе, какъ финансовой операціей, такъ что даже тяжба за нее не была препятствіемъ къ хорошимъ между ними отношеніямъ, что доказывается даже и тѣмъ, что Кокоревъ Овсянникову способствовалъ въ покупкѣ дома Утна и даже купчая на этотъ домъ совершалась въ квартирѣ Кокорева; между тѣмъ какъ на судѣ ихъ отношенія кажутся — инымъ: одинъ—оправдываетъ себя по обвиненію въ поджогѣ, другой—доказываетъ свой ущербъ отъ этого поджога.—Вообще, это люди, обладающіе практичнымъ тактомъ, неспособные портить дѣло изъ за взаимныхъ отношеній.

Затѣмъ, товарищъ прокурора, сводя вмѣстѣ всѣ факты этого дѣла, указалъ на распоряженіе Левтѣева относительно выпуска воды изъ бака, представляющее собой приготовленіе къ поджогу, который лежитъ въ интересахъ Овсянникова; что только благодаря этому поджогу, онъ получилъ возможность заявить право на конкуренцію полученія долгосрочнаго контракта, такъ какъ трудно было ожидать, чтобы кто-нибудь предложилъ интендантству возобновить мельницу. Говоря о Рудометовѣ, положеніе котораго въ настоящемъ дѣлѣ является крайне неоптимальнымъ, товарищъ прокурора указалъ на то, что Рудометовъ измѣнилъ свое первое показаніе, гдѣ онъ сказалъ, что его не было на дворѣ, а онъ ушелъ въ кухню въ пятый этажъ и задремалъ! Но въ зерно сумкильнѣ тлѣніе трухи распространяетъ сильный горѣлый запахъ, какъ бы торфа, слѣдовательно, какимъ же образомъ, идя въ кухню, Рудометовъ не обратилъ вниманія на это тлѣніе?

Слѣдовательно, если признать распоряженія Левтѣева приготовленіями къ поджогу, который былъ въ интересахъ Овсянникова, то легко вывести что фактически въ виновникомъ въ настоящемъ дѣлѣ можетъ быть только Рудометовъ. Рудометова встрѣчаютъ вездѣ: на дворѣ, на лѣстницахъ; ему вѣтрено охраненіе мельницы и его никто не контролируетъ; трудно, чтобы кто нибудь другой рѣшился на поджогъ, безъ согласія съ нимъ, опасаясь встрѣтнть его въ любомъ помѣщеніи мельницы. Затѣмъ, если принять во вниманіе отношенія, которыя существовали между Левтѣевымъ и Рудометовымъ, можно придти къ заключенію, что изъ всѣхъ служащихъ на мельницѣ, Левтѣевъ съ болѣею прочностью могъ вѣрнть тайну преступленія Рудометову. Сгорѣвшая мельница была построена, чтобы кормитъ солдатъ; но такой точки зрѣнія у Овсянникова не существовало; это удостовѣряется тѣмъ приказомъ министерства, въ силу котораго онъ былъ удаленъ отъ казенныхъ подрядовъ. Правительству трудно бороться съ злоупотребленіями когда и такое лицо, на которое оно могло бы разсчитывать, лицо, которое гордится своими пожертвованіями, своимъ общественнымъ положеніемъ, отступаетъ отъ своихъ служебныхъ обязанностей, и также мало думаетъ о своемъ меньшому братѣ, который не присутствуетъ здѣсь и не знаетъ, что его скудный паекъ служитъ для эксплуатаціи миллионеру.

Гражданскій истецъ коммерціи совѣтникъ Кокоревъ, (владѣлецъ сгорѣвшей мельницы), допуская существованіе поджога, въ подтвержденіе своего предположенія указывалъ на свидѣтеля Клокова, который показалъ, что онъ нашелъ маленькую дочь Рудометова въ швейцарской въ то время, когда тамъ не было ни матери, никого изъ старшихъ, это, какъ будто, выражало какую-то предварительную заботливость—ожидая пожара, перемѣститъ маленькаго ребенка поближе къ выходу.

Указывая затѣмъ на выгоды подряда, особенно при веденіи дѣла такимъ образомъ какъ оно велось у Овсянникова, когда

Литературный альбомъ. Ундина. Соч. Фюз, переводъ Жуковскаго. Рыцарь Гульбрандъ въ заколдованномъ лѣсу. Рисов. Н. Карзинъ, грав. К. Вейерманъ.

онъ забываетъ выгоды всёхъ, исключая самого себя—онъ закончилъ свое слово слѣдующимъ обращеніемъ къ гг. присяжнымъ засѣдателямъ: Часъ приближается, когда представители народной совѣсти, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей произнесутъ свой приговоръ надъ подсудимыми; да часъ приближается... когда всякое проявленіе человѣческаго ума относительно производимаго процесса умолкнетъ, когда самъ законъ, съ его вѣковой мудростью и опытностью, будетъ безмолвствовать, и наступитъ минута нелицеприятнаго владычества совѣсти; въ моментъ этого владычества совершается тайная связь видимаго міра съ невидимымъ! Въ этотъ моментъ вдохновеніе нисходитъ на совѣсть лицъ избранныхъ для произнесенія приговора и это вдохновеніе руководитъ всёмъ его направленіемъ! Нѣтъ сомнѣнія, что вдохновеніе совѣсти—произнести приговоръ чистѣйшей правды. Не напрасно-же на Русской землѣ существуетъ вѣковѣчная поговорка: «правда свѣтлѣ солнца».. ея лучи животворятъ всёхъ, ея исчезновеніе погружаетъ всёхъ въ мракъ; вотъ почему, когда наступаетъ моментъ рѣшенія уголовного процесса—всѣ наблюдающие за этимъ дѣломъ, не только находящиеся въ судѣ, но и за стѣнами суда, а при важныхъ процессахъ цѣлая страна—ожидаютъ проявленія правды, истины, обновляющей и очищающей цѣлую страну. Близокъ часъ, когда 12 представителей народной совѣсти уединятся для совѣщанія; это совѣщаніе будетъ заключать въ себѣ священнодѣйствіе свободнаго человѣческаго духа, не смѣняемаго никакимъ писаннымъ закономъ; священнодѣйствіе, совершаемое на алтарѣ совѣсти! Да святится и превозносится на этомъ алтарѣ имя Вѣчной правды проявленіемъ правды.

Защитникъ Овсянникова, присяжный повѣренный *Потыкинъ*, въ своей защитѣ между прочимъ указалъ на то, что какъ изъ обвинительнаго акта, такъ и изъ рѣчи товарища прокурора видно, что Овсянниковъ былъ головою, Левтѣевъ — проворной ногой, а Рудометовъ—послушной рукой. Обвиненіе окружило ихъ такъ, что никто иной не могъ произвести поджога, кромѣ ихъ. Хотя представитель интересовъ страховыхъ обществъ, желая оставить лазейку, чтобы разрушить цементъ, связывающій подсудимыхъ — допускаетъ, что обвиненіе можетъ только обрушиться на Овсянникова и Левтѣева, отъ обвиненія же Рудометова почти отказался, предоставляя это совѣсти присяжныхъ, дойдя даже до того, что предполагаетъ возможность поджога черезъ кого-нибудь другаго—но врядъ ли возможно идти такъ далеко. Обвиненіе также съ точностью перечислило всёхъ лицъ, кто и по какимъ причинамъ могъ совершить поджогъ и указало, что остается единственный путь поджога—путь проложенный Рудометовымъ.

Но прежде чѣмъ придти къ такому заключенію, нужно задаться сперва вопросомъ: дѣйствительно ли Овсянниковъ та голова, которая умыслила поджогъ? Главныя существенныя доказательства, что тутъ былъ умыселъ и подстрекательство со стороны Овсянникова, выражаются, по мнѣнію прокуратуры, двумя выгодами, которыя Овсянниковъ могъ имѣть отъ уничтоженія мельницы. Но высчитать выгоды, барыши, убытки и приобрѣтенія по бюджетнымъ предположеніямъ, по мнѣнію защиты, не возможно: для этого нужно требовать, чтобы цифры были по возможности вѣрны, чтобы всё плюсы и минусы были соображены. Но обвиненіе поступаетъ не такъ. Оно останавливается на выгодахъ отъ помола и разчитывая, что 2 года выгоды отъ помола должны дать 200 тысячъ, упускаетъ изъ виду то, что должно требоваться для превращенія ржи въ муку, гдѣ бы превращеніе это не производилось; не можетъ же обвиненіе сказать, что превращеніе это дѣлалось въ низовыхъ губерніяхъ чудеснымъ образомъ — оно должно сказать, что и

тамъ за него платили. Главныя данныя для обвиненія видятъ въ томъ, что Овсянниковъ стремился завладѣть долгосрочнымъ подрядомъ, а для этого нужно было устранить всякую возможную конкуренцію. Какъ обвиненіе, такъ и повѣренный страховыхъ обществъ желаютъ доказать, что безъ мельницы невозможно существованіе самого долгосрочнаго подряда. Если это такъ, то возможно-ли, чтобы Овсянниковъ, желая получить долгосрочный контрактъ, сознавая, что онъ имѣетъ смыслъ только при существованіи мельницы, разрушаетъ, уничтожаетъ ее и ставитъ невозможнымъ заключеніе долгосрочнаго контракта. Улики эти, по мнѣнію защиты, не страшны. Нужно серьезно отличить выгоды, какъ послѣдствія содѣяннаго преступленія.

Доказывая затѣмъ невозможность поджога какъ по мѣсту и времени, равно и исполненія его однимъ лицомъ, и говоря о несообразности и рискованности его, въ то время когда на мельницѣ было болѣе 25 лицъ и присутствовалъ Кузнецовъ, игравшій роль шпіона Овсянникова.

Г. Потыкинъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «гг. присяжные засѣдатели! Я увѣренъ, что у васъ достанетъ гражданскаго мужества сунуть съ этого дѣла наросты, чтобы судить Овсянникова не какъ семьянина, не какъ куица, не какъ чловѣка съ общественной дѣятельностью, ни за его характеръ, ни за его отношенія къ семьѣ, а какъ преступника, только по тому вопросу, поджегъ или не поджегъ онъ эту мельницу».

Защитникъ другаго подсудимаго, Левтѣева—присяжный повѣренный *Лыковъ*, находилъ, что обвиненіе въ дѣлахъ о поджогахъ является обыкновенно съ небольшими уликами, и что это совершенно естественно, такъ какъ никто не станетъ поджигать публично, а обвинять при отсутствіи улики въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняютъ Левтѣева, это все равно, если бы его обвиняли въ убійствѣ, и старались доказать, что онъ проживать съ фальшивымъ видомъ. Самая главная улика противъ Левтѣева—это выпускъ воды, — также является не вѣскою.

Защитникъ третьяго подсудимаго, Рудометова, присяжный повѣренный *Соколовскій*, находилъ, что его защита представляется дѣломъ болѣе легкимъ, нежели товарищамъ его по защитѣ: что ему не нужно имѣть дѣла съ математическими выкладками и съ разными техническими приспособленіями. Его клиентъ чловѣкъ маленький и между нимъ и Овсянниковымъ существуетъ громадное разстояніе въ общественномъ положеніи. Если вспомнить показанія свидѣтелей Рудометова, то окажется, что Рудометовъ былъ и сторожемъ, и поваромъ, и посылнымъ, возможно ли послѣ этого допустить, какую либо солидарность между нимъ и Овсянниковымъ. Затѣмъ, защита обратила вниманіе на ту обстановку, въ которой жилъ Рудометовъ. Онъ жилъ на мельницѣ съ женою и дочерью, тамъ-же жили прикащики. Рудометовъ — чернорабочій, и если бы у него шли переговоры съ Левтѣевымъ о поджогахъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, эти переговоры не могли-бы укрыться отъ остальныхъ, жившихъ на мельницѣ. Овсянниковъ миллионеръ, воспользовался-ли Рудометовъ за приведеніе въ исполненіе его преступнаго замысла хотя одной копѣйкой изъ его миллионѣ? Нѣтъ. Матеріальное положеніе его осталось тоже и лишь только прибавилось 17 руб. долгу. Развѣ такъ вознаграждаютъ миллионеры своихъ слугъ? Въ виду несостоятельности обвиненія противъ Рудометова, защита просила оправдать его.

По постановкѣ вопросовъ присяжные вынесли приговоръ уже извѣстный нашимъ читателямъ. («Нива» № 51).

С М Ъ С Ъ .

Адская машина для взрыва судовъ. Известно, что англичане, при помощи весьма замысловатыхъ приборовъ, спускались на дно моря и отрѣзывали якорныя канаты неприятельскихъ гомеръ, такъ что гомеры прибывало волнами къ берегу и онѣ дѣлались добычею неприятеля. Одинъ французскій артиллерійскій лейтенантъ, Денойрръ, придумалъ приборъ, который можетъ быть примененъ къ разрывнымъ снарядамъ (адская машина), употребляемымъ для уничтоженія неприятельскихъ судовъ. Опыты надъ этимъ приборомъ были недавно произведены въ Англии, въ *Alexandre palace*, въ присутствіи комитета адмиралтейства. Было доказано, что чловѣкъ, вооруженный этимъ приборомъ, можетъ оставаться и работать подъ водою въ продолженіи двухъ часовъ, нисколько не сообщаясь съ поверхностью воды. Водолазъ можетъ двигаться подъ водою во всёхъ направленіяхъ, погружаться и подниматься какъ ему вздумается. Путеводителемъ для него служитъ компасъ, а читать по немъ онъ можетъ при свѣтѣ лампы, зажигаемой и гасимой когда угодно; при ихъ средствахъ, для него очень легко убрать разрывные

снаряды, помѣщенные неприятелемъ, и поставить свои для уничтоженія неприятельскихъ судовъ. Операніи эти какъ дознано опытно, могутъ быть произведены въ полнѣйшемъ секретѣ и чловѣкъ, на котораго возлагается эта обязанность, такъ же огражденъ отъ наблюденій, какъ рыба на днѣ морскомъ. Напримеръ, солдатъ, вооруженный этимъ снарядомъ, можетъ спуститься въ русло рѣки, и, поведомимый компасомъ, направиться къ стоящему на якорѣ судну, подняться до боковъ судна или спуститься до его подводной части, прикрѣпить тамъ принесенный имъ разрывной снарядъ (*torpille*) возвратиться на берегъ съ веревкою, привязанною къ этой адской машинѣ и произвести взрывъ. Такимъ же образомъ онъ можетъ сдѣлать безвреднымъ снаряды, положенные неприятелемъ. По словамъ «*Morning Post*» опыты оказали весьма удовлетворительными. Люди, производившіе эти опыты, оставались болѣе трехъ четвертей часа подъ водою и производили всѣ вышеописанные маневры. Члены адмиралтейской комисіи высказали свое полное одобреніе этому изобрѣтенію.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

Циркуляръ министра финансовъ казеннымъ палатамъ и областнымъ правленіямъ о примѣненіи закона 5-го іюня 1873 года о сборѣ съ содержанія.

При примѣненіи Высочайше утвержденнаго 9-го іюня 1873 г. мѣрніи государственнаго совѣта о сборѣ съ содержанія при увеличеніи онаго и при поступленіи на государственную службу, возбужденъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли производить вычетъ изъ содержанія преподавателей и другихъ служащихъ лицъ, увеличеннаго по случаю преобразованія уѣздныхъ училищъ въ городскія.

По соображеніи означеннаго вопроса съ закономъ 9-го іюня 1873 г., о сборѣ при увеличеніи содержанія состоящимъ въ государственной службѣ лицамъ и при поступленіи на службу, вопросъ этотъ, по соглашенію моему съ государственными контролеромъ и министромъ народнаго просвѣщенія, разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ, на основаніи 3 примѣч. къ п. I ст. I закона 9-го іюня 1873 г., установленному симъ закономъ сбору не подлежатъ содержаніе, увеличенное по случаю изданія новыхъ штатовъ, то при преобразованіи уѣздныхъ училищъ въ городскія, со введеніемъ новыхъ штатовъ, не подлежатъ вычету съ повышенныхъ окладовъ тѣ преподаватели и другія служащіе лица, которыя при означенномъ преобразованіи остались на должностяхъ равныхъ или соответствующихъ прежнимъ ихъ должностямъ.

Объ этомъ даю знать казеннымъ палатамъ и областнымъ правленіямъ для руководства.

Дѣла церкви.

Въ «Варш. Дн.» пишутъ: «Православное духовенство варшавской епархіи на дняхъ получило отъ бывшаго своего, глубоко уважаемаго и искренно любимаго архипастыря, высокопреосвященнѣйшаго Іоанніа, нынѣ архіепископа херсонскаго и одесскаго, новый знакъ его отеческой благопечетельности. Зная нужды вдовствующихъ, сиротствующихъ и заштатныхъ лицъ изъ духовенства варшавской епархіи и желая усилить средства облегченія этихъ нуждъ, высокопреосвященнѣйшій Іоанніай препроводилъ въ варшавское епархіальное попечительство пять тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы этотъ капиталъ навсегда оставался неприкосновеннымъ, подѣ именемъ его высокопреосвященства, а проценты съ онаго обращались на пособія означеннымъ лицамъ.

Морское дѣло.

Въ «Кроншт. Вѣст.» помѣщены слѣдующія свѣдѣнія о плаваніи клипера «Всадникъ» къ берегамъ острова Сахалина съ членами комисіи, назначенной для пріема южной части острова отъ японскаго правительства и водворенія на островѣ новаго управленія, которое будетъ сосредоточено въ Дуэ и въ Корсаковскомъ портѣ.

Плаваніе съ членами комисіи, клиперъ «Всадникъ» посѣтилъ всѣ населенныя мѣста на восточномъ и западномъ берегахъ острова Сахалина.

Передача острова нашему правительству послѣдовала съ нѣкоторою торжественностью въ заливѣ Анивѣ. Изъ Дуэ клиперъ «Всадникъ» отправился въ Де-Кастри, а потомъ въ Хакоodate, гдѣ встрѣтилъ на рейдѣ клиперъ «Гайдамакъ», возвратившійся изъ крейсера въ Охотскомъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ. Вслѣдъ затѣмъ туда же пришелъ и винтовой корветъ «Аскольдъ», подѣ флагомъ начальника отряда контръ-адмирала Пузино. 28-го сентября «Всадникъ», слѣдуя за «Аскольдомъ», снялся съ якоря и направился въ Юкогаму, куда суда наши прибыли 3-го октября и гдѣ застали на рейдѣ винтовой кор-

ветъ «Баянь» и паровой клиперъ «Абрекъ». «Гайдамакъ» же снова отправился во Владивостокъ и долженъ былъ затѣмъ также придти въ Юкогаму, гдѣ адмиралъ перенесъ свой флагъ на корветъ «Баянь» и намѣревался простоять до половины ноября. Въ концѣ ноября корветъ «Аскольдъ» ожидалъ приказаній возвратиться въ Россію; адмиралъ же на корветѣ «Баянь» съ однимъ изъ клиперовъ собирався на югъ въ Гонъ-Конгъ. Паровой клиперъ «Абрекъ» долженъ былъ придти въ Владивостокъ, а другой клиперъ, по выбору адмирала, долженъ былъ остаться на станціи въ Юкогамѣ, въ распоряженіи нашего посланника.

— Смотритель либавскихъ маяковъ сообщаетъ въ «Кроншт. Вѣст.», что потерпѣвшій крушеніе 1-го декабря, близъ малаго либавскаго маяка, напротивъ оконченности сѣверной дамбы, російскій купеческій баркъ «Рига», 11-го числа, при крѣпкомъ W вѣтрѣ въ 8 и 9 балловъ, совершенно разбился въ виду всего города. Сначала баркъ накренило на лѣвый бокъ и смало волненіемъ все бывшее на палубѣ; затѣмъ корпусъ судна отъ большой зыби и волненія переломялся, причемъ свалились гротъ-мачта съ реями. Наконецъ, черезъ нѣсколько часовъ, все судно развалилось и раздробленные члены его унесло на теченію, вмѣстѣ съ мелкимъ разбитымъ льдомъ. Спасти что-нибудь не было возможности: часовыхъ на суднѣ не было.

Петербургъ и Москва.

Высочайше утвержденная ликвидационная комиссія по дѣламъ коммерческаго ссуднаго банка въ Москвѣ объявила: 1) что, по опредѣленію комисіи 15-го декабря 1875 года, претензій кредиторовъ московскаго ссуднаго банка по биледамъ на процентные вклады, на основаніи 1,960 и 1,980 ст. уст. о торг. несост., отнесены къ долгамъ перваго рода и втораго разряда; 2) что, вслѣдствіе разрѣшенія господина министра финансовъ, съ 23-го декабря 1875 года начата выдача предварительнаго дивиденда по означеннымъ вкладнымъ биледамъ въ размѣрѣ 50 процентовъ, считая круглыми рублями (безъ копѣекъ). Выдача эта будетъ производиться въ московской конторѣ государственнаго банка, слѣдующимъ порядкомъ: пріемъ объявленій, съ приложеніемъ вкладныхъ билетовъ, совершается ежедневно, кромѣ неприсутственныхъ дней, съ 11 часовъ утра до 2-хъ часовъ пополуночи; выдача же денегъ, съ возратомъ вкладныхъ билетовъ, будетъ производиться въ слѣдующій присутственный день по пріемѣ объявленій, въ тѣ же часы.

— Въ «Сенат. объяв. о запрещеніяхъ на имѣнія» напечатаны запрещенія на недвижимыя имуществы (дома и земли) членовъ совѣта коммерческаго и ссуднаго банка Бенедикта Антоновича Гивартовскаго, Даниіла Даниловича Шумахера, Ивана Артемьевича Ляміна, Николая Ивановича Ильина, Николая Михайловича Бостанджоголо, Петра Павловича Сорокоумовскаго, Николая Семеновича Грачева, Андрея Александровича Корзинкина и Петра Гагриловича Волкова, вслѣдствіе иска къ нимъ въ 4,323,232 руб. 28 к. со стороны владчиковъ и акціонеровъ коммерческаго и ссуднаго банка, по уголовному дѣлу о злоупотребленіяхъ членовъ совѣта означеннаго банка.

— На дняхъ, какъ передаютъ газеты, состоялось окончательное разрѣшеніе давать всѣ вообще театральныя представленія, въ здѣшнихъ Императорскихъ театрахъ, въ теченіе нынѣшняго великаго поста, за исключеніемъ первой и послѣдней недѣли. На нынѣшній разъ это разрѣшеніе не коснется итальянской оперы, вѣроятно, потому, что дирекція не успѣла заключить контрактовъ съ иностранными артистами; легко можетъ статься, что таже причина не позволитъ про-

должать сезона и въ здѣшнемъ французскомъ театрѣ.

— Примѣръ Ковнера нашелъ себя подражателя. На дняхъ, какъ сообщаютъ «Моск. Вѣд.», на биржѣ распространилось извѣстіе, что въ трехъ московскихъ банкахъ и у нѣсколькихъ частныхъ дисконтеровъ однимъ и тѣмъ же лицомъ учтено фальшивыхъ векселей на сумму свыше полумилліона руб. сер. Представившіи ихъ къ учету, маклеръ Вальтеръ, скрылся изъ Москвы еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ и, какъ говорятъ, въ послѣднее время проживалъ въ Лондонѣ. Векселя писаны преимущественно отъ имени Реутовской мануфактуры, съ бланками бр. Еремѣевыхъ.

Слухи.

— По слухамъ, сообщаемымъ газетою «Сибирь», предположенія комисіи о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ Сибири находится нынѣ въ разсмотрѣніи главныхъ сибирскихъ начальствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваются и предположенія объ административномъ устройствѣ крестьянъ.

— Въ туже газету сообщаютъ въ видѣ слуха, что въ административныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ и дополненіи существующихъ правилъ о судопроизводствѣ по дѣламъ объ оскорбленіи въ печати частныхъ лицъ, при чемъ, какъ говорятъ, они должны подвергнуться радикальнымъ измѣненіямъ.

— «Нижег. Справ. Лист.» сообщаетъ о существующимъ предположеніи построить конно-железную дорогу отъ Моршанска, черезъ Шацкъ, Темниковъ и Арзамасъ до Нижняго-Новгорода. Такая новость многихъ удивила. Торговцы и промышленники, какъ моршанскіе, такъ нижегородскіе, не придумаютъ, что будутъ возить по этой дорогѣ.

С.-Петербургская биржа.

ВЕКСЕЛЬНЫЕ КУРСЫ.

30-го декабря 1875 г.

На 3 мѣсяца:			
На Лондонъ	31 5/16	7/32	— п. за 1 р.
» Амстердамъ	—	—	г. пф. 1
» Гамбургъ	265 3/4	1/4	пф. за 1 р.
» Парижъ	327	326 1/2	сан. за 1
» Берлинъ	—	265 1/2	пф. за 1
Новуа-тепл.			
Полуимперіалы	6 32	—	—
Дисконты	6 и 7 0/0	—	—
4 0/0 мег. б. г. ос. б.			
	февральскіе. 150 д.	—	—
	августовскіе. 120	—	—
5 0/0 бил. г. ос. б. 1 в. 100	100 1/4	—	—
» » » 2 » 99 3/4	—	—	100
» » » 3 » 99 3/4	100	—	—
Фонды.			
6 0/0 серебромъ	117 1/2	—	—
5 0/0 бил. г. б. 1820	102 1/8	—	—
5 0/0 би » » 1822	116	—	—
5 » » г. б. 1854	99 3/4	—	7/8
» » » » 1855	116 1/2	—	—
5 0/0 бил. г. б. 1862	116 1/2	—	—
4 » » » » 1840	95	—	—
4 » 2, 3 и 4 займ.	95	—	—
4 » 5 займа	92	—	—
4 » не прер. дохода.	89	—	—
4 » финлянд. займа.	80	—	—
5 0/0 внутр. съ выигр.			
заямъ 1864 г.	226 1/2	227 1/2	229 227
» внутр. съ выигр.	—	—	—
заямъ 1866 г.	211	222 1/2	223 221
» выкуп. свидѣт.	99 3/4	—	—

ПОЧТОВЫЯ ЯЩИКЪ.

Г. Ф. Сел—ву въ Кимрѣ. По возобновленіи подписки на второе полугодіе, подписчики перваго полугодія получаютъ всѣ безплатныя преміи, приложенныя къ журналу «Нива» за подписной годъ.

1-й заемъ 1864 года.

22-й тиражъ 2-го Января 1876 г.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13 ноября 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го Января 1876 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
56	40	500	4929	35	500	9584	7	10000	13740	18	40000	15721	2	500
213	46	1000	4973	42	8000	9631	20	500	13799	46	500	15744	48	500
424	25	500	5036	42	500	9666	44	500	13835	48	500	15751	39	500
463	38	500	5053	7	500	9847	22	500	13847	9	500	15781	32	500
471	19	1000	5342	32	1000	9877	13	500	14020	39	500	15782	36	500
553	45	1000	5446	24	500	9929	31	500	14142	30	1000	15795	47	500
573	49	500	5452	15	500	10084	5	500	14146	42	500	15796	29	500
714	38	500	5540	5	500	10136	27	500	14149	21	500	15874	22	500
819	33	500	5543	18	500	10251	9	500	14234	4	500	15885	22	500
857	14	500	5563	16	500	10328	23	500	14276	46	500	15923	3	1000
878	45	500	5599	12	500	10363	9	500	14340	30	500	15977	7	500
891	14	500	5611	11	500	10408	41	500	14552	32	500	15990	33	500
899	38	500	5636	24	8000	10640	10	500	14567	7	500	16027	12	500
929	44	500	5640	6	500	10643	48	500	14653	30	500	16064	36	5000
1053	18	500	5649	6	500	10757	28	1000	14974	16	500	16175	36	500
1100	39	500	5674	4	500	10773	23	500	15028	50	500	16403	38	1000
1185	34	500	5713	15	500	10842	11	500	15052	26	500	16591	50	500
1495	24	1000	5902	14	500	10856	43	500	15087	38	500	16838	24	500
1501	11	500	5962	25	500	11028	22	500	15121	22	1000	16845	22	1000
1631	36	500	6008	18	500	11032	4	500	15208	27	500	16890	24	500
1651	40	500	6017	42	500	11043	11	500	15253	24	500	16959	12	500
1823	31	1000	6040	25	20000	11130	43	500	15293	23	500	16973	27	500
1874	15	500	6169	12	500	11185	32	500	15317	47	500	17037	35	500
2083	27	500	6260	36	500	11298	40	500	15460	22	500	17106	29	500
2088	48	500	6262	26	500	11362	36	500	15462	26	500	17171	14	500
2168	20	5000	6290	7	500	11384	1	500	15481	49	500	17226	29	500
2173	21	500	6361	38	500	11414	45	1000	15496	21	500	17393	28	500
2186	32	500	6457	4	500	11450	20	500	15519	5	500	17456	16	500
2194	29	500	6505	10	500	11498	11	500	15501	36	500	17459	9	500
2287	12	500	6529	25	500	11529	9	500	15592	38	1000	17558	35	500
2344	12	500	6700	26	500	11577	32	500	15644	6	500	17763	31	500
2389	21	500	6761	31	500	11646	35	500	15653	17	1000	17813	38	500
2471	50	500	6762	2	5000	11651	36	500	15678	8	500	17877	31	500
2521	36	500	6769	7	500	11657	34	500	15718	14	500	17896	39	500
2587	21	500	6809	45	500	11667	7	500						
2637	16	500	6857	35	500	11750	7	500						
2654	47	500	6900	41	500	11819	19	500						
2674	7	500	7031	47	500	11853	38	500						
2728	48	5000	7221	31	500	11854	22	500						
2770	9	5000	7418	7	500	11868	17	500						
2787	29	500	7551	11	500	11985	35	500						
2802	48	500	7561	10	500	12072	8	500						
2811	35	500	7565	16	500	12090	44	500						
2938	34	500	7576	43	500	12117	18	500						
3026	8	500	7690	9	500	12228	18	500						
3028	25	500	7796	40	500	12294	40	500						
3034	18	500	7848	9	500	12361	32	500						
3115	6	500	7930	22	500	12380	22	500						
3122	19	500	8087	44	500	12397	30	500						
3310	40	8000	8171	32	500	12569	14	500						
3393	2	500	8467	20	500	12618	50	500						
3462	28	500	8561	21	8000	12634	14	500						
3526	17	500	8600	47	500	12631	45	500						
3594	28	500	8810	20	5000	12755	36	500						
3600	36	1000	8857	1	500	12759	28	500						
3681	21	8000	8876	41	500	12854	50	500						
3681	34	500	8886	16	500	12907	43	500						
3716	23	500	8959	40	500	13095	27	500						
3774	7	1000	9064	3	500	13271	29	500						
4000	47	500	9119	24	500	13315	30	500						
4109	7	500	9119	46	500	13480	7	1000						
4287	35	500	9164	47	500	13524	39	25000						
4357	15	500	9252	41	500	13571	41	500						
4442	2	500	9299	29	500	13643	14	500						
4499	6	500	9446	8	500	13681	23	500						
4516	25	500	9555	30	500	13720	1	5000						

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го Апрѣля 1876 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 2-го Января 1876 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

1282, 1607, 1671, 1859, 1899, 2359, 2639, 3325, 3497, 3678, 4110, 4314, 4502, 5140, 5790, 7377, 7801, 8002, 8969, 9227, 9324, 9691, 10060, 10578, 10927, 11167, 11387, 11479, 11885, 12751, 13089, 13336, 13448, 13607, 14882, 14906, 15086, 15255, 15725, 15798, 16092, 16284, 16730, 17910, 18179, 18513, 18736, 19135, 19165, 19635, 19639, 19691, 19693, 19878.

Всего 54 серій, составляющія 2,700 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 120 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го Апрѣля 1876 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: М. П. Ногодинъ (съ портретомъ). — Кто лучше? Изъ очерковъ кавалерійской жизни. (Посвящается другу моему Ицѣ Янкелевичу Штрауцкому). Всеволодъ Крестовскій (продолженіе). — Крещеніе (съ рисункомъ). — Осада Искова Стефаномъ Баторіемъ (съ рисункомъ). Садовскаго. — Рыцарь въ заколдованномъ лѣсу (съ рисункомъ). Ф. Бергъ. — Судебная хроника. Дьяко Овчинникова о поджогахъ (окончаніе). — Сибель. — Газетная извѣстия. — Тиражъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ЖИВЪ

№ 3

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 19 Января 1876 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВЪ“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія №№ въ 1876 году.

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

Шевченко—южно-русскій народный поэтъ въ полномъ смыслѣ этого великаго слова: его знаетъ и помнитъ тотъ народъ, изъ котораго онъ вышелъ. Не фраза, сказанная во время, не головное чувство, выраженное въ гладкихъ стихахъ—были думы знаменитаго кобзаря, нѣтъ, онъ зналъ и горе и радости своего народа, самъ былъ какъ извѣстно крѣпостнымъ и впоследствии сумѣлъ отзываться на это горе, эти радости, понимать ихъ сердцемъ. Его поэзія, однимъ словомъ, была не просто сочувствіемъ обычнымъ человека «цивилизованнаго» къ народу. Въ ней слышалась доля, выстраданная лично. Тарасъ Григорьевичъ родился 25-го февраля 1814 г. въ селѣ Морендахъ, Киевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, въ имѣньи помѣщика Энгельгардта. Отецъ его былъ крѣпостнымъ и дѣтство будущаго поэта Малороссіи ничѣмъ не отличалось отъ дѣтства другихъ крестьянскихъ ребятъ. За Тарасомъ никто не смотрѣлъ, онъ могъ дѣлать что хочетъ. У родителей не было много свободна-

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

го времени: на ихъ плечахъ лежала барщина. У шаловливаго и бѣгавшаго на свободѣ мальчика развилась любознательность: пяти лѣтъ онъ захотѣлъ узнать гдѣ конецъ свѣту и дойти до той черты горизонта, гдѣ небо упиралось въ землю. Задумано-сдѣлано: пятилѣтній Тарасъ вышелъ изъ села съ твердымъ намѣреніемъ взобраться на близъ лежавшій холмъ и посмотреть съ него. Его удивленію не было границъ, когда, взойдя на холмъ, онъ увидалъ опять много земли и ту же черту, только отодвинутую еще дальше. Это нисколько не измѣнило намѣренія Тараса идти на другой день съ тою же цѣлью. Попавшіеся на дорогѣ обозчики, завидя ребенка въ полѣ, привезли его домой.

Приведенный случай—не единственный примѣръ того, что крестьянскія дѣти, выросшія на лонѣ природы, ищутъ сами отвѣтовъ на окружающія загадки. Стоить только заглянуть въ біографіи нашихъ самоучекъ.

На восьмомъ году мальчикъ остался круглымъ сиротой. Отецъ, умирая,

ничего ему не оставил. «Сыну моему, Тарасу, ничего не надо, были слова Григорія Шевченки, «онъ не будетъ кое какимъ человѣкомъ, изъ него выйдетъ или отъявленный негодяй, или чтонибудь очень хорошее». Жажда знанія неоставляла ребенка. На девятомъ году Шевченко поступилъ на выучку, къ дьячку Бугорскому, который былъ горькимъ пьяницей. Права послѣдняго надъ учениками были неограниченныя: на мальчиковъ возлагались разныя домашнія работы и исполненіе всякихъ хозяйскихъ прихотей. Положеніе Тараса, какъ сироты, было однимъ изъ худшихъ. Въ два года тяжелаго ученья онъ успѣлъ однако пройти *граматку, часловець* и псалтырь. Въ знакъ особеннаго благоволенія дьячекъ посылалъ его читать надъ покойниками, причемъ молодому тещу выпадала одна десятая копѣйка, а остальные деньги шли на пропой учителю. Бугорскій не жалѣлъ при случаѣ подзатыльниковъ и розогъ, будучи твердо увѣренъ, что главная наука въ этомъ и всѣ школяры, добившіе у него азбуки и часословы, очень не влюбили своего ментора. «Этотъ первый деспотъ, говоритъ Шевченко, на котораго я наткнулся въ моей жизни, поселилъ во мнѣ на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ».

Кончилось тѣмъ, что Тарасъ собственноручно высѣкъ безчувственно пьянаго учителя, укралъ у него книжку съ плохими гравюрами (изъ особенной любви къ картинамъ) и бѣжалъ въ мѣстечко Лисянку. Здѣсь онъ нашелъ себѣ другаго учителя, но и этотъ былъ не лучше перваго. Малиръ-дьячокъ заставилъ Тараса цѣлыхъ три дня расгирать краску на желѣзномъ листѣ и таскать съ рѣчки тяжелыя ведра съ водой. На четвертый день ученикъ опять бѣжалъ въ село Тарасовку, къ иконописцу дьячку. Послѣдній слылъ въ окологдѣ за великаго художника, потому что лучше его никто не могъ написать святыхъ Ивана Воина и великомученика Никиту.

Къ великому горю Тараса, желавшаго во что бы то ни стало выучиться рисовать, новый учитель нашелъ его ни на что неспособнымъ и рѣшилъ, что онъ не можетъ быть даже портнымъ, или бондаремъ.

Судьба дѣлала все наперекоръ желаніямъ четырнадцатилѣтняго мальчика и Шевченко, любившій читать и смотрѣть книжки *кунштюки* (гравюры) задумалъ уже сдѣлаться «*пастыремъ стада непорочныхъ*» роднаго села, разчитывая на большій досугъ, нужный ему для излюбленныхъ занятій. Однако и этому желанію не суждено было исполниться.

Помѣщикъ Энгельгардтъ взялъ къ себѣ Тараса въ казаки и нарядилъ въ тиковую куртку. Обязанность казака соотнося въ томъ, чтобы торчать все время въ передней, молчать, вести себя смиренно и бросаться со всѣхъ ногъ лишь когда баринъ спроситъ трубку или стаканъ воды. Все это однако не мѣшало Тарасу мурлыкать себѣ подъ носъ гайдамацкія пѣсенки и тайкомъ срисовывать барскія картины украденнымъ у копторщика карандашомъ. «Въ то время, говоритъ Шевченко, я не особенно тяготился своимъ положеніемъ, но теперь страшно и больно вспомнить о блогахъ».

Разъѣзжая съ баринкомъ то въ Кіевъ, то въ Вильну, то въ Петербургъ, молодой Тарасъ не стѣняясь сдиралъ со стѣнъ постоялыхъ дворовъ лубочныя картины для пополненія своей коллекціи. Страсть къ живописи въ немъ усиливалась и наклеивала разъ на него бѣду.

На Николинъ день 1829 года, когда панъ и пани уѣхали въ собраніе, онъ зажегъ свѣчу, досталъ свои картины и расположился рисовать въ одной изъ комнатъ опустѣвшаго дома. Неожиданно вернувшійся помѣщикъ надавалъ Тараскѣ пощечинъ за неосторожное обращеніе съ огнемъ, а на другой день велѣлъ кучеру выдрать его на конюшнѣ.

16-ти лѣтъ Шевченко испыталъ новое чувство: онъ влюблялся въ польку-шведу и изъ любви къ ней выучился по польски; но счастье было не продолжительно: баринъ переѣхалъ жить въ Петербургъ и взялъ съ собой казака Тараса. Замѣтивъ вскорѣ въ своемъ дворовомъ дѣйствительное влеченіе къ живописи, онъ отдалъ его на четыре года въ ученье къ цѣховому мастеру Ширяеву, писавшему вывѣски. Бѣгая по ночамъ въ Лѣтній садъ рисовать со стагуй, Шевченко познакомился съ художникомъ землякомъ И. М. Сошенкомъ, который посоветовалъ ему позаниматься писаньемъ акварельныхъ портретовъ. Въ томъ же Лѣтнемъ саду посѣтила его и задумчивая украинская муза, сложились первыя вдохновенія. Помѣщикъ нашелъ очень удобными имѣть двороваго живописца и Шевченко не разъ писалъ ему портреты съ его любовницъ, за что получалъ иной разъ по цѣлому рублю.

Черезъ Сошенку у Тараса Григорьевича завязались знакомства съ людьми причастными литературѣ и искусству. Молодой художникъ былъ представленъ конференцъ секретарю Академіи Художествъ Григоровичу, съ просьбой войти въ положеніе крѣпостнаго человѣка и помочь. Благодаря портрету Жуковскаго, написанному по желанію послѣдняго Брюловымъ, свобода Шевченки была куплена за 2.500 р. асс. Портретъ розыграли въ лотерею и 22-го апрѣля 1838 года было памятнымъ днемъ въ жизни будущаго поэта.

Украинская муза стала чаще и чаще овладѣвать вниманіемъ Шевченки, онъ видимо охладѣлъ къ живописи, хотя не бросалъ ее во всю жизнь. Въ 1840 году вышелъ «Кобзарь», первый сборникъ его стихотвореній. Русская критика встрѣтила книгу одобрително, Украина—съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Поэма «Катерина» ходила на югѣ въ тысячахъ списковъ. Вскорѣ послѣ этого вышли «Гайдамаки».

Въ 1844 году Шевченко посѣтилъ родину. Здѣсь онъ принялъ художественное изданіе «Живописной Украины» и свелъ знакомство съ образованными земляками Кулинномъ и Костомаровымъ, оказавшимъ сильное вліяніе на его развитіе. Тарасъ Григорьевичъ съ жаромъ накинулся на чтеніе, ознакомился съ исторіей и плодомъ этого поверхностнаго знакомства явилась прекрасная, но увѣренію читавшихъ, поэма: «*Іоаннъ Руссъ*», дошедшая до насъ въ отрывкѣ. Неполучившій образованія Шевченко поражалъ всѣхъ ясностью своихъ взглядовъ и мѣткостью сужденій. Въ 1847 году Шевченко достигъ несчастья: его разжаловали въ солдаты, лишивъ пріобрѣтеннаго имъ отъ Академіи, званія свободнаго художника, сослали въ Оренбургскій край. Сосланный поэтъ прожилъ около десяти лѣтъ вдали отъ родины и друзей, въ уѣздномъ городѣ, лишь прерыва переписываясь съ петербургскими знакомыми. Изъ Оренбурга Шевченко перевезли въ Орскую крѣпость; изъ нея онъ ѣздилъ въ Аральской экспедиціи съ Бутаковымъ, въ качествѣ художника, а въ пятидесятомъ году былъ переведенъ въ Ново-петровское укрѣпленіе. Онъ странно тосковалъ. Время шло невообразимо скучно и однообразно: въ приготовленіяхъ къ смуту, кистей амуниціи и выправкѣ. Единственнымъ развлеченіемъ стали книги и водка, которую онъ началъ пить въ усиленномъ размѣрѣ. «Солдату, пишетъ онъ, незадолго до своего освобожденія, простиительно окупить иногда свою душу въ полштофъ свухи».

Долгая онала, удаленіе отъ общества, не сломила въ Шевченкѣ *человѣка* и не заглушила въ концѣ поэтического дара. Прелестная поэма «Работница» была написана въ изгнаніи. Благодаря стараніямъ Ѳ. Толстаго Шевченкѣ выхлопотали прощеніе. 21-е іюля 1875 года былъ второй, памятный для поэта день.

Весной слѣдующаго года Тарасъ Григорьевичъ вернулся въ Петербургъ проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Нижнемъ, въ 1859 уѣхалъ на свиданье съ Украиной, гдѣ стояла его старая, крытая соломой хата и жила любимая сестра Ирина, бывшая, какъ и всѣ его родственники, еще крѣпостной.

Пожилый и уже надломленный жизнью, Шевченко желалъ отдохнуть душой; его сердце искало любви и сочувствія женщины. Видъ родныхъ мѣстъ Украины навелъ его на мысль купить на Днѣпрѣ клочекъ земли, выстроить на немъ хату, жениться и зажить тихой семейной жизнью. Вернувшись въ Петербургъ, онъ велъ объ этомъ цѣлую переписку съ братомъ, приготовилъ и послалъ ему деньги на покупку земли. Мѣсто для хаты было выбрано на берегу родной рѣки, между Каневымъ и Пекарями.

Въ 1860 году вышло второе изданіе его «Кобзаря» съ новыми добавочными стихотвореніями. Шевченко уже давно пользовался заслуженной извѣстностью за выходящей изъ ряду вонъ поэтической талантъ; но одно писаніе стиховъ его видимо не удовлетворяло и онъ предпринялъ изданіе цѣлаго ряда учебниковъ для своего народа, кромѣ того постоянно читалъ и занимался живописью.

Между тѣмъ здоровье было подточено.

«Другую недѣлю не выхожу изъ дома, писалъ онъ въ январѣ 1861 года, слабѣю и кашлю». Прошло двѣ недѣли — онъ едва держалъ перо въ рукахъ. Въ день своего рожденія, 25 февраля, Шевченко не могъ подняться съ постели, а на другой день умеръ отъ грудной водянки, 47 лѣтъ отъ роуу.

Истинный народный поэтъ, вынесшій на себѣ всю тяжесть крѣпостнаго права, не дожиль до дня его уничтоженія.

Нерадостной новостью была вѣсть о смерти Шевченко (*батьки Тараса*). Къ его памяти сказалось общее сочувствіе: львовская молодежь надѣла трауръ, въ Киевской, Харьковской, Черниговской и Полтавской губерніяхъ служили панихиды. Кіевляне предлагали перевезти умершаго поэта къ себѣ, на свой счетъ, какой то южно-русскій помѣщикъ заявлялъ желаніе насыпать надъ тѣломъ Шевченки большую могилу въ своемъ имѣннѣ...

Въ апрѣлѣ 1861 года, было разрѣшено перевезти гробъ Шевченки со Смоленскаго кладбища на Украину. На родинѣ встрѣчали и провожали его массы народа. Малороссы теряли въ немъ своего любимаго поэта.

Шевченко былъ похороненъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ при жизни предполагалъ поставить хату и найти скромное, но не дававшееся всю жизнь счастье.

«Якъ умру, то поховайте
Мене на могилі
Середъ стѣну шпріогого,
На Вкраїні милій...

Высокая насыпь, на крутом берегу Днѣпра, обложенная камнями и большой деревянный крестъ обитый жестью—такова могила Шевченки. Съ одной стороны зарѣчная даль, съ другой—склоны холмовъ, покрытые лѣсомъ. Покойникъ любилъ, говорить, сидѣть на этомъ мѣстѣ и слагать свои печальныя думы.

Тарасъ Григорьевичъ былъ средняго роста, коренастый, съ задумчивымъ выраженіемъ лица и мягкимъ, приятнымъ голосомъ. Онъ любилъ общество, но нравился въ немъ не сразу. За то узнавъ его доброту, его готовность помочь всякому, по дѣлится послѣднимъ, нельзя было не полюбить Шевченку. По характеру—это былъ человѣкъ прямой, часто до грубости.

Кто лучше?

Изъ очерковъ кавалерійской жизни.

(Посвящается другу моему Ицкъ Яннеловичу Штралецкому).

(Продолженіе).

А межъ тѣмъ, пока продолжалось это новое словозліаніе любезнаго хозяина, лакей съ видомъ какого-то благовѣйнаго почтенія, словно бы къ нѣкому священному или драгоценному предмету, бережно внесъ бутылку бургонскаго и, опасаясь какъ-бы не взболтнуть вино малѣйшимъ неосторожнымъ движеніемъ, положилъ бутылку въ наклонномъ положеніи на особо приспособленный серебрянный снарядъ, который изображалъ собою нѣчто въ родѣ лафета морской или осадной пушки на колесахъ, такъ что бутылка, положенная на него, представляла въ нѣкоторомъ родѣ, видъ массивнаго артиллерійскаго орудія въ миниатюрѣ.

— Какъ видите, я тоже человѣкъ не безъ воинственныхъ замашекъ и наклонностей, замѣтилъ Шмецъ, указывая на снарядъ и видимо желая посредствомъ этого замѣчанія блеснуть слегка своимъ остроуміемъ.

Завтракъ былъ оконченъ и бутылка распита. Лакеи принесли хозяину и гостю полосканье для рта и серебрянный сервизъ съ кофеемъ.

— Нѣтъ, знаете-ли, пойдемте пить нашъ кофе въ кабинетъ, предложилъ Шмецъ:—я вамъ дамъ добрую сигарочку и мы, раскинувшись въ покойныхъ креслахъ, покалякаемъ на просторѣ.

„Слава Тебѣ, Господи! наконецъ-то можно будетъ и о дѣлѣ поговорить“, думаетъ себѣ Болиголовъ, но—не тутъ-то было—хозяинъ и „добрую сигарочку“ далъ, и въ покойныя кресла усадилъ, и кофею предложилъ, и самъ развалился на кушеткѣ, протянувъ свои ноги и небрежно-лѣнливо какъ котъ, поигрывая кистями халата, но о дѣлѣ ни гу-гу! Напротивъ разговоръ его сводится на искусство, на „изящныхъ женщинъ“ по большей части его „добрыхъ пріятельницъ“, фотографическіе и иллюминированные портреты которыхъ украшали письменный столъ и шифоньерки его кабинета.

Господинъ Шмецъ, въ разговорѣ этомъ скромно и слегка даетъ чувствовать о своихъ успѣхахъ у этихъ „добрыхъ пріятельницъ“, между которыми фигурировали имена и извѣстныхъ актрисъ, и извѣстныхъ кокотокъ. Исключеніе дѣлалось имъ только въ пользу именъ „свѣтскихъ красавицъ“—„Это тутъ одна... женщина изъ общества, и потому! вы понимаете, я не смѣю назвать ее“, предупреждалъ онъ, чуть лишь болтовня его начинала неосторожно касаться портрета какой либо женщины этой категоріи.

„Господи! да скоро ли-жь о дѣлѣ!“ томится межъ тѣмъ въ глубинѣ души злосчастный поручикъ.

Но увь! о дѣлѣ пока все еще ни гу-гу, а разговоръ, т. е. вѣрнѣе сказать—неумолчная, и въ тоже время небрежно-лѣнливая болтовня господина Шмеца обрѣтаетъ для себя новую тему. Болтая-же исключительно почти одинъ, предоставляя Болиголову только слушать да подъ часъ любезно поддакивать кивками головы или улыбкой. Эта тема нашлась въ переходѣ отъ женщинъ къ поэзіи, и господинъ Шмецъ, закатывая свои совинокруглыя глаза, слащаво сталъ восторгаться стихами Фета, Полонскаго, Щербины и декламировать изъ нихъ кое-какіе отрывки.

— А вотъ, кстати! лѣнливо поднялся онъ съ кушетки;—на дняхъ тутъ былъ у меня одинъ пріятель, еще

молодой начинающій поэтъ, и оставилъ мнѣ кое-чакіе свои вдохновенія. Мы ихъ прочтемъ, коли хотите. Я уже ихъ проглядывалъ и на мой вкусъ, право не дурно. Не знаю, какъ вы найдете...

— Да вѣдь я плохой цѣнитель, вздумалъ было отговориться поручикъ.

— О, нѣтъ, ни скромничайте! перебилъ его Шмецъ:— вы такъ умѣете понимать изящное... Меня, батюшка, не проведете: не говоря ужъ о моихъ статьяхъ, которыми вы отдали справедливость, но судя ужъ потому только какъ вы глядѣли на мои мраморы и на мою скромную картинную галлерейку, я съ разу увидѣлъ, что въ васъ есть это тово... однимъ словомъ, бьется эта живая жилка... Надѣюсь, оцѣните и произведенія моего пріятеля.

Потому, какимъ все это высказывалось, а въ особенности по назойливости, съ которою навязывалось чтеніе стиховъ, Болиголову не трудно было догадаться что подъ анонимомъ пріятеля, фигурируетъ самъ господинъ Шмецъ, въ качествѣ „молодаго начинающаго поэта“ и, конечно, не замедлитъ потребовать достоюжной и обязательной похвалы своимъ „вдохновеніямъ“.

— Ну, слушайте, на примѣръ, хоть вотъ это! предложилъ Шмецъ, доставъ изъ письменнаго стола тщательно переписанную и переплетенную тетрадку и началъ читать, съ декламаторскимъ придыханіемъ и слащавымъ закатываньемъ глазокъ:

Заунывно воетъ
Вѣтеръ подъ окномъ
Тьма ночная кроетъ
Лѣсъ и все кругомъ.
Луна, путь свершая
Разливаетъ блескъ,
Звѣздочки сверкая...
И мороза трескъ.
Вѣтерокъ подуеетъ,
Ели зашумятъ,
Жалобно березы
Бѣлыя скрипятъ.

— Какова картинка-съ!.. А?.. вскричалъ господинъ Шмецъ, изображая порывъ невольнаго восторга:—Жалобно березы бѣлыя скрипятъ—какова образность и музыкальность стиха! Неправда-ли? Вѣдь это что-жь? Вѣдь это такъ-себѣ, пустякъ, бездѣлка, одинъ лишь мигъ, удачно уловленный изъ жизни природы, а между тѣмъ вы чувствуете, что тутъ есть, есть нѣчто... Эта простая картинка, по моему стоитъ фетовскихъ стиховъ—помните:

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Снѣжная равнина,
Полная луна...

Фетовскіе стихи, словъ нѣтъ, хороши, но эти... эти, по моему, лучше, или по крайней мѣрѣ, я ихъ ставлю въ полный *панданъ* между собою. Но вотъ, пожалуйста,

прослушайте еще вот эти! быстро подхватил Шмецъ, замѣтивъ, по выраженію лица Болиголовы, что тотъ, кажись, намѣревается перевести разговоръ на совершенно иную тему:—это недолго, всего одна минута, и притомъ вещица очень миленькая, которая, на мой взглядъ, ей-ей, ничѣмъ не хуже Лермонтовской „Русалки“, а ужъ о Гейневскихъ-то русалкахъ нечего и го-

И воду бурно колыхаетъ,
Катится на берегъ волна.
Волны русалка не боится,
Сидитъ недвижимо она,
По небу мѣсяцъ лишь катится
И плещетъ синяя волна.
Все тихо. Тихо воды плещутъ,

Литовцы. Рис. Фурье, грав. Посманъ.

ворить!—Эта одна, по моему, потягается со всѣми его Лурлеями! Вотъ посмотрите,—эта пьеска тоже „Русалкой“ называется.

И господинъ Шмецъ опять приступилъ къ чтенію:

Изъ волнъ могучихъ выплываетъ
Съ власами черными она,

Сидитъ русалочка одна,
На небѣ ярко звѣзды блещутъ,
Катится блѣдная луна.

-- Какъ вы находите? Вѣдь прелесть! Неправдали?.. Скажите откровенно ваше мнѣніе!

— О, превосходно! съ самымъ серьезнымъ видомъ

Разбитая лира. Картина Ш. Шанлена, грав. Паннемакеръ с Библиотека "Руниверс"

поспѣшилъ похвалить поручикъ и даже голосу своему придавъ при этомъ нѣкоторую потрясенность восторженнаго чувства, а самъ въ душѣ межъ тѣмъ думаетъ: „ай-ай, какой-же ты однако, мой другъ Болиголова, мерзавецъ, что у тебя хватается духу такъ нагло лгать и хвалить эдакую плоскую чепуху, и все это потому только что тебѣ деньги до зарѣзу нужны!“...

— Ну вотъ, ну вотъ, я и зналъ, что найду въ васъ человѣка съ тонкимъ пониманіемъ! говорилъ торжествующій Шмецъ.—Ахъ, эта поэзія и ея святая прелесть! Ну подумайте, что въ состояніи замѣнить ихъ для души, и особенно въ меркантильное, матеріалистическое время?!.. Нѣтъ, кто что ни говори, а я искренно, всею душой люблю поэзію и никогда отъ нея не отстану... Это единственный лучъ, который облагораживаетъ человѣческую душу и не даетъ ей окончательно зачерствѣть и погрязнуть въ эгоистическихъ интересахъ нашей современной жизни. Но вотъ, Бога ради, прослушайте еще одно стихотвореньице!

И господинъ Шмецъ неудержимо уже, въ какомъ-то поэтическомъ запорѣ, сталъ душить ошеломленнаго поручика, чтеніемъ своихъ стихотвореній, нанизывая ихъ одно за другимъ, безъ отдыха и перерыва, и только при каждомъ новомъ плодѣ своего вдохновенія:

— А это!.. А это!.. А вотъ это еще!.. Посмотрите! Послушайте! И онъ декламировалъ и декламировалъ и самъ прислушивался къ музыкѣ своихъ стиховъ и упивался ею, и такимъ образомъ были прочитаны: „Сонъ“, затѣмъ „Мечты и грезы“, „къ матери-Музѣ“, затѣмъ „къ сиротѣ Полѣ“, къ какой-то „мамзель Лизель“, къ графинѣ К., къ баронессѣ М., сатира на г-жу Мокуръ, баллада подъ названіемъ „жена казака“, а затѣмъ уже пошло нѣчто совсѣмъ безобразное насчетъ „упругихъ персей“ и „ловкихъ диверсій“, да насчетъ участья, счастья и ада сладострастья... Поручикъ Болиголова даже вспотѣлъ отъ этой нескончаемой пытки.—„Да когда же ты, музичъ сынъ, начнешь наконецъ о дѣлѣ!“ мыслить онъ, терзаясь и злобствуя втайнѣ:—„на смѣхъ, что-ли, послалъ меня любезнѣйшій кузень къ этому хлыщу! или все это идетъ за проценты?“.

Но наконецъ-то господинъ Шмецъ дошелъ до послѣдней страницы своей тетрадки, и замолкъ, съ видомъ сладостнаго расслабленія. Далѣе читать уже было нечего. Слава Тебѣ, Господи! Поручикъ рассчитывалъ сейчасъ-же приступить къ дѣлу: по опять-таки не тутъ-то это было!

— Знаете-ли, вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе. началъ господинъ Шмецъ, пытливо смотря на поручика ласкающимъ взоромъ:—Возьмите-ка съ собою эту тетрадку и передайте ее вашему кузену — только чуръ! Бога ради, не говорите какъ и отъ кого вы ее получили... Это, видите-ли, до времени составляетъ чужой секретъ... („Врешь“ подумалъ Болиголова). Но да... секретъ, котораго раскрывать я не имѣю права... Но пусть вашъ кузень прочтетъ, выберетъ изъ этого нѣсколько вещицъ, которыя наиболѣе ему понравятся и отпечатаетъ въ своемъ журналѣ. Вамъ это, надѣюсь, очень легко будетъ сдѣлать.

— Но я думаю, вамъ-же еще легче, возразилъ Болиголова:—вѣдь вы его сотрудинокъ.

— Н-да-а, оно конечно... кисло вато поморщился господинъ Шмецъ:—но мнѣ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не хотѣлось-бы чтобы это шло черезъ меня... И это собственно по отношенію къ другимъ сотрудинокамъ... Я не желаю, чтобы они знали, что это идетъ отъ меня... Вы еще не знаете, что это за народъ: тутъ сейчасъ вѣдь интриги и прочее, а мнѣ, между тѣмъ, очень хотѣлось-бы провести въ свѣтъ молодой талантъ. Пусть сначала будетъ напечатано, прочтется публикой и тогда, смотря по степени успѣха, можно будетъ открыть и имя автора.

Нечего дѣлать! Пришлось поручику, въ ожиданіи

благъ будущаго займа, согласиться на эту уступку, которая, по заявленію самаго Шмца, будетъ принята имъ въ смыслѣ большаго одолженія. Онъ взялся передать тетрадь кузену-редактору.

— Однако... вотъ что, Анатолій Борисовичъ... помывшись немного, рѣшился онъ наконецъ самъ заговорить о дѣлѣ, видя, что Шмецъ рѣшительно не подымаетъ о немъ разговора.

Господинъ Шмецъ тотчасъ-же принялъ дѣловой, суховатый видъ, поджалъ губы и насторожилъ уши.

— Мнѣ кузень сказывалъ, продолжалъ Болиголова:— что онъ говорилъ вамъ насчетъ... насчетъ моего дѣла...

— То есть? заморгавъ глазами, какъ-то нервно подался впередъ литераторъ.

— То есть насчетъ того что мнѣ очень нужны были-бы деньги, и я ищу ихъ...

— Ахъ да! это о деньгахъ! съ небрежнымъ зѣвкомъ махнулъ Шмецъ рукою:— Какъ-же, какъ-же!.. Помню, онъ сказывалъ мнѣ что-то... Ну-съ, такъ что-же?

— Кузень рекомендовалъ мнѣ обратиться именно къ вашему содѣйствію.

— Хм... къ моему содѣйствію... То есть, какъ-же это?..

— А ужъ право не знаю. Вѣроятно, ему это болѣе извѣстно...

— Хм... То-есть, конечно, я настолько пріятель съ вашимъ кузеномъ, что не прочь сдѣлать для него, по силѣ возможности, какое нибудь пріятное одолженіе, но-о...

Господинъ Шмецъ остановился и нѣсколько задумался, пощелкивая пальцемъ объ палець и неопредѣленно устремивъ совиные глаза куда-то въ пространство.

— Какъ велика сумма, которую вы бы желали? спросилъ онъ, послѣ нѣ котораго размышленія.

— Тысячу рублей, доложилъ ему поручикъ.

— Тысячу рублей... Хм... Это такая ничтожная сумма, что... Видите-ли, я собственно подобнаго сорта дѣлами вовсе вѣдь не занимаюсь, заговорилъ Шмецъ какъ-бы оправдываясь:— то-есть надо вамъ знать, что въ коммерческомъ мірѣ я, дѣйствительно, веду дѣла, но дѣла слишкомъ крупныя, гдѣ иногда приходится на биржѣ изъ одного кармана въ другой перешвыривать цѣлые десятки, а то и сотни тысячъ... Вы понимаете, это совсѣмъ другая штука!.. Конечно, я могъ-бы охотно ссудить васъ изъ моихъ нормальныхъ денегъ. Но къ сожалѣнію, въ настоящую минуту совершенно не имѣю свободныхъ суммъ, которыми могъ-бы располагать по произволу; стало быть, надо обратиться къ займу, а занимать мнѣ— вы понимаете-ли— мнѣ, Анатолію Борисовичу Шмцу, который ведетъ дѣла свои en grand и вдругъ занимать какую нибудь ничтожную тысячу рублей—это... это, согласитесь, можетъ меня только скомпрометировать въ моемъ коммерческомъ мірѣ, можетъ даже кредитъ мой подорвать... Вотъ, если-бы вамъ нужно было двадцать, тридцать тысячъ,—ну, тогда другое дѣло! Я, пожалуй могъ-бы добыть вамъ у одного человѣка, банкиръ тутъ есть одинъ, мой пріятель,—но, надо знать, что это, батюшка мой, Жидъ, и потому даетъ разумѣется, не иначе какъ только подъ соответственное обезпеченіе, то есть подъ залогъ домовъ, земель или бумагъ достаточно солидной цѣнности. А такъ, безъ этого, я просто и ума не приложу чѣмъ тутъ помочь вамъ!

Господинъ Шмецъ видимо ломался и вралъ, съ цѣлью придать себѣ пущей важности въ глазахъ поручика. Какъ ни старался онъ напустить на себя поболѣе достоинства и презрительнаго тона, когда говорилъ, что вовсе не занимается „дѣлами подобнаго сорта“ однако-же Болиголова подмѣтилъ въ немъ черту совершенно общую и тождественную съ Ицкой Янкелевичемъ Штрапенкиемъ,—это именно упоминаніе про „одного человѣка“ и „пріятели“, который какъ-бы нѣкій миѣ, постоянно фи-

гурируетъ у всѣхъ подобныхъ господъ въ подобныхъ обстоятельствахъ: это, дескать, не отъ насъ, а все отъ того „одного человѣка“ зависить, все онъ-де, все тотъ-же самый нужный человѣкъ, все тотъ-же пріятель-Жидъ,— не Еврей, а просто Жидъ-пархатый; „сшволачъ“, которому необходимы вѣрныя обезпеченія и жидовские проценты, а безъ того-де мы бы сами всей душой готовы!

Болиголовъ очень ужъ стало противно это ломанье господина Шмеца, такъ, что онъ не продолжалъ болѣе разговора, взялся за шапку и поднялся съ мѣста.

— Пойдите, бмтенъка, куда-же вы стремитесь! оставилъ его Шмець: — дайте-ка немножко пораскинуть умомъ,—авось либо и придумаемъ для васъ что нибудь подходящее... Говоря откровенно, я къ вамъ почувствовалъ большую симпатію, да и въ уваженіе къ рекомендаціи вашего кузена мнѣ-бы очень, очень хотѣлось оказать вамъ эту пустячную услугу. Присядьте-ка немножко, а я подумаю...

Господинъ Шмець, напустивъ на себя сосредоточенно задумчивый видъ, потупилъ голову и медленно сталъ расхаживать по кабинету, играя халатными кистями.

— Вотъ что! сказалъ онъ наконецъ, остановясь предъ Болиголовымъ съ рѣшительнымъ видомъ:—самъ я, повторяю, этими дѣлами... ну, то-есть положительно не занимаюсь!.. Какъ тамъ ни извиняйте, какъ тамъ ни смотрите, а все оно макъ-то грязновато выходитъ... да и противно мнѣ... Что дѣлать! Характеръ ужъ такой!.. Будь у меня только свободныя—ей-Богу, послѣднія-бы

отдаль! Вѣрьте мнѣ, голубчикъ!.. Но давать въ ростъ, подъ вексель, на проценты—чортъ возьми! Я слишкомъ поэтъ, слишкомъ артистическая натура для этого!.. А мы вотъ что: есть тутъ у меня одинъ человѣкъ — онъ иногда по моимъ дѣламъ бѣгаетъ... Поговорите-ка вы съ нимъ, а я его предупрежу, и онъ вамъ навѣрное какъ нибудь это устроитъ...

— Очень хорошо, согласился поручикъ и освѣдомился когда именно и въ какой часъ можетъ состояться свиданіе съ „человѣчкомъ“.

— Да завтра,—чего-же откладывать! назначилъ господинъ Шмець:—являйтесь прямо къ завтраку и тутъ вы встрѣтитесь и, надѣюсь, дѣло ваше будетъ кончено съ полнымъ успѣхомъ. А тетрадку-то мою не забудьте, прибавилъ онъ, подавая поручику рукопись.—Пожалуйста, ужъ такъ, какъ я говорилъ... про стихи-то... ужъ я буду надѣяться...

И они разстались.

— Ну что? спросилъ редакторъ кузена, когда тотъ пріѣхалъ къ обѣду.

Болиголовъ въ подробности рассказалъ про свое утреннее посѣщеніе.

— Ломается, шельмецъ! Это его постоянная манера, замѣтилъ редакторъ, выслушавъ рассказъ:—и про биржевыя тысячи все это совралъ, покрайней мѣрѣ на двѣ трети! Ужъ что касается до стихковъ, то это, братъ, прямо контрибуція съ меня за мою рекомендацію... Эдакая гадина!

(Окончаніе будетъ).

Литовцы.

Литовцы, происшедшіе изъ смѣси разныхъ народовъ, считаются какъ бы полу-братъями славянъ, съ которыми они составляютъ отдѣльную вѣтвь индо-европейской семьи. Ближайшіе родственники литвино-славянъ суть германцы. Подъ именемъ литовскихъ народовъ разумѣются вообще два племени: литовское и латышское, соединенное между собою сходствомъ расъ. Помогши древнимъ поруссовъ, прущцовъ, дикаго народа, составлявшаго третье главное племя литовскихъ народовъ, исчезли уже болѣе двухъ столѣтій.

Это латышско-литовское племя заселяетъ западныя окраины Россіи, отъ Рижскаго залива до Западнаго Буга и простирается до 2.600,000 душъ. Оно раздѣляется на двѣ вѣтви: собственно литовцевъ (въ томъ числѣ самогитовъ или жмудъ), которые населяютъ губерніи ковенскую, вилненскую, гродненскую, часть курляндской губерніи и отчасти сѣверную Польшу—и латышей, живущихъ въ губерніяхъ курляндской и лифляндской, и встрѣчающихся также въ псковской, ковенской, витебской и петербургской губерніяхъ.

Хотя по цивилизаціи и благостоянію, самогиты въ ковенской губерніи и въ сѣверной Польшѣ, съ давнихъ поръ занимали первое мѣсто между литовскими народами, но литвины, особенно тѣ, что живутъ въ виленской и восточной части ковенской губерніи, все-таки должны считаться за коренной народъ литовской расы, вѣтви которой, въ очень отдаленныя эпохи, отдѣлялись отъ нея и смѣшивались съ другими народами, оказывавшими на нихъ весьма сильное вліяніе. Литовцы же составляли политическій центръ великаго княжества Литовскаго, занимавшаго всю теперешнюю западную территорию Россіи.

То, что мы знаемъ о литовскихъ народахъ въ теченіи первыхъ десяти вѣковъ христіанской эры, весьма неопредѣленно и ограничено. Въ очень отдаленныя эпохи, мы уже находимъ значительные отпрыски этихъ народовъ въ иностранныхъ государствахъ, гдѣ они смѣшивались съ другими національностями, относясь часто враждебно къ своимъ соотчичамъ. Но распространеніе литовскаго племенишло вообще только на сѣверъ и западъ. Передвиженіе римскихъ племенъ имѣло своимъ результатомъ, происхождение изъ смѣси обѣихъ народностей, особаго племени, латышей. Эти послѣдніе вскорѣ подпали подъ власть вѣмецкихъ завоевателей, между тѣмъ какъ юго-западные литовцы основали сильное государство подъ именемъ княжества Литовскаго. Такъ какъ исторія этого государства тѣсно связана съ судьбами западной Руси, то мы немного остановимся здѣсь на ней.

Великое княжество литовское занимало сѣверную и большую часть западной Россіи и главной своей массой лежало между Великоюроссіей и королевствомъ польскимъ, простираясь къ сѣверу до Курляндіи, Лифляндіи. Литовцы, ближайшіе сосѣди древней Пруссіи, являются лишь въ концѣ XII столѣтія подъ именемъ лештовъ. Сначала они жили между Мемелемъ и Дви-

ною, куда вытѣснили ихъ славянскія племена. Въ этомъ новомъ отечествѣ они вскорѣ сдѣлались добычею своихъ сосѣдей, и до половины XIII столѣтія не имѣли никакого значенія въ средѣ европейскіхъ народовъ. Однако, мало по малу, они завоевали себѣ независимость и расширили границы своихъ областей отъ Нѣмана до Днѣстра и отъ Буга до Днѣпра, такъ что нѣкоторое время Литовское княжество заключало въ своихъ предѣлахъ лучшую часть древней Руси, именно часть Великой Россіи съ Смоленскомъ и большую часть Малой Россіи съ Киевомъ.

Настоящимъ основателемъ литовско-русскаго княжества былъ Гедиминъ (1320 — 1345). Этотъ могущественный князь расширилъ владѣнія своего народа до Волыни, Чернигова и Кіева и держалъ въ страхѣ монголовъ. Послѣ него, сынъ его Ольгердъ, угрожалъ сильному Тевтонскому ордену и монголамъ и распространилъ свое могущество до Восточной Руси, за Днѣпръ. При сынѣ и наследникѣ Ольгерда, Ягеллѣ (1377 — 1434), Литовское княжество постигло самое памятное и самое важное, по своимъ результатамъ, событіе—присоединеніе его къ Польшѣ, съ которою впоследствии оно слилось совершенно. Въ 1386 г. Ягелло принялъ католическое крещеніе и приобрѣлъ польскую корону, посредствомъ брака съ Гедвигою, наследницею польскаго престола послѣ короля Казимира.

Окончательное соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ совершилось почти черезъ двѣсти лѣтъ послѣ Ягелла, при послѣднемъ потомкѣ его, Сигизмундѣ-Августѣ (1569). Западная Русь, горячо преданная вѣрѣ своихъ предковъ, православію, никогда не желала соединенія съ поляками, и Литовское княжество неоднократно отдѣлялось отъ Польши, грозившей гоненіемъ православію. Соединенія этого желали, во первыхъ сами Ягеллоны, во вторыхъ польскіе вельможи, а главнымъ образомъ хлопотало объ этомъ латинское духовенство; послѣднее видѣло въ этомъ союзѣ удобное средство къ исполненію постоянной мысли римскаго двора подчинить греко-россійскую церковь напѣ, не верявшему надежды присвоить надъ нею власть, даже послѣ неудачныхъ попытокъ въ этомъ смыслѣ при Данилѣ Романовичѣ и Александрѣ Невскомѣ. Наконецъ послѣ двухвѣковыхъ усилій, поляки достигли своей цѣли: соединили Литовское княжество съ королевствомъ въ одну *Речь Посполитую*, и ввели въ литовскую Русь унию, послужившую впоследствии источникомъ столькихъ народныхъ бѣдствій и кровопролитій. Многочисленное православное населеніе Литвы слышать не хотѣло объ униі, она вводилась насильно.

Съ несчастнымъ присоединеніемъ къ Польшѣ, прекращается самостоятельное существованіе Литовскаго княжества. Съ раздѣломъ Польши оно перешло къ Россіи, имѣя слѣдующія составныя части: собственно Литву, Польшь, Черную Русь, Бѣлую Русь (заключавшую три нынѣшнія губерніи: Витебскую, Могилевскую и Минскую) и Самогитію. Всѣ греко-униатскія епископскія воеводы перешли къ Россіи. Уже Екатерина II

взяла у присоединенной церкви Киевское архиепископство, отдѣленное Ягеллономъ еще въ началѣ XV столѣтія и всѣми мѣрами покровительствовала переходу униатовъ въ господствующую православную церковь. Папа Пій VI въ 1698 г. вновь организовалъ унию, но безуспѣшно. Будучи дѣломъ немногихъ лицъ, руководимыхъ личными интересами, униа не находила себѣ почвы; переходы униатовъ въ православіе повторялись чаще и чаще и униа теряла мало по малу всякую самостоятельность. Николай I, въ отношеніи униатовъ слѣдовалъ политикѣ Екатерины; въ 1827 г. они были подчинены надзору министерства внутреннихъ дѣлъ (департаментъ иностранныхъ исповѣданій). Наконецъ, въ 1839 г. при умномъ руководителѣ тогдашнихъ униатовъ, покойномъ митрополитѣ Іосифѣ, особенно крупный фактъ доказалъ всю несостоятельность уни: 3 епископа и 1305 униатскихъ священниковъ объявили въ Полоцкѣ совершенное отпаденіе отъ римско-католической церкви, прося императора и святѣйшей синоды о принятіи ихъ въ греко-православную церковь.

Обратимся теперь къ кореннымъ обитателямъ Литвы, собственно литовцамъ.

Все что можетъ напоминать въ настоящее время литовскую національность, ограничивается языкомъ, нѣкоторыми особенностями костюма, да остатками язычества, въ которомъ народъ этотъ находился менѣе, чѣмъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Все остальное неразрывно слито съ польскимъ элементомъ, не исключая католической религіи, къ которой почти исключительно принадлежатъ всѣ литовцы.

Число литовцевъ въ русской имперіи простирается до 1,480,000. Изъ этого числа главная масса населяетъ губерніи ковенскую и виленскую, остальные разсыяны въ августовской провинціи въ Польшѣ, въ Курляндіи и въ Гроднѣ. Какъ мы уже говорили, они раздѣляются на собственно литовцевъ (литвиновъ) и на самогитовъ (жмудь). Послѣдніе въ числѣ 440,000 занимаютъ восточную часть Ковенской губерніи, и въ числѣ 200,000 сѣверную часть августовской провинціи, что составляетъ вмѣстѣ 660,000 душъ. Какъ и литвины, всѣ самогиты католики. Между тѣми и другими существуютъ довольно замѣтная разница, какъ въ языкѣ, такъ и въ степени цивилизаціи, обычаяхъ, предразсудкахъ и даже одеждѣ; но чистый литовскій типъ представляютъ литовцы.

Это народъ мускулистаго, крѣпкаго сложенія; въ прежнія времена, когда они вели въ своихъ дремучихъ лѣсахъ дикую, вольную жизнь охотника, между ними бывали великаны. Въ послѣднее время ростъ ихъ сталъ замѣтно уменьшаться, однако они рѣдко бываютъ ниже средняго. Почти всѣ литовцы блѣдокуры, съ голубыми глазами на выкатѣ. Носъ у нихъ имѣетъ почти всегда античную форму, образуя одну прямую линію со лбомъ; кожа на лицѣ и тѣлѣ очень бѣла. Въ мѣстахъ, населенныхъ исключительно литовцами, женщины очошь хороши собой; у нихъ голубые глаза, блѣдокурые волосы, правильныя черты лица; при этомъ онѣ чрезвычайно бѣлы и стройны. Мушкетеры брѣютъ лицо, а волосы большею частью оставляютъ длинные съ прямымъ проборомъ по срединѣ головы. Костюмъ ихъ состоитъ изъ холщевой рубашки съ отложнымъ воротникомъ и такихъ же холщевыхъ панталонъ; рубашка подпоясана кожанымъ поясомъ, у котораго висятъ ножъ и трубка. Лѣтомъ, сверхъ рубашки, надѣвается открытый спереди холщевый балахонъ; зимой и осенью балахонъ этотъ бываетъ изъ сукна, съ стоячимъ воротникомъ и карманами; онъ всегда подпоясанъ кожанымъ поясомъ съ большой пряжкой. Въ сильные морозы носятъ коротенькіе овчинные кафтаны и шапки съ длинными ушками. Головной уборъ состоитъ обыкновенно изъ суконной фуражки, а лѣтомъ, на полевыхъ работахъ, изъ соломенной шляпы собственнаго крестьянскаго издѣлія. Женщины и дѣвушки ходятъ въ холщевыхъ рубашкахъ, короткихъ цвѣтныхъ, большею частью полосатыхъ, юбкахъ и узорчатыхъ на подолѣ передникахъ; кромѣ того, сверхъ рубашки, надѣвается корсажъ изъ ситяго сукна или просто какой нибудь матеріи, безъ рукавовъ. Шея украшена бусами; голова покрыта большимъ бѣлымъ или цвѣтнымъ платкомъ; зимой его замѣняетъ капюшонъ въ видѣ чепчика. У молодыхъ дѣвушекъ изъ подъ платка висятъ двѣ косы, украшенныя лентами, а лѣтомъ цвѣтами. Въ большіе праздники голова не покрывается платкомъ. Лѣтомъ, онѣ большею частью босикомъ, а зимой въ лаптяхъ и онучахъ; башмаки надѣваются только въ большіе праздники. Праздничный костюмъ почти такой же и какъ и будничныи, только спитъ изъ болѣе тонкой матеріи.

Домашній бытъ литовскаго крестьянина бѣденъ и грязенъ. Избы малы, безъ пола и трубы; онѣ раздѣляются на двѣ темныя каморки, гдѣ царствуетъ страшная духота и грязь, потому что тутъ же помѣщаются и куры, и вся домашняя скотина. Крыши крыты соломой. Несмотря на самый тяжелый трудъ, къ которому съ малолѣтства привыкъ здѣшній крестьянинъ, часто онъ не имѣетъ необходимыхъ средствъ къ существованію. Самое критическое для него время, весна. Зерна на посѣвъ нѣтъ, надо занимать у помѣщика, а чаще всего у жидка, этой извѣ, наводняющей весь край. Первые жиды, поселившіеся въ Литвѣ, пришли сюда изъ Кіева въ XII вѣкѣ. Они всѣми средствами эксплуатируютъ бѣдственное положеніе крестьянъ и страсти ихъ къ водкѣ; евреямъ это тѣмъ болѣе легко, что они монополизировали всю мелочную торговлю виномъ. При наиболѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, крестьянинъ ѣстъ картофель и самый грубый черный хлѣбъ, въ неурожайные же годы, довольно частые въ здѣшнемъ краѣ, онъ питается щавелемъ отваренномъ въ водѣ съ ничтожной примѣсью муки. Ужасно видѣть тогда этихъ несчастныхъ, умирающихъ съ голода, часто пораженныхъ заразительными болѣзнями. Лакомымъ кушаньемъ считается рыба и каша изъ недозрѣтой ржи. Соль употребляется здѣсь вообще мало. Гибельная страсть къ вину распространена повсемѣстно и играетъ важную роль при заключеніи всякихъ сдѣлокъ, причемъ крестьяне, разумѣется, дѣлаются жертвою безсовѣстнѣйшаго обмана.

Жизнь литовской крестьянки проходитъ въ лишенияхъ и трудахъ; она во всемъ помогаетъ мужику и даже беременная, до послѣдней минуты, исполняетъ самыя тяжелыя домашнія и полевые работы. При родахъ она не получаетъ никакой помощи, кромѣ того, что бабка держитъ у нея передъ лицомъ свѣчку и колотитъ въникомъ въ потолокъ избы. Тотчасъ послѣ родовъ, бѣдной измученной роженицѣ дають выпить горячей водки съ красной глиной, мѣдомъ, перцомъ и масломъ. Новорожденнаго ребенка моютъ въ холодной водѣ, въ память Баумы или Ланмы, богини плодородія растительнаго и животнаго царства.

Въ обычаяхъ литовцевъ вообще сохранилось много слѣдовъ язычества. Изъ народныхъ праздниковъ самый замѣчательный у нихъ *кекирисъ* (по русски кукало, по польски суботекъ), который празднуется наканунѣ Иванова дня съ такими же церемоніями и прыганіемъ черезъ зажженныя смоляныя бочки, какъ у чухонъ. Литовцы вѣрятъ, что въ ночь на Ивановъ день, животныя и деревья разговариваютъ между собой; въ эту ночь не выгоняютъ лошадей въ табуны, чтобы ихъ не похитили вѣдьмы, которыя пролетаютъ на метлахъ въ Кіевъ. На другое утро ищутъ разныя травы, свѣтятъ ихъ и сохраняютъ какъ целебныя средства.

Въ Рождественскій сочельникъ варятъ пшеничную или ячменную кутью, и, въ воспоминаніе ясель, въ которыхъ родился Спаситель, кладутъ сѣно подъ скатерть. Въ Крещенье на всѣхъ дверяхъ пишутъ буквы *С. М. В.* (Каспаръ, Мельхиоръ, Балтазаръ) и вездѣ кропятъ святой водой. Между Рождествомъ и Крещеньемъ, послѣ заката солнца не работаютъ, а собираются другъ у друга и гадаютъ.

Между литовцами грамотность распространена гораздо больше, нежели между ихъ сосѣдями, обитателями Бѣлоруссіи. Изъ нихъ половина умѣетъ читать священныя книги, написанныя на литовскомъ языкѣ. Литовскія преданія, пѣсни, пословицы, сохранившіяся въ большемъ числѣ служатъ очевидными доказательствами, что въ умственномъ отношеніи природа не обидѣла этого народа. Обыкновенно литовцевъ, равно какъ бѣлоруссовъ, считаютъ существами неповоротливыми, тупыми; однако, несмотря на ихъ апатичность и кажущееся тупоуміе, они часто выказываютъ совершенно противоположныя качества. Другой разъ, забитый крестьянинъ-литовецъ, какимъ нибудь неожиданнымъ замѣчаніемъ обнаруживаетъ такую оытность, такое глубокое пониманіе жизни, что съ изумленіемъ спрашиваетъ себя, гдѣ и какими судьбами этотъ грубый, лишенный необходимаго человѣкъ, могъ приобрести столько наблюдательности и здраваго смысла.

Надо еще прибавить, что литовцы отличаются большой покорностью властямъ; глава семьи пользуется всегда большимъ почетомъ, всѣ члены семьи вполне подчинены ему. Литовцы, вообще тихіе и набожны, иногда очень упрямые. Но особенно хороша въ нихъ одна черта—трогательная любовь къ родинѣ; къ скудному клочку земли, который они обрабатываютъ въ потѣ лица, чтобы кое-какъ прокормить свою семью.

РАЗБИТАЯ ЛИРА.

(Мотивъ Шенъе).

Лиру разбила она—въ ней зозвучія сердцу не слыша—
Въ горѣ, что муза чужда страстнымъ моленьямъ ея.
Дѣва—чего же ты въ лирѣ своей златострунной искала?
Выдалъ мнѣ тайну твою этотъ проказникъ Эроть.

Ап. М.—въ.

Королева английская Елизавета подписывает смертный приговор Марии Стюарт. Картина Лизенмейера, с новым способом для печати через посредство фотографии, приготовлено Шгабъ-Капит. Едреновымъ.

ЕЛИЗАВЕТА ТЮДОРЪ И МАРИЯ СТУАРТЪ.

Елизавета дочь Генриха VIII и Анны Болейнъ родилась 7-го сентября 1533 года.

Въ ряду царственныхъ особъ Англии трудно встрѣтить лицо, которое бы пользовалось большей популярностью между современниками и оставило бы болѣе блестящую по себѣ память въ потомствѣ.

Можно сказать положительно, что безъ ея содѣйствія протестантизмъ не одержалъ бы побѣды не только въ Англии, но и во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ. Елизавета являлась опорой протестантизма всюду, гдѣ только онъ нуждался въ ея помощи.

Въ то же самое время она упрочивала за страной своей первое мѣсто въ ряду европейскихъ державъ и положила основы того политическаго могущества, которому предстояло такое блестящее развитіе въ будущемъ.

Елизавета была женщина замѣчательнаго ума и образованія. Она владѣла въ совершенствѣ латинскимъ, французскимъ, испанскимъ, голландскимъ и итальянскимъ языками, изучала классиковъ и вообще подъ руководствомъ извѣстныхъ ученыхъ того времени получила блестящее образованіе.

Складъ ума ея былъ чисто мужской и вообще она отличалась отсутствіемъ женственности во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ ея характерѣ часто проявлялись тѣ же деспотическія наклонности, какъ и въ характерѣ отца ея Генриха VIII. Кромѣ деспотизма она отличалась въ своихъ дѣйствіяхъ безсовѣстнымъ коварствомъ и двуличностью.

Со всѣми своими достоинствами и недостатками она была такая истая англичанка, такъ домовита, положительна и практична, что англійскій народъ не могъ относиться къ ней не сочувственно. Смертельными врагами ея являлись только католики, пресвитериане и пуритане.

Благодаря ненависти католиковъ и враждѣ съ ними, царствованіе Елизаветы ознаменовалось борьбой съ Маріей Стюартъ, королевой Шотландской. Въ этой борьбѣ характеръ Елизаветы обрисовывается во всей своей безобразной наготѣ. Жестокость, несправедливость, зависть, все это прикрытое отчаяннымъ лицемеріемъ, вотъ черты, обнаружившіяся въ ея отношеніяхъ къ Маріи Стюартъ. Первый поводъ къ гоненію на Марію подалъ отчасти папа Павелъ IV.

Вступивъ на престолъ Елизавета не хотѣла разрывать связи съ католической церковью и заявила святому отцу, что она не намѣрена тревожить своихъ подданныхъ изъ-за религіозныхъ убѣжденій. Это не понравилось Павлу IV. Онъ не довольствовался такого рода отношеніями къ католицизму и потому предъявилъ требованія, принять которыя было бы крайней необходимостью. Папа объявилъ англійскому повѣренному, между прочимъ, что по его мнѣнію Елизавета не законная дочь Генриха VIII и потому право на престолъ принадлежитъ не ей, а Маріи Стюартъ и предлагалъ разсудить этотъ вопросъ по всей справедливости. Конечно послѣ такого заявленія Елизавета не могла оставаться вѣрной римской церкви и должна была бороться Маріи какъ соперницы на англійскій престолъ и соперницы опасной, имѣвшей много приверженцевъ католиковъ; Марія могла къ тому же рассчитывать на Францію. Она была дочь Іакова V Шотландскаго. Мать ея была Марія Лотарингская, сестра Гизовъ, и по смерти мужа управляла Шотландіей.

Маленькую Шотландскую королеву увезли во Францію, гдѣ она воспитывалась и вышла замужъ за Франциска II. Характеръ, привычки и воспитаніе Маріи слишкомъ расходились съ строгими нравами ея родины, и до своего брака уже она приобрѣла между шотландцами непримиримыхъ враговъ.

Въ это время у нихъ пользовался большимъ успѣхомъ Джонъ Ноксъ, обладавшій сильнымъ краснорѣчіемъ. Онъ проповѣдывалъ мрачный кальвинизмъ, учившій о грѣховности всякаго чувственнаго наслажденія и радости. Если такое строгое ученіе находило себѣ много приверженцевъ, какъ мы видимъ изъ исторіи Шотландціи, то какое же впечатлѣніе должна была произвести на этихъ фанатиковъ молодая, красивая, легкомысленная Марія, привыкшая къ той блестящей роскоши и тѣмъ непозволительнымъ по выраженію Шлоссера удовольствіямъ, которыми она была окружена при французскомъ дворѣ Екатерины Медичи.

Она не могла помириться съ строгимъ пресвитерианскимъ ученіемъ и соотвѣтственнымъ ему шотландскимъ образомъ жизни; всю жизнь оставалась она живой, легкомысленной француженкой, составляя яркій контрастъ съ чопорной, строгой англличанкой Елизаветой, которую часто шокировала своей вѣтренностью, презиравшей всѣ приличія.

Съ того времени какъ умеръ Францискъ II и Марія перешла въ Шотландію, между ней и Елизаветой начинается открытая борьба. Королева Англии начала съ того, что не позволила Маріи пробѣхать черезъ свои владѣнія и послала даже корабли захватить ее въ плѣнъ, котораго Марія избѣгла совершенно случайно. Съ этихъ поръ жизнь ея полна несчастій и самыхъ трагическихъ приключеній.

Въ Шотландіи противъ нея начались возстанія, хотя на пер-

выхъ порахъ она принята была своими подданными съ восторгомъ, но такое настроеніе не долго продолжалось, потому что они не могли простить ей ея поведенія. Возникли недовольства, постоянно встрѣчавшія поддержку со стороны Елизаветы, имѣвшей на Шотландію большое вліяніе.

Елизавета съ изумительной ловкостью обдѣлывала свои дѣла: она сумѣла поставить Марію въ полную отъ себя зависимость, такую зависимость, что послѣдняя не могла даже выйти замужъ по своему желанію, а должна была подчиниться волѣ королевы Англии, неизмѣнившей себѣ и тутъ.

Неодобрявъ ея брака съ эрцгерцогомъ Карломъ, она сватала ее за своего любовника Лейстера, но конечно не могла этого дѣлать съ серьезнымъ намѣреніемъ. Марія поставленная въ такое положеніе рѣшилась выйти за одного шотландскаго вельможу Генриха Дарнлея, графа Леннокса, человѣка грубаго, вспыльчиваго, преданнаго пьянству и крайне взбалмошнаго. Сначала она страстно любила его, потомъ вдругъ совершенно измѣнилась и не соглашалась болѣе раздѣлять съ нимъ власть.

Марія явно стала отдавать предпочтеніе своему секретарю и казначею Ричіо, который былъ ея любимцемъ еще до брака.

Такого рода отношенія ужасно бѣсили Дарнлея и онъ заключилъ союзъ съ самыми отчаянными противниками своей жены. Результатомъ этого союза было варварское убійство Ричіо въ кабинетѣ Маріи, въ ея присутствіи. Король съ своими сообщниками ворвался къ ней въ комнату, гдѣ она сидѣла съ Ричіо и двумя другими лицами. Онъ прямо объявилъ, что пришелъ убить красиваго секретаря. Напрасно Марія умоляла о пощадѣ, одинъ изъ заговорщиковъ приставилъ къ груди ея пистолетъ, а другой въ это время ударилъ кинжаломъ Ричіо. Его добились въ другой комнатѣ пятидесятью шестью ударами кинжала. Тѣмъ временемъ подошли приверженцы королевы, но не могли помочь и Король рѣшился отвезти жену въ заключеніе, для того чтобы вынудить у нея согласіе на предложенныя условія.

Маріи однако удалось бѣжать. Во всей этой исторіи Елизавета играла самую гнусную роль: она знала о заговорѣ и тайно помогала заговорщикамъ деньгами, хотя и дѣлала видъ, что судьба Маріи ее очень безпокоитъ, велѣла даже поздравить свою соперницу съ благополучнымъ исходомъ дѣла; въ душѣ же она имѣла очень недовольна, такъ какъ вмѣстѣ съ своимъ главнымъ министромъ надѣялась воспользоваться вышеприведеннымъ случаемъ, чтобы овладѣть Шотландскою короной.

Послѣ трагическаго происшествія съ Ричіо Марія помирилась съ мужемъ, но обращалась съ нимъ чрезвычайно не хорошо; отстранявъ его отъ дѣлъ, постоянно оскорбляла его.

Мѣсто Ричіо при ней занялъ графъ Ботвель, который съ двумя другими министрами завѣдывалъ государственными дѣлами.

Между мужемъ Маріи и этими тремя правителями установилась настолько недружелюбная отношенія, что Дарнлей потребовалъ ихъ удаленія, на что Марія не согласилась. Обоюдная ненависть дошла до того, что Ботвель съ своими товарищами рѣшился убить Дарнлея. Королева не могла не знать объ заговорѣ и отношенія къ мужу рисуютъ ее въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ: все говоритъ въ пользу того, что она была участницей преступленія.

Послѣ полугодовой размолвки съ мужемъ она вдругъ стала отнестись къ нему, когда онъ захворалъ оспой, съ чрезвычайной нѣжностью. По ея просьбѣ Дарнлей поселился въ загородномъ домѣ гдѣ вскорѣ и былъ убитъ. Домъ былъ взорванъ, а трупъ короля найденъ въ сосѣднемъ саду, безъ всякихъ признаковъ обжога. Марія живши съ мужемъ не могла не знать, что заговорщики проводили мину подъ домъ и катастрофа произошла въ тотъ самый день, какъ она уѣхала въ свой дворецъ. Марія выказывала сильное огорченіе послѣ смерти мужа, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея очень странное поведеніе наводило совсѣмъ на другія мысли.

Она не начала судебного расслѣдованія, пока не потребовалъ этого отецъ Дарнлея, графъ Ленноксъ.

Несмотря на то что ушли противъ Ботвели былъ очень вѣскопій, Ленноксъ ничего не могъ добиться. Дѣло прекратили на половинѣ и Ботвель былъ оправданъ. Народъ остался недоволенъ такимъ отношеніемъ Маріи къ убійству мужа. Ея дѣйствія прямо наводили на мысль, что она была заодно съ убійцами мужа. Еще болѣе подтвердили эти подозрѣнія послѣдующими событіями. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ Ботвель былъ привлеченъ къ суду Марія обвинялась съ нимъ, что немало поразило всѣхъ.

Ботвель, отличавшійся отчаянной грубостью и очень сильными деспотическими наклонностями, женившись на Маріи сдѣлался въ полномъ смѣлѣ ея тираномъ, чего хотѣлось ему до же прежніе товарищи.

Они взбунтовали народъ противъ него, силой заставили удалиться, а Марію привезли въ Эдинбургъ, гдѣ народъ встрѣтилъ свою королеву криками, не предвѣщавшими ничего хорошаго.

Послѣ всѣхъ этихъ происшествій ее отправили подъ строгимъ конвоемъ въ замокъ Лохлеветъ, гдѣ заставили отказаться отъ престола и поручить воспитаніе сына пуританамъ.

Марія благодаря содѣйствію одного юноши, бѣжала изъ заключенія.

Послѣ неудачной попытки возвратитъ свои права, она обратилась за помощью къ королевѣ английской.

Съ этихъ поръ Марія уже была въ рукахъ Елизаветы, которая вскорѣ воспользовавшись различными интригами, заключила ее въ замокъ Тотбери. Съ заключеніемъ Маріи снова начались заговоры ярыхъ католиковъ и приверженцевъ шотландской королевы. Цѣлю ихъ было возвратитъ Маріи престолъ.

Тогдашній папа Пій VI принялъ также ее сторону и началъ борьбу съ Елизаветой, которую называетъ еретичкой. Онъ послалъ черезъ Испанію въ Англію буллу объ ереси и мнимомъ правѣ Елизаветы на престолъ. Этой буллой подданные освобождались отъ присяги.

Дѣйствія папы и приверженцевъ Маріи сильно вредили заключенной Королевѣ, да и не ей одной вредили они: борьба католицизма съ протестантизмомъ стоила жизни не одной тысячи людей.

Противъ католиковъ въ Англіи было издано множество карательныхъ законовъ. Елизавета не задумываясь казнила и мучила всѣхъ, не принадлежавшихъ къ протестантской церкви, но все это дѣлалось въ законныхъ формахъ и личнаго участія Елизаветы, повидимому, ни въ чемъ не принимала, такъ что и тутъ осталась вѣрна своему характеру.

Изо дня въ день, въ продолженіи 14 лѣтъ, она мучила Марію. Каждая попытка со стороны приверженцевъ освободитъ ее, возбуждали въ Елизаветѣ злость и ненависть къ своей плѣнницѣ.

Съ каждымъ разомъ она выдумывала для нея новыя мученія. Наконецъ въ 1586 году былъ открытъ заговоръ на жизнь

Елизаветы, въ которомъ не замедлили обвинить и Марію, вслѣдствіе чего казнь ей была ускорена. Судьба шотландской королевы давно уже была рѣшена Елизаветой, но почему то все мѣшкали.

Личность Маріи Стюартъ, благодаря тѣмъ жестокостямъ, которыми подвергала ее королева Англіи, много выиграла въ глазахъ современниковъ и потомства. Ея прегія непривлекательная жизнь была забыта. Всѣ въ ней видѣли героиню, мученицу, судьба которой могла возбуждать одно сожалѣніе и симпатію. Елизавета на оборотъ возбуждала во всѣхъ справедливое чувство негодованія и своей личностью какъ бы отгнѣняла жертву.

Передъ читателями картина Лизенмайера. На ней изображенъ тотъ моментъ, когда Елизавета Тюдоръ подписываетъ приговоръ Маріи Стюартъ. Посмотрите съ какой тайной радостью она ищетъ глазами то мѣсто на листѣ, гдѣ однимъ взмахомъ пера можетъ наконецъ уничтожить свою сомерницу, виновницу столькихъ опасеній и мученій.

Она подписала приговоръ, Марія пала ее жертвой, но не смотря на это королева сумѣла выгородитъ себя и показаться передъ народомъ неповинной въ смерти Маріи. Елизавета до конца осталась вѣрна себѣ.

Когда ей доложили, что казнь совершена, она разыграла отвратительную комедію: стонала, рыдала и вообще приняла это извѣстіе какъ неожиданность, заявивъ, что хотѣла отложить казнь и во всемъ обвинила своего секретаря Дэвисона; говорила, что онъ вынудилъ ее согласіе хитростью и посягнулъ имъ воспользоваться.

Чтобы доказать справедливость своихъ словъ, она удалила его отъ должности на нѣсколько лѣтъ, продержала въ заключеніи и конфисковала его имущество. Послѣ смерти Маріи, Елизавета на время оставила католиковъ и обратила свое вниманіе на другія дѣла Англіи.

Р БАНКАХЪ.

Въ виду развитія у насъ въ Россіи банковской операціи, мы предпосылаемъ настоящую замѣтку для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые мало знакомы съ этимъ важнымъ факторомъ, способствующемъ съ одной стороны къ сбереженію капиталовъ и облегченію общественнаго кредита, а съ другой—къ развитію торговли и промышленности.

Банки дѣлятся: на государственный, частные, городскіе, земскія, ипотечные, переводные и др. Государственный банкъ основанъ въ Россіи еще въ то время, когда у насъ вовсе не существовало частныхъ банковыхъ операцій. Съ развитіемъ акціонерныхъ компаній, съ развитіемъ экономическаго положенія страны явилась и потребность расширить банковый кредитъ, а въ послѣднее время Россія открылась цѣлой сѣтью кредитныхъ учрежденій подъ разными наименованіями. Всѣ эти учрежденія болѣе или менѣе преслѣдуютъ ту основную идею, чтобы предоставитъ своимъ членамъ возможность выгодно номѣщать свои сбереженія и получать, на наивыгоднѣйшихъ для нихъ условіяхъ, посредствомъ ли дисконта векселей, или подъ залогъ процентныхъ и правительствомъ гарантированныхъ или негарантированныхъ, но имѣющихъ цѣнность бумагъ, недвижимостей, товаровъ и проч., необходимыхъ для торговыхъ или промышленныхъ оборотовъ капиталы. Мы приведемъ здѣсь главныя основанія этихъ учрежденій. Производство операцій, предоставляемыхъ уставами банковыхъ обществъ, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ: а) въ учетѣ представляемыхъ членами векселей—личныхъ или съ благонадежными на нихъ бланками: однимъ или болѣе; б) открытіе текущихъ счетовъ для своихъ членовъ, каждый членъ имѣетъ право вносить свои сбереженія, не стѣняясь ихъ размѣрами, на текущій счетъ, причемъ на первый принятый для такого члена вкладъ выдается расчетная книжка, въ которую записываются потомъ всѣ послѣдующія поступленія и отличаются выдачи денегъ вкладчикамъ. Полученіе обратно денегъ, внесенныхъ на текущій счетъ, всѣхъ или частями, производится немедленно по предъявленіи чека, на которомъ проставляется сумма, требуемая къ возвращенію. На деньги, внесенныя на текущій счетъ, идутъ проценты, опредѣленныя по уставу; в) суды членамъ на извѣстный срокъ подъ залогъ товаровъ, драгоцѣнныхъ металловъ, государственныхъ процентныхъ бумагъ, акцій, облигацій, закладныхъ листовъ, недвижимостей: фабрикъ, заводовъ, домовъ, земель и проч.; г) приемъ отъ членовъ къ учету вышедшихъ въ тиражъ процентныхъ бумагъ и купоновъ, которымъ минулъ срокъ; д) приемъ вкладовъ для обращенія изъ процентовъ какъ на безсрочное

время, такъ и на сроки, на разныхъ условіяхъ. Принятыя отъ членовъ вклады или суммы, внесенныя въ кредитныя учрежденія на текущіе счета, равно какъ и залогов, которымъ обеспечиваются выданныя имъ ссуды, ни въ какомъ случаѣ не подвергаются запрещенію или секвестру и выдаются банковыми учрежденіями постороннимъ лицамъ не иначе какъ по рѣшенію судебного мѣста. Всѣ внесенныя членами суммы обеспечиваются основными и запасными капиталами банковыхъ учрежденій, а также и всѣмъ имуществомъ, если таковое имѣется. При этомъ нужно замѣтить, что, на основаніи банковыхъ уставовъ основной или акціонерный капиталъ всякаго банка можетъ составлять $\frac{1}{10}$ часть всего капитала, ввѣреннаго ему членами изъ обращенія изъ процентовъ. Въ послѣднее время особенно замѣчается довольно сильное расширеніе операцій вкладовъ какъ срочныхъ, такъ и безсрочныхъ, равно и текущихъ счетовъ въ акціонерныхъ банкахъ коммерческаго кредита.

Упомянувъ о банкахъ вообще, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о московскомъ ссудномъ банкѣ, переживающемъ въ настоящее время свой кризисъ. Имѣя складочный капиталъ въ 3 мил. р., онъ располагалъ одними вкладами на опредѣленный срокъ болѣе чѣмъ на 11 мил. р., такъ что въ развитіи вкладной операціи онъ видѣлъ главную силу для своей дѣятельности, а отсюда само собою понятно, что чѣмъ у банка больше вкладовъ на срокъ, тѣмъ свободнѣе онъ можетъ дѣйствовать, тѣмъ обеспеченнѣе должно быть его положеніе и мы видимъ, что Московскій ссудный банкъ пользовался настолько громадномъ кредитомъ, что его акціи въ свое время продавались съ значительною премією, а обязательства его къ кредиторамъ доходять въ настоящее время до 217 р. Исторія крушенія этого банка уже извѣстна нашимъ читателямъ и мы можемъ сказать только, насколько выяснилось въ настоящее время его положеніе, что постигнулъ Московскій ссудный банкъ катастрофа имѣла исключительно мѣстный характеръ и нисколько не повліяла на остальные банковыя учрежденія. Всѣ заявленныя требованія къ банку обеспечиваются какъ складочнымъ и запасными капиталами и всѣмъ его достояніемъ, такъ равно и имуществомъ лицъ, дошедшихъ банкъ до нынѣшней его несостоятельности, и представляющими довольно почтенную цѣнность. По послѣднимъ извѣстіямъ удовлетвореніе вкладчиковъ уже началось пока въ размѣрѣ 50% всей суммы вклада. Коснувшись банковыхъ учрежденій, нелишнимъ счтается сказать нѣсколько словъ и о мелкомъ кредитѣ, имѣющемъ важное значеніе для нашего сельскаго хозяйства.

(Окончаніе будетъ).

ТАТАРСКІЙ ТАБУНЪ НА ЯРМАРКЪ

Картина Пшишиховскаго.

Одна изъ сценъ обыкновенныхъ на такой ярмаркѣ, какъ напримѣръ „коренная“, близъ Курска, которую предполагаютъ перевести въ Курскъ, что очень забо-

титъ лицъ торгующихъ лопадъми, потому что у Курска нельзя будетъ найти того приволья и тѣхъ удобствъ какими теперь пользуется на коренной ярмаркѣ и въ

какихъ нуждается торговецъ этимъ живымъ товаромъ; кромѣ того у Курска пришлось бы продавцамъ и за самое мѣсто платить настолько дороже, что уже отъ этого одного цѣна лошадей для продажи можетъ увеличиться. Но обратимся къ нашей картинѣ! Почти посерединѣ ея стоятъ—очевидно два покупателя. — Для показа имъ двое татаръ сгоняютъ — кривою и нагайками—цѣлый табунъ лошадей, а третій татаринъ уже кинулъ свой арканъ, петли котораго уже летятъ надъ

нихъ, отъ которыхъ получались важныя свѣдѣнія о французской арміи.

Чтобы поймать арканомъ нужна особенная сноровка; у неловкаго арканщика случается иногда, что пойманная лошадь падаетъ и притомъ ломаетъ себѣ ноги. — Налѣво отъ покупателей русскій мужичокъ подаетъ письмо татарскому „князю“; каждый зажиточный татаринъ называется княземъ; это титуль, хотъ и неравносильный обыкновенному у насъ княжескому, но

ваютъ и форма его шапки изъ „сѣрыхъ мерлушекъ“. т. е. изъ сѣрыхъ барашковъ и его „кобенякъ“: такъ называется дополненіе къ верхней одеждѣ изъ верблюжьей шерсти, настоящей, или хотъ покрашенной въ такой цвѣтъ. Кобенякъ носится—или спущеннымъ на спину какъ на картинѣ Пшишиховскаго, или надѣтымъ на голову.—Дамскій костюмъ, перенятый съ арабскаго „бурку“, извѣстный подъ именемъ бурнуса, соединенъ съ такимъ же „капшономъ“, который по татарски называется кобенякомъ.

ская лошадь отличается необыкновенною неутомимостью, выносливостью и быстрою движеніемъ. Ростъ и красота лошадей этой породы представляетъ множество отличій, напр. „турьменская“ лошадь—одна изъ самыхъ лучшихъ татарскихъ, по выразительности склада неуступаетъ знаменитой „арабской“ породѣ, хотъ не отличается красотой, которая славится конь бедуина. — Чѣмъ далѣе на сѣверъ—тѣмъ замѣтнѣе неправильность формъ и тѣмъ менѣе ростъ лошади; но при этомъ сохраняютъ

Татарскій табунъ на Ярмаркѣ. Картина Пшишиховскій, грав. Крыжановскій.

головою избранной имъ лошади; петля вотъ опустится, скользнетъ на шею—и дикарка будетъ поймана!—Наши козаки, а также и татары, мастерски дѣйствуютъ арканомъ, — кидаютъ его мѣтко и ловятъ кого имъ угодно—иногда даже тигровъ. Арканъ—это страшное орудіе, когда оно въ умѣлой рукѣ ловкаго всадника на добромъ конѣ.—Въ войну двѣнадцатаго года казацкій арканъ принесъ намъ немало пользы, доставляя плѣн-

давшій начало княжескому достоинству нѣкоторыхъ фамилій.—За головою лошади „князя“ — татарина, или можетъ быть какого нибудь „хаджи“, т. е. паломника, побывавшаго въ „каабѣ“—на могилѣ Мохаммеда, виденъ спиною къ зрителямъ картины, малороссійскій мужикъ, быть можетъ казакъ, покупающій лошадей у татарина, который стоитъ на лѣво отъ него, на краю картины.—Что этотъ покупатель именно малоросъ—на то указы-

Большую часть картины занимаютъ лошади.—По наружности видно, что это лошади татарской породы, распространенной на обширныхъ пространствахъ сѣверной и средней Азии и отчасти въ южной Россіи. Обширные табуны татарскихъ лошадей находятся еще въ полудикомъ состояніи — нерѣдко круглый годъ на подножномъ корму, который лошадь иногда бываетъ должна копытомъ откапывать изъ подъ снѣга. Татар-

ся основныя достоинства этой породы—крѣпость и неутомимость; таковы лошади киргизскія, башкирскія и калмыцкія—съ густой шерстью, крѣпкими копытами и обширною дыхательною полостью носа, благодаря чему татарская лошадь и отличается своею выносливостью, подобно арабской, т. е. способностью безостановочно и для себя безвредно пробѣгать очень большое разстояніе—на десятки верстъ.

Библиография.

Пожарная книга. Постановление закона о предосторожностях от огня и руководство къ тушению всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н.—въ.

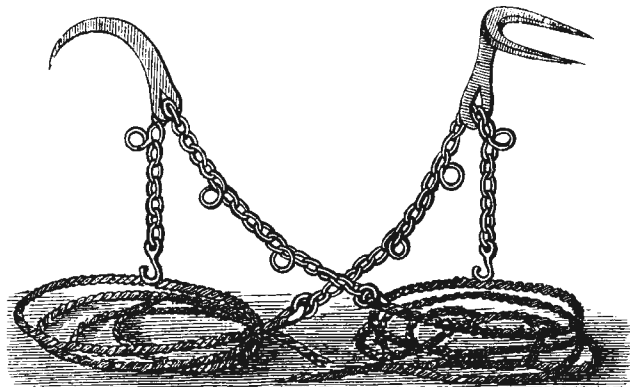
Еслибъ у насъ велась подробная статистика уничтожаемыхъ каждымъ пожаромъ строений и, если бы, сдѣлать общій выводъ за 5—10 лѣтъ числа сгорѣвшихъ строений, то, конечно, можно было бы ужаснуться такому выводу. Безошибочно можно сказать, что съ небольшимъ въ десятилѣтній періодъ Россія выстраивается вновь и затѣмъ все выстроенное опять погибаетъ отъ пламени. Въ «Русскомъ календарѣ» Суворина на 1876 годъ имѣется таблица о числѣ пожаровъ въ теченіи 1874 г., которыхъ насчитываются 26,326, а убытокъ ими причиненный, составляетъ сумму въ 58,897,888 р. Хотя данныя помѣщенные въ этой таблицѣ и заимствованы, какъ намъ извѣстно, изъ официальныхъ источниковъ, но несмотря на то ихъ нельзя признать совершенно полными, такъ какъ о весьма многихъ пожарахъ или вовсе не заявляется, или же заявляется только одинъ фактъ безъ всякихъ данныхъ. Но если даже принять приведенную въ таблицѣ сумму убытка за абсолютно вѣрную и притомъ уменьшить ее почти на 9 т., т. е. предположить, что пожарами истребляется въ годъ имущества на 50 мил. руб., то и тогда, въ десятилѣтній періодъ, убытокъ этотъ достигнетъ 500 м. р. *) Цифра громадная! Больше всего страдаютъ отъ пожаровъ села и уѣздные города, что происходитъ, съ одной стороны отъ невѣжественности народа и неосторожнаго обращенія его съ огнемъ, а съ другой стороны отъ отсутствія правильной планировки построекъ и недостатка огнегасительныхъ средствъ, и наконецъ, отъ незнанія и неумѣнія тушить пожаръ. Хотя у насъ и существуютъ довольно подробныя законоположенія касательно осторожнаго обращенія съ огнемъ и строительства, но постановления эти или вовсе не исполняются, или же исполняются какъ нибудь, притомъ же большинство съ законами этими, по отсутствію для нихъ систематическаго свода, совершенно незнакомо. Этотъ существенный недостатокъ восполненъ вышедшею въ нынѣшнемъ году «Пожарной книгою», составленною и изданною А. Н.—вымъ. «Пожарная книга» Н.—ва раздѣляется на три отдѣла: въ 1-мъ содержатся постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня; во 2-мъ руководство къ тушенію пожаровъ, въ 3-мъ врачебная помощь во время несчастныхъ случаевъ на пожарѣ; въ книгѣ имѣется, въ видѣ приложенія, проектъ устава общества вольной пожарной дружины и правила о торговлѣ охотничьимъ порохомъ, храненія его и перевозкѣ. Если первый опытъ составителя названной книги и дѣйствительно страдаетъ, какъ онъ самъ говоритъ, недостатками, то, во всякомъ случаѣ, она представляется весьма полезною въ практическомъ отношеніи и ее смѣло можно рекомендовать не только земскимъ и волостнымъ управленіямъ, но и полицейскимъ управленіямъ нашихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, а также и частнымъ лицамъ. Особенно рекомендовали бы мы «Пожарную книгу» земствамъ.

Страховыя земскія учрежденія и земскія собранія изыскиваютъ всевозможныя средства къ уменьшенію числа пожаровъ и возможному ослабленію причиняемыхъ ими опустошеній. Стоить только просмотрѣть журналы особаго земскаго собранія и въ немъ неизбѣжно найдется бездна всякаго рода постановленій, правилъ, инструкцій и т. п. Какъ бы ни полны казались всѣ эти правила и инструкціи, но въ нихъ нельзя найти ничего прямо относящагося къ дѣлу, всѣ эти правила быть можетъ и принесли бы большую пользу, если бы давались въ руководство людямъ болѣе интеллигентнымъ, а не нашему безграмотному или еле грамотному крестьянину. Впрочемъ земства обращаются и къ практической сторонѣ предмета, заботясь о заведеніи въ селахъ пожарныхъ инструментовъ, но и въ этомъ случаѣ, вслѣдствіе знакомства съ дѣломъ только съ теоретической точки зрѣнія, земства не могутъ осуществить своихъ благихъ предположеній. Заведеніе въ селахъ такихъ же огнегасительныхъ средствъ, какъ и въ городахъ, помимо дороговизны, было бы бесполезнымъ потому, что съ такого рода инструментами никто не смѣетъ обращаться,—въ случаѣ же порчи—исправить, а между тѣмъ обыкновенныхъ огнегасительныхъ снарядовъ, которыхъ законъ предписываетъ имѣть въ каждомъ крестьянскомъ домѣ, въ большинствѣ случаевъ не содержится вовсе и притомъ еще нѣтъ людей, знающихъ приемы тушенія пожаровъ. Въ виду такого положенія казалося бы, что села наши должны остаться въ беззащитномъ положеніи, но такъ какъ «Пожарная книга» даетъ выходъ изъ этой дилеммы и такъ какъ пожары въ селеніяхъ бывають чаще всего и опустошительнѣе чѣмъ гдѣ либо, то потому мы и останавливаемся на этомъ предметѣ и сдѣлаемъ нѣсколько общихъ, но весьма полезныхъ выписокъ изъ «Пожарной книги». Когда въ трубѣ загорится накопившаяся тамъ сажа и произойдетъ трубный выкидышъ, то не слѣдуетъ лить воды въ трубу, какъ это дѣлается, а бросить въ топящуюся печь полную горсть толченой сѣры и когда она сго-

реть, залить огонь и закрыть выюшки. При этомъ надо предупредить людей, находящихся на крышѣ, чтобы они не подходили близко къ трубѣ. Воспламенившійся порошокъ не слѣдуетъ тушить водою, а забрасывать пескомъ, землемъ, золой и т. п. При внутреннемъ пожарѣ въ крестьянской избѣ, хатѣ, или другомъ сельскомъ жилищѣ строенія, когда погасить его домашними средствами будетъ невозможно, нужно стараться не выпустить огонь наружу, для чего плотно затворить дверь, закрыть окна ставнями, заткнуть наружныя отдушины, впадины или под-избицы, наскоро замазать всѣ щели оконъ, дверей и отдушинъ глиною, или густо разведенною землемъ, если же замѣтятъ, что дымъ пробивается сквозь пазы бревенъ, то замазать и пазы. Въ то же время слѣдуетъ разобрать крышу, оттащить ее части дальше отъ горящей избы, какъ можно болѣе лить на поточную настилку воды. Собранный на пожаръ народъ долженъ окружить горящую внутри избу съ запасомъ воды, крючьями, ведрами и проч. и разойтись не ранѣе, какъ дымъ перестанетъ вырываться изъ избы и на ошупь руками дверей и стѣнъ, а также чердачной настилки—они окажутся остывшими. Въ случаѣ же, когда отъ выкидыша въ трубѣ, или отъ молвіи загорится крыша избы, то прежде всего надо разобрать крышу и снести ее на землю; вообще же при пожарѣ сельскомъ пожарныя трубы должно оставить безъ употребленія къ тушенію огня, а надо стараться направить всѣ усилія народа на сломку, растаскиваніе и обливаніе водою соседственныхъ съ пожарнымъ крышъ и строеній. При пожарѣ овина, скирды или стога, должно окружить со всѣхъ сторонъ пожарище народомъ, заливать водою горящее сѣно или солому и осторожно разворачивать ихъ, но не разметывая, зашаптывать ногами.

Во время пожаровъ не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ, погибаетъ очень много домашняго скота, вслѣдствіе того, что животное при видѣ огня обнаруживаетъ желаніе приблизиться къ нему, а между тѣмъ большинство не знаетъ, какъ отвлечь животное отъ горящаго мѣста и тѣмъ спасти его отъ неминуемой гибели. «Пожарная книга» и въ этомъ отношеніи даетъ нѣсколько практическихъ наставленій. Общимъ правиломъ для спасенія животныхъ во время пожара изъ конюшни и хлѣвовъ—*поручать его тѣмъ людямъ, которые занимаются уходомъ за животными*, такъ какъ животное, привыкнувъ къ ихъ голосу, охотнѣе будетъ повиноваться. *Спасеніе лошадей.* При началѣ пожара на верховыхъ лошадяхъ должно надѣть сѣдло и, сѣвъ на нихъ верхомъ, выхвать изъ конюшни; на упряжныхъ же надѣть хомуты, уздечки, шлеи и вывести ихъ за поводья. Если же лошади отъ испуга запрямятся, тогда нужно, отъ порога конюшни черезъ дворъ и за ворота накидать навозу и покрывъ голову лошади, такъ чтобы она не видала даже отраженія огня на землѣ, вывести ее за поводъ по навозу. *Рогами скотъ* должно привязать за рога на одну общую веревку и вывести изъ хлѣва, подгоняя стадо съ боковъ и сзади. *Овецъ* выгоняютъ точно также, какъ ихъ обыкновенно выгоняютъ на пастбу, т. е. выбравъ передоваго барана тащить его впередъ, а стадо, въ случаѣ его упрямства, подгонять сзади. *Свиней* вытаскивать изъ хлѣва за уши или за задніе ноги; *домашнюю птицу* выносить въ корзинахъ. Если приведенные способы спасенія животныхъ будутъ безуспѣшны, то для вывода ихъ нужно разобрать одну изъ стѣнъ конюшни, хлѣва или сарая, или прорубать въ ней отверстіе въ противоположную отъ пожарища сторону.

Въ послѣднее время въ постановленіяхъ многихъ земскихъ собраній встрѣчаются опредѣленія о заведеніи въ селахъ *гидропультовъ*, или же объ ассигнованіи на покупку ихъ денегъ изъ страховаго капитала. Употребленіе гидропультовъ при тушеніи

Крюки.

наружныхъ пожаровъ въ селеніяхъ, какъ говоритъ «Пожарная книга», совершенно негодно, а потому и обзаведеніе ими сельскихъ пожарныхъ командъ едва ли не будетъ только излишней,

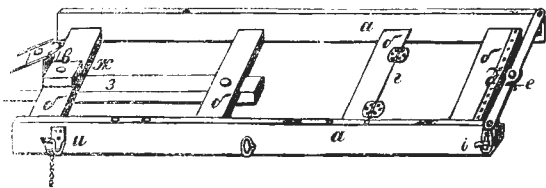
*) Такое предположеніе будетъ не преувеличеннымъ, такъ какъ въ 1873 г. убытокъ отъ пожара составилъ 45 м. р., а въ нынѣшнемъ году онъ будетъ больше убытка 1874 года.

безполезной тратой денег. Вообще при образовании сельских пожарных команд, по не дороговизнѣ, помимо многихъ другихъ снарядовъ, указанныхъ въ «Пожарной книгѣ», можно рекомендовать еще нѣкоторые инструменты, для ознакомленія съ которыми помещаемъ нѣсколько взятыхъ изъ названной книги рисунковъ, съ описаніемъ ихъ устройства и обращенія съ ними:

Пожарные крюки выковываются изъ желѣза и бываютъ одноконечные и двуконечные; они служатъ для растаскиванія частей горящихъ деревянныхъ зданій. Въ сквозное отверстие нижняго конца каждаго крюка пропущена желѣзная цѣпь не менѣе сажени длиною, которая, находящаяся на концѣ ея крючкомъ зацѣпляется за одно изъ звеньевъ; къ другому концу ея прикреплена веревка до 12 саж. длины. При помощи длиннаго багра, крюкъ зацѣпляютъ за верхнюю часть деревяннаго строения или печной трубы, къ веревкѣ же приставляются рабочіе, которые натягивая веревку, ломаютъ захваченнымъ крюкомъ части зданія.

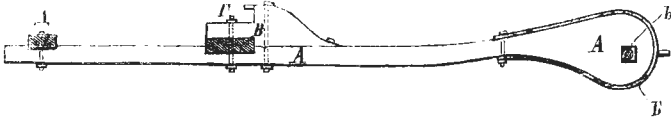
Лѣтній ходъ пожарной трубы, привозимой людьми и ея составныя части.

Станокъ дѣлается изъ сухаго вяза, ясеня или дуба. а) Деревянные бруски; на одномъ изъ нихъ находятся двѣ застѣжки на пряжкахъ для помещенія топора, б) перекладины, г) ящикъ

1) Станокъ.

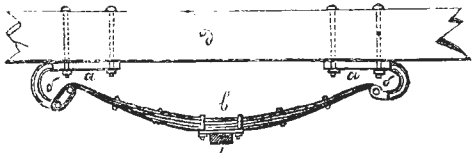
съ крышкой на петляхъ, въ немъ имѣется 3 отдѣленія: д) желѣзная оковка задняго бруска; о) крючекъ, на который надѣвается скобка пожарной трубы; в) отверстие для шворня; з) дышло; и) желѣзные кольца для привязыванія веревокъ, за которыя берутся люди, помогающіе вести тѣлѣжку.

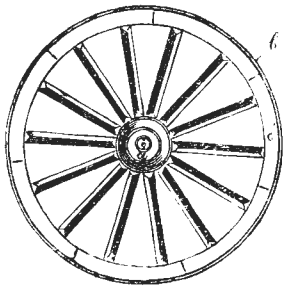
2) Дышло (деревянное).

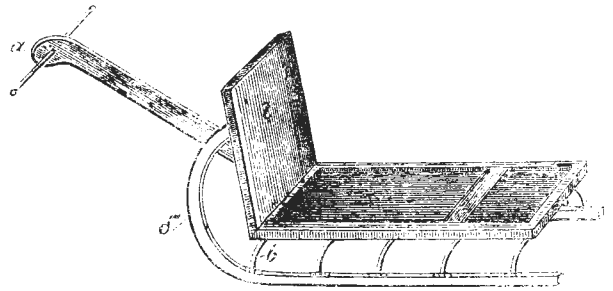
3) Осъ (желѣзная).

4) Рессора (изъ 4-хъ стальныхъ пластинокъ).

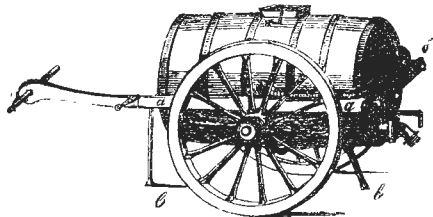

5) Колесо (1 1/2 арш. въ поперечникѣ).

Зимній ходъ пожарной трубы.

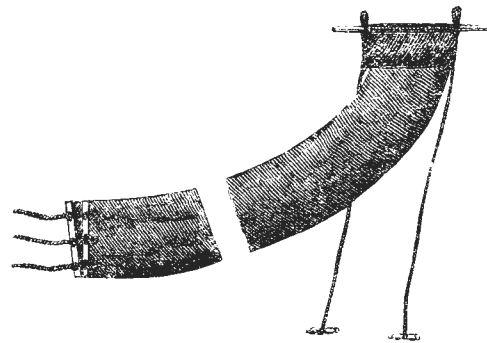
а) Дышло, такое же какъ и на лѣтнемъ ходѣ; б) полозья со стальными подрѣзами; в) желѣзные копылыя и г) глухой щитокъ.

Лѣтній ходъ пожарной бочки.

а) Станокъ изъ дерева (вязъ, ясеня, дубъ), къ брускамъ котораго съ каждой стороны привинчено по 2 желѣзныхъ кольца, въ которыя продѣваются и застѣгиваются на пряжки ремни, продѣтые въ такіе же кольца или желѣзныя скобы, находящіяся по обѣимъ сторонамъ верхняго отверстия бочки; б) соединительныя перекладины; в) подставки. Дышло, кольца и рессоры такого же устройства какъ и въ лѣтнемъ ходѣ пожарной трубы.

При установкѣ пожарной трубы на двухколесномъ ходѣ слѣдуетъ снимать трубу съ тѣлѣжки такъ: двое рабочихъ ставятъ у колесъ, берутся съ обѣихъ сторонъ за коробъ трубы, третій, подойдя къ трубѣ спереди, поднимаетъ дышло такъ, чтобы задняя часть тѣлѣжки совсѣмъ наклонилась къ землѣ, затѣмъ онъ вынимаетъ шворень, и рабочіе спускаютъ трубу на землю.

Спасительный мѣшокъ.

Назначеніе спасительнаго мѣшка—спасеніе при сгорѣвшихъ двестицахъ обитателей верхнихъ этажей домовъ, въ которыхъ пожаръ. Спасительный мѣшокъ шивается двойными нитками изъ парусины; длина его равняется 10 саженамъ, а ширина 2 аршинамъ. Въ верхній конецъ мѣшка вставляется разборная рогатка изъ четырехъ деревянныхъ брусковъ, соединенныхъ между собою въ видѣ рамы, которая зацѣпляется концами за оконные простѣнки. На нижнемъ концѣ мѣшка находится во всю его ширину клапанъ, который на три ремня застѣгивается желѣзными пряжками. Подъ клапанъ вставляется толстая палка, къ концамъ которой пожарные при установкѣ мѣшка привязываютъ веревки, которыми и натягиваютъ его.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Говоря о томъ, что восточный вопросъ находится въ настоящее время въ фазисѣ проектовъ реформъ и указавъ на нѣкоторые изъ нихъ, мы упомянули о проектѣ графа Андраніи. Одобренный сѣверными державами, онъ на первыхъ порахъ испыталъ довольно холодный и уклончивый пріемъ со стороны Англии и Франціи; что же касается Турціи, то она съ самаго же начала прямо и рѣзко заявила, что не желаетъ принимать сообщенія державъ о необходимости турецкихъ реформъ, какъ не-

согласующихся съ державностью Порты. Дѣло, даже и тутъ, могло затянуться, конечно, не въ силу заявленія оттоманскаго правительства, а по причинѣ колебанія двухъ западныхъ державъ, принимавшихъ участіе въ парижскомъ конгрессѣ... Но наконецъ на этихъ дняхъ телеграфъ принесъ извѣстіе, что: «послы державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, обратились, каждый особо, къ Портѣ, рекомендуя вниманію султана проектъ реформъ графа Андраніи. Внимательство европейскихъ

державъ—въ настоящее время только официозное, дружественное. Вместе съ этимъ сообщалось, что великій визирь взялъ назадъ вышеупомянутое заявленіе Порты, въ виду энергическихъ представлений по поводу его со стороны Австріи, отрицавшей у Порты право отказываться принять къ свѣдѣнію сообщенія, касающіяся сохраненія европейскаго мира.

Относительно самаго содержанія этого проекта изъ «достоверныхъ источниковъ» передаютъ, что предлагаемыя имъ реформы касаются только Герцеговины и Босніи. Равноправности въ роисповѣданій для христіанскихъ подданныхъ Порты не требуется, а испрашиваются для нихъ только гражданскія права, преобразование судопроизводства и отмѣна существующей системы податей, а также и принудительныхъ работъ. Доходы каждой провинціи должны идти только на удовлетвореніе ея потребностей. Что касается гарантій точнаго исполненія реформъ, то проектъ содержитъ одно общее указаніе, не опредѣляя формы ихъ. Объ учрежденіи свѣрными державами опеки надъ Портой въ проектъ не говорится ничего. Мы, — если свѣдѣнія изъ «достовернаго источника» вполнѣ «достоверны», — не будемъ уже говорить о томъ, насколько требованія проекта австрійскаго министра совпадаютъ съ стремленіями возставшихъ для завоеванія свободы христіанъ, христіанъ, рѣшившихся или умереть, или добиться независимости.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Вы, милостивая государыня, будьте по вѣжливей, и не забывайте что говорите съ генеральшей!

— А мнѣ что до того, что ты анархалша, я сама драгилыша.

сти... Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что константинопольскія газеты, даже официальные, неполнены разсказами, доказывающими бесплодность декретированныхъ до сихъ поръ реформъ. Такъ, газета «Tigricie» приводитъ слѣдующее письмо изъ одного округа: «Сложеніе податной недоимки и уничтоженіе добавочной четверти десятины хотя и предписаны императорскимъ фирманомъ, но до сего времени еще не приведены въ исполненіе въ этомъ округѣ. Десятина взымается въ прежнихъ размѣрахъ, а недоимки строго требуются, не смотря ни на какіе декреты. Законъ объ избраніи членовъ меджлисовъ остается мертвою буквою, что же касается членовъ административнаго совѣта, то эти личности не удовлетворяютъ требованіямъ закона. Эти учрежденія составлены изъ лицъ, способъ избранія и образъ дѣйствій которыхъ находятся въ совершенномъ противорѣчій съ законами и содержащимися въ фирманахъ распоряженіями». Комментаріи намъ кажутся излишними.

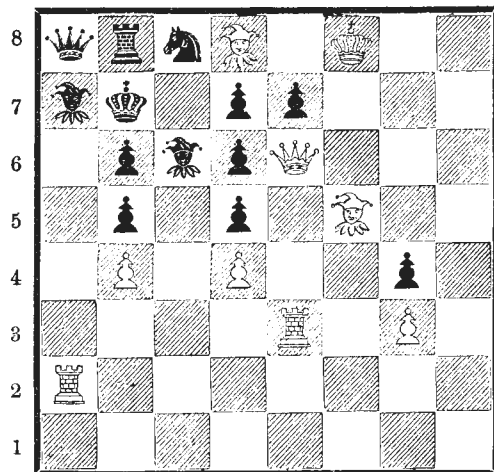
Насколько же принятый державами проектъ, требующій реформы только для Герцеговины и Босніи и не удовлетворяющій стремленіямъ угнетеннаго христіанскаго населенія этихъ провинцій — насколько этотъ проектъ, повторяемъ мы, можетъ разрѣшить задачу въ смыслѣ сохраненія мира — укажутъ событія!

На театрѣ же военныхъ дѣйствій пока ничего не происходитъ. Обѣ стороны кажутся истощенными и, до времени, не ищутъ встрѣчи. Согласно свѣдѣніямъ изъ хорошаго источника, Мухтару Пашѣ, новому турецкому главнокомандующему, предписано воздерживаться отъ наступленія на инсургентовъ, а стянуть войска къ черногорской границѣ и занять на ней важнѣйшіе стратегическіе пункты. Эта мѣра имѣетъ конечно явную цѣлью какъ прекращеніе прилива черногорцевъ въ ряды возставшихъ и, еще въ большей степени, принужденіе Черногоріи къ нейтралитету. Вместе съ тѣмъ новому генералъ-губернатору Герцеговины, Аали Пашѣ (бывшему послу въ Парижѣ) поручено, тотчасъ же по прибытіи въ Мостаръ, созвать собраніе вліятельнѣйшихъ представителей населенія, которое составитъ меморію для султана, съ изложениемъ всѣхъ жалобъ. Порта многого ожидаетъ отъ Аали Пашы, отъ избранія представителей возмущившагося населенія, а великія державы — отъ проекта графа Андраши — и прекрасно, но только что будетъ, что произойдетъ въ томъ случаѣ, если христіане Турціи не согласятся на условія австрійскаго проекта? Что произойдетъ тогда...

Во Франціи, въ послѣднее время, общественное мнѣніе было сильно встревожено возможностью новаго министерскаго кризиса, съ которымъ опять связано имя министра финансовъ Леона

ЗАДАЧА

Черные.

А В С D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 1.

Бѣлые.

- 1) G6 — E6
  - 2) F8 — D6
- или Слонъ изъ G3—F2××

Черные.

- 1 Слонъ возьметъ Ферзь или Ладья изъ C7 — E7 или Король изъ D4 — C5

Съ. Вотъ какъ передаютъ французскія газеты подробности начала и окончанія этого событія. Маршалъ Макъ-Магонъ, пригласивъ къ себѣ (8-го января) Л. Сэ, потребовалъ отъ него, чтобы онъ отказался отъ своей кандидатуры въ Сенъ и Оазъ. Министръ просилъ дать ему время на размышленіе; на слѣдующій день онъ имѣлъ новое свиданіе съ президентомъ, который при этомъ объявилъ ему, что желая въ виду предстоящихъ выборовъ сохранить единодушіе въ кабинетѣ, принужденъ просить Л. Сэ подать въ отставку. Послѣдній написалъ просьбу объ отставкѣ, въ которой объяснилъ, что подаетъ ее именно по требованію маршала. Дюфюръ, узнавъ о томъ, тотчасъ же объявилъ, что тоже выходитъ изъ министерства, но маршалъ рѣшительно отказался принять просьбу министра юстиціи объ отставкѣ. Бюффе даже предложилъ Дюфюру замѣнить Л. Сэ Матье Бодэ или Тишранотъ де Боръ, бывшихъ министровъ при Тьерѣ. Газета «Temps» увѣряетъ, что Валлонъ и Декавъ, вместе съ префектомъ полиціи Леономъ Рене также изъявили намѣреніе выдти въ отставку. Согласно новѣйшимъ извѣстіямъ, всѣ разногласія въ министерствѣ улажены и самъ герцогъ Маджентскій бросилъ просьбу Л. Сэ въ огонь. Такимъ образомъ, кризисъ считается совершенно устраненнымъ, чему явнымъ признакомъ считается между прочимъ, появленіе министра финансовъ на данномъ на этихъ дняхъ маршалою вечерѣ.

Борьба въ Германіи правительства съ упорствующимъ католическимъ духовенствомъ продолжается. Въ последнее время судомъ по духовнымъ дѣламъ начатъ процессъ еще одного значительнаго пребата—Кельнскаго епископа, въ видахъ удаленія его съ занимаемой имъ кафедрѣ. Въ Баваріи закону о гражданскомъ бракѣ, противъ ожиданія, не оказано никакого сопро-

тивленія со стороны духовенства. Напротивъ, даже съ нѣкоторыхъ кафедръ раздались голоса, приглашавшіе паству подчиниться новому закону, съ другихъ же, вмѣстѣ съ такимъ же советомъ, требовалось непремѣнное соблюденіе, послѣ совершенія гражданской формальности, церковнаго обряда, безъ котораго брачащіеся не были бы признаваемы за супруговъ.

С М Ъ С Ъ.

Кровожадное дерево. Дерево это встрѣчается на островѣ Мадагаскарѣ. Стволъ его, вышиною около 8 футовъ имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, вершина котораго вынута на подобіе чаши, въ которой выдѣляется сладкая, тягучая жидкость сильно опьяняющаго свойства. Съ вершины дерева свѣшиваются громадныя листья, въ родѣ листьевъ агавы, но только загнутые на подобіе рога, загнутая часть котораго усажена колючими крючьями; листья эти имѣютъ до 12 ф. длины и до ф. толщины. Нѣсколько ниже листьевъ помѣщается рядъ волосатыхъ, заостренныхъ на концахъ зеленыхъ усовъ, длиною каждый до 8 футовъ. Между листьями и усами находится шесть бѣлыхъ прозрачныхъ щупальцовъ, длиною около 4 ф. имѣющихъ замѣчательное свойство постоянно находится въ движеніи. Этому дереву поклоняется дикое племя лекодосовъ, которые приносятъ ему даже человѣческія жертвы. Докторъ Личъ, открывшій и изслѣдовавшій это дерево, слѣдующимъ образомъ описываетъ это страшное жертвоприношеніе: жертвою избирается обыкновенно женщина, которую заставляютъ влѣзть на дерево и напиться находящейся тамъ жидкости. Но лишь только она въ опьяненіи пожелаетъ спрыгнуть съ дерева, щупальцы начинаютъ давить съ страшною силою, а листья смыкаются и окончательно раздавливаютъ несчастную жертву. Въ это время по дереву течетъ упоминаемая выше сладковатая жидкость и мѣшает-

ся съ кровью жертвы; на эту жидкость дикари набрасываются съ необузданною жадностью и угостившись ею, начинаютъ дикую оргію. По прошествіи нѣкотораго времени дерево принимаетъ свой прежній видъ, а отъ несчастной жертвы остается только раздробленный скелетъ. Многія дѣсныя животныя нѣрѣдко дѣлаются добычею этого кровожаднаго растенія. Дерево людоѣдъ, кромѣ Мадагаскара, встрѣчается еще и на нѣкоторыхъ австралійскихъ островахъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (съ портретомъ). — Кто лучше? Изъ очерковъ кавалерійской жизни (Посвящается другу моему Ицкѣ Янкалевичу Штралецкому). **Всеволодъ Крестовскій** (продолженіе). — Литовцы (съ рисункомъ). — Разбитая Лира (съ рисункомъ) **Ап. М.-въ.** — Елизавета Тюдоръ и Марія Стюартъ (съ рисункомъ). — О банкахъ. — Татарскій табунъ на армарѣ (съ рисункомъ) — Библиографія (съ 9-ю рисунками). — Политическое обозрѣніе. — Юристыческіе очерки (съ рисункомъ). — Шахматы. — Смѣсь. — Приложеніе. Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ (Боевъ).**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗОДЧИИ,

АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ

С.-Петербургскимъ Обществомъ Архитекторовъ.
1876 годъ.

Цѣна за годъ, въ С.-Петербургѣ безъ доставки 13 руб.
Съ доставкою 14 руб. Съ пересылкою во все города
Россіи 15 руб.

Журналъ выходитъ въ количествѣ 12 выпусковъ въ годъ; каждый выпускъ, въ форматѣ большой четвертки, заключаетъ въ себѣ 5 листовъ чертёжей и не менѣе 1-го печатнаго листа текста, кромѣ того, политипажи и приложенія по мѣрѣ надобности.

ПРОГРАММА.

- 1) *Отдѣлъ сельскохозяйственный* посвященъ сельской архитектурѣ.
- 2) *Историческій отдѣлъ.*—ислѣдованіе отечественныхъ древнихъ памятниковъ.
- 3) *Отдѣлъ русскаго стиля.*—Старинныя и новѣйшія постройки, а также утварь, мебель и проч.
- 4) *Отдѣлъ современныхъ зданій.*—Постройки отечественныя и другихъ странъ.
- 5) *Отдѣлъ техническій.*—Разработка вопросовъ по строительной техники и по конструкціи замѣчательныхъ сооружений, расчеты устойчивости.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, при магазинѣ **А. Бегрова,**
Невскій проспектъ, домъ № 4.

Тамъ-же можно получать оставшіеся экземпляры изданій 1872, 1873 и 1874 гг. по 10 руб. за годъ и 1875 г. 13 р. за пересылку 1 руб. 50 коп.

Для гг. служащихъ въ подписной платѣ допускается разсрочка по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; для прочихъ лицъ—по соглашенію съ редакціей.

Съ января 1876 г. предполагается издавать **ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ** прибиавленіе къ журналу подъ названіемъ „Листокъ Журнала Зодчій“, въ которомъ будутъ помѣщаться:

1) Извѣстія о подрядахъ и обо всѣхъ предлагаемыхъ и утвержденныхъ постройкахъ и перестройкахъ зданій въ С.-Петербургѣ.

2) Вызовы на производство строительныхъ работъ и техническихъ приспособленій.

3) Справочныя цѣны на строительныя работы и матеріалъ.

4) Объявленія заводчиковъ, фабрикантовъ, подрядчиковъ, мастерскихъ и пр.

Вслучаѣ разрѣшенія подписка на Листокъ журнала «Зодчій» будетъ приниматься и отдѣльно подписка на журналъ.

Отвѣтственный редакторъ инженеръ **Архитекторъ.**

И. Мерцъ. 2—2

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена.

50—27

Вышли 1-й и 2-й № спеціальн. журн. (французскія).

„МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ“

съ бесплатною премією; олеогр. картинка; вырѣзными выкройками и проч. приложеніями II въ годъ: 4 р., съ дотъ, 5 р. и перес. 6 р.

P. S. Съ альбома для вышиванія въ русск. стилѣ, 25 рисунковъ (въ 3 р. 50 к. съ описаніемъ въ журн. и перес. съ укрупкою 4 р.), только поданс. подписчика на М. и Рубод. получаютъ 50 к. уступку.

Реданіи: въ СПб. на углу улицъ пр. и Б. Морской д. Пестукова № 68 (при контролѣ) и въ Москвѣ въ переулкѣ подписки на разныя изданія).

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. Franco Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes. 10—4

Изданія Г. ГЕССЕЛЯ въ Лейпцигѣ:

РУЧНОЙ СЛОВАРЬ Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій. HANDWÖRTERBUCH der russischen u. deutschen Sprache. Zum Hand- u. Schulgebrauch nach den neuesten und besten Quellen bearbeitet von Fr. Boock, Ad. Frei u. Fr. Messer.

I. Deutsch-Russisches Wörterbuch . . . . . 2 Rub. 50 kop.
въ переплетѣ . . . . . 3 „ 25 „
II. Russisch-Deutsches Wörterbuch . . . . . 4 „ — „
въ переплетѣ . . . . . 4 „ — „

Нѣмецко-Русскій и Русско-Нѣмецкій КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ. Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Taschenwörterbuch von Ad. Frei.

I. Deutsch-Russ. Taschenwörterb. . . . . — Rub. 90 kop.
въ переплетѣ . . . . . 1 „ 40 „
II. Russ.-Deut. Taschenwörterb. . . . . 1 „ 10 „
въ переплетѣ . . . . . 1 „ 60 „

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій. Schulwörterbuch der russischen und deutschen Sprache von Ad. Frei . . . . . 2 Rub. 50 kop.
въ переплетѣ . . . . . 3 „ 25 „

Эти изданія можно выписывать черезъ книжный магазинъ:

К. Риккера въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту № 16.

Г. Гессель, въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту № 13.

Колесова и Мехина, въ С.-Петербургѣ, № 13. въ Гостиномъ Дворѣ.

М. О. Вольфа въ С.-Петербургѣ въ Гост. Двор.

4—4

ПОДПИСКА

НА „ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ“ въ 1876 году.

„Донская Газета“ въ 1876 году будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить 2 раза въ недѣлю, въ размѣрѣ печатнаго листа. Годовая цѣна изданія остается прежняя (8 руб. съ пересылкою и доставкою), а полугодовая—4 руб. 50 коп. Для училищъ и гимназій Области войска Донскаго, выписывающихъ каждое не болѣе одного экземпляра, цѣна изданія: годовая—6 руб. и полугодовая—3 руб. 50 коп. Мѣсячные подписчики платятъ 1 руб.—Въ 1876 году „Донской Газетѣ“ будутъ помѣщаться телеграммы Русскаго Телеграфнаго Агентства о важнѣйшихъ явленіяхъ нашей и иностранной политикѣ.

Подписка принимается въ г. Новочеркасскѣ, по Платовскому проспекту, домъ Карасева (бывшій Ильина). 3—3

СИБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ КАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рувлюкова и Гольма, въ Казанской, на углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у Полицейскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6-1

УЧИТЕЛЬ, оконч. курсъ матем. наукъ въ Университетѣ. да-
етъ уроки и репетируетъ. Надеждинская, д. № 1, кв. № 70. Р. А.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней.
Б. Морская д. 35. 26-1

Изъ бумаги

МУЖСКІЕ И ДАМСКІЕ

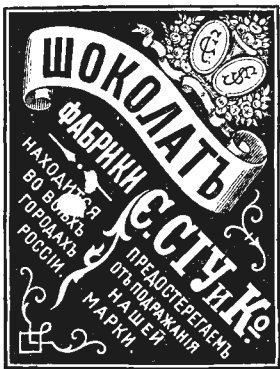
**Воротники, манжеты и ма-
нишки.**

Въ депо американскаго бумаж-
наго бѣлья подъ фирмою „Городъ
Нюрнбергъ“ въ Газетномъ пере-
улкѣ, домъ Шаховской въ Москвѣ.

Всѣмъ желающимъ высылаются
иллюстрированный прейсъ-курантъ
бесплатно.

26-6

45-23

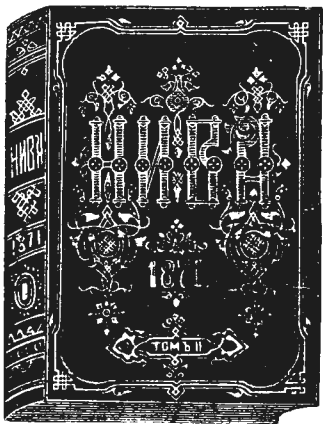
ДВѢ БУХГАЛТЕРІИ

по двойной системѣ, соч. Ф. Журова.

- 1) Краткая, (70 стр., только что отпечатанная) для начинающихъ, изложена самая полнѣе образомъ и заключающая въ себѣ все необходимо. Ц. 25 коп.
- 2) Полная, въ 2 частяхъ (520 стр.) съ 25 чертежами и 3 таблицами на 6 отдѣльныхъ листахъ. Ц. 2 р. Продаются въ СПб. у Вольфа и Базунова, въ Москвѣ въ центральномъ магазинѣ и др. Адресующіеся въ автору: «Въ село Тейково, Влад. губ., Федору Гаврилову Журову», на пересылку не прилагаютъ. Московскіе книгопродавцы обращаются къ А. И. Журову, на пересылку не прилагаютъ. Московскіе книгопродавцы обращаются къ А. Ир. Журову (на члѣвскомъ, лавка Гг. Бретниковыхъ).

КРЫШКИ

для переплета „Нивы“ 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 г. по образцу показанному рядомъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплестъ „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку.

Редакція журнала «Природа и люди» по обстоятельствамъ, отъ нея совершенно независящимъ, вынуждена отказаться отъ своего изданія, не смотря на заготовленный уже литературный и художественный матеріяль, на значительныя затраты и успѣшную подписку.

Подписчики могутъ получить деньги обратно въ мѣстахъ подписки. 3-2

Съ 1-го ЯНВАРЯ вышла и разслана подписчикамъ 1-я ЯНВАРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Лжедмитрій Первый, по поводу современнаго его портрета 1606 г. Статья Н. И. Костомарова.—II. Записки Михаила Гарновскаго: дворъ императрицы Екатерины II, въ 1786—1792 гг. Сообщ. А. И. Левшинъ.—III. Моя жизнь и художественные труды, разсказъ академика Ф. Г. Солнцева, 1801—1817 гг.—IV. Воспоминанія о Русскомъ театрѣ 1820—1840 гг. П. А. Каратыгина.—V. Н. В. Гоголь въ 1827—1828 гг.—VI. Виссарионъ Бѣлинскій въ 1829—1833 г.: его неизданнаго письма и трагедія.—VII. А. Н. Стровъ: очерки и замѣтки о музыкѣ, 1842—1844 гг. Сообщ. В. В. Стасовъ.—VIII. Историческій очеркъ событий на Кавказѣ, 1835—1837 гг. IX. Восточная война кн. И. Ф. Паскевича и кн. М. Д. Горчакова въ 1853—1855 гг.—X. Михельсонъ; побѣдитель Пугачева.—XI. Листки въ записной книжкѣ «Русской Старинѣ»: 1) Артемій Волинскій: письмо его къ кн. Кантемиру,—2) Канцлеръ гр. Веструевъ-Рюминъ. Сообщ. К. Н. Веструевъ-Рюминъ.—3) Гр. П. А. Румянцевъ Сообщ. А. Л. Лазаревскій.—4) Фельдмаршалъ Суворовъ. Сообщ. К. А. Висковатовъ.—5) Походъ въ Индію, 1800 г. Сообщ. Ю. В. Толстой.—6) Узникъ 1802 г.—7) Кранццы 1812 г.—8) Механикъ-самоучка, въ 1812 г.—9) Замѣтки о Лермонтовѣ. Сообщ. бар. Ф. А. Вюлеръ.—10) Смерть барона Вревскаго въ Крюку, 1855 г.—XII. Библиографическія замѣтки: 1) Кавказскіе акты, 1816—1827 гг. Статья М. П. Щербинина; 2) Всеобщая военная исторія, изданіе кн. Н. С. Голицына.—XIII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).

Приложенія: I. Портретъ Лжедмитрія Перваго, весьма точный снимокъ съ гравюры 1606 г. Киллана, исполненный на мѣди Акад. И. П. Пожалостинъ, отпечатанъ въ Парижѣ.—II. Портретъ Михельсона, гравюра на мѣди Акад. И. П. Пожалостина, отпечатана въ Парижѣ.—III. Заглавная вишетка, рисов. Проф. Шарлемана.

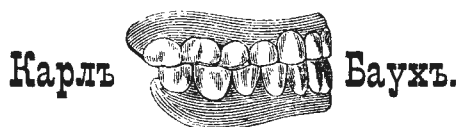
Отпечатано въ 1875 г. и продается новое, третье, изданіе перваго года «Русской Старинѣ», т. е. 1870 г., въ трехъ томахъ, 2,700 страницъ, съ гравированными портретами, шестьюдесятью рисунками и снимками. Цѣна восемьъ рублей съ пересылкой.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1876 г. (седьмой годъ изданія). Цѣна за 12 книгъ съ портретами русскихъ достопамятныхъ людей, — гравированными на мѣди, съ рисунками, снимками и проч. приложеніями восемьъ рублей съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ у Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Соловьева — на Страстному бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородныхъ подписчиковъ проситъ исключительно обращаться въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Принимаетъ больныхъ ежедневно, отъ 10 час. до 3 часовъ. Пломбированіе, вставленіе зубовъ и цѣлыхъ челюстей по самой новѣйшей американской методѣ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9.

6-6

ПАРИЖСКІЯ ПИАНИНО

въ 275 и 300 руб.

имѣются

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

П. И. Юргенсона.

Москва, Петровка № 6.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ продаются со слѣдующею свѣдѣно:

- Москва и Тверь, истор. пов., Кельсиева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
- При Петрѣ, истор. пов., Кельсиева и Ключниковъ. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
- Въ камышахъ. Повесть Каразина. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
- Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
- Вторая жена, романъ Маршета. Ц. съ пер. 2 р., для подпис. 1 р. 30 к.
- Семья вольнодумцевъ, ист. пов. врем. Екатер вел. Ц. съ пер. 1 р. 25 к., для под. 75 к.
- „НИВА“ 1875 года. Полный томъ, около 400 рис. и множество статей популярнаго содержанія и около 20 повѣстей и романовъ, вмѣстѣ съ обшири проміаи за 1875 годъ, «Мадонна Севильская» и «Смерть Юлія Цезаря» (которые высылаются на скалкахъ). Брошюрованная 4 р., въ простомъ переплетѣ 4 р. 60 к., въ коленкоромъ пер 5 р. 50 к. За пересылку прибавляется 1 руб.

ЖИВНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 4

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
ПРИЛОЖЕНІЕ ПАРІЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 26 Января 1876 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшія №№ въ 1876 году.

Николай Иванович Гнѣдичъ.

«Ни чѣмъ не ласкаемъ рукою
Отъ дѣтства я росъ одинокъ сиротой»...

Это автобіографическое двустихіе изъ стихотворенія «Дума» Такъ говоритъ Николай Ивановичъ Гнѣдичъ о своемъ дѣтствѣ. Происходя изъ старинной украинской фамиліи, — родился 2-го февраля 1789 года— Николай Ивановичъ въ самомъ раннемъ возрастѣ потерялъ отца и мать. Получивъ первоначальное образованіе въ полтавской семинаріи, Гнѣдичъ въ 1793 году, 9-ти лѣтнимъ ребенкомъ, былъ перемѣщенъ въ Харьковскій коллегіумъ и въ 1800 году, 16-лѣтнимъ юношей, поступилъ въ московскій университетъ и здѣсь въ со товарищество Милонова, Кошанскаго и Буринскаго—будущихъ литераторовъ, изучалъ подъ руководствомъ А. О. Мерзлякова русскую словесность, а затѣмъ сталъ специально заниматься греческимъ языкомъ. Во время своего пребыванія въ университетѣ Гнѣдичъ обнаружилъ страсть не только къ драматической поэзіи, но и къ декламации, которою онъ увле-

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Рисов. и грав. А. Неймавъ.

каль своихъ товарищей занимая ихъ то одушевленнымъ чтеніемъ разныхъ драматическихъ, то мастерскимъ выполненіемъ на сценѣ университетскаго театра главныхъ ролей изъ произведеній русскихъ трагиковъ. Эта любовь къ сценическому искусству выразилась и въ первомъ напечатанномъ трудѣ самаго Гнѣдича, который, еще будучи студентомъ, перевелъ съ французскаго стихами 6-актную трагедію Дюссиса «Абюфаръ», изданную въ 1802 году. Къ тому же времени относятся переводъ трагедіи Шиллера «Заговоръ Фиеско въ Генуѣ» и оригинальный романъ въ 2-хъ частяхъ «Донъ Коррадо де Геррера». Оба эти труда были напечатаны въ 1802 году, когда Гнѣдичъ, по окончаніи университетскаго курса, переселился изъ Москвы въ Петербургъ и поступилъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, продолжая свою литературную дѣятельность. Къ этому времени

относится его сотрудничество в журналах: «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Россійской Словесности» и «Лицеѣ». Переводныя стихотворенія его «Послѣдняя пѣснь Оссіана» и «Красоты Оссіана», а равно какъ и прозаическій набросокъ «Снпномимы» обратили на себя вниманіе знатоковъ. Гнѣдичъ, похоронилъ свою единственную сестру въ Полтавѣ, при чемъ имъ написано одно изъ лучшихъ его стихотвореній «Пѣснь при гробѣ матери». Онъ былъ радушно принятъ въ литературныя кружки Державина, Оленина и Строганова, которые съ этого времени замѣняли ему родную семью. Одушевляемый и поддерживаемый частымъ обществомъ такихъ дѣятелей какъ М. М. Херасковъ, Д. П. Горчаковъ, И. А. Крыловъ, С. А. Ширинскій-Шихмаговъ, А. А. Писаревъ и др., Гнѣдичъ все тверже и тверже становился на литературномъ поприщѣ, приобрѣтая себѣ извѣстность еще не какъ серьезный и талантливый писатель, то по крайней мѣрѣ какъ прекрасный чтець и превосходный декламаторъ произведеній другихъ писателей. Извѣстность такого рода незамедлительно сблизилъ Гнѣдича съ Е. С. Семеновою, впоследствии княгиней Гагариной, извѣстною русскою сценическою артисткою того времени, для которой собственно Гнѣдичъ и переделалъ 5-ти актную комедію Шекспира «Король Лиръ», а затѣмъ перевелъ стихами трагедію Вольтера «Танкредъ». Имѣя особенное уваженіе къ Гомеру еще въ университетѣ, Гнѣдичъ и въ это время, занимаясь переводомъ и оригинальнымъ творчествомъ, не покидалъ своей любимой Илліады, которая, по словамъ одного изъ друзей его «была собесѣдницею, спутницею и утѣшительницею всей его жизни». «Если въ Илліадѣ есть несовершенства, говоритъ Гнѣдичъ въ своихъ запискахъ,—то они похожи на неправильность природы, которая не смотря на несовершенства, нашему невѣжеству такими представляющаяся, очамъ внимательнымъ кажется всегда великою.

При такомъ взглядѣ на Илліаду, Гнѣдичъ, освоившись съ литературнымъ дѣломъ, принялся за вѣчно-юнаго старца Гомера и началъ переводъ Илліады александрийскими стихами съ седьмой пѣсни, до которой, какъ говорилось, дошелъ первый переводчикъ ея, извѣстный Е. И. Костровъ. Но несмотря на то, что въ послѣдствіи, когда Гнѣдичемъ были уже переведены VII, VIII, IX; X и XI части, нашлось еще 3 пѣсни Гомера, переведенныя Костровымъ, только первенство осталось за Гнѣдичемъ и Великая Княгиня Екатерина Павловна, тогда принцесса Ольденбургская, обратила свое вниманіе на молодого Гнѣдича и назначила ему по 1.000 р. въ годъ пожизненной пенсіи. Между тѣмъ С. С. Уваровъ, пожалованный впоследствии графскимъ титуломъ, извѣстный эллинистъ вообще и поклонникъ Гомера въ особенности, сталъ советовать Гнѣдичу заняться переводомъ Илліады сначала и не александрийскими стихами а гекзаметромъ. Первый опытъ, одобренный всѣми рѣшилъ споръ возникшій по этому вопросу между Каннстомъ и Уваровымъ и Гнѣдичъ выслушавъ всеобщее одобреніе, рѣшительно посвятилъ себя этому труду.

Занимаясь серьезно переводомъ Илліады, Гнѣдичъ въ то же время писалъ и оригинальныя вещи. Такъ къ этому времени нужно отнести его надѣлавшую много шума статью «о вкусѣ и его вліяніи на словесность и нравы», и извѣстную идиллію «Рыбаки», напечатанную уже въ 1822 году. Идиллія эта, посвященная авторомъ памяти графа А. С. Строганова, въ то время обратила на себя вниманіе знатоковъ и вызвала похвалы во всѣхъ критическихъ журналахъ того времени. Въ 1825 году Гнѣдичъ, по совету врачей, ѣздилъ на Кавказъ пользоваться тамошними минеральными водами, но возвратился еще болѣе разстроенный и хотя продолжалъ свои литературныя занятія по переводу Гомера, но былъ вынужденъ обратитъ серьезное вниманіе на свое здоровье и въ августѣ 1828 года поѣхалъ лечиться въ Одессу. Возвратившись, значительно возстановивъ свои силы въ концѣ 1828 года, Гнѣдичъ сталъ заниматься издашемъ оконченной имъ Илліады, отрывки изъ которой онъ читалъ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и облаканный Императоромъ Николаемъ I, посвятилъ ему свой 20 лѣтній трудъ. Въ предисловіи ко второму изданію самъ Гнѣдичъ писалъ: «Требованія перемѣняются, вкусъ вѣка пройдетъ, между тѣмъ какъ многія тысячи лѣтъ Гомеръ не проходитъ. Это памятникъ вѣковъ и т. д.

Появленіе Илліады Гомера въ русской печати было встречено искреннимъ сочувствіемъ всѣхъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, представитель которыхъ А. С. Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ мнѣній о трудѣ Гнѣдичѣ отозвался между прочимъ: «Наконецъ вышелъ въ свѣтъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый

переводъ Илліады!.. Съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ, совершенно своего высокаго подвига». Кромѣ такого лестнаго, хотя и вполне достойнаго отзыва объ Илліадѣ, Пушкинъ написалъ слѣдующее прекрасное стихотвореніе Гнѣдичу:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

И дѣйствительно Илліада Гомера, понятная въ русскихъ гекзаметрахъ, составляетъ капиталный трудъ и не умирающую славу Гнѣдича, здоровье котораго, ослабленное усидчивою дѣятельностью и постояннымъ умственнымъ напряженіемъ, въ 1830 году расстроилось настолько, что онъ долженъ былъ снова прибѣгнуть къ помощи искусственныхъ минеральныхъ водъ, для чего и поѣхалъ въ Москву. Здѣсь при похоронахъ А. А. Дельвига, какъ бы предчувствуя свою скорую кончину, Николай Николаевичъ относясь къ умершему сказалъ:

Другъ, до свиданья! Скоро и я наслажусь моею частью,
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру чтобы жить.

Первое собраніе своихъ стихотвореній Гнѣдичъ издалъ въ концѣ 1832 году, собравъ ихъ изъ всѣхъ періодическихъ изданій, гоѣ они были разбросаны. Многіе были имъ переделаны, многіе выкинуты, а нѣкоторые и написаны вновь, къ числу послѣднихъ относится стихотвореніе «Дума», которое мы и считаемъ не лишнимъ привести.

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ сиротою,
Въ путь жизни пошелъ одинокъ,
Прошелъ одинокъ это тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдоѣ
Не встрѣтилась взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ.
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Съ наступленіемъ 1833 года въ альманахѣ появилось новое прекрасное стихотвореніе Гнѣдича «Ласточка», начинающееся такимъ воззваніемъ поэта:

Ласточка, ласточка, какъ я люблю твои вѣшнія пѣсни
Милый твой видъ я люблю, какъ весна и живой и веселый,
Ной, весны провозвѣстница, ной и кружись надо мною,
Можетъ быть сладкія пѣсни и мнѣ напоешь ты на душу!

Это граціозное стихотвореніе было какъ бы лебединою пѣснью поэта: простудивши съ очень сильно, Гнѣдичъ умеръ 3-го февраля 1833 года, ровно 49 лѣтъ отъ роду.

«Природа—говоритъ одинъ изъ друзей Гнѣдича—надѣлила его прекрасною душою и свѣтлымъ умомъ. Довѣрчивый, пламенный и постоянный въ дружбѣ, онъ былъ отменно пріятель въ дружескихъ бесѣдахъ. Все доброе, все изящное находило въ немъ восторженнаго любителя... Довольно было одного звука изъ твореній Гайдена и Моцарта, одного взгляда на созданіе Рафаэля и Микель-Анджело, одного счастливаго стиха великихъ поэтовъ, чтобы страстная, пылкая душа его пришла въ восторгъ и упоеніе. Съ младенческимъ радушіемъ онъ ободрялъ литературныя начинанія молодыхъ писателей, оживлялъ ихъ дарованія, согрѣвалъ ихъ душу и воображеніе, поддерживалъ ихъ въ преодолѣніи трудовъ, привѣтствовалъ при окончаніи. Зависть, какъ и всякое чувство низкое, не имѣла доступа къ его благородному сердцу: онъ обнималъ соперника по литературѣ съ такимъ же благодарствомъ, съ какимъ умѣлъ чтить и превосходное дарованіе.»

Лучшимъ другомъ Гнѣдича былъ сослуживецъ его по публичной библіотекѣ И. А. Крыловъ. Много было у Гнѣдича и такихъ, никому неизвѣстныхъ друзей, которымъ онъ благодарствовалъ, любя дѣлать это въ тайнѣ. Любимый всѣми при жизни какъ человѣкъ, Гнѣдичъ и какъ писатель всегда будетъ имѣть мѣсто въ исторіи русской литературы, принадлежавшее ему по праву.

В. Л.—евъ.

Кто лучше?

Изъ очерковъ кавалерійской жизни.

(Посвящается другу моему Ицмъ Яннеловичу Штралюцкому).

(Окончаніе).

Болиголовъ, между прочимъ разсказалъ и о томъ впечатлѣніи какое сдѣлала на него обстановка Шмецовской квартиры.

— Н-да, замѣтилъ на это редакторъ: — а не далѣе еще какъ пять лѣтъ назадъ этотъ самый Шмецъ ходилъ, буквально, въ заплатанныхъ сапогахъ и обличалъ

дворниковъ да городскихъ въ уличныхъ газеткахъ, какъ вдругъ получилъ въ наслѣдство откуда-то тысячу рублей, и съ этой-то тысячи человекъ что называется жить пошелъ: все больше гвардейскимъ офицерамъ въ ростъ сеужалъ, и вотъ тебѣ результаты!

— Н-ну, и што? спросилъ вечеромъ Штралецкій, когда поручикъ вернулся въ свой номеръ.

— Ахъ, аллерлибстерь Ицко! Опять ты здѣсь!.. Завтра, братъ, завтра! было ему отвѣтомъ.

— Ой-вай!! Опять жавтра! И вчера било жавтра, ы позавчбра било жавтра, и зновъ теперь жавтра... Гаспидинъ сперучникъ! остановился онъ вдругъ съ рѣшительнымъ видомъ предъ Болиголовымъ, ударивъ себя въ грудь рукою:—не говдрите мнѣ ббльшъ „жавтра“,—скажить пизжалуста „послю-жавтра“.

— Да зачѣмъ-же послѣзавтра, если говорятъ тебѣ: жавтра!

— Нѣтъ! нѣтъ! замахалъ Еврей руками:—я вже не хбчу ж-втра! Мнѣ вже не надо жавтра! Цуръ ему и пекъ ему, тому „жавтра!“.. Скажить мнѣ пизжалуста „послюжавтра“, и я вже не буду ждть, я вже цѣлый день буду себѣ спшпаконий и не буду думать сабѣ все того мыслю, бо мнѣ-жъ такъ нудно, такъ нудно, — ой-вай!.. Ну, и скажить-же мнѣ „послюжавтра!“... Ну, и спшто вамъ стбитъ!..

— Ну, ладно! Только проваливай! Послѣзавтра.

— Ну, то хай будетъ такъ!.. Но послюзавтра? И то вже будетъ завѣрно? Ну, гхаросшьд!.. благодару вамъ, гаспидинъ сперучникъ, спшто ви ми мене всшпакдили. До спшвиданью вамъ. Сшпите.

* * *

Ровно въ двѣнадцать часовъ Болиголова опять приѣхалъ къ господину Шмецу, который уже не заставилъ себя ждать, по вчерашнему, а встрѣтилъ его въ своемъ кабинетѣ и все въ такомъ-же халатѣ, и все такой-же свѣжій, сияющій и благоухающій, только что выйдя изъ своей ванны.

Во время завтрака раздался звонокъ, и черезъ минуту вошелъ въ столовую, почтительно сгибая спинку и осторожно (вѣроятно тоже въ знакъ почтительности) ступая на носки маленькихъ и коротенькихъ ножекъ, какой-то молодой человекъ, съ крошечною французской бородкой, и усиками, закрученными въ струнку, весь раздушенный и завитой, въ кокахъ, счесанныхъ впередъ на виски, въ свѣженькомъ пиджакѣ, въ модномъ галстучкѣ, и въ лакированныхъ сапожкахъ, съ баиальной наружностью „кокодеса“ мелкаго размѣра.

— А, это вы, Артѣшка! небрежно кивнулъ ему Шмець, въ полъ-оборота.

— Я-съ, Анатолий Борисовичъ!.. А что, скоро смахалъ?

— Скоро-то скоро, да есть-ли что путнаго?

— Есть! послѣшили завѣрить Артѣшка съ многозначительною миной.

— Ну, молодець! Можете за это выпить рюмю водки и спросить себѣ котлетку.

И кокодесъ, какъ обласканный пѣсикъ, только что не виляя хвостикомъ, но за то весело потирая себѣ руки и улыбаясь своему патрону, аппетитно принялся за завтракъ.

Господинъ Шмець представилъ этого Артѣшку своему гостю, когда изъ столовой, по вчерашнему, пошли всѣ въ кабинетъ курить сигары и пить кофей. Артѣшка развязно, съ какимъ-то „канканчикомъ“, въ манерахъ, присѣлъ за пианино и съ бойкимъ шикомъ сталъ наигрывать самыя модныя французскія шансонетки, рапортуя въ промежуткахъ между куплетами о своихъ вчерашнихъ вечернихъ похожденияхъ, о томъ какъ успѣлъ онъ побывать и въ циркѣ Гинѣ, и въ театрѣ Берга, и въ Буффѣ, гдѣ познакомилъ стараго князя Колченогова съ Камилль-де-Лионъ, и какъ князь пригласилъ его за

это ужинать съ собою и съ Камилкой къ Борелю, и какъ завистливо смотрѣла на него за это Мокурка, которой онъ ужъ давно общалъ насолить при случаѣ, и вчера какъ нельзя лучше успѣлъ все это устроить и исполнить такъ какъ Мокуркѣ очень и очень хотѣлось познакомиться съ княземъ, но онъ успѣлъ предупредить и не допустить до этого, и оказалъ услугу Камилкѣ, которая за это при случаѣ, конечно, поблагодарить его своею мимолетною благосклонностью.

— Какое мой Артѣшка! подмигивая на него поручику, смѣялся господинъ Шмець: — со всѣми французженками знакомъ, и всѣ эти берговскія актриски за нимъ рѣшительно ухаживаютъ...

— Еще-бы! подхватилъ Артѣшка; даже съ какимъ-то гордымъ самохвалствомъ и какъ будто вовсе не сознавая сколько мерзкой сущности заключалось въ его роли относительно князя и двухъ кокотокъ:—Еще бы имъ да не ухаживать за мною, продолжалъ онъ: — когда я могу любую изъ нихъ и устроить и разстроить, и денегъ добыть ей при случаѣ... Надо же за все за это пользоваться, тѣмъ болѣе, что я по натурѣ поклонникъ красоты и искусства!

„Чортъ васъ возьми, да когда-жъ вы наконецъ будете о дѣлѣ-то говорить со мною!“ досадливо и тоскливо думаетъ себѣ поручикъ, а болтовня Артѣшки межъ тѣмъ все льется и льется, въ перемѣжку съ пикантными шансонетками, и съ языка его такъ и сыплются имена графа Коли, князя Сережи, и разныхъ Макурокъ, Камилковъ, Катей-чижиковъ, Шиманскихъ и т. п.

Болиголова, убѣдясь, что всей этой болтовнѣ, какъ видно, и конца не будетъ, взглянулъ на часы и рѣшительно взялся за шапку.

— Погодите минутку! остановилъ его Шмець: — я долженъ извиниться предъ вами, что оставляю васъ однихъ съ моимъ Артѣшкой... Мнѣ надо одѣться, тороплюсь по дѣлу къ барону Гинцбургу (это имя было пушчеро зря, очевидно, для пушчаго шикю) да надо еще къ Штиглицу заѣхать, а вы переговорите съ Артѣшкой — онъ уже все знаетъ, и говорить, что устроилъ... Тѣмъ лучше! А пока—до прятнаго свиданья.

И господинъ Шмець удалился въ свою гардеробную.

— Мнѣ Анатолий Борисовичъ говорилъ уже о вашемъ дѣльцѣ, развязно предупредилъ кокодесъ, чуть лишь его патронъ вышелъ изъ комнаты. — Видите-ли, продолжалъ онъ, какъ-то торопливо подрыгивая колѣнокъ и упорно созерцаая пепель своей сигары: — Анатолий Борисовичъ собственно вовсе вѣдь не занимается этими дѣлами — а это ужъ такъ только, не въ счетъ абонеента, по прятельству... Ему даже вовсе неприятны эти дѣла, могу васъ увѣрить! И онъ очень, очень щекотливъ на этотъ счетъ, право! Но... принимая во вниманіе ваше положеніе, желаетъ оказать вамъ дружескую услугу и потому обратился къ моему содѣйствію...

— „Ахъ, Ты, Господи! И вѣчно у нихъ эти вилянья и длинныя прелюдіи!“ съ досадою думалось межъ тѣмъ поручику.

— И я вотъ, какъ видите, цѣлое утро прорыскалъ по вашему дѣлу, продолжалъ Артѣшка: — ну и дѣйствительно, кое что удалось таки устроить! Только считаю долгомъ предупредить, что наличными деньгами дать не соглашаются... деньгами вы не получите.

— А чѣмъ-же? спросилъ поручикъ.

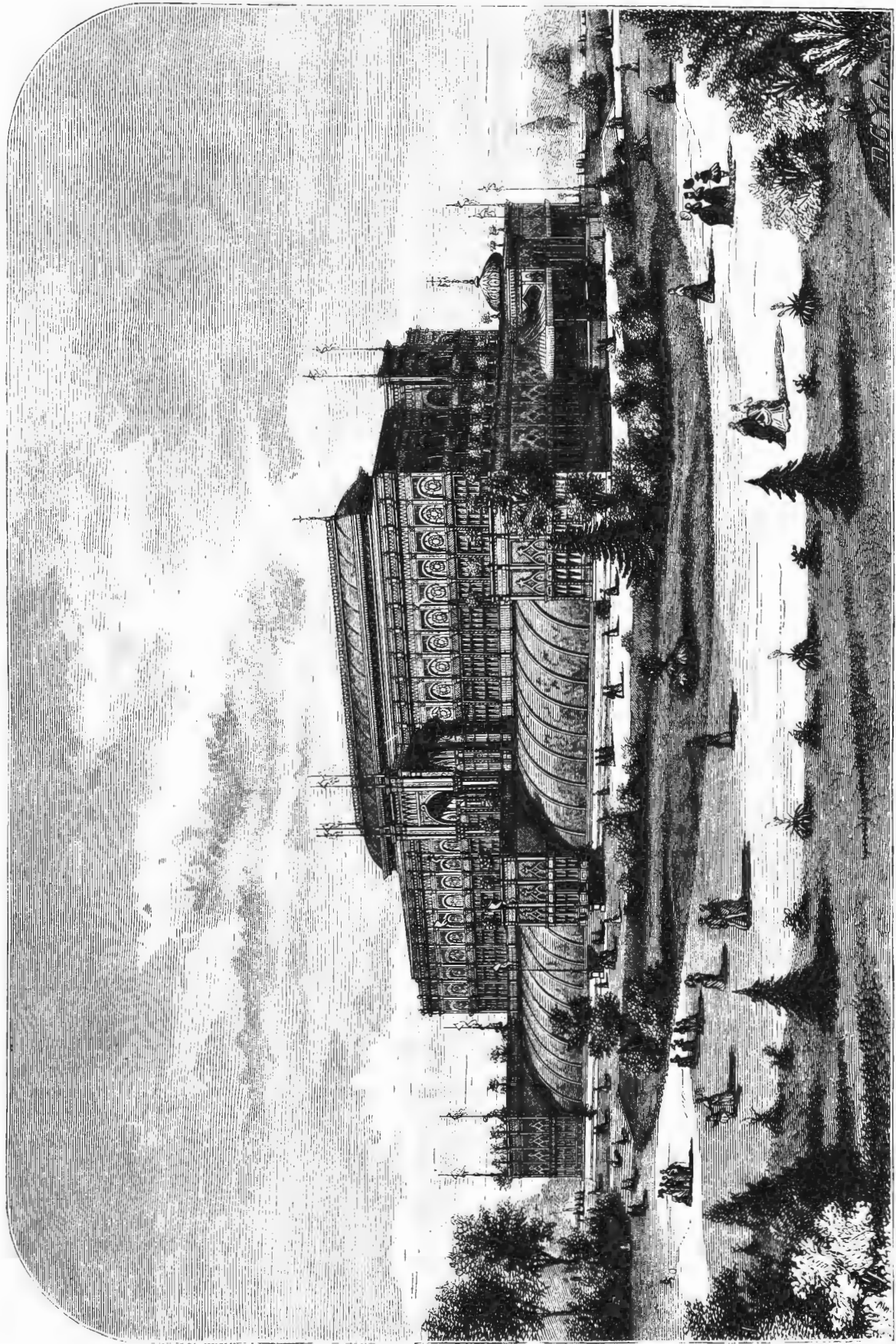
— Гробами-съ.

— Какъ?!.. Чѣмъ?!.. Какими гробами? вскричалъ Болиголова, разинувъ ротъ отъ удивленія.

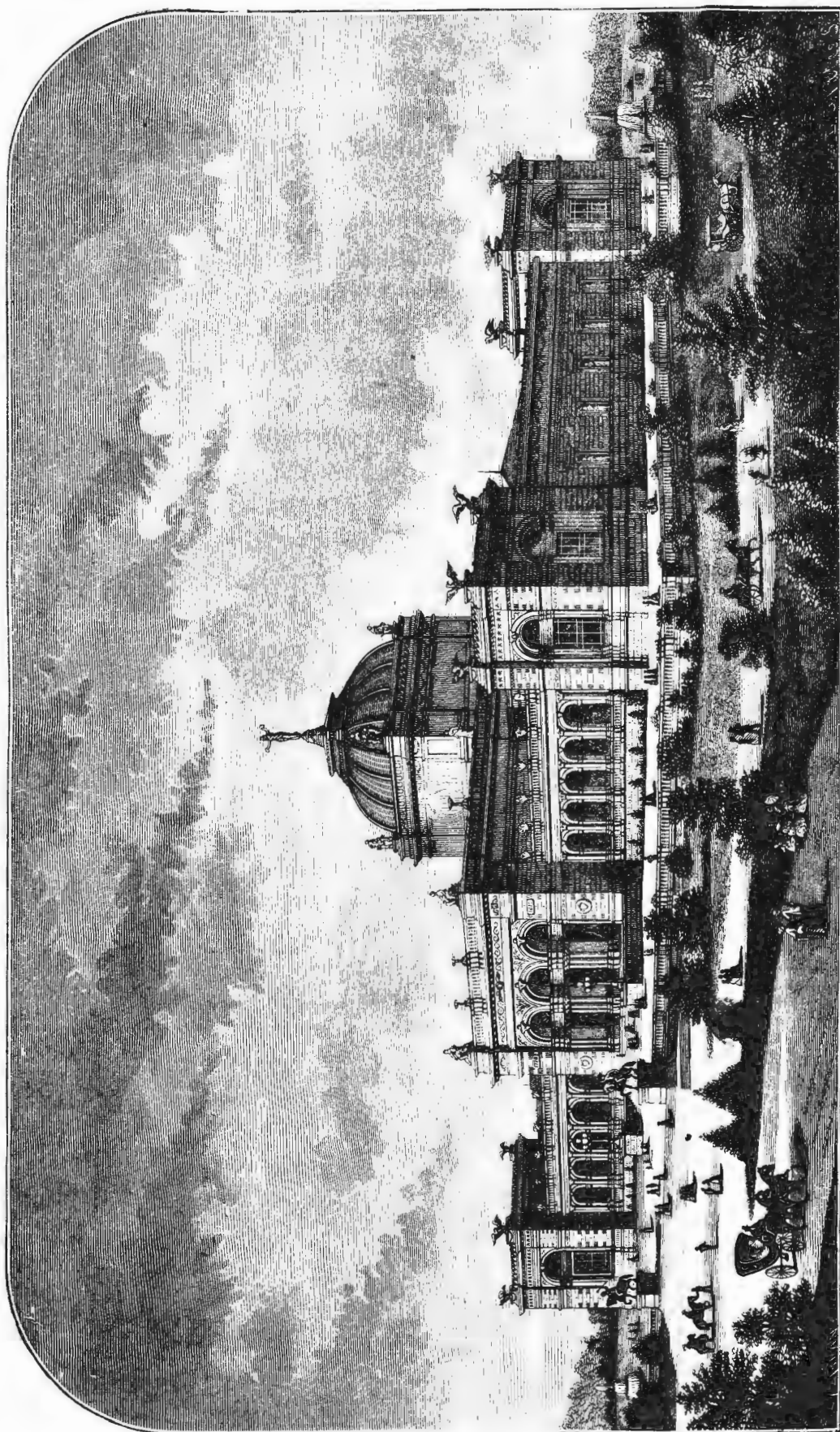
— Какъ какими? улыбнулся Артѣшка: — обыкновенными гробами, въ какихъ покойниковъ хоронятъ.

— Да что же вы, милостивый государь, шутите надо мною, что-ли?!

— Я-съ? Помилуйте!.. Ни мало! Я вамъ говорю настоящае дѣло.

Всемирная выставка въ Филадельфii. I. Здание для произведеній садоводства.

Всемирная выставка въ Филадельфiи. II. Зданiе для художественныхъ произведенiй (живопись, скульптура, архитектура и проч.).

— Полноте! Какіе вздоры!.. Что-же я стану дѣлать съ вашими гробами?

— Ахъ, съ гробами все можно сдѣлать, все что угодно!.. Это, видите-ли, обыкновенно дѣлается такъ, что вы купите гробовъ на вексель, положимъ, хоть на три тысячи, а можете продать ихъ въ свою пользу, уже на наличныя деньги, но конечно съ очень значительной уступкой.

— Это что-то совсѣмъ не сообразное!.. Ну, подумайте сами, какому-же чорту я стану продавать ихъ— я, офицеръ, пріѣхавшій въ отпускъ на короткое время и вдругъ торговать гробами!..

— Отчего же нѣтъ? Помилуйте, у насъ это очень часто дѣлается, возразилъ Артешка:—вы закушаете партію гробовъ и продаете ихъ гуртомъ въ какую нибудь больницу, или въ нѣскольکو больницъ, частями. Для этого нужно только войти въ предварительное соглашеніе съ кѣмъ либо изъ больничной администраціи, въ родѣ тамъ какого нибудь старшаго доктора или смотрителя, и если вы предложете имъ извѣстный процентъ съ каждаго вашего гроба, то они охотно согласятся на такую комбинацію. Это очень просто-съ.

— Ну, нѣтъ, ваша комбинація для меня вовсе неудобна! наотрѣзъ отказался поручикъ.

— Хм... Что-же такъ? ухмыльнулся Артешка.—Впрочемъ если неудобно, то я вамъ предложу другую: покупайте на вексель нѣскольکو роялей.

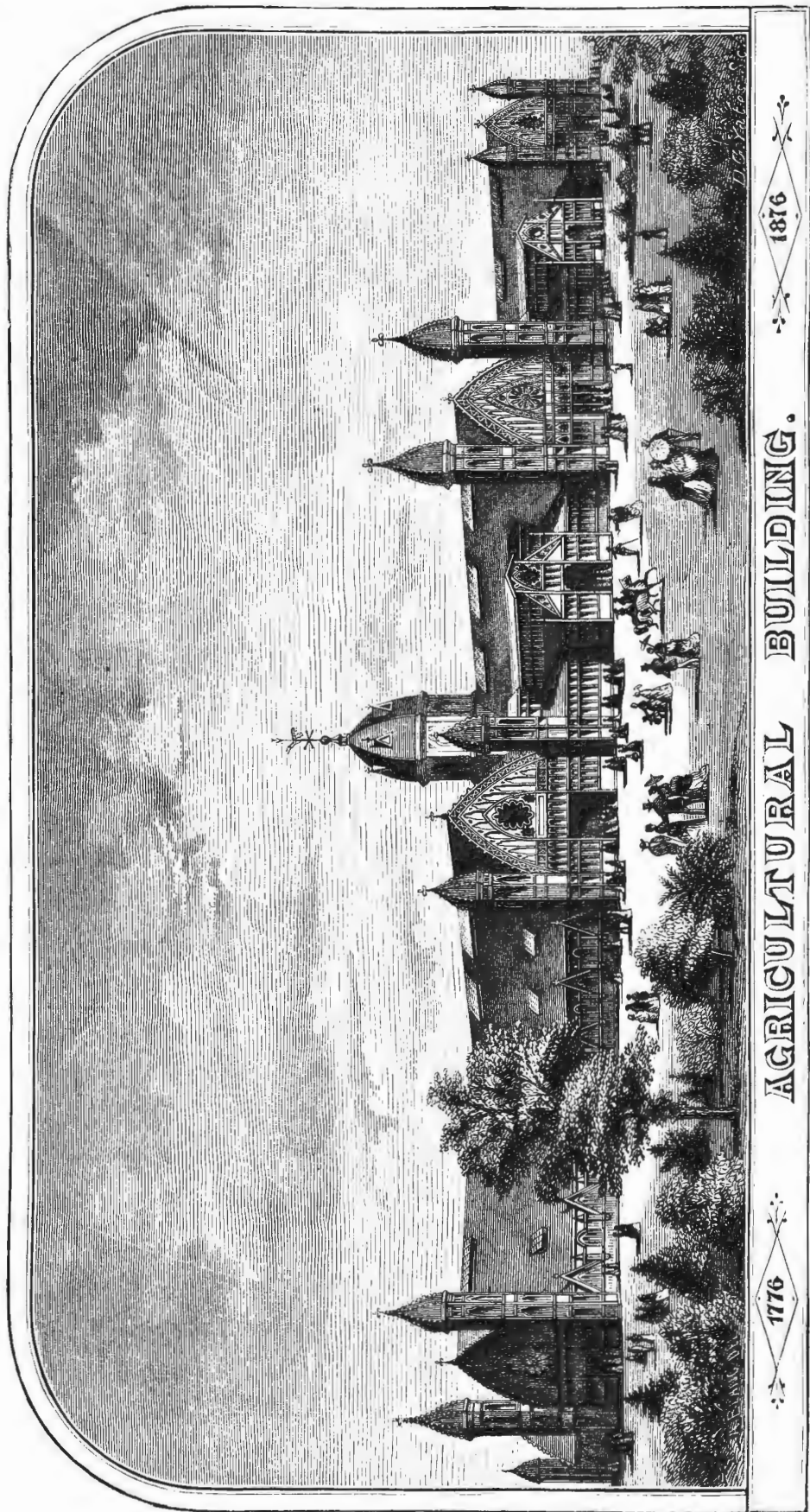
— Часъ отъ часу не легче! воскликнулъ Болиголовъ, ударивъ себя объ полы:—то гроба, то рояли!.. Да вы бы сообразили сперва хоть то, что куда же я поставлю ихъ до продажи-то?

— Да вамъ незачѣмъ и ставить: вы ихъ тотчасъ же заложите въ любую гласную кассу, или въ частный ломбардъ, или въ громоздкія движимости, куда угодно, и сразу получите наличными деньгами.

— Нѣтъ, это все слишкомъ сложно, и хлопотно, и окончательно для меня неудобно, отказался поручикъ.

— Хм... что-жъ тутъ дѣлать! смущенно пожалъ плечами кокодесъ, который уже рассчитывалъ на вѣрную поживу „куртажемъ“.—Въ такомъ случаѣ я поѣду, хлопочу еще разъ, авось что и удастся! юрко и обя-

зательно предложилъ онъ въ ту же минуту:— до свиданья, господинъ Болиголовъ! Завтра въ эту пору вы уже найдете меня съ отвѣтомъ у Анатоля Борисовича.

Всемирная выставка въ Филадельфіи. III. Зданіе для сельско-хозяйственныхъ произведеній.

И юркій, маленькій Артешка исчезъ, съ обычною своею вихлявой развязностью.

— Это, наконецъ, чортъ знаетъ что! восклицалъ поручикъ, рассказывая въ тотъ же день своему кузену-

редактору про необычайную комбинацію съ гробами и ролями. — И объясни ты мнѣ, пожалуйста, что такое въ сущности этотъ Артѣшка и что за роль его у этого Шмеца?

— А это видишь - ли, другъ мой, пояснял редакторъ: — говорятъ что каждая большая акула, обыкновенно, имѣетъ при себѣ одну юркую, маленькую рыбку, которая всегда вьется и плаваетъ впереди акулы и отыскиваетъ для нея добычу. — вотъ, тоже самое и этотъ кокодезь Артѣшка при солидномъ господинѣ Шмецѣ, съ тою только разницею, что Артешка подѣ-часъ служить для него и козломъ отпущенія, если нужно взвалить на него со своихъ плечъ какой либо грѣшокъ, или неловкость, или неудачу, и Артѣшка за всѣ эти услуги получаетъ отъ него скромное, но приличное вознагражденіе.

* * *

Въ условленное время Болиголова встрѣтился съ кокодезомъ въ квартирѣ господина Шмеца. Это было уже послѣ завтрака, и потому господинъ Шмецъ вскорѣ оставилъ ихъ вдвоемъ, извиняясь, подѣ вчерашнимъ предлогомъ, что ему нужно идти одѣваться.

— Ну-съ, господинъ поручикъ, устроилъ-таки я наконецъ ваше дѣло! уже въ нѣсколько фамиллярномъ тонѣ заговорилъ, ходя вокругъ, раздушенный и завитой Артѣшка. — Есть тутъ у меня, продолжалъ онъ: — одна почтенная, пожилая дама, и она, пожалуй согласна дать вамъ деньги, но только не менѣе какъ на пятнадцать процентовъ въ мѣсяцъ и еще съ однимъ маленькимъ, пустячнымъ условіемъ.

— Съ какимъ еще? угрюмо и подозрительно спросилъ поручикъ.

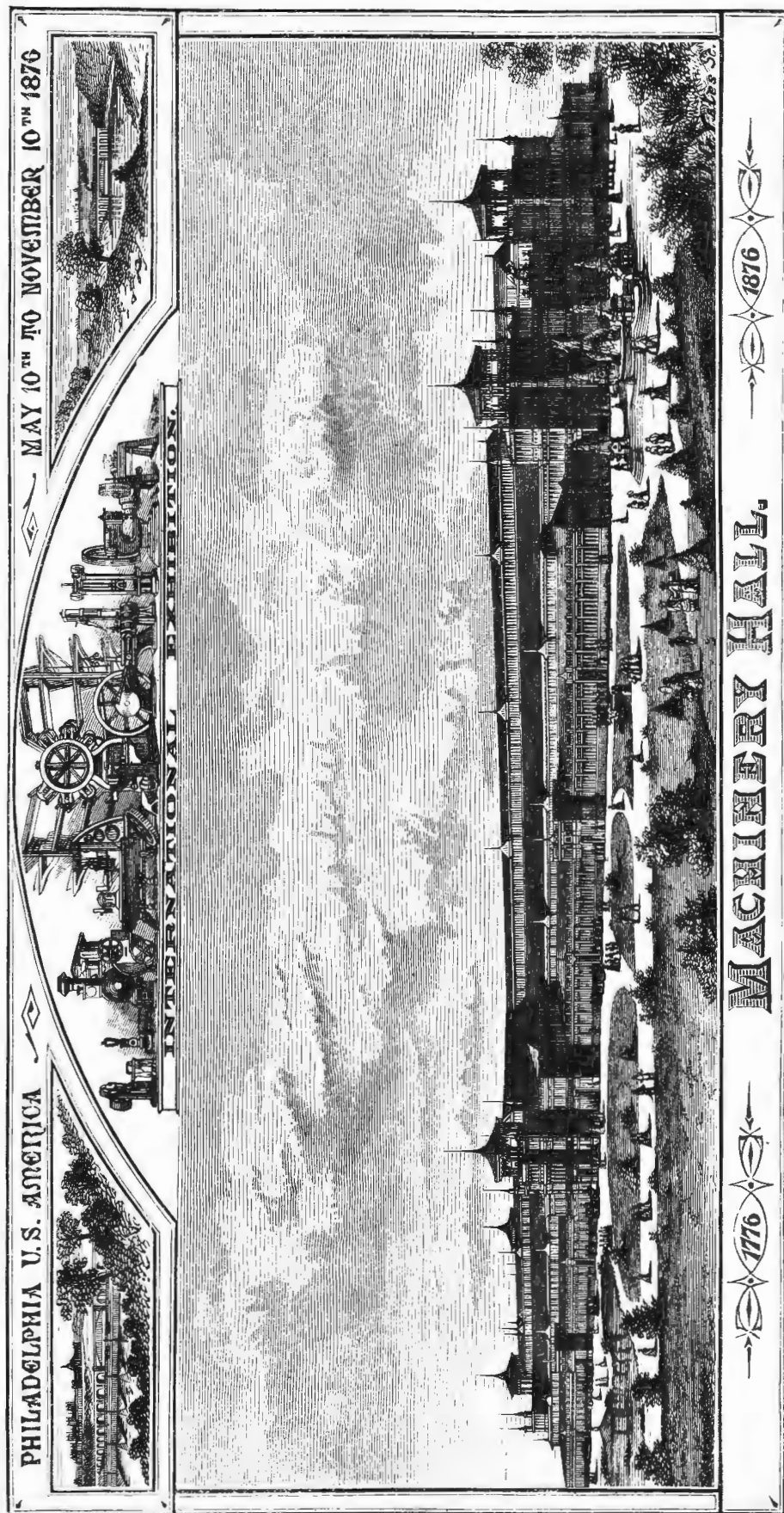
— О, это совершенныя пустяки которые, въ сущности, вамъ ровно ничего не будутъ стоить! предупредительно подхватилъ Артѣшка: — вы дадите на себя вексель на пять мѣсяцевъ, гдѣ впередъ будутъ впитаны проценты и подпишетесь подѣ нимъ не поручикомъ, а ротмистромъ или майоромъ.

— Это зачѣмъ-же? въ недоумѣніи спросилъ Болиголова, невольно сдѣлавшись еще подозрительнѣе.

— Мм... такъ. Это, въ сущности, одна только фан-

тазія этой почтенной особы.

- Да, но фантазія совершенно неосновательная.
- Согласенъ, и однако-жъ это ея непремѣнное условіе.
- Да вы понимаете-ли, что вы мнѣ предлагаете? за-

Всемирная выставка въ Филадельфіи. IV. Зданіе для машинъ всякаго рода.

мѣтилъ Болиголова, едва сдерживая въ себѣ негодованіе. — Этого, по вашему, ничтожный пустякъ, въ сущности, подлогъ, то есть уголовное преступленіе.

— Да-съ, это маленькій подложецъ, вы совершенно

правы! съ любезною улыбкой согласился Артёшка:— По коли вамъ ужъ такъ до заръзу нужны деньги, то и не вижу причины почему-бы его и не сдѣлать! Вѣдь если вы имѣете серьезное намѣреніе расплатиться, то онъ для васъ вполне безопасенъ, никто и знать не будетъ! А если, не отдадите въ срокъ,—ну, разумѣется, тогда уже дѣло иного рода!.. Но вы, конечно, жалѣючи себя, не захотите быть неаккуратнымъ, и такимъ образомъ этотъ подложець будетъ только служить для почтенной дамы надежную гарантіей... Это вѣдь только, такъ сказать, для успокоенія ея совѣсти, не болѣе-съ!

— Слуга покорный! поклонился поручикъ:—на эту штуку вы меня не поддѣваете!

— Такъ въ такомъ случаѣ вотъ что-съ! извернулся находчивый Артёшка:—позвольте мнѣ васъ познакомиться съ этою дамой она, право же, очень и очень милая особа, и очень добрая... Вы еще молодой человекъ, кавалеристъ, съ наружноотью и имѣете много шансовъ... Если вы ей сдумѣете понравиться, то быть можетъ она вамъ займетъ и безъ всякаго обезпеченія... Она такая!

— Послушайте! внушительно схвативъ его за руку, закричалъ взбѣшенный поручикъ:—что вы такое? Наивный ли мерзавецъ, или сознательный подлець?

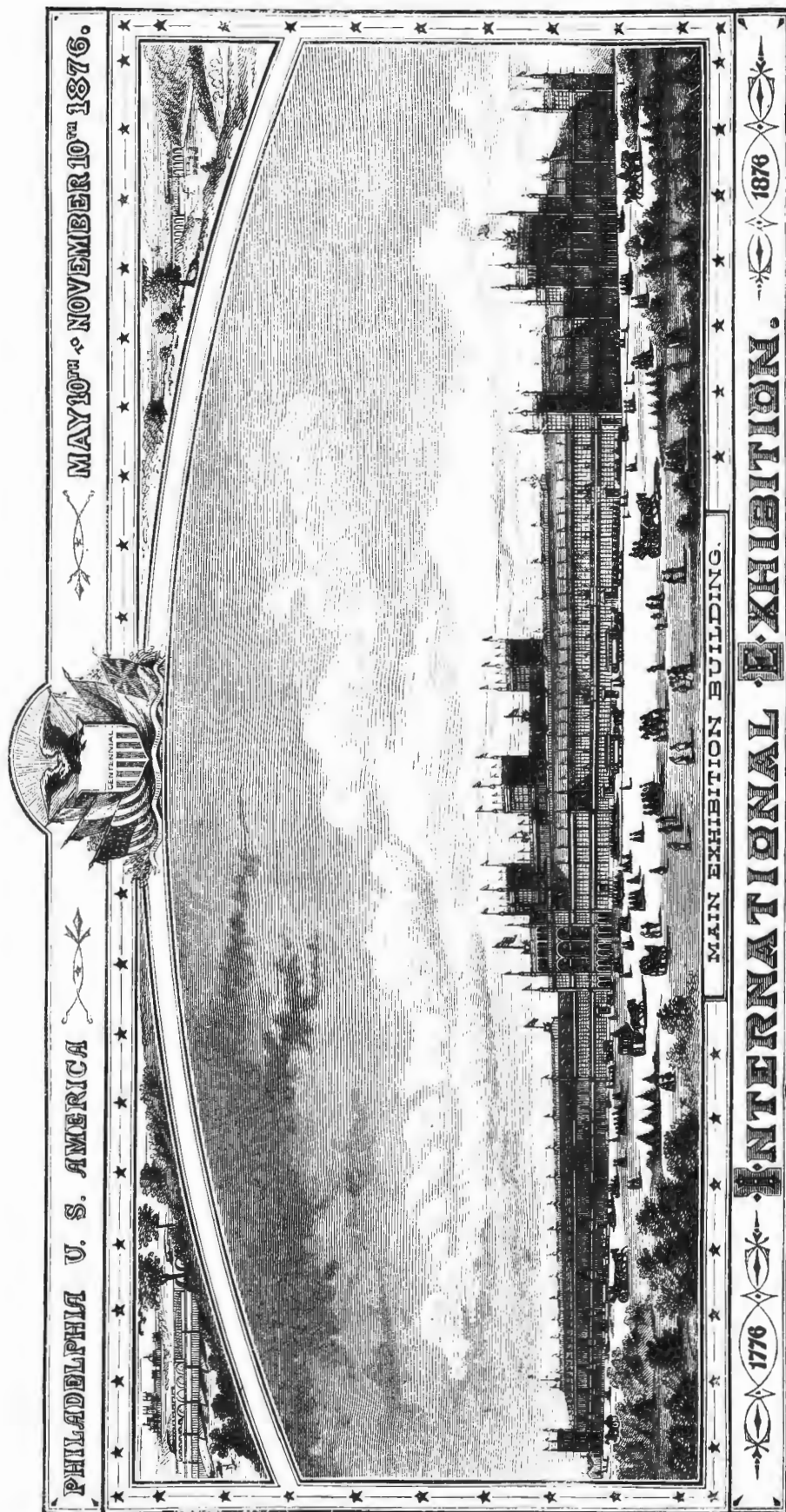
— Анатолий Борисовичъ!! Анатолий Борисовичъ!!!.. запищалъ въ полный голосъ, весь съѣжась, перетрусившій Артёшка.

На его крикъ, тотчасъ же растворилась дверь — и въ комнату поспѣшными шагами вошелъ господинъ Шмецъ, предшествуемый своимъ оскаленнымъ бульдогомъ.

— Что съ вами, Артёшка?... Чего вы орѣте, небрежно спросилъ онъ съ самою спокойною улыбкой.

— Послушайте, господинъ Шмецъ! едва сдерживая въ себѣ порывъ негодованія, обратился къ нему поручикъ:—съ кѣмъ это вы меня сводите, скажите, Бога ради!?:.. Этотъ господинъ второй днь уже предлагаетъ мнѣ чортъ знаетъ что: то гробы продавать, то роили закладывать, то подложную подпись дѣлай ему на вексель, то наконецъ ступай и понравься какой-то старухѣ... Да вѣдь за это подобнымъ Артёшкамъ морду бьютъ!

— Ахъ, успокойтесь, Бога ради! ни на юту не измѣняя себѣ, съ своей мило-привѣтливой улыбкой вступился Шмецъ:—Это онъ все отъ излишняго усердія,—право же отъ усердія!.. Увѣрю васъ!.. Вы не сердитесь на

Всемирная выставка въ Филадельфіи. V. Общій видъ главнаго зданія выставки.

него!.. Ну, разсудите хладнокровно, развѣ этотъ клопъ стоитъ того, чтобы порядочный человекъ на него сердился?.. Полноте!.. А вы, любезный Артёшка, прибавилъ онъ съ внушительною строгостью обратясь къ ко-

Billet doux (Любовное письмо). Картина Отто Эрдама, гравир. Библиотека "Руниверс"

кодесу:—маршъ сію же минуту вонъ отсюда! И чтобы духу вашего не пахло, пока не обдѣлаете мнѣ для поручика дѣло на самыхъ льготныхъ условіяхъ!.. Да безъ шутика, смотрите! А то лучше и на глаза не кажитесь! Прогоню, и вѣдь какъ щенокъ околѣете на улицѣ!..

— Слушаю-съ, Анатолій Борисовичь!—Я, напротивъ, со всѣмъ моимъ удовольствіемъ, и не понимаю даже чѣмъ они могли такъ обидѣться.. Ей-Богу-съ!..

И огорченный Артѣшка, почтительно согнувшись въ три погібели, какъ въюнъ выскользнулъ изъ кабинета.

* * *

На слѣдующее утро Болиголова не успѣлъ еще окончить свой немного сложный туалетъ, какъ въ дверь его номера осторожно постучались и—на приглашеніе войти—въ дверяхъ появился Артѣшка, и все такой же чистенькій, гладенькій, завитой, раздушенный и припомаженный, и все съ тою же, присущею ему вихляво-развинченной походкой и развязною улыбкой.

— Здравствуйте, поручикъ! заговорилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало:—Ну-съ, наконецъ-то дѣло устроилось! И на самыхъ льготныхъ условіяхъ! То-есть, понимаете-ли, ужъ на такихъ условіяхъ, льготнѣе которыхъ для васъ ни я, ни Анатолій Борисовичъ да и никто на свѣтѣ не добудетъ!

— Что-жъ за условія такія?.. освѣдомился Болиголова, не подавая кокодесу руки и даже не пригласивъ его садиться.

— Ахъ, ужъ повѣрьте, поручикъ, что я изо всѣхъ моихъ силъ постарался!.. Просто измучился!.. Есть тутъ одинъ человекъ такой,—онъ изъ Жидовъ, перекрестъ, ну, и потому не взыщите: проценты, дѣйствительно, жидовскіе, но чего вы хотите отъ хама! Развѣ онъ понимаетъ, что имѣть дѣло съ порядочными людьми!.. Но за то, можно сказать, безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія!.. То-есть, положительно безъ всякаго!

— Да вы безъ прелюдій! Вы къ дѣлу-то поскорѣе! безцеремонно поторопилъ его поручикъ.

— Къ дѣлу-съ? Извольте, поручикъ! поручикъ! поклонился Артѣшка, распространяя отъ своего носоваго платка нестерпимое благоуханіе кипрской эссенціи:—Дѣло въ томъ, что онъ даетъ вамъ тысячу рублей, но не иначе какъ подъ поручительство вашего кузена, на двадцать процентовъ въ мѣсяцъ, срокомъ на пять мѣсяцевъ, и вы выдаете на себя два векселя, и оба подъ поручительство: въ одномъ будетъ вписана сумма и проценты, то-есть всего, значить 1,800 рублей, а другой вексель вы подпишете на три тысячи-съ.

— Это что еще!? вскричалъ Болиголова, нахмурысь.

— Ахъ, Бога ради, не беспокойтесь и не думайте ничего дурнаго! заеозилъ Артѣшка:—этотъ послѣдній вексель не имѣть рѣшительно никакого существеннаго значенія и выдается только для взаимнаго спокойствія... Вѣдь согласитесь, надо же и этому жиду какою-нибудь обезпеченіе! Вѣдь онъ не требуетъ съ васъ ни залога, ни фальшивой подписи; а ужъ съ такимъ-то пустячнымъ обезпеченіемъ—да это у него съ руками, куда хочешь, оторвать и деньги-то!.. Вѣдь если вы заплатите въ срокъ, то оба векселя вамъ тотчасъ-же возвратятся, а это собственно дѣлается въ обезпеченіе устойчивости, судебныхъ пошлинъ, протесту и прочихъ расходовъ на случай несостоятельности... Нѣтъ, ужъ повѣрьте, что условія самыя божескія! И вы иначе—ручаюсь вамъ—нигдѣ не достанете

Болиголова погрузился въ кратковременное, но тяжелое раздумье. Что оставалось ему дѣлать! Теперь-то ужъ онъ вполне осязательно понималъ, что ему было-бы несравненно выгоднѣе, не ѣздя въ Петербургъ, а оставаясь по прежнему въ скверномъ жидовскомъ городишкѣ западнаго края, ежемѣсячно переписывать вексель Ицкѣ Штралецкому и включать въ нихъ проценты на проценты, чѣмъ подвергаться всѣмъ утопченнымъ ком-

бинаціямъ господина Шмеца и его достойнаго фактума—Артѣшки. Но этотъ поусительный опытъ—увъ!—пришелъ къ нему слишкомъ ужъ поздно: Ицко Янкевичъ затратилъ чуть ли не послѣднія свои свободныя деньжишки на эту глупую поѣздку въ Петербургъ и ждетъ теперь, какъ манны небесной, съ часу на часъ обѣщанной уплаты. И Болиголова вполне сознаетъ, что теперь уплата необходима до зарѣзу, или иначе онъ, и Ицко черезъ нѣсколько дней будутъ поставлены въ самое крайнее и безвыходное положеніе, безъ гроша денегъ и безъ кредиту въ чужомъ городѣ, не имѣя даже возможности возвратиться въ свои западно-русскія палестины. И такъ это живо представилось теперь поручику, какъ Ицко Штралецкій, подобно элементу мори, будетъ безконечно появляться по вечерамъ къ нему въ номеръ со своимъ неизмѣннымъ: „н-ну и сшто?“ какъ онъ будетъ вздыхать и вымаливать чтобы ему не говорили больше „завтра“ а сказали бы лучше „послѣ завтра“, для того „Жебы Ицко билъ еще одногхо дню сшапокойній“, какъ онъ будетъ плакаться, что „зауѣмъ прожилсе въ этомъ приклятомъ гхородѣ“ и воображать какъ тамъ, на родинѣ „заскучили“ безъ него его „зжонка“ и его „малыя ребенки“ и какъ они спрашиваютъ: „мамуде ой гдѣ-жъ типерь татуле?“.. И такъ все это показалось вдругъ поручику скучно и утомительно, что онъ, скрѣпя сердце, махнулъ рукой и подписалъ Артѣшкѣ оба векселя:—„Вѣдь отдамъ же, чортъ возьми, черезъ четыре мѣсяца! Голодать буду, а отдамъ!.. Ну ихъ!“ рѣшилъ онъ себѣ и успокоился.

Кокодесъ получивъ вексель, тотчасъ же тщательно запряталъ ихъ въ боковой карманъ, при чемъ даже бережно застегнулся, и немедленно—поѣхалъ съ Болиголовымъ къ редактору. Когда этотъ послѣдній поставилъ на обихихъ векселяхъ свои „бланки“, кокодесъ предупредительно подалъ Болиголовѣ пачку ассигнацій и вѣжливо сказалъ:

— Пересчитайте-съ.

— Послушайте, любезнѣйшій! съ удивленіемъ обратился къ нему поручикъ:—что-жъ это однако? Гдѣ же ваша тысяча?.. Вѣдь тутъ всего девятьсотъ!

— Такъ точно, девятьсотъ, вы не ошиблись! еще любезнѣе подтвердилъ Артѣшка.

— А гдѣ-жъ остальные сто?

— Отчислены въ куртажъ, за комиссію... Ужъ это такъ по положенію... Ужъ это всегда десять процентовъ за хлопоты.

— Стало быть, вы удержали ихъ въ свою пользу?

— Мм... отчасти—да, но...

— А отчасти, то есть въ большей части, въ пользу господина Шмеца?

— Ахъ, нѣтъ-съ, помилуйте! фальшиво потупляя глазки, поспѣшилъ возразить Артѣшка:—какъ вы можете подумать!.. Анатолій Борисовичъ вовсе такими дѣлами не занимается; они изъ одной лишь чести-съ.

— Ну, такъ быть по вашему! Только проваливайте вонъ поскорѣе! махнулъ рукой Болиголова и пригласительно указалъ на дверь кокодесу.

Въ этотъ же день вечеромъ поручикъ окончательно и сполна расплатился съ Ицкой. Тотъ остался въ полномъ восторгѣ и даже насильно поцѣловалъ его въ плечо и въ руку.

— Ну, мейнъ аллерлибстеръ Ицко, если-бъ ты только зналъ, если-бъ ты могъ себѣ представить чего мнѣ стоило добыть для тебя денегъ! говорилъ ему Болиголова, не безъ горечи качая головою, и рассказалъ послѣдовательно всю исторію своихъ походовъ съ господиномъ Шмецомъ и его Артѣшкой. Ицко слушалъ и только время отъ времени произносилъ свое „пфс!“ съ самымъ искреннимъ изумленіемъ и негодованіемъ.

— Чортъ съ ними, но я десять твоихъ жидовъ отнынѣ предпочту одному господину Шмецу! заключилъ Болиголова свое грустное повѣствованіе.

— Ой-вай!.. А то жъ еще литѣратъ, цыбулизованный чловѣкъ.. Пфс!.. Н-ну, и скажите мнѣ, пизжалуста, сшто жъ типерачки съ того будетъ?

— Да чему быть то?.. Ты свое получилъ и завтра уѣдешь во-своиеси, а я на послѣднія десять рублей постараюсь получше напиться и... за твое здоровье пуцу себѣ пулю въ лобъ! Только всего и будетъ!

— Н-но! Спша! въ ужасѣ поднявъ руки, вскричалъ Еврей:—шъ пулѣмъ!.. заразъ вже и шъ пулѣмъ!.. Пфай! Осштавте пизжалуста!.. Не будь я Ицко Янкелевичъ Штралецкій, когда я вамъ позволю на то! Сплюхайте!

И онъ осторожно, съ самымъ сердечнымъ видомъ, на ципочкахъ и неторопливо подступилъ къ поручику.

— Сплюхайте, гашпидинъ сперучникъ!.. И ви же знаете якъ я васъ люблю и вважаю, и мнѣ жъ такъ изъ васъ зжалко, такъ зжалко-ай-вай, якъ зжалко! И я жъ не хдчу кабъ ви билъ въ смутку... Сплюхайте: оставте мнѣ трошечку на дорога, я зжавтра зрану поѣду сабѣ на машина до своя зжонка, до своихъ дѣтвювъ, бо они тамъ такъ скучать бизъ мене... н-ну, и я поѣду, а ви оставайтесь и берить пизжалуста одъ мене увсшѣхъ остѣтнихъ деньгувъ!

— Какъ! Опять на тѣже условія?!.. Нѣтъ, братъ, слуга покорный! на отрѣзъ отказался поручикъ.

— Ай, жвините! Не такъ! замахалъ на него Ицко:—я вже готвѣй дать вамъ и безъ вѣксюль, и безъ росписке, и даже безъ всшакій пурцентъ!.. Ай, нѣтъ, жвините! спохватился онъ въ то же мгновение: — завсѣмъ безъ пурцентъ не можна, бо ви спами знаете, деньги то такого дѣло, сшто оно любить пурцентъ. Алежъ ви мнѣ дадите спамѣй маленькій пурцентикъ... Н-ну; такъ, одногко пурцентъ на мѣсенць, и подъ простого расписке, бо я знаю, ви щаловѣкъ вѣбрный и благороднѣй, и якъ ви вже для мене зъ тымъ цыбулизованнымъ шволокомъ у пѣтля полѣзли, то ви мене не надуете. Берить пизжалуста увсшѣхъ мого деньгувъ!.. Увсшѣхъ!... Прасшу васъ!

И Ицко, отсчитавъ себѣ только двадцать пять рублей, всю остальную пачку рѣшительно положилъ на столъ передъ Болиголовю.

— И когда вже такъ, то не надо мнѣ и росписке! Ви мнѣ напотомъ, якъ прѣхаете, то дадите и росписке! торжественно заключилъ Ицко, и даже самъ расстрогался отъ своего великодушя.—А типерь благодарю вамъ за вѣбрная отдача! Прибавилъ онъ съ поклономъ: до швиданю вамъ, гашпидинъ сперучникъ!.. Спшите!

Всеволодъ Крестовскій.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦИИ СОВѢТНИКА.

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта:

I.

Послѣдній лучъ зимняго, декабрьскаго солнца какъ-то робко проскользнулъ въ довольно обширную комнату на мельницѣ, проскользнулъ, еще разъ уронивъ три-четыре искорки мягкаго свѣта на какіе-то страннаго вида предметы, разложенные на широкомъ каменномъ подаконникѣ угловаго окна. Скоро погасли эти блестящи, исчезъ и солнечный лучъ въ массѣ тучъ, ползущихъ куда-то безконечною вереницей. Вещи, такъ странно поблескивавшія на окнѣ, составляли арсеналъ врача-хирурга. Это была та коллекція инструментовъ, холодный, рѣзкій блескъ которыхъ пугливо дѣйствуетъ на глазъ чловѣка; отъ этого блеска невольно дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Къ окну была придвинута кровать и поставлена такъ, чтобы свѣтъ падалъ на нее сбоку. Это была большая кровать, аляповато разрисованная яркими букетами розъ и фіялокъ. На ней, среди пуховиковъ въ пестрыхъ наволокахъ, лежалъ хозяинъ „замковой“ мельницы. Ловкая рука хирурга только что освободила его отъ тяжелаго недуга — болѣзни горла, уже не разъ грозившей ему удушеніемъ. Операция была изъ трудныхъ и даже опасныхъ, но молодой чловѣкъ опускавшій теперь стору, весело поглядывалъ на все, что его окружало, потому что — *вышло удачно*, удачно съоперировалъ онъ! Опустивъ стору, онъ принялся осторожно укладывать въ футляръ свои доспѣхи.

Больной, еще незадолго передъ тѣмъ неистовавшій при первомъ вдыханіи хлороформа, кричавшій доктору охрипшимъ голосомъ: „разбойникъ! убійца!“ лежалъ теперь совершенно спокойно, въ полнѣйшемъ изнеможеніи. Ему запрещено было говорить, но запрещать это, какъ кажется, было напрасно, потому что на лицѣ этого чловѣка слишкомъ ясно видна была печатъ угрюмой молчаливости. Да, что-то непривѣтливое, недружелюбное было въ этой большой четырехугольной головѣ, которую прикрывали только густые серебристо-бѣлые волосы.

— Ты, кажется, доволенъ, Брукъ? спросилъ тихо господинъ, подойдя къ доктору, который оставался еще у окна.

Господинъ этотъ стоялъ до сихъ поръ въ ногахъ у постели больнаго. На красивомъ лицѣ его еще замѣтны были слѣды тревоги, недавняго волненія.

Докторъ качнулъ головой и, бросивъ на старика взглядъ, исполненный надежды, проговорилъ спокойнымъ голосомъ:

— Пока все идетъ хорошо. Натура у него крѣпкая... Вотъ это-то, надѣюсь, и поможетъ мнѣ, а главное—хорошій уходъ. Но я *долженъ* теперь же удалиться... Больному слѣдуетъ во что бы то ни стало лежать смирно, именно вотъ въ этомъ положеніи. Нужно всѣми силами стараться предохранить его отъ сильнаго крововизліянія, потому что...

— Предоставъ ужъ мнѣ позаботиться объ этомъ, перебилъ господинъ съ красивымъ лицомъ.— Я остаюсь здѣсь и до тѣхъ поръ не уйду, пока нуженъ будетъ тщательный присмотръ за больнымъ. А ты не зайдешь ли мимоходомъ на виллу сказать, что къ чаю я не буду, чтобы меня тамъ не ждали?

Легкій румянецъ выступилъ на щекахъ доктора, и въ тонѣ его голоса зазвучала уныло-грустная нотка:

— Нѣтъ, черезъ паркъ мнѣ будетъ не по пути. Это для меня порядочный крюкъ, а я *долженъ* непременно какъ можно скорѣе попасть въ городъ.

— Но ты не видалъ еще сегодня Флору...

— Не полагаешь ли, что мнѣ это легко, что я такъ... заговорилъ хирургъ и вдругъ умолкъ, сжалъ губы и схватилъ футляръ съ инструментами, чтобы засунуть его въ карманъ. Видишь-ли, на рукахъ у меня нѣскольکو опасно больныхъ, сказалъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ:—вонъ, у купца Ленца дѣвочка умретъ, пожалуй въ эту ночь... Правда, ничѣмъ не могу я пособить, вылѣчить ее невозможно, а родители ребенка, измученные страхомъ, утомленные уходомъ за нимъ — ждуть не дождутся меня, отсчитываютъ каждую минуту... Мать дѣвочки если и ѣсть, то только тогда, когда я ее заставлю, упрошу съѣсть что-нибудь...

Онъ подошелъ къ кровати и взглянулъ на старика. Больной открылъ глаза и осмысленно, сознательно посмотрѣлъ на врача. Да, въ этихъ выпуклыхъ, воспаленныхъ глазахъ свѣтилось чувство благодарности за чу-

десное облегчение, полученное такъ скоро, почти внезапно. Старикъ хотѣлъ протянуть руку своему спасителю, но докторъ Брукъ придержалъ ее на одѣялѣ и произнесъ еще разъ, что положительно запрещаетъ ему дѣлать какія либо быстрыя движенія, даже шевелиться запретить.

— Около васъ. г. Земмеръ, хочеть остаться коммерціи совѣтникъ, прибавилъ докторъ:—онъ позаботится относительно точнаго, строгаго выполненія моихъ предписаній.

Слова эти, повидимому, пріятно подѣйствовали на старика, и онъ даже постарался взглянуть на коммерціи совѣтника, который, въ подтвержденіе словъ доктора, поспѣшилъ дружески кивнуть головой больному. Большой послѣ этого снова закрылъ глаза, какъ бы желая уснуть, а д-ръ Брукъ, взявъ шляпу и пожавъ руку коммерціи совѣтнику, вышелъ изъ комнаты.

Если бы у постели больного оставалась женщина, женщина озабоченная, принимающая въ немъ теплое участіе, то тогда, конечно, съ уходомъ врача, такая сидѣлка почувствовала бы себя одинокою, покинутою, ею овладѣла бы боязнь... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мать умирающей дѣвочки, о которой упомянулъ докторъ, не оживала при появленіи врача, не ощущала настолько мужества, чтобы принять хотя немного пищи, необходимой для поддержанія ея же собственныхъ силъ?.. У постели стараго мельника ничего подобнаго не было: некому было бояться за него, некому было обнаружить чувства безпредѣльной любви, теплаго участія къ больному. Старуха экономка казалась вполне равнодушной. Она была занята теперь уборкою посуды, понадобившейся при операциі, и какъ летучая мышь, шурша, шныряла по комнатамъ. Нѣсколько капель воды, скатившихся съ руки доктора на столъ, кажется смущали ее больше, чѣмъ опасность, въ которой находился ея господинъ.

— Послушайте, сударыня Суза, ужъ вы, пожалуйста, оставьте теперь все это! вѣжливо обратился къ экономкѣ коммерціи совѣтникъ.—Вы вытираете столъ, а онъ такой шаткій, что стучитъ подъ вашей рукой. Шумъ этотъ раздражаетъ нервы. Докторъ Брукъ желаетъ прежде всего полнѣйшаго спокойствія для папа...

„Сударыня“ Суза поспѣшно собрала свои тряпки, захватила метелку и удалилась въ свою кухню, сівшую непомѣрной чистотой. Тамъ она по крайней мѣрѣ могла ствести душу, занявшись мытьемъ обѣденной посуды.

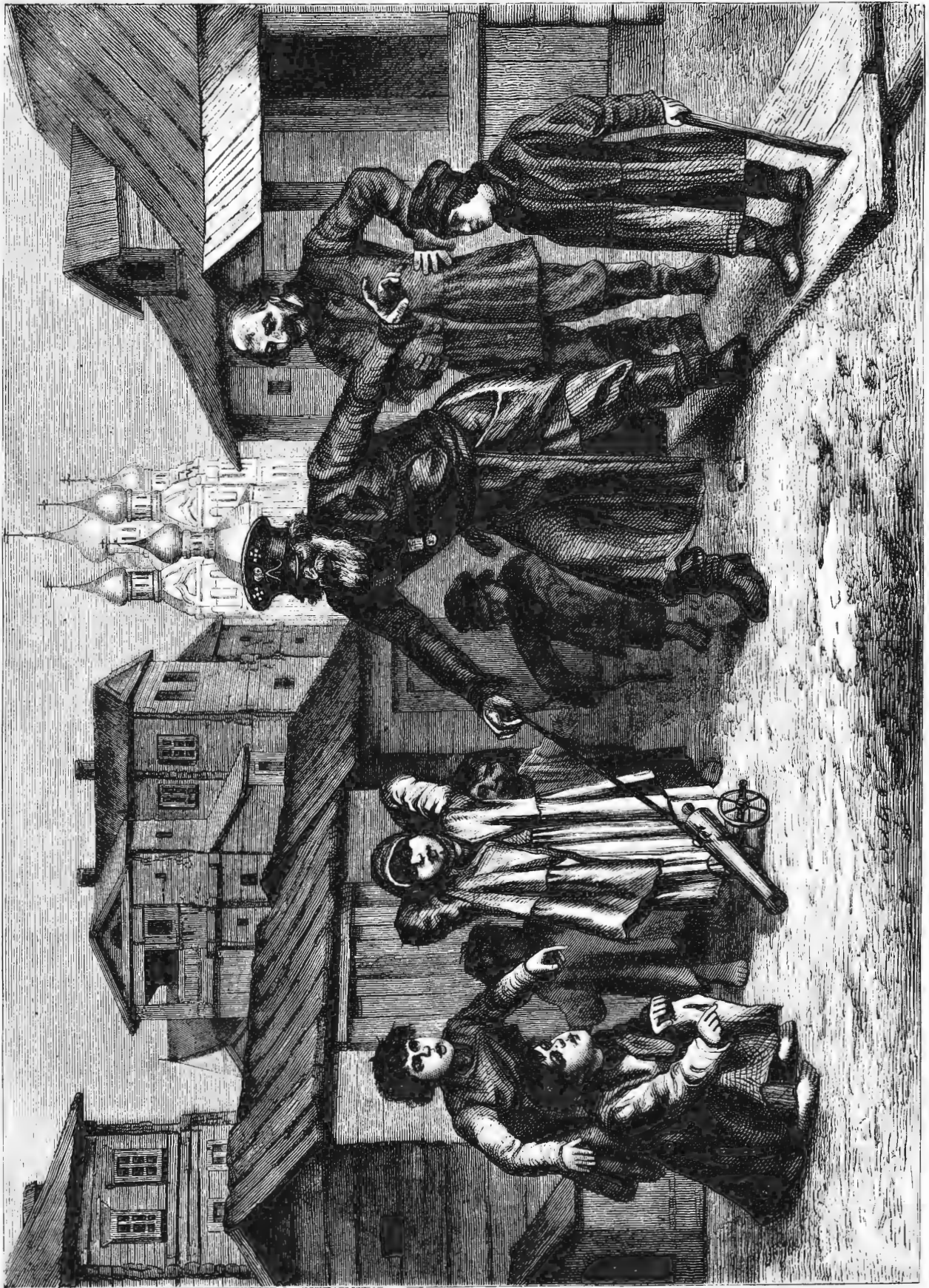
И вотъ, все стало тихо; конечно, полной, совершенной тишины и не могло быть въ комнатахъ на громадной мельницѣ. Отъ движенія мельничныхъ колесъ чувствовалось хотя и слабое, но непрерывное, равномерное трясаніе пола и того, что было надъ нимъ. Слышенъ былъ шумъ пѣнящейся воды, которая летѣла черезъ плотину; къ этой вѣчно-однообразной ворчливой пѣснѣ волнъ примѣшивалось еще воркованье голубей, какъ то тяжело подлетавшихъ къ оконнымъ стекламъ. Птицы эти гнѣздились въ верхушкахъ исполински разросшихся вѣковыхъ каштановъ, которые бросали тѣнь въ комнату мельницы съ западной стороны. Но такой шумъ и не существовалъ для больного, или, лучше сказать, онъ такъ свыкъся съ нимъ, что считалъ его такимъ же необходимымъ условіемъ жизни, какъ воздухъ, какъ правильное постукиваніе сердца.

Однако, въ самомъ дѣлѣ, какое это было отталкивающее старческое лицо, на которое смотрѣлъ теперь, исполняя обязанность сидѣлки, коммерціи совѣтникъ—этотъ изящный, красивый человѣкъ!.. Печать пошлости лежала на этомъ лицѣ, печать рѣзкая, ничѣмъ не смываемая; а вотъ эта черта—морщина около толстой, отвислой нижней губы—развѣ не выражаетъ жестокости, дубоватой грубости старика? Никогда еще коммерціи совѣтнику не представлялось все это такъ осязательно

—до отвращенія, какъ теперь, именно въ эти минуты, когда больной спалъ или погруженъ былъ въ дремоту отъ изнеможенія. Такое состояніе, конечно, отняло у мельника самообладаніе, волю, ослабило личные мускулы, а это-то и обнаружило истинный обликъ его, показало, какія характерныя черты присущи этому лицу.... Дѣйствительно, старикъ началъ свою карьеру съ самой низкой ступеньки: онъ былъ простымъ батракомъ на этой мельницѣ, а потомъ и пошелъ въ гору. Теперь—онъ богатъ; торговля хлѣбомъ доставляетъ ему громадныя средства. Человѣкъ, лежавшій на этой мужицкой, прадѣдовской кровати, былъ представителемъ денежной аристократіи, силы золота... Можетъ быть, въ виду такихъ внушительныхъ фактическихъ данныхъ коммерціи совѣтникъ и называлъ старика „папа“, и вообще относился къ нему почтительно, потому что на самомъ дѣлѣ ихъ не связывало никакое кровное родство. Покойный банкиръ Мангольдъ (старшая дочь его отъ перваго брака была замужемъ за коммерціи совѣтникомъ) во второй разъ женился на дочери „замковаго“ мельника—вотъ какія *родственные* отношенія существовали между страждущимъ старикомъ и человѣкомъ, теперь ухаживавшимъ за нимъ.

Коммерціи совѣтнику скучно стало сидѣть у постели—онъ всталъ и тихонько подошелъ къ окну. Не смотря на то, что ему было за тридцать—юношеская живость, подвижность еще не покинула его; сидѣть не шевелясь на одномъ мѣстѣ, неусыпно наблюдать за больнымъ, ничего не дѣлать—это было для него почти невыносимо, раздражало нервы, да къ тому же ему было просто противно безпрестанно посматривать на эту несимпатичную физиономію, на эти жилистые кулаки, глубоко зарывшіеся въ складкахъ одѣяла, кулаки, которые когда-то помахивали кнутомъ надъ спинами рабочихъ лошадей.

Каштанъ, стоявшій передъ окномъ, въ которое смотрѣлъ коммерціи совѣтникъ, давно уже лишился своей листвы. Обнаженные сучья и вѣтви, перекрещиваясь въ разныхъ направленіяхъ, образовали неправильныя четырехугольныя и овальныя рамки, въ которыя какъ бы вставлены были небольшіе ландшафты—одинъ прелестнѣе другаго, хотя небо было мрачно-сѣрое, настоящее декабрьское, ослаблявшее блескъ серебристой поверхности прудовъ. Прозрачная съ фіолетовымъ оттѣнкомъ синева дальнихъ горныхъ вершинъ была покрыта бѣловато-дымчатыми полосами сгустивагося тумана. Тамъ, правѣе, рѣка, повертѣвъ колеса „замковой“ мельницы, дѣлала крутой поворотъ; а вонъ и еще ландшаптикъ въ тоненькой овальной рамкѣ изъ вѣтвей каштана—сверкающая полоска рѣки и надъ ней созданіе рукъ человѣческихъ, которому рѣка эта порабощена: громадное зданіе кубической формы, ничѣмъ не украшенное, голый каменный колоссъ, съ однообразными, скучными рядами оконъ. Это—прядильная фабрика коммерціи совѣтника. Коммерціи совѣтникъ тоже человѣкъ богатый. Сотни рабочихъ заняты тамъ около вертящихся веретенъ. Но фабрика эта ставила собственника ея нѣкоторымъ образомъ въ зависимое положеніе отъ „замковаго“ мельника. Дѣло въ томъ, что мельница, основанная нѣсколько столѣтій назадъ одною владѣтельною особою, получила огромныя привилегіи, неуничтоженныя и по сіе время. Опираясь на исключительный законъ, всякій собственникъ мельницы имѣлъ полное право на воды рѣки (и на довольно значительное ея протяженіе), что не мало отравляло жизнь мѣстныхъ обывателей. За эти то права, на которыя, конечно, имѣлись письменныя документы, крѣпко стоялъ „замковый“ мельникъ. Ступни ногъ его были достаточно широки и онъ всякому показывалъ зубы, если усматривалъ только поползновеніе дерзкаго хотя однимъ пальцемъ задѣть его права. Старикъ во время оно былъ только арендаторомъ мельницы, а потомъ мало по малу, какъ-то незамѣтно, съ

Старый солдатъ. Рисов. Коверневъ, грав. Е. Шиддъ.

богатством все болѣе и болѣе возрастающимъ, протянулъ лапы и дальше и сталъ не только собственникомъ мельницы, но и всего рыцарскаго помѣстья, къ которому она принадлежала. Добился онъ этого незадолго до выхода замужъ единственной своей дочери за почтеннаго, уважаемаго банкира Мангольда. Лично для мельника цѣну имѣли только обширные лѣса и земли; принадлежавшая же къ помѣстью великолѣпная вилла, стоявшая среди красиваго парка, была для него всегда предметомъ отвращенія, что, однако же, вовсе не мѣшало ему поддерживать эту „дорогую игрушку“... Что-жъ. вѣдь онъ могъ видѣть свою дочь полновластной госпожей тамъ, гдѣ прежніе высококѣрные владѣльцы постоянно какъ-то забывали отвѣчать ему на его поклонъ!.. Теперь виллу эту занималъ у мельника коммерціи совѣтникъ. Вотъ по этому то у него и было много основательныхъ причинъ оставаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ обладателемъ рѣки и домохозяиномъ... Такъ оно на самомъ дѣлѣ и было: коммерціи совѣтникъ былъ вѣжливъ, почтителенъ къ угрюмому старику, какъ добрый сынъ.

Часы на фабрику пробили четыре и почти въ ту же минуту высокія окна конторы освѣтились газомъ. Сегодня какъ-то рано стемнѣло. Воздухъ сталъ наполняться густыми испареніями, общающимися все покрытъ снѣгомъ; клубы дыма изъ трубъ городскихъ домовъ ползли внизъ и, на подобіе тумана, волновались близко надъ землей; шиферная кровля прядильни, ступеньки лѣстницы, камень на дорогѣ—все это покрылось (если такъ можно выразиться) какимъ-то скользкимъ, мокрымъ блескомъ. Голуби, сидѣвшіе кучками до сихъ поръ терпѣливо, въ полудремотѣ, на вѣтвяхъ каштановъ, вдругъ поднялись и полетѣли по направленію къ теплой, сухой голубятнѣ.

Коммерціи совѣтникъ ощутилъ холодъ, вздрогнулъ и, отвернувшись отъ окна, оглянулъ комнату. Комната показалась ему теперь даже уютной, привѣтливой, вовсе не такой противной какъ прежде, хотя все тутъ было по старому: тотъ же воздухъ, пропитанный запахомъ всякой снѣди, вареной и жареной, тѣ же закоптѣвшіе обои, тѣ же пресловутыя лубочныя картинки на стѣнѣ...

Такая обстановка, конечно, не могла нравиться человеку съ избалованнымъ вкусомъ. Но вотъ сударыня-Суза подложила хорошихъ, сухихъ дровецъ въ печку. Коммерціи совѣтникъ продолжалъ осматривать комнату: взглядъ его скользнулъ по старинному, прадѣдовскому дивану съ мягкими, пухлыми подушками, такъ уютно стоявшему у стѣны, затѣмъ онъ остановился на старательно вычищенныхъ мѣдныхъ украшеніяхъ двери, ведущей въ смежную комнату, въ родѣ алькова; на украшеніяхъ этихъ какъ бы мерцали послѣдніе, слабые отблески дня... Ахъ, да! Вѣдь тамъ, за этой дверью стоитъ желѣзный денежный шкафъ... Запертъ-ли онъ, не осталось ли ключа въ дверцѣ?..

Передъ операціей „замковый“ мельникъ написалъ духовное завѣщаніе. Докторъ Брукъ и коммерціи совѣтникъ встрѣтились еще на лѣстницѣ съ нотариусомъ, его помощникомъ и свидѣтелями. Тѣ уже уходили. Хотя больной и казался спокойнымъ, однако же въ душѣ его, навѣрно, порядкомъ таки бушевало, но бурю эту онъ сумѣлъ скрыть... При уборкѣ въ шкафъ разныхъ документовъ рука его, конечно, дрожала, старикъ суетился, торопился—и вотъ одна изъ бумагъ была забыта имъ на столѣ. Впрочемъ, за минуту до операціи, мельникъ замѣтилъ свою оплошность и тутъ же попросилъ коммерціи совѣтника поскорѣе убрать въ шкафъ оставленный документъ. Изъ той комнатки черезъ другую дверь можно было пройти въ переднюю, а слѣдовательно всякій могъ попасть въ комнату, гдѣ стоялъ шкафъ: обыкновенно въ переднюю приходило много постороннихъ лицъ. Испуганный такою мыслью, коммерціи совѣтникъ, не медля ни секунды, вошелъ въ альковъ... Дѣйствительно, онъ былъ непростительно неостороженъ: дверца шкафа оказалась отворенною!.. Ну, увидѣлъ бы это старикъ... Вѣдь онъ, какъ драконъ, оберегалъ свою драгоценность!.. „Нѣтъ, куда, какъ видно, никто не входилъ“, проговорилъ коммерціи совѣтникъ, чтобы успокоить себя. Малѣйшій шумъ не ускользнулъ бы отъ его вниманія, если бы кому нибудь вздумалось пробраться туда, однако же онъ долженъ былъ убѣдиться—все ли въ цѣлости, на своемъ мѣстѣ въ шкафѣ?

(Продолженіе будетъ).

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ФИЛАДЕЛЬФІИ.

Правительство сѣверо-американскихъ штатовъ предприняло устроить въ честь столѣтней годовщины американской независимости международную выставку искусствъ, ремеслъ, сельскихъ и горныхъ произведеній. Для завѣдыванія выставкой и приготовленія къ ней была учреждена особая коммисія, «United States Centennial Commission», состоящая изъ двухъ уполномоченныхъ «commisineri» отъ каждаго штата или территоріи; назначаемыхъ на эту должность президентами штатовъ «governors» и утверждаемыхъ въ ней президентомъ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ. Американская выставка, какъ видно изъ этого, есть предпріятіе чисто національное, а не начатое по почину частныхъ лицъ, какъ утверждаютъ многіе.

Выставка будетъ открыта, начиная съ 10-го мая и по 10-е ноября 1876 года каждый день, за исключеніемъ воскресеній. Плата за входъ назначается въ 50 центовъ (половина доллара).

Мѣсто, избранное для выставки, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Schuylkill (одному изъ притоковъ Делавара) внутри парка «Fairmount», раскинутаго на пространствѣ 3,160 акровъ. Подъ зданія выставки занято 450 акровъ; рядомъ съ зданіями устроены помѣщенія для выставки домашняго скота и образцовая ферма (на пространствѣ 40 акровъ), вполне приспособленная для производства опытовъ надъ плугами, жатвенными, молотильными и другими сельско-хозяйственными машинами.

Восемь различныхъ конно-желѣзныхъ дорогъ, соединенныхъ съ городской желѣзно-дорожной сѣтью, ведутъ къ зданіямъ выставки. Рельсы желѣзныхъ дорогъ (Reading и Pennsylvania) тоже продолжены до зданія выставки, такъ что послѣдняя, черезъ сѣверо-пенсильванскую и филадельфійско-уилшингтонско-балтиморскую желѣзныя дороги, находится въ непрерывномъ сообщеніи со всѣми желѣзными дорогами страны. Прѣздъ на выставку изъ мѣста, отстоящихъ отъ нея приблизительно на разстояніи 90 англійскихъ миль, обойдется почти

столько же, сколько стоилъ, во время вѣнской или парижской всемірной выставки наемъ экипажа.

Предметы, назначенныя для выставки, будутъ помѣщены въ семи отдѣленіяхъ, занимающихъ слѣдующее пространство:

Отдѣленія:	Зданія:	Пространство въ акрахъ.
1. Горное производ- ство и металлургія.	Главное зданіе (длина 450, ширина 120 метровъ, состоитъ изъ главнаго корпуса и двухъ боковыхъ пристроевъ).	21,47
2. Фабричныя произ- веденія		
3. Наука		
4. Искусства		
5. Машины	Художественное отдѣленіе	1,5
6. Земледѣліе	Зданіе для машинъ (длина 450, ширина 120 метровъ	14
7. Садоводство	Отдѣленіе для сельскаго хозяйства	10
	Зданіе для садоводства (всевозможные цвѣты будутъ помѣщены въ огромной оранжереѣ, длиною 120, шириною 54 метра	1,5
		48,47

Пространство, отведенное для выставки превышаетъ почти на 10 акровъ мѣсто, занимаемое бывшей вѣнской выставкой и, не смотря на это, всѣ мѣста уже заняты, такъ что многіе важные отдѣлы придется помѣстить въ отдѣльныхъ зданіяхъ.

Правительство соединенныхъ штатовъ устроитъ отдѣльное зданіе, которое будетъ занимать 4½ акровъ, для экспонентовъ

министерствъ: военного, финансовъ, морскаго, внутреннихъ дѣлъ, почтъ и сельскаго хозяйства.

Женская коммисія собрала 30,000 долларовъ для постройки павильона, въ которомъ будутъ выставлены всевозможныя женскія работы. Ожидаютъ, что въ постройкѣ этого павильона будутъ участвовать женщины всѣхъ націй.

Число отдѣльныхъ зданій увеличивается все болѣе и болѣе и кажется, что оно возрастетъ до 200 или даже до 250. Большинство иностранныхъ націй: Англія, Германія, Австрія, Франція, Швеція, Египетъ, Японія и другіе строятъ одно или нѣсколько зданій для своихъ экспонентовъ или комиссаровъ. Подобныя же постройки, по большей части весьма красивой архитектуры, построены также штатами Пенсильвадія, Огіо, Индіана, Иллиноисъ, Мичиганъ, Нью-Джерсей, Нью-Йоркъ, Коннектикутъ, Массачузетсъ, Нью-Гемпширъ, Миссури, Канзасъ, Виргинія, Западная Виргинія, Невада, Висконсинъ, Iowa и Делаваръ и весьма вѣроятно, что и другіе штаты послѣдуютъ ихъ примѣру.

Для множества торговыхъ и промышленныхъ обществъ, требующихъ много мѣста, будутъ возведены особыя зданія. Такъ будутъ устроены отдѣльныя помѣщенія для фотографовъ, экипажныхъ мастеровъ, стекольщиковъ, сапожниковъ, и т. д. Къ подобному вспомогательному средству придется прибѣгнуть еще не разъ, особенно по случаю экспонентовъ, опоздавшихъ своимъ заявленіемъ. Въ началѣ октября одинъ американскій экспонентъ потребовалъ 330,000 кв. футовъ въ главномъ зданіи, тогда какъ американскимъ штатамъ можетъ быть предоставлено всего 170,000 футовъ, изъ которыхъ третья часть будетъ занята проходами. Мѣста въ зданіи для выставки машинъ уже всѣ заняты. Въ выставкѣ машинъ участвуютъ 1000 американскихъ, 150 английскихъ и 150 континентальныхъ европейскихъ экспонентовъ (на 250 человекъ болѣе, чѣмъ на вѣнской выставкѣ). Для гидравлическихъ машинъ, паровыхъ молотовъ, кузницъ и т. д. устроены отдѣльныя пристройки, *an nexes*.

Сила, необходимая для приведенія въ дѣйствіе машинъ, находящихся на выставкѣ, доставляется по большей части двумя огромными паровыми машинами, цилиндры которыхъ имѣютъ 40 вершковъ въ поперечникѣ; маховыя колеса этихъ машинъ имѣютъ 31 футъ въ діаметрѣ и вѣсятъ 55 тоннъ; сила ихъ равняется 1,400 лошадинымъ силамъ и они имѣютъ 20 паровыхъ котловъ. Машины эти могутъ привести въ движеніе волну, длина которой приблизительно будетъ равняться одной англійской милѣ. Лучшіе художники Америки работаютъ для выставки и можно полагать, что американскій художественный отдѣлъ будетъ лучше, чѣмъ того ожидаютъ. Въ немъ, кромѣ картинъ современныхъ художниковъ, будутъ выставлены замѣчательнѣйшія произведенія американскаго искусства за прошлое столѣтіе, какъ-то: картины Стюарта, Канлея, Трумбулліа и др. Произведенія какъ прежнихъ, такъ и современныхъ художниковъ поступаютъ на выставку по выбору особой коммисіи *Committee of Selection*, которая посѣтитъ Нью-Йоркъ, Бостонъ, Чикаго и др. главныя города Америки и выберетъ картины, достойныя быть помѣщенными на выставкѣ. Подобными средствами устраняются многіе расходы по перевозкѣ. По предписанію морскаго министра, американскій военный корабль прибудетъ весною въ Европу для перевозки въ Америку произведеній американскихъ художниковъ, живущихъ на континентѣ.

Англійскій ваятель Белло трудится въ настоящее время въ знаменитыхъ мастерскихъ Ламбетты надъ созданіемъ группы, изображающей Америку. Группа эта займетъ 15 квадр футовъ пространства и будетъ помѣщена вѣроятно въ большой центральной залѣ, напротивъ главнаго входа.

Во время выставки произойдутъ также въ Филадельфій собраніе членовъ многихъ орденовъ и кампаній, такъ напр. произойдетъ собраніе членовъ страховыхъ обществъ, международный конгрессъ врачей и другіе.

В И Л Е Т - Д О У Х .

(Любовн. письмо)

Прекрасная владѣтельница замка, молодая графиня, не замѣчаетъ ничего что вокругъ нея происходитъ, — печальный взоръ ея обращенъ всегда къ облакамъ. Главная же камеръ-юнгфера молодой графини, не слишкомъ заглядывалась на небо, но за то отлично умѣла видѣть все, что дѣлается на землѣ. Если напримѣръ, мимо замка проходила какая нибудь старуха, то она представлялась камеръ-юнгферѣ какъ бы сѣвѣ туманъ; если же, даже вдали отъ замка, показывался какой нибудь «рыцарь», зрѣніе ея прояснялось необыкновенно; на счетъ кавалеровъ, особенно если они имѣли счастье обладать черными усиками и изящными манерами, у нея былъ просто даръ ясновидѣнія: если-бы эту молодую особу посадить съ завязанными глазами въ самое глубокое подземелье замка, куда бы не проникалъ ни одинъ солнечный лучъ, она навѣрное бы вдругъ вскрикнула: «вонъ идетъ!» въ мигъ сорвала бы съ глазъ повязку, опрометью выбѣжала бы изъ подземелья, высунула бы свое смѣющееся лицо въ круглое окошечко, чтобы взглянуть на проходящаго. Неудивительно, что при такихъ свойствахъ камеръ - юнгфера графини давно уже примѣтила кое-что, между тѣмъ какъ сама молодая госпожа, вотъ уже три года оплакивающая своего покойнаго супруга, ничего еще не видѣла. У камеръ-юнгферы была своя философія: «И отчего это госпожа моя все груститъ...» и вѣрная служанка рѣшила вылечить отъ грусти свою госпожу. При своемъ умѣньи такъ хорошо все видѣть, она давно уже нашла и средство для этого въ лицѣ высокаго, стройнаго молодого человека съ черными какъ смоль усиками и пламенными голубыми глазами. Въ послѣднее время около замка часто можно было встрѣтить на конѣ этого господина, и камеръ-юнгфера держала въ головѣ свою философію, а онъ, вѣроятно, свою. Такимъ образомъ, камеръ-юнгфера стояла разъ передъ дверью, въ самое то время какъ моло-

дой человекъ проходилъ мимо; дѣвушка внимательно взглядывалась въ небо, чтобы узнать какая будетъ погода черезъ десять дней, вдругъ возлѣ нея очутился молодой человекъ. Онъ очень любезно посмотрѣлъ на нее, она улыбнулась, и бросила на него сбоку лукавый взглядъ. Онъ сказалъ ей пару словъ, она шепнула ему отвѣтъ, а на другое утро достала изъ подъ голубой вазы въ саду маленькую записочку. Записочку эту, плутовка спрятала подъ корсажъ и поспѣшила съ ней къ себѣ въ комнату. Тутъ она, насколько это возможно было сдѣлать такъ чтобы не было замѣтно, прочтала кое-что изъ интереснаго письма: тамъ говорилось о стрѣлахъ Амура, о Венерѣ и лиліяхъ; она сразу поняла въ чемъ дѣло, подняла дугой бровки, протянула «мм», и должно быть передъ смѣющимися ея глазами представилась очень веселая картина, — какъ вдругъ раздался звонокъ. «Ахъ, надо бѣжать подать завтракъ старой графинѣ!» воскликнула она, схватила подносъ и побѣжала наверхъ. Когда исправная служанка спустилась опять съ лѣстницы, у самой нижней ступеньки попала ей на встрѣчу, педшая наверхъ, молодая графиня. Она была очень грустна. Довкая камеръ-юнгфера обыкновенно быстро примѣняла свою философію къ практикѣ; и такъ, въ мгновеніе ока, она вытащила письмо изъ подъ корсажа, и когда графиня проходила мимо нее, подала его ей съ улыбкой, въ которой сіяли всѣ солнечные лучи, озарившіе весеннюю землю со дня сотворенія міра. Ея сіятельство сдѣлала удивленный жестъ. «Да-съ, вамъ ваше сіятельство», шепнула камеръ - юнгфера свозъ свои сверкающіе зубы, и весна въ ея лицѣ была неотразима до такой степени, что молодая графиня невольно взяла заманчивую записочку, не смотря на подозрительный путь какимъ она пришла, и пошла съ ней въ свой будуаръ, нѣсколько поспѣшнѣе.

СТАРЫЙ СОЛДАТЪ.

(Изъ военныхъ очерковъ).

Много лѣтъ назадъ тому, живя въ уѣздномъ городкѣ, мнѣ пришлось узнать стараго солдата, типъ все болѣе и болѣе исчезающій. Въ немъ не увидѣлъ я совсѣмъ не того рисованнаго Скобелевскимъ перомъ и перомъ его неудачныхъ подражателей, этаго, закручивающаго сѣдой усъ вѣчнаго разсказчика, не услышалъ его слова своеобразнаго, съ хлесткими загибомъ. Нѣтъ, худой, высокій, спорбленный, когда-то громада-гренадеръ съ подстриженными усами, сѣдой какъ лунь, съ черною какъ смоль бровью, онъ не бодрился, не покрывалъ значительно передъ каждымъ своимъ словомъ: но въ немъ, дѣйствительно, во всей его манерѣ, во всѣхъ его правилахъ и понятіяхъ было что-то рослое, величавое.

Приводя напримѣръ разсказы о тяжелой, боевой службѣ, о строгости взысканій, объ ужасахъ труда—часто недокормленнаго солдата, онъ съ честію, даже трудно понятною для насъ любовью относился къ памяти своихъ отжившихъ командировъ. Міру невѣдомые поручикъ Любанскіе, капитанъ Кругловы—все это по его разсказамъ были люди справедливые, герои, спартапцы... Слезы сердечнаго умиленія глотались старикомъ, когда онъ доходилъ до имени Набокова, Розена, Мендештерна, Шаховскаго—словомъ всѣхъ тѣхъ, которые вели въ широкое дѣло гренадерскій корпусъ, прославившій себя въ Польскую кампанію 1831 г. Всѣ эти имена и лица неотживали ни въ его душѣ, ни въ его памяти, какъ будто бы люди съ мягкими, ла-

скающими, нѣжными руками, качавшими его точно въ зыбкѣ цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ. Примѣрная и замѣчательная черта!

Однажды, распространившись на эту любимую имъ тему, Кряжевъ угостилъ насъ памятнымъ ему эпизодомъ изъ Остроленскаго дѣла. Рассказъ шелъ о томъ моментѣ, когда на подтвержденіе уже беззащитныхъ Астраханскаго и Суворовскаго полковъ, за Наревъ, успѣли переправиться къ нимъ Мандерштернъ, Розентъ и Набоковъ и когда, вслѣдъ затѣмъ, подъ крутой посылкой и посыпкой вражеской картечи палъ на полѣгерой Остроленской битвы генералъ Мартыновъ.

Завидѣвъ падающаго генерала, въ то время какъ Лидерсъ и Набоковъ стали отходить къ шоссе, Кряжевъ и его взводный—подпоручикъ Зименко бросились было на выручку къ своему командиру: но первый, раненный картечью съ боку въ шею, а второй пулею въ грудь на вылетъ—остались на мѣстѣ...

— «Я, надо быть, очнулся первый, рассказывалъ старикъ — кровь у меня, знать, утихла; лежалъ-то я на спинѣ и воротникомъ—значитъ, прижалъ рану. Перво на перво пришло мнѣ въ голову: «а гдѣ мой взводный?» Повелъ кругомъ себя глазами и туманъ охватилъ: стоупъ, руганье кругомъ; то Господа зовутъ, то поляка клануть, то полякъ москаля ко всѣмъ дьяволамъ посылаетъ; иной шить молить, иной какъ пласть, недви-

ломъ и упираясь на него руками: сѣдая голова его понурилась нервно заматавшись на плечахъ, вѣки подернулись краской... Онъ, шаркая, медленно подошелъ къ образниці, вынулъ изъ темнаго угла ея завѣтную пуговицу, какъ - то судорожно подбросилъ ее на рукѣ—и ужъ не сдерживая слезъ, но стараясь скрыть—на отмахъ сдѣлалъ жестъ сжатымъ кулакомъ и быстро ушелъ изъ избы.

Маленькая сцена эта всѣхъ передернула насъ.

Вотъ такіе то воспоминанія стараго солдата, сколько я могъ замѣтить, будутъ безпрестанно вырываться при каждой бесѣдѣ о быломъ и все о родномъ командирствѣ; о себѣ, о своихъ подвигахъ—ни слова. Такъ и видишь, что онъ создалъ для себя завѣтное правило: «на то молъ и сапожникъ, чтобы сапоги строчилъ, на то, молъ, и солдатъ — чтобы бойко умиралъ и диковиннаго тутъ быть не можетъ». За то кому неизвѣстно, съ какою охотою каждый старій служака любить повѣствовать о своихъ бывлыхъ стоянкахъ въ мѣстахъ сытыхъ, привольныхъ—много есть и сметанки, и баранины, да ласки молодой хозяйки; еще больше, еще охотнѣе отдается такой разкащикъ воспоминаніямъ, если ему удалось побывать за границей, въ землѣ Турецкой или нѣмецкой, или тамъ, за Бендерами—въ хмѣльной, вѣвовѣчной гостинницѣ русскаго солдата. Вотъ на эту то тему сбивался не разъ и нашъ старикъ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Что вы Алексѣй Ивановичъ такъ рано уходите?

— Да тамъ барыня пришла себѣрать на герцеговинцевъ.

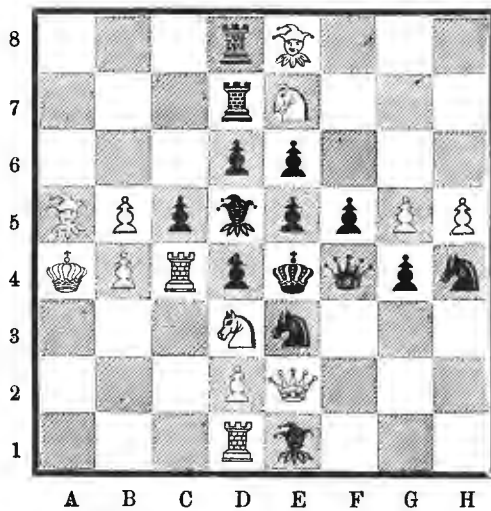
жимо лежить, а все падеѣается «ура» крикнуть... Груды насъ неуносная, да и лежимъ то на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ почитай семь или восемь атакъ отбили... Стало быть мертведа и окалеченнаго безъ счета! Ужасно мнѣ таково стало. Присѣлъ я на корточки—погляжу, анъ его благородіе то на шагъ отъ меня, лежить навзничъ и тяжело, тяжело дышетъ: и глаза у него словно вотъ нагаръ на свѣчѣ—и огонь и тьма кромѣшная въ нихъ, а самъ не шелохнется, только лицо у него подергиваетъ, да ртомъ точно ловить что. Вспомнилъ я въ ту пору, что у меня за ошкуркомъ спрятанъ, такъ, маленький былъ пузырекъ съ водкой. «Стой, думаю, вѣдь она проклятая—говорять—и губить и спасаетъ!» Да съ этой думой и далъ ему хлебнуть каплю, другую. Вздрыгнулъ онъ, маненько ожилъ, ласково и какъ ласково взглянулъ на меня, сжалъ мою руку, да и говорить—едва, едва процѣживая слово: «Умираю, говоритъ, Кряжевъ; спасибо тебѣ.. поклонись всѣмъ товарищамъ... деньги... какія есть... въ роту... Ну! уходи... Ползи искать генерала, спасай его! А мнѣ не жить.. вотъ, возьми на память»... Заметался онъ, раскинулся, сердечный, бойко таково сорвалъ онъ съ сюртука пуговицу и положилъ мнѣ ее въ руку. Знать ужъ обезпамятѣлъ... Что онъ хотѣлъ передать мнѣ—не знаю... только въ эту минуту словно вздрогнулъ... да такъ и засылъ».

Послѣднія слова старикъ договаривалъ наблонясь надъ сто-

ЗАДАЧА

(Фигуры изображаютъ крестъ).

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 3.

Бѣлые.

- 1) e3 — c3
- 2) f5 — e6°
- 3) c3 — c7 +

Черные.

- 1) d7 — e6°
- 2) c6 — d7

Здѣсь онъ являлся болѣе свободнымъ, охотнымъ повѣствователемъ, но за то и нѣсколько притязательнымъ критикомъ, такъ что порадовавшись на чужую сторонку, все таки сводилъ къ тому, что лучше русской земли и нѣтъ, а особенно матушки сытой Малороссіи. Въ Молдавіи и Балдахин, т. е. въ Валахию, говорилъ однажды Кряжевъ, что жъ, дыни, извѣстно, важныя, съ зарядный ящикъ, ну, а народъ, не нашему чета: хмурый, дряблый такой, развѣ «кокуницы»—еще ништо... А въ Варшавѣ—ну чистота, народъ веселый, ласковый, коли полюбить себя заставилъ, за то насчетъ провіанту по деревнямъ голодно, по городамъ и мѣстечкамъ дорого... Вотъ у пруссакъ иной манерь, сытно живеть, картофель первый сортъ, пиво, какъ каждый день приходскій праздникъ, кофій тоже первое угощеніе, только за все надо деньги платить; а народъ резонный, чистоплотный; тамъ каждый свинопасъ въ бѣломъ колпакѣ, а жена въ чепчикѣ.

— «Да развѣ вы Федотъ Парентичъ бывали когда въ Пруссіи? спросила молодежь.

— А какъ же? словно помолодѣвъ при этомъ вопросѣ отозвался Парентичъ. Я службу то царскую началъ въ пятомъ пѣхотномъ—отломалъ Турчинну; въ гренадеры попалъ—Варшаву бралъ, а потомъ за отличіе—какъ егорьевскаго кавалера—перевели въ гвардію... Вотъ тутъ то, коли память необманетъ (Продолженіе въ прибавленіи при этомъ номерѣ.

ваеть, не то въ 1836, не то въ 1835 году, не скажу за вѣрное, въ Бозѣ почившій Императоръ Николай Павловичъ возилъ насъ, гвардейцевъ, въ гости къ Пруссакъ и городъ тотъ назывался Данцигъ...

— Какъ въ гости? невольно спросили мы, всю гвардію?

— Ну, не всю, а таки кораблей много нагрузилъ нашимъ братомъ. Въ тѣ поры, продолжалъ служившій, уже неожиданыхъ вопросовъ и замѣтая интересъ слушателей. въ тѣ поры наши очень дружили съ пруссакомъ... Гвардейцы то еще съ ними сошлись, когда открывали памятникъ Государю Александру Благословенному. И угощали жъ ихъ у насъ на славу: и во дворцѣ наши гости кушали, и напей водочки и нашего пивца отбѣдывали. Пили и хвалили... и по казармамъ по сердечному угощались, а говорятъ не то у лейбъ-егерей, не то у Финляндскихъ, не смотря что пруссакъ особа степенная, а по русски пѣтъ и въ присядку плясать выучились...

«Ну и наглядѣлись это мы тогда всего, всего на сколько въ душевнѣкѣ влезло... по вѣкъ не забыть этихъ немѣдкихъ именинъ... Посадили насъ на корабль въ Каронштатѣ, тутъ ужъ мы съ перваго раза диву дались. Слово въ иное царство попали: народъ эта матроза—маленькій, короткій, приземистый, все чуди бѣлоглазая, вотъ кажется увалень увальнемъ, а какъ пришлось на него посмотришь въ дѣлѣ да въ работѣ—что-то бѣсы, прости Господи! Каждый ловокъ, спорливый, боекъ, пѣнокъ какъ кошка, смѣлъ и отраженъ—словно онъ всю жизнь на канатѣ плясать учился. Команда опять у нихъ, кажись во сто лѣтъ не упамитуншь: марсы, да фалы, де брамсели и все то не по нашему: у насъ напирѣмъ веревочка—у нихъ кабалка: по нашему наир. якорь—по ихнему далить, плехты—даже и время то считаютъ не часами, а стеклянками... Такимъ-то манеромъ, други милые, поплыли мы, значитъ по ихнему—съ якоря снялись. Погода стояла чудесная, теплынь такая вольготная, июнь былъ; море чуточки колыхнется, вѣтерокъ едва поныкиваетъ... Ну, дулаемъ, служба! Только Бога славить за такую благодать; работы почитай никакой—паруса тамъ, приѣрсно, подтянуть скоманную—народъ всей артелью въ дѣло, подъ свистокъ, въ тактъ ногой дробить—и все у него безъ натуги идетъ, какъ по маслу. Въ двѣнадцать часовъ каждому чарка, да такого спотыкъ-горыничу, что почитай самому откупищичку въ носъ бросится; опять таки и харчевое—что тной ротный праздникъ; каждую пятницу каша, да каша то словно машина въ котлѣ; горохъ съ солониной—истинно, говоримъ межъ себя, умирать не падо. Такимъ банкетнымъ обѣдомъ ни кума, ни пасестра въ деревнѣ тебя не покормитъ. Посылаетъ же Господь иному теплую долю по службѣ, толкуютъ наши,—да тутъ и объ отставкѣ забудешь!... Ая и узнали мы какъ достается эта чарочка съ солониной... Какъ на третій или на четвертый день тренидуло насъ—небо съ овчинку показалось, словно вотъ въ котлѣ кругомъ закипѣло, тьма кругомъ кромѣшная—а за минуту день стоялъ бѣлый; шумъ, свистъ, вой, ревъ—куда сто батарей залпомъ, — хуже! А качка упаси господи!.. Вотъ, вотъ не видишь, а сердцемъ чуюсь, что какъ гряхнетъ, да черезъ бортъ горой воды тебя окатитъ—точно тебя въ преисподню окунетъ, а тамъ опять на кручу выхватитъ—да такъ-то чуть не сутки... Воззвалъ мы тогда къ Господу, хотъ смерть то и не разъ видали, ну а ужъ такой напасти не приведемъ Мать Пресвятая Богородица... А они — Христосъ ихъ любил! — точно тутъ именно праздника и дождался, точно имъ безъ этой музыки и показатъ себя нельзя... Истинно говорю, не смотря я самъ своими глазами — отцу бы духовному не повѣрилъ, что человекъ можетъ дойти до такой безпардонной лихости; кажется вотъ змѣя обвейся около снасти, и ту бы сбросило въ воду какъ муху безсилную — а онъ козырнетъ себѣ по веревкамъ и лѣстницамъ на всѣ манеры, и вверхъ головой, и вверхъ ногами... Есть у нихъ особенно, такъ называемые штыкъ-болтны, такъ это ужъ истинно смола, гдѣ добѣжалъ, припалъ, прислонился, тутъ и прилипъ, да вѣдь какъ! лежитъ грудью на реи, ноги воду черпаютъ, шапка ходячее облако достаетъ—а онъ ничѣмъ не держится и парусъ крѣпится, да еще вѣтеръ дразнить—посныстываетъ...

Вотъ такимъ образомъ какъ выполоскало насъ на всѣ значить, манеры, какъ развыряло по угламъ да уложило по лазаретному безъ силъ, безъ животому, матросики на завтра и подсмѣиваются: что, говорятъ, господа, длинноствольные гренандеры—не хотите ли нашей чарочки?

— Нѣтъ молъ—братъ—спасибо; отъ вашего похмѣлья вѣтловѣ рекрутъ-барабанщикъ тревогу бьетъ, а подъ ложечкой точно драгунъ скребниду оставилъ... Съ того дня полно завистливые глаза на матросскую сласть пялить; насилу дождался, какъ по матушкѣ землѣ зашагали.

«Въ Данцигѣ—извѣстно думалось, вотъ поживемъ у comrades на славу — не тутъ то было; нѣмецъ въ гостяхъ веселъ, а дома человекъ дѣломъ занятой и хлѣбосоольство не порядкомъ обзываетъ... Сказывали—что у нихъ и офицерство промежъ себя, примѣрно по нѣсколько человекъ въ казармѣ живши—не то что наше дворянство—рубль и копейка для друга ребромъ, нѣтъ, говорятъ скромненько поживаетъ: у всякаго своя привычка, свой сундучекъ, свой кофейничекъ, словно у насъ въ богадѣльни, а ужъ къ кластеру братъ и не подходитъ, на понюшку приятеля не позоветъ. Да, впрочемъ, какъ послѣ

сказалось, не гостить мы сюда и пришли... Отбыли на парадъ, на смотрахъ; страшный судъ. картину такую большущую въ одной церкви намъ показывали — да мы и за это имъ заплатили, потому привезли такого человека, котораго бы только къ этой картинѣ на часы поставитъ... Мажора Преображенскаго полка Лучкина... верзила былъ, царство ему небесное—чуть ли не 15 вершковъ... Какъ идетъ, бывало, по улицѣ, такъ бабы, ребятишки и собаки въ подворотню причутся; покупались въ рѣкѣ Матлау—да на диво нѣмцамъ тутъ же на берегу и баню себѣ походную устроили, а потомъ пошли подъ Калнишъ открывать памятникъ, который Государь нашъ поставилъ въ воспоминаніе союза съ нѣмцами.

«Ну, тутъ было на что поглядѣть... Сошлись двѣ гвардіи — наша и нѣмецкая. Вѣстимо, народъ былъ на выборъ и у нихъ, и у насъ. Ужъ кто кого перецеголялъ на шагъ и по фронту, сказать нельзя... Извѣстно, нѣмцы своихъ больше хвалили... А я такъ по совети доложу: ни въ чемъ мы въ эвтомъ дѣлѣ уступитъ имъ не могли, такъ какъ въ тѣ поры въ гвардіи рекрутовъ почти совсѣмъ не было, а если и прибывали новенькіе, такъ ужъ фронтвики первый сортъ, на выборъ изъ лучшихъ людей. Ну и значитъ — сосѣдъ у сосѣда на три четверти интервала — ногу чувствовали, какія значитъ тамъ въ ней мурашки бѣгаютъ... Ктому же наши и ростомъ, и грудью, и видомъ взяли... У нѣмцевъ, какъ я присмотрѣлся, два сорта людей, если высокъ такъ ужъ и тощъ—точно въ длину то въ парникѣ выросли, а коли виденъ, плечистъ, такъ жиренъ, краснолицъ, и брюхо не по чину носитъ... Не знаю, правду ли говорятъ, а я слышалъ, продолжалъ Паррентичъ, будто бы царь Петръ Великій подарилъ ихнему королю то королю сто чело-вѣкъ нашихъ рослыхъ богатыхъ—на разводъ значитъ; однакожъ видно починъ-отъ не совсѣмъ въ прокъ пошелъ... рослыхъ отъ нихъ пронзшло мало, самъ ужъ видѣлъ, за то, говорятъ, съ тѣхъ поръ храбрыхъ у нихъ много...

«Недолго мы побывли въ Калнишѣ, потомъ пошли опять въ Данцигъ, погостили здѣсь немножко, отдохнули какъ Богъ привелъ, распространился съ друзьями и маршъ во свояси—на тѣхъ же корабляхъ... закончили Паррентичъ.

Словомъ, прелебопытный старикъ былъ мой хозяинъ и крайне любилъ молодежь, которую услаждали его рассказы. Не могу хотя въ немногихъ словахъ не записать здѣсь его взгляда на нашу молодую армію, которая дѣйствительно скоро переполнится исключительно зеленымъ юношествомъ.

Паррентичъ разсуждаетъ такъ:

«Ну нѣтъ, говорить, по нашему оно выходитъ не такъ какъ по ихнему, а по ихнему смеаю значить только тотъ и солдатъ, который шерстью обросъ, да умъ разумъ упряталъ въ носокъ. Старый то человекъ вездѣ старый, кровь то въ немъ ужъ больно загустѣла, да и не голами достается отага—отъ Бога она, отъ честнаго памятества присяги... Молодое то пиво по моему ужъ недрозжи—и пѣнистыя и въ носъ бросается. Развѣ и въ былое время, спрошу васъ, не случалось, вводили въ безпардонную жаркую работу цѣлые полки—чуть не изъ ребятъ?... Да-съ, и мы видали виды... Недалеко ходить, вотъ какой случай разскажу вамъ, тоже дѣло это было въ Польскую компанію, у насъ, 1831 года. Какъ теперь вижу въ апрѣлѣ мѣсяцѣ передъ дѣломъ подѣ «Игнацю»—къ намъ подосѣли 13 и 14 егерскіе полки... Чуть не сплошь до одного сформированные изъ ребятъ семнадцати, много осемнадцати лѣтъ, даже и смотрѣть то на нихъ, на первыхъ порахъ жалостливо было; старые то усы и то не хотѣли домекнуть, что они иришли къ намъ верстъ тысячи за полторы — безъ отсталыхъ и свѣженькіе... Значитъ ужъ это въ резонъ слѣдовало бы взять, что не все то молъ на ногу легко — что отъ долгой службы воловьей шкурой обросло. А случилась такая молодежь въ этихъ при-слыхъ полкахъ вотъ почему: въ двадцать девятому году, въ Турецкиѣ, нашъ разлюбезный, богатый полкъ лейбъ-егерскій почитай весь легъ въ одномъ безпардонномъ дѣлѣ. Рядомъ съ нимъ въ турецкиѣ дѣлахъ тогда важно отличались также егерскіе : олки 13 и 14 и въ бозѣ почившій императоръ Николай Павловичъ приказалъ изъ ихъ остатковъ пополнить лейбъ-егерей; ну такимъ манеромъ слѣдовательно 13 и 14 сформировали наскоро и, какъ говорю, почти изъ ребятъ. Э-эхъ, важная выпили ребята! Ладно. Наканунѣ Игнацискаго дѣла и почни эта молодежь подсмѣиваться надъ полкомъ Литовскимъ, который въ тѣ поры крѣпко спасовалъ въ недавнемъ дѣлѣ и, кажись, въ немъ даже знамя потерялъ. Напущенный грѣхъ... Помилюй насъ отъ этого на всегда Господи!

Старикъ взглянулъ на образъ и набожно перекрестился.

— Вѣстимо, продолжалъ онъ, невдержали старые служажы Литовцы, да и говорятъ: «Молоды, молъ больно, зубы то скалить, еще лобъ не обросъ, вѣдь славу то свою вы только въ нумерахъ принесли, а вотъ завтра поглядимъ вашей рыси.

Вѣдь только и падо было чтобы задоръ взялъ молодую кровь Ну, и поглядѣли! Дай Богъ, братцы, и нынѣшнихъ ребятъ вѣкъ такими видѣть.

«Въ самый разгаръ дѣла полякъ успѣлъ у насъ отхватить важное мѣсто, самое селеніе Игнаце — а тамъ и двѣ нашихъ пушки... Вотъ и напустили эту молодежь на выручку... Чудное дѣло! Три батальона ребятъ, переправясь за рѣчку Муравецъ, подѣ картечью, перекрестясь, взяли ружья на руку и

съ завѣтными «ура» рванулись въ атаку 8 польскаго полка, богатыреки сбили его, выгнали изъ селенія и возвратили назадъ два нашихъ орудія... Вотъ они и зеленые, и необстрѣленные... А такихъ-то примѣровъ сотни послушаемъ изъ честныхъ, невхвастливыхъ разсказовъ отъ тѣхъ же пожалуй служаекъ, которые стары лучше новьяки».

«Ну, а про балагуровъ то, и толковать намъ не слѣдъ, заключилъ Парфеньичъ: не до зубоскальства и краснаго слова, когда и перекреститься не лишнее. Да и не видалъ я еще ни разу, чтобы какой нибудь проказникъ помрала со смѣху влѣзая на батарею... Силы, говорятъ, молодые, невыносливы, а какъ отвалеетъ верстъ сотни четыре, на первой поморщится, на второй иной отдохнетъ, а тамъ за привѣчку... Вѣдь и старая то армія не прямо съ койки ходила въ дѣло, вѣдь

и у ней бывали отсталые, да вѣдь эти отсталые все же приходили на смѣну неустальными. А, впрочемъ, Богъ смилуется, мы еще поживемъ, увидимъ, какъ оно будетъ, а сдается — что будетъ, слово вамъ мое не корыстное, не хуже чѣмъ было.

И увидѣлъ я потомъ разъ Парфеньича такъ, какъ онъ здѣсь нарисованъ. Кругомъ, между рядами на базарѣ, обсѣли его ребятки, а онъ досталъ мѣдную пушечку—пороху посыпалъ— «гляди ребята, какъ пальнеги!» Разъ, два, три! Пушечка хлопнула, ребятки вздрогнули, а старикъ стоитъ, смѣется въ бороду, любитъся на ихъ испугъ и удивленіе дѣтское... «Такъ то ребята мы паливали!»

Н. В. — вѣ

Р БАНКАХЪ.

(Окончаніе).

Кто не знаетъ, въ какомъ печальномъ положеніи находится у насъ въ Россіи сельское землевладѣіе, вслѣдствіе отсутствія народнаго кредита. Можно смѣло сказать, что одинъ изъ главныхъ недостатковъ экономической стороны нашего сельскаго населенія, это то, что оно чуждо этого кредита для удовлетворенія своихъ мелкихъ нуждъ и потребностей, гибельнымъ послѣдствіемъ чего является съ одной стороны эксплоатація его комисіонерами, такъ называемыми въ простонародіи «кулаками», которые стараются, при всякомъ удобномъ случаѣ, извлечь пользу изъ своего посредничества, и, такимъ образомъ, приобрѣтаетъ у мѣстнаго населенія сельскіе продукты за бездѣнокъ. По невозможности получить въ данный моментъ ссуду подъ эти продукты и при отсутствіи конкуренціи между потребителями сельскихъ произведеній, эти «обиралы-кулаки», благодаря своему исключительному положенію считаются чуть ли не благодѣтелями крестьянскаго населенія, по крайней мѣрѣ, по собственнымъ нашимъ наблюденіямъ, лица, которыя дѣлаются жертвою этой возмутительной эксплоатаціи, хотя заочно и отзываются о нихъ самымъ неблагоприятнымъ образомъ, наружно оказываютъ имъ свое уваженіе и, по возможности, стараются сохранить съ ними хорошія отношенія, вполнѣ сознавая, что въ противномъ случаѣ, при первой нуждѣ, которая такъ присуща нашему крестьянину, комисіонеръ этотъ самымъ осязательнымъ образомъ даетъ почувствовать ему всю невыгоду дурнаго къ себѣ расположенія. Съ другой стороны, отсутствіе народнаго кредита, при существующей податной системѣ, въ большей части мѣстностей нашей обширнаго отечества, дѣлаетъ крестьянъ неоплатными недонимщиками, напрасно подвергаетъ ихъ стѣсненіямъ и довольно часто влекущимъ за собою окончательное раззореніе цѣлыхъ семей и такимъ образомъ навсегда считающимъ госудаствомъ цѣлыя единицы платежной силы. Учрежденіе сельскихъ банковъ и развитіе ссудосберегательныхъ товариществъ, имѣющихъ уже за собою сочувствіе и помощь какъ со стороны правительства, такъ и нѣкоторыхъ земствъ, по нашему мнѣнію, можетъ вывести крестьянскія общества изъ этого безвыходнаго положенія, парализующаго экономической бытъ крестьянскаго населенія. Народный кредитъ находится у насъ еще въ самомъ зародышномъ состояніи. Такъ, объ учрежденіи сельскихъ банковъ, сколько извѣстно, весьма рѣдко проскальзывала мысль въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ; а если и проскальзывала, то въ большинствѣ случаевъ падала на неблагоприятную почву. Въмѣсто нихъ существуютъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ссудо-сберегательныя товарищества, учреждающіяся или по инициативѣ самыхъ обществъ или же частныхъ лицъ. Возникновеніе перваго ссудо-сберегательнаго товарищества относится къ 1866 году. Въ періодъ времени съ 1866 по 1868 не было учреждено ни одного товарищества; въ 1870 г. ихъ было только 13; за тѣмъ, въ послѣдующіе годы потребность въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ стала прогрессивно возрастать, и къ концу 1874 г. ихъ уже насчитывалось до 500. Къ участию въ этихъ товариществахъ привлечено до 3 мил. человекъ, а такъ какъ сельское населеніе Россіи простирается до 73 мил. то слѣдовательно лишь 1/24 часть всего населенія имѣетъ возможность пользоваться мелкимъ краткосрочнымъ кредитомъ.

При московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства состоитъ комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ

товариществахъ, цѣлью котораго—сбирать отчеты о ихъ оборотахъ, дѣлать сводъ этимъ отчетамъ, исполнять требованія товариществъ, сообщать имъ необходимыя свѣдѣнія и разъясненія, снабжать ихъ книгами и т. п. Но намъ кажется, что свѣдѣнія о дѣятельности этихъ товариществъ недостаточно распространены, что подкрѣпляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что открытіе новыхъ товариществъ въ послѣднее время стало рѣдкимъ явленіемъ. По нашему мнѣнію инициатива этого дѣла должна всецѣло принадлежать земству. Изданный комитетомъ отчетъ даетъ намъ весьма интересныя данныя о дѣятельности даже существующихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Изъ нихъ мы видимъ, что только въ трехъ губерніяхъ, С.-Петербургской, Херсонской, и Лифляндской, учреждены ссудо-сберегательныя товарищества во всѣхъ уѣздахъ, въ другихъ 49 губерніяхъ товарищества не имѣются въ 303 уѣздахъ, а для 30-ти губерній и областей не имѣется даже ни одного утвержденаго устава. Какъ на знаменательный фактъ укажемъ здѣсь на Владимирскую губернію, въ которой земство какъ-бы игнорируетъ пользу существованія ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ смыслѣ поднятія народнаго благосостоянія и развитія сельскаго хозяйства, торговли промышленности. Въ ней нынѣ вовсе ссудо-сберегательныхъ товариществъ и какъ видно изъ отчета комитета. Владимирская земская управа объясняетъ это отсутствіе товариществъ «недобросовѣстностью, значительно развитою въ рабочихъ артеляхъ и не разъ уже обнаружившимся растратами со стороны разныхъ лицъ сельскаго управленія, такъ какъ не мало было случаевъ, что волостные старшины очень безцеремонно обращались съ мірскими суммами». Насколько это объясненіе цѣлесообразно можетъ судить всякій близко знакомый съ подобными учрежденіями и мы полагаемъ, что остальные земства не послѣдуютъ примѣру Владимирскаго земства и такимъ образомъ не будутъ намѣренно парализировать развитіе народнаго кредита. Нижеслѣдующія цифры могутъ служить достаточнымъ подкрѣпленіемъ высказанныхъ нами соображеній. Обороты по приходу и расходу 333 товариществъ доставившія свои отчеты комитету, составляли въ 1874 году до 15.000.000 р.; въ теченіе года было выдано ссудъ до 5% милліоновъ; паевыхъ денегъ поступило до 600.000 и вкладовъ толѣе 500.000. Къ концу отчетнаго періода состояло: паевъ 1.115.000 р. запаснаго капитала 47.000; основнаго капитала 30.000; вкладовъ 672.000; выдано ссудъ на 2.545.000 р.; чистой прибыли получено 193.000. Въ отчетѣ комитета не упоминается ни объ одномъ случаѣ растраты мірскихъ денегъ, чего такъ опасается Владимирское земство

Въ заключеніе нашей замѣтки приведемъ перечень существующихъ въ Россіи кредитныхъ учрежденій. Государственный банкъ, 50 его конторъ и отдѣленій; польскій банкъ, 7 его отдѣленій, 2 ссудныя казны, главное учрежденіе акціонерныхъ банковъ; коммерческаго кредита 39, отдѣленій до 49, недвижимаго кредита 11; кредитныхъ обществъ, основанныхъ на взаимности и круговой порукѣ: сельскаго долгосрочнаго кредита 5, краткосрочнаго кредита 46, городскаго долгосрочнаго кредита 7, городскихъ общественныхъ банковъ 234, ссудо-сберегательныхъ товариществъ 437, городскихъ сберегательныхъ кассъ при государственномъ банкѣ 65, отдѣленій ихъ 8, а всего 961 кредитное установленіе.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Морское дѣло.

— Изъ вѣдомости судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе на внутреннихъ водныхъ путяхъ Россіи, въ періодъ времени отъ 1869 до 1872 года, приложенной къ всеподданнѣйшему отчету министра путей сообщенія и на-

печатанной въ пятой книжкѣ «Журнала Министра Путей Сообщенія», видно, что мѣсто крушенія обнимаетъ 58 рѣкъ и озеръ. Крушенія подраздѣлены на три отдѣла: 1) поврежденія и постановка на мель, 3) сгорѣвшія суда и 3) суда, затонувшія отъ разныхъ причинъ. Наибольшее число приходит-

ся на долю затонувшихъ, что свидѣтельствуетъ какъ о недоброкачественности судовъ, такъ и о неудовлетворительности водныхъ путей сообщенія, а также и о неопытности и плохомъ знакомствѣ съ дѣломъ нашихъ судоуправителей. Число всѣхъ судовъ, въ томъ числѣ и парохозовъ, потерпѣвшихъ крушеніе

въ 1869 году, простирается до 227 штук (на долю пароходовъ приходится 9 случаевъ), въ 1870 году число это нѣсколько меньше, а именно—доходить только до 204, изъ коихъ на долю пароходовъ приходится 15 случаевъ; но въ 1871 и въ 1872 годахъ число судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе на внутреннихъ водахъ Россіи, значительно больше; такъ, въ 1871 г. потерпѣло крушеніе 431 судно (въ этомъ числѣ 14 пароходовъ), а въ 1872 году число ихъ возрастаетъ уже до 556, при 26 случаяхъ крушенія паровыхъ судовъ. Такимъ образомъ оказывается, что число случаевъ крушеній судовъ на внутреннихъ водахъ Россіи годъ отъ году увеличивается; къ сожалѣнію, въ настоящее время не имѣется еще точныхъ свѣдѣній о числѣ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ послѣдніе три года; но, какъ слышно, число ихъ также весьма значительно.

Средне-азиатскія дѣла.

— Изъ Ташкента, отъ 3-го января, извѣщаютъ, что въ Наманганѣ и окружающихъ мѣстностяхъ все спокойно. Генералъ-майоръ Скобелевъ, при переправѣ черезъ Нарымъ, не встрѣтилъ сопротивленія. Палковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, производя рекогносцировку по андижанской дорогѣ, былъ встрѣченъ жителями Сырмака ружейными выстрѣлами, началъ на него стрѣлять и разбить его, причемъ на мѣстѣ осталось 50 неприятельскихъ труповъ. Въ половинѣ января предполагается сдѣлать рекогносцировку къ верховьямъ Зеравшана.

Петербургъ и Москва.

— По словамъ «Journal de St.-Petersbourg», вновь назначенный, на мѣсто принца Рейскаго, германскій посолъ при с.-петербургскомъ дворѣ генералъ-лейтенантъ баронъ Швейницъ прибываетъ въ Петербургъ не ранѣ февраля мѣсяца.

— Газеты передаютъ изъ вполнѣ достовернаго источника, что баронъ Штиглицъ пожертвовалъ 1 милл. руб. на устройство технической рисовальной школы при Соляномъ городкѣ.

— На дняхъ, какъ передаетъ газета «Русск. Миръ» состоялось окончательное разрѣшеніе давать театральныя представленія, въ здѣшнихъ Императорскихъ театрахъ, въ теченіе нынѣшняго великаго поста, за исключеніемъ первой и послѣдней недѣли. Распоряженіе это, безъ сомнѣнія, вполнѣ отвѣчаетъ общественной потребности и потому будетъ встрѣчено публикою съ большимъ сочувствіемъ.

На нынѣшній разъ это разрѣшеніе не коснется итальянской оперы, вѣроятно, потому, что дирекція не успѣла заключить контрактовъ съ иностранными артистами; легко можетъ статься, что также причина не позволитъ продолжать сезона и въ здѣшнемъ французскомъ театрѣ.

Народное образованіе.

— Изъ Омска пишутъ въ «Сибирь», что генералъ-губернаторъ Западной Сибири въ настоящее время особенно работаетъ надъ проектомъ сибирскаго университета и старается окончить его къ январю, т. е. ко времени своего отъѣзда въ Петербургъ. Университетъ предполагается открыть съ четырьмя факультетами. Учительскій институтъ въ Омскѣ надѣются открыть въ будущему курсу.

Проклествія.

— Спѣшу сообщить вамъ подробности ужасной катастрофы, говорить корресп. «Русск. Мира» случившейся на одесско-киевской желѣзной дорогѣ, — это несчастіе служить предметомъ толковъ всего нашего общества. Изъ Кіева шелъ поѣздъ въ Одессу, исключительно наполненный новобранцами послѣдняго призыва, въ числѣ 500 человекъ;

ночью 24 декабря, наканунѣ праздника, этотъ поѣздъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи «Бирзула», проходилъ черезъ насыпь, выстроенную въ 14 сажень, сошелъ съ рельсовъ—и всѣ вагоны слетѣли въ пропасть. При паденіи, топившіяся печки въ нѣкоторыхъ вагонахъ перевернулись и произвели пожаръ. Сначала въ первое время говорили, что изъ 500 человекъ остались невредимыми только 7 человекъ; что большинство убиты;—немногіе только сильно поранены; что 30 человекъ совершенно не отсканы. Предполагали, что, при пожарѣ вагоновъ, эти 30 человекъ сгорѣли въ вагонахъ. И вагоны, и локомотивъ разбиты въ щепы. Трудно себѣ вообразить что нибудь ужаснѣе: массу изуродованныхъ, обезображенныхъ человѣческихъ тѣлъ привезли въ Одессу, гдѣ на первыхъ порахъ даже негдѣ было дать пріютъ и помочь раненымъ, такъ какъ пассажирскій вокзалъ въ Одессѣ «Куликово поле», въ ту же роковую ночь съ 24 на 25 декабря, за исключеніемъ почтового отдѣленія, сгорѣлъ до основанія.

Общій христіанскій праздникъ 25 декабря въ Одессѣ, ознаменовался желѣзнодорожною катастрофою, которая займетъ одну изъ мрачныхъ страницъ въ исторіи филантропическихъ стремленій нынѣшняго вѣка. Въ тѣчасы, когда народъ стекался въ соборы и торжественное пѣніе возбуждало религиозныя чувства, на долю одесситовъ выпали не менѣе сильныя ощущенія около станціи «Куликовополе», только другаго характера—это стоны страданій 54 молодыхъ новобранцевъ, несчастныхъ жертвъ крушенія вагоновъ за Бирзулою. Въ виду разныхъ толковъ объ этомъ происшествіи, въ особенности-же относительно числа пострадавшихъ, я въ короткихъ словахъ сообщу вѣрныя свѣдѣнія, имѣющіяся официально. Прежде всего нахожу нужнымъ сказать, что вслѣдъ за извѣстіемъ о прибывшихъ раненыхъ въ Одессу, не теряя ни одной минуты, прямо изъ собора (это было въ 11½ ч. во время обѣдни) отправились на станцію «Куликово поле»: командующій войсками, начальникъ окружнаго штаба и военно-медицинскій инспекторъ со всѣми старшими врачами одесскаго гарнизона, а равно тотчасъ-же прибыли туда фельдшеръ съ переносочными вещами и носилками изъ склада общества попеченія о раненыхъ; туда-же явилась команда нижнихъ чиновъ, кареты и сани, число которыхъ, благодаря вниманію командующаго войсками, было таково, что въ каждую карету помѣщали не болѣе двухъ большихъ. Четыре вагона 3-го класса, наполненныхъ ранеными и ушибленными новобранцами, стояли около самой станціи. Отодвинувъ вагоны отъ дыму и огня назадъ, приступили къ осмотру привезенныхъ жертвъ. Оказалось, что изъ числа 54 были весьма тяжкія поврежденія у 16 (осложненные переломы, контузіи въ голову, грудь и проч.); а 38 новобранцевъ пострадали слегка и по выздоровленіи будутъ совершенно годны къ службѣ. Двое почти безнадежны. Нужно отдать полную справедливость и благодарность доктору и фельдшеру, сдѣлавшимъ первоначальную помощь — перевязку раненымъ; лучшаго и требовать нельзя по условіямъ обстановки на мѣстѣ крушенія. Теперь предстоитъ задача — вынести чрезъ узкія двери вагоновъ раненыхъ и помѣстить ихъ въ кареты, сани и на носилки; однако-же, вся эта сложная процедура самымъ осторожнымъ образомъ была окончена въ теченіе одного часа, такъ что въ 3 часа пополудни, всѣ уже большіе разлѣзены были по военнымъ лазаретамъ (въ 5-ти лазаретахъ), а въ 12 час. ночи, благодаря усердію врачей, были окончены всѣ самыя сложныя работы. Нѣкоторые изъ легкѣйшихъ больныхъ уже и выписываются; одинъ съ раздробленіемъ костей всей ноги на третій-же день умеръ.

Кромѣ этихъ 54 человекъ, пострадавшихъ отъ крушенія, 66 чел. убито на мѣстѣ ка-

тастрофы, такъ что изъ всей партіи въ 410 человекъ осталось здоровыми въ Бирзулѣ 290 новобранцевъ; они должны слѣдовать въ Бессарабію на пополненіе 14-й дивизіи, но, какъ слышно, свѣжные заносы не позволяютъ имъ двигаться дальше, и потому впродъ до открытія пути они расквартированы по деревнямъ около Бирзулы.

О Сибирской желѣзной дорогѣ.

Послѣ долгихъ споровъ и ожиданій, послѣ оживленныхъ преній какъ въ административныхъ сферахъ, такъ и въ публикѣ, вопросъ о направленіи сибирской желѣзной дороги былъ рѣшенъ. Принявъ въ принципѣ южное направленіе, Министерство Путей Сообщенія трудится теперь надъ разсмотрѣніемъ его частностей. Какъ передаютъ газеты, съѣздомъ министерствъ постановлено вести дорогу по нагорному берегу Волги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшено г. министру путей сообщенія, въ случаѣ надобности, миновать Казань и провести къ ней соединительную вѣтвь. Пользуясь этимъ правомъ, министерство путей сообщенія проектируетъ сибирскую дорогу черезъ Спаськъ, въ видахъ сокращенія пути и пересѣченія въ этомъ мѣстѣ Волги и Камы; отъ Спаська же къ Казани предполагается сдѣлать вѣтвь. Такимъ образомъ казанцамъ предстоитъ опасность все таки остаться безъ транзитнаго пути! Далѣе линія пойдетъ, какъ говорятъ, по лѣвому берегу Камы и подойдетъ къ Николо-березовской пристани.

С.-Петербургская биржа.

19-го января 1876 г.

	Покупатели.	Продавцы.	Продано.
Полуимперіалы 6 29½	—	—	—
Дисконты 6½ и 7½	—	—	—
4% мет. б. гос. б.	—	—	—
февральскіе. 150 д.	—	—	—
августовскіе. 120	—	—	—
5% бил. гос. б. 1 в. 100	100¼	—	100¼
» » » » 2 » 99½	100	—	100,99½
» » » » 3 » 100	—	—	—
5% внутр. съ выигр.	—	—	—
заемъ 1864 г. 221	221¾	—	221½, 221
» внутр. съ выигр.	—	—	—
заемъ 1866 г. 220	221	—	—
» выкуп. свѣдѣт.	—	—	—

ПОЧТОВЫЕ ЯЩИКЪ.

1) Полковнику Ян — въ, въ Кишиневѣ. Причитающийся вамъ гонорарій за рисунокъ и статью высланъ сего 13-го января. По неясности сообщеннаго вами адреса, редація находится въ сомнѣніи относительно доставленія денегъ по назначенію. Въ случаѣ полученія — увѣдомьте.

2) Г-ну В. А. Н., въ Москвѣ. Предполагая, что отпраляясь на выставку, Вы, посетите Петербургъ, просимъ зайти въ контору редакціи для личныхъ переговоровъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Николай Ивановичъ Гнѣдичъ (съ портретомъ). — Кто лучше? Изъ очерковъ кавалерійской жизни. (Посвящается другу моему Идѣ Янковичу Штраленкому). Всеволодъ Крестовскій (продолженіе). — Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повѣсть Э. Марлитта. Всемирная выставка въ Филадельфіи (съ 5-ю рисунками). Billet-doux (любовн. письмо) (съ рисункомъ). — Старый солдатъ (изъ военныхъ очерковъ) (съ рисункомъ). Н. Б.—въ. — Юмористическіе очерки (съ рисункомъ). — Шахматы. — О банкахъ. — Разныя извѣстія. — Почтовый ящикъ. — Прибавленіе. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ (Босвъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12.

Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской.

№ 12.

Получаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то 1/2% комиссіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложеныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и не-рекладируемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинцій могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги, внесенныя:

- на текущій счетъ 6%
- на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
- на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Июля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Напиталь, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленію за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то комиссіи.

Вкладчики изъ провинцій, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ прислать по почтѣ и имя высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обонхъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногородныхъ по 50 коп.

Отъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ провинціи, контора, по прежнему, принимаетъ перестраховку принятыхъ или на страховку билетовъ. Объ условіяхъ обратиться къ конторѣ.

Продаетъ билеты 5% съ выигрышами обонхъ займовъ съ разсрочною платжею по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ.

приметь могущій участъ, со времени полученія конторою задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежить покупателю.

Порученія изъ провинцій исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности. 5—1

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карлъ

Баухъ,

жительствующій по Большой Морской, домъ Росмана №: 9,

приготавливаетъ искусственные зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. 6—1

СИБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ КАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рувльковіуса и Гольма, въ Казанской, на углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у Полицейскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6—2

26-7

„НИВА“ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Каждый годъ «Нивы» заключаетъ въ себя 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч., и около 300 рисунковъ въ каждомъ въ томѣ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома «Нивы» за прошлые года—имѣетъ право на получение всѣхъ къ нимъ приложенныхъ бесплатныхъ премій (Эти пять томовъ «Нивы» составляютъ самый лучшей подарокъ къ Елѣѣ). Покупатели «Нивы» 1875 года получаютъ обѣ преміи: Смерть Юлія Цезаря и Мадонна въ совершенно хорошемъ видѣ, въ картонномъ футлярѣ.

Цѣна каждому тому, т. е. годовому изданію:

Брошюрованному:	Въ простомъ переплетѣ:	Въ колѣноровомъ переплетѣ съ золотомъ.
Безъ пересылки 4 р.	4 р. 60 коп.	5 р. 50 коп.
Съ пересылкою 5 ,	5 > 60 >	6 > 50 >
Желающіе выписать заразъ всѣ пять лѣтъ: 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 «НИВЫ» пользуются уступкой 25% съ цѣны изданія (но не съ цѣны за пересылку и за переплетъ) и выслаютъ за всѣ пять томовъ:		
Брошюрованныя:	Въ простомъ переплетѣ.	Въ колѣноровомъ переплетѣ.
20 руб.	23 руб.	27 руб. 50 коп.

Годъ

НАСТОЛЬНАЯ

шестой

ПРИХОДОРАСХОДНАЯ КНИГА И КАЛЕНДАРЬ

на 1876 годъ.

Послѣ отчетливо напечатанныхъ свѣтцевъ и особо табельныхъ дней заключаетъ въ себя раздѣльныя на графы листы съ заготовками всевозможныхъ предметовъ ежедневнаго расхода, въ которыхъ остается вставлять только цифры. Книга для удобства хозяйвъ и хозяйекъ приспособлена такъ, что итоги каждаго дня помѣщаются рядомъ, одинъ послѣ другаго, и тѣмъ даютъ возможность ежедневно проверять свои расходы, а въ концѣ лѣткою образуются итоги мѣсячныхъ расходовъ. По простотѣ изложенія и по практичности своей, книга эта необходима для каждаго желающаго правильно вести свое хозяйство и тѣмъ соблюсти свою экономію. Цѣна 30 коп., въ накѣ 45 коп. и въ изданіи колѣн. перепл. 70 коп.; съ перепл. прошор. 1 экз.—45 коп.; 6 экз.—2 р. 10 к., 10 экз.—3 руб. 20 коп. На перепл. экземпляра въ накѣ и въ переплетѣ предлагается всевозможныхъ разстоянію за одинъ фунтъ. Иногороднымъ книгопродавцамъ дѣлается значительная уступка. Адресъ издателя, П. А. Александрова: въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Почтамта, востѣ арки, входъ подъ воротами, кв. № 32. Также продается у книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы и въ бумажныхъ лавкахъ. 2—1

СБМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовыя инструменты предлагать гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ

вновь открытая СБМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

А. Ушакова

въ С.-Петербургѣ, Большая Коношечная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же.

Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно. 6—1

Редакція журнала «Природа и люди» по обстоятельству, отъ нея совершенно независящимъ, вынуждена отказаться отъ своего изданія, не смотря на заготовленный уже литературный и художественный матеріаль, на значительныя затраты и успѣшную подписку.

Подписчики могутъ получить деньги обратно въ мѣстахъ подписки. 3—3

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менглена. 50—28

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—2

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. Franco Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes. 10—5

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
 Выданъ 2 Февраля 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всея другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
 Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшія №№ въ 1876 году.

Николай Михайловичъ Языковъ.

Извѣстный русскій поэтъ Николай Михайловичъ Языковъ родился въ Симбирскѣ въ началѣ 1803 года. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, будущій поэтъ на двѣнадцатомъ году жизни былъ отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ Горный Корпусъ. Пробывъ въ немъ шесть лѣтъ но безъ особенно хорошихъ результатовъ, такъ какъ не имѣя способности къ изученію математики онъ не могъ окончить курса, молодой Языковъ проведя нѣблизь годъ безъ опредѣленныхъ занятій и занимаясь писаніемъ весьма слабыхъ стиховъ, только въ 1822 году благодаря совѣтамъ и настоянію А. Θ. Воейкова, видѣвшаго въ немъ зародыши таланта, снова сталъ заниматься и въ томъ же году поступилъ въ Дерптскій университетъ.

Заручившись рекомендательными письмами, Николай Михайловичъ тотчасъ по прибытіи въ Дерптъ, воспитанный имъ впоследствии, сошелся съ русскимъ юношествомъ, которое въ то время со

Николай Михайловичъ Языковъ. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

всѣхъ концевъ стекалось въ древній Юрьевъ оканчивать свое образованіе. Окруженный хорошими товарищами, онъ въ то же время посѣщая весьма аккуратно университетскія лекціи, занимался поэзіей и нѣсколько его стихотвореній, написанныхъ въ первое время пребыванія его въ Дерптѣ, обратили на себя вниманіе нашихъ свѣтилъ—Пушкина и Жуковскаго, который при посѣщеніи проездомъ Дерпта обласкалъ молодого поэта, воодушевивъ и ободривъ на дальнѣйшую дѣятельность.

Стихотворенія написанныя Никол. Михайловичемъ Языковымъ въ періодъ его университетской жизни можно назвать самыми лучшими. Первыми были напечатаны стихотворенія «Моя родина», «Къ А. М. Языкову», и «А. И. Очкину» еще въ 1822 году и обратили на себя всеобщее вниманіе, какъ по гладкости, мягкости и въ то же время звучности слога, такъ и по полнотѣ эстетическаго чувства, которое проявлялось болѣе или менѣе во всѣхъ

его произведенийъ этого періода. Въ это время Языковъ воспѣвалъ со свойственнымъ ему жаромъ и чувствомъ дружбу, женщинъ, вино.

Приглашенный Пушкинымъ въ свое имѣніе Михайловское и проведя у него цѣлое лѣто, Языковъ по возвращеніи въ Дерптъ написалъ извѣстное стихотвореніе «Тригорское», заслужившее похвалы всѣхъ русскихъ поэтовъ, читателей и критиковъ того времени.

По мѣрѣ того какъ развивался Николай Михайловичъ самъ, крѣпъ и его талантъ; легкія и живыя строфы замѣнялись болѣе серьезными, хотя богатство мысли и серьезность иногда и шли въ ущербъ красотѣ и гладкости формы.

Полный энергіи, свѣжести и эстетическаго чувства, Н. М. Языковъ, въ университетскій періодъ, послѣ проведеннаго лѣта у Пушкина, какъ бы сталъ сознать всю пустоту своей жизни въ Дерптѣ съ ея пирунками, волокитствомъ и неясными стремленіями къ чему-то и выразилъ свой взглядъ на проведенное имъ время въ древнемъ Юрьевѣ въ слѣдующихъ строкахъ, обращенныхъ къ родинѣ, куда онъ собирался отправиться въ половинѣ 1829 года.

Тамъ, вольной родины пѣвецъ
Я просвѣтлѣю жизнью новой
И гордо брошу свой лавровый
Виномъ забрызганный вѣнецъ.

Пробывъ шесть лѣтъ въ Дерптскомъ университетѣ, Николай Михайловичъ, не кончивъ въ немъ курса, переѣхалъ въ Москву, гдѣ и прожилъ безвыѣздно до 1832 года.

Москва, умѣя цѣнить таланты, встрѣтила весьма хорошо появленіе въ ней молодого поэта и съ материнскимъ и чисто русскимъ чувствомъ приглубила его какъ за его личныя достоинства такъ и потому, что молодой Н. М. Языковъ былъ другомъ Пушкина, Баратынскаго и Дельвига. Окруженный друзьями, обеспеченный въ матеріальномъ отношеніи, Николай Михайловичъ поступилъ было на службу, но прослуживъ всего два года, вышелъ въ отставку, желая быть свободнымъ, чтобы предаться любимой имъ литературѣ. Къ этому періоду относятся изъ лучшихъ его стихотвореній: «Весенняя ночь», «Пожаръ» «Поэту». Въ послѣднемъ онъ, воспѣвая въ началѣ вдохновеніе, мысль и призваніе поэта, какъ бы поддерживая свое отчужденіе отъ службы и почестей, заканчиваетъ стихомъ.

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ —
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отираетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ:

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

ПОВѢСТЬ
Э. Марлита.
(Продолженіе).

Подойдя къ шкафу, коммерціи совѣтникъ какъ только могъ безшумно, осторожно совсѣмъ открылъ желѣзную дверцу—и, заглянувъ во внутрь шкафа, успокоился: все было на мѣстѣ, никто не дотрогивался до мѣшковъ съ деньгами, даже блестящіе столбики золотыхъ монетъ, въ нѣсколько этажей, стояли, какъ и прежде, въ порядкѣ, возлѣ пачекъ цѣнныхъ бумагъ. Нѣсколько удивленными глазами онъ быстро пробѣжалъ бумагу, которую, незадолго передъ тѣмъ, вслѣдствіе весьма понятнаго волненія, торопливо сунулъ въ одно изъ безукоризненно-прибранныхъ отдѣленій желѣзной сокровищницы. Это была опись всего имуществва мельника. Ну, и какія же почтенныя, солидныя суммы значились въ этомъ инвентарѣ...

Коммерціи совѣтникъ сложилъ бумагу и уже протянулъ руку, чтобы аккуратно приобщить этотъ документъ къ прочимъ, но тутъ задѣлъ рукавомъ одинъ изъ золотыхъ столбиковъ. Наполеондоры, звена и постукивая, покатались по полу. О, что за мерзкій, отвратительный звукъ!.. Да, онъ дотронулся до чужихъ денегъ... Отъ испуга и незаслуженнаго, невольнаго стыда кровь хлынула ему въ лицо, однако онъ сейчасъ же нагнулся, чтобы собрать монеты, и въ ту же минуту почувствовалъ на себѣ тяжелое, массивное тѣло, которое грузно навалилось на него сзади... Чьи-то жесткіе, грубые пальцы такъ и впились въ шею коммерціи совѣтника.

Въ 1831 году Языковъ впервые почувствовалъ припадки той болѣзни, которая послѣдствіемъ свела его въ могилу, и въ скоромъ времени сталъ серьезно лечиться, переселился въ деревню, гдѣ и прожилъ около 8 лѣтъ, какъ бы давая отдыхъ своей музѣ. Чувствуя тебя все хуже и хуже, Николай Михайловичъ по совѣту докторовъ въ 1838 году принужденъ былъ отправиться за границу. Но ни купанья въ Ниццѣ, ни опытность и искусство нѣмецкихъ докторовъ, ни воздухъ Рима—нисколько не помогли ему и онъ возвратился въ Москву такимъ же больнымъ, какимъ оставилъ ее 5 лѣтъ тому назадъ. Но и заграницею не смотря на страданія, выдавались счастливые дни, когда болѣзнь уступала искусству врачей и цѣлѣбному дѣйствию водъ. Тогда изнывающій въ тоскѣ по родинѣ поэтъ принимался снова за перо.

Къ числу произведеній того времени относится его знаменитое стихотвореніе «Къ Рейну» — въ которомъ не смотря наглядывающаго тоска по родинѣ, воспоминанія о родной Волгѣ, на которой онъ провелъ первые молодые дѣтскіе годы. Сравнивая Рейнъ съ Волгой, Языковъ говоритъ.

Я волжанья: тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты о ней?
Великъ, прекрасенъ ты, но Волга больше, краше
Великолѣпнѣе, полнѣй.
И глубже, быстрая и шире, голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ
Когда поднимется погодка верховая
И бѣлый валъ заговорить...

По возвращеніи въ Москву въ августѣ 1843 года, Н. М. Языковъ сталъ лечиться у русскихъ докторовъ, и благодаря искусству своего товарища по университету, профессора Иноземцова, скоро поправилось настолько, что снова былъ въ состояніи писать. Долговременная и серьезная болѣзнь вполне измѣнила направленіе его музы и въ Языковѣ уже неосталось и слѣда, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ «голосистаго пѣвца хмѣля, прелести суеты, пѣвца вина, дружбы» и т. д., а напротивъ вмѣсто игривыхъ и разудалыхъ пѣсень и дружескихъ посланій, творенія его принялъ болѣе важный и торжественный характеръ и спокойный величавый тонъ. «Землетрясеніе», «Самсонъ» и другія стихотворенія выказали силу его таланта. Но къ сожалѣнію, ихъ было весьма немного.

Но несмотря на кратковременную помощь, которую былъ въ состояніи подать Николаю Михайловичу профессоръ Иноземцевъ, здоровье его все болѣе и болѣе разстраивалось, а сильная простуда, которую онъ схватилъ около Рождества 1846 года, докончила сразу его тихо-увядающую жизнь. Н. М. Языковъ умеръ 26-го декабря 1846 года, на 41 году жизни.

— Га! Него—дѣй! Мошен—никъ! Я... еще живъ! прошипѣлъ какимъ-то страннымъ, замирающимъ голосомъ „замковый“ мельникъ.

На нѣсколько секундъ завязалась борьба. Стройный, крѣпкой молодой человекъ долженъ былъ однако употребить всю свою силу, воспользоваться гибкостью тѣла, чтобы стряхнуть со спины старика, который, какъ пантера, хищнически сидѣлъ на ней и такъ сильно сдавливалъ ему горло, что изъ глазъ коммерціи совѣтника посыпались искры... Но вотъ онъ крѣпко, хотя и осторожно, схватилъ обѣими руками мельника за бока, сильно двинулъ его назадъ и—высвободился, всталъ на ноги. Старикъ, прислонившись къ стѣнѣ, пошатывался.

— Вы съ ума сошли, папа?! хриплымъ голосомъ и задыхаясь презиенъ коммерціи совѣтникъ, возмущенный до глубины души... Какъ это безгранично-пошло!.. Какъ это...

Онъ умолкъ въ ужасѣ... Лицо старика становилось все бѣлѣе и бѣлѣе, а повязка на шеѣ вдругъ сдѣлалась совсѣмъ алой. Эта страшная краска съ замѣчательною быстротой расплывалась по бѣлой фуфайкѣ, она уже легла на ней широкою лентой... Вотъ и кровоизліяніе! А вѣдь *этого* никоимъ образомъ не слѣдовало допускать...

Коммерціи совѣтникъ ощутилъ лихорадочную дрожь, зубы у него застучали... Повиненъ-ли онъ въ такомъ

несчастномъ случай?.. Нѣтъ! Положительно не виновать!.. проговорилъ онъ однѣми губами и, облегчивъ себя этимъ, торопливо охватилъ руками больного, чтобы помочь ему дойти до кровати. Старикъ грубо оттолкнулъ его и молча указалъ на полъ—на разбросанныя монеты. Нечего дѣлать—пришлось собрать всѣ деньги и положить ихъ на старое мѣсто. Должно быть, больной не подозрѣвалъ, въ какой находился онъ опасности, а, пожалуй, трясаясь за свои деньги—забылъ о только что совершенной операціи, забылъ все на свѣтѣ!.. Когда коммерціи совѣтникъ заперъ шкафъ и сунулъ ключъ въ руку старика—мельникъ кое-какъ самъ побрелъ въ свою комнату, дошелъ, шатаясь, до кровати и упалъ на нее.

Наконецъ, послѣ многократнаго зова, прибѣжали два работника съ мельницы и сударыня-Суза, а хозяинъ лежалъ уже вытянувшись. Глаза его, какіе-то стеклянные, почти какъ у мертвеца, глядѣли неподвижно на грудь, по которой неудержимо все шире и шире разливалась жизненная влага, окрашивая фуфайку въ темно-красный цвѣтъ.

Батраки поспѣшили въ городъ за докторомъ Брукомъ. Экономка живо притащила воды и нѣсколько тряпокъ... Напрасно она потрудилась! Коммерціи совѣтникъ не успѣвалъ мѣнять платковъ: онъ накладывалъ ихъ на рану, что унять кровотеченіе, прижималъ наложенный платокъ—все тщетно: кровь струилась также быстро, остановить ее было нельзя... Порвалась артерія—это навѣрно, нечего и сомнѣваться. Однако, какъ же это случилось?..

Виновать-ли только самъ мельникъ, который такъ безразсудно взволновался, надорвалъ себя, или же—(тутъ замерло сердце коммерціи совѣтника) *виною всему онъ?*.. Быть можетъ, во время отчаянной борьбы ему пришлось схватить озлобившагося больного за шею и, такимъ образомъ совершенно разбередить рану?.. Очень возможно... Гдѣ же упомнить всѣ движенія въ схваткѣ?.. Человѣка душатъ, искры у него изъ глазъ сыплются—развѣ онъ можетъ сказать, куда именно вцѣпился рукой—въ плечо или въ шею нападающаго?.. Впрочемъ, зачѣмъ же предполагать такую ужасную случайность?.. Вѣдь старикъ спрыгнулъ съ кровати, бѣшеная злоба душила его... Что жъ, не достаточно ли этого одного, чтобы довести себя до такого отчаяннаго положенія?.. Докторъ не даромъ же запретилъ ему дѣлать какое-либо рѣзкое, быстрое движеніе... Нѣтъ! О, нѣтъ! снова беззвучно воскликнулъ коммерціи совѣтникъ... Совѣсть его чиста, спокойна; ни малѣйшаго упрека не могъ онъ сдѣлать себѣ даже относительно главнаго побужденія и послѣдующихъ своихъ дѣйствій, приведшихъ къ такому страшному происшествію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ подошелъ къ шкафу, единственно заботясь только объ интересахъ старика, съ цѣлью охранить его собственность; въ то время у него и желанія даже не было обладать сокровищемъ въ шкафу—это онъ хорошо помнилъ. Виновать ли онъ въ томъ, что у этаго гнуснаго хлѣбнаго барышника такая пошлая натура, что онъ готовъ даже въ завѣдомо честномъ человѣкѣ видѣть воровскія наклонности?..

Страхъ и отчаяніе мало по малу оставили коммерціи совѣтника. Теперь онъ чувствовалъ только раздраженіе... Да, вотъ и награда за всѣ его любезности, деликатности, добросердечіе,—качества, такъ цѣнимыя его знакомыми!.. Онъ и прежде поступалъ такъ, и теперь сердце натолкнуло его принять на себя обязанности, исполненіе которыхъ повлекло за собою однѣ неприятности... Оставаться бы ему дома, сидѣть въ своей очаровательно-уютной гостинной, за карточнымъ столомъ, да покуривать всласть добрую сигару, пребывая въ безмятежномъ спокойствіи!.. Такъ нѣтъ же: его злой геній шепнулъ ему принять на себя роль нѣжно-заботливой сидѣлки—и вотъ, онъ очутился въ сквернѣйшемъ

положеніи... Руки его вздрагиваютъ отъ отвращенія и ужаса, онъ заливъ кровью этого презрѣннаго человѣка, который чуть было не задушилъ его!..

Мучительно-медленно тянется время!.. „Замковый“ мельникъ теперь, какъ видно, сознавалъ уже, какой опасности подвергъ онъ себя. Неподвижно лежалъ старикъ, только глаза его, выражающіе испугъ, ворочались и каждый разъ останавливались на двери, когда до его слуха долѣталъ шумъ шаговъ въ передней—страхъ и волненіе овладѣвали имъ тогда. Онъ ждалъ врача, онъ надѣялся, что тотъ его спасетъ, но коммерціи совѣтникъ видѣлъ (къ ужасу своему), какой отѣнокъ принимало лицо больного: только рука смерти накладываетъ такого пепельно-сѣраго цвѣта краску на лобъ и щеки страждущаго.

Сударыня-Суза принесла зажженную лампу. Старуха нѣсколько разъ выбѣгала за ворота посмотреть—не ѣдетъ ли докторъ. Теперь она стояла у изголовья постели и тряслась въ безмолвномъ ужасѣ при видѣ такой картины, ярко освѣщенной бѣловато-желтымъ огнемъ лампы.

Прошло нѣсколько минутъ—и глаза „замковаго“ мельника закрылись; ключъ, который онъ держалъ въ судорожно сжатомъ кулакѣ—упалъ на одѣяло. Старикъ былъ въ обморокѣ.

Коммерціи совѣтникъ невольно схватилъ выпавшій ключъ, чтобы положить его куда нибудь—и въ то мгновеніе, когда онъ коснулся пальцами этого роковаго, холоднаго кусочка желѣза—новая мысль молніей блеснула въ его головѣ, мысль, поразившая его какъ бы громовымъ ударомъ... А какъ свѣтъ посмотреть на этотъ несчастный случай?..

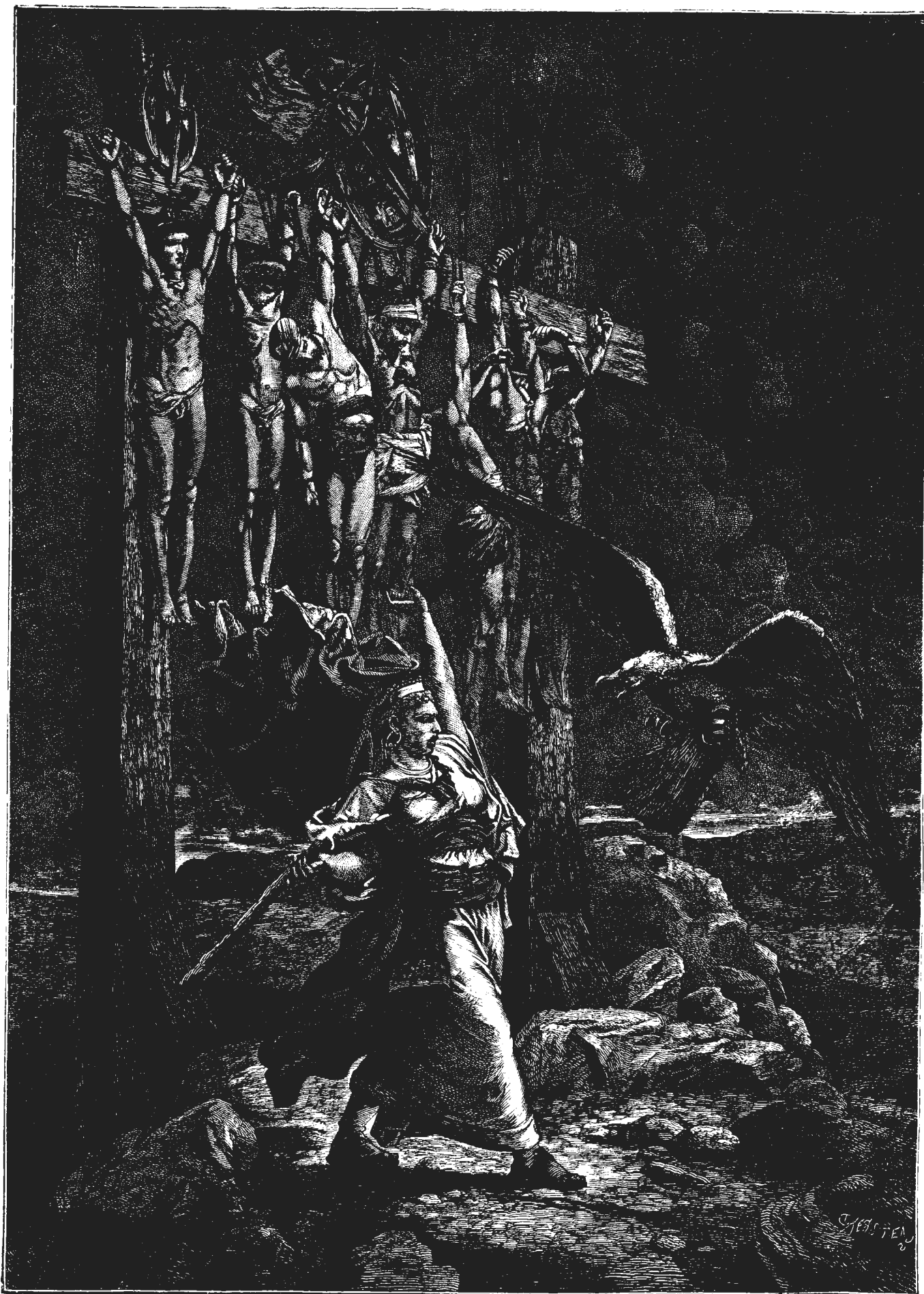
Да, коммерціи совѣтнику довольно-таки хорошо были извѣстна вѣчно-шумящаяся, шипящая баба, имя которой—*злословіе*. Баба эта заглядывала и въ его гостиную... Что-жъ, и не прекрасный полъ, сидя за картамъ, какъ и прекрасный за чайнымъ столомъ, съ меньшимъ удовольствіемъ внималъ туманнымъ, но ехиднымъ намекамъ этой двусмысленно-улыбающейся бабенки. Что-жъ, очень можетъ быть, что найдется человѣчекъ, который, пожимая плечами и многозначительно подмигивая, проговоритъ: „Однако... гм!.. Что же, наконецъ, именно было нужно коммерціи совѣтнику Рэммеру въ денежномъ шкафѣ „замковаго мельника?“.. Да одной этой фразы будутъ достаточно, чтобы вскипятить его кровь!.. И развѣ одинъ только человѣчекъ задастъ подобный вопросецъ?.. У коммерціи совѣтника, какъ и вообще у баловней счастья, было не мало враговъ, противниковъ. Онъ зналъ, что завтра же въ городѣ начнутъ болтать, что вотъ, операція-то удалась, да толку не вышло изъ этого: ухаживавшій за больнымъ пробрался къ денежному шкафу и... ну, это, конечно, такъ встревожило, взволновало мельника, что онъ и истекъ кровью!..

Да, вотъ и грязное пятно на имени Рэммера, имени, достойномъ зависти!.. Пятно это такъ прочно ляжетъ, что не смоетъ его и судебное слѣдствіе, потому что—гдѣ же свидѣтели? Кто скажетъ, что онъ тутъ положительно не виновенъ?.. Положимъ, честность коммерціи совѣтника признана всѣми, но развѣ признаніе такое что нибудь значить, развѣ можетъ оно послужить ему защитой?

Господинъ Рэммеръ беззвучно горько размѣялся, но въ то же время рука его утирала выступившій на лбу потъ... Онъ слишкомъ хорошо зналъ, какъ люди падки считать признанную честность человѣка только *кажушюся*, если какое нибудь обстоятельство вдругъ *покажется* имъ подрывающимъ вѣру въ эту честность.

Коммерціи совѣтникъ опустилъ голову, почти склонился надъ безчувственнымъ мельникомъ, которому сударыня-Суза терла виски разными крѣпкими снадобьями—и вдругъ опять новая мысль озарила его: а если

(Продолженіе на стр. 78.)

Ресфа, защищающая тѣла своихъ сыновей отъ хищныхъ птицъ. Картина Жоржа Беккера, гравир. Керстенъ.

МАЛЕНЬКАЯ ГЕРЦЕГОВИНКА.

Герцеговинку встрѣтилъ я, —
 О, какъ была блѣдна!
 На мой вопросъ:—откуда ты?
 Отвѣтила она:
 „Родной мой домъ и у меня
 Тамъ за горами былъ,

„При ней отъ голоду тогда-жъ,
 И милый братъ съ сестрой...
 О Боже мой, въ твоёмъ раю
 Страдальцевъ упокой!
 „Едва жива осталась я.
 У васъ, въ чужомъ краю,

Герцеговинка. Оригин. рисунокъ В. П. .1—въ, гравир. К. Рейерманъ.

Отецъ и мать, сестра и братъ...
 Все турокъ погубилъ!
 „Нашъ домъ ограбленъ и сожженъ,
 Замученъ мой отецъ,
 Свирѣпый врагъ угналъ коровъ
 И истребилъ овецъ.
 „Хоть мать моя съ тремя дѣтьми
 Успѣла убѣжать,
 Но голодъ былъ, какъ турки, лютъ:
 Скочалась наша мать,

Вамъ пѣсню родины моей
 Страдальческой пою:
 — „Будь милостивъ, о Боже, къ намъ:
 „Отъ турокъ огради,
 „Отъ яростныхъ враговъ Христа
 „Нашъ край освободи!
 — „Вы—братья наши по кресту,
 „Такъ помогите-жъ намъ!
 „Не оставляйте нашъ народъ
 „На жертву злымъ врагамъ!“

В.

старикъ не будетъ уже въ силахъ разсказать о случившемся?.. Вѣдь тогда—что было то и умереть съ нимъ, будетъ похоронено на вѣки... Экономка была тутъ, но мельникъ не проронилъ ни одного слова.

Чу! собаки залаяли на дворъ, а вотъ, наконецъ, раздались тамъ и быстрые шаги, все ближе и ближе—кто то торопливо шелъ по лѣстницѣ. Д-ръ Брукъ на мгновение, какъ вкопанный, остановился на порогѣ дверей, потомъ вошелъ въ комнату, поставилъ шляпу на столъ и приблизился къ кровати.

Какая гробовая тишина царить всегда при появленіи доктора въ такія минуты! Кажется что широко-распростертыя „крылья безмолвія“ неподвижно повисли въ воздухѣ и ждутъ, чтобы торжественно принять послѣднее слово—приговоръ врача: жизнь или смерть!..

— Охъ, господинъ докторъ, если бы онъ только пришелъ въ себя! наконецъ тоскливо прошептала сударыня-Суза.

— Ну, едва ли онъ очнется, проговорилъ д-ръ Брукъ, окончивъ осмотръ больного. Въ лицѣ его не было ни кровинки.—Полноте, успокойтесь! серьезно обратился онъ къ экономкѣ, когда та хотѣла было разразиться громкими соболъзнованіями. Вотъ скажите-ка мнѣ лучше, зачѣмъ больной вставалъ съ постели?

Докторъ взялъ лампу и наклонился съ нею, чтобы осмотрѣть полъ около кровати. Полъ въ этомъ мѣстѣ былъ обрызганъ кровью.

— Это отъ окровавленныхъ платковъ, пояснилъ коммерціи совѣтникъ блѣднѣя, но весьма рѣшительнымъ тономъ.

Сударыня-Суза, съ своей стороны, клялась всѣми святыми, когда она приближалась къ комнате—хозяинъ лежалъ на кровати совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его г. докторъ.

Брукъ покачалъ головой.

— Безъ причины, безъ внѣшняго толчка, не было бы кровоизліяніи. Въ данномъ случаѣ, *навѣрно* это результатъ какого-нибудь сильнаго потрясенія...

— Невидѣннаго, незамѣченнаго мною! Увѣряю же тебя, что ничего особеннаго не случилось! произнесъ коммерціи совѣтникъ, выдержавъ довольно твердо выразительный взглядъ доктора... Но—постой! Ты зачѣмъ же такъ инквизиторски посмотрѣлъ на меня? Что же это значить?.. Я не вижу—чего ради сталъ бы я скрывать отъ тебя, если бы больной въ лихорадочномъ припадкѣ вдругъ вскочилъ?..

Онъ неуклонно пошелъ по избранному имъ пути, но когда послѣднія слова были сказаны—горло у него стало сжиматься. Чтобы сохранить, такъ сказать, *наружную* честь—коммерціи совѣтникъ жертвовалъ честью *внутренней*: онъ нахально, дерзко лгалъ, но... вѣдь и въ самомъ дѣлѣ—вины за нимъ совершенно не было, напротивъ, его же жизни и здоровью грозила серьезная опасность. И гдѣ же тѣ мотивы, на основаніи которыхъ было бы нравственно-обязательнымъ разсказать все, ничего не утаить?..

Д-ръ Брукъ молча отвернулся отъ него.

Благодаря усиліямъ врача, „замковый“ мельникъ открылъ наконецъ глаза, но угасающій взглядъ ихъ блуждалъ безцѣльно по комнатѣ. Старикъ хотѣлъ что то сказать и не могъ—онъ только отрывисто и слабо прохрипѣлъ.

Спусти нѣсколько часовъ, коммерціи совѣтникъ Рэмеръ оставилъ „замковую“ мельницу—тамъ все было уже кончено: на запертыхъ дверяхъ алькова и комнаты въ которой умеръ мельникъ, были наклеены широкія полосы бумаги. Г. Рэмеръ тотчасъ же, какъ только старикъ испустилъ послѣдній вздохъ, далъ знать о смерти его надлежащимъ властямъ и, какъ человѣкъ предусмотрительный, добросовѣстный, велѣлъ при себѣ запечатать комнаты.

II.

Коммерціи совѣтникъ отправился домой черезъ паркъ. Огни на мельницѣ нѣкоторое время слабо освѣщали ему дорогу, но скоро и они исчезли. Онъ шелъ теперь въ совершенной темнотѣ, всецѣло отдавшись своимъ думамъ, и чувствовалъ сильный ознобъ во всемъ тѣлѣ, но не потому, что рѣзкій вѣтеръ дулъ ему на встрѣчу, не потому, что снѣжные хлопья, какъ порхающія ночныя птицы, налетали на его лицо... Ему было жутко холодно отъ собственныхъ тревожныхъ мыслей и воспоминаній... Сцена въ альковѣ и затѣмъ послѣдняя картина отчетливо рисовались передъ нимъ... Онъ думалъ о томъ, что пришлось ему вынести въ продолженіи какихъ-нибудь двухъ-трехъ часовъ. Да, вотъ по этой самой дорогѣ (какъ песокъ скверно хруститъ теперь подъ ногой!) шелъ онъ сегодня, послѣ обѣда, оставивъ богато-сервированный столъ, шелъ беззаботно, полагая, что надъ нимъ свѣтитъ по прежнему его счастливая звѣзда... И что-жъ! Прошло только нѣсколько часовъ и случилось такъ, что онъ является какъ будто бы виновникомъ смерти—человѣка!

Онъ—коммерціи совѣтникъ, Рэмеръ, у котораго нервы такъ чувствительны, который не можетъ выносить даже мученій животнаго—убійца?!. Ха! Да это зависть боговъ! Зависть эта не терпитъ людскаго счастья, благополучія; она съ злорадствомъ бросаетъ камень на скользкій путь счастливица, и она же старается теперь измучить его совѣсть, отравить земныя его радости... Ну, такъ это ей не удастся... никогда!..

Только въ одномъ онъ и могъ упрекнуть себя, а именно въ томъ, что утаилъ истину, не разсказавъ, какъ было дѣло... Но кому же вредилъ онъ этимъ?.. Никому, рѣшительно никому изъ всѣхъ живущихъ!.. И такъ—баста! Коммерціи совѣтникъ поладилъ съ самимъ собою, только что повернувъ въ широкую липовую аллею, которая вела прямо къ виллѣ.

Цѣлые потоки серебристо-бѣлаго свѣта лились изъ оконъ и стеклянныхъ дверей балконной комнаты въ нижнемъ этажѣ. Роскошная жизнь, полная наслажденій, казалось, протягивалъ ему оттуда бѣлыя красивыя руки; онъ чувствовалъ, какъ эти руки обхватили его и потянули къ себѣ, чтобы скорѣе освободить отъ гнетущаго мрака ночи и тревоженій смущенной души.

Г. Рэмеръ вздохнулъ всей грудью, вздохнулъ свободно, отбросивъ далеко отъ себя все то, что напоминало ему недавнихъ непріятныхъ ощущеній. Мрачныя, безпокойныя мысли его какъ бы улетали куда-то, вмѣстѣ съ шумомъ воды на мельницѣ, замиравшемъ вдали.

Тамъ, въ этой прекрасной гостиной, собралось многочисленное общество, которое и сгруппировалось около столовъ чайнаго и карточнаго по приглашенію хозяйки—вдовы президента Урахъ.

Благодаря широкимъ стекломъ значительно углубленнымъ оконъ нижняго этажа и сквозному переплету низенькихъ бронзовыхъ перилъ балкона, можно было довольно хорошо осмотрѣть обстановку гостиной. Стѣны ея были украшены яркими картинами, а двери—тяжелыми складками голубаго съ фіолетовымъ оттѣнкомъ бархата. Легкая люстра изъ позолоченной бронзы, съ стеклянными шарами молочнаго цвѣта, на подобіе громадныхъ круглыхъ жемчужинъ, въ которыхъ горѣлъ газъ, обливала всю комнату пріятно-серебристыми волнами свѣта. Среди мрака зимняго вечера такая картина казалась волшебнымъ явленіемъ, представлялась особенно—привлекательною, маниущею къ себѣ...

Порывистый вѣтеръ пронесся по аллѣ, закружился на балконѣ и завертѣлъ тамъ снѣжными хлопьями, поднявъ кучу упавшихъ липовыхъ листьевъ. Конечно, буйный сорванецъ этотъ нисколько не нарушилъ тамъ, за широкими стеклами, аристократическаго покоя: не шелхнулась даже воздушно-кружевная ткань оконныхъ

занавѣсей, только пламя въ угловомъ каминѣ, какъ-бы встревоженное порывомъ вѣтра, вдругъ вспыхнуло ярче—и то на мгновенье.

Человѣкъ, подходившій къ виулѣ ускореннымъ шагомъ, поглядывалъ, съ чувствомъ какого-то тайнаго блаженства, на гостей, засѣдающихъ въ гостиной. Но не блѣкучие и темные локоны, не граціозныя, стройныя фигуры женщинъ и дѣвицъ такъ восхищали его—напротивъ, прелестныя вѣстники весны, изображенные на плафонной картинѣ, простирали свои ручки, полныя анемоновъ и ландышей, надъ чепцами почтенныхъ матронъ, надъ посѣдѣвшими и лысыми головами мужчинъ... Да, но за то собравшіеся тутъ чепцы и головы принадлежали представителямъ какихъ фамилій! За карточными столами засѣдали крупные военные чины, заслуженныя придворныя дамы и члены министерства; другія, не менѣе важныя особы, страждущія одревѣнѣніемъ поясицы, утопали въ креслахъ, обитыхъ голубымъ бархатомъ, стоящихъ около камина, и вели бесѣду о разныхъ разностяхъ. За однимъ изъ ломберныхъ столовъ сидѣлъ докторъ медицины, тайный совѣтникъ фонъ Бэръ, старикъ съ горделивой осанкой, преисполненный высокомеріемъ. Когда ему приходилось сдавать карты, на пальцахъ его, украшенныхъ алмазными перстнями (драгоценные подарки высокопоставленныхъ лицъ), такъ и сверкали разноцвѣтные огоньки. И всѣ-то эти особы были въ его домѣ, въ домѣ коммерціи совѣтника Рэмера! Вонъ, въ стаканахъ искрится вино, красное какъ рубинъ... Винцо это изъ его собственнаго погреба. Ливрейные лакеи разносятъ въ большихъ хрустальныхъ вазахъ, свѣжую, ароматную землянику... Земляника эта также его. Госпожа президентша Урахъ приходилась бабушкой его покойной женѣ. Президентша пользовалась, можно сказать, неограниченною властью надъ его карманомъ и была официальной хозяйкой, представительницей дома вдовца.

Коммерціи совѣтникъ обогнулъ западную сторону виллы. Тутъ, въ нижнемъ этажѣ, только два окна и были освѣщены. Въ комнатѣ, за однимъ изъ этихъ оконъ и довольно близко къ нему, горѣла висячая лампа. Свѣтъ ея проходилъ черезъ красную гардину, далеко, ударялъ въ садъ, гдѣ бѣлое тѣло каменной нимфы фонтана, передъ рошцей, казалось, плавало въ яркорозовыхъ облакахъ. Г. Рэмеръ покачалъ головой, затѣмъ вошелъ въ домъ (подоспѣвшій лакей успѣлъ снять съ него пальто) и отворилъ дверь въ комнату, на окнахъ которой были красныя занавѣсы. Вся эта комната была красная: обои, матерія на мебели, даже коверъ, покрывавшій весь полъ, были темно-пурпурнаго цвѣта. Подъ висячей лампой стоялъ писменный столъ, причудливой формы, въ китайскомъ вкусѣ, покрытый чернымъ лакомъ и украшенный изящными золотыми арабесками. Столъ этотъ былъ рабочій въ полномъ смыслѣ этого слова: на широкой доскѣ его лежали раскрытыя книги, тетради и газеты; тутъ-же находился объемистый манускриптъ, на который былъ брошенъ карандашъ; возлѣ этого манускрипта, на серебряной тарелочкѣ стоялъ хрустальный бокалъ съ темно-краснымъ старымъ виномъ. На половину вино было выпито. Въ комнатахъ, подобныхъ этой, никогда не цвѣсти цвѣтку, да и птичкѣ тутъ никогда не затынуть своей безпокойной пѣсенки. Въ каждомъ изъ четырехъ угловъ описываемаго кабинета на колоннахъ изъ чернаго мрамора стояли мраморные того-же цвѣта бюсты въ натуральную величину. Эти рѣзко-очерченныя головы съ темными лицами представлялись дѣйствительно жесткими и особенно—суровыми. Одна стѣна во всю длину была занята книжными полками, которая по цвѣту и украшеніямъ совершенно подходила къ письменному столу. На полкахъ, этихъ, по отдѣленіямъ, стояли рядами великолѣпно-переплетенныя книги. Вообще библіотека была не маленькая, такъ какъ кромѣ этихъ

книгъ тутъ-же хранилось нѣсколько фоліантовъ въ перламентномъ переплетѣ не говоря уже о цѣлыхъ кипахъ порядкомъ поистрепанныхъ брошюръ. Однотонный темно-красный цвѣтъ всей обстановки, казалось, нарочно былъ выбранъ для этой комнаты, чтобы ярче выставить ея серьезный характеръ.

Когда коммерціи совѣтникъ, отворивъ дверь, появился на порогѣ краснаго кабинета— дама, ходившая по комнатѣ взадъ и впередъ, вдругъ остановилась. При взглядѣ на ослѣпительно-бѣлую фигуру этой дамы, стоявшей на красномъ коврѣ, право, можно было подумать, что и она вотъ только что вошла сюда, прямо изъ подъ открытаго неба, вся обсыпанная снѣжинками отъ поднявшейся метели. Нельзя было утвердительно сказать: ради одного-ли удобства такъ небрежно драпировались мягкія складки ея длиннаго бѣлаго кашемироваго платья, или-же каждая складка этой удивительной драпировки являлась результатомъ тщательнаго изученія искусства одѣваться?... Но, какъ-бы то ни было, эта женская фигура обрисовывалась на темно-краснымъ фонѣ такими прекрасно благородными линиями, отличалась такою глубиною бѣлизной, что казалось какою-то Ифигеніею. Она была очень хороша собой (хотя уже и не первой молодости): изящный римскій профиль и что-то нѣжно-юное во всей фигурѣ ея имѣли особенную прелесть; только волосы, пепельно-блѣкучіе, не представлялись пышными:—коротко-обрѣзанные, зачесанные со лба назадъ, они вились около шеи.

Это была—Флора Мангольдъ, свояченица коммерціи совѣтника Рэмера, сестра его покойной жены.

Флора, остановившись, свободно скрестила руки на груди. Какъ видно, она съ нетерпѣніемъ поджидала своего зятя.

— Э, да ты, Флора, не тамъ? проговорилъ коммерціи совѣтникъ, указавъ по направленію къ гостиной.

— А ты думалъ, что я тамъ буду? Для чего-же? Сидѣть надъ бабушкиной чашечкой чая, обозрѣвать разные чулочки и свивальники, заготавливаемые для бѣдныхъ дѣтей, и слушать бабушку болтовню? Она произнесла это рѣзкимъ голосомъ, даже сердито.

— Но, Флора, тамъ и мужчины сидятъ...

— Да, мужчины! Они-то получше бабъ умѣютъ сплетничать, хоть и навѣшали на себя ордена, эполеты.

Г. Рэмеръ засмѣялся.

— Ты, ma chère, въ дурномъ расположеніи духа, замѣтилъ онъ, граціозно опускаясь въ кресло.

Флора какъ-то порывисто закинула голову и крѣпко прижала къ груди сложенные руки.

— Морицъ, заговорила она почти задыхаясь, какъ-бы послѣ минутной борьбы съ собою,—Морицъ, скажи мнѣ правду... „Замковый“ мельникъ умеръ подъ ножомъ Брука?

Коммерціи совѣтникъ вскочилъ съ кресла.

— Что за мысль!... Вѣдь вотъ, дѣйствительно, вамъ женщинамъ, любое несчастье представляется еще не такимъ мрачнымъ, какимъ хотѣлось-бы его видѣть... Вамъ мало—

— Ну, Морицъ, прошу не говорить мнѣ подобныхъ вещей, перебила она его, горделиво тряхнувъ головой.

— Хорошо, хорошо! Я съ полнымъ почтеніемъ отношусь къ твоимъ дарованіямъ, къ твоему необыкновенному уму, но развѣ ты поступаешь лучше тѣхъ... другихъ?...

Онъ, видимо взволнованный прошелся по комнатѣ... Такое неожиданное объясненіе несчастнаго случая поразило его, почти уничтожило...

— Умеръ подъ ножомъ Брука! повторилъ коммерціи совѣтникъ взволнованнымъ голосомъ... Да нѣтъ-же! Операція была сдѣлана въ два часа, а со смерти мельника не прошло еще и двухъ часовъ... Значитъ, не подъ ножомъ!... И я, право, не постигаю, какъ это именно у

тебя хватило духа высказать так коротко... ясно, даже такъ безошадно—подобную мысль?..

— Да, именно у *меня*, отвѣтила Флора, подчеркивая послѣднее слово.

Отвѣтъ этотъ она дала энергическимъ тономъ.

— Именно у *меня*, повторяла она, потому что для души моей невыносима гробовая тайна. Ты-бы долженъ былъ знать это! Я слишкомъ горда, у *меня* слишкомъ мало самоотверженія, чтобы знать омрачномъ характерѣ вины человѣка и скрывать, утаивать это... Все равно — кто-бы ни былъ этотъ человѣкъ!... Но не думай, что сама я не страдаю при этомъ... Какъ тупымъ ножомъ все это рѣжетъ мнѣ сердце!... Да, ты почему-то употребилъ слово „безошадно“... Прозрачнѣе этого ты и не могъ выразиться!... И чтобы я стала щадить бездарность, мазию человѣка, считающаго себя ревнителемъ науки?... Никогда! Это—абсурдъ, просто невозможный для *меня*!.. Слушай: одно только ты понимаешь также хорошо, какъ и я, а именно, что репутація Брука, какъ врача, сильно уже пострадала вслѣдствіе совершенно - неудавшагося леченія графини Виллендорфъ...

— Да... ну, эта почтенная дама никакъ не хотѣла разстаться съ милыми ей страсбургскими пирогами и шампанскимъ.

— Такъ утверждаетъ Брукъ, но родственники умершей опровергаютъ такое толкованіе...

Флора прижала ладони къ вискамъ, какъ будто сильная головная боль мучила ее.

— Ахъ, Морицъ, знаешь, когда вѣсть о несчастномъ случаѣ на мельницѣ долетѣла сюда — я, какъ сумасшедшая, бѣгала по всему парку!... Вѣдь старика Зоммера всѣ знали, рѣшительно всѣ... Во всѣхъ кружкахъ общества интересовались исходомъ этой операціи! хорошо, положимъ даже, какъ ты говоришь, что мельникъ не сейчасъ, не подъ рукой Брука, испустилъ духъ—но все-же люди, знающіе дѣло, будутъ справедливо утверждать, что борьба со смертью только затянулась на нѣсколько часовъ, благодаря крѣпкой натурѣ больного... Неужели-же ты, лицо не компетентное въ этомъ отношеніи, хочешь считать себя неогрѣшимымъ, думать, что твои сужденія вѣрны? Нѣтъ, не отрицай того, что и самъ ты тоже убѣжденъ въ этомъ!... Посмотрѣлъ-бы ты на себя теперь — какъ блѣденъ ты отъ скрытаго волненія...

Въ эту минуту дверь, ведущая въ другія комнаты, отворилась и на порогѣ показалась президентша Урахъ.

Правда, ей было семьдесятъ лѣтъ, но про нее можно было сказать, что она не вошла, а впрорхнула въ

кабинетъ, такъ шаги ея были легки и воздушны. Да, это была удивительно—моложавая бабушка, женщина, прожившая чуть-ли не три четверти столѣтій. Она не носила даже мантили, благодѣтельно все прикрывающей. Бѣлая кружевная косынка, приколотая на спинѣ, а поверхъ сѣрой шелковой юбки со шлейфомъ падало складками богато-отдѣланное верхнее платьѣ. Ея посѣдѣвшіе волосы (среди ихъ однако, виднѣлось еще нѣсколько золотыхъ прядей) вздымались пышными буффами надъ лбомъ, на подобіе короны, и были покрыты какъ-бы вуалемъ изъ бѣлаго кружевнаго тюля, длинные концы котораго скрывали шею и нижнюю часть подбородка, т. е. то, что неумолимо, предательски обнаруживаетъ признаки старости.

Почтенная дама явилась не одна: вмѣстѣ съ нею въ кабинетъ проскользнуло какое-то странное существо, замѣчательно маленькая фигурка; члены тѣла ея были пропорціалны, но отличались поразительною миниатюрностью и были страшно худощавы, за то голова относительно роста—громоздкая. Это была еще молодая дѣвушка—лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ.

Эти три женскія лица, находившіяся теперь въ красной комнатѣ, безспорно принадлежали къ одному фамильному типу, и дѣйствительно можно было сейчасъ-же замѣтить, что бабушка и внучка состоятъ въ близкомъ родствѣ; только у младшей изъ нихъ благородный, правильный профиль былъ удлинненъ; выдающійся подбородокъ расширился и казался энергичнѣе. Дѣвушка эта имѣла болѣзненный цвѣтъ лица и какія-то странно-синеватыя губы. Алая бархатная лента переплеталась съ ея бѣлокурыми волосами. Вмѣсто „сумочки Маргариты“ у нея висѣла черезъ плечо (что было довольно оригинально) ивовая овальная карзиночка, усталая голубыми атласными подушечками, среди которыхъ сидѣла живая канарейка.

— Ну, нѣтъ, Генріэтта! нетерпѣливо, запальчиво воскликнула Флора, когда птичка, покинувъ свое голубое гнѣздо, стрѣлою пролетѣла надъ ея головой. — Я этого рѣшительно не потерплю! Ты могла-бы звѣринецъ свой оставить гдѣ нибудь тамъ...

— Ахъ, Флора! Но вѣдь у моего Ганса не слоновья же ноги и голова у него не рогатая — ну, и ничего тебѣ онъ тутъ не сдѣлаетъ, возразила равнодушнымъ тономъ маленькая Генріэтта... Сюда, Гансхентъ! Ко мнѣ! позвала она птичку, порхавшую подъ самымъ потолкомъ.

Послушная канарейка сейчасъ-же повиновалась и, мелькнувъ внизъ, сѣла на протянутый ей указательный палецъ.

(Продолженіе будетъ).

Ресфа защищающая тѣла своихъ сыновей отъ хищныхъ птицъ.

Однимъ изъ лучшихъ украшеній Брюссельской художественной выставки въ нынѣшнюю зиму была безспорно картина г. Жоржа Беккера, копія съ которой помѣщена въ сегодняшнемъ номерѣ «Нивы». Еще раньше картина эта произвела сильное впечатлѣніе на послѣдней Парижской выставкѣ. Потрясающій эффектъ ея неотразимъ, — съ этимъ согласны даже всѣ тѣ, которые наиболее осуждали нѣкоторыя детали исполненія. Что касается до насъ, то не вдаваясь въ эстетическую оцѣнку картины, передадимъ въ нѣсколькихъ словахъ полный глубокаго трагизма сюжетъ ея, такъ какъ мы находимъ его въ исторіи Ветхаго Завѣта.

Это было въ царствованіе Давида; трехлѣтній голодъ вслѣдствіе бездождія опустошилъ землю Израилеву. Царь, черезъ посредство первосвященника Урима, просилъ совѣта у Бога, и Богъ отвѣтилъ ему, что виной этого голода Саулъ, неправильно умертвившій Габаонитовъ, и что для того чтобы вернуть благословеніе Божіе надъ страной, надо умилостивить потомковъ убивенныхъ.

Давидъ сталъ искать потомковъ невинныхъ жертвъ, и старался смягчить ихъ гнѣвъ различными приношеніями; но они

отвергли золото и серебро, и требовали чтобы семеро сыновей Саула были умерщвлены и распяты передъ Габой, мѣстомъ рожденія ихъ отца.

И такъ, царь выдалъ Габаонитамъ Армарія и Мефизобета, сыновей Ресфы, которыхъ она имѣла отъ Саула, и пятерыхъ сыновей Меробы, дочери его; и всѣ они, передъ началомъ жатвы, въ присутствіи Ковчега Завѣта, были распяты на горѣ Габайской.

Ресфа постлала верблюжью кожу на скалу, и рѣшилась не покидать этого мѣста, чтобы удалая отъ распятыхъ днемъ птицъ небесныхъ, и хищныхъ звѣрей ночью, до тѣхъ поръ, пока не упадетъ на землю дождь.

Узнавъ объ отчаяніи Ресфы, Давидъ обѣщаль немедленно послѣ того какъ умилостивленное небо исполнитъ на землю дождь, соединить тѣла распятыхъ съ прахомъ Саула въ склепѣ предковъ, что и было имъ исполнено.

Прибавимъ еще, что сюжетъ этотъ послужилъ темой Ванделю, великому голландскому поэту, для одной изъ его трагедій, подъ заглавіемъ «De Gebroeders» (Братья), которая была играна въ 1640 году.

Снѣжки. Рисов. Ш. Н Браунъ, гравир. Шперъ.

С Н Ъ Ж К И.

Этот бойкий мальчуганъ, сидя въ классѣ, не могъ дож- даться когда кончится скучный урокъ. Учитель ему что то объяснялъ и писалъ на доскѣ мѣломъ, но буквы пры- гали передъ глазами мальчика, сердце билось нетерпѣли- во. Онъ былъ всѣмъ сердцемъ и душою не здѣсь, не въ душевной комнатѣ, а тамъ, на улицѣ... Сегодня вы- налъ первый снѣгъ. Подъ синимъ яркимъ зимнимъ не- бомъ снѣгъ лежитъ такими яркими бѣлыми хлопьями вездѣ и сверкаетъ звѣздочками на солнцѣ. Въ вообра- жении мальчика возникаютъ тѣ пещеры, которыхъ онъ надѣлаетъ въ снѣгу, и снѣжные человѣчки, которымъ вмѣсто глазъ вставитъ онъ уголья и привяжетъ имъ

бороды.. И какъ онъ будетъ играть въ снѣжки! Какъ приятно вдыхать полной грудью свѣжий, холодный воз- духъ, бѣжать, попадать въ товарищей и ловко увер- тываться!.. А горы, а катанье съ горъ! О это цѣлый мѣръ зимнихъ удовольствій!..

И вотъ онъ вырвался изъ класса. Миловидное румя- ное лицо мальчика дышетъ оживленіемъ и здоровьемъ. Глаза разгорѣлись. Въ пылу бѣготни и одушевления борьбы сбилась на бокъ фуражка... Онъ хватается за фонарный столбъ, цѣлится и комъ снѣгу, ловко пущен- ный, къ его восторгу, залѣпляетъ такое же румяное и оживленное какъ его, лицо его маленькаго товарища.

ОДЕССКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Несчастье на Тилигульской насыпи.

Беспорядки, разнаго рода неустройства, соображенія экономическія во всемъ, что напротивъ должно бы быть предметомъ рациональныхъ издержекъ, важныхъ по своей производительности и своимъ хорошимъ для дѣла ре- зультатамъ,—вотъ къ сожалѣнію отличительный харак- теръ нашихъ концессионерныхъ желѣзнодорожныхъ экс- плуатаций. И все это могло бы быть терпимо, если бы ограничивалось тѣмъ, что не рана никого, въ вагонахъ проваливаются потолки, въ локомотивныхъ сараяхъ раз- валиваются арки, станціи при сильномъ дождѣ захле- бываются и тонуть въ грязи, почти повсемѣстно не хватаютъ балласта, щебня, путь всюду плохой: откры- вается напримѣръ движеніе по какой-нибудь скоро- спѣлой линіи, а служащему негдѣ головы преклонить; телеграфисты спятъ въ дежурной комнатѣ, начальники станціи на диванахъ въ пассажирскихъ залахъ, ма- шинисты на паровозахъ; начинается просьба отпра- вителей: дайте вагоны—вагоновъ не даютъ; шлются депе- ши; тамъ балластъ вѣтромъ выдуло (не было покрыть щебнемъ), тамъ дала осадку насыпь, тамъ вырвало тру- бу, тамъ развалилась мастерская, придавивъ механика и работника, тамъ налили въ бакъ воды, который, ка- залось бы для воды и сдѣланъ, а однако таки отъ это- го затрещало зданіе; мѣстами цѣлыя мастерскія пред- ставляются на подпоркахъ, лопалось по нѣсколько арокъ разомъ; паровозъ проваливается въ одномъ, да и не въ одномъ даже мѣстѣ въ кочегарную яму, кото- рая ни съ того, ни съ сего развалилась, обвалившись въ кучу мусора; водопроводы не дѣйствуютъ, или вы- строена, напримѣръ, платформа, чтобы на нее склады- вать товаръ, а она, не принявъ не одинаго фунта то- вара, вдругъ разваливается, причѣмъ хотя бы насъ об- морочить, относя къ разрушенію къ дѣйствию атмо- сферическаго давленія; наконецъ то трещать, то валют- ся мосты. Но высчитывать всѣ тѣ неисправности, какія на нашихъ концессионерныхъ дорогахъ совершают- ся, невозможно.

Нѣтъ ничего мудренаго послѣ всего этого (извлечен- наго здѣсь нами изъ многихъ сотенъ случаевъ, опублико- ванныхъ неоднократно въ нашихъ частныхъ, и даже оф- фициальныхъ органахъ), что довѣріе публики къ этому рода желѣзнымъ путямъ съ паровымъ движеніемъ значитель- но поколебалось и что, сложившаяся сначала какъ бы въ шутку, а потомъ уже къ горю нашему сдѣлавшаяся далеко не шуткою, замѣтка о томъ, что необходимо за- ботиться о своемъ духовномъ завѣщаніи, рѣшаясь со- вершить какой-либо переѣздъ по той или другой кон- цессионерной желѣзной дорогѣ. Справедливая эта за- мѣтка въ основаніи своемъ обуславливалась тѣмъ горь- кимъ фактомъ, что нѣтъ почти дня, чтобы рѣбрика

„происшествія на желѣзныхъ дорогахъ“, сдѣлавшаяся непремѣнною принадлежностью современной журналь- ной прессы, не заявляла о какой либо болѣе или ме- нѣе печальной случайности, принимающей болѣе или менѣе значительные размѣры настоящей катастрофы. Этимъ катастрофамъ съ пожарами вагоновъ, съ соска- киваніемъ съ рельсовъ всего поѣзда, съ мучительными остановками поѣздовъ среди степи въ снѣгахъ и деб- ряхъ, и пр. и пр. нѣтъ числа. Многія изъ этихъ же- лѣзнодорожныхъ катастрофъ уже стоили жизни изряд- ному числу людей. И все это вносилось, до сихъ поръ, въ списокъ обыкновенныхъ несчастныхъ слу- чаевъ на желѣзныхъ дорогахъ, которые неразлучны съ этимъ цѣломъ, что, конечно, очень легко. Всѣ эти несчастія зависѣли отъ людской небрежности, равнодушія и неисполненія желѣзнодорожнымъ пер- соналомъ своего долга. Всегда вся отвѣтственность падала на машиниста, дорожнаго мастера, соединителя поѣздовъ, стрѣлочника, даже на кочегара. И затѣмъ никакія мѣры для избѣжанія подобныхъ кроваво-трагиче- скихъ случайностей, пользующихся общимъ терминомъ „желѣзнодорожныхъ катастрофъ“, не предпринимались эксплуатаціею, а господа эксплуататоры лишь опять, можетъ быть, придумывали новыя средства къ различ- нымъ экономическимъ устройствамъ, писали строгія (на бумагѣ) циркуляры и приказы своимъ подчиненнымъ и предавались спокойно сну.

Но вотъ что совершилось 24-го декабря прошлаго 1875 года на Одесской дорогѣ, которую въ 1864 г. началъ строить баронъ Унгернъ-Штернбергъ, и которая впо- слѣдствіи была передана въ вѣдѣніе Русскаго Черно- морскаго Общества Торговли и Пароходства. Однако общество это, какъ извѣстно изъ его отчетовъ, несетъ отъ этой дороги громадныя потери (нынѣшняя цѣна акцій 39 р. 50 к., номинальная же 100 рублей), воз- награждаемая имъ по возможности различными эконо- мическими, не только не практическими, но даже впол- нѣ вредными для дѣла комбинаціями.

Это желѣзнодорожное событіе, совершившееся 24-го декабря 1875 года, послужило какъ бы финаломъ про- шедшаго года. Въ сравненіи съ этою катастрофою Одес- ской желѣзной дороги блѣднѣютъ всѣ этого рода слу- чай, бывшіе на нашихъ дорогахъ. Одесская или Бир- зульская (по имени одной изъ станцій) катастрофа бы- ла передъ Рождествомъ, въ самый сочельникъ, въ 10 часовъ утра, не доѣзжая 186-й версты отъ города Одес- сы и въ 10 верстахъ отъ балтскаго воксала, на тили- гульской насыпи, знаменитой по своей негодности, сто- имости и неоднократно уже бывшимъ на ней несчасті- ямъ. Поѣздъ состоялъ изъ 26 вагоновъ, въ томъ

числѣ было 11 пассажирскихъ, наполненныхъ новобранцами, слѣдовавшими въ Бендеры изъ Харьковской губерніи (партія змиевская) и изъ Кіевской губерніи (партія уманьская), всего 419 человекъ. За тѣмъ было 15 платформъ, нагруженныхъ кулами зернового хлѣба. Поѣздъ этотъ шелъ со стороны станціи Балты, гдѣ на вышеупомянутой тилигульской насыпи, безъ вѣдома начальниковъ сосѣднихъ станцій, единственно по распоряженію желѣзнодорожнаго мастера, было сорвано нѣсколько рельсовъ, для замѣны ихъ новыми. Предосторожности успѣли принять лишь съ одной стороны, именно со стороны станціи Бирзулы, тѣмъ, что въ трехстахъ шагахъ отъ того роковаго мѣста гдѣ назначено было судьбою совершиться крушенію поѣзда, былъ поставленъ сигналистъ съ краснымъ флагомъ и на рельсы, были наложены петарды. Но со стороны Балты, съ которой именно и шелъ поѣздъ, никакихъ этого рода мѣръ принято не было. Утро было морозное, хотя и свѣтлое. Желѣзно-дорожный сторожъ около самой насыпи, висящей на 22 сажени надъ уровнемъ полотна, дремалъ и ждалъ поѣзда. Холодъ, извѣстное дѣло, всегда клонитъ ко сну; сторожъ все крѣпче заворачивался въ свой тулупъ, ничего не слыша. Рабочіе, перекладывавшіе рельсы, первые увидѣли несущійся на всѣхъ парахъ поѣздъ, въ разстояніи не далѣе ста шаговъ (поѣздъ вышелъ изъ за крутого поворота). Крикъ рабочихъ, обращенный къ машинисту поѣзда, чтобъ остановить поѣздъ, — заставляетъ машиниста, въ свою очередь, крикнуть, что есть силы застывшему сторожу: „Прохоровъ! сигналъ опасности!“ Но бѣдный Прохоровъ дремлетъ, не слыша даже свистковъ локомотива. Машинистъ далъ однако контръ-паръ, но за всѣмъ тѣмъ сильно разбѣжавшійся поѣздъ продолжалъ быстро нести, причемъ однако поѣздная прислуга, въ лицѣ четырехъ кондукторовъ, пстоиника и этого самаго машиниста успѣла спрыгнуть съ поѣзда, который шумомъ своимъ разбудилъ сторожа и сдѣлалъ его свидѣтелемъ ужасной дѣйствительности, которую несчастный принималъ за сновидѣніе. Онъ видитъ машину и слышитъ какъ она загромыкала по шпаламъ... сигналъ подавать уже поздно: все кругомъ, трещитъ, шипитъ, ломается, воетъ и стонетъ. Чудовище-паровозъ повертываетъ въ сторону, шатается, ложится на бокъ и валится съ насыпи въ 22 сажени высоты въ ровъ, увлекая съ собой весь поѣздъ съ нѣсколькими сотнями людей. Несчастье было на самой срединѣ насыпи, и именно на той части, гдѣ подъ самую насыпь сдѣлана каменная арка. Локомотивъ кверху колесами упалъ первымъ и между имъ и аркой образовалось пространство, въ которое и падали остальные вагоны, одинъ разбивая другой; наконецъ туда же упали и платформы съ кулами хлѣба. Въ одинъ мигъ отъ топившихся въ вагонахъ печей начался пожаръ, при довольно значительномъ вѣтрѣ: арка служила трубой для тяги, и пламя было быстро охватывало какъ уже убитыхъ, совершенно исковерканныхъ, такъ болѣе или менѣе жестоко раненыхъ и изувѣченныхъ и, наконецъ, счастливыхъ, случайно оставшихся невредимыми. Но изъ этихъ послѣднихъ спаслись однако не всѣ. Нѣкоторые были придавлены слегка, а со всѣмъ тѣмъ погибли въ пламени. Положеніе ихъ было конечно ужаснѣе положенія всѣхъ другихъ, потому что находясь въ полномъ сознаніи, они должны были наблюдать постепенное приближеніе мучительнѣйшей изъ смертей. У этихъ несчастныхъ, какъ рассказывали впоследствии очевидцы, горѣла сначала нога, рука и уже потомъ, когда огонь касался груди, наступала для нихъ, столь желанная ими смерть; въ ихъ положеніи, въ этомъ *желѣзнодорожномъ оуто-да-фе*, можно было считать счастьемъ, если дымъ и пламя охватывали всего человека разомъ... каждый изъ нихъ могъ отъ души позавидовать рядомъ лежавшему товарищу убитому на по-

валъ или мгновенно превращенному въ обуглившійся черный трупъ.

Трудно себѣ представить что нибудь ужаснѣе той картины, какую представляла пропасть въ этотъ моментъ! Вагоны разбились въ дребезги, опрокинутыя печи разбросали горѣвшія уголья, и вся эта ужасно-безобразная груда остатковъ поѣзда, перебѣшанныхъ съ людьми, охватила въдругъ пламенемъ. Изъ подъ нея раздавались стоны раненыхъ и отчаянные крики людей, оставшихся еще въ живыхъ и дѣлавшихъ немовѣрные усилія, чтобы освободиться изъ подъ пылавшихъ обломковъ. Большая часть поѣзда сгорѣла. Хрипѣніе умиравшихъ, стоны раненыхъ, отчаянные возгласы горѣвшихъ и неимѣвшихъ возможности сдвинуться съ мѣста, и наконецъ горячія молитвы какъ-то чудотворно спасшихся счастливыхъ, — все это соединеніи съ краснымъ заревомъ пламени и черными клубами густого дыма, безлюдная снѣжная украинская степь на которой свободно тогда разгуливалъ порывистый вѣтеръ, еще болѣе развивавшій пожаръ — представляло потрясающую картину изобразить которую не только трудно, да и невозможно, ни словами, ни перомъ, ни даже кистью. Лица, посѣтившія немедленно мѣсто этого безпримѣрнаго произшествія, передавали въ газетахъ, что никакое воображеніе даже приблизительно не сумѣетъ представить всѣ ужасы этого разрушенія.

Изъ числа 419-ти человекъ новобранцевъ пострадали 120 человекъ, въ томъ числѣ: 3 убиты на повалѣ, 63 сгорѣли и 54 болѣе или менѣе опасно ранены. Сверхъ того изъ числа сгорѣвшихъ одинъ партіонный унтеръ-офицеръ, одинъ кочегаръ и проѣзжавшій въ этомъ поѣздѣ одинъ изъ дорожныхъ мастеровъ, не тотъ, который распоряжался снятіемъ рельсовъ. — Вскорѣ послѣ катастрофы 24 декабря положеніе разбитаго поѣзда было слѣдующее: у входа каменной трубы, съ лѣвой стороны пути, въ рвѣ, на самомъ днѣ, лежалъ паровозъ съ тендеромъ вверхъ колесами и на нихъ навалены желѣзные части сгорѣвшихъ 16 товарныхъ и 11 пассажирскихъ вагоновъ; два же разбитые кузова пассажирскихъ вагоновъ — валялись на откосѣ. Около десяти дней сряду 40 слесарей и 20 рабочихъ разбирали по частямъ эти скученныя части и, по мѣрѣ разборки, вынимали обгорѣлые человѣческіе остатки. Результатами этихъ страшныхъ раскопокъ было то, что 6-го января изъ Одессы вывезено было 48 гробовъ на мѣсто тилигульской катастрофы для погребенія погибшихъ новобранцевъ, трупы которыхъ съ 24-го декабря лежали въ наскоро устроенномъ досчатомъ баракѣ, засыпанномъ сверху снѣгомъ, что тѣла этихъ несчастныхъ были заморожены. — Января 9-го происходило на Тилигулѣ ихъ погребеніе. Однихъ костей набралось на 11 гробовъ. При совершеніи этого печальнаго обряда присутствовали: инженеръ-генералъ генералъ-лейтенантъ Серебряковъ, инспекторъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, командироваанный тотчасъ послѣ происшествія изъ Петербурга, для произведенія на мѣстѣ слѣдствія, а съ нимъ тутъ-же находились и г. Чихачевъ, начальникъ эксплуатаціи желѣзной дороги и директоръ русскаго общества торговли и пароходства.

По поводу этого погребенія жертвъ катастрофы 24-го декабря въ с. Талигулѣ, корреспондентъ одной изъ нашихъ петербургскихъ газетъ замѣтилъ, что: „Одесская желѣзная дорога обогащается по своей линіи кладбищами: теперь ихъ будетъ уже два для напоминанія проѣзжающимъ, что ѣхать по одесской желѣзной дорогѣ не всегда значитъ — поѣхать и остаться живымъ“.

Мѣстныя власти, повидимому, довольно быстро распорядились помѣстить всѣхъ раненыхъ въ одесскія больницы, и скорѣ тамошная печать („Одесскій источникъ объявленій“) сообщила, что состояніе ихъ здоровья не возбуждаетъ опасеній, за исключеніемъ двухъ умершихъ отъ ранъ. Относительно перваго изъ ране-

ных составленъ судебно-медицинскій актъ; всѣ такіе акты отправлены къ судебному слѣдователю, производящему предварительное слѣдствіе о причинахъ катастрофы. Что касается до тѣхъ около 200 человекъ новобранцевъ, которые, по волѣ провидѣнія, уцѣлѣли, хотя у нѣкоторыхъ послѣ катастрофы и оказались довольно сильные нервическіе припадки, порожденные испугомъ, то они были немедленно размѣщены по окрестнымъ деревнямъ у мѣстныхъ крестьянъ, впредь до возможности отправить ихъ къ пунктамъ ихъ служебнаго назначенія. Само собою разумѣется, что какъ пользование и содержаніе раненыхъ въ городскихъ больницахъ, такъ продовольствіе здоровыхъ по квартирамъ—принято желѣзнодорожнымъ управленіемъ на свой счетъ. Независимо отъ этого расхода желѣзнодорожное управленіе, по предложенію генерала Серебрякова, ассигновало по 200 р. на каждое семейство погибшихъ новобранцевъ, считая, вѣроятно, этимъ грошевымъ пожертваніемъ себя расквитавшимся за ту ужасную утрату, какая оказалась, благодаря этому случаю въ столькихъ семьяхъ.

Въ настоящее время уже и такой оффиціальныи органъ нашей печати, какъ „Вѣстникъ Желѣзныхъ Дорогъ и Пароходства“ говоритъ открыто о послѣдствіяхъ разслѣдованія, сдѣланнаго инспекторомъ желѣзныхъ дорогъ инженеръ-генералъ - лейтенантомъ А. А. Серебряковымъ. Изъ рапорта его министру путей сообщенія усматривается, что поѣздъ № 5-й съ новобранцами былъ правильный, предвидѣнный въ расписаніи, но выпущенный съ балтской станціи часомъ ранѣе противъ расписанія, по ложному толкованію § 58-го правилъ движенія, изданныхъ министерствомъ: у обоихъ концовъ тилигульской насыпи, существовали платформы (мѣста остановокъ) съ сигнальными телеграфными постами, но такія, незадолго до происшествія съ *экономическою цѣлью* (!!!) уничтожены. Сверхъ того генералъ Серебряковъ убѣдился, что управляющій одесскою желѣзною дорогою, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, никакой самостоятельности по управленію дороги не имѣетъ и что всѣ распоряженія по эксплуатаціи исходятъ отъ Чихачева. Фактически виновниками происшествія А. А. Серебряковъ признаетъ дорожнаго мастера, самоуправно распорядившагося во вредъ дѣлу, и машиниста, дѣйствовавшего безъ достаточной находчивости и энергіи.—Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, по поводу этого обстоятельства, сказано, что ближайшимъ виновникомъ оказался дорожный мастеръ. Онъ и былъ немедленно арестованъ, Сперва онъ не сознавался, что, перемѣняя рельсы, удалился погрѣться въ сторожевую будку, но потомъ сознался, хоть и утверждалъ, что ему не было извѣстно о томъ, что въ то время долженъ былъ проходить поѣздъ. Его начальство утверждаетъ, однако, что дорожный мастеръ былъ поставленъ въ извѣстность о приходѣ поѣзда. Затѣмъ слѣдствіемъ было обнаружено, что предостерегательные снаряды не были поставлены въ достаточномъ количествѣ. Перваго флага, который долженъ былъ стоять въ 300 саженьяхъ отъ опаснаго мѣста, не оказалось, а найденъ былъ лишь второй флагъ, поставленный въ 125-ти саженьяхъ, котораго, вслѣдствіе мятели, машинистъ, вѣроятно не замѣтилъ. *При недостаточномъ числѣ прислуги* на поѣздѣ нельзя было затормозить поѣздъ и остановить его.

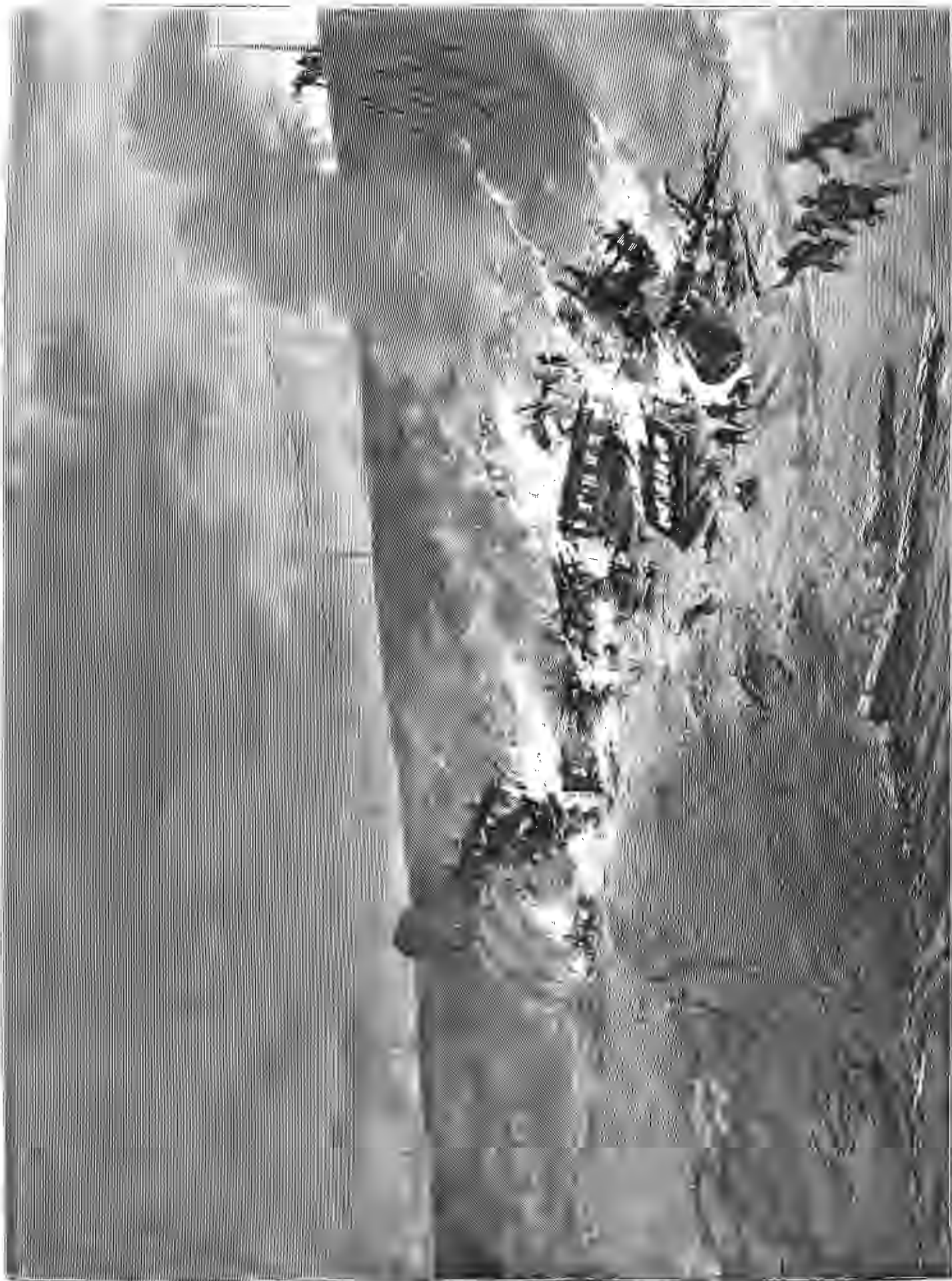
Директоръ пароходнаго общества и de facto начальникъ желѣзнодорожной эксплуатаціи г. Чихачевъ, какъ видно изъ одесскихъ газетъ, получилъ по телеграфу увѣдомленіе отъ министра путей сообщенія съ выраженіемъ крайняго неудовольствія, Его Превосходительства на поводу крушенія, вслѣдствіе чего и пронесся уже слухъ о выходѣ г. Чихачева въ отставку.

Достоинно вниманія, что наша пресса, особенно петербургская, вся какъ одинъ человекъ, забывъ всѣ взаимныя несогласія и недоразумѣнія, возстала дружно противъ дѣйствій одесской желѣзнодорожной администраціи и доказала всю несостоятельность ея экономіи, которой, нѣтъ никакого сомнѣнія,—Россія обязана нынѣшнею катастрофою, такъ какъ вслѣдствіе этой экономіи, телеграфныя станціи по концамъ тилигульской насыпи, столь тутъ необходимыя, были сняты, будто бы какъ совершенно бесполезныя и вводящія общество лишь въ излишніе расходы, тогда какъ самая тилигульская насыпь, поглотившая устройствомъ и ремонтомъ своимъ нѣсколько сотъ непроизводительныхъ тысячъ, есть по истинѣ одно изъ безобразнѣйшихъ и нелѣпѣйшихъ сооруженій изъ иловатой глины, присыпанной по угламъ ядра и изъ слоя песку, лежащаго наверху, чрезъ что эта тилигульская насыпь — мѣсто постоянныхъ обваловъ, о чемъ весьма компетентно и съ полнымъ знаніемъ дѣла говорить подобно г. Войковскій въ 1 выпускѣ 1-го т. „Инженерн. Записокъ“.

Независимо отъ того оказывается, какъ видно изъ газетныхъ корреспонденцій, что на полотнѣ Одесской дороги большая часть рельсовъ до того стары и негодны, что съ каждымъ поѣздомъ можетъ повториться такая же точно катастрофа, какая къ общему прискорбію совершилась столь для многихъ такъ злополучно, 24-го декабря прошлаго 1875 года.

Событіе это, понятно одно изъ выходящихъ изъ ряда вонъ и представляетъ собою крайне безотрадное явленіе. Поѣзду Одесской дороги ввѣренъ былъ цвѣтъ молодежи мѣстнаго населенія, съ которымъ деревня, ихъ выростившая, разставалась ради интересовъ государственной охраны. Только что удѣленные въ армію эти лучшія молодя силы мѣстнаго населенія были бесполезно изуродованы и мученически уничтожены на этой дорогѣ. Въ настоящее время уже доказано, что несчастіе это произошло по оплошности и небрежности служащихъ на дорогѣ, а главное, по причинѣ неумѣстной и даже вредной экономіи ея администраціи, которая, доводя до полмилліона рублей свои расходы на вознагражденіе членовъ общества пароходства и желѣзной дороги, въ тоже время, сократила между прочими своими сокращеніями расходъ по содержанію телеграфа на тилигульской насыпи, не превышавшій 1500—2000 рублей въ годъ. Какой же отвѣтъ за этотъ подвигъ дастъ Одесская желѣзная дорога? Неужели само желѣзнодорожное общество останется внѣ всякой отвѣтственности?

Печать наша въ настоящемъ случаѣ, болѣе чѣмъ когда нибудь, служить выраженіемъ общественнаго мнѣнія, настаивающаго на томъ, чтобы наконецъ была установлена правильная юридическая отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ передъ гражданскимъ обществомъ и частными лицами. Это воззваніе общее, относительно всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, но исключительно относительно этой, именно Одесской желѣзной дороги, высказывается то положительное мнѣніе, что теперь, когда югъ Россіи почти весь перерѣзанъ желѣзными дорогами, Одесская дорога находится въ рукахъ пароходнаго общества, которое, не будучи въ состояніи поднять ея значеніе, можетъ однако, опираясь на свой уставъ, вредить другимъ южнымъ дорогамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ тормозить и даже непремѣнно теперь уже тормозить всѣ мѣры, направленные къ скорѣйшему развитію Севастополя. Вслѣдствіе всего этого, какъ полагаютъ компетентные судьи въ этомъ дѣлѣ, давно пора и крайне желательно совершить отдѣленіе Одесской желѣзной дороги отъ общества пароходства и торговли.

Одесская железная дорога. Несчастье на Тилигульской насыпи. Через 10 м. после катастрофы. Съезд наброска нашего корсид.
рис. Н. Карзинин, грав. К. Вейсмань.

Отъ пирамидъ до Сенъ-Готардскаго туннеля.

Взглядъ на прошедшее и настоящее инженерныхъ наукъ.

I.

Когда населеніе земнаго шара было еще весьма незначительно, и состояло изъ отдѣльныхъ общинъ разбѣянныхъ на дальнихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, случаи сообщенія между обществами, и людьми бывали очень рѣдки, или такого сообщенія вовсе не существовало. Случалось, даже, что разныя открытія и плоды многолѣтнихъ, сопряженныхъ съ упрямыхъ трудомъ опытовъ, пропадали, когда разрушалась община, которая владела ими. Такимъ образомъ изобрѣтенія, могущія облагодѣтельствовать все человѣчество, безлѣдно погибали для него, и оно должно было доходить до нихъ съизнова.

Древніе египтяне, напримѣръ, умѣли выплавлять различнѣйшіе металлы изъ необработанной руды. Они отлично знали металлургію. Но въ продолжительный періодъ упадка, послѣдовавшій за золотымъ вѣкомъ цивилизаціи, искусство это стало также падать. Искусство бронзировать желѣзо, сдѣлавшееся извѣстнымъ намъ только недавно, было знакомо еще древнимъ ассириянамъ. Въ повѣстее время у насъ зашла рѣчь объ новомъ изобрѣтеніи—изготовленіи небьющагося, гибкаго стекла, но такое стекло было изобрѣтено еще при Императорѣ Тиверіѣ. Тогда, по свидѣтельству Плинія, мастерская изобрѣтателя была разрушена, вслѣдствіе опасенія, чтобы новое изобрѣтеніе не лишило цѣнности такіе металлы какъ мѣдь, серебро и золото.

Наши техники постоянно дѣлали грубую ошибку, не обращая вниманія на исторію открытій. Въ продолжительныхъ совѣщаніяхъ и толкахъ, предшествующихъ окончанію Суэскаго канала, главную роль играло мнѣніе, что между поверхностями Чермнаго и Средиземнаго морей существуетъ разница уровня десять метровъ. И плава объявилъ, правда, что это невозможно, такъ какъ уровень морской поверхности на нашей землѣ вездѣ одинаковъ. Между тѣмъ инженеры настаивали на вѣрности своихъ измѣреній, хотя еще въ древности возникали подобныя же споры, кончавшіяся не въ пользу послѣдняго мнѣнія. Когда въ древности задумали прорыть Коринѣскій перешеекъ, что было около 2000 лѣтъ тому назадъ, тогдашніе инженеры также подняли было вопросъ о неодинаковомъ уровнѣ морскихъ поверхностей, но и тогда предположеніе это было оспорено Страбонъ, опиравшимся въ своихъ доводахъ на теорію Архимеда.

Въ то время, натурально, число людей науки было чрезвычайно ограничено, вслѣдствіе чего математики, равно какъ астрономы, жрецы, ваятели и художники, принуждены были для общественной пользы, исполнять работы, которыя теперь предоставляются ремесленникамъ. Съ усиленіемъ цивилизаціи и съ накопленіемъ могущества и богатства въ одномъ мѣстѣ, является раздѣленіе рабочихъ силъ; владѣтели и короли, стремясь къ славѣ и роскоши, начинаютъ строить великолѣпные дворцы, храмы и колоссальныя гробницы. Должность придворнаго архитектора дѣлается одною изъ самыхъ почетныхъ и доходныхъ. Такъ, мы видимъ въ одной изъ древнѣйшихъ египетскихъ каменоломней, родословное древо одного придворнаго архитектора Птаметика, доходящее до 23 поколѣній. Всѣ его предки занимали высочайшія должности въ кассѣ жрецовъ, будучи въ тоже время придворными архитекторами—насколько выигрывало отъ этого строительное искусство, конечно не извѣстно. За 700 лѣтъ до нашей эры, въ Ассиріи были королевскіе архитекторы, что намъ совершенно точно извѣстно изъ древнихъ надписей. Что же касается до древне-римскихъ архитекторовъ, то объ нихъ мы можемъ судить по тѣмъ величественнымъ зданіямъ, какія сохранились до нашего времени, служа образцами современной архитектуры.

На раннѣе съ архитектурой развивалось на востокѣ и инженерное искусство. Развилось ли послѣднее у халдеевъ и вавилонянъ самостоятельно, или они заимствовали его отъ древнихъ египтянъ—вопросъ этотъ не рѣшенъ положительно. Оба народа занимались земледѣліемъ, живя въ пересѣкаемыхъ большими рѣками долинахъ, которыя ничего не требовали кромѣ орошенія, чтобы дать баснословную жатву. Въ виду этой потребности, уже по крайней мѣрѣ 4000 лѣтъ тому назадъ, были изобрѣтаемы остроумныя сооруженія для орошенія, остатки которыхъ приводятъ насъ въ изумленіе, хотя имена древнихъ инженеровъ, значеніемъ которыхъ онѣ были созданы, давно забыты.

Религиозные мотивы, часто побуждавшіе въ тѣ времена къ сооруженію величественныхъ зданій вмѣстѣ съ тѣмъ способствовали и развитію инженернаго искусства. Для храмовъ и священныя зданія выбирали самыя большіе и самыя крѣпкіе камни, для того чтобы они могли противустоять времени. Чтобы доставить ихъ изъ каменоломней на мѣсто постройки, требовалась большая помощь со стороны инженера, а тотъ въ свою очередь не могъ обойтись безъ металлическихъ дѣлъ мастера, доставляющаго перевозочныя орудія. Такимъ образомъ религиозные мотивы давали толчокъ архитектурѣ, инженернымъ каткамъ и выдѣлкѣ металловъ.

Древнѣйшія каменные постройки, время возникновенія кото-

рыхъ мы можемъ приблизительно опредѣлить, это пирамиды Гизека. Эти священныя зданія были священнѣе самихъ храмовъ и воздвигались для того, чтобы хранить въ нихъ земныя останки королей, въ которые по древне-египетскому вѣрованію, по истеченіи 3000 лѣтъ, должны вернуться эти царскія души. Построенныя за 5000 лѣтъ тому назадъ стѣны пирамидъ, благодаря благоприятнымъ условіямъ египетскаго климата совершенно сохранились. Это поражаетъ всякаго кто ихъ видитъ, какъ чудо. Именно самыя-то древнія пирамиды Гизека, сохранились лучше повѣннѣхъ. На постройку ихъ шли громадныя гранитныя глыбы, часто свыше 12 метровъ длины и больше 6000 центнеровъ вѣсу, также приводящія въ изумленіе зрителя. Неограничено должно было быть число человѣческихъ рукъ, какими располагали египетскіе цари для перевозки нужныхъ для этихъ построекъ камней. Статуя Рамзеса Великаго, имѣющая 1600 центнеровъ вѣсу, также тащилась на мѣсто людьми, какъ мы это видимъ на картинахъ прекрасно сохранившихся фресковъ.

Но по мѣрѣ того какъ возрастаетъ масса требующаго перевозки матерьяла, и размѣры его становятся все колоссальнѣе и колоссальнѣе, простая человѣческая сила отступаетъ передъ громадностью труда. Одной силы мускуловъ уже не достаточно. Когда надо было доставить въ Петербургъ гранитную глыбу для памятника Петра Великаго, въ 24,000 центнеровъ вѣсу, разумѣется не было недостатка въ рабочей силѣ, но желѣзные вальцы на которыхъ катили этого каменнаго колосса не выдержали, ихъ надо было замѣнить болѣе твердымъ металломъ. Древніе же египтяне, для доставки своихъ колоссальныхъ камней и гигантскихъ статуй, всякій разъ строили отъ береговъ Нила до мѣста постройки гранитныя мостовыя, и Геродотъ, видѣвшій эти дороги, удивляется имъ еще больше чѣмъ самимъ пирамидамъ.

По дошедшимъ до насъ картинамъ, мы знаемъ способъ, какимъ древніе египтяне передвигали свои колоссальныя статуи, но мы не имѣемъ никакихъ указаній на то какъ воздвигали они свои высокіе, вѣсншіе по 8000 центнеровъ, обелиски—задача еще болѣе трудная чѣмъ доставка камней. И другіе народы воздвигали подобныя же меншіе, но ни одинъ изъ нихъ не достигали вышнихъ сооруженій древнихъ обитателей нильской долины. Египетскіе обелиски, стоящіе теперь въ Парижѣ и Римѣ, суть высочайшіе изъ этого рода памятниковъ, находящихся въ Европѣ. Въ храмахъ Ваала, построенныхъ во время римскаго владычества, мы находимъ величайшіе камни, какіе употреблялись со временъ фараоновыхъ построекъ, но все же не доходящіе до величины послѣднихъ. Въ террасѣ одного храма длина камней не превышаетъ десяти метровъ, а одна плита, лежащая въ каменоломнѣ, имѣетъ до 21 метра длины. Передвиженіе всѣхъ этихъ тяжестей, разумѣется постоянно должно было наводить на мысль о замѣнѣ человѣческаго труда *механической* силой. Но осуществленіе этой мысли зависѣло отъ металловъ.

Часто задавался вопросъ, была ли древнимъ египтянамъ извѣстна *сталь*; по нашему мнѣнію нѣтъ никакого основанія отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Съ желѣзомъ всѣ извѣстныя намъ народы были знакомы съ самыхъ раннихъ историческихъ временъ; объ немъ часто упоминается въ Бибіи и у Гомера. На фрескахъ древне-египетскихъ гробницъ въ Оивахъ мы видимъ мясниковъ, точащихъ ножи о куски металла, выкрашеннаго голубой краской и весьма вѣроятно изображающаго сталь. Въ австрійскихъ развалинахъ дворцовъ, нашли массу желѣза, и клинообразныя надписи говорятъ о желѣзныхъ цѣпяхъ плѣнныхъ. Нашли даже кусокъ желѣза въ большой пирамидѣ, гдѣ онъ долженъ былъ пролежать 5000 лѣтъ! Можно сказать, что это не совсѣмъ обыкновенная прочность для металла, который такъ легко уничтожается вслѣдствіе ржавчины.

Желѣзо, добываемое въ настоящее время неграми просто выплавкой руды древеснымъ углемъ, всего ближе стоитъ къ нашему кузнечному желѣзу; такимъ же или подобнымъ ему, должны мы себѣ представить и то желѣзо, которое незатѣйливымъ способомъ изготовляли древніе египтяне. Но такое желѣзо требуетъ небольшой примѣси углерода, чтобы изъ него вышла сталь. Часто даже въ простыхъ глиняныхъ печахъ негровъ, нечаянно получается сталь. Почему же она должна была оставаться неизвѣстной древнимъ египтянамъ? Они изготовляли ее и употребляли при своихъ превосходныхъ работахъ, какъ принимаютъ и многие ученые археологи.

Вторымъ двигателемъ нашей промышленности и техники, есть *уголь*. Уже въ 1611 г. въ Англии былъ выданъ патентъ на выплавку желѣзной руды каменнымъ углемъ: то лишь съ прошлаго столѣтія этотъ способъ вошелъ тамъ въ общее употребленіе. До тѣхъ поръ употребляли для этого древесный уголь, служившій въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ мѣстахъ Германіи еще и по нынѣ для выдѣлки превосходнаго желѣза по только съ введеніемъ каменнаго угля, выдѣлка желѣза приняла, свои па-

стоящие громадные размеры. Приведем здесь несколько цифр, которые лучше всяких слов покажут в какой степени возрасло добывание угля и железа. Следующия цифры относятся къ добыванию угля въ метрических тоннах по 20 таможенных центнеров.

	1860:	1862:
Въ Великобританіи	80.706,391	125.473,273
» Германіи	12.347,828	42.324,469
» Соединенныхъ Штатахъ	9.388,758	41.491,135
» Франціи	8.303,700	15.900,000
» Бельгіи	9.610,895	15.658,948
» Австро-Венгрии	3.503,895	10.443,998
Итого:	123.861,467	251.291,823

Изъ этихъ цифр, какъ онѣ изображаютъ производство главныхъ центровъ, выводится прямое заключеніе, что въ теченіе 12 лѣтъ, добываніе и спросъ на каменный уголь болѣе чѣмъ удвоились. Объяснить это явленіе весьма легко: съ одной стороны тутъ дѣйствуетъ постоянное, неудержимое вытѣсненіе ручной работы и мелкой промышленности машинными и фабричными производствомъ, съ другой стороны колоссальнымъ развитіемъ желѣзно-дорожнаго и парашоднаго сообщеній. Не смотря на то, что добываніе каменнаго угля необычайно увеличилось во всѣхъ частяхъ свѣта, продуктъ этотъ не удешевился, а напротивъ сталъ дороже, и все таки находитъ громадный сбытъ. Если приблизительно только подсчитать стоимость угля, добываемаго въ Европѣ, то получится колоссальная сумма въ 646 милліоновъ рублей. Если же эту самую цифру приложить къ вѣсѣ свирепейшему добыванию угля, то окажется, что всего угля добывается на землѣ ежегодно на сумму около 800 милліоновъ рублей. Но эта цифра сдѣлана по цѣнамъ, по которымъ продается уголь на самыхъ коняхъ; такъ что уголь, употребляемый въ промышленности и городахъ, представляеть, разумѣется, еще гораздо большую денежную стоимость.

Рядомъ съ увеличеніемъ размеровъ добыванія каменнаго угля, идетъ развитіе *железнаго производства*. Причины, связывающія между собой этихъ двухъ гигантовъ всемірной индустріи, слишкомъ понятны, чтобы требовать разъясненія. Съ 1866 года добываніе сырого желѣза возрасло до такихъ размеровъ, объ какихъ всего лучше можно судить изъ сопоставленія соответствующихъ цифр. Въ теченіе 1868 г. производство желѣза равнялось всего 10½ милліонамъ тоннъ, въ 1873 оно возрасло до 15 милліоновъ тоннъ или 300 милліоновъ центнеровъ. Чтобы показать какую часть въ народныхъ доходахъ составляетъ желѣзное производство, мы приведемъ здѣсь приблизительную цифру произведенныхъ въ Европѣ желѣзныхъ фабрикатовъ. Изъ добытыхъ въ 1873 г. въ Европѣ 228 милліоновъ центнеровъ сырого желѣза, было выдѣлано около 30 милліоновъ центнеровъ литаго желѣза, около 24 милліоновъ центнеровъ стали и 150 милліоновъ центнеровъ различнаго полосоваго желѣза, жести и проч. Если среднимъ числомъ оцѣнить эти продукты по самымъ низкимъ цѣнамъ, напримѣръ литое желѣзо по 3 рубля, сталь по 6 рублей, полосовое желѣзо, жестъ и проч. по 4 рубля за центнеръ, то стоимостъ годоваго производства желѣза въ Европѣ будетъ равняться приблизительно 1000 милліонамъ рублей. Сюда слѣдуетъ еще прибавить производство Соединенныхъ Штатовъ, простирающееся до 640 милліоновъ марокъ, а производство всѣхъ частей свѣта вмѣстѣ дойдетъ приблизительно до 1266 милліоновъ рублей ежегодно.

Въ желѣзѣ, добываемомъ при помощи каменнаго угля въ такихъ громадныхъ массахъ, мы имѣемъ въ наше время строительный матеріалъ, роль котораго, какъ строительной части, и

не подозрѣвали древніе. Впрочемъ, надо чтобы металлъ этотъ, получившій такое примѣненіе только нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, выдержалъ свою пробу, потому что еще неизвѣстно, можетъ ли онъ поспорить прочностью съ строительными веществами древности, которыя, безъ всякой обработки чело-вѣческихъ рукъ, брались ими прямо изъ нѣдръ матерн земли.

Въ Египтѣ, какъ мы видѣли, строительное искусство за 5000 лѣтъ тому назадъ находилось уже на высокой степени процвѣтанія; однимъ тысячелѣтіемъ позже, въ плодородной странѣ Тигра и Ефрата достигло высокаго совершенства искусство *кирпичныхъ* построекъ. Зданія изъ обожженной глины, построенныя въ тѣ времена и сохранившіяся по нынѣ, служатъ доказательствомъ высокаго совершенства техники во время ихъ сооруженія. Если великолѣпные дворцы и храмы Месопотаміи лежатъ передъ нами въ развалинахъ, то въ этомъ виноваты не ихъ строители: три тысячелѣтія они служили соседнимъ народамъ каменоломнями, и драгоценныя орнаменты, или кирпичи, на которыхъ написаны клинообразными письменами имена ассирийскихъ и вавилонскихъ царей, выдѣланы въ дома городскихъ жителей по берегамъ Ефрата и Тигра.

Постройка этихъ вавилонскихъ и ассирийскихъ храмовъ и дворцовъ требовала баснословнаго труда. Одна насыпь, открытая раскопками Ляйярда, содержала 14½ милліоновъ тоннъ (по 20 центнеровъ) кирпича и кирпичнаго щебня, и требовала по самому умѣренному расчету двѣнадцатилѣтней работы 10,000 человекъ. Дворецъ Сенахерима, построенный на этомъ искусственнымъ возвышеніи, былъ по всей вѣроятности величайшій изъ дворцовъ древности: стѣны его шли на полчаса пути; всѣ онѣ были обложены алебастровыми плитами прекрасной лѣтной работы; къ самому дворцу вели двадцать семь великолѣпныхъ порталовъ съ колоссальными фигурами быковъ и сфинксовъ съ каждой стороны.

Но если вспомнить о несмѣтномъ количествѣ рабочихъ силъ, какими неограниченно располагали властители тѣхъ страхъ, то сооруженіе этихъ гигантскихъ построекъ теряетъ часть своей баснословности. Населенія дѣлалъ странъ уводились единственно для прихоти царя, задумавшаго какую-либо постройку. Что рассказываетъ намъ Библія объ раскрашиваніи кирпичей, которымъ были заняты народъ израильскій въ Газенѣ, даетъ намъ вѣрную картину того, какъ цѣлые народы употребили на подобныя постройки. Въ ассирийскихъ клинообразныхъ рукописяхъ подробно обозначена военная добыча и число плѣнныхъ послѣ каждой войны, и часто упоминается о работахъ произведенныхъ плѣнными. Геродотъ рассказываетъ, что при постройкѣ Санхерибекаго дворца работало 360,000 человекъ. Какой организаторскій талантъ нужно было имѣть, чтобы руководить такой массой людей.

Но творцы тѣхъ удивительныхъ храмовъ и дворцовъ, какіе мы видимъ еще и теперь въ Египтѣ и Месопотаміи, занимались также и другими постройками, имѣвшими практическую пользу. Во времена фараоновъ, Египетъ имѣлъ лучшее орошеніе чѣмъ теперь; между тѣмъ создать *систему орошенія* задача нелегкая и требуетъ основательныхъ познаній въ инженерныхъ наукахъ. Древнимъ египтянамъ положительно было извѣстно искусство инвеллировки и сянтія плановъ. Озеро Морисъ было однимъ изъ величайшихъ гидравлическихъ созданій Египта, резервуаръ, принимавшій въ себя весь избытокъ водъ Нила, и въ случаѣ нужды разливавшій ихъ на окрестности. Теперь еще мы съ изумленіемъ смотримъ на остатки древнихъ шлюзовъ этого регулятора нильскихъ водъ, который былъ твореніемъ Аменхатпа III, прозваннаго «морскимъ царемъ». Каналы сооружались какъ для орошенія, такъ равнымъ образомъ и для судоходства.

(Окончаніе будетъ).

С М Ъ С Ъ .

Юбилей павіана. Берлинская газета сообщаетъ слѣдующія подробности о празднованіи одного весьма оригинальнаго юбилея: «Въ среду 8-го октября праздновался, со всеми подобающими юбилару почестями, въ извѣстномъ дѣтскомъ циркѣ Брекмана, 25-ти лѣтній юбилей службы свѣлаго вѣзоча высшей школы, обзвѣяны-павіана Мумми, произведеннаго по случаю этого дня въ шталмейстеры». Дѣти, наполнявшія циркъ, выказывавали по этому поводу самую несобуданную веселость. Во время «аффриканскаго ужина», почтенный ветеранъ, силы котораго совсѣмъ еще не ослабли, сидѣлъ за украшеннымъ цвѣтами столомъ, на почетномъ мѣстѣ, и съ весьма важнымъ видомъ принималъ подносимыя ему двойныя порціи лакомствъ. «Тушъ», которымъ прѣвѣтствовалъ его оркестръ, ни мало не сбился его съ толку. Не было недостатка и въ обычныхъ поздравительныхъ телеграммахъ. Веселый секретарь цирка, г. Петеръ, прочиталъ два поздравленія, полученныхъ по телеграфу юбиларомъ, г. шталмейстеромъ Мумми, въ томъ числѣ одно отъ «заключенныхъ въ Гамбургѣ 69 обезьянъ», возбудившее со стороны дѣтей взрывъ неудержимаго хохота. Дрессированныя собаки, коза Гинора, испытаннаго искусства, слонъ и лошади, дрессированныя на свободѣ, отличались на славу; въ заключеніе маститый «юбиларъ» появился еще разъ въ качествѣ шталмей-

стера и ѣздилъ на лошади высшей школы съ свойственнымъ ему спокойствіемъ. Празднество не обошлось, конечно, безъ вѣнковъ и лакомствъ, брошенныхъ юбилару «публикою».

Съ почтовыхъ марокъ, уже бывшихъ разъ въ употребленіи, въ Америкѣ обыкновенно смываютъ почтовый штемпель и снова пускаютъ ихъ въ обращеніе, чрезъ что правительству соединенныхъ штатовъ наносится ежегодный убытокъ въ милліонъ долларовъ. Во избѣжаніе этого, правительство старается отыскать такія чернила или такую краску, которыя невозможно было бы смыть. Болѣе 4,000 образцовъ чернилъ и краски были предложены для этой цѣли правительству, которое передало марки, перечеркнутыя ими, профессору Тонри для испытанія. До сихъ поръ ни одна изъ марокъ не выдержала испытанія, такъ какъ профессоръ могъ въ теченіе часа очистить 30 изъ нихъ. Большинство испытанныхъ до настоящаго времени чернилъ имѣютъ своимъ основаніемъ анилинныя краски или желѣзо. Тѣ, основаніемъ въ которыхъ служилъ уголь, выводились всего труднѣе. Многіе сорта чернилъ могли быть смываемы съ помощью воды и мыла. Употребленіе чернилъ, химическій составъ которыхъ одинаковъ съ составомъ красокъ, употребляемыхъ для печатанія марокъ, или же чисто механическое

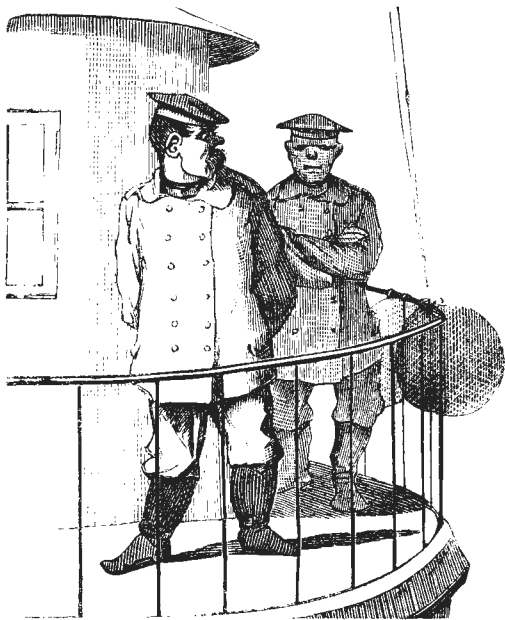
повреждение послѣднихъ, единственныхъ, какъ кажется средства, могущія предохранить почтовое управление отъ упомянутыхъ выше убытковъ.

Новая Калифорнія. Въ Америкѣ, между Спрингомъ и Раяндъ Крикомъ, открыта новая обитованная земля—новый золотоносный край. Говорятъ, что тамъ такое изобиліе золота, какого нигдѣ еще не встрѣчали, а кромѣ того — этотъ край богатъ водой и роскошной флорой, что значительно облегчаетъ работы золотопромышленниковъ. Весь слой между черноземомъ и лежащимъ подъ нимъ скалистымъ грунтомъ переполненъ золотомъ, и американцы туда стремятся съ такимъ рвеніемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно встрѣтить 300—800 и даже 1,000—1,500 искателей богатствъ. Край этотъ уже раздѣленъ на участки между золотопромышленниками, и капитанъ Доджъ занялъ окрестности двумя эскадронами кавалеріи, для защиты каравана профессора Джени, производящаго тамъ геологическія развѣдки. Но едва ли этому отряду удастся удержать сіуксовъ въ почтительномъ отдаленіи, и вѣроятно скоро возобновится рѣзня, ибо не смотря на то, что этотъ край вашингтонскимъ правительствомъ признанъ собственностію сіук-

совъ, бѣлые все-таки туда стремятся толпами, побуждаемые «золотою горячкой».

Счастье въ несчастіи. Арабская газета «Зедра», издающаяся въ Багдадѣ, передаетъ слѣдующій анекдотъ о персидскомъ шахѣ. Насръ-Эддинъ смѣнилъ недавно намѣстника одной провинціи, такъ какъ былъ недоволенъ имъ; впрочемъ, онъ обещался имѣть его въ виду для назначенія на другое мѣсто. Черезъ нѣсколько недѣль является къ бывшему намѣстнику мнимый служитель шаха и передаетъ ему, вѣроятно съ цѣлью получить хорошую награду, фирманъ отъ шаха, назначающій его снова намѣстникомъ одной провинціи. Бывшій намѣстникъ, обрадованный тѣмъ, что снова пріобрѣлъ милость «царя царей», тотчасъ же поспѣшилъ во дворецъ къ шаху, чтобы благодарить его за свое новое назначеніе. При этомъ оказалось, что фирманъ былъ подложный. Къ счастью шахъ, бывшій тогда случайно въ хорошемъ расположеніи духа, посмѣялся надъ этимъ проществіемъ и выдалъ озорывшему намѣстнику другой фирманъ, которымъ дѣйствительно назначилъ его намѣстникомъ одной провинціи.

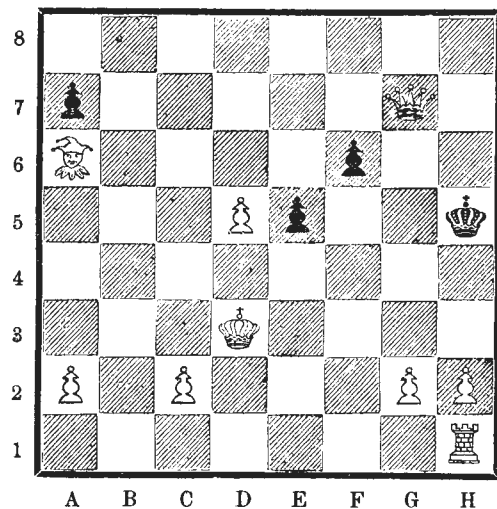
ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

- Вотъ, кружимся, вертимся, словно мельница!
- Вѣрно, Иванъ Кузьмичъ! За то въ прошломъ году и довергѣлись до мельницы...
- Да, братъ, сгорѣло да... не выгорѣло!

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 4.

Бѣлые.

- 1) d3 — c5 +
- 2) d2 — d3 ×

Черные.

- 1) d6 — c5°

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣла церкви.

— Къ числу реформъ по духовному вѣдомству, стоящихъ на очереди, принадлежитъ реформа нашихъ монастырей. Слышно, что всѣ монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе, предполагается обратить въ общежительные, причемъ монашествующей братіи будетъ разрѣшено избирать себѣ настоятелей; со введеніемъ общежитій въ монастыряхъ и съ предоставленіемъ имъ избирать изъ своей среды настоятелей, всѣ монастыри, состоящіе въ непосредственномъ управленіи епархіальныхъ и викарныхъ архіереевъ, предполагается отчислить отъ ихъ управленія и затѣмъ, всѣмъ епархіальнымъ архіереевъ, согласно церковнымъ постановленіямъ, вмѣнить въ обязанность жить при каедральныхъ соборахъ въ архіерейскихъ домахъ. Что-же касается викарныхъ архіереевъ, живущихъ въ епархіальныхъ городахъ, то они, по прежнему, будутъ имѣть

пробываніе въ монастыряхъ, но уже безъ управленія оными.

Дѣйствія правительства.

Имѣющіе указы, данные правительствующему сенату:

1875 года, января 1-го. Нашему генералъ-адъютанту, вице-адмиралу *Попову I*, Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ адмиралтействъ-совѣта, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и въ прежнихъ должностяхъ.

Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать по сему надлежащее распоряженіе.

Января 9-го. Состоящему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, свиты нашей генералъ-майору князю *Шаховскому-Глибову-Стрѣльнику* Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть тамбовскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ въ свитѣ нашей и въ генеральномъ штабѣ.

Января 12-го. Товарищу управляющаго морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютан-

ту, вице-адмиралу *Лесовскому* Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть управляющимъ морскимъ министерствомъ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта.

Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать по сему надлежащее распоряженіе.

— Государь Императоръ Высочайше по-

Опечатка.

Редакція, желая своевременно помѣстить въ «Нивѣ» рисунокъ, изображающій катастрофу на Одесской желѣзной дорогѣ и статью «Отъ пирамидъ до Сень-Готтардскаго туннеля», откладываетъ помѣщенную въ № 5-мъ и обозначенную въ содержаніи статью «Библиографія», съ 4-мя рисунками, до слѣдующаго номера.

Продолженіе въ прибавл. на стр. 89 и 90.

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

вѣтъ союзивили: на фуражкахъ гражданскихъ чиновъ военного вѣдомства (кроме медицинскихъ) имѣть присвоенную имъ кокарду не на околышкѣ, а надъ нимъ, спереди, по срединѣ тульи.

Военное дѣло.

— Изъ Андиджана. Многочисленные неприятельскія скопища, съ Абдурахманомъ-автобачи во главѣ, говорить «Русск. Инв.», сосредоточились въ Андиджанѣ, жители котораго рѣшились отчаянно защищаться. Андиджанъ сталъ главнымъ оплотомъ партіи войнъ 4-го января произведена рекогносцировка сѣверной и восточной окраинъ города, указавшая выгодную артиллерійскую позицію у Акъ-Чакмака. Рекогносцировка была встрѣчена живымъ огнемъ неприятеля. 7-го чис. отрядъ переведенъ усиленнымъ переходомъ отъ Мусулманъ-кулъ-арыка на высоты къ Акъ-Чакмаку. Избѣгая кровопролитія, два раза было послано въ городъ предложеніе о сдачѣ; второй посланный зарѣзанъ. 8-го января, утромъ, взявъ штурмомъ пригородный кишлакъ Ескиликъ, чѣмъ и обезпечено расположение артиллеріи. Тотчасъ-же приступлено къ обстрѣливанію города; выпущено 500 снарядовъ, а въ 12 часовъ дня двинуты въ городъ штурмовыя колонны генеральнаго штаба полковника Пичугина, флигель-адъютанта ротмистра барона Меллера-Закомельскаго, 1-го стрѣлковаго баталіона капитана Юнова, подъ общимъ начальствомъ полковника барона Меллера-Закомельскаго; резервная колонна, подъ начальствомъ генераль-майора Скобелева. Колонны овладѣли центромъ города и высотой Гуль-тубе. Немедленно же, подъ руководствомъ туркестанской саперной роты штабсъ-капитана Церинцаго, устроена батарея, съ которой на слѣдующее утро артиллерія наша продолжала громить городъ. Колонны, двинутыя 9-го числа впередъ, уже не встрѣтили сопротивленія; городъ занятъ, Потеря наша ограничивается: убитыми—два нижнихъ чина; ранеными: одинъ офицеръ и шесть нижнихъ чиновъ. Потеря неприятеля громадная. Объясняется это тѣмъ, что неприятель не угадалъ фронта атаки, сосредоточился густыми массами на другой сторонѣ, подвергся дѣйствию нашей артиллеріи и приведенъ въ панику, послѣдствіемъ чего было занятіе сильной наружной ограды и приведеннаго въ крѣпкое оборонительное состояніе города съ относительно малымъ урономъ. Скопища и жители бѣжали въ Асакъ. 10-ю января генералъ Скобелевъ занялъ дворецъ внутри города, гдѣ было отслужено благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору. Окрестные кишлаки изъявили покорность; жители Андиджана начинаютъ возвращаться.

— «Русск. Миръ» передаетъ, что въ военномъ министерствѣ, въ дополненіе къ правиламъ о сверхсрочной службѣ унтеръ-офицеровъ, вырабатывается, въ настоящее время, вопросъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ, которыя предполагается выдать лицамъ, прослужившимъ на вторичной службѣ опредѣленное число лѣтъ.

Морское дѣло.

— Изъ Виады сообщаютъ въ «Кроншт. Вѣстн.», что крейсерскою флотиліею сдѣланы въ послѣднее время значительныя услуги мѣстной морской торговлѣ и виадыскимъ жителямъ. Такъ, крейсеръ этой флотиліи, шхуна «Зоркая», оказала помощь двумъ коммерческимъ судамъ, терпѣвшимъ у города Виады бѣдствіе, за что виадыскіе коммерсанты высказываютъ полную признательность командиру этого судна, капитанъ-лейтенанту Нелидову. Команда той же шхуны оказала большую помощь при тушеніи вспыхнувшего въ городѣ Виадѣ пожара. Во время этого пожара, благодаря принятымъ капитанъ-лейтенантомъ Нелидовымъ мѣрамъ и привезенной съ судна пожарной

помпѣ, удалось остановить губительное дѣйствіе огня.

Литература.

— «Русскій Миръ» передаетъ, что нашъ высокоталантливый романистъ Ф. М. Достоевскій предполагаетъ въ теченіе настоящаго года издавать ежемѣсячными выпусками «Дневникъ писателя».

Послѣ краткаго предисловія, авторъ предполагаетъ перейти къ вопросу о современныхъ дѣтяхъ. Вопросъ этотъ на столько важенъ, а наблюдательность и талантъ автора настолько извѣстны, что мы, безъ сомнѣнія, будемъ имѣть случай познакомиться съ весьма серьезными мыслями и выводами. О дѣтяхъ вообще, о дѣтяхъ съ отцами, о дѣтяхъ безъ отцовъ въ особенности, о дѣтяхъ богатыхъ и бѣдныхъ, о дѣтяхъ-преступникахъ— вотъ канва автора.

Затѣмъ, «Дневникъ писателя» будетъ заключать въ себѣ бесѣду о слышанномъ и прочитанномъ, обо всемъ, остановившемъ на себѣ вниманіе автора въ теченіе мѣсяца.

Такимъ образомъ, «Дневникъ» является какъ бы большимъ фельетономъ, съ тою только важною разницей, что фельетонъ, за мѣсяць, касается извѣстнаго событія уже не какъ новости дня, а можетъ даже представить серьезный выводъ изъ этого событія и указать на его связь съ общимъ движеніемъ.

Мы приветствуемъ мысль Ф. М. Достоевскаго объ изданіи «Дневника» въ такой формѣ самыми лучшими пожеланіями. Свободная бесѣда художника-психолога, затрогивающая самыя разнообразныя явленія нашей общественной и нравственной жизни, по нашему мнѣнію, можетъ и должна получить важное и полезное значеніе.

— Въ концѣ января появятся въ печати «Историческія изслѣдованія и статьи К. П. Побѣдоносцева. Безъ сомнѣнія, книга эта, при серьезной учености и талантливости почтеннаго автора, составитъ весьма важный вкладъ въ нашу литературу.

— На дняхъ долженъ появиться отдѣльнымъ изданіемъ новый романъ Ф. М. Достоевскаго «Подростокъ».

Народное образованіе.

Бъ «Русскій Миръ» пишутъ изъ Варшавы, что въ началѣ настоящаго учебнаго года въ Варшавскомъ университетѣ состояло всего 466 студентовъ, въ томъ числѣ: на историко-филологическомъ факультетѣ (самомъ малочисленномъ всегда)—33 чел., физико-математическомъ—51, юридическомъ—164 и медицинскомъ (самомъ многочисленномъ)—218 человекъ. Кроме того, допущено къ слушанію лекцій постороннихъ слушателей—33 человека и фармацевтовъ 1-го курса—83, а втораго курса—84 человекъ.

— Та же газета слышала, что на разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія поступило ходатайство о разрѣшеніи устройства въ Одессѣ частнаго института новыхъ языковъ, съ цѣлью дать желающимъ лицамъ возможность, при небольшихъ расходахъ, изучить эти языки. Предполагается преподаваніе русскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго и англійскаго языковъ, и кромѣ нихъ, будутъ преподаваемы древніе языки—латинскій и греческій. Преподаваніе каждаго языка имѣеть быть раздѣлено на три курса, каждый курсъ въ пять мѣсяцевъ, по расчету трехъ уроковъ въ недѣлю. Плата за курсъ назначается въ десять рублей, причѣмъ недостаточныя лица вовсе освобождаются отъ платы.

Служба и извѣстія.

„St.-Petersburger Herald“ передаетъ, что по слухамъ, проектъ о преобразованіи министерства государственныхъ имуществъ будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ около 1-го іюля. Сама реформа будетъ введена не ранѣе 1-го января 1877 года. По проекту,

предполагается упраздненіе всѣхъ палатъ государственныхъ имуществъ, замѣненіе ихъ окружными управленіями, завѣдывающими каждое нѣсколькими губерніями. Управленіе дѣлами по земельному устройству крестьянъ, сосредоточенное теперь въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и во временномъ отдѣленіи министерства государственныхъ имуществъ, будетъ передано въ вѣдомство послѣдняго.

— Судя по извѣстіямъ изъ Берлина, тамъ серьезно начинаютъ заниматься Россією. Такъ, напр., редакция оффиціонной «Сѣверо-Германской Всеобщей газеты», желая посвятить болѣе мѣста русскимъ дѣламъ, пригласила въ редакторы „русскаго отдѣла“ своей газеты барона фонъ-деръ-Брюггена, лифляндскаго дворянина-литератора, бывшаго редактора издающагося въ Ригѣ журнала „Baltische Monatschrift“.

— «Моск. Вѣд.» сообщаютъ, что распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія удержано преподаваніе латинскаго языка для желающихъ въ кишиневскій женской гимназій, а расходъ на вознагражденіе преподавателя взять на счетъ министерства.

Банкротство.

— По поводу несостоятельности въ Ригѣ сообщаютъ газеты что въ Берлинѣ нахотился 26-го (14) января, въ сильномъ затрудненіи одинъ торговый домъ, ведущій товарную торговлю, который, вѣроятно, въ самомъ непродолжительномъ времени объявитъ себя несостоятельнымъ. Фирма эта состояла въ оживленныхъ вѣсельныхъ сношеніяхъ съ нашимъ рижскимъ домомъ Лессера и Ко. По случаю означеннаго вѣсельныхъ сдѣлокъ, пассивъ этой фирмы будетъ, вѣроятно, довольно значителенъ.

О несостоятельности въ Ригѣ въ ту же газету пишутъ, что у двухъ нашихъ фирмъ (Шеплера и Лессера) активы превышаютъ пассивы номинально, такъ что многія обязательства не реализированы вовсе или могутъ быть реализованы съ трудомъ. Потому, полная удовлетворенія кредиторовъ не предвидится.

Въ передовой статьѣ, по поводу банковаго переполоха въ Ригѣ, напечатанной въ № 14 «Бирж. Вѣд.», было сказано, что «акціи рижскаго коммерческаго банка заложены въ большомъ количествѣ въ здѣшнихъ банкахъ, которые, потери». На послѣдней петербургской биржѣ дѣйствительно большая часть банковыхъ акцій понизилась въ цѣнѣ по причинѣ опасеній за потери петербургскихъ банковъ отъ рижскихъ несостоятельности. По этому поводу биржевой хроникеръ «Journal de St.-Péterbourg», отлично знающій положеніе дѣлъ въ нашихъ банкахъ, замѣчаетъ, что опасенія эти ни на чемъ не основаны.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ котору редакція журнала «Нива» поступила пожертвованія въ пользу жертвъ возстанія въ Герцеговинѣ отъ слѣдующихъ лицъ: Ал-ва, въ Таганрогѣ, 4 р. 50 к.; Ва-ва, въ Саратувѣ—50 к.; М-во, въ Новооблазѣ—50 к.; Гд-то, въ Богуславѣ—50 к.; Цл-ва, въ с. Днишевѣ—50 к.; Кн-ра, въ Тотьмѣ—50 к.; Ил-го, на ст. Вербѣ—50; Б-ва, въ Тулѣ—10 к.; Кол-ва, въ Зарайскѣ—1 р. 50 к.; Вер-ра, въ Тирасполѣ—50 к.; Б-ко, въ Кутайскѣ—50 к.; К-ва, на ст. Зимичка—2 р. 50 к.; Я-ва, въ Великихъ Лукахъ—50 к. и 2-та—3 р.; всего 16 руб. 50 коп., которые сданы въ Главное Управленіе Общества пооченія о раненыхъ и больныхъ янвнхъ 20-го января 1876 года, подл квантанцію за № 141.

СОДЕРЖАНІЕ: Николай Михайловичъ Языковъ (съ портретомъ). — Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повесть Э. Маритта. (Продолженіе). — Маленькая герцеговинна стихотвореніе (съ рисункомъ). Б. — Ресфа, защищающая тѣла своихъ сыновей отъ хищныхъ птицъ (съ рисункомъ). — Снѣнки (съ рисункомъ). — Библиографія (съ 4-мя рисунками). — Смѣсь. — Юмористическіе очерки (съ рисункомъ). — Шахматы. — Разныя извѣстія. — Почтовый ящикъ. — Прибавленіе. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЬ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. № 12.

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акци, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранннхъ биржахъ, взимая за то 1/80 комисіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложеныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги, внесенныя:

на текущій счетъ	6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ	7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ	8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Июля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленію за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣднія исполняютъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то комисіи.

Вкладчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ прислать по почтѣ и имя высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обонхъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иностранныхъ по 50 коп.

Отъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ провинціи, контора, по прежнему, принимаетъ перестраховку принятыхъ ими на страховку билетовъ. Объ условіяхъ обратиться къ конторѣ.

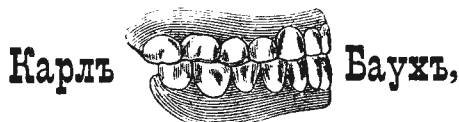
Продаетъ билеты 5%, съ выигрышами обонхъ займовъ съ разсрочною платема по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

причемъ могущій упасть, со времени полученія конторою задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающіе состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности. 5—2

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карль Баухъ,

жительствоющей по Большой Морской, домъ Росмана № 9,

приготавливаетъ искусственныя зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. 6—2

ОМБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ КАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ навѣстныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рульковуса и Гольма, въ Казанской, на углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у Полицейскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6—3

СѢМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовые инструменты предлагаетъ гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ

вновь открытая сѣменная торговля

А. Ушакова

въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же. Подробный прейсъ-куррантъ высылается безплатно. 6—2

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—29

Зубной врачъ БАРСЪ.

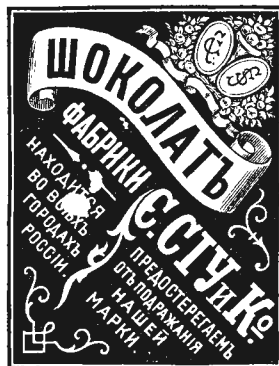
Искусственныя зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—8

Годъ НАСТОЛЬНАЯ шестой ПРИХОДОРАСХОДНАЯ КНИГА И КАЛЕНДАРЬ на 1876 годъ.

Послѣ отчетливо напечатанныхъ свѣтцевъ и особо табельныхъ дней заключаетъ въ себѣ раздѣленные на графы листы съ заголовками всевозможныхъ предметовъ ежедневнаго расхода, въ которые остается вставлять только цифры. Книга для удобства хозяевъ и хозяекъ приспособлена такъ, что итоги каждаго дня помѣщаются рядомъ, одинъ послѣ другаго, и тѣмъ даютъ возможность ежедневно проверять свои расходы, а въ концѣ листовъ образуются итоги мѣсячныхъ расходовъ. По прототѣ изложенія и по практичности своей, книга эта необходима для каждаго желающаго правильно вести свое хозяйство и тѣмъ соблюсти свою экономію. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп. и въ изящномъ коленк. перепл. 70 коп.; съ перес. ярошюр. 1 экз.—45 коп.; 6 экз.—2 р. 10 к., 10 экз.—3 руб. 20 коп. На пересылку экземпляра въ папкѣ и въ переплетѣ предлагается въсвоихъ по разстоянію за одинъ фунтъ. Иногороднымъ книгопродавцамъ дѣляется значительная уступка. Адресъ издатся, П. А. Александрова: въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Почтамта, возлѣ арки, входъ подъ воротами, кв. № 32. Также продается у книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы и въ бумажныхъ лавкахъ. 2—2

Въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы поступили въ продажу сочиненія **В. А. БЕККЕРА:**

- 1) Хариль, сцены изъ жизни древнихъ Грековъ, ц. 1 р. 25 к., въ коленк. перепл. 1 р. 75 к.
- 2) Галль, сцены изъ римской жизни времяя Августа, ц. 1 р., въ коленк. пер. 1 р. 50 к.

45—24

ДЛЯ ПРИДАНАГО въ магазинѣ «ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ» (въ С.-Петербургѣ, Лиг. просп. д. № 57). Можно получить всю обстановку кухни отъ 50 руб. и дороже, кромѣ того имѣется большой выборъ различныхъ предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ, а также и галантерейные товары. Цѣны весьма умѣренныя, такъ какъ магазинъ въ основу своей торговли положить: довольствоваться самыми малыми барышами, рассчитывая на болѣе частый оборотъ капитала. Прейсъ-куррантъ выдается и высылается безплатно.

СТОЛЯРНОЕ И МОДЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ, по Больш. Морск., д. № 4, кв. № 13. Принимать заказы на мебельную работу по изысканнымъ рисункамъ и модельную работу по конструкторскимъ чертежамъ. Имѣется готовая мебель. Дубовые и полисандровые складные стулья по 50 р. дюжина, за штуку 5 р., очень удобныя для деревенъ, дачъ и охоты. 4—1

26—7

ИЗДАНИЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

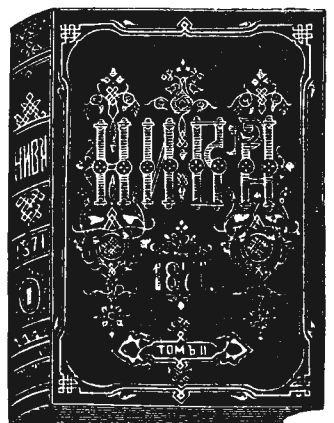
Очерки, повѣсти и разсказы **В. В. Арестовскаго** (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЪ» 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времяя Екатерины П. **И. Петрова** и **В. Клюшниковъ**. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВЪ» 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щербета ласточка. Сочиненіе **Шпильсатена**. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЪ» 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

КРЫШКИ

для переплета «Нивы» 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 г. по образцу показанному рядомъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплестъ «Ниву» въ такую коленкорovou крышку.

ЖИВА

№ 6

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

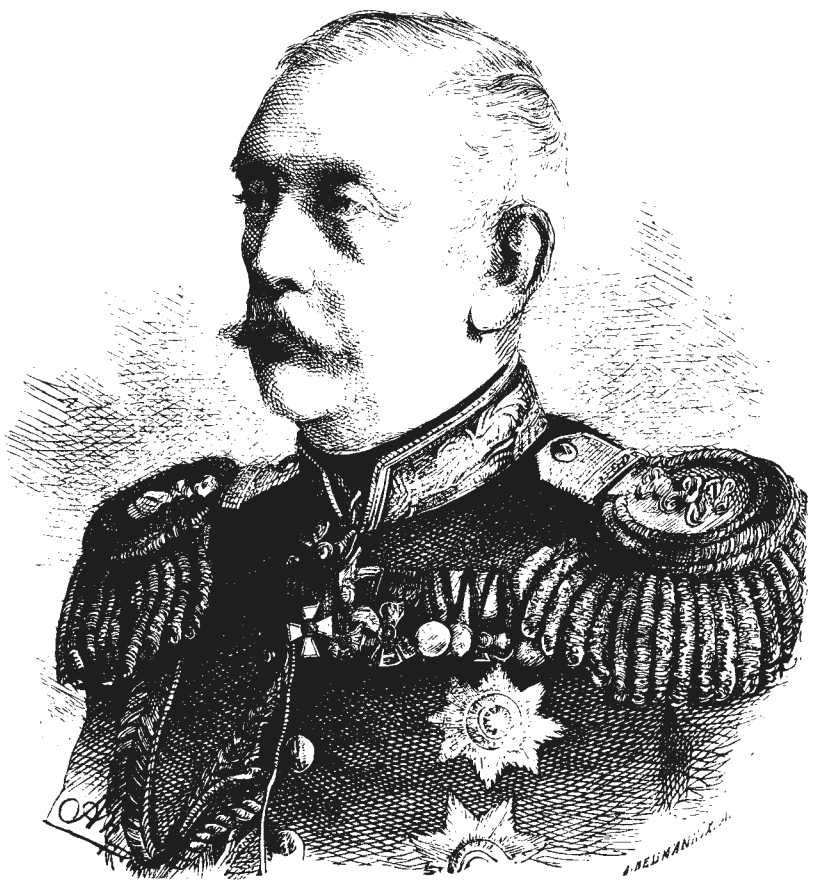
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп. Выданъ 9 февраля 1876 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всея другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшія №№ въ 1876 году.

Князь Александръ Аркадіевичъ Италійскій Графъ Суворовъ Рымникскій.

го 1876 года въ Петербургѣ праздновался 50-ти лѣтній юбилей служенія въ офицерскихъ чинахъ генералъ - инспектора всей пѣхоты, члена Государственнаго совѣта, генералъ-адъютанта князя Италійскаго, графа Александра Аркадіевича Суворова - Рымникскаго, внука знаменитаго полководца времени Императрицы Екатерины II и Императора Павла I генералиссимуса князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова - Рымникскаго. Единственный сынъ князя Александра Васильевича — князь Аркадій Александровичъ, своими душевными качествами и воинскимъ талантомъ напоминалъ своего неутомимаго въ походахъ, знаменитаго отца и уже дослужился до званія начальника дивизіи, какъ въ 1811 году, утонулъ въ рѣчкѣ Рымникѣ, той самой, которая прослывала незабвеннаго его отца, знаменитаго полководца. Послѣ смерти князя Аркадія Александровича, единственнымъ потомкомъ знаменитаго пол-

Князь Александръ Аркадіевичъ Италійскій Графъ Суворовъ Рымникскій. Рисов. и гравир. А. Нейманъ.

ководца времени Екатерины II и Павла I остался сынъ его, семилѣтній князь Александръ Аркадіевичъ, 50-лѣтній юбилей котораго и праздновался 1-го января 1876 г. Князь Александръ Аркадіевичъ родился 1-го іюля 1804 года, первоначальное воспитаніе получилъ въ Швейцаріи, подъ руководствомъ знаменитаго въ то время педагога Фелленберга, а затѣмъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ. По прибытіи въ Россію, молодой, образованный 20 лѣтній князь поступилъ, по желанію Императора Александра I, въ военную службу въ званіи юнкера лейбъ-гвардіи коннаго полка. При водареніи Императора Николая I, 14-го декабря 1825 г. молодой князь уже стоялъ въ рядахъ войскъ. Съ этого времени молодой князь приобрѣлъ особенное расположеніе Императора Николая I, выразившееся неоднократно, чистоты отеческими попеченіями о немъ. Въ 1826 году, въ день Новаго году, въ первый день нова-

да князь был произведенъ въ корнеты и вскорѣ затѣмъ уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ участвовалъ во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ. Въ персидскую войну присутствіе духа и распорядительность молодого князя при взятіи крѣпости Сардарабата, спасли жизнь покойному Чевкинъ и его сподвижникамъ. За личную храбрость въ военныхъ дѣлахъ противъ Персовъ князь былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бангомъ. Въ теченіи 1828 года, во время турецкой войны, князь участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ подѣ Шумлоу, при взятіи крѣпости Варны; лично же ему сдалась крѣпость Матчинъ. Въ этомъ же году князь былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1831 году князь находился въ главной арміи, дѣйствующей противъ польскихъ мятежниковъ, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и не погибъ, благодаря только случайности; при производствѣ князя въ этомъ же году въ полковники, онъ назначенъ былъ командиромъ баталіона лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Въ 1839 году князь назначенъ былъ командиромъ полка имени своего знаменитаго дѣда—Фанагорійскаго гренадерскаго генералиссимуса князя Суворова полка и въ томъ же году произведенъ въ генералъ-майоры. Во время командованія полкомъ князь Александръ Аркадьевичъ приобрѣлъ себѣ особенное уваженіе и любовь своихъ подчиненныхъ; причемъ какъ самъ лично не позволялъ никогда себѣ оскорблять самолюбіе своихъ подчиненныхъ, такъ и требовалъ отъ офицеровъ челоуѣколюбиваго обращенія съ солдатами. Время командованія князя полкомъ, вспоминается его сослуживцами-подчиненными какъ самое лучшее время ихъ службы. Въ 1842 году князь былъ назначенъ командиромъ 1 бригады 3 гренадерской дивизіи и въ этой должности оставался до 1843 года, въ которомъ былъ отчисленъ въ свиту Его Величества; въ этомъ же году Его Величество король Сардинскій пожаловалъ ему орденъ Благовѣщенія, который имѣлъ его дѣдъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ преимущества, сопровождающія этотъ орденъ, переходили въ потомство изъ рода въ родъ, къ старшему по мужской линіи. Въ 1846 году князь А. А. назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ и награжденъ за 26 лѣтнюю службу орденомъ св. Георгія 4 класса. Въ 1847 и 1838 году князь находился въ Костромской губерніи, куда былъ командированъ для успокоенія умовъ населенія отъ неудачныхъ распоряженій мѣстной администраціи во время бывшихъ въ Костромѣ частыхъ пожаровъ и надо отдать справедливость, что князь удадилъ дѣло безъ всякихъ крайнихъ мѣръ, дѣйствуя исключительно своей правдивой и простой, удобоупытной для народа рѣчью. Вслѣдствіе этого удачно выполненнаго порученія, князь А. А. въ 1838 году, во время событий совершавшихся въ Прибалтійскомъ краѣ, былъ назначенъ Рижскимъ военнымъ, Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Курляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Много стоило князю нравственныхъ и физическихъ усилій подавить и разсѣять волненія и панику, вызванныя холерной эпидеміей въ этомъ краѣ отсутствіемъ санитарныхъ мѣръ и медицинской помощи. Князь жертвуя собою, первый показалъ примѣръ безстрашия и энергии, слѣдствіемъ чего было постепенное паденіе страха и населеніе, видя примѣръ своего начальника, перестало бросать большихъ на произволъ судьбы и начало ухаживать за ними; но предшествовавшій этой катастрофѣ голодъ въ Лифляндіи и разлады крестьянъ съ помѣщиками, угрожали еще большей опасностью краю, но бдительность, энергія и въ высшей степени гуманная распорядительность князя А. А. отклонила всѣ могущія быть отъ этого неблагопріятныя послѣдствія. Во время генералъ-губернаторства князя, городъ Рига, какъ торговый портъ, значительно возвысился, такъ въ немъ устроена, заботливостью князя, громадная дамба, давшая возможность приставать судамъ къ порту не разружаясь и защищая суда отъ непогодъ, самый городъ значительно расширился и общій духъ населенія до того успокоился и благосостояніе края возвысилось, что во время подошедшей крымской войны 1854—1856 годовъ, мѣстное дворянство и купечество, по собственной своей инициативѣ, очень много жертвовало на защиту края противъ непріятеля; такъ сооруженъ былъ огромный обозъ для удобнаго движенія нашихъ войскъ, построено 12 капонирскихъ лодокъ и слѣдствіемъ большія затраты на продовольствіе и расквартированіе нашихъ войскъ. Въ 1854 году князь былъ назначенъ командующимъ войсками въ Рижской губерніи и въ 1855 году лично присутствовалъ на магнугольмской батарее близъ р. Западной Двины, во время бомбардированія непріятелемъ съ моря. Въ 1856 году князь былъ назначенъ командиромъ балтійскаго корпуса и войскъ Рижской и Митавской губерній. Въ 1859 году князь А. А. Суворовъ произведенъ былъ въ генералы отъ инфантеріи и въ томъ же году назначенъ былъ шефомъ рижскаго пѣхотнаго полка. Въ 1861 году князь назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта, а въ концѣ того же года петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Съ упраздненіемъ должности петербургскаго генералъ-губернатора, князь былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты, въ каковой должности состоитъ и по настоящее время. Кромѣ того князь А. А. состоитъ президентомъ вольно-эконо-

мическаго общества и членомъ различныхъ благотворительныхъ учрежденій.

Въ день юбилея 1-го января 1876 года князь А. А. Суворовъ удостоился слѣдующаго Высочайшаго рескрипта:

Князь Александръ Аркадьевичъ! Съ особеннымъ и искреннимъ удовольствіемъ пріивѣтствую васъ съ исполнившимся нынѣ пятидесятилѣтнимъ служенія вашего въ офицерскихъ чинахъ, Мнѣ пріятно выразить вамъ чувства истиннаго уваженія и глубокой признательности къ многообразнымъ и полезнымъ заслугамъ, коими ознаменовано ваше подувѣковое служебное поприще. Начавъ боевую службу участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, персіанъ, турокъ и польскихъ мятежниковъ, вы съ юныхъ лѣтъ съ достойною ревностью посвящали себя военному ремеслу и отличнымъ командованіемъ Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ, носящимъ имя великаго полководца, дѣда вашего, генералиссимуса князя Суворова, постоянно снискивали благоволеніе въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича. Состоя долгое время при особѣ Незабвеннаго Родителя Моего въ званіи флигель-адъютанта, генералъ-майора Его Святии и генералъ-адъютанта, вы неоднократно были облекаемы Его особымъ довѣріемъ при возлагавшихся на васъ разнородныхъ порученіяхъ, постоянно къ его удовольствію вами исполнявшихся. Призванные послѣдствіи тѣмъ же высокими довѣріемъ на гражданское поприще, вы не замедлили оправдать его, сначала при временномъ управленіи Костромскою губерніею, а потомъ, и въ особенности, въ качествѣ генералъ-губернатора Прибалтійскаго края, въ которомъ вы, при мѣрною ревностью къ пользѣмъ государства и постоянному заботливостію о благѣ и нуждахъ подвѣдомственнаго вамъ населенія, приобрѣли любовь и уваженіе онаго, и оставили неизгладимую память. Командуя войсками въ томъ же краѣ во время войны 1853—1856 годовъ, вы не переставали обращать Мое вниманіе на ваши труды и попеченія по возложеннымъ на васъ обязанностямъ. Послѣдовательное назначеніе васъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, членомъ государственнаго совѣта и генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты служить доказательствомъ постояннаго признанія Мною высокаго заслугъ вашихъ престолу и отечеству и неизмѣннаго моего довѣрія къ вашимъ достоинствамъ и къ испытанной, безпредѣльной преданности вашей ко мнѣ. Участіе ваше въ дѣлахъ государственнаго совѣта и сердечная заботливость о преуспѣяніи заведеній общественаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ, по званію предсѣдателя попечительнаго совѣта оныхъ и нынѣ обращаютъ на себя Мое постоянное вниманіе. Высоко ценя всѣ многообразныя, истинно полезныя услуги ваши и личную глубокую преданность вашу престолу, Я въ ознаменованіе особаго Моего къ вамъ благоволенія, всемілостивѣйше жалую вамъ препровождаемый у сего, алмазамъ украшенный портретъ Мой, для ношенія въ пеллацѣ, на андреевской лентѣ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Искренно васъ любящій и благодарный

Александръ».

Князь А. А. Суворовъ имѣетъ всѣ русскіе ордена и множество иностранныхъ.

Многіе изъ старыхъ сослуживцевъ князя, его друзей и знакомыхъ, а также бывшихъ подчиненныхъ, желая увѣковѣчить память пятидесятилѣтняго юбилея князя, открыли между собою частную подписку для учрежденія особаго капитала съ благотворительной цѣлью. По всеподданнѣйшему о семъ докладу высочайше повелѣно: собранный по этой подпискѣ капиталъ принять и передать въ вѣдѣніе комитета о раненыхъ, для храненія на одинаковыхъ съ другими неприкосновенными капиталами основаніяхъ, подѣ наименованіемъ: «капиталъ свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадьевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго», съ тѣмъ чтобы изъ процентовъ съ этого капитала выдавались инвалидамъ нижнихъ чиновъ 70 пѣхотнаго Рижскаго полка, котораго шефомъ состоитъ князь Александръ Аркадьевичъ и 11-го Фанагорійскаго, знаменитаго дѣда князя, генералиссимуса Суворова полка. Кромѣ того, по Высочайшему Государя Императора соизволенію, въ память благотворительной дѣятельности князя А. А. Суворова, въ качествѣ предсѣдателя С.-Петербургскаго попечительнаго совѣта, будутъ выставлены, на собранныя по частной подпискѣ деньги, портреты свѣтлѣйшаго князя во всѣхъ больницахъ, подвѣдомственныхъ С.-Петербургскому попечительному совѣту, въ обуховскій же больницѣ три хирургическія отдѣленія получать наименованіе «Отдѣленія князя Суворова».

Рижское биржевое купечество поднесло князю А. А. Суворову въ день пятидесятилѣтняго юбилея службы въ офицерскихъ чинахъ, альбомъ, содержащій въ себѣ изображеніе зданій и построекъ, которыя были возведены въ Ригѣ, во время управленія его прибалтійскимъ краемъ.

Въ домъ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта:

(Продолженіе).

Флора, пожавъ плечами, отвернулась.

— Я не понимаю васъ, то есть, тебя, бабушка, и другихъ тамъ, въ гостиной, заговорила она рѣзкимъ тономъ:—какъ вы можете переносить всѣ эти ребячества и глупости Генріэтты? Она, пожалуй, скоро притащитъ туда гнѣзда всѣхъ своихъ голубокъ и галокъ!..

— Ну, и почему-же, въ самомъ дѣлѣ, не притащить, Флора? захихикала маленькая дѣвушка, причемъ обна- ружила рядъ мелкихъ, острыхъ зубовъ.—Что-жъ, вонъ, добрые люди молчатъ-же, когда ты расхаживаешь съ перомъ за ухомъ, или являешься съ карманами, напиханными разной кабинетной мудростью...

— Генріэтта! остановила ее строгимъ голосомъ президентша.

Надо признаться, что всѣ движенія этой почтенной дамы были преисполнены, по истинѣ, королевскимъ величіемъ, такъ, даже когда она граціозно подала тонкую руку свою коммерціи совѣтнику—можно было замѣтить въ этомъ движеніи, кромѣ добродушія и привѣтливости, что-то покровительственное, почти явную снисходительность.

— Мы, сидя въ гостиной, узнали, что наконецъ ты возватился, милый Морицъ. Неужели ты заставишь насъ ждать себя, ждать еще? спросила президентша своимъ прекраснымъ мягкимъ голосомъ, который звучалъ по прежнему женственно-нѣжно.

Не болѣе десяти минутъ тому назадъ, когда коммерціи совѣтникъ подходилъ къ виллѣ, онъ чувствовалъ твердую рѣшимость облечься во фракъ и поспѣшить въ гостиную, но теперь, на приглашеніе президентши, отвѣтилъ съ разстановкой, какъ-то нерѣшительно:

— Я попросилъ-бы васъ, дрожайшая бабушка, сегодня извиниться тамъ... за меня... передъ гостями.. Этотъ случай на мельницѣ...

— О, конечно, случай этотъ довольно печальнаго свойства, но зачѣмъ-же и *намъ* страдать отъ этого?... Я, право, не знаю, что сказать моимъ друзьямъ такое, чтобы могло извинить тебя?..

— Ну, эти добрые друзья будутъ-же настолько понятливы, что поймутъ, что Катинъ дѣдушка умеръ! отрѣзала Генріэтта, повернувъ только голову, потому что стояла задомъ къ разговаривающимъ. Она, повидимому, прилежно читала заглавія книгъ на переплетахъ, подойдя къ одной изъ полокъ.

— Генріэтта, я серьезно запрещаю тебѣ вмѣшиваться въ разговоръ и дѣлать подобныя дерзкія замѣчанія, проговорила президентша, — и, какъ мнѣ кажется, ты могла-бы поубавить яркость твоего краснаго головного убора, потому что, если Катинъ дѣдушка умеръ, то вѣдь Катя приходится тебѣ сводной сестрой... Что касается меня и Морица — такъ мы на столько далеки отъ этого родства, что можемъ не придавать оффициально никакого значенія этому печальному происшествію... Конечно, и я готова весьма соболѣзновать, но... вообще мнѣ желательно было-бы, чтобы объ этомъ „случаѣ“ поменьше трезвонили... въ интересахъ Брука... Да, чѣмъ меньше будутъ говорить—тѣмъ лучше.

— О, Господи! Неужели всѣ вы такъ несправедливы къ доктору? воскликнулъ въ порывѣ отчаянія коммерціи совѣтникъ... Говорю вамъ: Бруку нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека въ этомъ дѣлѣ! Онъ употребилъ все свое искусство, все знаніе, чтобы...

— Любезный Морицъ, *отнѣ сительно этого* тебѣ слѣдуетъ послушать моего стараго друга, тайнаго совѣтника, доктора ф. Бэра! перебила президентша, слегка похлопавъ его по плечу и многозначительно указавъ

глазами на Флору, которая въ это время подошла къ своему письменному столу.

— О, пожалуста, бабушка, не стѣсняйся! Неужели ты думаешь, что я такъ слѣпа и глупа, чтобы не видѣть, не знать, какъ судить Бэръ объ этомъ?

Красивая дѣвушка быстро и громко произнесла эти слова, въ которыхъ звучала горечь. Губы ея подергивались, какъ будто ихъ сводила судорога.

— А впрочемъ, прибавила она, Брукъ самъ уже произнесъ надъ собой приговоръ... Онъ не посмѣлъ явиться сюда сегодня вечеромъ, не дерзнулъ попасться мнѣ на глаза...

Генріэтта, стоявшая до сихъ поръ лицомъ къ книжной полкѣ, вдругъ обернулась. Яркая краска мгновенно разлилась по ея блѣднымъ щекамъ и также мгновенно исчезла. У этой дѣвушки были чудные, глубокие глаза; въ нихъ свѣтилось много и страсти, и чувства... Эти большія, сверкающія звѣзды смотрѣли прямо въ лицо Флоры, смотрѣли съ выраженіемъ какой-то робости, страха и горѣли внезапно-вспыхнувшюю ненавистью.

— Ну, это онъ самъ опровергнетъ — онъ придетъ еще, Флора, сказалъ коммерціи совѣтникъ съ видимо-облегченнымъ сердцемъ. — Онъ скажетъ тебѣ самъ, сколько пришлось ему рыскать сегодня... Цѣлый день на ногахъ! Вѣдь ты знаешь, что у него въ городѣ нѣсколько опасно больныхъ; между ними и та бѣдная, маленькая дѣвочка, дочь купца Ленца, которая врьдѣли проживетъ эту ночь.

Молодая дѣвушка засмѣялась тихимъ, горькимъ смѣхомъ...

— Дѣвочка умереть? Да? Въ самомъ дѣлѣ, Морицъ?.. Ну, стой же: Бэръ, прежде чѣмъ отправиться въ гостиную, къ бабушкѣ, зашелъ ко мнѣ, сюда; говорилъ онъ между прочимъ и объ этомъ ребенкѣ, котораго видѣлъ вчера... И Бэръ сказалъ, что болѣзнь не опасная, но онъ боится, что Брукъ не совсѣмъ такъ взялся за дѣло... А вѣдь Бэръ—авторитетъ...

— Ну, конечно, авторитетъ... только терзаемый завистью! проговорила Генріэтта дрожащимъ голосомъ и, быстро подойдя къ зятю, положила на его руку свою.

— Откажись, Морицъ, отъ желанія переубѣдить Флору! Развѣ не видишь—ей хочется обвинить своего жениха!

— Мнѣ хочется?! Экое злое созданье! Я вотъ сейчасъ отдала-бы половину своего состоянія, если-бы могла думать теперь *по прежнему*, когда только что стала его невѣстой, если-бы могла смотрѣть на Брука съ тою-же гордостью, также довѣрчиво, какъ прежде! воскликнула страстнымъ голосомъ Флора... Но со дня смерти графини Валлендорфъ, я молча страдаю, терплю непрерывныя мученія, потому что сомнѣнія, недовѣріе закрались въ мое сердце... А сегодня—нѣтъ! я ужъ болѣе не сомнѣваюсь: я — убѣждена. Во мнѣ, конечно, нѣтъ слабости тѣхъ женщинъ, которыя умѣютъ только любить, не спрашивая себя: достоинъ-ли возлюбленный ихъ преданности?... Я честолюбива, честолюбіе мое обратилось въ страсть... Это не секретъ — пусть всѣ знаютъ! И не будь во мнѣ этого чувства—я-бы замѣшалась въ толпѣ слабыхъ и ко всему равнодушныхъ женщинъ и пошла-бы вмѣстѣ съ ними по широкой, торной дорожкѣ будничной жизни... Да сохрани меня Боже отъ этого!.. Какимъ образомъ иная женщина, мыслящая и дѣйствительно стремящаяся къ чему нибудь солидному (а такія есть), можетъ спокойно, равнодушно проходить свой жизненный путь рука объ ру-

Семейная сцена. Рис. Коварзнев, гравир. Е. Шмидт.

Ватахъ. Рис. Е. Фолькерсъ, грав. Шпехтъ.

ку съ человѣкомъ незначительнымъ, котораго она называетъ своимъ мужемъ—этого я никогда не могла понять!... Что касается меня—взгляды постороннихъ заставляли-бы меня тогда вѣчно краснѣть...

Генриэтта, на этотъ разъ дѣйствительно со злою улыбкой, воскликнула:

— Краснѣть! О, и ты до такой степени стыдилась-бы?!... Вотъ какъ! Ну, конечно, для этого нужно больше мужества: это вѣдь не то что читать объ эстетикѣ, идеалахъ и пр. передъ смѣшливо-зубастой, чуткой толпой студентовъ!...

Флора окинула презрительнымъ взглядомъ маленькую фигурку сестры.

— На шипѣнье такой крошечной ехидны не обращаютъ вниманія. Да и что ты знаешь объ идеалахъ? спросила она, пожимая плечами... Но ты права, если полагаешь, что мѣсто мое скорѣе на кафедрѣ, чѣмъ возлѣ человѣка, который доказываетъ, что онъ только кропаетъ въ наукѣ. Подобныя узы были-бы для меня невыносимы!...

— Это твое дѣло, милочка, замѣтила президентша спокойнымъ тономъ, тогда какъ коммерціи совѣтникъ, въ сильномъ смущеніи, отшатнулся...

— Ты хорошо знаешь, продолжала она, что тебя никто не принуждалъ, не уговаривалъ заковать свои руки въ такія цѣпи.

— О, конечно, я хорошо это знаю, бабушка! Но я знаю также, что тебѣ было-бы гораздо пріятнѣе видѣть меня женою камергера фонъ-Штэттена, человѣка „несостоятельнаго“ какъ въ денежномъ, такъ и физическомъ отношеніи. И ты совершенно справедливо говоришь, что я никому не позволяю быть моимъ руководителемъ, не позволяю вліять на себя, — это потому, что я лучше знаю, какъ должна дѣйствовать, знаю, что мнѣ именно нужно.

— Никто и не будетъ оспаривать этого у тебя, возразила бабушка какимъ-то аристократически-холоднымъ тономъ, однако-же, считаю нужнымъ обратить твое вниманіе на одно обстоятельство, и вотъ именно какое: ты встрѣтишь во мнѣ рѣшительную противницу въ томъ случаѣ, если дѣло это надѣлаетъ много шума. Надѣюсь, ты знаешь меня съ этой стороны... Я скорѣе готова терпѣть скрытый раздоръ въ семьѣ, но не могу вывести публичнаго семейнаго скандала... Я живу съ вами, я охотно приняла на себя обязанность представительницы этого дома—и за то требую безусловнаго вниманія къ моему положенію въ свѣтѣ, требую, чтобы къ имени моему относились съ надлежащимъ уваженіемъ. Я не хочу, чтобы въ обществѣ шептались и шушукались на нашъ счетъ.

Коммерціи совѣтникъ порывисто отвернулся и подошелъ къ незанавѣшанному окну. Онъ сталъ смотрѣть куда-то, въ темное пространство. Погода становилась бурною, вѣтеръ неистово ударялъ въ оконныя стекла; въ огненно-красной полосѣ, идущей отъ другаго окна и ударявшей въ раскачиваемый вѣтромъ кустарникъ, кружились, какъ-бы въ бѣшеннои пляскѣ, снѣжные хлопья кроваваго цвѣта... Мучительныя мысли производили такую-же сумятицу въ головѣ г. Рэмера. Незадолго передъ этимъ онъ еще боролся съ собою: не рассказать-ли, по крайней мѣрѣ, Флорѣ откровенно все, какъ было дѣло, но теперь коммерціи совѣтникъ уже зналъ, что именно передъ ней-то онъ долженъ молчать... Да, молчать, въ противномъ случаѣ президентша оставила-бы его, не желая быть предметомъ „шептання“ и „шушуканья“ въ обществѣ. Онъ не могъ сознаться въ томъ, что эта честолюбивая, красивая дѣвушка, узнавъ истину, сейчасъ пошла-бы вездѣ трубить о ней—не столько изъ любви къ Бруку, сколько изъ самолюбія, желая отклонить отъ себя подозрѣніе, что вотъ будто-бы сердце ея *ошиблось* въ выборѣ, или, лучше сказать, не сердце, а умъ ошибся.

Генриэтта стояла теперь передъ бабушкой. Глаза этой дѣвушки - карлицы горѣли негодованіемъ и что-то насмѣшливое свѣтилось въ нихъ.

— И такъ, изъ за того только, чтобы не было шума, людскаго говора—ты желаешь сестрѣ моей выйти чистой, безупречной изъ этого дѣла?.. Дешево-же она отдѣляется! Ты готова оправдать ее, если она сумѣетъ прикрыть вѣроломство шелковымъ покрываломъ... Э! да тебѣ вовсе не надо быть такой ужасно-щекотливой относительно огласки, скандала... Право, такъ, бабушка! Нужно именно обитать въ гостини, вотъ какъ мы, чтобы знать, что общество относится къ нѣкоторымъ грѣшникамъ, какъ къ старинному мейснеровскому фарфору: чѣмъ больше слееенныхъ кусочковъ, тѣмъ дороже цѣнится фарфоровая вещица!..

— Мнѣ приходится попросить тебя, Генриэтта, остатокъ вечера провести въ своей комнатѣ!

Видно было, что президентша, наконецъ, серьезно рассердилась...

— Ты въ такомъ дурномъ настроеніи духа, такъ ожесточена, прибавила она, что я не могу позволить тебѣ возвратиться въ гостиную.

— Какъ прикажешь, бабушка, такъ и будетъ!.. Не правда-ли, Гансъ, вѣдь намъ даже очень пріятно уйти, мы рады удалиться — а?... проговорила Генриэтта съ улыбкой и прикоснулась щекой къ перышкамъ канарейки, все еще съдѣвшей на ея правой рукѣ. Ахъ, славный ты малый у меня!.. Ну-съ, покойной ночи, бабушка! Морицъ, покойной ночи!..

Она быстро направилась къ дверямъ, но приостановилась у нихъ, и, обернувшись, сказала съ ѣдкой пронойей:

— Надѣюсь, что особа, обладающая такимъ сильнымъ характеромъ, не свернетъ съ прямой дороги, которую навѣрно указалъ-бы ей покойный папа... При жизни его она никогда не смѣла хвастаться *собственной волей!*.. Папа никогда не позволилъ-бы ей не сдерживать слова... которое дано разъ... честному человѣку!..

Какъ-то упрямо откинувъ голову, Генриэтта вышла изъ кабинета, но еще на порогѣ изъ глазъ ея брызнули горячія слезы... Онѣ слышались уже въ послѣднихъ словахъ ея.

— И слава Богу, что она совсѣмъ уходитъ! воскликнула Флора.—Право, нужно умѣть владѣть собой, чтобы окончательно не выйти изъ терпѣнья!

— Да, но я всегда помню, что она дѣвочка болѣзненная, замѣтила президентша сухо - наставительнымъ тономъ.

— Знаешь, Флора, относительно одного она все-таки, по моему мнѣнію, права, рѣшился заговорить коммерціи совѣтникъ.

— Соображай, думай объ этомъ, какъ хочешь, Морицъ, холодно перебила его молодая дѣвушка,—но прошу тебя только объ одномъ: не вмѣшивайся въ это, не обременяй меня—и безъ того борьба, которую я выношу — тяжела... Какъ я ужъ сказала, я привыкла одна справляться и съ собою, и съ другими. Такъ поступлю и теперь. Впрочемъ, ты и бабушка — вы оба можете быть спокойны: мнѣ самой противно быть жестокой, дѣйствовать насильственно... Притомъ - же у меня есть скромный, вѣрный союзникъ—время.

Флора взяла со стола бокалъ съ краснымъ виномъ и омочила въ немъ почти поблѣвшія губы свои.

Президентша, пожелавъ вернуться въ гостиную, молча пошла къ дверямъ и, уже коснувшись ручки замка, обернулась, чтобы воскликнуть:

— Ахъ, кстати, Морицъ! Что-же теперь будетъ съ Кэтой?

— Этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ духовнымъ завѣщаніемъ, отвѣтилъ коммерціи совѣтникъ, вздохнувъ по свободнѣ.—Я нахожусь въ полномъ невѣдѣніи относительно распоряженіи „замковаго“ мельника. Кэта—

единственная его наследница... Но укрепили-ли онъ за ней это право? еще вопросъ. Старикъ всегда не долюбивалъ ее, потому что появленіе на свѣтъ этой дѣвочки стѣбло жизни его дочери. Ей нужно будетъ, во всякомъ случаѣ, пріѣхать сюда на нѣкоторое время...

— Не беспокойся—не пріѣдетъ она. Кэта и теперь еще, какъ и при жизни папа, крѣпко держится за юбку своей старой, несносной гувернантки, замѣтила Флора... Потрудись только снова прочесть ей письма къ тебѣ.

— Ну, можетъ быть, и лучше будетъ, если она останется тамъ, гдѣ находится теперь, заговорила президентша почти съ оживленіемъ.— Откровенно говоря, мнѣ не доставитъ большаго удовольствія принять ее подъ свое крылышко... Еще придется, пожалуй, возиться съ ней по цѣлымъ часамъ... А это порядкомъ сердитъ, раздражаетъ. Полюбить эту дѣвочку и никогда не могла—не потому, что она была ребенкомъ „другой“—нѣтъ, всегда стояла я выше этого, но Кэта слишкомъ много ползала тамъ... на мельницѣ. Ея волосы и платье постоянно были покрыты мучною пылью, ну, и, кромѣ того, это маленькое созданье ужъ очень своевольничало...

— Да, можно сказать, что это былъ образчикъ настоящего упрямоголоваго субъекта изъ простонародья!.. И все-таки—она была любимчикомъ папа! горько усмѣхнулась Флора.

— Ну, это, вѣроятно, потому, моя милочка, что Кэта была послѣднимъ ребенкомъ его, возразила президентша, не допускавшая даже мысли, чтобы кто нибудь изъ близкихъ ей могъ стоять на второмъ планѣ... Папа васъ не менѣе любилъ, прибавила она.—Ну, Морицъ, идешь со мной туда?

Коммерціи совѣтникъ поспѣшилъ принять это приглашеніе, и они вышли изъ комнаты.

Флора, оставшись одна, позвонила Явилась горничная.

— Я хочу перейти въ спальню и работать тамъ, сказала она ей:—отнеси туда письменныя принадлежности и вотъ эти бумаги. Сегодня, разумѣется, я уже никого больше ни принимаю.

Огненно-красная полоса и такое-же пятно на качающемся кустарникѣ разомъ исчезли. Бѣловато-серебристый свѣтъ изъ оконъ гостиной еще далеко за полночь освѣщаль липовую аллею, гдѣ бушевала непогода.

А коммерціи совѣтникъ сидѣлъ уже за ломбернымъ столомъ. Когда онъ вошелъ въ гостиную—всѣ засѣдавшіе тамъ встрѣтили его особенно радушно: кто—любезнымъ привѣтствіемъ, кто—задушевнымъ пожатіемъ руки, и эта радужная встрѣча, какъ теплый солнечный лучъ, приласкала и согрѣла наболѣвшее его сердце.

Находясь среди такого избраннаго общества коммерціи совѣтникъ сталъ убѣждаться, что его образъ

дѣйствія можно считать вполне законнымъ, и ему даже казалось теперь страннымъ, какъ это онъ могъ передъ этимъ терзаться мучительными сомнѣніями?.. Съ какой стати давать поводъ къ ложнымъ толкамъ о себѣ, когда сознаешь, что даже помысломъ не согрѣшилъ?.. Да и какъ-же это все... пошло!...

Теперь до его слуха долетали разныя миленькія скандалѣзныя исторіи, прикрываемыя съ тонкой, многозначительной улыбкой „шелковымъ покрывальцемъ“. Ну, конечно, тутъ бичевали, зло-подсмѣивались надъ нелѣпыми прихотями и заблужденіями особъ дворянскаго происхожденія, но если-бы вдругъ подозрѣніе въ подломъ посягательствѣ на цѣлость содержимаго въ денежномъ шкафѣ „замковаго“ мельника пало на него, коммерціи совѣтника, — о, тогда всѣ эти господа, навѣрно, безопадно оттолкнули-бы его... Онъ вѣдь только втерся въ ихъ кругъ, онъ — выскочка!.. Конечно, теперь коммерціи совѣтникъ не могъ уже утѣшить себя тѣмъ, что *молчаніе* его никому не наноситъ вреда: онъ утаилъ правду, и эта утайка грозила разлучить двухъ людей, уже соединенныхъ обручальнымъ кольцомъ... Э, да вѣдь Флора существо эксцентричное!.. Стѣбитъ Бруку опять блеснуть, отличиться, (а это навѣрно случится, благодаря его познаніямъ и талантамъ)—и она одумается, другое заговорить...

Великолѣпное вино было въ стаканѣ г. Рэмера, и вотъ, нѣсколько глотковъ его окончательно размыли, такъ сказать, послѣдніе слѣды недавней смуты въ его душѣ.

III.

„Замковый“ мельникъ, дѣйствительно, по духовному завѣщанію своему оставилъ все единственной наследницѣ своей — внучкѣ Катеринѣ Мангольдъ, и назначилъ опекуномъ ея то лицо, которому покойный банкиръ также поручилъ опеку надъ дочерью. Опекуны этотъ былъ коммерціи совѣтникъ Рэмеръ.

Какое-то странное ощущеніе пришлось ему испытать при чтеніи духовной мельника... Онъ даже покачалъ головой. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, вотъ, сколько противорѣчій безсознательно живетъ въ душѣ человѣка! Старикъ-мельникъ, въ припадкѣ внезапнаго умопомраченія, вообразивъ, что коммерціи совѣтникъ хочетъ обокрасть его — чуть не задушилъ его, а за часъ передъ тѣмъ далъ ему-же, коммерціи совѣтнику, почти неограниченное право распоряжаться всѣмъ своимъ имуществомъ.

Въ духовной было прописано, что въ случаѣ, если операція будетъ имѣть смертельный исходъ — все недвижимое завѣщателя, за исключеніемъ мельницы, должно быть продано.

(Продолженіе будетъ).

СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА.

Передъ вами картина-жанръ, какихъ, кажется, не мало бываетъ на нашихъ выставкахъ художественныхъ произведеній. Нынче жанръ вообще въ большомъ ходу. Но жанръ жанру рознь: достоинъ вниманія не тотъ жанръ, которымъ художникъ силится, во что бы то ни стало навязать вамъ *volens nolens*, свою какую-нибудь личную мысль, иногда даже совершенно своеобразную. Иное дѣло тотъ жанръ, гдѣ съ первато взгляда вы видите сценку изъ самаго будничнаго жителя-бытья, сценку будто-бы и такъ себѣ, только что довольно бойкс набросанную карандашемъ, вѣрнымъ природѣ, которая, какая бы она тамъ ни была, какъ хотите, драматичнѣ всякой хитро сплетенной придуманности. И вотъ именно такой то жанръ теперь передъ вами. Квартирка сапожника, какого-нибудь Кузьмы Забудыжпикова, на Пескахъ или на Козьемъ болотѣ, со всею своею скромною и типичною обстановкою. Въ полуотворенную дверь показался владѣлецъ этой квартиры со штофомъ въ рукѣ, а за нимъ одинъ изъ его неразлучныхъ, вѣроятно такой же какъ онъ плянчушка: рыбакъ рыбака въ плесѣ видитъ; свой своему поневолѣ братъ; воронъ ворону глазъ не выколетъ и проч. гласятъ пословицы. Но за дверью—супруга владѣльца квартиры, вооруженная полѣномъ, которое въ прахъ способно

превратить, конечно въ ея мощной длани, ея супруга—коротыша. На переднемъ планѣ слѣва дѣти этой четы: дѣвочка по старше въ какомъ-то ожиданіи и страхѣ. Она привыкла къ этимъ сценамъ. Мальчикъ помоложе, что то разбѣгался съ игрушечнымъ конькомъ на шнурочкѣ. Вотъ вся сцена. Всмотритесь хорошенько въ эту сцену изъ домашняго быта нашихъ масгеровыхъ, да даже и не всматриваясь долго въ нее, вы тотчасъ уразумѣете здѣсь драму, разыгрывающуюся, къ прискорбію, можетъ быть слишкомъ часто въ этомъ быту и въ этой средѣ. Да, тутъ драма, а вовсе не комедія, драма, способная схватить за сердце. Какъ натураленъ и милъ нашъ Кузьма, эскортируемый своимъ завсегдаемъ! Какъ типична его «хозяйюшка» — гренадеръ съ полѣномъ, готовящаяся разразить свой гнѣвъ на супруга, забывающемъ домъ и работу для трактира и возвращающемся на веселѣ съ другомъ, ненавидимымъ его супружницею: она почитаетъ этого друга просто на „росту дьяноломъ-искусителемъ“ своего Кузьмы Терентьевича, который безъ этого компаньона былъ бы не въ примѣръ домохозяину и работающаго. Дьяволь-искуситель, по видимому, проигралъ Кузьмѣ штофъ съ Шлиттеровскою анисовочкою. Кузьма хочетъ похвастаться женѣ своимъ выигрышемъ бильярдной партіи, которая, большею частью,

бываютъ ему далеко не счастливы, за что ему отъ дражайшей половины и достается. Сыночекъ Кузьмы, мальчуганъ лѣтъ восьми, завидѣвъ отца со шпофомъ и усматривая виновтенную позу своей милой родительницы, — опроремью бѣжитъ предупредить его о предстоящей бѣдѣ, и отецъ кажется приостановился. А дѣвочка, лѣтъ такъ десяти, очевидно бывшая не разъ свидѣтельницею этого рода домашнихъ сценъ, — замерла теперь въ ожиданіи какой-то возмутительной битвы, въ которой будутъ дѣйствовать ея отецъ и мать и этотъ другъ ея папаша, который, защищая его, самъ подвергается избіенію, заушенію, съ аккомпаниментомъ криковъ, воплей и ругательства. На этотъ гвалтъ явятся уличныя полицейскія власти, составятъ протоколъ съ краснорѣчивымъ описаніемъ подбитыхъ глазъ, вырванныхъ волосъ, и пр. и пр. Завтра будетъ судъ и расправа у мирового съ перспективою кутузки и непрѣмнымъ по-

слѣдствіемъ, — потери двухъ, трехъ рабочихъ сутокъ, составляющихъ жизнь мастерового человѣка. Еще два, три такихъ случая, и семья мастерового грозитъ — голодуха. Съ гоюя глава семейства занеетъ еще сильнѣе, и не далеко то время, что мать отвезутъ въ первую больницу, откуда двери отворятся всего чаще для путешествія безвозвратнаго на Волково или на Митрофаніевское. И что-же? Отецъ безвыходно въ кабацкѣ, мать въ больницѣ, а дѣтшки ходятъ по улицамъ столицы, выпрашивая милостинку у проходящихъ, пока не заберетъ ихъ полиція и не отправитъ въ нищенскій комитетъ, а тутъ, ежели найдутся вакансіи въ школахъ какихъ нибудь, опредѣлитъ ихъ въ такую школу своими пансіонерами.

Ежели-бы только съ дѣтми этими случилось это, а можетъ случиться въ стократъ хуже...

Н о ч ь.

(Изъ Лонгфелло)

Реветь и дико стонетъ вѣтеръ, —
Страшнѣ, гуце мракъ ночной.
Бушуетъ море, въ берегъ плещетъ
Сѣдою, мутною волной...

* * *

На берегу, въ рыбацкѣй хаткѣ,
Мерцаетъ свѣтъ отъ ночника.
Въ окошко смотритъ напряженно
Малютка дочка рыбака.

* * *

Припала русою головкой
Она къ холодному стеклу, —
И разглядѣтъ все что-то хочеть
Сквозь темноту, сквозь ночи мглу.

* * *

А мать тревожно, молча бродитъ, —
Не сходитъ грусть у ней съ лица.
То подойдетъ бѣдняжка къ двери,
То снова бродитъ... безъ конца...

* * *

Что слышно въ злобномъ воѣ вѣтра?
О чемъ свиститъ онъ всю-то ночь,
Порою въ то окно врывается,
Куда глядитъ малютка дочь?

* * *

И отчего, когда на морѣ
Вдругъ зареветъ волна сильнѣй, —
Неволью мать дрожитъ, блѣднѣетъ,
И сердце бьется такъ у ней?...

П. В

С у р к и

Высоко надъ областью древесной растительности всѣхъ европейскихъ горъ, въ особенности же Альпъ Пиренеевъ и Карпатовъ, живетъ одинъ безвредный маленькій грызунъ; ему не страшны, ни высочайшіе каменные откосы, ни тоція лужайки у самаго пояса вѣчнаго льда и снѣга; даже маленькіе скалистые островки между большими глетчерами, въ теченіе года всего недѣль на шесть освобождающіеся отъ снѣга, не кажутся слишкомъ суровыми для выносливаго звѣрка. Звѣрекъ этотъ — сурокъ, *Arctomys Marmota*; онъ чуть-чуть больше кролика, а его темно-бурый, на брюшкѣ рыжеватый мѣхъ, доставляетъ человѣку не слишкомъ завидную добычу. Сурокъ, котораго лѣтомъ часто можно наблюдать на большихъ высотахъ, не смотря на то что онъ очень робокъ и не подпускаетъ къ себѣ человѣка, держится только въ самыхъ высокихъ горныхъ пустыняхъ гдѣ онъ отнюдь не можетъ вредить хозяйству человѣка. Чѣмъ пустыннѣ мѣсто, тѣмъ привольнѣе чувствуетъ себя сурокъ; какая нибудь площадка, стиснутая кругомъ неприступными скалами, узкое ущелье между одинокими пиками, больше всего ему по сердцу. Умѣя вполне цѣнить благодѣяніе солнечныхъ лучей на этой ледяной высотѣ, онъ почти никогда не строитъ своей норки на сѣверной сторонѣ а всегда на той, которая больше всего обращена къ солнцу. Это веселый, живой звѣрекъ; трудно повѣрить что онъ большую часть своей жизни, именно отъ восьми до десяти мѣсяцевъ въ году, проводитъ въ зимней спячкѣ, не многимъ отличающейся отъ смерти. Звѣрекъ этотъ довольствуется самой скудной пищей; онъ питается одной короткой травой и листьями и стеблями сочныхъ альпійскихъ колючихъ растений, да еще мясистыми корнями, какіе попадаются кое-гдѣ въ скудной растительности тѣхъ высотъ. Воды онъ кажется совсѣмъ не пьетъ, такъ какъ въблизи его жилища, рѣдко встрѣчается проточная вода. Лѣтомъ сурокъ живетъ въ

одиночку или попарно, въ своемъ жилищѣ которое состоитъ изъ такъ называемаго котла съ многочисленными ходами, имѣющими отъ 3-хъ до 12-ти футовъ длины. Кромѣ того, въблизи ихъ жилища, находится еще нѣсколько норъ и корридоровъ на случай бѣгства; они скрыты или подъ камнями, или подъ клокками травы, и, чуть звѣрку угрожаетъ опасность, онъ съ быстротой молніи юркнулъ туда и прощай. Лѣтомъ, сурки выходятъ изъ своихъ норъ съ восходомъ солнца, но не иначе какъ внимательно прислушавшись своимъ чуткимъ ухомъ нѣтъ-ли какой опасности. Тутъ они щиплютъ короткую траву, до которой не добраться на этихъ неприступныхъ площадкахъ ни козѣ, ни сернѣ, играютъ, возятся другъ съ другомъ, становятся на заднія лапки или нѣжатся на солнцѣ. При малѣйшей опасности, они предостерегаютъ другъ друга пронзительнымъ носовымъ свистомъ, и въ одинъ мигъ исчезаютъ подъ землей. Только что выпадетъ снѣгъ, сурки удаляются въ свои зимнія жилища, находящіеся глубже въ горахъ, но не такой высоты, и лежація фута на 3—4 подъ землей. Они тщательно обложены сѣномъ, крошечныя отверстія заложены камнями; здѣсь сурки лежатъ до слѣдующаго лѣта, какъ мертвые, погружаясь въ свою зимнюю спячку.

Несмотря на всю безвредность сурка, онъ тѣмъ не менѣе преслѣдуется человѣкомъ; альпійскій охотникъ находитъ въ этомъ животномъ вкусное жаркое. По близости лѣтнаго жилища сурка, охотникъ прячется за какинь нибудь большимъ камнемъ поджидая выхода звѣрка изъ норы; въ неосторожнаго попадаетъ вѣрный зарядъ, по возможности пулей, потому что если сурокъ сразу не положенъ на мѣстѣ то можетъ спастись въ нору и пропадетъ для охотника, да еще быстро предостережетъ всѣхъ остальныхъ. Пойманный въ раннемъ возрастѣ, сурокъ легко приручается и дѣлается преразвѣднымъ домашнимъ животнымъ.

В а л а х и.

(Очеркъ).

Валахи, какъ извѣстно, составляетъ часть княжества Румынскаго, состоящаго изъ Молдавіи и Валахіи и занимающаго, собственно, юго-восточный склонъ Карпатскаго хребта. Молдавія находится между Карпатомъ и Прутомъ, а Валахія между Карпатомъ и Дунаемъ. Большую часть населе-

нія этой страны составляютъ, собственно Молдаване и Валахи, говорящіе языкомъ румынскимъ. Языкъ этотъ образовался изъ смѣшенія латинскихъ и славянскихъ словъ, но отъ этого смѣшенія, нельзя сказать, чтобы выработалось въ языкѣ румыновъ нѣчто цѣльное; напротивъ, онъ изобилуетъ прилѣсьемъ мно-

жества словъ венгерскихъ, турецкихъ и греческихъ. Латинскія слова вошли въ языкъ первобытныхъ обитателей этой страны отъ римлянъ-колонистовъ, выведенныхъ сюда во время Трояна въ 103 г. по Р. Х. Валахи и нынѣ называютъ себя румынами, т. е. римлянами. Письменныя знаки ихъ языка состоятъ изъ славянскихъ буквъ, но не смотря на то, что языкъ румынскій есть общій молдаво-валахскій, нарѣчія молдавское и валахское имѣютъ между собою нѣкоторую разницу. Жителей въ княжествѣ Румынскомъ считается въ настоящее время болѣе четырехъ милліоновъ душъ обоого пола и на Валахію приходится около двухъ съ половиною милліоновъ, а на Молдавію одинъ милліонъ и пятьсотъ тысячъ душъ. Всѣ они по вѣроисповѣданію своему принадлежатъ къ православной восточной церкви, и здѣсь учрежденъ, подобно тому какъ существуетъ у насъ въ Россіи, Правительствующій Синодъ, такъ какъ румынская церковь объявлена независимою отъ Патриарха Константинополь-

риоты. Въ послѣднее время завелось не мало поляковъ-эмигрантовъ, которые устроили въ Яссахъ даже свой костель и стараются пропагандировать польскую народность, т. е. говоря откровенно, хотятъ найти и воротить назадъ вчерашній день. Точно также немало можно встрѣтить въ Румыніи нѣмцевъ, итальянцевъ и французовъ, которые забираются въ страну, отбывая въ ней туземцевъ отъ государственной службы, торговли и ремеслъ. Въ рукахъ этихъ лицъ и капиталы, и влияние и большая сила, благодаря тому, что они не Молдаване и не Валахи, а иностранцы. Иностранцами вообще Румынія очень недовольна и сильно косится на нихъ, но помочь сама своему горю не можетъ. Недовольство ея на иностранцевъ всего болѣе происходитъ отъ того, что, въ силу странныхъ договоровъ разныхъ европейскихъ державъ съ Портой, иностранцы пользуются въ этой странѣ правомъ судиться между собою у своихъ консуловъ, а въ дѣлахъ съ мѣстными

Сурки. Рис. Окертъ, грав. Брен'дамуръ

сваго. Молдавія и Валахія, какъ извѣстно, объявлены соединенными въ одно государство, которое теперь считается подъ покровительствомъ пяти великихъ державъ.

Какъ Молдавія, такъ и Валахія въ сѣверныхъ своихъ частяхъ гористы, но за то по теченію Дуная лежатъ большія равнины. Почва страны по большей части черноземная, но обрабатывается весьма неудовлетворительно, по недостатку у населенія необходимыхъ для этого средствъ, какъ экономическихъ, такъ равно и доставляемыхъ просвѣщеніемъ. Нужно при этомъ замѣтить, что земледѣліе въ Румыніи терпитъ нѣрѣдко большія невзгоды отъ нашествія саранчи и отъ частыхъ засухъ. Климатъ страны можно бы назвать вполнѣ здоровымъ, если бы только не существовало въ ней и въ весьма значительной степени, въ особенности въ горныхъ мѣстахъ, болѣзни, извѣстной подъ названіемъ—зобъ. Кромѣ Молдаво-Валаховъ, составляющихъ коренное населеніе Румыніи, въ ней есть въ нѣкоторомъ количествѣ славяне, цыгане, евреи и греки фана-

поданными требовать отъ своихъ консульствъ покровительства и защиты. Понятно, каково мѣстному бѣдному населенію защищать свои права, когда, при каждомъ его столкновеніи съ иностранцемъ, на сторонѣ послѣдняго является покровительство консульства, конечно, всегда болѣе склоннаго на защиту подданнаго своего государства, чѣмъ на его обвиненіе.

Въ этой странѣ превосходно родится кукуруза, пшеница и ячмень. Валахія имѣетъ въ особенности много виноградниковъ. Изъ минеральныхъ произведеній эта страна имѣетъ громадное, можно даже сказать, неистощимое количество каменной соли и кромѣ того въ ней добывается, (болѣею частью въ Молдавіи) селитра. Въ Карнатахъ есть мѣстечко, называемое Овна, гдѣ находятся богатѣйшіе ломки каменной соли. Плоды растутъ въ этой странѣ безъ всякаго попеченія и въ большомъ изобиліи. Домашняго скота много и въ особенности въ большомъ количествѣ имѣются лошади, благодаря обилію полевыхъ травъ на равнинахъ, лежащимъ по обѣимъ сторонамъ р. Ду-

ная. Рѣки Прутъ и Дунай орошаютъ Молдавію, а Алута и Дунай—главныя рѣки Валахіи; границею между обѣими землями служитъ рѣка Серетъ.

Кромѣ всего сказаннаго намъ о княжествѣ Румынскомъ напомнимъ читателямъ нѣкоторые изъ тѣхъ — историческихъ событий, которые, совершившись въ этой незначительной по своему положенію странѣ, занимаютъ въ Русской исторіи важныя страницы. Такъ, напримѣръ, прежнія турецкія крѣпости Турнуль, Журжево и Браиловъ очищены отъ турецкихъ гарнизоновъ къ силу условій адрианопольскаго мира. Фокшаны и Рымникъ напоминаютъ о двухъ побѣдахъ русскихъ и австрійскихъ войскъ надъ турками въ 1789 г., подъ предводительствомъ Суворова. Въ Яссахъ, главномъ городѣ Молдавіи, былъ заключенъ между Россіей и Турціей миръ въ 1791 г., въ силу котораго Россія приобрѣла тогда отъ Турціи страну между Дибѣстромъ и Днѣпромъ и удержала за собою Очаковъ. Въ Бухарестѣ, главномъ городѣ Валахіи, заключенъ миръ между Россіей

и Турціей въ 1812 г. по которому Россія приобрѣла Бессарабію и назначены границею между Россіей и Турціей Прутъ и верхняя часть Дуная. Засимъ, необходимо упомянуть, что съ 1856 г. къ Молдавіи присоединена отдѣленная отъ нашихъ русскихъ владѣній южная часть Бессарабіи по Трояковѣ валу и рѣку Яллухъ.

Нашъ соотечественникъ уже умершій писатель В. И. Кельсиевъ въ своемъ сочиненіи «Галлічина и Молдавія» рассказываетъ, между прочимъ, что финансы Румыніи находятся въ рукахъ евреевъ, что евреи затопляютъ эту страну, направляясь въ нее изъ Россіи. Австріи и Пруссіи, и что греки-фанариоты имѣютъ въ виду забрать въ свои руки румынскіе монастыри, чтобы воспользоваться ихъ доходами.

На приложенномъ рисункѣ изображенъ Валахъ на своемъ крѣпкомъ коньѣ. Уже посадка его и молодецкій видъ показываютъ привычнаго наездника. Лошади Валахины очень крѣпки, бойки и выносливы.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Книга о кievскихъ богатыряхъ. Сводъ 24-хъ избранныхъ былинъ древне-кievскаго эпоса. Составилъ В. П. Авенаріусъ. Съ портретомъ тѣща былинъ Рябинина, работы Л. К. Сѣрянова, и 12-ю картинками, гравированными по рисункамъ А. В. Прохорова въ киелографическомъ заведеніи Клича и Розмичера въ Лейпцигѣ. — С.-Петербургъ. Типографія М. Стасюлевича. 1876.

Еще не такъ давно—во времена Вѣлиньскаго—господствовало мнѣніе, что у насъ настоящей народной литературы, т. е. созданной самимъ народомъ, не существуетъ. Сборникъ «Древнихъ русскійхъ стихотвореній» Кириши Данилова, изданный въ началѣ нынѣшняго столѣтія, пользовался столь малою извѣстностью, что учителя словесности 40—50-хъ годовъ не считали нужнымъ даже упоминать объ немъ своимъ ученикамъ. Съ тѣхъ поръ дѣло нѣсколько измѣнилось: ревностные собиратели народныхъ эпическихъ пѣсень: Кирѣевскій, Рыбниковъ, Гильфердингъ, исходившіе не одну губернію, чтобы непосредственно со словъ самихъ народныхъ расповѣдъ записать стихотворныя сказанія про древнюю Русь, подарили намъ цѣлыми томами такъ-называемыхъ былинъ, которыя затѣмъ, съ 60-хъ годовъ, проникли и въ учебныя заведенія. Но кому охота и время перечитывать десятки отрывочныхъ, испорченныхъ вариантовъ одной и той же былинъ, чтобы основательно съ нею ознакомиться? Кому охота и время всѣ былинъ одного и того же круга привести самому въ правильную систему, чтобы составить себѣ совершенно точное понятіе объ описываемой ими эпохѣ? У кого, наконецъ, средства, чтобы приобрести десятки сборниковъ былинъ? А между тѣмъ сколько истинной, неподрожавшей поэзіи разсыяно въ этихъ древнѣйшихъ памятникахъ нашей народной словесности, которые, до нашихъ дней сохраненные въ памяти народной, изложены и языкомъ вполне для него понятнымъ, хотя и самобытнымъ, оригинальнымъ. Поэтому нельзя не приветствовать появленія книги, заглавіе которой мы выписали. Составитель ея, г. Авенаріусъ, поставилъ себѣ задачу — дать русскимъ читателямъ и, въ особенности, русскому юношеству, возможность въ одной, не слишкомъ объемистой книгѣ (въ книгѣ г. Авенаріуса 336 стр. въ 8 д.) ближе ознакомиться съ лучшими перлами древне-кievскаго эпоса. Съ этою цѣлью сличивъ, по стихамъ, всѣ извѣстные варианты избранныхъ былинъ кievскаго эпоса, выбравъ лучшіе стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложения, затрудняющія плавное теченіе стиховъ,—онъ составилъ возможно-полный сводъ каждой былинъ. Расположивъ затѣмъ былинъ въ хронологическомъ порядкѣ, онъ, по примѣру итима Зимрова и финляндца Ленрота, сгруппировавшихъ разрозненные отрывки древне-германской «Пѣсни объ Амелунгахъ» и финской «Калевалы» въ святыя поэмы—связалъ былинъ въ последовательную хронику, начинающуюся женитьбой князя Владиміра и кончающуюся гибелью всѣхъ богатырей. Значеніе всѣхъ встрѣчающихся въ бытовомъ эпосѣ анахронизмовъ, фактовъ, личностей и предметовъ, требующихъ поясненія, указано въ особыхъ примѣчаніяхъ; вышедшимъ изъ употребленія или малоизвѣстнымъ народнымъ словамъ приложенъ алфавитный указатель, а во введеніи къ книгѣ сообщены весьма интересныя данныя о происхожденіи былинъ. Наконецъ, книга украшена портретомъ извѣстнѣйшаго распада нашего Рябинина, прекрасное исполненное академикомъ Сѣряковымъ, и 12-ю рисунками А. Прохорова, обратившаго особенное вниманіе на соблюденіе въ костюмахъ, домашней утвари, архитектурѣ и проч. возможной археологической вѣрности.

Мы поставлены въ возможность представить нашимъ читателямъ четыре изъ этихъ рисунковъ, причемъ, для большаго уясненія ихъ, считаемъ неизлишнимъ изложить вкратцѣ содержаніе тѣхъ былинъ, къ которымъ они относятся.

Владиміръ Святой или, какъ величается онъ въ бытовомъ эпосѣ, «Владиміръ-солнышко, стольно-кievскій», есть то цен-

тральное солнце, вокругъ котораго вращается дѣйствіе всѣхъ былинъ.

«Не ясенъ соколъ съ теплѣ гнѣзда солѣтываль,
Не бѣдой кречѣтъ съ теплѣ гнѣзда сообрываль:
Возрастаетъ самъ батюшка Владиміръ князь
Съ своего большаго мѣста княженецкаго...
По столовой гриднѣ запохаживаль,
Частую бородку запоглаживаль,
Бѣлыми руками заразаживаль,
Ясными кудрями запотряхиваль,
Пословечко сударь выговариваль...»

Въ этихъ немногихъ чертахъ образъ князя-солнышко востаетъ передъ нами какъ живой. Рядомъ съ нимъ безотлучна его стольная княгиня Апраксія, которая

«Ходить—словно бѣлая лебѣдушка,
Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день;
А и въ грамотѣ-то больно горазда.»

Около нихъ и прелестной, граціозной племянницы «княжечкой» Забавы Путятичны—небольшой, но яркой звѣздочки, группируется вся ихъ солнечная система, планеты и кометы—богатыри и богатырицы. Самая крупная и самая огнистая изъ этихъ планетъ, неоптимальный Кохипоръ въ звѣздномъ вѣнцѣ кievскаго солнца—Илья Муромецъ, вѣчный рабоборець за общинное дѣло, за равноправность сословій, неизмѣнный защитникъ вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ «людшукъ», безкорыстный «обстоятель» и оберегатель отчизны отъ враговъ внутреннихъ (Соловей разбойникъ), духовныхъ (Идолице) и вѣнскихъ (Калинь царь). Не касаясь здѣсь предшествующихъ подвиговъ «старого» Ильи Муромца, мы приступимъ прямо къ былинѣ, послужившей сюжетомъ, для первой нашей картинки.

«Ой ты, мать-сыра земля, поразступися-ка!
Небеса вы синія, раздайтеса!
Темны тучи, во едино не скопляйтеса!
Богатырской силушкѣ тошнѣхонько,
Горе лютое со старымъ приключилося:
Поразгнѣвался на стараго Владиміръ князь,
Приказаль его своимъ вѣрнымъ слугамъ
Заложить во погребахъ глубокыхъ,
Позадернути чугуною рѣшѣточкой,
Завалити дубьемъ-кѣлодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпати песками желтыми,
Поморити смертію голодною.»

Навлекъ же «старый» на себя гнѣвъ князя тѣмъ, что слишкомъ энергически возсталъ противъ придворнаго этикета и мѣстничества. Прочіе богатыри, обидѣвшись за своего стараго товарища, развѣхались вонъ изъ Кіева. Въ это самое время

«Не волна на мѣрѣ расходилася,
Не синѣ море да всколыхалоса,
Взволновалса Калинь царь Калиновичъ,
Воспылалъ собака да на Кіевъ градъ.
Ай, собака ты, злодѣй да Калинь царь!
Думаетъ онъ думушку недобрую,
И совѣтуетъ совѣты нехорошіе:
Хочетъ раззорить онъ стольный Кіевъ градъ,
Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
Церкви божія на дымъ пустить,
Князю солнышку да голову срубить,
Со княгиней стольной со Апраксией.»

Подступает онъ подъ Кіевъ градъ съ силой несмѣтной:

«Отъ того отъ пару отъ коннаго
Иль померкло красно солнышко,
Ни луча не взвидѣть свѣту бѣлаго;
Отъ того отъ духу отъ татарскаго
Не можно крещенымъ живымъ быть».

Переполюхился князь Владиміръ и рѣшаетъ, что дѣлать уже нечего —

«На убѣгъ бѣжать изъ Кіева приходится».

Тутъ, однакоже, является князева «дочка молодшенька, малшенька» и объявляетъ, что «старый» здоровъ и невредимъ. Она, изволите видѣть, велѣла подкопать къ «старому» «копи тайныя» и доставляла ему кушанье и питье. Обрадованный князь спускается къ могучему богатырю въ погребъ и бьетъ челомъ постоять за Кіевъ.

«Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
— Я ужъ три года не видѣлъ свѣту бѣлаго —
Какъ простить мнѣ ту обиду кровную?—
— Да не для-ради меня, Владиміра,
И не для-ради моей Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!»

Аргументъ на столько убѣдительно для человѣколюбиваго муромскаго героя, что онъ вскакиваетъ и тутъ же снаряжается въ полъ за другими богатырями. Но тѣ менѣе сговорчивы и на отрѣзъ отказываются идти на помощь князю. Тогда Илья рѣшается идти одинъ противъ всей силы татарской;

«Завязжаетъ прямо во серѣдочку,
Сталь татаровой конемъ топтать,
Сталь поганыхъ копьемъ колотъ,
Подорожною шальгою помахивать,
Будто зелену траву косить:
Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ».

Но подкопали злодѣи подкопъ и захватили его живьемъ. Приводятъ его къ «собакѣ» царю Калину. Тотъ его зоветъ сначала на свою службу. Илья съ негодованіемъ отказывается. Царь не унимается.

«— У меня, собаки, есть двѣ дочери,
Ты посватайся-ка на любой изъ нихъ,
Я любую за тебя замужъ отдамъ.
Говоритъ Илья да не съ упадюко:
— Ай же ты, собака Калинъ царь!
Не случилось со мною сабли острья,
На твоей бы шеѣ я посватался».

На эти слова царь, конечно, не могъ не разсердиться, и вотъ Илью ведутъ въ поле на смертную казнь. Но добрый конь, слышавъ богатырскій похвѣстъ, подбѣгаетъ къ Илью, обрываетъ на рукахъ и на ногахъ его оковы, а спущенная Ильею стрѣла будитъ заснувшихъ въ своемъ шатрѣ русскихъ богатырей, и тѣ на этотъ разъ спѣшатъ къ нему на выручку.

«Завязжали тутъ богатыри правойъ рукой,
Завязжалъ онъ самъ лѣвойъ рукой,
Разгорѣлися сердца ихъ богатырскія,
Расходились жилы богатырскія,
Стали бить-рубить они татаровой,
Стали прижимать ихъ съ двухъ сторонушекъ.
О тѣла поганья татарскія
Иступились сабли острья,
Расщепились копыя долгомѣрныя,
Изломались палицы тяжелыя.
Захватилъ Илья тутъ за ноги татарина,
Сталь кругомъ татаринѣ помахивать;
Гдѣ махнетъ—тамъ улицы татаровой,
Отмахнется—съ переулками,
Самъ татарину да приговариваль:
— А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и живоватъ собака—не избѣрется!
Только то словечко вымолвилъ —
Оторвалась голова татарская,
Угодила голова по силѣ вдоль,
Бьетъ и ломитъ ихъ, въ конецъ губить».

Наказавъ самого царя Калина плеткою, Илья везетъ его въ Кіевъ къ Владиміру, который на радостяхъ устраиваетъ пиръ горой и одѣляетъ подарками всѣхъ товарищей Илья: самъ безкорыстный Илья отъ нихъ отказывается. Царь же Калинъ бьетъ челомъ князю:

«— Ай же ты, Владиміръ князь да стольно-кіевскій!
Не оруби-ка ты мнѣ буйной головы!»

Наишу я съ тобой записи великія,
Буду я платить отъ вѣку до вѣку
Дани-выходи тебѣ, князю Владиміру —
Скоро тутъ домой онъ убирается,
Убирается собака не съ прибитками,
Не съ прибитками, а со убитками,
Со убитками, со стрamotoю вѣчною.
Тутъ ему, собакѣ, и славу поютъ».

Вотъ сжатое содержаніе этой замѣчательной былины, занимающей въ подлинникѣ 23 страницы. Въ примѣчаніяхъ къ ней указано ближайшее историческое значеніе ея.

На второмъ рисункѣ мы видимъ того же Илью Муромца въ глубокой старости, совершающимъ вторую изъ послѣднихъ своихъ «трехъ поѣздочекъ».

«Какъ не пыль дорогой запылелася,
Не туманъ да съ моря подымается,
Не бѣлы снѣжки въ полѣ забѣлелися:
Какъ погуливаетъ старый во чистомъ полѣ,
Забѣлелася его буйная головушка
Со частой, сѣдой, мелкой бородушкой,
Затуманился подъ нимъ его добрый конь,
Запылилась за нимъ сила добрая.
Подъвязываетъ старый къ тремъ дороженькамъ,
Къ тремъ дороженькамъ да перекресточкамъ».

На перекресткахъ горячій камень, а на камнѣ «подпись»:

«Во дорожку ту ѣхать—богату быть,
Во другую ѣхать—женату быть,
А во третью ѣхать—убиту быть».

Подивовавшись и покачавъ головой, «старый» ѣдетъ въ дорожку «гдѣ убиту быть». Но подстерегающіе, его «въ темныхъ мѣстахъ» «станичники-разбойники» не только его не убиваютъ, а перепуганные его удачнымъ выстрѣломъ въ «краковистый дубъ», предлагаютъ ему и «золоту казну» свою, и «платье цвѣтнос», и «добрыхъ коней», а затѣмъ даже званіе атамана разбойничьяго. Насмѣявшись надъ ними, «старый» разсылаетъ ихъ по домамъ.

«Къ отцамъ-матерямъ, къ молодымъ женамъ,
Къ молодымъ женамъ, ко глубокимъ дѣвушкамъ;
Будетъ вамъ стоять при дороженькѣ,
Проливати кровь христіанскую.
Скоро старый назадъ тутъ ворочался,
Прѣвзжалъ ко горячему камешку,
Подписъ старую на немъ захѣриваль,
Подписъ новую на немъ подписываль:
«А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убить не бываль».
Пораздумался старый, проговоришь:
— А поѣду-ка теперь, гдѣ женату быть. —
Какъ отѣхалъ старый за три поприща,
Навѣзжалъ терема златоверхіе.
Выбѣгали двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ,
Посреди ихъ королевна-душечка;
На ней платье-то драгоцѣнное,
Драгоцѣнное платье самоцвѣтное —
На полушечку мѣста рублемъ не купить.
Говоритъ королевна-душечка:
— Ты удаленькій, дородный добрый молодецъ!
Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высокъ терѣмъ,
Напою-накормлю хлѣбомъ-солюю».

Королевна-душечка оказывается, однако, злою волшебницей, бабой Латыгорской, накормивъ и напоивъ старика, она готовитъ ему кровать «подложную». Но «старого» не легко провести:

«У кровати старый головой качаль,
Головой качаль, приговариваль:
— Да я сколько по святой Руси ни ѣживаль,
А такого чуда вѣкъ не видываль!
Знать кровать-то подложная. —
Какъ возьметъ королевну за бѣлы ручки,
Щибанѣтъ ко стѣнкѣ кирпичной,—
Отвернулась кровать подложная,
Увалилась королевна во глубокъ погребъ».

Спустившись самъ въ погребъ, онъ выпускаетъ оттуда сорокъ царей-царевичей, сорокъ королей-королевичей, сорокъ богатырей, раздаетъ имъ все имѣнье-богачество» волшебницы, се же предаетъ смерти. Исправивъ затѣмъ на горячемъ камнѣ и вторую «подпись», онъ отправляется въ дорожку, «гдѣ богату быть». Здѣсь попадаетъ ему превеликій камень «въ тридцать пудъ», такъ же съ «подписью», что «кому подъ силу вывалитъ камень, тотъ найдетъ подъ нимъ богатство несмѣтное». Опять покочавъ головой, «старый» подпадаетъ подъ камень плечомъ, выкатываетъ его за три поприща и находитъ въ глу-

I.

Илья Муромец и Калино Царь.

«А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и живовать собака—не изорвется!»
Только то словечко вымолвилъ —
Оторвалась голова татарская.

II.

Гри поѣздочки Ильи Муромца.

«Ты, удаленый, дородный добрый молодец!
Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высокъ теремъ,
Напою-накормлю хлѣбомъ-солюю»,

III.

Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ.

«Ты прости, прости меня, моя державунка.
 Во винѣ моей прости, во женской глупости.
 Что наказа твоего я не послушалась,
 За Алешку за Поповича замужъ потла».

IV.

Чурила Пленковичъ.

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
 Гдѣ молодухи глядятъ—оконницы звенять,
 А старья старухи костыли грызуть.
 Все глядучи на молода Чурилушку.

бокомъ погрѣбъ общанное богатство, Насыпавъ полную мису чиста сѣребра, другую—красна золота, третью—скатна жемчугу, онъ ѣдетъ въ Кіевъ.

«И воздвигнулъ три церкви соборныя:
Перву церковь—Спасу пречистому,
Другу церковь—Николѣ Можайскому,
Третью церковь—Георгію храброму,
Заводилъ тутъ пѣнье церковное,
Устанавливалъ звоны колокольные:
«Чье имѣнье, за того, пускай идетъ!»
Остальное злато-сѣребро, скачѣнъ жемчугъ
Раздавалъ по нищей братіи,
Раздавалъ по сиротамъ безпріютнымъ».

Затѣмъ, вернувшись въ послѣдній разъ къ горячему камню, захѣриваетъ и третью «подишь»;

«А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убить не бывалъ,
Во другую ѣздилъ—женатъ не бывалъ,
И во третью ѣздилъ—богатъ не бывалъ».

Кромѣ Ильи Муромца, на звѣздномъ небѣ кіевского эпоса ярко свѣтятся еще двѣ звѣзды первой величины: *Добрыня Никитичъ* и *Алеша Поповичъ*, первый—чистый какъ алмазъ, второй—обманчивый, какъ блудящій огонь. Послѣ многообразныхъ подвиговъ, рассказываемыхъ въ предыдущихъ былинахъ, былина о «Добрынь въ отъѣздъ» окончательно обрисовываетъ характеры обоихъ богатырей. Героинею этой предестной былины является молодая жена Добрыни, богатырица Настасья Микулична. Но предварительно мы считаемъ нужнымъ объяснить, что такое были древне-русскія богатырицы или, какъ онѣ называются во былинахъ, «поленицы удалыя». Силою и ловкостью онѣ могли поспорить съ любимъ богатыремъ. Старшая сестра Настасья Микулична, Василиса Микулична, слѣдующимъ образомъ распорядилась съ семью борцами, которыхъ князь Владимиръ выслалъ бороться съ ней:

«Какъ возьметъ во праву руку трехъ борцовъ,
Какъ возьметъ во лѣву руку трехъ другихъ борцовъ,
Столконѣтъ ихъ выветѣ да раскинетъ врозь,
А седьмого то смахнѣтъ во серѣдочку —
На земли лежать всѣ семь борцовъ, не могутъ встать».

Стрѣлять изъ тугаго лука точно также никто лучше ея не могъ:

«Какъ беретъ во рученьку во лѣвую
Стрѣлочку калѣную булатную,
Вытягаетъ тугой лукъ да за ухо:
Спѣла шѣлкова тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла стрѣла калѣная —
Всѣ тутъ сильные, могучіе богатыри
Бросилися будто угорѣлые,
Князь Владимиръ окарачь наползался;
Хлѣснетъ стрѣлка по сыру дубу,
Изломала дубъ въ чѣреня ножѣвые».

Играть въ шашки-шахматы она также были куда мастерица. Тѣмъ не менѣе однако, хотя она и переехалась мужчиной, быстройглазая племянница князя Забава Пугачична узнала въ ней женщину:

«Знаю я примѣты всѣ по женскому:
Какъ по улочкѣ идетъ—что улочка плыветъ,
А по горенкѣ ступаетъ, почащеночко;
Какъ на лавочкѣ сидитъ—колѣвца выветѣ жметъ,
Съ поволобою глаза поваживаетъ.
Рѣчь съ пробизгомъ у ней по-женскому,
Бѣдра крутеньки у ней по-женскому,
Ручки бѣленьки у ней по-женскому,
А и пальчики-то тоненьки по-женскому,
Даже дужки отъ колѣцъ не вышли всѣ».

Такою-то поленицею, до замужества, была и Настасья Микулична. При первой встрѣчѣ ея съ будущимъ мужемъ въ чистомъ полѣ, она только послѣ третьяго удара его оглянулась на коня:

«— Я-то думала, комарыки покусывають,
Анъ то русскіе ботатыри пощѣдживаютъ!»

Когда же онъ ей приглянулся, она безъ дальнихъ околичностей предлагаетъ ему взять ея въ замужество:

«— Не возьмешь меня—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ!»

Вотъ каковы были барышни богатырскаго вѣка! Понятное дѣло, что Добрыня изъ двухъ золь выбралъ меньшее—женитьбу. Послѣ этого, однако, Настасья Микулична вдругъ словно

перерождается, оставляетъ всѣ свои богатырскія замашки и дѣлается самою преданною, любящею женою. Такою видимъ мы ее и въ былинѣ о «Добрынь въ отъѣздъ». Добрыню князь Владимиръ посылаетъ на пѣлые годы въ ратное поле. Ему, примѣрному семьянину, человѣку деликатному, миролюбивому, хотя и сильному, такое порученіе далеко не по сердцу; но надо покориться. Трудно найти въ былевомъ эпосѣ что-нибудь трогательнѣе и поэтичнѣе жалобы отъѣзжающаго Добрыни и провожающей его старухи-матери, къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ выписать эту чисто-народную элегію. По зову свекрови, выбѣгаетъ на дворъ и молодая жена Добрыни и спрашиваетъ, когда ждать его? Онъ велитъ ей ждать три года, а тамъ другіе три. Послѣ шести лѣтъ пускаетъ идти замужъ за кого хочеть, лишь за одного бы не шла.

«За того за бабьяго насмѣшника,
За судейскаго за перелестника,
За Алешеньку Поповича:
Онъ, собака, мнѣ названый братъ,
А названый братъ вѣдь паче рѣднаго».

И вотъ Добрыня уѣзжаетъ.

«Какъ не стѣрыя двѣ уточки сплывались
Не двѣ бѣлыя лебѣдушки слетались —
Какъ сядилися въ одно мѣсто свекровушка
Со своей со молодой невѣстушкой,
Плакали, слезами обливались,
Молода Добрыни дожидались.
А денѣчекъ за денѣчкомъ будто дождь дождить,
А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть,
А годѣчикъ за годѣчкомъ какъ соколъ летить».

Прошли три года, прошли другіе три —

Отъ Добрынюшки ни вѣсти нѣтъ, ни повѣсти.
Какъ привозитъ тутъ Алешенька Леонтьевичъ
Невеселую имъ вѣсточку, нерадостную:
Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ,
Головой лежитъ во часть райитовъ кустъ,
Рѣзвыми ногами во ковыль траву;
Ручки, ножки у Добрыни пораскиданы,
Буйная головка поразломана,
Очи ясныя повыклевали вѣроны,
А сквозь желтыя кудѣрышки
Прорастаетъ травушка шелковая,
Расцвѣтають цвѣтики лазуревы».

Старушка-мать «жалобнехонько» плачетъ; а къ молодой женѣ сватомъ и свахой являются самъ князь Владимиръ съ княгиней, сватають ея за Алешу Поповича. Она еще не поддается: «За мужа прождала шесть лѣтъ; прожду и за себя шесть лѣтъ». Но проходить и этотъ срокъ—Добрыни нѣтъ какъ нѣтъ. А Алеша съ новою вѣстью:

«Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ,
А и косточки то порастасаны».

Молодая вдова не смѣетъ уже перечить князю-свату и принимаетъ съ Алешей «по злату вѣнцу». А одинокая свекровь причитываетъ:

«Закатилось наше красно солнышко,
Закатается теперь и младъ свѣтѣлъ мѣсяцъ!»

Но вотъ наѣзжаетъ къ ней съ поля

Добрынь молодець, дѣтвиушка залѣшанинъ;
Платица на немъ не цвѣтныя—звѣринья,
Конь подъ нимъ косматый, будто лютый звѣрь».

Онъ выдаетъ себя за названнаго брата Добрынина, котораго, будто бы, встрѣтилъ въ полѣ еще вчера, и, узнавъ, что жена Добрынина празднуетъ только что свадьбу, проситъ нарядъ скоморошій, чтобы, по заказу будто бы того же Добрыни, сходить на свадьбу. Старушка нѣхоты несетъ ему платя «скоморошныя», гусли «скоморошныя» и дубинку сорока пудовъ. Разобидѣвъ приворотниковъ и придверниковъ и чуть не повздоривъ съ самимъ княземъ, «удала скоморошина» садится у муравленой печки.

«Положилъ гусѣлышки ярѣвчаты
На свои колѣна молодецкія,
Учалъ-почалъ струночки налаживать,
Учалъ да по струночкамъ похаживать,
Самъ подъ струнки годоскомъ поваживать:
На пиру кругомъ всѣ пріумолкнули,
За столомъ кругомъ всѣ позаслушались».

А новобрачная княгиня Настасья Микулична удивленно возглашаетъ, что только покойный мужъ ея умѣлъ такъ играть. Князь, также смилостивившись, предлагаетъ удалой скомороши-

нѣ съѣсть куда хочеть. Тотъ садится противъ новобрачной, наливаетъ чару вина, опускаетъ въ нее золотой перстень и подноситъ Настасьѣ:

«— Хощь видать добра—такъ допивай до дна,
Не допьешь до дна—такъ невидать добра».

Допила она до доньшка, прикатился перстень къ устамъ ея «сахарнымъ», и узнала она обручальное кольцо Добрыни Никитича.

«Поклонилась князю, говоритъ сама:
— Ахъ ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Анъ не тотъ мой мужъ вѣдь, что возлѣ меня,
Тотъ мой мужъ, что супротивъ меня.
Выходила вонъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
Пала мужу ко рѣзвымъ ногамъ:
— Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, по женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замужь пошла!
Не охотою берутъ меня, не честию.
Силою берутъ меня, неволею».

Надо же какъ нибудь оправдаться! Добрыня—человѣкъ мягкій, прощаетъ; прощаетъ и князя-свата съ княгиней-свахой; готовъ простить и брата названнаго за то, «что садился къ молодой женѣ»; но одной винѣ онъ не можетъ ему простить: что «слезилъ его родитель-матушку». Ухвативъ Алешеньку за желтые кудри, онъ сталъ его по горенкѣ поваживать, звонкими гусельками охаживать —

«Сталъ Алешенька Леонтьевичъ поохивать,
Да отъ буханья не слышно было оханья».

Отпустивъ, наконецъ, его душу на покаяніе, Добрыня цѣлуетъ жену и уводитъ за руку домой.

«Смотритъ та честнѣ вдова старушенька:
Какъ не зоренька румяная поразсвѣла,
Какъ не звѣзды частыя разсыпались —
Какъ свѣтелъ мѣсяцъ во горенкѣ порѣзсвѣтилъ,
Красно солнышко во горенкѣ порѣзспекло.
А Алешенька у князя на честномъ пиру
Пѣ край лавочки садился, самъ поохивалъ,
Самъ поохивалъ, да приговаривалъ:
— Всякій то на свѣтѣ женится
Да не всякому женитьба удается-то.
Только-то Алеша и женатъ бывалъ,
Только-то Алеша и съ женой живалъ!»

Если въ Добрынь Никитичѣ мы видимъ представителя благороднаго боярскаго рода, то въ Чурилѣ Плѣнковичѣ, этой хвостатой кометы кіевской солнечной системы, знакомимся съ типомъ великосвѣтскаго франга и волокиты. Къ пирующему князю является толпа мужичковъ-рыболовчичковъ,

«А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Вьютъ челомъ, жалобу творять:
— Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Плѣнковича».

Оказывается, что какіе-то невѣдомые люди по рѣкамъ-озерамъ

«Щѣлковы нѣводы замѣтывали,
Камешки у сѣтокъ-то серебряные,
Поплочки на сѣткахъ позолоченные:
Бѣлую рыбицу повыпугали,
Щукъ, карасей повыловили,
Междуку рыбицу выдавали».

Да въ добавокъ еще самихъ жалобчичковъ «избили-изранили». Называютъ же себя дружиною Чуриловою.

«Та толпа со двора не сошла,
Новая съ поля появилася,
Все мужички-птицеловчички».

За этими—мужички-звѣроловчички. Всѣхъ ихъ въ промыслѣ ихъ разобидѣлъ, разорилъ Чурила. На вопросъ князя: «Кто-жь это Чурило?» одинъ изъ старѣйшихъ бояръ, Бермята, рассказываетъ о жить-бытьѣ Чурилы, да въ такихъ увлекательныхъ краскахъ, что князь съ княгиней и со всею свитой собирается въ путь на «Чуриловъ дворъ поглядѣть». Встрѣчаютъ ихъ отецъ Чурилы, старый Плѣнь, и проводятъ ихъ въ теремъ. Князь не надвуется на убранство дома, но краше всего потолокъ:

Вся луна небесная повыведена:
Солнце на небѣ—солнце въ теремъ,
Мѣсяцъ на небѣ—мѣсяцъ въ теремъ,
Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремъ,
Пѣ небу звѣздочка покатится —
Въ теремъ звѣздочки посыплотся;
Все по небесному въ теремъ,
А и всякая краса несказанная».

Но вотъ ѣдетъ и самъ Чурила съ своими лихими молодцами.

«Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горять,
Кони подъ ними какъ соколы летять».

Лучше же всѣхъ самъ Чурила.

«Впереди его скороходы бѣгутъ,
Передъ нимъ отъ солнца подсолдечникъ несутъ,
Чтобъ не запекло ему бѣла лица;
Самъ онъ ѣдетъ на трехъ лошадахъ,
Съ лошади на лошадь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Шапочки у молодцевъ подхватываетъ,
На головушки молодцамъ подкладываетъ».

Князь даже исполнился: ему, видите-ли, показалось, что то царь какой-то на него войной идетъ; но, успокоенный Плѣномъ, онъ благодушно принимаетъ отъ Чурилы драгоценные подарки и не только не даетъ уже никому суда на него, а зоветъ его къ себѣ на почетную должность стольника и чашника. Но едва только приступаетъ Чурила къ исправленію новыхъ обязанностей, какъ оказывается неблагонадеженъ:

«Рушала княгиня Апраксія
Бѣлое мясо лебединое —
Заглядѣлася на Чурилу сына Плѣнковича,
Бѣлу ручушку себѣ порѣзала,
Со стѣда подъ столъ руку свѣсила».

Князь горючится перевести его на другой постъ—пововщика. Чурила и отъ этого не прочь.

«Ходитъ Чурилушка по Кіеву,
Улицами ходить, переулками,
Князей созываетъ со княгинями,
Бояровъ сбликаетъ съ боярынями,
Жѣлтыми кудрями самъ потряхиваетъ —
Жѣлтые кудри разсыпаются,
Что скаченъ жемчугъ раскатается.
Заглядѣлися всѣ люди на Чурилушку:
Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
Гдѣ молодушки глядятъ—оконницы звенять,
А старыя старухи—костыли грызуть,
Все глядячи на молода Чурилушку».

Впрочемъ, и Чурила нашелъ себѣ наконецъ соперника — въ чужеземномъ щеголѣ Дюкѣ Степановичѣ. Но соревнованіе ихъ составляетъ предметъ особой былинны, вѣстать сказать—наибольше юмористической, и мы воздерживаемся отъ дальнѣйшихъ выдержекъ. Разказаннаго, впрочемъ, мы полагаемъ, достаточно, чтобы дать понятіе о кіевскомъ былевомъ эпосѣ. Въ остальныхъ 20-ти былинахъ «Книги о кіевскихъ богатыряхъ» мы знакомимся, кромѣ Дюка Степановича, еще съ богатыремъ-охотникомъ Вольгой Всеславьевичемъ, съ богатыремъ-крестяниномъ Микулой Селяниновичемъ (отцомъ Настасьи Микуличны), съ богатыремъ-великаномъ Святогоромъ, съ богатыремъ стихіей Дунаемъ Ивановичемъ, съ богатырями-купцами Соловьемъ Будиміровичемъ и Ставромъ Годиневичемъ, съ богатыремъ-бродягой Михайломъ Потыкомъ и другими, не говоря о тѣхъ былинахъ, въ которыхъ описываются иные подвиги знакомыхъ уже намъ четырехъ богатырей.

С М Ъ С Ъ .

Дни счастья. По смерти Абдерахмана III (одного изъ ма- британскихъ калифовъ, царствовавшего 50 лѣтъ), послѣдовавшей въ Кордовѣ въ 961 году, найдена въ его посмертныхъ со-

кровищахъ небольшая записка, писанная его собственной рукой. Въ ней заключались слѣдующія достопамятныя слова: прошло пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ я сталъ калифомъ.

На мою долю выпало богатство, почести и наслаждения. Небо ниспослало на мою главу все свои дары, которыхъ жаждетъ человѣческое сердце. Въ этотъ долгій періодъ блеска и завиднаго счастья, я записывалъ дни, въ которыхъ испыталъ истинное счастье и едва насчитываю ихъ четырнадцать. Пусть судятъ по этому, много ли стоятъ величіе, свѣтъ и жизнь.

Смертность и религія человѣческаго рода. По исчисленію нѣмецкаго ученаго Сигварта, население всего земнаго шара простирается до 1,381,000,000 человѣкъ. По отдѣльнымъ расамъ число это распределяется слѣдующимъ образомъ:

Кавказской	380,000,000
Монгольской , ...	580,000,000
Эіопской	200,000,050
Малайской	220,000,000
Краснокожей	1,000,000

Изъ этого числа ежегодно умираетъ среднимъ числомъ 33,333,333, или почти 60 человѣкъ въ секунду. Только одинъ изъ 10,000 достигаетъ столѣтняго возраста, и только одинъ изъ

500—шестидесятидевятилѣтняго. Только 65 человѣкъ изъ 1,000 вступаетъ въ бракъ; фактъ, что женатые люди живутъ дольше холостыхъ, слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы говорить объ немъ. Не безынтересны также данныя объ отношеніи между числомъ жителей земнаго шара и вѣроисповѣданіями. Въ одномъ новомъ англійскомъ сочиненіи д-ра Гёрста Outleue Slestarу of the Church» (очеркъ исторіи церкви), приводятся слѣдующія цифры относительно этого предмета: христіанство считаетъ 407,000,000 послѣдователей; буддизмъ 340,000,900, магометанство 200,000,000, браминизмъ 175,000,000; все остальные религіи взятыя вмѣстѣ, 174,000,000. Изъ числа христіанскаго населенія земнаго шара, на протестантовъ приходится 131,007,449, на католиковъ 200,339,390 и на восточную церковь 76,396,940. Въ новомъ свѣтѣ, принимая въ расчетъ Сѣверную и Южную Америку, преобладаютъ католики; ихъ приходится 50 931,083 чел. на 36,036,860 протестантовъ и послѣдователей различныхъ сектъ.

Лаколическое завѣщаніе. Микель - Анджело Буонаротти оставилъ слѣдующее лаколическое завѣщаніе: «Душу мою отдаю Богу, тѣло землѣ, а имущество ближнимъ».

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

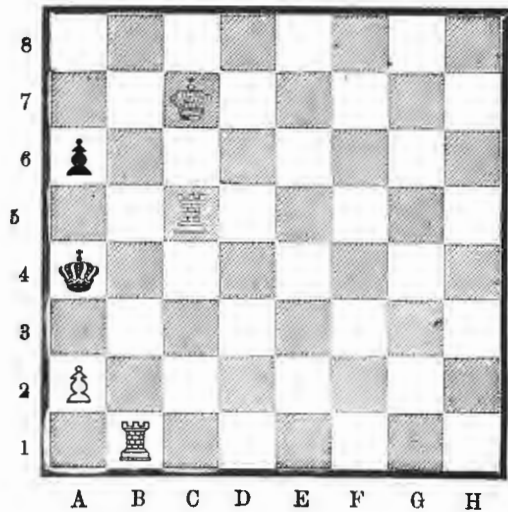

Въ вагонѣ.

Ревизоръ. Вилетъ вамъ позволѣтъ!
— Я вѣтъ не занимаю.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Бѣлые.

- 1) d8 — d2
- 2) a6 — e2
- 3) g7 — g3 +

- 1) Ad libitum.
(какъ угодно).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.
ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Нашему генералъ-адъютанту, генералу отъ инфантеріи, члену Государственнаго и военнаго совѣтовъ, барону Эдуарду Рамзаю.

Въ продолженіе болѣе полулѣтняго доблестнаго служенія вашему престолу и отечеству, вы приобрѣли право на особое Монаршее къ вамъ вниманіе неутомимою полезною дѣятельностью какъ во время военныхъ дѣйствій участвуя во многихъ битвахъ, такъ и въ мирное время, командуя различными значительными частями войскъ. Полученныя вами въ сраженіяхъ знаки отличія свидѣтельствуютъ о личной вашей храбрости, а блес-

тящее состояніе, въ коемъ Мы, къ полному удовольствію Нашему, при неоднократныхъ осмотрахъ, находили бывшія въ командованіи вашемъ войска, постоянно служило Намъ удостовѣреніемъ вашей опытности въ военной администраціи и примѣрной распорядительности. Въ уваженіе таковыхъ заслугъ вашихъ, съ увольненіемъ въ 1873 году отъ должности помощника главнокомандующаго войсками варшавскаго военнаго округа, согласно просьбѣ вашей, по совершенно разстроенному здоровью, вы призваны Нами къ участію въ трудахъ высшаго правительственнаго учрежденія, назначеніемъ васъ членомъ Государственнаго совѣта. Признавая нынѣ справедливымъ почтить васъ новымъ знакомъ Нашего Монаршаго благоволенія, Мы пожа-

ловали васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего святаго апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ вамъ на всегда благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Александръ»

Въ С.-Петербургѣ.
30-го ноября 1875 года.

Дѣла церкви.

— Телеграммою изъ Варшавы, отъ 25 января, „Биржу“ извѣщаютъ: «Сегодня послѣдовало воссоединеніе здѣшняго униатскаго

При этомъ № прилагаются Моды за Февраль съ 31 рисункомъ и большой листъ выкроекъ и прилож. объявленій на стр. 107 и 108. Кроме того прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ.

прихода съ православіемъ, причеиъ и униатскій храмъ освященъ въ православный архіепископомъ Леонтіемъ».

— Въ официальномъ отдѣлѣ «Варшав. Дневн.» напечатано слѣдующее сообщеніе: «Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ газетахъ появляются, время отъ времени, извѣстія, что бывшее униатское духовенство, возсоединенное нынѣ съ Православною церковью, недостаточно обезпечено въ матеріальномъ отношеніи. Имѣя положительныя свѣдѣнія изъ достоверныхъ источниковъ, мы можемъ засвидѣтельствовать, что объ увеличеніи содержанія этого духовенства уже состоялось предположеніе правительства и что въ непродолжительномъ времени этотъ вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ, и тогда матеріальное положеніе бывшаго униатскаго духовенства будетъ не только улучшено, но и вполне обезпечено».

Военное дѣло.

— «Бирж. Вѣд.» сообщаютъ изъ вѣрнаго источника, что войска туркестанскаго военнаго округа усиливаются тремя казачьими сотнями, тремя батальонами пѣхоты и 4 конными орудіями. Изъ нихъ 2 батальона пѣхоты командированы изъ Оренбургскаго округа и одинъ батальонъ — изъ западно-сибирскаго. Занятіе Кокана вполне обезпечивается этими усиленіями.

Туркестанскій генералъ-губернаторъ, какъ слышно, предполагаетъ выхажъ изъ Петербурга въ Ташкентъ въ февралѣ или въ началѣ апрѣля.

Морское дѣло.

— Всѣхъ русскихъ военныхъ судовъ въ портахъ Балтійскаго и Бѣлаго морей въ прошедшемъ году вооружено было для внутренняго плаванія 105, и на нихъ плавало 942 офицера и 9,885 человекъ нижнихъ чиновъ, кромѣ воспитанниковъ морскихъ училищъ. Въ Черномъ морѣ было вооружено 35 судовъ, на которыхъ плавало во внутреннихъ водахъ 321 офицеръ и 2,700 нижнихъ чиновъ. Въ заграничномъ-же плаваніи чиновъ Черноморскаго флота находилось 27 офицеровъ и 212 человекъ нижнихъ чиновъ. Въ Каспійскомъ морѣ плавало 25 судовъ, на которыхъ находилось 96 офицеровъ и 1,096 нижнихъ чиновъ. Въ Аральской флотиліи плавало 6 судовъ съ 16 офицерами и 545 нижнихъ чиновъ. Судовъ Сибирской флотиліи плавало въ прошломъ году 17 и на нихъ было 113 человекъ офицеровъ и 1,230 человекъ нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ оказывается, что всѣхъ русскихъ военныхъ судовъ въ прошломъ году плавало 188, на которыхъ находилось 1,525 человекъ офицеровъ, включая въ это число гардемариновъ и кондукторовъ, и 15,668 человекъ нижнихъ чиновъ.

— «Journal d'Odessa» сообщаетъ, что въ происходившемъ 18 января въ Лондонѣ засѣданіи суда по дѣлу о столкновеніи пароходовъ «Корниловъ» и «Вандаморъ» судъ призналъ пароходъ «Корниловъ» виновнымъ въ этомъ столкновеніи и освободилъ его отъ всякой отвѣтственности.

— Изъ Поти пишутъ, что почти всѣ матросы, кочегары и пр., погибшіе на шкунѣ «Первенецъ», были туземцы—мингрельцы и гурійцы, и что ихъ семейства остались, болѣею частью, безъ всякой поддержки. Зато, по словамъ «Тифл. Вѣст.» русское общество пароходства и торговли въ нынѣшнемъ году получить сто слышимъ процентовъ дивиденда на тотъ капиталъ, который затраченъ былъ ими на приобрѣтеніе акцій этого общества въ тѣ времена, когда управление чуть не довело общество до ликвидаціи.

— «Моск. Вѣд.» пишутъ изъ Одессы, что русское общество пароходства и торговли, несмотря на миліонную субсидію отъ правительства, въ 1875 году понесло громадную потерю: погибли пароходы «Аксай», «Муха», «Первенецъ» и, кромѣ нихъ, пароходъ «Корниловъ», при столкновеніи съ англійскимъ пароходомъ, нанесъ англійскому пароходу убытки, оцененные комиссіей въ Англій въ 20,000 ф. с. (140,000 р.). Если прибавить крушеніе парохода «Михаилъ», случившееся близъ Ялты, то смѣло можно сказать, что вся годовая субсидія правительства едва ли покроетъ эти убытки.

Служе и извѣстія.

— Намъ передавали, что концессія на постройку донецкой желѣзной дороги осталась за г. Мамоновымъ, какъ предложившимъ наименьшую сумму, именно 47,812 руб. съ копейками съ версты. Изъ остальныхъ конкурентовъ, непосредственно за г. Мамоновымъ, слѣдуетъ г. Штейнгель, предложившій строить за 47,820 руб. версту, потомъ идутъ гг.: Шиповъ, оцѣнившій постройку версты болѣе чѣмъ въ 48,000 руб., и Рукавишниковъ—слишкомъ въ 50,000 рублей. Такимъ образомъ, постройка всей линіи донецкой дороги будетъ стоить, по цѣнамъ предложеннымъ гг. Мамоновымъ и Штейнгелемъ, болѣе 22-хъ миліоновъ, г. Шиповымъ—болѣе 23-хъ миліоновъ и г. Рукавишниковымъ—болѣе 24-хъ миліоновъ.

— Мы слышали, что акціонеры общества Оренбургской желѣзной дороги обратились съ ходяствомъ чрезъ правленіе общества о разрѣшеніи имъ, для привлеченія большаго количества грузовъ, построить вѣтви къ городамъ Уральску, Уфѣ и отъ Уфы до Илецкой зашиты. Изысканія на устройствѣ послѣдней вѣтви произведены и представлены, какъ говорятъ, въ министерство путей сообщенія.

— По словамъ «Моск. Вѣд.», черниговское земское собраніе, выслушавъ докладъ одного изъ гласныхъ о томъ, что волостные старшины и писаря избираются въ гласные вслѣдствіе вліянія своего на крестьянъ, постановило ходяствовать о дополненіи статьи 36 положенія о земск. учрежд. въ томъ смыслѣ, чтобы волостные старшины и писаря были устранены отъ избранія въ гласные.

— 27 сего января главное управленіе общества понеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ отправило въ Петинью въ подспорье своему санитарному персоналу и госпиталю, врача Полисадова, фельдшера Анцова и при

нихъ 216 пудовъ госпитальной елади, въ числѣ которой четыре палатки-шатора, каждая на 20 человекъ больныхъ.

— «Бирж. Вѣд.» слышали, что на-дняхъ должны прибыть въ Петербургъ депутаціи отъ нѣкоторыхъ черноморскихъ торговыхъ портовъ, съ цѣлью ходатайствовать предъ правительствомъ о поднятій торговаго уровня этихъ городовъ, значительно упавшаго въ послѣднее время отъ вредной монополіи русскаго общества пароходства и торговли и неправильной эксплуатаціи этимъ обществомъ одесской желѣзной дороги.

Биржа.

28-го января

Фондовая биржа отличалась большимъ оживленіемъ нежели въ предыдущіе дни.

Банковые билеты пользовались спросомъ и сдѣлались нѣсколько крѣпче: за 1-й выпускъ платили 100¹/₈%, за 2-й—99⁷/₈ и 100%.

Билеты 6% серебромъ покупали по 119¹/₂ и 3¹/₄%.
Первый заемъ 1820 г. (5%) по 102¹/₂%, 5-й заемъ 1854 г. (5%) по 100 и 99⁷/₈%. Рента спрашивалась и была сдѣлана по 105 р. Только билеты внутреннихъ съ выигрышами займовъ пребывали въ слабомъ настроеніи и съ наклонностію къ пониженію: за 1-й заемъ платили 215¹/₄, 216 и къ заключенію по 215¹/₂ р. За 2-й 216 и 215³/₄ р. Предложенія ипотечныхъ бумагъ ослабили ихъ цѣну. Заемъ г. С.-Петербурга сдѣланъ по 91 р., городскія облигаціи: слб. по 91¹/₂ и 1¹/₂ р., одесскія—по 84 р.

Закладные листы 5% Общ. взаимнаго поземельнаго кредита по 104³/₈ р. 5¹/₂% херсонскія по 88¹/₄ и 1¹/₂ р.
Изъ акцій частныхъ банковъ имѣли сдѣлки: слб. учетный ссудный — по 312¹/₂ р.; русск. вышней торговли по 213 р. На акціи банковъ, потрясенныхъ недавними несостоятельностями, опять явился спросъ: на рижскій коммерческій по 153 р. и на ревелскій по 100 р.

Изъ желѣзнодорожныхъ акцій помѣщались: главн. Общества по 157¹/₂ р., волжско-одесскія по 96¹/₂ руб., рыбинскія по 80³/₄ р.

Тамбовско-саратовскія по 122¹/₂ р., одесскія по 42 р. и либавскія по 54³/₄ р.

Акціи русскаго Общества пароходства и торговли были сдѣланы по 532 и 730 р. Полуимпералы спрашивались по 6 р. 30¹/₂ к.

СОДЕРЖАНІЕ: Князь Александръ Аркадіевичъ Ита-лійскій графъ Суворовъ Риминскій (съ портретомъ). — Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повесть Э. Марлитта. (Продолженіе).—Семейная сцена (съ рисункомъ).—Ночь. (Изъ Лонфоло) П. В. — Сураи (съ рисункомъ).—Вла-хи (съ рисункомъ).—Библиографія (съ 4-ми рисунка-ми)—Смѣсь.—Юриристическіе очерки (съ рисункомъ).—Разныя извѣстія.—Приложеніе объявленій.—Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Февраль съ 31 рисунками и большой листъ выкроекъ.

Тамбовско-саратовскія по 122¹/₂ р., одесскія по 42 р. и либавскія по 54³/₄ р.

Акціи русскаго Общества пароходства и торговли были сдѣланы по 532 и 730 р.

Полуимпералы спрашивались по 6 р. 30¹/₂ к.

СОДЕРЖАНІЕ: Князь Александръ Аркадіевичъ Ита-лійскій графъ Суворовъ Риминскій (съ портретомъ). — Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повесть Э. Марлитта. (Продолженіе).—Семейная сцена (съ рисункомъ).—Ночь. (Изъ Лонфоло) П. В. — Сураи (съ рисункомъ).—Вла-хи (съ рисункомъ).—Библиографія (съ 4-ми рисунка-ми)—Смѣсь.—Юриристическіе очерки (съ рисункомъ).—Разныя извѣстія.—Приложеніе объявленій.—Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Февраль съ 31 рисунками и большой листъ выкроекъ.

Редакторъ Ф. Бергъ (Военъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дешевое изданіе ЮРГЕНСОНА.

Москва, Петровка № 6. С.-Петербургъ, Б. Морская № 9.

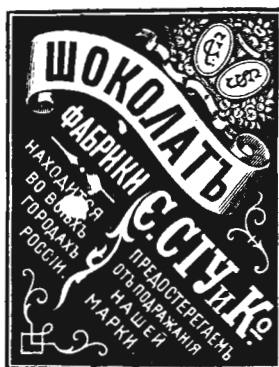
- Шопена Всѣ 27 этюдовъ въ 1 томѣ . . . 1 р. 50
- » Всѣ 19 ноктюрновъ . . . 1 р. »
- » Всѣ 14 вальсовъ . . . 1 р. »
- » Полн. Собр. соч. въ 6 томовъ . . . 15 р. »

Духовная музыка 37 нумеровъ Бортнянскаго. Галуппи. Давыдова переложены на 4 мужскихъ гол. 5 р.
Отдѣльный нумеръ по 20, 25 и 30 гол. Эти же пѣсни для 4 женскихъ гол. печатаются. Бортнянскаго, трехголосныхъ пѣсенъ: 1 р. 50. Виноградова Свяц. 12 духовныхъ пѣсенъ по 30, 40, 50 и 60 коп.

Каталоги бесплатно.

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. Franco Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes. 10—6

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ.

сост. А. Иорданъ.

Вышелъ нынѣ новый совершенно переработанный и исправленный по самымъ лучшимъ и ученымъ свѣдѣніямъ (quellen) 11-мъ изданіемъ состоящемъ изъ 27 хромографированныхъ картъ на 12-ти листахъ. Также приложена большая карта Россіи простирающаяся на востокъ до озера Балкана, со всѣми желѣзными дорогами.

Цѣна атласа. . . 1 руб. 25
» Исторія. . . 1 » 25

продается въ литогр. Ф. Эйлера, у Камен. моста, 29/40 СПб. и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 6—1

О подпискѣ на 1876 годъ
 НА
„НУВЕЛЛИСТЪ“,
 МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

„Нувеллистъ“ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ прошломъ году, и выходить ежемѣсячно тетрадами большаго нотнаго формата, заключающими въ себѣ: салонныя пьесы, танцы и русскіе романсы.

Кромѣ извѣстныхъ композиторовъ, какъ напр. Шумана, Листа, Гендельта, Верди, Штрауса, Оффенбаха и др., имена которыхъ постоянно встрѣчаются на страницахъ „НУВЕЛЛИСТА“, въ будущемъ году знаменитый композиторъ.

П. И. ЧАЙКОВСКІЙ,

общая редакція свое сотрудничество, намѣренъ въ продолженіе года помѣстить въ „НУВЕЛЛИСТЪ“ цѣлую серію своихъ фортепианныхъ композицій, написанныхъ собственно для нашего изданія, характеръ которыхъ будетъ вполне соответствовать какъ названію пьесъ, такъ и впечатлѣніямъ того мѣсяца, въ которомъ каждая изъ нихъ появится въ журналѣ, напр. январь—„У комелька“, февраль—„Масляница“, мартъ—„Пѣснь жаворонка“, апрѣль—„Подсѣзаникъ“, май—„Бѣлая ночь“, июль—„Баркаролла“, июль—„Пѣснь косаря“, августъ—„Жатва“, сентябрь—„Осенняя пѣснь“, ноябрь—„На тройкѣ“, декабрь—„Святки“.

Свѣрхъ огромнаго качества музыкальныхъ пьесъ лучшихъ композиторовъ, которыя къ концу года составятъ обширный томъ отъ 350 до 400 страницъ музыки, и подписчики получатъ въ видъ ПРЕМІИ полную оперу въ двѣ руки по ихъ выбору изъ пятидесяти извѣстныхъ оперъ.

Подписная цѣна въ годъ 5 руб.

Съ доставкою и пересылкою 6 руб.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Нувеллиста“, при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, поставщика двора Его Императорскаго Величества, въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., противъ Малой Морской, № 10.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМЕНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

- 1 за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
- 2) > > Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 >
- 3) > > Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч. 20—1

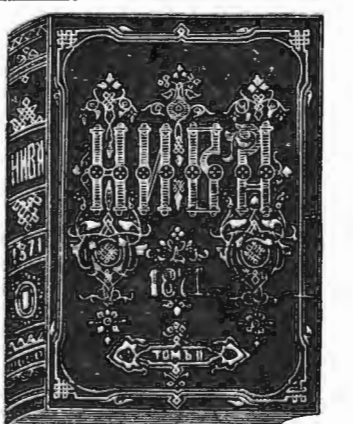
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.
 въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ. Историческая повѣсть временъ Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ безпартійской формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щebetала ласточка. Сочиненіе Шиньшана. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

КРЫШКИ
 для переплета „Нивы“ 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 г. по образцу показанному рядомъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплестъ „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЬ,

№ 12.

Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской.

№ 12.

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимаая за то 1/8% коммисіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подѣ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложеныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и переакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги, внесенныя:

- на текущій счетъ 6%
- на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
- на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ. 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Юля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до источенія срока черезъ 8 дней по заявленіи за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимаая за то коммисіи.

Вкладчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ присылать по почтѣ и имя высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билетовъ обонихъ внутренннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногородныхъ по 50 коп.

Отъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ провинціи, контора, по прежнему, принимаетъ перестраховку принятыхъ ими на страховку билетовъ. Объ условіяхъ обратиться въ конторѣ.

Продаетъ билеты 5% съ выигрышами обонихъ займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяць,

примѣть могущій унестъ, со времени полученія конторою задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежить покупателю.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающіе состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности. 5—3

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

живущій по Большой Морской, домъ Росмана №: 9, приготавливаетъ искусственныя зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. 6—8

СИБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ КАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рувльковіуса и Гольма, въ Казанской, на углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у Полицейскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6—4

СЪМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовыя инструменты предлагаетъ гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ

ВНОВЬ ОТКРЫТА СЪМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

А. Ушакова

въ С.-Петербургѣ, Большая Коношениная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же. Подробный прейсъ-курантъ высылается бесплатно. 6—3

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—30

СТОЛЯРНОЕ И МОДЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ, по Больш. Морск., д. № 4, кв. № 13. Принимаетъ заказы на мебельную работу по вѣщнымъ новымъ рисункамъ и модельную работу по конструкторскимъ чертежамъ. Имѣется готовая мебель. Дубовые и полсандровые складные стулья по 60 р. дюжина, за штуку 5 р., очень удобныя для деревень, дачъ и охоты. 4—2

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственныя зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—4

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 7

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
 Выданъ 16 Февраля 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

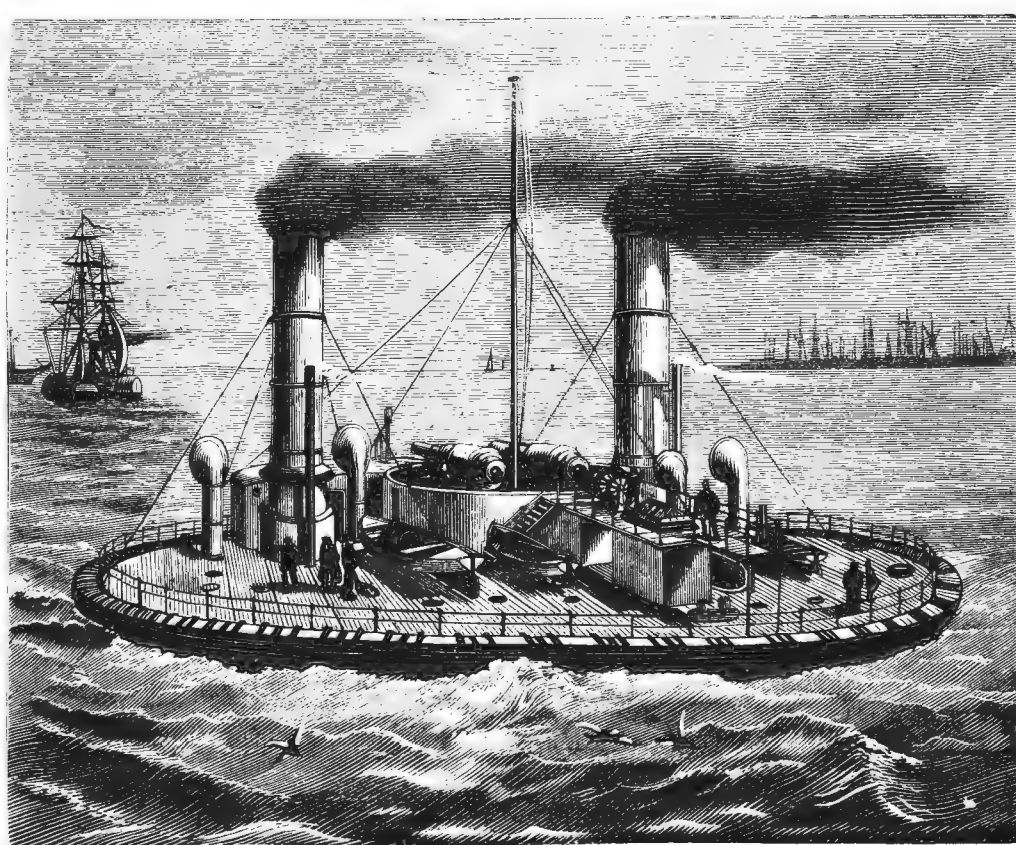
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
 Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже выпедшія №№ въ 1876 году.

Поповка „Новгородъ“.

Типъ нашихъ круглыхъ судовъ—поповокъ, бывшій предметомъ долгой газетной полемики, вызвалъ много высказанное и за и противъ этихъ сооружений. Идея прийти къ круглымъ судамъ уже не нова и разрабатывалась многими инженерами и моряками.

Извѣстнѣйшіе и болѣе или менѣе законченныя проекты круглыхъ судовъ принадлежатъ французскому адмиралу Пари и английскому инженеру Эльдеру. Преслѣдуемая ими цѣль состояла въ томъ, чтобы достигнуть возможности создать судно, способное при незначительномъ углубленіи поднимать значи-

тельный грузъ. Поповка носитъ самыя большія орудія и защищена самою сильною броней, въ этомъ и состоятъ ея несомнѣнные достоинства. Но это достигнуто съ потерями и весьма значительными. Будучи круглымъ и представляя значительную площадь сопротивленія водѣ, судно неизбѣжно не можетъ обладать большою скоростью хода и обращается почти въ укромное только выжидающее и вызывающее непріятеля, но не имѣющее средствъ его преслѣдовать. При встрѣчѣ же съ равносильнымъ противникомъ, поповка въ случаѣ крайности не можетъ отъ него уйти

Броненосная Поповка «Новгородъ». Съ фот. снимокъ на деревѣ, грав. Вейерманъ.

и должна подчиниться всѣмъ случайностямъ боя. Въ этомъ ея важный недостатокъ. Надо, впрочемъ, не упускать изъ виду, что специальное назначеніе «поповки» есть защита узкостей, фарватеровъ и прибрежій и что, слѣдовательно, она не предназначается для боя въ открытомъ морѣ съ линейными броненосцами. Главный вопросъ о невыгодѣ поповки сводится значить къ тому, что защита узкостей, прибрежій и т. п. можетъ быть достигнута съ меньшими затратами, чѣмъ сопряженными съ сооруженіями такихъ капитальныхъ судовъ, стоящихъ каждое до 1,500,000 рублей.

Итъ ли малѣйшаго сомнѣнія, что гораздо дешевле и удобнѣе защищать гдѣ надо берега просто обыкновенными башенными береговыми батареями, тѣмъ болѣе что онѣ и долговѣчнѣе броненосцевъ.

Недостаткомъ «поповки» слѣдуетъ считать и значительное число необходимыхъ для нея машинъ. Условіе это вызывая постоянный усиленный расходъ топлива, увеличиваетъ возможность числа различныхъ случайностей неблагоприятныхъ для боевого судна.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

Относительно этого пункта мельникъ счелъ нужнымъ замѣтить, что мельница сдѣлала его богатымъ человекомъ, а потому внучкѣ его, если-бы даже она стала „такой-же горделивой, высокобренной, какъ ея сводныя сестры“, нечего стыдиться принести въ приданое своему будущему мужу мельницу. Съ рыцарскимъ помѣстемъ указано поступить такъ: разбить его на участки, а затѣмъ лѣса, земли, хозяйственные постройки, луга и обширные огороды—продать съ торговъ. Что касается виллы и принадлежащаго къ ней парка, то коммерціи совѣтнику, буде онъ пожелаетъ купить ее, предоставляется преимущество передъ всѣми другими покупателями, и кромѣ того ему, какъ приобрѣтателю, слѣдуетъ сдѣлать скидку въ размѣрѣ 5000 талеровъ съ опѣнки стоимости виллы. Эти пять тысячъ талеровъ коммерціи совѣтникъ Рэмеръ долженъ принять не только какъ вознагражденіе за хлопоты свои въ качествѣ опекуна, но еще какъ даръ въ знакъ признательности со стороны завѣщателя за то именно, что онъ, коммерціи совѣтникъ, никогда не былъ такъ высокобренъ, какъ „другіе“ обитатели виллы, напротивъ, онъ относился къ нему, Зоммеру, всегда какъ преданный, близкій родственникъ. Далѣе, въ завѣщаніи было указано все имущество обратить въ процентныя государственныя бумаги и въ другія солидныя бумажныя цѣнности—по выбору и усмотрѣнію опекуна, какъ человека дѣловаго и осторожнаго въ такихъ вещахъ.

Катерина Мангольдъ, молодая наследница, цѣлыхъ шесть лѣтъ прожила вдали отъ своей родины. Отецъ, умирая, передалъ ее гувернанткѣ—фрейлейнъ Лукасъ, которая воспитывала дѣвочку чуть-ли не со дня ея рожденія и, дѣйствительно, замѣняла ей мать. Банкиръ зналъ очень хорошо, что онъ не долженъ разлучать свою любимицу съ этой женщиной, онъ видѣлъ, какъ Кэта всегда робко сторонилась отъ своихъ старшихъ сестеръ — и потому распорядился отправить меньшую свою дочь въ Дрезденъ, гдѣ фрейлейнъ Лукасъ какъ разъ въ это время поселилась, выйдя замужъ за доктора, невѣстою котораго она была уже нѣсколько лѣтъ.

Молодая дѣвушка, въ письмахъ своихъ къ опекуну, никогда не изъявляла желанія вернуться на родину, да и дѣду ея, „замковому“ мельнику, тоже какъ-то не приходило въ голову вызвать ее изъ Дрездена: старикъ и въ первое время ничего не имѣлъ противъ отправки дѣвочки въ означенный городъ, потому что видъ этого ребенка всегда заставлялъ его скорбѣть объ умершей дочери, единственномъ существѣ, которое онъ дѣйствительно любилъ... Теперь, когда мельника уже не стало, опекунъ написалъ Кэтѣ, что приглашаетъ ее приѣхать сюда хотя на нѣкоторое время, но оговорился, что, съ наступленіемъ болѣе теплыхъ дней, напр., въ концѣ апрѣля, онъ самъ приѣдетъ за нею... О причинѣ этой оговорки коммерціи совѣтникъ умолчалъ въ письмѣ, но дѣло въ томъ, что президентша Урахъ зая-

вила о положительномъ нежеланіи своемъ видѣть бывшую гувернантку въ качествѣ провожатой Кэты. Молодая дѣвушка извѣстила опекуна, что на все согласна, и только на сдѣланный имъ вопросъ: — нѣтъ-ли у нея какого нибудь личнаго желанія касательно приведенія въ исполненіе духовнаго завѣщанія?—отвѣтила убѣдительно просьбою оставить за нею, при отдачѣ „замковой“ мельницы въ аренду, большую угловую комнату и галковъ, а также сохранить ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ были онѣ при жизни дѣдушки. Опекунъ исполнилъ эту просьбу.

Еще мартъ былъ на дворѣ, когда молодая дѣвушка приѣхала изъ города. Она шла теперь по шоссе на дорогахъ, по обѣимъ сторонамъ которой красовались дачки, и, дойдя до другой — широкой проѣзжей, ведущей къ „замковой“ мельницѣ, свернула на нее. Тутъ еще стояли лужи отъ послѣдняго растаяшаго снѣга; вода не успѣла просочиться въ почву и наполняла широкія борозды, оставленныя колесами мельничныхъ телѣжекъ, и продолговатыя углубленія отъ подошвъ обуви пѣшеходовъ. Стройныя ножки молодой дѣвушки были въ крѣпкихъ кожаныхъ сапожкахъ, а черное шелковое платье ея было подобрано настолько высоко, что подолъ его, украшенный стѣлкой, никакъ не могъ загрязниться. Особа эта, такъ храбро, увѣренно шедшая, вовсе не походила на сильфиду; фигура ея скорѣе напоминала молодую, красивую швейцарскую дѣвушку, упитанную густымъ ароматнымъ альпійскимъ молокомъ и чистымъ воздухомъ горъ, отъ которой такъ и вѣетъ цвѣтущимъ здоровьемъ. Обтяжная черная бархатная кофточка, отороченная мѣхомъ, обрисовывала крѣпкій, красиво-сформировавшійся бюстъ путешественницы, свѣтлокаштановые волосы ея были прикрыты шапочкой изъ куняго мѣха, сидѣвшей нѣсколько на-бекрень. Черты лица не отличались правильностью и ужъ, оно вовсе не обладало классической красотой: горбатый носикъ какъ-то коротковатъ сравнительно съ выпуклымъ, широкимъ лбомъ, ротъ немножко великъ, кругленькій подбородокъ съ ямочкой выдавался нѣсколько впередъ, а дуги бровей были недостаточно очерчены, но всѣ эти недостатки исчезали, благодаря правильности овала лица и удивительной свѣжести цвѣта его.

Молодая дѣвушка вошла въ открытыя настежь ворота „замковой“ мельницы. Цѣлая компанія куръ, подвигавшаяся къ воротамъ по дорожкѣ изъ просыпанныхъ хлѣбныхъ зѣренъ, вдругъ встревожилась, громко закудаhtала и разбѣжалась. Цѣпныя дворовыя собаки пребывавшія до сихъ поръ въ сладкой дремотѣ, заливались теперь бѣшенымъ лаемъ. А какимъ чудно-золотистымъ свѣтомъ весеннее солнышко обливало стѣны стараго, великолѣпнаго зданія! Да, эти громадныя плиты сложены были въ доброе старое время подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самаго строителя—владѣтельной особы... Три дня тому назадъ, не дальше, послѣдняя толстая ледяная сосулька, что торчала изъ ра-

зинутой лвиной пасти желѣзнаго кровельнаго жлоба—упала и звонко рассыпалась, а сегодня—вонь, надъ пригрѣтой солнцемъ шиферной крышей даже видно, какъ струится сверкающей воздухъ!.. Изъ толстенныхъ коричневыхъ почекъ каштановъ уже сочилась смола—потому-то онѣ и поблескивали, словно были обсыпаны алмазною пылью. Два горшка съ полувядыми комнатными растеніями въ первый разъ сегодня вынесены на теплый, свѣжій воздухъ и поставлены передъ однимъ изъ оконъ „молодцовской“ комнаты, изъ которой по деревянному крылечку можно было прямо выйти на дворъ. На этомъ крылечкѣ сидѣлъ мельникъ, весь бѣлый отъ налѣвшей на него мучной пыли, и отрѣзывалъ себѣ большущіе ломти хлѣба и сыра.

— Жучка! Сторожокъ! крикнула молодая дѣвушка, махнувъ рукой собакамъ, которыя бѣшено прыгали, визжали и рвались съ цѣпи.

— Вамъ что угодно? спросилъ мельникъ тяжело привставая.

— Она тихо засмѣялась.

— Мнѣ ничего не угодно, Францъ, я желаю только поздороваться съ вами и Сузой.

Хлѣбъ, сыръ и ножикъ полетѣли за перила крылечка... Этотъ „бѣлый“ человекъ былъ не высокаго роста, гораздо ниже молодой дѣвушки; безмолвно глядя на цвѣтущее лицо, онъ вспомнилъ, что когда видѣли ее въ послѣдній разъ—она не доходила даже до его широкихъ плечъ... Да, и такая это была тоненькая, худощавая дѣвочка, и всѣ тутъ звали ее „мельничной мышкой“: дѣйствительно, она съ быстротою и ловкостью мышки бѣгала слѣдомъ за нимъ по мельницѣ и хлѣбнымъ амбарамъ... И вдругъ—она здѣсь, передъ нимъ, госпожей явилась, а онъ, Францъ, бывшій старшій мельникъ, теперь—арендаторъ этой самой мельницы.

— Вотъ такъ штука! проговорилъ наконецъ Францъ въ неприятномъ смущеніи, покачивая головой... Вонъ—ямочки-то на щекахъ и глаза все тѣ-же, но... но такъ нечеловѣчески подняться, вырости—мое почтенье!..

Онъ робко, какъ-бы не довѣряя себѣ, смѣрилъ глазами высокую фигуру дѣвушки.

— Н-да, видно, что бабушка Зоммеръ участвовала тутъ! Она вѣдь тоже была такая, женщина—кровь съ молокомъ... Цыцъ вы, мошеники! прервалъ свою рѣчь мельникъ, погрозивъ кулакомъ собакамъ, непереставшимъ лаять.—Ну, право-же, эти хохлатые плуты узнали васъ, милостивая барышня...

— Скорѣе, чѣмъ вы! Видно, „печеловѣческій“ ростъ не сбиль ихъ съ толку, отвѣтила она и, подойдя къ высоко-прыгавшимъ псамъ, стала ихъ ласкать.

— А вы, Францъ, немощко странно меня называете... Въ Дрезденѣ меня не повысили чиномъ, могу васъ увѣрить въ этомъ.

— Да вѣдь вонъ тамъ, на виллѣ-то, барышни велиать такъ называть себя, замѣтилъ мельникъ какимъ-то строгимъ, упрямымъ тономъ.

— А! Вотъ оно что...

— Да-съ, а вы въ десять разъ больше ихъ значителе. Еще-бы! Эдакая молодая и ужъ такъ богата, такъ сказочно-богата!... Вотъ, хоть-бы эта мельница, самая лучшая во всемъ здѣшнемъ краѣ—ваша. Чортъ побери, это что нибудь да значитъ!.. Въ самомъ дѣлѣ—дѣвушка вы еще и всего-то вамъ восемнадцать годочковъ, а ужъ владѣете такой мельницей!..

— Ничего, это мнѣ по плечу, засмѣялась она:—погодите, старый Францъ, я покажу вамъ, какова я, пожалуй, еще жизнь вашу отравлю... Ахъ - да: гдѣ - же Суза?

— Да сидитъ, закупорившись въ комнатѣ. Опять что-то у бѣдной старухи въ правомъ боку неладно... Домашними-то средствами, видно, уже больше не помочь. Докторъ Брукъ теперь у нея.

Молодая дѣвушка протянула руку Францу, взбѣжала

на крылечко и вошла въ домъ. Тяжелая дверь съ шумомъ и дребезгомъ затворилась за нею, а въ обширныхъ сѣняхъ даже загудѣло отъ этого стука. Полъ сильно дрожалъ такъ и было слышно, хотя и глухо, какъ грохотала мельничная машина: небольшая дверь въ каменной стѣнѣ не совсѣмъ была отворена; здѣсь крѣпко пахло только что смолотымъ зерномъ... Дѣвушка жадно вдыхала этотъ воздухъ; цѣлое море воспоминаній хлынуло на нее, и она даже поблѣднѣла отъ душевнаго волненія, сложила руки и на секунду приостановилась... Да, это такъ, она больше всего любила „ползати“ на старой мельницѣ (какъ выразилась президентша), и папа частенько приходилось сдувать мучную пыль съ ея волосъ и платья... Папа, смѣясь, называлъ ее „своей бѣлой мельничной мышкой“. А угрюмый старикъ, дѣдушка, всегда бывало стоя вонъ тамъ, наверху лѣстницы, отдавалъ свои приказанія громкимъ, сердито-повелительнымъ голосомъ... Онъ никогда не любилъ „бѣлой мышки“. Она зачастую убѣгала отъ его враждебнаго взгляда—къ Сузѣ, въ ея кухню, сіявшую чистотой, или скрывалась у Франца... И все-таки ей было горько: она скорбѣла, думая о немъ, и желала, чтобы дѣдушка теперь, сейчасъ, спустился съ лѣстницы! Ей хотѣлось услышать его тяжелые шаги, подъ которыми стонали лѣстничныя ступеньки... Что-жъ, можетъ быть, теперь она и не боялась-бы лица его: лицо-то казалось только отталкивающимъ потому (такъ думалось ей), что на немъ лежала печать упрямства, гордости богача. Можетъ быть, теперь онъ былъ-бы болѣе кроткимъ, ласковымъ къ ней: вѣдь она на бабушку стала похожа!..

Дверь въ угловую комнату оказалась запертой, но изъ узкаго корридора, соединявшаго переднюю часть дома съ заднею, доносился сюда плачевный, жалобный голосъ сударыни-Сузы... Ахъ-да, вѣдь тамъ была спаленка старой дѣвы, мрачная комнатка, съ круглыми оконными стеклами въ свинцовыхъ переплетахъ: оттуда только и можно было увидѣть сѣрую гонтовую крышу дровянаго сарая, да вѣчно-грязную поверхность боковаго двора...

Молодая дѣвушка досадливо покачала головой и пошла по корридорчику. Жаркій, удушливый, пропитанный дымомъ, больничный воздухъ такъ и обдалъ ее, когда она отворила дверь въ комнатку старухи. Тамъ царилъ какой-то неприятный полусвѣтъ, чему причиной были подслѣповатыя, съ зеленымъ отливомъ, оконныя стеклышки. Прежде всего она увидѣла мужчину, стоявшаго къ ней спиною, мужчину высокаго роста (куда выше ее) и довольно широкоплечаго. Повидимому, онъ уже собрался уходить, потому что держалъ въ рукѣ шляпу и палку. — А! такъ вотъ — докторъ Брукъ... О немъ-то, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, опекунъ Моричъ и писалъ ей, сообщая о его сватовствѣ, писалъ, что Брукъ, будучи еще гимназистомъ, втайнѣ любилъ ея сестру-красавицу—Флору, но, само собой разумѣется, не дерзалъ тогда и глазъ поднять на эту умную, даровитую дѣвушку, у которой было столько поклонниковъ... Теперь онъ достигъ желанной цѣли, преслѣдуемой имъ съ такимъ упорствомъ, съ такимъ трудомъ!... такъ вотъ онъ — этотъ докторъ! — Съ тѣхъ поръ она, собственно говоря, даже и забыла о помолвкѣ сестры, а во время путешествія сюда ей ни разу не пришло въ голову, что она встрѣтитъ въ семьѣ *нового* члена.

Притворенная дверь хотя отворилась передъ ней безъ малѣйшаго шума, но зашелестило-ли шелковое платье молодой дѣвушки, или волна болѣе чистаго воздуха влетѣла въ комнатку при появленіи ея (дѣйствительно, она, какъ олицетвореніе весны, такая свѣжая, цвѣтущая стояла на порогѣ, что казалось, отъ нея струится ароматъ фіалокъ, разлитый въ воздухъ въ концѣ марта)—только докторъ живо обернулся.

— Докторъ Брукъ? Я—Кэта Мангольдъ, проговори-

ла она отрывисто, мимоходомъ рекомендуясь ему, а затѣмъ быстро прошла мимо него и протянула обѣ руки Сузѣ, которая, сгорбившись, сидѣла въ креслѣ, обложенная подушками.

Старуха, вытаращивъ глаза, смотрѣла на гостью.

— Вѣдь я—какъ снѣгъ на голову, не правда-ли, Суза? И, какъ вижу, пріѣхала въ-время, прибавила молодая дѣвушка, подправляя подъ чепчикъ упавшіе на лобъ сѣдые волосы больной.—Отчего, скажи мнѣ, нахожу я тебя *тутъ*, въ этой жалкой коморкѣ? Печка дымить, и хоть жаромъ пышетъ отъ нея, а на стѣнахъ плѣсень... Развѣ тебѣ не было сказано, что ты должна жить въ угловой комнатѣ и спать въ альковѣ?

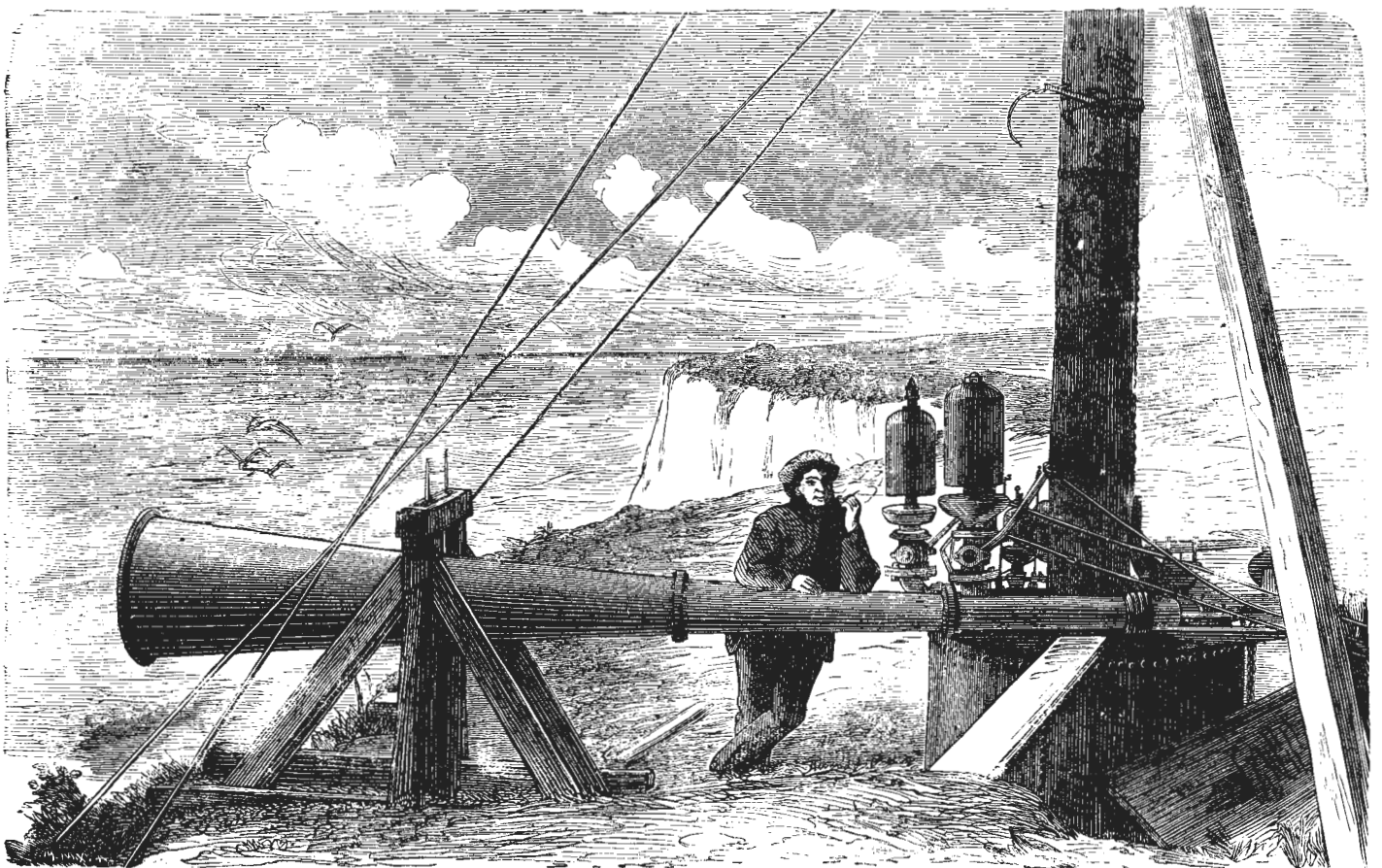
— Охъ, было сказано!.. Господинъ коммерціи совѣтникъ говорилъ мнѣ объ этомъ, но нужно было-бы, чтобы, у меня вотъ здѣсь (старуха постучала указательнымъ пальцемъ себя по лбу) было не въ порядкѣ—ну,

вольно является у насъ, когда мы говоримъ у постели страждущаго.

— Ну въ такомъ случаѣ, мы не будемъ терять ни одной минуты, сказала Кэта и, снявъ мѣховую шапочку и перчатки, положила все это на кровать Сузы.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не перенесете вы меня туда! запротестовала экономка... Ахъ, фрейлейнъ Кэта, не огорчайте меня! стала просить она жалобнымъ тономъ. Вѣдь я берегу ту комнату, какъ зеницу ока моего, чищу, прибираю ее каждый день, съ тѣхъ поръ, какъ господинъ коммерціи совѣтникъ сказалъ мнѣ, что вы пріѣдете... Третьяго дня еще я велѣла повѣсить тамъ новыя занавѣски!

— Ну, хорошо, пожалуй, оставайся тутъ. Я, видишь-ли, имѣла намѣреніе пить кофе послѣ обѣда здѣсь, на мельницѣ, какъ это было во время моего дѣтства... Но если ты такая упрямая — такъ я и совѣмъ не буду

Паровой свистокъ для предостереженія кораблей во время тумана. Рисов. и грав. Гехеръ.

тогда-бы я стала сидѣть одна — одинешенька въ той прекрасной комнатѣ, словно барыня какая, или какъ сама „замковая“ мельничиха, царство ей небесное!

Кэта постаралась удержать улыбку.

— Но, Суза, развѣ ты, при дѣдушкѣ, не имѣла права сидѣть тамъ? Помню, у окна стояла твоя прялка, и я таки частенько приводила эту прялку въ разстройство, а на комодѣ былъ твой рабочій ящичекъ... Г. докторъ, для больной лучше вѣдь оставить теперь эту комнату? вдругъ обратилась она къ Бруку.

— Такая перемена даже необходима, но до сихъ поръ я встрѣчалъ относительно этого рѣшительное сопротивление со стороны больной, отвѣтилъ Брукъ, пожимая плечами.

Голосъ у него былъ звучный и вмѣстѣ съ тѣмъ приятно—мягкій, а въ настоящую минуту мягкость эта имѣла тотъ особенный оттѣнокъ, который незамѣтно, не

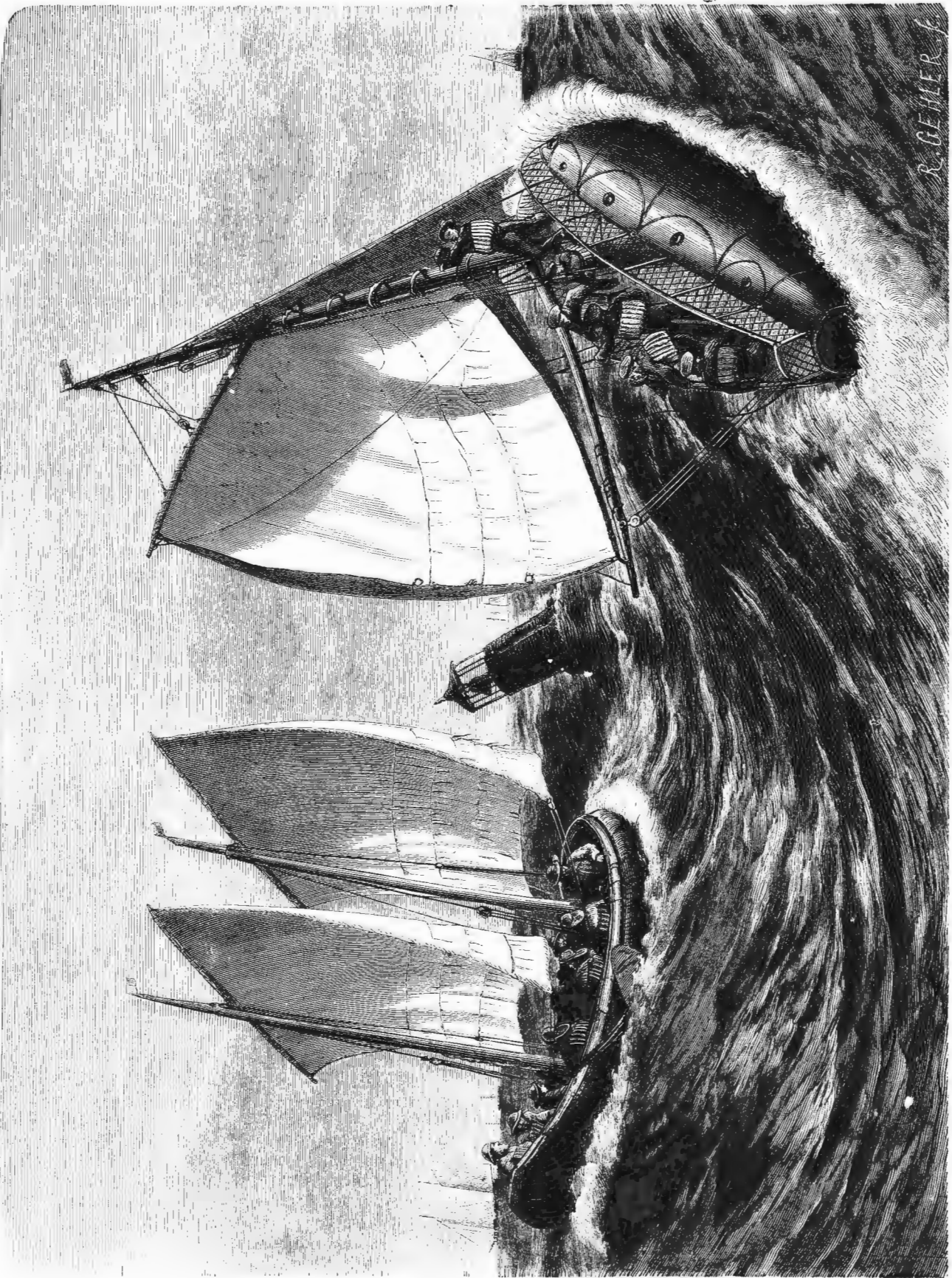
сюда приходитъ; въ этомъ можешь быть увѣрена. Я пробуду въ М. всего-то четыре недѣли... Ну, вотъ, потомъ и показывай кому хочешь свою прибранную комнату и чистенькія занавѣски!...

Это подѣйствовало. Лицо молодой дѣвушки и даже поза ея выражали такую укоризненную серьезность, такую рѣшимость, что сейчасъ было видно, что ей не въ первый разъ приходится имѣть дѣло съ упрямыми больными.

Сударыня — Суза, со вздохомъ, вытащила изъ подъ подушки ключъ отъ угловой комнаты и подала его Кэтѣ, которая теперь проворно снимала и бархатную кофточку.

— Навѣрно та комната не топлена, замѣтила дѣвушка и, подойдя къ небольшому ящичку съ дровами, стоявшему около печки, ухватила за него.

— Позвольте, ужъ этого вы никакъ не можете, не

Спасительныя лодки и снаряды новой системы. Рисов. и гравир. Гегеръ.

вытерпѣлъ д-ръ Брукъ, взглянувъ на ея нарядный туалетъ, и живо положилъ на столъ шляпу и палку.

— Мнѣ было-бы очень стыдно, если-бы я этого *не могла*, возразила Кэта серьезнымъ тономъ, причеиъ, однако, щеки ея вспыхнули... Она замѣтила, что Брукъ недобѣрчиво посмотрѣлъ на нее.

Дѣвушка вышла, а спустя нѣсколько минутъ въ печкѣ угловой горницы славно затрещали полѣнья. Докторъ тоже прошелъ туда и уже отворялъ тамъ окна, чтобы освѣжить теплымъ мартовскимъ вѣтеркомъ тяжелый, амбарный воздухъ комнаты.

Кэта, вернувшись въ провѣтриваемую горницу, прямо подошла къ Бруку.

— Г. докторъ, прошу убѣдиться, что костюмъ мой не пострадалъ. Я могу хоть сейчасъ усѣсться въ гостиной, прибавила она съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки, протягивая ему свои изящныя, блѣдно-розовыя руки, съ безукоризненно-бѣлыми полотняными манжетками.

Выразительная улыбка скользнула по серьезному лицу Брука, но онъ ничего не сказалъ, можетъ быть потому, что поспѣшилъ запереть угловое окошко, выходящее на югъ. Сквозной вѣтеръ такъ сильно пахнулъ на вошедшую, что приподнялъ и откинулъ съ ея лба капитановыя кудри; занавѣска оттопырилась и влетѣла въ комнату, но, благодаря ловкимъ рукамъ Кэты, непослушныя складки накрахмаленной матеріи были скоро приведены въ порядокъ.

— Добрая Суза! Если-бъ она знала, какую штуку сыграла со мной, повѣсивъ эти занавѣски! воскликнула молодая дѣвушка полусмѣясь и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то угрюмо. Вотъ, хочешь-не-хочешь, а придется оставить ихъ висѣть тутъ, потому что, навѣрно, она выпросила у опекуна для меня эти занавѣски... Кисейныя, съ узорами—у такихъ оконъ, въ такой удивительно-прелестной комнатѣ, въ чисто средневѣковомъ вкусѣ! Я имѣла намѣреніе устроить тутъ все по старому, то есть, придать этой горницѣ тотъ самый видъ, въ какомъ она была, вѣроятно, лѣтъ триста тому назадъ. Здѣсь должны быть круглыя въ свинцовыхъ переплеткахъ оконныя стѣкла, складныя скамьи изъ дубоваго дерева, прикрѣпленныя къ стѣнѣ, вотъ тутъ, по обѣимъ сторонамъ оконныхъ нишъ; на скамьяхъ—подушки; а вонъ ту массивную входную дверь (за которой идетъ лѣстница) слѣдовало-бы снова украсить металлическими фигурками. Старыя-то фигурки, навѣрно, сорваны по приказанію дѣдушки: и теперь еще хорошо видны мѣста, гдѣ онѣ были прикрѣплены... Да, такъ вотъ, среди такой-то обстановки, представьте себѣ, хоть у этаго окна—Сузу съ ея прялкой! И эта картина казалась мнѣ такой прекрасной, такъ было хорошо, уютно тутъ—и вдругъ... Ну, конечно, теперь мнѣ ужъ не удается это сдѣлать.

— Но... я не понимаю, развѣ вы тутъ не полная хозяйка? спросилъ докторъ!

— О, въ этомъ отношеніи я плохая хозяйка, то есть, когда дѣло коснется подобныхъ желаній... Не сыграю какъ слѣдуетъ роли! Ужъ я знаю себя... отвѣтила Кэта почти робко. Въ такихъ вопросахъ я ужасная трусиха.

Это откровенное признаніе такъ не соответствовало вишнему виду молодой дѣвушки, что нужно было пристально взглянуть въ ея каріе глаза (совсѣмъ какъ у серны), чтобы убѣдиться, что она говоритъ сущую правду. А глаза у нея были не большіе, но за то прелестной формы; ясный, холодный взглядъ ихъ вполне гармонировалъ съ непринужденными манерами и вообще самоувѣренностью этой молодой особы.

Какъ спокойно, съ какимъ практическимъ знаніемъ дѣла занялась она устройствомъ удобнаго помѣщенія для больной! Диванъ превратился въ постель; неуклюжее, обитое кожей кресло „замковаго“ мельника, стоявшее въ углу, у окна, было выдвинуто и поставлено такъ, что больная, сидя на немъ, не могла подвернуть-

ся вліянію даже малѣйшаго вѣтерка; изъ алькова Кэта принесла столикъ, а изъ подъ высокаго дивана достала бѣлую деревянную скамеечку. Все это дѣлала она такъ просто, непринужденно, какъ будто постоянно жила тутъ, не оставляла мельницы. Работа эта такъ заняла ее, что можно было подумать, что она совсѣмъ забыла о человѣкѣ, стоявшемъ около угловаго окна. Выдвинувъ верхній ящикъ комода и вынувъ изъ него бѣлую салфетку съ красной каймой на столикъ передъ кресломъ, Кэта взглянула на Брука и сказала:

— А слабая, знаете, вещь этотъ старо-мѣщанскій порядокъ! Все поконтитъ тутъ на своемъ обычномъ мѣстѣ: вотъ такъ было до моего рожденія, такъ и осталось. Во время моего шестилѣтняго отсутствія ничего не измѣнилось въ обстановкѣ... Все по старому! Ну, и сейчасъ чувствуешь себя здѣсь какъ дома!... Вонъ тамъ (она указала на зеркало, висѣвшее надъ комодомъ), изъ за рамы выглядываетъ уголокъ „будничнаго“ календаря... На листкахъ его дѣдушка записывалъ свои замѣтки,— а надъ календаремъ торчитъ розга съ полинявшей ленточкой, розга, грозившая когда-то еще моей матери...

— А вамъ она не грозила?

— Нѣтъ, на меня, какъ на существо маленькое, дѣдушка не обращалъ вниманія настолько, чтобы заниматься моимъ исправленіемъ.

Слова эти она проговорила безъ всякой горечи, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ смѣшливаго „смиренія“. Смахнувъ съ мебели легкой налетъ пыли (мебель запылилась во время болѣзни Сузы), Кэта заперла остальные два окна.

— Ну-съ, а вотъ здѣсь, на каменномъ карнизѣ, продолжала она, непременно должны стоять цвѣты. Запахъ ихъ пусть улаживаетъ мою Сузу! Я попрошу зятя Морица поднести мнѣ нѣсколько горшечковъ гадинтовъ и фіалокъ изъ его зимняго сада.

— Съ такой просьбой вамъ ужъ придется обратиться къ госпожѣ президентшѣ Урахъ. Зимній садъ находится въ полномъ ея распоряженіи: онъ принадлежность ея обители...

Молодая дѣвушка удивленно посмотрѣла на доктора.

— Неужели тамъ соблюдается теперь такой строгій этикетъ? замѣтила она. При жизни папа зимній садъ былъ общимъ... для всей семьи... (Она пожала плечами). Впрочемъ, въ тѣ времена аристократическая тѣща моего отца была всегда *только* гостей на виллѣ...

Мелодическій голосъ Кэты прозвучалъ тутъ нѣсколько рѣзче, но она сейчасъ-же тряхнула головой, какъ-бы желая этимъ прогнать мимолетное неприятное ощущеніе, и затѣмъ прибавила, весело улыбаясь.

— Ну, въ такомъ случаѣ, оно и лучше, что я прямо отправилась на мельницу... По крайней мѣрѣ могу теперь, такъ сказать, акклиматизироваться!

Докторъ отошелъ отъ окна и прильнулъ къ Кэтѣ.

— А тамъ, на виллѣ, строго не осудятъ васъ за то, что вы не сочли нужнымъ сейчасъ-же, по приѣздѣ сюда, отдать себя подъ покровительство семьи? спросилъ онъ серьезнымъ, выразительнымъ тономъ, въ которомъ слышалась сочувственная нотка, какъ бываетъ это при желаніи сдѣлать осторожный намекъ, дать добрый советъ—безъ тѣни навязчивости.

— Ну, на это-то они, конечно не имѣютъ права, отвѣтила дѣвушка живо, даже воодушевившись, причеиъ яркій румянецъ съ щекъ сталъ еще гуще. Словечко „тамъ“ значитъ для меня то-же, что *чужбина*, а на чужбинѣ я никакъ не могу найти „покровительства семьи“, какъ вы выразились, то есть, ничего родственнаго, ничего близкаго сердцу... даже у сестеръ. Что-жъ, вѣдь мы очень мало знаемъ другъ друга... Мы даже никогда не переписывались—чего-же лучше! Я вела переписку только съ Морицемъ. При жизни папа, Генріэтта воспитывалась у своей бабушки, по этому съ Ген-

рѣттой видѣлась я очень рѣдко—и то каждый разъ въ присутствіи госпожи президентши. Другая сестра, коммортии совѣтница Рэмеръ, жила въ городѣ, гдѣ скоро и умерла. Относительно Флоры... Да, она была прехорошенькой и очень умной молодой дѣвушкой, блестящей свѣтской барышней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хозяйкой дома, а я тогда ходила еще въ дѣтскихъ башмачкахъ. Флора, такъ думается мнѣ, была богато одаренная натура, потому что я при ней всегда ощущала невыразимое смущеніе, почти робость... Никогда не дерзала я заговорить съ нею; боялась даже прикоснуться къ ея прелестнымъ рукамъ. Да вотъ и теперь я чувствую, что съ моей стороны было-бы весьма нескромно (если-бы пришла такая мысль) требовать отъ Флоры быть со мной за-просто, вообще стать къ ней въ такія отношенія, какія обыкновенно существуютъ между сестрами.

Она замолчала и, какъ-бы ожидая чего-то, смотрѣла въ лицо Брука, а онъ глядѣлъ въ окно и глаза его были устремлены куда-то вдаль...

Ни однимъ словомъ не поддержалъ онъ ее!... Что-жъ, вѣдь ему пришлось за эту рѣдкую дѣвушку порядкомъ потрудиться, *заслужить* ее, какъ Іаковъ заслужилъ Рахиль. Теперь сердце Флоры ужъ принадлежитъ ему... „Пожалуй, онъ сталъ-бы ревновать ее даже ко мнѣ, если-бы увидѣлъ что она любитъ меня“. подумала Кэ-та... Не смотря на то, что въ наружности Брука (какъ врача по призванію) много кроткаго, ровно-спокойнаго—все-таки сразу можно было замѣтить, что это человѣкъ рѣшительный, что онъ сѣмъ-бѣтъ серьезно, какъ слѣдуетъ, постоять за свои права.

— Какъ бы то ни было, заговорила молодая дѣвушка послѣ минутной паузы,—вила для меня не родной домъ. Я могу быть тамъ гостей на короткое время, какъ и всякій другой. Тутъ же, на мельницѣ, я у себя; тутъ и воздухъ родной, и ощущенія родныя, и вотъ эта старая шиферная кровля, вмѣстѣ съ Францемъ и Сузой, защитятъ меня, несовершеннолѣтнюю (мнѣ восемнадцать лѣтъ), право, не хуже виллы со всѣмъ ея строжайшимъ этикетомъ!..

Она улыбнулась, и въ этой легкой улыбкѣ было что то своевольное, задорное...

— А впрочемъ, съ „этимъ проступкомъ противъ этикета“ скорѣе примиряются, чѣмъ вы думаете, г. докторъ: вѣдь отъ „мельничной мышки“ ничего лучшаго и ждать нельзя!

Эта ласковая кличка, когда-то давшая Кэтѣ ея отцомъ, теперь, конечно, вовсе не подходила къ ней. При словѣ „мышка“ представляешь себѣ маленькое, неслышно-шмыгающее, суетливое существо, нѣжное, робкое, которое можетъ внезапно исчезнуть въ какой нибудь щелкѣ... Кэти нисколько не напоминала теперь прежней мышки: она, съ бѣлымъ, безоблачно-чистымъ челомъ, вышла на дорогу жизни твердымъ, спокойнымъ шагомъ; ея крѣпкое, красиво сформированное тѣло, не смотря на юношески-живую подвижность, обнаруживало какое-то внушительное спокойствіе.

Печка понемногу нагрѣвалась, и въ комнатѣ стало замѣтно теплѣе. Кэта вынула изъ кармана флаконъ съ одеколономъ и плеснула немного этой жидкости на раскаленное желѣзо. Пріятный, освѣжающій аромат разлился въ воздухѣ.

— Весело будетъ на душѣ у Сузы, весело какъ въ праздничный день, когда она очутится здѣсь! радостно воскликнула молодая дѣвушка и еще разъ зорко оглянула всю комнату. Все было какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, одна лишь дверь въ альковъ оставалась открытою, и потому невольно въ глаза бросались пестрые букеты, нарисованные на древней кровати, стоявшей тамъ возлѣ окна. Только теперь, впервые, взглядъ молодой дѣвушки остановился на этихъ намалеванныхъ, хорошо знакомыхъ ей пестрыхъ букетахъ, которые были когда-то предметомъ восторга ея дѣтскаго сердца... и вдругъ

вся краска исчезла съ лица Кэты, даже губы ея поблѣднѣли.

— Тамъ умеръ мой дѣдушка, прошептала она въ волненіи...

Докторъ Брукъ отрицательно качнулъ головой и молча указалъ на на угловое окно, выходящее на югъ.

— Вы были у него?

Кэта торопливо подошла къ нему.

— Да.

— Дѣдушка умеръ такъ неожиданно, скоропостижно, а Морицъ въ немногихъ словахъ, кратко сообщилъ мнѣ объ этомъ печальномъ случаѣ—и я даже не знаю, что было причиной смерти?..

Брукъ стоялъ къ ней бокомъ; она могла видѣть только его профиль и, не смотря на то, что нижняя часть лица его густо обросла волосами, усы покрывали губы—все таки замѣтила, какъ эти губы плотно сжались, какъ будто имъ трудно было дать отвѣтъ.

Прошло нѣсколько секундъ... Онъ медленно повернулся къ дѣвушкѣ и, серьезно посмотрѣвъ на нее, проговорилъ тихо, почти беззвучно, отъ душевнаго волненія:

— Вамъ скажутъ, что онъ умеръ вслѣдствіе того, что я неловко совершилъ операцію...

Кэта, отъ испуга и удивленія, быстро попятилась, но глаза ея не могли сразу оторваться отъ губъ, проговорившихъ эту фразу. Потомъ она ихъ опустила, потупилась.

— Не для себя, ради васъ только—мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы не повѣрили этому, продолжалъ Брукъ кроткимъ, серьезнымъ тономъ:—увѣряю васъ—это вовсе неправда, но... но, какже могу я требовать, чтобы вы вѣрили мнѣ? Сегодня, въ первый разъ, мы встрѣтились, и ничего не знаемъ другъ о другѣ.

Она могла бы тутъ что нибудь отвѣтить ему, отдѣлаться пустой фразой, и такимъ образомъ выйти изъ мучительно-неловкаго положенія, но этого ей какъ-то и въ голову не пришло... Да, онъ правъ: какже можетъ она знать, что онъ не виноватъ въ смерти дѣдушки, что общественное мнѣніе несправедливо къ нему?.. Конечно, судя по наружности этого человѣка, нельзя не сознаться, что на немъ лежитъ печать несомнѣнной прямоты и правдивости. Кэта даже чувствовала, что вовсе не въ его обычай было что либо возражать тѣмъ, которые обнаруживаютъ относительно его несправедливое подозрѣніе; даже если Брукъ теперь и говорилъ въ защиту свою, увѣрялъ ее, что все это напраслина—то дѣлалъ это какъ бы изъ снисхожденія. Тѣмъ не менѣе молодая дѣвушка не могла принудить себя сказать что-нибудь такое, на что не имѣлось бы у нея поддержки въ фактическихъ данныхъ; по натурѣ своей, она говорила и дѣйствовала такъ или иначе только на основаніи личнаго своего убѣжденія.

Но, какъ кажется, докторъ и не ждалъ отъ нея отвѣта: онъ отвернулся—отвернулся съ такимъ сознаниемъ собственнаго достоинства, съ такимъ горделивымъ спокойствіемъ, что Кэтѣ вдругъ стало какъ то стыдно, даже щеки ея вспыхнули.

— Могу я теперь перевести сюда больную? спросила она не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Смѣло можете, отвѣтилъ Брукъ.

Молодая дѣвушка быстро вышла изъ комнаты.

Войдя въ спальню экономки, она отерла заслезившіеся глаза и велѣла Сузѣ рассказать все, что она знаетъ объ этомъ потрясающемъ происшествіи.

— И исторія эта ужасно повредила доктору въ городѣ, сказала въ заключеніе Суза.—Сначала то лучше его и не было лѣкаря, ну, и работы у него было просто по горло, а нынче—всѣ они говорятъ, что не знаетъ онъ своего дѣла... Вотъ вамъ люди, вотъ какіе они, фрейлейнъ Кэткенъ!.. А онъ въ этомъ несчастіи не виноватъ. Все такъ шло хорошо—вѣдь видѣла же я это своими глазами!.. Видите-ли, „замковому-то“ мель-

нику слѣдовало лежать совсѣмъ тихо, спокойно... Емѣто—тихо, спокойно лежать!?. Не такой человекъ. Малѣйшее неудовольствіе, такъ — пустяки какіе нибудь, глядишь, а онъ ужъ и побагровѣлъ... Будто я не знаю это! Напримѣръ, стоило Францу заговорить на дворѣ слишкомъ громко или телѣжкѣ шибко въѣхать въ ворота—сейчасъ въ немъ и закипитъ кровь, сейчасъ онъ и разъярится, Ужъ такой онъ былъ. Довольно я съ

ворчала экономка, и дѣйствительно умолкла, позволивъ молодой дѣвушкѣ тщательно укутать въ одѣяло свое выдохшее тѣло. Старуха повинувалась ей, какъ безпомощное дитя.

Однако, молчаніе не долго длилось, — Суза не вытерпѣла:

— Мнѣ жаль только, заговорила она, что такого добраго господина, какъ докторъ, чернять, ну, и онъ

Матросъ спасительной станціи въ пробковомъ нагрудникѣ.

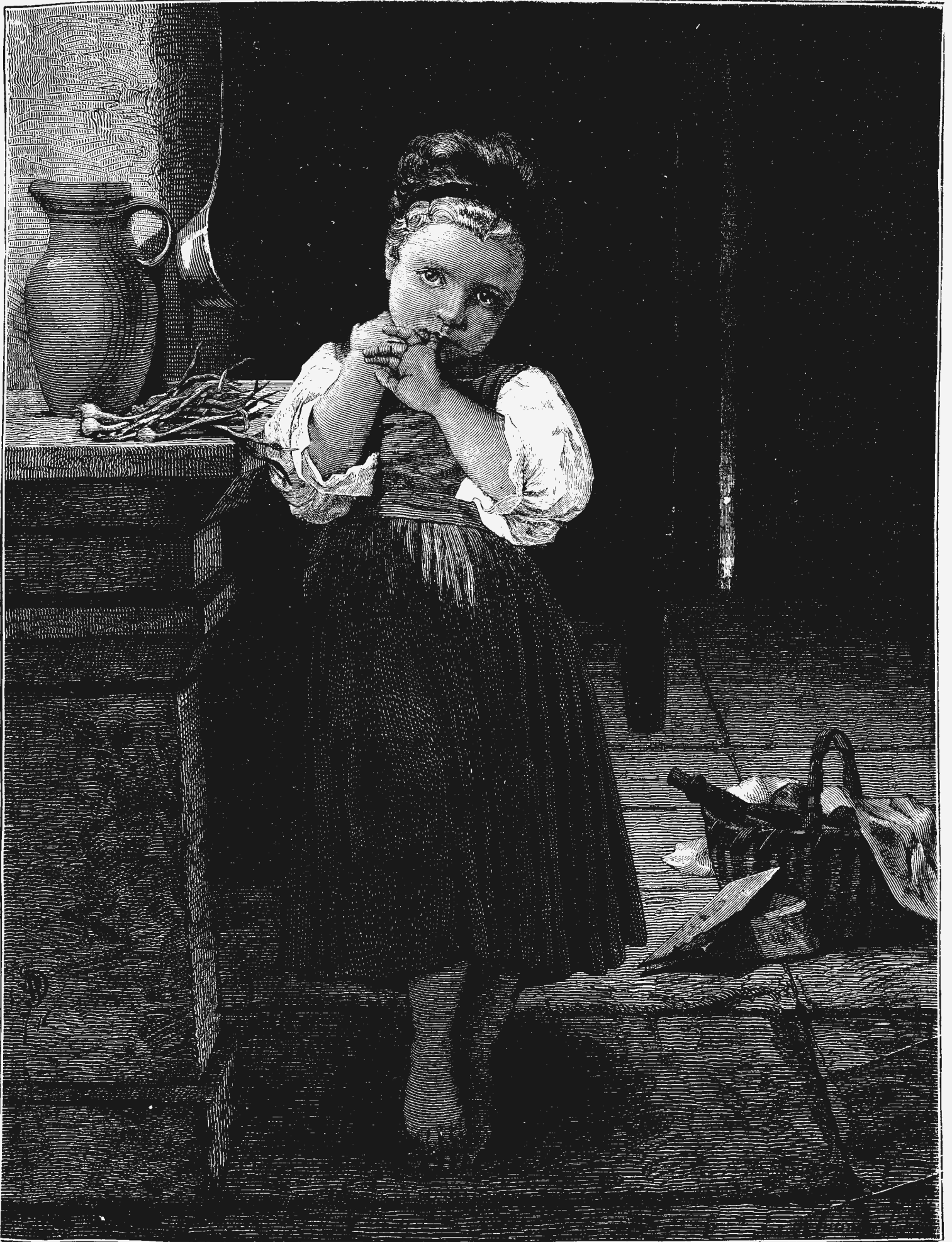
нимъ натерпѣлась, а въ благодарность то за это онъ не оставилъ мнѣ ни одного пфеннига!.. (Старуха при этомъ какъ-то звонко и злобно хихикнула). Если бы вы не заботились обо мнѣ—пришлось бы мнѣ, право, идти просить Христа-ради.

Кѣти съ негодованіемъ подняла свой указательный палецъ, какъ бы требуя, чтобы Суза замолчала.

— Что жъ, по мнѣ, пожалуй,—буду я молчать, про-

теряетъ свой кусокъ хлѣба... Вотъ тоже жалко мнѣ и его бѣдную тѣтку: для нея онъ старается, для нея работаетъ... Жаль!.. Тѣтка-то старуха, госпожа-діаконица, небольшія имѣла средства, а дала ему возможность учиться. Она и живетъ у него; племянникъ-то всегда былъ предметомъ ея гордости, можно сказать — единственной гордости... И вотъ до чего пришлось ей дожить!..

(Продолженіе будетъ).

Виноватая. Рисов. Джонъ Смитъ, гравир. Джоннаремъ.

Спасительные снаряды и сигналы для поданія помощи при кораблекрушеніяхъ.

Опыты послѣднихъ десятилѣтій показали, что большая часть несчастныхъ случаевъ на морѣ происходятъ вслѣдствіе недостаточности надежныхъ метеорологическихъ наблюдений и немѣтна прибрежныхъ жителей пользоваться указаніями барометра и другихъ метеорологическихъ инструментовъ. Среднимъ числомъ, больше всего страдаютъ отъ кораблекрушеній бѣдные береговые мореходцы и рыбаки, главнымъ образомъ, именно отъ того, что бѣдное береговое населеніе не имѣетъ ни средствъ пріобрѣтать хорошіе инструменты, ни необходимыхъ свѣдѣній чтобы понимать предостереженія, даваемые имъ этимъ путемъ. Поэтому несчастные случаи на морѣ стали гораздо рѣже съ тѣхъ поръ, какъ въ различныхъ мѣстахъ по берегамъ устроили метеорологическія станціи и наблюдательные посты, соединяющіеся какъ между собой, такъ и съ извѣстными центральными станціями посредствомъ телеграфнаго сообщенія. Благодаря наблюдениямъ, которыя дѣлаются на этихъ станціяхъ, можно по всему берегу за нѣсколько часовъ предсказать наступающую бурю и такимъ образомъ предостеречь рыбацкія лодки отъ отплытія въ море или, посредствомъ сигналовъ во время успѣть вернуть береговыхъ мореплавателей, уже пустившихся въ путь. Бѣдное рыбацкое населеніе мало по малу начинаетъ понимать всю важность подобныхъ учрежденій и слушаться благодѣтельныхъ предостереженій, хотя вначалѣ и отнеслось ко всѣмъ нововведеніямъ весьма недовѣрчиво.

Хорошо организованная помощь на морѣ, не говоря уже о человѣколюбіи, есть одна изъ почтенныхъ задачъ науки и неуклонныхъ обязанностей правительства всѣхъ морскихъ государствъ. Для достиженія наилучшихъ результатовъ въ этомъ дѣлѣ, недостаточно пріобрѣтенія всѣхъ новозобрѣтаемыхъ спасительныхъ снарядовъ и лодокъ, — для этого необходимо устройство по возможности наибольшаго числа наблюдательныхъ метеорологическихъ станцій вдоль береговъ. Въ новѣйшее время чрезвычайно много сдѣлано по этой части, и можетъ быть ни въ одной области техники не выказалось столько соревнованія и изобрѣтательности, какъ въ этой. Если бы сдѣлать подробное описаніе того, что изобрѣтено въ послѣднія десятилѣтія по части новыхъ спасительныхъ аппаратовъ, спасительныхъ судовъ, ракетныхъ батарей, штурмовыхъ сигналовъ и т. п., то это составило бы дѣланіе томы. Съ каждымъ годомъ число подобныхъ усовершенствованныхъ изобрѣтений значительно возрастаетъ и примѣромъ этого можетъ служить построенная по совершенно новому принципу спасительная лодка «Буревѣстникъ», представленная на нашей картинѣ. Изобрѣтатель ея англичанинъ, по имени *Чепманъ*; онъ задумалъ свою лодку основываясь на теоретическихъ законахъ, и до тѣхъ поръ видоизмѣнялъ ее, пока она не достигла вполнѣ своей практичности и дѣлсообразности, и не выдержала многократныхъ испытаній на англійскихъ и американскихъ берегахъ. Остовъ лодки состоитъ изъ кованыхъ желѣзныхъ пластинъ, которымъ придана форма двухъ удлиненныхъ и неправильно усѣченныхъ конусовъ—или говоря проще — двухъ короткихъ толстыхъ сигаръ, форма, уже не разъ весьма успѣшно примѣнявшаяся въ кораблестроеніи. Лодка Чепмана имѣетъ въ длину 25 футовъ; наибольшая вышина ея, по серединѣ, равняется $7\frac{1}{2}$ футовъ: вѣсъ ея простирается до $3\frac{1}{2}$ тоннъ (210 пудовъ), безъ оснастки. Верхніе пласти желѣза имѣютъ $\frac{3}{16}$ дюйма толщины, нижніе, четверть дюйма. Киль и концы лодки состоятъ изъ трехъ-дюймовыхъ желѣзныхъ пластовъ, плотно скрѣпленныхъ между собой и снабженныхъ съ внутренней стороны переплетомъ изъ желѣзныхъ полосъ. Для входа во внутренность лодки, по серединѣ обонхъ конусовъ, устроено по четверугольному отверстию. Такъ какъ балластъ лодки состоитъ изъ воды, то перевернуться она никакъ не можетъ. Каюта освѣщается восемью портами, и когда пассажиры сидятъ въ каютѣ, и всѣ люки заперты, лодка можетъ противостоять какой угодно бурѣ. Мачта движется на шарнирѣ и можетъ быть по желанію поднята или опущена. Вдоль выпуклой спины лодки идетъ рядъ желѣзныхъ палокъ, по которымъ протянута проволочная сѣтъ для предохраненія пассажировъ и служащихъ быть вышлепнутыми водой за бортъ. По бокамъ лодки, черезъ правильные промежутки, вбиты кольца съ висящими изъ нихъ веревками, для того чтобы погибающій, въ случаѣ еслибы ему удалось подплыть близко къ лодкѣ, могъ удержаться за нихъ.

Изобрѣтатель увѣряетъ, что эта лодка способна бороться съ самыми сильными волнами и самымъ опаснымъ морскимъ прибоемъ. Произведенные опыты въ нѣкоторой степени подтвердили это. Лодка валка, правда, но не слишкомъ, и гораздо крѣпче, прочнѣе и къ тому же больше подымаетъ, чѣмъ обыкновенныя лодки: кромѣ того, по своей формѣ и системѣ постройки, она меньше подвержена поврежденіямъ. Она вмѣщаетъ въ себѣ до 100 человѣкъ; ходъ ея превосходенъ.

Какъ мы уже говорили, въ предотвращеніи несчастій на морѣ, огромное значеніе принадлежитъ наблюдательнымъ береговымъ станціямъ. Система непрерывныхъ, соединенныхъ телеграфомъ станцій, даетъ возможность заблаговременно предвидѣть всякую опасность. Мало того что наблюдаются признаки

угрожающей бури, но даже опредѣляется направленіе ея, и за долго до того какъ она разразится, подаются сигналы, за 6, за 12 часовъ до бури, береговые жители уже узнаютъ объ ней, и могутъ принимать свои мѣры. Нигдѣ дѣло спасенія на морѣ не организовано такъ хорошо, какъ въ Америкѣ. Тамъ, если ждутъ бури, напримѣръ съ Атлантическаго океана, то при помощи телеграфа весь берегъ въ нѣсколько минутъ извѣщается объ этомъ. Чиновники метеорологическихъ станцій обязаны дѣлать самые точные чертежи каждаго малѣйшаго поворота бури, особеннаго образованія тучъ, столкновенія противоположныхъ теченій воздуха, и т. д. съ точнымъ обозначеніемъ быстроты и силы вѣтра, степени влажности атмосферы, колебаній термометра и барометра и т. д. Всѣ эти замѣтки вносятся въ книгу; каждая станція ежедневно сообщаетъ свои наблюденія въ центральное управленіе, въ Вашингтонѣ, и каждый мѣсяцъ посылаетъ туда мѣсячныя таблицы. Все это требуетъ внимательнаго и опытнаго наблюденія и самой добросовѣстной преданности дѣлу днемъ и ночью.

Станціи снабжены превосходными физическими инструментами, какъ-то: термометрами, баро-, гипсо-, психро-анемометрами, и т. д. которые расположены такъ, что ихъ можно окинуть однимъ взглядомъ и по возможности тотчасъ же опредѣлить состояніе температуры и другихъ атмосферическихъ явленій. Вѣтряный флюгеръ на крышѣ соединенъ посредствомъ электрическаго привода съ пишущимъ аппаратомъ, находящимся въ бюро станціи и состоящимъ изъ цилиндра, надъ которымъ вертится большая колотушка съ безконечной лентой; на этой послѣдней инструментъ отмѣчаетъ различныя степени давленія и быстроты вѣтра.

На каждой станціи находится чиновникъ съ помощникомъ; на обязанности послѣдняго лежатъ, кромѣ наблюденія надъ атмосферическими измѣненіями, также и выставленіе сигнальныхъ знаковъ. Знаки эти состоятъ, днемъ, изъ оптическихъ телеграммъ, т. е. есть: на высокоомъ, далеко-видимомъ шестѣ вывѣшивается большой чернѣй барабанъ или конусъ съ обращеннымъ вверхъ и внизъ остриемъ, или барабанъ и конусъ вмѣстѣ. Ночью вывѣшиваются красные фонари четверугольникомъ или треугольникомъ. Если фонари расположены въ видѣ треугольника * * или, днемъ, чернѣй конусъ смотритъ остриемъ вверхъ, то это обозначаетъ бурю, идущую съ сѣверной стороны, скажемъ, напр. такъ: отъ WNW черезъ N на OSO. Противуположная фигура * *, т. е. треугольникъ, обращенный остриемъ внизъ, обозначаетъ диаметрально противоположное направленіе бури, и т. д. Окрестное населеніе во время получаетъ предостереженіе объ грозящей опасности, рыбаки не вывѣжаютъ въ море, лодки, уже находящіяся на морѣ, завидѣвъ сигналъ, спѣшатъ домой, а большія суда, подошедшія близко къ берегу, стараются поскорѣе выйти въ открытое море или достигъ ближайшаго рейда. Такимъ образомъ въ послѣдніе годы, благодаря только этимъ сигналамъ, предупреждено множество кораблекрушеній и спасена не одна тысяча человѣческихъ жизней. Знаменитый нѣмецкій метеорологъ, профессоръ Дове въ Берлинѣ, оказалъ большія услуги по части усовершенствованія сигналовъ. Въ Германіи мысль объ охраненіи подобнымъ образомъ всѣхъ нѣмецкихъ береговъ находитъ большое сочувствіе.

Въ Россіи «общество поданія помощи при кораблекрушеніяхъ», состоящее подъ августѣйшимъ покровительствомъ Государя Цесаревича, въ короткое время своего существованія (оно основано въ 1871 г.), уже успѣло выказать свою благотворную дѣятельность, въ особенности на Балтійскомъ, Черномъ и Каспійскомъ моряхъ. Въ настоящее время Общество имѣетъ 28 морскихъ станцій; постовъ съ спасительными средствами 117; на внутреннихъ водахъ: лѣтнихъ и зимнихъ станцій 14, постовъ 20. Предполагается въ нынѣшнемъ году новыхъ 26 станцій. Въ трехлѣтіе отъ 72 по 75 г. спасено 505 человѣкъ. Понятно, что при громадномъ протяженіи нашихъ береговыхъ линій и обиліи внутреннихъ водъ, средства Общества должны быть очень велики, и безъ сомнѣнія возрастающее сочувствіе къ этому человѣколюбивому дѣлу создастъ эти средства.

Важнымъ нововведеніемъ въ поданіи сигналовъ и помощи на морѣ служатъ все болѣе и болѣе распространяющіеся употребленіе электрическаго свѣта на маякахъ. Друммондовъ свѣтъ особенно примѣнимъ для освѣщенія маяковъ и для сигнальныхъ знаковъ, такъ какъ онъ даетъ возможность посредствомъ конусообразнаго вогнутого зеркала бросать громадной силы электрической свѣтъ на большія разстоянія и по всѣмъ направленіямъ. Свѣтовая сила этого аппарата такъ велика, что безъ труда проникаетъ черезъ обыкновенный береговой туманъ; электрической свѣтъ видѣнъ даже съ низкихъ береговъ, дюнь, отмелей и т. п. Но неслучайная польза была бы достигнута, если бы всѣ мореходныя навіи сообща постановили обязательный для всѣхъ международный законъ, чтобы всѣ суда, держащія далекій курсъ, для предохраненія отъ столкновеній, вмѣсто теперешнихъ нигуда не годныхъ фонарей, зажигали ночью электрической свѣтъ. Кто вспомнитъ только о всѣхъ несчастіяхъ происходящихъ на морѣ вслѣдствіе столкновеній су-

довь, тотъ навѣрно присоединится къ нашему желанію. При этомъ замѣтимъ еще, что электрической свѣтъ самый безопасный изъ всѣхъ способовъ сильного освѣщенія.

Частые туманы на англійскихъ берегахъ причиняютъ столько кораблекрушеній и другихъ несчастій на морѣ (какъ напримеръ въ прошедшее дѣло крушеніе гамбургскаго почтоваго парохода «Шиллеръ»), что давно уже пробовали всевозможные сигнальные аппараты, которые могли бы побѣдить этого страшнаго врага. На нашей картинкѣ представленъ самый цѣлесообразный изъ всѣхъ испробованныхъ до сихъ поръ въ Англии туманныхъ сигналовъ. Это паровой свистокъ необычайной силы. Онъ производитъ звукъ посредствомъ кружка съ двѣнадцатью лучеобразно расположенными разрѣзами, который находится непосредственно передъ другимъ точно такимъ же неподвижнымъ кружкомъ, и приводится въ вращательное движеніе. Подвижной кругъ оборачивается 2,800 разъ въ минуту; при каждомъ поворотѣ происходитъ разумѣется столкновение двѣнадцати лучеобразныхъ разрѣзовъ обоихъ круговъ, черезъ об-

разуема при этомъ отверстія паръ или воздухъ проталкиваются съ такимъ сильнымъ давленіемъ, что въ минуту получается 12 разъ 2800—33,000 толчковъ или свистковъ пара или сжатого воздуха. Сила звука громадна: литая желѣзная труба 20 футовъ длины еще сжимаетъ звукъ въ извѣстной точкѣ, и такимъ образомъ толчокъ, какъ родъ звуковаго луча, послѣдуютъ въ требуемомъ направленіи. Этотъ колоссальный свистокъ или труба есть изобрѣтеніе одного американца, г. Брауна, въ Нью-Йоркѣ. Недавно она была выписана въ Англию и вмѣстѣ съ другими инструментами испробована въ Соутъ-Фореландѣ, причемъ дѣйствіе ея далеко превзошло всѣ другіе паровые свистки, пушки и тому подобныя приспособленія. Свистъ этого аппарата слышенъ при сильнѣйшемъ туманѣ, когда маяки уже не приносятъ никакой пользы, и раздается на разстояніи 2¹/₂—3 морскихъ миль. Весь южный и юго-западный берегъ Англии будетъ снабженъ этими свистками. Вѣроятно и наше русское общество подавая помощи при кораблекрушеніяхъ обратитъ вниманіе на столь благотѣльное изобрѣтеніе.

ВИНОВАТАЯ.

Ее зачѣмъ то послали. Хотя она „городская“ и привычная дѣвочка, но у воротъ дома на углу такая большая собака, что дѣвочка всегда дѣлаетъ крюкъ съ угла на уголь чтобы не встрѣтиться съ ней; собака глядитъ всегда какъ то слишкомъ внимательно, точно собирается укусить, хотя еще ниразу не кусала. А сего дня еще бѣда. Мимо проѣхали въ коляскѣ такія нарядныя маленькія барышни и у нихъ въ рукахъ были

такія огромныя куклы, что она невольно въ восторженномъ изумленіи, приостановилась на углу. Тутъ то и залаяла на нее собака, обь которой она забыла. Дѣвочка такъ испугалась, что уронила и разбила кувшинъ, который несла въ корзинкѣ. Плача, вернулась она домой, поставила корзинку и ждетъ, съ дрожащими на глазкахъ слезинками, свою строгую „маму“, которая ее навѣрно потреплетъ за ухо. Оттого то у нее такое смущенное и наивно-испуганное выраженіе.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ ГАЗЕТЪ ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.

Извѣстно, что въ началѣ возстанія извѣстія, приходившія съ театра борьбы, отличались не только противорѣчiami, но и особою скудостью. Что-то зашевелилось въ глубинѣ Герцеговины (о которой вообще мало знали), кака-то банда мятежниковъ появилась гдѣ-то, въ какой-то Невеснѣ, сообщалось о вое-какихъ стычкахъ, потомъ наступали интервалы полнаго отсутствія всякаго рода извѣстій. Читающій міръ совершенно не имѣлъ никакого понятія о характерѣ движенія, о его существенныхъ цѣляхъ (хотя и рассказывалось, что инсургенты «подняли австрійское знамя, при крикахъ: да здравствуетъ король Хорватскій Францъ-Иосифъ! но, объ этомъ мы скажемъ ниже), неизвѣстно было даже, кто стоитъ во главѣ движенія.

Но вотъ таинственная завѣса начинаетъ мало по малу разрываться, извѣстія летятъ за извѣстіями—посепенно все разъясняется: всѣ знакомятся со страной въ географическомъ, топографическомъ и экономическомъ отношеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаются самыя подробныя свѣдѣнія о движеніи, съ его нравственной стороны, т. е. мотивовъ, послужившихъ ему причиною, требованій, заявленныхъ возставшими, и съ его стороны, такъ сказать, матеріальной—средствъ, которыми располагали инсургенты, ихъ силъ, отдѣльныхъ отрядовъ, личностей, выдвинутыхъ впередъ и т. д. Въ настоящее время театръ борьбы у всѣхъ какъ на ладони. Европа знаетъ почти до мельчайшей подробности все, что касается возмущенія, знаетъ «въ лицо» всѣхъ предводителей, знаетъ до того, что даже ихъ взаимныя отношенія не составляютъ никакого секрета. Понятно, что мы обязаны этимъ корреспондентамъ. Какъ только волненіе сдѣлалось серьезнымъ, какъ только было понято, какую органическую связь оно имѣетъ съ страшнымъ восточнымъ вопросомъ—большая часть иностранныхъ газетъ прислали своихъ репортеровъ на мѣсто дѣйствія. Въ настоящее время нѣкоторые изъ нихъ приобрѣли извѣстность, какъ Стильманъ, корреспондентъ газеты «Times», Прайоръ — «Illustrated Daily News», Петръ Петровъ—«Русскаго Мира», послѣдній въ особенноти, что конечно должно льстить нашему русскому самолюбию. Г. Стильманъ извѣстенъ своими добросовѣстными пространными корреспонденціями, въ которыхъ рѣдко упускается что-либо, касающееся дѣла, привлекающаго къ себѣ интересъ всего цивилизованнаго міра. Одинъ происшедшій съ нимъ случай рельефно указываетъ на его серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ репортера. Чтобы имѣть возможность ближе стоять къ источникамъ извѣстій и свободнѣе обращаться въ странѣ, онъ перемѣнилъ европейское платье на черногорское, не смотря на всю опасность, при настоящихъ обстоятельствахъ, носить это одѣяніе. Эту опасность онъ скоро и получилъ возможность узнать на дѣлѣ. Схватенный турками какъ черногорецъ, онъ былъ брошенъ въ тюрьму, откуда вышелъ только благодаря усиліямъ консуловъ, удостовѣрившихъ его личность. Этой же участи подвергся и корреспондентъ другой англійской газеты «Illustrated London News»—г. Прайоръ,

испытавшій комфортъ турецкаго острога. Прайоръ и корреспондентъ газеты «Русскій Миръ» Петръ Петровъ—единственные изъ корреспондентовъ, не ограничившіеся однимъ пребываніемъ въ Рагузѣ, подобно большинству своихъ собратьевъ, и проникшіе въ глубь страны, изучившіе возстаніе на мѣстѣ, во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ, присутствовавшіе при сраженіяхъ. Первый взялъ на себя преимущественно составленіе рисунковъ, второй собственно текстъ. Въслѣдъ за первой депешей, посланной г. П. Петровымъ, слѣдуетъ длинный рядъ чрезвычайно интересныхъ корреспонденцій, написанныхъ языкомъ, живо передающимъ все испытанное и видѣнное самимъ авторомъ. Эти письма оцѣнены иностранной журналистикой по достоинству и, перепечатаваемыя изъ «Русскаго Мира» (иногда цѣликомъ) въ «Times», въ различныхъ французскихъ и немецкихъ газетахъ, доставили г. П. Петрову солидную репутацию и извѣстность. Все, что только могло и можетъ интересоваться въ возстаніи, все, о чемъ хочется знать, что бы желалось видѣть своими глазами— почти обо всемъ мы найдемъ свѣдѣнія и отчетъ въ корреспонденціяхъ П. Петрова, почти все наглядно представляютъ намъ яркіе штрихи, набросанные даровитой рукой. Читая эти мастерскія описанія, переносимъ насъ въ суровую, запесенную сугробами страну горъ и пропастей, къ ужаснымъ сценамъ убійствъ и пожаровъ, мы не должны забывать о тѣхъ трудностяхъ, которыя приходилось и приходится выносить корреспонденту «Р. М.»—не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ прямо шелъ (и идетъ) на опасности всякаго рода. Жѣлая, напримеръ, лично удостовѣриться, насколько волонтеры могутъ свободно пройти черезъ австрійскую границу, онъ одѣвается въ полный костюмъ герцеговинца и чуть ли не въ виду турокъ, открыто, среди бѣлаго дня, переѣзжаетъ запрещенную черту. Обратимъ вниманіе еще на то, что и въ настоящую минуту онъ разѣзжаетъ по странѣ, часто въ обществѣ какихъ-нибудь 2-хъ, 3-хъ человекъ, не смотря на сдѣланное ему турками предупрежденіе о томъ, что пребываніе его въ предѣлахъ Турціи не совѣтъ для него будетъ безопасно... Едва ли можно требовать столько самопожертвованія отъ корреспондента. Если, какъ сказано выше, мы теперь знаемъ почти всѣхъ вождей «въ лицо», то этимъ, конечно, мы обязаны П. Петрову. Въ его письмахъ выведена цѣлая портретная галерея героевъ отчаянной борьбы славянъ и многихъ другихъ личностей, имѣющихъ то или другое отношеніе къ возстанію. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести въ выдержкахъ нѣкоторые изъ этихъ портретовъ. Прежде всего, конечно, Пейко Павловичъ и Любича-тичъ. П. Петровъ на биваукѣ герцеговинцевъ подъ Славничей («Р. М.», Сент. 1875 г., № 172). Инсургенты, около тысячи человекъ, расположились живописными группами на покатомя склонахъ, изрѣзанномъ каменными стѣнками... Холодный, голодный, онъ ищетъ угла... «Ко мнѣ, пишетъ онъ, подошелъ молодой человекъ въ сѣромъ пальто, соломенной шляпѣ съ перомъ

и съ ружьемъ въ рукѣ, отрекомендовался итальянскимъ графомъ Фазла и просилъ войти, какъ онъ выразился съ улыбкой, «во дворецъ». Дворецъ оказался двухэтажный. Нижний этажъ—нѣчто въ родѣ пустой избы безъ оконъ съ деревянною скамьею вокругъ стѣны. На глиняномъ полу разослана солома. Въѣвъ отъ двери приставлена лѣстница, упирающаяся въ четырехугольное отверстіе, прорѣзанное въ потолокъ. Въ комнатѣ, если это стойло можно назвать комнатою, такъ темно, что въ первую минуту едва можно различать предметы. Мы поднялись во второй этажъ. Этотъ второй этажъ—чердакъ; солома набросана гуще, чѣмъ внизу. Черезъ два маленькія окошечка, продѣланныя подъ самую крышею, проникаетъ слабый свѣтъ. Человѣкъ 5 въ черныхъ сюртукахъ, пальто, сѣрыхъ жакеткахъ и герцеговинскихъ опанкахъ вмѣсто нашей обуви, лежатъ на соломѣ и курятъ. Ружья, европейскаго образца, находятся возлѣ

вошелъ замѣчательно красивый, статный мужчина, лѣтъ 35-ти, Это былъ Любibratичъ.

За нимъ появилась какая-то оригинальная личность въ токе (нѣчто въ родѣ гусарской куртки безъ рукавовъ, шнуры которой замѣнены массивными большими серебряными обшивками). Вокругъ шеи что-то похожее на нашъ старый пѣхотный «знакъ», составленное изъ 5-ти широкихъ четырехугольныхъ серебряныхъ бляхъ и занимающее все пространство между плечами и съ короткою трубкою въ рукахъ.

Занятый Любibratичемъ, я, въ первую минуту, не обратилъ вниманія на эту фигуру. Послѣ первыхъ привѣтствій мы сѣли на соломѣ. Личность въ токе усѣлась или скорѣе развалилась тутъ же.

Пока мы разговаривали съ Любibratичемъ (онъ говоритъ по сербски, по французски и по итальянски), третій нашъ собесѣдникъ молча сосалъ трубку, поглядывая изъ подлѣбья то

Герцеговинское возстаніе: Кореспонденты газетъ въ славянскомъ лагерѣ.

Дука. Пейно Павловичъ.

Прайоръ (Лонд. Ил.) П. Петровъ (Р. Миръ).

нихъ—это представители иностраннаго элемента отряда; 2 изъ нихъ оказались чехи, 2 итальянца, 2 далмата. Вскорѣ въ четырехугольномъ отверстіи, служащемъ сообщеніемъ съ низомъ, показалась фигура въ черногорскомъ одѣяніи *), и на чердакъ

*) Черногорскій костюмъ состоитъ изъ «фермена»—краснаго суконнаго жилета съ золотымъ шитьемъ на верхней части; «бѣлачи»—бѣлаго суконнаго кафтана, съ сильно суженнымъ воротомъ; «подпасака»—краснаго кушака, олаивающаго въ нѣсколько разъ талію, пояса-ремня, къ которому пришто нѣчто въ родѣ длиннаго кожаннаго патронташа; въ этотъ патронташъ вкладывается: кинжалъ (кинжалъ), ножикъ, пистолетъ и «смишца» (продолговатый инструментъ, заключающій въ себѣ молотокъ, пища для части трубы и желѣзную трубочку для пища, когда нѣтъ возможности достать воду грѣмъ или рукою; машина служитъ также шомполомъ для пистолета); «сарука»—синій шароваръ до коленъ; «доколѣнникъ»—изъ бѣлаго сукна, обшивающаго нижнюю часть ноги до колѣнъ; «чарапа»—шерстяныхъ носковъ, обшитыхъ тесьмою; «опанокъ»—веревочныхъ саней, подошвы которыхъ сдѣланы изъ воловьей шкуры и «шави»—черной шапки конической формы съ краснымъ дншемъ.

на того, то на другаго изъ насъ. Любibratичъ произвелъ на меня несравненно лучшее впечатлѣніе, чѣмъ я ожидалъ. Энергія и умъ видны въ этой мощной фигурѣ. Но одно только умѣсто сказать здѣсь по моему мнѣнію—это не тотъ человѣкъ, какой нуженъ для веденія войны при условіяхъ, при которыхъ она, увѣ! ведется. Относительная мягкость обращенія и уровень образованія отдѣляютъ его слишкомъ рѣзко отъ окружающей среды. Не взирая на то, что онъ дѣлитъ со своими людьми совершенно по братски труды и лишения, не взирая на то, что онъ самъ заправляетъ всѣмъ, даже самъ раздастъ хлѣбъ и патроны, голодаетъ, когда отрядъ сидитъ безъ пища, обходитъ посты днемъ и ночью, смотритъ за больными и ранеными и т. д., не взирая на все это, онъ «не составляетъ одного тѣла съ своими людьми...»

Великорусскіе типы. Рис. Ганье, грав. Паннемакеръ.

1. Новгородская женщина.
2. Новгородская дѣвушка.
3. Псковская дѣвушка.
4. Псковская женщина.
5. Новгородецъ (старикъ).
6. Новгородецъ (молодой).
7. Псковскія дѣвушки.
8. Тверская женщина.
9. Женщина изъ Торжка.
10. Женщина изъ Торжка.
11. Калужанка.

12. Мѣщане.
13. Смоленскія женщины.
14. Женщина изъ Дорогобужа.
15. Дѣвушка изъ Дорогобужа.
16. Дѣвушка изъ Вязьмы.
17. Женщина изъ Орла.
18. Дѣвушка изъ Орла.
19. Орловскій паренъ.
20. Рязанская женщина.
21. Рязанская женщина.
22. Рязанская женщина.

23. Рязанская дѣвушка.
24. Дѣвушка изъ Саратов. колонистокъ.
25. Женщина изъ Саратов. колоній.
26. Коломенскій крестьянинъ.
27. Коломенская женщина.
28. Курская дѣвушка.
29. Курская женщина.
30. Львовская дѣвушка.
31. Курянинъ.
32. Молодой Саратов. колониста.
33. Колонистка.
34. Дѣвушка-колонистка.

35. Тульская дѣвушка.
36. Тулянка.
37. Она же изъ другого народа.
38. Тульскіе рабочіе.
39. Тульскіе рабочіе.
40. Дѣвушка изъ Данкова (Яг. г.)
41. Рязанбургская дѣвушка.
42. Дѣвушка изъ Кошкова (Тамб. г.)
43. Курянинъ.
44. Курянинъ.
45. Львовская дѣвушка (Вур. г.)

П. Петровъ вспомнивъ, что имѣть письмо и къ Пейко, спросилъ у Любibrатича, гдѣ можетъ найдти знаменитаго партизана.

— Да вотъ онъ и самъ, отвѣтилъ Любibrатичъ, указывая на личность въ токе.

— Я Пейко, пробурчалъ тотъ продолжая сосать трубку.

Мы пожали другъ другу руки. Письмо, которое и ему подалъ, онъ передалъ Любibrатичу и пригнулъ голову, чтобы слушать, не выпуская трубки изо рта. Пейко, какъ я вамъ сказалъ, не умѣетъ ни читать, ни писать. «Я, кажется первый изъ корреспондентовъ, имѣющій счастье лицезрѣть «герцеговинскаго волка». П. Петровъ описываетъ слѣдующимъ образомъ наружность «волка». Пейко средняго роста, лѣтъ 40—46. Держится слегка скорбившись и гнетъ колѣни какъ разбитая на ноги лошадь. Огромное продолговатое лицо съ длиннымъ, прямымъ, нависшимъ носомъ и сильно выдающеюся челюстью; черные, падающіе къ низу усы, густыя мохнатые брови. Подъ этими бровями медленно, но постоянно движется пара огромныхъ, необычайно яркихъ, черныхъ зрачковъ, на половину закрытыхъ нависшими вздутыми вѣками и длинными рѣсницами. Взглядъ этого человѣка тяжелый, угрюмый и очень пронзительный, не смотря на кажущуюся сонливость и лѣность. Ротъ странной формы: оконечности круто загнуты вверхъ, а на самой серединѣ онъ какъ бы оттянутъ къ низу».

Корреспондентъ «Р. М.» приводитъ слѣдующее обстоятельство, однимъ штрихомъ обрисовывающее обоихъ вождей. На дворикѣ дома Пейко подошелъ къ нему и, не выпуская вѣчной трубки изо рта, указываетъ на возвышенность, лежащую въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ бивуака.

— Подите туда, пробормоталъ онъ.

— А что тамъ?

— Турскія главы.

На пути къ этимъ ужаснымъ трофеямъ П—ву попался Любibrатичъ.

— Не ходите, сказалъ онъ,—это ужасное, отвратительное зрѣлище!..

Не правда-ли, трудно забыть фигуру «волка» и типическое различіе! Не менѣе живо изображенъ Серверъ-Паша, этотъ «мужчина лѣтъ 50-ти, бронею съ просѣдью, слегка скорбленый; лицомъ, всею фигурой и взглядомъ изъ подлobia, поверхъ очковъ, напоминающій какъ двѣ капли воды, пожилаго еврея «коммерсанта»... Сколько извѣстно, П. П—въ навлекъ на себя особенное неудовольствие турецкихъ властей за обнаруженіе разговоровъ, которые онъ имѣлъ съ комиссаромъ Порты въ Герцеговинѣ. Въ октябрѣ энергичный корреспондентъ «Р. М.» ѣхалъ на пароходѣ, какъ онъ справедливо выразился, съ необычайной компаніей. Такъ между прочимъ здѣсь находился предводитель одного изъ главныхъ инсургентскихъ отрядовъ, Лука Петковичъ, и въ то же время—Даничъ-эфенди, занимающій постъ турецкаго консула въ Рагузѣ. Первый въ полномъ облаченіи черногорскаго періаника (гвардіи князя), бѣломъ кафтанѣ, съ медалями и орденами на груди, съ серебряною арматурою на шапкѣ (двуглавый орелъ и двѣ скрещенныя кривыя сабли), молодецки-могучей (ему 52 г.) фигурой молча стоялъ въ сторахъ.

«Даничъ-эфенди средняго роста, топоромъ обрубленная фигура, плотная и невзрачная, одна изъ тѣхъ физиономій, которыя на академическомъ языкѣ получаютъ кличку бутузъ. Христианинъ, съ сильной какъ я полагаю примѣсью армянскаго происхождения. Считается ловкимъ и умнымъ, потому что имѣетъ счастье оцѣниваться по отношенію къ своимъ мусульманскимъ коллегамъ. Отличительный признакъ: на каждомъ шагу, для приданія большей вѣскости словамъ, даетъ «честное слово христианина», что, какъ вы понимаете, производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе и окончательно убѣждаетъ слушателя. Кстати о турецкихъ дѣтеляхъ, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слова П. П—ва о назначенномъ нѣсколько времени назадъ губернаторѣ возставшей части Герцеговины—«христианинѣ» Констанѣ-эфенди. Единственный христианинъ, говоритъ корреспондентъ «Р. М.», имя котораго предаю здѣшнимъ христианскимъ населеніемъ окончательному, безапелляционному проклятію, имя котораго красуется въ народной ненависти на ряду съ именами Дервишъ-Паша, Амета-Хамди, Селима-Паша и прочихъ мусульманскихъ кровопийцъ—это Констанѣ-эфенди. Армянинъ Констанѣ-эфенди, въ глазахъ здѣшнихъ христианъ, хуже турка, хуже любого привознаго пани...

Возстаніе обыкновенно привлекаютъ самую разнородную смѣсь не только «племенъ, нарѣчій, состояній», но и прибавимъ—типовъ. Очень часто въ среду энергическихъ, рѣшительныхъ людей, людей дѣла, попадаютъ и личности, представляющія съ ними рѣзкій контрастъ и относящіяся къ дѣлу скорѣе воображеніемъ, чѣмъ разсудкомъ.

Нѣчто подобное встрѣтилъ и Петровъ въ Смерчно, гдѣ стоялъ Пейко. П. П—въ усталый, добрался съ Прайоромъ и своими товарищами (между которыми находились двое русскихъ) до «штабъ-квартиры» знаменитаго вождя, главное зало которой состояло изъ большой комнаты съ соломою на полу и костромъ посрединѣ; вокругъ костра лежало человѣкъ 20 инсургентовъ, сюда же бросились и новоприбывшіе, почти совершенно уже потерявшіе способность движенія. П—въ только что навлился къ одному изъ своихъ спутниковъ, заболѣвше-

му въ дорогѣ, и хотѣлъ спросить его о здоровьи, какъ кто-то обратился къ нему на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, предлагая лучшее мѣсто. «Удивленіе, пишетъ П. П—въ (я зналъ навѣрно, что въ отрядахъ Лазаря Сочницъ, Зимоича и Пейко Павловича не было ни одного иностраннаго волонтера), я повернулъ голову и увидѣлъ человѣка лѣтъ 35-ти, худощаваго брюнета въ коричневой жакеткѣ и истрепанныхъ панталонахъ». Съ первыхъ же почти словъ эта личность могла показаться нѣсколько странною. Послѣ обильна благодарностей и привѣтствій, иностранецъ отрекомендовался обоимъ корреспондентамъ «герцогомъ Медунскимъ и начальникомъ штаба генералиссимуса, г. е. Пейко Павловича». Изъ дальнѣйшихъ разказовъ о немъ П. П—ва видно, что этотъ «дука», какъ его называли въ лагерѣ, порядочный фразеръ, который не прочь прихвастнуть и кое что прибавить, но который, въ то же время, добровольно несъ все тяжестя борьбы, предъ которыми не отступалъ. Пейко, конечно, и не могъ обращаться съ нимъ иначе, какъ описываетъ корреспондентъ «Р. М.», въ родѣ приказанія «дука!» набить трубку, или: «дука!»—помѣнай-ка лучше въ котлѣ» и т. д.

Одно изъ писемъ П. П—ва производитъ особенно тяжелое впечатлѣніе: «Вчера, пишетъ онъ изъ Рагузы отъ 2-го ноября, я былъ свидѣтелемъ одного изъ ужаснѣйшихъ зрѣлищъ, которыя дано человѣку видѣть. Я видѣлъ тысячу человѣкъ, доведенныхъ до совершеннаго отупѣнія, до отсутствія мысли, слова, почти утратившихъ человѣческое подобіе, вслѣдствіе всецѣсныхъ страданій, всецѣсныхъ лишеній, вслѣдствіе голода, холода, нужды ужаснѣйшей, невыносимой вслѣдствіе постоянной, тревоги и ужаса. Я видѣлъ тысячу людей, женщинъ, дѣтей, мужчинъ, скученныхъ, согнанныхъ, какъ согнаютъ животныхъ, на одно мѣсто; согнанныхъ съ горъ, вытѣсненныхъ изъ пещеръ и расщелинъ скалъ, найденныхъ кто на голой скалѣ, кто между камнями, кто въ гнилыхъ, смертоносныхъ болотахъ Наренты... Все это стояло, сидѣло, лежало глядя тупо предъ собою, не понимая еще зачѣмъ ихъ созвали, не постигая еще ожидающаго ихъ относительнаго благополучія (они, повидимому, перестали вѣрить въ возможность чего нибудь, кромѣ новыхъ мукъ, новыхъ страданій, новыхъ лишеній), на насъ они смотрѣли—одни холоднымъ, безучастнымъ, потухшимъ взоромъ, другіе испуганно-пытливымъ, лихорадочнымъ. Дѣти кричали и плакали, когда мы подходили къ нимъ, отъ ласки они испуганно увертывались. Женщины странно, судорожно улыбались, боялись подойти, другіе смотрѣли, ничего не понимая, глубокимъ, мрачнымъ, исполненнымъ ненависти взглядомъ. Ни въ одномъ изъ этихъ несчастныхъ существъ, ни на мужчинахъ, ни на женщинахъ, ни на дѣтяхъ, не было признака рубанки, нѣсколько клочковъ невыразимо-загасканной сермяжной дерюги, веревка вмѣсто пояса, на головахъ красные платки, повязанные чалмой, у женщинъ клочки нѣкогда бѣлой матеріи, истрепанныя опанки на босу ногу... Всего страшнѣе было смотрѣть на дѣтей: многія изъ нихъ были совершенно наги, красная шапочка на головѣ, небольшошй кусокъ дерюги, болтающійся на спинѣ, едва до пояса, съ дыркой, чтобы просунуть голову—вотъ и все... Нужно ли что либо прибавлять къ этому...

Выше мы сказали, что поговоримъ о принсипальныхъ въ началѣ возстанія инсургентамъ кликахъ: «Да здравствуетъ императоръ Францъ-Иосифъ!». Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести замѣчанія по этому поводу П. Петрова... Я остановился, пишетъ онъ, между прочимъ на возгласѣ: «да здравствуетъ императоръ Францъ-Иосифъ!» съ которымъ будто бы славяне бросаются на турокъ, Мнѣ пришло въ голову это замѣчаніе по поводу послѣдняго дѣла. Вотъ что происходитъ въ отношеніи криковъ и возгласовъ, всякій разъ, когда «воюющія стороны» находятся въ дѣйствіи. Шаговъ за 200, 150 обѣ стороны хранятъ молчаніе, славяне обмѣниваются но временамъ краткими замѣчаніями и иногда спорятъ о дѣйствительности своихъ выстрѣловъ, причемъ особенно удачные выстрѣлы вызываютъ восклицанія и похвалы, но, какъ только противники сходятся на ближайшее разстояніе, поднимается съ обѣихъ сторонъ шумъ и гвалтъ невообразимый: турки кричатъ, ободряя себя суматохою, ругаются, топчутся на мѣстѣ, грозятъ, хорохорятся; славяне рвутся впередъ, кричатъ, зовутъ другъ друга, чтобы дружно ударить. Въ минуту, когда настанетъ такъ называемый психологическій моментъ битвы, когда одна изъ сторонъ начнетъ истинно чувствовать, что противникъ «сдается», славяне обыкновенно бросаютъ ружья, выхватываютъ канджары и выдвигаются впередъ съ гамомъ, ужаснѣйшимъ, невообразимымъ; тутъ все—крики, вызовы, брань, призывы, проклятія... Ничто не можетъ удержать ихъ въ эту минуту, началственный голосъ безслезно, направляя и удерживая эту атакою нѣтъ возможности, да и правду сказать, не нужно: эффектъ и дѣйствіе его на турокъ поразительно. Турки рѣшительно не могутъ ни нравственно, ни физически выдерживать рукопашнаго натиска славянъ. Когда дѣло дошло до этого, можно съ увѣренностью сказать, что турки порѣшены, будь они вдвое, втрое сильнѣе. Но, за то такая атака можетъ повлечь за собою и гибельныя послѣдствія. Пейко Павловичъ инстинктивно понимаетъ это и потому не бѣжитъ на противника, а «идетъ» скорымъ, свободнымъ, горскимъ шагомъ впередъ своихъ. Авторитетъ и что называютъ французы le prestige (обаяніе) этого че-

ловѣка такъ велики, что даже въ эту мпцуту никто его не обогнаетъ; идутъ за нимъ тѣсною кучею и развѣ только по стопамъ забѣгаютъ впередъ. Эта аттика Пейко Павловича—что то совершенно эпическое, особенно когда подумаешь, что тутъ ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ никакой пощады—нѣтъ раненыхъ, нѣтъ плѣнныхъ; всякій задѣтый, не выхваченный во время изъ боя свалки, порѣшенный человѣкъ. Далеко все

это какъ видите отъ того, чтобы славяне по командѣ бросались на противника со знаменемъ въ рукѣхъ и съ дружными крикомъ: «Да здравствуетъ императоръ Францъ австрійскій!»

Надѣмся, читатели не посядутъ на насъ за то, что мы воспользовались случаемъ, позволившимъ намъ привести одну изъ лучшихъ страниць, передающихъ съ непосредственною живостью то, чему были свидѣтелями талантливый корреспондентъ.

ВЕЛИКОРУССЫ.

Губерніи Новгородская, Тверская и части другихъ смежныхъ губерній расположены по склонамъ Алаунской плоской возвышенности, съ которой тѣсно связана исторія расселенія великороссовъ.

«Страна эта (Алаунская возвышенность), говоритъ Бабствъ, по видимому не имѣетъ никакихъ особенныхъ выгодныхъ свойствъ, по тѣмъ не менѣе она еще за тысячу лѣтъ была заселена осѣдлыми славянскими племенами, образовавшими первое государство Русі; отсюда началась гражданская жизнь русскихъ племенъ; отсюда знаменитые Новгородцы выслали первыхъ колонизаторовъ и въ дремучіе непроходимые лѣса и тундры сѣвера, и въ отдаленныя уральскія страны, и по Волгѣ, и по Днѣпру, и къ берегамъ Балтійскаго моря; здѣсь же возникли и первые торговые центры Россіи: Новгородъ, Псковъ, Тверь, Торжокъ, Вышній Волочекъ; тутъ же пролегалъ древнѣйшій водяной путь отъ «*Варягъ въ греки*», здѣсь впоследствии проведены первые искусственные водные пути, первые шоссеыя и желѣзныя дороги. Что же было причиной тому? Отвѣтить не трудно—географическое положеніе этой страны. Въ самомъ дѣлѣ Алаунская возвышенность есть самое высокое центральное мѣсто среди равнины Европейской Россіи; къ ней примыкаютъ со всѣхъ сторонъ всѣ четыре покатоности нашей равнины; на ней берутъ начало всѣ важнѣйшія наши рѣки: Волга, Волховъ, Западная Двина, Сѣверная Двина и Днѣпръ; такимъ образомъ на этой мѣстности сходятся и пересекаются всѣ важнѣйшіе торговые пути, соединявшіе и теперь соединяющіе Россію съ Западной Европою. Поэтому не земледѣліе, не обрабатывающая промышленность, а промышленность торговая была источникомъ благосостоянія этой страны, поэтому же Алаунскую возвышенность можно считать колыбелью русскаго народа. Съ Алаунской возвышенности русская жизнь, подобно громадному океану, разлилась по всѣмъ направленіямъ, къ сѣверу, востоку, югу и западу, потому что ея разливы слѣдоваль по теченію рѣкъ, получающихъ начало на Алаунской возвышенности, которая и сама разливалась во всѣ стороны. Русскими, при своемъ движеніи, приходилось встрѣчать многія народности, дотогѣ имъ чуждыя, невѣдомыя; но могучее русское племѣ поглотило ихъ въ себя и многихъ изъ нихъ окончательно обрусело».

Всякое заселеніе плѣтѣ на самомъ дѣлѣ много общаго съ наводненіемъ. Какъ могучая въ своемъ теченіи рѣка обходитъ возвышенности и затѣмъ ведетъ противъ нихъ неустанную осаду, нinya размывая или покрывая водой въ сильныя разливы, нinya оставляя несокрушенными, такъ и народная волна медленно и наступательно движется отъ своего истока и заливаеетъ сначала окрестныя низменности, обходя разбросанныя по нимъ группы инородцевъ. Съ каждымъ годомъ крутой, обрывистый берегъ все больше и больше уступаетъ напору рѣки и обваливающіяся земляныя глыбы надаютъ на дно, слегка и ненадолго затуманивая свѣтлыя рѣчныя струи.

Расселеніе великороссовъ представляетъ картину подобную вышеприведенной, только не слѣдуетъ увлекаться сравненіемъ, не надо забывать, что борьба шла не между темными стихійными силами природы, а между людьми разныхъ силъ, чисто историческая борьба племенъ.

Водяные пути, сбѣгавшіе съ горъ во всѣ стороны будущей великорусской низменности, разносили пришлыя толпы къ своимъ широкимъ устьямъ, осаживали ихъ по берегамъ, въ частѣ дремучихъ лѣсовъ и глуши болотъ. Такъ вѣтеръ случайно заноситъ на далекое разстояніе цвѣточную пыль, а птицы—сѣмена растеній.

Люди, плывшіе по этимъ водянымъ дорогамъ, внесли въ движеніе смыслъ. Разныя дѣли руководили первыми русскими колонизаторами. Одни шли съ промышленными цѣлями, такъ какъ почва Валдайскихъ склоновъ не отличалась плодородіемъ; другіе также съ цѣлью наживы, шли съ военной силой; третьи заходили въ сѣверныя дебри распространять христіанскую вѣру и спасать душу отъ суеты и грѣха современныхъ неурядицъ.

На пути смѣлыхъ землепроходцевъ возникали посады и городки, копались рвы, насыпались валы, на нихъ ставились частоколья—огорода; мирное население осѣдало вокругъ, начинало расчищать трупы, пахать землю, заводило торгъ. Предметомъ послѣдняго служили главнымъ образомъ дорогіе мѣха бѣгавшихъ въ окрестномъ лѣсу звѣрей: медвѣдей, соболей, куницъ и лисъ. Надъ низкими курными избами поселенцевъ парила высокая деревянная церковь.

Одновременно съ городами стали возникать въ лѣсахъ сѣве-

ро-востока и православные монастыри. Русскіе миссіонеры, довольствуясь на первыхъ порахъ простой земляной или даже простымъ дупломъ, строили съ помощію сходящейся съ ними братіи небольшой деревянный храмъ, обносили его и окружающія кельи стѣной, для защиты отъ злыхъ людей и вели въ этихъ стѣнахъ подвижническую жизнь.

Новгородцы, бывшіе въ то давнее время первыми колонизаторами-проповѣдниками, руководились, какъ видимъ двумя желаніями: нажиться торговлей съ западомъ при помощи новооткрытой страны *мъговъ* и убѣдить финскихъ язычниковъ въ истинѣ вѣры Христовой. Одни шли съ оружіемъ на звѣря и человѣка; другіе мирно завоевывали дикарей словомъ Евангелія. Въ XIV столѣтіи изъ язычниковъ Финновъ многие уже были христіанами. Стефанъ Пермскій прославился какъ самый ревностный апостолъ русскаго сѣвера.

Немногія группы финскихъ племенъ уцѣлѣли отъ нахлынувшего великорусскаго половодья. По лицу великой равнины все болѣе и болѣе распространялся типъ великорусской деревни, вытянутой въ рядъ, съ избами въ три окна, крытыми соломою, съ распаханными кругомъ полями. Въ лѣсахъ и оврагахъ ютились старыя инородческія поселки.

Мѣсто малорослага финна занималъ шагъ за шагомъ широкоплечій красивый великороссъ, средняго роста съ сѣрыми глазами и окладистой русой беродой, тотъ типъ, который во всей чистотѣ сохранился въ Ярославской и Новгородской губерніяхъ.

Разливъ пошелъ далеко на востокъ и на югъ, сносилъ болѣе слабыя чуждыя народности. Уральскія горы не послужили ему помѣхой: сквозь нихъ, въ теченіе многихъ вѣковъ фильтровалось, если можно такъ выразиться, все самое энергичное изъ населенія теперешней Европейской Россіи, частью по охотѣ, частью по неволѣ. То же порабощеніе болѣе слабого племени болѣе сильнымъ совершилось и въ Сибири.

Великороссовъ 37 милліоновъ, ихъ населенію положены довольно рѣзкія географическія границы. На западѣ линия идетъ черезъ великія сѣверныя озера (Ладожское, Онежское и Чудское), по р. Великой и верховьямъ З. Двины, Днѣпра и Десны, до истоковъ Дона, на востокѣ—отъ южной части Курской губерніи, черезъ восточныя окраины губерній: Воронежской, Тамбовской, Нижегородской и Костромской и черезъ двѣ великія сѣверныя губерніи (Архангельскую и Вологодскую) къ Мезенскому устью.

На показанномъ пространствѣ великороссы—почти сплошь, за пограничными чертами—смѣшанно. Различіе занятыхъ мѣстъ, природныя условія страны—все это взятое въ совокупности вліяло на уклоненія отъ кореннаго типа, вносило новыя черты въ наружность и даже въ характеръ, взмѣнило обстановку и бытъ. Великорусскихъ крестьянъ связывалъ общій языкъ и общая вѣра.

Перехода къ приложенному рисунку, на которомъ изображено около полусотни великорусскихъ типовъ, нельзя, говоря о нихъ, обойти нѣкоторыя этнографическія подробности, нельзя не вдаваться въ частности. И такъ воспользуемся случаемъ когда большинство великороссовъ въ сборѣ.

Для того чтобы не повторять одного и того же, такъ какъ бытъ великорусскихъ крестьянъ представляетъ много общаго чертъ и жизни новгородскаго мужика мало чѣмъ отличается въ главномъ отъ жизни Орловскаго или Тверскаго, мы возьмемъ все характеризующее ихъ обстановку, обряды, промыслы и развлеченія изъ разныхъ губерній. При другомъ пріемѣ наша статья неминуемо приняла бы болѣе большіе размѣры. Начнемъ съ Новгородцевъ (№№ 1, 2, 5 и 6).

Передъ глазами читателя типы того народа, на долю котораго выпала долгая историческая борьба съ Москвой за старшій вѣчевой порядокъ, борьба, отразившаяся на характерѣ энергичнаго населенія. Про него и теперь еще говорятъ: «*упрямъ какъ Новгородецъ*», а въ народныхъ присловьяхъ сложилось насмѣшливое замѣчаніе, что Новгородцы «такали, такали, да Новгородъ и протакали». Крестьяне этой озерной и бесплодной губерніи промышляютъ больше на сторонѣ, или строятъ суда на рѣкахъ, перевозятъ грузы, изъ болотъ добываютъ желѣзную руду, занимаются солянымъ промысломъ или рыбной ловлей. Вотъ какъ рассказываетъ о послѣдней Якушкинъ со словъ одного ловца, жителя береговъ Ильмена:

«Про наши промыслы сказать кромѣ хорошаго нечего: сами апостолы были рыбаками, по нашему сказать, ловцами. Наши промыслы легкіе, веселые, особливо зимой—гораздо хороши! Настоящіе ловцы зимніе въ два невода ловятъ, это двойники.

Вот соберется народъ челоѣкъ двадцать ловцевъ, или тамъ тридцать, у кажиннаго ловца шестнадцать сажень сѣтей, а у кажинныхъ двухъ ловцовъ есть по лошади съ санями, со всею снастью, какъ запречь надлежитъ. Соберутся ловцы челоѣтъ двадцать, а больше стануть собирать до тридцати одного ловца. Наберется скоро: на это дѣло охотника много у насъ. Послѣй того скопятся да и спросятъ: кому быть ватаманомъ? Положатъ на кого: на Ивана ли Петрова, на Федора ли Васильева, всѣ къ тому Федору Васильеву и идутъ. А коли случится тутъ Федоръ Васильевъ, то тутъ же ему и объявится, коли же нѣтъ его на ту пору съ ними, идутъ къ нему на домъ. И выбираютъ они ватаманомъ ловкаго да и знакомаго: надо кнѣи (мотня, матка), снасти (веревки) въ долгъ взять. Ловцы сѣти сами вяжутъ, а то и купить не дорого: 16 сажень сѣтей можно взять за десять цѣлковыхъ. Ну а кнѣю всегда покупаютъ въ городѣ; за пару кнѣй надо дать 300 рублей ассигнаціями, а дорога пенька—всѣ 100 цѣлковыхъ отдать, да за снасти цѣлковыхъ 50. По этому самому и выбираютъ ватамана знакомаго, чтобы ему въ городѣ все что надо въ долгъ дали. Приходить къ нему на домъ въ избу. А тотъ Федоръ Васильевъ сидитъ, будто ничего не знаетъ. «Что вамъ надо, ребята?» скажетъ онъ такъ сурово. Зачѣмъ пришли? А тѣ ему въ отвѣтъ: такъ и такъ: насъ скопилось 31 челоѣкъ съ сѣтями и лошадьми: будь нашимъ большимъ ватаманомъ. А коли нѣтъ тридцати одного ловца, то скажутъ: насъ собралось 20 тамъ чтолъ челоѣкъ, или 25, остальныхъ самъ набери. Будь намъ ватаманомъ большимъ, безъ тебѣ намъ въ двойникахъ ходить не приходится. Тотъ по обычаю, сперва на перво полагается: начнетъ говорить, что у меня да на то и разума не хватитъ, а безъ большаго разума какъ я за такое дѣло возьмусь? Да это онъ такъ разговориваетъ, поговоритъ и станеть большимъ ватаманомъ. Тутъ большой ватаманъ спроситъ: «кого же мы, ловцы, поставимъ малымъ ватаманомъ? Ну тѣ и говорятъ на кого нибудь, тотъ тоже отговаривается, да только поменьше. Тамъ большой ватаманъ скажетъ:

самъ перехитритъ, если же плохо—дожидается, пока главные дѣльцы на озеро поѣдутъ; а то такъ сдѣлаетъ: будешь съ нимъ бокъ о бокъ ловить—у него тоня въ 300 рублей и больше, а ты—на рубль серебра! Въ назначенный день всѣ сходятся къ большому ватаману, затопятъ свѣчу, выпьютъ винца, поѣдають, все тѣмъ же порядкомъ какъ и прежде и съ того ватаманъ большой полный хозяинъ, хоть до полусмерти убьетъ кого: никто до поры до времени по смѣй слово сказать. Поѣдають и поѣдутъ на озеро. Въ этотъ день они только одну тоню и сдѣлають: своего счастья попытатъ, да и рыбу то не продають, сами сѣдятъ. Послѣ того уже ватаманъ скажетъ день, въ который скопятся на пастоящій ловъ. Соберутся и поѣдутъ. Заинуть тоню, вынуть. Большой ватаманъ сказано, всему хозяинъ: вынуть тоню, онъ и скажетъ мокряку, за сколько ее рыбакамъ отдавать, мокрякъ не смѣетъ и дешево слушаться... А коли рыбаки ватаманской цѣны не дадутъ, мокрякъ ночь ночуй, не дадутъ на другой день—другую; на третій день только съ озера можно эту рыбу свезти. Вотъ какъ мокрякъ продастъ рыбу, деньги возьметъ у рыбаковъ и пойдетъ къ брати на другую тоню. Другую тоню, если бываетъ, онъ же продаетъ; сколько тоннъ заинуть въ тотъ день—во всѣхъ онъ мокрякъ и все деньги себѣ подѣ сохрани беретъ. Ватаманъ себѣ ни гроша не оставитъ. Какъ сконится у ловцовъ много денегъ, большой ватаманъ и велитъ расправѣ быть. Скопятся. Большой ватаманъ сядетъ за столъ, а всѣ ловцы стоятъ. Большой ватаманъ и скажетъ: у тебя столько то денегъ. А тутъ ловецъ къ ватаману тѣ слова были, ему подастъ деньги. Ватаманъ приметъ и положитъ на столъ. Тамъ у другаго спроситъ, возьметъ и тоже положитъ на столъ. Оберетъ у всѣхъ кто въ мокрякахъ былъ и всѣ деньги на столѣ лежатъ. Ватаманъ при всѣхъ пересчитаетъ деньги. Всѣхъ денегъ къ примѣру 200 рублей; изъ этихъ денегъ за кнѣи можно отложить сто чтолъ рублей, на церковь Божию столько-то, за прогулы столько-то, на водку, если ловъ былъ хорошъ. И никто ему на то слова не

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

— Вы хотите непременно чтобы я сдѣлался извѣстнымъ, чтобы обо мнѣ всѣ заговорили... Что же мнѣ бы такое сдѣлать?..

— Проѣзжайте по Одесской желѣзной дорогѣ разъ пять и если съ вами ничего не случится — объ этомъ конечно всѣ заговорятъ...

Тамъ большой ватаманъ скажетъ: кому рѣльщикомъ быть? Рѣльщикъ ватаману подручный, тоже большой челоѣкъ, безъ рѣльщика ватаманъ водки не пьетъ. Выберутъ двухъ рѣльщиковъ, коренному ватаману по рѣльщику, а коренному ватаману и коренному рѣльщику по пѣхарю, да еще четыре воротильщика, что воротъ ворочаютъ, а остальные просто ловцы. Ну, а когда не наберется 32 ловца, у кого есть сѣтъ да лошадь, нанимаютъ рублей за 30 сер. въ зиму казаковъ, такъ у насъ зовутъ бездомныхъ работниковъ. Какъ только всѣхъ выберутъ, затопятъ Богу свѣчу, помолятся Богу, поладуютъ образъ-икону. Помолясь и ни одинъ ужъ ловецъ не отойдетъ въ другой двойникъ, не могъ до поры до времени слова сказать! Помолясь Богу и отстать нельзя: недаромъ Бога цаловали! Помолясь Богу сядутъ за столъ, выпьютъ винца. Вотъ и скажетъ большой ватаманъ: «Ну, ребята, собираться, тогда то, а пока надо невода сплавить. Всѣ уже и слушаютъ. Какъ прикажетъ ватаманъ, такъ и сконится къ нему вси братія невода сплавить. Куренный принесетъ съ собою свою сѣтъ 16 сажень, сошьютъ въ четыре крыла, по два крыла на неводъ. А большій ватаманъ, челоѣкъ бывалый, выберетъ день легкій, глаза и дурнаго дѣла боится. Случается ватаманъ и самъ на тѣ дѣла ходокъ, тотъ

скажетъ, хоть всѣ деньги пропить велитъ. Отложивъ сколько надо, ватаманъ дѣлитъ всѣмъ ловцамъ: на ловца съ лошадыю двѣ части, а на пѣшаго одну, и отдаетъ тѣ коренному ловцу самъ въ руки и себѣ оставляетъ равную часть. На мясляницу большая расправа бываетъ, такая же какъ малая, только большой ватаманъ отсчитаетъ на той большой расправѣ деньги, коли остался, что до этого и не бываетъ, за кнѣи да за снасти, а на водку не откладываетъ, и послѣ скажетъ: «надо на церковь Божию отложить». Какъ только кончится расправа, ватаманъ всанетъ да и спроситъ: «Хотите-ли, братцы, на тотъ годъ со мною рыбу ловить?» Если онъ не хорошо имъ служилъ, всякъ ему свою правду выскажетъ, разберутъ неводъ, всякъ свою сѣтъ, кнѣю, снасти продадутъ, деньги раздѣлятъ и разойдутся. Коли-жъ все было ладно, ловцы ватамана поятъ водкой, а ватаманъ подноситъ всей брати. Гульба пойдетъ такая, что и Боже мой! На этотъ пиръ никому кромѣ той брати и придти нельзя, развѣ когда большой ватаманъ позоветъ. Пройдетъ мясляница, въ понедѣльникъ на первой недѣли зубы полоскать, да такъ наполошутся, что во вторникъ, а то и въ среду опохмѣляться надо. Кончится гульба, ватаманъ скажетъ: опять выѣзжать. Опять выѣдутъ на озеро и ловятъ, пока забере-

Продолженіе въ прибавл. на стр. 125, 126, 127 и 128.

реги пойдутъ, съ тѣмъ же ватаманомъ, коли хорошо служилъ, а нѣтъ, такъ съ новымъ, которому общались на зиму. Пойдутъ забереги и разойдутся до зимы, а зимой уже приходять къ ватаману своему».

Такъ промышленяетъ великорусскій крестьянинъ на водѣ, когда земля родитъ плохо и скудный урожай не можетъ прокормить население. Посмотримъ теперь какъ живутъ и чѣмъ кормя Рязанцы (№№ 25, 23, 40 и 41).

«Жилища строены состоятъ обыкновенно изъ двухъ избъ или срубовъ, стоящихъ большею частью безъ фундамента и соединенныхъ между собою холодными сѣнями. Одна изба (теплая) назначается для жилья, а другая есть клѣтъ, въ которой хранится посуда, провизія, одежда и прочее имущество, а лѣтомъ въ ней живутъ. Впрочемъ это главное строеніе весьма разнообразно въ своихъ формахъ: иногда вмѣсто клѣты ставится другая изба съ печкой; гораздо же чаще встрѣчаются крестьянскіе дома, состоящіе изъ одной лишь избы и холодныхъ сѣней, гдѣ устроенъ небольшой чуланъ вмѣсто клѣты. На сѣверѣ губерніи избы строятся выше и раздѣляются горизонтально на двѣ половины; изъ которыхъ въ верхней живутъ, а нижняя замѣняетъ клѣтъ и называется подполниа. Въ Данковскомъ, Скопинскомъ и Пронскомъ уѣздахъ (западныхъ) клѣтъ называется горнищей, а иногда горенкой. Размѣры избы соразмѣряются съ величиной семейства. Обыкновенно изба составляется изъ 15, 20 и болѣе вѣнцовъ, такимъ образомъ средняя высота ея выходитъ отъ 4 до 6 аршинъ. Вообще можно сказать, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ избы выше; но ширина и длина ихъ вездѣ одинаковы и заключаются отъ 6 до 9 аршинъ. Если взять избы средней величины, то она вмѣщаетъ въ себѣ пространство въ 144 куб. аршина въ каждой избѣ; въ сложности живутъ по 8 человѣкъ. слѣдовательно каждый пользуется пространствомъ, имѣющимъ въ длину и ширину 3, а въ высоту 2 аршина; если же принять въ соображеніе всѣ принадлежности избы и домашнюю скотину, которая въ теченіи зимы постоянно въ ней толкается, то можно составить себѣ понятіе о тѣснотѣ крестьянскихъ жилищъ. Главная принадлежность избы есть русская печь, сбитаая большею частью изъ глины и въ деревянной оправѣ, или сложенная изъ кирпичей; она лежитъ на деревянномъ опечкѣ, устроенномъ въ углу, подлѣ двери и занимаетъ обыкновенно шестую часть избы. Последнія бываютъ очень часто курныя, а чтобы составить себѣ понятіе, что такое курная изба, достаточно привести слѣдующее *): едва вы вступите въ нее (зимой) и ваша голова готова ударится объ палаты: это доски, которые намолены на аршинъ ниже потолка и поддерживаются перекладинами, раздѣляющими избы на двѣ ровныя части: переднюю и заднюю. На нихъ крестьяне слять и грѣются. Подлѣ палатей—печь, отсюда лезать прямо на палаты. Печь дѣлается въ такихъ избахъ изъ глины, которую сбиваютъ въ плотную массу чекмарями. Между палатами и поломъ устроенъ еще для снавья большой примостъ или нары. Трубы въ покое нѣтъ и когда печь топится, вся изба наполнена дымомъ, который всѣмъ рѣжетъ глаза, колетъ въ носъ, возбуждаетъ кашель. Въ это время семья ходитъ согнувшись, а дѣти лежатъ на печкѣ, свѣсивъ внизъ головы. Этотъ дымъ, выходя въ растворенную дверь и дымовое окно, оставляетъ на стѣнахъ вѣчную копоть. Передняя часть избы на цѣлый аршинъ выше задней, потому что здѣсь нѣтъ палатей, тутъ у стѣвъ придѣланъ конникъ и лавка, въ переднемъ углу на божицкѣ поставлены закопченые образа, подъ образами стоитъ столъ въ которомъ кладутся хлѣбъ, солонка, ножъ и ложку; около печи, въ той сторонѣ куда обращено устье, къ стѣвѣ прикрѣплена полка; на ней помѣщается кухонная посуда; на лавкѣ и на примостѣ валается запачканная одежда и пр. домашній скарбъ; подъ примостомъ или подъ лавкою отгороженъ катухъ (мѣсто для куръ). Немощный полъ почти также грязенъ какъ хлѣвъ. И въ этой низкой, тѣсной, душной избѣ, освѣщенной двумя или тремя волоковыми окнами, помѣщается семейство крестьянина и неизмѣнно что нибудь изъ скота, въ предохраненіе отъ холода и вся нечистота отъ этихъ животныхъ. Жилища великорусскихъ крестьянъ таковы въ большинствѣ случаевъ и красивыя свѣтлыя избы *верховыхъ* приволжскихъ крестьянъ не требуютъ отдѣльнаго описанія. Было бы излишне распространяться объ одеждѣ, которую всякій видитъ и знаетъ. Она далеко не разнообразна, исключая праздничныхъ женскихъ уборовъ, для оцѣнки которыхъ достаточно взглянуть на рисунокъ (№№ 1, 4 и т. д.).

Пища великорусскихъ крестьянъ непривлекательна и проста. Щи, каша; хороши въ урожайныхъ мѣстахъ ржаной хлѣбъ, изрѣдка пироги. Рыба употребляется въ маломъ количествѣ и то соленая, мясо еще рѣже и очень не многими. Въ постные дни помогаютъ нѣкоторыя овощи, въ родѣ рѣпки, луку и пр., собранные въ лѣсахъ грибы. Самое голодное время—Петровка, когда нельзя достать никакихъ овощей и приходится довольствоваться непитательной тюрей изъ кваса съ лукомъ и огуцами, если они попадутся.

Обстановка великорусскихъ крестьянъ: жилища, пища и пр.

предметы необходимости не представляютъ ничего особенно привлекательнаго, у крестьянъ нѣтъ столькохъ потребностей, сколько ихъ успѣло накопиться у людей вышедшихъ изъ народа въ цивилизацію. Трудъ пахаря и другаго рабочаго человѣка тяжелъ и утомителенъ. Не всѣ промыслы такъ легки, какъ только что описанный рыбный на озерѣ Ильментѣ; а послѣ каждаго труда человѣкъ, какъ извѣстно, требуетъ отдыха, котораго очевидно не можетъ дать ему вышеприведенная обстановка, по крайней мѣрѣ въ желательномъ для него количествѣ.

Какъ же веселится великорусскій крестьянинъ, во что онъ вѣритъ, какъ проходитъ его трудовой годъ.

Въ праздники принаряженный народъ водить по улицамъ хорыводы, въ зимніе вечера парни и дѣвки сходятся на посидки, при чемъ поются пѣсни, загадываются загадки, устраиваются игры. Хорыводы составляютъ одно изъ главныхъ и любимыхъ увеселеній великорусскаго народа. Посмотримъ какъ водятъ ихъ въ Калужской губерніи (№№ 11, 12 и 13).

При пѣніи хорыводныхъ пѣсень парень, вошедшій въ кругъ, выполняетъ все то, о чемъ говорится въ пѣснѣ. Составляющіе хоръ поютъ:

«Заенька сѣренькій!
Въ (у) нашего князя,
Въ нашего богатаго
Была дочь красивая,
Я, молодой князь,
Хочу ѣхать свататься,
Заенька сѣренькій,
Пріѣхалъ я къ князю

При этихъ словахъ парень останавливается передъ другимъ мужчиной и снимая шляпу кланяется. Хоръ продолжаетъ:

Хочу свататься.
Князь меня спрашиваетъ:
— Покажи мнѣ, князь
Свои бѣлы руки!
— Вотъ таѣ руки,
Вотъ таѣ бѣлы,
Вотъ таѣ глаза,
Вотъ таѣ червы!
Заенька сѣренькій!
Я хочу въ сваты
Твою дочку взять,
Вотъ таѣ, князь,
Вотъ таѣ, молодой,
Княгиня молодая!

Парень выбираетъ себѣ дѣвву и вводитъ ее въ середину круга.

Заенька сѣренькій!
Слуги мои, слуги вѣрные
Выстилайте мнѣ дорогу
Черными тафтами.

Окружающіе стелятъ платки и продолжаютъ пѣть:

Взялъ я красавицу,
Взялъ я молодую,
Съ богатымъ приданымъ,
Съ вороными со конями,
Съ черными тафтами,
Заенька сѣренькій!
Закладайте мнѣ карету
Сяду съ нею и поѣду,
Закладайте мнѣ другую
И я сяду въ любовь...
Заенька сѣренькій!
Княгиня передъ нимъ стоитъ
Ровно жаръ горитъ.

Парень говоритъ дѣвкѣ:

«Загадаю я княгинѣ загадку,
Можетъ быть княгиня отгадаетъ:
«Съ чего въ (у) молодца кудри вьются,
Съ чего они сѣкутся?»

Дѣвка на это отвѣчаетъ:

«Съ радости, сударь, кудри вьются,
Съ печали сѣкутся.
Какъ мы съ тобой совькатлсь,
У те кудри завивались,
Но какъ будемъ разсвататься,
У те кудри станутъ развиваться!

Послѣ этого цалуются и расходятся. Хоръ начинаетъ новую

*) Этн. Сб-ри. V.

пѣсни. Въ хороводѣ парни выбираютъ себѣ дѣвочку по сердцу, что придаетъ этимъ увеселеніямъ особенный смыслъ и значеніе.

Свадебные обряды великорусскихъ крестьянъ представляютъ много чертъ, наоминующихъ древнее происхождение унаследованныхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе обычаевъ. Какъ образецъ такой свадебной церемоніи, приведемъ рассказъ о Тверятянахъ (№№ 9 и 10) Ржевскаго уѣзда. «Наканунѣ свадьбы собираются въ избу князя (жениха) и въ одной комнатѣ сидитъ сама княгиня, подъ покрываломъ, въ вѣнчалномъ нарядѣ, окруженная родными съ дружкой, а въ другой избѣ женихъ съ отцемъ, матерью, дружкой и родными. Дружка князя или *знахарь* въ этой избѣ ставитъ посрединѣ, на полъ перегорѣлый камень и на него сковороду, потомъ выѣстъ съ родными поднимаетъ князя такъ, чтобы онъ не коснулся ни пола, ни сковороды и ставитъ его осторожно на сковороду, чтобы камень не раздавить. Князь стоитъ; дружка беретъ образъ и ходитъ, творя молитвы, вокругъ жениха, съ восковой свѣчей. Послѣ трехъ разъ (обхода), жениха снимаютъ, чтобы опять не касался ни пола, ни сковороды и ставитъ на полъ. Дружка ударяетъ сковороду топоромъ, чтобы разбить камень и говоритъ: «какъ этотъ камень разбился, такъ чтобы все враги нашего князя разбились!... Берутъ жениха подъ руки и ведутъ къ избѣ княгини, при чемъ дружка идетъ впереди со свѣчей и съ плетью за поясомъ. Три раза ударяетъ плетью въ залерную дверь. Входятъ въ избу. Невѣста сидитъ за столомъ подъ покрываломъ. Князь и княгиня кланяются. Ихъ ставятъ рядомъ. На столѣ хлѣбъ, соль, пиво и вино. Дружка одѣтый въ красную рубаху, вызываетъ всехъ родныхъ и затѣмъ присутствующихъ, чтобы благословили князя и княгиню». Иванъ Фадеевъ (два раза), приходитъ благословить нашего князя *новобраннаго* съ княгиней *новобранной*, хлѣба-соли кушать. — Не надо намъ твоего злата и серебра; у нашего князя новобраннаго и княгини новобранной много своего злата и серебра, а дорого намъ твое благословеніе. Все приходитъ благословить, а кто не будетъ благословлять, тому ни самому не выходить, ни своихъ дочекъ замужъ не выдавать!... Вызванный подходитъ къ столу и дружка ему подноситъ или пива, или водки, смотря по значенію. Выпившій кладетъ мѣдную монету въ стоящую на столѣ чашку, раскланывается и уходитъ.

Потомъ поютъ. Дружка говоритъ, что надо князя съ княгиней повеселить. Что возьмете?—Да мы недорого возьмемъ: усято 40 сороковъ пироговъ, выдровина и ведро пива.—Нѣтъ этого много: у нашего князя столько вѣтути, а возьмите пирога, полштофа горѣлки и ведро пива. Соглашаются. Дѣвушки поютъ пѣсни; платитъ имъ тотъ на кого поютъ. Пляшутъ, за плясомъ слѣдуетъ ужинъ: говяжий студень пирогъ на каждого, сѣрые щи и бараньяна. Пиръ длится за полночь. Послѣ этого княгиню уводятъ въ родную избу, а женихъ остается дома, гдѣ былъ пиръ. На другой день вѣнчаются. Когда дружка идетъ за невестой, чтобы взять ее къ вѣнцу, то набираетъ съ собой питья и ѣды, чтобы выкупать дорогу въ воротахъ. Въ нихъ бываютъ разныя *заставы*: ребята кладутъ колъ, бревно и пр. Кто прежде придетъ тотъ идетъ въ караульѣ. Послѣ обряда ѣдутъ къ жениху домой. Встрѣчаютъ князя отецъ и мать, если живы, съ хлѣбомъ солью, въ вывороченныхъ шубахъ, чтобы богато жились. У воровъ опять толпа не пускаетъ, требуетъ выкупа. Войдя въ избу на мѣстахъ князя и княгини находятъ лицъ постороннихъ, которые опять требуютъ выкупа за мѣста. За обѣденный столъ садятся все родные и поѣзжане. За нимъ дружка раздаетъ княгинини дары. Даръ кладется на плетъ и подается каждому съ приговоромъ: «Наша княгиня новобранная по рѣкамъ не ходила, зуетъ не ловила, дары милому готовила!» Получившій подарокъ оглачиваетъ деньгами. На другой день послѣ свадьбы, рано утромъ посылаютъ молодыхъ на ключъ за водой. Окружающіе ключъ (колодець) отнимаютъ и разливаютъ у молодыхъ воду, какъ бы желая поспорить, помутить. У воровъ опять не пускаютъ безъ выкупа.

При описаніи свадьбы, какъ мы видѣли, соблюдались разныя суевѣрные обряды, отрывки прежней мифологіи и долго неумирающаго язычества. Повѣрья эти въ большомъ ходу у великоросса, съ ними онъ родится, растетъ, работаетъ и умираетъ.

Курскій крестьянинъ, при отѣздѣ весной въ первый разъ въ поле, для посѣва хлѣба, садится съ домашними за накрытый столъ, на которомъ стоитъ хлѣбъ-соль; затѣмъ, посидѣвъ, подымается и взявъ съ собою печеные въ среду на 4-й недѣлѣ В. поста кресты и благословленную просвиру, отправляется въ путь. Идя дорогой, онъ боится дурныхъ встрѣчъ, которыя могутъ, думаетъ онъ, нехорошо повліять на урожай. Пріѣхавъ на ниву, крестьянинъ молится Богу, на востокъ, потомъ разсыпаетъ зерна и садится завтракать. За завтракомъ прежде всего съѣдается просвира и сдѣланные изъ тѣста кресты, послѣ чего работа продолжается, при чемъ сначала прорѣзывается на нашихъ, сохой крестъ: двѣ борозды вдоль, одна—поперекъ. Въ день перваго выѣзда ничего не даютъ взаимно, не взявъ чего либо въ замѣнъ. Весной, въ праздничные дни, служатъ молебны по полямъ объ изобиліи жатвы. По сжатіи хлѣба, на

полѣ оставляютъ нѣсколько колосьевъ ржи на корню, какъ говорится *Пиль на бороду*, которые связываютъ узломъ: при чемъ кладутъ тамъ ломоть ржаного хлѣба съ солью. Идя домой, бабы становятся въ концѣ своей пашни и перебрасываютъ черезъ головы серпы, чтобы и слѣдующій годъ былъ урожайный. Нѣкоторые изъ нихъ кагаются при этомъ по землѣ и приговариваютъ: «Жнивка, жнивка, отдай мою силку, на песть, на колотило, на молотило, на кривое веретено!»

Съ такими обрядами относится курскій земледѣлецъ (№№ 28, 29, 30, 31, 43, 44, 45) къ своей кормилицѣ матери землѣ. Про каждого сосѣда по губерніи или уѣзду ходятъ великорусскіе присловья и анекдоты, которые намѣчаютъ мелкія черты различія въ ходѣ обыденной жизни, ускользающіе при широкомъ взглядѣ. Нерѣдко какое нибудь происшествіе, случившееся въ селѣ давало клочку всемъ сельчанамъ и эта клочка переходила изъ рода въ родъ. Черты прошлой исторической жизни отразились также въ присловьяхъ, уровень народнаго благосостоянія нашель въ нихъ тоже отголосокъ.

Посмотримъ въ заключеніе какъ великорусскій народъ опредѣляетъ самъ себя и укажемъ при случаѣ на тѣ причины, которыя вызвали то или другое присловье, тогъ или другой анекдотъ. Будемъ продолжать характеристику въ томъ порядкѣ въ какомъ расположены нумера рисунковъ и начнемъ съ Псковитянъ (№№ 3, 4, 7 и 8). Ихъ зовутъ *ершенцами* и *макинниками*. Последнее присловье во многихъ памятниквахъ народнаго творчества относится безраздѣльно ко всемъ мужикамъ; къ Псковитянамъ оно относится по всей справедливости, такъ какъ жители этой губерніи—народъ очень бѣдный и темный. Они, говоритъ народъ, тучу колыями подпирали, три дня сходку держали, все думали что съ тучей дѣлать.

Тверитяне—*ранушники*, народъ тоже бѣдный; *въ прикладку съ сахаромъ чай пьютъ*. Бѣдственное положеніе страны въ былые годы вызывало жителей на дорожный промыселъ, пріучало къ разбою. Изъ нихъ, говоритъ пословица: «Новоторы воры, да и Осташи—хороши». А вотъ повывше, въ серединѣ рисунка—двое калужанъ. Они, передаетъ народная память, подембиваясь надъ ихъ *калужскимъ тѣстомъ*, «*козла въ соложеное тѣсто утопили*» и живутъ ничего себѣ лучше какого нибудь Туляка или Орловца. «Калужанинъ поужинаетъ, а Тулякъ ляжетъ и тагъ». Смоленяне—*меловики*, народъ часто голодающій, ѣдащій хлѣбъ пополамъ съ древесной мезгой. У нихъ «польская кость, да собачьямъ мясомъ обросла», говоритъ народъ, указывая на прежнюю роль Смоленска въ русской исторіи (см. №№ 14, 15, 16, 17 и 18).

Орловцы (№№ 19, 20, 21) люди старой русской украины—головорѣзы, удалой народъ, не то что москвовцы, «проломленные головы». У нихъ «Орель да Кромь—первые воры, Ливны—всеми ворами дивны, а Елецъ—всеми ворами отецъ». И говорятъ орловцы для сосѣдей чудно: «Въ городѣ Ельцу—дѣвка по яйцу, а облупишь такъ двухъ кунишь». «Въ городѣ Ельцу, у куница на крыльцу радуга брагу выпила».

Рязанцы—*синеврохы* (въ синихъ рубахахъ). «Мѣшкомъ солнышко ловили, блинами острогъ конопатили, народъ въ былую пору тоже удалой». «Самъ ножъ точить, а говоритъ—небось!» «Кособроухая рязанщина огурцомъ теленка зарѣзала».

А вотъ и коломенцы (№№ 26, 27)—*чернонебысы*. Куряне рослый красивый народъ; про него тоже какъ и про рязанцевъ идетъ старая слава: «Нѣтъ, говоритъ пословица, у Бѣлаго царя вора супротивъ курянина».

На верху рисунка, съ правой стороны два тульскихъ работника въ арыкахъ: «тулякъ—стальная душа, чугунный носъ», въ былое время тоже грабежомъ промышленялъ, недаромъ сложилась поговорка: Бѣсово, Руново—пронеси Богъ здорово, а Терново да Баскачъ, хоть кругомъ обскачъ (Каширск. уѣзд.). Говорятъ не такъ какъ сосѣди Москвичи или орловцы. «Молодець продай за грошъ постныхъ яемъ!» (огурцовъ) смѣются надъ одоевцами Тамбовцы (№ 42)—*толстоногие молоконы, степные хребтуки*. «Сову въ озерѣ крестили». Последній анекдотъ разсказывается про темниковцевъ, которымъ дорого обоилась шалость. Сова, выкупанная въ озерѣ, съ пояскомъ на шеѣ, взлетѣла на крестъ, зацѣпилась и удавилась. Произвели слѣдствие и наказали...

Кадомцы «сома въ печи поймали»—событіе, разсказывать которое имѣютъ нѣкоторыя основанія, потому что весной въ Кадомѣ постоянно наводненія. И все это русскіе люди, которые, по пословицамъ, умны да заднимъ умомъ, терпѣливы до зачина, добрые люди, любящіе авось, небось да какъ нибудь, люди, у которыхъ въ брѣхѣ и долото сгниетъ, которыхъ если бить—часы сдѣлаютъ.—Какая однако смѣсь одеждъ, лицъ и нарѣчій, а между тѣмъ все это разнообразное населеніе великорусскихъ губерній связано крѣпкой связью одной вѣры, одного языка и унаследованныхъ привычекъ.

Общая черта характера великороссовъ: энергія, стойкость, добродушіе, соединенное часто съ безнечностью, удалъ и трудолюбіе.

С М Ъ С Ъ.

Пожизненная пенсия в Великобритании. Если англичане против размазывать своего пенсионного фонда, то они конечно правы, потому что расходы эти ложатся тяжким бременем на бюджет. Пенсии бывают иногда очень значительны и назначаются не по заслугам, а по протекции. Есть лица получающие 12,000 ф. стерлингов пожизненной пенсией, хотя заслуги их никому неизвестны. Так, потомки герцога Шомбера, павшего в сражении при Бонне, в 1690 году, получают в течении почти 200 лет пенсию в 10,000 фунт. ст. в год; потомки Нельсона—5,000, герцога Мальборо—6,000; разные придворные чины—на сумму свыше миллиона фунтов стерлингов в год.

Après nous le déluge. Это циническое выражение приписывалось некоторыми князю Метерниху, другом Людовика XV. Но в одной только что появившейся в Париже книге «Le Reliquaire de M. Q. de la Four, peintre du rois Louis XV, par Ch. Demaze», где помещены многочисленные, неизвестные письма Вольтера mademoiselle Фель, Мармонтеля, madame Ламбаль и т. д., находится замечка госпожи Фель, в которой она рассказывает, что однажды, когда Латурь писал портрет герцогини Помпадурь, вошел опечаленный король, только что получивший известие о поражении при Росбах. Помпадурь утешала его, уговаривая не огорчаться, потому что это вредно для его здоровья, и притом, заметила она, «après nous le déluge». Следовательно, это выражение принадлежит Помпадурь.

Последние часы мексиканского императора. Недавно

вышло в Вьне сочинение супруги принца Сальма, адъютанта императора мексиканского Максимилиана. В книге этой сообщаются интересные и совершенно новые данные о последних минутах злополучного австрийского эрцгерцога, принявшего от Наполеона роковой подарок—мексиканскую корону. Накануне казни принцессе удалось подкупить одного республиканского полковника (индijца), который за сто тысяч долларов золотом согласился не препятствовать бегству Максимилиана. Но планный император не имел денег при себе и выдал два векселя на означенную сумму, которая должна была быть уплачена императором Францом-Иосифом. Но так как одна подпись на векселях Максимилиана считалась недостаточной гарантией в верности платежа, то потребовали, чтобы несколько иностранных посланников, в том числе и австрийский, также подписали вексель. Лейб-медику Максимилиана, доктору Башу, поручено было вести переговоры. Когда он вошел в комнату, где собрались дипломаты и сообщил об этом плане, то бельгийский посланник барон Лаго, до того забыв свое дипломатическое достоинство, что вскопчил, рвал на себе волосы и кричал: «Мы не можем подписать! Если мы подпишем, то республиканцы повьсят нас!». Другие дипломаты также отказались подписать, и барон Лаго, имя которого уже красовалось на векселе (он подписался в присутствии Максимилиана, которому он не смел отказать в том) зарывшись трусостью других, взял ножницы и отрезал свое имя от векселя. Когда доктор Баш сообщил Максимилиану об исходе переговоров и о страхе бельгийского дипломата, то император презрительно заметил: «Не бьда, если бы его повьсили; свьтъ не много потерял бы от того».

Въ «Прав. Вѣстн.» напечатано слѣдующее извѣстiе о кончинѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Марiи Николаевны.

БЮЛЛЕТЕНЬ

О состоянiи здоровья Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Марiи Николаевны.

I.

7-го февраля. 9 часовъ вечера.

Появившiеся 4-го числа февраля признаки начинавшагося отека мозга почти совсѣмъ исчезли; сонливость уменьшилась; сознание вполне ясно; слабость сердца продолжаетъ давать самыя серьезныя опасенiя.

Докторъ Мянновскiй.
Лейбъ-медики Боткинъ.
Докторъ Тильнеръ.

II.

8-го февраля.

Со вчерашняго дня состоянiе здоровья Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Марiи Николаевны постоянно ухудшается. Въ 12 час. дня Ея Императорское Высочество, по собственному желанiю, причастилась Святыхъ Таинъ. Сила сердца постепенно слабѣетъ. Съ 3-хъ часовъ пополудни пульсъ почти неощутимъ и сознание стало менѣе ясно. Ея Императорское Высочество почти въ постоянномъ забытiи.

Докторъ Мянновскiй.
Лейбъ-медики Боткинъ.
Докторъ Тильнеръ.

III.

9-го февраля 1 ч. 15 м. пополуночи.

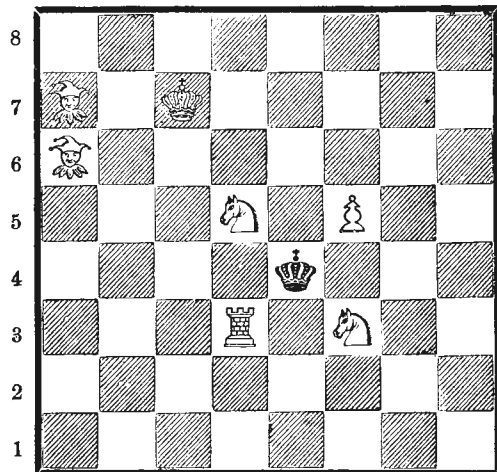
Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марiя Николаевна, не выходя изъ состоянiя забытiя, къ 12-ти часамъ спокойно заснула и въ часъ пять минутъ пополуночи тихо въ Бозѣ почила.

Докторъ Мянновскiй.
Лейбъ-медики Боткинъ.
Докторъ Тильнеръ.

ЗАДАЧА

Н. Е.

Черные.

А В С D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

РѢШЕНIЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 6.

Бѣлые.	Черные.
1) a1 — a3	1) a6 — a5
2) c5 — c4	
X	
X	

СОДЕРЖАНIЕ: Поювка «Новгородъ» (съ рисункомъ).—Въ домѣ коммерцiи совѣтника, Повѣсть Э. Марлитта. (Продолженiе).—Спасительные снаряды для поданiя помощи при мороблежрушенiяхъ (съ 3-мя рисунками). — Виноватая (съ рисункомъ).— Корреспонденты газетъ въ Герцеговинѣ (съ рисункомъ). — Великоруссы (съ рисункомъ). — Юмористическiе очерки (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Бюллетень. — Шахматы. — Прiяжнiе объявленiя.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

„БАСНИ И ЭСКИЗЫ“.

А. Антонова, издание 4-е, 1875 года, исправленное и значительно дополненное, съ приложением краткаго биографическаго очерка автора. Продается: въ Центральномъ магазинѣ, у Гольфа, Гатцуга, Мамонтова и другихъ известныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ. Цѣна 70 к., съ пересылкою 80 к. 3—1

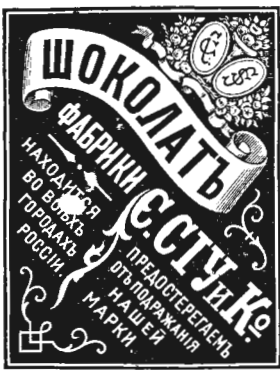
Вышла въ переводѣ со втораго нѣмецкаго изданія брошюра
доктора **К. ШИДЕРИТА:**

„ДЛЯ МОЛОДЫХЪ МАТЕРЕЙ И ВѢРНЫХЪ нянекъ“.

Наставленія о содержаніи дѣтей и объ уходѣ за ними въ первые годы жизни. Цѣна за экз. 35 коп., съ пересылкою 45 к. Книгопродавцамъ уступка. Съ требованіями обращаться въ типографію Цедербаума и Гольденбланда, по Чернышеву пер., д. № 2, Рогова, кв. № 56. Продается также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ.

Зубной врачъ **БАРСЪ.**

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней.
Б. Морская д. 35. 26—5

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ.

сост. А. Гурданъ.

Вышелъ нынѣ новымъ совершенно переработаннымъ и исправленнымъ по самымъ лучшимъ и ученымъ свѣдѣніямъ (quellen) 11-мъ изданіемъ состоящемъ изъ 27 хромо-литографированныхъ картъ на 12-ти листахъ. Также приложена большая карта Россіи простирающаяся на востокъ до озера Балкана, со всѣми желѣзными дорогами.

Цѣна атласа. . . . . 1 руб. с.
» Исторіи. . . . . 1 » 25

продается въ литогр. Ф. Эйлера, у Камен. моста, 29/40 СПб. и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 5—2

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. Franco Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes. 10—7

ИЗДАНИЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы **В. В. Крестовскаго** (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины **П. П. Петрова** и **В. Ключникова**. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щербетала ласточка. Сочиненіе **Шмилъгагена**. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1875 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. № 12.

Покупаютъ и продаютъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то 1/8% комиссіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подѣ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложеныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежныя влады и платитъ за деньги, внесенныя:

на текущій счетъ 6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ. 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, но взимая за то комиссіи.

Владчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ прислать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обоихъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногороднихъ по 50 коп.

Отъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ провинціи, контора, по прежнему, принимаетъ перестраховку принятыхъ ими на страховку билетовъ. Объ условіяхъ обратиться къ конторѣ.

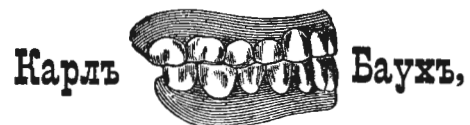
Продаетъ билеты 5% съ выигрышами обоихъ займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

примѣмъ могущій унасть, со времени полученія конторою задатка, на купленные билеты выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности. 5—4

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

жительствоующій по Большой Морской, домъ Росмана № 9, приготовляетъ искусственные зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ рачательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. 6—4

СИБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ КАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ известныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рудьковскаго и Гольма, въ Казанской, на углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у Подлейскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6—5

СЪМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовыя инструменты предлагаетъ гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ СЪМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

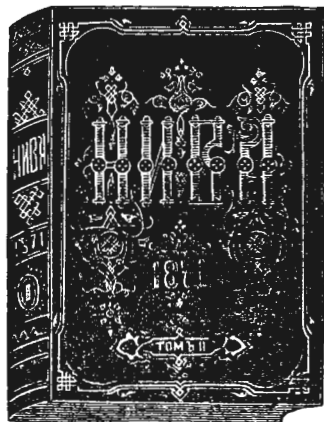
А. Ушакова

въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же. Подробный прейсъ-курвантъ высылается бесплатно. 6—4

СТОЛЯРНОЕ И МОДЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ, по Больш. Морск., д. № 4, кв. № 13. Принимаетъ заказы на мебельную работу по изящнымъ новымъ рисункамъ и модельную работу по конструкторскимъ чертежамъ. Имѣется готовая мебель. Дубовые и полсаидровые складные стулья по 50 р. дюжина, за штуку 5 р., очень удобныя для деревень, дачъ и охоты. 4—3

КРЫШКИ

для переплета „Нивы“ 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 г. по образцу показанному рядомъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплестъ „Ниву“ въ такую коленкоровую крышбу.

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—31

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ Алтшвагера.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
№ 8 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выданъ 23 Февраля 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫБРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и местечки Имперіи	5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія №№ въ 1876 году.

Принцъ Уэльскій въ Индіи.

Не вдаваясь въ подробное описаніе путешествія принца Уэльскаго по Индіи, знакомящаго насъ съ нравами и обычаями этой интересной страны, мы въ краткихъ чертахъ, доступныхъ небольшому объему этой статьи, приведемъ читателямъ нѣкоторые характерные эпизоды изъ этого въ высшей степени интереснаго путешествія, стараясь возможно точно прослѣдить за наслѣднимъ принцемъ въ его поѣздкахъ по городамъ Индіи.

8-го ноября прошлаго года, корабль, доставившій въ Индію принца Уэльскаго, вошелъ въ Бомбейскій заливъ и прямо перенесъ принца изъ

Путешествіе принца Уэльскаго въ Индіи. Тигръ, подаренный принцу Гвианомъ Вародскимъ.

его европейской жизни какъ бы въ сказочный міръ, міръ «Тысячи одной ночи», въ сказочный востокъ.

При входѣ въ заливъ путешестввенникамъ направо показались пѣза-ла-систыхъ, утесистыхъ острововъ ломанья линія горъ, окаймляющихъ берегъ; налѣво, позади цѣлага лѣса корабельныхъ мачтъ, широко разметался многолюдный, пестрый Бомбей съ его башнями, куполами, пагодами и минаретами. Въ глубинѣ залива виднѣется другая часть города, но какъ бы причесается за массой пальмъ разныхъ видовъ и породъ. Путешественнику, въѣзжающему въ первый разъ въ Бомбей, городъ этотъ

представляется чѣмъ-то фантастическимъ и, увидѣвъ его вблизи, не знаешь, въ дѣйствительности ли видишь это обиліе красокъ, линий, архитектуръ, или это только кажется подъ вліаніемъ опіума.

Бомбей состоитъ собственно изъ трехъ городовъ: изъ крѣпости, обрамляющей всѣ правительственныя зданія, торговыя дома, конторы и другія общественныя учрежденія; изъ города, вмѣщающаго въ себѣ утопающія въ зелени виллы и палатцы официальныхъ лицъ и представителей коммерческаго міра, и изъ такъ называемаго чернаго города, который, несмотря на величественность перваго и на красоту и богатство втораго, производитъ на путешественника самое сильное впечатлѣніе.

Удивительное разнообразіе формъ, богатство красокъ, тѣней и оттѣнковъ. Неправильныя, но широкія улицы, дома въ нѣскольکو этажей самой разнообразной архитектуры, съ колоннами всѣхъ формъ и размѣровъ, съ выступами, украшениями, статуэтками и нимфами. Веранды, балконы съ балюстрадами, террасы, дворцы и лачуги сплетенныя изъ древесныхъ вѣтвей, похожія на жилища дикарей, индійскія пагоды, арабскія мечети съ ихъ символическими знаками,—все это перемеживается вмѣстѣ съ оживленною толпою ѣдущихъ, идущихъ и, залитое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ производитъ чарующее впечатлѣніе.

Природа, какъ-бы соперничая съ человѣкомъ, надѣлила растительность страны такимъ же богатствомъ красокъ, такимъ же разнообразіемъ формъ, причѣмъ и въ обитателяхъ можно встрѣтить и прослѣдить оттѣнки всѣхъ человѣческихъ расъ, начиная отъ бѣлыхъ европейцевъ и видныхъ, красивыхъ свѣрлыхъ индусовъ до черныхъ или почти черныхъ жителей юга. Въ одеждѣ, какъ и во всемъ, видно то же смѣшеніе, то же разнообразіе. Подлѣ почти голаго факира вы видите англійскаго джентльмена, подлѣ полунагой женщины, разряженную въ европейскій костюмъ леди. Тутъ шныряютъ и евреи, и индусы, и китайцы, и европейцы, персы и монголы; все это снуется, кишитъ, и несмотря на разность народностей, нарѣчій и языковъ, другъ друга понимаетъ, какъ будто бы все это одинъ народъ, безъ различія расъ и вѣроисповѣданія.

Различіе каскъ и сектъ мало проявляется, но все же иногда тамъ и сямъ можно встрѣтить полунагаа факира, громкимъ шопотомъ произносящаго свои молитвы и проклятія, или индуса, набожно остановившагося передъ грубо вырубленнымъ идоломъ.

Отличіемъ магометанъ служитъ чалма, разновидность которой въ то же время служитъ и различіемъ общественнаго положенія. Чалмы бываютъ и низкія, и высокія, и цилиндрическія, и квадратныя, и круглыя. Нѣкоторыя же имѣютъ видъ крышп. Изъ цвѣтовъ преобладаетъ красный. Красивѣе всѣхъ чалмы магометанъ-торговцевъ: они имѣютъ форму загнутаго напередъ рога. Сиаи-коммисіонеры отличаются особенно обширными и сложными головными уборами и платьемъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Кучера одѣты въ красное, бѣлое, зеленое, украшены обыкновенно плоскими тюрбанами, нѣсколько похожими на беретъ. Странный видъ имѣютъ полицейскіе въ своихъ ярко-желтыхъ туникахъ и чалмахъ и въ то же время въ европейскіхъ панталонахъ. Что касается до бородъ, то на нихъ обращено особое вниманіе, и нѣкоторые завиваютъ ихъ въ кольца и булки. Лодочники не имѣютъ почти никакого костюма, но зато чалмы ихъ составляютъ постройку самыхъ разнообразныхъ архитектуръ. Манера драпироваться у многихъ чрезвычайно оригинальна. Персы носятъ обыкновенно довольно короткіе, розоваго цвѣта панталоны и что-то похожее на пеньюары; но индусы вмѣсто панталонъ употребляютъ длинныя полосы легкой матеріи и обматываютъ ими бедра и животъ, причѣмъ одинъ конецъ свѣшиваютъ на передъ почти до земли.

Женщины въ Бомбей, не исключая и магометанъ, ходятъ безъ покрывалъ и только въ высшихъ классахъ ведутъ болѣе или менѣе затворническую жизнь.

Хотя многіе изъ старыхъ вельможъ заставляютъ еще носить себя въ паланкинахъ, но вообще этотъ способъ передвиженія начинаетъ исчезать и замѣняется элегантными колясками. Словамъ положительно воспрещенъ доступъ въ Бомбей, и если мѣстный колоритъ отъ этого нѣсколько теряетъ, то общественная безопасность сильно выигрываетъ. Между европейскими колясками и каретами рѣзко выдѣляется чрезвычайно изящныя мѣстные оригинальные экипажи, въ которые впрягаются индійскіе волы. Эти послѣдніе совершенно не похожи на нашихъ домашнихъ и неуклюжихъ животныхъ: они чрезвычайно красивы съ своими тонкими какъ, у газели, ногами, небольшой головой, прекрасными глазами и носятъ рога самыхъ разнообразныхъ формъ. Они съ необыкновенной быстротою возятъ корзины на двухъ колесахъ, покрытыя балдахинами*, подѣ которыми на мягкихъ подушкахъ полулежатъ туземныя аристократки. Однако не всѣ представители этой породы служатъ упорными животными. Повсемѣстно бродятъ быки и коровы совершенно на свободѣ. Эти животныя которыя, какъ извѣстно, въ Индіи составляютъ предметъ особаго культа, священны.

*) Смотри прилагаемый рисунокъ.

Одну изъ самыхъ интересныхъ чертъ индійскаго общественнаго устройства составляютъ кладбища. Если по улицѣ проносятся тѣло, заключенное въ гробу, покрытомъ цвѣтами, то это значитъ, что хоронятъ магометанина. Если покойникъ просто завернуть въ плащъ, то можно заключить, что это несутъ сжигать на кострѣ индуса. Въ былое время жена обязательно слѣдовала за мужемъ; но англійское правительство положило конецъ этому безобразному обычаю. Кладбище персовъ, извѣстное подѣ именемъ «Бапенъ молчанія», усажено громадными пальмовыми деревьями, на которыхъ сидитъ дѣлая стая ястребовъ. Это—агенты божества, обязанные уничтожить брѣнные останки персовъ. Какъ скоро душа перса отлетѣла въ вѣчность, родные сѣшатъ огнестрѣльи въ башню молчанія и тамъ оставляютъ его вдали отъ людскихъ взоровъ. Агенты божества быстро дѣлаютъ свое дѣло, и скоро отъ трупа остается чисто-начисто оскеланный скелетъ. Это считается нужнымъ для того, чтобы тѣло перса не подверглось тлѣнію.

Недѣли за двѣ до пріѣзда принца, въ Бомбей начали съѣзжаться раджи, магараджи и другіе индійскіе властители, и наконецъ ихъ собралось около 40. Вице-король прибылъ всего ранѣе нѣсколько дней.

По пріѣздѣ принцъ былъ встрѣченъ всѣми ими на великолѣпно устроенномъ дебаркадерѣ и рассказываютъ чудеса о павильонѣ, въ которомъ, вмѣстѣ съ официальными представителями администраціи, начальниками военныхъ частей, представителями муниципалитета, значительнѣйшими негодіантами, дамами высшаго круга общества, размѣстились эти туземные князья въ своихъ роскошныхъ, блестящихъ драгоценными камнями костюмахъ. Улицы, по которымъ долженъ былъ прослѣдовать кортежъ, представляли необыкновенно оживленный и оригинальный видъ пестрыхъ колымавшихъ массъ народа, собравшихся привѣтствовать своего царственнаго гостя. Первое привѣтствіе было принесено отъ имени города главою муниципалитета, весьма вліятельнымъ парсомъ. Отвѣтивъ ему съ чрезвычайною простотою и въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ, принцъ поспѣшилъ затѣмъ поздороваться съ раджами, которыхъ представилъ ему лордъ Нордбрукъ. Это было не такъ легко, какъ кажется. Надо знать всю щепетильность этихъ туземныхъ властей, ревниво заботящихся о своемъ достоинствѣ, постоянно подозревающихъ въ другихъ желаніе унижить ихъ... Все это нетрудно понять, если вспомнить безтактную грубость англійскихъ сановниковъ. Трудно, конечно, назвать имена всѣхъ князей, представленныхъ принцу. У подѣзда дебаркадера принца ожидало привѣтствіе, сопровождавшееся болѣе грандіознымъ церемоніаломъ. Когда онъ направился къ своей каретѣ, къ нему приблизилось нѣсколько туземныхъ изящно одѣтыхъ дѣвцъ, и каждая, осеняя его цвѣтами, произнесла обычное привѣтствіе: «я съ радостью отдамъ всю жизнь для твоего спокойствія и безопасности». Этотъ обычай соблюдается при встрѣчѣ жениха на порогѣ дома его невесты. Вечеромъ громадный городъ представлялъ совершенно волшебный, фантастическій видъ. Высоко по голубому ночному небу подымалось свѣтлое зарево, стоявшее надъ Бомбеемъ. Вся масса различныхъ зданій, храмовъ, виллъ, дворцовъ и пагодъ, выступала огненными силуэтами на общемъ темномъ фонѣ. Улицы прорѣзывались ослѣпительными линиями огней, пронизывавшими въ то же время городскія сады и рощи, которые казались убранными какъ бы гирляндами изъ пламени и свѣта. Почти все время высоко взлетали ракеты, донавіяся въ воздухъ и разлетавшіяся цѣлымъ дождемъ разноцвѣтныхъ звѣздъ и искръ. Иллюминированныя «а giorno» улицы и площади были биткомъ набиты безчисленными массами пестряваго своимъ разноцвѣтными костюмами народа, то стояннаго силошною стѣной, то неудержимыми волнами двигавагося по всѣмъ направленіямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были выставлены портреты принца, во многихъ мѣстахъ ярко горѣли щиты съ цѣлыми изрѣченіями вродѣ: «Скажите вашей магункѣ, что мы очень рады васъ видѣть», «Мы въ восторгѣ, что видимъ принца», и т. д. Кортежъ принца, объѣзжавшаго иллюминацію, былъ очень пышенъ. Впереди стройно слѣдовало нѣсколько рядовъ кавалеріи, за ней—большая открытая коляска принца, запряженная въ двѣ пары лошадей гуськомъ, съ жокеями (на козлахъ сидѣли два туземца въ богатыхъ костюмахъ и чалмахъ); далѣе тянулась цѣль экипажей раджей свиты. Принцъ Уэльскій объѣхалъ весь городъ.

На другой день принцъ отдалъ визитъ главнѣйшимъ раджамъ; затѣмъ, послѣ полудня, послѣдовалъ большой официальный приемъ во дворцѣ вице-короля. Въ дверяхъ стояли люди въ раззолоченныхъ платьяхъ,—это были привратники. Вокругъ принца стояло то же шествіе такихъ же служителей съ громадными вѣрами изъ павлиньихъ перьевъ. Приемъ начался съ наименѣе именитыхъ раджей, получавшихъ отъ сына королевы Викторіи только легкое наклоненіе головы; за ними слѣдовали болѣе важныя, передъ которыми принцъ вставалъ. Что же касается магараджи мизорскаго и гвиковара бародскаго, то принцъ самъ подвелъ ихъ къ назначеннымъ для нихъ кресламъ.

Не успѣлъ принцъ отдохнуть отъ этого приема, какъ ему при-

шлось, въ качествѣ гроссмейстера англійскихъ массоновъ, участвовать въ церемоніи закладки «королевскаго дока», котораго до сихъ поръ не было въ Бомбей. Всѣ члены массонскаго ордена: христіане, индусы, магометане, парсы,—всѣ, кто только былъ въ Бомбей, — присутствовали на этомъ празднествѣ съ отличительными знаками массонства, съ сохраненіемъ отличительныхъ принадлежностей своего національнаго костюма. Принцъ былъ въ костюмѣ гроссмейстера. На адресъ, поданный ему массонами, онъ отвѣтилъ краткою рѣчью, въ которой высказалъ, что весьма радъ видѣть распространенность ордена въ Бомбей, такъ какъ орденъ этотъ способствуетъ къ объединенію людей различныхъ исповѣданій и національностей, а также и знакомству съ учреждениями Англии.

Послѣ церемоніи былъ данъ обѣдъ у массоновъ и балъ въ клубѣ артистическаго кружка. Тогда и сюда принцу надо было поспѣть, тамъ и здѣсь танцовать.

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ праздниковъ, данныхъ въ честь принца, былъ дѣтскій праздникъ въ городской ратушѣ, гдѣ было собрано до 10,000 дѣтей обоаго пола и всѣхъ вѣроисповѣданій, въ томъ числѣ 3,500 маленькихъ индусовъ и индусокъ, 3,000 парсовъ и парсянокъ, 2,500 христіанъ, остальные 1,200—магометанъ.

Весь этотъ маленькій нестрѣй міръ встрѣтилъ принца пѣніемъ національныхъ гимновъ, послѣ чего дѣвочки-индуски въ бѣлыхъ платьяхъ съ разноцвѣтными шашами подошли къ своему гостю и надѣли ему на шею, по мѣстному обычаю, гирлянду цвѣтовъ. Затѣмъ дѣти отправились уничтожать груды приготовленныхъ для нихъ сластей. На третій день своего приѣзда принцъ присутствовалъ на обѣдѣ англійскихъ моряковъ и солдатъ, гдѣ господствовала неподдѣльная веселость.

Прежде чѣмъ послѣдовать за принцемъ въ Бароду, приведемъ здѣсь рассказъ одного очевидца о церемоніи представленія принцу Уэльскому гвиноваромъ его знаменитыхъ золотыхъ и серебряныхъ пушекъ. Во главѣ кортежа слѣдовалъ отрядъ горцевъ гвардіи гвиновара, одѣтыхъ въ форму шотландскихъ «highlanders»; за ними шли артиллеристы, высокій, красивый

народъ, въ красномъ съ ногъ до головы. Пушки везли великолѣпные быки мѣстной породы, украшенные богато расшитыми золотомъ и серебромъ попонами. Первые два орудія были изъ массивнаго серебра; по величинѣ они нѣсколько превосходили старинныя европейскія пушки и были поставлены на лафетъ и колеса изъ желтой мѣди. Попоны на быкахъ, въпряженныхъ въ эти пушки, и серебряные, необыкновенно тонкой работы рядные ящики были сдѣланы изъ чудесной матеріи, затканной золотомъ, серебромъ и шелкомъ различныхъ оттѣнковъ. Быками управляли посредствомъ продѣтыхъ сквозъ ихъ ноздри красными шелковыми шнурками. Но все это блѣднѣло въ сравненіи съ роскошью убранства быковъ, везшихъ золотыя пушки. Здѣсь попоны представляли произведенія искусства. Ихъ красный шелковый фонъ исчезалъ въ выпуклыхъ арабескахъ и цвѣтахъ изъ золота, серебра и каменьевъ; на рога были надѣты золотые футляры, а на лобъ спускались драгоцѣнные украшения. Поѣздъ замыкалъ второй взводъ артиллеристовъ, въ мундирахъ изъ темно-голубаго сукна съ желтымъ шитьемъ. Передъ отѣздомъ принца въ Бароду, бомбейскій губернаторъ далъ его высочеству обѣдъ въ храмѣ Элефанты, расположенномъ на островкѣ того же имени, вблизи Бомбея. Храмъ этотъ вырытъ въ подземельѣ, какъ полагаютъ за 14 или 12 столѣтій до нашего времени, поклонниками бога Сивы, давно уже брошенъ, вѣроятно вслѣдствіе опустошеній, произведенныхъ въ немъ первыми португальцами. Впрочемъ, внутренность подземелья храма представляла поразительное зрѣлище: свѣтъ 6,000 лампъ, развѣшанныхъ по разнымъ направленіямъ, не говоря уже о канделябрахъ, горѣвшихъ на четырехъ обѣденныхъ столахъ, придавалъ еще болѣе фантастической видъ чудовищнымъ фигурамъ идоловъ, глядѣвшихъ съ темныхъ гранитныхъ стѣнъ и массивныхъ колоннъ. По окончаніи обѣда, когда присутствовавшіе направились къ пароходамъ, чтобы возвратиться въ городъ, всѣ сосѣдніе острова освѣтились бѣлыми, синими, зелеными и красными бенгальскими огнями. Въ гавани всѣ суда были иллюминированы и темносинее, южное небо брызнула ракетъ...

В. Л.

(Продолженіе будетъ).

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

Кэта наклонилась надъ кресломъ, обхватила больную и осторожно приподняла ее съ сидѣнья, чѣмъ и положила конецъ этому разговору, грозившему слишкомъ затянуться. Сказать по правдѣ, все это мало ее интересовало: старая родина стала для нея слишкомъ чуждою; ея мысли и чувства всецѣло принадлежали новой родной сторонкѣ—Дрездену, а потому здѣшнее житье-бытье и частныя дѣла человѣка, который былъ женихомъ Флоры, не могли ее занимать. Конечно, Кэта жалѣла Брука, какъ врача, потому что репутация его пострадала вслѣдствіе неудачной операціи, а это, безъ сомнѣнія, неблагоприятно повліяло на его экономическіе интересы, но скорбь о дѣдушкѣ (вѣдь онъ навѣрно очень мучился, страдалъ) почти вытѣсняла изъ ея сердца чувство состраданія къ доктору.

Суза поплелась черезъ переднюю, поддерживаемая сильными руками молодой дѣвушки, которая почти неслала ее. Дверь въ угловую комнату была открыта. Внизу у лѣсенки (по ней нужно было спуститься имъ) стоялъ д-ръ Брукъ съ протянутыми впередъ руками, чтобы помочь Кэтѣ сойти и принять больную. Рамка двери на минуту послужила настоящей рамкой для довольно оригинальной живой картины. Двое молодыхъ людей и старуха составляли характеристическую группу: Кэта правой рукой обнимала талью Сузы, а розовыми пальцами лѣвой крѣпко держала на своемъ плечѣ ея здоровую, темную, старушечью-костлявую руку, положивъ ее себѣ на шею. Молодая дѣвушка, склонившись надъ безпомощной сѣдой головой, медленно подвигалась впередъ; ея цвѣтущее, сияющее молодостью лицо привсалось къ морщинистой щекѣ Сузы... Въ самомъ дѣлѣ,

Кэта являлась тутъ живымъ воплощеніемъ истиннаго, безграничнаго милосердія.

Прошло нѣсколько минутъ—и Суза сидѣла уже въ просторной комнатѣ; здѣсь ей было и удобно, и мягко, словомъ—хорошо было. Она какъ-то тревожно-заботливо поглядывала на свои занавѣски, а потомъ пришла въ ужасъ, увидѣвъ на „важномъ диванѣ“ приготовленную для нея постель. Старуха видимо старалась скрыть свою радость, что вотъ она опять можетъ вести счетъ всѣмъ мѣшкамъ, какъ прибывающимъ на дворъ, такъ и отправляемымъ со двора на телегахъ.

Кэта взглянула на свои маленькіе золотые часы.

— Однако, пора мнѣ, на виллу, чтобы представиться тамъ, а то, пожалуй, какъ разъ попаду на вечеръ господа президентши и увижу себя среди ея важныхъ знакомыхъ, горделивыхъ особъ.

При этомъ она граціознымъ жестомъ выразила легкій испугъ и вынула изъ кармана перчатки.

— Суза, черезъ часъ я вернусь сюда и сварю тебѣ супъ.

— Ну, такими-то нѣжными руками стряпать?...

— Да, именно такими-то нѣжными руками... Не воображаешь-ли ты, что въ Дрезденѣ я сидѣла сложа ручки?... Вѣдь ты-же, Суза, знала мою Лукасъ? Она не пережѣбилась—какъ-то была, такъ и осталась. Да, тамъ нужно работать и руками, и ногами; тамъ нельзя попустому терять время. А посмотрѣла бы ты теперь на нее: какой она стала госпожей—докторшей! Поискать—не найдешь такой!

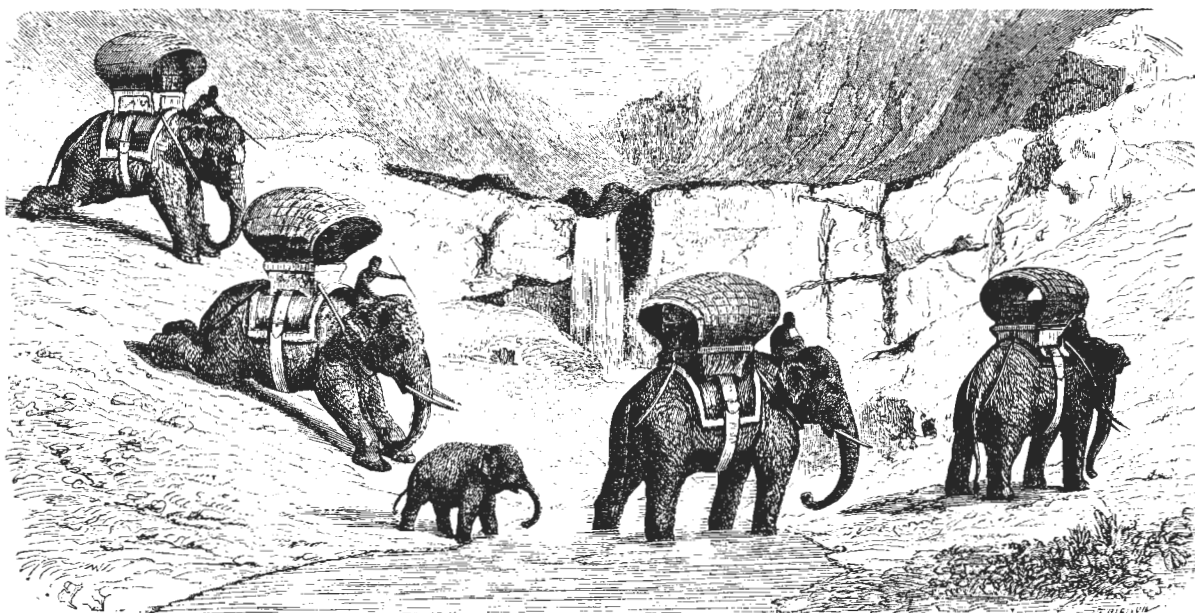
И съ этими словами молодая дѣвушка вышла изъ комнаты. Она отправилась въ спальню экономки за оставленными тамъ шапочкой и кофтой.

IV.

Часы на прядильной фабрике пробили пять, когда Кэти в сопровождении д-ра Брука вышла на двор

огромным пальцем время, как будто ожили, освещенные золотыми лучами весеннего солнца.

Колокольчик, прикрепленный к входной двери, громко прозвенел, что и вызвало снова Франца на

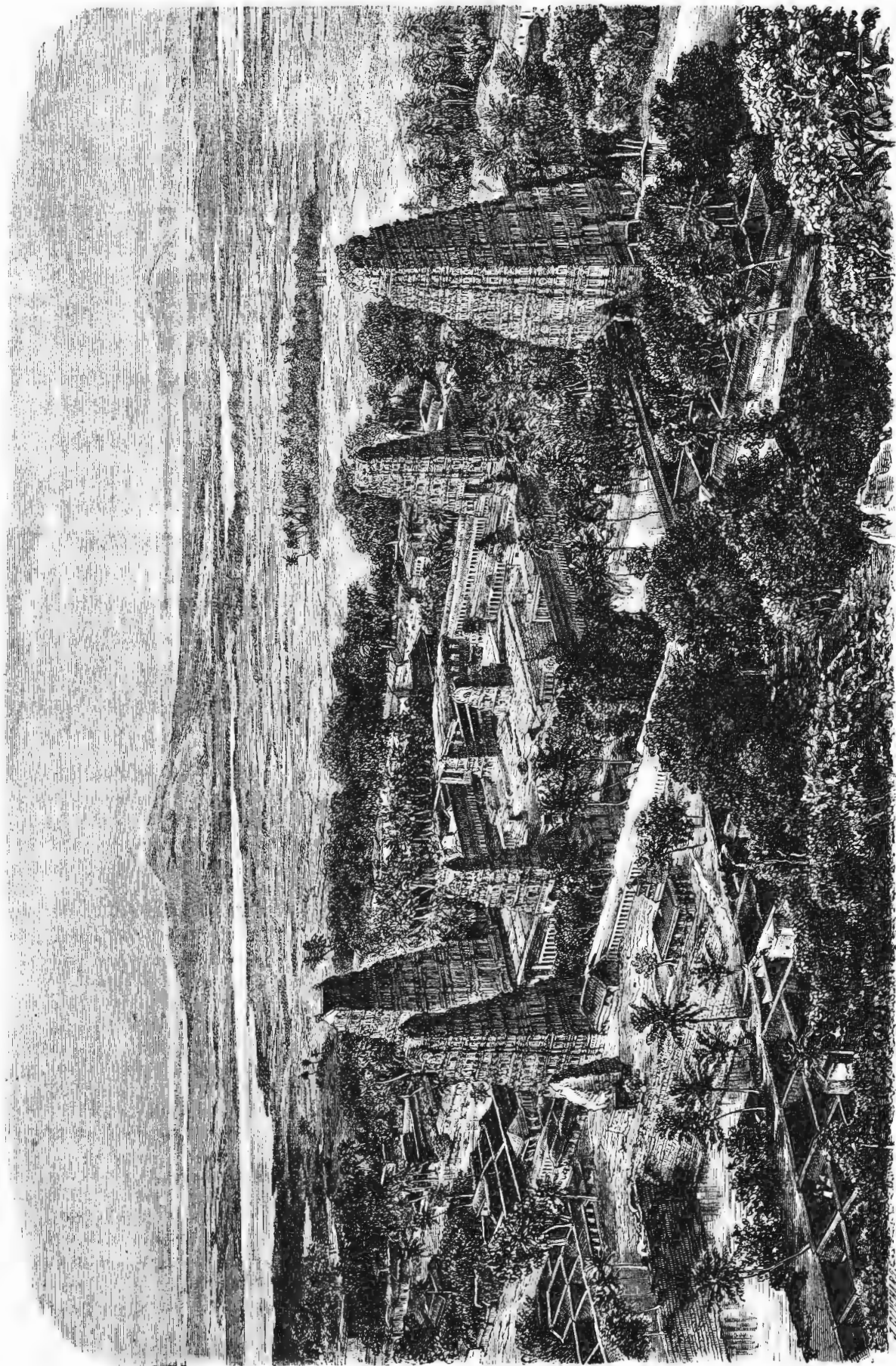
Путешествие принца Уэльского в Индии. Взда на слонахъ чрезъ горы.

Путешествие принца Уэльского в Индии. Дорожный экипажъ для дамъ, Грав. Лалантъ.

мельницы. Стало довольно свежо. Старинные, полинявшие солнечные часы на фронтоне казались теперь такими печальными, заброшенными и совсем уже безцветными, а еще сегодня утромъ они, указывая своимъ

крылечко, а за нимъ вышла и жена его; она даже вытянула шею — такъ ей любопытно было взглянуть на прибывшую молодую госпожу. Кэти попросила мельничиху на время отсутствія своего присмотреть хорошень-

Путешествіе принца Уэльскаго въ Индіи. Видъ Индійскихъ пагодъ. Рисов. Шалель, граф. Гошаръ.

ко за больной, что та и общала свято исполнить. В эту самую минуту что-то прошуршало в воздух — и на мостовую двора упал красивый голубок. Как упал — так и остался почти без движения.

— Экой грѣх! Да чтожь это — бездѣльники-то, кажется, и не думают оставить свои продѣлки?! И конца нѣтъ! огрызнулся Францъ и, сбѣжавъ съ лѣсенки, поднялъ голубка. Птичка оказалась подстрѣленной и не могла владѣть крыльями.

— Жена, взгляни-ка, обратился онъ къ мельничихѣ: — голубъ-то не изъ нашихъ... Ну, да я такъ и зналъ! Экой безбожный народецъ-то тамъ! Вѣдь чуть не передъ носомъ бѣдной госпожи они стрѣляютъ ея чудесныхъ голубей! Н-ну, былъ-бы я на мѣстѣ господина коммерціи совѣтника, такъ я-бы...

Францъ тряхнулъ кулакомъ.

— А кто-же эта бѣдная госпожа, Францъ? Кто стрѣляетъ ея голубей? спросила Кэта, довольно-таки удивленная.

— Бѣдной госпожей онъ называетъ Генріэтту, сказала д-ръ Брукъ.

— Да, а палятъ-то вонъ оттуда, съ прядильной фабрики, гнѣвно произнесъ мельникъ.

— Какъ! Фабричные моего зятя?

— Они самые! Онъ-же ихъ и кормитъ, барышня... Ахъ, и стыдно-то, и грѣшно это! Н-да, нечего сказать, славная это штука, господинъ докторъ! Вотъ, сами вы теперь видите, какіе тамъ людишки... Вы все хотите добромъ да лаской съ ними — ну, не далеко-же вы съ этимъ уѣдете! И что такимъ честнымъ людямъ, какъ вы, бываетъ за доброту ихъ? Само общество смѣется, показывая вамъ длинный носъ... Выходить, значить, одно: толченые воды въ ступѣ. Дать имъ всѣмъ по шапкѣ и — шабашъ. Такое мое мнѣніе... Право, иначе съ ними ничего не подѣлаешь!..

— Что, развѣ и здѣсь не совсѣмъ спокойно? обратилась Кэта къ доктору, на губахъ котораго играла такая славная, серьезная улыбка, что она не могла оторвать глазъ своихъ отъ его лица.

— Нѣтъ, здѣсь не то... нѣсколько иначе, отвѣтил онъ, покачавъ головой. — Спокойный голосъ его, въ сравненіи съ крикливою запальчивостью Франца, звучалъ гораздо правдивѣе. — Дѣло въ томъ, что нѣсколько человѣкъ изъ лучшихъ работниковъ, имѣя кое-какія деньжонки, просили Морица, чтобы онъ, при продажѣ по частямъ рыцарскаго помѣстья, далъ имъ возможность купить кусокъ земли, ничего не значущій въ земледѣльческомъ отношеніи. Пустырь этотъ находится неподалеку отъ фабрики и совершенно заброшенъ. Рабочіе хотѣли построить тамъ домики, гдѣ бѣднѣйшіе изъ нихъ, люди семейные, могли-бы помѣститься. Въ городѣ квартирная плата такъ высока, что они положительны не въ силахъ были оставаться тамъ. Коммерціи совѣтникъ и пообѣщавъ имъ это; ему даже было-бы легко исполнить просьбу фабричныхъ, потому что тотъ кусокъ земли числился за нимъ, какъ принадлежность парка..

— Извините, г. докторъ, что я перебиваю васъ, вмѣшался Францъ: — вотъ именно по этой-то причинѣ онъ и не могъ сдѣлать этого. У меня еще тогда было въ мысляхъ, что г-жа президентша будетъ противъ такого распоряженія... Да и кто-же, безъ крайней нужды, согласится имѣть подобныхъ сосѣдей?.. Ну, и дѣйствительно, тамошнія дамы весьма разсердились и рѣшились объявить, что не потерпятъ этого, то-есть чтобы тотъ пустырь былъ отданъ подъ постройку. „У насъ, молъ, тамъ рѣшено устроить новые разсадники“ — вотъ что было сказано на виллѣ. Ну, дѣло этимъ и кончилось. А на фабрикѣ-то по этой причинѣ и разсвирѣпѣли и начали отказывать разныя штуки, мстить гдѣ только возможно.

— Конечно, мнѣніе жалкое!.. Ахъ, ты, бѣдняжка! прибавила Кэта и взяла голубка изъ рукъ Франца.

— Нельзя не сожалѣть, что подобная грубая выходка отдѣльных личностей тяжело отзывалась на всей массѣ рабочихъ... Вѣдь теперь можно-ли упрекнуть президентшу въ томъ, что она не тѣснитъ такого элемента? проговорилъ д-ръ Брукъ, причемиъ лицо его омрачилось.

— Я съ этимъ несогласна. Людей злыхъ, людей мстительныхъ можно встрѣтить и въ другихъ слояхъ общества, въ любомъ сословіи, возразила молодая дѣвушка какъ-то особенно быстро, съ оживленіемъ. — Я часто сталкиваюсь съ людьми изъ низшаго класса: у моего пріемнаго отца довольно-таки пациентовъ-бѣдняковъ. Не одними лекарствами случается надѣлать ихъ: иному больному нуженъ крѣпкій бульонъ, нужно просто помочь ему — ну, вотъ, моя милая докторша изо всѣхъ силъ старается содѣйствовать тутъ своему мужу, хлопотеть, посѣщаетъ больныхъ. Само собою разумѣется, я сопутствую ей. Правда, зачастую наталкиваешься на неблагодарность, грубость, но зато нерѣдко встрѣчаешь честнос, благородное сердце; нужда, бѣдность по большей части такъ ужасны...

— Ну, ужъ вовсе не такъ ужасны, какъ вы думаете, барышня, — они притворяются, перебилъ ее Францъ, сдѣлавъ презрительный жестъ.

Кэта молча, но выразительно взглянула на мельника, какъ-бы смѣривъ его съ ногъ до головы.

— Посмотрите, посмотрите, пожалуйста, какимъ важнымъ бариномъ сталъ Францъ! проговорила она съ явной ироніей. — Кто это *они*? Вы о комъ говорите? Сами то вы развѣ не изъ народа вышли? А чѣмъ были вы прежде на „замковой“ мельницѣ? Да такимъ же работникомъ, какъ вонъ тѣ тамъ, на прядильной фабрикѣ, Вѣдь я хорошо это знаю.

Лицо мельника, покрытое мучною пылью, вдругъ покраснѣло. Онъ прикусилъ языкъ и стоялъ совсѣмъ озадаченный передъ молодой дѣвушкой, указавшей ему такъ коротко, ясно и вѣрно настоящую точку зрѣнія.

— Ну, барышня, ужъ простите вы меня! Что-жь, вѣдь я сказалъ это безъ всякаго злаго умысла, проговорилъ наконецъ Францъ и, замѣтно растерявшись, протянулъ ей свою широкую руку.

— Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ, человекъ вы недурной, но вамъ счастье повезло, и вотъ вы разыгрываете теперь роль арендатора „замковой“ мельницы, въ карманѣ у котораго водятся денежки, замѣтно. Кэта подавала ему свою тонкую руку, однако облачко неудовольствія не такъ скоро исчезло съ ея лица.

Вынувъ изъ кармана бѣлый платокъ, молодая дѣвушка завернула въ него голубя, а концы платка связала вмѣстѣ.

— Я отнесу Генріэтѣ ея маленькаго инвалида, сказала она и осторожно взяла платокъ за узелокъ, какъ корзиночку, что напоминало странницу съ ея убогимъ дорожнымъ мѣшечкомъ.

Докторъ отворилъ небольшую калитку въ заборѣ, окружавшемъ дворъ, которая вела прямо въ паркъ, и пропустилъ впередъ молодую дѣвушку. Перешагнувъ порогъ калитки, Кэта остановилась какъ вкопанная.

— Что это? Я ничего здѣсь не узнаю! воскликнула она пораженная и, какъ-бы прося помощи, повернулась къ Бруку. — Право, мнѣ кажется, будто руки какого-то исполина встряхнули весь паркъ... Что дѣлаютъ вонъ эти люди?.. Кэта указала на виднѣвшуюся вдали яму обширныхъ размѣровъ, изъ которой торчали головы цѣлой кучи рабочихъ.

— Тамъ устраивается прудъ. Госпожа президентша любитъ смотрѣть, какъ по широкой зеркальной поверхности воды скользятъ люди.

— А дальше, къ югу, что строятъ тамъ?

— Помѣщеніе для пальмовыхъ деревьевъ.

Кэта задумчиво глядѣла куда-то впередъ.

— Должно быть, Морицъ очень богатъ? замѣтила она послѣ небольшого молчанія.

— Должно быть...

Докторъ проговорилъ эти слова такимъ равнодушнымъ тономъ, такъ безучастно, какъ умышленно избѣгалъ въ отвѣтахъ выражать свое личное мнѣніе, чтобы даже и тѣни не было собственного взгляда... „А, право, замѣчательный человѣкъ этотъ докторъ Брукъ“, и она видѣла теперь это такъ же ясно, какъ и его самого, возлѣ себя, эту высокую фигуру, залитую краснымъ свѣтомъ заходящаго солнца. Въ его манерѣ держать себя было нѣчто дисциплинарно-строгое, видна была выправка, даже натынутость, но зато это прекрасное зрѣлое лицо обрамленное слегка-вьющейся бородой, имѣло выраженіе добродушной серьезности. Обыкновенно человѣкъ, находящійся подъ гнетомъ несчастія, обнаруживаетъ признаки подавленности, унынія; но ни малѣйшей тѣни такого душевнаго состоянія нельзя было подмѣтить при взглядѣ на Брука, хотя и его посѣтило несчастье.

— Я провожу васъ, сказалъ онъ, замѣтивъ, какъ молодая дѣвушка все-еще удивленно поглядывала на совершенно измѣнившійся видъ мѣстности и стояла, не зная — идти или нѣтъ?... Докторъ подаль ей руку, и Кэта, не колеблясь, приняла ее... Но вѣдь *такъ* съ нимъ ходила сестра Флора... какъ это странно!.. И только теперь пришла ей въ голову мысль, что черезъ нѣсколько минутъ она должна встрѣтиться съ сестрой, которая въ умственномъ отношеніи стояла куда выше ея... Сердце Кэты при этомъ болѣзненно жалось. Остановившись и глубоко вздохнувъ, она проговорила съ застѣнчивою улыбкой.

— О, какая я, право, трусиха! Мнѣ кажется, что я даже боюсь... сейчасъ-ли я встрѣчусь съ Флорой на виллѣ, или...—Кэта видѣла, какъ кровь внезапно бросилась въ лицо Брука.

— Насколько мнѣ извѣстно, ея теперь нѣтъ дома, она уѣхала, отвѣтилъ докторъ глухимъ голосомъ и сейчасъ-же, какъ-бы желая предупредить дальнѣйшіе вопросы, прибавилъ:—сегодня вы найдете всю виллу въ нѣкоторомъ волненіи... Дѣло въ томъ, что нѣсколько дней тому назадъ князь соизволилъ пожаловать Морицу дворянскій дипломъ.

— И онъ только *теперь* сказалъ мнѣ объ этомъ, подумала Кэта.

— Но... за что-же именно? вырвалось у нея: такъ она была удивлена этою новостью.

— Ну, за то, напримѣръ, что онъ оказалъ значительныя услуги развитію промышленности въ странѣ, отвѣтилъ Брукъ серьезно и поспѣшно, какъ-бы желая предотвратить ея собственный отвѣтъ, неблагоприятный въ отношеніи къ коммерціи совѣтнику.—Притомъ-же Морицъ—добрѣйшій человѣкъ... Много хорошаго дѣлаетъ онъ бѣднымъ.

Дѣвушка покачала головой и промолвила:

— Меня пугаетъ его счастье.

— Его *счастье*? повторилъ докторъ, подчеркивая это слово.—Но вѣдь все зависитъ отъ того, какъ самъ онъ смотритъ на эту перемѣну...

— О, онъ навѣрно видитъ въ этомъ нѣчто блаженное, сказала Кэта рѣшительно... Я изъ писемъ его знаю, что приобрѣтеніе благъ земныхъ—главная цѣль его жизни. Да вотъ, напримѣръ, послѣднее письмо Морица—какое оно восторженное! А причина восторга та, что онъ никакъ не ожидалъ такого богатства, какое досталось мнѣ въ наслѣдство.

Брукъ промолчалъ, но потомъ, взглянувъ на нее искоса, спросилъ:

— А вы... развѣ вы равнодушно относитесь къ этому богатству?

Кэта граціозно-шаловливо нагнулась и заглянула ему въ лицо.

— Вы, вѣроятно, ожидаете отъ меня, взрослой дѣ-

вушки, похвально-смиреннаго отвѣта, весьма серьезнаго „да“, но—увы! при всемъ моемъ желаніи такъ я не могу отвѣтить, не могу потому, что считаю вообще прелестнымъ быть богатой!

Онъ тихо засмѣялся, но разговора этого не продолжалъ.

Идя быстрыми шагами, они скоро достигли липовой аллеи.

Аллея эта осталась нетронутой; только дорога тутъ была усыпана свѣжимъ крупнымъ пескомъ.

— Ахъ, вонъ тамъ милый, старомодный знакомый! Онъ цѣлъ еще! воскликнула молодая дѣвушка, указывая на деревянный древній мостъ, какъ-то неуклюже перекинутый черезъ рѣку.

— Съ этого моста дорога къ участку земли на томъ берегу.

— Да, да, тамъ еще съенокъ и фруктовый садъ! Есть и красивый старинный домъ, который былъ нуженъ прежнему замку въ хозяйственномъ отношеніи. Домъ этотъ совсѣмъ окутанъ виноградной лозой... У дверей его, помню, такія широкія каменные ступеньки... Ахъ, какъ тамъ чудесно, уютно, тихо!... Весною лужокъ бывалъ совсѣмъ синимъ — такъ много росло на немъ фіалокъ... Первые цвѣточки я всегда рвала тамъ.

— Вы и теперь можете рвать ихъ тамъ: это имѣніе, съ сегодняшняго утра, составляетъ уже мою собственность.

При этомъ онъ такъ любовно посмотрѣлъ въ ту сторону. Кэта поблагодарила его. Она какъ-то разсѣянно, задумчиво глядѣла на дорожку, по которой они шли... Неужели ея красавица-сестра, сдѣлавшись молодой хозяйкой, станетъ жить въ старинномъ домѣ?... Флора съ ея гордыми манерами, съ величественно-шумящимъ шлейфомъ, Флора Мангольдъ, такая требовательная, разборчивая? Вѣдь ей любая гостинная казалась недостаточной-высокой, просторной, а обстановка и убранство представлялись не такъ богатыми, какъ слѣдуетъ... И вдругъ она заживетъ тамъ, въ этомъ уединенномъ домѣ, гдѣ такія громадныя зеленныя израсцовыя печи и натертые полы?... Какъ, однако, должна была она поремѣниться ради него!...

Вдали что-то зашумѣло, и это вывело ее изъ задумчивости. Поднявъ глаза, она увидѣла виллу такъ близко передъ собой, что могла даже разглядѣть великолѣпный узоръ кружевныхъ оконныхъ занавѣсокъ. За окнами, повидимому, все было тихо, зато со стороны проѣзжей дороги (козаци этого изящнаго строенія) слышался стукъ все ближе и ближе подъѣзжавшаго экипажа. Еще нѣсколько секундъ и—пара прекраснѣйшихъ лошадокъ обогнула сѣверный уголъ виллы; экипажъ, сбруя, серебряныя украшенія—все это было новенькое, блестящее. Лошадками правила дама, какъ видно твердой рукой державшая возжи; она была въ темномъ бархатѣ съ мѣховой отдѣлкой; вся фигура ея, такая легкая, граціозная, напоминала сिल्фиду, и казалось, что она вовсе не сидѣла на подушкахъ экипажа, а порхала надъ ними. Бѣлыя перья развѣвались надъ ея головой, а около лица, красоты классической, и открытой шеи ослѣпительной бѣлизны, благодаря, можетъ быть, окружающей ее темной мѣховой выпушкѣ, вились бѣлокурныя локоны.

— Флора! Ахъ, какъ чудно - хороша сестра моя! воскликнула Кэта восторженно и невольно протянула правую руку къ летѣвшимъ мимо нея, но ни Флора, ни коммерціи совѣтникъ, сидѣвшій рядомъ съ ней со скрещенными руками, не слышали этого восклицанія. Экипажъ повернулъ еще разъ, скрылся за другимъ угломъ виллы, гдѣ и остановился у подъѣзда.

Кругловатый камешекъ прокатился мимо Кэты, сдѣлавъ легкій риколетъ. Брукъ, играя своею тростью, ударилъ концомъ ея по этому камешку. Только теперь Кэта замѣтила, что доктора уже не было возлѣ нея...

Путешествіе принца Уэльскаго въ Индіи. Индійскаго масты. Рис. Комба, грав. Гошаръ.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна.
Рис. Э. Бокуръ, грав. Шалонъ.

Ну-да, она вѣдь увлеклась, опередила его... Молодая дѣвушка быстро обернулась. Докторъ шелъ совершенно тѣмъ же шагомъ, какъ и прежде, но осанка его казалась еще горделивѣе и вообще въ немъ замѣтно было больше сдержанности, строгости. Вѣроятно, въ эту минуту онъ наблюдалъ за нею, потому что сейчасъ же, быстро и какъ-бы сконфузясь, отвелъ глаза въ сторону. Кэтъ стояло усилій сдержать насмѣшливую улыбку: она видѣла, что поймала его... Конечно, Брукъ занялся *сравненіемъ* и, очень можетъ быть, размышлялъ такъ: „Господи, какая она плотная, коренастая дѣва въ сравненіи съ моей сильфидой!..“

— Меня удивляетъ самоувѣренная отвага, которую обнаруживаетъ Флора, правя лошадами, сказала Кэта доктору, когда тотъ поравнялся съ нею.

— Но еще удивительнѣе презрѣніе къ смерти ея спутника!.. Это былъ, такъ сказать, пробный выѣздъ: коммерціи совѣтникъ вчера только купилъ эту пару молодыхъ лошадей...

Брукъ былъ сильно раздраженъ. Кэта замѣтила это по тону его голоса и, почти испугавшись, замолчала.

V.

Ни однимъ словомъ больше не перекинулись они. Дойдя до виллы, докторъ и Кэта вошли въ нее черезъ боковую дверь. Въ это время отъ главнаго подъѣзда отъѣзжалъ пустой экипажъ.

Лакей доложилъ вошедшимъ, что дамы и „его высококородіе“ изволятъ находиться въ зимнемъ саду, слѣдовательно въ апартаментахъ г-жи президентши.

Обычное веселое настроеніе духа, самоувѣренность вернулись къ Кэтъ. Она вынула изъ бумажника визитную карточку и, отдавая ее лакею, сказала:

— Господину коммерціи совѣтнику.

— Такъ церемонно? замѣтилъ д-ръ Брукъ съ улыбкой, обратившись къ ней, когда лакей уже удалялся, неслышно шагая по толстому персидскому ковру, устилавшему полъ корридора.

— Такъ церемонно, повторила Кэта серьезнымъ тономъ: — тутъ самое лучшее — быть на благородной дистанціи. Прямо влетѣть въ гостиную было бы даже не совсѣмъ благопріятно для меня... Я ужъ сама начинаю побаиваться, что внезапное, безцеремненное появленіе сильно смутитъ „его высококородіе“...

И она не ошиблась. Коммерціи совѣтникъ дѣйствительно *выбѣжалъ* изъ комнаты и, споткнувшись на порогѣ двери, воскликнулъ съ сильнымъ смущеніемъ: „Боже мой — Кэта!..“

Право, смѣшно даже было, что онъ, не поднявъ головы, сначала искалъ глазами лицо Кэты (чуть не съ неба свалившейся!) не на надлежащей высотѣ, т. е. умилилъ ея ростъ фута на два — и вдругъ, вотъ она, такая рослая, стройная, подходитъ къ нему самоувѣренно-твердымъ шагомъ и привѣтствуетъ его наклоненіемъ головы, дѣлая это почти совсѣмъ женственно-горделиво...

Коммерціи совѣтникъ стоялъ передъ ней нешевелилась, какъ будто окаменѣлъ.

— Ты права, Кэта... То время, когда я водилъ тебя за руку, прошло, проговорилъ онъ съ разстановкой... Казалось, онъ совсѣмъ растерялся, созерцая это свѣжее лицо. — Ну, тысячу разъ — добро пожаловать! Милости просимъ!

Коммерціи совѣтникъ теперь только подаль руку доктору и сказалъ:

— А! въ корридорѣ встрѣтились: мнѣ, значитъ, приходится тутъ-же и представить васъ другъ другу! И такъ....

— Не трудись, Морицъ, перебила его молодая дѣвушка: — это дѣло уже сдѣлано: когда я пришла на мельницу, г. докторъ былъ уже тамъ, у больной Сузы.

Лицо коммерціи совѣтника вытянулось.

— Значитъ, ты прежде всего на мельницѣ остановилась?! спросилъ онъ, пораженный этой мыслью... Но, милочка, вѣдь бабушка Урахъ такъ любезно изъявила готовность взять тебя подъ свое покровительство... Слѣдовательно, ты должна была-бы прямо явиться сюда, а вмѣсто этого ты отправаешься къ старому своему предмету любви — къ сударынѣ Сузѣ! Прошу тебя, ужъ лучше и не говори объ этомъ... тамъ!

Послѣднія слова коммерціи совѣтникъ произнесъ шопотомъ и какъ-то торопливо.

— Ты серьезно требуешь этого отъ меня? (твердый, звонкій голосъ дѣвушки представлялъ странный контрастъ съ его робкимъ шептаньемъ). — Однако, вѣдь не могу же я не сказать правды, если бы объ этомъ зашла рѣчь... Право, Морицъ, утаивай я не умѣю!..

На мгновеніе она замолчала, замѣтивъ, съ испугомъ, какъ лицо опекуна вдругъ ярко покраснѣло, но потомъ прибавила рѣшительнымъ тономъ:

— Чтожъ, если я сдѣлала такую ошибку, то и надо сознаться въ ней. Вѣдь не снимутъ-же за это съ меня головы...

— Если тебѣ угодно придавать такой трагическій отбѣнокъ доброжелательному савѣту, то мнѣ, конечно, нечего больше и сказать, прсговорилъ г. Рэмеръ въ смущеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ съ досадою. Головы, разумѣется, не снимутъ, но ты этимъ только сама затруднишь себя... то есть — положеніе свое у меня въ домѣ... А, впрочемъ, дѣлай какъ знаешь! Вотъ сама увидишь, каково тебѣ будетъ, когда ты станешь руководствоваться этимъ правиломъ: „говорить правду безъ обиняковъ“, понавъ въ наши высоко-аристократическіе кружки!..

Въ концѣ этой рѣчи голосъ коммерціи совѣтника звучалъ даже шутливо... Вообще онъ не такъ-то легко позволялъ портить пріятное расположеніе своего духа. Любезно пожавъ Кэтъ руку, хозяйинъ повелъ ее въ бывшую столовую, смежную съ зимнимъ садомъ, и самъ отворилъ дверь туда.

Комната, въ которую они вошли, была уже не прежней „милрой“ столовой, съ старомодною удобною мебелью, покрытою краснымъ сафьяномъ. Стѣна, отдѣлявшая ее когда-то отъ зимняго сада, исчезла: ее замѣнили стройныя колонны съ арками, поддерживающія потолокъ, великолѣпно разрисованный въ мавританскомъ вкусѣ. Внизу отъ одной колонки къ другой тянулась низенькая, ажурная какъ кружево, позолоченная бронзовая рѣшетка; которая отдѣляла каменный мозаичный полъ мавританской комнаты отъ дорожекъ, усыпанныхъ бѣлымъ пескомъ, и зеленой муравы маленькихъ лужаекъ зимняго сада. За этой рѣшеткой все зеленѣло и цвѣло великолѣпно; тамъ, у подножья могучихъ драконовыхъ деревьевъ, темныхъ лавровъ и прелестныхъ группъ изъ листовенныхъ растений съ ихъ серебристымъ металлическимъ блескомъ, благоухали ландыши и хорошенькіе букетики пармскихъ фіалокъ. Эта чудная декоративная картина изъ царства растений была вставлена какъ-бы въ раму изъ цвѣтовъ и представляла нѣсколько отдѣльныхъ картинокъ имѣющихъ такіа-же разноцвѣтныя рамки. Дикій виноградъ обвивалъ колонки до самыхъ арокъ, украшая ихъ бѣлыми и лилово-голубыми цвѣточками.

Между средними двумя колонками не было рѣшетки (для прохода изъ мавританской комнаты въ зимній садъ), и у этихъ колонокъ стояла Флора. Она была еще въ выѣздномъ костюмѣ и повидимому, хотѣла войти въ садъ. Вдали, на темномъ фонѣ зелени, поблескивала куполообразная верхушка журчащаго фонтана, которая какъ разъ приходилась (въ перспективѣ) надъ шляпкой Флоры, украшенная перьями. Правой рукой, въ перчаткѣ, красавица держала слегка преподнятое спереди тяжелое бархатное платье каштановаго цвѣта, освѣщенное косыми лучами вечерняго солнца, что при-

давало складкамъ матеріи блѣдно-золотистый оттѣнокъ; лѣвая рука ея (безъ перчатки), такая бѣлая и нѣжная, какъ цвѣточки въощагося тутъ-же clematis'a, граціозно опиралась о колонку. Увидѣвъ вдругъ высокую дѣвушку, Флора отъ удивленія широко раскрыла свои сѣро-голубые глаза, но потомъ сейчасъ-же прищурила ихъ и пытливо оглядѣла вошедшую, причѣмъ по губамъ ея скользнула саркастическая улыбка.

— Ну, отгадай-ка, Флора, кого привелъ я? воскликнулъ коммерціи совѣтникъ.

— Надъ этимъ нечего долго ломать голову: это— Кѣта, изволившая одна пуститься въ дорогу, отвѣтила она съ свойственною ей манерой, отличающейся какъ-то небрежностью и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительностью.— Кто видалъ старуху Зоммеръ, тотъ сейчасъ догадается, что эта дюжая дѣвица, съ лицомъ бѣло-розовымъ, какъ кровь съ молокомъ, должна быть ея внучкой; но волосы и глаза у ней поразительно похожи на волосы и глаза Клотильды—твоей, Морицъ, покойной жены.

Однимъ ловкимъ движеніемъ Флора словно выпорхнула изъ цвѣточной рамки, подошла къ сестрѣ и, откинувъ голову, подставила ей губы для поцѣлуя. Да, это была все та-же несравненная, удивительно-прекрасная Флора, только постоянное владычество надъ сердцами поклонниковъ лишило ее женственной граціи.

Также небрежно, какъ и при холодномъ поцѣлѣ, который она дала Кѣтѣ послѣ шестилѣтней разлуки съ нею, Флора обратилась теперь къ только что вошедшему доктору.

— Здравствуй, Брукъ! сказала она и подала ему руку, но не такъ, какъ сдѣлала-бы это невѣста, а просто— какъ товарищъ товарищу.

Докторъ слегка пожалъ эту руку и спокойно допустилъ, чтобы ее тотчасъ-же и отняли у него. Эта наружная сдержанность жениха и невѣсты являлась какъ-бы въ порядкѣ вещей. Флора, развязно повернувъ голову къ зимнему саду, причѣмъ умное лицо ея было какъ-то весело-насмѣшливо.

— Бабушка, наша золотая рубка доставляетъ удовольствіе тебѣ и твоимъ знакомымъ видѣть ее четырьмя недѣлями раньше.

Президентша сейчасъ-же вышла изъ за группы камелей. Можетъ быть, сама того не сознавая, она осматривала гостью съ тѣмъ недоумѣніемъ, какое обнаруживаетъ большинство людей при встрѣчѣ съ такъ называемыми „счастливыми“, но это недоумѣвающее выраженіе быстро исчезло съ ея лица: она вспомнила злобно-заносчивое восклицаніе Флоры. Почтенная дама сердито сдвинула брови, и легкая краска смущенія разлилась по ея блѣдному лицу.

— Я не помню, чтобы я когда нибудь обнаруживала такой сильный интересъ именно къ *этому* отличію твоей сестры, проговорила она холодно, бросивъ на Флору строго-внутренній взглядъ.— Если я рада пріѣзду Кѣты и готова дружески встрѣтить ее, то это потому, что она дитя моего милаго покойнаго Маггольда, а вамъ—сестра.

Президентша приблизилась къ Кѣтѣ съ распростертыми руками, какъ-бы намѣреваясь обнять ее, но молодая дѣвушка предупредила ее: она такъ низко и церемонно поклонилась, какъ будто въ первый разъ въ своей жизни стояла лицомъ къ лицу съ гордой тещей своего отца. Наблюдательный глазъ легко подмѣтилъ бы въ этомъ поклонѣ боязливое желаніе отстранить всякое „родственное“ соприкосновеніе, но президентша, очевидно, усмотрѣла тутъ только выраженіе глубочайшаго къ ней почтенія. Она опустила руки и впечатлѣла полувоздушный поцѣлуй на лбу молодой дѣвушки.

— Ты въ самомъ дѣлѣ одна пріѣхала?

При этомъ глаза президентши какъ-то безпокойно-пытливо посмотрѣли на дверь, какъ будто она ждала—

вотъ еще кто-то войдетъ... не совсѣмъ пріятный спутникъ Кѣты.

— Совершенно одна. Мнѣ захотѣлось, наконецъ, самостоятельно расправить свои крылья, попытать ихъ и докторша моя охотно разрѣшила мнѣ это.

Дѣвушка еще разъ, какъ-бы невольно, провела своими тонкими пальцами по тому мѣсту лба, до котораго почтенная дама прикоснулась своими холодными губами.

— О, этому я всегда готова повѣрить! Вѣдь это совершенно въ духѣ старый Лукасъ... сказала президентша съ едва замѣтной иронической улыбкой.— Лукасъ... тоже вѣдь всегда была весьма самостоятельной женщиной... Твой добрый папа немножко избаловалъ ее, моя милочка. Да, она дѣйствовала такъ какъ ей нравилось,—ну, само собою разумѣется, поступала надлежащимъ образомъ...

— И благоразумно. Вотъ, по этой причинѣ, папа конечно, и поручилъ ей свою меньшую вѣтрянницу—шалуницу!

Кѣта проговорила эти слова съ веселою откровенностью, ей свойственнаго но именно эта-то искренность, игривость, увѣренность, кажется и произвели непріятное впечатлѣніе.

Президентша слегка приподняла плечи.

— Папа твой, конечно желалъ тебѣ добра, милая Кѣта,—и я-то ужъ никогда не порицала его распоряженій. Но, видишь-ли, папа имѣлъ аристократическую нагуру, онъ строго руководствовался правилами приличія... Не смутило-ли-бы его до нѣкоторой степени такое обстоятельство, что вотъ шаловливая дочка его такъ неожиданно, *zans gène*, такъ свободно перелетѣла изъ Дрездена сюда?...

— Ну, это еще неизвѣстно, возразила Кѣта:—развѣ папа не зналъ-бы, чей духъ сидитъ въ его дочери? (Игривый огонекъ заблестѣлъ въ ея карихъ глазахъ.) Кровь мельничьей породы, госпожа президентша, храбро безопасно-весело пробивается въ жизни!

Коммерціи совѣтникъ закашлялся и принялся усердно поглаживать свои красивые усы: президентша, можно сказать, совсѣмъ онемѣла отъ изумленія, какъ будто слишкомъ рѣзкій вѣтеръ внезапно скользнулъ по ея аристократическо-чувствительному лицу, за то Флора разразилась громкимъ смѣхомъ.

— О, Милое дптя! Да вѣдь ты чудо какъ наивна! воскликнула она, всплеснувъ руками.— Ну, да, да: „странствовать — наслажденіе мельника, странствовать“... проговорила Флора и прибавила:—вотъ, бабушка, такими-то словами слѣдовало-бы нашей „меньшей“ дебютировать на первомъ же большомъ вечерѣ Морица! То-то всѣ наострили-бы уши!

Она злорадно взглянула на старуху, которая, однако, быстро овладѣла собою и спокойно замѣтила:

— Я надѣюсь, милочка, что у твоей сестры есть вражденный тактъ...

Президентша при этомъ, какъ-бы мимоходомъ здороваясь съ докторомъ, протянула ему руку и улыбнулась, какъ-то особенно растянувъ губы, такъ что только и были видны чуть-чуть кончики ея зубовъ. Никогда нельзя утвердительно сказать: сладка-ли подобная улыбка или кисла?

— Такъ... Такъ! повторила Флора, насмѣшливо покачавъ головой:— Много тутъ тактъ поможетъ! Мельничная ошущенія развѣ не врожденны... Эта добренькая Лукасъ не сумѣла всадить ей въ голову хоть немножко свѣтскости... Вотъ въ чемъ и недостатокъ. Впрочемъ, я очень рада, что ты, Кѣта, пріѣхала одна... Надѣюсь—такъ-то съ тобой легче уживемся, потому что тебѣ уже не придется здѣсь держаться за юбку своей старой, доморощенной гувернантки.

Кѣта сняла шапочку—лицо ее покраснѣло, кровь бросилась въ голову, такъ душно было ей въ этомъ

Возстаніє въ Герцеговинѣ. Герцеговинскія женщины въ бою. Рис. проф. Францъ Зверинъ, гравир. Веберъ.

араматическомъ воздухѣ. Теперь она казалась еще выше, благодаря густой золотисто-каштановой косѣ своей.

— Доморощенная? Моя-то докторша? воскликнула Кэта съ воодушевленіемъ... Да женщины съ болѣе поэтической натурой нельзя себѣ и представить!..

— Хе, что ты говоришь! Ну, она, навѣрно, мечтаетъ, созерцая луну, списываетъ чувствительные стихшки и пр. и пр., а, пожалуй, ужъ сама не сочиняетъ-ли стиховъ? А?..

Блестящіе, умные глаза молодой дѣвушки смотрѣли теперь прямо въ лицо насмѣшницы. Послѣ минутнаго раздумья Кэта сказала:

— Стишковъ она не списываетъ, но манускрипты своего мужа переписываетъ, потому что наборщики медицинскаго журнала рѣшительно не могутъ разобрать причудливыхъ каракулекъ рукописи автора. Не пишетъ она также ни стиховъ, ни повѣстей—нѣтъ у нея времени для этого... И все-таки она—творитъ... Ахъ Флора, ты улыбаешься совершенно по прежнему — ѣдко, одними уголками губъ, но такая насмѣшливая улыбка не поражаетъ меня больше, не заставляетъ спрятаться въ уголокъ!.. Во мнѣ бьется здоровая жилка, а потому я повторяю и утверждаю: да, докторша моя все-таки творитъ! Творчество это заключается въ той, такъ сказать манерѣ понимать жизнь, въ умѣнныи всегда найти въ окружающей жизни свѣтлую, хорошую сторону — даже въ убранствѣ ея простенькой квартиры сказывается эта способность: тамъ въ каждомъ уголкѣ, замѣтишь притаившуюся мысль! И вообще удивительно какъ она умѣетъ устроить все удобно, и въ тоже время со вкусомъ, для мужа своего, для меня взрослого ребенка, и для немногихъ избранныхъ друзей дома.

Въ эту самую минуту свѣжія фіялки дождемъ посыпались на грудь молодой дѣвушки, къ ея ногамъ.

— Bravo, Кэта! крикнула Генріэтта. Она стояла у самой рѣшетки, въ зимнемъ саду, прижимая свои блѣдныя ручки къ тяжело-вздывавшейся груди. — Мнѣ хотѣлось-бы сейчасъ боситься къ тебѣ на шею, но... погляди на меня! Вѣдь развѣ это не вышло-бы уморительно—смѣшно?... Ты, такая крѣпкая и тѣломъ и духомъ, а я...

Тутъ голосъ ея оборвался.

Кэта бросила шапочку, поспѣшила къ Генріэтѣ и нѣжно обняла сестру. Лицо этой дѣвушки, „такъ страшно-исхудавшее“, до того поразило Кэту и ей такъ стало жаль ее, что слезы готовы были брызнуть изъ ея глазъ, но она благоразумно воздержалась обнаружить это.

Флора закусила губы. Эта „меньшая“ обладаетъ, какъ видно, не однимъ, ростомъ, не только величиною тѣла: въ ясныхъ глазахъ и на губахъ „меньшой“ свѣтился, былъ замѣтенъ тотъ особенный огонекъ чувства личной независимости, который подчасъ можетъ быть весьма неумѣстнымъ... неудобнымъ. Въ сердцѣ Флоры вдругъ шевельнулось темное предчувствіе, смутное непріятное ощущеніе, что вотъ, съ момента появленія здѣсь этой крѣпкой дѣвушки, какая-то тѣнь начинаетъ затмѣвать свѣтъ ея собственной жизни... Она быстро сняла шляпку и провела обѣими руками по волосамъ, расправляя смятые локоны.

— Неужели ты изъ Дрездена привезла съ собой этотъ романическій дорожный узелочекъ? сухо спросила Флора, посмотрѣвъ прищурясь и какъ-то бокомъ на связаный и висѣвшій на рукѣ Кэты бѣлый платокъ.

Молодая дѣвушка развязала узелочекъ и — подала Генріэттѣ голубя.

— Вотъ—бери своего маленькаго пациента, сказала она: — бѣдняжку подстрѣлили, летать онъ не можетъ. Голубокъ этотъ упалъ на мостовую двора на мельницѣ.

И такъ, о томъ, что Кэта остановилась прежде всего тамъ, на мельницѣ, было уже заявлено, но президентша, повидимому, вовсе не обратила вниманія на по-

слѣднія ея слова: она, возмущенная до глубины души, указала на раненаго голубя и, повернувшись къ коммерціи совѣтнику, проговорила съ укоризной.

— Вѣдь это уже *четвертый*, Морицъ!..

— Четвертый... и... даже мой любимчикъ, моя серебрянная головка! воскликнула Генріэтта, утирая слезы огорченія и досады.

Коммерціи совѣтникъ, отъ испуга и гнѣва—поблѣднѣлъ.

— Любезнѣйшая бабушка, прошу васъ убѣдительно: не упрекайте *меня* въ этомъ! крикнулъ онъ почти запальчиво.— Я дѣлаю все, что могу, стараюсь открыть преступника и положить предѣлъ этимъ изъ рукъ-вонъ гадкимъ продѣлкамъ, по виновникъ скрывается (тутъ онъ пожалъ плечами)—что-же сдѣлаешь въ такомъ случаѣ? Ничего!.. Поэтому-то я неоднократно уже просилъ Генріэтту запирать своихъ голубей.

Часъ отъ часу не легче! воскликнула почтенная дама язвительно, дергая и теребя кружевное облачко, облежавшее ея лицо и шею, какъ будто ей было невыносимо жарко отъ внутренняго волненія.— Неужели ты Морицъ, самъ того не сознаешь, что такое равнодушіе—ну, просто вызываетъ на дерзость, поощряетъ ее?..

— Зачѣмъ, бабушка, вы такъ тонко выражаетесь? Партія подвольныхъ сама достаточно откровенно называетъ вещь по имени, замѣтила Флора съ намѣренной небрежностью, легкостью въ тонѣ. Горничная моя, открывая сегодня утромъ ставни, опять нашла на подоконникѣ моего окна письмо и вынуждена была взять его щипцами и такимъ образомъ держать передо мной, пока я прочла написанное. Ужъ очень некрасиво выглядѣла эта пачкотня! Бумажка осталась въ комнатѣ горничной... Можетъ быть, ты захотѣлъ бы приобщить къ прочимъ и этотъ документъ, Морицъ? Новаго, конечно, въ этомъ письмѣ ничего нѣтъ—все тѣ же фразы! Но вотъ что желательно мнѣ было бы знать: почему эти люди *именно* меня удостоиваютъ своей ненависти?..

Кэта не могла не подумать, что тутъ ненависть обнаруживается не столько къ привилегированному классу, сколько къ самой личности, сдѣлавшей такой вопросъ; въ самомъ дѣлѣ, люди, незнакомые съ характеромъ житія-бытія на виллѣ, могли думать, что за всѣ распоряженія и поступки хозяина отвѣтственность должна падать на эту дѣвушку, у которой и манеры такія повелительныя, и платья-то княжески-роскошныя, да притомъ около губъ—морщинка презрѣнія, а говорить она совсѣмъ какъ мужчина, такъ рѣзко...

— Это проявленіе ненависти, эти нападки смѣшнѣе вдвое для меня потому, что, продолжала Флора, за смѣявшись:—изъ-подъ моего пера довольно вышло статей „за“ рабочій классъ, которыя и напечатаны.

— Въ наше время однѣми статьями, однимъ перомъ ничего нельзя сдѣлать, заговорилъ д-ръ Брукъ, оставаясь стоять у окна.

— Ну-съ, такъ что-же надо дѣлать? колько спросила Флора.

— Поближе познакомиться съ самими рабочими и узнать ихъ жизнь и ихъ нужды.

— Ахъ, пожалуйста, оставь...

Въ ея глазахъ засверкалъ яркій огонекъ, но Брукъ продолжалъ, ни мало не смущаясь:

— Да, именно въ семьѣ на долю женщины выпадаетъ *почти* вся инициатива, женщина можетъ кротко вліять на болѣе суровую, холодную душу мужчины, сердце у нея мягче, она можетъ быть благодѣтельной посредницей, благодаря этимъ качествамъ, а также своему благоразумію. Но только меньшинство изъ нихъ беретъ на себя трудъ пораздумать объ этомъ (а этого-то прежде всего я и требую отъ нихъ) и обратиться съ вопросомъ къ сердцу своему. Женщины, пользуясь средствами изъ рукъ мужчины для покрытія своихъ (въ на-

стоящее время почти безграничных) расходов, не обращают вниманія ни на что.

Президентша медленно провела тонкими своими пальцами по атласистой поверхности своего платья, и какъ бы не слыша послѣднихъ словъ доктора, хладнокровно проговорила:

— Помогаю я очень охотно, только я не привыкла подавать милостыню прямо въ руки нуждающихся, по этому, можетъ быть, и не знаютъ, какъ много и какъ часто надѣляю я неимущихъ. Впрочемъ, знаютъ ли объ этомъ или не знаютъ—мнѣ все равно, я равнодушна къ этому.

— Грубыя выходки—отвратительны, и никто, быть можетъ, строже меня не осуждаетъ ихъ, также хладнокровно замѣтилъ д-ръ Брукъ, но...

— Ну, что же „но“?.. Въ концѣ концовъ вы все-таки будете утверждать, что все это вызвано нами, женщинами.

— Точно-такъ, госпожа-президентша.

— Вы—идеалистъ, господинъ докторъ, сказала почтенная дама, слегка похлопавъ его по плечу. Слова эти она проговорила хотя и ласковымъ голосомъ, но тонъ ихъ былъ рѣшителенъ и сухъ: такимъ тономъ даютъ понять, что желаютъ прекратить разговоръ.

— Нѣтъ, я только другъ человѣчества, возразилъ Брукъ съ едва замѣтной улыбкой и взялся за шляпу.

Невѣста его давно уже отвернулась отъ него и подошла теперь къ другому окну. Никакое, кажется, женское лицо не было бы такъ способно принять выраженіе вражды, какъ лицо Флоры, обладающее прекраснымъ профилемъ, благодаря которому можно было видѣть, какъ крѣпко умѣетъ она сжимать губы... Да, этотъ человѣкъ высказалъ (и такъ сухо!) свой взглядъ на нее, онъ сказалъ, что она, сидя за письменнымъ столомъ, кропотливо роетъ въ чужихъ идеяхъ, выбираетъ изъ нихъ... Это что-то неслыханное! Рыться... кропотливо... при *ея*-то дарованіяхъ?! Правда, она ни разу еще не замарала изящныхъ своихъ ботинокъ фабричною грязью на прядильнѣ зятя; дѣйствительно, ей не было извѣстно, какъ живутъ рабочіе. Но къ чему все это?.. Неужели нужно видѣть во очію и въ дѣйствительности пережить все то, что изображаешь перомъ? Смѣшно даже!.. Тогда къ чему же намъ умъ и фантазія?.. До сихъ поръ, до сегодняшняго дня, докторъ не проронилъ ни единого слова на счетъ ея литературной дѣятельности (вслѣдствіе робости и чувства уваженія, такъ думала она) и—вдругъ, нападаетъ теперь на нее, да вѣдь какъ некрасиво, какъ глупо нападаетъ! *Онь... онь!..* Тяжелую борьбу выносила Флора.

— Я не понимаю, бабушка, какъ могло придти тебѣ на мысль назвать его „идеалистомъ“! воскликнула она, сверкая глазами. Я полагала, что Брукъ только что передъ этимъ довольно скудно-прозаично освѣтилъ вопросъ: вѣдь по его программѣ, мы должны какъ можно скорѣе уничтожить нашъ комфортъ, отбросить элегантность въ манерахъ, ходить въ дерюгѣ, посыпавъ голову пепломъ... И намъ отнюдь не слѣдуетъ

заниматься умственнымъ трудомъ, а всего лучше варить похлебку для народа. Мы вотъ хотѣли бы непремѣнно пользоваться тишиною нашего парка, наслаждаться уединенностью его—но это смертный грѣхъ!.. (Флора засмѣялась отрывистымъ, рѣзкимъ смѣхомъ).

Флора быстрыми шагами подошла къ нему. Локончики ея развѣвались, трепетали въ воздухѣ, а тяжелый бархатный шлейфъ прошуршалъ по мраморному полу.

Брукъ, возразила она ѣдко: —вѣдь ты, какъ общилъ мнѣ Мориць, сдѣлался теперь домовладѣльцемъ... Но—шутки въ сторону: въ самомъ дѣлѣ ты исполнилъ вчерашнюю свою угрозу—приобрѣлъ отвратительную лачугу на томъ берегу рѣки?..

— Мою угрозу?..

— Ну-да, не могу-же я иначе назвать этого, если ты готовишь мнѣ въ будущемъ такое... пугало! Постой самъ вчера ты сказалъ, что употребилъ сбереженія свои на покупку имѣнья, а имѣнье это представляется мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ какъ non plus ultra пустыни, оскудѣнія и отталкивающаго безобразія. Вѣдь не для услажденія-же взора только приобрѣлъ ты эту драгоценность?... А потому я тебя серьезно спрашиваю: для кого это жилище?

— Ты можешь никогда и не бывать тамъ.

— Никогда и не буду. Въ этомъ можешь быть увѣренъ! Скорѣе... Трудно выразить словомъ, объяснить тотъ загадочный взглядъ, который докторъ устремилъ на Флору, поднявъ руку, чтобы остановить ее, но въ этомъ, почти мрачномъ, взглядѣ свѣтилась какая-то непреодолимая сила, потому что алыя губы красивой дѣвушки невольно сомкнулись... Она вдругъ умолкла.

— Въ томъ домѣ будетъ жить моя тетка. Себѣ оставилъ я тамъ только одну комнату, чтобы имѣть покойный рабочій уголокъ за городомъ, такъ какъ иногда и на мою долю выпадаютъ свободные часы...

Слова эти Брукъ проговорилъ (послѣ сдѣланнаго имъ жеста) такимъ спокойнымъ голосомъ, какого нельзя было ожидать, судя по выраженію лица его за минуту передъ тѣмъ.

— А! Ну, и желаю вамъ наслаждаться тамъ! Значитъ, это будетъ особый, специально-лѣтній уголокъ... Ну-съ, а зимою, Брукъ?..

— Зимою мнѣ придется довольствоваться зеленою комнатою, которую ты сама предназначила для меня въ нашей будущей квартирѣ.

— Говоря откровенно, та квартира мнѣ теперь не нравится; мнѣ не нужно ее... Она въ угловомъ домѣ, и какъ разъ около этого дома улица особенно оживлена: непрерывный шумъ, грохотъ, а это мнѣ будетъ мѣшать, когда я пожелаю работать.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ я уплачу домохозяину неустойку и буду искать другой квартиры, отвѣтилъ докторъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

(Продолженіе будетъ).

Е. И. В. Великая Княгиня Марія Николаевна.

Царское Семейство понесло горестную утрату въ лицѣ одного изъ старѣйшихъ своихъ представителей. 9-го февраля, въ часъ и пять минутъ пополудни, послѣ продолжительной и трудной болѣзни, скончалась, на пятьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія, Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна.

Кромѣ горя, причиненнаго всему царствующему дому, говорить газета «Голосъ», конечно эта отразится глубокою скорбью въ сердцахъ того обширнаго круга лицъ, которыя не только имѣли счастье близко знать Великую Княгиню, но которые когда нибудь испытывали на себѣ ея доброе вліяніе.

Великая княгиня Марія Николаевна принадлежала къ числу тѣхъ замѣчательно одаренныхъ личностей и по уму, и по душевнымъ качествамъ, въ которыхъ присутствуетъ сила неотра-

зимою обаянія; къ этому присоединялись всѣ свойства, способныя скрѣплять человѣческія отношенія, рождающіяся послѣ перваго впечатлѣнія: даръ уловлять преобладающія способности собесѣдника, горячее, прирожденное сочувствіе ко всему прекрасному и живому, замѣчательная многосторонность въ образованіи собственнаго ума, обширная начитанность и наглядное знаніе во всѣхъ отрасляхъ художества, любимаго Великой Княгиней выше другихъ знаній, но главное—и что выше всего цѣнили приближавшіеся къ Великой Княгини—невъразимая доброта ея сердца, которое всегда радостно откликалось чужому счастью, каждому доброму дѣлу, каждой честной мысли!

Общественная дѣятельность Великой Княгини началась еще въ молодыхъ ея годахъ. Исполняя волю родителя своего, Им-

ператора Николая I-го. Великая Княгиня, послѣ кончины герцога Лейхтенбергскаго въ 1852 г. заняла мѣсто президента Императорской Академіи Художествъ. Такое назначеніе, отвѣчая ей природнымъ наклонностямъ, не замедлило оправдаться существенными результатами. Къ практическому изученію живописи, всѣхъ родовъ живописи и валянія, прибавленъ былъ въ Академіи цѣлый курсъ систематическаго образованія, введены были классы общей исторіи, исторіи искусствъ, химіи, словесности и т. п.; словомъ, внесенъ былъ тотъ образовательный элементъ, который такъ существенно важенъ для полнаго развитія художника и успѣха искусства вообще. Одновременно съ принятіемъ званія президента Академіи, Великой Княгинѣ угодно было принять званіе предсѣдателя высочайше утвержденнаго общества поощренія художниковъ. Здѣсь точно также влияние ея отразилось самымъ благоволеннымъ образомъ. Основная мысль, заключающаяся въ томъ, чтобъ въ школахъ живописи общества поощренія художниковъ изученіе рисунка приложено было къ образованію хорошихъ рисовальщиковъ по мануфактурной части и усовершенствованію изящно-ремесленной промышленности въ Россіи, принадлежать исключительно Великой Княгинѣ. Съ такою цѣлью основала она при школѣ общества обширный музей художественныхъ образцовъ, бібліотеку, практическія мастерскія, и когда все это исполнено было согласно ея предначертаніямъ, испросила у Государя въ собственность обществу домъ для помѣщенія всѣхъ этихъ отдѣльныхъ учрежденій. Мысль Великой Княгини состояла въ пользѣ, которая произойдетъ отъ связи отдѣльныхъ этихъ частей, взаимномъ ихъ дѣйствіи другъ на друга и, затѣмъ, влияніи дѣла на учениковъ.

Общественная дѣятельность Великой Княгини выразилась не только въ покровительствѣ изящнымъ искусствамъ въ Россіи. Отдаваясь движеніямъ своего сердца, исполненнаго челоуколюбія, она основала домъ милосердія, положила начало женской руководящей дѣятельности въ качествѣ члена патріотическаго общества и принимала участіе въ московскомъ благотворительномъ обществѣ.

Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна родилась 6 августа 1819 г. Вступила въ бракъ 2-го іюля 1839 года съ Максимиліаномъ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ, умершимъ 20-го октября 1852 года. Дѣти ея Высочества: Князья и Княгини Романовскіе, Герцоги и Герцогини Лейхтенбергскіе: 1) Марія Максимиліановна, род. 4 окт. 1841 г., въ супружествѣ съ 1863 года съ Вильгельмомъ принцемъ Ваденскимъ. 2) Николай Максимиліановичъ, род. 23 іюля 1843 г., почетный предсѣдатель русскаго технического общества. 3) Евгения Максимиліановна, родилась 20-го марта 1845 года, вступила въ бракъ 7-го января 1868 года, съ Принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ. 4) Евгений Максимиліановичъ, род. 27 янв. 1847 года. 5) Сергій Максимиліановичъ, род. 8-го декабря 1849 года. 6) Георгій Максимиліановичъ, род. 17-го февраля 1852 года.

Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна съ 1852 года изволила быть Президентомъ Императорской Академіи Художествъ. Академія, съ самаго учрежденія своего Императрицею Елизаветою, находилась подъ особымъ покровительствомъ Государей, управляясь президентомъ.

Нужно замѣтить, что въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны Академія Художествъ не имѣла собственнаго своего помѣщенія, а занимала отдѣленіе при С.-Петербургскомъ Университетѣ. Впослѣдствіи, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, а именно въ 1764 году, было построено архитектуромъ Кокориннымъ то зданіе, въ которомъ въ настоящее время помѣщается Академія Художествъ. Впослѣдствіи, а имен-

но уже въ то время, когда Ея Высочество изволила быть президентомъ Академіи, зданіе подверглось нѣкоторымъ переделкамъ внутри, но наружный его фасадъ остался и до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Съ 1852 года, т. е. со времени президентства Ея Высочества, а равно благодаря энергичной дѣятельности Ея Высочества Великаго Князя Владимира Александровича, какъ товарища президента Академіи, въ ней произошли многія преобразованія и улучшенія, какъ во внутренней ея жизни, т. е. въ ходѣ преподаванія и развитія искусства, такъ и въ увеличеніи художественныхъ богатствъ. Необходимо замѣтить, что и самое отношеніе Академіи къ публикѣ и къ ученикамъ своимъ существенно измѣнилось за послѣднее десятилѣтіе. Прежде публика съ большимъ трудомъ могла имѣть доступъ въ академическія залы; ученики также не имѣли права не только спитать копій съ находящихся въ залахъ Академіи картинъ, но даже и посѣщать залы не имѣли права. На вѣхъ академическое начальство смотрѣло какъ на учениковъ и потому изученіе произведеній искусства ограничивалось для нихъ классическими занятіями.

Таковы были порядки въ Академіи въ прежнее время. Теперь какъ извѣстно входъ въ Академію свободенъ для всѣхъ, занимающихся копированіемъ могутъ не только ученики Академіи, но и всѣ желающіе лица обоего пола. Въ это же послѣднее десятилѣтіе открыты при Академіи Художествъ мозаическій отдѣлъ, изданы всѣ каталоги находящихся въ Академіи русскіхъ оригинальныхъ и копій иностранныхъ художественныхъ произведеній, какъ писанныхъ красками, такъ равно и скульптурныхъ. Кромѣ того число произведеній значительно увеличилось и въ особенности благодаря графу Куселеву-Безбородко, подарившему Академіи свою замѣчательную картинную галерею, богатую какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Что касается внутренней жизни Академіи, то есть тѣхъ перемѣнъ, которые устроены въ ходѣ преподаванія и развитія искусства за послѣднее десятилѣтіе, то такихъ перемѣнъ весьма много и мы считаемъ возможнымъ указать только на самыя существенныя, а именно: дозволено вступать въ число учениковъ лицамъ женскаго пола, открыты медальерный, костюмный и по пейзажной живописи классы, дозволено конкуррировать два раза на малую золотую медаль, введено обязательное знаніе одного иностраннаго языка для конкурирующихъ на первую золотую медаль, дозволенъ въ Академію доступъ вольноприходящихъ и даны имъ соотвѣтствующія права. Кромѣ того самый учебный академическій курсъ приспособленъ къ тому, чтобы ученики равнообразно могли прогрессивать, какъ въ изученіи наукъ, такъ и въ успѣхахъ по практическому изученію того или другаго отдѣла искусства. Прежде въ этомъ отношеніи Академія часто встрѣчала большія затрудненія, ибо иногда оказывалось, что по практическому изученію искусства ученикъ былъ достоинъ полученія золотой медали, тогда какъ онъ же по учебному академическому курсу, въ отношеніи наукъ, оказывался незаслуживающимъ перехода изъ перваго отдѣленія во второе. Наконецъ постановлено, чтобы въ число учениковъ по архитектурѣ принимались только окончившіе полный курсъ наукъ въ гимназій или въ другихъ соотвѣтствующихъ ей заведеніяхъ.

Размѣры статьи не позволяютъ намъ указать на другія многочисленныя реформы, произшедшія въ Академіи Художествъ за послѣднее десятилѣтіе и введенію этихъ реформъ несомнѣнно способствовала Президентъ Академіи, Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна при содѣйствіи Товарища Президента, Ея Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича.

ГЕРЦЕГОВИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ ВЪ БОЮ.

Оригинальный способъ войны въ ущельяхъ скалистыхъ горъ Герцеговины описанъ былъ уже неоднократно въ нашемъ журналѣ, причѣмъ приложены были и рисунки, изображающіе эпизоды изъ настоящей войны на Балканскомъ полуостровѣ. Объ участіи женскаго населенія Герцеговины въ борьбѣ съ ненавистными имъ мусульманами читателямъ нашимъ также извѣстно. Указываемъ на сцену, изображенную на рисункѣ въ № 38 ж. «Нивы» (1875 г.) и представляющую нагляднымъ образомъ битву южнославянскихъ женщинъ съ турками притѣснителями. Художникъ изучившій на мѣстѣ нравы и обычаи герцеговинцевъ, въ прилагаемомъ рисункѣ переноситъ опять воображеніе наше на театръ войны, которую обѣ стороны ведутъ съ одинаковымъ ожесточеніемъ.

Въ числѣ разныхъ орудій, употребляемыхъ герцеговинцами для истребленія проникшихъ въ ихъ горы враговъ, играютъ немаловажную роль камень и осколокъ утесовъ, которые горцы спускаютъ на проходящихъ черезъ ущелья османовъ и производятъ въ рядахъ ихъ значительныя опустошенія. Ничто такъ не деморализуетъ турецкихъ солдатъ, какъ эти смертоносныя орудія, отъ дѣйствія которыхъ задрожать нѣтъ никакой воз-

можности. Въ числѣ горныхъ ущелій, въ которыя турки проникаютъ иногда въ пылу преслѣдованія герцеговинцевъ, Полимское ущелье считается однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ. Въ время перваго возстанія Герцеговины, турки проникли въ это ущелье и поставили тогдашняго вождя повстанцевъ, Луку Вукаловича въ крайне затруднительное положеніе. Четъ (военному отряду) Вукаловича угрожала уже опасность, однако храбрый воевода, воспользовавшись гористою мѣстностью, успѣлъ посредствомъ искуснаго маневра избѣжать съ своимъ отрядомъ грозившей ему опасности: Вукаловичу удалось пробиться черезъ ряды непріятельской пѣхоты и занять одну изъ горныхъ высотъ, откуда герцеговинцы принялись спускать каменя и осколки гранитныхъ утесовъ и произвели такимъ образомъ въ рядахъ преслѣдовавшихъ ихъ турокъ страшное опустошеніе.

Подобныя же сцены повторились и во время настоящей борьбы и имѣли постоянно для повстанцевъ благоприятный исходъ. Турки страшатся проникать въ опасныя горы, населеніе которыхъ умѣетъ отлично пользоваться преимуществами представляемыхъ гористою мѣстностью. Лишенные воды гор-

Продолженіе въ прибавл. на стр. 145 и 146.

ныя равнины, непроходимые лѣса, узкіе проходы въ горахъ, горныя тропинки, по которымъ съ трудомъ пробирается лошадь, огромныя груды каменьевъ, все это характеризуетъ недоступную горную мѣстность и обуславливаетъ оригинальный способъ веденія войны въ Герцеговинѣ.

Если мужественныя и неуступающія въ храбрости мужскому населенію герцеговинскія женщины и не принимаютъ съ оружіемъ въ рукахъ непосредственнаго участія въ битвахъ съ турками, то герцеговинки оказываютъ по крайней мѣрѣ огром-

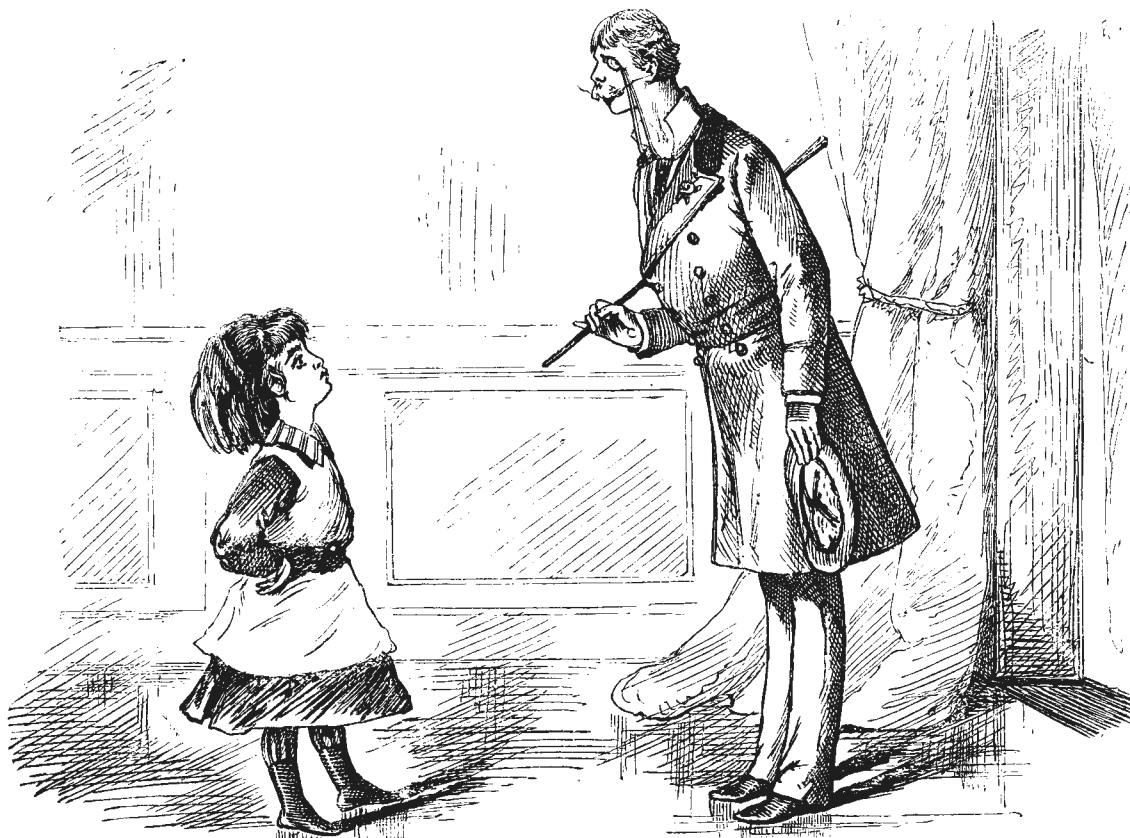
ныя услуги при подбораніи съ поля сраженія раненыхъ соотечественниковъ и при уходѣ за больными. Онѣ пробіраются смѣло къ краямъ пропасти съ тѣмъ, чтобы подобрать своихъ раненыхъ или тѣла убитыхъ и доставить ихъ на лошакахъ въ безопасное мѣсто. Нерѣдко случается, что зоркій глазъ герцеговинки усматриваетъ барякъ (турецкое знамя) въ рукахъ умирающаго врага. Быстро, какъ серпа, бросается смѣлая красавица въ самый пылъ битвы, овладѣваетъ трофеемъ и съ триумфомъ возвращаясь къ своимъ, воодушевляетъ своихъ братьевъ къ новой борьбѣ со врагомъ.

С М Ъ С Ъ .

По поводу юбилея Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ. Въ числѣ разныхъ празднествъ, коими янки намѣрены ознаменовать столѣтній юбилей со времени объявленія независимости Соединенныхъ Штатовъ, фигуриру-

вають для просушки на веревкахъ. При употребленіи же обыкновеннаго способа, состоящаго въ отдѣленіи листьевъ отъ ствола и просушки ихъ особо, табакъ не дозрѣваетъ. Листья остаются зелеными, если они отдѣлены отъ растения въ не-

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

- Долго ли вы еще у насъ пробудете?
 — А что душенька?
 — Да мама говорить — не буду завтракать пока этотъ противный человекъ не уберется...
 А мнѣ очень хочется кушать...

еть и огромный взрывъ. Дѣло въ томъ, что наши заатлантичскіе друзья намѣрены взорвать подводныя скалы, препятствующія, близъ Лонгъ-Эйланда, судоходству какъ изъ Нью-Йорка, такъ и въ этотъ городъ. Мины, устроенныя на прострѣствѣ 21 акра, имѣютъ ходы въ 8,000 футовъ длиною, 12 футовъ шириною и 8 до 21 футовъ вышиной. Для производства взрыва употребленъ будетъ нитроглицеринъ и мины соединены будутъ посредствомъ трубъ. Во время прилива глубина океана на этомъ мѣстѣ простирается только до 6 футовъ. Устройство минъ начато было еще въ 1859 г. и онѣ могли бы быть давно окончены, но производство работъ продлено единственно съ цѣлью произвести взрывъ подводныхъ скалъ въ день національнаго праздника.

Превосходный способъ просушки табачныхъ листьевъ. Слѣдующій способъ, употребляемый при просушкѣ почти повсемѣстно въ Вестъ-Индіи, Мерилэндѣ, Виргиніи и въ большей части южной Франціи, служитъ для доставленія цѣннаго табаку. Во время жатвы табакъ срѣзаютъ подъ самый корень, не отдѣляя листьевъ отъ стволовъ и затѣмъ растеніе развѣши-

зрѣломъ состояніи; напротивъ, чѣмъ болѣе они приближаются къ состоянію зрѣлости, тѣмъ болѣе они принимаютъ темно-коричневый цвѣтъ; жатву табаку производятъ обыкновенно въ то время, пока онъ еще не совершенно созрѣлъ. Если листья не будутъ отдѣлены отъ стволовъ, то находящіеся въ послѣднихъ соки переходятъ во время просушки табаку въ листья, которые затѣмъ постепенно увядаютъ и принимаютъ сперва желтоватый, потомъ темно-желтоватый и наконецъ искрасна желтоватый или темно-коричневый цвѣтъ. Тогда какъ листья, оторванныя отъ стволовъ и просушиваемыя отдѣльно отъ послѣднихъ, принимаютъ болѣею частью зеленоватый и рѣдко надлежащій коричневый или темно-желтоватый цвѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Принцъ Уэльскій въ Индіи (съ 5-ю рисунками). — Въ домѣ номерціи свѣтника. Повесть Э. Марлитта. (Продолженіе). — Ея Имъ Выс. Велич. К. г. Марія Николаевна (съ портретомъ). — Герцеговинскія женщины въ бою (съ рисункомъ). — Юмористическіе очерки (съ рисунками). — Сибирь.

Редакторъ Ф. Бергъ (Воевъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„БАСНИ И ЭСКИЗЫ“.

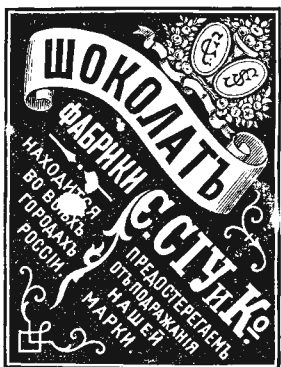
А. Антонова, издание 4-е, 1875 года, исправленное и значительно дополненное, съ приложением краткаго биографическаго очерка автора. Продается: въ Центральномъ магазинѣ, у Гольфа, Гаттуга, Мамонтова и другихъ известныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ. Цѣна 70 к., съ пересылкою 80 к. 3—2

100 ГЕОРГИНЪ.

Цвѣтуцъ, кто желаетъ имѣть, тотъ можетъ получить за 1 р. съ перес. подъ бандеролью пакетъ сѣмянъ до 300 зеренъ лучшихъ георгинъ, посаженные въ февралѣ будутъ цвѣсти въ концѣ іюля. 25 сорт. цвѣточн. сѣмянъ 1 р.; 50—2 р.; 100—3 р.; 20 многолѣт. 1 р.; 10 комнат. 1 р. съ перес. Георгинъ 12 ш. 1 р. 50 к.; Розы 20, 50—1 р.; дикій хмѣль для бѣсѣдовъ 12 ш. 50 к.; земляника крупная 100 куст. 2 р. безъ перес. Адресъ: Саратовъ, конторѣ Р. Х. садов. заведенія.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. В. Морская д. 35. 26—6

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАСЪ.

сост. А. Юрданъ.

Вышелъ нмѣ новымъ совершенно переработаннымъ и исправленнымъ по самымъ лучшимъ и умнымъ свидѣніямъ (quellen) 11-мъ изданіемъ состоящемъ изъ 27 хромо-литографированныхъ картъ на 12-ти листахъ. Также прилож. на большая карта Россіи простирающаяся на востокъ до озера Балкана, со всеми желѣзными дорогами.

Цѣна атласа. . . . . 1 руб. с.
» Исторіи. . . . . 1 » 25

продается въ литогр. Ф. Эйлера, у Камен. моста, 29/40 СПб. и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 5—3

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. Franco Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes. 10—8

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Алешинскаго. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событиями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе Штальмана. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

КОНТОРЫ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. ПЕЧЕНКИНА И К^о

въ Казани и Екагеринбургѣ.

Продаютъ выигр. билеты 1 и 2 з. съ разсроч. по 10 руб. Первый взносъ не менѣе 20 р. Страхуютъ билеты по 60 к. 5—1

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

- 1 за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . . 60 к.
- 2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . . 50 »
- 3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч. 20—2

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—32

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. № 12.

Получаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то 1/8% комиссіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложеныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинціи могутъ выслать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежныя влады и платитъ за деньги, внесенныя:

- на текущій счетъ 6%
- на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
- на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ. 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на нѣвѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше плавающихъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣднія исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то комиссіи.

Владчики изъ провинціи, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ прислать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обоихъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногородныхъ по 50 коп.

Отъ частныхъ банковъ и банкирскихъ конторъ въ провинціи, контора, по чрезъному, принимаетъ перестраховку принятыхъ ими на страховку билетовъ. Объ условіяхъ обратиться къ конторѣ.

Продаетъ билеты 5% съ выигрышами обоихъ займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

примѣть могущій уласть, со времени полученія конторою задатка, на купленные билеты выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности. 5—5

Книга о Кіевскихъ богатыряхъ.

Сводъ 24-хъ избранныхъ былинъ древне-кіевскаго эпоса. Составилъ В. П. Авенаріусъ. Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы Л. А. Сѣрякова, и 12-ю картинками, гравированными на дер. въ Лейпцигѣ, по рисункамъ А. В. Прохорова. Язычное изданіе, на плотной, гласированной веленовой бумагѣ.

Книга рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученыхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для награды учащимся, а учебнымъ Комитетомъ IV Отдѣленія Собств. Его Имп. Величества Канцеляріи—какъ весьма полезное учебное пособие для старшихъ классовъ женскихъ институтовъ и гимназій.

Цѣна: въ красивой бумажкѣ 2 р. 30 к., въ такой же папкѣ 2 р. 50 к., въ цвѣтномъ келенкоровомъ переплетѣ 3 р. Выписывающіе у составителя книги (3-я рота Измайлов. полка, д. № 8 кв. № 28) ничего не платятъ за пересылку, которая притомъ производится немедленно, съ первою почтою.

СИБИРСКІЯ ПРОТИВЪ ЗУБНОЙ БОЛИ НАПЛИ, Л. ГИРШГОРНА.

Во всѣхъ и вѣстныхъ аптекахъ въ Петербургѣ; также у Рувльовіуса и Гольма, въ Казанской, и углу Демидова пер. и въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами у 1-го ицѣйскаго моста, въ домѣ Башмакова. Цѣна 75 коп. 6—6

СѢМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовыя инструменты предлагаетъ гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

А. Ушакова

въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же. Подробный прейсъ-курштъ высылается бесплатно. 6—5

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 9

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫЕРОЕЕЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 1 Марта 1876 г.

Открыта подписка на журналъ „НИВУ“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Ниварева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р. съ доставкою 2 р. 60 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія №№ въ 1876 году.

С.-Петербургскій Градоначальникъ, Генераль-Адъютантъ
Федоръ Федоровичъ Треповъ.

Ф. Ф. Треповъ родился въ памятномъ для Россіи 1812 году. Воспитывался въ инженерномъ училищѣ, онъ по болѣзни вышелъ оттуда, и въ 1828 году опредѣлился на службу по гражданскому вѣдомству въ департаментъ государственныхъ имуществъ. Въ 1830 году онъ оставилъ гражданскую службу и перешелъ въ военную, а именно въ Кирасирскій Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны полкъ. Тотчасъ послѣ своего зачисленія онъ участвовалъ съ полкомъ въ битвахъ противъ польскихъ мятежниковъ при Гроховѣ, гдѣ отличился, и вслѣдъ за тѣмъ при Нурѣ. За спасеніе въ этой послѣдней битвѣ своего полкового командира, Ф. Ф. Треповъ былъ награжденъ георгиевскимъ крестомъ и произведенъ въ офицеры.

Въ 1854 году въ чинѣ полковника Ф. Ф. Треповъ былъ назначенъ командиромъ жандармскаго полка въ Кіевѣ и состоялъ въ этой должности до конца 1860 года, когда, будучи неожиданно вызванъ въ Варшаву бывшимъ намѣстникомъ Царства Польскаго, княземъ Горчаковымъ, онъ былъ назначенъ варшавскимъ

С.-Петербургскій Градоначальникъ, Генераль-Адъютантъ
Федоръ Федоровичъ Треповъ. Рисов. Бокуръ, грав. Шаповъ.

оберъ - полиціймейстеромъ.

Извѣстно съ какими трудностями сопряжена эта должность, какой энергій, какого неуспынаго труда она требовала въ то время, когда въ краѣ росла и зрѣла крамола, разразившаяся два года спустя, открытымъ мятежемъ. Но дѣятельность Федора Федоровича въ качествѣ варшавскаго оберъ - полиціймейстера была очень непродолжительна; уже въ началѣ 1861 года онъ подалъ просьбу объ увольненіи его отъ этой должности и уѣхалъ въ Петербургъ. Причиной этого было происшествіе, случившееся съ нимъ 15 февраля 1861 года, когда во время одной изъ мятежныхъ манифестацій онъ былъ сильно раненъ камнемъ въ голову.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Ф. Ф. Треповъ имѣлъ счастье представиться Государю Императору и былъ произведенъ Его Величествомъ въ генераль-майоры съ увольненіемъ въ отпускъ за границу на одинъ годъ. Призванный по возвращеніи изъ отпуска начальствовать III Округомъ корпуса Жандармовъ, обнимавшимъ царство Польское, Федоръ Федоровичъ снова

прибылъ въ Варшаву, гдѣ вскорѣ потерялъ свою супругу и затѣмъ подвергся нападенію книжальщиковъ, равнившихъ его топоромъ въ голову. Въ концѣ 1863 году кругъ его дѣятельности расширился вслѣдствіе назначенія генераль-полиціймейстеромъ и, вскорѣ затѣмъ членомъ совѣта управленія и учредительнаго по крестьянскимъ дѣламъ комитета въ Царствѣ Польскомъ.

Устройство полиціи не только въ Варшавѣ, но въ цѣломъ Царствѣ на совершенно новыхъ началахъ, устройство, какъ извѣстно, блистательно оправдавшееся; раскрытіе и неутомимое преслѣдованіе подпольныхъ дѣйствій мятежнаго жонда; возстановленіе безопасности спокойныхъ гражданъ избавленіемъ ихъ отъ террора тайной революціонной организаціи; неуклонная строгость въ преслѣдованіи преступленій, въ предѣлахъ возможности всегда однако сопряженная съ гуманностію; постоянное и равное относительно всѣхъ обращающихся къ нему вниманіе къ нуждамъ частныхъ лицъ; доступность во всякое время; наконецъ неунынное наблюденіе затѣмъ, чтобы всѣ чины полиціи въ Царствѣ оказывали полиційшее содѣйствіе успѣшному введенію коренныхъ административныхъ преобразованій, коими совершенно окончательное слитіе Царства съ прочими частями Имперіи,—вотъ, въ немногихъ словахъ, главныя черты той замѣчательной дѣятельности, которою Федоръ Федоровичъ Треновъ оказалъ столь большія заслуги въ дѣлѣ умиро-

творенія возставшаго края, и обратилъ на себя вниманіе всей Россіи, какъ организаторъ и администраторъ. По этому въ Петербургѣ ему предшествовала громкая слава, когда, въ апрѣлѣ 1866 года, онъ былъ призванъ къ занятію должности с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Жители столицы полагали на него блестящія надежды, и можно сказать, что въ самомъ непродолжительномъ времени эти ожиданія вполне оправдались.

Замѣтимъ, что въ августѣ того же 1866 года Федоръ Федоровичъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году назначенъ генераль-адъютантомъ.

Какъ с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, не касаясь еще коренной реформы, Ф. Ф. Треновъ сумѣлъ сладить, такъ сказать смягчить и облагородить какъ наружный, такъ и внутренній видъ столичной полиціи, пріобрѣтѣть тѣмъ уваженіе къ ней самой публики и полняя ее въ глазахъ народонаселенія. Введеніе новаго положенія о чинахъ полиціи, утвержденнаго въ началѣ 1867 года, еще болѣе упрочило то положеніе этого учрежденія, которое создала энергія Ф. Ф. Тренова, а увеличенное матеріальное обезпеченіе дало возможность улучшить и личный составъ полиціи. Кромѣ того съ перваго же дня своего управленія столичною полиціей, *въ качествѣ оберъ-полиціймейстера*, а затѣмъ въ званіи градоначальника, Ф. Ф. Треновъ лично заслужилъ любовь и уваженіе всего народонаселенія.

ВЪ ДОМЪ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

Флора опять отвернулась отъ него, пожавъ плечами. Кэта могла видѣть теперь ея лицо, и ей показалось, что прекрасная невѣста беззвучно топнула ногой. Закинувъ голову и поднявъ глаза, Флора смотрѣла въ потолокъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла воскликнуть: „О, Господи! Неужели къ нему никакъ нельзя придраться“?...

Въ эту минуту президентша такъ рванула сонетку, что продолжительный и рѣзкій звонъ колокольчика въ концѣ корридора долетѣлъ до зимняго сада. Пожилая дама глядѣла строго... Она очевидно, была оскорблена: въ ея присутствіи они не должны были затѣвать подобныхъ безтактныхъ объясненій.

— Ты, Кэта, должна составить невыгодное мнѣніе о гостепримствѣ и хорошемъ тонѣ въ домѣ зятя, обратилась президентша къ молодой дѣвушкѣ: — съ тебя, даже не сняли дорожной кофточки, не предложили тебѣ стула... Въмѣсто всего этого, ты, волей-неволей, принуждена выслушивать какія-то неинтересныя объясненія, стоя на холодномъ каменномъ полу, а вотъ тамъ разосланы толстые ковры...

Она указала на два угла мавританской комнаты, гдѣ группировалась мягкая мебель на дорожныхъ, пушистыхъ турецкихъ коврахъ, а затѣмъ приказала вошедшему лакею передать эконома, чтобы та поторопилась приготовить надлежащее помѣщеніе для пріѣзжей. Распоряженіе это, данное во время, избавило присутствующихъ отъ тяжелаго напряженнаго состоянія, которое овладѣло ими во время тѣхъ „безтактныхъ объясненій“ между Флорой и Брукомъ.

Коммерціи совѣтникъ поторопился снять кофточку съ Кэты, а Генріэтта вышла изъ зимняго сада, чтобы унести къ себѣ своего голубя. На впалыхъ щекахъ дѣвушки горѣлъ яркій лихорадочный румянецъ.

— Не останетесь-ли вы пить съ нами чай, г. докторъ? обратилась президентша къ Бруку, когда тотъ, прощаясь, поклонился ей.

Брукъ извинился, сказавъ, что остаться не можетъ, такъ какъ ему нужно сдѣлать еще нѣсколько визитовъ къ больнымъ... Это вызвало на губахъ Флоры саркастическую улыбку, но онъ, кажется, не замѣтилъ этого и подалъ ей руку, а затѣмъ — и коммерціи совѣтнику,

передъ Кэтой-же докторъ склонился какъ-то рыцарски-вѣжливо, почтительно, какъ будто не считалъ ее своей новой, молодой свояченицей. До сихъ поръ Кэта была для него чужою и осталась пока такою, и, какъ кажется, такое отношеніе Брука къ ней присутствующіе нашли въ порядкѣ вещей. Выбѣжавъ съ докторомъ изъ комнаты вышла и Генріэтта.

— Послушай, Флора, на будущее время я запрещаю затѣвать въ моемъ присутствіи неприятныя сцены, подобныя той, свидѣтелями которой мы были по-неволѣ, проговорила президентша такимъ рѣзкимъ голосомъ предостереженно заперевъ дверь за вышедшими. — Ты представила себѣ полную свободу достигнувъ желанной цѣли, избрать путь по своему вкусу, поступая такъ, какъ тебѣ нравится... Хорошо!... До сихъ поръ, съ моей стороны, ты не встрѣчала ни малѣйшаго препятствія, но—я энергически протестую и буду протестовать, коль скоро у тебя явится желаніе рѣшать это неприятное дѣло на моихъ глазахъ. Я уже сказала и говорю: серьезно воспрещаю это! Слѣдуетъ-ли мнѣ повторять тебѣ.

— Милая бабушка, перебила ее молодая дѣвушка съ насмѣшкой и презрѣшемъ въ голосѣ: — нѣтъ, не повторять!... Вѣдь я знаю, что ты желаешь сказать толькѣ „Въ этомъ домѣ можетъ совершиться убійство, можетъ все сгорѣть—ничего! это для меня все равно, лишь-бы я, госпожа президентша Урахъ, вышла потомъ изъ пепла такой-же блестящей, невредимой, какъ фениксъ изъ огня и дыма“... Извините-же, бабушка! Даю слово: никогда, во вѣки вѣковъ, не повторю я больше такой сцены. Чтѣ-жь, вила вѣдь достаточно просторна—значитъ, можно и не на твоихъ глазахъ выйти на поединокъ, найдя удобное мѣстечко. Ахъ, если-бы только такъ страшно не затрудняли меня относительно этого!... Боюсь, что въ одинъ прекрасный день у меня все-таки лопнетъ терпѣніе...

— Флора! воскликнулъ коммерціи совѣтникъ, какъ-бы прося и предостерегая ее.

— Хорошо-съ, господинъ фонъ-Рэмеръ! Ну, конечно, вѣдь теперь я должна принять еще въ соображеніе твой новый титулъ!... О, Боже мой, какое время на моихъ бѣдныхъ плечахъ!... И за что я терплю такое

наказаніе, что сердца, какъ цвѣты репейника, цѣпко пристають ко мнѣ?...

Она взяла шляпку, приподняла бархатный шлейфъ и направилась къ дверямъ, но, проходя мимо Кэты, остановилась.

— Видишь-ли, сокровище ты мое, каково приходитъся бѣдной женщинѣ (Флора приподняла пальчикомъ подбородокъ младшей сестры), каково ей, если она хоть на минуту захочетъ посентиментальничать и вообразить, что сердце ея любить!... Тутъ какъ разъ очутится она въ капканѣ, и горько будетъ ей сознаться, что заѣзженное, добренькое правуоченьице—*не спросясь броду, не суйся въ воду*—дѣйствительно заключаетъ въ себѣ отвратительную вѣчно-юную истину... Вспоминай сестру свою и поберегись дитя!...

Проговоривъ эти слова, Флора удалилась, а Кэта, сдѣлавъ большіе глаза, глядѣла ей вслѣдъ... Какая странная моя красавица сестра—и на невѣсту-то совсѣмъ не похожа!...

VI.

Недалекъ отъ западной части парка виднѣлись остатки прежняго стараго барскаго дома Баумгартеновъ. Отъ рыцарскаго замка, когда-то хорошо укрѣпленнаго и окруженнаго ровомъ, осталась только одна башня довольно замѣчательныхъ размѣровъ; къ ней и теперь еще прилежала почернѣвшая часть стѣны боковаго флигеля. Самое зданіе было сломано шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тогдашній владѣлецъ этого помѣстья проживалъ большею частью за границей; онъ-то и распорядился перенести барскій домъ (и изъ стараго матеріала соорудить зданіе въ новѣйшемъ вкусѣ, „виллу Баумгартенъ“) на противоположный конецъ имѣнья, къ мѣсту прогулки, собственно для того, чтобы во время своихъ прѣздовъ и непродолжительнаго пребыванія на родинѣ быть „въ обществѣ людей“. Великолѣпно-обтесанныя гранитныя глыбы древняго замка пошли на постройку виллы. Что касается башни съ остатками развалинъ, то она была оставлена въ цѣлости, для украшенія парка, такъ какъ стояла на холмообразной насыпи, густо заросшей разною зеленью. У подошвы башни жался одичавшій кустарникъ, и тутъ-же на обломкахъ стѣны, съ сохранившеюся громадною оконною аркой, нашли себѣ пріютъ кусты кружевника и пишовника; дикій хмѣль выползалъ изъ-за этихъ кустовъ и щедро украшалъ зелеными завитушками почернѣвшую каменную стѣну.

Эти развалины, окруженныя ровомъ, наполненнымъ водою, дѣйствительно служили украшеніемъ парка, но, послѣ смерти того владѣльца, помѣстье перешло въ руки представителей новаго поколѣнія, людей практическихъ, смотрящихъ на все съ точки зрѣнія полезности. Эти господа велѣли выпустить воду изъ рва, а такъ какъ дно его представляло отличную глинистую почву, то тутъ и насадили всякихъ овощей. „Замковой“ мельникъ говорилъ, что при покупке парка онъ нашель въ немъ единственно-благоразумную вещь—именно огородъ этотъ, которымъ, конечно, и сталъ пользоваться. Кэта, когда была ребенкомъ, весьма охотно прогуливалась по этой *маленькой долинькѣ*, какъ называла она кольцеобразный ровъ, обращенный въ огородъ. Само сабою разумѣется, дѣвочки и въ голову тогда не приходило, глядя на развалины древняго замка, что онѣ быють на романтической эффектѣ, окружая прежній замокъ классическимъ сіяніемъ. Кэта цѣлыми часами бродила вмѣстѣ съ Сузой среди этого лѣса тычинокъ, рвала тутъ бобы молодой горошекъ и вовсе не думала о томъ, даже не подозрѣвала, что въ случаѣ внезапнаго разрыва плотины—волны рѣки могутъ хлынуть сюда и утопить ее, Сузу и всю огородную прелесть.

Сегодня (а это былъ пятый день пребыванія Кэты на виллѣ) она въ первый разъ снова очутилась въ этой отдаленной части парка и стояла теперь тутъ не ше-

велься, какъ будто ее что-то ослѣпило. Тоненькія завитушки хмѣля, еще безъ листочковъ, покрывали словно висящею блѣдно-зеленою сѣткою каменную стѣну; въ массѣ жесткаго, взерошеннаго дерна на холмѣ не зеленѣло еще ни одного стебелька, но яркое апрѣльское солнце уже щедро сыпало лучи свои на эту возвышенность увѣчанную руиной, которая живописно обрисовывалась на темномъ фонѣ еловаго лѣса, тянувагося вдоль длиннаго края высокыхъ горъ, стоявшихъ на заднемъ планѣ картины.

На стѣнѣ башни и на обломкахъ, прилежавшихъ къ ней, не было и слѣда свѣжей извести, и ничто, кажется не обнаруживало здѣсь прикосновенія всеобновляющей руки человѣка: ни одного новаго камня, да и старыя то всѣ были налицо, только огромныя оконныя ниши руины (нѣкогда онѣ прикрывались полусгнившими деревянными ставнями) стояли теперь отверзтыми и зияли, какъ черныя пасти... Тамъ, за этими каменными рамами, что-то блестѣло и сверкало такъ странно, какъ будто солнечный лучъ, пойманный и удержанный внутри башни, таинственно трудился, среди непроглядной тьмы, надъ своей золотой пряжей... А какой новой, полной, прелестной жизнью дышало вокругъ разваливагося родового гнѣзда Баумгартеновъ!.. Надъ вѣнчикомъ башни кружились, граціозно рѣя въ воздухѣ, бѣлые и пестренькіе голубки, а изъ самой чащи столѣтнихъ орѣшниковъ, цѣлыми группами прикрывавшихъ руину съ южной стороны, тихонько вышли двѣ серны и медленно стали спускаться съ холма. „Маленькая долина“ совсѣмъ исчезла—и широкий сверкающій водяной поясъ снова, какъ и въ былыя времена, охватывалъ холмъ. Все что зеленѣло, цвѣло и лѣзло вверхъ изъ рва—безслѣдно пропало, какъ будто вѣчно-суетливая, животворящая рука человѣка никогда и не трогала глинистаго два кольцеобразной канавы.

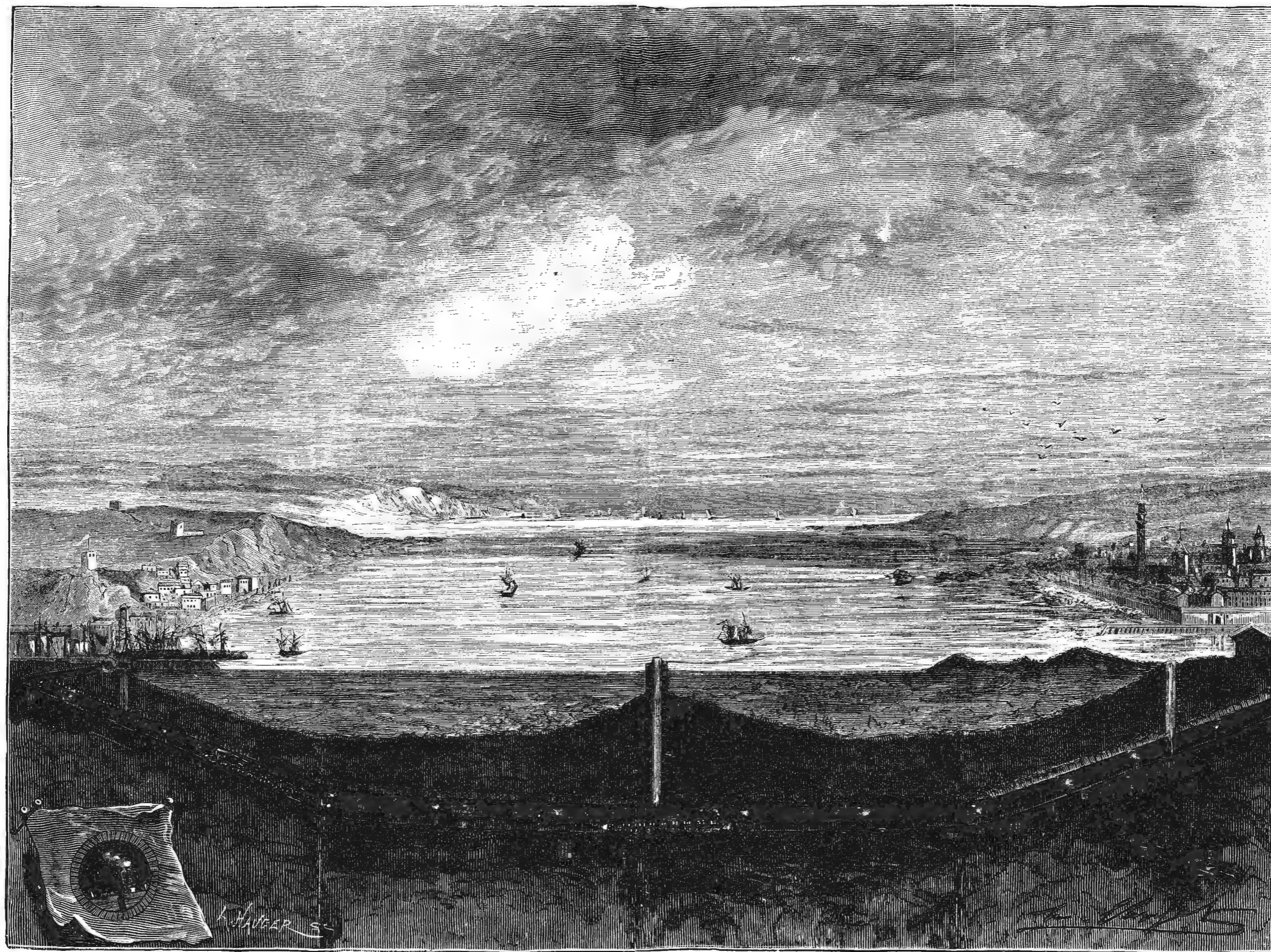
Черезъ ровъ, наполненный водою, былъ переброшенъ цѣпной мостикъ; у противоположнаго конца его, заграждая узкій проходъ, лежалъ огромный бульдогъ. Положивъ голову на переднія лапы, онъ зорко осматривалъ на проходящихъ по той сторонѣ моста.

— Вотъ, Кэта, и „тускулумъ“ Морица,—проговорила Генриэтта, оправшаяся на руку молодой дѣвушки.—Еще четыре мѣсяца тому назадъ оно безспорно служило мѣстопребываніемъ совъ, летучихъ мышей и моихъ голубковъ, а теперь—тамъ гостиная, спальня и даже—казначейство господина коммерціи совѣтника фонъ-Рэмера... Посмотри-ка, вѣдь эта штучка, право, кажется такою ветхою, почернѣвшею, что можно подумать: вотъ стоитъ первой бурѣ ударить въ нее—и вся эта каменная глыба повалится, разлетится... Но нѣтъ, все тутъ твердо, крѣпко, и даже тамъ, подъ нависшими камнями, отведено помѣщеніе для лакея, прислуживающаго Морицу... Н-да, завидно живетъ этотъ человѣкъ!...

— У всякаго свой вкусъ,—сухо замѣтила Флора, пожавъ плечами (она была тутъ-же, съ ними)—впрочемъ, для коммерческой головы торговца идея эта замѣчательно-оригинальна; не такъ-ли, Кэта?...

И Флора, опередивъ сестеръ, взошла на мостикъ. Толчокъ, данный прелестною ножкой въ морду бульдога заставилъ его подняться и уступить дорогу. Дѣвушка направила шаги вверхъ по отлогости холма. Пугливыя серны убѣжали, завидя фигуру въ шелковомъ шумящемъ платьѣ; голубы трусливо вспорхнули съ карниза нижнихъ оконъ, а бульдогъ, ворча, послѣдовалъ за величественной дамой, давъ ей пройти нѣсколько шаговъ.

Дойдя до обитой желѣзомъ башенной двери, Флора положила тонкія ручки свои на дверной замокъ, остановилась и обернулась назадъ своею головкой. При взглядѣ на ея блестящія, белокурые волосы, на свѣтло-сѣрое съ серебристымъ отливомъ шелковое

Дувръ. Разрѣзъ туннеля.

Труба для вентиляціи.

Кала.

Ламаншскій туннель между Франціей и Англіей. Трасировка одобренная Международнымъ Комитетомъ. Рисов. Клерэ; грав. Оже.

платье съ пышными рукавами, на приподнятый съ боку шлейфъ — казалось, что тамъ, у дверей башни, стоитъ воплотившійся сказочный образъ изъ Кифгейзера—прекрасная дочь императора...

Кэта, отведа глаза отъ Флоры, невольно взглянула на Генриэтту, прижимавшуюся къ ней—и сердце ея сжалось... Слабенькая фигурка этой дѣвушки, въ ярко-цвѣтномъ, узкомъ, гладкомъ платьѣ (что обнаруживало угловатость линий), буквально еле-еле держалась на чрезмѣрно-высокихъ каблукахъ. Она дышала быстро порывисто... Пестрота костюма, особенная кокетливость Генриэтты, дѣлали ее почти смѣшно. Последніе два дня она страдала отъ часто повторявшихся припадковъ удушья и все-таки *не хотѣла быть больной*: свѣтъ не долженъ знать, что она больна. Сострадательные взгляды, слова соболѣзнованія, участія могли сильно разсердить Генриэтту, а тогда она становилась колкой на языкъ. Однако-же, дѣвушка именно въ эти дни страдала сильнее, чѣмъ бывало прежде, потому что д-ръ Брукъ, лѣчившій ее и умѣвшій всегда облегчать ея страданія, уѣхалъ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ оставилъ виллу, въ день пріѣзда Кэты. Коротенькой записочкой онъ увѣдомилъ невѣсту свою, что одинъ изъ его друзей телеграммой вызвалъ его въ Л.*; гдѣ ему и придется пробить нѣсколько дней. Что же касается медицинской помощи со стороны тайнаго совѣтника ф. Бара, то она была энергически отвергнута больной... „Лучше—умру!“ прошептала она, борясь съ припадкомъ удушья. Кэта почти одна ухаживала за сестрою и вообще старалась оберегать ее обнаруживая при этомъ нѣжную заботливость. Обвинивъ рукою тощенькій станъ Генриэтты, молодая дѣвушка повела ее чрезъ мостики къ руинѣ.

Кэта вспомнила, какъ часто, когда была еще дѣвочкой, взбѣгала она на этотъ холмъ и храбро продиралась сквозь низенькій, тернистый кустарникъ! Часто также смотрѣла она въ широкую замочную скважину башенной двери... Въ погребахъ башни, навѣрно хранился еще порохъ съ эпохи тридцатилѣтней войны, а кругомъ по стѣнамъ были развѣшаны „все этакія страшныя штуки“, какъ рассказывала прислуга. Но тамъ, внутри, была всегда кромѣшная тьма, а изъ скважины замка вѣяло на любопытное дѣтское личико какимъ-то особенно тяжелымъ, удушливымъ воздухомъ... А если въ такую минуту, бывало, шевельнется сова наверху, тогда дѣвочка, какъ бы гонимая фуриями, опрометью бросалась съ холма, подбѣгала къ Сузѣ и, дрожа отъ страха, хваталась руками за ея передникъ... Теперь Кэта стояла въ самой башнѣ, у нижней ступеньки устланной ковромъ узкой винтовой лѣстницы и удивленно осматривала разныя чудеса, явившіяся тутъ, благодаря всесозидающей силѣ денегъ богатаго коммерсанта.

Развалина эта, снаружи, повидимому, доживающая послѣдніе дни, внутри представляла настоящее рыцарское жилище. Темное пространство, видимое чрезъ замочную скважину, на самомъ дѣлѣ составляло обширный подвалъ со сводами, въ видѣ массивныхъ каменныхъ арокъ, на которыхъ и лежала вся масса верхнихъ этажей. По стѣнамъ висѣли еще „страшныя штуки“—шлемы и разное оружіе, но доспѣхи эти были развѣшаны довольно живописно; блестящая поверхность отражала ослѣпительные солнечные лучи, свободно проникавшіе чрезъ окна въ эту комнату. Вотъ для этого-то освѣщенія и чтобы башня сохранила снаружи видъ руины въ широкія оконныя амбразуры были вставлены цѣльныя зеркальныя стекла, безъ переплетовъ, — причина чудеснаго блеска и сверканія за этими зияющими отверзтіями. Сама башня, въ былыя времена, въ минуты опасности, служила надежнымъ убѣжищемъ для обитателей замка. Верхніе покои, конечно, не отличались тогда особымъ убранствомъ; тамъ

находились только предметы первой необходимости, и вообще обстановка была крайне незатѣйлива; за то теперь эти самыя комнаты относительно роскоши могли смѣло поспорить съ давно исчезнувшими съ лица земли парадными покоями бывшаго тутъ замка, въ которыхъ задавались шумные пиры.

Когда молодая дѣвушка вошла съ Генриэттой въ первую комнату верхняго этажа, сестра ихъ уже сидѣла тамъ, граціозно развалившись на пурпурныхъ подушкахъ кушетки. Въ правой рукѣ ея дымилась папираса... Флора курила и смотрѣла, какъ коммерціи совѣтникъ самъ варилъ въ серебряной машинкѣ „послѣобѣденный кофе“. На этотъ кофе онъ пригласилъ сегодня къ себѣ трехъ своихъ свояченицъ.

— Ну, что, Кэта, а?—крикнулъ онъ молодой дѣвушкѣ и плавно провелъ рукою по воздуху, указывая на совершенно новую обстановку комнаты.

А она стояла на порогѣ дверей, такая высокая, величавая, такая сильная, какъ будто и сама была изъ древняго богатскаго рода Баумгартеновъ. На золотисто-каштановыхъ волосахъ ея небрежно лежала черная вуаль; глаза, ясные, смѣющіеся, такъ весело посматривали...

— О, чрезвычайно романтично, Морицъ! Обманъ полный!—живо отвѣтила Кэта. Вонъ тамъ — видишь?.. (Она указала на сверкающія струи канавы). Это могло бы кого-нибудь испугать своимъ грознымъ видомъ, точно линія оборонительная, если бы не было извѣстно, что за этимъ ровомъ, здѣсь, — сидитъ коммерціи совѣтникъ девятнадцатаго столѣтія!

Коммерціи совѣтникъ мрачно нахмурилъ свои тонкія брови, взглядъ его какъ-то нерѣшительно-робко скользнулъ по ея лицу, но Кэта не замѣтила этого и продолжала:

— Ну, конечно, нехорошо, непохвально, что въ былыя времена капуста и рѣпа дерзали красоваться на днѣ рва!.. Теперь я это понимаю; но тѣмъ не менѣе „маленькая долина“ оставила во мнѣ пріятныя воспоминанія. А въ самомъ дѣлѣ, вѣдь преинтересная, удивительная игры судьбы: коммерсантъ устраиваетъ, возобновляетъ то, на что представители древней, рыцарской фамиліи смотрѣли съ пренебреженіемъ и, въ концѣ концовъ, устарили, какъ ненужное?..

— Не забывай, моя милая Кэта, что я самъ принадлежу теперь къ рыцарству... къ дворянству!—раздражительно и весьма обиженнымъ тономъ замѣтилъ коммерціи совѣтникъ. Что-же, довольно печально, что представители древней рыцарской фамиліи подчинились духу времени и такъ небрежно отнеслись къ почтенной старинѣ... Нѣтъ, они должны были всему, безъ исключенія, оказывать серьезную поддержку. Поступокъ ихъ —непростительная кража относительно насъ, то есть, вообще, потомства.

— Смѣшной! Да онъ, какъ говорится, болѣе католикъ, чѣмъ самъ папа! — раздражительно пробормотала Генриэтта, удалившись въ глубь комнаты, тогда какъ Кэта все еще оставалась у дверей. Она машинально притворила ихъ, продолжая смотрѣть, почти съ испугомъ и какъ-то задумчиво, на очевидно раздраженнаго человѣка, стоявшаго у буфета, надъ серебряной машинкой. Будучи ребенкомъ, Кэта любила его, какъ и вообще всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія.

Родившись въ честной семьѣ ремесленниковъ и рано потерявъ своихъ родителей, Морицъ Рэмеръ, облеченный обаятельно-прекрасной наружностью, ласковый, предупредительный, поступилъ ученикомъ въ контору банкира Мангольда, а по прошествіи нѣкотораго времени сдѣлался зятемъ его. Кэта знала, что онъ сестру ея Клотильду любилъ и лелѣялъ до самаго конца ея рано угаснувшей жизни; къ отцу жены онъ относился всегда почтительно, проявляя даже покорность; съ прислугой былъ постоянно одинаково ласковъ, оказывалъ ей по-

сильную помощь... А теперь? Около этих красиво-очерченных губ видна такая рѣзкая черточка, обна-руживающая духъ противнаго высокомерія!.. Сынъ ве-ревичника презрительно отбрасывалъ ту лѣтницу, по которой самъ взобрался наверхъ... Упиваясь своимъ счастьемъ, онъ дотога забылся, что ничего уже не видѣлъ позади себя.

Генриэтта, помѣстившись на низенькомъ, мягкомъ та-буретѣ, обняла обѣими руками свои колѣни.

— Любезнѣйшій Морицъ, прошу тебя — не говори такимъ задорно-вызывающимъ тономъ! заговорила она ѣдко. Ну, вдругъ какая-нибудь древняя родоначальни-ца возстанетъ отъ сна и увидитъ, какъ мужественный потомокъ ея и владѣтель замка варить кофе, а цѣло-мудренная и высокородная фрейлейнъ прекомфортабель-но развалилась на кушеткѣ и курить папиросу?.. То-то бы удивилась эта родоначальница!..

Флора даже не пошевелинулась, не измѣнила поло-женія и только лѣниво вынула папиросу изъ насмѣш-ливо-улыбающихся губъ.

— Тебя, милочка, это стѣсняетъ?—спросила она при-творно - равнодушнымъ тономъ, сбрасывая пальцемъ пепель съ папироски.

— Меня?.. (Генриэтта рѣзко засмѣялась). Но вѣдь ты знаешь, что твои геніальныя затѣи не могутъ меня стѣснять... Миръ великъ, Флора! Всегда можно избѣ-жать и...

— Тсс! Не такъ ядовито, малютка! Я спросила про-сто изъ состраданія, такъ какъ у тебя болитъ грудь...

Исхудалыя щеки больной вспухли и сейчасъ же опять поблѣднѣли, а на глазахъ ея навернулись слезы... Она съ трудомъ овладѣла собой.

— Весьма благодарна, но... прежде позаботься о се-бѣ, Флора! Знаю вѣдь, что тебѣ хочется швырнуть за окно эту дымящуюся штучку, потому что отъ нея копоть садится на твои жемчужные зубы, по-тому что дрожь безпрестанно пробѣгаетъ по твоему тѣлу... И, не смотря на все это, ты проявляешь та-кой героической стойкостью!.. Неужели ради эман-сипации?.. Хе! Ты обладаешь слишкомъ хорошимъ вку-сомъ, Флора, чтобы обращаться къ подобнымъ вуль-гарнымъ принадлежностямъ „синихъ чулковъ“... И развѣ ты пожертвуешь чѣмъ нибудь-этой склонности, которая, что тамъ ни говори, бьетъ только на публич-ность, шумъ... Ну, а это выходитъ еще безобразнѣе!..

— Вотъ-съ какого высокаго мнѣнія обо мнѣ она, эта добренькая душа!—обратилась Флора къ коммерціи совѣтнику, иронически посмѣиваясь и покачивая го-ловой.

— Ты упражняешься въ куреніи и будешь аккурат-но дѣлать это въ теченіе трехъ - четырехъ не-дѣль,—продолжала Генриэта безъ малѣйшаго смущенія, но съ явнымъ ожесточеніемъ:—да, и это только потому, что *есть* люди, которымъ табачный дымъ во рту женщины также ненавистенъ, ужасенъ, какъ дыха-ніе чумы. Ты ищешь ссоры, хочешь непремѣнно раз-дражить... И вотъ это—послѣднее средство, которое ты цускаешь въ ходъ!..

Тутъ Флора выпрямилась.

— Ну, а если бы и такъ-съ, сударыня?—спросила она съ горделивой и внушительной осанкой. Желая я нра-виться, или желаю оттолкнуть отъ себя—развѣ это не *мое* дѣло?

— Нѣтъ! конечно—нѣтъ! При твоёмъ положеніи у тебя одна только задача—осчастливить! крикнула Ген-риэтта въ запальчивости.

— Смѣшно даже! Да я разаѣ ношу вотъ тутъ обру-чальное кольцо? (Флора указала на бѣлый, какъ сло-новая кость, палецъ правой руки). Слава Богу, еще

нѣтъ!.. Впрочемъ, ты менѣе всѣхъ другихъ имѣешь сснованія горячиться и вмѣшиваться: больна ты, бѣд-няжка, и особенно теперь нуждаешься въ своемъ док-торѣ... А онъ предпочитаетъ путешествовать единствен-но ради собственного удовольствія, пропадать по цѣлымъ недѣлямъ... безъ всякихъ причинъ!

Коммерціи совѣтникъ, вида какъ сестры ожесто-чились, не вытерпѣлъ и, раздосадованный, восклик-нулъ:

— Какъ? Безъ всякихъ причинъ, Флора? Ты такъ потому гоогришь, что онъ подробно не сообщилъ тебѣ, что именно вызвало его отъѣздъ!.. Но вѣдь Брукъ ни-когда не говоритъ о своихъ врачебныхъ дѣлахъ и о томъ, что состоитъ въ случайной связи съ ними. Это ты знаешь. Его, безъ сомнѣнія, пригласили на кон-сультацию, онъ у постели больного...

— Тамъ-то? Въ Л*, гдѣ подъ рукой университетскія знаменитости—профессора? Ха, ха, ха!.. Великолѣпная идея! Воздержись отъ подобныхъ иллюзій: вѣдь это дѣ-лаебъ тебя смѣшнымъ, Морицъ!.. А впрочемъ, относи-тельно *этого* пункта я рѣшительно не буду больше спорить съ вами и разговаривать...

Флора протянула правую руку за чашкой кофе и вы-пила немного этой чудной, ароматной жидкости. Что касается Генриэтты, то она сердито оттолкнула предло-женную ей чашку съ освѣжительнымъ напиткомъ, вста-ла и подошла къ стеклянной двери, которая выходила на прилежавшую къ башнѣ руину. Руина эта была ост-аткомъ отъ колоннады, которая вела когда-то изъ пер-ваго этажа замка въ башню. Пара уцѣлѣвшихъ красиво-округленныхъ арокъ; съ тонкими колонками, представля-ли теперь нѣчто вродѣ балкончика, стоя на кото-ромъ и глядя вдаль, нельзя было не залюбоваться ве-ликолѣпнымъ видомъ.

Медленно сошла она внизъ по винтовой лѣстницѣ, столь узкой вверху, что только развѣ тѣнь странствующей прародительницы могла проскользнуть мимо спус-кающагося...

Внизу, на стѣнахъ, висѣло вооруженіе ея рыцарскаго рода; оружіе, съ которымъ древніе богатыри сражались за честь и позоръ, за имущество и жизнь. Каждую ночь касалась она его дрожащими руками и благослов-ляла тѣмъ искреннѣе, чѣмъ болѣе на немъ виднѣлось ударовъ и ятень вражеской крови. Теперь оно бле-стѣло и покоилось праздно на стѣнахъ, оружіемъ же новаго поколѣнія въ старой башнѣ были современные нескраемые шкафы.

Да, тотъ странный, чуждый элементъ, чувствовавшійся въ виллѣ во всѣхъ семейныхъ разговорахъ, денежная ли-хорадка, духъ спекуляціи прокрался и сюда, въ это до сихъ поръ строго сохраненный рыцарскій миръ. Онъ носился въ воздухѣ; онъ крался вверху и внизъ по лѣстницамъ, и огромныя, вѣсковыя чаши на столахъ зы-ла казались ироніей въ мягкой ругѣ отрѣзвателя купоновъ, точно такъ же какъ массивные, вновь сдѣлан-ные запоры и замки у двери въ погребъ охраняли только шампанское коммерціи совѣтника, тогда какъ вверху тысячи и тысячи лежали за изыщнымъ, едва замѣтнымъ замкомъ. Историческій порохъ со временъ тридцатилѣтней войны лежалъ тоже еще внизу, терпи-мый коммерціи совѣтникомъ потому только, какъ злоб-но утверждала Генриэтта, чтобы имѣть возможность по-казать любопытнымъ посѣтителямъ, вмѣстѣ съ нимъ, дра-гоцѣнные сорта винъ, находящихся въ прохладномъ, су-хомъ погребѣ башни... Все это дѣлало для Кэты почти неузнаваемо родную почву, на которой протекло ея дѣтство; эта выставка себя на показъ, этотъ расчетъ про-извести эффектъ съ помощью дорогихъ нововведеній, это лихорадочное стремленіе доказать свѣту, что поста-менъ, на который взобрались, сдѣланъ изъ золота—все это прямо противорѣчило старинному духу фамиліи

Мангольдъ; никогда прежде ея прочное благосостояніе не выказывалось „золотымъ дождемъ“; при жизни Мангольда деньги не господствовали въ семьѣ; какъ ни было онъ точенъ въ своей конторѣ, но никогда не вырвалось у него дома даже одного слова о денежныхъ дѣлахъ. А теперь! спекулировала даже президентша; свое маленькое состояніе, изъ пѣсколькихъ тысячъ, пустила она въ оборотъ, т. е. купила акціи, и почти страшно было видѣть, какъ лицо столь холодной обыкновенно женщины становилось, при постоянно повторяющихся разговорахъ о деньгахъ, красно до ушей, отъ сильнаго внутренняго волненія...

Кэта оставила башню и перешла на мостъ. На одну минуту нагнулась она надъ перилами и пытливо посмотрѣла въ потокъ, какъ будто старые знакомые, плодовые деревья и кусты съ ягодами, должны были находиться еще на своихъ мѣстахъ; но она увидала только свое лицо и свои пышныя темнорусыя косы—эта дѣвушка имѣла странное свойство быть золотой рыбкой семейства; ей говорили это ежедневно, какъ такую, ее уважали и отличали; старались объяснить ей, что она, по этой причинѣ, не могла сама чесать свои косы и что для этого необходима была камеръ-юнгфера; но Кэта энергично возстала противъ этого у президентши; свою голову она не поручала искуснымъ рукамъ, такъ сидѣтъ по цѣлымъ часамъ неподвижно и торжественно, какъ статуя—съ этимъ она не могла свыкнуться во всю свою жизнь... О да, очень хорошо быть богатой; но богатство не должно лишать свободы; оно не должно стараться связать руки дѣятельной энергической дѣвушкѣ.

Она покинула красивыя куртины передъ развалинами и шла по пустынной дорогѣ вдоль берега рѣки, отбѣннаго ивами. Мутныя волны, унося съ собой снѣгъ растаявшій въ горахъ, и послѣднее суровое дыханіе зимы, быстро неслись мимо ея; но на ивовыхъ вѣтвяхъ сидѣли птички, а подъ кустами васильки уже развернули во всей прелести свои небесно-голубые цвѣты и могли составить весенній букетъ...

Съ цвѣтами въ рукѣ, тихо пошла она далѣе, до стараго деревяннаго моста... Тамъ раскинулась зеленая площадка, отбѣнная плодовыми деревьями. Коммерціи совѣтникъ былъ правъ, низкая, деревянная ограда, окружавшая садъ, была въ полной исправности, дому же недоставало многого... Но этотъ старый домъ былъ все-таки такъ хорошъ! Уединенно лежалъ онъ за шумящей рѣкой, а лиственный лѣсъ на заднемъ планѣ, доходившій довольно близко до деревяннаго забора, придавалъ ему видъ уединеннаго жилища лѣсничаго. Конечно, домъ былъ невысокъ; въ немъ былъ всего одинъ рядъ оконъ, непосредственно надъ ними возвышалась крыша съ позолоченными флюгерами и массивными трубами, изъ которыхъ одна—невиданное до сихъ поръ еще никогда явленіе—дѣйствительно дымилась. Въ домѣ уже давно не разводилось огня въ печахъ и очагѣ. При жизни мельника, въ комнатахъ круглый годъ лежала рожь, жалузи лежали передъ окнами какъ прикованныя, и только осенью, въ день жатвы, дверь дома цѣлый день стояла открытой настѣжъ. Тогда и маленькая Кэта прокрадывалась въ такъ называемую житницу, большую, окрашенную бѣлой краской комнату, съ большой зеленой печью, лежащую близъ кухни, и наполняла свой передникъ грушами и яблоками... Сегодня ставни были открыты и молодая дѣвушка въ первый разъ видѣла, какъ блестяли стекла въ большихъ окнахъ дома. Этотъ домъ былъ теперь домомъ доктора Зрука.

Сама не зная какъ, перешла она мостъ и обошла зданіе съ трехъ сторонъ. Сердце ея билось немного сильнѣе обыкновеннаго. Она не имѣла болѣе права являться сюда, но звукъ ея шаговъ пропадалъ въ мягкой травѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сильно шумѣла рѣка и на

крышѣ чирикали воробьи. Нѣкоторыя окна были открыты; вазы съ вьющимися зелеными растеніями висѣли, какъ видѣла Кэта, на потолкахъ комнаты, а въ кухнѣ, на стѣнѣ, блестяла мѣдная посуда; нѣжное чирикаше птицъ также раздавалось изъ дому и перемѣшилось съ задорнымъ крикомъ воробьевъ; но не было видно никакого признака человѣческой жизни... Теперь она смѣлѣе обогнула западный уголъ дома, хотѣла ужъ пройти вдоль главнаго фасада и сильно испугалась.

Въ главной двери, раздѣляющей фасадъ на двѣ половины и отъ которой направо спускалась широкая каменная лѣстница, стояла женщина, изящная и стройная. Рядомъ съ ней стоялъ столъ, заваленный книгами и картинами, съ которыхъ она стирала пыль. Удивленно посмотрѣла она на дѣвушку, подходившую невѣрными шагами и невольно выронила изъ рукъ картину, съ которой стирала пыль: это была фотографія Флоры въ овальной рамкѣ.

Но вѣдь это не могла быть тетка-дьяконица! Судя по исполненному ироніи описанію, данному ей только-что Флорой, Кэта вообразила себѣ маленькую, сгорбленную, хотя все еще проворную старушку, съ руками, сдѣлавшимися отъ страшии сѣрыми—подобная картина не была совмѣстима съ этой дамой, которой маленькое, правда, пожилое лицо было нѣжно-блѣдно и благородно, а глаза смотрѣли такъ выразительно изъ-подъ кружевнаго платка, который она накинула на свои все еще роскошные пепельнаго цвѣта волосы.

Кэта смушалась все болѣе и болѣе и пробормотала подойдя къ лѣстницѣ, обычное извиненіе. „Я играла тутъ еще ребенкомъ, возвратилась нѣсколько дней тому назадъ изъ Дрездена и—это моя сестра“, быстро прибавила она, указывая на фотографію, и затѣмъ разразилась громкимъ, свѣжимъ смѣхомъ, сама потомъ удивившись наивному, неловкому способу представленія, къ которому она, въ своемъ смущеніи, прибѣгла.

Дама тоже засмѣялась. Она положила картину на столъ и, сойдя со ступеней, протянула къ дѣвушкѣ обѣ руки. „Слѣдовательно вы младшая свояченица Брука“. Легкая тѣнь проскользнула по ея лицу. „Я не знала, что въ виллу Баумгартенъ пріѣхали гости“, прибавила она съ нѣкоторой горечью. Въ эту минуту скользнула тѣнь и въ душѣ Кэты—неужели же она была такимъ незначущимъ членомъ фамилии Мангольдъ, что докторъ Брукъ не нашель даже нужнымъ упомянуть о своей встрѣчѣ съ нею?.. Она молча закусилась губы и послѣдовала за приглашающимъ движеніемъ руки дамы, которая пошла впередъ и отворила дверь. Всѣ движенія стройной женщины были еще до сихъ поръ граціозны.

„Это моя комната, мое убѣжище до конца, сказала она съ такимъ радостнымъ выраженіемъ голоса, какъ будто она дошла до этого спокойнаго пристанища послѣ многихъ тяжелыхъ странствованій. „Раньше, чѣмъ мой мужъ былъ переведенъ дьякономъ въ городъ, жили мы въ небольшомъ сельскомъ приходѣ. Мы жили очень бѣдно, и я должна была употреблять всѣ свои хозяйственныя способности, чтобы поддержать въ глазахъ людей достоинство нашего сана; тѣмъ не менѣе это было лучшее время моей жизни... Пыльный воздухъ и шумъ города нехорошо подѣйствовали на мое здорovie, мое желаніе жить уединенно въ деревнѣ сдѣлалось почти болѣзненнымъ. Я никогда не говорила этого, но докторъ всетаки замѣтилъ это и привелъ меня нѣсколько дней тому назадъ въ этотъ домъ, который онъ купилъ для меня“. Послѣднія слова она произнесла задумчивымъ, глубоко-тронутымъ голосомъ. Она всетаки была тетка и съ гордостью называла своего племянника докторомъ. Потомъ она мило улыбнулась. „Это настоящій маленькій замокъ, не правда ли?“ спросила она довѣрчиво. „Посмотрите на двери и на великолѣпную лѣпную работу на потолкахъ! А тѣ ста-

WS

Изъ придворной жизни при Англійскомъ дворѣ. Рисов. В. Смирновъ. Библиотека "Руниверс"

ринные кожаные обои съ золотыми украшеніями тоже дорого стоили въ свое время. Въ саду также можно найти еще остатки прежнихъ статуй. Первоначально этотъ домъ принадлежалъ одной вдовѣ изъ рода Баумгартеновъ—я знаю это изъ одной хроники... Мы вычистили домъ, провѣтрили его и протопили нѣкоторыя печи, чтобы отогрѣть старыя стѣны; больше мы ничего не измѣнили; на это у насъ не хватило средствъ, да притомъ было бы и лишнимъ“.

Кэта давно уже съ удовольствіемъ осмотрѣла все убранство. Потемнѣвшая мебель изъ краснаго дерева шла какъ нельзя лучше къ желтымъ кожанымъ обоямъ. Близъ средней стѣны, недалеко отъ бѣлой большой, покоящейся на вычурныхъ ножкахъ, печи, стоялъ обитый ситцемъ диванъ и надъ нимъ висѣлъ портретъ покойнаго дьякона—простая, нарисованная красками картина, изображающая стараго господина въ одеждѣ духовнаго лица. Главнымъ украшеніемъ комнаты служили группы растений, расположенныя на двухъ большихъ широкихъ окнахъ и позолоченныя прорывающимися сквозь кисейныя занавѣски солнечными лучами. Золотыя рыбки въ стеклянной вазѣ и пѣвчая птица въ мѣдной клѣткѣ, эти питомцы одинокихъ женщинъ, тоже находились тутъ; на подоконникахъ цвѣли весенніе цвѣты, разноцвѣтные гіацинты и бѣлые нарциссы. Швейный столикъ помѣщался какъ будто въ бесѣдкѣ изъ лавровыхъ деревьевъ. „Это мои питомцы, я сама воспитала ихъ“, сказала тетка, слѣдя за удивленнымъ взглядомъ молодой дѣвушки. „Лучшіе изъ нихъ я, понятно, поставила въ комнату доктора“. Она отворила дверь въ боковую комнату и ввела въ нее Кэту. „Понятно!“—

это слово звучало такъ смиренно, такъ матерински нѣжно... Она, понятно, разыскала ему и самую лучшую комнату въ домѣ, угловую, подъ окнами которой, обращенными на западъ, шумѣла рѣка. За широкой водной полосой раскидывалась одна изъ красивѣйшихъ частей парка, и далеко, за липовыми вершинами, синѣла шиферная кровля виллы... Между этими окнами, въ узкомъ простѣнкѣ, стоялъ письменный столъ; когда докторъ отрывалъ свои глаза отъ бумаги, то могъ видѣть, какъ флагъ, развѣивающійся на кровлѣ виллы, возносился въ небо. Кэта вдругъ почувствовала что ея щеки зардѣлись румянцемъ стыда: здѣсь нѣжная заботливость тайно старалась доставить доктору все лучшее, все любимое, тогда какъ тамъ—ея вѣроломная сестра день и ночь думала, какъ-бы изгнать его изъ этого рая. Предчувствовала-ли нѣжная, любящая женщина, стоявшая близъ нея, что рано или поздно на ея любимца надеть неотразимое тяжелое несчастье? Она приняла Кэту не какъ чуждую семейнымъ отношеніямъ, только-что воротившуюся на родину, а какъ младшую свояченицу Брука, которая необходимо должна такъ хорошо знать всѣ отношенія, что даже ей не надо говорить, что она—тетка; судя поэтому, она не состояла въ близкихъ сношеніяхъ съ виллой Баумгартенъ, и какъ будто желая подтвердить это предположеніе, указала на пустой простѣнокъ надъ письменнымъ столомъ и сказала: „Я еще не совсѣмъ устроилась—тутъ не хватаетъ еще фотографіи невесты и портрета, писаннаго масляными красками, его матери—моей дорогой покойной сестры“.

(Продолженіе будетъ).

ЛАМАНШСКОЙ ТОННЕЛЬ.

Мы уже сообщали читателямъ нашимъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно этого колоссальнаго предпріятія. Извѣстно, что, года два назадъ, для устройства подъ Ламаншскимъ проливомъ подводнаго тоннеля образовалась англо-французская компания (Channel Tunnel Company) и что сэромъ Джономъ Гаушау произведено было зондированіе морскаго дна, съ цѣлью изысканія такого слоя, чрезъ который не могла бы проникать вода и въ которомъ было бы возможно просверлить тоннель. Дальнѣйшія изысканія съ означенною цѣлью произведены были въ прошломъ году, и результаты этихъ изслѣдованій опубликованы теперь журналомъ «Exploiteur», который извлекаетъ свѣдѣнія изъ отчета геологической комисіи, состоящей, подъ предсѣдательствомъ инженера Лавале, изъ гг. Делесса, Потье и Лапарана. Докладная записка комисіи, къ которой приложено было и подробный топографическій планъ, воспроизведенный названнымъ журналомъ, представлена недавно Лессенсомъ въ парижскую академію наукъ. Имѣя въ виду, что читающая публика слѣдуетъ съ живѣйшимъ участіемъ за всѣмъ, что касается прорытія Ламаншскаго тоннеля, этого грандіознаго предпріятія нашего вѣка, мы, въ свою очередь, извлекаемъ изъ почтеннаго труда геологической комисіи нѣкоторыя свѣдѣнія, нелишныя, по мнѣнію нашему, интереса.

Извѣстно, что крутыя берега Ламанша (Британскаго канала) состоятъ изъ лежащихъ одинъ надъ другимъ слоевъ мѣловой почвы. Еще въ 1818 г. англійчанинъ Вильямъ Филлипсъ, въ своихъ «Замѣткахъ о мѣловыхъ берегахъ», писалъ, что берега противъ Па-де-Кале состоятъ изъ мѣла, лежащаго слоями различной толщины и твердости. Такимъ образомъ холмы, на которыхъ возвышается Дуврскій замокъ, состоятъ сверху изъ мѣловаго слоя, смѣшаннаго съ кремнеземомъ; далѣе слѣдуетъ слой бѣлаго мѣлу безъ примѣси кремнезема, а еще глубже—сѣрый мѣлъ. Мѣловой слой съ примѣсью кремня имѣетъ въ толщину 145 метровъ, бѣлый мѣлъ—50 метровъ, а сѣрый—55 метровъ. Эти слои лежатъ по направленію къ востоку и спускаются всѣ къ морю. Самый нижній слой сѣрый, у такъ называемой скалы Шекспира, бѣлый—близъ Дувра, а верхній—близъ Уэльмеркестля. На французскомъ берегу находятся тѣ же самые, слои почти одинаковой толщины, близъ Сень-По, напротивъ Фолькстона, близъ Эскаля и обонхъ Бланш-Ре. На британской сторонѣ подъ слоемъ сѣраго мѣлу находится еще снѣговатый мѣлъ, а подъ этимъ послѣднимъ—темносиняя глина или мергель. Близъ Сень-По, на французскомъ берегу, можно замѣтить тотъ же слой снѣваго мѣлу, а подъ нимъ синій мергель, но слой этотъ имѣетъ тутъ въ толщину не 30 метровъ, какъ у Фолькстона, а только 10 метровъ.

Очевидно, что раніше образованія пролива эти раздѣлен-

ныя въ настоящее время наслоенія составляли нѣкогда безпрерывный перешеекъ изъ Англій во Францію; море прорвало его и разбросало куски мѣловаго хребта по берегамъ. Мѣлъ съ примѣсью кремня и бѣлый мѣлъ имѣютъ трещины, чрезъ которыя просачивается вода; чрезъ слой же сѣраго мѣлу и въ особенности чрезъ нижнюю часть его, синій мергель, вода не проникаетъ. Что касается сѣраго слоя у Фолькстона и Сень-По, то уголъ склона его къ морю извѣстенъ и, поэтому, нетрудно будетъ подсчитать, на какой именно глубинѣ лежитъ на днѣ морскомъ сѣрый мѣлъ подъ слоемъ бѣлаго мѣла. Полагаютъ, что слой сѣраго мѣлу, лежащій въ 70 метровъ толщиной надъ сводомъ тоннеля, въ состояніи вполне предохранить послѣдній отъ проникновенія въ него воды. Чтобы встрѣтить сѣрый слой такой толщины, слѣдовало бы начать изслѣдованія въ Англій съ бухты св. Маргариты, а во Франціи—съ какого-либо пункта между Кале и Сангаттомъ. Близъ этихъ мѣстностей морское дно состоитъ изъ бѣлаго мѣла, на глубинѣ же около 60 метровъ находится сѣрый мѣлъ.

Железная дорога должна, однако, идти почти горизонтально, и потому возникаетъ вопросъ: находится ли сѣрый мѣлъ подъ дномъ морскимъ въ такомъ же горизонтальномъ направленіи, какое необходимо для желѣзной дороги? По опыту извѣстно, что слои земной коры имѣютъ, вообще, рѣдко правильное горизонтальное направленіе. Тенерь, однако, дознано, что также неправильное направленіе этихъ слоевъ къ проливу Па-де-Кале не относится, ибо они лежатъ въ немъ въ равномерномъ, параллельномъ и безпрерывномъ направленіи и имѣютъ на обоихъ берегахъ почти одинъ и тотъ же уровень. Изъ результатовъ зондированій оказывается, что сѣрый мѣлъ на днѣ Ламанша находится всюду именно на такой глубинѣ, какая выходила по исчисленіямъ науки.

Зондированія эти произведены были съ чрезвычайною тщательностью и аккуратностью въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года гг. Лавале и Ларуссомъ по плану, утвержденному комисіей, состоящей изъ французскихъ геологовъ и инженеровъ.

Инструментъ (зондъ), которымъ произведены были подводныя работы, состоитъ изъ длиннаго лота, тяжестью въ 50 килограммовъ, на оконечности котораго приделана желѣзная трубка, съ краями наподобіе струга. Инструментъ этотъ былъ опускаемъ на морское дно, гдѣ онъ вѣривался въ слой мѣлу; набравъ потребное количество послѣдняго, вытаскивали зондъ на поверхность моря и выгружали изъ него добытое имъ количество мѣлу, который, затѣмъ, ссылаемъ былъ на берегъ для изслѣдованія. При этомъ каждый трактъ, на которомъ производилось зондированіе, заносимъ былъ аккуратно на морскую карту.

Инженеры отправились из Булони на буксирном судне «Pearl». Зондирование произведено было на 753 различных пунктах, в 400 метрах расстояния один от другого, и со дна морского добыто было такое же количество проб, из числа которых 355 подвергнуты классификации. 25 сентября, по случаю осеннего времени, работы прерваны и будут вновь возобновлены и окончены в текущем году. Из результатов зондирования оказывается, что тоннель можно будет продолжить на протяжении 34 километров, в слоях сбраго мѣлу. Теперь уже известно, что широкий горный хребет, состоящий из сбраго мѣлу и синяго мергеля, идетъ подъ водой отъ Кале сперва по направлению къ востоку, а потомъ понерегъ пролива къ Англии, и вотъ чрезъ этого-то хребетъ и намѣрены приступить въ недалекомъ будущемъ къ проведению тоннеля.

Разсчитываютъ, что собственно подводный тоннель будетъ имѣть въ длину 26 километровъ; сутерреинъ, которые, по окончании работъ по прорытію тоннеля, предполагается устроить какъ на берегу Франціи, такъ и на берегу Англии, будутъ длиною каждый въ 11 километровъ. Такимъ образомъ, соединенный двойнымъ путемъ съ французскими и английскими желѣзными дорогами, тоннель представитъ возможность проѣхать изъ Парижа прямо въ Лондонъ менѣе чѣмъ въ девять часовъ.

Сумма, необходимая на покрытие расходовъ по предварительнымъ работамъ, исчислена въ четыре милліона франковъ; вся линия обойдется не свыше 250 милліоновъ франковъ. Хрупкій мѣлъ будетъ раздробляемъ посредствомъ чрезвычайно замысловатой машины и куски его, превращенные этою машиной въ мелкій порошокъ, будутъ немедленно вывозимы изъ тоннеля. Во время произведенныхъ опытовъ оказалось, что машина эта подвигалась впередъ каждый часъ на 1,2 метра, тогда какъ при проложеніи монъ-сенесскаго тоннеля, приче́мъ для взрыва мнѣе употреблялся порохъ, проходъ подвигался впередъ каждый сутки не болѣе какъ на 2 метра. Съ сравнительно меньшимъ числомъ рабочихъ, проложеніе тоннеля подъ Ламаншемъ можно будетъ, согласно сдѣланнымъ исчислениямъ и если не встрѣтятся какого-либо непредвидѣннаго затрудненія, окончить менѣе чѣмъ въ девять лѣтъ. При производствѣ работъ посредствомъ обыкновенныхъ сверлильныхъ машинъ, пришлось бы употребить не менѣе двадцати лѣтъ.

Вентиляція тоннеля во время производства работъ будетъ производиться посредствомъ накачивания сжатого воздуха. Равнымъ образомъ, приняты мѣры для предохраненія рабочихъ отъ воды, которая, вѣе чаянія, могла бы проникнуть въ тоннель.

Мы говорили о вентиляціи тоннеля во время производства въ немъ работъ; указывать же на способы вентиляціи по окончании его, т. е. когда будетъ уже производиться эксплуатация его, считаемъ преждевременнымъ, такъ какъ до той поры, по всей вѣроятности, изобрѣтены будутъ новые способы вентиляціи. Для успокоенія тревожныхъ умовъ можемъ, однако, сказать слѣдующее. Во первыхъ, у обоихъ сходныхъ пунктовъ тоннеля устроены будутъ шахты, которыя, посредствомъ помпъ, будутъ снабжать его свѣжимъ воздухомъ. Въ вторыхъ, вслѣдствіе почти непрерывнаго движенія поѣздовъ по двойному пути тоннеля, притокъ свѣжаго воздуха будетъ вполне обезпеченъ. Наконецъ, въ случаѣ необходимости, во время эксплоа-

тации тоннеля, можно будетъ употребить въ дѣло сжатый воздухъ.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли для движенія поѣздовъ на довольно длинныхъ пространствахъ пускать обыкновенные локомотивы или воспользоваться сжатымъ воздухомъ, какъ двигателемъ, или употребить, наконецъ, въ дѣло огромныя неподвижныя паровыя машины,—считаемъ также гораздо цѣлесообразнѣе разсматривать впоследствии, по окончании тоннеля.

По настоящему плану, въ сущности принадлежащему сэру Джону Гаушау, тоннель на французской сторонѣ долженъ начинаться между Сангатомъ и Кале и оканчиваться на английскомъ берегу въ бухтѣ Св. Маргариты, въ 6½ километрахъ на востокъ отъ Дувра. Французская сѣверная желѣзная дорога и английскія юго-восточная и четамъ-дуврская соединятся посредствомъ своихъ побочныхъ вѣтвей съ двойнымъ путемъ тоннеля, длина котораго отъ одного берега къ другому составитъ около 34 километровъ, слѣдовательно около 35 верстъ, т. е. тоннель подъ Ламаншемъ будетъ почти втрое длиннѣе монъ-сенесскаго и сент-готардскаго тоннелей. По срединѣ канала сводъ тоннеля будетъ находиться ниже морскаго дна на 75 метровъ и ниже уровня моря на 125 футовъ, ибо море по линіи, избранной для тоннеля, имѣетъ глубину не болѣе 50 футовъ. Такъ какъ промежутки между рельсами какъ на французскихъ, такъ и на английскихъ желѣзныхъ дорогахъ совершенно одинаковы, т. е. имѣетъ 1 метръ и 44 сантима, то, по окончании постройки, поѣзда могутъ быть отправляемы изъ Парижа прямо въ Лондонъ и наоборотъ.

Планъ прорытія ламанискаго тоннеля является результатомъ продолжительныхъ и трудныхъ изысканій. Затрудненія заключаются, впрочемъ, не въ прорытіи его, ибо нынѣ изобрѣтены способы сверленія самыхъ твердыхъ каменныхъ породъ. Хрупкіе же мѣловые утесы, изъ которыхъ состоитъ дно канала, можно будетъ прорѣзать безъ особыхъ усилій. При употребленіи помпунотой выше машины, изобрѣтенной Брэнтономъ, дѣло пойдетъ впередъ довольно быстро и не придется прибѣгать къ взрывамъ посредствомъ пороха или динамита. Затрудненіе заключалось скорѣе въ отысканіи такого подводнаго слоя, который не пропускалъ бы воды и обезпечивалъ вполне усгннное окончаніе подземныхъ работъ. Въ этомъ заключается вся суть задачи; будемъ ждать и надѣяться, что ее разрѣшатъ въ благоприятномъ смыслѣ. Спрашивается еще: какія денежные затраты потребуются на устройство подводной дороги и какой доходъ она принесетъ? Лавалле, въ своей докладной запискѣ, отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ. Расходы по устройству тоннеля, какъ уже сказано выше, простираются до 250 милліоновъ франковъ. Лавалле разсчитываетъ, что ежегодно тоннелемъ воспользуется одинъ милліонъ пассажировъ; если, при взиманіи платы за проѣздъ на протяжении 50 километровъ, принять за норму 12½ франк. съ каждаго пассажира, т. е. въ 3½ раза болѣе обыкновенной платы (по 7 сантимовъ съ каждаго километра), взимаемой на желѣзныхъ дорогахъ континента, то тарифъ этотъ, въ сравненіи съ цѣной, взимаемой теперь за перѣездъ Ламанша моремъ, оказывается довольно умѣреннымъ, и если расходы по эксплуатациіи опредѣлить въ 2½ милліона, то всетаки останется еще ежегодно около 10 милліоновъ на выдачу дивиденда акціонерамъ.

Изъ придворной английской жизни.

Если гдѣ еще сохранилась аристократія въ смыслѣ высшаго и замкнутого сословія, удержавшаго свои историческія традиціи, то это, безспорно, въ Англии. Существованіе родовой аристократіи возможно только при скопленіи значительныхъ богатствъ въ рукахъ представителей старинныхъ фамилій, при системѣ маюратовъ и заключеніи брачныхъ союзовъ между родственниками, съ цѣлью воспрепятствовать переходу родовыхъ помѣстій въ чужія руки. Этими способами английская аристократія до сихъ поръ сохраняетъ свою цѣлостность и свое значеніе. Мы не станемъ распространяться о томъ, сколько жертвъ приносилось и приносится идеи поддержанія рода, сколько драмъ разыгрывается по этому случаю въ семействахъ английскихъ дордовъ—предъ нами только фактъ существованія и значенія маленькаго, замкнутаго мірка, носящаго названіе английской аристократіи.

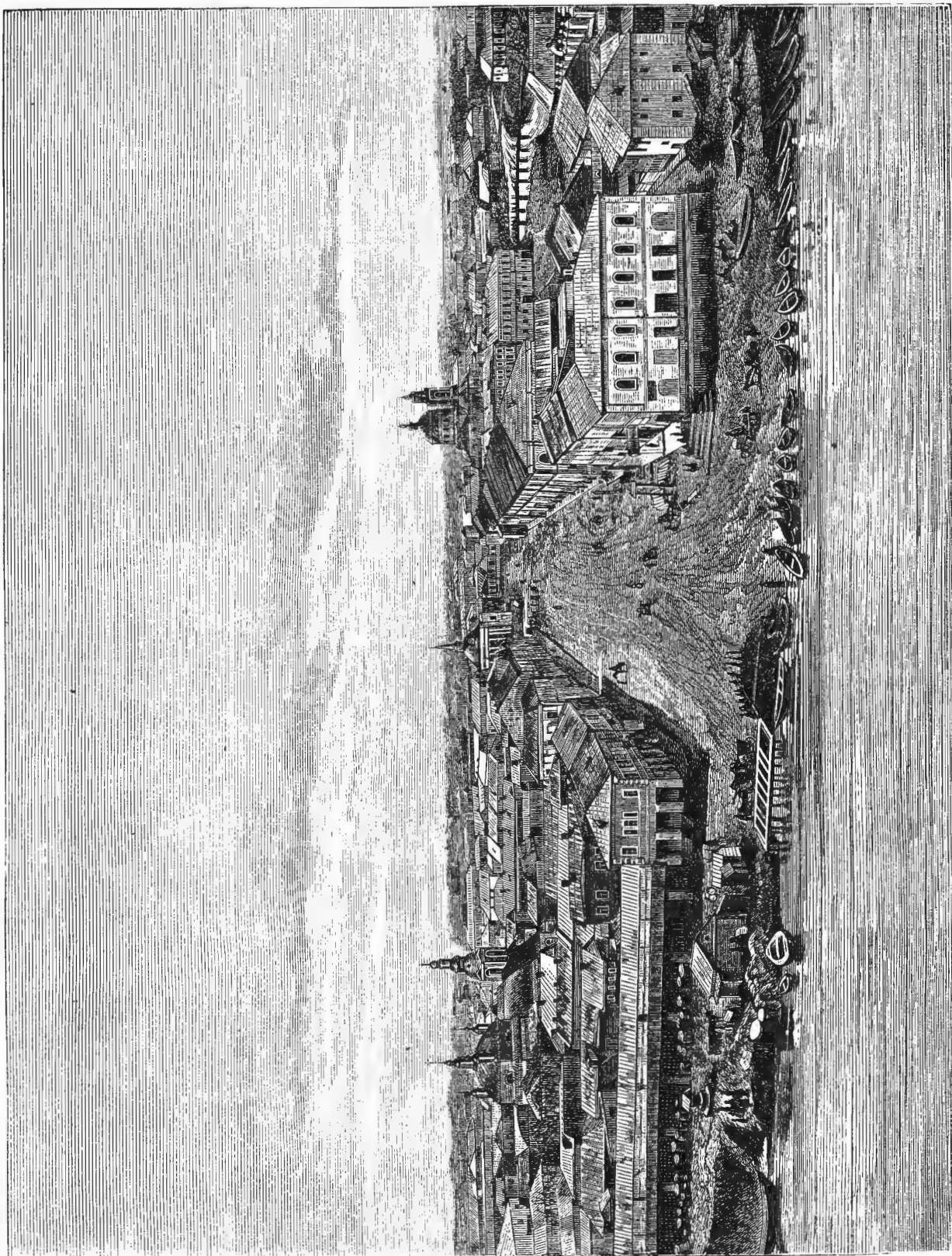
Въ этомъ міркѣ сложилась, основанный на историческихъ преданіяхъ, свой опредѣленный взглядъ на многіе человѣческія отношенія, своя мораль, свои нравы и обычаи, въ которыхъ иногда проглядываютъ обрывки средневѣковыхъ, феодальныхъ понятій.

Такъ, напри́мѣръ, несмотря на свою родовую гордость и необыкновенно развитое чувство собственнаго достоинства, несмотря, наконецъ, на английскую конституцію, молодые лэди представляются королевѣ съ невольнымъ и благоговѣйнымъ страхомъ. Этотъ страхъ еще увеличивается тѣмъ строгимъ этикетомъ, который, выстѣ съ многими, уже устарѣвшими обычаями, существуетъ до сихъ поръ въ странѣ конституціи. Представленіе королевѣ сопровождается колѣнопреклоненіемъ. На

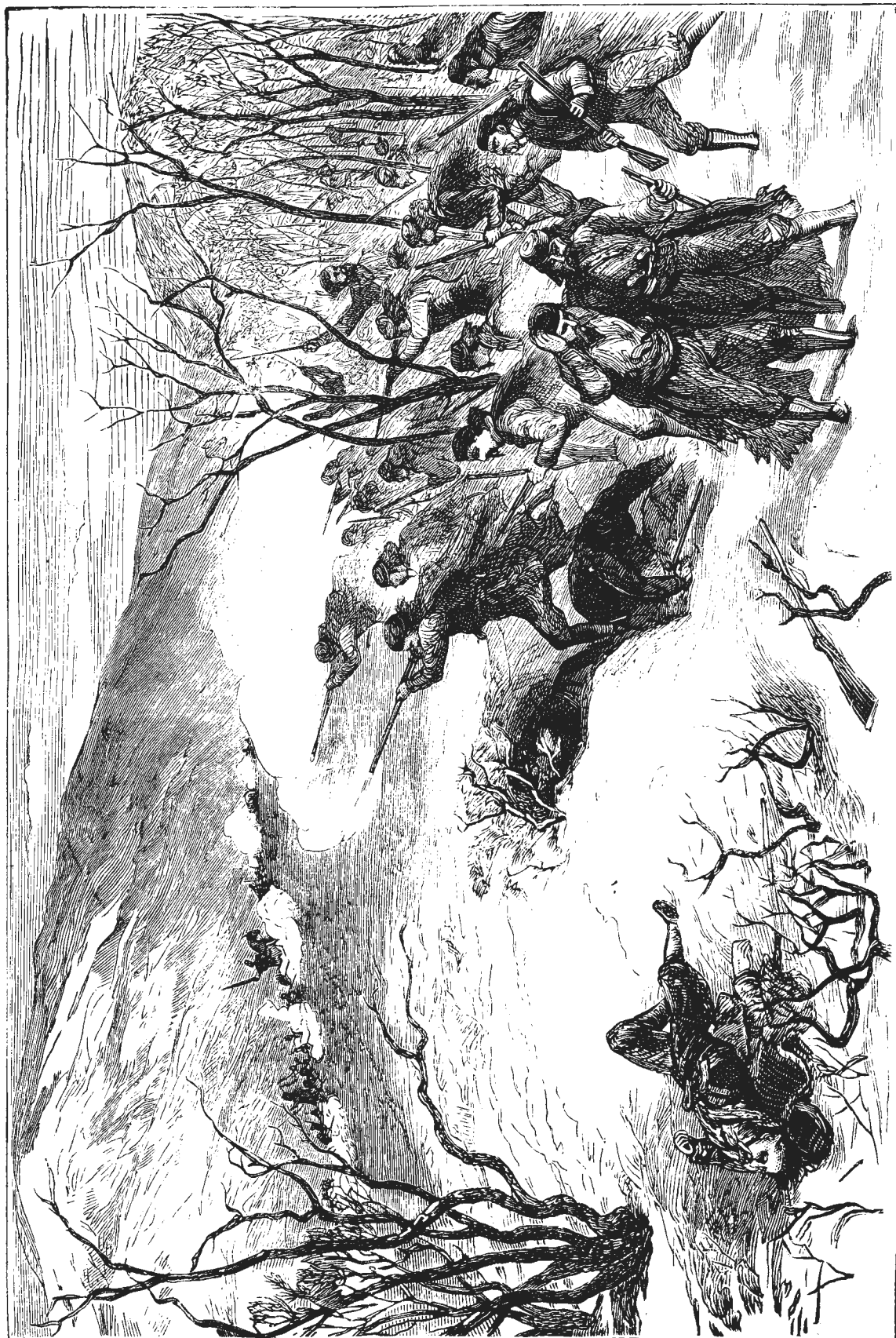
придворныхъ обѣдахъ царствуетъ тишина, гости не разговариваютъ между собою и ея величеству можно отвѣчать только на заданные вопросы. Такой несообразно строгій этикетъ противорѣчитъ съ полною свободою громко и не стѣсняясь обсуждать все, касающееся лицъ королевской фамиліи, которую пользуются английскія сословія.

Предъ нами одинъ изъ самыхъ торжественныхъ моментовъ придворной жизни въ Англии. Молодая лэди цѣлуетъ руку королевѣ. Это ея первый дебютъ при дворѣ. Сколько было приготовленій къ этой критической минутѣ. Какъ тщательно изучала она граціозный реверансъ и колѣнопреклоненіе, когда прикладывалась къ рукѣ своей мама, которая величественно изображала королевѣ. Сколько не минутъ, а часовъ было употреблено на этотъ роскошный туалетъ. Онъ, дѣйствительно, вышелъ чудно хорошъ. Перья и воздушная вуаль такъ идутъ къ ея граціозной головкѣ, такъ изящно ея богатое платье. Она чувствуетъ себя красивой... О, какъ долго усаживается мама въ кресло, какъ мучительно медленно поднимаются онѣ въ рядъ другихъ экипажей, направляющихся ко дворцу. Приѣхали. Опять неприятное волненіе: огромная толпа, собравшаяся, чтобы увидѣть дамъ въ ихъ придворномъ нарядѣ, съ любопытствомъ провожаетъ глазами нашу героиню и, очевидно, высказываетъ о ней свои сужденія. И конца не предвидится томительному ожиданію—еще не скоро ея очередь представляться королевѣ...

Наконецъ, роковая минута настала и если только молодая красавица не обладаетъ особенною смѣлостью и присутствіемъ духа, то теперь, когда она съ каждымъ мгновеніемъ все ближе и ближе подходитъ къ королевѣ, у нея начинается кружить-

Городъ Орель. Съ фотографіи рисов. Вѣчновъ, грав. К. Вейерманъ.

Герцеговинское восстание. Вой Славянъ съ турками на Трешиньской дорогѣ. Съ наброска рѣзалъ К. Вейерманъ.

ся голова и въ глазахъ темнѣть. Она уже не можетъ замѣтить, съ какой благосклонной и ласковой улыбки смотритъ королева на ея молодое, смущенное лицо. Она медленно опускается на колѣно, благоговѣнно склоняетъ голову къ рукѣ королевы, и только смутное сознание того, что она не должна выказать своего смущенія, поддерживаетъ ее въ эту торжественную минуту...

Мы не знаемъ, долго ли еще удержится вся строгость англійскаго этикета; но знаемъ, что духъ времени начинаетъ уже, мало по малу, проникать даже въ замкнутый доселѣ кругъ ан-

глійской аристократіи. Мѣщанское золото, нажитое неизвѣстными путями, уже проникаетъ въ замки пэрровъ и гостиныя лэди. Человѣкъ безъ имени, съ сомнительнымъ прошлымъ, но въ то же время съ репутаціей миллионера, задаетъ балъ, и этотъ балъ удостоиваютъ своимъ присутствіемъ сливки высшего англійскаго общества. Чтобъ убѣдиться въ справедливости этого, стоитъ прочесть новый романъ Тролонна «Какъ мы теперь живемъ».

О. П.

ОРЕЛЬ.

Губернскій городъ Орель находится подъ 52° 58' с. ш. и 53° 54' в. д., въ 359 верст. къ ю.-з. отъ Москвы и 963 верст. отъ Петербурга. Онъ расположенъ по склонамъ довольно большой котловины, образовавшейся при впаденіи р. Орлика въ р. Оку. Въ настоящее время, какъ извѣстно, чрезъ Орель проходитъ желѣзная дорога, замѣнившая прежній путь, такъ называемое московско-харьковское шоссе. Желѣзная дорога, впрочемъ, пролегаетъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, верстахъ въ двухъ, именно вблизи городского предѣла; но здѣсь, около дебаркадера желѣзной дороги, мѣстность уже густо застроилась разнаго рода промышленными заведеніями, трактирами, харчевнями, купеческими амбарами и лавками, гдѣ юркій и быстрый на сметку русскій торговый людъ огребаетъ съ профъзаго дорожнаго человѣка и правымъ и неправымъ путемъ въ свою пользу доходы. Гостиныя, настроенныя около дебаркадера желѣзной дороги, грязноваты, и человѣку, хотя нѣсколько привыкшему къ порядочной обстановкѣ, въ нихъ невозможно останавливаться; но онѣ имѣютъ своихъ немнзскальных посѣтителей, купеческихъ прикащиковъ, мѣщанъ, купцовъ средней руки, которымъ визгъ и шискъ гостиничныхъ шарманокъ и буйные крики подгулявшихъ собратовъ доставляютъ, повидимому, много удовольствія. Истощившись во время пути на желѣзной дорогѣ, отдыхъ можно найти только въ гостиницахъ, находящихся въ центрѣ города. Это замѣчательное, увы, относится не къ одному только Орлу, но и ко всемъ другимъ городамъ, лежащимъ по линіи желѣзныхъ дорогъ, и къ Курску, и къ Кіеву, и къ Харькову...

Г. Орель построенъ въ 1564 г., при Иоаннѣ Грозномъ, для защиты московскаго государства отъ татаръ. Первоначально городъ образовался при рч. Орликѣ, но потомъ, вслѣдствіе бывшаго въ 1673 г. пожара, онъ въ 1679 г. былъ перенесенъ на Ямскую гору, находящуюся при впаденіи рѣчки Орлика въ Оку. Въ послѣдній разъ городъ строилъ инженеръ Яковъ Фанъ Фросенъ; укрѣпленія города состояли изъ землянаго вала и башенъ, отъ которыхъ теперь не сохранилось никакихъ признаковъ. Нужно замѣтить, что значенія важнаго стратегическаго пункта Орель никогда не имѣлъ, ибо вскорѣ послѣ его основанія были построены Курскъ, Ливны, Кромы и др. города. Во время самозванцевъ Орель держался стороны бунтовщиковъ, только въ 1606 г. явилась въ немъ партія вѣрныхъ царю, но сторонники самозванца арестовали ихъ. Въ 1611 году Орель присягнулъ царю Михаилу Феодоровичу, за что и былъ разоренъ поляками. Въ 1708 г. Орель былъ причисленъ къ Кіевской губерніи, а въ 1719 году сдѣланъ главнымъ городомъ Орловской провинціи. Въ 1732 о. онъ отошелъ къ Бѣлгородской губерніи. Затѣмъ, при образованіи Орловскаго намѣстничества, въ 1778 г., былъ назначенъ губернскимъ городомъ, а потомъ, въ 1796 г., намѣстничество было переименовано въ губернію.

О состояніи города въ XVII столѣтіи можно судить по пожару, бывшему въ Орлѣ въ 1673 г. Тогда сгорѣло въ немъ 4 церкви, 6 городскихъ башенъ и болѣе 200 домовъ, лавокъ и кузницъ. Въ 1709 году Орель видимо не имѣлъ достаточно силъ подняться послѣ постигшаго его несчастья; въ немъ къ этому времени было очень мало домовъ и всѣ они стояли лицевою стороной къ р. Орлику. Тогда на мѣстѣ нынѣшней церкви Богоявленія были огороды, на мѣстѣ первой части полицейскаго управленія находились развалины какихъ-то прежнихъ каменныхъ зданій, вѣроятно укрѣпленій. На мѣстахъ мужскаго монастыря и церкви св. Никиты и Мелиты былъ дубовый лѣсъ; присутственные мѣста тогда были у нижней мельницы на р. Орликѣ, а на нынѣшней Новосильской улицѣ стоялъ

столбъ съ перекладной, наподобіе буквы z, на которомъ вѣшали преступниковъ. Нижняя уллица, идущая вдоль р. Оки, была тогда занята болотомъ и лѣсомъ, гдѣ и водились въ достаточномъ количествѣ гуси и утки, такъ что мѣстные охотники могли охотиться не ходя далеко. При Петрѣ I здѣсь водворились слободы стрѣлцкая и пушкарская, отдѣлившіяся отъ города полемъ. По свѣдѣніямъ за 1781 годъ, видно, что въ г. Орлѣ въ то время было 20 церквей, мужской и женскій монастыри и 7762 души жителей мужскаго пола. Въ послѣднее столѣтіе Орель не мало пострадалъ отъ пожаровъ. Такъ въ 1848 году въ немъ сгорѣло 1237 домовъ, 80 тысячъ четвертей хлѣба и 100 пуд. тыс. пеньки. Въ 1858 году Орель снова постигло несчастье: онъ снова выгорѣлъ и на этотъ разъ истреблено было пожаромъ 600 домовъ, нѣсколько церквей и женскій монастырь. По статистическимъ свѣдѣніямъ 1865 г., въ г. Орлѣ считалось православныхъ церквей 25 (всѣ каменные), въ томъ числѣ соборъ апостоловъ Петра и Павла. Этотъ соборъ былъ заложенъ еще въ 1794 г., на средства мѣстнаго духовенства, въ память коронаціи императора Павла I, но освѣщеніе его послѣдовало только въ 1861 г., послѣ многочисленныхъ исправленій и передѣлокъ. Съ 1788 до 1819 г. орловскіе епископы имѣли пребываніе въ Севскѣ, уѣздномъ городѣ той же губерніи; собственное въ Орелѣ кафедръ была перенесена епископомъ Ионою. Учебныя заведенія въ Орлѣ: военная гимназія Бахтина (бывшій корпусъ), гимназія министерства народнаго просвѣщенія, уѣздное училище и два приходскихъ, женское Николаевское училище перваго разряда и втораго—приходское. Духовнаго вѣдомства: семинарія, пріютъ для дѣвицъ и Александровскій спритскій домъ приказа общественнаго призрѣнія. Городъ имѣетъ публичную бібліотеку, клубъ, каменное зданіе для театра, прекрасный тѣнистый садъ, открытый въ 1823 г. и занимающій 7 дес. 503 кв. сажени. Около города находится образованная усадьба вѣдомства государственныхъ имуществъ. Въ 1863 году въ Орлѣ открытъ общественный банкъ. Абсолютная высота города при церкви Рождества Богородицы 776 футовъ.

Находясь на судоходной рѣкѣ Окѣ и среди хлѣбородной мѣстности, Орель имѣетъ важное значеніе въ торговомъ-промышленномъ отношеніи. Кроме удовольворенія мѣстныхъ жителей красными, мануфактурными, галантерейными и прочими товарами, торговля г. Орла весьма значительна. Мѣстное купечество и въ особенности иногородное, имѣющее здѣсь свои конторы, ведетъ значительную торговлю хлѣбомъ, пенькою, коноплянымъ масломъ, саломъ и другими произведеніями сельскаго хозяйства. По статистическимъ свѣдѣніямъ за послѣдніе года, хлѣбная торговля г. Орла достигаетъ почти до полутора миллионъ рублей. Хлѣбъ подвозится изъ Орловскаго и Кромскаго уѣздовъ, частью же изъ Тульской и Воронежской губерній, всего болѣе изъ Курской. Пеньки и издѣлій изъ нея сбывается также болѣе чѣмъ на одинъ миллионъ рублей. Пенька собирается преимущественно въ уѣздахъ Орловской губерніи, а частью и въ Тульской. Ярмарокъ въ Орлѣ назначено три, но съѣздъ бываетъ только на двухъ, а именно осенней, съ 8 по 31 сентября, и весенней, на 5 и 6 недѣляхъ послѣ Св. Пасхи. Обороты этихъ ярмарокъ весьма значительны, такъ что съ ними, по суммѣ выручки, могутъ конкурировать базарные дни. Базаръ собирается ежедневно по воскресеньямъ и обороты базарной торговли достигаютъ за день до 2.000 р. Независимо отъ базарныхъ дней, въ Орлѣ, послѣ уборки хлѣбовъ, скопляется ежедневно отъ двухъ до десяти тысячъ подводъ съ хлѣбомъ, пенькою, коноплянымъ масломъ и прочими произведеніями сельскаго хозяйства.

ГЕРЦЕГОВИНСКОЕ ВОЗСТАНИЕ.

Бой главянь съ турками.

Лишенія всякаго рода, холодъ, голодъ, отсутствіе припасовъ вообще, боевыхъ въ особенности, дни и ночи на скалахъ, въ сугробахъ, подъ вьюгой и мятелью—вотъ, приблизительно, при какихъ условіяхъ дерутся за свою свободу герцеговинскіе инсургенты...

Изумительны мужество и энергія, проявляемыя ими при этомъ. Не разъ приходилось читать о переходахъ, совершен-

ныхъ по изрѣзанной горами, скалами и пропастями странѣ съ невѣроятною быстротой. Что касается отваги инсургентовъ, безумной ихъ храбрости, то объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ дѣла съ турками—дѣла, въ которыхъ ихъ геройскіе, но нестройные отряды разбивали на-голову регулярныя войска султана.

Небезынтересно будетъ привести здѣсь разсказъ очевидца о дѣлѣ 18-го января, на пути въ Требинье. Пейко Павловичъ,

узнавъ, что по дорогѣ изъ этого города идутъ турецкія войска, рѣшилъ остановить ихъ и сталъ на сосѣдней высотѣ съ 200 своихъ людей. Отсюда открылся видъ на извиравшуюся дорогу. По ней шли турки—густая колонна растянулась, сверкая издали стальной щетиной. По бокамъ и впереди видѣлись одиночные всадники—то были офицеры. Баши-бузукъ рѣско отбѣлялся отъ стройныхъ, мѣрно подвигавшихся рядовъ (всего было 800—1,000 человек). Пейко притаялся, пропустилъ колонну и тотчасъ же послалъ гонцовъ къ другимъ вождямъ, чтобы тотопить ихъ—ожидалось, что турецкій отрядъ дойдетъ до Дриено, возьметъ провіантъ и чрезъ 2—3 часа возвратится назадъ. Между тѣмъ, Пейко далъ знать, что неприятель, остановившись прямо противъ горы, за которой расположились инсургенты, отбѣлять 2 небольшие отряда, которые занимаютъ высоты, господствующія надъ дорогой, а остальные силы повернули обратно къ Требнию. Въ ту же минуту раздались привѣтственные клики—то подошелъ впоныхахъ Максимъ Бачевичъ съ сотнею своихъ людей. Павловичъ немедленно двинулся къ дорогѣ, по которой возвращалась колонна, и изъ-за возвышенности открылъ огонь. Панический страхъ охватилъ турокъ—и они побѣжали. Вожди инсургентовъ выскочили изъ засады и погналы неприятеля до укрѣпленія, стоящаго впереди Дужкаго монастыря. Въ то же время подошли къ славянамъ подкрѣпленія. Последніе два турецкіе отряда, занимавшіе высоты у дороги, успѣли уже окопаться. На другой день славяне не трогали осажденных—они хоронили своихъ убитыхъ и, притомъ, до самого вечера еще ничего не ѣли, поздно получивъ только по сахару на человѣка! Но 20-го они пошли на турецкіе окопы. Подробности этого дѣла, которое было, собственно, продолженіемъ дѣла 18-го числа и въ которомъ погибъ Бачевичъ, занимаемъ у одного изъ корреспондентовъ. Уже съ 9 часовъ утра, разсказываетъ онъ—славяне начали приближаться къ турецкимъ шанцамъ. Первый подошелъ (шаговъ на 50 отъ

нижнего завала лѣваго холма) Максимъ Бачевичъ. Послѣ получасовой перестрѣлки, турки, потерявшіе, вѣроятно, большія потери, бросились бѣжать изъ нижняго завала къ верхнему. При видѣ этого, Бачевичъ кинулся съ своими къ нижнему шанцу, но не успѣли они проникнуть въ него, какъ турки, съ верхняго, по противоположному склону, перебрались на правый холмъ. Въ это время Пейко, стоявшій за холмомъ и перестрѣливавшійся съ неприятелемъ, ударилъ по бѣжавшимъ, но догналъ только человекъ 20: остальные добрались до противоположнаго холма. Бачевичъ занялъ лѣвый холмъ и открылъ перестрѣлку съ неприятелемъ, а Павловичъ подвинулся впередъ и началъ напирать на лѣвый флангъ турокъ. Желая увеличить свои силы, онъ позвалъ на помощь Бачевича. Максимъ, подъ сильнымъ огнемъ, бросился къ нему съ небольшою кучкой своихъ, приказавъ остальнымъ обойти холмъ вѣдъ выстрѣловъ... Черезъ нѣсколько секундъ его высокая, мощная фигура снопомъ упала на землю... «Пейко—погнузд!» успѣлъ только крикнуть онъ Павловичу, стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ—и его не стало. Около 2-хъ часовъ, Пейко взялъ приступомъ нижній заваль. турки перебѣжали на верхній, въ палаткамъ. Они дрались прекрасно и съ замѣчательною стойкостью. Два офицера перебѣжали по банкету отъ человекъ къ человекъ, раздавали патроны, ободряли людей. Пейко, невозмутимый какъ всегда, въ адекомъ огнѣ (перестрѣлка происходила не болѣе какъ шагахъ въ 60-ти), курилъ свою трубку, распорядился и, по-временамъ, стрѣлялъ самъ.

Къ вечеру огонь притихъ и вскорѣ совершенно смолкъ.

Ночью, пользуясь темнотою и тѣмъ обстоятельствомъ, что оставленные инсургентами въ нижнемъ шанцѣ люди, измученные усталостью и голодомъ, заснули, остатокъ турецкіе отрядовъ проскользнулъ и бѣжалъ по направленію къ Дриено. Лука Петковичъ, однако, нагналъ ихъ и убилъ больше половины; остальные успѣли спастись.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

Государь Императоръ, удостоивъ приема губерскихъ предводителей дворянствъ: ливонскаго, эстляндскаго и курляндскаго, изволяя обратиться къ нимъ съ слѣдующими милостивыми словами:

«Я призвалъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы вы услышали лично отъ Меня объ основаніяхъ, въ силу коихъ Я призналъ полезнымъ упразднить должность генералъ-губернатора въ вашихъ губерніяхъ.

«Мѣра эта, какъ мнѣ извѣстно, послужила поводомъ ко многимъ ошибочнымъ предположеніямъ, которыя считаю нужнымъ разсѣять. Вотъ что и побуждаетъ Меня высказать вамъ, что въ этой мѣрѣ вы должны видѣть не что иное, какъ новый знакъ Моего довѣрія.

«Въ настоящее время должность генералъ-губернаторовъ умѣстна только въ такихъ большихъ центрахъ, какъ, на примѣръ, Москва, въ мѣстностяхъ, особенно удаленныхъ отъ центрального управленія, или же тѣхъ частяхъ Россіи, которыя, по особымъ политическимъ причинамъ, находятся еще въ положеніи ненормальномъ.

«Ни одного изъ этихъ положеній не имѣется въ виду по отношенію къ прибалтійскимъ губерніямъ. Ихъ преданность, ихъ любовь къ порядку Мнѣ извѣстны, а объединеніе съ остальными частями Имперіи устраняетъ всякую необходимость исключительнаго въ нихъ порядка управленія. Я имѣлъ, господа, уже неоднократно случай указывать этимъ губерніямъ Мое благоволеніе. Чувства Мои не измѣнились, и Я сохраняю наилучшія воспоминанія о Моемъ посѣщеніяхъ этого края.»

По выслушаніи сего, предводители дворянства имѣли счастье всеподданнѣе благодарить Его Величество, въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, за дарованную имъ возможность повергнуть вновь, при настоящемъ случаѣ, увѣренія въ ихъ вѣроподданническихъ чувствахъ, а также и за тѣ милостивыя слова, коими Его Величество угодно было разсѣять опасенія, порожденныя вѣнхъ упраздненіемъ прибалтійскаго генералъ-губернаторства.

Его Величество, отпуская предводителей дворянства, изволяя милостиво присоветовать:

«Опасенія ваши напрасны, такъ какъ ваше благо столь же близко Моему сердцу, какъ и благо всѣхъ Моеихъ подданныхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, здѣсь присутствующій, будетъ доводить до Моего свѣдѣнія, установленнымъ для всей Имперіи порядкомъ, объ всемъ, что можетъ быть полезно вашимъ губерніямъ и способствовать къ ихъ благоустройству и преуспѣванію.

«Я уполномочиваю васъ, господа, повторить всѣмъ тѣмъ, коихъ вы служите представителями, все вами отъ меня слышанное. Вы скажете имъ также, что они дороги Моему сердцу и по тѣмъ рыцарскимъ чувствамъ, которыя унаслѣдованы ими отъ предковъ и которыя они свято сохранили до настоящихъ дней.»

Дала церква.

„Церк.-Обществ. Вѣсти.“ указываетъ на одинъ случай въ священнической практикѣ, по своей важности заслуживающій особеннаго вниманія. Въ концѣ прошлаго года, дѣлѣпровскій уѣздный комитетъ общественнаго здравія ходатайствовалъ предъ епархіальнымъ начальствомъ о воспріятіи священникамъ этого уѣзда причащать дѣтей, больныхъ дифтеритомъ, такъ какъ, по мнѣнію комитета, основанному на увѣреніи мѣстнаго врача, черезъ жлицу и илиторъ болѣзнъ сообщается отъ больныхъ и здоровымъ (при этомъ нужно замѣтить, что дифтеритъ—весьма заразительная болѣзнь, производящая ужасныя опустошенія въ Дѣлѣпровскомъ уѣздѣ). Мѣстный пресвященный Гурий вмѣнилъ священникамъ въ обязанность, причащая больныхъ, соблюдать слѣдующую предосторожность: причащать больного младенца, жлицу и уста причастника тотчасъ же начисто обтереть чистымъ кускомъ холста, который и съечь послѣ литургіи; здоровыхъ причащать прежде больныхъ; послѣднихъ даже рекомендуется приобщать изъ отдѣльнаго сосуда и особою жлицею и т. п.

Служа.

„Русскій Миръ“ сообщаетъ, что нѣкоторыми изъ нашихъ капиталистовъ, по почину купца В. Попова, учреждается товарищество для устройства конно-железныхъ дорогъ въ большихъ губернскихъ городахъ. Свою

дѣятельность, какъ намъ говорили, оно намѣрено начать съ Нижняго-Новгорода, Харькова и другихъ главнѣйшихъ изъ нашихъ торговыхъ пунктовъ, въ которыхъ стекается значительное количество грузовъ, перевозка которыхъ можетъ послужить надежнымъ источникомъ доходовъ для содержателей конно-железныхъ дорогъ.

— Та же газета передаетъ, что въ непродолжительномъ времени будетъ установлена министерствомъ народнаго просвѣщенія особая форма для учениковъ частныхъ гимназій и школъ, пользующихся правами, одинаковыми съ казенными гимназіями.

— „Русскій Миръ“ слышалъ, что, по ходатайству нѣкоторыхъ земствъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составленъ проектъ привлеченія земскихъ учреждений къ надзору за торговлей, гдѣ указывается, что существующій донныи надзоръ удовлетворителенъ только въ большихъ промышленныхъ городахъ; но въ городахъ, а особенно въ селахъ, гдѣ надзоръ находился въ рукахъ волостныхъ и сельскихъ управленій, онъ оказывается весьма неудовлетворительнымъ. Между тѣмъ, съ изданиемъ нынѣ дѣствующаго торговаго положенія, допускающаго торговлю въ городахъ и вѣдъ ихъ на одинаковыхъ правахъ и основаніяхъ, торговая дѣятельность въ уѣздахъ все болѣе и болѣе расширяется, а такъ какъ земство, получающее сборы за патенты, свидѣтельства и проч., въ этомъ дѣлѣ близко заинтересовано, и надзоръ для него, при безпрепятственныхъ раздѣлахъ членовъ управъ, представляеть особенныя удобства, то министерство полагаетъ возможнымъ возложить надзоръ за правильностью торговли на земство и въ этомъ смыслѣ измѣнить соотвѣтствующія статьи устава.

СОДЕРЖАНІЕ: С.-Петербургскій Градоначальникъ, Генералъ Адьяничъ Федоръ Федоровичъ Треповъ (съ портретомъ). — Въ домѣ коммерч. свѣтника Ловъсть Э Марлитта. (Продолженіе). — Лаваншей туннель (съ рисункомъ). — Изъ Придворной англійской жизни (съ рисункомъ). — Орель (съ рисункомъ). — Герцеговинское возстаніе. Бой славянъ съ турками (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія. — Юристорическіе очерки (съ рисункомъ). — Шахматы. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

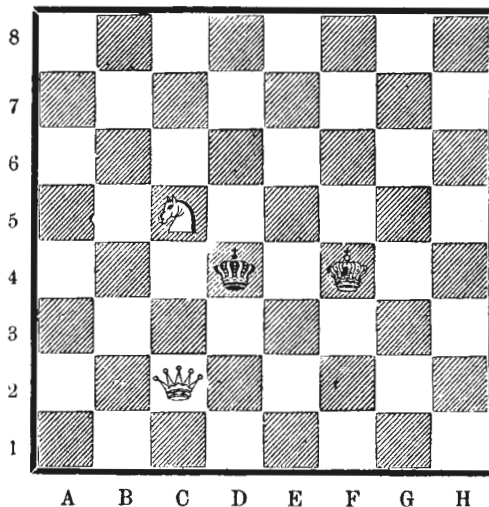
ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Что-жь ты мнѣ широгъ даль съ тряпкой!
— А тебѣ за 2 копѣйки-то да съ бархатомъ?

ЗАДАЧА

Бѣлые.

Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 7.

Бѣлые.	Черные.
1) f3 — h4	1) d4 — d5
2) a6 — c4 или c7 — c6	2) d5 — d4
3) d3 — e3	

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЕ ПОРТРЕТЫ

Его Имп. Величества Государя Александра II.
Въ общ. генер. мунд. 19 3/4. 14 1/2 верш. въ рамѣ, съ короною, по 21 руб.
" " " " 17 1/2. 14 " литог. портреты по 2 1/2 руб.
Портреты Государя и Имп. фамилии во всѣхъ форм. и мундирахъ
Зерцала. Жероб. Барабаны для пов. пов. Пр.
главное дѣло для Россіи
Всѣхъ ОЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ.
Каталогъ съ эскизами высылается по полуц. 24 коп. почт. марками.
ФАБРИКА РАМЪ 123 вчч. фасоновъ,
вызол. орѣхов. и черн. багетъ для рамъ и картинзовъ.
Н. Г. ДЕЗЛЕРЪ.
20, Невск. пр. проспектъ, во 2-мъ этажѣ, д. Голландской церкви.
Не смѣшивать съ нижнимъ магазиномъ эстамповъ. — 1

Ц. за 6 бут. мальцъ-экстракт. пива—1 р 80 к., за 13 б.—3 р. 60 коп., яц. въ 33 бут.—9 руб.
За пуст. б. оставл. залогоу по 3 коп. За клязы прин. чрезъ городск. почту и доставл. на домъ.

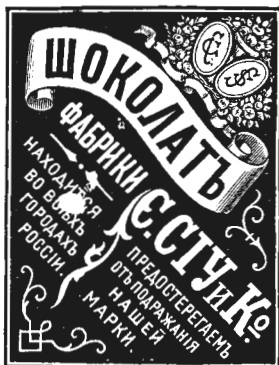
ПОЧЕТНЫЕ ОТЗЫВЫ ВЫСОКИХЪ ОСОБЪ.

О доброкачественности мальцъ-экстрактнаго пива, мальцеваго шоколада и мальцевыхъ грудныхъ конфетъ Юганна Гоффа изъ Берлина.
Принцъ и Левенштейнъ-Фрейденбергъ: «Я обязана признать превосходное дѣйствіе вашего вкуснаго мальцъ-экстракта, такъ какъ я сама испытала это».
Его превосходительства фонъ-деръ-Гейдта, министра финансовъ, въ Берлинѣ: «Вашъ мальцевый фабрикатъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Я не могу отказать себѣ въ вашемъ мальцъ-шоколадѣ и въ грудныхъ мальцевыхъ конфеткахъ».
Его сятельства князи фонъ-Бисмарка, министра-президента, въ Берлинѣ: «Всѣмъ признательность вашему фабрикату».
Князи Лудвига фонъ-Эттингенъ-Валлерштейна: «Считаю обязанностью заявить публикѣ о столь полезномъ напитокѣ, какъ мальцъ-экстрактъ Гоффа».
Главный складъ для Россіи: на углу Невскаго проспекта и Николаевской улицы, домъ № 71—2.
Разъяснительная продажа мальцъ-экстрактнаго пива: по Невскому просп., въ домѣ № 71.

Для отправки въ пров., съ уаак. соломкою въ яц. (кромя геренлики): за 6 бут. 2 руб. 40 к., за 13 бут. 4 руб. 50 коп. и за 33 бут. — 10 руб. 80 копѣекъ.
Берлин. ф. мальцъ-эстр. польз. шokol. 1 р. 90 к., 1/2 ф. — 1 р. Мальц. грудн. конфек. въ мѣш. 40 шт. — 50 коп., 20 шт. — 25 к., шokol. порошокъ для дѣтей—60 к. коробка.

СѢМЕНА.

Огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и проч. а также садовые инструменты предлагаетъ гг. любителямъ садоводства и сельскимъ хозяевамъ
ВНОВЬ ОТКРЫТА СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ
А. Ушакова
въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная д. 1 гдѣ Зимній садъ его же.
Подробный прейсъ-курантъ высылается бесплатно. 6—6

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ

сост. А. Горданъ.

Вышелъ нынѣ новымъ совершенно переработаннымъ и исправленнымъ по самымъ лучшимъ и ученымъ свѣдѣніямъ (quellen) 11-мъ изданіемъ состоящемъ изъ 27 хромо-литографированныхъ картъ на 12-ти листахъ. Также прилож. на большая карта Россіи простирающаяся на востокъ до оверъ Балкана, со всѣми желѣзными дорогами.

Цѣна атласа. . . 1 руб. с.
. . . Исторіи. . . 1 " 25

продается въ литогр. Ф. Эйлера, у Камен. моста, 29/40 СПб. и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 5—4

Вышелъ 3-ій выпускъ

Альбома рисунковъ къ соч. Гоголя, заключающій въ себѣ повѣсть „СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА“
изд. А. Н. Галашиина.

Продается въ магазинѣ Фельтена. Нев. пр., № 20, С.-Петербургъ. 3—1

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы В. В. Престовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ связываетъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щebetала ласточка. Сочиненіе Штальмана. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложены объявленія: 1) отъ книжнаго магазина Земскаго въ Москвѣ. 2) отъ книгопродавца Ивана Васильевича Смирнова въ Москвѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 10

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выдаѣтъ 8 Марта 1876 г.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ . . . . . 4 р.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ нижний магазинъ
И. Гр. Соловьева, А. Лавъ и А. Живарева . . . . . 4 р. 50 к.
IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія №№ въ 1876 году.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за МАРТЪ съ 33 рисунками и большой листъ выкроекъ съ чертежомъ.

АБДУРАХМАНЪ-АВТОБАЧИ.

Въ продолженіе почти всей своей политической жизни, Коканское ханство страдало отъ внутреннихъ междоусобицъ, раздоровъ и борьбы партій. Населеніе страны рѣзко раздѣлилось на двѣ группы: осѣдную, которую составляли преимущественно сарты и узбеки, жители городовъ и селеній, и кочевую—каракиргизы и китай-кипчаки. Первые были строители этихъ городовъ и селеній; они занимались и занимаются теперь торговлею, земледѣіемъ и мануфактурною промышленностью; они составляютъ, такъ сказать, производительный элементъ ханства. Вторые кочевники или полукочевники—обитатели горъ и прилежащихъ степныхъ пространствъ, главный промыселъ которыхъ, кромѣ довольно ограниченного, впрочемъ, скотоводства, особенно въ горахъ, составляли разбой и хищническія набѣги на сосѣдей, часто даже на мирныхъ подданныхъ одного и того же хана. Каракиргизы и китай-кипчаки служили своему хану преимущественно оружіемъ, составляя исключительно

Абдурахманъ-автобачи, представитель «Гававата» въ Коканѣ, глава кипчаковъ сдѣвавшийся генералу Скобелеву. Рисов. и грав. А. Нейманъ.

военный элементъ ханства. Они, несмотря на свою относительную малочисленность, часто оказывались сильнѣе осѣдыхъ, и ихъ партія брала перевѣсъ въ управленіи дѣлами ханства; само собою, что минуты подобнаго перевѣса не могли не отражаться вредно на дѣлахъ осѣдыхъ народовъ и вызывали противодѣйствіе стороны этихъ послѣднихъ, которое и выражалось постоянною глухою и упорною борьбою партій, часто разгоравшейся до кровавыхъ проявленій.

Всѣ ханы коканскіе были постоянно подъ гнетомъ этой борьбы; стоя между двухъ огней, они часто становились игрушкою въ рукахъ главнѣйшихъ вожаковъ, то открывая воинственный походъ на кочевниковъ, то обрушиваясь всѣмъ гнетомъ своей деспотической власти на несчастныхъ жителей городовъ и селеній. Коканскій престолъ былъ одинъ изъ самыхъ непрочныхъ средне-азиатскихъ престоловъ и часто переходилъ изъ рукъ въ руки.

Худояръ - ханъ, послѣдній шахъ коканскій, три раза терялъ и при-

обрѣталъ свой престолъ (послѣдній переворотъ случился даже очень недавно, въ 1875 году, а съ тѣхъ поръ до начала истекшаго лѣта онъ уже царствовалъ довольно прочно — и то благодаря близкому сосѣдству съ нашими владѣніями, и страху нашего вмѣшательства въ дѣла ханства).

Своимъ царствованіемъ Худояръ-ханъ былъ обязанъ кочевой партіи. Мусульманъ-кулъ, глава кипчаковъ, овладѣвшій властью, возвелъ на престолъ юнаго Худояръ-хана и сдѣлался его руководителемъ и попечителемъ; партія осѣдлыхъ, хотя и побѣжденная, однако, не дремала — нашлись люди, которые сумѣли повліять на молодого хана и возбудить его подозрительность къ попечителю. Мусульманъ-кулъ во время замѣтилъ охлажденіе къ нему хана и, боясь скрытнаго убійства, весьма обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ, ушелъ къ кочевникамъ и поднялъ ихъ на новую борьбу. Началась ожесточенная война, и на этотъ разъ побѣда досталась въ руки осѣдлыхъ; разбитые на всѣхъ пунктахъ кара-киргизы и китай-кипчаки, подъ вліяніемъ ужаса, рѣшились выдать хану Мусульманъ-кула, своего престарѣлаго главу и прочихъ главнѣйшихъ сподвижниковъ.

На площади передъ коканскимъ дворцомъ разыгралась страшная кровавая драма — начался рядъ казней, ужаснувшихъ даже привыкшихъ къ кровопролитію азіатовъ. Юный ханъ безпощадно поступилъ съ своими побѣжденными врагами. Шестистамъ главнѣйшимъ китай-кипчакамъ были отрублены головы. Связаннаго по рукамъ и ногамъ Мусульманъ-кула ежедневно выводили на мѣсто казни и при немъ совершалась эта рѣзня человеческихъ головъ... Говорятъ, будто несчастный старикъ молилъ хана покончить съ нимъ и прекратить эту пытку... «Я исполню твою просьбу», хладнокровно отвѣчалъ на эти мольбы Худояръ ханъ и дѣйствительно исполнилъ. Голова Мусульманъ-кула пала послѣднею.

Въ числѣ друзей и приближенныхъ хана находился въ то время молодой человекъ, сверстникъ по лѣтамъ Худояру — Абдурахманъ. Этотъ Абдурахманъ былъ сынъ казеннаго Мусульманъ-кула. Онъ, стоя рядомъ съ ханомъ, присутствовалъ при этихъ ужасныхъ казняхъ; онъ видѣлъ, какъ одна за другою падали головы его друзей и родичей; онъ видѣлъ и смерть своего отца и, несмотря на это, сохранилъ и дружбу, и привязанность къ своему повелителю. Въ свою очередь, и Худояръ такою же дружбою платилъ Абдурахману и даже женился на его сестрѣ.

Скрывалъ-ли Абдурахманъ свои настоящія чувства къ хану, дѣйствительно ли эта дружба была искренна — неизвѣстно, но только до 1872 года она не омрачалась ничѣмъ. Въ этомъ году Абдурахманъ, уже возведенный въ санъ автобачи (крупная придворная должность), въ первый разъ выказала ослушаніе своему повелителю, уѣхавъ безъ его дозволенія въ Мекку, на поклоненіе гробу пророка.

Надо думать, что въ это время уже созрѣвалъ новый заговоръ кочевниковъ противъ хана и въ числѣ заговорщиковъ находился нѣкій Мулла-Исса-Аулье, хитрый и умный человекъ, честолюбивый и корыстный, успѣвшій незамѣтно подготовить возстаніе. Подъ вліяніе этого-то человека и подпалъ Абдурахманъ.

Осѣдлые предупреждали Худояръ-хана, они указывали ему даже на главнѣйшихъ дѣятелей этого заговора, но, не смотря на это, Мулла-Исса-Аулье сумѣлъ усыпить ханскую подозрительность и довести свое дѣло до полного развитія.

Возстаніе вспыхнуло лѣтомъ 1875 года, въ іюль мѣсяцѣ. Абдурахманъ-автобачи, Мулла-Исса-Аулье и еще нѣкто Хааликъ-Казаръ стали открыто въ главѣ мятежа.

Уже поѣздка Абдурахмана въ Мекку была задумана съ этою цѣлью; тамъ, на гробѣ пророка, автобачи испросилъ благословеніе на свой подвигъ и былъ даже снабженъ доскутомъ отъ знамени Магомета, — съ тѣмъ чтобы, вдохновивъ народъ этою реликвіею, Абдурахманъ поднялъ его не только противъ хана, дружившаго съ нами, русскими, но вообще противъ невѣрныхъ, т. е. насъ же.

Объявленъ былъ газать или «газавать» — священная война, и этотъ кличъ собралъ подъ знамя Абдурахмана-автобачи значительныя скопища кочевниковъ и разнаго сброда, стекавшагося со всѣхъ сторонъ, даже изъ сосѣдняго Кангарскаго ханства.

Оставленный всѣми, оставленный даже войсками, измѣннически перешедшими на сторону непріятели, ханъ едва успѣлъ, съ горстью приверженцевъ, отступить къ нашей границѣ. Въ этомъ отступленіи ему помогъ, главнѣйшимъ образомъ, крошечный отрядъ русскихъ казаковъ, случайно находившійся въ то время съ посольствомъ въ Коканѣ. Нашъ посоль, полковникъ Скобелевъ, принялъ начальство надъ горсткою ханскихъ слугъ и своимъ отрядомъ и успѣлъ прикрыть какъ беззащитнаго хана, такъ и его семейство.

Въ то же время громадныя массы непріятели появились на нашихъ границахъ и вторглись въ Ходжентскій, Кураминскій и Аультинскій уѣзды. Война, значитъ, была начата, и наши войска, быстро собравшись, двинулись въ походъ.

Извѣстны результаты этого блистательнаго, кратковременнаго похода. Сосредоточенныя силы Абдурахмана-автобачи были разбиты наголову подъ Махрамомъ; одинъ за другимъ сдавались намъ города и, наконецъ, сдался и самъ Коканъ на великодушіе побѣдителей.

Абдурахманъ, съ остатками ему вѣрныхъ, бѣжалъ къ Ушу, но и тамъ былъ настигнутъ и разбитъ. Самъ онъ спасся отъ плѣна, а Хааликъ-Казаръ и Мулла-Исса-Аулье явились съ повинною къ нашему генералъ-губернатору.

Несостоятельность Худояръ-хана настолько выяснилась, что уже рискованно было вновь возвести его на утраченный престолъ и престолъ этотъ былъ отданъ нами сыну его Насръ-Эддинъ хану, еще очень молодому человеку. Хааликъ-Казаръ, простоватый и недалекій, оставленъ былъ на покоѣ, а Мулла-Исса-Аулье высланъ изъ ханства въ Оренбургъ, гдѣ и содержится подъ строгимъ арестомъ.

Казалось, дѣла ханства были окончательно устроены. Распорядившись такимъ образомъ съ престоломъ и судьбою Кокана, наши войска выступили обратно на свои постоянныя квартиры.

Между тѣмъ Абдурахманъ-автобачи не дремалъ: онъ успѣлъ снова собрать своихъ разбитыхъ и разрозненныхъ приверженцевъ и даже приобрѣсть новыхъ. Его обаяніе на массы было настолько велико, что, не смотря на свѣжее впечатлѣніе недавнихъ поражений, кипчаки и кара-киргизы снова попытались объявить войну русскимъ и, собравшись въ числѣ до пятидесяти тысячъ, ринулись на Коканъ. Насръ-Эддинъ-ханъ бѣжалъ по примѣру отца. На его мѣсто посаженъ былъ нѣкто Фудатъ-бекъ, личность безцвѣтная — простой разбойникъ, названный ханомъ только потому, что во всякое время готовъ былъ повиноваться Абдурахману и уступать ему свое мѣсто по первому намеку.

Снова многочисленныя скопища подступили къ нашимъ границамъ; снова наши войска принуждены были начать наступательныя дѣйствія. Предпримчивый и энергичный генералъ, тотъ самый бывшій полковникъ Скобелевъ, свершившій свое лихое отступленіе изъ Кокана съ 20-ю казаками, повелъ дѣло быстро и рѣшительно.

Снова взяты были разъ уже взятые и отданные обратно города; летучіе отряды нашихъ казаковъ и стрѣлковъ, посаженныхъ на лошадей, появляясь неожиданно то тамъ, то сямъ, въ пунктахъ, гдѣ ихъ вовсе не ожидали, усилили такъ стиснуть непріятели и сбить его съ толку, что Абдурахманъ-автобачи окончательно потерялъ голову. Онъ увидалъ наконецъ, что дѣло его проиграно, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, сдался генералу Скобелеву, и скоро Петербургъ увидитъ у себя этого отважнаго и пылаго проповѣдника Газавата, главу скопища возставшихъ противъ насъ, объявившихъ намъ русскимъ, непримиримую священную войну.

Н. К.

Въ домъ коммерціи совѣтника

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

Болѣе ничего не доставало въ невыразимо-уютной комнатѣ. Докторъ, который долженъ былъ воротиться съ вечернимъ поѣздомъ, не имѣлъ никакого предчувствія, что не найдетъ уже болѣе тетку въ городѣ. Она хотѣла избавить его отъ хлопотъ переѣзда, и коммерціи совѣтникъ, какъ она съ благодарностью сказала, былъ настолько предупредителенъ, что передалъ ей для этой цѣли домъ немедленно.

Генриетта распахнула двери и, судорожно прижавъ къ груди сложенные руки, съ жадностію вдыхала свѣжій воздухъ; однако, она скоро почувствовала припадокъ удушья, и силы начали ей измѣняться. Кэти и коммерціи совѣтникъ успѣли поддержать больную; Флора тоже поднялась и съ досадой бросила папиросу въ пепельницу.

— Безвредное облачко дыма обвинять теперь въ

причиненіи припадка,—сказала она съ признакомъ досады:—но я понимаю въ чемъ дѣло. Тебѣ, Генріэтта, слѣдовало бы лежать въ постели и не выходить на сухой весенній воздухъ, который для людей въ твоемъ положеніи—сущій ядъ; я тебя сейчасъ предупредила, но ты не внимаешь никогда добрымъ совѣтамъ. Ты также упряма относительно врачебной помощи...

— Потому что я не довѣряю своей болѣзни первому появившемуся составителю ядовъ,—добавила Генріэтта, слабымъ, но очень рѣшительнымъ тономъ.

— О! это затрогиваетъ ужъ честь моего бѣднаго стараго совѣтника медицины—вскричала Флора, смѣясь и пожимая плечами. Пусть будетъ по твоему, ребенокъ, если это доставляетъ тебѣ удовольствіе. Вѣдь я тоже не могу знать, какъ онъ приготавливаетъ свои микстуры, однакожъ смѣю полагать, что онъ еще ни одного изъ своихъ пациентовъ не отравилъ на тотъ свѣтъ.

Коммерціи совѣтникъ, съ блѣдностью на лицѣ, ходилъ изъ угла въ уголь и подымалъ невольно руку, какъ бы желая зажать уста говорившей; онъ не находилъ, казалось, словъ, взоръ его какъ-то тоскливо остановился на лицѣ Кэты.

— Безжалостная! вырвалось у Генріэтты.

— Я не безжалостная, но обладаю достаточной долей неустрашимости, чтобъ называть вещи по ихъ имени, даже въ такомъ случаѣ, если суровыя слова должны отразиться вредно на моихъ собственныхъ ранахъ. Иначе, какое значеніе имѣла бы тогда строгая справедливость?... Вспомни тотъ злополучный вечеръ и спроси себя, кто остался правъ? Я знала, что должно послѣдовать паденіе съ высоты этой ложной славы — оно послѣдовало, безъ всякой надежды на спасеніе; не намѣрены ли вы оспаривать единогласный приговоръ свѣта? Что я не желаю пасть вмѣстѣ съ вами, пойметъ всякій, кто меня знаетъ... Я не могу прикрывать худыя дѣла, какъ, напримѣръ, умѣетъ дѣлать это бабушка.

Флора отворила другую половинку двери и вышла на балконъ. Она говорила подъ вліяніемъ страстнаго порыва. Блѣдное, какъ мраморъ, античное лицо ея чрезвычайно оживилось, въ глазахъ ея сверкало презрѣніе, вся фигура ея олицетворяла собой пылкое нетерпѣніе.

— Впрочемъ, во власти его было обратить меня; какъ желала бы я тогда защищать его словесно и нисѣмной! — продолжала она, запуская свои тонкіе пальчики въ сухія вѣтви кустарника. Однако онъ предпочелъ на мой первый и единственный вопросъ отвѣчать, какъ гордый испанецъ, ледянымъ взоромъ.

— Отвѣтъ этотъ долженъ былъ бы удовлетворить тебя.

— Ничего, любезный Морицъ; я нахожу его удобнымъ и дешевымъ; что же касается до взоровъ и жестовъ, то я отношусь къ нимъ скептически — я требую больше. Но я хочу показать тебѣ, что у меня нѣтъ недостатка въ доброй волѣ и повторяю еще разъ то, что я требовала отъ тебя первоначально: *докажи* мнѣ и свѣту, что онъ исполнилъ свой долгъ — вѣдь ты былъ свидѣтелемъ!

Морицъ быстро отступилъ отъ порога дверей и прикрылъ рукою глаза — солнечный свѣтъ, заливавшій балконъ яркими лучами, былъ для глазъ его нестерпимъ.

— Тебѣ извѣстно слишкомъ хорошо, что я не могу исполнить это такъ, какъ требуешь ты — я не медикъ, — отвѣчалъ онъ глубоко подавленнымъ голосомъ, сходящимъ скорѣе съ шепотомъ.

— Ни слова болѣе, Морицъ! — вскричала Генріэтта. На тѣлѣ ея дрожала каждая жилка. — Съ каждой попыткой начать защиту, ты допускаешь мысль, что эта благородная невѣста, должно быть, очень робка и неостоянна. Большіе глаза Генріэтты, въ которыхъ отражалось внутреннее лихорадочное состояніе, съ ненавистью устремились на прекрасное лицо сестры. — Желательно

только, чтобъ жестокіе твои маневры могли, по возможности, привести скорѣе къ цѣли, то есть — будь это сказано разъ наконецъ, хотя и въ сухихъ выраженіяхъ — чтобъ, вслѣдствіе твоей явной холодности, онъ добровольно помогъ рѣшить наши отношенія, потому что, сказать правду, онъ не теряетъ ровно ничего относительно твоей холодной души, которая жаждетъ только наружныхъ успѣховъ; но онъ любитъ тебя и совершенно сознательно рѣшится скорѣе вступитъ въ несчастный бракъ, чѣмъ разстаться съ тобой, доказательствомъ чего служить все его поведеніе.

— Къ сожалѣнію, — добавила Флора, не поварачивая головы.

— И на этомъ основаніи, я буду стоять за него и постараюсь уничтожить твои коварныя замысли, — досказала Генріэтта съ дрожью на устахъ и возвысивъ свой голосъ.

Взглядъ состраданія, которымъ Флора измѣрила глупо взволнованную дѣвушку, имѣлъ сходство съ жестокой насмѣшкой; но въ то же время Флору ослѣпила какая то внезапная мысль. Она положила свою правую руку на плечо Генріэтты, привлекла ее къ себѣ и, сардонически улыбаясь, шепнула ей на ухо: ослѣпитель же его, крошка! Будь увѣрена, что я не буду протворѣчить и мѣшать тебѣ!

Кэта стояла достаточно близко отъ нихъ, чтобы понять попотъ, и какъ бы пассивно она ни относилась ко всему происшедшему между сестрами — благородный гнѣвъ все-таки сверкалъ теперь въ ея глазахъ.

Флора поняла ея взглядъ.

— Полюбуйтесь этой дѣвушкой. Развѣ ты, Кэта не понимаешь шутокъ? — сказала она полусерьезно, полунасмѣшливо. — Я не дѣлаю никакого вреда твоему баловню, хмъ и имѣю полное право отразить, разъ навсегда, безъ всякой церемоніи, злыя придирки Генріэтты... Эти два существа (она указала на коммерціи совѣтника и Генріэтту) воображаютъ, что они вправѣ заботиться о моемъ поведеніи, а ты, крошка, только-что выпорхнувшая изъ гнѣзда въ пансіонѣ и помышляющая только объ узорчикахъ да вышивочкахъ, прочитай два-три французскихъ романа, присоединяешься немедленно къ нимъ и вступаешь со мной въ борьбу; глупенькая, неужели ты считаешь себя вправѣ судить сестру твою Флору? — Она размѣялась и простерла свою руку по направленію къ орѣшнику, съ котораго только-что спорхнулъ голубь; бѣлоснѣжная птичка поднялась высоко подъ облака. — Смотри: голубка эта сейчасъ ворковала рядомъ съ другими на вѣткѣ дерева, и эти другіе были близкіе ей; а теперь широкія крылья ея разсѣкаютъ воздухъ, и въ безпредѣльной синевѣ небесъ она становится, въ глазахъ людей самостоятельнымъ, знаменательнымъ явленіемъ. Можетъ быть, ты поймешь когда-нибудь, чью пылкую натуру изображаетъ эта картина. А прогори, Морицъ, — сказала Флора, прорвавъ свой монологъ и приглашая движеніемъ руки коммерціи совѣтника къ себѣ на балконъ: — тамъ, сзади лѣса, долженъ находиться прибрѣтенный Брукомъ домъ, прежнее зданіе гостиницы, а я вижу надъ лѣсомъ густой дымъ.

— По очень простой причинѣ: подъ очагомъ разведенъ огонь, — отвѣтилъ улыбаясь коммерціи совѣтникъ: — тетушка діаконисса переѣхала вчера въ этотъ домъ.

— Въ заброшенное-то гнѣздо?

— Такъ точно. Впрочемъ „замковый“ мельникъ былъ слишкомъ хорошии хозяинъ, чтобъ допустить принадлежавшія ему строенія до упадка; въ домѣ каждый гвоздь на своемъ мѣстѣ, каждый кирпичикъ на кровлѣ.

— И дѣйствительно дѣла еще не такъ плохи. Допотопная мебель тетушки и портретъ покойнаго діакона подыстать комнатамъ; мѣста будетъ достаточно для разной посуды и стѣлянокъ; огородъ и рѣчка для мытья и полосканья тоже подъ рукой. Съ этими сло-

вами Флора невольно приподняла края своего платья съ великолѣпной отдѣлкой, какъ-бы ступивъ на только-что вымытый и непросохшій еще полъ.— Не мѣшаетъ затворить двери, — сказала она, возвращаясь поспѣшно въ комнату:— вѣтеръ несетъ сюда дымъ и чадъ.— Тонкія

Во время болтовни Флоры она испытывала такое же ощущение, какое испытываетъ человѣкъ, когда, пробудясь отъ сна, онъ видитъ себя на краю пропасти. Она поднялась на платформу башни, гдѣ голуби и галки свили свои гнѣзда. Кэти взяла свой зонтикъ—она зна-

Рѣзавушка. Статуя художника Чижева, съ фотогр. на деревѣ рѣзалъ Путицъ.

ноздри ея дрожали.— Я увѣрена, что добрая женщина приготовляетъ свое неизбѣжное пирожное, не поставивъ въ домъ еще не одного стула; она не можетъ ни на минуту обойтись безъ стряпни.

Между тѣмъ, Генріэтта вышла тихонько изъ комнаты.

ла, что больная, удаляясь тихо изъ семейнаго кружка, любить оставаться одна—и, во избѣжаніе новыхъ споровъ съ Флорой, рѣшилась сходить немедленно въ Сузѣ.

— Сходи, пожалуй, на свою мельницу, — сказалъ съ досадою коммерціи совѣтникъ, послѣ того—какъ онъ

тщетно старался удержать Кэту:—но сперва посмотри сюда! Онъ отодвинулъ въ сторону тяжелую портьеру изъ гобелэна; позади портьеры, въ глубокой нишѣ, стоялъ новый денежный шкафъ.—Это принадлежитъ тебѣ, которой всѣ завидуютъ; это твое. „Тряхну тебя я деревцо, посыплется и золото и серебро!“ сказалъ онъ и рука

„Замковый“ мельникъ понималъ правильно нашъ вѣкъ, вѣкъ наживы, доказательствомъ чему служить духовное завѣщаніе покойнаго; но какъ баснословно увеличится оставленное имъ наслѣдство, это онъ едва ли предвидѣлъ.

— При такомъ положеніи твоихъ дѣлъ, Кэта, ты

У володца. Группа художника Чижева, съ фотографіи рѣзаль Путцъ.

его ласково скользнула по холодному металлу.—Все достояніе твоего дѣдушки, зданія и дворы, лѣса и дуга, лежитъ въ этомъ сундукѣ, превращенное въ денежные документы. Бумаги эти, какъ трудолюбивыя пчелы, и денно, и ноцно работаютъ въ твою пользу. Онъ привлекаетъ потоки золота въ этотъ скрытый уголокъ...

можешь быть первой партией въ странѣ;—можешь, какъ въ сказкѣ, въ день твоей свадьбы, вымостить талерами комнату, въ которой устроенъ будетъ обѣденный столъ,—добавила изъ другой комнаты Флора. Она углубилась опять въ мягкія подушки кресла и взяла въ руки книгу.—Жаль, однако, денегъ! Не сердись, дитя мое, но

я опасаясь, что ты нравственно черезчур запугана, что бы съумѣть блеснуть съ умомъ предъ свѣтомъ своимъ золотымъ дождемъ.

— Подождемъ и увидимъ—сказала со смѣхомъ молодая дѣвушка. Покуда я еще не имѣю права взять самовольно ни одного талера оттуда (она указала на шкафъ); но относительно моей „замковой“ мельницы я хотѣла бы, Мориць, быть госпожей, хотя бы на однѣ только сутки.

— Что же, развѣ она тебѣ надоѣла, прекрасная мельничиха?

— Моя мельница? Столь же мало, Мориць, какъ и моя молодость. Но я была вчера въ саду, принадлежащемъ къ мельницѣ; онъ такъ обширенъ, что Францу, за недостаткомъ времени и робочихъ силъ, приходится невольно запустить ту часть сада, которая прилегаетъ къ шоссе. Онъ намѣренъ сдѣлать тебѣ предложение о продажѣ этого участка, который, по его мнѣнію, можетъ послужить отличнымъ мѣстомъ для постройки виллы и принести хорошій доходъ, но я полагаю, что виллы могутъ быть построены очень хорошо и на другомъ мѣстѣ; я хотѣла бы отдать этотъ участокъ твоимъ рабочимъ, которые очень желаютъ поселиться близъ твоей бумагопрядильной фабрики.

— Вотъ какъ! подарить, Кэта?

— Вовсе не думаю. Тебѣ, Мориць, не слѣдуетъ улыбаться съ насмѣшкой и состраданіемъ. Впрочемъ, люди твои отнюдь не думаютъ принимать подарокъ или подаваніе, какъ говорить докторъ Брукъ.

— А! „какъ говорить докторъ Брукъ?“ Развѣ онъ уже и твой оракулъ? воскликнула Флора, вскочивъ съ кресель. Съ загадочнымъ выраженіемъ въ лицѣ, она устрѣмила свои взоры на сестру, щеки которой зардѣлись на мгновеніе яркимъ румянцемъ, но въ глазахъ видна была холодная серьезность.—Я знаю также, какую цѣну имѣеть приобрѣтенное собственнымъ трудомъ; то что я могу приобрѣсти сама, я предпочитаю самому благонамѣренному подарку:—продолжала Кэта, не отвѣчая на намеки Флоры,—и на этомъ основаніи люди должны платить, и именно дать ту же сумму, которую они предлагали за твою землю.

— Въ такомъ случаѣ—Кэта, ты устроишь не очень великолѣпное дѣло, сказалъ, улыбаясь, коммерціи совѣтникъ: за принадлежащій мнѣ на берегу рѣчки неплоднѣйшій участокъ земли предлагали довольно ничтожную сумму, а тутъ, рядомъ съ мельницей, великолѣпная садовая почва!... Нѣтъ, дитя мое, при всемъ моемъ желаніи угодить тебѣ, я, въ качествѣ твоего опекуна, не вправѣ вручить тебѣ власть, хотя бы на одинъ только часъ!

— Въ такомъ случаѣ, пусть охотники до построекъ поступаютъ какъ знаютъ, сказала Кэта совершенно равнодушно. Я знаю, что, по прошествіи трехъ лѣтъ, я буду думать объ этомъ предметѣ точно такъ же, какъ и теперь; тогда, однако, можетъ случиться, что я сдѣлаю глупость и дамъ людямъ этимъ, на постройку, денегъ взаимъ безъ всякихъ процентовъ.

Съ спокойной улыбкой на лицѣ Кэта поклонилась и удалилась изъ комнаты.

Во время этого разговора госпожа диаконисса ходила по комнатѣ, устанавливая разныя вещи, приводя все въ порядокъ; шаги ея были такъ тихи, осторожны, какъ будто докторъ сидѣлъ уже тутъ, у письменнаго стола, работая надъ новымъ своимъ сочиненіемъ, которое хотѣлось ему окончить въ спокойномъ уединеніи, для чего онъ и оставилъ себѣ эту „комнату за городомъ“. Старушка отворила дверцу стѣннаго шкафа (возлѣ полки съ книгами) и достала изъ него тарелку съ пряниками, которую и подала молодой дѣвушкѣ, потчуй ея незатѣйливымъ домашнимъ печенемъ.

— Прянички совсѣмъ свѣжіе Сегодня только состряпала ихъ, не смотря на то, что много было хлопотъ

съ этой переѣздкой. Врачу, знаете, они всегда нужны при посѣщеніи маленькихъ пациентовъ. Насчетъ вина—извините ужъ — предложить вамъ его не могу: нѣсколько бутылокъ, которыми мы дорожимъ, я оставила въ городѣ... Онѣ хранятся тамъ, на всякій случай, для трудно-больныхъ.

Кэта подумала тутъ о кучѣ цѣнныхъ бумагъ въ своемъ денежномъ шкафѣ, которыя, по выраженію Морица, „какъ пчелки прилежно работаютъ“, чтобы направить въ этотъ шкафъ новыя струи золота изъ внѣшняго міра... Вспомнила она и о богатомъ винномъ погребѣ въ башнѣ, о надменной сестрицѣ своей, покуривающей папироски на мягкой кушеткѣ пурпурнаго цвѣта... Какой громадный контрастъ въ сравненіи съ этой обстановкой, съ этимъ скромнымъ довольствомъ, самоотверженіемъ! И какъ все это напомнило ей о родномъ домикѣ въ Дрезденѣ!.. Радостное чувство охватило Кэту, и она стала рассказывать о своей приемной матери, о ея строго-разумной, серьезной и въ то-же время благодѣтельной дѣятельности; о томъ, какое вліяніе имѣеть она на другихъ, какъ сама прилежно работаетъ и требуетъ того-же отъ своей приемной дочки.

— Но какъ смотреть г-жа президентша на такую систему воспитанья, на ваше жить-бытьѣ тамъ?—спросила тетушка, съ тонкой улыбкой, поглядывая съ видимымъ удовольствіемъ на фигуру цвѣтущей, крѣпкой дѣвушки.

— Этого я не знаю,—отвѣтила Кэта, пожавъ плечами, причемъ въ глазахъ ея блеснулъ задорный огонекъ:—но думаю, что я ей кажусь слишкомъ быстрой относительно движеній, манеры держаться; голосъ мой для нея слишкомъ звонокъ, къ тому-же я ужъ очень здорова, крѣпка и не довольно блѣднолица. Одному Богу извѣстно, сколько, можетъ быть, надѣлала я имъ хлопотъ, какъ стѣсняла ихъ... Это портретъ вашей сестры?—спросила она, вдругъ обрывая тотъ разговоръ и указывая на лицо красивой женщины, изображенной на холстѣ масляными красками. Портретъ стоялъ еще на полу, около стѣны.

— Дѣ, это моя сестра. Меня вотъ все беспокоитъ, что портретъ еще не на мѣстѣ; рамка-то немножко старовата стала, прибавила старушка, ну, а я подвержена головокруженію... боюсь на лѣстницу-то влѣзть. Нѣсколько недѣль тому назадъ я отпустила служанку... (легкая краска разлилась по ея лицу)—вотъ и приходится ждать теперь, пока придетъ подѣщица; она и повѣситъ послѣднія картины и приладитъ занавѣски къ моей кровати...

А Кэта была уже у письменнаго стола. Она положила на него зонтикъ и прѣсто, не стѣняясь, опустила букетикъ свой изъ „ивовыхъ сережекъ“ и „бѣлзора“ въ изящный стаканъ изъ стекла молочнаго цвѣта, стоявшій возлѣ чернилицы. Однимъ сильнымъ, но осторожнымъ толчкомъ дѣвушка отодвинула письменный столъ отъ стѣны и приставила къ ней плетѣный стулъ.

— Можно?..—зѣ-просто обратилась она къ тетушкѣ и сейчасъ-же схватила съ подоконника молотокъ и гвозди.

Тетушка, съ улыбкой благодарности, подала ей портретъ, который, спустя нѣсколько секундъ, и повисъ на стѣнѣ. Но Кэта невольно отшатнулась, когда старушка протянула ей фотографическое изображеніе Флоры... Она—своими собственными руками—должна повѣсить этотъ портретъ! Онъ будетъ, висѣть, благодаря ей, передъ глазами человѣка, которому уже измѣнили, которому оригиналь больше ужъ не принадлежитъ... Ну да, вѣдь скоро фотографію эту потребуютъ обратно, вмѣстѣ съ кольцомъ, что онъ носитъ на пальцѣ, какъ женихъ... Какое мучительное положеніе!.. А вотъ тетушка еще ласково провела рукой по этому портрету!..

— О, она такъ чудно-хороша,—сказала старушка нѣжнымъ голосомъ.—Собственно-то говоря, я мало знаю

ее... Меня навѣщаетъ она весьма рѣдко. И то сказать, мнѣ-ли, старухѣ, требовать, чтобы такая дѣвушка приходила скучать со мною? Но я всѣмъ сердцемъ люблю ее! Вѣдь она *сво* любитъ, она сдѣлаетъ его счастливымъ...

Какая недалковидность, какое странное ослѣпленіе! Кэтъ казалось, что она не на стулѣ стоитъ, а на горячихъ угольяхъ.. Въ самомъ дѣлѣ, она поступила ужасно необдуманно: послѣ всего того, что пришлось ей сегодня услышать тамъ, въ башнѣ, не слѣдовало ей вовсе и заходить сюда. Она готова была назвать себя фальшивой, лицемерной, потому что надо было сейчасъ-же вышибить изъ рукъ этой старушки фотографическій портретъ, показать ей, что передъ ней — змѣя, готовая ужалить ее въ сердце... А она этого не сдѣлала, даже не осмѣлилась проронить ни одного слова!.. Молотокъ такъ сильно ударилъ по гвоздю, что стѣна дрогнула... Вотъ и второй портретъ повѣшенъ. Пальцы Кэты какъ-то нервно задрожали, когда она вѣшала его. Соскочивъ со стула, дѣвушка невольно взглянула на фотографію... Обольстительное лицо сестры улыбалось надъ письменнымъ столомъ,—улыбалось, какъ можетъ улыбаться прекрасный, злой, торжествующій демонъ.

Кэта схватила зонтикъ, чтобъ какъ можно скорѣе выйти изъ комнаты, но, переступивъ порогъ, увидѣла передъ собой другую настежь отворенную дверь, а за нею какъ разъ—кровать тетушки. Тамъ была и лѣстница.

— Вотъ, вѣдь, чуть—было не забыла! извинилась она и впорхнула туда, а затѣмъ сейчасъ-же взяла съ постели цвѣтную занавѣску и влѣзла на лѣстницу, пододвинувъ ее къ угловому окну, около котораго помѣщалась кровать. Кэта стояла такъ высоко, что могла коснуться лѣшнихъ украшеній потолка — къ ножкамъ амурчиковъ. Торопливо быстро нанизывала она кольца занавѣски на желѣзный пруть, а въ это время тетушка, стоя у стола (онъ былъ посреди комнаты), размѣшивала ложечкой въ стаканѣ воды малиновый сиропъ „для своей доброй помощницы“. Вдругъ Кэта увидѣла, какъ за окномъ быстро прошолъ человекъ, удивительно какой стройный, съ такой серьезной осанкой, и она сейчасъ-же догадалась, что это онъ... и испугалась. Оставаться или сойти съ лѣстницы? Но уже было поздно рѣшать этотъ вопросъ: Брукъ проселъ чрезъ сѣни и отворялъ теперь дверь въ комнату тетушки. Старушка обернулась, и, крикнувъ: „Ахъ, Лео, вотъ и ты!“ поспѣшила къ нему навстрѣчу и обвила руками шею племянника. Само собою разумѣется, что тутъ не только стаканъ съ розовымъ питьемъ, но и сама „добрая помощница“ была забыта. Кэта, стоя въ темномъ углу, на лѣстницѣ, въ невыразимомъ смущеніи старалась теперь спрятаться за ситцевую занавѣску, но уже было поздно прятаться: она *должна* была стоять совсѣмъ смиренно, не шевелиться, если не хотѣла быть неловкой помѣхой этому свиданію.

Молодая дѣвушка видѣла, какъ красивое лицо доктора, окаймленное густою бородой, любовно склонилось надъ женщиной, воспитавшей его, дружески-преданной ему, замѣнившей ему родную мать. Она видѣла, какъ онъ крѣпко прижалъ ее къ груди и потомъ, снявъ руку тетушки съ своего плеча, почтительно поцѣловалъ эту руку и затѣмъ окинулъ взглядомъ комнату.

— Ну, Лео, что-то ты скажешь насчетъ того, что вотъ я, не предупредивъ тебя, прилетѣла изъ города сюда?—спросила старушка, уловивъ взглядъ племянника.

— Я бы долженъ былъ, собственно говоря, не одобрить этого... Въ послѣдніе дни ты слишкомъ много хлопотъ приняла на себя, ну, а вѣдь мы знаемъ, что домашнія тревоженія и хлопоты всегда вредно дѣйствуютъ на твое здоровье! Впрочемъ, ты — ничего, на видъ здорова и свѣжа, даже...

— А ты, Лео, что-то не совсѣмъ хорошь,—перебила тетушка съ озабоченнымъ видомъ:—цвѣтъ лица не такой свѣжій, какъ обыкновенно, да вотъ и здѣсь (она слегка провела концами пальцевъ по его лбу) замѣтно что-то такое незнакомое... Да; кака-то мрачная, мучительная мысль забралась туда.. Не было-ли какихъ-нибудь неприятностей у тебя тамъ, куда ты ѣздилъ, т. е. относительно твоей докторской практики?..

— Нѣтъ, тетушка, никакихъ!

Съ тонъ его голоса звучала искренность, тонъ былъ успокоительный, но въ то-же время въ немъ ясно слышалось желаніе прекратить дальнѣйшіе разпросы. Коммерціи совѣтникъ не даромъ-же замѣтилъ, что Брукъ вообще никогда не говоритъ о своихъ дѣлахъ, не любитъ сообщать что-либо о своей дѣятельности.

— Однако, какой уютной представляется мнѣ эта комната, не смотря на ея почернѣвшія стѣны,—проговорилъ докторъ и, заложивъ руки на спину, прошелся медленнымъ шагомъ вокругъ стола, осматривая разныя мелочи... Здѣсь ощущаешь миръ, тишину, благодаря присутствію безкорыстной, любящей женской души!.. Вотъ именно *это* такъ и тянетъ меня домой, въ этотъ скромный уголокъ съ его простенькой обстановкой, гдѣ даже и не слышно, какъ ты хозяйничаешь... Я, тетушка, частенько буду посѣщать это тихое жилище.

Старушка засмѣялась и замѣтила лукаво:

— Да, да, конечно! Частенько... до *одного* іюньскаго денька... Послѣ Троицына дня—твоя свадьба.

— Да; на второй день праздника.

Какъ странно произнесъ онъ эти слова—холодно, такимъ твердымъ, неумолимымъ тономъ!.. Ну-да ужъ онъ не допуститъ отсрочки ни на одну секунду; назначенъ часъ—и кончено! Кэта почувствовала легкой ознобъ и притаила дыханіе... Вотъ ужъ теперь-то показаться ей совсѣмъ нельзя! Считая каждую минуту, она ждала, что Брукъ уйдетъ же, наконецъ, въ свою комнату, а тогда ей легко будетъ спуститься и тихонько уйти, не столкнувшись съ нимъ. Это „подслушивание по-невслѣ“ въ глубинѣ души возмущало молодую дѣвушку. Докторъ, какъ на зло, подошелъ еще къ столу и взялъ письмо (оно лежало около книгъ, неприбранныхъ тетушкою за неимѣніемъ времени).

Старушка даже подалась впередъ, какъ-бы желая помѣшать ему прочесть это письмо, причемъ нѣжное лицо ея почти побагровѣло.

— Ахъ, Господи, вѣдь вотъ какой забывчивой становится такая старая голова!—посѣтовала она.—Письмо это принесли изъ города нѣсколько часовъ тому назадъ... Отъ купца Ленца. Сегодня не слѣдовало бы вовсе письму этому попадать въ твои руки—ну, а я, вотъ, и оставила его тутъ! Кажется мнѣ, что въ немъ деньги за твои визиты... Но присланы-то они въ такое неурочное время, Лео.. Я, право, опасуюсь...

Брукъ уже вынулъ письмо изъ конверта и пробѣжалъ глазами написанное.

— Да, и Ленцъ тоже даетъ мнѣ отставку, произнесъ онъ спокойнымъ тономъ и бросилъ на столъ, вмѣстѣ съ письмомъ нѣсколько кредитныхъ билетовъ.—Тебя, тетушка огорчаетъ это?

— Меня?.. О, Лео, нисколько! Ни чуточки, если только я могу быть увѣрена, что ты не принимаешь близко къ сердцу неблагодарность этихъ неразумительныхъ людей... я вѣрю въ тебя, въ твое искусство... въ твою звѣзду, и вѣра эта непоколебима,—прозвучалъ кроткій женскій голосъ, въ которомъ было много теплоты и увѣренности.—Рука нечаянно и недоброжелательства стала бросать тебѣ подъ ноги камни (конечно, она это скоро оставитъ), но камни эти не смущаютъ меня: ты все-таки пойдешь впередъ по дорогѣ, которую самъ избралъ.. (Тутъ старушка указала черезъ открытую дверь на смежную комнату). Осмотри-ка свой уголокъ — тамъ спокойно, безъ всякихъ помѣхъ, мо-

жешь-ты и думать и работать!.. Ахъ, и какъ-же радостно ожидаю я того времени, тѣхъ дней, которые мы еще можемъ прожить вмѣстѣ, когда я буду заботиться о тебѣ...

— Да, тетушка, но та стѣснительная экономія, которую ты въ эти послѣдніе мѣсяцы постепенно вводила въ наше хозяйство... вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, повліявшихъ на мои дѣла, должна быть совершенно оставлена. Я не потерплю теперь, не могу больше допустить, чтобы ты сряду нѣсколько часовъ стояла въ кухнѣ на холодномъ каменномъ полу. Нельзя ли сегодня-же снова водворить нашу прежнюю кухарку?.. Относительно этого ты можешь преспокойно распорядиться — смѣло пригласить ее занять старое мѣсто.

Докторъ опустилъ руку въ боковой карманъ сюртука; вынулъ оттуда тяжеловѣсный кошелекъ (наполненный золотомъ) и высыпалъ изъ него всѣ деньги на столъ.

Старушка такъ была удивлена и такъ обрадовалась при видѣ кучки золота, заблестѣвшей на ея простенькой скатерти, что только молча всплеснула руками.

— Это, тетушка, гонорарій мой — только за одну практику, — сказалъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ. — И — такъ, тяжелые дниминивали!

Брукъ повернулся и вышелъ изъ угловой комнаты.

Взглянувъ на тетушку, можно было замѣтить, что у нея кое-что лежало еще на душѣ, но она не сдѣлала ни одного вопроса о томъ, какая это была практика и кто именно былъ его паціентомъ — такимъ щедрымъ при выдачѣ вознагражденія.

Кэта воспользовалась благопріятной минутой, чтобы сойти, наконецъ, съ лѣстницы. Сердце у нея стучало, щеки совсѣмъ разгорѣлись — такъ ей стыдно было, что она подслушала весь этотъ интимный разговоръ!.. Вонъ, изъ той двери прямо выходъ въ сѣни... значить, уйти можно незамѣтно; пускай тетушка-дьяконисса думаетъ, что и слѣдъ Кэты давно простыль, что она и не слышала ни одного словечка изъ ихъ разговора, во-время удалившись... Но, прежде чѣмъ выйти изъ спальни, дѣвушка украдкой посмотрѣла въ сосѣднюю комнату. Какъ разъ въ это время дьяконисса и докторъ подошли къ письменному столу, и Кэта услышала восклицаніе Брука: „А — а! Вотъ и первые весенніе цвѣточки! Да развѣ ты знала, что я люблю эти хорошенькіе голубые цвѣточки?..“ Тетушка, растерявшись, тоже воскликнула: „Я-то?.. Нѣтъ, Лео... Это — Кэтхенъ, твоя третья свояченица, взяла да и опустила въ стаканъ букетикъ... Эхъ, право, какая я нынче разсѣянная, безмятная!..“

Старушка поспѣшила въ спальню, но Кэта уже успѣла запереть за собою дверь и проскользнуть черезъ сѣни прямо въ садъ. Такъ какъ ее теперь ничто не тревожило, то она шла подъ окнами неторопливымъ шагомъ. Заглянувъ въ первыя два окна, она увидѣла за ними часть постельной занавѣски, съ пестрыми букетами, повѣшенной криво, кое-какъ; за слѣдующей парой окошекъ висѣли хорошенькія кисейныя занавѣси (это была комната тетушки). Одно окно было открыто и оттуда струился ароматъ гіацинтовъ и нарцисовъ. Вдругъ красивая мускулистая мужская рука поставила стеклянный стаканъ молочнаго цвѣта, съ голубыми цвѣточками въ немъ, на подоконникъ возлѣ цвѣточныхъ горшковъ... Это былъ ея весенній букетикъ!.. Брукъ взялъ его съ письменнаго стола и перенесъ на окно. Кэта сильно вдрогнула.. Вотъ вѣтренница, вотъ неосторожная! Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ странномъ свѣтѣ показала она себя: вѣдь докторъ, увидѣвъ на своемъ столѣ эти цвѣточки, навѣрно долженъ подумать о томъ, какую безтактность И, даже навязчивость обнаружила въ этомъ случаѣ легкомысленная молодая дѣвушка!.. Она тотчасъ-же остановилась и, раздосадованная, почти глотая слезы, протянула руку къ подоконнику. Брукъ невольно поднялъ глаза.

— Будьте такъ добры, г. докторъ, потрудитесь передать мнѣ эти цвѣты. Они — мои. Я только на минутку куда-то положила ихъ тамъ, а потомъ и забыла о нихъ, проговорила Кэта, съ трудомъ скрывая волненіе.

Услышавъ этотъ голосъ, такъ неожиданно прозвучавшій за окномъ, докторъ сначала какъ будто испугался слегка... Конечно, ему было не совсѣмъ-то пріятно, что молодая дѣвушка наблюдала за нимъ, но онъ быстро овладѣлъ собой, подавивъ непріятное ощущеніе, и ласково сказалъ:

— Я сейчасъ отдамъ вамъ цвѣты.

Глубоко спокойный тонъ отвѣта разомъ обезоружилъ Кэту... Да, онъ не хотѣлъ обидѣть ее.

Брукъ вышелъ на крыльцо и сошелъ со ступенекъ лѣсенки. Его великолѣпная кудрявая борода, широкая грудь, строго благородная манера держаться — все это вмѣстѣ невольно напоминало одну изъ тѣхъ фигуръ, которыя мы привыкли видѣть непремѣнно въ форменномъ военномъ костюмѣ — хотя бы даже въ зеленомъ сюртукѣ лѣсничаго. Вѣжливо поклонившись, онъ подалъ дѣвушкѣ стаканъ съ букетикомъ.

Кэта вынула цвѣты изъ стакана и, улыбаясь, сказала:

— Вѣдь это — первые, смѣлые маленькіе цвѣточки! Они бойко такъ торопятся поскорѣй выйти на свѣжій апрѣльскій воздухъ! Сколько разъ согнешься, чтобы составить такой букетъ, но за то потомъ и радуешься ему... Право, онъ дороже цѣлой массы тепличныхъ цвѣтовъ!

Теперь только молодая дѣвушка поуспокоилась. Докторъ ужъ навѣрно послѣ этого не подумаетъ, что она, въ качествѣ новой родственницы обнаружила такую неловкость, безцеремонность относительно его письменнаго стола.

Вотъ и тетушка показалась у открытаго окна. Извинившись, что ей пришлось оставить Кэту, она въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ просила молодую дѣвушку приходить сюда почаще.

— Но вѣдь фрейленъ Кэта, недѣли черезъ двѣ-три, уѣдетъ опять въ Дрезденъ, — какъ-то торопливо отвѣтилъ за нее Брукъ.

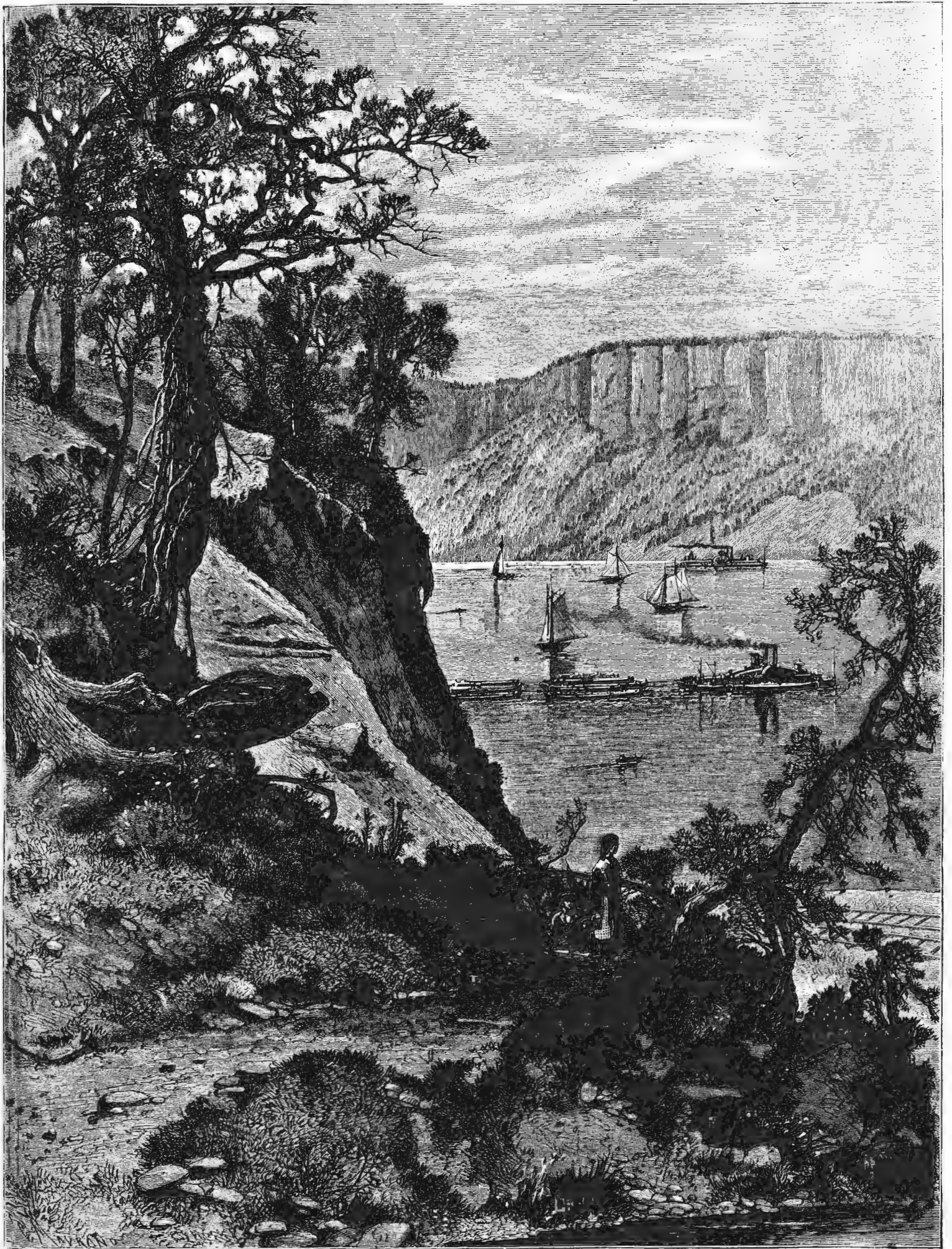
Это смутило и изумило Кэту. Неужели-же онъ боялся того, что она, являясь сюда, будетъ говорить старушкѣ (ничего еще неподозрѣвавшей) о томъ, какія странныя отношенія существуютъ, между нимъ и его невѣстой?... Мысль эта раздражала ее, но ей ужасно было жаль Брука: вѣдь душа его страдала, и страданія эти онъ такъ мужественно таилъ въ своей груди, а она не могла успокоить, утѣшить его...

— Я дольше останусь здѣсь, г. докторъ, — возразила Кэта серьезнымъ тономъ. — Да, и весьма вѣроятно, что пребываніе мое въ домѣ Морица продлится нѣсколько мѣсяцевъ... Вамъ, какъ врачу Генріэтты, лучше ближе знать, когда мнѣ возможно будетъ спокойно оставить больную сестру и вернуться домой.

— Вы хотите ухаживать за Генріэттой?

— Да, и нахожу это совершенно естественнымъ. Развѣ хорошо, что ухаживать за ней до сихъ поръ былъ порученъ исключительно лицамъ постороннимъ, чужимъ?.. Бѣдняжка предпочитаетъ даже въ одиночку проводить ночи, чтобы только не призывать прислуги... Она не рѣшается обратиться за помощью къ ней, потому что рискуетъ увидѣть кисля, угрюмья, заспаннаго физиономіи а это оскорбляетъ ее. Она настолько горда, а можетъ быть слишкомъ раздражительна вслѣдствіе болѣзни, что не можетъ позволить себѣ почувствовать зависимость свою отъ людей подначальныхъ. Этого не слѣдуетъ болѣе допускать — и я остаюсь ради Генріэтты.

— Какъ-бы то ни было, вы берете на себя эту задачу, считая ее слишкомъ легкой... Генріэтта очень

Вершины Падисадъ на Гудзонѣ, въ Америкѣ, Соединенныхъ Штатахъ. Рисов. Смитъ, грав. Моранъ.

больна, (Брукъ провелъ рукою по лбу, такъ что на мнновеніе Кэта не могла видѣть его глазъ)... Вамъ придется пережить тутъ нѣсколько тяжелыхъ, мучительныхъ часовъ.

— Я это знаю, произнесла она тихо, вдругъ сильно поблѣднѣвъ на одну минуту:—но во мнѣ довольно мужества...

— Относительно этого я не сомнѣваюсь, живо заговорилъ докторъ:—вѣрю, что у васъ и терпѣнія много, и неослабенаго милосердія, но... нельзя еще опредѣлить времени, когда для больной... уже не нужно будетъ никакого ухода... Вотъ поэтому-то я и не могу допустить, чтобы вы такъ энергически брались за это дѣло. Такой трудъ для васъ физически невозможенъ.

— Дня меня?...

Невольно поднявъ и вытянувъ правую руку, Кэта съ горделивой улыбкой посмотрѣла на нее.

— Не кажется-ли самимъ вамъ, г. докторъ, опасеніе ваше неосновательнымъ, когда, вотъ, вы видите меня? спросила она, весело мегнувъ глазами.—Нѣтъ, я изъ крѣпкаго, хорошаго матеріала; я вышла совсѣмъ въ бабушку Зоммеръ, а бабушка была дочерью крестьянина, сказать проще—дочерью дровосѣка, и бѣгала она босая, а въ лѣсу работала топоромъ даже лучше своихъ братьевъ. Это я все знаю отъ Сузы.

Брукъ отвелъ отъ нея глаза и посмотрѣлъ въ открытое окно. Тамъ, за своими гіацинтами и нарциссами, стояла старушка-тетушка въ задумчивой позѣ и какъ-бы привороженная, смотрѣла упорно на молодую дѣвушку. Его лицо какъ-то удивительно омрачилось.

— Въ данномъ случаѣ желѣзная сила мускуловъ не такъ важна, уклончиво отвѣтилъ докторъ.—Обязанность сидѣлки, которую вы желаете принять на себя, сопряженная съ душевнымъ волненіемъ и опасеніями, вредно дѣйствуетъ на нервную систему... Впрочемъ (какъ-бы спохватился онъ), мнѣ вовсе и не слѣдуетъ указывать вамъ, какъ именно должны вы поступать. Это ужъ дѣло вашего опекуна, Морица, который обязанъ разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ, по всей вѣроятности, будетъ настаивать на томъ, чтобы вы къ назначенному сроку вернулись въ домъ вашихъ приемныхъ родителей.

Эти послѣднія слова Брукъ произнесъ довольно рѣзкимъ тономъ, что не согласовалось съ его обычною кротостью и хладнокровіемъ.

Тетушка невольно отодвинулась отъ окна, Кэта-же, напротивъ, стояла совершенно спокойно.

— Но отчего вы такъ непреклонны, г. докторъ? Почему вамъ хочется, чтобы Морицъ обошелся со мной такъ жестоко?—спросила она какъ-то дѣлственно-кратко.—Развѣ я желаю чегонибудь дурнаго?... И неужели Морицъ дѣйствительно имѣетъ право удержать меня отъ исполненія обязанностей сестры?... Нѣтъ, я этого не думаю... Но я вижу одинъ только исходъ, а именно: уговорите Генріэтту отправиться со мною въ Дрезденъ. Тамъ за больной будутъ ухаживать двое: я и моя докторша; уходъ, значить, пополамъ... Вѣдь это не повредитъ моей нервной системѣ?...

Кэта тихо засмѣялась.

— Хорошо-съ, попытаюсь уговорить, отвѣтилъ Брукъ особенно-рѣшительнымъ тономъ.

— Ну, такъ я впередъ дамъ вамъ слово, что если это устроится я потороплюсь улетѣть отсюда, постараюсь поспѣшить, насколько это будетъ отъ меня зависѣть, проговорила молодая дѣвушка не менѣе рѣшительнымъ голосомъ, бросивъ на доктора выразительный взглядъ. Взглядъ этотъ заставилъ его потупить глаза, какъ будто онъ былъ пойманъ на чемъ дурномъ.

Тетушка внезапно высунулась изъ окна и какъ-то удивленно, трогательно посмотрѣла въ лицо племянника... Брукъ былъ особенно молчаливъ; онъ стоялъ у виноградной шпалеры, колыхаемой вѣтромъ, и обрывалъ достаточныя вѣточки лозы. Онъ ничего не сказалъ Кэтѣ.

— А развѣ вы такъ охотно уѣдете отсюда? спросила старушка съ явнымъ смущеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ ласковымъ упрекомъ.

Кэта въ это время накинула на голову спустившейся на плечи вуаль и крѣпко завязала концы ея подбородкомъ. Лицо ея въ этой черной рамкѣ было похоже на цвѣтокъ персиковаго дерева.

— Изъ вѣжливости отвѣтить „нѣтъ“, г-жа діаконисса? спросила она въ свою очередь, улыбаясь, а потомъ, покачавъ головой, прибавила:—полагаю, что я получила достаточно-разумное воспитаніе, могу вселиться въ свѣтъ, зная его требованія, условія (каковы они есть), но думаю, что даже самая строгая дрессировка не въ состояніи уничтожить въ тайникѣ души особенностей личности, ея индивидуальность. Я, напримѣръ, чувствую себя и теперь въ отношеніи къ бабушкѣ моихъ сестеръ *такой-же* чуждой, какъ и въ былое время, когда я должна была (по приказанію отца) дѣловать ей руку... Незамѣтно, но постоянно мнѣ приходится стучаться объ разные углы и уголки, мимо которыхъ другіе проходятъ совершенно свободно, не натываясь на нихъ. А эти углы и уголки съ самаго дѣтства беспокоили и мучили меня... Ахъ и, какимъ же холодомъ вѣетъ тамъ въ родительскомъ домѣ! (она даже вздрогнула). Много холоднаго мрамора въ немъ. Какъ же не забнуть тамъ?... Кстати, и Морицъ сдѣлался такимъ ужасно-важнымъ человекомъ, что (на щекахъ ея двѣ ямочки обнаружили плутовскую улыбку) при взглядѣ на свою простую визитную карточку случайно-попавшуюся на глаза, положительно трусишь и стыдишься самой себя... Да, милая моя г-жа діаконисса, я отъ души рада буду вернуться въ Дрезденъ, конечно, если только Генріэтта поѣдетъ туда со мною.

Въ противномъ-же случаѣ (тутъ Кэта снова обратилась къ Бруку, перемѣнивъ шуточный тонъ на весьма рѣшительный)... въ противномъ случаѣ я сдѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы приноровиться къ даннымъ условіямъ жизни, примѣниться къ обстоятельствамъ и затѣмъ остаться на виллѣ. Очень можетъ быть (я и этимъ рискую), что Морицъ попытается насильно отправить меня въ Дрезденъ, но это... ничего!...

Она ласково попрощалась со старушкой и, слегка поклонившись доктору, вышла изъ сада, чтобы отправиться на „замковую“ мельницу, не смотря на то, что наступилъ уже вечеръ.

(Продолженіе будетъ)

„РЪЗВУШКА“ И „У КОЛОДЦА“.

Въ ряду нашихъ художниковъ-скульпторовъ въ настоящее время видное мѣсто занимаетъ г. Чижевъ, произведенія котораго обращаютъ на себя вниманіе нашихъ знатоковъ и становятыя его наряду съ собратьями его по искусству - Ловрецкимъ, Кошелевымъ и др. Г. Чижевъ въ 1866 г. получилъ отъ Императорской академіи художествъ вторую золотую медаль за статую «Крестьянинъ въ бѣдѣ»; въ 1868 году былъ удостоенъ высшей академической награды за образъ, находящійся теперь въ перкви академіи художествъ, изображающій воскрешеніе сына вдовы Наннской. Послѣ того г. Чижевъ былъ удостоенъ медали за экспрессию въ статуѣ «Крестьянинъ въ бѣдѣ»; эта

медаль извѣстна подъ названіемъ медали г-жи Лебрень, вложившей когда-то опредѣленную сумму на учрежденіе этой медали. Званіе академика г. Чижевъ получилъ за статую «У колодца» и «Игра въ жмурки». Первая составляетъ собственность графа Строгонова, а вторая находится въ академіи. Нужно сказать, полученіе высшей академической награды—первой золотой медали, даетъ получившему ее право на путешествіе за границу и на жительство тамъ на казенный счетъ въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ (если не ошибаемся, для этого назначается шестилѣтній срокъ). Обязанность такого пенсіонера академіи заключается въ томъ, что онъ, изучая произведенія европейскаго искусства, дол

жень, съ своей стороны, заботиться о развитіи собственнаго таланта и присылать въ академію свои заграничныя работы по мѣрѣ ихъ накопленія. Число такихъ работъ ограничивается самой незначительной цифрой, и, кажется, дѣло вовсе не въ количествѣ произведеній, а въ ихъ качествѣ. Въ настоящее время г. Чижевъ находится въ Петербургѣ и работаетъ въ своей мастерской, находящейся въ зданіи академіи художествъ. Изъ произведеній его въ свое время обращали вниманіе публики и до сихъ поръ ей памятливы: «Крестыянинъ въ бѣдѣ», «Игра въ жмурки», «Мать, учящая грамотѣ своего ребенка», «У колодца» и «Переходъ чрезъ жердочку». Эти два послѣднія произведенія мы передаемъ въ рисунокѣ на страницахъ настоящаго нумера «Нивы». По этимъ двумъ произведеніямъ читатели сами могутъ судить о степени таланта художника, о смѣлости его замысловъ, трудности выполненія которыхъ такъ легко преодолевается имъ. Особенность г. Чижева, въ отличіе отъ его собратьевъ по искусству, заключается всею болѣе именно въ томъ, что онъ не задумывается надъ трудностью задачи, а какъ будто даже самъ нарочно выбираетъ то, что всего труднѣе. Представьте, напримѣръ, такой сюжетъ, какъ переходъ черезъ жердочку: вѣдь здѣсь является для художника необыкновенная трудность—необходимо уловить моментъ и именно тотъ, который только одинъ и характеризуетъ положеніе переходящей: не много раньше, не много позднѣе—

и нѣтъ того эффекта, нѣтъ воспроизведенія въ художественной формѣ задуманной идеи. Относительно экспрессіи въ работахъ г. Чижева тоже нужно сказать много хорошаго, хотя въ этой послѣдней ему ни мало не уступаетъ г. Ловренскій. Полагаемъ, что въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ г. Чижевъ, несомнѣнно, сдѣлаетъ болѣе усилія, въ особенности принимая во вниманіе его молодые года—всего лѣтъ 30—32. Въ заключеніе нашей статьи не можемъ не пожелать нашимъ художникамъ—скульпторамъ такого же богатства, силы и глубины таланта, какія вездѣ и въ громадномъ обилии проявляются въ произведеніяхъ г. Антокольскаго.

Мы надѣемся, что г. Чижевъ и другіе наши молодые скульпторы обогатятъ въ послѣдствіи русское искусство не только такими жанровыми произведеніями, о которыхъ мы выше упоминали, но и воспроизведеніемъ типичныхъ чертъ русской жизни въ фигурахъ, какъ, напримѣръ, это встрѣчается отчасти у г. Пименова (скульптора, увѣ, рано умершаго). Во всякомъ случаѣ не можемъ не пожелать полнаго усилія г. Чижеву и всеѣмъ его собратьямъ, ибо искусство даетъ намъ возможность отдаляться на время отъ тревожной общественной жизни и подниматься, хотя на мгновеніе, хотя на самую незначительную высоту, въ нивы, чистыя сферы отъ заботахъ нашей жизни мелочныхъ, житейскихъ разчетовъ!

ВЕРШИНЫ ПАЛИСАДЪ НА РѢКѢ ГУДЗОНЪ.

Изъ цѣлаго ряда живописныхъ картинъ, открывающихся глазамъ путешественника на берегахъ «красавицы рѣки», какъ обыкновенно зовутъ Гудзонъ, особенно поражаетъ своею оригинальною красотой рядъ отвѣсныхъ скалъ, такъ называемыхъ Palisades. Они тянутся по западному берегу, миль на тридцать, начинаясь у деревни Weehawken, противъ самаго Нью-Йорка, и направляясь къ сѣверу, въ сторону Гаверстро (Haverstraw). Берега Гудзона отличаются разнообразіемъ своихъ ландшафтовъ и соединяютъ, на своемъ протяженіи отъ горъ до океана, романтическія красоты Рейна съ величіемъ дунайскихъ видовъ, съ нѣжной и тихой прелестью Эльбы. Великолѣпная панорама его береговъ представляетъ еще болѣе интересъ въ связи съ древними индѣйскими преданіями, замѣчательными произведеніями американской поэзіи и многими историческими событіями. Это—Гудзонъ прошедшаго; въ настоящее время онъ—мощный двигатель торговли. Его часто посѣщаютъ путешественники, цѣлыя плавучіе дворцы покрываютъ его воды, масса бѣлыхъ парусныхъ судовъ снуютъ во все стороны, съ крутыхъ береговъ смотрятся роскошные города, а въ ихъ окрестностяхъ разсыпаны тысячи прелестныхъ дачъ—пріютовъ покоя, довольства, искусства, роскоши и всеѣхъ утонченностей повѣщей цивилизаціи.

«Плывемъ мы мимо рощъ», богатыхъ городовъ,
Селеній скромныхъ, хижинъ и дворцовъ,
Картины новыя—при каждомъ поворотѣ.

Туристъ нашихъ дней, быстро несясь по Гудзону, вдоль его гористыхъ береговъ, или качаясь на волнахъ, подъ сѣрой таинственной тѣнью Palisades, при солнечномъ закатѣ, можетъ развлекать себя воспоминаніями о маленькомъ Half-Moon, парусномъ кораблѣ, на которомъ Генрихъ Гудзонъ впервые прорѣзалъ воды, отправляясь въ Китай, или о Клермонтѣ, первой паровой слѣдъ, пушенной на воду Робертомъ Фультономъ; можетъ перенестись въ тѣ далекія времена, когда жителями этихъ береговъ были краснокожіе, а вынѣ—шумная, дѣятельная рѣка, какъ будто плача и сѣтующая на своихъ недобрыхъ пришельцевъ, камила мутныя воды свои.

«По лѣсамъ первобытнымъ, гдѣ сосны и дубы шумѣли,
Зеленью темной и мохомъ вѣщанные старцы
Дней невозвратно минувшихъ сѣдые друиды.»

Гудзонъ былъ свидѣтелемъ многихъ возмутительныхъ эпизодовъ революціи: измѣны Арнольда, печальной кончины Андре и сдачи Бергойна (Burgoyne). Съ рѣки скрадывается крутизна береговыхъ скалъ и (на приложенномъ рисунокѣ) онѣ изображены съ противоположнаго берега, представляя для избѣгающихъ ихъ снизу совершенно новую картину. Только взбираясь на эти утесы или глядя на нихъ съ запада, какъ и сдѣлалъ художникъ, можно замѣтить неровности мощно возвышающихся вершинъ. Видъ съ этихъ высотъ широкъ и восхитителенъ: передъ глазами зрителя—устье Гудзона, Нью-Йоркская бухта и разбросанныя на востокѣ деревни: Йонкерзъ, Гастингсъ, Сингъ-Сингъ и другія. Вертикальные береговые утесы Гудзона получили свое названіе Palisades отъ сходства съ частоколомъ. Въ давнія, можетъ быть доисторическія времена, русло теперешней рѣки шло сквозь формацию краснаго песчаника, слѣды котораго видны у подножія утесовъ и до сихъ поръ. Обломки скалъ падали съ вершинъ, благодаря дружнымъ усиліямъ стихій.

Обломки эти идутъ въ настоящее время на мощеніе нью-йоркскихъ улицъ; съ той же цѣлью ихъ употребляютъ и въ другихъ городахъ. Около Weehawken, эти громадные столбы достигаютъ 310 футовъ, а между Нью-Джерси и Нью-Йоркомъ—510-ти. Въ одномъ мѣстѣ, у Hakestron, Палисады перегибаютъ направленіе и тянутся въ противоположную сторону отъ рѣки, на сѣверо-западъ и западъ, представляя цѣль утесовъ, мѣстами въ 800 футовъ вышины. Тотъ же крикъ идетъ къ югу и образуетъ возвышенность, на которой стоитъ Hudsoncity, къ западу отъ Джерсейсити; пассажиры эрикской желѣзной дороги проѣзжаютъ туннель, идущій сквозь Палисады, между Джерсей-сити и большой «Новой Аркой» на западъ. Исчезая у Bergin-Point, скалы опять показываются на Staten Island, переходя въ плоскую возвышенность. У подножія Палисадъ, подъ навѣсами этихъ величавыхъ утесовъ, очень много небольшихъ пещеръ; тамъ и сямъ видѣются одинокіе коттеджи, прелестныя долины, парочные пристани, загородные рестораны. Къ рѣкѣ Хакъ-кью-сакъ горы спускаются волнообразными скалами; мѣстами густой лѣсъ вычаетъ ихъ неровныя верхушки. Съ рѣки его можно принять за мелкій кустарникъ. Недалеко отъ верхняго конца Manhattan Island стоитъ большой отель съ башнями и галлереями. Онъ выстроенъ на самомъ обрывѣ Палисадъ, и изъ него видно нижнее теченіе Гудзона, множество окрестныхъ городовъ и Long-Island-Lound, лежащій на востокѣ.

Лучшія мѣста для снимки видовъ со скалъ: Ривердэлъ, Йонкерзъ, Сингъ-Сингъ, Гастингсъ и верхняя часть Manhattan Island. Художникъ, м-ръ Вудвардъ, избралъ Гастингсъ, отстоящій отъ Нью-Йорка на 20 миль, какъ пунктъ, съ котораго открывается чрезвычайно характерный видъ на Палисады. На западѣ—незыблемая стѣна сѣрыхъ величавыхъ скалъ поднимается къ небу свои вершины, превосходя размѣрами все когда-либо воздвигнутое человѣческими руками въ древнемъ Египтѣ. Круглыми гордыми утесами вдаются Палисады въ волнующую гладь рѣки, представляя для артиста по истинѣ поражающую картину, смѣлый штрихъ въ береговомъ ландшафтѣ. На рисунокѣ изображена одна изъ этихъ скалистыхъ вершинъ, у подножія которой скользятъ пароходы и суда. Прогулка по хребту Палисады понравится всякому, кто любитъ величественныя виды, кто желаетъ взглянуть à vol-d'oiseau на оживленную рѣку, на обширный городъ съ миллионнымъ населеніемъ. На востокѣ—большимъ голубымъ островомъ виднѣется Long-Island-Lound, а на сѣверо-востокѣ, какъ на картѣ—разбросаны мирныя селенія и тихія фермы Вестчестера и другихъ. У Weehawken показываютъ одно мѣсто, закрытое съ трехъ сторонъ скалами. Въ 1804 г. генералъ Гамильтонъ былъ здѣсь убитъ на дуэли полковникомъ Аарономъ Беррѣ. На могилѣ похороненнаго здѣсь генерала стоялъ мраморный обелискъ, перенесенный вмѣстѣ съ прахомъ теперь на кладбище церкви св. Троицы. Мѣсто дуэли выходило къ рѣчному обрыву. Ссора, бывшая причиной поединка, была, какъ извѣстно, изъ-за политическихъ убѣжденій и на Берра общество стало смотрѣть какъ на простаго убійцу, когда онъ все-таки воспользовался случаемъ отмстить, послѣ отказа Гамильтона стрѣлять по немъ.

Въ числѣ деревень, разбѣянныхъ по скаламъ Палисадъ, имѣющихъ сходство съ швейцарскими, достойно вниманія Fort-Lee, возлѣ развалинъ стараго Fort-Lee, вмѣстѣ съ которыми сохоронены многія интересныя воспоминанія о дняхъ революціи.

Маленькіе птицеловы.

Посмотрите—какое оживленіе въ этой маленькой группѣ. Бойкіе воробьи прыгаютъ и непременно попадутся. Коварную

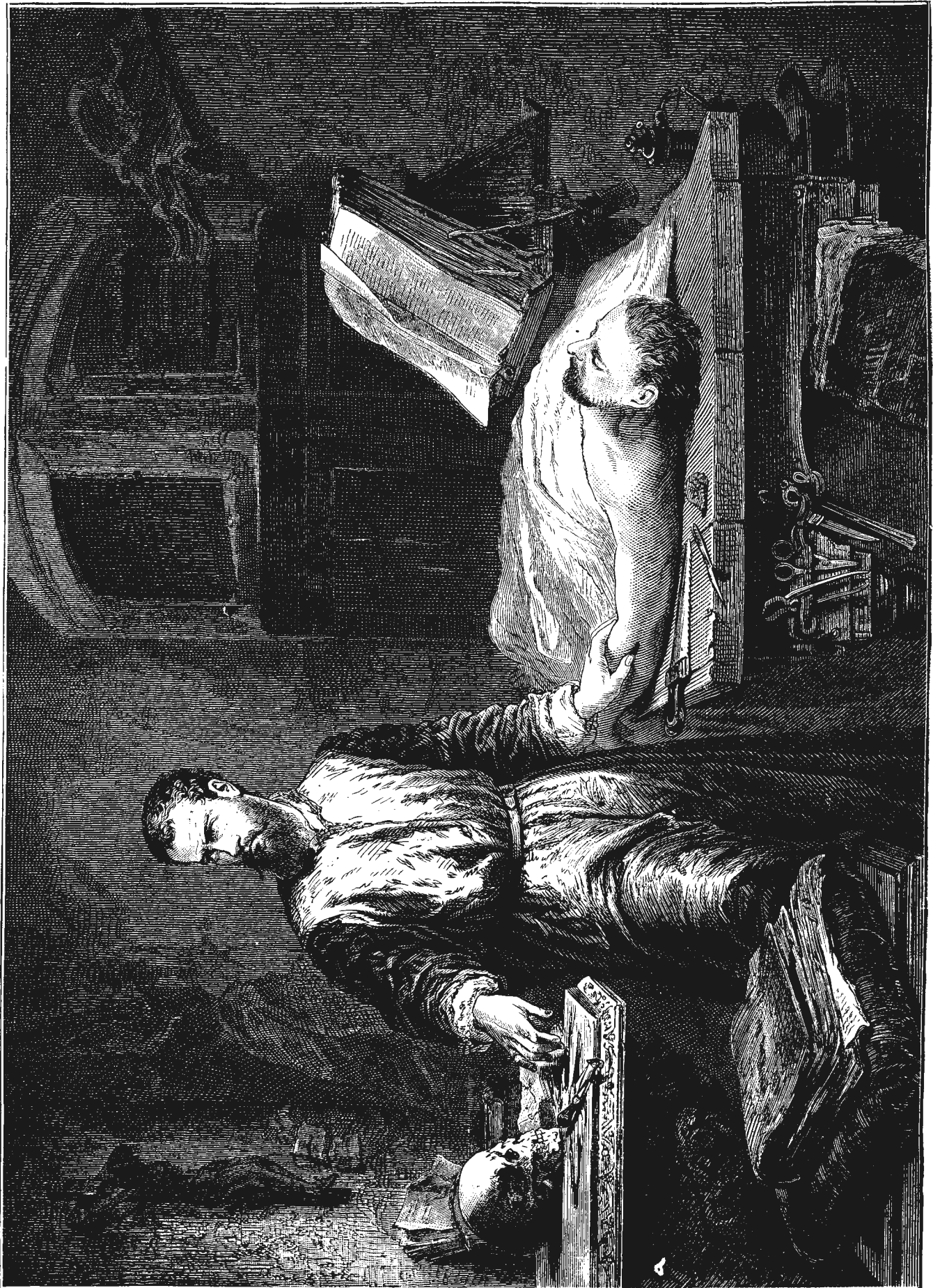
рвался на воздухъ съ своей маленькой «няней», которая держитъ себя степеннѣе, но не меньше своего «барченка» заин-

Маленькіе птицеловы. Картина О. Пильца, грав. Брендамуръ.

ловушку приготовили еще съ вечера маленькіе птицеловы. Мальчикъ, который теперь въ полномъ самозабвеніи и въ волненіи слѣдитъ за ходомъ дѣла, нѣсколько разъ утромъ просыпался и все ему хотѣлось бѣжать поставить ловушку и поймать птичку. И вотъ, едва вытерпѣвъ церемонію одѣванія, онъ вы-

тересована ловлей. Вотъ-вотъ сейчасъ неосторожнѣй воробушекъ клюнетъ, зацѣнитъ крыломъ за подставку и крахъ!—рѣше-то его захлопываетъ, дѣти съ крикомъ восторга вырвутся изъ засады и унесутъ въ комнату съ торжествомъ трепещущую, перепуганную, рвущуюся изъ рукъ птичку.

Андрей Везалій при вскрытїи трупа, гравир. Пейнс.

ВЕЗАЛІЙ, МУЧЕНИКЪ ЗА НАУКУ.

Шестнадцатое столѣтіе, вѣкъ реформаціи, можно считать новой эпохой медицинской науки и въ особенности анатоміи. Какъ въ области религіи сияло трехзвѣздіе, такъ и въ области анатоміи дѣйствовали триумвираты Везалиуса, Евстахіуса и Фаллопія.

Тридцатью однимъ годомъ позже Лютера, Андрей Везалій, великій реформаторъ анатоміи, родился въ Брюсселѣ, въ 1514 году. Отецъ его былъ уроженцемъ Везеля, въ герцогствѣ Клевскомъ. Везалій первоначально учился въ лэвенскомъ университетѣ и, обогатившись свѣдѣніями въ древнихъ языкахъ и въ схоластической философіи, отправился въ Парижъ. Въ парижскомъ университетѣ Везалій слушалъ лекціи знаменитаго въ то время профессора Якова Сильвія. Уже въ Лэвенѣ Везалій со вѣтмъ пыломъ молодости посвятилъ себя изученію анатоміи и, по собственному его сознанию, обкрадывалъ кладбище и виллы, съ цѣлью добыть предметы для своихъ ученыхъ изысканій. Молодой человѣкъ павлекъ этимъ на себя сильныя преслѣдованія, вынудившія его поклннуть лэвенскій университетъ и отправиться въ Парижъ. Спустя немного времени, Везалій самъ выступаетъ въ качествѣ профессора анатоміи и навлекаетъ этимъ на себя вражду учителя своего Сильвія, аудитора котораго оставалась пустою съ тѣхъ поръ, какъ Везалій началъ преподавать анатомію. Везалій обладалъ не только большою начитанностью старинныхъ трактатовъ объ анатоміи, чтѣ ири тогдашней рѣдкости и дороговизнѣ книгъ имѣло важное значеніе, но также большою способностью опредѣлять кости посредствомъ осязанія, даже съ завязанными глазами. Во время путешествія своего по Италіи, Везалій, своими лекціями объ анатоміи въ болонскомъ, ливанскомъ и падуанскомъ университетахъ, приобрѣлъ себѣ громкую славу, такъ что, имѣя отъ роду только двадцать три года, приглашенъ былъ венеціанской республикой занять кафедру въ падуанскомъ университетѣ.

Слава его увеличивалась все болѣе и болѣе; онъ обратилъ на себя вниманіе вѣсхъ своихъ современниковъ, когда на двадцать-девятомъ году обнарудовалъ свой превосходный трактатъ объ анатоміи человѣческаго тѣла. Стефанъ Калкарскій, ученикъ Тиціана, украсилъ сочиненіе это своими рисунками.

Въ 1543 году Везалій былъ принятъ лейбъ-медикомъ къ Карлу V и потомъ къ наслѣднику его, Филиппу II, который облекъ его особенною своею довѣренностью за излеченіе донъ-Карлоса, получившаго въ дѣтствѣ, при паденіи, ушибъ головы. Блескъ общественаго положенія Везалия отразился и на молодой отрасли медицинской науки, доставивъ ей уваженіе, защиту и распространеніе.

Но въ той же мѣрѣ, въ какой солнце его славы и счастья подымалось все выше и распространяло свои лучи, росли ненависть и злоба его враговъ и, къ сожалѣнію, недоброжелательство многихъ его современниковъ, съ которыми онъ находился раньше въ дружескихъ отношеніяхъ. Враги прогресса взирали со злобой, какъ истина приобрѣтала себѣ новую область, какъ наука дѣлала мертвое тѣло предметомъ своихъ изслѣдованій.

Мрачныя тучи, предвѣстницы бури, скоплялись все болѣе и

болѣе надъ головой Везалия. Враги рѣшились погубить его, но меньшей мѣрѣ низвергнуть съ высоты занимаемаго имъ общественного положенія. Свобода мысли была въ то время дѣломъ крайне опаснымъ, и то, что мы называемъ просвѣщеніемъ, было строго преслѣдуемо даже въ области науки. А развѣ Везалій не былъ первымъ мыслителемъ въ анатомической наукѣ? Развѣ онъ не разрушилъ авторитета Галена, доказавъ его заблужденія относительно науки и уничтоживъ вѣру въ непогрѣшимость его ученія объ анатоміи—непогрѣшимость, въ которую слѣпо вѣровали весь свѣтъ? Развѣ Везалій не доказалъ, что ученіе Галена о строеніи человѣческаго тѣла не есть анатомія человѣка, а анатомія обезьяны и собаки? Развѣ не слѣдовало употребить всѣ усилія съ тѣмъ, чтобы погубить такого опаснаго человѣка, который свободу мысли возвелъ на стеньи прищипки и уничтожилъ совершенно авторитетъ медицинскаго папы Галена? Развѣ Везалій не возставалъ, подобно Лютеру, противъ авторитета, признаннаго вѣками? Развѣ, вмѣсто анатомической вѣры, онъ не ставилъ со смѣлостью и необычайнымъ успѣхомъ анатомическое знаніе?

Везалию было сорокъ девять лѣтъ отъ роду, когда подъ ногами его начала колебаться почва, которую враги его безпрерывно подкапывали своими интригами при дворѣ и распространеніемъ ложныхъ слуховъ въ средѣ такого народа, какимъ можно представить себѣ тогдашнихъ испанцевъ.

Непризнанный, тяжело и глубоко оскорбленный, Везалій принужденъ былъ сложить свое знаніе. Онъ сжегъ всѣ свои рукописи и долженъ былъ, на пятидесятомъ году, предпринять путешествіе въ Святую землю, въ наказаніе за то, что былъ первымъ мыслителемъ своего вѣка и реформаторомъ анатоміи.

Мало того, коварные враги его сочинили гнусную клевету. Особенный случай доставилъ торжество его завистникамъ: по смерти одной знатной испанки, Везалій, желая удостовѣриться въ сущности ея болѣзни, съ большимъ трудомъ выпросилъ у родителей покойной позволеніе вскрыть ея тѣло. Когда онъ кончился концемъ ножа сердца, въ этомъ органѣ, сохранившемъ нѣсколько раздражительности, произошло легкое сжатіе. Это несчастное приключеніе тотчасъ было представлено гражданскому суду и инквизиціи, и Везалия обвинили въ убійствѣ и безбожій. Бургавъ и Альбинусъ, описавшіе жизнь Везалия, говорятъ, что судъ инквизиціи былъ неумолимъ къ нему, и хотя Филиппъ II отгѣнилъ приговоръ его, но согласился, чтобы Везалій очистилъ себя путешествіемъ въ Святую землю.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, на берегъ острова Занта волны выбросили тѣло Везалия, который, на обратномъ пути изъ Палестины въ Еврону, потерпѣлъ кораблекрушеніе и бѣдственнымъ образомъ погибъ. Венеціанскій золотыхъ дѣлъ мастеръ, узнавъ мертвое тѣло Везалия, похоронилъ его и поставилъ на могилѣ камень съ надписью.

Простая слови: «Тѣло Андрея Везалия изъ Брюсселя», указывали на мѣсто, гдѣ этотъ великій и гениальный человѣкъ нашелъ себѣ, пакѣнецъ, успокоеніе отъ козней своихъ непримиримыхъ враговъ—враговъ просвѣщенія и умственного прогресса.

П. В. С--ой

Я помню—стонала и выла мятель за окномъ,
Пушистыми хлопьями стекла она залѣпила...
А въ комнатахъ нашей, дрожащимъ свѣтлхъ огонькомъ,
Лампада блестящія ризы иконъ золотила.
Я помню—къ тебѣ я прижался, ребенокъ больной—
На лобъ мой горячій ты руку свою положила...
И чудную сказку, склонясь надо мной, говорила,
И чудная сказка далеко меня за собой
Въ роскошный свой міръ уносила.

* *

Я помню—какъ мѣсяць огромный на небо веходилъ,
Какъ онъ серебромъ заливалъ и дворецъ и сады Черномора,
Какъ звонкія пѣсни въ кустахъ соловей заводилъ
Съ волшебными звуками спора незримаго хора...
Какія-то дивныя чары сходили на насъ...
Я былъ далеко и въ садахъ Черномора носился;
Но міръ этотъ съ комнатой нашей таинственно слился
И мѣсяць свѣтилъ мнѣ—отраднмъ лучемъ твоихъ глазъ,
Въ мелодіи—голосъ твой лился..,

Вс. С—въ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Последніе депутатскіе выборы во Франціи, повидимому, упрочиваютъ республиканскую форму правленія. Громадное большинство членовъ новой палаты принадлежитъ къ сторонникамъ республики. Если, дѣйствительно, мелкіе интересы отдѣльныхъ группъ, соперничество, стремленіе къ преобладанію—словомъ тѣ черты, которыя, къ сожалѣнію, уже не равъ были проявляемы безчисленными подраздѣленіями партій, умолкнутъ предъ болѣе высокими интересами патриотизма и блага отечества, то можно будетъ ожидать безпримѣрнаго во французской исторіи явленія—твердо установившейся республики.

Сосѣдняя Франціи страна, Испанія, какъ кажется, также

вступаетъ на путь спокойной, правильной жизни. Дѣло донъ-Карлоса совершенно проиграно, борьба кончена и завершена, наконецъ, цѣлый рядъ годовъ кровопролитій и свирѣпой рвани. Претендентъ, готовясь переступить французскую границу, обратился къ оставшимся еще ему вѣрными 18-ти батальонамъ и разрѣшилъ имъ положить оружіе, а затѣмъ издалъ манифестъ къ испанцамъ, въ которомъ отказывается отъ задачи доставить имъ счастье. Хотя испанскій народъ и оставляетъ, въ отношеніи своей цивилизованности, желать многого, за то съ другой стороны, онъ обладаетъ такими качествами, такъ сказать, нетронутаго, цѣльнаго характера, которыхъ давно уже лишились дру-

гия нации изъ передовыхъ, представляющія грустный примѣръ деморализаціи и распущенности.

Будущее покажетъ, насколько молодой король и его правительство сумѣютъ понять народъ, судьба котораго вручена имъ, и привести его, наконецъ, къ берегу.

Намѣтимъ, наконецъ, замѣчательный переворотъ, происшедшій въ отношеніяхъ Китая къ иностранцамъ. Эта классическая страна рутины и «незнанія иностранцевъ» пришла-таки къ убѣжденію въ необходимости прогресса, въ необходимости вступить въ среду остальныхъ націй, стать съ ними въ правиль-

ныя и постоянныя отношенія. Пекинское правительство обратилось ко всемъ государственнымъ людямъ имперіи и потребовало ихъ мнѣнія объ условіяхъ, необходимыхъ для улучшенія положенія дѣлъ вообще и вышнихъ сношеній въ особенности. Всѣ эти лица единогласно признали необходимымъ отказаться отъ вѣковой политики, совершенно изолирующей Китай отъ остальнаго міра, и войти въ связь съ другими державами учрежденіемъ посольствъ. Правительство вняло благоразумнымъ совѣтамъ и отправило уже посланниковъ въ Лондонъ; по слухамъ, въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдуетъ назначеніе посольства и въ Петербургъ.

С М Ъ С Ъ.

Массачусетская тюрьма. Въ Северо-Американскомъ штатѣ Массачусетсѣ, близъ Бостона, въ Чарлстоунѣ, находится замѣчательное тюремное учрежденіе, описанное въ недавно вышедшей книгѣ Гедсона Хайзса.

При поступленіи въ тюрьму, сообщаетъ Хайзсъ, преступнику не стригутъ волосы подъ гребенку, чтобы этимъ не наложить на него клейма отверженія; платье его не имѣетъ арестантскаго покроя, потому что обезличивающій костюмъ могъ бы погасить въ немъ искру лучшихъ склонностей и чувствъ.

Первый день заключенный проводитъ одиноко, къ нему приходитъ директоръ заведенія и объясняетъ ему тюремныя правила, прибывая у дверей кельи. Въ каждой кельѣ находится складная желѣзная кровать, тюфякъ, набитый пальмовымъ листомъ, подушка, простыня, шерстяныя одѣяла и пуховая перина, далѣе деревянный столъ со стуломъ, библія, каталогъ книгъ тюремной библіотеки, ложка, ножикъ и вилка, перецъ, соль и уксусъ.

Къ работѣ не тотчасъ принуждаютъ заключеннаго, ему представляется обдумать свое положеніе въ теченіи нѣсколькихъ дней и внутренне сосредоточиться; въ это время его посѣщаютъ служащія при тюрьмѣ лица, свободно съ нимъ бесѣдуютъ, приносятъ ему книги изъ превосходной тюремной библіотеки, и не только ободряютъ его безгорестно сносить свою участь, но и увѣщаютъ не чуждаться того хорошаго вліянія, которое дастъ ему жизнь въ заключеніи.

Спустя недѣлю, заключеннаго приводятъ къ директору, спрашивающему его о его родинѣ, семьѣ, о прошлой его жизни и выслушавъ съ тѣмъ увѣряющему его, что до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ повиноваться правиламъ тюрьмы, обращеніе съ нимъ будетъ дружеское и ласковое. Хайзсъ рассказываетъ случаи изъ своей практики, какъ нерѣдко этотъ первый разговоръ, поражая преступниковъ своею неожиданностью, дѣлался для нихъ зачаткомъ нравственнаго улучшенія. Преступники, ожидавшіе суроваго приема, не слышавшіе, быть можетъ, съ ранняго младенчества ласковаго слова, иногда даже плачутъ при этомъ разговорѣ и принимаютъ твердое рѣшеніе исправиться.

Послѣ бесѣды съ директоромъ, заключеннаго вводятъ въ мастерскую; это—обширное, свѣтлое и чистое помѣщеніе, теплое зимою и прохладное лѣтомъ, отличн вентилярованное, имѣющее видъ громадной залы учебнаго заведенія, съ цвѣтами на окнахъ и гладкими, блестящими скамьями и разнообразнѣйшими инструментами и машинами для безпрепятственнаго употребленія заключенныхъ. Особенно тщательно выбирается смотритель мастерской; онъ долженъ быть терпѣливъ и твердъ при мягкой вѣжливости, такъ какъ грубое обращеніе съ заключенными и брань ихъ вовсе не допускаются. Несоблюдшему въ первый разъ тюремныхъ правилъ заключенному спокойно замѣчаютъ это и предупреждаютъ его избѣгать повторенія нарушенія. При вторичномъ нарушеніи какого нибудь правила, заключенный обязанъ, по окончаніи рабочихъ часовъ, явиться къ одному изъ высшихъ начальниковъ тюрьмы и оправдаться въ своемъ проступкѣ. Удастся ему это, то дѣло этимъ и кончается, въ противномъ случаѣ ему дѣлается строгій выговоръ. При третьемъ нарушеніи правилъ, его сажаютъ въ темную одиночную келью съ нарами и шерстянымъ одѣяломъ вмѣсто всякаго удобства, и тамъ онъ остается пока не подроситъ освободить его отъ этого наказанія. Отъ него не требуется униженной молбы о прощеніи, онъ обязанъ только серьезно объявить, что не желаетъ больше нарушать тюремныхъ правилъ, и тогда выпускается изъ темной кельи. Аресть этотъ есть единственное, примѣняемое въ массачусетской тюрьмѣ наказаніе. Въ тюрьмахъ другихъ штатовъ находятся еще въ употребленіи кнутъ, холодныя души и желѣзная шанка, но Хайзсъ того мнѣнія, что даже заключеніе въ темную келью не совсѣмъ рационально, онъ вообще противникъ всякаго наказанія, и находитъ, что мѣры поощренія гораздо дѣйствительнѣе для заключенныхъ, чѣмъ мѣры карательныя и выводить такое заключеніе изъ долговѣснаго опыта.

Лѣтомъ въ массачусетской тюрьмѣ встаютъ въ 5, зимою въ 6 часовъ, послѣ чего заключенные идутъ изъ своихъ келій тотчасъ въ мастерскую, гдѣ до завтрака работаютъ въ теченіе полудтора часовъ. Завтракъ въ столовой, простой, но здоровый и сытный, продолжается 35 минутъ и за нимъ слѣдуетъ хоровое

пѣніе молитвъ, причемъ иногда тюремный пасторъ говоритъ проповѣдь. Работа въ мастерской кончитъ снова до обѣда, передъ которымъ заключенные удаляются въ келью для приведенія себя въ порядокъ. Великолѣпный обѣдъ вкушается неприужденно и продолжается полтора часа и вовсе не напоминаетъ собою кормленія арестантовъ въ тюрьмахъ вообще. Послѣ обѣда, снова работа, которая прекращается въ 6 часовъ вечера.

Разъ въ недѣлю заключенные моются и купаются въ отлично устроенномъ въ тюремной банѣ обширномъ бассейнѣ. По воскресеньямъ, послѣ краткаго богослуженія, неграмотныхъ учатъ читать, и въ этотъ день лучшимъ изъ заключенныхъ подаютъ къ обѣду особенно вкусныя блюда; въ этотъ день послѣ обѣда всѣ отправляются въ изящный тюремный садъ, рѣзвятся тамъ, танцуютъ, играютъ въ лапту, поютъ и прочее.

Газеты запрещены заключеннымъ, но неполитическіе журналы дозволены; книги они могутъ брать трижды въ недѣлю изъ библіотеки и читать по вечерамъ. Въ 9 часовъ всѣ ложатся спать. Чистота и вентиляція въ тюрьмѣ примѣрная, доказательствомъ чего служить совершенное отсутствіе въ ней перемежающейся лихорадки въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ.

За трудъ сверхъ положенныхъ часовъ заключенный получаетъ плату и заработкомъ этимъ онъ распоряжается самостоятельно. Нѣкоторые зарабатываютъ себѣ столько денегъ, что живя въ тюрьмѣ посылаютъ своимъ семействамъ все ихъ годовое содержаніе, другіе копятъ деньги.

По истеченіи срока заключенія, оставляющаго тюрьму одѣваютъ безвозмездно съ ногъ до головы въ прочное и приличное платье, и если онъ жаждетъ, то его поручаютъ попеченіямъ члена спеціальнаго государственнаго учрежденія, имѣющаго цѣлю заботиться о благосостояніи освобождаемыхъ изъ тюрьмы лицъ. Такимъ образомъ, выходящему открываются всѣ способы къ пріобрѣтенію себѣ безбѣднаго существованія, его стараются какъ можно прочнѣе поставить на ноги, что бываетъ весьма удобоисполнимо, такъ какъ человѣкъ привыкъ уже къ работѣ. Въ случаѣ нужды и крайности вполнѣдствіи, освобожденный снова обращается къ помянутому члену за совѣтомъ и помощью.

Такимъ образомъ, поавшій въ тюрьму человѣкъ со дня поступленія его туда окруженъ попеченіями. Здоровье его охраняется, умъ образовывается, трудъ наполняетъ его дни, онъ совершенствуется въ мастерствѣ, читаетъ много, привыкаетъ къ порядку, и подчиняясь разумнымъ правиламъ тюрьмы, пріучается чтить законъ. Наконецъ, и по окончаніи его тюремнаго заключенія, само государство простираетъ къ нему руку помощи.

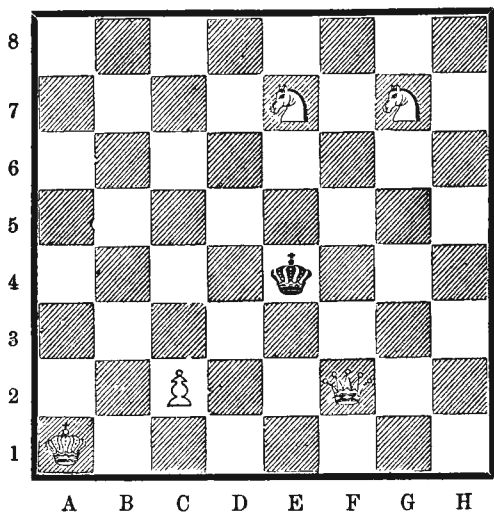
Вотъ вкратцѣ массачусетская система заключенія, и теперь остается еще только присовокупить, что позелные результаты ея примѣненія превзошли на практикѣ ожиданія самыхъ смѣлыхъ ея поборниковъ.

Сохраненіе картофеля. Въ избѣжаніе порчи картофеля отъ заключающихся въ немъ влажныхъ частицъ, его слѣдуетъ выровнять и покрыть слоемъ соломы въ 6 лній вышиной. По прошествіи 6—8 дней, солома дѣлается влажною; нужно снять ее, покрыть картофель новымъ слоемъ соломы и повторять эту операцію до тѣхъ поръ, пока солома не будетъ совершенно сухою. Чтобы придать картофелю пріятный вкусъ весной, когда онъ обыкновенно начинаеть обыкновенно отпускатъ отростки и получаетъ чрезъ это недурной вкусъ, необходимо предварительно варки картофеля вырвать изъ каждой картофелины небольшой кусочекъ. Дурные соки во время варки картофеля отдѣляются отъ него чрезъ это вырванное мѣсто, на которомъ во время варки образуется твердоватая кожица; картофель же остается вкуснымъ и мучнистымъ. Вырванные кусочки могутъ быть употреблены для корму домашняго скота.

Средство сдѣлать утокъ въ двѣ недѣли жирными. Отмочить ячмень въ водѣ и сливъ ее, дать ячменю пустить отростки и затѣмъ просушить его. Утокъ, помѣщенныхъ въ небольшомъ, но хорошо устланномъ соломой хлѣву, кормить этимъ ячменемъ, который сыпать въ корыто и неизлишне, размочить немного водой. Другое корыто наполнить водой для утоленія жажды утокъ. При этомъ способѣ откармливанія ихъ, онѣ уже по прошествіи двухъ недѣль становятся жирными.

ЗАДАЧА

Бѣлые.

Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РЪШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 9.

Бѣлые.

Черные.

1) c5 — b7

1) d4 — d5

2) c2 — e4
X
X

ПОЧТОВЫИ ЯЩИКЪ.

1) Поступившіе въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ возстанія въ Босніи и Герцоговинѣ, изъ Николаева отъ А. Н. Манжетъ 1 р. 50 коп. и изъ Малоярославаца, оставшіеся отъ домашняго спектакля, даннаго кружкомъ любителей, 26 р. 60 коп., переданы 27-го февраля въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненныхъ и больнымъ воинамъ подъ квитанцію за № 222.

2) Многіе изъ гг. нашихъ читателей, съ цѣлью распространенія «Нивы» въ кругу своихъ знакомыхъ, обратились къ намъ съ просьбами о высылкѣ имъ иллюстрированнаго объявленія о подпискѣ на «Ниву» 1876 года.

Имѣя въ запасѣ нѣсколько сотенъ этого объявленія мы охотно вышлемъ его нашимъ подписчикамъ, которые заявятъ объ этомъ письменно.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

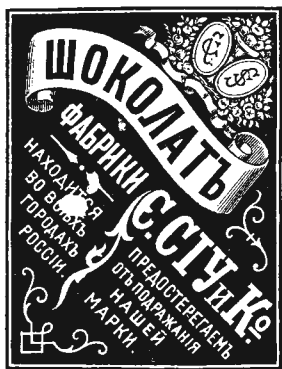
Редакція покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ, въ случаѣ неполученія какого-либо №, извѣщать ее немедленно, ни какъ не позднѣе полученія слѣдующаго за тѣмъ №, и присылать при этомъ печатный адресъ, снявъ его съ бандероли; безъ этого условія, на основаніи почтовыхъ правилъ, жалоба не можетъ быть удовлетворена.

При перемѣнѣ адреса тоже нужно прислать прежній печатный адресъ и приложить 24 коп. почтовыми марками.

СОДЕРЖАНІЕ: Абдурахманъ-автобачи (съ портретомъ).— Въ домѣ коммерціи свѣтлина. Повесть Э. Марлитта. (Продолженіе).— «Рѣзушна» и «У колодца» (съ 2-мя рисунками).— Вершины Палисады на рѣкѣ Гудзонѣ (съ рисункомъ).— Маленькіе птичеловы (съ рисункомъ).— Везалій, мученикъ за науку (съ рисункомъ).— Стихотвореніе. П. В. С—ой.—Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Шахматы. Почтовый ящикъ. — Отъ Редакціи. — Объявленія.—Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСІИ МОДЫ за МАРТЪ съ 33 рисунками и большой листъ выроекъ.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕБНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІИ АТЛАСЪ.

сост. А. Горданъ.

Вышелъ нынѣ новымъ совершенно переработаннымъ и исправленнымъ по самымъ лучшимъ и ученымъ свѣдѣніямъ (quellen) 11-мъ изданіемъ состоящемъ изъ 27 хромо-литографированныхъ картъ на 12-ти листахъ. Также приложено большая карта Россіи простирающаяся на востокъ до озера Балкана, со всѣми желѣзными дорогами.

Цѣна атласа. . . 1 руб. с.
Исторіи. . . 1 » 25

продается въ литогр. Ф. Эйлера, у Камен. моста, 29/40 СПб. и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. 5—5

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга продаются слѣдующія сочиненія графа Л. Н. Толстаго.

1) Одобренная и рекомендованная ученымъ комитетомъ министерства народн. проsv.

НОВАЯ АЗБУКА.

2) Рекомендованная тѣмъ же комитетомъ минист. народн. проsv., слѣдующія послѣ Азбуки:

Четыре рускія книги для чтенія и п

3) Брошюрка «о Народномъ образованіи».
Цѣна азбуки—14 к.; 1 кн.—6 к., 2-й—8 к., 3-й—8 к., 4-й—10 к. и брошюры—15 коп. сер. Земства и гг. книгопродавцы пользуются уступкой 25% и съ своими требованіями могутъ обращаться къ Николаю Михайловичу Нагорному въ Москву, на Собачей площадкѣ, д. Домбровскаго, по Дурновскому переулку.

Вышелъ 3-ій выпускъ

Альбома рисунковъ къ соч. Гоголя, заключающій въ себѣ повѣсть

„СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА“

изд. А. Н. Галайшеина.

Продается въ магазинѣ Фельтена. Нев. пр., № 20, С.-Петербургъ. 3—2

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Дреотоскаго (автора «Петербургскихъ Трущоб»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1875 года 90 к., съ пересылкою.
Семья вольнодумцевъ. Историческая повѣсть времени Екаторины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ безлестрической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екаторининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1875 года 75 к., съ перес.
Про что щелетала ласточка. Сочиненіе Штильвалена. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЫ» 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

КОНТОРЫ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. ПЕЧЕНКИНА И К°
въ Казани и Екагеринбургѣ.

Продаютъ выигр. билеты 1 и 2 з. съ разсроч. по 10 руб. Первый взносъ не менѣе 20 р. Страхуютъ билеты по 60 к. 5—2

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—7

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. Franco Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes. 10—9

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—83

„БАСНИ И ЭСКИЗЫ“.

А. Антонова, изданіе 4-е, 1875 года, исправленное и значительно дополненное, съ приложеніемъ краткаго биографическаго очерка автора. Продается: въ Центральномъ магазинѣ, у Иольфа, Гаттуга, Мамонтова и другихъ известнымъ книгопродавцевъ въ Москвѣ. Цѣна 70 к., съ пересылкою 80 к. 3—3

«При этомъ № для гг. иногор. подписч. приложено объявленіе о бумажномъ бѣлье магаз. «Городъ Нюрнбергъ» въ Москвѣ».

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 11 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 15 Марта 1876 г.

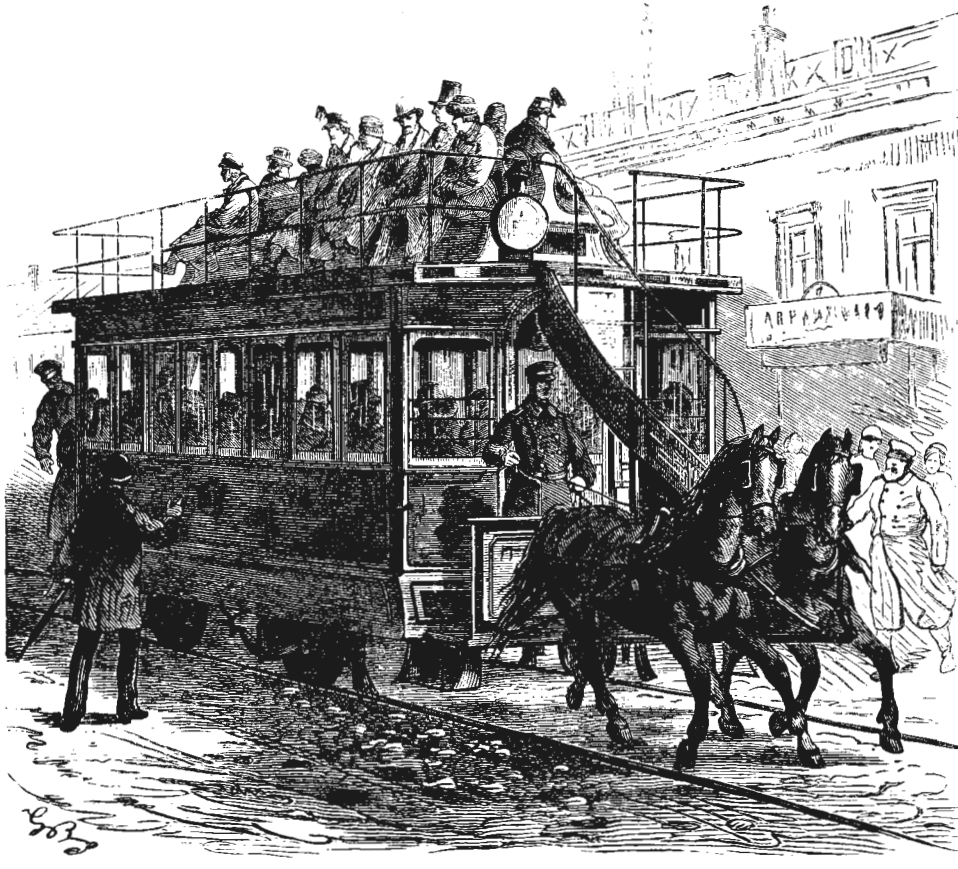
ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всея другіе города и местечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшія №№ въ 1876 году.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ КОННО-ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ.

Совершенно излишне и бесполезно было бы входить въ подробное разсужденіе о необходимости, важности и значеніи конно-железныхъ дорогъ, которыми уже вотъ болѣе пятидесяти лѣтъ, вдоль и поперекъ, словно какъ Венеція изрѣзана городскими своими каналами, — покрыты все какъ большія улицы, такъ и малыя, какъ всехъ большіхъ, такъ всехъ и малыхъ городовъ Европы и Америки. Это громадное распространеніе на всколькохъ мильонахъ верстъ для различныхъ сообщений ограниченнаго протяженія того рельсоваго пути, по которому движутся вагоны съ конною упряжью, конечно, лучше и убѣдительнѣе всякихъ самыхъ краснорѣчивыхъ доводовъ

служить безопаснымъ приговоромъ общественаго мнѣнія въ пользу конно-железной системы, существующей въ Англіи съ 1825 г. и названной тамъ, съ самаго начала ея учрежденія — Стильсонъ - Дарлингтонскою, послужившею въ 1829 году основою тамъ же, въ Англіи, первому паровозному движению по этимъ же самымъ рельсамъ, сначала назначеннымъ лишь для ускоренія и облегченія конской тяги.
У насъ, въ Россіи, первая городская конно-железная дорога, для надлежащаго пассажирскаго передвиженія, была устроена въ 1863 году, 1-го сентября, въ Петербургѣ, г. Каншпнымъ и Комп., который, сколько извѣстно, передалъ ее, въ маѣ 1873 года, парижскому банкиру

Петербургская конно-железная дорога. Новый вагонъ. Рис. съ натуры Бролингъ, грав. К. Вейерманъ.

Эрлангеру, который поручил главное управление дѣломъ Евг. Дюпону. Затѣмъ лишь съ конца 1874 года явились линіи конножелезныя дороги въ Москвѣ и даже въ Казани.

Первоначальнаго учрежденія общество конножелезнаго движенія владѣетъ всего лишь двумя линіями или вѣтвями путей: первая изъ этихъ вѣтвей—отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги непрерывнымъ путемъ черезъ Невскій проспектъ, Адмиралтейскую и Исаакіевскую площади, Конногвардейскій бульваръ и Благовѣщенскій мостъ до зданія академіи художествъ. Вторая вѣтвь идетъ отъ угла Б. Садовой и Невскаго проспекта у Зеркальной линіи Гостиннаго двора до Никольскаго рынка и моста. По обѣимъ этимъ вѣтвямъ ходитъ, смотря по времени года, отъ 20—25 вагоновъ *) (последняя цифра выражаетъ, кажется, все наличное количество каретъ-вагоновъ г-на Эрлангера и Комп.), а именно: 1) отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги до Адмиралтейской площади (самая оживленная по многочисленности пассажирскаго движенія линія) отъ 9—12 вагоновъ; 2) отъ Адмиралтейской площади до академіи художествъ отъ 6—7 вагоновъ и 3) по Б. Садовой до Никольскаго моста отъ 5—9 вагоновъ. Самое большое движеніе приходится на осеннее и весеннее время, самое меньшее—въ лѣтнюю пору.

Что касается вагоновъ губонина - башмаковскихъ, т. е. новѣйшаго учрежденія, конца 1875 года, то они ходятъ по слѣдующимъ трамваямъ:

1) Линія № I—отъ Б. Охтенскаго перевоза къ Невскому проспекту у Знаменской церкви (проходитъ по Охтенскому проспекту, Лафонской, Конногвардейской, Слоновой, 2 Рождеств. улицамъ и по набережной Лиговки до угла Невскаго проспекта, у самой Знаменской часовни). Вагоны бѣлые съ краснымъ.

2) Линія II—отъ Невскаго проспекта (Знаменской церкви) по набережной Лиговки до Новокаменнаго моста на Новообводномъ каналѣ. Вагоны бѣлые съ краснымъ.

3) Линія № III—отъ Б. Охтенскаго перевоза до угла Невскаго проспекта и Михайловской улицы (проходитъ по Охтенскому проспекту, Лафонской, Конногвардейской, Слоновой, Восьмой Рождественской, Бассейной, Симеоновской, Инженерной улицамъ, Михайловской площади и Михайловской улицѣ). Вагоны бѣлые съ голубымъ.

4) Линія № IV—отъ Литейнаго моста на Воскресенскомъ проспектѣ до Технологическаго института. Вагоны коричневыя съ красными тонкими бордюрами и багетками.

5) Линія № V—отъ Сѣнной площади до Новомосковскаго моста на Новообводномъ каналѣ. Вагоны бѣлые съ краснымъ.

6) Линія (а)—отъ Галерной гавани до Николаевскаго моста на Васильевскомъ острову. Вагоны бѣлые съ зеленымъ.

7) Линія (б)—отъ Николаевскаго моста, черезъ Тучковъ мостъ и Петербургскую сторону до Каменноостровскаго проспекта.—Вагоны такіе же, какъ и на Васильевскомъ острову.

Всего на все теперь (въ февралѣ мѣсяцѣ 1876 г.) 25 верстѣ окончательно построено и открыто для движенія, всего же съ подготовленными, но не открытыми, 40 верстѣ, а предположено всей конножелезной петербургской сѣти гг. Башмакова и Губонина не менѣе 84 верстѣ.

Въ новомъ учрежденіи цифра экипажей доходитъ до 60: но еще въ нынѣшнемъ году, въ концѣ, предполагается имѣть не менѣе 200 вагоновъ, по мѣрѣ открытія новыхъ линій, число которыхъ, какъ явствуетъ изъ плана, на которомъ нанесены золотомъ краскою все будущія петербургскія конно-железныя дороги, въ громадномъ размѣрѣ умножится **).

Существующіе нынѣ конножелезные вагоны сдѣланы были для первоначальной компаніи частью въ Берлинѣ, частью въ Лондонѣ, а для новѣйшаго товарищества—въ Парижѣ, Брюсселѣ, Биркингемѣ и въ Нью-Йоркѣ. Вагоны эти, какъ того, такъ и другаго учрежденія, — двухъ-этажныя; но справедливо требуетъ сказать, что вагоны новые, т. е. губонинско-башмаковскіе, красивѣе, шеголеватѣе и не въ примѣръ удобнѣе прежнихъ. На нашемъ рисункѣ изображенъ именно такой вагонъ-карега новаго устройства съ винтообразною, необыкновенно покойною и удобною лѣстницею, спереди и сзади, для восхода, а не для затруднительнаго карабканья наверхъ, какъ въ вагонахъ первоначальнаго заведенія. Вслѣдствіе этого карабканья, неграціознаго непріятнаго и нерѣдко небезопаснаго маломальски порядочные люди, не только женщины, но и мужчины, даже изъ простонародья, не дорожающіе лишними двумя копѣйками (5 к. внутри, 3 к. наверху), не рѣшаются въ первоначальныхъ экипажахъ взбираться на верхнюю галерею, тогда какъ въ вагонахъ новѣйшаго заведенія это взбираніе дѣлается какъ нельзя легче, бѣзопаснѣе и благопріятнѣе, не подергая взбирающагося ни малѣйшей не только опасности, но даже неудобству какъ физическому, такъ нравственному, т. е. оскорбленію чувства благородной скромности и стыдливости.

Каждый вагонъ - карета устроенъ на 40 мѣстѣ: 20 внутреннихъ и столько же наружныхъ на импералѣ вагона. При лег-

кости ѣзды по рельсамъ, движеніе совершается довольно быстро, и на первоначальной дорогѣ пара лошадей, въ двѣ сѣтны, успѣвають съ 8 ч. утра до 9 ч. вечера сдѣлать около 26 концовъ, среднимъ числомъ, въ бойкое время и около 20—въ менѣе оживленное.—Какъ на той, такъ и на другой дорогахъ кромѣ, остановокъ на нѣсколько минутъ, вагоны приостанавливаются немного или уменьшаютъ свой ходъ при высаживаніи дамъ, дѣтей и дряхлыхъ стариковъ.

Время отправленія вагоновъ одного за другимъ сообразуется съ потребностью движенія и во всякомъ случаѣ оно не болѣе 15 минутъ. На болѣе оживленныхъ линіяхъ промежутки между отходами вагоновъ съ концовъ линіи предполагаются отъ 8—5 минутъ, а въ случаѣ надобности, при двойномъ пути — и чаще, т. е. чрезъ 8 минутъ.

Начало движенія вагоновъ въ 8 часовъ утра, конецъ же его въ 9 ч. вечера зимою и въ 10 лѣтвомъ. Скорость движенія—въ зависимости отъ большаго или меньшаго движенія по улицамъ экипажей и числа многолюдныхъ улицъ, пересѣкающихъ линію, у которыхъ неизбежны: высадка пассажировъ и уменьшеніе скорости ѣзды для пропуску экипажей; средняя скорость ѣзды съ остановками предполагается 9 м. верста.

Снаружи каждаго вагона написаны улицы, по которымъ онъ ходитъ, что чрезвычайно практично и чего нѣтъ на вагонахъ стараго заведенія, можетъ быть, потому что рейсы ихъ крайне не разнообразны. Когда внутри вагона все до одного мѣста заняты, по бокамъ его вывѣшиваются флаги.

Расписаніе движенія вагоновъ по разнымъ линіямъ новой (1875 г.) дороги будутъ измѣняться сообразно съ потребностью жителей столицы.

Вагоны какъ той, такъ и другой дороги (т. е. и 1869 и 1875 г.) сдѣланы, какъ мы уже сказали, за границей, но ремонтъ и возобновленіемъ ихъ, въ случаѣ порчи, занимаются уже сами управленія съ собственныхъ, какъ первоначальнаго, такъ новаго товариществъ, сколько намъ извѣстно, превосходно устроенныхъ мастерскихъ. Упряжь конскую, также по иностранному образцу, т. е. съ шорами, при нѣмецкимъ шлейхъ вѣсего хомутовъ и при уздахъ съ наглазниками, для первоначальнаго заведенія изготовлялъ придворный шорникъ Ловенгрень, отъ 80—90 р. за пару, а для губонинско-башмаковской дороги поставилъ точно такую же сбрую Эггольмъ, знаменитый въ Москвѣ шорникъ.

Красивыя, сытыя (большею частью одномастными парами) лошади поставляются извѣстнымъ столичнымъ конопромышленникомъ Бычкомъ. Стоимость этихъ лошадей различна, отъ 75 до 200 р., но средня дѣла, какъ мы слышали, не превышаетъ 100 р. Служать эти лошади, какъ опытъ уже показалъ на дорогѣ первоначальнаго учрежденія и какъ современемъ покажетъ и на новой, отъ 5—6 лѣтъ, не болѣе не смотря на превосходное содержаніе, каковымъ здѣсь эти лошади пользуются, такъ какъ, бѣгая лѣто и зиму по голому булыжнику, лошади эти очень скоро слабеютъ ногами. Огелужившая свой срокъ лошадь поступаетъ къ тому же барышнику, по уговору его съ хозяевами дороги, за 30 р., безъ различія для всякой обрабаванной, барышникъ же выводитъ ее на Конную и такъ успѣваетъ подправить ей ноги, что сытая, здоровая лошадь продается имъ рублей за 75 легкому вощнику, у котораго, разумѣется, много, много черезъ мѣсяцъ, лошадь эта сильно падаетъ на ноги, пока не дойдетъ до послѣдней службы—похоронной клички подъ печальныя дроги.— Въ управленіе новой конножелезной дороги никакой подрячникъ лошадей не поставилъ, а общество купило за разъ въ Тамбовской губерніи 600 отличныхъ битоговъ и ими пока эксклуатируетъ свое дѣло, но не далеко то время, когда эта новая дорога будетъ въ своихъ конюшняхъ имѣть болѣе 2000 конскихъ головъ. Все эти лошади будутъ битюги, иныхъ же породъ, какъ, напримѣръ, казанки и вятки (крупнаго сорта), шведки, ярославки и пр., мы не знаемъ, но всякомъ случаѣ желательно, чтобы новые ремонты были не хуже нынѣшняго.

Нельзя не сказать истинной правды, что какъ первоначальное такъ и новое учрежденія петербургскія конножелезныя дороги прилагаютъ ревностное попеченіе, чтобы ихъ дѣйствія, въ отношеніи къ содержанію ими ихъ лошадей, или ихъ подвижной силы, были вполне согласны съ благими цѣлями истинно благотворительнаго Высочайше учрежденнаго общества покровительства животнымъ, потому что изъ всѣхъ извозныхъ лошадей, даже лошадей, принадлежащихъ извѣстному классу вощниковъ лхачей, ни одна не пользуется такимъ тщательнымъ и разумнымъ уходомъ, какъ ятлонодорожная лошадь и того и другаго заведенія. Конюшня этой лошади свѣтлая, чистая, обширная, хорошо и правильно аэрированная; кормъ достаточный (6-8 гарцевъ самаго лучшаго шастаннаго овса): работаетъ лошадь эта, безъ утомленія и особеннаго успія, не болѣе 7—8 часовъ въ день, сѣтясь въ 2 ч. пополудни, а на работѣ на отдыхъ. Постоянный приговоренный ветеринаръ, е не зпахаръ - коноваль оказываетъ лошади этой немедленную помощь, въ случаѣ если она заболѣваетъ. Ковка производится самымъ тщательнымъ и правильнымъ образомъ кузнецомъ весьма слѣдущимъ, въ первоначальномъ заведеніи за 100 рублей въ мѣсяцъ, т. е. за 1200 рублей въ годъ за все количество лошадей (ихъ не менѣе 100 головъ), находящихся въ службѣ дороги. Цифра такого крупнаго вознагражденія, въ

*) Цифра въ 25 вагоновъ показана въ статьѣ, напечатанной въ 1878 г., въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Под. цѣи», когда дѣйствительно ихъ было столько; но позже (затѣмъ или допозднее) управленіе яшло необходимымъ исключитъ изъ списковъ 4 вагоновъ, вѣнч у, согласно собраніямъ въ послѣднее время даннымъ, для всѣхъ линій отъ первоначальнаго учрежденія имѣетъ и только 19 вагоновъ.

**) Заимъ этотъ, тщательно хромотографированный, продается въ правленія общества, на Литейной улицѣ, противъ Фурштетской, д. Башмакова, — по 20 к., за к.

виду того какъ важна ковка лошади, производимая правильно и рационально, не можетъ еще считаться слишкомъ высокою.— Но если содержание и уходъ за лошадью первой компаніи (паркъ которой находится близъ фабрики Корнфельда), поставляемыми ей и мѣняемыми известнымъ коннымъ барышникомъ Бычкомъ, такъ хороши, то содержание 600 собственныхъ коней новой компаніи, — просто примѣрное и даже удивительное. Конюшни здѣшнія достойны того, чтобы истый гиннофиль или съ наслажденіемъ полюбовался. Онѣ устроены при шести отдѣльныхъ паркахъ, именно: на Пескахъ, у Московской заставы, у Нарвской заставы, въ 23 линіи Васильевского острова, на Петербургской сторонѣ, въ Вульферовой улицѣ, и на Выборгской, у Сампсоніевской церкви.

Товарищества, какъ то, такъ и другое, руководствуясь естественно выгодами и пользою своего дѣла, относятся съ полнѣйшимъ, съ самымъ вниманіемъ къ персоналу всей своей службы. Здѣсь въ первоначальномъ учрежденіи кучера получаютъ отъ 12 до 17 р. жалованье, кондуктора все одинаково 15 р. Какъ тѣ, такъ и другіе получаютъ еще награды три раза въ годъ, отъ 2 до 10 руб. каждый, по усмотрѣнію управленія. Сверхъ этого, первоначальное товарищество снабжаетъ этихъ служителей теплой удобной верхней одеждой, въ видѣ длинныхъ, широкихъ, ловко сшитыхъ, удобныхъ пальто *, а кучерамъ, одѣты въ такія же пальто (чего мы не встрѣчали ни въ одномъ промышленномъ заведеніи, кромѣ развѣ образцовыхъ спаленъ учениковъ шоколадной фабрики Ландрина на Екатерингофскомъ проспектѣ), дается еще прекрасная постель, состоящая изъ желѣзной кровати съ матрацомъ, подушкой и одѣяломъ съ двумя перемѣнами холстиннаго бѣлья. Не лишне сказать, что служители какъ того, такъ и другаго товарищества имѣютъ столъ отъ себя, артельный въ два блюда. Это продовольствіе обходится каждому изъ нихъ отъ 4 р. 50 к. до 5 р. въ мѣсяцъ, почему, при большомъ количествѣ порцій, не можетъ быть худо.

Служители новой дороги еще крупнѣе гонорированы, чѣмъ первоначальной. Они получаютъ: кондуктора 30 р., а кучера 18 р. въ мѣсяцъ. Но верхъ совершенства—устройство жилыхъ помѣщеній, превосходно вентилированныхъ и отличающихся ояратностію и порядкомъ примѣрными, что, понятно, не можетъ не дѣйствовать благотворно на здоровье этихъ терпѣливыхъ труженниковъ. Большую честь еще дѣлаетъ новому товариществу то, что эти господа нашли цѣлесообразнымъ, при шести, истинно образцовыхъ своихъ паркахъ, устроить очень хорошія небольшія, но достаточныя больницы съ медиками, фельдшерами, сидѣлками, аптечками и пр. Это, безъ сомнѣнія, истинное благодѣяніе для служащихъ. — Въ настоящее время (февраль 1876 г.), весь персоналъ какъ управленій такъ и подвижнаго состава доходитъ до 60 человекъ, изъ числа конхъ, конечно, 9—10 принадлежатъ къ такъ называемымъ нижнимъ чинамъ; но въ неперодожительномъ времени, какъ слышно, цифра эта непременно дойдетъ до 2000 человекъ.

Что касается до характера труда этихъ конно-желѣзныхъ служителей, то можно только сказать, что трудъ этотъ утомителенъ однѣмъ образомъ, хотя тяжелымъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, его назвать нельзя, въ особенности трудъ кучера. Обязанности кондуктора нѣсколько труднѣе отъ непрерывныхъ восхожденій на имперіалъ и спускожденій съ него; но за то кондуктора пользуются, чрезъ известное число дней, смѣной для суточного отдыха.

Можетъ быть, благодаря такой прекрасной обстановкѣ, въ какую поставлены служители нашихъ петербургскихъ конно-желѣзныхъ дорогъ дирекціями этихъ учреждений, принимающими прислугу не зря, а не иначе, какъ по вѣрной рекомендаціи, прислуга эта своимъ отношеніями къ публикѣ не вызываетъ противъ себя почти никакихъ жалобъ. Большинство всехъ конножелѣзныхъ кондукторовъ очень вѣжливы и предупредительны къ пассажирамъ. Къ этому ихъ обязываютъ, между прочимъ, и самыя правленія товариществъ, вообще, только известно, не рѣшающіяся брать къ себѣ въ услуженіе людей, не взирая на рекомендацію, безъ строгого ихъ анализированія, экзамена и разнообразнаго испытанія.

Кромѣ кучеровъ, кондукторовъ и служащихъ разнаго рода должностныхъ лицъ при правленіяхъ обоихъ товариществъ, у конножелѣзныхъ дорогъ состоятъ еще оберъ-кондукторы, по одному на каждую вѣтвь, и стрѣлочники, весьма необходимые дѣятели, переводящіе рельсы, при движеніи поѣздовъ. Оберъ-кондукторы первоначальной дороги получаютъ 20 рублей въ мѣсяцъ, а на новой 45, стрѣлочники же на старой получаютъ 10 р. въ мѣсяцъ, а на новой 17 р. въ мѣсяцъ.

Для расчищенія зимою снѣга съ рельсовъ, чтобы поддерживать свободное движеніе поѣздовъ, имѣются какъ въ томъ, такъ и въ другомъ заведеніяхъ подрядчики, обязанные, по договору, за известную, довольно крупную сумму, содержать въ теченіе зимы все вѣтви дорогъ въ надлежащемъ порядкѣ.

Основываясь на нѣкоторыхъ болѣе или менѣе официальныхъ цифровыхъ данныхъ, печатанныхъ въ прежнихъ, 1873 года, «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской полиціи», мы можемъ, кажется, довольно достоверно сказать, что наибольшая сумма выручки въ первоначальномъ заведеніи достигаетъ до 40 руб. въ день съ каждаго вагона. Наименьшая выручка не спускается ниже 15, стало быть, въ среднемъ и самомъ скромномъ выводѣ, оказывается не менѣе 20 р. въ день. По полученнымъ нами въ правленіи конно-желѣзной дороги Эрлангера и К^о, свѣдѣніямъ, число пассажировъ въ теченіе года, при 19-ти вагонахъ, когда, однако, линія отъ Адмиралтейской площади на Вас. островъ не эксплуатируется, всегда доходитъ, безъ особыхъ колебаній, до 6 миллионъ человекъ.—Затѣмъ, довольно хорошо известно по неоспоримымъ даннымъ, что на каждый вагонъ ежегоднаго расхода (съ людьми, лошадью, ремонтомъ, пошлнами, конторою, процентами погашенія капитала и пр.) можетъ быть не болѣе 3000 р. по самой щедрой мѣрѣ, все-таки основываясь на цифрахъ «Вѣдомостей С.-Петербургской полиціи» 1873 года. Доходъ же съ него, т. е. съ каждаго вагона, получается за то же время (по 20 р. въ день) 7200 рублей. Вотъ, сколько намъ известно, въ какомъ благоприятномъ положеніи находится дѣла этого полезнаго и важнаго для нашей общественной жизни учрежденія, чему, впрочемъ, мы не можемъ не радоваться.

Финансовое положеніе новаго товарищества петербургскихъ желѣзныхъ дорогъ за годъ опредѣлить невозможно, такъ какъ дѣятельность этого товарищества началось лишь въ октябрѣ мѣсяцѣ 1875 года. Но, впрочемъ, управленіе этой новой конно-желѣзной дороги совершенно откровенно, по истинѣ вполне поевропейски, отнеслось къ нашему вопросу о доходахъ этой дороги, заявивъ намъ, что въ обыкновенные дни число пассажировъ на всехъ ея линіяхъ доходитъ до 25000 человекъ, а въ праздничные—до 36000 человекъ, какія цифры, помноженные на 4, т. е. на среднюю цѣну провоза, дадутъ въ будніе дни ежедневнаго дохода 1000 р., а въ праздничные 1440 рублей,—значитъ въ годъ, въ первомъ только случаѣ, не считая вовсе праздничныхъ дней, при помноженіи 365 годовыхъ дней на 1000 р., получимъ сумму годичной сложности въ 365000, или до 400000 вмѣстѣ съ праздниками, что, сравнительно съ 110000 р. валоваго дохода, на основаніи расчетовъ «Вѣдомостей С.-Петербургской полиціи», составляетъ далеко не слишкомъ, впрочемъ, завидный результатъ, особенно если принять въ соображеніе значительность и широту дѣлаемыхъ этимъ благородно и разумно щедрымъ товариществомъ расходовъ.

Въ дополненіе къ сказанному, мы считаемъ не лишнимъ прибавить, что, какъ намъ передавали, на дняхъ, управленіе конно-желѣзныхъ дорогъ Эрлангера получило изъ Парижа 11 новыхъ вагоновъ, которые скоро начнутъ дѣйствовать. Эти вагоны, по слухамъ, отличаются вмѣстительностію и, что весьма важно, особымъ удобствомъ всходовъ. Независимо отъ того, мы слышали, что, сверхъ этихъ 11-ти вагоновъ, управленіе получило еще 5 вагоновъ, совершенно новаго вида, именно вагоновъ безъ имперіала, до такой степени легкихъ на ходу, что они могли бы быть передвигаемы силою одной только лошади, а не пары.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ и слѣдующія главы будутъ переводиться съ рукописи и появляться одновременно съ оригиналомъ.

(Продолженіе).

VIII.

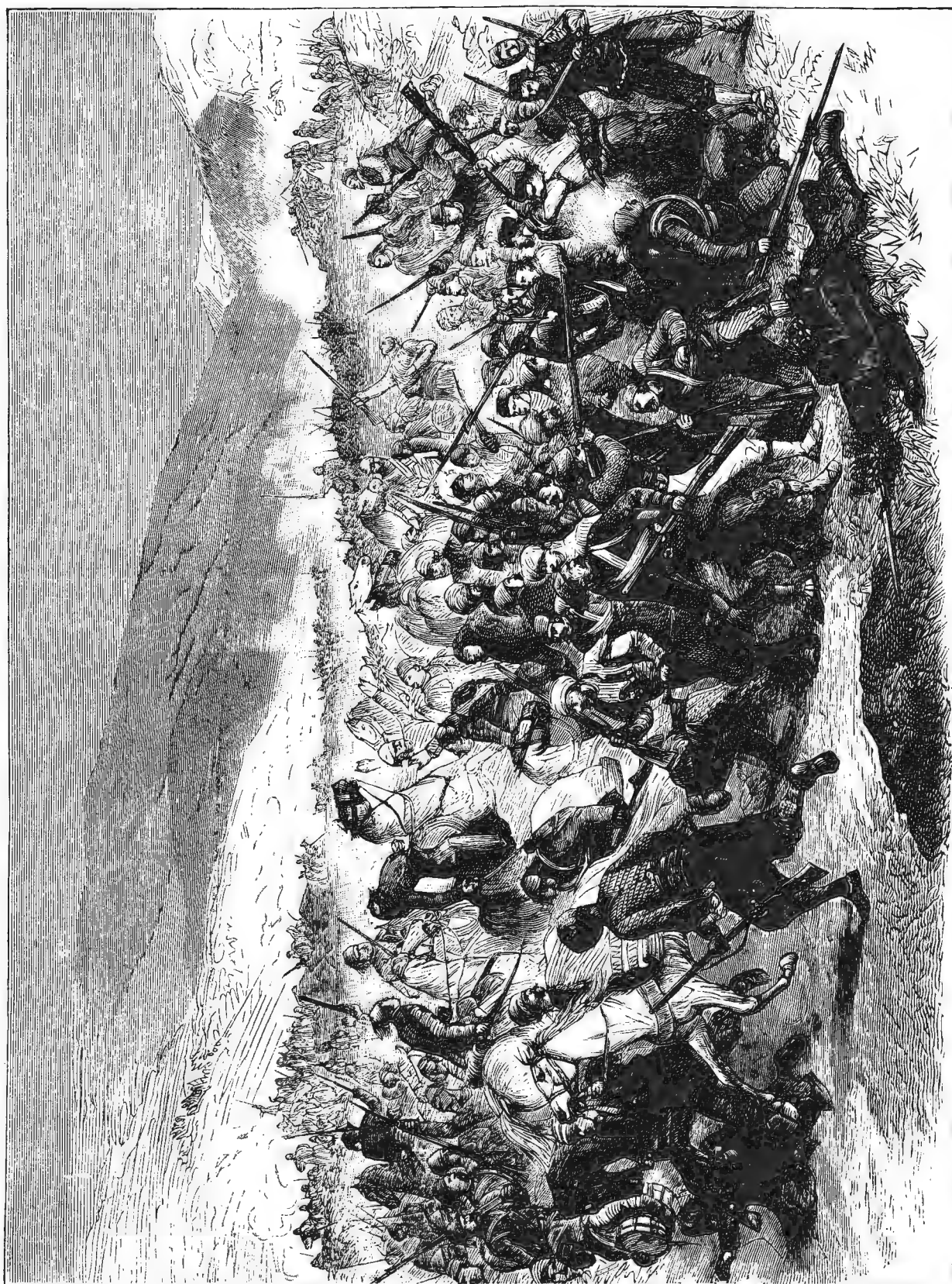
Совершенно стемнѣло; часы на придильной фабрикѣ пробили семь, а Кэта все еще сидѣла у одного изъ

*) Синія пальто и синія фуражки, при красныхъ воротникахъ и околышахъ. Служители первоначальнаго учрежденія имѣютъ пуговицы и галуны бѣлые (серебряные); а втораго, новаго—пуговицы и галуны желтые (золотые).

оконъ въ комнатѣ на „замковой“ мельницѣ. По неотступной просьбѣ Сузы, она часъ тому назадъ обрившавала шкафъ съ бѣльемъ. Старуха не довѣряла мельничихъ, приходившей ухаживать за ней; она была убѣждена, что „любая“ соблазнится при видѣ такого славнаго бѣлья изъ „домашней пряжи“. Послѣ этой реви-

Храмъ Зевса въ Олимпіи. Рисов. А. Фольмеръ, грав. Н. Наубергъ.

Герцеговинское восстание. Борьба герцеговиновъ съ турками по дорогѣ между Требиньемъ и Рагузою. Рисов. Зверинювъ, грав. Шласки.

зи Кэта (а это она дѣлала каждый день) собственно-ручно сварила для Сузы вечернюю похлебку и уложила больную въ постель. Больная, хотя и чувствовала себя значительно лучше, но все-еще была очень слаба и не могла обойтись безъ посторонней помощи. Итакъ, молодая дѣвушка уже довольно долго сидѣла сложа руки, притаившись въ углу, у окна, въ совершенныхъ потемкахъ.

Тамъ, въ домѣ коммерціи совѣтника, она не чувствовала себя такъ хорошо, какъ здѣсь. На виллѣ не существовало обычая отдыхать въ сумерки (въ Дрезденѣ-то отдыхали): на виллѣ, какъ только солнце заходило, слуги сейчасъ же опускали шторы, впахивалъ газъ, и при такомъ ослѣпительномъ освѣщеніи даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ комнатъ было со-всѣмъ свѣтло.

Глухое постукиванье маятника старинныхъ стѣнныхъ часовъ походило на правильные подземные стуки духовъ; на толстой зеленой занавѣскѣ двери алькова, казалось, мигалъ тусклый глазъ гнома—это за занавѣской, у кровати Сузы, горѣла свѣчка. Какъ опять стало тихо и темно тутъ!.. Въ такія минуты Кэта, будучи ребенкомъ, серьезно, бывало, вѣрила въ чудесный міръ и прислушивалась къ суетливой бѣготнѣ бѣлыхъ отъ мучной пыли добрыхъ невидимыхъ существъ — „гэнцельменхеновъ“. Она довѣрчиво слушала тогда Сузу, а Суза рассказывала ей, что при закладкѣ мельницы, благодаря людскому суетврью, подъ первый камень (то-то варвары!) былъ положенъ новорожденный младенецъ, а самъ строитель, въ заносчивости своей, размѣшивалъ известку дорогимъ виномъ... Сегодня воспоминанія эти, невольно воскресшія въ ней, какъ-то быстро исчезли. Кэта неподвижно глядѣла на блѣдную полоску свѣта, падавшего изъ южнаго окна на то мѣсто, гдѣ умеръ „замковый“ мельникъ. Она думала о томъ, какъ это случилось, что самъ Брукъ сообщилъ ей о приговорѣ надъ нимъ общественаго мнѣнія?.. Теперь даже она еще яснѣе понимала, какимъ образомъ докторъ снизошелъ до того, что, встрѣтясь съ ней, сказалъ нѣсколько словъ въ свою защиту... Да если бы весь свѣтъ сталъ на сторону обвиненія—она все-таки не повѣрила бы, не могла бы допустить, чтобы этотъ мыслящій человекъ, олицетвореніе серьезнаго, разумнаго покоя, несомнѣнной правдивости, неподдѣльной прямоты, былъ въ состояніи такъ нахально-безсовѣстно принять на себя слишкомъ рискованное дѣло и только вследствие высокаго о себѣ мнѣнія (ложнаго) идти къ больному, не обладая ни знаніемъ, ни искусствомъ... Вотъ, и теперь опять къ сердцу ея прихлынула горячая струя крови, сильный гнѣвъ овладѣлъ Кэтой. Она ощущала то же, что сегодня послѣ обѣда пришлось ей вытерпѣть, когда Флора въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ порицала врачебную дѣятельность Брука. Однако, что это за загадочная женская натура, эта столь восхваляемая Флора?.. Вѣдь когда-то этотъ маленькій кумиръ внушалъ Кэтѣ сильный страхъ и въ то же время она тайнѣ обожала этого подольчика...

Генриетта, оставаясь наединѣ съ младшей сестрой, всегда какъ-то особенно старательно избѣгала вдавлять въ подробности, если разговоръ заходилъ о женихѣ и невѣстѣ; но послѣ нѣкоторыхъ ея выраженій, невольно срывавшихся съ языка, Кэта могла заключить, что Флора сначала страстно любила своего жениха.

Брукъ, въ качествѣ полковаго врача, участвовалъ во франко-прусской войнѣ, а потомъ довольно долгое время пробылъ въ Берлинѣ, гдѣ состоялъ ассистентомъ при одной медицинкой знаменитости. Въ М* вернулся онъ собственно по желанію своей тетки. Солидная репутація, пріобрѣтенная имъ, а также и внушительная наружность его въ короткое время сдѣлали изъ него „моднаго доктора“, и на этого моднаго доктора мѣст-

ный прекрасный полъ смотрѣлъ какъ на *желаннаго* гостя.

Итакъ, гордая Флора Мангольдъ вовсе не дѣлала снисхожденій, отдавая доктору свою руку, получить которую онъ такъ желалъ. Первый шагъ къ общенію съ нимъ былъ съ ея стороны: она сама привлекла его къ себѣ. Флорѣ случилось вывихнуть ногу, и она объявила, что за врачебной помощью желаетъ обратиться къ одному только медику, именно Бруку, столь прославленному „модному доктору“. Флора еще въ больницѣ обручилась съ нимъ... Многія позавидовали тогда ея счастью... Можетъ быть, по этой причинѣ она и боялась такъ непріятной огласки. Понятно теперь, почему Флора, чтобы достигъ своей цѣли, рѣшилась дѣйствовать вѣроломно: ей хотѣлось заставить публику думать, что причина размолвки ихъ лежитъ въ постепенномъ взаимномъ охлажденіи. Такъ какъ это протянется довольно долго, то самый разрывъ пройдетъ незамѣченнымъ, все кончится тихо, безъ шума...

Кэта порывисто вскочила: эта мысль была для нея невыносима. Ей, если она останется на виллѣ, придется быть постояннымъ свидѣтелемъ такой возмутительной комедіи, придется видѣть, какъ этотъ несчастный человекъ, страстно любящій, готовый противостоять, бороться, будетъ изгнанъ изъ райа, о которомъ онъ столько мечталъ!.. Нѣтъ, она тоже встанетъ на сторону Морица и Генриэтты. Флора не должна измѣнять данному слову. Вся семья обязана тутъ единодушно возстать, не допустить такой ужасной измѣны. О, безумная!.. Вѣдь она ослѣплена, она сама отталкиваетъ свое счастье! Вѣдь она ослѣплена, она сама отталкиваетъ свое счастье! Вѣдь видѣла же она, какъ онъ живетъ; хорошо знаетъ и характеръ его, и отношенія къ преданной ему пріемной матери! Знала Флора также, что ее тамъ на рукахъ бы носили, лелѣли, если бы она дала ему то счастье, унитъся которымъ онъ такъ пламенно жаждалъ...

Кэта спльно вздрогнула и въ ужасѣ закрыла руками лицо... Здѣсь, кругомъ, темно, такъ странно темно, какъ будто царитъ глубокая ночь!.. Мудрено-ли, что *гробы* неслышными шагами могъ прокрасться сюда, въ сокровенный уголокъ души человѣческой и зародить тамъ грѣховный помыселъ?.. Молодая дѣвушка быстро очутилась у двери и отворила ее.

Въ сѣняхъ горѣла большая лампа, ярко освѣщая лѣстницу и галерею съ колоннадой, почему на полу и лежали рядами свѣтлыя полосы. Дверь изъ мукомольни только-что отворили и оглушительный грохотъ дѣйствующей машины разнесся по всему дому. Яркое освѣщенія, непрерывное грохотанье въ мукомольнѣ, разомъ уничтожили обольстительный призракъ, прокрадшіяся въ невинную, дѣвственную душу Кэты...

Сѣни эти, или собственно прихожая на „замковой“ мельницѣ (комната обширная, выбѣленная), были украшены изображеніемъ во весь ростъ строителя мельницы, одѣтаго въ латы. Этотъ портретъ, старинной работы, порядкомъ уже полинялъ, такъ что фигура бывшего хозяина казалась какимъ-то привидѣніемъ, выглядывающимъ изъ ветхой, черной рамы. Во времена оны Кэта побавалась этого портрета, но теперь она смотрѣла на него какъ на стариннаго друга. Да, онъ отрезвилъ ее, вернуть къ дѣйствительности, прогнавъ предательскую, грѣховную мечту, которая толкала ее на чужое, уже занятое мѣсто...

Кэта спустилась съ лѣстницы и оставила мельницу. Ночной вѣтерокъ освѣжалъ ея разгорѣвшееся лицо. Высоко надъ нею такъ чудно, ярко сверкали золотыя арабески—созвѣздія сѣвернаго неба. Молодой дѣвухѣ вдругъ стало стыдно, что она увлеклась-было праздными мечтаніями... Но, можетъ быть, это было просто головокруженіе, нѣчто въ родѣ омынія, отъ котораго нельзя уберечься, потому что оно внезапно овла-

дѣвастъ даже самымъ здоровымъ, крѣпкимъ человѣкомъ?..

Еще издали, сквозь древесныя вѣтви, Кэта увидѣла мерцавшіе огни на вилдѣ, а когда вошла въ домъ и очутилась въ корридорѣ,—до ея слуха долетѣли звуки рояля. Инструментъ былъ великолѣпный, но по клавишамъ его кто-то варварски ѣرزалъ неумѣлыми руками.

Сегодня у президентши былъ вечеръ; къ ней „на чашку чая“ пріѣхало нѣсколько почтенныхъ особъ; былъ кое-кто и изъ молодежи. Особы засѣдали за карточнымъ столомъ, а молодые люди музыканили, болтали всякій вздоръ, словомъ — развлекались какъ хотѣли. Гости явились, какъ говорится, *запросто*, чтобы убить время и затѣмъ раскланяться часовъ въ десять, не позже.

Кэта поспѣшила переодѣться и отправиться въ салонъ—въ большую комнату въ нижнемъ этажѣ, примыкающую къ балкону.

Дѣйствительно, гостей собралось не много: за однимъ только карточнымъ столомъ и играли, а около чайнаго—кромѣ Генріетты (за самоваромъ)—никого не было, хотя обыкновенно тутъ то и группировалась молодежь.

Генріетта опять украсила бѣлокुरые свои волосы ярко-алыми бантами; на ней была безрукавка того же цвѣта, бархатная, поверхъ свѣтло-голубаго шелковаго платья. Благодаря такому театральному костюму, ея сѣроватое, узенькое личико казалось *не отъ міра сего*, но зато глаза, прелестные глаза, горѣли чудеснымъ огнемъ.

— А Брукъ опять здѣсь,—растроганнымъ голосомъ, съ жаркимъ дыханіемъ, шепнула она на ухо Кэтѣ, указавъ рукой на комнату Флоры, смежную съ салономъ, гдѣ все-еще продолжали варварски обращаться съ роялемъ.—Кэта, знаешь, онъ, кажется, сталъ еще выше... выросъ... Такой онъ высокій и... серьезный... Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ ты-то смотришь такъ серьезно, строишь монашескую фізіономію?... перебивъ себя, рѣзко замѣтила больная (она была въ какомъ-то волненіи...). Въ самомъ дѣлѣ, всѣ сегодня ужасно угрюмы! Морицъ получилъ откуда-то денешу и очень разсѣянъ; бабушка въ отвратительномъ расположеніи духа, потому что въ салонѣ ея нынче пустынько... Ахъ, а я такъ рада, мнѣ такъ весело!.. Знаешь-ли, Кэта, третьяго дня, во время сильнаго припадка, ужъ и думала, что Брукъ найдеть здѣсь мой трупъ... О, нѣтъ! Нѣтъ! Я *не хочю* умирать безъ него...

Въ первый разъ Генріетта заговорила о смерти. Хорошо еще, что въ эту минуту руки, ѣرزавшія по клавишамъ рояля, съ удвоеннымъ ожесточеніемъ ударили по нимъ и пошли гулять, учиняя трескъ и громъ; хорошо, что тутъ кстаті трое пожилыхъ господъ у камина возвысили голосъ въ оживленномъ спорѣ, потому что послѣднія слова больная почти выкрикнула и голосъ ея прозвучалъ особенно страстно...

Кэта тихонько толкнула ее, а президентша, чрезъ лорнетъ, строгимъ, неодобрительнымъ взглядомъ пропизала сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ.

Генріетта быстро овладѣла собой.

— Ну, неужели-же меня кто-нибудь осудитъ за это? небрежно проговорила она, съ усмѣшкой приподнявъ плечи.—Вѣдь никто, я думаю, не желаетъ умереть въ одиночествѣ... На что же тогда и докторъ? Онъ долженъ до послѣдней минуты обнадеживать больного...

Кэта узнала даже слишкомъ много... Сестра ея — *не поддетъ* съ нею въ Дрезденъ. Отказавшись отъ чашки чая, которую ей предложила Генріетта, молодая дѣвушка вынула изъ кармана неоконченную небольшую вышивку.

— Ахъ, брось, пожалуйста, это дѣло! съ нетерпѣніемъ сказала Генріетта.—Не думаешь-ли ты, что мнѣ очень весело сидѣть и смотрѣть, какъ ты спускаешь и вдѣваешь нитку.—Она поднялась съ своего мѣста и взяла подъ руку сестру.—Пойдемъ въ музыкальную комнату!

Мargarита Гизе разстроитъ инструментъ и наши нервы, если мы не прекратимъ эту пытку.

Онѣ вошли въ сосѣдную комнату, но особа, игравшая тамъ на фортепіано, углубилась, повидимому, такъ въ свою игру, что не замѣтила ихъ присутствія... Широкая дверь въ рабочій кабинетъ Генріетты была открыта, такъ что можно было окинуть однимъ взоромъ всю комнату. Рядомъ съ другими великолѣпно освѣщенными покоями, комната эта, при слабо-пущенномъ свѣтѣ лампы, казалась почти темною, и темнокрасные обои ея принимали въ углахъ мрачный оттѣнокъ.

Флора сидѣла облокотясь небрежно на письменный столъ, въ то время какъ коммерціи совѣтникъ расположился съ комфортомъ въ мягкихъ креслахъ, а докторъ Брукъ перелистывалъ стоя какую-то книгу. Онъ былъ необычайно блѣденъ; на челѣ его выступали рѣзко двѣ мрачныя складки, и все-таки выразительное лицо его казалось замѣчательно красивымъ въ сравненіи съ его красавицей-невѣстой.

Генріетта не стѣсняясь вошла въ комнату,—женихъ и невѣста вѣдь не были наединѣ—, но Кэта, которую она тащила за собой, остановилась въ раздумьѣ на порогѣ; ее удерживало выраженіе лица Флоры: какая-то злость, нетерпѣніе—замѣтны были ясно на лицѣ невѣсты. Она очевидно находилась въ дурномъ расположеніи духа. Взоръ Флоры не замедлилъ остановиться съ саркастической улыбкой на сестрѣ, которая сегодня въ первый разъ замѣнила монотонный черный цвѣтъ платья свѣтло-сѣрымъ цвѣтомъ полутраура.

— Просимъ пожаловать, Кэта! сказала она, не перемѣняя своего положенія у письменнаго стола.—Хотя ты по обыкновенію въ шелку,—похожа, однако, на восковаго херувимчика и вѣчнымъ шелестомъ своего шелковаго платья въ состояніи раздражить нервы и самаго загубѣлаго существа. Скажи мнѣ только, Бога ради, съ какой стати носишь ты постоянно эту страшно тяжелую матерію; вѣдь она къ твоей дрезденской кухнѣ такъ-же умѣстна, какъ бѣльмо на глазу.

— Это моя слабость, Флора, отвѣчала съ спокойной улыбкой Кэта. Можетъ быть, это и дѣтская причуда, но мнѣ такъ пріятно слышать шелестъ шелка: въ немъ заключается нѣчто величественное. Находясь же въ своей «кухнѣ», я, разумѣется, этой матеріи не ношу.

— Послушайте, съ какою гордостью говоритъ она о своей кухнѣ! Вотъ глупость! Хотѣла бы я взглянуть, какъ ты въ своемъ холщевомъ передникѣ возишься около жирныхъ горшковъ. Впрочемъ, у cadaго свой вкусъ; что касается меня, то благодарю покорно Она устремила медленно и пытливо свои темные глаза на лицо доктора, который только-что закрылъ спокойно книгу и положилъ ее на мѣсто.

Кэта чувствовала, какъ крошечная ручка Генріетты сжимается въ кулакъ.—Ахъ, какая же ты странная, Флора! воскликнула она, стараясь принять веселый видъ:—не болѣе пяти мѣсяцевъ тому назадъ ты сама частенько, внизу на кухнѣ, возилась около горшковъ Христіны—съ умѣньемъ, или напротивъ, объ этомъ нѣтъ рѣчи—но благое намѣреніе заняться хозяйствомъ у тебя, дѣйствительно, было, да притомъ и чистенькій фартукъ шелъ тебѣ къ лицу какъ нельзя болѣе.

Флора закусила губу.—У тебя вѣчно только глупости на умѣ; ты не сумѣла понять, что я дѣйствовала тогда не болѣе, не менѣе, какъ подъ влияніемъ минутнаго каприза... Флора, сложивъ руки и задумчиво опустивъ голову, сдѣлала медленно нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Она была очень мила въ своемъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ изъ бѣлаго альпака.

Коммерціи совѣтникъ вскочилъ съ своего мѣста.—Итакъ, Флорочка, угодно будетъ пойти съ нами въ гостиную?—спросилъ онъ.—Она блистаетъ сегодня необыкновеннымъ отсутствіемъ гостей—и по основательной причинѣ: вѣдь у принца дипломатической *soirée*, успо-

коиваль онъ себя.—Мы должны, однако, оживить нѣсколько гостинную; въ противномъ случаѣ бабушка будетъ нѣсколько дней въ дурномъ расположеніи духа.

— Я уже извинилась на полчаса, Морицъ, съ нетерпѣніемъ сказала Флора.—Я *должна* окончить еще сегодня статью, которую начала составлять. Я окончила бы ее давно, если бы не помѣшалъ Брукъ...

Докторъ подошелъ къ письменному столу. — Развѣ это такое спѣшное дѣло? и отчего? спросилъ онъ не безъ легкаго оттѣнка юмора въ лицѣ и голосѣ.

— Отчего, другъ мой? Потому что я хочу сдержать данное слово, съ колкостью возразила она.—Это забавляетъ тебя. Во всякомъ случаѣ это женскій трудъ, и ты, разумеется, не понимаешь, кого могутъ интересовать такіа бездѣлушки.

— Я не думаю такъ о женскомъ трудѣ вообще...

— Вообще! повторила она съ громкимъ смѣхомъ.— Что прикажете дѣлать? Общее, глубоко вкоренившееся понятіе! Стряпня, шитье, выпиванье — вычисляла она по пальцамъ.

— Ты не дала мнѣ досказать, Флора! сказала докторъ спокойно.—Я хотѣлъ коснуться также и умственной дѣятельности, какъ и ручной работы. Я отнюдь не отношусь враждебно къ женскому вопросу и желаю, какъ и всѣ благомыслящіе люди, чтобы женщина стала разумной помощницей мужчины въ области умственной дѣятельности.

— Помощницей? Какая милость! Мы не желаемъ, однако, милости, другъ мой; мы требуемъ больше: мы желаемъ быть *равноправными* во всѣхъ отношеніяхъ.

Онъ пожалъ плечами и улыбнулся; интересное лицо его, на которомъ отразились легкая насмѣшка и снисходительность, казалось чрезвычайно одушевленнымъ.— Вѣдь это верхушка новѣйшихъ вашихъ притязаній и требованій, отъ которой благоразумные люди давно отказались,—притязаній, противъ которыхъ друзья прогресса будутъ ратовать на государственной и религиозной почвѣ до тѣхъ поръ, пока женщины будутъ вдаваться въ такіа крайности, которыя онѣ позволяютъ себѣ творить во время религиозныхъ оргій на улицахъ американскихъ городовъ,—до тѣхъ поръ, пока онѣ не перестанутъ идти заодно съ мрачнымъ сонмомъ фанатиковъ-Клерикаловъ. Равноправность—женщинъ то же, что смертоносное оружіе въ слабыхъ, неосторожныхъ рукахъ.

Флора не возразила ни слова. Она поблѣднѣла какъ мраморъ. Стараясь сохранить наружное спокойствіе, она взяла стальное перо и попробовала его на ногтѣ большого пальца. Потому она раскрыла ящикъ и взяла оттуда какой-то небольшой предметъ.

Генриетта вырвала проворно свою руку изъ руки Кэты и сдѣлала шагъ впередъ, въ то время, какъ коммерціи совѣтникъ поспѣшилъ удалиться изъ комнаты такъ быстро, какъ будто бы онъ позабылъ сдѣлать какое-либо важное распоряженіе. Кэта изумилась: она увидѣла, какъ нѣжныя пальчики Флоры съ легкою дрожью въ рукахъ взяли перочинный ножикъ и срѣзали кончикъ вынудой изъ ящика сигары.

— Тоже оружіе, которое мы не должны употреблять, и именно съ этою цѣлью, сказала Флора съ вынужденном улыбкой и бросая искоса взглядъ на доктора, который въ это время сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.—Только странное дѣло, что наши на восемь лѣтъ болѣе бѣдные женскіе мозги имѣютъ сходство съ мозгами нашего властелина въ томъ, что они слышатъ пронизательнѣе и работаютъ усиленнѣе во время куренія. И съ этими словами она закурила сигару, между тѣмъ какъ на губахъ ея замѣтна была нервная дрожь.

Фрейленъ Гизе въ сосѣдней комнатѣ давно кончила свою блестящую салонную пьесу и появилась въ этотъ моментъ на порогѣ рабочаго кабинета.—Флора, ты ку-

ришь,—ты, которая никогда не могла сносить запаха сигары? воскликнула она и съ удивленіемъ сложила руки — Невѣста моя шутитъ, сказалъ докторъ Брукъ совершенно спокойно. Онъ подошелъ опять къ письменному столу.—Она попробуетъ тѣмъ ограничиться, если не желаетъ причинить вреда своему здоровью.

— Не намѣренъ-ли ты, Брукъ, запретить мнѣ это? сказала она холоднымъ тономъ. Въ глазахъ ея сверкнулъ злобщій огонекъ. Она пустила струйку дыма и взяла сигару двумя тоненькими пальчиками лѣвой руки.

Докторъ, казалось, только того и ждалъ. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ взялъ онъ изъ рукъ ея сигару и бросилъ въ каминъ.—Запретить, въ качествѣ твоего жениха? повторилъ онъ пожимая плечами. Права этого я *покуда* не имѣю. Я могъ бы тебя просить, но я не охотникъ до повтореній и бесполезныхъ словъ: ты знала, что я ненавижу сигару, когда ее курить женщина. Въ этомъ случаѣ я просто напросто запрещаю тебѣ, въ качествѣ врача—ты имѣешь причины беречь свои легкія.

Флора, казалось, окаменѣла на мигъ, видя такую смѣлость; при послѣднихъ словахъ доктора по тѣлу ея пробѣжала дрожь; однако, она скоро овладѣла собой.—Странно, съ язвительной улыбкой воскликнула она,—что противный совѣтникъ медицины, пользующій меня съ малолѣтства, не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова. Этимъ, однако, можно пугать только дѣтей. Впрочемъ, я не имѣю никакой причины дорожить настолько своимъ здоровьемъ, чтобы для сохранения его отказать себѣ въ какомъ либо невинномъ удовольствіи — напротивъ! Я буду курить по-прежнему; при моемъ авторскомъ призваніи, это необходимо; призваніе это составляетъ мое счастье, мою нравственную поддержку; я живу и дышу имъ...

— Пока неизбежный оборотъ дѣлъ не укажетъ тебѣ твое дѣйствительное призваніе, добавилъ докторъ. Голосъ его звучалъ какъ сталь.

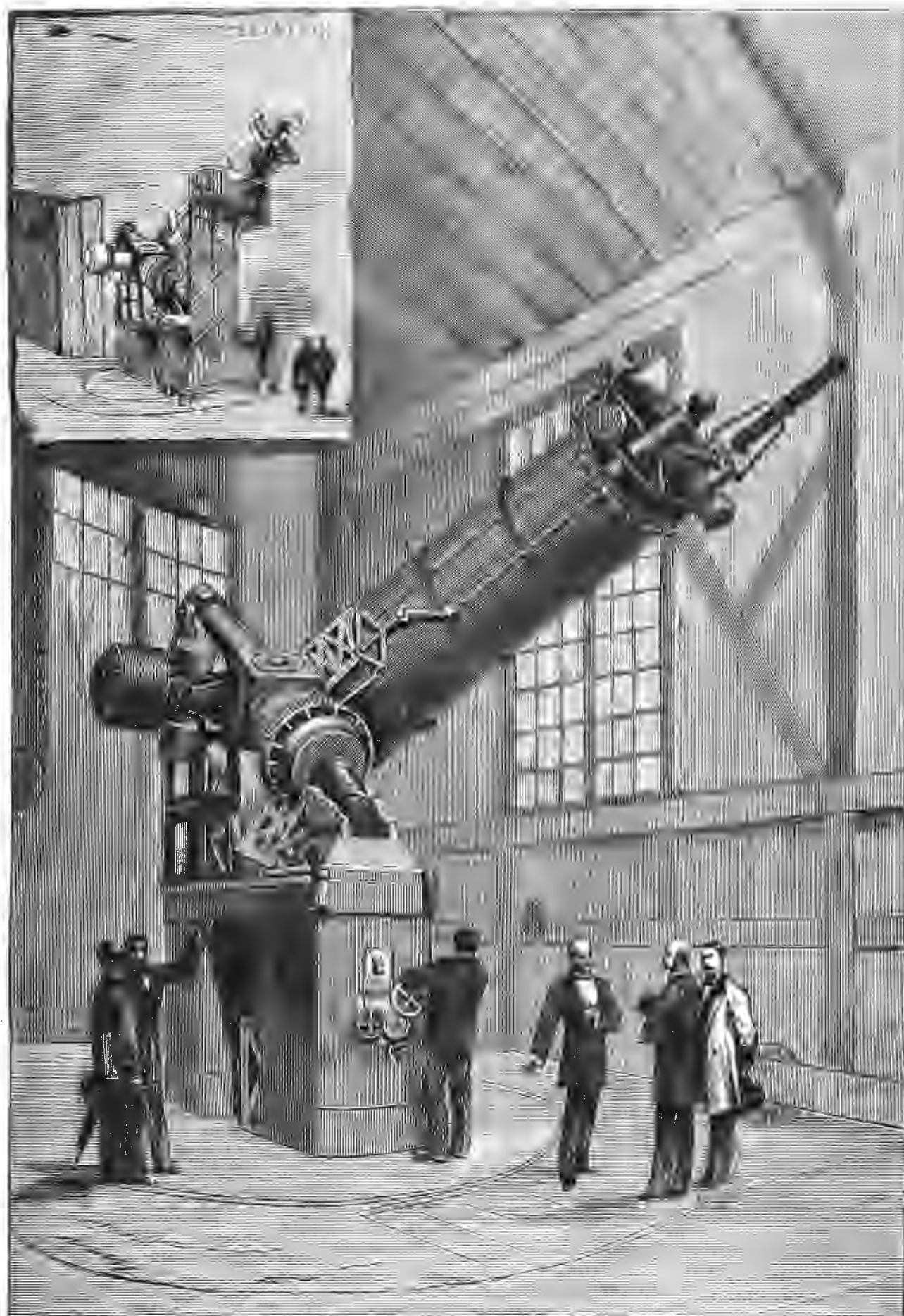
На щекахъ Флоры вспыхнулъ яркій румянецъ; она открыла-было свой хорошенькій ротикъ съ цѣлью дать рѣзкій отвѣтъ, но взоръ ея упалъ на фрейленъ Гизе, стоявшую наостривъ слухъ и зрѣніе, на порогѣ комнаты и жадно ловившую каждое неосторожное слово, могущее послужить отличнѣмъ матеріаломъ для составленія сплетни. Случай для этого былъ, дѣйствительно, превосходный.

Флора, сдѣлавъ граціозное движеніе и надувъ свои губки, сказала доктору съ легкимъ оттѣнкомъ укора: Ахъ, Брукъ, какъ это прозаично! Возвратился, должно быть, съ веселой поѣздки за городъ, веселился...

Она онѣмѣла—Брукъ сильно сжалъ ея руку.—Желаетъ ли ты быть столь любезной и не касаться моего призванія? спросилъ онъ, подчеркивая каждое свое слово

— Я говорила объ удовольствіяхъ, отвѣчала она дерзко и вырвала свою руку изъ рукъ доктора.

При неожиданныхъ встрѣчахъ съ президентшей, не-симпатичное лицо ея внушало Кэтѣ постоянно чувство, похожее на страхъ; однако, въ настоящій моментъ, когда старуха вошла поспѣшно въ комнату, Кэта вздохнула свободнѣе. Походка президентши была на этотъ разъ необыкновенно торопливая. Повидимому, она была чѣмъ-то сильно раздосадована. — Мои игорные столы придется, вѣроятно, на будущее время поставить здѣсь, если я не желаю, чтобы друзьями моими пренебрегали, сказала она сильно раздраженнымъ тономъ. — Возможно-ли, Генриетта, такъ рано оставлять чайный столъ? Мнѣ остается только посадить за него мою камеръбюнгферу. Что касается тебя, Флора, то я не понимаю, какъ можешь ты возвратиться къ письменному столу въ то время, когда у насъ гости. Неужели твой издатель притѣсняетъ тебя до такой степени, что ты должна работать по вечерамъ: въ такомъ слу-

Новый меридианский телескопъ, парижской обсерваторіи. Рис. Бокуръ, грав. Бергъ,

чаѣ притворяй свою дверь, если не желаешь, чтобъ занятія твои походили слишкомъ на тицеславіе и ученое кокетство. Президентша, должно быть, была очень взбѣшена, если позволила себѣ высказаться такъ безцеремонно въ присутствіи придворной особы.

Флора взяла свою рукопись и обмакнула перо въ чернила.—Суди объ этомъ, бабушка, какъ тебѣ угодно, сказала она холодно.—Я не виновата, что меня ищутъ здѣсь, и я съ самопожертвованіемъ сидѣла бы за твоимъ зеленымъ столомъ, еслибъ мнѣ не помѣшали.

Генриетта проскользнула мимо президентши и украдкой кивнула Кэтѣ, чтобъ она слѣдовала за ней.—Эти сцены уложить меня въ гробъ, шепнула она ей въ опустѣвшей музыкальной комнатѣ.

— Будь спокойна! Флора ведетъ борьбу напрасно: онъ все-таки покоритъ ее,—сказала Кэта странно-взволнованнымъ голосомъ.—Но *его* я не понимаю. Еслибъ я была на его мѣстѣ... Въ глазахъ ея сверкнула гордость.

— Знаешь-ли ты, Кэта, какъ дѣйствуетъ любовь? Не осуждай! Тебя еще не коснулось это бѣшеное чувство, всецѣло охватывающее человѣческую душу.—Генриетта, произнося это, глубоко вздохнула.—Ты вѣдь не знаешь, до какой степени увлекательной и очаровательной можетъ быть Флора, если она *желаетъ*: ты знаешь ее только въ ея теперешней недостойной роли, эту боязливую, эгоистическую, жестокосердную душу. Кто видѣлъ Флору даящей любовь, тотъ пойметъ, что человѣкъ рѣшится скорѣе искать смерти, чѣмъ отказаться отъ сестры.

IX.

Генриетта отправилась исполнять свою обязанность чайнаго стола: Кэта же осталась у рояля и занялась перелистываніемъ нотъ. Послѣднія слова Генриетты произвели на нее глубокое впечатлѣніе. Неужели отвергнутая любовь, дѣйствительно, такъ сильно потрясаетъ душу, что ради нея человѣкъ готовъ умереть? И имѣетъ ли эта любовь всесильную власть надъ такимъ человѣкомъ, какъ Брукъ.

Докторъ только что вышелъ твердымъ шагомъ изъ комнаты Флоры; президентша также быстро промелькнула; въ гостинную явились еще двѣ пожилыя дамы, которыхъ она должна была встрѣтить. Дверь въ рабочій кабинетъ Флоры осталась, какъ и прежде, открытою; спорный вопросъ, вѣроятно, былъ уже рѣшенъ, потому что послѣ того, какъ и фрейленъ фонъ-Гизе вышла изъ комнаты и принялась опять разыгрывать свои прелюдіи, въ кабинетѣ Флоры воцарилась совершенная тишина.

Кэта слѣдила взоромъ за докторомъ, когда онъ проходилъ черезъ залу. Онъ подошелъ—было къ чайному столу съ тѣмъ, чтобы вступить въ бесѣду съ Генриеттой; однако, одна изъ вновь прибывшихъ дамъ задержала его и завязала съ нимъ разговоръ. Докторъ былъ очень любезенъ и старался казаться совершенно спокойнымъ, но Кэта еще раньше, въ то время, какъ Флора отвѣчала ему такъ дерзко, замѣтила въ глазахъ его пламя; онъ еще тогда перемѣнился въ лицѣ, да и теперь на щекахъ его горѣла краска. Хорошенькая противница его въ красномъ кабинетѣ не могла тоже похвалиться душевнымъ спокойствіемъ, не прошло и пяти минутъ, какъ она нетерпѣливо отодвинула стулъ и вошла въ музыкальную комнату.

— Ну, Флора, уже готово? спросила придворная фрейлина, и неумолимые пальцы ея забѣгали по клавишамъ.

— Вотъ какъ! Не думаешь-ли ты, что хорошее заключеніе дѣлается такъ себѣ, шутя? Я теперь не расположена работать, а писать безъ вдохновенія я не могу, считая авторское призваніе слишкомъ святымъ.

Въ глазахъ фрейленъ фонъ-Гизе, блеснула злобая улыбка.—Я жду съ нетерпѣніемъ, какъ отнесется критика къ твоему великому творенію „Женщи-

ны“. Ты говорила намъ о своемъ сочиненіи такъ много. Принялъ-ли его издатель?

Флора очень хорошо поняла значеніе этихъ словъ.—Вамъ, праведнымъ душамъ, было-бы очень пріятно узнать о фіаско моего сочиненія, не правда-ли, Маргарита? сказала она язвительно.—Но вамъ не придется быть свидѣтелями этого радостнаго событія, это говорить мнѣ мой мой маленькій палецъ. Съ горделивой улыбкой на устахъ она поправила свои душистые кудри и, какъ-бы сознавая свое могущество, пошла какъ гордая царица далѣе.

— Малютка, ты стоишь съ тетрадью нотъ въ рукахъ, какъ будто собираешься *тоже* завладѣть нашими слуховыми органами, съ насмѣшкою сказала она, проходя мимо Кэты и указывая легкимъ движеніемъ головы на слишкомъ усердную пианистку.—Развѣ ты поешь? Кэта тряхнула отрицательно головой.—Это было-бы послѣдіе Зоммера, въ семействѣ нашемъ нѣтъ пѣвицъ.

— Да, Флора, Кэта занимается музыкой, воскликнулъ коммерціи совѣтникъ.—Онъ разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ у дверей и теперь подошелъ ближе.—Я знаю это изъ отчетовъ о денежныхъ расходахъ докторши. Много денегъ, Кэта! Я уже хотѣлъ сказать тебѣ: У тебя дорогіе учителя.

Молодая дѣвушка улыбнулась.—Лучшіе, Морицъ! Мы въ Дрезденѣ люди практическіе: самое хорошее есть въ то же время и самое дешевое.

— Впрочемъ, мнѣ все равно. Обладаешь-ли ты, однако, талантомъ? спросилъ онъ тономъ сомнѣнія:—музыкальныя дарованія, во всякомъ случаѣ, не были удѣломъ семейства Мангольдовъ.

— Призваніемъ по крайней мѣрѣ, отвѣчала она просто:—склоностью сочинять мелодіи.

Флора, которая хотѣла-было переступить порогъ гостинной, обернулась съ изумленіемъ.—Вотъ какъ Кэта! сказала она не безъ отбѣга ироніи:—съ твоими красными щеками и съ образованіемъ, пригоднымъ для домашней хозяйки! Полька или вальсъ, не спорю, придетъ еще въ голову каждому, кто охотникъ до танцевъ.

— И я люблю, Флора, до страсти танцы, прервала Кэта весело и откровенно сознаваясь.

— Видишь-ли? Кто же можетъ заподозрить тебя въ творческомъ дарѣ! И ты берешь, вѣроятно, еще уроки композиціи?

— Да, уже три года.

Флора съ удивленіемъ всплеснула руками и совершенно взволнованная воротилась въ музыкальную комнату.—Въ здоровомъ-ли умѣ твоя Лукасъ (она называла бывшую гувернантку всегда по имени, которое та носила до своего выхода замужъ), бросая такимъ образомъ деньги за окно?

Въ сосѣдней гостинной господствовала въ этотъ моментъ тишина. Три пожилыхъ господина, стоявшихъ у камина, и дама, съ которой бесѣдовалъ докторъ, сѣли за карточный столъ; докторъ Брукъ велъ тихій разговоръ съ Генриеттой, а фрейленъ фонъ-Гизе прекратила на мигъ игру на фортепіано, такъ что въ гостинной слышно было каждое слово довольно громкаго разговора, происходившаго между Флорой и Кэтой.

Генриетта вскочила со стула и вошла въ музыкальную комнату.—Ты имѣешь призваніе къ музыкѣ, спросила она съ удивленіемъ, но съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь, не коснулась еще ни разу клавишъ?

— Рояль стоитъ рядомъ съ комнатой Флоры; могла-ли я своей игрой на фортепьяно безпокоить ее во время работы? отвѣтила молодая дѣвушка скромно и естественно.—Я имѣла, разуется, живѣйшее желаніе поиграть также разъ на этомъ инструментѣ, потому что онъ превосходный, а мое піанино въ Дрезденѣ довольно плохое. Пять лѣтъ тому назадъ мы купили его поддержанное. Докторша уже давно хочетъ просить тебя, Морицъ, о приобрѣтеніи новаго, но я всегда возставала противъ это-

го. Теперь же, послѣ того, какъ я увидѣла сегодня извѣстный шкафъ, я становлюсь сговорчивѣе; я желала бы имѣть точно такой инструментъ, какъ этотъ.

— Онъ стоитъ тысячу талеровъ.—Тысячу талеровъ на удовлетвореніе маленькой прихоти дѣвушки! Объ этомъ стоитъ подумать, Кэта!

— Да кто-же въ нашемъ домѣ играетъ на этомъ инструментѣ? спросила она почти рѣзкимъ тономъ. Видно было по всему, что она чувствуетъ себя внутренно оскорбленною.—Кому доставляетъ онъ наслажденіе въ тихіе часы? Онъ стоитъ только ради гостей. Неужели капиталъ долженъ быть употребляемъ только для того, чтобы производить наружный блескъ?

Коммерціи совѣтникъ, пораженный ея тономъ, приблизился къ ней и взялъ ея руку; ему не случилось еще видѣть на цвѣтущемъ лицѣ дѣвушки такого выраженія, полного энергіи и здравого смысла. Не принимай это такъ близко къ сердцу, милое дитя! старался онъ успокоить ее.—Развѣ я былъ когда-нибудь жестокосердымъ и придиричивымъ онекуномъ? Поди, сыграй пьесу и докажи намъ, что занятіе музыкой для тебя дѣйствительно дѣло, близкое сердцу. Болѣе я ничего не требую, и ты получишь инструментъ, какой желаешь имѣть.

— Послѣ всего происшедшаго, сказала она открыто и освобождая свою руку:—я отнюдь не желала-бы „разыграть“ себя роля; кто знаетъ, какое именно произведеніе разумѣешь ты подъ словами: „дѣло, близкое сердцу?“ завѣсь тѣмъ я принесу свои ноты, потому что терпѣть не могу упрасиваній.

Она хотѣла удалиться.

— Къ чему музыкальныя пьесы? Сыграй одну изъ твоихъ „композицій“, сказала Флора, не скрывая сардонической улыбки.

— Я не знаю наизусть также и моихъ собственныхъ произведеній, отвѣтила Кэта, выходя изъ комнаты.

Она возвратилась очень скоро съ тетрадью нотъ въ рукахъ. Въ то время, какъ она усаживалась у рояля на стулѣ, который фрейлина фонъ-Гизе уступила ей охотно, Флора взяла тетрадь съ нотнаго — Чья эта пьеса? спросила она, разсматривая заглавный листъ.

— Развѣ ты не желала сама услышать мою композицію?

— Всенепремѣнно; ты, однако, ошиблась—пьеса вѣдь печатная.

— Совершенно вѣрно: сочиненіе мое напечатано.

— Боже мой, какъ же могло случиться это? промолвила Флора такъ поспѣшно, такимъ наивно сконфуженнымъ тономъ, что лишилась на мигъ способности самообладанія.

— Да, Флорочка, какъ-же это могло случиться, что твои произведенія печатаютъ? спросила Кэта шутивымъ тономъ и съ примѣсью юмора. Она положила свои хорошенькіе, гибкіе, пальчики на клавиши.—Я объясню тебѣ, какъ я удостоилась этой чести, сказала она поспѣшно и стараясь успокоить Флору, которой, очевидно, пришлось не понутру отвѣтъ Кэты; задѣтая за живое, она окинула молодую сестру высокомернымъ взглядомъ.—Учителямъ моимъ пришла въ голову „фантазія“ напечатать тайкомъ отъ меня, съ цѣлью порадовать меня въ день моего рожденія.

— Ахъ, вотъ какъ! это можно было ожидать, сказала Флора и положила ноты на пультъ.

Генріэтта, между тѣмъ, подошла къ роялю съ другой стороны и, заглянувъ въ ноты, указала пальцемъ на заглавный листъ.—Не позволяй дурачить себя, Флора! смѣясь воскликнула она.—Смотри сюда! тутъ напечатано: изданіе Шотта съ сыновьями. Знаменитая фирма ради дня рожденія не поддастся. Кэта, говори правду! умоляла она, между тѣмъ какъ въ умныхъ глазахъ ея отражалось удовольствіе.—Сочиненія твои извѣстны свѣту, ихъ покупаютъ и играютъ.

Щеки молодой дѣвушки зардѣлись румянцемъ; она

кинула утвердительно головой.—Однако, дѣйствительно, я сама не знала объ отпечатаніи моихъ композицій, и первый выпускъ ихъ нашла у себя настолѣ въ день моего рожденія, сказала она и пальцы ея коснулись клавишъ.

Это была совершенно простал мелодія; но уже при первыхъ звукахъ инструмента сидѣвшіе въ гостиной за зеленымъ столомъ опустили карты и превратились въ слухъ. Звуки эти были мягки какъ бархатъ, чрезвычайно-оригинальны и потрясали до глубины души. Молодая пѣяница, устремивъ свои умные глаза въ ноты, держала себя спокойно и непринужденно; на груди ея отъ дыханія чуть замѣтно колыхался черный крестикъ. Въ игрѣ ея не видно было ни малѣйшаго желанія блеснуть, удивить проворствомъ пальцевъ, или произвестъ эффектъ. Никто изъ присутствовавшихъ не задавалъ себя вопроса о томъ, правильна-ли игра, или нѣтъ; никто не думалъ о методѣ игры, подобно тому, какъ при потрясающихъ звукахъ голоса не обращаютъ вниманія на лицо пѣвца. И когда послѣдніе звуки мелодіи начали постепенно замирать, въ залѣ воцарилась на мигъ такая тишина, что слышно было дыханіе. Каждый гость какъ будто боялся испугать какимъ-либо движеніемъ отлетающій звукъ, произведшій такое обаятельное дѣйствіе. Спустя минуту, въ залѣ все ожило; мужчины кричали: „Bravo!“ „Charmant!“ „Superbe!“—а дамы сожалѣли, что папа Мангольдъ не дожилъ до этого. Всѣ были изумлены, растроганы и принялись вновь за карты.

— Вы должны мнѣ дать, фрейленъ, очаровательную „фантазію“. Я сыгравъ ее въ присутствіи принцессы, сказала придворная дама тономъ покровительства.

— И самый прекрасный концертный роля, который когда-либо существовалъ, ты должна получить, Кэта, съ энтузіазмомъ присовокупилъ коммерціи совѣтникъ.

Генріэтта прижала свое блѣдное личико къ цвѣтущимъ щекамъ сестры и съ влажными отъ радостныхъ слезъ глазами шептала: „ты избранная“.

Уже при первыхъ звукахъ мелодіи Флора отошла отъ рояля и незамѣтно удалась изъ комнаты. Медленно ходила она по своему красному кабинету взадъ и впередъ, при каждомъ потрясающемъ звукѣ бросая какой-то боязливо-смущенный взглядъ на геніальную дѣвушку; а теперь, когда замолкъ послѣдній звукъ, она формально забила въ уголъ комнаты.

— Ахъ, мнѣ кажется, Флора сердится, что она теперь не единственная „знаменитость“ семейства Мангольдовъ, съ шипѣніемъ въ голосъ сказала фрейлина фонъ-Гизе, обратившись къ коммерціи совѣтнику.

Коммерціи совѣтникъ благодушно улыбнулся; онъ улыбался постоянно, если кто-либо изъ придворныхъ особъ обращался къ нему съ дружеской рѣчью; но избѣгалъ отвѣтовъ.

— На твою докторшу, впрочемъ, я очень золь, потому что она ни разу не сообщила мнѣ подробностей о твоёмъ музыкальномъ дарованіи, сказалъ онъ Кэтѣ, только-что вставшей со стула.

Она улыбнулась.

— У насъ, въ Дрезденѣ, вообще не любятъ придавать какое-либо особое значеніе подобнымъ вещамъ, сказала она скромно.—Докторша принадлежитъ къ числу такихъ женщинъ, которыя долго медлятъ окончательнымъ приговоромъ; она знаетъ, что мнѣ слѣдуетъ еще очень много учиться.

— Ахъ, полно пожалуйста! Это спартанское воспитаніе...

— Или самая утонченная уловка, которую желательно пустить въ ходъ съ надеждой на громадный успѣхъ, перебила Флора, которая только-что вошла въ комнату. Лице ея пылало какъ въ лихорадкѣ.—Меня, Кэта, ты не проведешь тѣмъ, что относишься такъ скромно къ своему таланту и дѣйствительно придаешь такъ мало цѣны ему, что въ продолженіе пятидневнаго пребыванія въ нашемъ домѣ не дотронулась даже ни разу до

Зимній день въ Голландіи. Картина Кеммереръ рис. Пелисье, гравир. А. Шалонъ.

клавишъ; это не что иное, какъ лукавство, коварство относительно меня, относительно насъ всѣхъ.—Накипѣвшая злость почти душила ее.

— Ты-ли, Флора, судишь такимъ образомъ? съ негодованіемъ сказала Генріэтта. Ты, которая никогда не устаешь примѣшивать ко всякому разговору рѣчь о своей литературной дѣятельности и распространяться о своихъ „ученыхъ занятіяхъ“,—ты, которая въ кругу

придаю никакой цѣны своему таланту, сказала Кэа совершенно спокойно, между тѣмъ какъ гордая сестра ее кусала свои губки, преслѣдуя взоромъ уходившую Генріэтту.—Въ такомъ случаѣ, я была-бы, во-первыхъ, несправедлива относительно себя, а во-вторыхъ крайне неблагодарна, потому что музыка доставляетъ мнѣ райское удовольствіе. Что при пріѣздѣ моемъ я не тотчасъ завела рѣчь объ 'этомъ предметѣ—есть не что

Профессоръ Н. А. фонъ Норденшильдъ. Рис. Шварцъ, грав. Веберъ.

своихъ знакомыхъ опираешься уже на успѣхи, которые, однако, слѣдуетъ еще обождать...

— Генріэтта, распорядись насчетъ чаю, крикнула президентша рѣзкимъ, строгимъ тономъ—въ музыкальной комнатѣ, по мнѣнію ея, былъ слишкомъ громкій разговоръ.

Генріэтта, не скрывая своего негодованія, ушла.

— Ты ошибаешься, Флора, если думаешь, что я не

иное, какъ простая случайность, потому что именно музыка и виновата въ томъ, что я пріѣхала сюда мѣсяцемъ раньше. Моему учителю композиціи понадобилось уѣхать недѣли на четыре, и такъ какъ поѣтому я была-бы лишена на цѣлыхъ два мѣсяца уроковъ, то я скоро рѣшилась и выѣхала изъ Дрездена съ нимъ одновременно.

(Продолженіе будетъ.)

Храмъ Зевса въ Олимпіи.

Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что въ прошломъ году германское правительство отправило въ Грецію ученую экспедицію для производства раскопокъ въ древней Олимпіи. Такимъ образомъ, предприятие, бывшее постоянною мыслью извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Винкельмана, въ настоящее время осуществилось, благодаря неуспыннымъ, въ продолженіе двадцати-трехъ лѣтъ, стараніямъ профессора Эрнста Курциуса, который, почти четверть столѣтія тому назадъ, а именно въ 1852 году, представилъ по этому предмету въ берлинскую академію наукъ подробную записку и указалъ образованному міру на необходимость воскресить изъ-подъ грудъ праха одно изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній древней Греціи — знаменитый олимпійскій храмъ Зевса.

Предоставляя себѣ вполнѣ въ подробности о результатахъ этихъ раскопокъ, скажемъ теперь только, что послѣднія извѣстія отъ Гиршфельда и Бетихера помѣчены 27 января текущаго года. Съ восточной стороны начали откапывать вторую ступень храма, а съ западной стороны раскопки углубляются по направлению къ храму, чтобы достигнуть первоначальнаго грунта. Находили въ теченіе нынѣшняго года трехъ родовъ: письменные памятники, разныя вещи и остатки статуй.

Въ настоящее время мы постараемся познакомить нашихъ читателей съ древней Олимпіей, т. е. съ самымъ блестящимъ періодомъ славы этого города. При этомъ мы будемъ придерживаться помянутой докладной записки профессора Курциуса, который, въ свою очередь, при составленіи ея, руководствовался подробнымъ описаніемъ олимпійскихъ храмовъ, сохранившимся въ твореніяхъ греческаго писателя Павзанія, жившаго во второмъ столѣтіи по Р. Х. и посѣтившаго это святилище древней Греціи 600 лѣтъ спустя послѣ пелопонезской войны.

Олимпія не была городомъ въ собственномъ значеніи этого слова; она была святилищемъ древнихъ эллиновъ, составленнымъ изъ храмовъ, алтарей, ригалищъ и священннхъ лѣсовъ. Тамъ, гдѣ быстрый и загадочный Алфей вытекаетъ изъ узкихъ, скалистыхъ долинъ Аркадіи (на западной сторонѣ Пелопонезскаго полуострова, нынѣшней Морей) и стремится по низменному берегу моря, нынѣшней къ морю — тамъ находилась нѣкогда «священная Эллада». Государство это возникло подъ сѣнью могущественной Спарты. Этолийцы основали его, а дорійцы, представителемъ которыхъ мнѣеіскія сказанія называютъ Геркулеса, возобновленіемъ игръ въ честь Пелопса, возвели Олимпію столицу Эллады, на степенъ могущества и славы.

Представители Спарты и Эллады, Ликургъ и Ифитъ, въ половинѣ 9 столѣтія предъ Р. Хр., заключили священный союзъ, на основаніи котораго оба государства гарантировали безопасность какъ олимпійскаго святилища, такъ и всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ олимпійскія празднества. Эллада приняла на себя управленіе храмами и, въ качествѣ священнаго государства, наслаждалась вѣчнымъ миромъ. Путемъ этого общаго религіознаго средоточія, у народовъ Греціи усиливалось стремленіе къ родственному объединенію, и скоро Олимпія стала духовнымъ центромъ всей греческой народной жизни.

Олимпію омываетъ съ одной стороны рѣка Алфей, а съ другой — ручей Кладеесъ, который южнѣе сливается съ Алфеемъ. Городъ раздѣлялся на двѣ части. Одна изъ этихъ частей, Алтисъ, т. е. мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ Зевса, была посвящена исключительно богамъ и окружена каменной стѣной, сооруженной — если вѣрить древнимъ сказаніямъ — Геркулесомъ. Въ этой стѣнѣ находились: гимназіонъ, гипподромъ, храмъ Деметріа; потомъ, въ равнинѣ Алфея, жилища жрецовъ, гостиницы, лавки кушцовъ и палатки; далѣе, мастерскія Фидіа и леонидайонъ, служившій, во времена римлянъ, для приѣма высшихъ государственныхъ сановниковъ.

Алтисъ составлялъ, можно сказать, лабиринтъ художественныхъ произведеній; среди его памятниковъ, статуй, жертвенниковъ, храмовъ и колоннъ можно было заблудиться. Павзаній насчитываетъ однѣхъ статуй, поставленныхъ въ честь главныхъ побѣдителей на олимпійскихъ играхъ, болѣе двухсотъ — тридцати; кромѣ того, находилось тамъ безчисленное множество какъ памятниковъ, изображавшихъ важнѣйшія историческія событія, такъ и жертвенниковъ самой разнообразной формы. Въ Алтисѣ вели одни только входныя ворота, чрезъ которыя каждые четыре года, въ праздничныхъ одеждахъ, въ колесницахъ и плшкомъ, стекались изъ всѣхъ частей Греціи и ея колоній гости, чтобы принять участіе въ играхъ, жертвоприношеніяхъ и торжественныхъ процессіяхъ.

Рядомъ со входомъ расло священное масличное дерево; оно обняло жертвенникъ нимфы, которыя обязаны были заботиться объ орошеніи дерева; далѣе видѣнъ былъ храмъ Зевса, вѣнецъ всего Алтиса. Но бросимъ сперва бѣглый взглядъ на окружавшіе этотъ храмъ памятники. Тутъ находились: храмъ Пелопса, соединенный съ храмомъ Зевса длинной галлереей скульптурныхъ произведеній и памятниковъ, далѣе храмъ Гермъ, за тѣмъ храмъ, посвященный героинѣ Гипподаміи. Рядомъ съ этимъ храмомъ возвышался постаментъ, на которомъ стоялъ Зевсъ, между Эосъ и Фетидой, изображенными ваятелемъ въ колѣнопреклоненномъ положеніи и какъ бы умоляющими царя

боговъ о дарованіи имъ жизни сына. Вокругъ этой группы стояли герои Греціи и Трои. Далѣе, направо находились алтарь въ честь Зевса и колонна, служившая указаніемъ мѣста, гдѣ находилось нѣкогда жилище мнѣеіскаго царя пеласговъ Ойномаоса.

Для служенія Зевсу въ Олимпіи отведено было лучшее мѣсто. По религіознымъ понятіямъ пеласговъ, Олимпіецъ былъ невидимый, управляющій всей природой богъ, въ честь котораго сооружаемы были одни только жертвенники; вскорѣ, однако, жители Эллады, Либовъ, построили въ честь царя боговъ храмъ, который, сто лѣтъ спустя, перестроенъ былъ заново знаменитымъ художникомъ Фидеемъ.

Фидій, окруженный цѣлымъ сонмомъ аттическихъ художниковъ и мастеровъ, поселился въ Олимпіи и, благодаря неуспыннымъ трудамъ этого великаго мастера, храмъ Зевса возникъ скоро во всей своей величественной красѣ. По описанію Павзанія, храмъ этотъ имѣлъ въ вышину 68 фут., въ ширину 95 фут. и въ длину 230 ф. Дорическая колоннада отъ 6 въ 13 колоннъ составляла наружное украшеніе его. Ваятели Алкаментъ и Паіоній увѣнчали фронтоны скульптурными изображеніями боговъ и героевъ, а живописецъ Панаіоній расписалъ весь храмъ фресками. Внутри храма находилось знаменитое произведеніе Фидіа, чудо греческаго культурнаго міра; произведеніе это — статуя Зевса, возсѣдающаго на престолѣ.

Картина наша изображаетъ восточный фасадъ храма, гдѣ находился главный входъ въ святилище.

Основная мысль, которой, при постройкѣ храма, руководствовался Фидій, выразилась ясно въ украшеніяхъ фронтона: всевидящее око Зевса слѣдитъ за борьбой и побѣдой на олимпійскихъ играхъ. Поэтому, на вершинѣ фронтона паритъ Никей, богиня славы, а на оконечностяхъ его стоятъ сосуды, по аттическому обычаю напоминающіе о скромной наградѣ за побѣду. Въ треугольникѣ Фронтона, посрединѣ, изображенъ олимпійскій богъ, а у ногъ его — орель. По правую сторону Зевса видимъ мы царя пеласговъ Ойномаоса и жену его Стерону, дочь Атланта.

Позади царя стоитъ колесница его, запряженная четырьмя конями, и знаменитый возница Миртилій. По лѣвую сторону царя боговъ находятся Пелопсъ, Гипподамія и колесница ихъ. Служители при коняхъ, а въ углахъ треугольника рѣчные боги, Алфей и Кладеесъ, дополняютъ эту превосходную группу. Голова Медузы, изображенная на цоколѣ Никей, должна была охранять храмъ противъ всякаго злонамѣреннаго покушенія. Изъ числа разныхъ олимпійскихъ игръ, бѣгъ въ колесницѣ считался самою главною борьбой. Побѣда въ состязаніи такого рода, одержанная Пелопсомъ надъ мифическимъ царемъ Ойномаосомъ, рѣшила судьбу страны, орошаемой Алфеемъ. Алквивадъ и люди его покрову пренебрегали иными наградами и старались заслужить призъ, назначаемый за побѣду на гипподромѣ. Поэтому, группа, изображенная на восточной сторонѣ фронтона, служитъ указаніемъ, что царю боговъ подобающая борьба была ближе всего. Изваянія на западной сторонѣ фронтона изображали борьбу лапитевъ съ centaврами.

Теперь, по широкимъ ступенямъ съ восточной стороны, поднимемся сперва на обширную паперть, а потомъ и во внутренность храма, которая двойнымъ рядомъ колоннъ раздѣлялась на три части. Въ глубинѣ средней части возвышалась колоссальная статуя Зевса. Это величественное изображеніе царя боговъ, украшенное золотомъ и словеной костью, завершало внутреннюю архитектуру. Зрѣлище этого мастерскаго произведенія Фидіа производило, по словамъ Павзанія, такое сильное впечатлѣніе, что и старцы и юноши считали за величайшее счастье взглянуть хоть разъ въ жизни на олимпійскаго бога.

Постаментъ, на которомъ возвышалась фигура Зевса, имѣлъ 12 футовъ въ вышину и былъ украшенъ золочеными изображеніями. Престолъ блисталъ золотомъ и драгоценными камнями. Скамья, на которой покоилась нога бога, поддерживалась золотыя львы. Богини побѣды окружали его и парили надъ его главой, но всѣ эти драгоценныя художественныя произведенія затмевались величьемъ самого бога, глава котораго, казалось, воздымалась къ небесамъ.

Здѣсь, предъ лицомъ руководителя судебъ, побѣдитель получалъ изъ рукъ этолійскаго верховнаго жреца, въ награду за доблесть, простой вѣнокъ изъ листьевъ священнаго маслиннаго дерева. Празднества продолжались пять дней. Собравшіеся отовсюду гости не обращали вниманія ни на палющее юльское солнце, освѣщавшее въ полдень гипподромъ, ни на рои комаровъ, кружившихся по вечерамъ надъ священнымъ боромъ. На шумныхъ пршествахъ эллины прославляли побѣдителя, воспѣвали дѣянія его въ громкихъ одахъ, бродили въ священномъ бору подъ тѣнью маслинъ и платановъ и наслаждались созерцаніемъ художественныхъ произведеній. По прошествіи пяти дней гости возвращались на родину съ убѣжденіемъ, что эллинскіе народы соединились въ братскій союзъ, для того чтобы внести свѣтъ культуры въ страны варваровъ.

Но пришла пора, когда кровавая междоусобная война раздѣлила народы древней Греціи; потомъ въ обезсиленные государства вторглись римляне и варвары, и священный олимпійскій

борь был жестоко опустошенъ. Можетъ быть къ счастью, плотины, сдерживавшія Алфей, прорвались и вышедшая изъ своихъ береговъ рѣка занесла слоями песку и ила опрокинутые жертвенники, памятники, скульптурныя произведенія и полуразру-

шенныя стѣны храмовъ. Германія рѣшилась пробудить Олимпію отъ сна, продолжавшагося тысячу лѣтъ, и уже извѣстно, какимъ счастливымъ успѣхомъ увѣнчалось это предпріятіе, имѣющее такое громадное значеніе для науки.

ГЕРЦЕГОВИНСКОЕ ВОЗСТАНИЕ.

(Два дѣла герцеговинцевъ съ турками по дорогѣ между Требиньемъ и Рагузою).

Развитіе борьбы герцеговинцевъ съ турками, задержанное на время снѣгами и непогодами послѣдняго мѣсяца, оживаетъ опять и именно въ окрестностяхъ Требиньи. Какъ и прежде, свѣдѣнія получаемыя изъ Константинополя и Рагузы о событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, полны противорѣчій, неспособности, впрочемъ, загнать смыслъ того, что на немъ происходитъ. Несмотря на все несогласіе получаемыхъ съ обѣихъ сторонъ извѣстій, можно, всетаки, съ полною увѣренностью заключить что Турки потерпѣли новое пораженіе по дорогѣ между Требиньемъ и Рагузою и понесли значительныя потери.

Въ продолженіе четырехъ дней происходила у монастыря Дуже одна изъ самыхъ ожесточенныхъ стычекъ между четырьмя ротами турецкой пѣхоты, защищавшимися съ небольшимъ числомъ башн-бузуконъ противъ значительно превосходящихъ инсургентскихъ силъ. Турецкія войска отступили къ форту Дріено только послѣ потери всѣхъ своихъ офицеровъ.

Извѣстіе объ этомъ сообщено корреспондентомъ-оцевицемъ, вполне заслуживающимъ довѣрія. Герцеговинцы потеряли въ этомъ дѣлѣ одного изъ своихъ главныхъ начальниковъ Бачевича, и, несмотря на одержанную ими побѣду, на минуту разстроились и допустили турокъ возстановить сообщеніе Требиньи съ моремъ.

Депеша изъ Рагузы, отъ 31 января говоритъ о новомъ пораженіи оттоманской арміи на той же самой дорогѣ. Инсургенты, остановили турокъ вблизи Клека, и они, несмотря на свою артиллерию, отступили потерявъ пятьдесятъ человекъ.

Посмотримъ, насколько оправдывается это извѣстіе сообщеніями изъ Константинополя.

Было бы несправедливо обвинять европейскую дипломатію въ равнодушіи къ текущимъ событіямъ: вѣроятно, она найдетъ въ недалекомъ будущемъ возможность положить конецъ этому пролитію крови.

НОВЫЙ ИСПОЛИНСКИЙ ТЕЛЕСКОПЪ ПАРИЖСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ.

Друзья науки, имѣющей предметомъ своимъ изученіе звѣзднаго неба — и друзья ея, безъ сомнѣнія, всѣ образованные люди — узнаютъ не безъ интереса кое-что объ исполинскомъ телескопѣ, недавно оконченномъ и находящемся теперь въ распоряженіи астрономовъ парижской обсерваторіи. Это — менышій изъ двухъ большихъ инструментовъ, проектированныхъ Леверрье, директоромъ названной обсерваторіи. Компетентные люди полагаютъ, что парижская обсерваторія, имѣя въ своемъ распоряженіи эти инструменты, будетъ считаться первою въ мірѣ. Поставленный въ началѣ октября прошлаго года телескопъ имѣетъ 120 цмтр. въ разрѣзѣ, наподобіе устроеннаго въ Англій исполнскаго телескопа въ Мельбурнѣ. Объективъ телескопа имѣетъ въ ширину 75 цмтр.; длина телескопа 16 метровъ. Въ 1855 г. директоръ Леверрье заказалъ въ Англій для объектива охроматическія стекла. Шлифовка этихъ необыкновенно большихъ стеколъ возложена была на оптика Леона Фуко.

Извѣстно что этотъ знаменитый оптикъ устроилъ усовершенствованное вогнутое зеркало изъ серебрянаго стекла; чрезъ это зеркальный телескопъ, почти небывшій въ употребленіи со временъ Гершеля, попалъ во Франціи опять въ почетъ. Фуко строилъ послѣ того зеркальные телескопы, разрѣзъ которыхъ имѣлъ 40, 50 и 80 цмтр. и которые только въ шесть разъ были длиннѣе разрѣза зеркала. Самый большой изъ этихъ телескоповъ, съ отверстіемъ въ 80 цмтр., находится въ Марсели. Астрономъ Стефанъ могъ посредствомъ этого инструмента дѣлать такія жи точныя наблюденія, какія дѣлалъ Гершель посредствомъ своего превосходнаго металлическаго зеркальнаго телескопа въ 145 цмтр. и какія дѣлалъ Россъ посредствомъ своего Левиаана съ отверстіемъ въ 170 цмтр. Продолжая неутомимо трудиться, Фуко поставилъ себѣ цѣлью устройство самаго большого вогнутого зеркала и, такимъ образомъ, достигъ размѣра въ 120 цмтр. Кусокъ стекла, который потребовалось употребить для этого вогнутого зеркала, вѣсилъ 800 килогр. Леверрье велѣлъ отлить его на знаменитой фабрикѣ зеркальныхъ стеколъ въ С. Робвѣ и придалъ ему сферическій видъ въ заведеніи Соте и Лемонье. Чтобы привести въ исполненіе двойное предпріятіе съ достаточными денежными средствами, директоръ обсерваторіи обратился къ своему правительству съ ходатайствомъ, и въ 1865 году законодательный корпусъ разрѣшилъ ему кредитъ въ количествѣ 400.000 фр. Не взирая на значительную потерю времени, сопряженную для Фуко со всемирной выставкой 1867 года, въ слѣдующемъ году онъ окончилъ стекла для объектива большого телескопа; въ это время послѣдовала смерть этого гениальнаго человека. Дюрун, тогдашній министръ просвѣщенія, озаботился, чтобы работы были продолжаемы. Механикъ Эйхенсъ, опытный въ своемъ дѣлѣ человекъ, оказавшій уже парижской обсерваторіи немаловажныя услуги при постройкѣ инструментовъ и получившій на всемирной выставкѣ одну изъ главныхъ наградъ, принялъ на себя постройку станка. Оптику Адольфу Мартэпу, котораго Фуко ознакомилъ съ своей методой полированія, поручено было окончаніе вогнутого зеркала. Руководство работами возложено было на извѣстнаго астронома Вольфа.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда выходъ въ отставку директора Леверрье и франко-германская война задержали дальнѣйшій ходъ предпріятія. Работы были возобновлены только два съ половиною года назадъ, когда Леверрье вновь вступилъ въ должность директора обсерваторіи. Въ началѣ 1875 года окончена была полировка вогнутого

зеркала и, такимъ образомъ, явилась возможность приступить къ первымъ опытамъ надъ предметами, находящимися на поверхности земли. Почти одновременно была ояончена постройка какъ футляра для защиты телескопа, такъ и лѣстницы для астрономовъ-наблюдателей. 7 октября главныя составныя части инструмента были соединены. Въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ лицъ, телескопъ употребленъ былъ въ дѣло въ первый разъ и министръ просвѣщенія Валлонъ лично удостоившись въ цѣлесообразности его механизма. Денежныя затраты по постройкѣ телескопа простираются до 190,000 фр., суммы которую, въ виду всего сдѣланнаго, никакъ нельзя назвать слишкомъ высокою.

Произведеніе состоитъ изъ четырехъ частей: собственно телескопа, станка съ механизмомъ, лѣстницы для астронома-наблюдателя и футляра для защиты телескопа. Послѣдній имѣетъ 7 метр. въ вышину, 9 метр. въ длину и 5 метровъ въ ширину и есть нечто иное, какъ широкій вагонъ, колеса котораго передвигаются по рельсамъ. Обсервационная витая лѣстница стоитъ, какъ это видно изъ прилагаемаго рисунка, также на колесахъ и по рельсамъ можетъ обойти вокругъ станка. Цилиндрическая трубка телескопа, вѣсомъ въ 2400 килогр и въ длину 7,30 метр., состоитъ изъ средней части, сдѣланной изъ литой стали, и двухъ соединенныхъ съ ней, посредствомъ шпильковъ, трубокъ въ 3 метра длиной; каждая изъ этихъ трубокъ состоитъ изъ четырехъ стальныхъ колецъ и двѣнадцати продольныхъ стальныхъ полосъ въ оболочкѣ изъ тонкихъ жестяныхъ пластинокъ. Въ нижней части трубки находится вогнутое зеркало, а въ верхнемъ открытомъ концѣ ея укрѣплено простое зеркало и окуляръ. Устройство новаго телескопа парижской обсерваторіи имѣетъ большое сходство съ устройствомъ телескопа, сдѣланнаго въ 1668 году по указаніямъ Ньютона.

Руководитель всего этого предпріятія, Вольфъ, долженъ былъ прежде всего обратить вниманіе на то, чтобы оба зеркала, при какомъ бы ни было положеніи телескопа, оставались въ центрическомъ направленіи. Задача эта была рѣшена самымъ удовлетворительнымъ образомъ: размѣры трубки опредѣлены были съ величайшею точностью, равнымъ образомъ оконечности ея были устроены такъ, чтобы находились постоянно въ равновѣсіи (вогнутое зеркало съ принадлежностями вѣситъ 800 килогр., а окуляръ съ принадлежностями, столько же). Эйхенсъ устроилъ такой механизмъ на станкѣ, который, легко и скоро направляя трубку въ любую сторону, давалъ возможность съ точностью наблюдать теченіе небесныхъ свѣтилъ. Сколько ума нужно было употребить, чтобы устроить такой механизмъ, который, при такихъ громадныхъ размѣрахъ (весь телескопъ вѣситъ около 10.000 килогр.), соответствовалъ бы всѣмъ требованіямъ! Возможную легкость нужно было соединить съ возможною прочностью. Подробное описаніе отдѣльно каждой изъ составныхъ частей телескопа повело бы насъ слишкомъ далеко; слѣдуетъ упомянуть еще, что треніе разныхъ составныхъ частей телескопа почти совершенно предотвращено, что всѣ части, въ какомъ бы положеніи ни находился телескопъ, сохраняютъ равновѣсіе, что астрономъ, съ помощью рукоятокъ, можетъ направлять и двигать инструментъ въ любую сторону.

Что касается оптической части инструмента, то сдѣланные при помощи его первые опыты дали самые удовлетворительные результаты. Оптикъ Мартэпъ устроилъ вогнутое зеркало такимъ образомъ, что посредствомъ его лучи планеты соединяются вполне въ одномъ и томъ-же пунктѣ и достигается возмож-

ность получить ясное изображение предмета, разсматриваемаго посредством окуляра. Вогнутое зеркало еще непокрыто слоем серебра; но уже полированная поверхность стекла рефлектирует так хорошо, что является возможность, посредством его дѣлать наблюдения надъ тѣми небесными тѣлами, которыя производятъ самый слабый свѣтъ. Одинъ изъ французскихъ ученыхъ, В. де-Фонвилье пишетъ, что вогнутое зеркало уже теперь отражаетъ такой свѣтъ, «который не въ состоянн были рефлектировать самыя лучшія металлическія зеркала, устроенныя Гершелемъ, Россомъ и всѣми другими астрономами». Спрашивается что-же будетъ тогда, когда зеркало будетъ покрыто слоемъ серебра?

Астрономъ Вольфъ имѣетъ намѣреніе производить посредствомъ новаго телескопа преимущественно наблюденія надъ теченіемъ планетъ и ихъ спутниковъ. Въ области астрономіи предстоитъ, во всякомъ случаѣ, опредѣлить еще многое и рѣшить не одинъ вопросъ.

Новый телескопъ, говорятъ, будетъ снабженъ аппаратами, необходимыми какъ для сниманія небесныхъ тѣлъ посредствомъ фотографіи, такъ и для спектроскопическихъ наблюденій. Черезъ нѣсколько недѣль телескопъ будетъ окончательно устроенъ. Одинъ изъ газетныхъ корреспондентовъ называетъ осуществленіе плана исполинскаго телескопа «патріотическимъ» предпріятіемъ. *A bon entendeur salut!*

Зимній день въ Голландіи.

(Изъ Дедами).

Зима пришла и вдругъ покровъ свой снѣжный
Разострала. Оставимъ комельки!

На щечкахъ дѣвушка зими румянецъ нѣжный
И ножки быстрыя скользятъ по льду рѣки.

* * *

Желѣзо свѣтлое узоромъ ледъ изрѣжетъ,
Грудь свѣжимъ воздухомъ такъ дышетъ широко!

А тамъ лѣнвицу мѣхъ серебристый нѣжить
И вресло сильная рука ведетъ легко...

* * *

Вотъ люди старые усѣлись въ кружокъ,
Глядя какъ молодежь несется по равнинѣ,
Любуются они и пьютъ горячій прогъ,
Толкуютъ какъ жилось и какъ живетъ нынѣ...

Н. В.—въ.

Профессоръ Норденшильдъ и шведская экспедиція въ арктическія страны.

Справедливость требуетъ сказать, что экспедиціи, снаряженныя неоднократно Швеціею и Норвегіею, съ научною цѣлью, въ арктическія страны, равнымъ образомъ и ученые изслѣдованія въ этихъ странахъ, произведенныя соотечественниками Линнія, Берцелиуса, Эрштедта и другихъ знаменитыхъ естествоиспытателей, оказали наукѣ немаловажныя услуги. Большихъ ученыхъ экспедиціи для изысканій въ арктическихъ странахъ снаряжать Швеція, разумѣется, не могла, хотя въ числѣ ученыхъ изслѣдователей Африки и упоминаются съ уваженіемъ имена шведскихъ путешественниковъ Андерсона и Вальберга; зато шведы и норвежцы тѣмъ дѣятельнѣе принялись за изслѣдованія морей и странъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Скандинавскаго полуострова. Свѣдѣнія наши о Шпицбергенскихъ островахъ, помимо старинныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, основаны преимущественно на трудахъ шведскихъ ученыхъ, и уже въ 1853 году западныя части этого архипелага были измѣрены и сняты на планъ Отто Тореллемъ, А. Кеннерштедтомъ и А. Э. Норденшильдомъ, обогатившими своими трудами геологию, ботанику и зоологию.

Правительство союзныхъ королевствъ, относительно экспедицій на Шпицбергенъ, принимало всегда живѣйшее участіе. Принцъ Оскаръ, нынѣшній король Швеціи и Норвегіи, академія наукъ и нѣкоторыя частныя лица щедро дѣлали денежные взносы, такъ что въ 1861, 1864 и 1868 годахъ на Шпицбергенъ могли быть снаряжены одна за другой ученныя экспедиціи, изъ которыхъ первая отправлена была подъ руководствомъ О. Торелля, а вторая и третья — подъ управленіемъ геолога Норденшильда. Восемдесятъ астрономически-опредѣленныхъ въ лѣтнее время пунктовъ дали возможность составить полную и болѣе вѣрную карту Шпицбергенскаго архипелага, такъ что позднѣйшимъ изслѣдователямъ, нѣмцамъ Кольдевею и Гейлину и англичанину Смиту пришлось дополнить только свѣдѣнія о восточной сторонѣ Шпицбергена. На долю Шведовъ выпало увидѣть вновь, въ августѣ 1864 года, къ сѣверо-востоку отъ Шпицбергена, баснословную страну Джильса, которая въ настоящее время значится на картахъ Землей Короля Карла.

Душой этихъ шведскихъ экспедицій былъ родившійся въ Финляндіи и воспитывавшійся въ гельсингфорскомъ университетѣ профессоръ усальскаго университета Нильсъ-Адольфъ-Эрикъ ф. Норденшильдъ, всѣми силами старавшійся способствовать изслѣдованію полярныхъ странъ и предпринявшій въ 1872 году для геологическихъ изысканій поѣздку на западные берега Гренландіи. Ученые труды этого профессора стяжали ему вполне заслуженную славу; въ 1875 году ему суждено было сдѣлать важное открытіе и рѣшить успѣшно давнишній вопросъ.

Дѣло шло объ отысканіи морскаго пути изъ сѣверныхъ гаваней Европы къ устью сибирскихъ исполнскихъ рѣкъ. Еще почти за триста лѣтъ предъ этимъ (въ 1596 году) голландецъ Барентсъ, обогнувъ сѣверную часть Новой Земли, пытался проникнуть въ сибирское Ледовитое море; мореплаватель этотъ погнавъ, однако, на пустынныхъ берегахъ этого замѣчательнаго двойнаго острова, и только недавно, подъ свѣтами и льдинами, открыта устроенная имъ и до сихъ поръ хорошо сохранившаяся землянка. Съ того времени мореплаватели отказались отъ попытки проникнуть съ восточной стороны въ названное море, и даже экспедиція, которую собирался предпринять сибирскій врезъ Сидоровъ, съ цѣлью проникнуть въ устье Оби, не привлекла ни одного моряка! Не подлежитъ, однако, сомнѣнію,

что богатая своими естественными произведеніями Сибирь непременно процвѣтетъ, если въ страну эту открытъ будетъ водный путь изъ сѣверной Европы.

Кратчайшій путь изъ бѣломорскихъ гаваней къ устьямъ Оби и Енисея ведетъ, какъ показываетъ карта, черезъ Карское море, которое граничитъ къ западу съ Новой Землей, а къ востоку съ Самоѣдскимъ полуостровомъ. Спрашивается: отчего не воспользовались до сихъ поръ этимъ кратчайшимъ путемъ? Предубѣжденіе удерживало мореходовъ: Карское море прослыло «ледникомъ», въ которомъ вѣчныя и густо сплоченныя ледяныя глыбы препятствуютъ всякому судоходству. Съ 1865 года норвежскіе китоловы начинаютъ проникать все дальше и дальше въ пресловутый ледникъ; они добываютъ тамъ большое количество тюленей, и въ 1870 году капитанъ Юганнесенъ обязываетъ въ первый разъ на принадлежащемъ ему суднѣ всю Новую Землю. Вѣчныхъ ледяныхъ массъ при этомъ не оказалось; Карское море въ іюль и августѣ мѣсяцахъ судоходно, и въ него можно проникнуть тремя путями—Маточкинмъ Ша-ромъ, Карскими Воротами и Югорскимъ проливомъ.

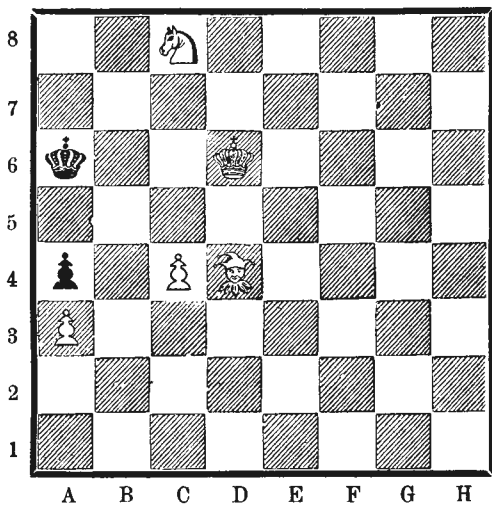
Фактическое доказательство тому, что въ устье Оби можно пройти черезъ Карское море, представилъ профессоръ Норденшильдъ, подъ руководствомъ котораго щедрый готтеборгскій купецъ Оскаръ Диксонъ снарядилъ небольшую экспедицію. Норденшильдъ вышелъ 8-го іюня 1875 года на небольшомъ парусномъ суднѣ изъ Тромзе, совершилъ путь отъ мыса Нордъ-Капа до береговъ Новой Земли въ шесть сутокъ, производилъ здѣсь изысканія съ 23-го іюня по 2-е августа, прошелъ Югорскимъ проливомъ въ Карское море, переплылъ его во всю ширину и достигъ 15-го августа устья Енисея. Здѣсь экспедиція раздѣлилась на двѣ части: Норденшильдъ съ Лундстремомъ и Стуксбергомъ поднялся въ лодкѣ вверхъ по Енисею, остальные соучастники экспедиціи съ докторомъ Телемъ и подъ руководствомъ д-ра Кьельмана отправились на суднѣ въ обратный путь и послѣ скорого и благополучнаго плаванія прибыли, черезъ десять дней, 26-го сентября, въ Гаммерфестъ. Норденшильдъ отправился сухимъ путемъ, черезъ Красноярскъ, Томскъ, Екатеринбургъ, Пермь и Москву, въ С.-Петербургъ. Жители этой столицы приняли смѣлаго морехода съ восторгомъ и осыпали его почестями, причѣмъ профессоръ утверждалъ, что въ августѣ будущаго лѣта непременно приплыветъ шведскій купеческій корабль съ товарами въ устье Енисея, завяжется торговля Европы съ Сибирью и страна эта процвѣтетъ. «Я увѣренъ, сказалъ Норденшильдъ, что теперь открытъ новый торговый путь, о значеніи котораго легко сдѣлать себѣ представленіе, если на картѣ Азіи означить особой красной областью, находящуюся между рѣками Обью, Енисеемъ и глхъ притоками».

Это предложеніе Норденшильда уже исполнено А. Петерманомъ, и на стр. 24 издаваемыхъ послѣднихъ «Извѣстій» нарисована такая карта. Исполннская об-енсейская рѣчная система простирается до Алтайскихъ горъ и Монголіи и заключаетъ въ себѣ пространство около 104.000 кв. миль; не считая Россіи, всѣ остальные европейскія государства имѣютъ пространство только 81,600 кв. миль. На Оби и Енисеѣ существуетъ уже правильное пароходство. Поэтому, если предсказанія Норденшильда осуществятся, то цѣнныя произведенія Средней Азіи и Китая могутъ быть доставлены въ Европу, посредствомъ пароходовъ, въ нѣсколько дней. Медленной перевозкѣ владѣй на саняхъ зимою, т. е. когда сибирскія дороги только и бываютъ удобны для проѣзда, придется конкурировать

Продолженіе въ прибав. на стр. 195 и 196.

съ транспортированіемъ товаровъ моремъ, — словомъ Сибирь, для развитія которой не достаетъ только удобныхъ путей сообщенія, благодаря ученымъ изысканіямъ Норденшильда, въ недалекомъ будущемъ, можетъ быть, сильно процвѣтеть.

ЗАДАЧА
Бѣлье.

Бѣлье начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 10.

Бѣлье.

Черные.

- 1) G7 — E8
- 2) F2 — E3

- 1) E4 — E5

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція покорнѣе проситъ своихъ подписчиковъ, въ случаѣ неполученія какого-либо №, извѣщать ее немедленно, ни какъ не позднѣе получения слѣдующаго за тѣмъ №, и прислать при этомъ печатный адресъ, снявъ его съ баннерола; безъ этого условія, на основаніи почтовыхъ правилъ, жалоба не можетъ быть удовлетворена.

При перемѣнѣ адреса тоже нужно прислать прежній печатный адресъ и приложить 24 коп. почтовыхъ марками.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

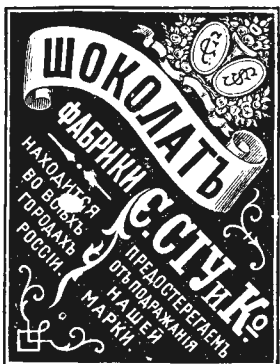
— Теперь денегъ нѣтъ — приходи завтра.
— Опять завтра! И вчера было завтра и позавчера было завтра! Гасишдиди шерунички! Не говорите мнѣ больше завтра — скажите пожалуйста «после завтра»! Ну? ему и пекъ ему, тому завтра! Я вже целый день буду себѣ сипакойнѣй...

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

6-го Марта 1876 г.

Поку- пателя.	Про- дажи.	Про- дано.	Поку- пателя.	Про- дажи.	Про- дано.
5% заемъ съ вынгр. 1-го выпуска . . .	214 ³ / ₄	215 ¹ / ₄	215 ³ / ₄	215	125 р. П. Общ. Росс.
5% заемъ съ вынгр. 2-го выпуска . . .	210 ³ / ₄	211 ¹ / ₄	212	211	125 » Жел. Дорогъ . . .
5% банк. б. 1 вын. . .	100 ¹ / ₈	100 ³ / ₈	100 ¹ / ₈	—	1100 » Моск.-Рязанск. 322
5% » » 2 » . . .	100	100 ¹ / ₈	100 ¹ / ₈	—	125 » Орловско - Вит. 140
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ.	92 ³ / ₈	92 ⁵ / ₈	92 ¹ / ₂	5 ⁸ / ₈	16 ф. с. Вит. - Динаб. 144 ¹ / ₈
5% облигаци Моск. Гор. Кред. Общ.	89	89 ¹ / ₄	—	—	100 р. Рыб.-Болог. . . . .
					100 » Тамб.-Козлов. . . . .
					125 » Моск. - брест. . . . .

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

45—29

ИНТЕРЕСНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Фирма М. Бауеръ и К^о въ Вѣнѣ, Гизелаштрассе, № 4, изобрѣла чрезвычайно остроумный аппаратъ, посредствомъ котораго рукописи, чертежи, ноты и пр. могутъ быть скопированы съ бумаги на бумагу, въ кратчайшее время, въ какомъ угодно количествѣ и одновременно въ нѣсколькихъ цвѣтахъ. Практичность, несложность и дешевизна этого патентов. аппарат. (10 руб.) доставили уже означенной фирмѣ значительный сбытъ. Ищемъ солидныхъ фирмъ для принятія агентуры для городовъ и цѣлхъ губерній.

PATTI LAIT DE BEAUTÉ

Новоизобрѣтенный химическій составъ, извѣстный въ мірѣ подъ названіемъ: «Патти-де-беуте». Восхитительная бѣлзна, мягкость, гладкость и натуральный бѣдно-розовый румянецъ появляются при употребленіи этого сокровища: особенно важно лицамъ, имѣющимъ кожу вялую, жесткую и морщинистую, а равно противъ тресканія, шероховатости кожи, загара, прыщъ и угрей; все это составъ уничтожаетъ съ лица. Необходимое средство во время баловъ и театровъ, придаетъ лицу удивительную красоту и прозрачность. Цена за флаконъ 3 р., съ пересылкой 4 р. Главный складъ для Россіи и заграниціи: С.-Петербургъ, Офицерская ул., д. № 11, кв. 22. Можно кунуть: въ Гостиномъ дворѣ, въ магазинѣ Рузанова, № 40; Ушакова и Сафронова — по Банк. линіи, у Полицейскаго моста — магазинъ Мелье, въ аптекѣ Розенберга, уг. Невскаго и Полтавской ул., и въ анчиковской аптекѣ. Въ Москвѣ — во всѣхъ лучшихъ косметическихъ магазинахъ. Сей составъ разрѣшенъ спб. медицинскимъ начальствомъ.

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50 — 34

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ для вскормленія грудныхъ дѣтей.

ВЕНЦЕЛЬ ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажъ въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что и отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНИЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи.

№ 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 24 — 1

Цѣна ЖЕСТИЯНОК 85 н. безъ пересылки, въсѣ 1¹/₄ ф.

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.
въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Ареостовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1875 года 90 к. съ пересылкой.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повесть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключикова. Повесть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щebetала ласточка. Сочиненіе Штильмана. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЫ» 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

26 10

Зубной врачъ ВАРСЪ.
Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней.
Б. Морская д. 35. 26—8

2-й заемъ 1866 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ

20-й тиражъ 1-го Марта 1876 г

ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденного 14 февраля 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займъ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го марта 1876 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

ВЫГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
31	20	500	4243	13	500	7905	37	500	12221	50	500	14305	31	500
215	21	500	4264	16	500	7910	49	8000	12332	18	500	14308	20	1000
296	37	1000	4289	7	500	7923	42	200000	12501	16	500	14389	39	500
376	20	500	4297	11	40000	8029	33	500	12545	21	500	14455	33	500
508	16	500	4359	48	500	8075	12	500	12569	11	1000	14581	12	500
539	18	1000	4383	13	500	8178	19	500	12665	50	500	14619	49	500
559	30	1000	4399	4	500	8215	16	500	12708	35	500	14714	47	500
623	11	500	4510	2	500	8284	5	500	12715	6	500	14716	35	500
802	19	500	4709	30	500	8375	23	500	12745	31	500	14834	27	500
818	14	500	4766	41	500	8407	40	500	12806	28	500	14901	39	500
826	12	500	4808	26	500	8417	26	500	12813	44	500	15113	38	500
916	13	500	4849	14	500	8488	36	500	12974	41	1000	15146	26	500
1008	31	500	4873	47	500	8542	6	500	12999	5	500	15178	10	500
1022	24	5000	4937	47	500	8649	15	500	13282	12	500	15262	9	500
1051	31	500	4952	47	500	8681	39	500	13340	42	500	15269	31	500
1056	32	500	5177	8	500	8688	12	1000	13350	20	500	15955	40	500
1176	4	500	5215	13	500	8732	7	500	13396	15	500	15313	23	500
1188	10	500	5403	8	500	8907	22	500	13439	10	500	15378	49	500
1188	18	500	5440	15	500	8947	2	500	13462	32	500	15385	44	500
1432	23	500	5461	6	500	8984	8	500	13562	9	500	15401	25	500
1481	37	500	5465	21	500	9057	26	25000	13608	37	500	15430	15	500
1525	10	500	5490	40	500	9189	42	500	13734	14	8000	15347	4	500
1610	35	500	5565	29	500	9230	23	500	13741	47	500	15522	17	500
1622	13	500	5575	5	500	9413	4	500	13761	15	500	15543	41	500
1647	48	1000	5712	39	500	9476	36	500	13814	18	1000	15622	1	500
1670	26	500	5729	31	500	9227	32	500	13847	31	500	15683	8	500
1736	28	500	5774	24	500	9228	6	500	13947	10	500	16083	3	500
1779	5	000	5800	36	500	9510	18	500	13968	14	1000	16257	31	5000
1830	5	500	5895	28	500	9575	3	500	14004	39	500	16363	34	500
2003	44	500	5910	1	500	9670	43	500	14051	22	500	16502	16	500
2045	25	500	6030	16	500	9706	13	500	14180	34	500	16526	27	500
2066	27	500	6067	38	500	9791	23	500	14226	22	500	16556	25	500
2166	48	1000	6074	34	500	9814	4	500	14287	15	500	16767	35	500
2286	18	500	6085	3	10000	9868	41	500	14302	20	500	16802	15	500
2293	40	500	6103	47	1000	9953	15	500						
2295	42	500	6231	38	500	10010	7	500						
2308	33	500	6257	33	500	10032	34	500						
2484	25	500	6276	10	500	10057	34	500						
2503	4	500	6322	6	500	10290	27	500						
2518	13	500	6335	34	500	10241	14	500						
2600	12	500	6342	48	500	10414	28	500						
2698	20	500	6385	38	500	10441	43	500						
2842	12	500	6395	38	500	10464	27	500						
2850	12	500	6442	45	500	10575	17	500						
2852	3	500	6562	17	500	10667	26	1000						
2882	41	500	6564	21	500	10882	22	5000						
2905	9	500	6596	10	500	10933	44	500						
3108	3	5000	6693	4	1000	11020	23	1000						
3162	9	500	6835	17	500	11056	35	500						
3182	36	500	6897	46	500	11070	22	500						
3227	17	500	6907	5	500	11149	22	500						
3302	23	500	6915	35	500	11162	35	1000						
3305	47	500	6918	8	500	11217	8	500						
3319	19	500	6946	34	500	11264	17	500						
3350	13	500	6984	48	5000	11314	7	75000						
3431	35	500	7004	16	500	11519	22	5000						
3444	31	500	7224	37	500	11540	17	500						
3448	28	500	7234	5	500	11612	22	1000						
3803	22	500	7299	11	8000	11692	30	500						
3831	45	500	7416	17	8000	11707	6	500						
3832	50	500	7424	6	500	11711	17	500						
3837	22	500	7509	5	500	11793	26	500						
3940	22	500	7581	34	500	11949	26	500						
4115	21	8000	7744	35	500	11955	44	500						
4220	34	500	7892	20	500	12041	25	500						
4204	7	500	7904	17	500	12135	41	1000						

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкъ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го июня 1876 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутреннаго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го марта 1876 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

514, 1751, 1821, 2391, 2433, 2773, 3652, 4412, 4521, 4614, 4760, 5308, 6619, 6643, 6797, 7553, 7357, 7797, 7915, 7940, 8049, 8887, 10046, 10229, 11351, 11522, 11944, 12224, 12376, 12477, 12792, 13955, 14330, 14419, 14493, 14833, 16024, 16572, 16677, 16922, 16954, 17098, 17780, 17999, 18196, 18361, 18581, 18629, 18924, 18929, 19015, 19200, 19895, 19959.

Всего 54 серіи, составляющія 2,700 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 120 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го июня 1876 г. въ Государственномъ Банкъ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Петербургскія конножелезныя дороги (съ рисункомъ). — Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повесть Э. Марлитта. (Продолженіе). — Храмъ Зевса въ Олимпіи (съ рисункомъ). — Герцеговинское возстаніе. (Два дѣла герцеговинцевъ съ турками по дорогѣ между Требиньемъ и Рагузою) съ рисункомъ). — Новый испанскій телескопъ парижской обсерваторіи (съ рисункомъ). — Зимній день въ Голландіи (стихотвореніе) Н. Б. — въ (съ рисункомъ). — Профессоръ Норденшильдъ и шведская экспедиція въ арктическія страны (съ портретомъ). — Шахматы. — Отъ редакціи. — Юмористическіе очерки (съ рисункомъ). — С.-Петербургская биржа. — Объявленія. — Тиражъ 2-го внутреннаго съ выигрышами займа.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

Библиотека "Универс"

№ 12

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 22 Марта 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „НИВЫ“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія №№ въ 1876 году.

ЧЕРНОГОРІЯ И ЧЕРНОГОРСКІЕ ПРАВИТЕЛИ.

Никогда почти такъ много не говорили и не писали о Черногоріи и черногорцахъ, какъ въ настоящее время, когда болѣе 60,000 человекъ герцеговинцевъ и босняковъ, мужчинъ и

ной странѣ, которая сама отличается дикостью своей природы и скудостью жизненныхъ средствъ. Не смотря на трудность такого собственнаго положенія, Черногорія протянула руку по-

Князь Николѣй I Черногорскій.

Княгиня Милана, супруга князя Черногорскаго.

женщинъ, стариковъ и дѣтей, какъ раненыхъ, такъ и больныхъ, истомленныхъ до болѣзни путемъ труднымъ и опаснымъ изъ своего отечества, нашли себѣ пріютъ и помощь въ этой бѣд-

нощи и гостепрѣимства своимъ многочисленнымъ единовѣрцамъ, герцеговинцамъ и боснякамъ, жертвамъ возстанія изъ среды этихъ славянскихъ народностей, возмущившихся противъ же-

стокостей и свирѣпаго деспотизма мусульманъ. Теперь, въ этотъ моментъ, столица Черногоріи Цетинья, резиденція владѣтельнаго князя Николая I Нѣгуша, вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ членовъ нашей благотворительной экспедиціи «Общества Краснаго Креста», состоящей изъ множества опытныхъ врачей, хирурговъ и сестеръ милосердія. Всѣ эти личности, достойныя величайшаго уваженія за высокій ихъ подвигъ самоотверженія и чистѣйшаго христіанства, ими нынѣ совершаемый, оказываютъ самую дѣятельную помощь всей этой массѣ страдальцевъ и страдалецъ за свободу, честь и православную вѣру ихъ родины. Глаза всей Европы обращены теперь на Черногорію и на воинственныхъ черногорцевъ.

Конечно, читатели «Нивы» не разъ, какъ на нашихъ столбцахъ, такъ и въ другихъ періодическихъ и неперіодическихъ изданіяхъ, читали немало подробностей о Черногоріи и черногорцахъ, если же и не читали много объ этомъ предметѣ, то все-таки имѣютъ понятіе объ этой странѣ, хотя небольшой, дикой и бѣдной, но необыкновенно воинственной и занимающей въ исторіи восточной Европы далеко не послѣднее мѣсто, а напротивъ, одно изъ весьма видныхъ между христіанско-славянскими народностями. Но, конечно, всѣ эти энзодическія подробности могли быть забыты, почему мы сочли нелишнимъ предложить здѣсь вниманію читателя сжатый очеркъ страны черногорской въ историко-географико-этнографико-общественно-отношеніяхъ, руководствуясь для этого новѣйшими свѣдѣніями о Черногоріи, какія заключаются отчасти въ нѣкоторыхъ статьяхъ нашей русской періодической прессы и въ особенности англійской современной литературы. Такими, наприкладъ, совершенно новыя книги, какъ: а) Артура Эванса «Through Bosnia and the Herzegovina on foot during»; б) Уильяма Форсайта: «The Slavonic provinces south of the Danube» и в) Джемса Крича: «Over the borders of Christendom and Islamich».

Итакъ, ту небольшую, но очень типичную, характеристическую и своеобразную страну на западной сторонѣ Балканскаго полуострова, между Далмаціей, Босніей, Герцеговиной и Албаніей, которую мы, русскіе, и всѣ славянскія племена называемъ Черногоріей или «Черна-Гора», Западная Европа, какъ германская, такъ латинская, называетъ Монте (гора) Негро (черная), а турки именуютъ ее Кара-Дагъ, т. е., все-таки, тою же «Черною горою», потому что слово «кара» значитъ по ихнему «черная», а дагъ—«гора». Въ странѣ этой, которая есть Черногорское княжество, съ 180—200.000 жителей, полудикихъ, воинственныхъ и всегда вооруженныхъ, во всѣхъ направленіяхъ проходятъ отрасли Динарскихъ Альповъ, и край этотъ представляетъ собою замкнутый въ самомъ себѣ скалистый бастионъ, доступный, и то съ великимъ трудомъ, лишь съ немногихъ пунктовъ, защищенныхъ преимущественно своею таинственностью и неизвѣстностью, завѣсу которыхъ иногда поднимаетъ ихъ болтливая нескромность или подкупленное вѣдомство, подъ влияніемъ всего чаще жестокаго чувства кровомщенія, столь обычнаго между черногорцами. Нѣкоторые англійскіе путешественники того мѣня, высказаннаго ими въ ихъ сочиненіяхъ и журналахъ, что если бы на этихъ пунктахъ черногорцы поставили порядочныя батареи, то, нѣтъ сомнѣнія, мѣстность ихъ сдѣлалась бы совершенно недоступною. Между горами разстилаются долины рѣки Морачи и ея притоковъ.

Черногорцы—истые славяне сербскаго племени, говорящіе на иллирійскомъ нарѣчій; они православной греко-католической вѣры и совершаютъ богослуженіе по церковнымъ книгамъ, выписываемымъ ими изъ Кіева. Вообще, жители «Черной-горы» отличаются необыкновенно, какою-то дико-звѣрскою храбростью и воинственностью, энергическою до изступленія любовью къ независимости, динциатовскою умѣренностью и малотребовательностью, доходящими до діогенства, и самую свирѣпую метительностью, соединенною съ кровожадностью «вендетты» корсиканцевъ и оплатою кровью за кровь кавказскихъ горцевъ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что въ послѣднее десятилѣтіе эти дикія проявленія человѣческихъ крайнихъ страстей значительно ослабились въ Черногоріи, благодаря настоятельнымъ дѣйствіямъ княжашаго нынѣ въ Черногоріи правителя, князя Николая I Нѣгуши, который, при содѣйствіи своихъ сановниковъ-сениторовъ, въ числѣ двѣнадцати, и дѣльныхъ администраторовъ вродѣ министровъ, успѣваетъ, посредствомъ разумно-строгихъ законоположеній, обуздывать неистовства своихъ подданныхъ, готовыхъ, изъ-за племенной ненависти, перерѣзать другъ друга и не рѣдко вести войну между двумя племенами, то есть производить столь вредную для всякаго гражданственности междоусобицу.

Въ настоящее время Черногорія состоитъ изъ собственно Черногоріи или Черной горы (горной части страны) и Берды (страны долины); эти части раздѣлены на четыре правительственныя провинціи, именуемыя *наміями*. Каждая изъ этихъ частей страны имѣетъ свое отличительный характеръ: собственно Черногорія, за исключеніемъ одной десятой части, покрыта голыми, лишенными воды и растительности горами; нѣкоторыя изъ нихъ—Довчинъ на западѣ, Сутармонъ и Большой и Ма-

лый Горачъ имѣютъ болѣе 6.000 футовъ вышины. Южная часть, или «Черничская Махія», отличается плодоносными долинами, гдѣ растительность обнуруется съ величайшею силою. Черногорія вообще производитъ значительное количество ржи и разнаго рода лѣсныхъ фруктовъ и ягодъ. Скотоводство, козоводство, овецоводство, свиноводство, пчеловодство, а отчасти выкармливаніе шелковичнаго червя—въ большомъ развитіи. Рыболовство составляетъ главный, такъ сказать, «кусочекъ хлѣба» черногорцевъ, которые иногда налавливаютъ рыбы тысячъ на 20 на наши деньги, считая серебромъ, что для этихъ бѣдныхъ горцевъ чуть не дѣлая fortuna. Главная здѣшняя рыба «скоранна», немного побольше сардинки, которую вылавливаютъ преимущественно въ Скутарскомъ озерѣ. Когда наступаютъ холода и приближается зима, рыба эта громадными массами переходитъ въ озеро изъ рѣки, которая въ него впадаетъ. Въ озерѣ есть мѣста, гдѣ изъ земли бьютъ ключи (эти мѣста на туземномъ нарѣчій называются «око»), и вотъ около нихъ то и собирается скоранна, такъ какъ температура ключа во время холодовъ выше температуры воды въ озерѣ. Во время холодовъ этой рыбы здѣсь набирается такое множество, что ее черпаютъ точно изъ чана, а иногда ея скопляется столько, что весла, воткнутыя въ воду, стоятъ неподвижно. Тогда сбѣить только закинуть сѣтъ, и ее еле-еле можно бываетъ выгнать переполненную рыбною добычею. Эту рыбу сушатъ, солятъ, большую часть оставляютъ для своего продовольствія, а еще большее количество отправляютъ на продажу въ Далмацію и Италію. Но, однако, далеко не всею изловленною ими рыбой могутъ пользоваться черногорцы: часть этого улова, собственность черногорскаго князя Николая, другая часть принадлежитъ народу черногорскому. Кромѣ этой рыбы, идущей во множествѣ въ приморьѣ, черногорцы продаютъ тамъ медъ и воскъ, коконы шелковичнаго червя, битыхъ куръ и дичь, лѣсную и горную, яйца, копченое овечье и баранье сало, уголь, корзинки плетенныя, дрова и красильное дерево для окраски тканей. Почти на всѣ деньги, какія черногорецъ получаетъ отъ продажи своихъ береженій, онъ покупаетъ на своихъ базарахъ полотно, платки, пояса и всякую мелочь, но больше всего соль, ракію (водку), иногда сахаръ и кофе, а въ голодный годъ—и кукурузу; табакъ же курительный всегда въ изобиліи, потому что черногорецъ безъ трубки, какъ безъ воздуха, жить не можетъ. Черногорки не ткутъ сами полотна, а покупаютъ готовое: у нихъ и для хлѣба земли мало, а ужъ подъ ленъ и коноплю и подавно. Сузко же ткутъ самы, но только для своей надобности, а не для продажи. У нихъ есть и свои базары, но вся торговля въ рукахъ далматовъ и турокъ, отправляющихъ все это въ Бокка ди Каттаро, откуда все это идетъ въ Триестъ. Изъ произведеній минеральнаго царства въ Черногоріи замѣчательны богатые желѣзные рудники, содержащіе на 100 фунт. руды отъ 30—40% металла.

Независимо отъ дѣленія политическаго или правительственнаго на «нахія», Черногорія подлѣится еще подраздѣленіямъ чисто «народнымъ». Такъ, она дѣлится на семь народностей или «племенъ»: 1) *цетинские*, 2) *мугуши* (изъ рода которыхъ нынѣшній правитель Черногоріи, происходящій отъ Петра Петровича I Нѣгуша), 3) *джеклички*, 4) *бланицы*, 5) *чованци*, 6) *цуче* и 7) *пешивце*. Каждое племя имѣетъ своего родоначальника, предка—*тукунджеда*, который въ крайне отдаленныя времена переселился въ «Черную Гору»: его потомство такъ уже потомъ и прозывается его именемъ. Всякое племя имѣетъ свое преданіе о своей колонизаціи и прославляетъ своего «тукунджеда», гордится имъ и хвастаетъ имъ другъ предъ другомъ. Племена дѣлятся на братства: въ каждомъ племени бываетъ по пяти, по шести и болѣе братствъ. Всякое племя имѣетъ своего *лаваря*. Племена постоянно враждуютъ между собою, соперничаютъ—отъ чего, въ недавнемъ еще прошломъ, до воцаренія нынѣшняго князя Николая, происходило много бѣдствій для страны. Дядя его, князь Данилъ, старался также объ искорененіи этого народнаго зла и строго преслѣдовалъ черногорскую вендетту; но часть почти окончательнаго уничтоженія этихъ племенныхъ распрей принадлежитъ нынѣшнему правителю, свѣтлѣйшему князю Николаю, который вообще, при содѣйствіи умныхъ и благонамѣренныхъ своихъ сотрудниковъ по управленію страной, успѣлъ сдѣлать много хорошаго.

Главный городъ и резиденція князя, какъ бы столица Черногоріи—это Цетинья, гдѣ и центръ правительства. Здѣсь правленіе монархическое, ограниченное, однако, сенатомъ изъ 12-ти членовъ, избираемыхъ по голосованію народнаго собранія, вродѣ испанскихъ кортесовъ, бывающаго однажды въ годъ. Всѣ черногорцы, способные носить оружіе, съ 20—50 лѣтъ отъ роду, поголовно, составляютъ многочисленную народную армію. Князь черногорскій получаетъ съ конца прошлаго столѣтія субсидіи отъ Россіи, а со времени второй французской имперіи получалъ и отъ Франціи.

Исторія Черногорскаго княжества не заходитъ въ вѣка глубокой древности, потому что Черногорія, подъ названіемъ *княжества Зенна*, зависѣла отъ Сербіи, до порабоженія послѣдней въ 1389 году турками. Князья сербскіе продолжали защищать свою независимость, но въ XV вѣкѣ принуждены были уда-

литесь въ неприступныя горы, гдѣ въ 1485 году князь Иванъ, сынъ Стефана, основалъ монастырь Цетинье—нынѣшнее мѣстопробываніе правительства. Въ 1516 году князь Георгій Черновичъ, женатый на венеціанкѣ, поселился въ Венецію, передавъ княжескую власть тогдашнему митрополиту, сдѣлавшемуся, такимъ образомъ, и свѣтскимъ вождемъ. Гражданско-военное правленіе, прекратившееся съ Черновичемъ, было наследственнымъ въ фамиліи Радоничъ, а духовно-военное, съ 1658 года—въ домѣ Петровичъ Нѣгуша.

Изъ числа этихъ Нѣгушей самымъ знаменитымъ по своимъ услугамъ Черногоріи былъ Петръ Петровичъ I Нѣгуша (род. въ 1754 г.). При сильномъ покровительствѣ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Императоровъ: Павла I, Александра I и Николая I, онъ управлялъ Черногоріею съ 1770 по 1830 годъ, въ теченіе *шестидесяти лѣтъ*. Онъ усилялъ упрочить независимость своей родины, сдѣлалъ превосходно оборонить ее противъ турокъ и французовъ, тогдашнихъ враговъ Черногоріи, и сдать страну своему наследнику усиленною и увеличенною новыми приобрѣтеніями.

Здѣсь не лишне отойти нѣсколько назадъ. Черногорцы были, во времена существованія республики венеціанской, почти всегда постоянными союзниками венеціанъ противъ общихъ ихъ враговъ—турокъ, враговъ для тѣхъ и для другихъ, какъ бы самою природою созданныхъ. Въ 1712 г. (когда въ Россіи царствовалъ Императоръ Петръ I) черногорцы добровольно поступили въ подданство Россіи и вторглись въ Турцію, но, пораженные въ 1714 году турками подъ начальствомъ визиря Нума-Купрокви, принуждены были возвратиться безъ успѣха, и снова въ 1718 г., вступили въ предѣлы Турціи, какъ союзники венеціанъ. Въ 1767 году верховнымъ правителемъ Черногоріи сдѣлался самозванецъ Стефанъ Малый и управлялъ ею четыре года, но былъ умерщвленъ, т. е. имѣлъ конедъ достойный самозванца. Вслѣдъ за Стефаномъ, явился знаменитый Петръ Петровичъ I, который, въ особенности въ 1806 году, усилялъ высоко поставить Черногорію, умѣвную тогда побѣдоносно отбиться отъ турокъ, французовъ и австрійцевъ, отчасти, конечно, русскаго флота, явившагося тогда въ водахъ Адриатики подъ начальствомъ славяго адмирала Дм. Ник. Сенивина.

Послѣ Петра Петровича I митрополитомъ и правителемъ Черногоріи былъ Петръ Петровичъ II, возведенный въ санъ черногорскаго владыки въ 1830 году въ Петербургѣ. Онъ, въ теченіе своего 20-лѣтняго владычества, усилялъ, правда тихо, безъ шума и грома, сдѣлать много добраго для черногорцевъ, умеръ въ 1851 г., и ему наследовалъ племянникъ его Даниилъ I, который, при могущественномъ содѣйствіи императора Николая Павловича, какъ нечувствовавшій никакого призванія къ духовному сану, былъ отъ званія митрополита освобожденъ и сдѣланъ княземъ черногорскимъ. Послѣ многихъ споровъ съ турками, Даниилъ постоянно велъ энергически болѣе нападательную, чѣмъ оборонительную войну съ турками и, наконецъ, принудилъ ихъ совершенно бросить мысль о покореніи Черногоріи. Въ 1858 году вспыхнула еще война съ турками, имѣвшая для черногорцевъ, благодаря блистательной ихъ битвѣ подъ Гроховымъ (т. е. «Гороховымъ полемъ»), благоприятныя послѣдствія; но въ 1860 году августа 12-го, подкупленный, какъ тогда говорили, Турціею убійца положилъ конецъ полезной для Черногоріи, для ея развитія и силы—жизни князя Даниіла.

Какъ ни маловременно, всего восемь лѣтъ, было княженіе Даниіла, но онъ усилялъ въ это короткое время много сдѣлать для улучшенія положенія своей родины, дикость которой онъ усилялъ нѣсколько цивилизовать, будучи самъ человекомъ весьма образованнымъ, благодаря стараніямъ дяди его владыки Петра Петровича II.—Князь Даниилъ I былъ женатъ по любви на одной изъ своихъ полуземлячекъ, триестской уроженкѣ, красавицѣ Даринкѣ, дочери негодяя Квеквича, воспитанной съ малолѣтства въ Парижѣ и совершенно офранцузившейся, но отличавшейся умомъ и многими блестящими дарованіями.

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, офицеръ бывшаго Черногорскаго флота г. Сатинъ, интересныя статьи котораго, отъ времени до времени, помѣщаются въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1858 году, находясь по службѣ въ Средиземномъ морѣ, дѣлалъ вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ поѣздки въ Цетинью, и сообщаетъ много бѣглыхъ, но весьма типичныхъ подробностей о князѣ Даниилѣ и княгинѣ Даринкѣ, дворъ которыхъ имѣлъ такъ много общаго съ нынѣшнимъ дворомъ князя Николая и княгини Миланды, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи перенестись въ цетиньскій дворецъ, построенный при Даниилѣ, подъ наблюденіемъ его жены, и взглянуть на весь внутренній обиходъ цетиньской резиденціи, который нынче ежель въ чемъ и измѣнился, то развѣ въ томъ, что французскій элементъ въ немъ значительно усилился.

Поздно вечеромъ 31 августа 1858 года, нѣсколько офицеровъ фрегата «Полканъ», съ своимъ капитаномъ, верхомъ на черногорскихъ лошадакахъ, великихъ мастерицахъ карабкаются по лѣсистымъ черногорскимъ горамъ, прибыли въ Цетинью, подѣхавъ къ длинному зданію, не то казармѣ, не то аббатству. Это—дворецъ княжескій. Окна были залиты свѣтомъ, и въ нихъ были видны зеркала, бронза и роскошно накрытый столъ. У подъѣзда русскіе офицеры были встрѣчены самимъ княземъ

Данииломъ въ національномъ костюмѣ (съ которымъ, не взирая на всѣ нововведенія, ни онъ не разставался никогда и не разстается нынѣшній князь Николай) и въ звѣздѣ и лентѣ русскаго ордена св. Станислава 1-й ст., который обнявъ капитана, любезно поздоровался съ офицерами и проводилъ ихъ въ ихъ комнаты, объясняясь съ ними, со всѣми, порусски, съ нѣкоторой смѣсью своего иллирійскаго нарѣчія. Переодѣвшись въ полную парадную форму всѣ офицеры, въ числѣ шести, отправились представляться княгинѣ Даринкѣ, бронецкѣ средняго роста, съ весьма пріятнымъ выраженіемъ лица. Русскіе посѣтители цетиньскаго двора, принятыя княгиней въ великолѣпной гостиниой заключавшей въ себѣ все, что можетъ Парижъ дать комфорта и роскоши, ломали себѣ голову, при видѣ эраровскаго роіяля и громадныхъ зеркалъ, какъ могло все это попасть сюда цѣлымъ и невредимымъ? Обѣдъ былъ въ девять часовъ вечера. Въ обхожденіи князь Даниилъ былъ необыкновенно простъ и любезенъ. Онъ болѣе приходилъ на хлѣбосола русскаго помѣщика, чѣмъ на владѣтельнаго князя, онъ самъ наливалъ вино гостямъ, подчивалъ и просилъ кушать Столъ у князя былъ превосходный, т. е. такой же, какъ нынче и у князя Николая. Поварь и метръ-д'отель у того и другаго—французы. Когда подали шампанское, князь всталъ и провозгласилъ тостъ «за здравіе русскаго императора Александра Николаевича, моего могущественнаго покровителя», какъ онъ выразился. Капитанъ провозгласилъ тостъ «за князя и княгиню». Послѣ обѣда, адъютантъ раскуривъ трубку и подавъ князю. Это было сдѣлано просто безъ униженія; онъ съ такою же любезностью подавалъ трубки и русскимъ офицерамъ. Простота и патриархальность видны были во всемъ. Одинъ только парижскій костюмъ княгини и перчатки, которыя она не снимала за обѣдомъ, плохо гармонировали съ загорѣлыми лицами черногорскихъ сенаторовъ и воеводъ, отъ которыхъ словно еще пахло гроховскимъ дымомъ и которые, казалось, ловчѣ въ тысячу кратъ сдѣлаютъ справиться съ нѣсколькими турецкими головами, чѣмъ справлялись тутъ съ жареными фазанами, поданными съ своимъ золотисторадушными хвостами на жаркое, и прочими утонченностями французской кухни.

Послѣ позднаго обѣда, смахивавшаго на ранній ужинъ, всѣ разошлись по комнатамъ и, конечно, гости спали какъ убитые. Г. Сатинъ, проснувшись утромъ, всталъ и отворилъ окно. Чивно въ рядѣ, торжественно стояли (и нынѣ стоятъ) предъ дворцомъ турецкія пушки, взятые недавно при Гроховѣ. Налѣво—старинный монастырь, до князя Даниіла, мѣстожителство владыкъ черногорскихъ. Внизу, на дворцовой террасѣ, на креслѣ сидѣлъ князь, окруженный сенаторами, и чинилъ судъ и праву. «Что-то родное, знакомое видѣлось во всемъ; какъ-то невѣроятно, что это чужбина», говоритъ авторъ этого разсказа. Въ небольшомъ кабинетѣ, около бильярдной, былъ сервированъ утренній завтракъ для гостей, и на столѣ въ роскошномъ серебрянѣ съ княжескою короною, въ севрскомъ фарфорѣ и богемскомъ хрусталѣ стояли: кофе, чай, шоколадъ, яйца, ветчина и масло. Позавтракавъ, офицеры начали играть на бильярдѣ. Вдругъ дверь отворилась и вошелъ князь. Радужно и привѣтливо поздоровавшись съ русскими гостями, онъ началъ говорить о Черногоріи. Онъ говорилъ про реформы, которыя сдѣлалъ и которыя хочетъ провести (нынѣ преемникомъ его болшею частью выполненныя), пламенно желалъ клочка моря и надѣялся его получить при начатыхъ переговорахъ. Онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, что было видно, какъ горячо любилъ онъ родину и весь славянскій міръ. Покойнаго государя Николая Павловича онъ боготворилъ. При этомъ князь очень живо и увлекательно разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ въ 1850 году, куда онъ пріѣзжалъ посвящаться въ санъ владыки, и гдѣ его помѣстили въ Александроневской лаврѣ для притоговленія къ постриженію. Грустно ему было въ двадцать лѣтъ принимать монашество; онъ довелъ до свѣдѣнія государя, что желалъ бы остаться свѣтскимъ княземъ. Государь былъ такъ милостивъ, что самъ пріѣхалъ въ лавру и одобрилъ желаніе князя.

—«Да, господа,—прибавилъ князь:—сильна и страшна была Россія своимъ врагамъ послѣ 1849 года. Надо было ожидать, что зависть Европы дойдетъ до коалиціи, Она не могла равнодушно смотрѣть, что на сѣверѣ русскій адмиралъ (И. П. Епанчинъ) спасалъ Данію, а на югѣ фельдмаршалъ Паскевичъ приказалъ быть Австріи послѣ венгерскаго погрома».

Вслѣдъ за этимъ, князь Даниилъ сыгралъ партію на бильярдѣ съ однимъ изъ русскихъ офицеровъ, а потомъ, въ сопровожденіи его державной свѣтлости, отправились въ монастырь, сначала съ визитомъ къ митрополиту, а потомъ къ князю Мирко, герою Гроховскаго сраженія. —Въ два часа пополудни былъ опять парадный обѣдъ, а въ восемь—ужинъ. Чай пили гости въ комнатахъ княгини, гдѣ и провели вечеръ. Между обѣдомъ и ужиномъ князь возилъ гостей своихъ по окрестностямъ Цетиньи. На другое утро, когда гости должны были уѣхать, князь Даниилъ сказалъ имъ: «Въ память пребыванія вашего фрегата въ водахъ Адриатики, прошу васъ, господа, принять орденъ Даниіла I «за независимость Черногоріи». Но извините, господа, я дамъ вамъ только патенты, а кресты мнѣ еще не выслали изъ Вѣны тамошніе ювелиры. Бывшіе въ наличности я роздалъ за Грохово».

Въ 10 часовъ утра русскіе гости, при громѣ выстрѣловъ изъ гроховскихъ трофеевъ, выѣхали изъ Цетинья. Князь ихъ провозжалъ версты три на великолѣпномъ бѣломъ аргамакѣ, взятомъ тоже у турокъ подъ Гроховымъ. Часа въ два офицеры прибыли на переваль. Тутъ приготовленъ былъ на зеленой лужайкѣ, на снѣжно-бѣлой скатерти, прекрасный завтракъ съ явствами и винами. Это былъ уже послѣдній хлѣбъ-соль гостеприимнаго черногорскаго князя, реформы, совершенныя которыми въ управленіи страны, такъ подготовили и облегчили трудную задачу, исполненную его даровитымъ преемникомъ.

Наслѣдникомъ князя Данила, умершаго бездѣтнымъ, сдѣлался, какъ уже мы говорили, племянникъ его, Николай, сынъ Мирко Петровича. При Николаѣ, снова началась война съ турками въ 1862 году, когда турецкія войска, подъ начальствомъ Омера-паши (знаменитаго далматскаго ренегата) даже осадили Цетинью, и тогда князь принужденъ былъ принять, предложенныя ему, далеко не выгодныя условія, которыя, впрочемъ, послѣ при содѣйствіи Россіи и отчасти Франціи, были значительно, для пользы Черногоріи, измѣнены. Такимъ образомъ, Черногорія сохранила свои границы и свое національное управленіе. Все это ставитъ нынѣ князя Николая въ возможность, сохраняя, для видимости, строгій нейтралитетъ, смотрѣть сквозь пальцы на то, что черногорцы, движимые личнымъ чувствомъ признанія къ братьямъ своимъ герцеговинцамъ, дѣлами многочисленными

горскія дѣти боевой и въ одной рубахѣ онъ лазилъ по скаламъ и пасъ козъ, подвергаясь часто различнымъ опасностямъ; но когда онъ сталъ юношею, жизнь его совершенно измѣнилась. Его дядя, Данииль, вступивъ въ управленіе Черногоріей, назначилъ брата своего князя Мирко Петровича, вилкимъ воеводою, а его сына, этого самаго Николая, своего племянника, отослалъ воспитываться въ Парижъ, подъ покровительствомъ тогдашняго императора Наполеона III. Тамъ Николай и изучилъ отлично французскій языкъ, который постоянно слышится въ комнатахъ его дворца. Онъ въ Парижѣ познакомился съ европейскою образованностью вообще, но особенно съ парижскою жизнью, привыкъ къ этой жизни и, сдѣлавшись послѣ дяди своего черногорскимъ правителемъ, продолжалъ, насколько возможно, жить попарижски и на своей родинѣ. Особенно вначалѣ это было удобно для князя Николая, такъ какъ тогда странною онъ, по причинѣ крайней молодости лѣтъ, управлялъ почти номинально, въ дѣйствительности же всѣмъ правилъ отецъ его, князь Мирко Петровичъ, недавно умершій, и большая часть дѣлъ рѣшалась подъ вліяніемъ тетки князя, вдовствовавшей тогда (нынѣ также умершей) княгини Данииль - Даринки. При дворѣ появилось много французовъ. Первое время юный князь занимался всего больше пусканіемъ фейерверковъ, упражненіемъ въ фотографическомъ искусствѣ, берейторствомъ, охотою и раздачею орденовъ, которые предмѣстникъ - дядя его

Петръ Сомдерничъ, секретарь князя Николая.

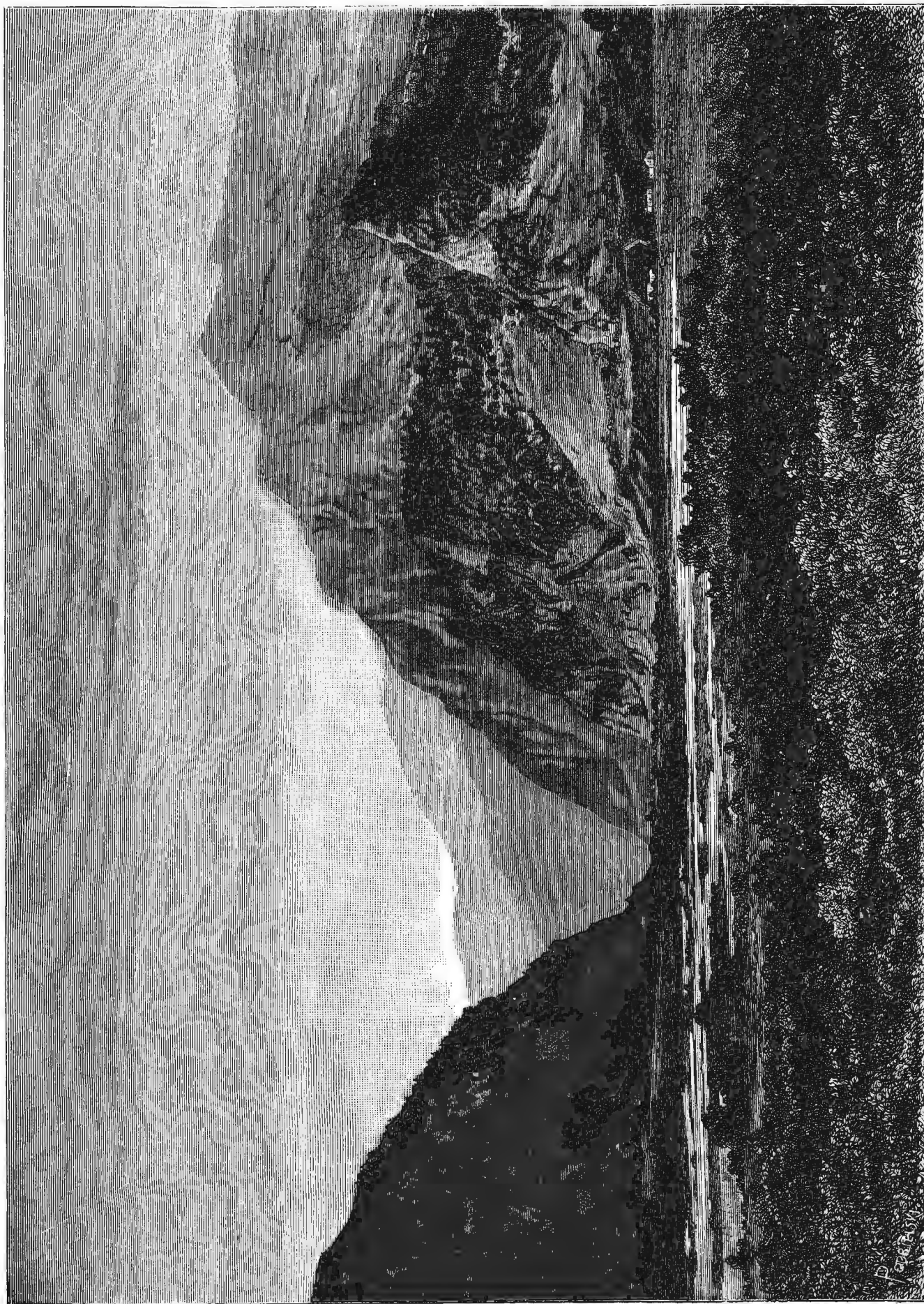

Марко Вербець, министръ внутр. дѣлъ Черногоріи.

отрядами неоднократно успѣвали вступать и вступаютъ ежедневно и нынѣ, чрезъ свою границу, въ Герцеговину, гдѣ постоянно страшно поражали и поражаютъ турокъ, энергично отражая всѣ ихъ нападены и самыя отчаянныя ихъ атаки, при превосходѣйшихъ съ турецкой стороны силахъ.

Со времени князя Данила черногорскіе правители нѣсколько живутъ въ прекрасно устроенномъ, какъ уже мы видѣли, слѣдуя въ Цетинью за г. Сатинимъ, дворцѣ, но стали вводить роскошь, которая, вѣроятно, очень скоро будетъ угрожать опасностью самобытности и оригинальности гражданскаго строя этой воинственной народности, справедливо называемой «гнѣздомъ сербскихъ соколовъ». Нынѣшній князь Николай — природный черногорецъ. Онъ средняго роста, съ темнорусыми волосами и выразительными глазами, носитъ усы и бакенбарды, немного сутуловатъ, широкоплечъ, силенъ немовѣрно, не бреетъ темени по черногорскому обычаю отъ уха до уха, очень подвиженъ и имѣетъ много пріятности въ движеніяхъ и манерахъ проявляющихъ человека хорошаго общества, какимъ онъ и есть. Петербургскіе жители, видѣвшіе его на берегахъ Невы въ 1869 году, вѣроятно, не забыли виѣшности князя, особенно во время майскаго парада гвардіи, когда онъ въ своемъ костюмѣ съ станиславскою лентою, на лихомъ придворномъ конѣ, гарцовалъ въ свитѣ государя императора. Это было всего 6 — 7 лѣтъ тому назадъ. Въ дѣтствѣ князь велъ жизнь, какъ всѣ черно-

давалъ съ большимъ выборомъ и осторожностью. Молодой же новый государь Черногоріи сталъ, просто, играть въ ордена; онъ сдѣлалъ изъ одной степени три степени и раздавалъ ихъ каждому встрѣчному иностранцу. Впрочемъ, остепеняясь съ годами, его свѣтлость сдѣлался гораздо мѣнѣе щедръ на такого рода незаслуженныя награды. Съ начала княженія Николая, какъ его личное французское образованіе, такъ и молодая его супруга, княгиня Милана Петровна, дочь храбраго черногорскаго воеводы Петра Лукотича, почти съ колыбели воспитывавшаяся при французскомъ дворѣ Наполеона III и Евгении, много способствовали тому, что патриархальныя обычаи черногорскаго княжескаго дома стали болѣе чѣмъ когда-либо не только перемѣшиваться съ обычаями французскими, но даже вытѣсняться послѣдними. Такъ, напримѣръ, хоть это и бездѣлица; а со всѣмъ тѣмъ на черногорцевъ производитъ непріятное вліяніе, князь Данииль, отчасти по собственному вкусу, отчасти изъ уваженія къ національнымъ привычкамъ, доускалъ за своимъ французскимъ столомъ «кострадину» (копченое овечье или козье мясо) и чечевичную кашу, эти главныя прелести національнаго черногорскаго стола—тогда какъ въ обѣденныхъ запискахъ (menus) метръ-д'отеля князя Николая эти яства, столь приличныя черногорскимъ желудкамъ, легко переваривающимся, кажется, булыжники, нивогда не появляются. Сумма всѣхъ этихъ пустыхъ, по наружности, обстоятельствъ сдѣлала то, что въ

Очерки Кавказа. Видъ долины рѣки «Ріона». Рисов. Подбѣльскій, грав. Сташковскій

отношениях между народомъ и нынѣшнимъ его правителемъ не стало замѣтно той непосредственной прямоты, какая была прежде.

Впрочемъ, вообще, если, вслѣдствіе своего вполне уточненнаго воспитанія князь Николай и внесъ вышній доскъ при своемъ дворѣ и сначала, по молодости мало занимался дѣлами, къ которымъ зорко присматривался издали, зато теперь, особенно со смертью своего отца, онъ вполне серьезно сталъ относиться къ своимъ обязанностямъ. Мы уже видѣли, что онъ остановилъ народную междоусобицу и вообще строго преслѣдуетъ всѣ варварскіе, безчеловѣчные обряды и обычаи, которыми такъ богаты черногорцы; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Николай энергично развиваетъ народное правильное просвѣщеніе, открывъ до 10 школъ въ разныхъ мѣстахъ Черногоріи и учредивъ прекрасную духовно-педагогическую семинарію въ 1869 году, а нѣсколько позже дѣвичій институтъ, состоящій подъ главнымъ покровительствомъ нашей Государыни Императрицы Маріи Александровны. Юноши въ школахъ и семинаріи и дѣвочки въ институтѣ дѣлаютъ чудеса усердія и любви къ наукѣ. Главное мѣсто между науками, занимаютъ русскій языкъ и знаніе Россіи во всѣхъ ея отношеніяхъ. Вообще князь черногорскій очень близокъ къ Россіи, и это сближеніе въ послѣднее время увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что двѣ свѣтлѣйшія «сестрички», черногорскія горлицы, дочери князя Николая и княгини Миланы, княжна Любича Зорка (род. въ 1864 г.) и княжна Милана (род. въ 1866 г.), находятся съ прошлаго 1875 года въ числѣ воспитанницъ нашего училища Общества благородныхъ дѣвицъ (Смоленскій Монастырь), подъ особеннымъ личнымъ покровительствомъ Августѣйше-Державной попечительницы всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній русскаго царства. Кроме этого, въ настоящее время, вотъ, теперь, сейчасъ, такъ сказать, князь Николай и княгиня Милана оказываютъ самое радушно-сердечное гостепрѣимство санитарному многочисленному отряду нашего высокоблаготворительнаго «Общества Краснаго Креста», явившемуся въ Черногорію для оказанія помощи несчастнымъ жертвамъ герцеговинскаго возстанія. Достоинно вниманія, что, независимо отъ госпиталя, князь и княгиня предоставили часть своихъ чертоговъ больнымъ, раненымъ и изнеможеннымъ, причемъ княгиня сама за ними ухаживаетъ и даже сама своими нѣжными руками помогаетъ прислугѣ варить для страдающихъ питательные бульоны и жаритъ сочное мясо. Все молодое поколѣніе обожаетъ своихъ свѣтлѣйшихъ князя и княгиню, а старики-ретрограды, плохо мирящіеся съ нововведеніями, также горячо преданы своему князю «французу», какъ они его называютъ и будутъ, конечно, преданы до тѣхъ поръ, пока князь не броситъ ихъ національнаго костюма и не перестанетъ съ своимъ сенатомъ, котораго онъ президентъ и «главарь», чинить судъ и расправу подъ сѣнью легендарной *лѣны народной правды*. Мы не войдемъ здѣсь въ описаніе юридическихъ подробностей «законника», т. е. какъ бы кодекса черногорскаго, за неимѣніемъ на то мѣста, но, однако, не можемъ не указать, что въ законахъ и честныхъ правахъ черногорцевъ превосходно, между прочимъ, то, что по этому «законнику» строго преслѣдуются кроворолитныя ссоры и родовая месть. Кроме того, въ «законникѣ» сказано: «Во время мира или перемирія съ Турціею разбой, воровство и всякое хищничество на турецкой территоріи воспрещаются, а если «таковые будутъ учинены, добыча должна быть возвращена тѣмъ, отъ кого она взята, и виновные подлежатъ такому же наказанію, какъ будто преступленіе совершено противъ своихъ-же «братьевъ-черногорцевъ». Право, такая международная гуманность достойна и не такихъ дикарей, которые съ своей трагедіей рѣжутъ свою любимую «кострадину» тѣмъ же ножомъ, какимъ сейчасъ только была отрублена турецкая голова!

Итакъ, вы видите, что Черногорія вступила на стезю правильного прогресса и пойдетъ по ней, ведомая твердою рукою своего князя-поэта. Да, поэтъ!—Недавно, очень недавно одинъ изъ англійскихъ писателей-туристовъ рассказалъ всему просвѣщенному міру, что князь Николай въ часы досуга отъ государственныхъ занятій, подобно королю Швеціи и Норвегии Оскару, пишетъ прекрасные иллирійскіе стихи, всегда съ сюжетами изъ исторіи «Черной-Горы».—Но въ дѣлѣ важнаго прогрессивнаго движенія впередъ много помогаютъ и содѣйствуютъ князю Николаю два истинно-замѣчательныхъ государственныхъ челоѣка, которые могли бы не безъ успѣха развивать дѣятельность и не въ одной только бѣдной и дикой Черногоріи, при ея едва 200-тысячномъ населеніи. Это—Потаръ Сомдерничъ и Марко Вербецъ, портреты которыхъ передъ вами. Первый изъ нихъ—собственный секретарь князя Николая и какъ бы его министръ иностранныхъ дѣлъ и двора, а также государственный секретарь; второй—воевода и съ тѣмъ вмѣстѣ словно министръ внутреннихъ дѣлъ, заведывающій всѣми нарѣдьями. Они оба получили образованіе солидное, заграничное, и даже болѣе солидное, чѣмъ образованіе самого князя, одновременно съ которымъ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ были посланы княземъ Данииломъ.—Сомдерничъ отличается необыкновенною мягкостью и привѣтливостью съ нѣкоторою всегда какъ бы заднею мыслью, между тѣмъ какъ товарищъ его, Вербецъ, не обладая его любезными манерами, нѣсколько грубоватѣе и проще въ своихъ сношеніяхъ, особенно съ личностями, не успѣв-

шимъ внушить ему полнога къ себѣ довѣрія. Затѣмъ, нѣтъ черногорца, который не зналъ бы, что Вербецъ ни секунды не остановится, чтобъ пожертвовать жизнью, въ случаѣ, ежели, того потребовали бы того обстоятельства, связанныя съ успѣхомъ черногорскаго прогресса.

Окончивъ эту картину-эскизъ историческаго развитія и, по возможности, нынѣшняго положенія Черногоріи съ фотографіями новѣйшихъ и прогрессивнѣйшихъ ея правителей съ ихъ помощниками, мы надѣемся на этихъ же самыхъ столбцахъ разсказать когда-нибудь, еще въ текущемъ году, когда, повидному, роль Черногоріи на политическомъ горизонтѣ еще болѣе разовьется, — много подробностей нравственно-юридико-этнографическихъ объ этой замѣчательной и занимательной странѣ, пользуясь какъ богатыми матеріалами, предлагаемыми столь щедро литературалю Западу, такъ, можетъ быть, еще болѣе занимательными и свѣжими свѣдѣніями, какія въ русской печати непрерывно явятся изъ-подъ перьевъ многихъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ членовъ нашего санитарнаго отряда «Краснаго-Креста», находящихся въ теперешнее время въ Черногоріи и имѣющихъ широкую возможность изучить, во всѣхъ тонкихъ подробностяхъ, нравы, гражданскій строй, характеристику и прогрессивныя успѣхи черногорскаго народа. Господа чиновники, медики, хирурги и самыя «Сестры» могутъ этими своими сообщеніями внести богатую лепту въ нашу народоописательную русскую литературу. Починъ такого рода сообщеній сдѣланъ нашимъ знаменитымъ лейбъ-медикомъ С. П. Боткинскимъ, передавшимъ на столбцы газетъ интересное письмо доктора Альшевскаго («Голосъ» 21 февр. 1876 г.), который, говоря о различныхъ предметахъ чисто спеціально-медицинскаго и чисто санитарнаго характера, дѣлаетъ нѣсколько характерныхъ замѣтокъ относительно быта и образа жизни черногорцевъ.

Если бы статьи наша была не такъ уже велика, какъ она вышла, вопреки нашей воли, благодаря массѣ интересныхъ матерьяловъ, намъ въ такомъ обиліи представившихся, то мы поговорили бы здѣсь о всѣхъ этихъ этнографическихъ замѣткахъ г-на доктора, писавшаго ихъ въ жалкомъ черногорскомъ городѣ даже не городѣ, а какомъ-то логоншѣ, лишенномъ даже воды, —повидному, подъ самыми досадными и горькими впечатлѣніями, наполнявшими его чувства и умъ. Но мы не можемъ пропустить безъ нѣкотораго комментарія одну изъ замѣтокъ почтеннаго автора, какъ ни справедлива она повидному, въ сущности. Онъ въ одномъ мѣстѣ своего письма такъ описываетъ Черногорію.

«Занятіе какою-нибудь работою считается у черногорца-мужчины позоромъ, и на этого рода подвигъ мало кто рѣшается. Всѣ живутъ воспоминаніемъ или чаганіемъ военныхъ отличій. Всякій изъ черногорцевъ—или «юнакъ» (удалецъ, храбрецъ) или надѣется получить это званіе послѣ того, какъ ему удастся сръзать и предъявить кому слѣдуетъ одну или нѣсколько турецкихъ головъ. Въ Цетиньѣ надъ монастыремъ и теперь существуетъ башня для склада турецкихъ головъ; но она почему-то теперь для этого не употребляется *). Впрочемъ, въ послѣднее время, для мѣста сбора ватаги, гдѣ происходить счетъ головъ и гдѣ каждый членъ ватаги другъ передъ другомъ и передъ начальствомъ выхваляется своимъ юначествомъ, разрѣшено отръзывать не головы, а только носы. Голова безъ носа въ счетъ не идетъ. Носы прячутся и доставляются на мѣсто прямо въ карманахъ. Эта рѣзка головъ и носовъ дорого обходится нашимъ братьямъ-славянамъ. Большая часть раненыхъ и убитыхъ изъ нихъ были подстрѣлены турками именно во время этого милаго занятія».

Съ этой печальной дѣйствительностью нельзя не согласиться къ сожалѣнію, хотя есть надежда, и надежда довольно основательная, что самый характеръ воинственности черногорцевъ, вмѣстѣ съ развитіемъ у нихъ правильнаго просвѣщенія, стѣсна котораго такъ усердно насаждаютъ современными правительствомъ князя Николая Нѣгуша—измѣнится къ лучшему и утратитъ свою кровожадность, въ виду того, что «юнаками», каковы наши казаки, прусскіе уланы и французскіе зуавы, можно быть безъ всѣхъ этихъ возмутительныхъ приемовъ, свойственныхъ только людоедамъ.

Еще авторъ письма сильно нападаетъ на черногорцевъ за то, что они такъ невнимательны и грубо-деспотичны (по наружности) къ своей женщинѣ, трактуемой ими наравнѣ съ рабочимъ скотомъ. Мнѣніе это, впрочемъ, вкоренившееся въ цивилизованной Европѣ, хорошо опровергаетъ одинъ изъ англійскихъ туристовъ-писателей, на которыхъ мы указали въ началѣ этой статьи. Но у насъ, положительно, теперь нѣтъ здѣсь мѣста для этого объясненія наружнаго поведения черногорца въ отношеніи къ женѣ, сестрѣ, дочери, почему вы прочтете его въ отдѣлѣ «смѣси» будущаго нумера «Нивы», настоящій же уже не можетъ болѣе вмѣстать на столбцахъ своихъ статьи о Черногоріи и ея правителяхъ.

Во всей цивилизованной Европѣ принято утверждать и тутъ

*) Очень просто,—вслѣдствіе одного изъ строгихъ законоположеній князя Николая. Авторъ.

но и печатно, что, по мнѣнію всякаго черногорца, всякими полевыми и домашними работами, а тѣмъ болѣе какимъ-нибудь ремесломъ заниматься ему, черногорцу, позорно, а пригоже развѣ какому-нибудь цыгану, и потому, чтобъ не походить на презрѣннаго цыгана, черногорецъ всякій трудъ взваливаетъ на руки своей жены и дочери. — Черногорецъ — это славянской спартаецъ, и такъ же, какъ и древній спартаецъ, онъ считаетъ для себя униженнымъ заниматься какимъ-нибудь другимъ дѣломъ, кромѣ военнаго. Въ большей части странъ, даже самыхъ непросвѣщенныхъ, женщина получаетъ отъ мужчины содержаніе, здѣсь же наоборотъ: мужа вполне содержитъ его жена, а если у Черногорца нѣтъ жены, его прокармливаютъ какая-нибудь ближайшая родственница — тетка, сестра, вдова брата, сестра жены, ежели онъ овдовѣлъ.

Въ Черногоріи дѣйствительно женщины за счастье считаютъ, если мужчина дозволяетъ сестрѣ или женѣ поцѣловать полу его одежды или, что уже верхъ чести для нея, бѣдной, — его державную и побѣдоносную руку.

Со всѣмъ тѣмъ, не слѣдуетъ создавать себѣ ту идею, что черногорецъ дѣйствительно жестоко и варварски обходится съ своею женою. Вы сильно ошибетесь, если примете за без-ошибочное такое мнѣніе, основанное на наружности, забывъ аксіому, что нерѣдко наружность бываетъ обманчива, какъ и въ данномъ случаѣ: черногорецъ, напротивъ, искренно любитъ свою жену, да и быть иначе не можетъ. Потому что онъ, при всей жесткости своего паружнаго вида, страстно любитъ своихъ дѣтей, особенно мальчиковъ, ему данныхъ. Къ тому же онъ инстинктивно, сознаетъ, что безъ жены существованіе его не-

возможно и сильно къ ней привязывается, какъ къ необходимости своей жизни. Онъ никогда не будетъ ей невѣренъ, да это чувство любви къ чужой женщинѣ, какъ бы женщина эта ни была привлекательна, положительно и неизвѣстно въ этой странѣ, которая, при всей своей одичалости, строго хранитъ и защищаетъ честь своихъ женщинъ, энергично устраняя ихъ отъ всякаго вражескаго вліянія, какъ внѣшняго, такъ, внутренняго.

Но со всѣмъ тѣмъ при людяхъ показать женѣ свою любовь, помочь ей нести тяжелую ношу, особенно на большой дорогѣ, гдѣ каждую минуту можетъ встрѣтиться товарищъ, который безопадно станетъ подтрунивать надъ его нѣжностью — черногорецъ ни за что не рѣшится: это величайшій (по его понятіямъ) стыдъ!

Получая все готовое отъ жены, черногорецъ связанъ съ нею только однимъ обязательствомъ — защищать ея и свою честь, и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно не жалѣетъ своей жизни. Причина трудовой жизни женщины въ ея семьѣ, по понятію черногорца — слабая, несчастная природа, которая мѣшаетъ ей сдѣлаться такимъ же, какъ онъ, богатыремъ. Черногорецъ, мстительный по природѣ, скорѣе проститъ обиду ему нанесенную чѣмъ малѣйшее оскорбленіе, сдѣланное его женѣ, сестрѣ или дочери.

Не лишне, при этомъ замѣтить, что совершенная спартанка черногорка пользуется вниманіемъ и уваженіемъ даже турокъ!...

(Изъ «Over the borders of Christendom and Eslamich», Джэм-са Крпча, 1875 года.)

РЧЕРКИ КАВКАЗА.

I.

Въ верховьяхъ Ріона.

Кони приведены... Мы изъ сакли слышимъ ихъ нетерпѣливое фырканье. Одинъ такъ и скребетъ копытами твердую послѣ дождя землю.

Утро чудесное. Свѣжо. Пахнеть жасминами. Изъ яркой зелени, усѣявшихъ откосы горъ, виноградниковъ красивыми пятнами выдѣляются пурпуровые крупныя цвѣты гранатника и нѣжный серебристый пухъ миндальныхъ деревьевъ. Солнце еще высоко. Небо безоблачно; въ недосыгаемой вышинѣ его черными точками повисли орлы... Вотъ одна изъ этихъ точекъ все растетъ и растетъ... Ближе и ближе... и скоро, раскинувъ громадныя крылья горный хищникъ передъ нашими глазами стремительно ринулся въ сырую мглу глубокаго ущелья, прорѣзывающаго долину направо...

— Ну, Каранетъ Саркизовичъ, пора и въ дорогу!

Каранетъ Саркизовичъ, или, попросту, Каранетка, былъ хозяиномъ сакли и духана, гдѣ, въ пріятномъ обществѣ козлиныхъ бурдюковъ, мы провели послѣднюю ночь, на жесткой тахтѣ. Толстый и красивый, какъ свекла, армянинъ только зажмурился на наше привѣтствіе.

— Скорѣй, Каранетъ... Часа черезъ два жарко стаетъ, тогда, пожалуй, опять у тебя придется остаться!

— Вай—вай! Завсымъ ничаво не паньмаю! Денга есть-сиды дома!... Тамъ гара балшой будытъ... Еще тва балшой гара!... Тышерча давай миңа мыльонъ, тры мыльонъ, чтобъ я хадылъ куда, хадылъ суда... Скажи: Каранетка — бери балшой тва тысачъ—бросай духанъ... Ны хачу!... Пыльмяныкъ есть у миңа завсымъ ешакъ (осель) будытъ кажи ему—стулай гулатъ... Нѣтъ, Тахта — лучи!... Ай-вай!

Какъ, впрочемъ, ни заманчива была философія духанщика, а ѣхать пора... Стали расплачиваться. Каранетка оказался человекомъ очень добросовѣстнымъ. За ужинъ, состоявшій изъ плова съ бараниной, нишлыка и грузинскаго сыра съ виномъ, и за ночлегъ съ насъ взяли два абазы (сорокъ копѣекъ). Мы расплатились и только что хотѣли выходить, какъ духанщикъ вынесъ намъ матчары — молодого вина, сладкаго, нѣжнаго и оныяющаго...

— Будышь назадъ, къ намъ хады! Гость будышь! Знакомъ будышь!

— Приѣдешъ въ Петербургъ, приѣзжай ко мнѣ Каранетка...

— Зачимъ Питирбургъ?... Я и Тиллизъ не бываль!... Далека!... Другой башка надо!...

Коней, по условію, мы должны были оставить въ слѣдующей деревнѣ. Тропинка, по которой намъ предстояло ѣхать, спускалась прямо внизъ, шла параллельно теченію Ріона, потомъ опять взбѣгала на гору Харминда, огибала ее по естественному карнизу, образуемому выступомъ громадной скалы, и, оставивъ въ сторонѣ развалины стариннаго замка, приводила въ горное село, гдѣ мы должны были пріютиться въ духанѣ у еврея-каранма, Богъ знаетъ какъ попавшаго въ эту глушь... Не успѣли мы сѣсть въ сѣдла, какъ изъ духана выскочилъ опять все тотъ же неизбѣжный Каранетъ.

— Пешкенъ (подарокъ) въ дорогу!

Смотримъ — двѣ бутылки мѣтнаго вина.

Мой товарищъ отблагодарилъ его сигарами, и мы, наконецъ, тронулись впередъ.

Спускъ былъ довольно крутъ. Кони невольно присѣдали на задъ, упираясь на переднія ноги. Кое-гдѣ имъ приходилось почти сѣзжать на хвостъ. Направо и налево изъ густой поросли, обдававшей насъ самыми оныяющими ароматами и силою усыпанной красными кистями цвѣтовъ, то и дѣло выдѣлялись сѣрыя скалы. Нѣкоторыя сверху были исполосованы трещинами, откуда, въ свою очередь, выбѣгали струйки боярышника и дикаго орѣшника... Крупныя обломки утесовъ лежали поперегъ дороги. Нужна была вся ловкость горскихъ лошадеюкъ, чтобъ взобраться на нихъ не споткнувшись и спуститься, не обломавъ ногъ о выступы кремнистыхъ гребней и горбинъ.

— Экая масса скаль.

— Да, она тутъ не даромъ лежить...

И мой спутникъ пустил нѣсколко колець синеватаго дыма, плавно распускавшягося въ прозрачномъ и чистомъ воздухѣ свѣжаго утреничка.

— То есть какъ же не даромъ?

— Мѣстные гурійцы рассказываютъ цѣлую легенду... Не знаю — повторять ли.

— Ну не кокетничайте. Выкладывайте, что вамъ извѣстно объ этомъ дѣлѣ.

— Знаете ли вы, что черти, какъ и люди, готовы терять голову отъ каждой юбки, попавшейся имъ навстрѣчу. Здѣсь, впрочемъ, правдыше, было бы свазать отъ каждаго бабихъ шальваръ, потому что кутаисскія грузинки юбокъ не носятъ. Впрочемъ, что касается здѣшнихъ женщинъ...

— Годубчикъ, нельзя ли безъ предисловія?...

— Я и забылъ, впрочемъ, что вы — цѣломудренный Іосифъ. Нужно вамъ знать, что здѣсь въ каждой горѣ свой шайтанъ есть. Исключеніе составляютъ только тѣ вершины, на которыхъ въ старину незапамятную рачинскіе князья или другіе владѣтели понастроили храмовъ. Тамъ, вмѣсто шайтана, живетъ ангель... На этихъ же двухъ горахъ, какъ сами изволите видѣть, ни одной церкви нѣтъ. Народъ здѣсь, какъ тогда, такъ и теперь, бѣдный былъ. Посмотрите-ка самый богатый изъ нихъ какъ живетъ — за человекъ страшно!... Ну, такъ здѣсь и тамъ было по шайтану, да и черти-то попались какъ нарочно, самыя злощія. Сколько изъ-за нихъ горя выходило — страсть! Случалось, въ темную ночь огоньками рассыплются надъ бездной, мигаютъ себѣ свозь туманъ. Путникъ прямо на нихъ и правитъ коня: аулъ, думаетъ... Утромъ только лошадь и его мертвыми находятъ внизу, на остріяхъ свалъ и на камняхъ долины. А то и дѣмъ тоже. Шайтанъ хитеръ былъ. Приметъ личину хорошевой дѣвушки и манитъ къ себѣ. Юноша, разумѣется, стремглавъ къ нему. Дѣвушка отъ него въ кусты. Только смѣхъ серебристый разсыпается вдальекъ, точно кто-нибудь на подносье серебряные абазы сыплеть... Смотришь и опять покажется. Пришпоритъ коня несчастный, за ней и кинется въ зеленую чащу, а за чащей — прямо внизъ пропасть! Не мало погубили эти шайтаны народа такимъ образомъ и старыхъ и малыхъ!

А сколько они съ бабами здѣшними пакостили—и рассказывать не хочется, особенно приятная въ соображеніе вашъ пуризмъ.

Лошадь многоголаиваго Аввакума споткнулась—и онъ чуть не перелетѣлъ черезъ голову ея.

— Вѣрно шайтанъ?...

— Нѣтъ... Заговорился... Подлець-дорога... Языкъ только прикусилъ.

— Не буду ли я этому неприятному обстоятельству обязанъ краткостью вашего рассказа?...

— Не ожидайте... Ну-съ, слушайте... Долго бы еще пара этихъ шайтановъ въ мѣрѣ и согласіи губила христіанскія души, еслибы сюда не замѣшалась любовь. Въ долинѣ появился старикъ грузинъ Дадіашвили съ дочкой Саломэ. Эту персону преданіе описываетъ какъ Елену-прекрасную, только до грѣхопаленія. Парысы въ Рачинскомъ уѣздѣ не въ модѣ...

Лошадь опять споткнулась...

— Вы, вѣрно, не кстаете держаете ее за поводъ?

— Есть тотъ грѣхъ.

Горскія лошади сами не споткнутся и не собьются съ дороги, если этому не поможетъ дерганіе за поводъ неумѣлаго ѣздока.

— Увидѣли Саломэ оба шайтана и велію въ сердцѣ своемъ любовь опутили. Одинъ изъ нихъ даже поэтомъ сдѣлался, и сталъ въ Газетѣ «Кавказъ» стихи свои печатать, а другой сдѣлался музыкантомъ и написалъ оперу Сарданана...

— Послушайте!... Пощадите же...

— Виноваты... влюбилась черти и стали обольщать дѣвушку. Одинъ ей конфеты отъ Кочкурова презентуетъ, другой пивничи у Огюста устраиваетъ, тропинниковъ, билеты въ Итальянскую...

— Это, наконецъ, невыносимо!

— Ну, стопъ, будетъ! Такъ какъ шайтаны не могутъ принимать личины крещенаго человѣка, то поневолѣ одному шайтану пришлось преобразиться въ татарина, а другому—въ еврея... Другихъ некрещеныхъ не было, потому что въ то время въѣзд почтеннаго сословія абхазовъ еще не существовало... Понятно что Саломэ, какъ истая грузинка, не хотѣла выходить замужъ за обрѣзанныхъ. Хотя я съ своей стороны...

— Послушайте!

— Задумались шайтаны, что имъ дѣлать. Обмануть дѣвушку нельзя было, потому что чортъ можетъ только обладать христіанкой съ ея согласія. Думали, думали и, наконецъ, каждый рѣшилъ, что ему другой мѣшаетъ. Съ этого самаго и началась у нихъ вражда. А что вы думаете: не выпить ли матчары по этой причинѣ?... Не даромъ же щедрый армянинъ Каранетка снабдилъ насъ этой амброзіей?...

Спѣшились и выпили.

— Собственнымъ языкомъ закусите, говорятъ вкусно...

— Ну, легенду, легенду!

— Началась между шайтанами вражда къ благополучію рода человѣческаго. Сбросить путника въ бездну одинъ шайтанъ, другой подхватить и невредимымъ до земли донесетъ. Прикинется дѣвушкой второй бѣсъ и только-что приведетъ къ опасному обрыву юношу, какъ вдругъ другой обернется звѣремъ и кинется навстрѣчу крещеной душѣ. Тотъ, конечно, назадъ—и чортъ съ носомъ! Враждовали такъ они долго. Саломэ даже замужъ успѣла выйти и наподить Ринсимію, Нину и Тамару. Черти даже и предметъ своей ссоры забыли въ непрестанныхъ помышленіяхъ какъ бы почувствительнѣе напакостить другъ другу. Короче, исторія Довгочуна съ Перерѣбенкой повторилась въ кавказскихъ горахъ, только, разумѣется, въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ.

Прямо надъ ухомъ послышался хриплый хлопокъ. Я оглянулся: громадный темносѣрый орелъ взлетѣлъ вверхъ, сжимая въ когтяхъ судорожно извивавшуюся змѣю...

— Ну-съ, наконецъ, черти опомнились и, по обычаю благороднаго рыцарства, рѣшили окончить свою вражду поединкомъ. Одинъ сталъ на вершинѣ той вонъ горы, а другой на этой—и давай швырять другъ въ друга камешками. А каждый камешекъ изъ цѣлаго утеса состоялъ. Швырялись они такъ три года и три дня. Засыпали всю долину камнями. Окрестности на сто верстъ кругомъ обезлюдѣли. Наконецъ, отшельнику, жившему въ предѣлахъ нынѣшняго Рачинскаго уѣзда, надоѣлъ постоянный прохоть, мѣшавшій ему молиться. Онъ и подвернулъ одному изъ шайтановъ камень отъ своей кельи. Тотъ-было обжогся этимъ камнемъ, да ничего стерпѣлъ и, винувъ, угодилъ

прямо въ лобъ своему врагу той стороной камня, на которой былъ крестъ взображенъ... Затряслась горы, послышался подземный гулъ, р. Ріонъ вышла изъ береговъ, поколебались гордые замки на своихъ утесахъ, разсѣлись доселѣ неприступныя вершины и, жертва пламенной любви, шайтанъ, раненый священнымъ камнемъ, провалился прямо въ адъ.

— Слѣдовательно, эти скалы?...

— Остатки трехлѣтняго поединка. У васъ, поди, когда Кронобергъ съ Блюхомъ сдѣлились, такой рамбави (шума, суматохи) не было?...

Солнце было довольно высоко. Становилось жарко, а до долины было еще далеко.

Зато какія чудныя перспективы одна за другою мѣнялись предъ нами. Въ сѣровато-голубой дымкѣ таинственныхъ далей тонули суровыя вершины, словно покрытыя серебряною сѣтью ручьевъ—глетчерами. За ними смутно мерещились другія горы, но взглядъ не могъ уже уловить ихъ, точно расплывающихся въ туманѣ, очертаній. Прямо подъ нами, внизу, въ глубокой котловинѣ, среди зеленого ковра садовъ и лѣсовъ, нѣсколько-ми руками разливался Ріонъ, граціозными излучинами огибая выступы горъ... А этотъ горный воздухъ, этотъ одуряющій запахъ южныхъ цвѣтовъ!...

Подъ влияніемъ ли величавыхъ картинъ Ріонской долины или по другой причинѣ, даже мой веселый собесѣдникъ притихъ, пристально взглядываясь впередъ.

— Какія богатства схоронены здѣсь. Жаль, некому ихъ разрабатывать.

— А что?

— Какъ же! Тутъ и каменный уголь встрѣчается, и богатыя ломки порфира и грюнштейна есть. А минеральные источники! Да помилуйте, въ одной глуши Рачинскаго уѣзда, по которому третій день шатаемся мы съ вами, сѣрныя, желѣзистыя, щелочныя и углекислыя воды есть. Мертваго воскресить.

— Полноте, какія тутъ воды?

— Въ Хцери, Химшѣ и Глолѣ, въ трехъ мѣстечкахъ. Столѣтняго старца восемнадцатилѣтнимъ юношей сдѣлають... Восторгался онъ.

— Послушайте: ври, да знай же мѣру.

— Чего ври. Спросите. Слава Богу, села эти извѣстны каждому, даже неучившемуся въ семинаріи. Да по всей Кутаисской губерніи, вы думаете, мало такихъ водъ: Аббасъ-Туманскія, Уравельскія, Аспанзенскія, Цинубакскія, Цхалтубійскія...

— Ради Бога! Въ ухахъ звѣнитъ. Повѣрю чему угодно, только перестанете...

Въ Рачинскомъ уѣздѣ находятся верховья р. Ріона. Ея окрестности, красивыя вообще, даже и въ низменной потійской равнинѣ, здѣсь поражаютъ своимъ величіемъ. Обставленные грандіозными вершинами Кавказа, рукава этой рѣки проникаютъ въ многочисленныя долины, словно дремлющія въ тѣни своихъ садовъ и въ прохладѣ дремучаго лѣса. По тихимъ водамъ Ріона плаваютъ только небольшія каюки, и то отъ устья красивой рѣчки Губисъ-цхвали, выпадающей въ Ріонъ въ предѣлахъ Кутаисскаго уѣзда...

Рачинскій уѣздъ—ключекъ Имеретіи, составлявшей нѣкогда самостоятельное государство. А именно въ 1442 г. грузинскій царь Александръ I раздѣлилъ свои владѣнія между тремя сыновьями, причемъ старшему Вахтангу досталась большая часть нынѣшней Кутаисской губерніи, носившей тогда названіе Эгрязъ или Имеретія. Владѣтели ея сначала носили титулъ эриставовъ, т. е. намѣстниковъ; но въ 1462 году эриставъ Багратъ, разбивъ грузинскаго царя Георгія, принялъ самъ титулъ царя Имеретіи. Нѣкоторое время эта несчастная страна находилась подъ властью Турціи, обезплодившей ее вслѣдствіе наложенія дани, по которой Имеретія должна была ежегодно отдавать завоевателямъ отъ 7 до 8,000 чел. въ невольничество. Имеретинскіе владыки не разъ обращались къ Россіи съ ходатайствомъ о помощи, и въ царствованіе Соломона I русскія войска первый разъ перешли Кавказскія горы, чтобы освободить Имеретію отъ турокъ. Въ 1804 году Соломонъ II вступилъ въ подданство Россіи; хотя черезъ шесть лѣтъ онъ и возсталъ противъ насъ, но, проигравъ сраженіе, долженъ былъ бѣжать въ Турцію, гдѣ и умеръ въ нищетѣ, оставленный всѣми...

В. Н.—Д.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

повѣсть

Э. Марлитта:

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ

(Продолженіе).

При этихъ послѣднихъ словахъ молодой дѣвушки фрейлина фонъ-Гизе отправилась въ гостинную, пови-

димому, очень недовольная—объясненія носили слишкомъ пикантный характеръ—но отецъ ея, старый пол-

Роза Помпонъ. Картина Бертрана, рис. К. Моранъ, гравир. Паннемакеръ-сынъ,

ковникъ въ отставку, только-что пріѣхалъ; нужно было встрѣтить его; коммерціи совѣтникъ тоже ушелъ.

Флора подошла опять къ роялю и взяла ноты. Кэта видѣла, какъ красивая грудь сестры подымалась отъ порывистаго дыханія, какъ маленькіе пальцы ея отъ внутренняго волненія судорожно сжимались. Кэта горько раскаявалась, что такъ безхитростно, просто съиграла въ этомъ кругу свое незначительное музыкальное произведение.

— Ты, конечно, слышала множество лестныхъ отзывовъ объ этомъ?—спросила Флора и показала правой рукой на заглавный листъ.

— Но отъ кого-же?—возразила Кэта.—Учителя мои не очень щедры на похвалы, какъ и докторша, а другія лица не знаютъ о моемъ авторствѣ; ты видишь, что имя компониста не означено.

— Но пьеску твою сильно расхвываютъ.

Кэта умолчала объ этомъ.

— Скажи по правдѣ! Она уже одинъ разъ была издаваема?

— Да.

Флора швырнула тетрадь на рояль. — Такой простушкѣ, съ этими красными, пухлыми щеками и съ этимъ невозмутимымъ душевнымъ спокойствіемъ, является слава во снѣ, а другія должны вести борьбу на жизнь и на смерть за каждый шагъ; онѣ гибнуть въ этой мучительной борьбѣ раньше, чѣмъ ими ихъ сдѣлается извѣстнымъ свѣту,—съ горечью въ голосъ произнесла Флора. Она сложила руки и стала медленно ходить по комнатѣ.

— Впрочемъ, что толку въ этомъ?—сказала она вдругъ остановясь, какъ-бы чувствуя облегченіе.—Самая блестящая ракета разсыпается въ воздухъ безъ всякаго слѣда, тогда какъ Везувій выбрасываетъ постоянно пламя; свѣтъ знаетъ о его существованіи, и, когда онъ извергаетъ огонь и лаву, сердце человѣка восторгается или трепещетъ. Подобно этому, теперь двое изъ фамиліи Мангольдовъ выступаютъ на арену. Увидимъ, Кэта, которая изъ насъ останется побѣдительницей?

— Только, навѣрно, не я,—воскликнула весело Кэта.— Я поостерегусь выступать на арену. Не подумай, однако, что я отношусь совершенно равнодушно къ славѣ! Видѣть, какъ произведеніями своими увлекаешь сердце другихъ, это—такое чувство, которое я описать не умѣю и которое я не отдала бы ни за какія сокровища въ мірѣ. Но жить только для этого? Нѣтъ, я вижу, что счастье заключается не въ этомъ: начто мнѣ и слава, если она оставляетъ меня въ одиночествѣ?

— Ага, вотъ въ чемъ заключается вся квинтъ-эссенція твоего воспитанія! чего эта Кукасъ непрерывно домогалась и въ концѣ концовъ все-таки добилась, такъ поступишь и ты—ты выйдешь замужъ.—Забывъ всякое приличіе, Флора громко расхохоталась.

Щеки молодой дѣвушки покрылись внезапно яркимъ румянцемъ.

— Ты хочешь и насмѣхаешься, какъ будто бы тебѣ и въ голову никогда не приходило сдѣлать то же самое,—сказала Кэта, будучи совершенно обезоружена и стараясь невольно умѣрить свой голосъ:—а между тѣмъ...

Флора протянула поспѣшно руку, какъ-бы желая наложить ее на уста дѣвушки.

— Прошу, ни слова болѣе! — сказала она повелительно. — Она сложила на груди руки и опустила медленно голову. — Да, моя очень умная барышня, я дѣйствительно на одинъ мигъ была столь слаба и ослѣплена, что позволила накрыть себя сѣтью; но, благодаря Бога, голова опять отрезвилась, я чувствую теперь себя достаточно сильною, чтобы завоевать себѣ опять независимость.

— А есть-ли у тебя совѣсть, Флора?

— И даже очень чувствительная, сокровище мое; она-то мнѣ и говоритъ теперь, что съ моей стороны

было величайшимъ легкомысліемъ позволить себѣ увлечься до такой степени. Ты, вѣроятно, знаешь изъ Священнаго Писанія, что каждый долженъ отвѣчать за то, какое употребленіе онъ сдѣлаетъ изъ своего клада. Всмотрись въ меня хорошенько! Неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, могла думать, что я, въ качествѣ жены доктора, буду стоять вѣкъ свой около очага и заниматься страпней? И для кого?— Она указала рукой на гостиную, изъ которой доносился теперь оживленный говоръ; съ появленіемъ стараго полковника Жонъ-Гизе небольшое общество оживилось; только докторъ Брукъ сидѣлъ одинъ у чайнаго стола и читалъ газету; повидимому, онъ былъ очень углубленъ въ чтеніе, когда къ нему возвратилась Генріэтта.

— Говорить-ли съ нимъ хоть одинъ мужчина?—спросила Флора Кэту.—Его презираютъ и совершенно основательно: онъ обманулъ меня и свѣтъ; предшествовавшая ему блестящая извѣстность была не что иное, какъ пустая реклама.

Она прервала рѣчь и поспѣшно удалилась въ свою комнату, чтобы избѣжать словоохотливаго полковника, который въ сопровожденіи дочери и коммерціи-совѣтника явился въ музыкальную комнату и представился Кэтѣ. По просьбѣ старика, молодая дѣвушка сѣла еще разъ за рояль, и очаровательные звуки вновь огласили комнату. Чудныя дѣла! Какими глазами глядѣлъ теперь на Кэту зять и опекунъ ея? Во взорахъ его отражалось непонятное внутреннее пламя. Это были уже не тѣ глаза, въ которыхъ еще такъ недавно выражались только братская любовь и дружба, когда коммерціи-совѣтникъ привозилъ изъ города своей хорошенькой родственницѣ коробки съ конфетами или великолѣпные букеты. Кэта давала ему всегда охотно руку, когда онъ бралъ ее во время разговора; она не сердилась, если, лаская, онъ разглаживалъ иногда на головкѣ ея кудри: Морицъ поступалъ съ ней, какъ отецъ съ своею дочерью. А теперь, когда звуки смолкли при громкихъ крикахъ восторга, онъ быстро подошелъ къ ней и положилъ свою руку на ея плечо.

— Кэта!—шепталъ онъ:—какъ напоминаешь ты Клотильду, твою покойную сестру. Но ты прекраснѣе, несравненно талантливѣе!

Она хотѣла отстранить его, но Морицъ схватилъ ея руку и не выпускалъ, точно желая удержать ее навѣкъ. Для присутствующихъ это было прелестной живою картиной, великолѣпной группой. Опекунъ съ гордостью и въ порывѣ увлеченія обнималъ свою питомицу, ребенка, довѣреннаго ему тестемъ. Только на блѣдномъ лицѣ Генріэтты выступилъ румянецъ; она улыбалась такъ странно... Докторъ Брукъ посмотрѣлъ на свои часы, потомъ украдкой подаль Генріэттѣ руку и воспользовался этой минутой, чтобъ удалиться незамѣтнымъ образомъ изъ гостиной.

X.

Со времени послѣдняго soirée прошла недѣля.

— Ужасно утомительная недѣля,—со вздохомъ восклицала измученная президентша и распекала въ то же время свою портниху за то, что наряды, заказанные къ восьмому дню этой утомительной недѣли, она приготовила не такъ, какъ слѣдовало: шлейфъ слишкомъ коротокъ, кружева недостаточно широки, матерія черезчуръ легка. Предстояло еще нѣсколько большихъ вечеровъ въ высшемъ кругу; сверхъ того, къ назначенному при дворѣ музыкальному вечеру съ живыми картинами Флорѣ нужно было сочинить стихотвореніе, которое она должна была прочесть на этомъ вечерѣ—словомъ, „едва“ находила время перевести духъ.

Генріэтта, въ виду своего болѣзненнаго состоянія, должна была избѣгать всякаго волненія, и Кэта, не взирая на то, что всякій разъ приглашаема была весьма любезно на эти вечера, оставалась дома, при больной дѣ-

вупшѣ. Онѣ, бесѣдуя вдвоемъ, пили чай въ музыкальной комнатѣ; Кэта рассказывала разныя веселыя исторіи и неутомимо играла на фортепьяно, употребляя всё свои усилія, чтобъ больная сестра не случала. При всемъ своемъ умѣ, при глубокомъ пониманіи всей фальши великосвѣтской жизни, Генріэтта была и оставалась, все-таки, дитей аристократическаго міра; она выросла въ гостини, въ средѣ аристократическихъ друзей и знакомыхъ своей бабушки; такимъ образомъ, нерѣдко, когда до слуха сестеръ долеталъ изъ города отдаленный гулъ экипажей, мчавшихся въ театръ или на вечеръ, Генріэтта съ горькой улыбкой на лицѣ сравнивала себя съ конемъ, за увѣчемъ выписаннымъ изъ строевой службы—конемъ, который, хромая и обезсилѣвъ, при звукахъ полковой трубы, наостряетъ уши и порывается примкнуть къ рядамъ бывшихъ своихъ боевыхъ товарищей.

Очаровательная, какъ фея, являлась Флора въ музыкальную комнату передъ отъѣздомъ на балъ или на вечеръ. Большею частью, на челѣ ея, промежъ бровей, замѣтна была складка, выражавшая неудовольствіе, а на устахъ—язвительная насмѣшка, касавшаяся преимущественно туалета бабушки, старавшейся всячески молодиться. Жалуюсь на потерю драгоценнаго времени, Флора набрасывала на свои роскошныя локоны, украшенные цвѣтами, легкую косыночку, приподнимала свой длинный шлейфъ и отправлялась, чтобъ сѣсть въ ожидавшій ее у подъѣзда экипажъ и „принести себя въ жертву“.

Коммерціи-совѣтникъ, дней шесть тому назадъ, уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Берлинъ. Онъ писалъ ежедневно президентшѣ „по истинѣ золотыя письма“, говорила она, многозначительно улыбаясь. Третьяго - дня доставлены были для трехъ сестеръ великолѣпныя букеты; однако, госпожа президентша, увидавъ букеты, не улыбалась. Флорѣ и Генріэттѣ любезный зятекъ прислалъ камеліи и фіалки, а Кэтѣ—букетъ, составленный изъ бѣлыхъ розъ, цвѣтовъ апельсиннаго дерева и мирты. Президентшѣ, можетъ быть, и не пришелъ бы на умъ языкъ цвѣтовъ; она вынула ихъ изъ ящика и только-что хотѣла послать наверхъ букеты, назначенные для Кэты и Генріэтты, какъ Флора, сильно смѣясь, указала пальчикомъ на говорившій такъ много подборъ цвѣтовъ. Лицо старой дамы вытянулось и какъ-то осунулось.

— Неужели, бабушка, ты и въ самомъ дѣлѣ думала, что Морницъ будетъ покупать себѣ за такую громадную сумму дворянское званіе для того, чтобъ родъ его могъ прекратиться?—съ презрительно злымъ выраженіемъ въ лицѣ воскликнула Флора.—Ты должна была знать, что такой человекъ, какъ онъ, еще не старый, довольно богатый и красивый, не будетъ оставаться вѣкъ свой вдовцемъ! И онъ ухаживаетъ за Кэтей недаромъ; объ этомъ я знаю лучше всѣхъ.

Вслѣдствіе этого, повидимому, незначительнаго событія, въ виллѣ Баумгартенъ произошелъ страшный переполохъ. Кэта, не подозрѣвая о случившемся, sprysнула свѣжей водой цвѣты, чтобъ они не такъ скоро завяли, и поставила букетъ на окно, не обративъ никакого вниманія на тотъ смыслъ, который придавали цвѣтамъ.

А президентша съ ужасомъ думала о женщинѣ въ сѣромъ платьѣ, расхаживавшей по ея покоямъ, помрачавшей блескъ бархатной мебели, золоченыхъ бронзъ и мейсенскихъ фарфоровъ—блескъ, на который люди смотрѣли такъ часто съ какою-то завистью; женщина эта сидѣла въ зимнемъ саду на любимомъ мѣстѣ президентши и присутствіемъ своимъ отравляла жизнь старой дамы. Президентша заботилась о своемъ будущемъ, какъ будто-бы прожила только четверть вѣка; коммерціи-совѣтникъ не долженъ жениться вторично. Посредствомъ своихъ связей, своего общественнаго положенія, она вывела его въ люди; по милости ея, домъ его превра-

тился въ маленькій замокъ, на который смотрѣли съ завистью даже самыя избалованные люди; и развѣ она не принесла значительной жертвы, ставъ нѣкогда во главѣ очень обыкновеннаго, мѣщанскаго дома? А теперь, когда все устроилось такъ, какъ она желала—вдругъ молодая госпожа фонъ - Рэмеръ, которая здѣсь внизу, въ великолѣпныхъ покояхъ, будетъ принимать гостей, а кто пожелаетъ видѣть госпожу президентшу Урахъ, тотъ долженъ подняться наверхъ, въ комнату, отведенную „бабушкѣ“. Даже Флору, дитя ея родной дочери, не желала бы президентша видѣть хозяйкой этого дома, не говоря уже о внучкѣ „замковаго“ мельника. Госпожа президентша стала вдругъ сильно интересоваться отъѣздомъ Кэты обратно въ Дрезденъ; она старалась казаться озабоченною, что въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ будутъ манкировать дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ чудныхъ музыкальныхъ способностей, и, въ концѣ концовъ, рѣшилась отвезти молодую дѣвушку въ Дрезденъ.

Кэта молча выслушивала всѣ эти изысканныя любезности. Она ждала—не разрѣшится ли докторъ Брукъ Генріэттѣ проводить сестру. Однако, онъ не давалъ такого разрѣшенія, вѣроятно потому, что больная находилась въ это время въ крайне раздражительномъ состояніи. Онъ аккуратно являлся каждое утро въ назначенный часъ. Комнаты обѣихъ сестеръ находились рядомъ и дверь изъ одной комнаты въ другую была постоянно открыта. Кэта могла слышать голосъ доктора, ласково старавшагося успокоить больную; онъ залетелъ, бывало, такимъ задушевнымъ смѣхомъ, что Генріэтта невольно соглашалась. Для Кэты этотъ звонкій, веселый и въ то же время сдержанный смѣхъ имѣлъ какую-то особую прелесть—онъ свидѣтельствовалъ о младенческой свѣжести души; молодая дѣвушка видѣла ясно, что докторъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, въ своей будущности, что онъ будетъ слѣдовать неуклонно по избранному имъ пути, не взирая на тысячи встрѣчаемыхъ имъ неприятностей и обидъ.

Она сама не заговаривала съ нимъ. Въ часъ, назначенный для визита доктора, сидя большею частью за своимъ рабочимъ столикомъ, она могла видѣть, какъ онъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Хотя сестры и были почти неразлучны, однако, незадолго предъ приходомъ врача, Генріэтта уходила всегда въ свою комнату и всячески остерегалась вмѣшиваться въ бесѣду, происходившую между докторомъ и его пациенткой. Съ тетужкой же діакониссой случалось бесѣдовать Кэтѣ довольно часто, и именно въ „замковой“ мельницѣ. Старушка посѣщала Сузу ежедневно, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ жили почти рядомъ; она носила ей разное кушанье и варенье и просиживала вечерней порой по цѣлымъ часамъ у экономки.

Это была славное времячко въ „замковой“ мельницѣ. Почтенная старушка рассказывала о своихъ молодыхъ лѣтахъ, о своемъ выходѣ замужъ, о жизни въ деревнѣ; она описывала то печальное время, когда взяла доктора, тогда еще семилѣтняго ребенка, изъ родительскаго дома, такъ какъ отецъ и мать его умерли почти въ одно время. О чемъ бы ни заговорила старушка—о своей-ли веселой молодости, или о счастливой супружеской жизни, она постоянно и вездѣ въ описаніяхъ своихъ примѣшивала имя доктора, который сталъ солнечнымъ свѣтомъ ея жизни, какъ она увѣряла.

Уходя домой, Кэта провожала старушку до моста, перекинутаго чрезъ быструю рѣчку; маленькая рука тетужки покоилась на рукѣ молодой дѣвушки; онѣ шли какъ родныя, точно имъ *вмѣстѣ* нужно перейти чрезъ мостикъ и войти въ „домъ доктора“,—въ домъ, который такъ тихо и мирно, въ сторонѣ отъ свѣта и обвитый вечернимъ сумракомъ, стоялъ за лѣсомъ. Вечера въ эту пору были еще довольно свѣжіе; надъ темнымъ лѣсомъ висѣли туманныя облака, въ воздухѣ была сырость,

Крето Павловичъ. Богданъ Симонячъ.

Милванъ Божковичъ.

Лазарь Сочица.

Пейко Павловичъ.

Военный совѣтъ въ лагерѣ Пейко Павловича.

пропитывающая пазвовоз одежду. Въ такую пору приятно укрыться подъ гостеприимнымъ кровомъ, въ которомъ пылаеть въ очагѣ веселый огонекъ. По обыкновенію, въ угольной комнатѣ горѣла уже лампа подъ зеленымъ колакомъ; чрезъ незанавѣшенное окно свѣтъ ея падалъ на мостъ. Старушка входила въ домъ, послѣднія ставни были закрываемы и тамъ въ уголку, у камина, гдѣ лежалъ зеленый полинялый коверъ и у круглаго стола стояло кресло съ высокой стѣнкой, приготовляла она, не нарушая царствующей въ комнатѣ тишины, скромный ужинъ и съ вязальной иглой и чулкомъ въ рукахъ ждала, пока докторъ окончитъ свои размышленія...

Нерѣдко рассказывала она объ этомъ молодой дѣвушкѣ во время вечерняго пути; останавливалась даже на одну минуту на мосту, окидывала взоромъ свое тихое убѣжище и съ улыбкой на добромъ лицѣ указывала на человека, который, работая, склонилъ свою темнорусую голову надъ письменнымъ столомъ. Докторъ, обыкновенно, поднимался съ своего стула и отворялъ окно, потому что вновь-заведенная цѣпная собака бросалась съ страшнымъ лаемъ на приближающихся.— Тетушка, это ты?—спрашивалъ онъ. При этихъ словахъ, Кэта, наскоро простясь со старушкой и пожелавъ ей доброй ночи, спѣшила отправиться домой; ей представлялось, точно ее вытолкали; такое-же чувство, можетъ быть, будетъ испытывать и онъ, если ему удастся только укротить Флору, когда, возвратясь усталый домой, встрѣченъ будетъ холоднымъ поклономъ жены, этой души домашней жизни; жена приметъ его или сядя за своимъ письменнымъ столомъ, или вырядившись къ балу.

На седьмой день послѣ отъѣзда коммерціи-совѣтника, получено было изъ Берлина извѣстіе о томъ, что бумагопрядильная фабрика продана. Президентша была такъ обрадована этою новостью, что, не снимая еще своего спальнаго капота изъ кашемировой матеріи, съ письмомъ въ рукѣ подвинулась по лѣстницѣ въ бельэтажъ и вошла въ комнату Генріэтты, гдѣ была въ это время и Флора.

Старая дама сѣла въ кресло и принялась рассказывать.

— Славу Богу, что Морицъ покончилъ!—сказала она въ веселомъ настроеніи духа.

— Онъ устроилъ великолѣпное дѣло; за заведеніе даютъ ему такую славную цѣну, что онъ изумленъ.

— Она положила свои руки на столъ и, повидимому, была очень довольна.

— Теперь онъ окончательно прерветъ всякую связь съ своимъ купеческимъ прошлымъ. Такимъ образомъ, прекращаются и фатальныя отношенія его къ такъ-называемымъ дѣловымъ друзьямъ; припомните только, какъ часто приглашаемы были къ обѣду неотесанные гости, которымъ гораздо умѣстнѣе было бы сидѣть за лакейскимъ столомъ! Боже мой, какое это было тяжелое, затруднительное положеніе! Да, приходилось иногда только молчать и стараться преодолѣвать себя...

— Брукъ позволилъ тебѣ сегодня маленькую прогулку, Генріэтта?—спросила старая дама.

— Онъ разрѣшилъ мнѣ погулять недолго въ лѣсу, принадлежащемъ городу, и подышать смолистымъ воздухомъ сосенъ и елокъ.

— Въ такомъ случаѣ я присоединяюсь,—сказала Флора.—Мнѣ необходимъ воздухъ, чтобы не задохнуться подъ бременемъ невзгодъ, которыми судьбѣ угодно было надѣлать меня.

Она подала президентшѣ руку, чтобы помочь ей спуститься съ лѣстницы.

Генріэтта съ гнѣвомъ топнула ножкой; она чуть не плакала съ досады; но не могла помѣшать своей хорошенькой сестрѣ явиться послѣ обѣда для прогулки въ лѣсу, въ бѣлой пуховой шляпѣ и съ вѣеромъ изъ пальмовыхъ листьевъ.

Былъ великолѣпный апрѣльскій день, съ безоблачнымъ синимъ небомъ, живительными солнечными лучами и воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ равнинныхъ фиалокъ. Обнаженный лѣсъ еще не покрылся своимъ зеленымъ покровомъ, зеленѣла только молодая травка и мелкій кустарникъ а. тамъ-и-сямъ изъ сыраго мха выглядывали длинноствольныя бѣлыя колокольчики. Кэта занялась собираніемъ этихъ маленькихъ цвѣточковъ, въ то время какъ Генріэтта и Флора оставались на узкой дорожкѣ, ведущей въ глубь темнаго бора.

Вдругъ изо рта Генріэтты потекла кровь ручьями.

Кэта подхватила руками сестру и опустилась съ ней на землю. Она прислонилась спиной къ соснѣ и положила голову больной къ себѣ на грудь. Въ такомъ положеніи, прекратилось постепенно истеченіе крови.

— Сбѣгай за помощью,—не отводя своихъ заплаканныхъ глазъ съ помертвѣвшаго лица больной, сказала Кэта Флорѣ, которая со страхомъ смотрѣла на сестеръ, прижимая къ своей груди судорожно сложенные руки.

— Не сошла-ли ты съ ума?—отвѣчала Флора сдержаннымъ тономъ.—Одна я не тронусь съ мѣста. Мы должны попытаться унести отсюда Генріэтту.

Кэта не промолвила ни слова; она видѣла, что обращалась напрасно къ этому безграничному эгоизму. Принявъ разныя предосторожности, Кэта взяла къ себѣ на руки Генріэтту и понесла ее какъ ребенка; голова дѣвушки, все еще неприводившей въ себя, покоилась на плечѣ сестры. Тщательно избѣгая малѣйшаго каменка и неровности пути, Кэта употребляла все свои усилія, чтобы не потревожить Генріэтту какимъ-либо неосторожнымъ движеніемъ. Хотя эти усилія и значительно затрудняли ее, но остановиться хоть разъ на минуту и перевести духъ она не рѣшалась.

— Отдохнемъ, сколько угодно, когда выйдемъ въ поле—только не здѣсь.

XI.

Но вотъ, наконецъ, онѣ добрались до обширнаго поля, залитаго лучами солнца. Кэта на минуточку прислонилась къ высокому каменному столбу, стоявшему на пограничной линіи, осѣненному могучимъ дубомъ. На нѣкоторомъ разстояніи отсюда на наши работали люди, которые и могли, въ случаѣ чего, услышать крики зовущихъ на помощь; да и городъ, со своими башнями, былъ въ виду, а вонъ тамъ, поближе — дорога, ведущая къ воротамъ парка помѣстья Баугартеновъ.

Кэта смотрѣла только по одному направленію, глаза ея были устремлены на одинъ пунктъ (Флора не видѣла его)—именно на низенькую крышу съ высокими трубами и позолоченными флюгерами. Притаившись за чащей фруктовыхъ деревьевъ, крыша эта казалась такою скромною, мирною... Молодая дѣвушка даже хорошо видѣла палисадникъ, окаймлявшій фруктовый садъ. Это былъ ближайшій пунктъ: до парка—гораздо дальше, а потому, немного отдохнувъ, Кэта, молча, направилась туда.

— Э, куда-жь это ты?—крикнула Флора, уже успѣвшая сдѣлать нѣсколько шаговъ по дорогѣ къ парку.

— Въ домъ доктора Брука,—отвѣтила та, преспокойно идя впередъ.—Это ближе, да тамъ и постель для Генріэтты найдется, а, пожалуй, сейчасъ-же ей и помощь окажутъ: авось, на счастье, докторъ дома.

Флора нахмурила брови и, не сказавъ ни слова, поспѣловала за Кэтой.

Имъ пришлось теперь идти прямо по полю. Неимоверно-тяжелый трудъ приняла на себя Кэта. Тутъ для прохожихъ не было дороги; идя по мягкой, разрыхленной почвѣ, чрезвычайно неровной и каменистой, молодая дѣвушка, при каждомъ невѣрномъ шагѣ, чувствовала, какъ кровь стынетъ въ жилахъ у нея—такъ ей было страшно при мысли: а ну какъ съ Генріэттой опять сдѣлается тотъ ужасный припадокъ?... Вдобавокъ

еще лучи солнца, горячаго какъ въ августѣ, жгли ея непокрытую голову; повременамъ Кэта видѣла, какъ все передъ ней освѣщалось какимъ-то страшнымъ красновато-желтымъ огнемъ, и тогда ей казалось, что она отъ изнеможенія свалится съ ногъ.. Но въ такіа мгновения дѣвушка настойчивѣе, упрямѣе устремляла взглядъ свой на докторскій домикъ, который будто самъ все ближе и ближе подвигался къ ней, представляя прелестный образъ сельскаго мира и благодѣтельнаго для души успокоенія. Теперь она могла совсѣмъ ясно видѣть, что даже дѣлалось въ палисадникѣ, и, несмотря на тревожное состояніе духа и утомленіе, сердце ея ощутило тихую радость. Работникъ въ бѣлой рубашкѣ вступилъ надъ устройствомъ бесѣдки изъ сосновыхъ вѣтвей—бесѣдки, для тетюшки-дьякониссы. Старушка не могла забыть, что въ небольшомъ садикѣ при церковномъ домѣ она имѣла бесѣдочку, густо обросшую виноградными лозами.. И съ тѣхъ поръ не приходилось ей посидѣть на чистомъ воздухѣ, среди зелени... Ахъ, какая радость готовится теперь для ея скромнаго сердца!.. А вотъ и сама тетюшка спустилась со ступенекъ крыльца... Она въ бѣломъ чепчикѣ и голубомъ полотняномъ кухонномъ передникѣ; въ рукахъ у нея тарелка—это она несетъ полдникъ работнику. Заговорила съ нимъ о чемъ-то, да какъ оживленно.. Ни тетюшкѣ, ни работнику и въ голову не придетъ обернуться и посмотреть въ поле. Кэта колебалась—позвать-ли на помощь или не беспокоить ихъ, но въ эту самую минуту въ дверяхъ дома появился и самъ докторъ.

— Брукъ!—крикнула издали Флора своимъ звонко-серебристымъ голосомъ.

Онъ приостановился, съ секунду поглядѣлъ на странную группу, приближавшуюся къ его дому, потомъ бросился къ калиткѣ палисадника, рванулъ ее и выбѣжалъ въ поле.

— Боже мой, что такое случилось?!—воскликнулъ докторъ, еще не добѣжавъ до нихъ.

— Вотъ у этой бѣдняжки (она указала на Генриэтту) кровь хлынула изъ горла.

Брукъ искоса взглянулъ на Флору и поспѣшилъ принять больную изъ рукъ Кэты.

— Вы чрезмѣрно... до невозможности напрягли свои силы,—сказалъ онъ ей и тревожно-озабоченнымъ взглядомъ окинулъ фигуру молодой дѣвушки..

Даже видно было, какъ нервная дрожь пробѣжала по тѣлу Кэты; она судорожно закусилла нижнюю губу; щеки ея, просто, пылали.. Казалось, разгоряченная кровь сейчасъ брызнетъ, прорвавъ нѣжную бархатную кожу... А тутъ, возлѣ нея, стояла Флора; она ровно, спокойно дышала, и на ея прекрасномъ лицѣ сіялъ такой удивительный, неуловимый румянецъ душевнаго волненія.

— Тебѣ не слѣдовало бы все бремя сваливать на сестру,—замѣтилъ Брукъ своей невѣстѣ, стараясь какъ можно осторожнѣе нести безчувственную Генриэтту.

— Брукъ, какъ ты можешь требовать этого отъ меня?—воскликнула она, видимо оскорбившись.—А впрочемъ, ты совершенно напрасно, другъ мой, потрудился изрекать подобное наставленіе... Это излишне съ твоей стороны,—прибавила Флора какъ-то особенно рѣзко.—Я знаю свои обязанности... можетъ быть, я готова была, по собственному побужденію, взять и нести Генриэтту, но я должна была предостеречь себя: при слабомъ моемъ тѣлосложеніи—это было бы просто... безуміемъ! Да, наконецъ, Кэта такая здоровая, дужая Валькирія, что подобное напряженіе навѣрно не повредитъ ей.

Брукъ ничего не сказалъ на это, онъ только крикнулъ подходившей тетюшкѣ—приготовить поскорѣе постель для больной. Старушка побѣжала обратно такъ шибко, какъ только могла, и скрылась въ домѣ, а когда они всѣ вошли въ сѣни, она встрѣтила ихъ у растворенной двери, которая вела въ комнату съ ок-

нами на западъ, и молча, съ удивленнымъ лицомъ, кивнувъ головой, пригласила войти туда.

Комната эта была ея гостиной, такая свѣтлая, просторная, однако съ помытертымъ поломъ и порядкомъ полинявшими стѣнами, когда-то выкрашенными розовой краской; чудовищная печка изъ черныхъ израсцовъ занимала тутъ видное мѣсто. Новенькія, съ розовыми букетами, ситцевыя занавѣски на окнахъ представляли, можетъ быть, единственную роскошь, которую позволила себѣ тетюшка-дьяконисса, переѣхавъ въ новое жилище. У изголовья кровати стояли старинныя ширмы, оклеенныя китайскими фигурками, а стѣны комнаты были украшены картинками въ черныхъ рамкахъ, изображавшими (несовсѣмъ-то искусно) сцены изъ хорошеющей идилліи Фоса „Луиза“. Славнымъ, чистымъ воздухомъ, съ примѣсью запаха лаванды, такъ и повѣяло на вошедшихъ.

На молодомъ челѣ доктора нельзя было не замѣтить серьезнаго безпокойства. Только послѣ долгихъ усилій ему удалось привести Генриэтту въ чувство: она открыла глаза, но они смотрѣли безцѣльно и какъ-будто были накрыты прозрачнымъ флѣромъ; однако, больная сейчасъ-же узнала Брука, хотѣла поднять руку съ одѣяла, подать ее ему, но чрезвычайная слабость лишила ее возможности сдѣлать это.

Докторъ послалъ работника (того самаго, что устраивалъ бесѣдку въ саду) на виллу коммерціи-совѣтника, чтобы увѣдомить президентшу о случившемся.

Президентша не заставила себя долго ждать. До появленія ея никто не проронилъ ни одного слова въ комнатѣ больной. Флора стояла у окна и безцѣльно глядѣла куда-то; у другаго—сидѣла Кэта, сложивъ руки на колѣняхъ и устремивъ глаза на кровать; тетюшка неслышными шагами входила и выходила, принося и подавая доктору то, что онъ требовалъ.

Президентша казалась весьма разстроенной; она видимо испугалась, когда увидѣла среди подушекъ бѣлое какъ воскъ лицо Генриэтты.. Обратившись къ ней съ кроткими словами, она замѣтила, что больная не открыла даже глазъ (а они закрылись въ то самое мгновеніе, когда бабушка переступила порогъ комнаты)... Мысль о дурномъ исходѣ сильно встревожила президентшу.

Брукъ молчалъ. Кротость, невозмутимое спокойствіе, написанныя на его молодомъ, прекрасномъ лицѣ, указывали на умственное и нравственное превосходство этой личности. Держа въ рукѣ своей ручку Генриэтты, онъ, кажется, только и видѣлъ предъ собой это существо, съ слабыми признаками жизни—жизни, готовой угаснуть, исчезнуть.

Почтенная дама приблизилась къ кровати и, притаивъ дыханіе, склонилась надъ больной.

— Господинъ докторъ,—заговорила она послѣ минутной нерѣшимости:—положеніе больной кажется мнѣ весьма опаснымъ, а потому не пригласить-ли намъ на консультацію моего стараго, опытнаго друга и домашняго врача—тайнаго совѣтника ф. Бэра?... Сердиться на меня за это вы не должны...

— Нисколько не сержусь, г-жа президентша,—отвѣтилъ Брукъ и положилъ на одѣяло дрогнувшую руку Генриэтты.—Я даже обязанъ сдѣлать все для вашего успокоенія.

Онъ спокойно всталъ и вышелъ изъ комнаты, чтобы послать за домашнимъ врачомъ президентши.

— О, Боже мой, какую штуку сыграли вы, принесли сюда Генриэтту!—быстро и понизивъ голосъ проговорила почтенная дама, лишь только дверь затворилась за Брукомъ.

— Виною этому—премудрость Кэты,—возразила Флора съ особеннымъ ожесточеніемъ.—Ее ты и упрекай въ томъ, что намъ, быть можетъ, придется нѣсколько недѣль подрядъ ходить въ это заброшенное гнѣздо!..

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Изъ огня да въ полымя.

1

4

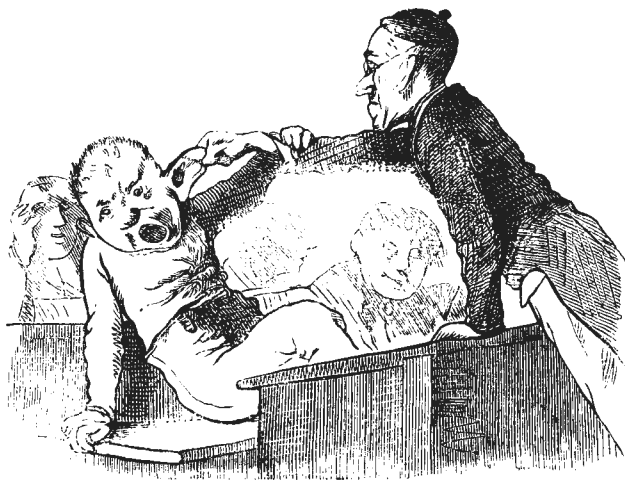
2

5

3

6

Она бросила гнѣвный взглядъ на молчаливо-сидѣвшую у окна дѣвушку и прибавила:

— И что это за небрежность — уложить это бѣдное созданье такъ, что каждый разъ, какъ она откроетъ глаза, будетъ видѣть предъ собой эту безобразную черную печку!... Кстати, хороши вонъ и рожи на стѣнахъ: испугаться можно!..

Президентша пропустила эти наивныя замѣчанія ми-

мо ушей, отвернулась отъ Флоры и стала осматривать кровать.

— Постель, впрочемъ, еще сносна; бѣлье, по крайней мѣрѣ, бѣлое и мягкое, но, все-таки, велю принести сюда шелковое стеганое одѣяло Генріэтты, а также удобное кресло для г. ф. Вэра... А прежде всего — другой умывальный приборъ! Вѣдь это — бѣлый фаянсъ! — презрительно замѣтила она и начала сдвигать на умываль-

Продолженіе въ прибавл. на стр. 218, 214, 215 и 216.

номъ столикъ чистенькую посуду, чтобы дать мѣсто своему разрисованному, позолоченному фарфору.—Боже, какъ жалко живутъ подобные люди!... И не чувствуютъ даже этого... Не желаешь-ли, мой ангелъ, чего-нибудь?—вдругъ спросила президентша такимъ добрымъ голосомъ, снова подойдя къ кровати.

Генріэтта медленно приподняла голову и безпокойнымъ взглядомъ окинула комнату, но, завидя подходившую къ ней бабушку, сейчасъ-же закрыла глаза.. Однако, силы у нея было уже настолько, что она могла отстранить руку президентши, которая ласково гладила ее по правой рукѣ.

— Упряма, какъ всегда!—вдохнула президентша и усѣлась на стулъ возлѣ кровати.

Докторъ фонъ-Бэръ тоже не заставилъ себя ждать, но онъ явился совсѣмъ смущеннымъ... Прежде всего его ставило въ туникъ то обстоятельство, какимъ это образомъ онъ встрѣчаетъ своего стараго друга, президентшу, здѣсь, въ этомъ домикѣ?.. Ему, разумѣется, въ краткихъ чертахъ сообщили о случившемся—и онъ успокоился. Это былъ видный мужчина, уже пожилыхъ лѣтъ, отполированный съ ногъ до головы, съ сдержанными манерами, изобличавшими, однако, духъ высококомѣрія. Г. ф.-Бэръ состоялъ лейбъ-медикомъ при дворѣ владѣтельнаго фюрста. Заслуги его были щедро вознаграждены: онъ получилъ дворянскую грамоту, изрядную кучу орденовъ и нѣсколько золотыхъ табакерокъ, осыпанныхъ алмазами. Великолѣпный экипажъ его стоялъ за мостомъ.

—И-не хорошо, очъчень не хорошо!—произнесъ онъ, подходя съ озабоченнымъ видомъ къ кровати.

Лейбъ-медикъ съ минуту пристально глядѣлъ на пациентку, а потомъ принялся выстукивать ей больную грудь. Хотя онъ постукивалъ весьма осторожно, однако Генріэтта застонала.. Частые удары, очевидно, причиняли ей чувствительную боль.

Брукъ, скрестивъ руки на груди, молча стоялъ возлѣ г. ф.-Бэра и даже глазомъ не моргнулъ; но, когда Генріэтта застонала, онъ нахмурилъ брови... Болѣзнь уже настолько развилась, что такое продолжительное, аккуратное изслѣдованіе больной было дѣломъ совершенно излишнимъ.

— Г. докторъ, могу я сообщить вамъ свои наблюденія?—спросилъ Брукъ спокойнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразительнымъ тономъ, чтобы положить конецъ бесполезному выстукиванью.

Старикъ, метнувъ глазами вверхъ, какъ-то бокомъ взглянулъ на молодаго человѣка. Взглядъ этотъ, сверкнувшій изъ глубокихъ глазныхъ впадинъ важнаго доктора, былъ такъ ядовитъ, что, кажется, на самаго злѣйшаго, ненавистнѣйшаго врага ядовитѣе и взглянуть было невозможно.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, господинъ коллега, лично мнѣ самому изслѣдовать больную,—холодно отвѣтилъ онъ, и сталъ продолжать свои изслѣдованія. Прошло нѣсколько секундъ...—Такъ-съ! Ну, теперь я къ вашимъ услугамъ.

Лейбъ-медикъ отошелъ отъ кровати и послѣдовалъ за Брукомъ, который уходилъ въ свою рабочую комнату.

Какъ только они вышли—Генріэтта открыла глаза. На щечахъ ея, вслѣдствіе душевной тревоги, горѣлъ румянецъ, непредвѣщавшій ничего хорошаго. Сильно жестикулируя, она рѣзкимъ голосомъ потребовала къ себѣ своего врача Брука.

Президентша съ трудомъ сдержала порывъ досады при видѣ такого „безграничнаго упрямства“, однако безъ всякаго возраженія поспѣшила исполнить желаніе больной. Она боялась помѣшать консультаціи, но, войдя въ кабинетъ, увидѣла, что нисколько не помѣшала имъ. Его превосходительство, конечно, и не думалъ воспользоваться результатомъ наблюденій молодаго доктора и,

разумѣется, не соблаговолилъ посовѣтоваться съ нимъ... Г. ф.-Бэръ только-что усѣлся за письменный столъ хозяина, чтобы прописать рецептъ.

Брукъ немедленно оставилъ кабинетъ, а президентша подошла къ своему „старому“ другу и спросила, чтѣ думаетъ онъ насчетъ положенія больной?

Генераль заговорилъ довольно ядовито (онъ видимо былъ не въ духѣ), прямо указавъ на то, что лечение ведено до сихъ поръ совершенно неправильно, и упрекнулъ почтенную даму въ томъ, что, вотъ, только въ критическія минуты находятъ нужнымъ „обратиться къ кому слѣдуетъ“... Бабушкѣ надо было бы ужъ давно покорить упрямую головку Генріэтты, пригласить стараго домашняго врача и пользоваться его совѣтами, такъ какъ онъ лечилъ Генріэтту, когда она была еще ребенкомъ. Въ подобныхъ случаяхъ обращать вниманіе на личныя отношенія просто... безсовѣстно, а это-то и было допущено—напримѣръ, относительно женнаха Флоры...

— Да-съ, и прежде всего, всемилостивѣйшая моя государыня, намъ надлежитъ распорядиться, какъ можно скорѣе перенести эту бѣдную малютку въ ея собственную комфортабельную спаленку,—прибавилъ г. ф.-Бэръ:—она будетъ лучше чувствовать себя среди обычной для нея обстановки, да и я могу быть тогда увѣренъ, что предписанія мои въ точности будутъ исполняться... Здѣсь-же, по всей вѣроятности, на это не обратятъ никакого вниманія.

Лейбъ-медикъ обмакнулъ перо и... но тутъ взглядъ его упалъ на открытый изыщный ящичекъ, стоявшій возлѣ книгъ и письменныхъ принадлежностей. Ящичекъ этотъ, какъ кажется, былъ только-что вскрытъ, потому что кусокъ клеенки, въ которую онъ былъ зашитъ, лежалъ тутъ-же.

Президентша взглянула на цвѣтущее лицо своего „старога, испытаннаго друга“ и чрезвычайно удивилась, потому что никогда еще не видала его такимъ вытянутымъ, такимъ невыразимо (до глупости) озадаченнымъ, какъ въ эту минуту... Перо даже выпало изъ рукъ его превосходительства.

—Боже мой! Да вѣдь это—орденъ герцогскаго Д—аго дома,—проговорилъ онъ какъ-то робко и постукалъ пальцемъ по ящичку:—но какими судьбами попалъ этотъ орденъ сюда?... Адресъ-то такой... малоизвѣстный!

— Мм... странно,—пробормотала президентша въ смущеніи, и блѣдное лицо ея даже зарумянилось отъ неприятной неожиданности. Она поднесла къ глазамъ лорнетъ и внимательно стала разсматривать знакъ отличія, лежавшій въ ящичкѣ.—Не знаю я этого ордена, не знаю, какое значеніе имѣетъ онъ, но...

— Охотно вѣрю, что вы не знаете этого!—перебилъ докторъ. Его дають весьма рѣдко!

— Но, — продолжала президентша:—я даже готова предположить, что орденъ этотъ получилъ онъ во время послѣдней войны.

— Выбросьте это изъ головы!—буркнулъ генераль.—Онъ, должно быть, находился въ очень ужъ возбужденномъ состояніи, если позволилъ себѣ буркнуть въ разговорѣ съ „старымъ другомъ“.—Нѣтъ-съ, орденъ этотъ, во-первыхъ, учрежденъ съ единственною цѣлью—наградить лицо, заслужившее благодарность за оказанную имъ услугу лично герцогской фамиліи, а во-вторыхъ—хотѣлось бы мнѣ видѣть человѣка, который, обладая такимъ знакомъ отличія, бывъ участникомъ въ войнѣ, сталъ бы такъ долго скрывать его отъ свѣта!... Эхъ, если бы я только зналъ, какими это судьбами... какимъ это образомъ?..

Почтенный медикъ, какъ-бы въ забытіи, безпрестанно потиралъ себѣ лобъ правою рукою, на пальцахъ которой блестяли, по крайней мѣрѣ, три алмаза—все знаки милостиваго вниманія къ нему фюрста.. Да, но въ настоящую минуту, чтѣ значили для него эти „зна-

ки?... Это были подарки—не болѣе... Высокопоставленныя лица, которымъ онъ служилъ, вернувшись домой изъ путешествій, жаловали его привезенными драгоценными вещами... Перстни, табакерки не могутъ-же быть знаками отличія, даваемыми иностранными дворами!

— Знаете, вѣдь этотъ орденъ—предметъ желанья многихъ, — прибавилъ г. ф.-Бэръ: — не одна солидная личность добивалась получить его, но всѣ усилія были тщетны... И вотъ онъ лежитъ тутъ, на этомъ жалкомъ крашеномъ письменномъ столѣ, какъ-бы заброшенный небрежной рукой! И такому-то человѣку, этому невѣждѣ, котораго неудачная практика такъ жестоко опозорила—извините, всемилостивѣйшая моя государыня, но я долженъ высказать это!... ему бросаютъ такое украшеніе на шею, а мы... мы даже и понятія не имѣемъ, за что его украсили такимъ образомъ?...

Его превосходительство вскопчилъ и началъ широко шагать по комнатѣ. Почтенная, горделивая дама, которую, обыкновенно, ничто не могло скоро смутить, теперь какъ-то боязливо и жалко поглядывала на своего друга.

— Я рѣшительно не могу представить себѣ, чтобы орденъ этотъ имѣлъ какое-либо отношеніе къ дѣятельности Брука, какъ медика,—проговорила президентша несомнѣемъ увѣреннымъ тономъ:—да и какимъ образомъ Брукъ могъ попасть къ Д—скому двору?...

Д-ръ ф.-Бэръ остановился и громко разсмѣялся, но смѣхъ этотъ былъ дѣланый.

— Ха, ха!... Ну, признаюсь, всемилостивѣйшая моя, сказали-же вы нѣчто удивительное! Миѣ никогда и въ

голову не пришла бы подобная мысль, потому что такая вещь просто невозможна! Тогда вѣдь пришлось бы сказать: ну, значить, все на свѣтѣ вверхъ дномъ перевернулось, ибо дрянная работа, незнаніе дѣла незрѣлыхъ новичковъ—получаютъ отличія, награждаются, а людей съ солидными, основательными познаніями, съ зрѣлымъ опытомъ, имѣющихъ дѣйствительныя заслуги—бросають и топчуть ногами! Нѣтъ, я этого не думаю!...

Онъ подошелъ къ окну и началъ барабанить пальцами по подоконнику.

— Кто знаетъ, какое именно порученіе взялся онъ исполнить?... Вѣдь онъ, помните, исчезъ на восемь дней, а куда—никому неизвѣстно,—заговорилъ докторъ послѣ небольшой паузы, понизивъ голосъ и обернувшись только головой.—Хм!... Кто знаетъ, какія у него связи и дѣла въ городѣ? У людей скрытныхъ, подобныхъ ему, никогда неговорящихъ о своей дѣятельности, всегда имѣются на это свои причины... Чтожь, въ медицинской практикѣ частенько бывають такіе случаи... приглашенія, отъ которыхъ личности почтенныя могутъ только отказаться... Нѣтъ, лучше помолчу! Не въ моихъ это правилахъ—сдергивать завѣсу съ темныхъ дѣяній разныхъ господъ... И вѣдь къ концу концовъ все пойдетъ такъ, какъ предназначено свыше!...

Тутъ генераль указалъ на небо и такъ искусно изобразилъ уповающаго на милосердіе Божіе, что только одна президентша, какъ близкій, „старый другъ“, не могла превѣрить этому... Онъ, обыкновенно, принималъ на себя личину благочестія и кротости тогда, когда усматривалъ, что его обошли, или если права его нарушили.

(Продолженіе будетъ).

С М Ъ С Ъ.

Роза Помпонъ.

Особое достоинство нѣкоторыхъ картинъ жанра заключается иногда не столько въ самомъ сюжетѣ, сколько въ граціи, композиціи и качествахъ колорита. Предлагаемая здѣсь гравюра воспроизводитъ картину извѣстнаго французскаго художника Бертрана «Роза Помпонъ». Это юное созданіе, это прелестное лицо съ черными, глубокими, задумчивыми глазами, эта мечтательная улыбка—развѣ все это не сама грація, не сама поэзія?

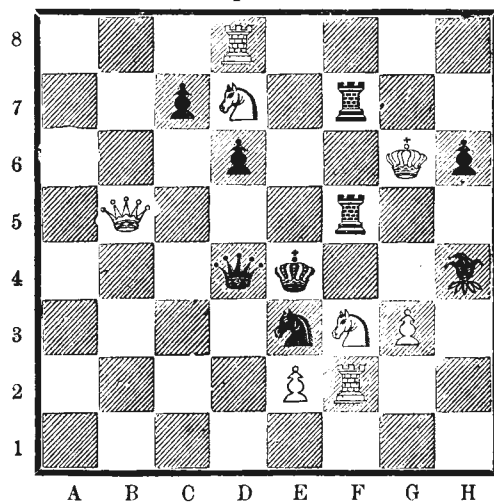
Военный совѣтъ въ лагерѣ Лейко Павловича.

Въ пивскомъ лагерѣ, близъ Горанска, происходилъ тотъ военный совѣтъ, который рѣшилъ не прекращать борьбу Герцеговины противъ Турціи и въ продолженіе зимняго времени. Мѣстомъ лагеря было покинутое герцеговинское селеніе, занятое отрядомъ Лейко Павловича. Была ночь, когда собрался военный совѣтъ для совѣщанія—слѣдуетъ-ли атаковать приближавшіяся 6000-ый отрядъ турокъ, находившіяся подъ начальствомъ Рауфа-пашы и сопровождавшій транспортъ съ провіантомъ, назначеннымъ въ крѣпость Горанска. Лейко Павловичъ медлилъ этимъ рѣшеніемъ, считая отрядъ свой недостаточно сильнымъ. Всѣ сомнѣнія, однако, были рѣшены, когда воевода Лазаръ Сочинца, сдѣлавшій въ 18 часовъ усиленный переходъ, поутру, въ 3 часа, явился въ собраніе и объявилъ, что онъ съ своими 1200 пиванцами произведетъ атаку, и если остальные вожди не поддержатъ его, то да падетъ на нихъ кровь пиванцевъ. Этимъ онъ вызвалъ у всѣхъ новое мужество—и борьба возобновилась.

На слѣдующій день происходило сраженіе подъ ПIANO, въ которомъ повстанцы одержали побѣду надъ турками.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

задачи въ «Нивѣ» № 11.

Бѣлые.

- 1) D6 — C7
- 2) D1 — F6
- 3) F6 — D8
- 4) C7 — B7×

Черные.

- 1) A6 — A5
- 2) A5 — A6
- 3) A6 — A5

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Редакція покорнѣе проситъ своихъ подписчиковъ, и приложить 24 коп. почтовыми марками, при перемѣнѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ за типографскіе расходы.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

Государь Императоръ, по всеноданнѣйшему докладу министра финансовъ, основанному на предварительномъ соглашеніи съ военнымъ министромъ, относительно увеличенія служебныхъ правъ нѣкоторыхъ офицеровъ пограничной стражи и измѣненія, вслѣдствіе сего, наименованія занимаемыхъ ими должностей, 27-го февраля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Состоящему при департаментѣ таможенныхъ сборовъ въ помощь инспектору пограничной стражи штаб-офицеру для особыхъ порученій присвоить званіе помощника инспектора.

2. Роты пограничной стражи переименовать въ отдѣлы и затѣмъ ротныхъ командировъ именовать командирами отдѣловъ.

3. Тѣхъ изъ числа командировъ отдѣловъ, которые, по особому усердію къ службѣ, будутъ достойны поощренія, производить за отличіе въ чинъ до полковника включительно, но не ранѣе вѣдуги ими въ каждомъ штаб-офицерскомъ чинѣ шести лѣтъ, и при томъ условіи, чтобы число произведенныхъ въ чинъ выше майорскаго не превышало одной трети общаго числа командировъ отдѣловъ, положенныхъ въ пограничной стражѣ по Высочайше утвержденнымъ росписаніямъ, а въ чинѣ полковника—не болѣе одной половины изъ этой трети.

4. Изъ числа состоящихъ въ бригадахъ запасныхъ офицеровъ, одному въ каждой бригадѣ, завѣдывающему письменною частью, присвоить званіе бригаднаго адъютанта, предоставивъ ему носить ахальбантъ, на общемъ основаніи; прочіихъ же переименовать, смотря по чину, въ штабъ или оберъ-офицеры для порученій при бригадномъ штабѣ.—и

5. Предоставить усмотрѣнію ближайшаго начальства, изъ числа оберъ-офицеровъ, состоящихъ при бригадныхъ штабахъ для порученій, представлять достойнѣйшихъ, по прѣслуженіи ими въ чинѣ капитана не менѣе шести лѣтъ, къ производству, за отличіе, въ майоры, съ тѣмъ, однако же, чтобы общее число удостоенныхъ такого повышенія не превышало числа бригадъ пограничной стражи.

Военное дѣло.

Изъ Одессы пишутъ, что для путевого кормоваго довольствія, въ предѣлахъ одесскаго военнаго округа, нижнихъ воинскихъ чиновъ, слѣдующихъ въ составѣ командъ, неимѣющихъ штатнаго устройства, въ маршевыхъ командахъ, рекрутскихъ партіяхъ или этапнымъ порядкомъ, а также на доволѣіе людей, отправляемыхъ въ путь по одиночкѣ, установлены военно-окружнымъ совѣтомъ одесскаго округа на текущій годъ слѣдующіе оклады кормовыхъ денегъ на человека въ сутки: по Таврической губерніи 14 к., по Бессарабской—13½ к., по Херсонской—13 к. и по Екатеринославской губерніи 11½ к.

— Изъ Кіева сообщаютъ, что тамъ начата, въ настоящее время, постройка обширнаго военнаго госпиталя по барачной системѣ; мѣсто, избранное для постройки, находится за Петерскою лаврою.

Учебное дѣло.

«Р. Міру» передавали, что департаментомъ таможенныхъ сборовъ сдѣлано надѣихъ распоряженіе по таможенному вѣдомству, для надлежащаго руководства, что, на основаніи Высочайше утвержденаго устава историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, учрежденію этому предоставлены, по выискѣ иза-за границы книгъ и учебныхъ пособій, тѣ же права, какія присвоены университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

— Въ дерптскомъ университетѣ въ нынѣшнемъ году къ 1 февраля студентовъ состояло 833 человека; въ томъ числѣ: 264 медика, 186 юристовъ, 90 богослововъ, 89 фармацевтовъ, 48 филологовъ, 43 политико-эконома, 24 математика, 22 химика, 19 историковъ, 11 студентовъ слушаетъ сравнительное языковѣдѣніе, 8 экономію, 8 физику, 6 русскій языкъ, 5 дипломатію, 4 зоологію и астрономію, 1 ботанику и 1 минералогію. Во 2 семестрѣ 1875 года студентовъ состояло 832, такъ-что въ нынѣшнемъ году число студентовъ увеличилось всего однимъ. Изъ упомянутыхъ 833 студентовъ уроженцевъ Курляндской губерніи 173, Инфляндской 372, Эстляндской 89, Царства Польскаго 29, остальныхъ губерній 163, иностранцевъ 6.

— „Кроншт. Вѣст.“ пишутъ, что мореходный классъ въ деревнѣ Венкуль, близъ Нарвы, находясь „среди крестьянъ неграмотныхъ и малосочувствующихъ морскому дѣлу“, мало можетъ приготовить опытныхъ шкиперовъ. Учитель этого мореходнаго класса, именующагося классомъ „Негра-Великаго“, полагаетъ, что было бы рациональнѣе и цѣлесообразнѣе перевести мореходный классъ въ Нарву. Напомнимъ при этомъ, что, согласно Высочайше утвержденному положенію о мореходныхъ классахъ 1867 года, учрежденіе классовъ предоставлено городскимъ и всякимъ другимъ обществамъ, которыя сами пожелають учредить школы шкиперовъ или штурмановъ.

Железныя дороги.

„Оренбург. Лист.“ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о положеніи работъ по устройству оренбургской желѣзной дороги, къ 1-му января 1876 года:

Всѣ земляныя работы по устройству полотна дороги, до перевала чрезъ Общій Сыртъ, можно считать оконченными. Перевалъ же Общаго Сырта исполненъ на одну треть предположенныхъ работъ, такъ какъ при переходѣ этихъ горъ пришлось наткнуться въ выемкахъ на камень, что значительно задержало ходъ работъ.

Искусственныя сооруженія на сухихъ оврагахъ и небольшихъ рѣчкахъ окончены. Устои и быки моста чрезъ р. Сакмару близъ города Оренбурга можно считать оконченными.

Рельсоваго пути уложено отъ Самары до станціи „Богатово“ на протяженіи 90 верстъ; движеніе рабочихъ поѣздовъ по этому протяженію прекратилось только вслѣдствіе сильныхъ свѣжыхъ мятелей или бурановъ, свирѣпствовавшихъ въ теченіе декабря мѣсяца 1875 года.

Въ настоящее время доставлены на линію рельсы и скрѣпленія на участки между станціями Сорочинской и Платавской, и предполагается самое раннее весной уложить этотъ участокъ.

Станціонныя зданія окончены вчернѣ; между ними двѣ станціи 1-го класса, въ Самарѣ и Оренбургѣ.

Судя по успѣху работъ, можно разсчитывать, что къ началу октября 1876 г. дорога будетъ вполнѣ окончена.

— Со словъ газеты „Голосъ“, мы сообщаемъ о томъ, что движеніе по лозово-севастьяпольской дорогѣ прекратилось, по недостатку въ рукахъ администраціи оборотнаго капитала, и что большая часть служащихъ и рабочихъ, не получивъ жалованья, оставила свои мѣста на всей линіи. Теперь правленіе общества лозово-севастьяпольской желѣзной дороги проситъ заявить, что движеніе на дорогѣ по настоящее время не прекращалось.

Разныя извѣстія.

Газета „Сибирь“ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о послѣднемъ ученомъ путешествіи гг. Чекановскаго и Венгловскаго къ устьямъ

рѣкъ Оленекъ и Лены и по берегу Ледовитаго океана. Исслѣдователи отправились изъ Иркутска въ половинѣ мая на почтовыхъ въ Якутскъ; отсюда въ лодкѣ-девятёркѣ проплыли Леной до селенія Булука (по счислу якутскихъ жителей, почти на двѣ тысячи верстъ дальше Якутска); плаваніе ихъ затруднялось противными вѣтрами и бурями. Изъ урочища Аякитъ, лежащаго въ 25 верстахъ ниже Булука, они перешли сухимъ путемъ, на вьючныхъ оленяхъ, на рѣку Оленекъ; далѣе слѣдовали долиной этой рѣки до ея устья, а затѣмъ берегомъ Ледовитаго океана прошли до устья Лены и, переждавъ рѣкоставъ въ Булукѣ, отправились на нартахъ чрезъ Верхоянскъ въ Якутскъ, а отсюда въ Иркутскъ. Исслѣдователи очень довольны своей поѣздкой. Осень была превосходная и сѣверная природа явилась предъ путешественниками въ неожиданно-роскошномъ нарядѣ. Кромѣ того, вмѣстѣ плоской, болотистой тундры, они встрѣтили на Оленекѣ гористую и сухую, а вслѣдствіе этого и живописную мѣстность. Жители въ тѣхъ краяхъ—тунгузы, но перенявшіе отъ якутовъ языкъ, одежду и нѣкоторые обычаи; къ сожалѣнію, они не переняли только важнѣйшаго занятія якутовъ—скотоводства. Эти тунгузы крайне бѣдны; причина тому—отсутствіе путей для сбыта и эксплоатациі населенія забѣжными купцами. Между тѣмъ, по Ленѣ могло бы устроиться отличное пароходство и тогда не только Якутскъ, но и весь Якутскій округъ могъ бы снабжаться превосходною рыбой съ устьевъ Лены. Нынѣ же низовья Лены вообще чрезвычайно безжизненны. Въ заштатномъ городѣ Жиганскѣ находятся всего два жителя—священникъ и пономарь; а когда-то это было очень порядочный городокъ, какъ можно судить по опустѣлымъ домамъ и особенно по богатому кладбищу. Въ Жиганскѣ могла бы быть лучшая по всей Ленѣ гавань. Путешественники собрали богатая коллекціи палеонтологическія, ботаническія и энтомологическія; составили маршрутную съемку и геогностическій маршрутъ для всего пути отъ Якутска до устья Оленека.

С.-Петербургская биржа.

11-го марта 1876 г.

	Покупа- тели.	Продав- цы.	Продаж.
50% внутр. съ выигр.			
заемъ 1864 г.	216	216 ³ / ₄	216 ¹ / ₄
50% внутр. съ выигр.			
заемъ 1866 г.	211 ¹ / ₄	212	211
50% бил. гос. б. 1 в. 100 ¹ / ₈	100 ³ / ₈	100 ¹ / ₄	100 ¹ / ₄
50% „ „ „ 2 „	100 ³ / ₈	100 ¹ / ₄	100 ¹ / ₈
50% „ „ „ 3 „	100	—	—
50% обл. Спб. Гор.			
Кред. Общ. . .	92 ¹ / ₂	92 ⁷ / ₈	92 ³ / ₄
50% обл. Моск. Гор.			
Кред. Общ. . .	89	89 ¹ / ₄	—
АКЦІИ.			
125 р. Гл. Общ.			
Рос. Жел.			
Дорогъ. . .	163 ¹ / ₂	164	—
125 „ Риж.-Дн.	134	134 ¹ / ₂	134
1000 „ Моск.-Ряз.	—	—	—
125 „ Орл.-Вит.	140	141	—
16 ф. с. Вит. - Дн.	144 ¹ / ₄	—	—
100 р. Риб. - Вол.	86 ¹ / ₂	87	86 ¹ / ₄
100 „ Тамб.-Коз.	73 ¹ / ₂	74	—
125 „ Московско-брестской .	—	69 ¹ / ₄	69

СОДЕРЖАНІЕ: Черногорія и черногорскіе правители (съ 4-я рисунками). — Очерки Кавказа. Въ вѣхъхъ Ріона (съ рисункомъ) В. Н. — Д. — Въ домѣ коммерціи созвѣстна. Повесть Э. Марлитта (продолженіе). — Юмористическіе очерки (съ 6-ю рисунками). — Смѣсь. Роза Понпона (съ рисункомъ). Военный совѣтъ въ лагерѣ Пейно Павловича (съ рисункомъ). — О перемѣнѣ адреса. — Шахматы. — Разныя извѣстія. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Въ С.-Петербургѣ

Я. А. Неакова, А. О. Базунова, М. О. Вольфа, Колесова и Михина, М. П. Надфина, Червессова и Коми, Фену и Коми, П. А. Шигина, бр. Курбатовыхъ, И. И. Глазунова, Кораблева и Сыркова, Витенажа, Кебрибарджи, Бортевскаго и др.

Кромѣ того: въ Назани у А. А. Дубровина; въ Киевѣ у С. И. Литова; въ Новочеркасскѣ у Анашева; у всѣхъ книгопродавцевъ въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ и Пензѣ.

Въ Москвѣ

бр. Салаевыхъ, П. Г. Соловьева, В. Д. Кашкина, А. Н. Феропонтова, Н. И. Мамонтова, Центральн. книжн. магаз., И. И. Глазунова, М. О. Вольфа, Семенова, Магаз. педагогич. пособій, А. Л. Васильева, А. И. Манухина, Д. И. Праснова, Леушина и др.

Поступило въ продажу новое сочиненіе К. ФЛАММАРІОНА

ЖИТЕЛИ НЕБЕСНЫХЪ МИРОВЪ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ СТРОГО-НАУЧНОЙ, ФИЛОСОФСКОЙ И ФАНТАСТИЧЕСКОЙ.

1. Учено-художественное путешествіе въ небесные міры.
II. Критическій обзоръ древнихъ и новыхъ теорій о жителяхъ небесныхъ мировъ.
Въ двухъ частяхъ, въ одномъ томѣ, до 500 страницъ большого формата. Спб. 1876 г. Цѣна 2 р. 50 к., въ хорошемъ переплетѣ 3 р.
Предѣлы науки настолько же безграничны, насколько безграниченъ міръ Божій. Твердь небесная, небесная сфера, видныя для современной науки не составляютъ болѣе наизгаданной задачи. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, обитаемость небесныхъ сферъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; астрономія опредѣлила ихъ величины и физическое строеніе; по аналогіи съ жителями земли она описываетъ высшія формы жителей планетъ, ихъ умственныя способности, обычай и пр. Въ предлагаемомъ сочиненіи, въ высшей степени интересномъ и общепонятномъ, авторъ представилъ всѣ научныя и фактическія изслѣдованія по отношенію къ обитателямъ планетъ. Начиная съ отдаленныхъ планетъ, онъ знакомитъ читателя со всими теоріями первобытныхъ народовъ, мудрецовъ древности и знаменитыхъ философовъ Греціи и Рима. Въ связи съ мировоззрѣніемъ Зороастра, Конфуція, Платона, Аристотеля, Платона и ин. др., онъ ссылается на библейскія сказанія, ученія отцевъ церкви, богословскіе догматы и житія святыхъ и, наконецъ, переходитъ къ научнымъ наблюденіямъ астрономовъ позднѣйшихъ временъ. Впрочемъ, чтобы дать нѣкоторое понятіе о содержаніи сочиненія Фламмаріона, приведемъ здѣсь

краткое извлеченіе изъ оглавленія книги: Описаніе десяти небесныхъ мировъ съ мѣстныхъ планетами.—О типѣ человѣч. существъ и вообще о формахъ живыхъ существъ въ другихъ мірахъ.—О законахъ тяжести и нѣкоторыхъ замѣчательныхъ явленіяхъ центральной силы на планетахъ.—О движеніи во вселенной.—Начало и конецъ міровъ.—Восточная древность.—Первобытныя племена человѣчества.—Древность западнаго.—Множество мировъ въ мірѣ.—Космографическія функціи.—Первыя странствованія по лулѣ Лузіана.—О видимомъ на лулѣ обликѣ.—Отъ перваго года нашей эры до тысячаго.—Теологическая система міра.—Зогаръ.—Лактацій.—Отца церкви.—Магометъ.—Конецъ тѣлѣ.—Сводъ св. Фомы и богословіе.—Дуаимъ неба и земли.—Божественная комедія.—Куза.—Ариостъ и Рабле.—Зодіакъ жизни человѣч. —Коперникъ.—Бруно.—О вселенной и о безконечномъ множествѣ мировъ.—Галилей.—Кеплеръ.—Путешествіе на лулу.—Человѣкъ на лулѣ.—Око Еноха и Иліи.—Рай на лулѣ.—Странное смѣшеніе религіозныхъ и астрономическихъ понятій.—Еще путешествіе на лулу.—Исторія царствъ и имперій на солнцѣ.—Путешествіе св. Аванаса въ небесныхъ пространствахъ.—Подземныя путешествія.—Еще путешествіе на лулу и планеты.—Путешествіе на Меркурій.—Путешествіе въ небесныя міры Сведенборга.—Странствованіе Сетона по семи планетамъ.—Небесныя странствованія.—Летающіе люди.—Деятельный вѣкъ.—Спиритизмъ и медиумическіе отвѣты о существованіи небесныхъ мировъ и жителей на нихъ, и пр. № 3.

ДВУХСОТЛѢТНЯЯ ТАИНА

(ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА)

Историческій рассказъ изъ времени Людовика XIV. Цѣна 40 к., съ перес. 45 к.

ВАРОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ (печатается)

(Избѣненіе протестантовъ католиками въ ночь на 24 авг. 1572 г.).

Историческій очеркъ изъ времени религіозной борьбы во Франціи во второй половинѣ XVI столѣтія. Цѣна 60 к., съ пересылкою 65 к.

Вслѣдъ за этой книгой появятся въ печати разныя другіе историческіе рассказы и очерки, а также небольшіе романы и повѣсти интереснаго содержанія и вполне доступные по дешевой цѣнѣ своей.

Иллюстрированное географическое описаніе Австраліи съ 100 картографическихъ рисунками и картою. Цѣна 75 к., съ перес. 80 к.

Карта Азиатской Россіи съ населенными ея народами. Ц. 20 к., съ пер. 25 к. Карта же Азиатской Россіи, хромофотографированная на одномъ весьма большомъ листѣ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 10 к.

Карта Европейской Россіи на огромномъ листѣ съ означеніемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ и горныхъ профилей. Ц. 1 р., съ пересыл. 1 р. 10 к.

Историческій атласъ хромофотографированный, изъ 13-ти большихъ картъ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Большія стѣнные классныя карты Европы и Азіи въ квадратную сажень; хромофотографированы въ девять цвѣтовъ. Желѣзные дороги, профили горъ, вулканическіе поясы. Каждая по 5 руб. вмѣстѣ съ пересылкою.

ВТОРОЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ

ПОПУЛЯРНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ

Н. И. ЗУЕВА.

Вмѣсто одного тома перваго изданія, оно вышло въ свѣтъ въ трехъ томахъ, и къ прежнимъ пятистамъ политпажамъ перваго изданія прибавилось еще до 500, т. е. общее число рисунковъ доходитъ до тысячи. Въ первомъ томѣ заключается описаніе твердой, водной и воздушной оболочекъ земнаго шара (209 рисунковъ); во второмъ —трехъ царствъ природы: ископаемаго, растительнаго и животнаго (439 рисунковъ); въ третьемъ —человѣка, его физической и духовной стороны (329 рисунковъ). Всего во всѣхъ трехъ частяхъ 977 рисунковъ.

Цѣна всѣхъ трехъ частей вмѣстѣ 5 р., вѣс. на 6 ф. Цѣна каждой отдѣльной части 3 р., вѣс. на 3 ф.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГЕОГРАФІЯ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

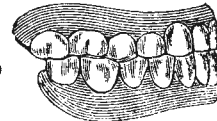
Н. И. Зуева.

Книга напечатана плотной, убористой печатью въ большомъ форматѣ на отличной бумагѣ и заключаетъ въ себѣ до 200 политпажныхъ рисунковъ, исполненныхъ извѣстными художниками. Рисунки изображаютъ виды русскихъ городовъ, памятниковъ, дворцовъ, предметовъ природы—стеней, озеръ и проч., изображенія растений и животныхъ, характеризующихъ различныя климаты Россіи, типы всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію. Кромѣ рисунковъ, къ книгѣ принадлежатъ двѣ карты: Европейской Россіи и Сибири. Цѣна 1 р. 75 к., вѣсовыхъ на 2 фунта.

Лица, желающія выписать упомянутыя здѣсь изданія, могутъ, для удобства, высылать небольшія суммы почтовыми марками въ простыхъ письмахъ на имя Н. И. Зуева, въ С.-Петербургѣ, по Школовской улицѣ, домъ № 3.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карль Баухъ,

жительствовающей по Большой Морской, домъ Росмана, № 9, приготавливаетъ искусственныя зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ружательствомъ за прочностью и удобство, и прибиваетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. 6—5

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Певскаго, д. Мендена. 50—35

К. ОРЛОНДЪ

ПОРТНОЙ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 11.

Изготавливаются платья съ художественною и изящною отделкою.

Спеціальность—покрой панталонъ и амазоновъ.

Приемъ заказовъ по новой формѣ одежды для гг. горныхъ и путей сообщенія инженеровъ. № 1.

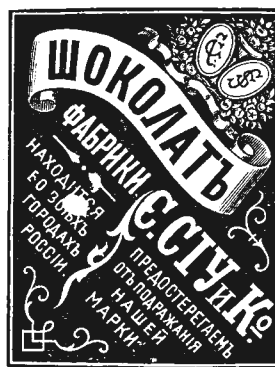
У КНИГОПРОДАВЦЕВЪ

С.-Петерб., Москвы и др. городовъ:

1) «Руководство къ уходу за больными, беременными, родильницами и новорожденными дѣтьми». Сост. Михаилъ Залужовскій, съ 28 рис. Цѣна 1 р. 50 к.

2) «Повязки, налагаемыя при грудицахъ и друг. болѣзн. груди», съ 8 рис. Его-же. Ц. 15 к.

3) «Почему бавааетъ иногда вредно употреблять въ пищу ветчину и колбасу», съ 8 рис. Его-же. Ц. 25 к., и у автора: Москва, Пречистенскія ворота, д. Антошевскаго. № 4.

45—30

Вышелъ 3-й выпускъ

Альбома рисунковъ къ соч. Гоголя, заключающей въ себѣ

„СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА“

изд. А. Н. Галайшвина.

Продается въ магазинѣ Фельтена. Нев. пр., № 20, въ С.-Петербургѣ. 3—3

КОНТОРЫ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. ПЕЧЕНКИНА И К°

въ Казани и Екатеринбургѣ

Продаютъ вышгр. билеты 1 и 2 з. съ разсроч. по 10 руб. Первый взносъ не менѣе 20 р. Страхуютъ билеты по 60 к. 5—3

ЖИЗНЬ

№ 13

ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выданъ 29 Марта 1876 г.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп

Открыта подписка на журналъ „НИВУ“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: черезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москвѣ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою изъ городовъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія №№ въ 1876 году.

Е. И. В. Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

Командиръ фрегата „Свѣтлана“.

При искренней любви нашего народа къ царствующему дому, каждый изъ членовъ его: внуки, племянники, а тѣмъ болѣе дѣти Государя Императора, хорошо знакомы въ Россіи всякому. Каждый русскій, безъ сомнѣнія, знаетъ если не лицо, то, по крайней мѣрѣ, имя Великаго Князя Алексѣя Александровича. Но немногіе знаютъ ту трудную морскую школу, которую шель Великій Князь, тѣмночисленныя и разнообразныя плаванія, которыя Онъ сдѣлалъ. Объ этихъ-то плаваніяхъ и рано начатыхъ трудахъ Его Императорскаго Высочества мы и хотимъ теперь побесѣдовать съ нашими читателями.

Плаванія эти такъ интересны и продолжительны, что описаніе ихъ могло бы составить объемистую книгу, а потому мы и просимъ не посѣтовать на насъ, если изложеніе наше покажется сжатымъ.

Е. И. В. Великій Князь Алексѣй Александровичъ.
Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

Всѣ сообщаемыя нами свѣдѣнія выбраны изъ официальныхъ источниковъ, преимущественно - же рапортовъ и отчетовъ генераль - адъютанта вице-адмирала Посета, бывшаго воспитателемъ, а впоследствии (съ 2-го января 1870 г.) — попечителемъ Великаго Князя.

Начало этихъ извлеченій мы дѣлаемъ съ 1864 года, т. е. съ того времени, когда Великій Князь началъ дѣйствительную морскую службу, исполняя въ первый разъ всѣ обязанности морскаго кадета. Его Высочеству было тогда только 14 лѣтъ и Онъ былъ назначенъ на фрегатъ „Свѣтлана“ въ эскадру тогда еще контръ-адмирала Посета. Эскадру эту составляли слѣдующія суда. Флагманскій фрег. „Свѣтлана“, т. е. фрегатъ, на которомъ находился и держалъ свой флагъ адмиралъ, начальникъ эскадры; два клипера

„Лхонтъ“ и „Изумрудъ“, и двѣ яхты „Никса“ и „Забава“.

Политическій горизонтъ тогда не былъ спокоенъ: между Данією и Германією велась за Шлезвигъ война. Это стѣсняло нѣсколько адмирала Посьета относительно программы плаванія. Но ожидали мира, въ случаѣ котораго адмиралъ предполагалъ выйти за Скандинавскіе проливы. Онъ имѣлъ въ виду посѣтить: Данцигъ, Свинемюнде, Травемюнде, Киль, Большой бельтъ, Готенбургъ, Христіанію, Христіанзагдъ и, если время позволитъ, Бергенъ; на обратномъ-же пути: Копенгагенъ, Карлскрону, острова Эландъ и Готландъ, городъ Ригу и затѣмъ идти въ Кронштадтъ.

Въ случаѣ-же продолженія войны, предполагалось идти въ Ревель, Ригу, на островъ Руно, въ Карлскрону, на острова Эландъ и Готландъ въ Маріенгагенъ и затѣмъ—домой.

Адмиралъ поднялъ флагъ 13-го іюня, въ два часа пополудни. Почти въ то-же время, именно въ полдень, прибылъ на фрегатъ покойный Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. Онъ привезъ для передачи адмиралу Своихъ августѣйшихъ братьевъ, Великихъ Князей Алексѣя Александровича и Николая Константиновича.

Утромъ 17-го іюня, при свѣжемъ западномъ вѣтрѣ, эскадра снялась съ якоря и вышла подъ парами въ море.

Клипера вели яхты на буксирѣ. 20-го числа эскадра пришла въ Ревель; 24-го, при свѣжемъ ОНО, подъ парусами ушла въ Балтійское море.

2-го іюля всѣ суда бросили якорь на рижскомъ рейдѣ въ двухъ миляхъ отъ маяка гавани.

9-го іюля адмиралъ Посьеть отправился въ Динабургъ для встрѣчи Государя Императора и 10-го, вечеромъ, возвратился на эскадру. Государь изволилъ разрѣшить ему посѣтить Травемюнде и порты, какъ прусскіе, такъ и шведскіе. Контръ-адмиралъ Посьеть тотчасъ-же снялся съ якоря и ушелъ въ море; 11-го іюля, утромъ, начальникъ эскадры съѣзжалъ на о-въ Руно на берегъ и гулялъ тамъ съ Великими Князьями. Очевидно, молодыя, непривыкшія къ морю и судовою жизни силы Ихъ требовали отдыха. 13-го іюля, пользуясь тихою погодою, начальникъ эскадры сдѣлалъ артиллерійское ученіе съ пальбою на 200 сажень въ бочку.

Послѣ обѣда, того-же числа, у одного шханечнаго орудія составили команду изъ морскихъ кадетъ и Великихъ Князей и обучали ихъ пальбѣ ядрами, бомбами и картечью. 17-го іюля эскадра была уже на травемюндскомъ рейдѣ, гдѣ посѣтилъ ее Е. И. В. генералъ-адмиралъ. Послѣ посѣщенія генералъ-адмирала, адмиралъ Посьеть отправился съ В. К. Алексѣемъ Александровичемъ въ Швальбахъ къ Государынѣ Императрицѣ.

Затѣмъ, эскадра направилась къ шведскимъ берегамъ и 2-го авг. бросила якорь въ Карлскронѣ. Здѣсь главный командиръ порта, контръ-адмиралъ шведскаго флота Эльмемаркъ, далъ въ честь Великихъ Князей обѣдъ, на которомъ они и присутствовали. Власти и жители Карлскроны оказали эскадрѣ вообще особенную привѣтливость. Послѣдніе, напримѣръ, постоянно присылали для загородныхъ прогулокъ Ихъ Высочествъ и офицеровъ эскадры собственные экипажи. Нечего, разумѣется, и говорить, что портъ Карлскроны со всѣми работами въ немъ былъ открытъ для русскихъ посѣтителей. 7-го августа эскадра оставила Карлскрону, а 14-го бросила якорь въ Кронштадтѣ. Въ 4 часа пополудни, того-же числа, контръ-адмиралъ Посьеть отправился съ Великими Князьями на пароходъ „Стрѣльна“ въ Петербургъ. Таково было первое плаваніе Великаго Князя, въ которомъ Онъ уже несъ службу; слѣдя далѣе, мы увидимъ, что характеръ дальнѣйшихъ

плаваній и путешествій Его будетъ съ каждымъ годомъ становиться все серьезнѣе и серьезнѣе.

Судя по отсутствію извѣстій въ печати, 1865-й годъ, озаменованный горестною для Россіи кончиною Наслѣдника Цесаревича, прошелъ для Великаго Князя безъ плаваній; часть лѣта этого года Его Высочество провелъ въ Старой Руссѣ, но и туда Ему были посланы съ гребцами два гребныя судна, а именно вельботъ и катеръ, которые и оставались при Немъ съ 1-го іюля по 10-е августа, какъ это можно видѣть изъ отчета за 1866 г. директора инспекторскаго департам. морск. министерства.

Въ 1866 г. для практики Е. И. В. сформированъ былъ небольшою отрядъ изъ двухъ судовъ, а именно фрегата „Ослябя“ и корвета „Витязь“. Командованіе надъ нимъ было снова ввѣрено контръ-адмиралу Посьету, который и отплылъ 25 мая съ обѣими судами изъ Кронштадта. Цѣлью плаванія на этотъ разъ избранъ былъ островъ Мадера.

5-го іюня отрядъ прибылъ въ Копенгагенъ и бросилъ якорь на вѣшнемъ рейдѣ, миляхъ въ двухъ отъ города. Здѣсь, на водахъ Зунда, открывалась предъ глазами Его Высочества одна изъ самыхъ прелестныхъ и живыхъ морскихъ картинъ въ свѣтѣ.

Громадное движеніе судовъ пролива, особенно при NW, увлекаетъ и очаровываетъ зрителя: бѣлые паруса непрерывною вереницею бѣгутъ къ югу, неся свои грузы въ порты Балтійскаго моря со всѣхъ концовъ земнаго шара.

Въ Копенгагенѣ Великій Князь провелъ большую часть времени на дачѣ въ королевскомъ семействѣ, которое посѣтило фрегатъ предъ отплытіемъ его изъ Даніи и побывало на немъ въ Гельсинорѣ.

Переходъ до Англіи былъ сдѣланъ подъ парусами. Въ Англійскомъ каналѣ встрѣтили свѣжій SW, при которомъ плаваніе для судовъ, идущихъ къ югу, почти невозможно, и потому зашли въ Диль. Дильскій рейдъ поражаетъ суровостью своего вида въ свѣжую погоду. Со стороны канала дюны кажутся сплошными грядами бѣлой пѣны, съ юга-же и сѣвера тянется безконечное море. Какъ противоположность—съ запада привѣтливо поднимается зеленый берегъ Англіи съ садами, фабриками, желѣзною дорогою и великолѣпными дачами. На самомъ прибрежьи волна безпрепятственно вкатывается на отлогій песокъ, и отъ него безпрестанно отдѣляются гичьки, сообщающіяся съ судами на якорѣ, которыхъ, при юго-западныхъ вѣтрахъ, скопляется на рейдѣ множество.

Глядя на дильскія гички, носящіяся какъ ласточки по громадной волнѣ, подъ небольшимъ рейковымъ парусомъ, невольно приходишь къ заключенію, что жить на дильскомъ берегу и не сдѣлаться морякомъ—невозможно. Все это, конечно, впечатлительно и благотворно дѣйствовало на свѣжее, отроческое воображеніе Великаго Князя и должно было развивать въ немъ склонность къ морю.

Вторымъ портомъ Англіи, посѣщеннымъ отрядомъ, былъ Фальмутъ, лежащій на юго-западной оконечности Англіи.

По близости своей къ океану и чрезвычайно спокойной якорной стоянкѣ, Фальмутъ часто посѣщается купцами всѣхъ націй. Слѣдуя изъ Атлантическаго океана, они заходятъ въ этотъ портъ, телеграфируютъ домамъ, которымъ принадлежатъ суда и грузы, и ждутъ здѣсь приказаній.

Стоянка въ Фальмутѣ была необходима для удобства продолженія морскихъ учебныхъ занятій и для приготовленія отряда къ значительному переходу до Лиссабона. Переходъ этотъ былъ совершенъ довольно спокойно, и послѣ 8-мидневнаго пребыванія въ столицѣ Португаліи отрядъ отправился къ о-ву Мадерѣ.

На фунчалскомъ рейдѣ, главномъ въ Мадерѣ, адми-

раль пробылъ около десяти дней, занимаясь все это время преимущественно паруснымъ ученьемъ.

Мы отступили бы отъ цѣли этой статьи и привели бы ее къ объему невозможному для напечатанія въ нашемъ журналѣ, если бы позволили себѣ распространять ся въ описаніяхъ мѣствъ, посѣщенныхъ Его Высочествомъ за все время его плаваній; а потому замѣтимъ только, что извѣстный своею якорною стоянкою фунчальскій рейдъ и единственный въ мірѣ, по своей мягкости, климатъ Мадеры завершили въ этомъ году самымъ приятнымъ образомъ плаваніе Великаго Князя и всего отряда, который и вернулся къ 6-му сентября благополучно въ Кронштадтъ.

Въ слѣдующемъ (1867) году переѣзды по сушѣ и морскіе переходы Великаго Князя такъ велики и, къ сожалѣнію, такъ кратко изложены въ печатныхъ извѣстіяхъ того времени, что говорить о нихъ мы можемъ только очень кратко.

Въ іюнь 1867 г. мы узнаемъ о прибытіи Его Императорскаго Высочества въ Николаевъ. Великаго Князя сопровождаютъ: гг. *Посетъ*; извѣстный путешественникъ академикъ *Миддендорфъ*, состоящій при Е. В. для занятій естественною исторіею; *Веселого*, бывший преподаватель въ офицерскихъ классахъ морскаго корпуса, для занятій математикою и морскими науками, и г. *Мечинъ*, извѣстный преподаватель новѣйшихъ языковъ.

Посѣтивъ въ Николаевѣ адмиралтейство и осмотрѣвъ въ немъ мастерскія, пароходъ „Казбекъ“, новый пильный заводъ, лѣсные склады и модельную мастерскую покойнаго адмирала Лазарева, Е. В. на пароходѣ общества пароходства и торговли „Великая Княгиня Ольга“ отправляется въ Крымъ и Севастополь.

Прибывъ, въ іюнь-же мѣсяцѣ 1867 года, на томъ-же пароходѣ въ Мальту, Великій Князь 25-го числа посѣтилъ Лавалетту и совершилъ поѣздку во внутрь острова въ его прежній главный городъ Чивита-Векію *); 26-го іюня командиръ порта въ Мальтѣ, англійскій контръ-адмиралъ Келлетъ, имѣлъ честь показывать Великому Князю портъ Мальты, а 1-го іюля, въ 5 часовъ пополудни, пароходъ „Великая Княгиня Ольга“ уже находился съ Великимъ Княземъ на рейдѣ испанскаго города Малага. Расстояніе отъ Мальты до Малаги, въ 930 миль, пароходъ русскаго общества прошелъ съ замѣчательною скоростью, а именно въ четверо сутокъ.

Почти тотчасъ-же по прибытіи въ Малагу, вслѣдствіе стѣснительныхъ карантинныхъ условий, пароходъ В. Кн. Ольга“ оставилъ этотъ портъ и 2-го іюля бросилъ якорь на гибралтарскомъ рейдѣ.

1-го августа того-же 1867 г. Великій Князь уже находился на фрегатѣ „Александръ - Невскій“, на рейдѣ небольшого городка „Порто - Гранде“, лежащемъ на островѣ Санъ-Винцентъ, одномъ изъ острововъ Зеленаго мыса, т. е. у западнаго берега Африки.

2-го августа фрегатъ „Александръ-Невскій“ снялся съ якоря и 21-го бросилъ его въ Кадиксъ. Такимъ образомъ, въ 20 дней было пройдено около 5000 верстъ. Съ 6-го сентября Его Высочество прибылъ въ Мальту, съ 14-го, по волѣ Государа Императора, возвратился изъ заграничнаго плаванія въ Ливадію.

Плаванія Его Императорскаго Высочества въ 1868 году связаны съ воспоминаніемъ объ одной изъ тѣхъ печальныхъ случайностей, которыми такъ богата полная опасностей служба и жизнь моряка.

Выѣхавъ въ началѣ мая 1868 г. изъ Петербурга для слѣдованія въ Поті, Великій Князь прибылъ 11-го

числа того-же мѣсяца въ Тверь. Здѣсь ожидалъ Его для дальнѣйшаго пути по Волгѣ пароходъ общества Самолетъ „Поспѣшный“.

Послѣ принятія представлявшихся городскихъ властей, Великій Князь посѣтилъ Успенскій-отрочъ монастырь, лежащій въ заволжской части города, при слияніи рѣкъ Тверцы и Волги. Встрѣченный архимандритомъ Нафанаиломъ съ братіею, Его Высочество обозрѣвалъ монастырскіе храмы и келію Св. Филиппа, митрополита всея Россіи, гдѣ онъ былъ заточенъ и въ послѣдствіи умерщвленъ, по приказанію Іоанна Грознаго, Малютою Скуратовымъ. Въ 10 часовъ Великій Князь присутствовалъ въ Спасо-преображенскомъ соборѣ на молебствіи съ коленно-преклоненіемъ по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны — рожденіемъ Великаго Князя Николая Александровича.

Затѣмъ, Его Высочество посѣтилъ музей при тверской гимназіи, гдѣ особенно обратилъ вниманіе на портретъ адмирала Корнилова, модели судовъ, бывшихъ подъ его командою, на его флаги и на ту раздробленную ядромъ пашку, которая была на адмиралѣ Корниловѣ 5-го октября 1854 года, въ день его геройской смерти за Севастополь. Осмотрѣвъ, затѣмъ, тверское юнкерское училище, Е. И. В. въ 4 часа пополудни отплылъ отъ берега.

18-го іюня на рейдѣ Поті явился за Великимъ Княземъ фрегатъ „Александръ-Невскій“ и вскорѣ-же ушелъ въ море съ Его Императорскимъ Высочествомъ и адмираломъ Посетомъ. 5-го іюля фрег. уже былъ въ Буюкъ-Дере; малоизвѣстное, неморьякамъ, мѣстечко это находится при входѣ изъ Чернаго моря въ Босфоръ; оттуда плаваніе слѣдовало въ Пирей, а изъ послѣдняго фрегатъ отправился 17-го іюля къ Алжиру.

Обратный путь Великаго Князя къ Кронштадту слѣдовалъ черезъ Атлантическій океанъ, и 8-го сентября 1868 г. фрегатъ вышелъ изъ Плимута, встрѣтивъ въ морѣ крѣпкій сѣверо-восточный вѣтеръ. Черезъ четыре дня по отплытіи отъ Англій, т. е. 13-го сентября, по курсу и ходу уже былъ близокъ ведущій изъ Нѣмецкаго моря въ Балтику проливъ, но обманутый теченіемъ и ночнымъ туманомъ фрегатъ, вмѣсто пролива, въ 2½ часа ночи попадаетъ на низменные косы западнаго берега Даніи и терпитъ крушеніе. Чтобы найти на картахъ мѣсто этого крушенія, надо искать на западномъ берегу Даніи мѣстечко Кнопшеръ, открытое море предъ которымъ называется Лимфюрдомъ. Подробности гибели фрегата „Александръ-Невскій“ извѣстны уже цѣлой Россіи. Чтобы спастись отъ мгновеннаго разрушенія, фрегатъ вынужденъ былъ срубить мачты и побросать за бортъ орудія. Все это происходило ночью, въ виду незнакомаго берега, въ бурную погоду. Чтобы дать знать о бѣдѣ, начинаютъ стрѣлять изъ орудій, причемъ матросу Боброву, непробавившему какъ слѣдуетъ пушку, отрываетъ руку и самого его выбрасываетъ за бортъ. Несмотря на состояніе моря, лейтенантъ Заринъ, съ явною опасностью не выплыть или быть отбитымъ волнами отъ фрегата, бросается въ воду и спасаетъ утопающаго. Съ разсвѣтомъ, чтобы устроить сообщеніе съ берегомъ, до котораго было около 2½ кабельтовыхъ, т. е. около 250 сажень, посылаютъ на берегъ катеръ съ мичманомъ Остелецкимъ, подавъ ему съ фрегата для передачи на берегъ тонкій, постепенно вытравливаемый (т. е. выпускаемый) конецъ. Едва это гребное судно достигаетъ берега, какъ подвергается величайшей опасности; матроса Шилова смываетъ волною за бортъ, и, чтобы спасти остальныхъ людей, Остелецкій вынужденъ рубить конецъ и выброситься на берегъ. Шилову удается спастись, но случайно. Вторая попытка передать конецъ на берегъ кончается еще печальнѣе. Гибнутъ лейтенанты Заринъ и Иксуль, квартирмейстеръ (морск. унт.-офиц.) Одинцовъ и матросъ

*) Не слѣдуетъ смѣшивать два одноименные города «Чивита-векію» въ Италіи и на Мальтѣ. Послѣдній былъ нѣкогда главнымъ городомъ острова и сюда-то Его Императорское Высочество, вмѣстѣ съ сопровождавшими Его лицами, совершилъ одну изъ своихъ первыхъ заграничныхъ береговыхъ въ 1867 поѣздокъ.

Поляковъ. Посланную съ ними шлюпку опрокидываетъ вблизи фрегата, но помочь погибающимъ уже не на чемъ. Наконецъ, сообщеніе съ берегомъ, благодаря удачно брошенной къ фрегату спасательной ракетѣ, кое-какъ устраивается. Сначала свозятъ на берегъ то, что слѣдуетъ свозить первымъ по морскимъ законамъ, какъ, на примѣръ, больныхъ, судовые журналы и книги, денежные суммы и проч.; затѣмъ, адмиралъ предлагаетъ отправиться на берегъ одному изъ первыхъ Великому Князю, но Его Высочество остается на фрегатѣ до тѣхъ поръ, пока возможность спастись всѣмъ остальнымъ не становится очевидною; доставка на берегъ всей остальной команды фрегата кончается только къ 6 съ половиной часамъ вечера, 14-го сентября.

Приведенные факты говорятъ громче всякихъ возгласовъ о той степени опасности, которой подвергался въ этомъ плаваніи Великій Князь Алексѣй Александровичъ, а потому скажемъ только, что это плаваніе было для Него послѣднимъ въ 1868 году.

Въ 1870 г. 1-го февраля обнаруженъ былъ Высочайшій манифестъ о принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ присяги на службу Государю и отечеству по случаю достиженія возраста совершеннолѣтія, опредѣленнаго нашими государственными, основными законами. Въ томъ-же году вице-адмиралъ Посыеть, Высочайшимъ приказомъ отъ 2-го января, назначенъ попечителемъ при Великому Князѣ.

Дальнѣйшія плаванія Е. И. В. продолжаются почти непрерывно съ половины 1870 г. и болѣе чѣмъ до половины 1875 года.

Плаваніе Великаго Князя въ 1870 г. распадается на двѣ части: рѣчное и морское. Рѣчное—составляетъ путь отъ Петербурга до Архангельска, Маринскою и Виртембергскою водными системами, и продолжается съ 3-го до 15-го іюня; морское-же—отъ Архангельска до Петербурга, Бѣлымъ, Ледовитымъ, Нѣмецкимъ и Балтійскимъ морями, обнимаетъ время съ 3-го іюля по 10-е сентября. Мы коснемся подробнѣе только морскаго плаванія, какъ болѣе интереснаго и болѣе намъ знакомаго по напечатаннымъ о немъ свѣдѣніямъ. Для этого послѣдняго плаванія былъ составленъ отрядъ изъ корвета „Варягъ“ и клипера „Жемчугъ“, который и былъ посланъ въ 1870 г. изъ Кронштадта къ Архангельску въ распоряженіе вице-адмирала Посыета.

3-го іюля 1870 г. адмиралъ Посыеть вмѣстѣ съ Е. И. В. прибылъ къ бару Сѣверной Двины, гдѣ уже стоялъ подъ парами корветъ «Варягъ», получившій приказаніе слѣдовать къ Соловецкому монастырю.

Здѣсь, на соловецкомъ рейдѣ, съ прибывшею изъ Архангельска шхуною «Секстанъ» Его Высочество въ первый разъ услышалъ о разрывѣ между Франціею и Германіею.

4-го числа адмиралъ и Великій Князь, оставивъ у Соловецкаго монастыря суда «Жемчугъ», «Варягъ» и «Секстанъ», отправились на монастырскомъ пароходѣ „Вѣра“ въ городъ Кемь, Сумскій посадъ и Сорочу.

8-го іюля отрядъ, подъ флагомъ вице-адмирала Посыета, состоящій изъ военныхъ судовъ корв. „Варягъ“, клип. „Жемчугъ“ и шхуны „Секстанъ“, снялся съ якоря и направился къ выходу изъ Бѣлаго моря. Со входомъ въ горло Бѣлаго моря температура значительно понизилась и во всѣхъ впадинахъ Терскаго берега бѣлѣлъ снѣгъ. У Орловской банки эскадра дѣлала промѣръ съ цѣлью повѣрки означенной на картахъ глубины. На параллели Св. Носа корветъ «Варягъ» отделился отъ эскадры и сталъ держать на Костинъ Шаръ, лежащій въ юго-западной части Новой Земли. Штиль и туманъ не прерывались и не было видно ни Канина Носа, ни острова Колгуева. Незаходящее солнце изъ пяти полныхъ солнечныхъ сутокъ было видно только одинъ разъ, въ полночь—и то лишь темно-краснымъ пятномъ безъ лучей. 12-го числа корветъ бросилъ якорь

въ Костиномъ Шарѣ между Бѣлыми островами. Отъ Новой Земли Великій Князь совершилъ плаваніе къ Мурманскому берегу и оттуда на корветскомъ паровомъ катерѣ ѣздили въ Колу.

22-го іюля корветъ бросилъ якорь въ Вадсе; здѣсь, на русско-норвежской границѣ, на берегу рукава Клостеръ, Его Высочество поразила бѣдность русской церкви воиmia св. Бориса и Глѣба, тѣмъ болѣе, что почти рядомъ съ нею, на лѣвомъ берегу рукава, вздымались довольно красивыя норвежскія кирки; на улучшение нашей церкви было собрано и передано на берегъ довольно значительное, а именно болѣе 600 руб., пожертвование.

Слѣдующіе пункты норвежскаго берега, посѣщенные Е. И. В., были Варде и Тромсе. Оставивъ послѣдній изъ нихъ 31-го іюля, корв. „Варягъ“ отправился къ острову Исландіи и 15-го августа бросилъ якорь на рейдѣ его главнаго города Рейкиавика.

Сѣхавъ здѣсь на берегъ, Е. И. В. и адмиралъ Посыеть ѣздили за 250 верстъ верхомъ на исландскихъ пони осматривать Гейзеръ, причѣмъ ночные морозы, несмотря на августъ мѣсяцъ, уже достигали 2 и 3 градусовъ.

Слѣдуя обратнымъ путемъ въ Россію, корветъ видѣлъ, при выходѣ изъ Зунда, въ Кегебухтѣ, девять французскихъ броненосцевъ и 10-го сентября благополучно прибылъ въ Кронштадтъ. Это послѣднее плаваніе Великаго Князя богато множествомъ собранныхъ этнографическихъ, промышленныхъ и экономическихъ свѣдѣній, представленныхъ вице-адмираломъ Посыетомъ въ его рапортѣ генералъ-адмиралу.

Слѣдующее плаваніе Великаго Князя, которымъ мы и заключаемъ этотъ очеркъ, было кругосвѣтное. Оно началось въ августѣ мѣсяцѣ 1871 г. и кончилось въ маѣ 1873 г. Наша и безъ того длинная статья не позволяетъ намъ сообщить безъ значительныхъ пропусковъ свѣдѣнія объ этомъ плаваніи, послѣ котораго Е. И. В. уже отправился въ плаваніе безъ всякаго руководителя, съ личною отвѣтственностью самостоятельнаго командира фрегата, находящагося въ отдѣльномъ плаваніи.

Въ августѣ 1871 г. была отправлена изъ Кронштадта въ кругосвѣтное плаваніе, подъ флагомъ вице-адмирала Посыета, наша эскадра, состоявшая изъ фрегата „Свѣтлана“, корвета „Богатыря“ и клипера „Абрекъ“. Е. И. В. снова находился на томъ-же суднѣ, гдѣ началъ морскую службу, т. е. на фрегатѣ „Свѣтлана“, но теперь онъ уже отправлялся въ плаваніе лейтенантомъ. Первый переходъ эскадры лежалъ къ Америкѣ, наперерѣзъ всего Атлантическаго океана, и, выйдя 7-го сентября изъ Фальмута, суда наши благополучно достигли Нью-Йорка только 6-го ноября, бросивъ якорь у Санди Хука.

Въ Америкѣ ожидалъ Е. И. В. восторженный приемъ, извѣстный цѣлой Россіи. Американская газета „New York Times“ еще съ 3-го октября начала говорить о приготовленіяхъ къ приему высокаго гостя, и этотъ приемъ соответствовалъ величію американской націи. Отрядъ нашъ былъ встрѣченъ эскадрою вице-адмирала Роуэна, и, вслѣдъ затѣмъ, начался рядъ празднествъ, доказавшихъ намъ искренность американцевъ.

Весь 72 годъ Е. И. В. провелъ въ переходахъ между разными пунктами Тихаго Океана, причѣмъ особенно замѣчательно пребываніе его въ Японіи, гдѣ онъ достигъ самаго полнаго сближенія съ японскимъ императоромъ, реформы котораго обращаютъ теперь на себя глаза всего свѣта. Въ памяти читателей еще должно быть свѣжо все, что сообщалось объ этомъ своевременно въ газетахъ.

Въ 1873 году Великій Князь посѣтилъ Маниллу, Филиппинскіе острова и, сдавъ съ 17-го на 18-е февраля на гонгъ-вонгскомъ рейдѣ капитанъ-лейтенанту Делив-

Вербное воскресенье въ Москвѣ въ XVII столѣтіи. Рисов. Ковырзель, грав. Малиновскій.

рону занимаемую имъ на фрегатѣ „Свѣтлана“ должность старшаго офицера, отправился, въ сопровожденіи адмирала Посьета, на нанятомъ пароходѣ „Queentown“ изъ Шанга въ Ханькоу. Затѣмъ, плавая на томъ-же пароходѣ по рѣкѣ Янцзе-Кіангъ, Е. И. В. посѣтилъ китайскіе порты Нанкинъ и Кьюкіангъ.

Сдѣлавъ потомъ переходъ къ Владивостоку, Великій Князь перешелъ на пароходѣ „Америка“ въ Амурскій заливъ. Отсюда надо было сдѣлать 125 верстъ до селенія Камень-Рыболовъ берегомъ; затѣмъ, пароходы „Сунгача“, „Великій Князь Алексій“ и „Джалинда“ доста-

вили Е. И. В., чрезъ озеро Ханка и рѣки Усури, Амуръ и Шилку, къ Срѣтенску.

Здѣсь уже начался для Е. И. В. исключительно путь по сушѣ, черезъ Читу и Кяхту, въ Иркутскъ.

Мы поговоримъ еще когда-нибудь съ нашими читателями о послѣднемъ плаваніи Е. И. В., совершенномъ имъ уже въ качествѣ командира фрегата „Свѣтлана“, которымъ командуетъ Е. И. В. еще и теперь, состоя въ чинѣ капитана 1-го ранга и въ званіи флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ МОСКВѢ ВЪ ХУІІІ СТОЛѢТІИ.

На прилагаемомъ рисункѣ изображена церемонія, совершавшаяся въ день вербнаго воскресенія въ XVI и XVII ст. «Въ недѣлю вай», говоритъ г. Забѣлинъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи «Домашній бытъ русскихъ царей», которая называлась также *цвѣтною*, *цвѣтоноснымъ* и *вербнымъ воскресеніемъ*, *цвѣтоносіемъ*, встарину совершался обрядъ шествія на осли въ воспоминаніе входа Христа въ Іерусалимъ. Извѣстіе объ этомъ церковномъ обрядѣ не восходитъ дальше XVI ст. Въ то время въ Москвѣ шествіе происходило въ Кремлѣ около соборовъ; съ XVII ст. оно совершалось уже за Спасскія ворота ко Входу въ Іерусалимъ, придѣльному храму Покровскаго собора (нынѣ Василія Блаженнаго).

Во второй половинѣ XVII ст. обрядъ шествія на осли происходилъ слѣдующимъ образомъ: Послѣ ранней обѣдни Государь выходилъ въ Успенскій соборъ, въ праздничномъ выходномъ платьѣ, въ сопровожденіи бояръ, окольничьихъ и прочихъ чиновъ. Изъ собора совершался крестный ходъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 2 хоругви, за ними чернецы и потомъ дьяконы, по два вмѣстѣ, за ними священники, по три вмѣстѣ, потомъ протопопы и запрестольный образъ, 2 креста хрустальные, одѣтъ рипиды и иконы соборныя изъ Чудова монастыря, съ Троицкаго подворья, изъ Архангельскаго собора и отъ Николая Гостунскаго; далѣе протопопы, успенскій и благовѣщенскій, потомъ иѣвчѣ и образъ Богородицы Влахернскія въ преднесеніи поддьяками двухъ свѣчъ. За иконою шли соборные ключари, потомъ патриархъ въ маломъ облаченіи, съ посохомъ. По правую сторону патриарха дьяконы несли большое Евангеліе въ бархатномъ ковчегѣ, а по другую — на мѣсѣ крестъ золотой, жемчужный, большой, да малое Евангеліе. Въ ходу участвовало духовенство всей Москвы и многіе изъ духовныхъ властей иногородныхъ. Въ 1675 г., кромѣ патриарха, за крестами шли три митрополита, 2 архіепископа, 1 епископъ, болѣе 10 архимандритовъ, болѣе 10 игуменовъ, 15 протопоповъ, 300 священниковъ и 200 дьяконовъ — всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи, одинъ въ нарядныхъ и цвѣтныхъ ризахъ, другіе въ такихъ-же стихаряхъ. Государево шествіе, подобно другимъ царскимъ выходамъ, открывалось нижними чинами, по три человѣка въ рядъ; впереди дьяки, за ними дворяне, стряпчѣ, стольники, ближніе и думные люди и окольничіе. Потомъ шелъ Государь, а за нимъ бояре, нѣкоторые изъ думныхъ и ближнихъ людей и, наконецъ, гости. По обѣ стороны пути шли для береженія отъ тѣсноты стрѣленцы полковники. Кромѣ того, по всему пути разставлена была въ писаныхъ кадлушкахъ верба для народа. Ходъ останавливался у Покровскаго собора, лицомъ къ востоку. Государь и патриархъ шли въ соборный придѣлъ Входа въ Іерусалимъ. Государя сопровождали въ это время только высшіе чины, прочіе-же, начиная съ стольниковъ, останавливались у лобнаго мѣста, по обѣимъ сторонамъ. Въ соборѣ патриархъ молебствовалъ и облачался. Государь также возлагалъ на себя царскія одежды въ паперти собора: надѣвалъ крестъ, діадиму (бармы, оплечіе), царскую шапку, царское платно или порфиру и проч. Вмѣсто посоха, на который онъ опирался во время хода, ему подавали златокованный царскій жезлъ. Въ то-же время, на лобномъ мѣстѣ, которое богато убиралось бархатомъ и сукномъ, поставляли наложь, покрытый зеленой бархатной пеленой. На немъ полагали Евангеліе и иконы Іоанна Предтечи и Чудотворца Николая, иногда Богородицы Казанской. Путь отъ лобнаго мѣста къ Спасскимъ воротамъ ограждался надолбами, которые также обивались краснымъ сукномъ. По всей площади стояли стрѣленцаго и солдатскаго строю войска и толпа народа. На кровлѣ одной изъ лавокъ Верхняго Овощнаго ряда становился капитанъ солдатскаго строя съ *исачнымъ знаменемъ*, для подаванія сигналовъ во время церемоніи. Далеко отъ лобнаго мѣста, со стороны Красной площади, стояло *осля*, т. е. конь въ бѣломъ суконномъ *каптурѣ* (родъ попоны, которая покрывала лошади и голову; она и теперь употребляется при похоронныхъ процессіяхъ). У осли находился патриаршій бояринъ и пять дьяковъ, въ золотыхъ кафтанахъ. Здѣсь-же поставлена была и парадная верба — большое дерево, украшенное

искусственной зеленью, цвѣтами и плодами. Экспажъ, на которомъ устранилась верба, назывался *санями*, хотя и былъ на колесахъ. Слово *сани* встарину имѣло различныя значенія; въ настоящемъ случаѣ подъ этимъ словомъ надо разумѣть колесницу. Сани обивались краснымъ сукномъ и украшались перелинами или рѣшеткою, расписанною разными красками. Въ саняхъ запряжено было шесть *возниковъ* (лошадей) въ цвѣтныхъ *каптурахъ* и въ *начолкахъ* съ великолѣпными перьями. Верба снаряжалась иногда въ приказѣ Большаго Дворца, иногда въ Патриаршемъ приказѣ.

У лобнаго мѣста ее поставляли еще до крестнаго хода, рано утромъ. Соборный ключарь украшалъ ее также овощами: яблоками, грушами, изюмомъ, финиками, винными ягодами, розцами или царьградскими стручками и даже орѣхами. Съ особеннымъ великолѣпіемъ вербу стали украшать при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во время пребыванія въ Москвѣ вселенскихъ патриарховъ, Тансія александрийскаго и Макарія антиохійскаго, именно въ 1668 году. Въ запискахъ 1668 г. о цвѣтной недѣлѣ и собственно о вербѣ находимъ слѣдующее: «176 г., въ недѣлю цвѣтную (Марта 15-го), было все по прежнему чину. А верба была нынѣшняго года устроена по государеву указу благолѣпно, первый годъ, а не тако просто якожь въ минувшихъ лѣтахъ, токмо зеленый овощъ имѣла: яблоки и ягоды, изюмъ и винныя ягоды, и рожцы, и орѣхи обвѣшены. Нынѣ-же вся зеленуется якожь бы сейчасъ развилъа; листы сучинныя зеленые и плоды видятся якожь отъ земли возрасли и яблоки большіе и средніе и завези малыя и шипцы всякіе различными видами видятся; и около вербы перилы учинены, столбики писаны различными красками и сукномъ одѣяна гдѣ годно, и шесть въпряжено каретныхъ добрыхъ лошадей».

Въ то время, какъ государь и патриархъ выходили изъ Покровскаго собора, кресты и образа, по благословенію патриарха, возвращались въ Успенскій соборъ. Вошедъ на лобное мѣсто, патриархъ подносилъ государю сначала *вайю* (пальмовыя, финиковыя вѣтви) и потомъ вербу, у которой черенки были обшиты бархатомъ. Такія *вайи* и вербы патриархъ раздавалъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ; младшимъ государевымъ чинамъ и народу раздавали митрополиты одну только вербу, «и, по раздаваніи, архидьяконы, обратясь на западъ, чтеть Евангеліе къ патриарху прямо, и какъ дойдетъ до рѣчи «и посла два ученикъ», въ то время соборный протопопъ съ ключаремъ подходятъ къ патриарху, который благословляетъ ихъ, вмѣсто дву учениковъ, по *осля* идти и произносить приличный евангельскій текстъ. Протопопъ съ ключаремъ, принявъ благословеніе, пойдутъ по осли къ уготованному мѣсту, пдеже привязана, и пришедъ отрѣзають е; причежь бояринъ патриаршій глаголетъ: что отрѣзаеетъ осли сіе? И ученицы глаголятъ: Господь требуетъ. И поведутъ ученицы осли съ обѣ стороны подъ усдой, приведутъ къ патриарху къ лобному мѣсту, а патриаршій дьяки за ослятѣмъ несутъ сукна красное, да зеленое и коверъ». Потомъ протопопъ и ключарь покрывали осли краснымъ сукномъ съ головы, зеленымъ позади, а коверъ полагали на сѣдлалице. По совершеніи дѣйствія на лобномъ мѣстѣ, патриархъ, принявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую крестъ, благословлялъ государя и садился на осли. Шествіе, какъ и прежде, открывалось государевыми младшими чинами, сначала дьяками; потомъ шли дворяне, стряпчѣ, стольники, по три человѣка въ рядѣ, съ ваями; всѣ они были въ богато вышитыхъ золотомъ кафтанахъ, почему и назывались въ подобныхъ церемоніяхъ золотчиками. За ними везли нарядную вербу на саняхъ, подъ деревомъ за перилами стояли и нѣли стихари *цвѣтоносію* патриаршій пѣвчѣ, поддьяки меньшихъ станицъ, мальчики лѣтъ двѣнадцати, въ бѣлыхъ одеждахъ. За вербою слѣдовало духовенство съ иконами, потомъ шли ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ великолѣпной одеждѣ съ ваями; далѣе государь, въ *большомъ царскомъ нарядѣ*, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, велъ осли за конецъ поводка. Средину поводка держалъ и велъ осли за государемъ одинъ изъ первостепенныхъ бояръ. Кромѣ того, осли вели подъ уздцы два дьяка, государевъ и паг-

риаршій, и патриаршій конюшій старецъ. Впереди государя, столярникъ и ближніе люди несли: 1) царскій жезлъ, 2) государеву вербу, 3) государеву свѣчу, 4) царское полотенце (платокъ). По обѣ стороны царя шли бояре, окольникіе и думные дворяне съ ваиями. Патриархъ во время шествія осѣнялъ народъ крестомъ. За нимъ духовныя власти въ богатѣйшемъ

облаченіи, а подлѣ ослати находились для обереженія патриарха его бояринъ и дяки. Шествіе заключали гости».

При Петрѣ, когда духовенство лишилось прежняго значенія и на мѣсто патриарха назначенъ былъ, преобразователемъ Россіи, блюститель патриаршаго престола, вышеописанная церемонія не могла имѣть мѣста и стала анахронизмомъ.

ВЪ ДОМЪ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

ПОВѢСТЬ

Э. Маршгта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Лейбъ-медикъ снова сѣлъ къ столу и написалъ заду- манный имъ рецептъ, написалъ такъ быстро, торопливо, какъ - будто на пальцы правой руки его устремлялись жгучіе лучи отъ злосчастнаго ящичка, находившагося въ такомъ близкомъ съ нимъ сосѣдствѣ.

— Обѣ одномъ прошу васъ, мой уважаемый другъ, — произнесъ г. ф.-Бэръ, помолчавъ съ минуту: — а именно, постарайтесь вы разузнать, разяснить, въ чемъ тутъ дѣло? Мнѣ хотѣлось бы *être en fait* прежде, чѣмъ Брукъ начнетъ трубить о своемъ мнимомъ отличіи... Тогда-то, въ случаѣ надобности, можно и отпоръ дать. Само собою разумѣется, что мнѣ вовсе не нужно тутъ напоминать вамъ о вашей дипломатической тонкости, въ непогрѣшимости которой никто и не сомнѣвается.

Почтенная дама отвѣтила ему не сразу. Въ то время, какъ маститый врачъ пестрилъ бумагу своими красивыми, таинственными знаками, президентша задумчиво смотрѣла на него; она наблюдала за нимъ и, увы! должна была сознаться, что ея другъ ужасно быстро и поразительно постарѣлъ!... Не то чтобы морщинки избороздили его цвѣтущія щеки — нѣтъ, генералъ былъ полнымъ и гладкимъ мужчиной; но на лицѣ его (въ эту минуту ничѣмъ незамаскированномъ) нельзя было не замѣтить какой-то неувимой смѣси озабоченности, удрученности и угрюмаго недовольства, чтѣ и дѣлало его старческимъ... Короче сказать, тайный совѣтникъ походилъ на человѣка, которому затаенная прескверная мысль отравляетъ сладости дня, а ночью спать не даетъ.

Тутъ президентша вспомнила, что въ послѣднее время онъ тонко иногда намекалъ на то, что фюрстъ началъ относительно его обнаруживать капризы... О, Боже, что-же будетъ, если она потеряетъ своего „старого друга“?... Почтенная дама вовсе не думала при этомъ о переходѣ его превосходительства въ загробный міръ (о смерти она, вообще, не думала); „потерять“ друга — значило: разойтись съ нимъ, если ему дадутъ отставку... Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тогда онъ уже ничего, рѣшительно ничего не въ состояніи будетъ сдѣлать для нея при дворѣ!... Ахъ, и какъ бы тогда все измѣнилось! Она даже и вообразить не могла такой ужасной переменѣ... Э, зачѣмъ-же останавливаться на подобныхъ мысляхъ?... Дѣло проще: добрый другъ, тайный совѣтникъ, большой любитель трюфелей и прочихъ, не менѣе прекрасныхъ, но неудобоваримыхъ вещей; любитель также крѣпкаго вина и хорошаго пива... ну, понятно, дѣлается ипохондрикомъ, отъ пустяковъ хандрить — вотъ ему и мерещится что-то непріятное, мрачное... Президентша обладаетъ тонкимъ чутьемъ, предчувствіе никогда не обманывало ее — даже задолго до катастрофы съ какою-нибудь знаменитостью она уже чувствовала, знала, что вотъ такой-то особѣ при дворѣ грозитъ паденіе... Да, а теперь чувствительный ея флюгеръ даже не шелохнется, и не предвидится ни малѣйшаго вѣтерка, дуновенія, которое заставило бы его повернуться.

— Но, любезнѣйшій другъ мой, кто-же вамъ сказалъ, что орденъ этотъ пожалованъ именно Бруку? — спросила

она удивительно-самодовольнымъ тономъ, проявивъ ловкость опытной свѣтской женщины. — Я не вѣрю этому, потому что, не смотря на все мое желаніе, не понимаю... не вижу цѣли. А впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, въ нашей резиденціи ему не поможетъ это украшеніе: здѣсь онъ безвозвратно погибъ, все равно что похороненъ!... Желаніе-же ваше я съ удовольствіемъ исполню, постараюсь разузнать дѣлс — единственно ради вашего успокоенія.

Президентша умоляла; въ сосѣдней комнатѣ скрипнула дверь — это тетушка-дьяконисса вошла, чтобы вынуть какую-то вещь изъ коммоды. Г. ф.-Бэръ всталъ и отдалъ президентшѣ рецептъ, а затѣмъ оба они прошли чрезъ комнату, гдѣ тетушка только-что задвинула ящикъ коммоды.

Тайному совѣтнику очень хотѣлось теперь-же, сейчасъ, удовлетворить своему любопытству, отдѣлаться отъ безпокойства, т. е. мимоходомъ лукавымъ словомъ зацѣпить старуху (относительно ордена) и такимъ образомъ заставить ее дать объясненіе; но старушка поклонилась ему такъ холодно, серьезно-сдержанно и, притомъ, съ такимъ сознаниемъ собственнаго достоинства, что онъ не посмѣлъ зацѣпить ее.

А тамъ, гдѣ лежала больная, разузнать что-либо о пожалованномъ украшеніи было ужъ совсѣмъ невозможно. Брукъ перенесъ сюда изъ тетушкиной комнаты большую стеклянную вазу, съ плавающими въ ней золотыми рыбками, и теперь хлопоталъ надъ устройствомъ фонтанчика. Служанка принесла свѣжей воды, которую и вылила въ блюда, стоявшія на столѣ, и въ кадочку, поставленную около постели больной. Вода нужна была въ комнатѣ для того, чтобы сдѣлать тутъ воздухъ влажнымъ. И кто-же рѣшился бы въ такое время обращаться съ коварными намѣками о вещахъ совсѣмъ постороннихъ къ человѣку, который такъ горячо заботился о больной, такъ ревностно исполнялъ обязанности врача?.. Впрочемъ, теперь и самъ тайный совѣтникъ вдругъ пришелъ къ тому заключенію, что и разузнавать-то совершенно не стѣбитъ, излишне... У него сразу стало удивительно легко на душѣ! Нѣтъ, дѣло должно быть совсѣмъ не такъ.. Ну, какой человѣкъ, удостоившись получить только-что предъ этимъ такое рѣдкое отличіе, сталъ бы вести себя такъ просто, скромно, непринужденно - спокойно, какъ вотъ этотъ молодой лекарь?..

Генриэтта, съ широко - открытыми, блестящими глазами, сидѣла теперь въ постелѣ, обложенная подушками. Начинаясь сильный припадокъ лихорадки. О перенесеніи больной на виллу нечего было и думать, хотя президентшѣ весьма желательно было не оставлять ее здѣсь. Пришлось, поэтому, ограничиться командировкой сюда горничной Генриэтты (для ухода за нею во время ночи) и доставкой всего, чтѣ могло сдѣлать эту комнату, по возможности, „комфортабельной“. Кѣта просила позволить ей взять на себя уходъ ночью за больной, но въ этомъ ей было отказано наотрѣвъ. Президентша и лейбъ-медикъ, хотя отказали, однако неособенно настаивали на своемъ; но зато Брукъ рѣши-

тельно возсталъ противъ этого желанія молодой дѣвушки. Онъ такъ холодно, такъ твердо высказался, что у Кэты даже слезы навернулись.. Брукъ сказалъ, что достаточно будетъ и одной сидѣлки—горничной, потому что самъ онъ лично будетъ присматривать за больной и, что нужно, приказывать служанкѣ. Рѣшено было такъ: Флора и Кэта останутся здѣсь до десяти часовъ, а затѣмъ мѣсто ихъ займетъ Нанни.

Флора во все это время упорно молчала. Она, какъ и бабушка, хорошо понимала, что нельзя же позволить, чтобы Кэта пристыдила ее, родную сестру больной, потому что вѣсть о болѣзни Генріэтты, по всей вѣроятности, завтра-же разнесется по резиденціи, сидѣляется тамъ новостью дня, предметомъ разговоровъ... Поэтому, Флора покорила снлъ обстоятельствъ, какъ приговору, произнесенному надъ ней

XII.

Вскорѣ послѣ ухода президентши и ея друга, изъ виллы прибыли лакеи и служанки, тяжело нагруженные всякой всячиной. Они, не производя ни малѣйшаго шума, осторожно входили въ комнату больной и разставляли тутъ мебель и прочія вещи. Простенькая, но уютная гостиная тетушки-дьякониссы вдругъ заперестрѣла и превратилась въ какую-то аукціонную камеру. Экранъ съ вышитыми узорами очутился предъ черными, потускнѣвшими израсцами печки; явился великолѣпный умывальный столикъ; кресла, обтянутыя шелковой свѣтло-зеленой блестящей матеріей, помѣстились гдѣ только можно. Выдвѣтшія крашенныя стѣны комнаты—и вдругъ такіе роскошные предметы! И смѣшно это было, и некстати; казалось, всѣ эти вещи занесло сюда бурнымъ порывомъ вѣтра.

Тетушка, съ обычною своею кротостью и спокойствіемъ, даже безъ малѣйшей гримасы, выносила изъ комнаты свои вещи, которыя *не должны* были оставаться здѣсь. Глаза ея ни разу не встрѣтились съ глазами племянника. Брукъ, сложивъ руки, отошелъ къ окну и молча смотрѣлъ на обновленіе тетушкиной гостиной. Старушка, быть можетъ, боялась взглянуть на него, опасаясь, чтобы не подмѣтилъ онъ въ ея взорѣ чувства оскорбленія... А этого-то она и не хотѣла ни за что обнаружить.

Когда обстановка комнаты приняла надлежащій элегантный видъ, Флора видимо оживилась, вышла изъ своей апатіи и даже стала распоряжаться убранствомъ комнаты; она собственноручно накинула на постель Генріэтты зеленое шелковое одѣяло и вылила на полъ цѣлый флаконъ одеколона. Потомъ, по ея-же приказанію, у никѣмъ незанятаго окна, былъ разостланъ пушистый коверъ, на который и поставили кресло. Какъ только прислуга удалась — Флора бросилась въ кресло и скрестила на вышитой подушкѣ свои узенькія ножки. Право, можно было подумать, что она, среди какой-то пустыни, спасается на маленькомъ оазисѣ—такъ съѣжилась она и такъ безучастно-холодно глядѣла на все, что окружало ея уголокъ, устланный ковромъ. Вонъ, въ томъ „уморительно - маленькомъ“ зеркалѣ, въ темной деревянной рамкѣ, она только-что предъ этимъ нечаянно увидѣла, что ея волосы пришли въ ужаснѣйшій беспорядокъ... Снявъ съ шеи небольшой бѣлый кружевной шарфъ, Флора граціозно набросила его на свои растрепавшіяся локоны. Эта бѣлая, прозрачная ткань наподобіе туманнаго сіянія окружила ея очаровательную головку. Тетушка-дьяконисса невольно все поглядывала на нее. Да, эта дѣвушка была прелестной да и теперь — прелестная невѣста!.. Старушка въ эти минуты вполнѣ уяснила себѣ, поняла, почему Брукъ не могъ забыть этого созданія, похожаго на Сильфиду; не могъ забыть о немъ ни во время бурной студентческой жизни, ни во время войны—на полѣ брани... Если она теперь какъ-то странно держитъ себя, обна-

руживаетъ мрачную молчаливость (конечно, это оскорбляетъ чуткое, теплое сердце), то вѣдь это такъ... мимолетное нерасположеніе духа, что, вслѣдствіе болѣзни Генріэтты, весьма естественно.

День догоралъ. Тамъ, на западѣ, уже запылало небо. Мелколиственные ползучія растенія, спускавшіяся изъ вазочекъ, привѣшанныхъ къ верхнему косяку окна, казались теперь усыпанными искорками, а красныя розы на ситцевыхъ занавѣскахъ подъ огненными лучами солнца вдругъ превратились въ огромные піоны. Вся комната была какъ бы въ огнѣ.

Генріэтта, съ закрытыми глазами, тихо лежала на мягкихъ подушкахъ. Она не позволила спустить шторы, ей было что-то страшно, она „задышалась въ сумеркахъ“ (такъ выразилась больная) и непремѣнно желала, чтобы никто не стѣснялся и чтобы разговоры велись громко; шопотъ, хожденье на цыпочкахъ — она не могла выносить, просто даже боялась этого: ей казалось тогда, что къ ней относятся какъ къ опасно - больной, почти умирающей... Желаніе ея было исполнено, и всѣ старались быть непринужденными, соблюдая, однако, должную тишину.

Брукъ отправился въ кабинетъ за книгой, а въ это время тетушка-дьяконисса вошла съ подносомъ, и въ комнатѣ запахло чудеснѣйшимъ ароматнымъ чаемъ, такъ что даже на-время перестало пахнуть крѣпчайшимъ одеколономъ. Подносъ былъ покрытъ удивительно-тонкой серебристо-бѣлой камчатской салфеткой; на немъ стояли чашки изъ стараго фарфора; тутъ - же лежали старинныя массивныя серебряныя ложечки. Все это перешло къ тетушкѣ по-наслѣдству отъ ея почтенной родни.

Освѣщенная красными лучами солнца, фигура старушки какъ бы преобразилась: вся она сіяла, по истинѣ щеголяя „голландскою опрятностью“; ея благородное, спокойное лицо обрамляли пепельно-бѣлокурые и далеко еще не порѣдѣвшіе волосы. Она подошла къ невѣстѣ и предложила ей чашку съ освѣжающимъ напиткомъ.

—Вафли домашняго изготовленія?—проговорила Флора выходя изъ полулежачаго положенія.—Ахъ-да! Только-что вѣдь предъ этимъ пахнуло сюда—даже до моего уголка—стрипней изъ кухни!.. Н-да, преаппетитно!..

Она всплеснула руками, какъ бы въ наивномъ восторгѣ.

— Боже мой! Человѣкъ, совершенно лишенный хозяйственныхъ талантовъ, какъ, напимѣрь, вотъ я, рѣшительно никогда не пойметъ, какимъ это образомъ создаются подобныя произведенія искусства?... Сколько терпѣнія, да и времени-то сколько навѣрно нужно для этого!..

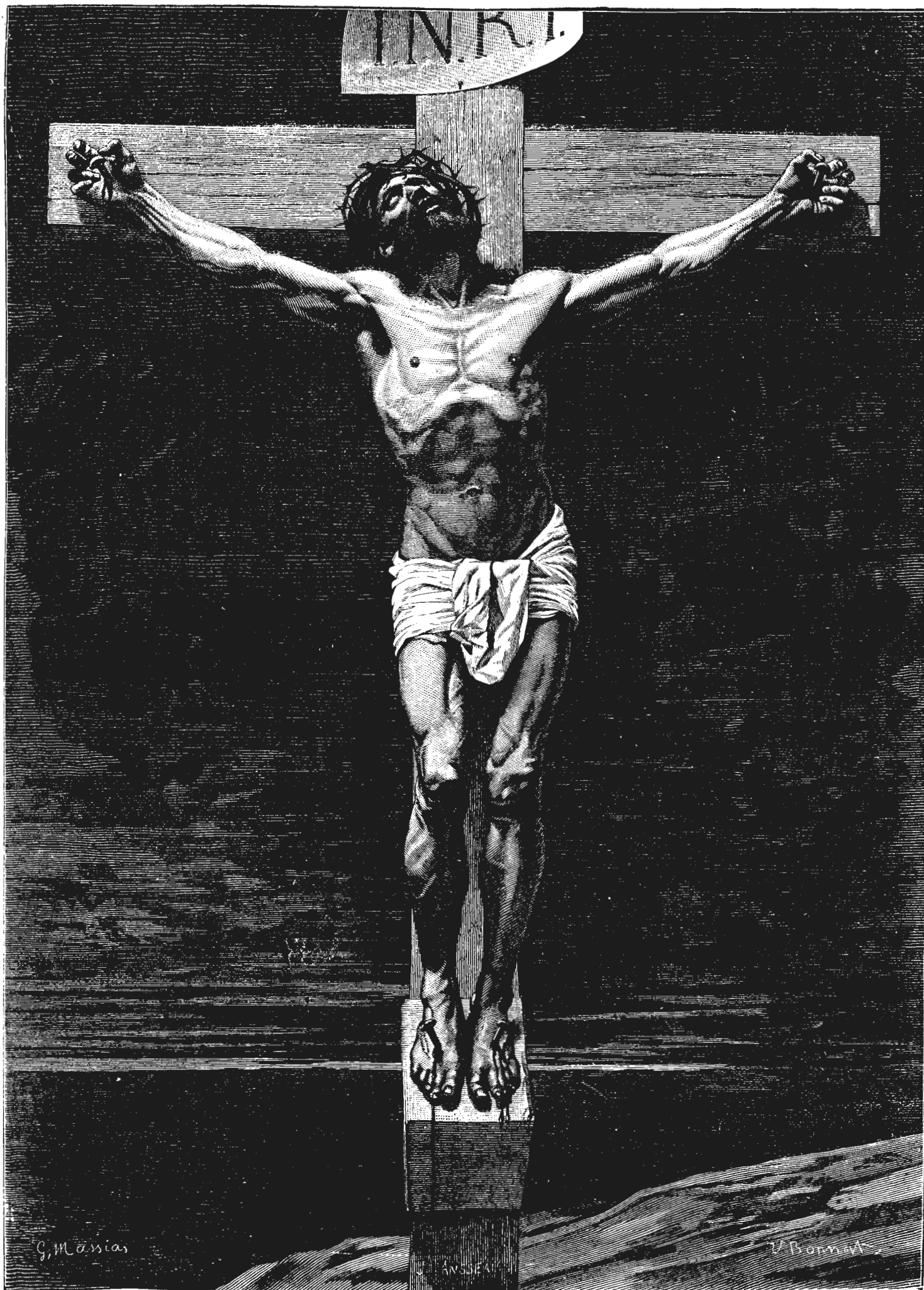
— О, насчетъ времени я, можно сказать, жадничаю, а потому и приобрѣла нѣкоторое проворство,—заговорила дьяконисса, улыбаясь:—такимъ образомъ, обязанности свои по хозяйству исполняю я довольно быстро, справляюсь живо. Изрядное количество свободныхъ часовъ остается еще у меня, и я, право, такъ счастлива, что могу, насколько силъ хватаетъ, поработать и для своего дальнѣйшаго образованія... А вѣдь многія хозяйки, заваленныя работой, не могутъ „для себя“ заняться, просто даже не смѣютъ и книги-то взять въ руки. Вотъ, прошлой зимой, я, напимѣрь, задала себѣ задачу: прочесть библію отъ доски до доски, страница за страницей, по порядку...

— Духовнаго утѣшенія ради?—спросила Флора.

— Нѣтъ, не ради этого; съ библіей я достаточно знакома и наизусть знаю тѣ мѣста въ ней, которыми руководствуюсь въ общезитіи.

Флора такъ была удивлена этимъ, что, широко открывъ глаза, въ упоръ смотрѣла въ лицо старушкѣ... Прочесть всю библію—только для того, чтобы убѣдиться!.. Какая-же это ужасная сушь и какъ неинтересно!.. У нея, натуры такой поэтической, не хватило бы тер-

Иисусъ Христосъ. Картина Л. Бонна, рисов. Бонна и Босья, грав. Ансо.

цѣнья на это. Она и не подозрѣвала, что эта „женщина, вѣчно штопающая чулки, неутомимая стряпуха, чистоплотная хозяйшка“ не прочь отъ умственныхъ занятій... Это обозлило Флору, но она совершенно забыла тутъ, что сама-то съ особенною любовью выставляла себя, стараясь показать, какой у нея серьезно-работящій пытливый умъ. Но какимъ образомъ эта вдовица-діаконисса дошла до того, что стала интересоваться политическими событіями?... А—а, вотъ теперь она, Флора, знаетъ, кто сбиваетъ съ толку Брука, портитъ его, кто помочь ему создать смѣха достойный идеалъ жены: жена, по его мнѣнію, въ одно и то же время можетъ быть и кухаркой, и „разумной помощницей“ мужу...

Кѣта, еще при началѣ разговора, подошла къ тетушкѣ и взяла подносъ изъ ея рукъ. Умные, спокойные глаза молодой дѣвушки слѣдили за Флорой... Она видѣла, какъ эти прекрасныя черты лица обнаруживали усиливающееся волненіе, и знала, что сестрица ея способна на неделикатныя замѣчанія... Поэтому Кѣта поторопилась предложить ей чаю.

Флора, съ видимымъ раздраженіемъ, теребила своими изящными пальчиками носовой платокъ, лежавшій у нея на колѣняхъ, и, нисколько не скрывая смущенія, поблагодарила ее, наотрѣвъ отказавшись отъ предложенной чашки, „потому что она слишкомъ еще взволнована, чтобы быть въ состояніи что-нибудь проглотить“... Однако, немного погодя, Кѣта замѣтила, какъ Флора вынула изъ кармана бонбоньерку и принялась прохлѣждать себя кисленькими, прозрачными конфетами—значить, она нарочно уклонялась отъ угощенія, ничего не хотѣла брать здѣсь... въ этомъ домѣ, чтобъ рѣшительно порвать всякую связь съ нимъ. Молодая дѣвушка сразу поняла, что вѣроломная невѣста, понапѣвъ въ это старое жилище, очутившись въ простой комнатѣ съ мѣщанской обстановкой, утратила и послѣднюю дозу самообладанія, напусканнаго спокойствія... Кѣта читала въ этихъ большихъ сѣровато-голубыхъ глазахъ, горѣвшихъ жгучимъ нетерпѣніемъ, рѣшимость Флоры приблизить развязку—“страхнуть съ себя цѣпи, страхнуть ихъ во что бы ни стало“. Горячо, трепетно молилась „младшая“ сестра, всѣмъ сердцемъ прося у неба не допустить свершиться этой страшной развязкѣ здѣсь—подъ собственной кровлей *несчастнаго человека*. Хорошо еще, что старушка не замѣтила, какъ некрасиво вела себя Флора... Не подозрѣвая, не видя черной, зловѣщей тучи, которая скоро омрачитъ свѣтлую, безмятежную синеву ея неба, тетушка удалилась съ подносомъ. Что касается Кѣты, то она взяла чашку чая и поблагодарила хозяйку.

Горячій вечерній отблескъ становился все блѣднѣе и блѣднѣе. Пурпуровая окраска постепенно темнѣла и исчезала; теперь только и была освѣщена прекрасная фигура особы, сидѣвшей у окна... Казалось, тамъ не Флора сидитъ, а злой ангелъ, окруженный краснымъ пламенемъ демоническаго огня.

Больная стала безпокойнѣе. Она щипала и теребила зеленое шелкове одѣяло и видимо старалась сбросить его.

— Въ зеленой краскѣ—мышьякъ... Прочь, прочь это! прошептала Генріэтта въ страхѣ, съ зловѣщею лихорадочною торопливостію.

Кѣта сейчасъ-же замѣнила шелкове одѣяло другимъ, болѣе прохладнымъ, бѣлымъ, которое прежде и покрывало больную, и расправила складки его на жалкомъ, тощенькомъ тѣлѣ сестры-карлика. И тѣни сознанія не было теперь въ чудныхъ глазахъ больной: они были полузакрыты и смотрѣли дико, безсмысленно.

— Ну, вотъ, такъ хорошо, проговорила она и потянулась.—Смотрите-же не пускайте вы ее сюда, ко мнѣ, если она вздумаетъ задупить меня этимъ жаркимъ, отравленнымъ шелкомъ!.. Бабушка такая фальшивая, какъ и всѣ тамъ... въ гостиной, зараженные ложью...

Она лжетъ, да и тотъ тоже—старый отравитель и, великій авторитетъ!... Если онъ дотронется своими отвратительными пальцами до моей груди—я ударю его!—съ ожесточеніемъ прошипѣла Генріэтта и вдругъ поднялась, сѣла и схватила руку Кѣты... Брукъ, берегись его! (Больная погрозила пальцемъ, какъ-бы предостерегая доктора). Да, поберегись и бабушки... А она—ну, ты знаешь, о комъ я говорю—она папиросы курить, мчится какъ бѣшеная, правя молодыми, горячими лошадыми, и только потому, что ты это запретилъ... О, она самая фальшивая изъ всѣхъ!..

— Весьма благодарна, проговорила Флора въ полголоса, съ злою улыбкою, и еще больше съежилась на своемъ мягкомъ креслѣ.

Неописанный страхъ овладѣлъ Кѣтой... Она чувствовала, какъ крѣпко держали ея руку и какъ искренно пожимали ее.

Молодая дѣвушка избѣгала глядѣть на Брука, за котораго больная въ бреду принимала ее. Докторъ стоялъ у изголовья кровати, полузаслоненный китайскими ширмами.

— А помнишь, Брукъ, какъ прежде-то было?—снова заговорила Генріэтта.—Можетъ быть, ты еще помнишь какъ она, не смотря на сквернѣйшую погоду, гоняла лакеевъ къ тебѣ съ письмами своими, гоняла по пяти разъ въ день?... Пожалуй, не забудь ты и того, какъ она, совсѣмъ обезумѣвшая отъ нетерпѣнія, выбѣгала навстрѣчу тебѣ, если ты не являлся въ назначенную минуту?... И какъ она потомъ, еще у дверей, страстно, крѣпко обвивала руками твою шею—будто и выпустить тебя не хотѣла никогда, никогда... Помнишь?...

Тутъ Флора выскочила изъ своего кресла. Шелковое платье ея зашумѣло, а лицо было такъ красно какъ будто яркій огонь вечерней зори, только-что потухшей, снова освѣтиль ея блѣдныя щеки.

— Дай ей морфія!—крикнула она, обратившись къ Бруку... Это скорѣе походить на сумасшествіе, чѣмъ на лихорадочный бредъ... Ей слѣдуетъ заснуть.

Больной только передъ этимъ дана была полная ложка лекарственной жидкости. Докторъ отвѣтилъ Флорѣ мимолетной улыбкой... Такъ улыбаются въ отвѣтъ на вздорное требованіе человѣка несвѣдущаго. Брукъ даже не пошевелился. Краска, появившаяся на его смугломъ лицѣ при послѣднихъ словахъ Генріэтты, быстро исчезла... Онъ, казалось, попрежнему былъ покоенъ и холоденъ.

Флора, видимо разгнѣванная, опустила въ кресло и отвернулась лицомъ къ окну; взглядъ ея, огненный, тревожный, блуждалъ гдѣ-то.

— Могъ-ли ты думать тогда, Брукъ, что все это изменится? Думалось-ли тебѣ, что когда-нибудь она скажетъ: „все это было ужаснѣйшей ошибкой“!..

Больная, проговоривъ эти слова, обѣими руками, такими горячими, ухватила за руку Кѣты. Сердце молодой дѣвушки почти перестало биться... Съ языка больной сорвалось теперь то, чего даже не смѣла еще произнести во всеуслышаніе сама виновная. Кѣта быстро нагнулась надъ ней и какъ-то невольно, инстинктивно, приложила къ ея лбу свои холодныя пальцы... Быть можетъ это могло дать иное направленіе страшнымъ мыслямъ Генріэтты.

— Ахъ, вотъ такъ прохладно!—вздохнула Генріэтта... Ну, а помнишь ли ты, какъ Флора отдернула твою руку отъ моего лба, когда голова у меня болѣла?... Она была ужасно ревнива...

У окна послышался сдержанный, презрительный смѣхъ... Больная, конечно, не слышала этого: внѣшній міръ почти не существовалъ для нея.

— При мысли о томъ, что должно случиться, я страдаю, и эти страданія не даютъ мнѣ заснуть! заговорила она жалобнымъ голосомъ и, скрестивъ пальцы, съ страстнымъ порывомъ прижала къ больной груди

своей сложенных руки. Да, тогда ты будешь избѣгать насъ, стараться не заходить въ домъ нашъ. Несчастливымъ будешь, не захочешь даже и имени - то нашего произнести.. Ахъ, Брукъ, вѣдь ей и горя мало!.. Развѣ она задумывается объ этомъ, наслаждаясь своимъ безграничнымъ тщеславіемъ, которое называетъ честолюбіемъ? Увидишь—она во что бы ни стало освободится...

Кэта невольно подняла руки и въ невыразимомъ страхѣ протянула ихъ къ лицу больной.

Генріэтта вскрикнула, а потомъ простонала:

— Не зажимайте мнѣ рта рукой!..

Въ это мгновеніе Флора, очутившись около кровати, почти оттолкнула отъ нея младшую сестру свою. Въ чертахъ лица красавицы, въ движеніяхъ—словомъ, во всей фигурѣ ея видна была отчаянная рѣшимость.

— Дай же ей говорить! повелительнымъ тономъ произнесла она.

— Да, да... говорить!—пролетѣла Генріэтта въ изнеможении, но видимо довольная, какъ ребенокъ, желаніе котораго исполнили. Кто же другой-то, если не я... и, скажетъ это тебѣ, Брукъ?.. Кто предостережетъ тебя, посоветуетъ тебѣ быть осторожнѣе?.. Гляди же зорко!.. Улетитъ она отъ тебя, какъ голубь съ дерева—эта бѣленькая кокетка... Она хочетъ быть свободной!..

— Ну, что бы тамъ она ни молила, *одно*, все-таки, вѣрно,—сказала Флора твердымъ, рѣшительнымъ тономъ и шагнула къ доктору,—Генріэтта права: не могу и быть для тебя тѣмъ, чѣмъ обѣщала быть... Брукъ, освободи меня!—прибавила она умоляющимъ голосомъ и, сложивъ руки, подняла ихъ.

Въ первый разъ Кэта слышала, какъ соблазнительно-сладко могъ звучать голосъ Флоры, если она хотѣла смягчить его. Вотъ и развязка! Желанное слово произнесено, а сколько мѣсяцевъ прошло въ отвратительныхъ приготовленіяхъ къ этой рѣшительной минутѣ, сколько строилось козней!.. Молодая дѣвушка думала, что человекъ, которому измѣнили, сейчасъ, тутъ же, и упадетъ на землю, но убійственная молнія, повидимому, даже и не опалила Брука. Несокрушимая твердость его поразила Кэту—это было для нея чѣмъ-то загадочнымъ и непонятнымъ, какъ, напр., если бы солдатъ, смертельно раненый въ бою, вдругъ вышелъ цѣлымъ, невредимымъ изъ порохового дыма. Молча, серьезно глядѣлъ докторъ на Флору, умолявшую его, только блѣдень онъ былъ, блѣдень какъ мертвецъ. Она хотѣла взять руку его, но онъ не далъ ей руки...

— Не мѣсто здѣсь для подобнаго рода объясненій...

— Но такъ вышло... кстати! Другая высказала то, что уже нѣсколько мѣсяцевъ вертѣлось у меня на языкѣ, чего я не могла прямо...

— Не могла потому, что это... чистое вѣроломство! Флора закусила губы.

— Жестко сказано, да и не подходит... Вѣдь мы не въ такомъ еще тѣсномъ союзѣ, чтобы препятствовать другъ другу, и, кромѣ того—я говорю это искренно, увѣренно—тебя не вытѣснилъ изъ моего сердца кто-либо другой... Нѣтъ!.. Брукъ, не улыбайся такъ презрительно!.. Ей Богу же—я не думаю ни о какомъ другомъ мужчинѣ!..—страстно-порывисто воскликнула она и сейчасъ же прибавила болѣе спокойнымъ тономъ:—упреки пусть падутъ на меня... ничего, лишь бы намъ-то не быть несчастными!..

— Что касается моего счастья или несчастья—оставь, пожалуйста, теперь это въ покоѣ! Ты не можешь знать, что понимаю я подъ этими словами, но, конечно, знаешь, что и счастье, и несчастье не должны быть принимаемы въ расчетъ, когда дѣло идетъ о чести человека, уважающаго себя... Ну, а теперь, ради больной твоей сестры, я бы попросилъ тебя пока помолчать.

Брукъ отвернулся и подошелъ къ ближайшему окну. Флора—за нимъ.

— Но вѣдь Генріэтта не слышитъ насъ,—замѣтила она.

Больная въ сильнѣйшемъ изнеможении опустила на подушки и безумолка бормотала что-то про себя, словно ребенокъ, самъ себѣ рассказывающую сказку. Дѣйствительно, Генріэтта ничего не видѣла, ничего не слышала теперь, впавъ въ безсознательное состояніе.

— Ты, все-таки, не рѣшилъ,—продолжала Флора печальнымъ, удрученнымъ голосомъ...—Мнѣ нуженъ прямой, опредѣленный отвѣтъ! Зачѣмъ откладывать то, что можетъ быть порѣшено однимъ словомъ?..

Гадко даже смотрѣть было, какъ она, играя, вертѣла нарочно кольцо на четвертомъ пальцѣ своей лѣвой руки.

Брукъ повернулъ только голову и поглядѣлъ на нее. И Кэтѣ снова бросилось въ глаза—увидѣла она, что фигура его, хотя такая крѣпкая, мужественная, рядомъ съ Флорой казалась куда стройнѣе, моложавѣе... А лицо?.. Какое юношески-чистое, свѣжее; алыя губы такіе цѣломудренно-дѣвственныя, глаза—странно-робкіе, способные утаить отъ посторонняго взгляда сокровенныя движенія души, и при всемъ этомъ какъ онъ просто, скромно держитъ себя... Теперь взглядъ его прямо былъ устремленъ на красивую дѣвушку, кудрявая головка которой едва достигала его плеча.

— Чѣмъ же думаешь ты замѣнить совмѣстную жизнь со мной?—спросилъ Брукъ такъ неожиданно и такъ рѣзко, что Флора невольно вздрогнула.

— Нужно-ли мнѣ говорить это тебѣ, Брукъ, воскликнула она и, глубоко вздохнувъ, какъ бы сваливъ тяжелую ношу съ плечъ, откинула со лба локончики. Развѣ ты не видишь, какъ я всей душой хочу всецѣло отдаться литературной дѣятельности. Но возможно-ли мнѣ работать такъ, какъ требуютъ того мои дарованія, удовлетворять горячему моему стремленію, если я при-му на себя обязанности жены?.. О, нѣтъ! Невозможно... никогда!..

— Странно, что у тебя бурное желаніе это появилось только теперь, два-три мѣсяца тому назадъ, послѣ того, какъ ты...

— Послѣ того, какъ я прожила уже двадцать девять лѣтъ, не думая о лучахъ славы, хочешь ты сказать?—рѣзко перебила Флора, сильно вспыхнувъ, такъ что щеки ея стали совсѣмъ пунцовыми...—Ну, можешь объяснить это какъ тебѣ угодно! Пожалуй, укажи на женскую натуру... Женщина колеблется, заблуждается, пока, наконецъ, не попадетъ на настоящую дорогу..

— А увѣрена-ли ты въ томъ, что это-то и есть на стоящая твоя дорога?..

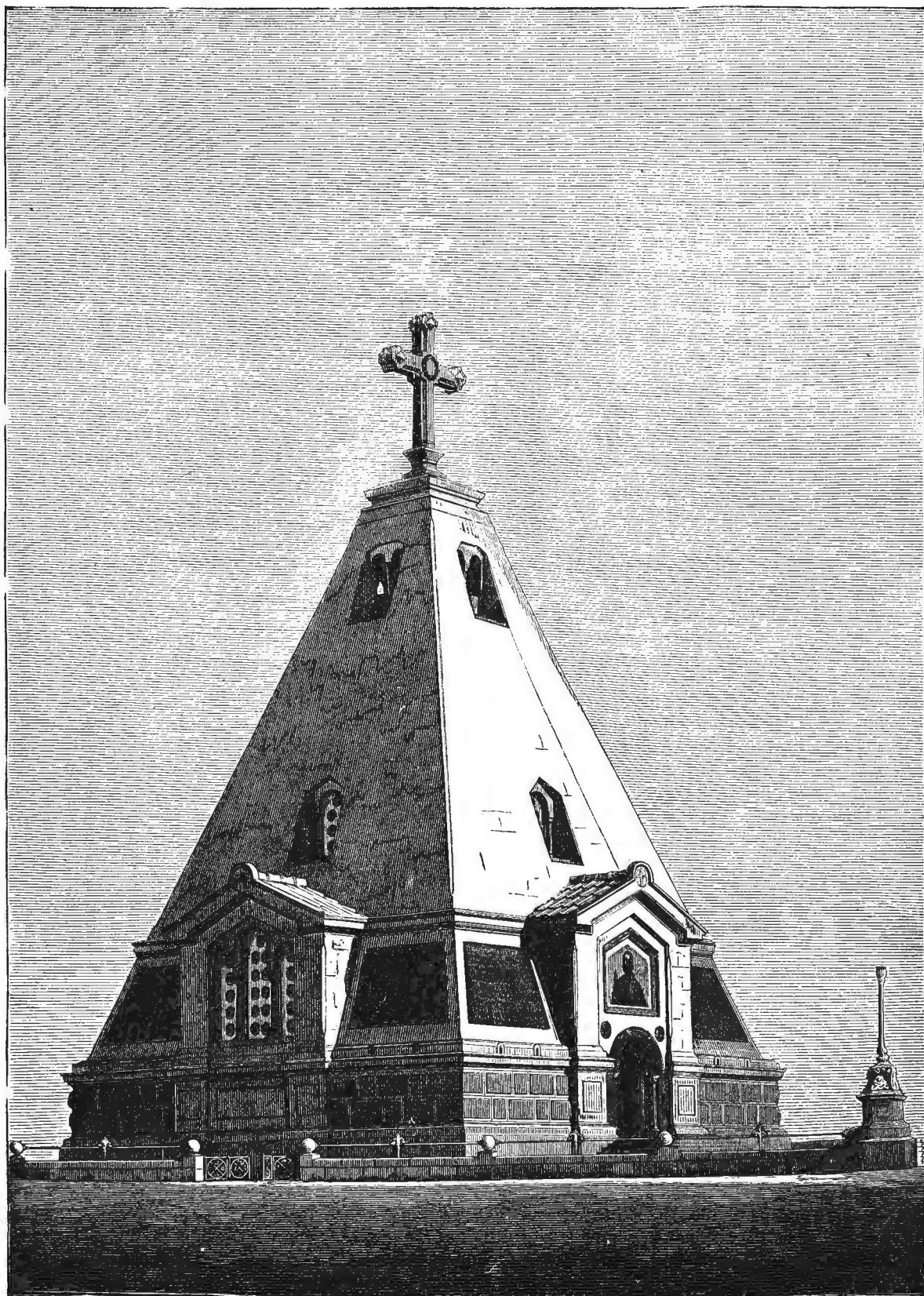
— Совершенно увѣрена. Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно, что магнитная стрѣлка должна указывать по направлению къ полюсу.

Брукъ молча прошелъ мимо нея, взявъ со стола лѣкарство и подошелъ къ кровати. Генріэттѣ опять нужно было дать микстуры, но больная уснула, крѣпко держа обѣими руками правую руку Кэты. Молодой дѣвушкѣ казалось, что докторъ, вслѣдствіе сильнаго душевнаго волненія, сталъ автоматомъ, дѣлаетъ все машинально... На *нее* онъ даже и не взглянулъ... Что-же, навѣрно Брукъ чувствовалъ себя униженнымъ: вѣдь она, Кэта, была свидѣтельницей этой возмутительной сцены, но развѣ ей дешево это досталось, развѣ она не страдала, поневолѣ оставшись тутъ?.. Нѣсколько разъ пробовала она осторожно высвободить руку и затѣмъ убѣжать куда глаза глядятъ, но, при малѣйшемъ ея движеніи, больная вздрагивала, какъ бы отъ сильнаго испуга.

Докторъ попытался пощупать пульсъ у заснувшей. Кэта, желая помочь ему въ этомъ, подложила лѣвую руку подъ локоть больной. На мгновеніе пальцы Брука прикоснулись къ ея рукѣ—и онъ вздрогнулъ, лицо его вспыхнуло, а Кэта, испугавшись, отдернула руку.

Что же это такое было?.. Неужели онъ такъ взволнованъ, неужели нервы у него такъ разстроены, что такое легкое прикосновеніе къ чужой рукѣ могло возмутить его, испугать, даже озлобить?.. Она поглядѣла на

Флора, между тѣмъ, въ сильномъ волненіи, съ явнымъ нетерпѣніемъ, прошла нѣсколько разъ по комнатѣ и снова подошла къ доктору, стоявшему у стола. — Съ моей стороны неблагоприятно было такъ от-

Севастопольскій памятникъ на Братской могилѣ знаменитыхъ сева­стопольскихъ защитниковъ, наружный видъ. Съ фотографіи рѣзалъ К. Вейерманъ.

него сбоку, такъ робко, и увидѣла, какъ грудь его высоко поднялась отъ глубокаго вздоха, когда онъ отвернулся, чтобы поставить на столъ склянку съ лека­рствомъ.

кровенно высказывать свои чувства, —заговорила она съ гнѣвно-сверкающими глазами. Молчаніе Брука, а глав­ное то, что онъ въ такую рѣшительную минуту борьбы преспокойно обратился къ исполненію своей обязанно-

сти, какъ врача, отошелъ отъ нея—страшно раздражило Флору.—Ты презираешь женскій умъ, ты—изъ огромной толпы тѣхъ закоренѣлыхъ эгоистовъ, которые ни за что не хотятъ видѣть женщину самостоятельной!..

— Если она не можетъ быть самостоятельной, то, конечно, это такъ, да.

Флора положила на столъ свою ручку и судорожно сжала пальцы въ кулакъ; губы ея почти побѣлѣли... Она съ секунду посмотрѣла въ лицо доктора и потомъ рѣзко спросила:

— Что ты хочешь этимъ сказать, Брукъ?

На лбу и на щекахъ Брука показалась легкая крас-

ладать сильной, упрямой волей, причѣмъ должно быть полное отсутствіе раздражительнаго женскаго тщеславія, а главное—имѣть дѣйствительное дарованіе, настоящій талантъ...

— А этого-то, по твоему мнѣнію, у меня и нѣтъ?..

— Статьи твои о женской эмансипаціи я читалъ...

Голосъ Брука, обыкновенно такой мягкій, тихій, зазвучалъ теперь какъ-то убійственно рѣзко.

Флора отшатнулась, какъ будто на нее былъ направленъ острый, блестящій ножъ.

— Но почему же ты знаешь, что именно я авторъ тѣхъ статей, которыя ты прочелъ?—робко, нерѣшитель-

Севастопольскій памятникъ на Братской могилѣ знаменитыхъ сева­стопольскихъ защитниковъ, видъ внутренній. Съ фотографіи рѣзалъ К. Вейерманъ.

ка, брови же сто чуть-чуть нахмурились. Онъ, повидимому, принадлежалъ къ разряду тѣхъ чувствительныхъ натуръ, которыя, при язвительномъ разговорѣ, доходящемъ, наконецъ, до взаимныхъ оскорбленій, ощущаютъ нѣчто вродѣ пытки.

— Хочу сказать (голосъ его, копрежнему, звучалъ твердо, свиду докторъ былъ спокоенъ), что для „самостоятельности“ этой,—а на нее женщина имѣетъ полное право, если сама стремится къ ней и если только это не помѣшаетъ ей исполнять ранѣ принятія на себя обязанности, не повредить честной семейной жизни—для самостоятельности этой, говорю я, надобно об-

но спросила она, съ лихорадочнымъ напряженіемъ слѣдя за выраженіемъ лица доктора...—Подъ статьями нѣтъ фамиліи, тамъ только буквы?..

— Да, но о буквахъ этихъ, задолго еще до появленія статей, знали въ обширномъ кружкѣ твоихъ знакомыхъ.

Флора, сконфузившись, на мгновеніе опустила глаза.

— Ну, хорошо; ты прочелъ статьи, но что же должна я думать о тебѣ: вѣдь ты ни разу не заговорилъ со мной относительно моихъ стремленій, ни однимъ словомъ не намекнулъ, даже не высказалъ своего немилостиваго неодобренія?..

— А если бы я это сдѣлала — развѣ положила бы ты перо, бросила бы писать?..

— Нѣтъ! Никогда!..

— Я это зналъ, потому-то и не заговаривалъ съ тобой о твоихъ стремленіяхъ, отложивъ это до нашей свадьбы. Само собою разумѣется, женщина разумная идетъ рука объ руку съ мужемъ; ради личныхъ своихъ стремлений, она не отдѣляется отъ него, развѣ только въ томъ случаѣ, когда, не отрицая, однако, своихъ обязанностей, дѣйствительно бываетъ одарена богатыми способностями и проявляетъ замѣчательный талантъ...

— Котораго, конечно, у меня нѣтъ,—подхватила она съ невыразимымъ ожесточеніемъ.

— Нѣтъ, Флора, ты умна, ты имѣешь esprit, но нѣтъ у тебя творчества,—проговорилъ Брукъ, серьезно качая головой и принявъ свой обычный, кроткій тонъ.

Флора съ секунду стояла какъ бы пораженная этимъ откровеннымъ отвѣтомъ доктора, который, конечно, высказалъ это на основаніи твердаго убѣжденія... Потомъ, оправясь, она, съ какою-то притворною радостью, пополамъ съ вспыхнувшей яростью, высоко подняла руки...

— Ну, слава Тебѣ, Господи! Теперь рухнула и послѣдняя преграда, исчезло послѣднее сомнѣніе... Рабою бы я стала, бѣдной, угнетенной женщиной... Да!.. Изъ души моей вырвали бы божественную искру поэзіи, чтобы искрой этой зажечь дрова въ кухонной печкѣ!..

Флора слишкомъ громко произнесла слова эти. Больная, убаюканная монотоннымъ разговоромъ, только-что заснула передъ этимъ; но рѣзкій голосъ старшей сестры разбудилъ ее; она вскочила съ широко-открытыми глазами и начала озираться. Это встревожило Брука, и онъ послѣдилъ къ Генріэттѣ, далъ ей лекарства и нѣжно приложилъ руку свою къ ея лбу. Отъ этого прикосновения испуганные глаза больной снова закрылись.

Если бы она, бѣдная страдалица, знала, какая буря, по ея милости, разразилась надъ головой этого несчастнаго человѣка!.. Вѣдь Генріэтта до сихъ поръ такъ усердно старалась, по мѣрѣ возможности, не допустить свершиться этому злосчастному разрыву...

— Я вынужденъ серьезно попросить тебя не тревожить болѣе больной,—сказалъ Брукъ, повернувшись къ Флорѣ одной только головой, такъ какъ онъ все еще стоялъ согнувшись надъ кроватью, держа руку на лбу Генріэтты.

— Да мнѣ и говорить-то больше нечего,—отвѣтила Флора съ насмѣшливой улыбкой, которая ей не удалась, и вынула изъ кармана перчатки.—Мы все покончили!.. Ты это и самъ теперь хорошо знаешь, наговоривъ мнѣ столько оскорбительныхъ вещей... Я—свободна.

— Не потому-ли, что я отрицаю въ тебѣ талантъ, не смотря на то, что ты настаиваешь на этомъ изъ каприза?..

Видно было, какихъ страшныхъ усилий стоило доктору понизить голосъ. Теперь и имъ овладѣло негодованіе: онъ вдругъ выпрямился—и дѣйствительно, что это была за величественная, высокая фигура! Все, что придавало иногда ему такой юношескій видъ — кроткій, ясный взглядъ, движенія, обнаруживающія скромность, терпѣливость—все это исчезло... Гнѣвный, до глубины души возмущенный мужчина стоялъ теперь передъ Флорой.

— Я спрашиваю тебя: кому я предложилъ руку —

писательницѣ или Флорѣ Мангольдъ? Женой моей согласилась тогда быть именно Флора Мангольдъ, зналъ очень хорошо, что я принадлежу къ разряду тѣхъ, которые хотя бы *исключительно* обладаютъ своей женой, хотя бы зажить тихой, счастливой семейной жизнью... Они женятся не для свѣта, вовсе не желаютъ обращать жену въ порхающую свѣтящуюся огонекъ. Ты все это знала... и въ то время старалась быть для меня именно такой. Благодаря своей сангвинической натурѣ, ты ужъ слишкомъ усердствовала, хватала черезъ край: но зачѣмъ же возиться съ грязными кухонными горшками, какъ это ты тогда дѣлала въ излишнемъ рвеніи?.. Этого я никогда и не потребовалъ бы отъ жены... Жена должна быть умственно - оживляющимъ элементомъ, и ты была бы предметомъ моей гордости, подругой, въ которой я находилъ бы сочувствіе, товарищемъ-соратникомъ моимъ въ борьбѣ...

Брукъ тяжело вздохнулъ... Онъ ни на секунду не оторвалъ глазъ отъ лица красавицы, а глаза эти укоризненно глядѣли на нее... Флора казалась теперь такой маленькой, жалкой, ничтожной, хотя и старалась сохранить отважный, вызывающій видъ.

— Перемѣну въ тебѣ я прослѣдилъ шагъ за шагомъ—отъ первой черточки недовольства на твоемъ лицѣ до объясненія твоего въ настоящую минуту,—снова заговорилъ докторъ.—Ты даже относительно своихъ собственныхъ недостатковъ, напримѣръ, высокомерія, тщеславія, капризовъ — проявила поразительную слабость... И неужели ты все-таки еще хочешь выставить себя крѣпкой, сильной духомъ, хочешь изречь великое слово въ пользу женской эмансипаціи?.. Неужели и теперь станешь ты требовать, чтобы женщину считали не ниже мужчины относительно разсудочной способности,—станешь претендовать на послѣдовательность, сильную волю и полную равноправность?.. О томъ, какъ думаю я о твоемъ характерѣ, о твоемъ поведеніи вообще, что творится теперь въ моей собственной душѣ, буду ли я счастливъ или страшно несчастливъ—здѣсь объ этомъ не можетъ быть рѣчи. Мы на глазахъ у всѣхъ торжественно обмѣнялись кольцами, обручились на всю жизнь —такъ и должно быть, все остается попрежнему. О тебѣ говорятъ, что ты частенько-таки забавлялась жестокой игрой въ сердца мужчинъ: увлекала ихъ, вертѣла ими, а потомъ обманутыхъ, одураченныхъ подвергала насмѣшкамъ со стороны общества, любуясь, какъ жалостно, сострадательно посматриваютъ на нихъ... Но меня ты не выставишь къ такому позорному столбу—въ этомъ можешь быть увѣрена!.. Нѣтъ, ты не свободна... Я не выпущу тебя! Захочешь ли ты сдѣлаться клятвopреступницей или не захочешь—все равно. Слово я сдержу!

—Постыдись!—воскликнула Флора внѣ себя.—Неужели же ты потащишь меня къ алтарю и даже тогда удержишь, когда я громко скажу, что давно уже перестала любить тебя?.. Вѣдь вотъ теперь, здѣсь, передъ тобой—сколько усилий нужно мнѣ, чтобы сдержатъ порывъ сильнѣйшей ненависти къ тебѣ!..

При этихъ ужасныхъ словахъ Кэта встала. Ей удалось исподволь высвободить свою руку, и она, отвернувъ голову отъ *нихъ*, вышла изъ комнаты... Молодая дѣвушка рѣшительно не могла взглянуть въ лицо человѣка, которому только-что нанесла почти смертельный ударъ.

(Продолженіе будетъ).

Севастопольскій памятникъ на Братской могилѣ севастопольскихъ защитниковъ (1854—1855 г.).

Севастополь до сихъ поръ городъ гробовъ—мертвецъ, но онъ хорошъ и мертвый... Эти бѣлыя громады разваливъ, эти колоннады безъ крышъ, имѣютъ величавую, своеобразную красоту огромнаго кладбища богатѣрей. («Два дня въ Севастополѣ», № 22 «Пет. Вѣд.» 1876 г., ст. А. Р.).

Тотъ памятникъ, который изображенъ здѣсь—памятникъ, известнѣйшій во всей Россіи подъ названіемъ «Братской могилы». находится въ безсмертномъ въ отечественной исторіи городѣ Севастополѣ, прославившемся своею упорною, безпримѣнною защитою отъ нападенія на него, за 23 года предъ симъ, фран-

цuzовъ, англичанъ, итальянцевъ и турокъ, съ ихъ многочисленными арміями и сильными флотами. Этотъ памятникъ-храмъ осыпаетъ собою прахъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ русскихъ воиновъ, отдавшихъ жизнь свою за честь Россіи и усѣвшихъ, не взирая на всю превосходную силу враговъ, не дать погибнуть намъ, русскимъ, въ борьбѣ съ этими врагами, поплатившись, конечно, нѣкоторыми политическими, и то впрочемъ временными, уступками. Затѣмъ одиннадцатимѣсячное «севастопольское сидѣнье»—одна изъ блестящихъ страницъ нашей новѣйшей исторіи. Имя Тотлебена тѣсно связано съ севастопольскою обороною, какъ тѣсно связаны съ нею имена: Корнилова, Нахимова, Истомина, Хрулева, Бирюлева и многихъ другихъ славныхъ героевъ севастопольскихъ. Но, справедливо и краснорѣчиво сказалъ нашъ талантливый Погоскій: «какъ безсмертная душа вступаетъ въ созданное изъ персти земной утлое тѣло, такъ въ утлыя, наскоро наброшенные укрѣпленія севастопольскія вступилъ въ 1854 году твердый, безсмертный *солдатскій духъ*: тогда всякая пядь земли ожила и изъ этой земли поднялась противъ вдесятеро сильнѣйшаго врага беззавѣтная, грозная сила...»

«Не одна сотня тысячъ враговъ легла подъ этими земляными стѣнами, пока враги вошли въ развалины оставленной нами, аркибузироваанной и изрытой бомбами крѣпости.»

«Какъ часовой на своемъ посту, стоялъ Севастополь на южной оконечности Россіи—и этотъ «великій часовой, этотъ каменный и пламенный солдатъ русскій», явилъ себя именно тѣмъ богатыремъ, какимъ являлся каждый истинный солдатъ нашъ: не дрогнувъ передъ окружавшими его врагами, штыкомъ и огнемъ отвѣчалъ онъ на ихъ штурмы и бомбардировки—на эти громовые крики: «Сдавайся?»»

«...Не на то поставленный, стоялъ онъ непобѣдимо, какъ будто отвѣчая: «Я сдамъ вамъ только мои разбитыя кости—когда не останется во мнѣ камня на камнѣ»...»

«Полтора года (т. е. гораздо прежде еще обложенія севастопольскихъ твердынь, газеты всей Европы чуть не каждый день голосили на весь міръ: «Севастополь взятъ!» А онъ въ грому, въ пламени и въ дыму, разбитый вчера—сегодня стоялъ опять во всеоружіи богатой силой и дышалъ ужасомъ на враговъ.»

Но какъ ни сильно и отчаянно было сопротивление нашихъ оборонителей Севастополя, знаменитыхъ отъ великаго до малаго, отъ высокопоставленнаго вождя до самаго неизвѣстнаго солдатика или матросика—сила превзошла и, 27 августа 1855 года, на Малаховомъ курганѣ появилось французское знамя, а съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшилась судьба Севастополя, развалины котораго сданы были непріятелю.

По поводу этой сдачи, тогдашній главнокомандующій, князь Горчаковъ, въ своемъ приказѣ по крымской арміи, отъ 31-го августа 1855 года, сказалъ эти памятные слова: «Грустно и тяжело оставить врагамъ нашамъ Севастополь, но вспомните какую жертву мы принесли на алтарь отечества въ 1812 году. Москва стонъ Севастополя! Мы ее оставили послѣ безсмертной битвы подъ Бородиною. Триста сорокадевятидневная оборона Севастополя превосходитъ Бородину! Но не Москва, а гряда каменьевъ и пела досталась непріятелю въ роковую 1812 годъ. Такъ точно и не Севастополь оставили мы нашамъ врагамъ, а одинъ пылающій развалины города, собственною нашею рукою зажженного, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучаты наши съ гордостью передадутъ потомству! Почтимъ, товарищи, тѣхъ изъ насъ, кои пали съ честью за вѣру и отечество на валахъ Севастополя и вознесемъ мольбы наши ко всевышнему, да ниспошлетъ онъ міръ и успокоеніе ихъ праху и увѣковѣчитъ память о нихъ, въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ Россіянъ.»

Не сотнями уносила своихъ жертвъ эта гибельная война, а тысячами, десятками и сотнями тысячъ! Нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ жертвъ этой губительной осады, каковы адмиралы: Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ, положены тамъ, гдѣ положенъ былъ до нихъ ихъ начальникъ, безсмертный въ исторіи русскаго флота адмиралъ Лазаревъ. Теперь столь историческая могила адмираловъ находится въ склепѣ, надъ которымъ въ настоящее время, съ 1859 года, храмъ памятникъ, и никто изъ посѣтителей Севастополя, кто бы онъ ни былъ, не пропускаетъ хотя величественный и, съ тѣмъ вмѣстѣ трогательный памятникъ нашій несравненной доблести...

Но эти герои-адмиралы были далеко не одни: за ними идетъ длиною вереницею дѣльный рядъ извѣстныхъ и безвѣстныхъ героевъ, изъ коихъ одинъ погибъ въ славномъ бою, другіе сдѣлались калѣками, третьи, наконецъ, остались живы и невредимы, и они послѣдніе постоянно вспоминаютъ о безпримѣрномъ «севастопольскомъ сидѣньи», ознаменовавъ это воспоминаніе преимущественно тѣмъ, что разъ въ году, большею частью въ февралѣ мѣсяцѣ, собираются всѣ наличные, живущіе въ Петербургѣ «севастопольцы» за дружескимъ обѣдомъ. Къ сожалѣнію, съ 1856 года, какъ начались эти собранія «севастопольцевъ» и бываетъ ежегодно «севастопольскій обѣдъ», въ теченіи этихъ 20 лѣтъ, число участниковъ этого дружественно-товарищескаго собранія значительно уменьшается: многие уже изъ нихъ не слишкомъ долго пережили тѣхъ товарищей, съ которыми 11 мѣсяцевъ «отсиживались» въ пылавшемъ и съ каждымъ днемъ разрушавшемся тогда Севастополѣ. Участники

этихъ «севастопольскихъ обѣдовъ», сколько извѣстно, бесѣдуютъ, преимущественно, о былыхъ дняхъ, знаменитыхъ великими событіями, сопровождавшимися не сотнями, а тысячами, десятками и сотнями тысячъ славныхъ смертей. Времени не хватало устраивать для всѣхъ этихъ жертвъ пышныхъ церемоній, не было также средствъ воздвигать надъ ихъ общей могилою роскошныхъ надгробныхъ памятниковъ... Ихъ хоронили въ простыяхъ, крашенныхъ и некрашенныхъ гробахъ, опускали въ одну могилу на сѣверной сторонѣ Севастополя, ставили деревянные, простые кресты. Монахъ въ эпитрахели, да нѣсколько товарищей, изъ которыхъ большинство окалѣченные—вотъ тѣ, которые сопутствовали севастопольскимъ героямъ къ ихъ послѣдней жилищу, но за то какъ горяча, какъ искренна была заупокойная молитва этихъ людей *)... Теперь, на этомъ общемъ кладбищѣ, извѣстномъ въ Севастополѣ, да и не въ одномъ Севастополѣ, а повсюду въ Россіи, подъ трогательнымъ наименованіемъ *Братской могилы*,—построена церковь, гдѣ, кромѣ четырехъ адмираловъ, похоронены умершіе впоследствии, славные вожди храбраго гарнизона,—бывшій въ послѣднее время осады главнокомандующимъ, князь Михаилъ Дмитриевичъ Горчаковъ и извѣстный своею баснословною неустрашимостью, «молодецъ-генераль», какъ его прозвали солдаты, Степанъ Алексѣевичъ Хрулевъ.

Перименовывать всѣхъ защитниковъ Севастополя, отставившихъ вмѣстѣ съ Севастополемъ честь и славу Россіи, едва ли возможно, потому что перечень всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ, хотя большею частью безвѣстныхъ, именъ занялъ бы нѣсколько не только страницъ, а листовъ печатныхъ. И такъ какъ надъ каждою почти могилою обширныхъ севастопольскихъ кладбищъ можно рассказать исторію геройскаго подвига или примѣръ неистощимой твердости духа и самоотверженія, и какъ подъ каждымъ крестомъ поконится прахъ героя, героя ежелю не знаменитаго, то все-таки героя, достойнаго уваженія и признательности потомства, то, ежелю бы повторить всѣ эти имена, присвокупивъ къ нимъ подробности о дѣяніяхъ тѣхъ, кому, при жизни, эти дѣянія принадлежали,—пришлось бы написать или напечатать цѣлую книгу, да еще не одну, а во многихъ томахъ. Впрочемъ, такая огромная книга уже имѣется съ 1872 года, по инициативѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Цесаревича, чрезъ изданіе столь извѣстнаго и именно драгоцѣннаго, въ своемъ родѣ, «Сборника», въ четырехъ весьма большихъ томахъ, въ которыхъ собрано такъ много любопытныхъ длинныхъ, большею частью въ оживленныхъ и драматизированныхъ разказахъ о подвигахъ *всѣхъ* севастопольцевъ.

Но нельзя среди массы, почти безчисленной, всѣхъ этихъ могилъ не указать въ особенности на могилу, заключающую въ себѣ не героя юношу, много надеждъ подававшего отечеству и родной семьѣ, не доблестнаго мужа, запечатлѣннаго нами свою подвигомъ, внесеннымъ въ страницы исторіи, а могила бѣдной, неизвѣстной старушки, принесшей послѣдніе дни своей доброй жизни въ жертву севастопольскихъ защитниковъ. Одна изъ «севастопольцевъ», оставшійся въ живыхъ, рассказывалъ намъ, что въ началѣ апрѣля мѣсяца 1855 года, явилась къ нимъ на Сѣверную сторону Севастополя, одна добрая, веселая и словоохотливая старушка, одна каждому безъ исключенія говорила: «Ты мой голубчикъ, мой родимый». То была Прасковья Ивановна Графова, которая вдругъ скрылась отъ родныхъ изъ Петербурга и явилась въ Севастополь, посвятить себя на пользу ближняго. Неумолима ея дѣятельность долго не могла найти себѣ мѣста, пока она не пошла на Малаховъ курганъ. Тамъ вскорѣ полюбила ее матросы, солдаты и офицеры за ея веселый нравъ, безстрашіе и почтительность объ нихъ, потому что ежелю кого нибудь изъ нихъ поразила пуля, она тутъ же, на мѣстѣ, подавала ему первую помощь, и не дожидаясь фельдшеровъ, дѣлала первую перевязку. При такихъ случаяхъ она всегда ободряла раненыхъ, говоря имъ «будь веселье», а перевязавъ легко раненыхъ, приговаривала: «Не робѣй, иди на свое мѣсто!» Въ дѣчь штурма, 6-го іюня, она собственными руками, при помощи двухъ матросовъ, перевязала *сто восемьдесятъ* человекъ раненыхъ, тогда какъ одинъ изъ нихъ говорилъ, что послѣ пятидесяти перевязокъ, ему сдѣланныхъ, онъ едва могъ дѣйствовать руками, употребленіе которыхъ ему теперь возвращалось, благодаря лишь искусству въ дѣлѣ перевязокъ Прасковьи Ивановны. Она первая, на самомъ банкетѣ, перевязала рану адмиралу Нахимову, чѣмъ постоянно гордилась и тщеславилась. Нижніе чины, солдаты, матросы и разсильные казаки прозвали ее «*сестрою милосердія вологитишою*», въ отличіе отъ цѣлаго легіона официальныхъ сестеръ милосердія, присланныхъ въ Севастополь тогда здравствовавшю еще, нынѣ (съ января 1874 г.) покойною Вел. Княгинею Еленою Павловною, оказывавшихъ и приносившихъ, надо правду сказать, очень много пользы своимъ знаніемъ и усердіемъ, чисто христіанскимъ.

Достойная старушка Прасковья Ивановна, на свои скудные деньги, покупала въ аптекѣ одеколонъ, гофманскія капли и тому подобныя снадобья, необходимыя для первой помощи и,

*) Къ 9-му № 1856 года, превосходнаго живописнаго сборника В. Ф. Тима, извѣстнаго подъ названіемъ «Аудожественнаго Листа», переправшагося въ 1859 году, приложенъ хромографированный рисунокъ съ поэтическимъ изображеніемъ этихъ севастопольскихъ похоронъ.

показывая купленное, приговаривала съ благородною гордостью: «на собственныя, для моихъ дорогенькихъ труженичковъ»-

Весь гарнизонъ Малахова кургана горячо любилъ свою веселую, дѣятельную, благодушную попечительницу; она не терпѣлась подъ самымъ убійственнымъ огнемъ, какъ бы увѣренная, что ее здѣсь не убьютъ, потому что она здѣсь необходима для пользы ближняго. И подлинно, она была здѣсь необходима: она ободряла, развеселила каждого и помогала всѣмъ, кому могла. Вскорѣ, по появленіи ея на Малаховомъ, матросы устроили ей особый блиндажъ, но она попрежнему помѣщалась гдѣ случилось, или въ солдатскихъ, или въ офицерскихъ блиндажахъ, дѣля хлѣбъ-соль то съ тѣми, то съ другими.

Вечеромъ, 27-го іюля т. е. за мѣсяцъ до сдачи, бомба упала вблизи Прасковьи Ивановны. «Матушка-волонтерша, прилягъ скорѣе на земь!» закричалъ ей одинъ матросъ; но въ это время бомбу уже разорвало и черепьями разнесло тѣло бѣдной старушки...

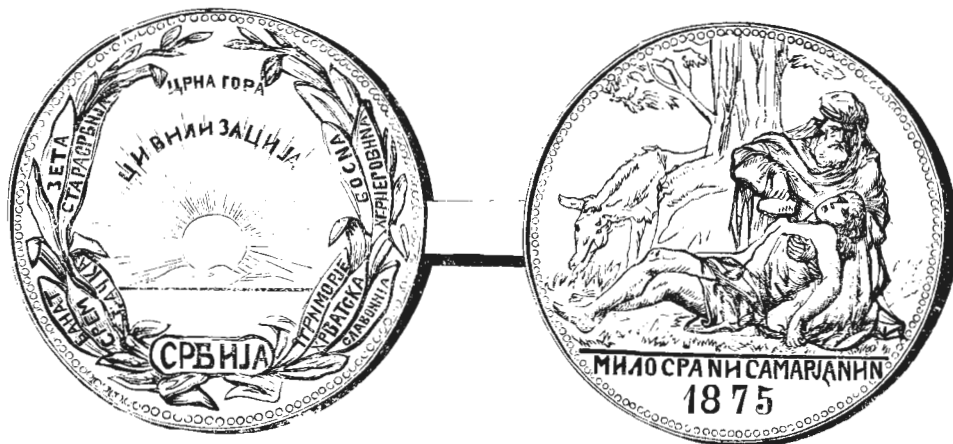
Миръ праху твоему, достойная женщина! И о тебѣ глубоко сохранилась память въ безсмертной лѣтописи о великомъ дѣлѣ защиты Севастополя!

Вспоминая о тѣхъ, которые, защищая Севастополь, погребались подъ его развалинами и лежатъ теперь въ общей, великой и вѣчно славной «Братской могилѣ», нельзя не посѣтить это мѣсто, столь поэтично-просто названное народною волею, подтвержденное и волею Высочайшею; а, идучи къ этому безсмертному памятнику русской военной доблести, невольно придется быть и на Малаховомъ курганѣ. Тутъ 27-го августа прошлоа 1875 года, въ 12 часовъ дня, нѣсколько русскихъ путешественниковъ, пріѣхавшихъ въ Севастополь изъ Одессы, собрались

въ особенности Нахимова, много способствовала союзникамъ пролѣзти севастопольскій проломъ, выразившійся всего болѣе взятіемъ Малахова кургана.

«Ему (т. е. неприятелю, какъ всегда солдаты и матросы его величаютъ мѣстоименіемъ «онъ») ни въ жизнь бы не взяли Малахова, объяснял малаховскій сторожъ изъ оставшихъ матросовъ-боцмановъ,—не подкараулъ онъ, когда нами сѣли полдничать... Объ эту самую, то есть, пору, въ 12 часовъ, онъ все время бондировки (бомбардировки) не палилъ, а сидѣлъ въ бунтарахъ (въ баракахъ) и самъ обѣдалъ. А тутъ какъ на грѣхъ нашего «синопскаго дядю»... (т. е. Нахимова). Охъ! двадцать лѣтъ прошло, а все какъ-то моркотно!...» И старикъ руковою длиннополаго матросскаго пальто отеръ двѣ-три слезы, какъ-то брызнувшія изъ его глазъ, осѣненныхъ широкими, сивыми бровями.

Но вотъ мы и у Братской могилы. Кладбище это съ каждымъ днемъ украшается: проводятся дорожки, обсаживаются акаціями, разводятся цвѣтники, дѣлаются до сихъ поръ на многихъ могилахъ начинающихся уже обваливаться, памятники, изящные и разнообразныя. Одни имѣютъ фигуру часовни, другіе колонны, на третьихъ кресты; на нѣкоторыхъ могилахъ изящной формы гробницы, обелиски, пирамиды... Въ глаза особенно бросается своимъ простымъ, но поэтическимъ изяществомъ памятникъ въ видѣ георгіевскихъ крестовъ. Кресты эти, какъ и всѣ здѣшніе памятники, изъ бѣлаго ингерманскаго камня, но не поставлены, а положены на могилахъ Промежутки между окраинами креста выложены разноцвѣтными камнями и усажены цвѣтами. Въ серединѣ каждого намятника черными буквами начертано: «Братская могила».

Медаль въ память событій въ Герцеговинѣ.

совершенно нечаянно, не только въ самый день двадцатилѣтней годовщины взятія французами Малахова кургана, а даже въ самый часъ этого роковаго событія. Одинъ изъ этихъ русскихъ туристов-патриотовъ взомель на Малаховскую башню и, сквозь слезы, провнесь тутъ громко: «Во блаженномъ усеніи вѣчный покой подаждь, Господи, православнымъ воинамъ, за вѣру и отечество животою своею положившимъ и сотвори имъ вѣчную память». Всѣ запѣли «вѣчную память»... Въ это мгновеніе (какъ рассказываетъ очевидецъ) солдаты Бѣлостокскаго полка (полкъ стоитъ въ Севастополѣ), учившіеся тогда на Куликовомъ полѣ, сдѣлали, вслѣдствіе команды въ экзерциціи, нѣсколько ружейныхъ залповъ... И какъ кстати былъ этотъ отдаленный салютъ. Точно сердцемъ русскимъ, чистымъ своимъ сердцемъ подслушали бѣлостокцы заукокойный возгласъ нѣсколькихъ русскихъ одеситовъ-патриотовъ на пмировизированной паннихдѣ. Впрочемъ, не мѣшало бы здѣсь, кажется, быть постоянно въ день годовщины, 27-го августа 1825 года, паннихдѣ, и не въ этой, слишкомъ скромной и нечаянной обстановкѣ, а какъ слѣдуетъ, съ сонмомъ духовенства, съ клиромъ пѣвчихъ, съ печальною погребальною военною музыкою и съ залпами ружейными и пушечными.

Подъ курганомъ стоитъ сторожъ, который такъ высказалъ этимъ нашимъ севастопольскимъ посѣтителемъ свое мнѣніе, впрочемъ, раздѣляемое съ нимъ чуть-ли не всею русскою арміею и не только тѣми изъ ея представителей, что принадлежатъ къ рязяду мелкой сошки, къ темному люду, нѣтъ, и многія личности, принадлежащія къ интеллигенціи военной, сами участвовавшія въ «севастопольскомъ сидѣньи», того же мнѣнія, а именно, что смерть адмираловъ: Корнилова, Истомина и

У воротъ кладбища двѣ пушки. Надѣво отъ входа граненая мраморная колонна съ двуглавымъ орломъ по серединѣ, перевязанная лаврами, увѣнчанная очень похожимъ и художественно сдѣланнымъ бюстомъ генерала Хрулева. Памятникъ князя Горчакова имѣетъ форму открытой часовни, внутри бюстъ его, а подъ нимъ надпись: «Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчакъ въ род. 1792, скончался 1862 г. Тѣло покойнаго, по сло желанію, погребено среди воиновъ, не допустившихъ враговъ отечества перейти за рубежъ того мѣста, гдѣ находятся ихъ могилы».

Собственно то, что составляетъ севастопольскій памятникъ братской могилы—это пирамида церкви св. Николая. Пирамида эта окружена оградой; на вершинѣ пирамиды гранитный крестъ вѣсомъ въ 1000 пудовъ. На южной сторонѣ ограды нѣсколько орудій, отбитыхъ у неприятеля. На одной изъ этихъ пушекъ надпись рельефомъ: 1849. *Égalité, liberté et fraternité* и въ лавровомъ вѣнкѣ буквы: R. F., т. е. *république française*...

Надъ входомъ въ храмъ большой мозаичный образъ Спасителя. По сторонамъ пирамиды, на широкихъ доскахъ изъ чернаго гранита, означены таблицы потерь въ каждомъ полку, баттарей, командъ и флотскомъ экипажѣ, за время 11 мѣсяцевъ осады... Читаемъ: Муромскій пѣхотный полкъ съ 7-ю мая по 27-е августа 1855 года лишился 2.371 человекъ. Екатеринбургскій пѣхотный полкъ, съ 23-го октября 1854 г. по 27-е августа 1855 года—4.648 человекъ, Владимирскій пѣхотный полкъ, съ 25-го марта по 27-е августа 1855 г.—3.147 человекъ. Курское ополченіе: дружины №№ 47, 48, 49—съ 22-го августа по 27-ю августа 1855 года... Цифра не обозначена... Но, какъ извѣстно, эти храбрыя дружины всѣ погибли въ день послѣдняго штурма, на Малаховомъ курганѣ (47) и на 1 (48) и 2 (49) бастіонахъ, ку-

Продолженіе въ прибавл. на стр. 233, 234, 235 и 236.

да направлены были главные силы неприятеля. Внутри храма на черных мраморных досках, начертаны имена генералов, штаб- и обер-офицеров, тутъ въ этой *Братской могилы*, или въ этой *севастопольской усыпальницѣ* покоющихся—всего 943 человека. Надъ дверями изнутри картина страшнаго суда; кругомъ ея слова Евангелія: «Грядетъ часъ суда, мертвые во гробѣхъ услышатъ гласъ сына Божія... и услышавшіе оживутъ»... На виднѣйшей сторонѣ алтаря картина съ изображеніемъ ангела, сидящаго на гробѣ и благовѣствующаго мученикамъ о воскресеніи Спасителя и съ надписью: «воста, цестъ здѣ»...

Съ колокольни, которая вверху пирамиды, видъ на безчисленныя могилы, составляющія *Братское кладбище*. На широкую бухту и на севавтопольскія развалины, безподобный...

Заключимъ наше описаніе памятника-храма нѣкоторыми чисто техническими подробностями объ немъ,—И этотъ памятникъ-храмъ по волѣ государя императора сооруженъ на день, собранія по подпискѣ со всей Россіи, отъ всѣхъ сословій. 17 сентября 1857 года положенъ былъ первый камень въ основаніе этого храма. По окончаніи литургии и по произнесеніи тогдашнимъ преосвященнымъ Дмитріемъ Таврическимъ и Херсонскимъ приличнаго событію слова,— процессія съ крестами, свѣчами и хоругвями, при пѣніи священныхъ псалмовъ, двинулась къ мѣсту закладки; по совершеніи павихиды по убиеннымъ воинамъ и водосвященіи приступлено было къ закладкѣ храма. Прежде всего преосвященный водрузилъ въ углубленіе кремниой плиты, служавшей нынѣ основаніемъ престола, серебряный крестъ, принесенный въ даръ настоятелемъ Херсонской обители, и тутъ же положены были медали, выбитыя въ память послѣдней войны; сверхъ креста положена была бронзовая вызолоченная доска съ слѣдующею надписью: «Лѣта 1857 года, мѣсяца сентября въ 17 день, въ благополучное царствованіе императора Александра II, по благословенію преосвященнаго Дмитрія, епископа Херсонскаго и Таврическаго, заложено основаніе храма, во имя святителя Николая, въ память воинствъ, падшихъ въ 1854 и въ 1855 годахъ, при оборонѣ Севастополя, на добротныя приношенія усердствовавшихъ, вслѣдствіе открытой по предложенію генералъ-адьютанта князя Васильячкова 2-го подписки. Сооруженіе подѣ главнымъ заведываніемъ свиты его величества контръ-адмирала Бутакова предпринято исполнить отставнымъ поручикомъ Волоховымъ, по проекту архитектора Авдѣева».

Бронзовая доска эта была закрыта каменною плитою, вокругъ которой положено на извести восемь камней, главными лицами тутъ при закладкѣ присутствовавшими, начиная съ преосвященнаго до архитектора включительно.

Основаніемъ пирамиды служитъ двойной высокой цоколь. Въ четырехъ незначительныхъ выступахъ помѣщены окна и дверь, ведущая въ храмъ. Надъ фронтонами, въ наклонной стѣнѣ, устроены четыре окна, освѣщающія внутренній куполь храма, а верхняя часть пирамиды занята колокольнею. Надъ входными дверями, на золотомъ полѣ, образъ благословляющаго Спасителя, сдѣланный изъ мозаики (пожертвованіе государя императора), обращенный прямо къ кладбищу. Пирамида, какъ уже и сказано выше, увѣнчана гранитнымъ крестомъ въ 5 сажень величиною. Высота всего зданія съ крестомъ 15½ сажень при квадратномъ основаніи въ 3 сажени. Внутренній планъ представляетъ равноконечный крестъ, верхняя часть котораго занята серединою алтаря, боковыя же его части помѣщаются въ углахъ, во впадинахъ съ которыхъ начинаются паруса сводовъ, поддерживающихъ полукруглый куполь. Въ восьми впадинахъ и углубленіяхъ въ церкви на мраморныхъ черныхъ доскахъ имена севавтопольскихъ героев-распорядителей. Иконаста и обдѣлка стѣнъ изъ крымскихъ мраморовъ. Матеріалы зданія—только гранитъ, камень изъ лучшихъ севавтопольскихъ ломовъ, мраморы и частью металлы; сгораемыхъ и подверженныхъ разрушенію матеріаловъ въ постройку вовсе не вошло, такъ, что памятникъ этотъ, можно надѣяться, будетъ столько же вѣченъ, сколько безсмертно въ исторіи одиннадцатимѣсячное севавтопольское безпримѣрное сидѣнье.

Съ 17 сентября 1859 года, т. е. по истеченіи двухъ лѣтъ со дня его основанія, этотъ памятникъ-храмъ надъ севавтопольскою «братскою могилою», будучи оковченъ совершенно, былъ освященъ и вотъ уже шестнадцать лѣтъ, какъ въ немъ возносятся теплыя мольбы къ всевышнему объ успокоеніи душъ храбрыхъ защитниковъ, со славою за вѣру, царя и отечество на брани костью летшихъ. И дѣйствительно, пріятно знать, что храмъ этотъ такъ прочно построенъ, что

Пройдутъ вѣка и память храбрыхъ
Въ отчизнѣ свято будутъ чтить,
И надъ могилой православныхъ
О падшихъ Господа молитъ?...

Политическое обозрѣніе.

Приходящія съ Балканскаго полуострова извѣстія, до такой степени разнорѣчивы, что едва ли дадутъ возможность сказать въ настоящую минуту что-либо опредѣленное о положеніи, въ которомъ находится поднятый «вопросъ». Такъ, на дняхъ телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что инсургенты просили у турокъ перемирія, что Мухтаръ-паша заключилъ съ нихъ вождямъ перемиріе на 12 дней, что князь черногорскій принималъ на себя снабженіе провіантомъ истощеннаго голодомъ гарнизона Никшича; но чуть ли не на другой день все это было опровергнуто: перемирія просили вовсе не славяне, а Мухтаръ-паша и первые, появивъ, что то былъ со стороны турокъ лишь одинъ предлогъ, чтобы втихомолку подготовить силы и внезапно ударомъ освободитъ Никшичъ, рѣшительно отказались принять предложеніе турецкаго генерала. По однимъ свѣдѣніямъ, въ Сербіи господствуетъ миролюбивое настроеніе и ничто не подтверждаетъ, будто бы, распространявшейся въ послѣднее время слухъ о намѣреніи княжества принять участіе въ борьбѣ; по другимъ же—слѣдуетъ непремѣнно ожидать объявленія Сербіею войны. Военный министръ принимаетъ энергическія мѣры, вооруженіе дѣятельно продолжается, войска формируются въ дѣйствующія дивизіи (6-ть дивизій, численностью отъ 6-ти до 7-ми тысячъ человекъ въ каждой), различныя отряды получаютъ приказаніе выступить въ походъ. Съ другой стороны и турки снова сосредоточиваютъ громадныя силы (по слухамъ, до ста тысячъ человекъ) на сербской границѣ... Образъ дѣйствій Россіи по достоинству оцѣнивается вѣскою печатью. «Россія, говоритъ «Correspondance Autrichienne», которую безуспѣшно старались скомпрометировать, приписывая ей неискреннюю политику, высказалась, быть можетъ, еще опредѣленнѣе, чѣмъ агенты самого графа Андраши. Она подтвердила князю Милану то, что ею было сказано инсургентамъ—что всё тѣ, кто подниметъ мечъ, будутъ обезоружены ею, оставлены ею на произволъ судьбы и что никто изъ нихъ не можетъ рассчитывать на ея тайную, или явную помощь». «Подобное, принятое Россіею, положеніе, не могло не произвесть своего дѣйствія», прибавляетъ означенная газета...

На этотъ разъ республика, какъ бы не шутя, такъ сказать,

«пускаетъ корни» во Франціи. Дѣйствительно, никогда она еще не появлялась въ такомъ солидномъ видѣ на этой измѣнчивой политической сценѣ. Можно допустить предположеніе, что, если узкіе интересы партій не возьмутъ верхъ надъ болѣе общими и высокими интересами и не произведутъ раскола въ рядахъ защитниковъ республики, то перемѣны нельзя предвидѣть, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени.

Англія скоро будетъ привѣтствовать свою королеву «императрицей индійской», но привѣтствуетъ ее вездѣ съ одинаковымъ удовольствіемъ. Англичане, какъ извѣстно, крѣпко привержены къ старинѣ и не всякое нововведеніе, какъ бы, иногда, мало-существенно значеніе его не было, встрѣчается сочувственно. Недавно, когда лордъ-мэръ, на своемъ обѣдѣ, провозгласивъ гостя въ честь королевы, замѣтилъ, что ея величество, въ непродолжительномъ времени, приметъ «любезный Индіи титулъ императрицы», то многие изъ гостей, не принадлежащихъ къ торійской партіи, выказали явное неудовольствіе; при послѣдовавшемъ, затѣмъ, пѣніи національнаго гимна, это чувство выразилось особымъ удареніемъ на слово «Queen» (королева). Волненіе въ Пераки быстро идетъ къ концу; по новѣйшимъ официальнымъ извѣстіямъ, главный виновникъ, перакскій претендентъ, данъ англійскимъ властямъ въ Пенангъ и будетъ временно водворенъ въ Сингапуръ.

Юный король Испаніи торжественно вступилъ въ свою столицу, окруженный своими побѣдоносными генералами, привѣтствуемый кликами народа, осынаившаго его вѣнками. Насколько можно судить по тому, что происходитъ въ палатахъ, прежніе республиканскіе дѣятеля, оставшіеся вѣрными своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, но ничего не давшіе своему отечеству кромѣ смуты и безпорядковъ, мало пользуются сочувствіемъ. Пора уже несчастной странѣ отдохнуть. Едва ли, между прочимъ, не будетъ тому содѣйствовать, въ извѣстномъ отношеніи, намѣреніе правительства «уничтожить фуэросы», т. е. привилегіи бакскихъ провинцій. Эга важная и рѣшительная мѣра уже довольно популярна, по крайней мѣрѣ народъ, встречающаго генераловъ, «защитниковъ свободы», кричалъ: «долой фуэросы!»

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, прислать презвній печатный адресъ

и приложить 24 коп. почтовыми марками, за типографскіе расходы.

С М Ъ С Ъ.

„РАСПЯТИЕ“.

Прилагая къ этому № нашего журнала снимокъ съ прекрасной картины извѣстнаго французскаго художника Бонна, мы, кромѣ достоинствъ этого художественнаго произведенія, имѣли ввиду и его отношеніе къ святымъ воспоминаніямъ приближающихся дней. Картина эта изображаетъ тотъ великій для всѣхъ моментъ страданій Спасителя, когда невыразимыя муки тѣла и души, перенесенныя съ кротостью и терпѣніемъ, возможными только Одному Богу, исторгнули, наконецъ съ креста слово «совершилось»... «Совершилось!» Глаза Его закрылись, пресвятая глава склонилась и Онъ тихо предаль духъ Свой Отцу Своему Небесному.

Значеніе этого одного слова «совершилось» безгранично; произнести его могъ только—Богъ. Пречистые уста Всящаго на крестѣ уже поблекли. Божественное чело покрыто блѣдностью и предсмертнымъ потомъ. На лицѣ Его запеклась крупными каплями, поточившаяся съ головы, отъ терноваго вѣнца, кровь. «Жажду» болѣзненно произнесъ Онъ. Воины при крестѣ напяти укусомъ смѣшаннымъ съ желчью губку и поднесли ее къ устами Спасителя.

Вкусивъ эту смѣсь, Иисусъ Христосъ торжественно произнесъ «Совершилось!»

При этихъ словахъ какъ бы содрогнулось само небо, солнце померкло, земля страшно заколебалась, камни разсѣлись, гробы открылись, многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли и завѣса Иерусалимскаго храма разорвалась съ верха до низу на двое...

Минута великая и прекрасно выраженная, на сколько это возможно, тѣломъ предавшаго Господу духъ Свой Спасителя.

Медали въ память событій въ Герцеговинѣ.

Изображенная на нашемъ рисункѣ медаль, въ память настоящихъ знаменательныхъ событій въ Босніи и Герцеговинѣ выбита, на дняхъ, въ городѣ Юрибергѣ. Медаль эта имѣетъ округъ общегуманно, чѣмъ политическое значеніе, служить, однако, яснымъ выраженіемъ господствующаго въ настоящее время въ средѣ южныхъ славянъ стремленія. Въ объединеніе разрозненныхъ частей могущественнаго, нѣкогда, царства сербскаго, которое, какъ извѣстно, въ правленіе царя Душана Великаго (съ 1336—1356 г.) достигло апогея своего могущества.

Цѣль медали заключается, повидимому, въ усиленіи среди населенія Сербіи и Черногоріи сочувствія, къ мужественнымъ борцамъ за независимость, подвизающимся на берегахъ Наренты и въ Босніи. Медаль проникнетъ, безсомнѣнія, скоро и въ самыя убогія хижины жителей этихъ княжествъ. Главная цѣль настоящей борьбы на Балканскомъ полуостровѣ состоитъ, въ сверженіи ненавистнаго ига мусульманъ-притѣснителей; населеніе Босніи и Герцеговины, достигнувъ своей извѣстной цѣли, желаетъ также воспользоваться плодами цивилизаціи. Поэтому на лицевой сторонѣ медали изображено: по срединѣ въ лучахъ выходящаго за тремя холмами солнца, слово «Цивилизація», а вокругъ него лавровый вѣнокъ, на листьяхъ котораго, видны названія разныхъ частей бывшаго сербскаго царства: «Чрна-Гора», «Сербія», «Зета», «Старо-Сербія», «Банатъ», «Сремъ (Сирмія)», «Бачка», «Приморье», «Харватія», «Славонія», «Далмація», «Боснія», «Герцеговина». На оборотной сторонѣ медали изображеніе милосерднаго самарянина, который, склонясь надъ умирающимъ и поддерживая его голову, изливаетъ изъ сосуда въ уста страдальца живительную влагу. Подъ этимъ изображеніемъ начертанъ 1875 годъ, свидѣтель патриотическаго движенія среди южныхъ славянъ, движенія, вызвавшаго всюду сочувствіе къ борцамъ за независимость въ Сербіи и Герцеговинѣ. И дѣйствительно, сочувствіе это перешло далеко за предѣлы этихъ многострадалныхъ областей. Всюду, какъ въ Харватіи такъ и Далмаціи, какъ въ Сербіи, такъ и въ Черногоріи семейства повстанцевъ, двинувшихся противъ изувѣровъ-мусульманъ, приняты были по братски; населеніе этихъ странъ оказываетъ всюду своимъ страдающимъ единоплеменикамъ и единовѣрцамъ величайшую заботливость и попеченіе. Великодушныя рагузскія дамы, украсивъ женскими добродѣтелями, соблюдая заповѣданную Спасителемъ нашимъ любовь къ ближнему, приносятъ неутомимо раненымъ и больнымъ всякія жертвы. Изъ Петербурга отправился также на дняхъ въ Черногорію санитарный отрядъ, посланный главнымъ обществомъ попеченія о больныхъ и раненныхъ. Въ составъ этой экспедиціи, находящейся подъ начальствомъ П. А. Васильчикова, вошло нѣсколько докторовъ, студентовъ мед.-хир. академіи и сестеръ милосердія. Названное общество на содержаніе госпиталя и на дѣло помощи выдало 75 т. руб. и кромѣ того вещей, пожертвованныхъ обществомъ, разными комитетами и лицами, оцѣнивается приблизительно на 50 т. рублей. Отдѣленіями славянскаго комитета и разными лицами пожертвовано до сихъ поръ

на дѣло благотворительности около 100 т. руб. Существующее въ Вѣнѣ сербское ученое общество «Заря» устроило 26 января (н. ст.) концертъ-бесѣду въ пользу семействъ, бѣжавшихъ изъ Сербіи и Герцеговины въ австрійско-венгерскіе предѣлы.

Сочувствіе славянскаго міра къ тяжкимъ событіямъ, происходящимъ нынѣ въ Сербіи и Герцеговинѣ, выразилось не однимъ только гостеприимствомъ, пожертвованіями денегъ, одежды, медикаментовъ, припасовъ и оружія—отъ береговъ Адриатики до береговъ далекой Невы, на театръ настоящей борьбы для помощи повстанцамъ стекаются отсюду люди, горящіе желаніемъ сразиться съ иконнымъ врагомъ христіанства и съ наступленіемъ весны, не взирая на всѣ попытки дипломатіи умиротворить возставшій край, мы увидимъ, по всей вѣроятности, борцовъ за независимость на берегахъ Наренты, выступающихъ подъ предводительствомъ опытныхъ вождей въ кровавый бой съ азіатскимъ деспотизмомъ.

Нѣсколько словъ о воспитаніи куръ. Многіе хозяева, имѣютъ большое число куръ, но подучаютъ, сравнительно, очень немного яицъ, такъ какъ, не умѣютъ отобрать хорошихъ куръ отъ дурныхъ. Прагге, въ своемъ руководствѣ для воспитанія куръ, указалъ нѣкоторые признаки, по которымъ можно легко отличить хорошую курицу отъ дурной. Первымъ признакомъ служитъ гребень и зобъ. Чѣмъ багровѣе они у курицы во время несенія яицъ, тѣмъ курица лучше. У плохихъ куръ зобъ и гребень блѣвато-красный, уши же либо блѣваты, либо имѣютъ желто-розовый цвѣтъ. Если къ корму куръ примѣшивать достаточное количество яичныхъ скорлупъ, или извести, то куры не только будутъ клевать кормъ съ большою жадностью, но и, кромѣ того, будутъ нести въ два и три раза болѣе яицъ, чѣмъ обыкновенно. Хорошо-откормленная курица въ состояніи нанести много яицъ, но она не можетъ сдѣлать этого, если ей недостаеетъ необходимаго матеріала для образованія скорлупы и даже совсѣмъ перестанетъ нести яйца, если ее будутъ кормить только просыномъ кормомъ и водою.

Вліяніе корней живыхъ растений на гніеніе. Опытъ опровергнулъ всѣ возраженія, дѣлаемыя неоднократно противъ орошенія полей сточной водою, какъ противъ наносащаго вредъ мѣстности и подвергающаго окрестныхъ жителей различнымъ болѣзнямъ. Не только, окрестности орошенныхъ полей, но и живущіе на нихъ люди не терпятъ никакого вреда. Положеніе это, основанное на опытѣ, еще до сихъ поръ не было подтверждено учеными изслѣдованіями. Теперь г. Жанналь сообщаетъ два опыта, могущихъ отчасти разъяснить этотъ темный вопросъ: Размачивая бѣлые бобы, втеченіи 2-хъ недѣль въ водѣ, г. Жанналь получалъ глинистую, мутную жидкость, наполненную бесчисленнымъ множествомъ бактерий и монадъ и помѣщалъ ее въ двухъ сосудахъ. Въ одинъ сосудъ было поставлено молодое растеніе, другой-же содержалъ въ себѣ одну жидкость. (При второмъ опытѣ, г. Жанналь прибавлялъ къ гнилой жидкости еще не много мяса). Оказалось, что жидкость, въ которой помѣщались корни растенія, очень скоро потеряла гнилостный запахъ, сдѣлалась болѣе прозрачной и содержала въ себѣ, по прошествіи 3-хъ дней, одни только инфузоріи; растеніе нормально развивалось далѣе, тогда какъ жидкость, находящаяся въ другомъ сосудѣ, приобрѣла еще болѣе гнилостный запахъ и въ ней увеличилось число бактерий. Корни растущихъ растений имѣютъ по этому свойство противодѣйствовать гніенію.

Въ Привислянскомъ крайѣ давно уже установлены предупредительныя мѣры противъ безтолковаго истребленія дичи; но мѣры эти остаются безъ всякихъ почти результатовъ, по трудности установить правильныи и постоянный надзоръ за исполненіемъ существующихъ на этотъ счетъ постановленій и вслѣдствіе всегдашней безнаказанности ихъ нарушителей. Особенно трудно усмотрѣть за крестьянами, истребляющими дичь разными способами и во всякое время, лѣтомъ и весною посредствомъ уничтоженія гнѣздъ, а осенью и зимою посредствомъ разнообразныхъ сѣтей и капкановъ. Въ Плоцкомъ уѣздѣ, какъ сообщаютъ «Kongresp. Plesski», на прошлой недѣлѣ случился по этому поводу слѣдующій фактъ: въ лѣсу, неподалеку отъ деревни Вылазлого, крестьянинъ разставилъ на волка или на зайца «вныку» т. е. сѣть, или особеннаго устройства капканъ. На другой день, раннимъ утромъ, лѣсной сторожъ охоча лѣсъ, открылъ «вныку» съ запутавшимся въ ней звѣремъ. но звѣрь этотъ былъ вовсе не волкъ и не заяцъ, а изъ сосѣдней деревни мужикъ. Оказалось, что еще съ вечера забрался онъ въ лѣсъ воровать дрова и въ потемкахъ запутался въ «вныку». Страхъ и уныніе, выражавшіяся на его смущенномъ лицѣ, свидѣтельствовали о томъ, что долгая ночь проведена была имъ не безъ печальныхъ думъ и размышленій...

Тверскія сыроваренныя артели, основанныя съ помощью земства, въ 1875 году вели дѣла свои удовлетворитель-

ПРИРОДА

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ОДОБРЕНО ДЛЯ
БИБЛИОТЕКЪ УЧЕБ. ЗАВЕДЕНІЙ.

безъ приложеній и по 3 р. съ перес. и съ приложеніями; въ выходѣхъ (около 100 хромолит. и литогр. животныхъ, растений и т. п.) и съ перес. 38 р. **ВЫШЛА ПЕРВАЯ КНИГА НА 1876 г.** съ картой и 115 рисунк. въ текстѣ. Црп ней: 2 хромолитогр., 5 литографій и портретъ.

ЖУРНАЛЬ ОХОТЫ

годъ третій.

Въ 1876 г. часть хромолитографій и литографій выполняются въ литографіи Лемерсье въ ПАРИЖѢ.

Въ конторахъ редакцій а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавц. продаются слѣд. новыя книги:
РЫБЫ Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Л. П. Сабанѣва. Описание образа жизни, ужения и ловли рыбъ. Большой томъ (640 стр.), съ 6 отд. картинами и 433 полиг. рыбъ и снарядовъ для ловли рыбъ. Одобрено для библиотечн. завед. Ц. 3 р. 50 к.

Доисторическія Времена или первобытная эпоха человѣчества, представленная на основаніи изученія остатковъ древности нравовъ и бытаевъ современ. дикарей. Сэра Дж. Лейбона. Переводъ съ 3-го англ. изданія, съ 224 рисунк. древн. оруд., памятн., курган. и пр. Ц. 3 р. 50 к.

Естественный Подборъ Альфреда Русселя Уеллеса (автора сочин. Малайскій Архипелагъ) Ц. 2 р.

Небесныя Свѣтила Н. Фламмаріона. Общепонятное изложеніе астрономіи. Съ 75 рисунками. Одобрено для библиотекъ учебн. завед. Ц. 1 р. 50.

Выписывающіе означ. книги изъ главной конторы редакціи въ Москвѣ за пересылку не прилагаютъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ДОМАШНЯЯ
ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ

Сатирическіе очерки Сталя, Бальзака, Бодолера, Ж. Занда, Франклина, Дроза, Жюль-Жанепа, Э. Лемуана, Поля-де-Мюссе, Шарль Нодье, Луи Вьардо и другихъ.

Съ 158 рисунками Гранвилля, гравированными въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго Н. А. Шульгиной подъ редакціею А. Н. Плещеева, изданіе Н. П. Карбасникова. Цѣна 2 р. 50 к., въ коленкоромъ золотомъ тисненіемъ переплетъ 3 р. Выписывающіе отъ издателя Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Бассейная ул., № 14, кв. № 21, за пересылку не платятъ. № 10.

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менделова. 50—36

ПОПУЛЯРНЫЙ естеств. историческ. Сборникъ, издаваем. подъ редакц. Проф. С. А. Усова и Л. П. Сабанѣва. Роскошное изданіе на велен. бумагѣ. Выходитъ 4 книги въ годъ, по 27 печ. лист., съ 100—150 рисунками въ каждой. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА**—8 р., съ перес. 9 р.; отдѣльно кажд. книга 2 р. Съ хромолитогр. и литограф. приложениями (7—9 въ кажд. книгѣ) 12 р., съ перес. 13 р. 50 к., отдѣльно 4 р.—Книги, вышедшія въ 1873, 74 и 75 гг., можно выписывать изъ редакціи по 2 р. за книгу.

органъ **ИМПЕРАТОРСКАГО** Общ. охоты, издаваемый подъ редакц. Л. П. Сабанѣва. Выходитъ ежемѣсячно съ хромолитогр. или литограф. въ кажд. книгѣ (около 5 печ. лист. уборист. печати, не считая печатающихся приложеній). Въ 1876 г. будетъ помѣщена статья **И. С. ТУРГЕНЕВА**; печатаются особ. прилож.—„Заниски исоваго охотника“ П. М. Мачеварианова, „Охотничьи птицы Россіи“ Л. П. Сабанѣва,—и будутъ выданы въ видѣ премій.

рисунк. лучшихъ собакъ 2-й очередн. выставки

ВЫШЛИ **ГЕНВАРСКАЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИГИ.**

ПРИМѢЧАНІЕ. Лица, подписывающіеся въ **КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ** (Москва, Петровка, д. Самариной, и С.-Петербургѣ, Малая Садовая, д. Демидова, кв. 60) на оба изданія—платить 16 р. безъ и 20 р. съ приложеніями Сборника—Абоненты 1876 г. на одинъ изъ журналовъ могутъ высылать недостающіе деньги и на томъ же условіи приобрѣтать изданія прежнихъ годовъ.

ВЫШЛИ **ГЕНВАРСКАЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИГИ.**

ВЫШЛИ **ГЕНВАРСКАЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИГИ.**

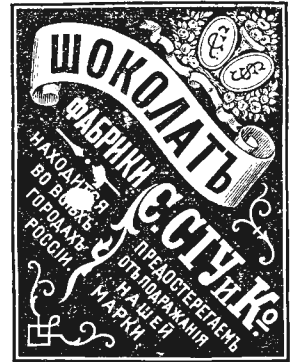
ВЫШЛИ **ГЕНВАРСКАЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИГИ.**

26—11

Зубной врачъ **БАРСЪ.**

Искусственные зубы, пломбирова-
ніе и леченіе зубныхъ болѣзней.
В. Морская д. 35. 26—8

45—31

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскармленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи
въ С.-Петербургѣ, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, по
Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для
всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣній публи-
ки, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на кото-
рыхъ находится СНИЖИ ПИЕМЕЛЬ и ПОДПИСЬ
Александра Венцеля, **ЕДИНСТВЕННОГО** агента моего для всей Россіи.
№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Веве (Швейцарія). 26—2

Цѣна
ЖЕСТЯНКИ
85 к.
безъ пере-
сылки, въсь
1¼ ф.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

СКОРОМНЫЙ И ПОСТНЫЙ СТОЛЬ.

Руководство для приготовления 2800 блюдъ, начиная съ самыхъ изысканныхъ разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ и т. п. съ 20-ю раскрашенными рисунками всѣхъ частей бына и теленка, снятыми съ натуры и сопровождаемыми подробнымъ описаніемъ употребленія каждаго куска, цѣна 4 руб. сер. Составлено и издано О. Павловской. Рисунки исполнены художникомъ П. Борелемъ.

Продается въ С.-Петербургѣ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, въ Москвѣ у гг. книгопродавцевъ, Мамонтова, Соловьева и Салаева. № 11.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карль Баухъ,

жительствующій по Большой Морской, домъ Росмана, № 9, приготовляетъ искусственные зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ рачательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. 6—6

КОНТОРЫ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. ПЕЧЕНКИНА И К^о
въ Казани и Екатеринбургѣ

Продають вишгр. билеты 1 и 2 з. съ разсроч. по 10 руб. Пер-
вый взносъ не менѣе 20 р. Сстрахуютъ билеты по 60 к. 5—4

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten tha-
tige Verkäufer gegen hohe Provision. Franco Offerten in deutscher
Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes. 10—10

№ 14

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
 Выданъ 5 Апрѣля 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

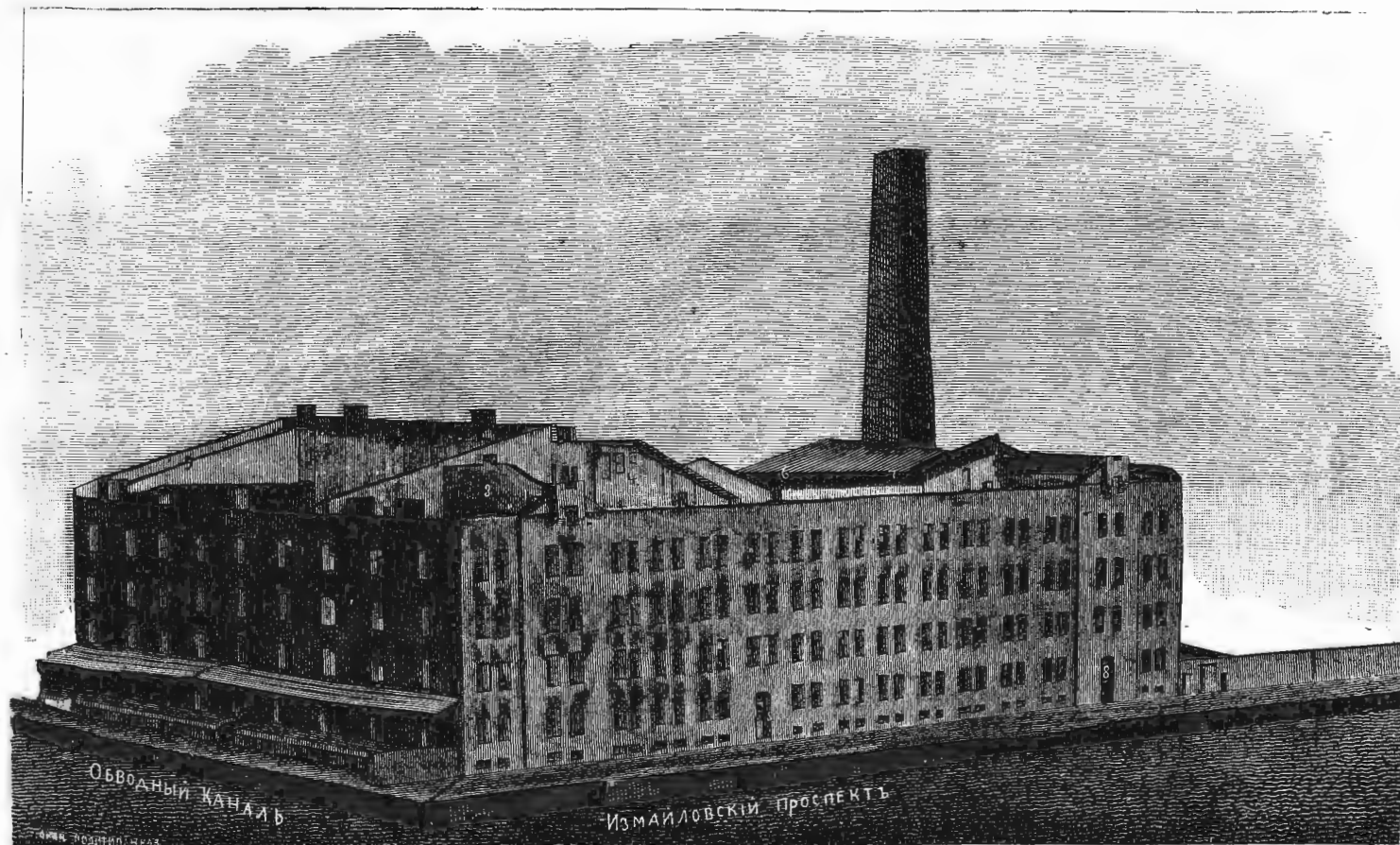
Открыта подписка на журналъ „НИВУ“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книг. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во все другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою и выгородимъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за АПРѢЛЬ съ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ чертежомъ.

КОКОРЕВСКАЯ МЕЛЬНИЦА.

Кокоревская паровая мельница послѣ пожара. Съ модели скульптора Шиндгелъ, фотографировалъ Ясвойнъ, рисов. на деревѣ Сташковскій, гравир. Шлабскій.

- 1) Дымовая труба.
- 2) Магазиное отдѣленіе.
- 3) Материальное отдѣленіе.
- 4) Вѣялочное.
- 5) Лѣтница.

- 6) Мѣшальное отдѣленіе.
- 7) Жерновое.
- 8) Парадная лѣтница.
- 9) Лѣтница съ набережной обводнаго канала.

КОКОРЕВСКАЯ МЕЛЬНИЦА.

В виду разсмотрѣнія вновь *дѣла Овсянникова* въ Сенатѣ по кассационной жалобѣ, представленной его повѣренными г. Потѣхными, (дѣло разсматривалось 24 марта), мы напоминомъ нашимъ читателямъ обстоятельства дѣла. На прилагаемомъ рисункѣ изображена мельница, пожаръ которой послужилъ началомъ дѣла. Свѣдѣніе о разсмотрѣніи дѣла Овсянникова въ Сенатѣ мы представимъ своевременно. Предположеніе правительства объ устройствѣ паровой мельницы впервые осуществлено было Фейгинымъ. Мельница была устроена со всевозможными усовершенствованіями на европейскій образецъ, съ возможной роскошью въ техническомъ отношеніи. Тогда еще въ фундаментъ этой на европейскій образецъ устроенной мельницы вложилъ свой собственный, весьма солидный камень извѣстный хлѣбный торговецъ Овсянниковъ. Онъ внесъ за Фейгина 500,000 р. залога и поддерживалъ Фейгина кредитомъ въ хлѣбномъ товарѣ на весьма значительную сумму. Въ 1867 г. положено уже было основаніе дѣлу по устройству паровой мельницы; въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ заключенъ контрактъ Фейгина съ казною. Въ 1871 году мельница была окончательно устроена. Уже въ 1869 г. мельница была заложена въ 300 т. р., въ 1872 г. она была перезаложена Кокореву въ суммѣ 700 т. р.

Отопленіе паромъ и освѣщеніе газомъ прекращено было на мельницѣ за двое сутокъ до пожара. За двое сутокъ прекращена была на мельницѣ работа по размолу зерна. Допустить предположеніе, что пожаръ на мельницѣ произошелъ отъ тренія осей въ мельничныхъ барабанахъ—невозможно. Работы были прекращены за двое сутокъ до пожара; наканунѣ пожара на мельницѣ были только рабочіе, которые очищали помѣщеніе отъ мучной пыли. Въ 4 часа рабочіе ушли съ мельницы; въ 6 или 7 часовъ мельница была осммотрѣна прикащиками, а пожаръ начался въ пятомъ часу утра.

Если обойти зданіе мельницы, то покажется съ перваго взгляда, что огонь дѣйствительно вышелъ какъ-бы изъ земли дѣлою массою и пожралъ всю внутренность мельницы, не встрѣчая никакихъ препятствій, а огромное число оконныхъ и дверныхъ пролетовъ, какъ-бы свидѣтельствуетъ, что огонь и не могъ встрѣчать никакихъ препятствій. Если присмотрѣться ближе къ слѣдамъ разрушенія въ зданіи мельницы, то оказывается, что мѣстами уцѣлѣло дерево, мѣстами обгорѣлъ чугунъ. Наличие уцѣлѣвшаго дерева свидѣтельствуетъ неслучайно о томъ, что тамъ, гдѣ оно уцѣлѣло, огня не было. Обгорѣвшій же чугунъ свидѣтельствуетъ намъ, что тамъ, гдѣ онъ горѣлъ, огонь былъ весьма силенъ. Попытка, отыскать гдѣ именно, въ какой точкѣ начался огонь,—установить до нѣкоторой степени направленіе огня, попытка весьма естественная, потому что вообще человекъ очень мало расположенъ вѣрить чудесному—представляется осужденною. Если затѣмъ обратимъ вниманіе на тѣ слѣды разрушенія, которые носятъ на себѣ кирпичныя стѣны, то убѣдимся, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кирпичъ остекловился, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ онъ носитъ на себѣ только слѣды коночи. Эти слѣды разрушенія приводятъ къ тому заключенію, что тамъ, гдѣ слѣды сильнѣе, былъ и огонь продолжительнѣе, тамъ, слѣдовательно, надо искать и начало пожара. По модели, которая стоитъ передъ вами, оказы-

вается, что слѣды остекловившагося кирпича наиболѣе замѣтны на стѣнѣ зерносушильни, въ началѣ подземнаго канала въ вѣялочномъ отдѣленіи. Откуда бы не начался пожаръ, изъ дымогарной трубы или изъ вѣялочнаго отдѣленія, не представляется никакой возможности соединить два совершенно противоположныхъ пункта, въ которыхъ огонь первоначально появился: зерносушилку и въ подвалѣ магазиннаго отдѣленія. Капитальная стѣна, раздѣляющая магазинное отдѣленіе отъ зерносушилки, не имѣетъ въ подвальномъ этажѣ никакихъ пролетовъ, огонь могъ пройти изъ зерносушилки въ магазинное отдѣленіе развѣ только подъ лѣстницею. Но подъ лѣстницею находятся деревянныя двери и эти двери уцѣлѣли. По слѣдамъ коночи, которые отмѣчены на модели, видно, что огонь тянуло въ зерносушилку. Близъ этой лѣстницы въ зерносушилкѣ сохранились деревянныя балки, изъ чего слѣдуетъ заключить, что огонь не могъ сообщиться изъ сушильни въ подвальное отдѣленіе изъ подъ лѣстницы. Профессоръ Бугеровъ показалъ, что мука ни тлѣть ни горѣть не можетъ, что пыль отъ мучной трухи способна вспыхивать, когда она насыщается воздухомъ, когда она равномерно смѣшивается съ воздухомъ.

Остается еще одно сообщеніе, которое не связываетъ однако непосредственно зерносушилку съ магазиннымъ отдѣленіемъ: это подвалъ магазиннаго отдѣленія подъ подмостомъ къ вѣялочной трубѣ. Тамъ видно, что, отвлекаясь отъ основанія трубы, огонь шелъ подваломъ и истребилъ первую дверь, вторая уцѣлѣла и виситъ на себѣ только слѣды коночи. Далѣе, въ срединѣ подвала какой-то желѣзный приводъ, конструкціи не легко воспринимающей огонь. Къ отдушнѣ въ стѣнѣ магазиннаго отдѣленія замѣтны слѣды коночи, слѣды дыма, но не огня, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы огонь отдушнѣ прошелъ въ подвалѣ магазиннаго отдѣленія, тѣмъ болѣе нѣтъ основанія, что огонь въ подвалѣ къ отдушнѣ былъ второстепенный, былъ отвлеченіемъ отъ огня въ вѣялочной трубѣ. Огонь въ подвальномъ отдѣленіи магазина найденъ пожарною командою совершенно въ противоположномъ концѣ отъ этой отдушнѣ и невозможно допустить, чтобы онъ прошелъ сюда какимъ-то зигзагомъ. Быть можетъ, огонь могъ распространиться съ того помоста отъ вѣялочной трубы первымъ этажемъ. Вырытыя изъ муки балки, обгорѣвшія снизу и сверху, остались совершенно цѣлы на протяжении, соответствующемъ первому этажу. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что въ первомъ этажѣ огня не было; балки, лежавшія двѣ недѣли въ горѣвшей мукѣ, сохранились неприкосновенными. Брандъ-майоръ заявилъ, что въ то время, когда вѣялочная труба горѣла, онъ прошелъ по подвальному помосту мимо трубы, слитной массы огня, которая соединяла бы вѣялочную трубу съ первымъ этажемъ магазиннаго отдѣленія, вовсе не было. Чѣмъ выше поднимаемся, тѣмъ труднѣе допустить соединеніе огня отъ вѣялочной трубы съ огнемъ въ подвалѣ магазиннаго отдѣленія, потому что приходилось бы допустить, что воспламенившаяся пыль рикошетомъ передавала огонь сверху внизъ, что пыль эта имѣла какъ бы свойства телеграфическаго аппарата. Въ вѣялочномъ отдѣленіи вверху обгорѣли чугунныя стойки, между тѣмъ, какъ въ матеріальной кладовой сохранилось внизу дерево.

НОВЫЯ ВЛАДѢНІЯ РОССІИ

„Ферганская область“ бывшее Коканское ханство.

Военныя событія, разгорѣвшіяся на границахъ нашихъ съ коканскимъ ханствомъ, по поводу извѣстнаго возстанія каракорумовъ и китай-кипчаковъ противъ Худояръ-хана, въ началѣ минувшаго лѣта, вызвали наше вооруженное вмѣшательство. Возстаніе неограничилось сверженіемъ хана съ его престола, глава ихъ Абдурахманъ-автобачи, расширилъ свой первоначальный планъ и довелъ его до газата, т. е. до священной войны противъ невѣрныхъ. Его полчища вторглись въ наши предѣлы и, вызванные къ бою, мы принуждены были занять нашими войсками безпокойное ханство...

Первыя попытки наши—держаться въ предѣлахъ посредничества и покровительства законному хану—не удалась. А между тѣмъ конца безпорядкамъ не предвидѣлось... Эти безпорядки, отражавшіеся вредно и на нашихъ мѣстностяхъ, могли только подорвать нашъ кредитъ, уменьшить грозный авторитетъ нашей силы. Надо было нанести ударъ могучій и рѣшительный и благодѣтельныя послѣдствія этого удара не замѣдлили-бы выказаться. Личные интересы Худояръ-хана и его династїи, несколько для насъ неинтересныя, должны были быть принесены въ жертву общему дѣлу, и присоединеніе Коканскаго ханства къ Россіи состоялось.

Переименованное въ скромное имя Ферганской области, ханство это вошло въ наши предѣлы и весьма удобно округлило нашу, почти безлюдную, восточно-туркестанскую границу.

Все это даетъ намъ право думать, что для читателя не бу-

детъ безынтересно узнать, что это за Ферганская область, небольшой гористый клочекъ, значущійся на картѣ, стоившій намъ и нѣкоторыхъ жертвъ и весьма почетныхъ, продолжительныхъ усилій.

Когда вы взглянете на карту, вы увидите небольшой овалъ, верстъ триста въ длину и около полтора сотъ въ ширину, рѣзко раздѣленной на двѣ части; одну часть нѣсколько большую, южную занимаютъ силовныя горныя хребты отроги и разветвленія главной группы Тянь-Шаня,—другая часть представляетъ собою низменную равнину, изрѣзанную рѣками, испещренную городами и селеніями. На этой мѣстности, незначительной по своимъ скромнымъ размѣрамъ, скучилось до трехъ миллионовъ населенія, почтенная цифра, краснорѣчиво говорящая за климатическія и экономическія удобства края... Большинство этого населенія составляютъ производительныя силы, осѣдлые узбеки и сарты, жители городовъ и земледѣльцы, меньшинство кочевые горцы, кара-киргизы и китай-кипчаки, бывшіе вѣчными гнетомъ для осѣдлыхъ, вѣчною причиною раздоровъ и междоусобицъ, раздравшихъ хронически несчастное ханство. Сила этихъ хищныхъ и безпокойныхъ подданныхъ Худояръ-хана, страхъ, который они наводили на горожанъ и земледѣльцевъ, теперь парализованы. Съ прибытіемъ нашихъ солдатъ, съ постройкою, гдѣ слѣдуетъ, грозныхъ укрѣпленій, водворился порядокъ въ горахъ, наложена прочная узда для самыхъ необузданныхъ.

Что же касается до осёдлого населения то, его национальная гордость не была слишком уязвлена приходом завоевателей. Узбеки и Саурты весьма сочувственно отнеслись к нашему приходу и акт присоединения встретили не без удовольствия. Ропот и озлобленный протест слышался только со стороны фанатического духовенства, боявшегося за неприкосновенность своей власти и силы; ропот этот — старая пѣсня, давно уже слышанная нами и прежде — и в Ташкентѣ, и в Самаркандѣ и на обильных водах Аму-Дарьинской дельты.

Даже у самих туземцев ропот этот теперь не вызывает ничего, кроме презрительной улыбки.

Чудную картину представляет собою низменная долина Ферганской области. Прекрасная почва, орошенная множеством рѣкъ, цѣлою сетью арыков гонит могучую растительность. Едва только путешественник переправляется на лѣвый берег Сыръ-Дарьи, то уже, начиная от Макара, крѣпости ознаменованной двукратным боем наших войск с силами Абдурахман-автобачи, — справа и слева он видит силошные сады и плантаціи, между которыми нестрѣбуют разбросанные города и селения, клочка земли нѣтъ необработаннаго, все взрыто прилежным плугомъ, все разделено въ правильныя рядки, все засѣяно и зеленѣет, на всемъ лежитъ печать труда и промышленности.

Счастливая мѣстность, выдержавшая на себѣ все тяжести ударовъ и разоренія перелесенныхъ междоусобицъ, оправилась и развивалась снова. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ мпра достаточно было, чтобы окончательно сгладить слѣды — годовой войны.

Справа, далеко за этимъ моремъ цвѣтущей земли, снѣговъ громадныхъ горы съ ярко-сверкающими снѣжными гребнями... Приятная прохлада вѣетъ оттуда отъ этихъ вѣчныхъ ледниковъ, умѣряетъ страшный жаръ здѣшняго солнца, благотворно влѣяетъ на климатъ мѣстности, одинъ изъ здоровыхъ и лучшихъ климатовъ центральной Азии.

Первая рѣка, встречающаяся на пути, вытекаетъ изъ ледниковъ Алтайскихъ горъ, отъ озера Яшилъ-Куль, съ бѣшенствомъ спускается съ высотъ, стремительно бѣжитъ стѣпенная ущельями и вырывается на свободу, у селения Сары-Курганъ (желтая крѣпость) съ верховьевъ до сихъ поръ она носитъ название Сохъ, далѣе т. е. ниже развивается на цѣлою сетью отдѣльныхъ рукавовъ, каждый рукавъ въ свою очередь кончается подобными же развѣтвленіями, образуя, не безъ помощи рукъ прилежнаго земледѣльца, цѣлою сложную систему орошенія города Кокана и его окрестностей.

Кромѣ самого Кокана, съ его слишкомъ стотысячнымъ населеніемъ, до пятидесяти отдѣльныхъ значительныхъ селеній и кишлаковъ пользуются водами этой системы.

Какъ все горныя рѣки, рѣка Сохъ и ея рукава обладаютъ свойствомъ періодическихъ повышеній и пониженій ея уровня. Лѣтомъ это особенно опугительно... Едва только солнце поднимается на полдень и начинаетъ своими лучами сгорѣвать высокіе ледники, рѣка и ея рукава вздуваются, вода течетъ быстрее и выходитъ изъ береговъ. Тамъ, гдѣ ночью конный могъ прохвать не замоча своихъ ногъ, тамъ теперь ни одинъ смѣльчакъ не рискнетъ переправиться вилавъ и терпѣливо ждетъ вечера, когда сойдетъ жаръ, снова остынетъ поверхность ледниковъ и успокоится расхолодившаяся рѣка. Вѣроятно владѣствіе этого явления одинъ изъ главнѣйшихъ рукавовъ р. Соха носитъ название Каримъ-Дувана, (первое имя собственное, второе значить — юродивый, сумасшедшій бѣшеннй).

Далѣе на востокъ отъ Кокана, продолжая путешествіе, по картѣ, по длинѣ овала, вы не болѣе какъ въ восьмидесяти верстахъ встрѣчаете слѣдующій большой городъ Маршаланъ, почти не уступающій Кокану своими размѣрами и числомъ населения, и здѣсь вы встрѣчаете новую параллельную оросительную систему, устроенную отчасти природою отчасти руками человѣческими. Рѣка Исфойранъ и Шахи-Морданъ играютъ тутъ такую же роль какъ р. Соха.

Взявъ немного на сѣверо-востокъ и сдѣлавъ переходъ въ какихъ нибудь тридцать верствъ, вы снова встрѣчаете обильно населенный пунктъ — это городъ Шариханъ, а за тѣмъ богатый Анджанъ, расположенный уже вблизи рѣки Кара-Дарья, этого колоссальнаго притока Сыра.

Немного на сѣверъ, въ роскошной долині, гдѣ сходятся рѣки Нарынъ и Кара-Дарья, образуя своимъ соединеннымъ теченіемъ колоссальную «Сыръ-Дарью», раскинулся цвѣтущій Наманганъ, съ своими зубчатыми стѣнами и тѣплыми, многолюдными базарами.

Между нимъ и Анджаномъ, по обоимъ берегамъ Кара-Дарьи, буквально нѣтъ мѣста свободнаго, все занято садами и селеніями, всюду кажется самая оживленная дѣятельность.

Узкія дороги, вьющіяся между садовыхъ стѣнъ — пересѣченныя безчисленными мостиками, перекинутыми черезъ водопроводныя арыки, кишатъ профѣзжимъ людомъ. Поминутно слышится скрипъ двухколесныхъ арбъ, топотня кованныхъ конскихъ копытъ, мягкое шлепанье тяжелыхъ верблюжьихъ ступней, крикъ и говоръ путешественниковъ и попольщиковъ. Въ базарные дни, когда изъ городамъ стекается все окрестное население, буквально нѣтъ проѣзда по этимъ оживленнымъ дорогамъ.

Далѣе, поднимаясь вверхъ по Кара-Дарьѣ, вы достигаете до

города Урентъ, которому, вмѣстѣ съ его ближайшимъ сосѣдомъ — городомъ Ушемъ, всегда выпадала незавидная доля принимать на себя первые удары воинственныхъ полукочевыхъ горцевъ. Здѣсь уже природа становится бѣднѣе, населеніе слабѣе. Мѣстность замѣтно холмится, горные отроги спускаются между притоками Иссы, Каракульджа, Железу, Акъ-бура, — за ними видны уже ясно тяжелыя, скалистыя громады Кичи-Алая, съ его бѣдными, лѣнными обитателями, предпочитающими праздную жизнь и разбой трудолюбію низменныхъ узбековъ.

Ушъ ознаменовался еще тѣмъ, что около него, подъ самыми его стѣнами — небольшая горсть русскихъ стрѣлковъ-казаконъ подъ начальствомъ генерала Скобелева, окончателно разбила на голову и разсыла остатки арміи Абдурахманъ-Автобачи — послѣдній оплотъ этого замѣчательнаго средне-азиатскаго агитатора. Побѣда эта имѣла своимъ результатомъ сдачу самаго Абдурахманъ-Автобачи и бѣгство самозваннаго хана Фулатыбека, впоследствии такъ пойманнаго и повѣшеннаго.

Вотъ краткій очеркъ долины Ферганскаго округа или области, бассейна верховьевъ Сыръ-Дарьи и ея истоковъ, намъ остается только вкратцѣ указать на то значеніе, которое имѣетъ присоединеніе къ нашимъ средне-азиатскимъ владѣніямъ этой мѣстности — тѣхъ выгодъ, которыя намъ предстоитъ извлечь изъ этого присоединенія.

Прежде всего мы вспомнимъ про ближайшую колоссальную сосѣдку Кокана, отдѣленную отъ него горами и быстро обрусѣвшимъ Семірѣчьемъ — Сибирь. Вотъ что говоритъ по этому поводу газета «Новое Время».

«Сибирь, по своему положенію и климатическимъ условіямъ, лишена всякой возможности развивать у себя культурныя произведенія южныхъ странъ. Не говоря уже о такихъ продуктахъ какъ шелкъ, хлопокъ, краски, оливковое масло и пр., необходимыхъ для питанія мануфактурной промышленности, даже предметы, такъ сказать, обыкновенныхъ потребностей, какъ: виноградныя вина, фрукты, аптекарскіе и колониальные товары, въ Сибири до сихъ поръ получаютъ изъ Москвы и Петербурга. Принимая въ расчетъ, что эти послѣдніе города получаютъ означенныя произведенія болѣею частью изъ западной Европы, не трудно понять, что при такихъ условіяхъ въ Сибири не только немислима мануфактурная промышленность, но почти невозможно пользование привѣчными для всякаго образованнаго человека удобствами цивилизованной жизни. Иначе и быть не можетъ, если вспомнить, что отъ Томска, центра Сибири, до Петербурга 4 тысячъ верствъ. Железная дорога въоцѣдствіи можетъ облегчить это пространство и удешевить привозъ, но она не сократитъ расстоянія.

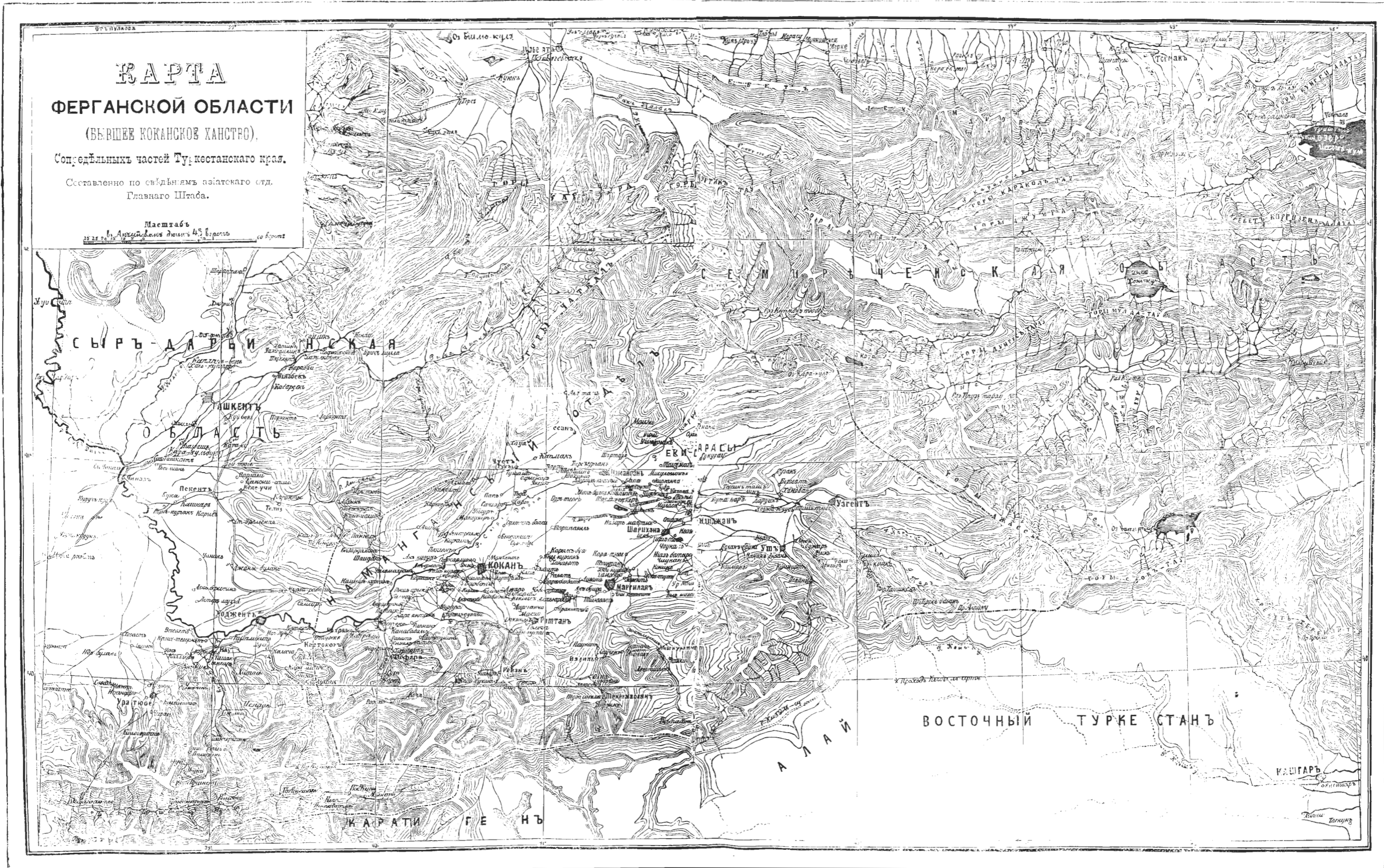
Близость юга — это преимущество Европы и даже европейской Россіи, позволяющая пользоваться удобно произведеніями южныхъ странъ и ихъ благотворнымъ климатомъ, — для Сибири не существовало... А отсутствіе этого преимущества не могло не повлечь на развитіе Сибири, на развитіе тамъ вполнѣ цивилизованной жизни.

«Сибири было необходимо сосѣдство юга и она приобрѣла его съ присоединеніемъ къ ней Семірѣчья, а въоцѣдствіе и Кокана.

Коканъ недаромъ у туземцевъ заслужилъ названіе «плѣнительный Коканъ». Его плодородная долина представляетъ собою сплошную садъ, изобилующій всеми произведеніями юга. Кромѣ хлопка и риса, здѣсь можетъ быть съ большимъ успѣхомъ развито винодѣліе, шелководство и табачное производствѣ, не говоря уже о садоводствѣ, которое и безъ того хорошо развито и даетъ обильные запасы фруктовъ, красильныхъ и аптекарскихъ растений. Въ Коканѣ найдены и уже эксплуатируются нефтяные источники; есть мѣдныя и серебряныя руды, найдется и уголь и много другихъ минеральныхъ сокровищъ. Черезъ Коканъ могутъ быть получаемы въ Сибирь все произведенія изъ-за Тяньшаньскаго хребта, изъ Западнаго Китая и даже Индии. Коканъ, наконецъ, представляетъ лучшую климатическую мѣстность для имѣющихъ надобность побережъся отъ разрушительнаго вліянія сѣвернаго климата. Такимъ образомъ Сибирь приобрѣтаетъ въ Коканѣ то, чѣмъ для нея служитъ Западная Европа, Крымъ и Кавказъ. Для сибиряка пользоваться произведеніями Кокана также удобно, какъ для насъ произведеніями нашего юга, ибо на незначительномъ протяженіи, всего 800 верствъ, несмотря даже на гористую мѣстность, можно будетъ улучшить пути сообщенія и довести ихъ до совершенства европейскихъ дорогъ.

Такое отношеніе къ Туркестанскому краю и Кокану, сибиряки поняли съ перваго же раза. Въ то время, когда громады пространства Амурской и Уссурийской областей до сихъ поръ представляютъ почти пустыню, когда населеніе Оренбургскаго края ни на волосъ не подвижилось и не могло подвижнута по пути къ Аральскому морю, — путь отъ Иргыша до Вѣрнаго сразу же началъ затягивать казачья станица, годъ отъ году разрастающіяся все болѣе и болѣе.

Самю собою разумѣется, что если Сибирь воспользуется новою областью и ея обильными благами, то и трудолюбивое, способное трехмиллионное населеніе Кокана съумѣетъ извлечь свои выгоды изъ сношеній съ Сибирью и эти сношенія благотворно отзовутся на жизни той и другой страны, ускорятъ взаимное развитіе, быстро поднимутъ уровень цивилизаціи.

Новый владения России. Карта Ферганской области (бывшее Коканское Ханство), средней части Туркестанского края, составленная по сведениям азиатского отд. Главного Штаба. Гравировалъ Бергъ и Скржиновскій.

Все дѣло только будетъ зависѣть отъ скорѣйшаго проведенія удобныхъ путей и на это должны быть направлены главныя правительственныя силы того и другаго округовъ.

Тогда только мы можемъ сказать, что недаромъ мы затратили до сорока лѣтъ на нашъ медленный военный походъ въ центральную Азію, не даромъ проходили эти громадныя, безводныя пустыни, недаромъ лили кровь въ войнахъ съ Бухарою, Коканомъ и Хивою—и во всякомъ случаѣ дешевле и лег-

че приобрѣли теперь несравненно выгоднѣйшій кусокъ, чѣмъ хивинскій оазисъ, поглотившій миллионъ денегъ, стоившій тяжкихъ жертвъ и усилій.

При большемъ ознакомленіи съ новопріобрѣтенною областю мы подѣлимся съ читателями болѣе подробными, болѣе интересными сообщеніями.

Н. К.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта.

Цѣло перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

ХІІІ.

Въ снѣгахъ, гдѣ окна выходили на сѣверъ, было уже довольно темно; тутъ, на красномъ кирпичномъ полу, лежали свѣтлыя полосы—отраженіе послѣднихъ огненныхъ лучей заходящаго солнца, которые играли на кухонной стѣнѣ, а дверь въ кухню была отворена. Тетушка-дьяконица стояла тамъ у окна и перемывала чайную посуду. Прежняя кухарка, вновь приглашенная, общалась придти только завтра (она прихворнула), а потому нѣкоторыя хлопоты по хозяйству лежали еще на плечахъ старушки. Она съ дружески-ласковой улыбкой кивнула Кэтѣ... Тетушка совсѣмъ и не подозрѣвала, что творилось тамъ, за этой широкой дверью; никакое предчувствіе не смущало ея мирной, кроткой души. Молодая дѣвушка содрогнулась и, не глядя на старушку, поспѣшила пройти въ садъ.

Было довольно-таки свѣжо. Сильный вѣтеръ дулъ съ рѣки; рѣзкія, холодныя струи воздуха обдавали лицо и плечи Кэты, а на ней и было только шолковое платьѣ. Съ высоко-вздывавшеюся грудью бросилась она навстрѣчу этому пронзительному вѣтру. Сильнымъ чувствомъ была одарена эта дѣвушка; горячая, юношески-бурная кровь бѣжала у нея въ жилахъ; пламя сердечнаго негодованія пылало на ея щекахъ, сверкало въ сухомъ, жгучемъ взглядѣ, а оконечности тѣла нервически трепетали.

Да, ей только-что пришлось пережить нѣчто ужасное... Въ самомъ дѣлѣ, при какой страшной борьбѣ двухъ разгоряченныхъ существъ присутствовала она!.. И кто же вызвалъ эту бурю?.. Виновницей всему — была ея сестра, эта вѣроломная, суетная женщина... Она играла, завязывая серьезный узелъ, долженствовавшій соединить ихъ, играла, чтобы потомъ — чуть что не понравится — разорвать его и кусочки пустить по вѣтру, какъ негодную паутину!.. Правда, на этотъ разъ Флора крѣпко ошиблась въ выборѣ новой жертвы своей забавы: она наткнулась на кусокъ стали, полагая пайти мягкое сердце, которое легко можно растоптать, глубоко унизивъ въ глазахъ свѣта, доведя его до отчаянія систематическимъ, постепеннымъ охлажденіемъ... Но что же сдѣлаютъ тутъ его твердость и энергія, которыя онъ обнаружилъ въ борьбѣ съ ней?.. Побѣжденъ все-таки онъ...

Кэта взошла на мостъ и, облокотившись руками на ветхія, распатавшіяся деревянныя перила, стала глядѣть внизъ. Шумящія волны катились подъ ея ногами; тамъ-и-сямъ высоко взлетали брызги, такъ какъ около берега стремящейся водѣ мѣшали обнаженные, торчащія крѣпкіе корни деревьевъ, а дно рѣки было усажено камнями, которые упорно отстаивали свое мѣсто.

Тутъ шла вѣчная борьба, а тамъ, вдали, въ блестящее зеркало рѣки смотрѣлся блѣдный серпъ луны, и казалось, что неподвижный серпъ этотъ на вѣчныя времена прикрѣпленъ къ небесному своду. Такъ же-ли вѣчная любовь въ человѣческомъ сердцѣ? Могутъ-ли сокрушить ее удары свирѣпой бури, или и они безсильны?.. Не исчезала-ли любовь, если сердце вынуждено было пре-

зирать то, что оно любило, если идеаль разлетался въ дребезги?.. Нѣтъ, не исчезала... Кэта во-очію видѣла это.

Странная, непонятная страсть!.. Вотъ, надъ этой самой крышей любовь однажды заставила сердце человѣческое испытать всѣ муки, всѣ страданія и довела его до отчаянія... Какъ-то недавно, возвращаясь домой, тетушка-дьяконица рассказала Кэтѣ такую исторію: Въ этомъ самомъ „домикѣ надъ рѣкой“ жила прелестная молодая вдова изъ фамиліи ф. Баумгартеновъ. Наслѣдникъ ея покойнаго мужа (представитель побочной линіи), весьма красивый кавалеръ, ежедневно являлся сюда изъ стараго фамильнаго замка, чтобы поглядѣть на прелестное женское личико... А личико это, обрамленное вдовимъ покрываломъ, обыкновенно выглядывало изъ окна. Прекрасный кавалеръ не дерзалъ входить въ домъ, потому что вдовушка была очень скромна. Частенько-таки онъ, гарцуя на своемъ ворономъ конѣ, проѣзжалъ узкій деревянный мостъ и осаживалъ горячее, фыркающее животное подъ завѣтнымъ окномъ, чтобы насладиться дыханіемъ прелестной женщины и горячо, страстно поцѣловать ея бѣлую ручку... И тѣ, кто видѣли это, божились, увѣряли всѣхъ, что какъ только она сниметъ трауръ—онъ введетъ молодую вдову снова хозяйкою въ замокъ Баумгартеновъ. Однако, случилось какъ-то такъ, что онъ уѣхалъ на довольно продолжительное время, отправился къ какому-то иностранному двору, ну, и вотъ, люди стали сообщать благородной женщинѣ, что прекрасный-то кавалеръ вернется сюда не одинъ, а съ молодой супругой изъ высокородной графской фамиліи. Улыбнулась только прелестная вдова на такія рѣчи и стала еще усерднѣе высматривать изъ окна... Она не вѣрила такому коварству, не вѣрила, пока не услышала звуковъ, доносившихся сюда изъ замка: трубы и рога возвѣстили ей, что возвратившійся владѣлецъ торжественно празднуетъ прибытіе въ замокъ своей молодой, гордой супруги... На другой день, утромъ, онъ, вмѣстѣ съ новой госпожей замка, перешелъ деревянный мостикъ и направился къ домику, чтобы представить жену свою особѣ, живущей „за рѣкой“. Еще издали были видны разноцвѣтные тюльпаны на тяжеломъ парчевомъ платьѣ молодой дамы, которая волочила его по землѣ; еще издали сверкала драгоценными камнями графская корона на широкомъ вѣрѣ въ ея рукѣ; борзая рыжая собака (она, бывало, всегда бѣжала впереди вороного коня) и теперь сопутствовала ему, но на этотъ разъ песъ не подбѣжалъ къ окну, изъ котораго когда-то бѣлая ручка угощала его сахаромъ и пирожками... Онъ пустился вдоль берега рѣки и, оставившись въ нѣсколькихъ саженихъ отъ домика, началъ жалобно лаять, визжать... Тутъ выплыла бѣлоснѣжная одежда; теребили ее и рвали сердитыя волны, желая увлечь съ собою, но тщетно: длинныя, бѣлокурыя косы блѣдной женщины запутались въ высунувшихся корняхъ прибрежныхъ деревьевъ и крѣпко держали утопленницу на одномъ мѣстѣ, какъ-бы поджидая прекраснаго кавалера... Пусть-же онъ въ послѣдній

разъ взглянуть на эти неподвижные, широко-открытые глаза... Одно изъ оконъ домика, теперь по вечерамъ освѣщенное лампой, вѣроятно, было то самое, около котораго сидѣла прелестная вдова, искренно-любящая и полная надеждъ... Она ждала - ждала — вотъ опять появится онъ на мосту на своемъ ворономъ конѣ!.. Съ какимъ, навѣрно, отчаяніемъ глядѣла покинутая женщина на катящіяся волны!.. Онѣ катились оттуда, отъ веселаго замка, гдѣ шумѣлъ свадебный пиръ!.. И вотъ, ею овладѣло жгучее, страстное желаніе отдать свое прекрасное тѣло этимъ бурнымъ волнамъ, броситься въ нихъ, чтобы онѣ унесли ее далеко - далеко отъ мѣста ея былого счастья... Прошло много—много лѣтъ съ тѣхъ поръ—и снова подъ этой самой кровлей завязалась такая-же сердечная борьба... Нѣтъ, несомнѣнно такая! Развѣ у Брука не сильная душа? Человѣка этого поддержать его высокое призваніе на землѣ, оно постепенно вылечить его, освободить отъ снѣдающихъ страданій... Да, это такъ. И если бы даже несчастная женщина, очертя голову прыгнувшая въ могилу, чтобы укрыться отъ всѣхъ несчастій, стала манить его въ волны, протянула бы изъ воды свои бѣлые руки—онъ отвернулся бы, отошелъ бы отъ рѣки... Кэта дрогнула, такъ ей стало вдругъ страшно. Развѣ Генриэтта не говорила: „кто видѣлъ Флору нѣжной, любящей, тотъ—пойметъ, что мужчина скорѣе пожертвуетъ жизнью, чѣмъ откажется отъ такой женщины“..? Ну, а развѣ онъ не долженъ теперь отказаться отъ нея? Вѣдь она прямо объявила ему, что ненавидитъ его!..

Молодая дѣвушка, въ испугѣ, побѣжала обратно въ садъ, побѣжала безъ оглядки, какъ-будто тамъ, на темный берегъ вышла утопленница, несчастная женщина съ бѣлокурыми распущенными волосами, и бросилась за Кэтой, чтобы схватить ее.

Стемпло. Тамъ, гдѣ стоялъ лѣсъ, теперь была видна только черная длинная полоса, словно гробовой покровъ; изборожденное, безмолвное поле казалось мертвымъ, а между тѣмъ подъ слоемъ земли уже копошились цѣлыя милліарды зародышей; они работали тамъ, чтобы потомъ разомъ хлынуть широкимъ моремъ волнующихся колосевъ на свѣтъ Божій, залитый золотыми лучами солнца. На крышѣ поскрипывали флюгера; вѣтеръ порывисто дулъ, онъ все усиливался... Ночью, навѣрно разразится надъ землею свирѣпая весенняя буря. Серебристые тополи у налесаадника колыхались, а нескрѣпленные вѣтви недокопченной бесѣдки трещали подъ ударами порывистаго вѣтра... Да, вотъ когда совсѣмъ не видно будетъ остова бесѣдки, когда она вся покроется зеленью—что-то будетъ тогда, т. е. въ какомъ положеніи очутится *дѣло*, которое теперь является такимъ запутаннымъ, неразрѣшимымъ по волѣ судьбы?... Придется-ли тетущкѣ *когда-нибудь* сидѣть въ этой желанной, зеленой бесѣдочкѣ, чувствовать себя счастливой, веселой, какъ во времена былыя въ садикѣ при пасторскомъ домѣ?... Если человекъ, котораго она такъ любитъ, будетъ несчастливъ, если горе его убьетъ, если она лишится его—то... никогда ей и не наслаждаться тутъ!..

Кэта, робко озираясь, обогнула западный уголь дома. Окно комнаты больной было слабо освѣщено ночной лампой... А тамъ борьба видно еще не кончена: молодая дѣвушка увидѣла Брука; онъ стоялъ у окна, спиной къ ней, такой твердый, непреклонный, съ поднятою правою рукой, какъ-будто требовалъ отъ Флоры, чтобы она молчала... Кэта могла видѣть только золотисто-бѣлокурые локоны красавицы, на которыхъ лежалъ кружевной шарфъ... Кружево трепетало, колыхалось—вѣроятно Флора упрямо потряхивала головой; не задѣла-ли она *его* дерзко, снова заговоривъ о его докторской дѣятельности?..

Молодая дѣвушка была въ возбужденномъ состояніи, у нея зубъ на зубъ не попадалъ; гнѣвъ, ожесточеніе

овладѣли ея сердцемъ, и ей казалось, что она должна сейчасъ-же бѣжать туда и силою принудить вѣроломную сестру образумиться, исполнить свой долгъ. Въ самомъ дѣлѣ, не войти-ли въ комнату, не примкнуть-ли къ Бруку и затѣмъ прямо обратиться къ Флорѣ, излить все свое негодованіе, выразить все призрѣніе, все, что накипѣло въ дѣвичьемъ сердцѣ?... Какал нелѣпная мысль! Какъ бы *онъ* отнесся къ такому вмѣшательству?... А если онъ непрошеннаго посредника только смѣриетъ холоднымъ, удивленнымъ взглядомъ и отстранитъ ее, Кэту, какъ это недавно онъ и сдѣлалъ относительно „назойливаго“ букетика изъ голубенькихъ цвѣточковъ?... Да тогда, со стыда, хоть провались на мѣстѣ!..

Кэта быстро пошла дальше. Теперь она ощутила во всемъ тѣлѣ ледяной холодъ. Эта крѣпкая дѣвушка, умѣвшая владѣть собою, обладавшая совершенно здоровыми нервами, подчинилась какому-то странному чувству страха... Ей было страшно при мысли, какъ это она *одна* бродила тутъ, почти въ потьмахъ (блѣдно-золотой серпъ на небѣ слабо освѣщаль окрестность), въ мертвой тишинѣ, прерываемой только однообразнымъ шумомъ рѣчныхъ волнъ... Черезъ окно она увидала въ кухнѣ тетущку, которая, при свѣтѣ чистенькой оловянной лампочки, сидѣла и очищала овощи къ завтрашнему обѣду. Какой контрастъ! Тутъ такъ мирно, тихо, а тамъ—въ комнатѣ больной—что-то бурное, порывистое... Безмятежно, хорошо въ кухнѣ, но Кэта не рѣшилась войти туда въ такомъ видѣ—лихорадочно-безпокойной, встревоженной, со страхомъ думающей о будущемъ; она не смѣла бы скрыть волненія, выдала бы себя, встрѣтивъ ясный, пронизательный взглядъ старушки.

Наружная дверь стояла отворенной, а кухонная была заперта. Кэта на цыпочкахъ пробралась черезъ сѣни въ комнату тетущки-дьяконицы. Молодая дѣвушка думала—не удастся-ли ей поуспокоиться здѣсь, въ этой темной, уютной, тихой комнатѣ, гдѣ воздухъ, пропитанный ароматомъ цвѣтовъ, такой мягкій, теплый, чистый. Она сѣла въ кресло, стоявшее за рабочимъ столикомъ, Лавровыя деревья, переплетаясь верхними вѣтвями, образовали надъ этимъ мѣстомъ нѣчто вродѣ бесѣдки; нарцисы, фіалки, ландыши на подоконникахъ благоухали, наполяя воздухъ сладко-одуряющимъ запахомъ. Канарейка совсѣмъ было собралась на покой, благо темно стало, но теперь она зачирикала и въ тревогѣ начала прыгать въ клѣткѣ съ жердочки на жердочку. Все-таки и здѣсь вѣяло жизнью—хотя бы и отъ испуганной птички. Кэтѣ не удалось успокоиться... Когда-то здѣсь бродила отринутая бѣлокурая красавица въ траурныхъ одеждахъ, и вотъ эти самые улыбающіеся херувимчики на потолкѣ были свидѣтелями ея горя и отчаянія... Молодая дѣвушка тщетно отгоняла этотъ призракъ, тщетно старалась не думать, что и Брукъ, пожалуй, не переживетъ, не вынесетъ удара, нанесеннаго ему Флорой... Вѣдь Генриэтта прямо говорила такъ, а она видѣла съ самаго начала, какъ онъ горячо, страстно любилъ Флору. Значитъ, она не ошибалась...

Вошла тетущка съ лампой, чтобы поставить ее на письменный столъ доктора (это дѣлала она каждый вечеръ). Старушка затворила ставни, опустила шторы и, поправивъ огонь въ печкѣ, вышла, не замѣтивъ Кэты, сидѣвшей въ лавровой бесѣдочкѣ у окна.

Едва смолкли ея легкіе шаги, какъ другіе—звучные, твердые раздались въ сѣняхъ—и въ комнату вошелъ Брукъ. На мгновеніе онъ приостановился на порогѣ и, глубоко вздохнувъ, провелъ рукой по лбу. Докторъ какъ и тетущка, не подозрѣвалъ, что за этой густой зеленью бьется, трепещетъ въ смертельномъ страхѣ сердце человеческое... А Кэта притаила дыханіе, она почти окаменѣла, тѣсно прижавшись къ простѣнку у окна... Все-ли тамъ кончено?... Пришелъ-ли *онъ* сюда съ рас-

терзаннымъ сердцемъ, съ отчаяніемъ въ душѣ.. одиноч-кимъ на всю жизнь... навсегда?...

Брукъ быстро прошелъ въ кабинетъ—прямо къ пись-менному столу. Кэта осторожно поднялась и очутилась посреди тетешкиной комнаты. Теперь она могла видѣть его. Докторъ стоялъ къ ней бокомъ; лампа ярко освѣ-щала его лицо, на которомъ еще замѣтны были слѣды не-давней душевной бури. Онъ видимо былъ разгоряченъ, — лобъ, щеки и даже вѣки были темно-краснаго цвѣта, какъ - будто ему пришлось пройти нѣсколько верстъ подъ знойными лучами солнца... Чтожъ, развѣ не тя-желый путь совершилъ онъ, пройдя по развалинамъ своихъ иллюзій, своихъ надеждъ?... Но куда привела его дорога—не къ безотраднѣй-ли цѣли, туда, гдѣ раз-зомя исчезла прекрасная фата-моргана и гдѣ откры-лись предъ нимъ во всей своей ужасающей наготѣ ве-реница сѣрыхъ дней, беспросвѣтная жизнь въ тоскли-вомъ одиночествѣ?...

Брукъ, стоя, написалъ на почтовомъ листкѣ нѣсколь-ко строкъ и вложилъ потомъ этотъ листокъ въ кон-вертъ. Движенія его были торопливы, лихорадочно-без-покойны. Адресъ написалъ онъ такъ же быстро... Ко-му именно посылалась эта записка?... Да развѣ могъ онъ въ эти минуты думать о чемъ-нибудь другомъ на землѣ, кромѣ... страшной рѣшительной развязки? Пись-мо могло быть только къ Флорѣ... Можетъ быть, это *послѣднее прощанье*, а быть можетъ убійственный приго-воръ надъ нею человѣка, стоящаго уже на краю гро-ба?...

Вотъ онъ взялъ графинъ и налилъ воды въ стаканъ изъ молочно-бѣлаго стекла—въ тотъ самый стаканъ, въ который она недавно сунула свой весенній букетъ; по-томъ Брукъ отворилъ шкафчикъ въ письменномъ столѣ, вынулъ изъ него стекляночку и ближе придвинулся къ лампѣ— пять прозрачныхъ, безцвѣтныхъ капель упали въ стаканъ.

До этой минуты Кэта стояла словно пригвожденная къ полу. Ей такъ было тяжело, какъ-будто сердце у нея перестало биться, но тутъ ужъ душевное волне-ніе наконецъ, бурно, вырвалось наружу: быстро подо-шла она къ Бруку, положила лѣвую руку ему на плечо, правой же судорожно схватила его руку, уже подно-сившую стаканъ къ губамъ, и медленно отвела ее внизъ.

Кэта невѣроятно была слова вымолвить, но зато въ карихъ глазахъ ея, глядѣвшихъ на Брука такъ красно-рѣчиво, съ мольбой, было все—и страхъ и горе, и не-выразимое страданіе, раздиравшее сердце... И вдругъ молодая дѣвушка отскочила отъ него... Господи Боже! что она надѣлала?... Докторъ удивленно-вопросительно посмотрѣлъ на нее. Кэта со стыда чуть не грохнулась на колѣна. Пролетѣвъ какія-то безсвязныя слова, она закрыла лицо руками—и горько заплакала... Онъ сразу понялъ все и, поставивъ злосчастный стаканъ на столъ, въ смущеніи взялъ обѣ руки дѣвушки и при-влекъ ее къ себѣ.

— Кэта... Милая Кэта!—проговорилъ Брукъ дрожа-щимъ голосомъ, стараясь заглянуть ей въ заплаканное лицо; но Кэта нарочно нагнула голову, чтобы скрыть слезы.

Прелестная, величавая дѣвушка явилась въ эту мину-ту тѣмъ, чѣмъ была она въ дѣйствительности—олице-твореніемъ юности, во всемъ ея дѣвственнымъ блескѣ горячаго, открытаго сердца, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпо-мощнымъ существомъ, испугавшимся неожиданности.

Она тихонько высвободила свои руки и торопливо вытерла платкомъ слезы.

— Я глубоко огорчила васъ, г. докторъ,—заговорила Кэта, все еще не справившись со слезами... Я—такую сдѣлала безтактность, которую вы мнѣ, конечно, ни-когда не простите... Господи! Какъ я могла увлечься подобной сумасбродной мыслью, подумать, что...

Она закусила губы, чувствуя, какъ онѣ опять стали судорожно подергиваться.

— О, не судите меня слишкомъ строго! почти—шо-потомъ прибавила Кэта. То, что мнѣ пришлось сегодня пережить— достаточно для того, чтобы смутить и не такую молодую душу...

Брукъ старался не глядѣть на нее, и только искоса, повременамъ, глаза его останавливались на этихъ пре-красныхъ, юныхъ устахъ, какъ будто ему не хотѣлось обнаружить, какъ огорчаетъ его это горькое признаніе и какъ самъ онъ взволнованъ. Но вотъ по лицу его скользнула теплая, сочувственная улыбка, уже знакомая Кэтѣ.

— Вы не огорчили меня, сказалъ онъ, утѣшая ее— да и какъ же бы я могъ осудить ваше чистое сердце?... Какое мнѣніе составили вы о моемъ характерѣ, объ образѣ моихъ мыслей, что думали о моемъ темперамен-тѣ, чтобы придти къ такому заключенію—я не знаю, не хочу и задумываться надъ этимъ, а тѣмъ болѣе опро-вергать... Благодаря этому заблужденію, въ жизни мо-ей была такая минута, которую я, конечно, не забуду! А теперь успокойтесь, или ужъ лучше позвольте мнѣ, какъ врачу, исполнить свою обязанность.

Онъ взялъ стаканъ и подаль его Кэтѣ.

— Не *того* успокоенія, о которомъ вы думали съ такимъ страхомъ, опасеніемъ, искалъ я, намѣреваясь выпить это... Брукъ приостановился на секунду. — Да, я позволилъ себѣ увлечься тамъ, говорить запальчиво, горячо и гдѣ же—въ комнатѣ больной!... Я никогда не простилъ бы себѣ этого, если бы не принялъ въ соображеніе, что вѣдь и у меня, какъ и у всякаго другаго, есть кровь, нервы, которые бунтуютъ иногда противъ разсудка... Вотъ, нѣсколько капель этой жид-кости (онъ указалъ на стекляночку) могутъ отлично остано-вить слишкомъ расхолодившіяся нервы. Возьмите же стаканъ!

Кэта послушалась, взяла и выпила все до капли.

— А теперь я желалъ бы попросить у васъ извиненія въ томъ, что вамъ пришлось быть свидѣтельницей возмутительно-гадкой сцены тамъ... въ той комнатѣ,— серьезно, выразительно произнесъ докторъ.—Я отвѣт-ственное лицо за это, потому что въ моей власти было не допустить подобной сцены: мнѣ стоило сказать во время только два-три слова...

Онъ такъ горько, такъ ѣдко усмѣхнулся, что моло-дая дѣвушка ощутила боль въ сердцѣ отъ этого смѣха...

— Меня, изволите видѣть,—продолжалъ Брукъ:—*му-чаетъ жалкая, глупая спѣсь*—такъ говорятъ обо мнѣ нѣ-которые изъ моихъ собратьевъ, бывшихъ товарищей; они, по добродушію своему, несовѣтъ еще оставили меня, а утверждаютъ это потому, что я не принадлежу къ „крикунамъ“. И вотъ, эта „глупая спѣсь“ стала для меня чѣмъ-то въ родѣ проклятія Кассандры. Люди при-нимаютъ молчаливость за бездарность; кто молчитъ, тотъ, по ихъ мнѣнію, не обладаетъ въ достаточности разсудкомъ; а потому они и находятъ совершенно не-нужнымъ сдерживать себя, стѣсняться въ моемъ при-сутствіи. Я вижу такія личности, которыя, повидимому, просто, гениальны, онѣ кажутся богатыми натурами; но вмѣстѣ съ тѣмъ я усматриваю всю ихъ неуклюжесть, неловкость и могу съ математическою точностью пред-сказать, какъ онѣ поступятъ въ данномъ случаѣ и что за этимъ послѣдуетъ... О, какая радость!..

Онъ слегка топнулъ ногой и вздрогнулъ, какъ-будто ему пришлось отбросить концемъ сапога отвратитель-ную гадину. Кровь его, какъ видно, порядкомъ еще кипѣла и въ груди все еще бушевало, а тамъ, со стѣ-ны, такъ прелестно и умно глядѣло суетное существо, дерзко нарушившее жизненную гармонию этого человѣ-ка—Флора, въ бѣлыхъ одеждахъ Ифигеніи, была на портретѣ дьявольски-прекрасна и вмѣстѣ съ тѣмъ ка-залась почти кроткой голубкой, она стояла присло-

Далила. Картина Цезаря Даль-Аква, рисов. Тофанье, грав. Чентенгри.

нившись къ колоннѣ, съ небрежно-опущенными, сложенными руками. Да, въ то время она еще жаждала *ею* любви, хотѣла правиться ему, твердо желала осушить созданный имъ идеалъ, сдѣлаться благодѣтельной феей въ жилищѣ будущаго „знаменитаго университетскаго профессора“... Но не стала бы она такой никогда, потому что эта-то „знаменитость“ непременно раснадила бы силыѣе ея страсть блпстать въ обществѣ въ качествѣ творческаго, создающаго духа. Онъ, мужъ, имѣлъ бы открытый, блестящій салонъ, но не имѣлъ бы дома, семейнаго очага; онъ жилъ бы съ свѣтской барыней, снѣдаемой неудовлетвореннымъ честолюбіемъ, но у него не было бы жены—истишно-любящей женщины, не было бы „помощницы, сочувствующаго соратника-товарища, готоваго идти въ борьбу рядомъ съ нимъ“... Теперь докторъ все это отлично видѣлъ и... все-таки не согласился освободить Флору, возвратитъ ей данное ему слово!.. А можетъ быть ничего уже нѣтъ, все порвано послѣ того, какъ Флора такъ прямо, безъ обиняковъ, объявила—бросила ему въ лицо, что ненавидитъ его?... Вѣдь Кэта же не знала, что потомъ было между ними, послѣ ея ухода, но какая бы ни была развязка, молодая дѣвушка находила, что ей неприлично оставаться долѣе въ его комнатѣ.

Брукъ подмѣтилъ мрачный взглядъ Кэты, который она бросила на портретъ сестры, и увидѣлъ, что она хочетъ уйти.

— Да, да, идите,—сказалъ онъ.—Горничная Генриэтты явилась и уже приняла на себя обязанности сидѣлки. Положеніе больной неопасно, такъ что вы можете спокойно возвратиться на виллу—прямо къ чаю.. Г-жа президентша весьма этого желаетъ: она велѣла передать, что чувствуетъ себя очень одинокой.. Увѣряю васъ—вы можете преспокойно удалиться. *Я буду тщательно ухаживать за вашей дорогой больной*, повторилъ Брукъ, подчеркивая эти слова, когда замѣтилъ, что Кэта хотѣла протестовать.—Но... дайте мнѣ еще разъ вашу руку!

Онъ протянулъ ей свою, и молодая дѣвушка живо, охотно исполнила его желаніе.

— Вотъ что еще: что бы вамъ ни говорили сегодня обо мнѣ—не торопитесь осуждать меня!.. Черезъ нѣсколько дней *она* (докторъ не назвалъ по имени и, даже не взглянувъ, съ горькой улыбкой, просто кивнулъ на портретъ Флоры) будетъ думать совершенно иначе... Вотъ это-то и заставляетъ меня дѣйствовать послѣдовательно, быть стойкимъ, твердымъ: я не долженъ допустить, чтобы меня потомъ упрекнули, указавъ на улыбку мое пользоваться благоприятной минутой.

Кэта удивленно посмотрѣла на него, а онъ такъ выразительно, съ такимъ-то странно-покорнымъ видомъ склонилъ голову, какъ-будто хотѣлъ сказать: „Да, вотъ въ какомъ положеніи дѣло“... Но ни Кэта, ни Брукъ не промолвили ни одного слова.

— Доброй ночи, доброй ночи!—проговорилъ онъ и, слегка пожавъ, выпустилъ ея руку, а затѣмъ повернулся къ письменному столу. Кэта въ это время быстро направилась къ дверямъ, но на порогѣ какъ-то невольно оглинулась и увидала — странно: — что Брукъ подносилъ къ губамъ простой стаканъ, который вдругъ, въ эту минуту выскользнулъ изъ его рукъ и разбился на полу...

Флора совсѣмъ уже готова была выйти изъ комнаты больной; она можно сказать, вся тряслась отъ нетерпѣнія.

— Гдѣ ты пропадаешь, Кэта? спросила она.—Бабушка ждетъ не дождется! Ну, ты и будешь виновата, если намъ придется сегодня пить чай *со щипльками!*

Кэта промолчала. Накинувъ башлыкъ (башлыкъ принесла ей горничная), она подошла къ кровати. Генриэтта спокойно спала, яркаго лихорадочнаго румянца на ея щекахъ почти уже не было. Молодая дѣвушка нѣ-

сколько разъ поцѣловала блѣдную, худенькую ручку сестры, неподвижно лежавшую на одѣялѣ, послѣдовала за Флорой, которая, шурша своимъ шлейфомъ, выходила изъ комнаты.

Сѣни были освѣщены небольшой лампой. Лакей, пришедшій сюда выѣстѣ съ горничной и сдавшій принесенныя вещи, ходилъ тутъ взадъ и впередъ въ ожиданіи барышень. Почти одновременно съ сестрами, въ сѣни вошелъ Брукъ, и Кэта почувствовала, какъ у ней отъ стыда снова вспыхнули щеки. Докторъ отдалъ записку лакею, поручивъ отправить ее въ городъ по адресу—на имя одного молодого врача.

Флора прошла мимо него, какъ бы не желая помѣшать ему передать лакею что нужно, и быстро исчезла въ темнотѣ. Кэта повернула въ кухню и простилась тамъ съ тетужкой.

Старушка, съ серьезной физиономіей, покачала головой когда убѣдилась, что „невѣста“ совсѣмъ ушла, не удостоивъ даже мимоходомъ пожелать ей доброй ночи. Она молча пошла за племянникомъ въ комнату больной, чтобы еще разъ взглянуть на нее и затѣмъ уже отправиться въ свою спальню.

Спустившись съ лѣсенки, Флора остановилась предъ домомъ, предварительно пославъ лакея впередъ, который и успѣлъ уже пройти чрезъ мостъ. Свѣтъ сѣнной лампы (наружная дверь оставалась отворенною) слабо освѣщала лицо красавицы—такое гнѣвное лицо, что казалось, вотъ-вотъ съ этихъ полукрытыхъ устъ сейчасъ сорвется проклятіе... Съ какимъ невыразимымъ презрѣніемъ она еще разъ посмотрѣла на красный кирпичный полъ сѣней, на ихъ бѣлыя, голыя стѣны, на самый домикъ, какъ будто-ей хотѣлось теперь получить болѣе полное *желанное* впечатлѣніе.

— О, да, да! Все это какъ разъ пришло бы мнѣ по вкусу... Хижина и сердце!..—проговорила Флора надменно и явно-иронически тряхнувъ головой.—Мужъ безъ должности.., неимѣющій никакого вліянія... Выѣсто настоящей квартиры, эта ужасная трущоба среди пустоши.. Замкнутая, уединенная жизнь втроемъ, а расходы покрывались бы небольшими доходами съ того, что досталось мнѣ въ наслѣдство послѣ отца!.. Нѣтъ, ни разу еще въ жизни не пришлось мнѣ испытать, что такое значить быть униженной!.. И вотъ, сегодня, впервые, среди этой подавляющей, жалкой обстановки, я почувствовала, что меня какъ будто столкнули съ пьедестала, на которомъ я стояла, благодаря нашей незаятнанной фамилии, благодаря аристократическимъ условіямъ жизни и моимъ собственнымъ дарованіямъ, моему уму.. Боже, не допусти дурнаго исхода болѣзни Генриэтты! Вѣдь я не могла бы въ такомъ случаѣ и проститься съ сестрой, потому что тутъ, въ этомъ домѣ, меня никогда больше не увидятъ. Право, ни одна дѣвушка не была еще такъ постыдно обманута, какъ я!.. Такъ бы и ударила себя по лицу за слѣпоту мою, за то, что я такъ непрестительно-наивно запуталась, завязавъ такія отношенія!..

Флора, какъ безумная, побѣжала къ мосту.

Лунный свѣтъ покрывалъ блестящую поверхность рѣки какъ бы прозрачно-серебристой дымкой, слабо освѣщая бѣгущую фигуру дѣвушки; вѣтеръ порывистый, почти бурный неистово набросился на нее, сталъ теревить ея платье и сорвалъ съ головы легкой кружевной шарфъ; распустившіеся локончики развѣвались и, какъ змѣйки, кружились во всѣ стороны надъ ея бѣлымъ лбомъ.

— Онъ *не* освобождаетъ меня!—не смотря на мои мольбы, не смотря на мое сопротивление, сказала Флора, остановившись на срединѣ моста и обратившись къ сестрѣ, хотѣла уже молча пройти мимо нея.— Ты была при этомъ, ты слышала, какія рѣшительныя слова были произнесены. Онъ поступаетъ безчестно... жалко, какъ безсердечный торгашъ, отлично сознающій,

что обманутый имъ погибаетъ, и все-таки настаивающей на буквальной исполненіи пагубнаго контракта. Но пусть же онъ, пусть до конца дней своихъ утѣшается мыслью, что у него осталась хоть тѣнь права на меня... Съ этой самой минуты я—свободна!..

Она сняла съ пальца обручальное кольцо и сильно швырнула его въ пѣнящіяся волны рѣки.

— Флора! Что ты сдѣлала?!...—воскликнула Кэта и, протянувъ руки, перегнулась чрезъ перила моста, какъ бы надѣясь схватить налету кольцо, но оно уже исчезло въ волнахъ...

Унесли-ли волны колечко, а можетъ быть оно кануло прямо на дно тутъ, вблизи домика, гдѣ несчастье успѣло уже свить себѣ гнѣздо, хотя тамъ только-что начинало биться горячее, любящее сердце?... Молодой дѣвушкѣ чудилось, что вотъ сейчасъ должна вынырнуть изъ блестящихъ волнъ бѣлокурая утопленница и грозно поднять руку съ кольцомъ, этимъ символомъ вѣчной вѣрности, брошеннымъ съ такимъ презрѣніемъ... Кэта вздрогнула и закрыла глаза рукой.

— Э, дурочка, перестань-же такъ тревожиться! Развѣ сама я бросилась туда? проговорила Флора съ холодной усмѣшкой.—Можетъ быть, другія, необладающія спяной волей, не способная протестовать, постоять за себя, и сдѣлали бы это, но только не я. Я, вотъ просто взяла да и швырнула послѣднее звѣно ненавистной мнѣ цѣпи!..

Она, какъ бы лаская, провела лѣвой рукой по пальцу, на которомъ уже не было кольца.

— Звено это хотя и изъ золота, но такое было тоненькое, *простенькое*, что совершенно приходилось по вкусу вонъ *тому* (Флора кивнула по направленію къ домику за рѣкой), какъ онъ самъ увѣрялъ съ напускной своей спартанской манерой, а все-таки оно давило меня, какъ большой желѣзный обручъ!.. Ну, и пускай это колечко сгинетъ тамъ, на днѣ... Новую жизнь начинаю я!..

Да, она „стрихнула“ бремя съ плечъ, раздѣлалась съ нимъ „во что бы ни стало“—вѣдь это были ея сло-

ва, она такъ и заявляла. Теперь даже и тѣнь ненавистнаго брака исчезла, мракъ разсѣялся, и для Флоры восходитъ „солнце славы“.

„Освобожденная“ такъ быстро побѣжала впередъ, какъ-будто мостъ горѣлъ подъ ея ногами. Кэта послѣдовала за ней молча. Въ душѣ молодой дѣвушки бушевала страшная буря, въ головѣ шумѣло, мысли путались; сталкиваясь съ людьми и опираясь на ясный здравый разумъ, она всегда знала, какъ отнестись къ нимъ, а теперь—ничего не понимала.. За что ухватиться, чтобы уяснить себѣ правое и неправое, отличить истину отъ лжи?... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ красавица эта, сестра ея, воплощеніе вопиющей неправды, высокомерія, дикаго произвола, не держала себя увѣренно, не поступала вполне сознательно, именно такъ, какъ, будто бы иначе и не могла, даже не должна была поступать?... Однако, Флора нарушила данное ею слово, отказалась отъ исполненія своихъ обязанностей... Да, но вѣдь все это она сдѣлала съ полнѣйшимъ сознаниемъ своего права, твердо, не колеблясь... Такъ же смѣло и твердо шагаетъ она теперь по аллеѣ, усыпанной крупнымъ пескомъ. Незамѣтно и тѣни сомнѣній въ ней!..

Лакей встрѣтилъ барышень въ корридорѣ на виллѣ и доложилъ имъ, что у г-жи президентши гости: къ самому чаю пріѣхали двѣ пожилыя дамы.

— Ну, тѣмъ лучше! сказала Флора Кэтѣ.—Я, право, вовсе не расположена сегодня состоять при бабушкѣ въ качествѣ Шехерезады! Да у старухи-генеральши и такъ всегда карманы полны слетянными и городскими новостями... Значитъ, и безъ меня теперь обойдется.

Впрочемъ, она изъявила желаніе на полчаса завернуть въ гостиную, чтобы сдѣлать чай и потомъ уже уйти къ себѣ съ „переполненнымъ сердцемъ“. Кэта извинилась, что не можетъ выйти въ гостиную, сославшись на нездоровье, и дѣйствительно: кровь ея лихорадочно волновалась, въ головѣ и сердцѣ стучало, какъ бы предъ болѣзью.

(Продолженіе будетъ).

Везувій.

Въ виду интереса, возбужденнаго послѣднимъ изверженіемъ Везувія 6-го марта текущаго года, мы считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ вулканами вообще и съ Везувіемъ въ особенности. Еще нѣсколько раньше изъ наблюденій профессора Пальмиери, можно было заключить, что вулканъ находится въ возбужденномъ состояніи, почему слѣдуетъ ожидать болѣе или менѣе сильное изверженіе. Имѣя въ виду послѣднее обстоятельство, массы пріѣзжающихъ наводнили окрестности Везувія, отчего, говорятъ, произошло большой недостатокъ въ помѣщеніи.

6-го марта обнаружилось возбужденное состояніе вулкана. Вершина его задымилась сильнѣе обыкновеннаго, а изъ кратера полетѣли камни, шлакъ и выплылся потокъ лавы по направленію къ Помпеи. Множество народа (около 10,000) любовалось этимъ зрѣлищемъ. Многие, впрочемъ, принуждены были спасаться отъ камней и кусковъ шлака, вылетавшихъ изъ горы.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній мы покуда не имѣемъ. Огнедышащими горами называютъ возвышенія земной поверхности, внутри которыхъ находится каналъ, ведущій въ расплавленную внутренность земли. Возвышенія эти имѣютъ болѣею частью видъ усѣченнаго конуса. Верхняя часть конуса называется кратеромъ, внутренняя же часть, изъ котораго выбрасываются лава, камни и пары, носитъ названіе жерла.

Древніе Греки въ огнедышащей горѣ видѣли кузницу Вулкана, отсюда эти горы и получили названіе мпѣологическаго бога.

Какъ слѣдствіе одной причины, съ изверженіемъ вулкановъ имѣетъ тѣсную связь землетрясеніе. При землетрясеніяхъ колебаніе почвы бываетъ горизонтальное, вертикальное и вращательное. По своимъ-же послѣдствіямъ, оно несравненно опаснѣе вулкановъ. Стоитъ только вспомнить Лиссабонъ, разрушенный землетрясеніемъ 1-го ноября 1755 года, чтобы имѣть понятіе о силѣ, скрывающейся внутри планеты. Въ какія нибудь пять минутъ, 60,000 человекъ лишилось жизни.

Какъ нѣтъ ни одной страны, свободной отъ землетрясенія, такъ и не проходитъ ни одного дня, чтобы земля не колеба-

лась: внутренняя сила постоянно проявляется въ своихъ дѣйствіяхъ на поверхности. Гулы, который слышится при землетрясеніяхъ изъ глубины земли, поражаетъ душу человека, наводитъ страхъ на самыхъ животныхъ. Напр. крокодилы, какъ извѣстно, животныя безмолвныя, съ ревомъ покидаютъ колеблющееся лоно рѣки и бѣгутъ въ лѣса.

Усѣхи, которыхъ достигла наука вообще, изумительны. Съ какою точностію, напр., астрономъ вычисляетъ лунное или солнечное затмѣніе и пр.

Точно также въ настоящее время, на основаніи цѣлаго ряда наблюденій, наука желаетъ проникнуть и въ сокрытую отъ насъ глубину земли, изслѣдовать причины, производящія измѣненія земной поверхности и вообще изучить факты, имѣющіе связь съ явленіемъ вулканизма. Чтобы удовлетворить такимъ стремленіямъ науки и вывести практическіе результаты, итальянское правительство построило въ 1844 году, у подошвы Везувія, метеорологическую обсерваторію. Обсерваторія стоитъ на склонѣ холма, который уже нѣсколько разъ окружали потоки лавы, выливавшихся въ разное время изъ вулкана. Фундаментъ ея составляютъ громадные своды, выше идетъ галлерія, представляющая интересное собраніе лавъ и вулканическихъ минераловъ. Изъ галлерей ведетъ лѣстница собственно въ обсерваторію.

Знаменитый итальянскій профессоръ, Пальмиери, портретъ котораго, а также и видъ обсерваторіи, помѣщены на страницахъ настоящаго № «Нивы», уже нѣсколько лѣтъ занимается наблюденіями надъ Везувіемъ. Этотъ неутомимый и ученый стражъ грознаго вулкана своими учеными трудами снискалъ себѣ всеобщую извѣстность. Въ послѣднее же сильное изверженіе Везувія въ 1872 г., несмотря на раскаленные потоки лавы, которая, какъ кровавое море, волновалась у подошвы горы; несмотря на нестерпимый жаръ и куски шлаковъ, нѣрѣдко попадавшихъ въ окна обсерваторіи, этотъ ученый спокойно продолжалъ свои наблюденія надъ грознымъ дѣятелемъ природы. Такое самоотверженіе дѣйствительно достойно полнѣйшаго уваженія и удивленія.

Выше было сказано, что съ изверженіемъ вулкановъ, землетрясенія имѣютъ тѣсную связь. Хотя не всякому землетрясенію слѣдуетъ изверженіе, тѣмъ не менѣе, если вблизи вулкановъ замѣчается колебаніе земли, то это, до нѣкоторой степени, можетъ служить указаніемъ возбужденнаго состоянія вулкана.

Приборъ, показывающій колебаніе земной поверхности, называется сисмографомъ. Въ прежнее время употреблялись сисмографы самаго простаго устройства. Вертикально поставленная стеклянная трубка, открытая сверху, наполнена до верху ртутью. Если начиналось колебаніе земли, ртуть выливалась изъ трубки и тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе были толчки. Сторона, въ которую выливалась ртуть, показывала направление колебанія.

Другой, нѣсколько совершеннѣе, сисмографъ, употреблявшійся прежде, состоитъ изъ деревяннаго, круглаго ушата, по сторонамъ котораго, по числу главныхъ и промежуточныхъ странъ свѣта, находится восемь сквозныхъ отверстій. Отверстія въ наружи нѣсколько наклонены и запираются винтами. Въ ушатѣ, до самыхъ

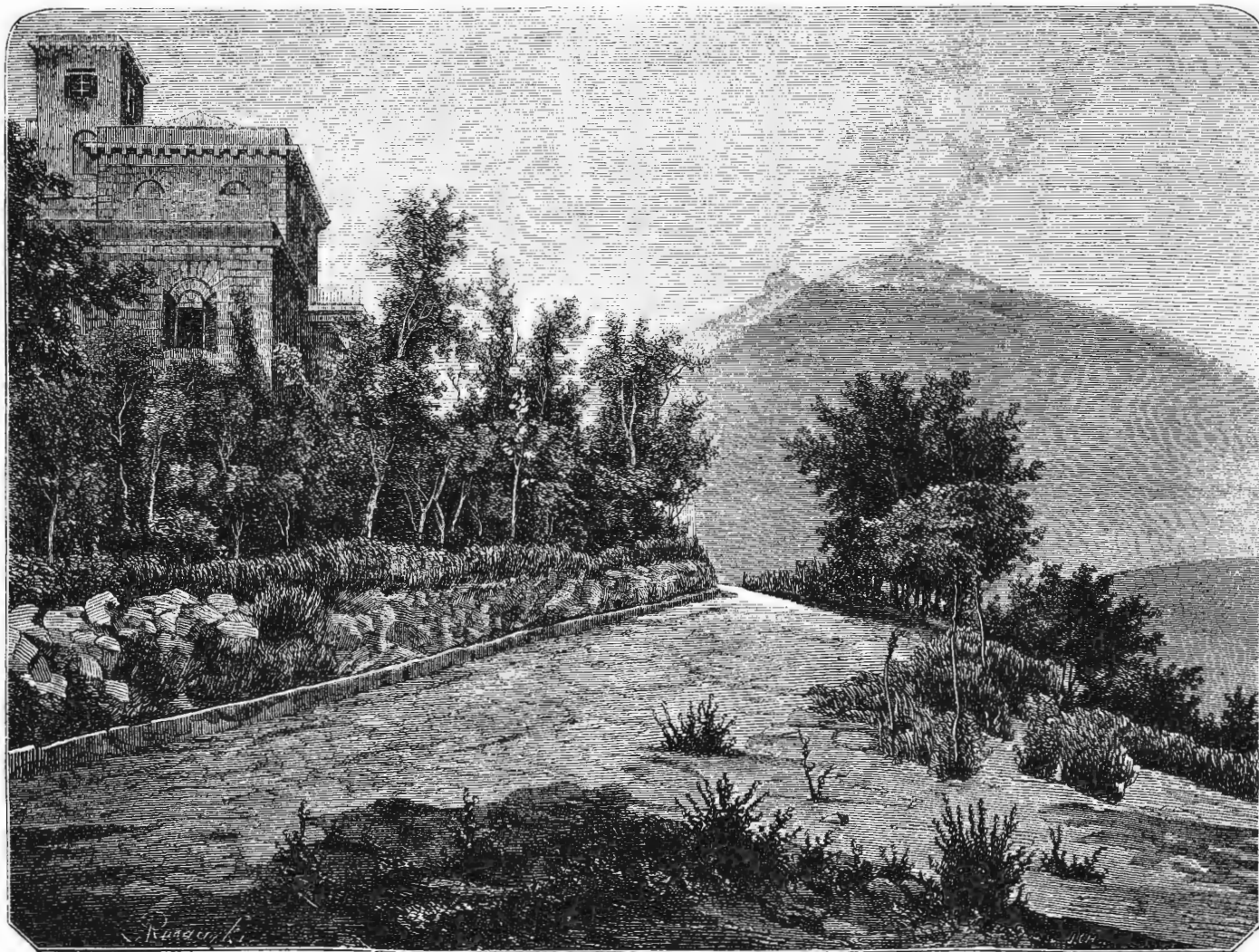
Пальміери, итальянскій профессоръ. Грав. Пуць.

отверстія, лежащихъ въ одной плоскости, наливается ртуть, которая отъ колебанія земли поднимается и тотчасъ выливается въ одно или нѣсколько отверстій. Отверстія винтъ, выпускаютъ ртуть и измѣряютъ. Чѣмъ сильнѣе было колебаніе, тѣмъ болѣе выливается ртуть. А по расположенію отверстій, въ которыя она выливается, судятъ о направленіи.

Но особенною чувствительностію и тонкостію обладаютъ сисмографы, конструкции самаго Пальміери.

На прилагаемомъ рисункѣ помѣщены три такихъ аппарата. Для удобства объясненія, мы сначала опишемъ первый, потомъ третій и, наконецъ, какъ о самомъ простомъ, скажемъ нѣсколько словъ о второмъ.

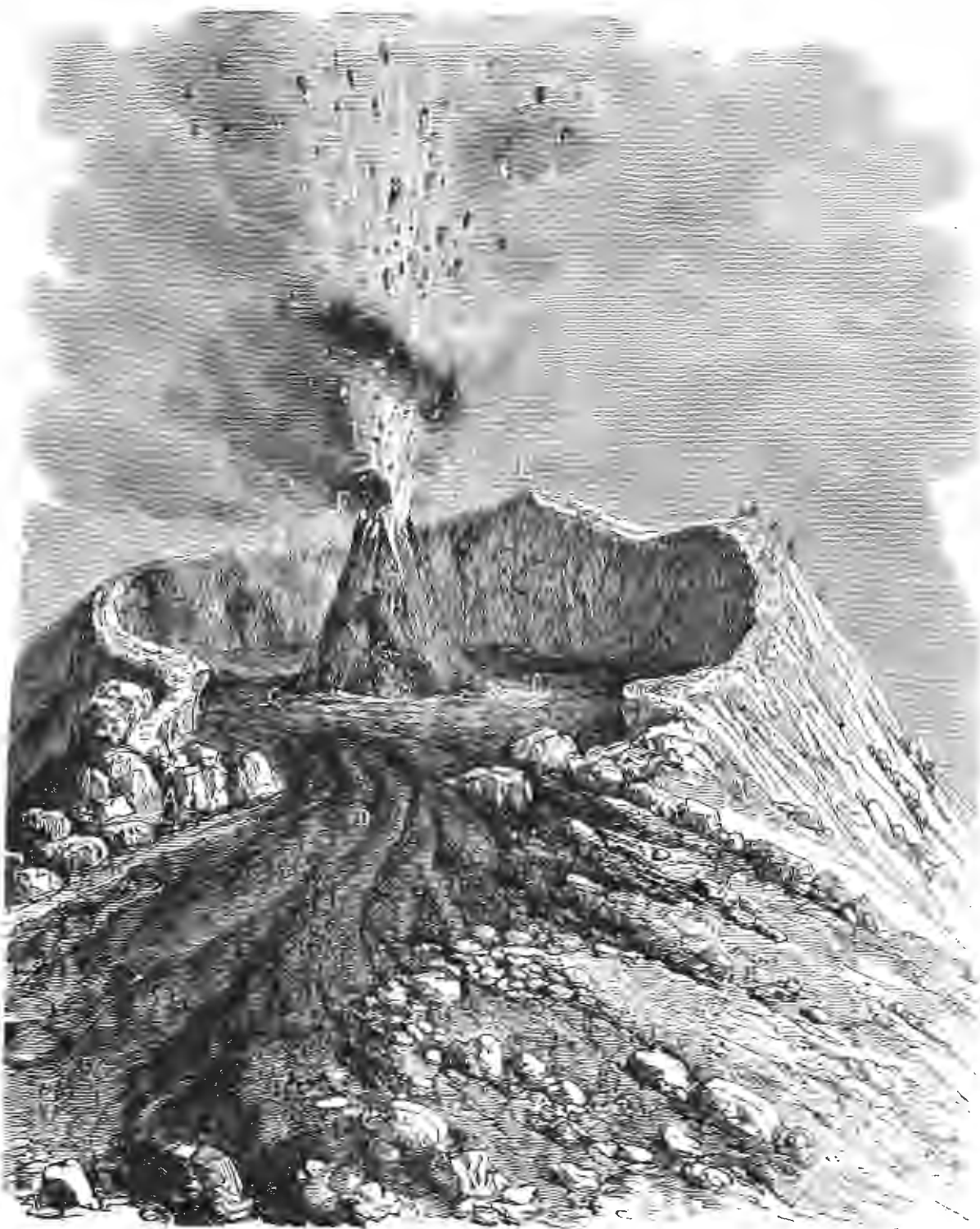
Первый аппаратъ состоитъ изъ стеклянной, открытой съ обоихъ концовъ и согнутой въ видѣ буквы *u* и трубки (*n*), у которой одно колѣно, лѣвое, длиннѣе праваго. Диаметръ короткаго колѣна въ два раза болѣе длиннаго. Трубку наполняютъ ртутью. По закону равновѣсія жидкостей въ двухъ сообщающихся сосудахъ, ртуть въ обоихъ колѣнахъ трубки занимаетъ одну высоту. Въ каждое колѣно опушена тонкая

Видъ обсерваторіи у подошвы Везувія. Рисов. Риравскій, грав. Хельмицкій.

платиновая проволока такъ, что въ короткомъ колѣнѣ она погружена въ ртуть, а въ длинномъ находится только надъ поверхностью ея, не касаясь самой ртути. Въ свою очередь платиновыя проволоки соединены съ проводниками, идущими отъ полюсовъ маленькаго элемента Даниеля. Такимъ расположеніемъ трубки и проволоки образуется гальваническая цѣпь, которая прервана въ длинномъ колѣнѣ трубки, гдѣ платиновая проволока не погружена въ ртуть.

млетрясенія. Далѣе въ цѣпь введенны два электромагнитизма, находящіеся въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи. Одинъ изъ такихъ электромагнитовъ (с) показанъ на рисункѣ. Электромагнитами называютъ желѣзные цилиндры, обернутые проволокою. Если черезъ такіе цилиндры пропускать гальваническій токъ, то они намагничиваются, т. е. пріобрѣтаютъ способность притягивать, такъ называемый, желѣзный якорь, къ которому однимъ концомъ прикрѣпленъ рычагъ. Другой

Видъ вершины Везувія съ вновь образовавшимся конусомъ.

Если начинается землетрясеніе, то, естественно, дѣйствіе его сильнѣе обнаруживается въ длинномъ колѣнѣ трубки, нежели въ короткомъ. Вслѣдствіе меньшаго діаметра, ртуть въ длинномъ колѣнѣ поднимается выше, какъ въ короткомъ, тотчасъ приходитъ въ прикосновеніе съ платиновою проволокою, отчего цѣпь замыкается и токъ начинаетъ проходить. Посредствомъ введеннаго, въ одинъ изъ проводниковъ, электрическаго звонка, наблюдателю дается знать о наступленіи зе-

млетрясенія. Далѣе въ цѣпь введенны два электромагнитизма, находящіеся въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи. Одинъ изъ такихъ электромагнитовъ (с) показанъ на рисункѣ. Электромагнитами называютъ желѣзные цилиндры, обернутые проволокою. Если черезъ такіе цилиндры пропускать гальваническій токъ, то они намагничиваются, т. е. пріобрѣтаютъ способность притягивать, такъ называемый, желѣзный якорь, къ которому однимъ концомъ прикрѣпленъ рычагъ. Другой

Такие два электромагнита соединены с проводниками, идущими, как упомянуто выше, от полюсов элемента Даниеля и соединяющихся с платиновыми проволоками, которые опущены в оба колёна стеклянной, в видѣ буквы V, трубки.

Отъ землетрясенія, ртуть в длинном колѣнѣ трубки (п) поднимается, цѣпь замыкается и токъ, проходя также черезъ электромагниты, намагничиваетъ ихъ. Въ моментъ замыканія цѣпи, одинъ изъ электромагнитовъ притягиваетъ желѣзный рычагъ, свободный конецъ котораго, захватывая колеса постоянно находящагося въ ходу часовъ (А), прерываетъ ихъ ходъ и часы останавливаются. Стрѣлки остановившихся, такимъ образомъ, часовъ показываютъ начало землетрясенія.

Совершенно противоположное назначеніе выполняетъ второй электромагнитъ. Въ то мгновеніе, когда первый останавливаетъ часы, второй, на оборотъ, приводитъ въ движеніе другіе часы, которые до сихъ поръ стояли: со-

стеклянной трубки (п) находится въ прикосновеніи съ платиновой проволокою. Съ прекращеніемъ колебанія земли, въ обоихъ колѣнахъ трубки (п) ртуть принимаетъ первоначальное положеніе; платиновая проволока въ длинномъ колѣнѣ выходитъ изъ ртути и токъ прерывается. А какъ только токъ прерывается—электромагниты теряютъ способность притягивать рычаги, отчего всѣ части аппарата принимаютъ первоначальное положеніе, пока не послѣдуетъ новое колебаніе земли.

Смотря по продолжительности колебанія, на бумажной лентѣ получаются отъ давленія карандаша точки или линіи, прерываемыя болѣе или менѣ большими промежутками. По длинѣ этихъ линій, а также и получаемыхъ между ними промежутковъ, судятъ о продолжительности колебанія.

Такимъ образомъ получается телеграфическая депеша изъ темнаго царства вукана.

Для болѣе чувствительности, такихъ стеклянныхъ трубокъ (п) Пальмиери употребляетъ четыре, располагая ихъ такъ: одна съ сѣвера на югъ, другая съ запада на востокъ, третья съ сѣверо-запада на юго-востокъ и четвертая съ сѣверо-востока на юго-западъ. Колебанія, слѣдующія по одному или нѣсколькимъ направленіямъ, могутъ быть опредѣлены одною изъ этихъ трубокъ.

Кромѣ того къ этому прибору принадлежатъ еще слѣдующее:

Надъ длиннымъ колѣномъ каждой трубки (п) находится очень тонкій блокъ изъ слоновой кости (g, g', g'', g'''). Черезъ блокъ, вращающійся на оси, проходитъ шелковый шнурокъ, къ одному концу котораго прикрепленъ тонкій желѣзный поплавокъ, опущенный въ длинное колѣно каждой трубки (п), гдѣ онъ и плаваетъ на поверхности ртути. На другомъ концѣ шнурка привязанъ противовѣсъ.

При землетрясеніи ртуть въ длинномъ колѣнѣ каждой трубки (п) поднимается. Вместе съ нею поднимается и желѣзный поплавокъ. Привязанный на другомъ концѣ шнурка противовѣсъ опускается, тянетъ за собою шнурокъ, а этотъ послѣдній приводитъ въ движеніе блокъ. Къ блоку-же прикреплена стрѣлка, которая также измѣняетъ свое положеніе и чѣмъ болѣе она отклоняется отъ первоначальнаго положенія, тѣмъ сильнѣе было колебаніе.

Третій аппаратъ состоитъ изъ довольно длинной, чрезвычайно легкой и тонкой латунной спирали, имѣющей до сорока оборотовъ.

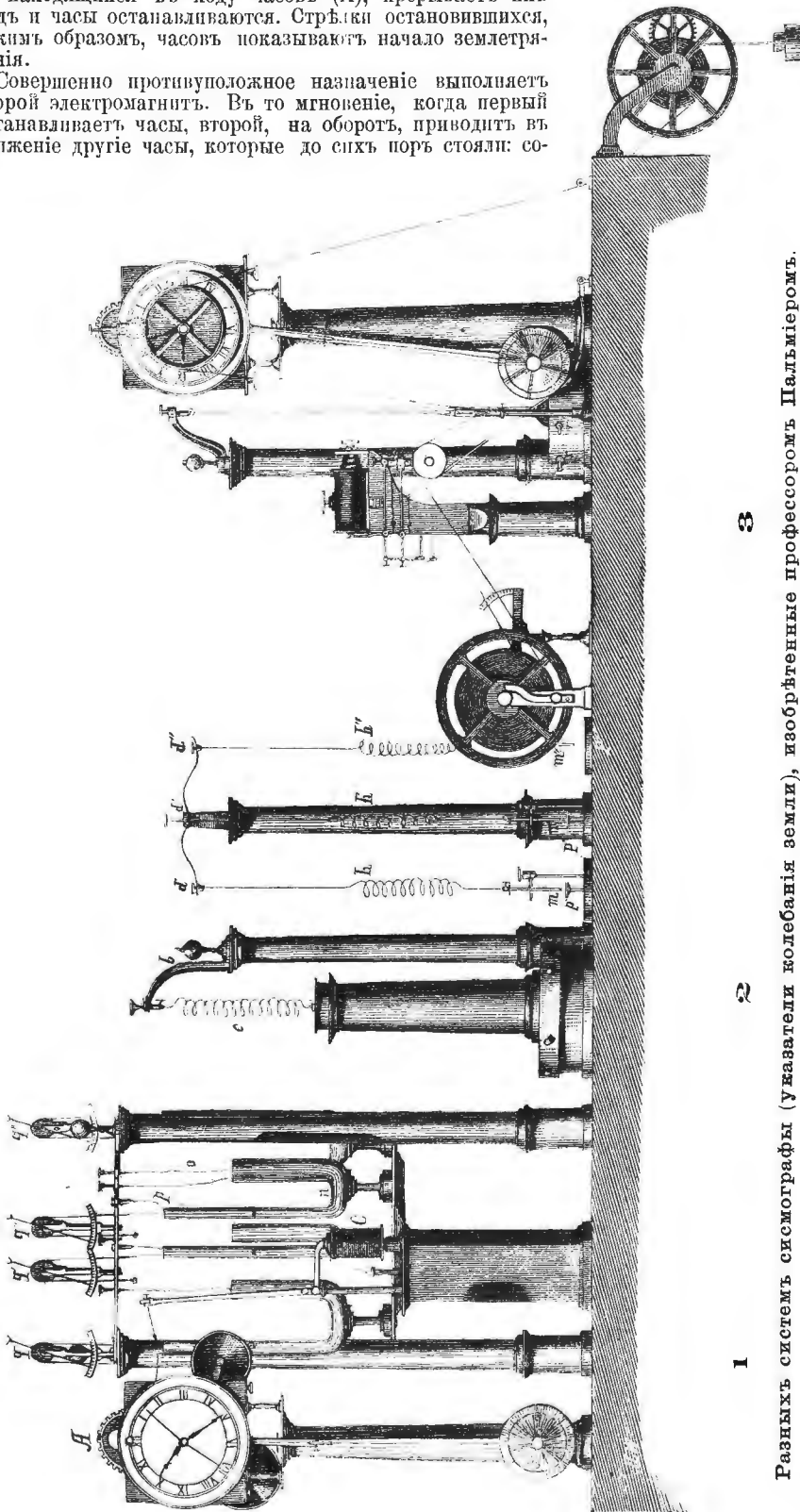
Она отличается особенно подвижностью и растяжимостію. Верхній конецъ спирали (h) прикреплена къ желѣзному стержню (d), а нижній находится въ соединеніи съ тончайшею платиною проволокою (m) приращенною вертикально надъ чашечкою съ ртутью (p).

Отъ землетрясенія, спираль растягивается, платиновая проволока приходитъ въ прикосновеніе съ ртутью. Желѣзный стержень, на которомъ виситъ спираль, сообщается съ однимъ полюсомъ, а чашечка съ ртутью, съ другимъ полюсомъ гальванической батарей. Далѣе въ цѣпь введены электромагниты, съ принадлежащими къ нимъ часами и телеграфнымъ приборомъ. Такихъ спиралей располагаютъ нѣсколько. На рисункѣ показаны при (h, h', h''). Дѣйствіе этого аппарата ясно само-собою.

Второй аппаратъ чрезвычайно простъ. Такая-же латунная спираль (e) верхнимъ концомъ прикреплена къ желѣзному стержню, а къ нижнему привѣшанъ вертикально кусочекъ магнита. Подъ магнитомъ подставленъ маленькій сосудъ съ желѣзными опилками. Вслѣдствіе колебанія земли, спираль развѣивается и магнитъ приходитъ въ прикосновеніе съ желѣзными опилками, притягиваетъ ихъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ глубже погружался въ опилки. Глубина, до которой погружается магнитъ, зависитъ отъ силы колебанія.

Кромѣ упомянутыхъ выше приборовъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи обсерваторіи находится цѣлый рядъ магнитныхъ инструментовъ, помощью которыхъ дѣлаютъ наблюденія надъ земнымъ магнетизмомъ.

Профессоръ Пальмиери, каждый день три раза, лично осмат-

Разныхъ системъ сисмографы (указатели колебанія земли), изобрѣтенные профессоромъ Пальмиеромъ.

вершено покойно стоявшій маятникъ ихъ начинаетъ колебаться. По валу, который приводится въ движеніе вторыми часами, начинаетъ двигаться, со скоростью трехъ метровъ въ часъ, бумажная лента, подобно тому, какъ въ пишущемъ приборѣ телеграфнаго аппарата. Къ бумажной лентѣ желѣзный рычагъ электромагнита прижимаетъ карандашъ и притомъ такъ долго, какъ только токъ проходитъ. Другими словами до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе землетрясенія, ртуть въ длинномъ колѣнѣ

риваетъ аппараты и кромѣ того постоянно находится при немъ ассистентъ, чтобы, при первомъ звукѣ электрическаго звонка, записывать въ журналъ показаніе приборовъ и приносить инструменты для новыхъ наблюдений въ ихъ нормальное состояніе.

Что-же касается точности вывода изъ этихъ наблюдений, то предъ сильнымъ изверженіемъ на островѣ Санторинѣ (*), единственно на основаніи наблюдений, Пальміери официально заявили о возбужденіи вулканической дѣятельности, сказавъ, что гдѣ нибудь она должна обнаружиться, что и исполнилось на островѣ Санторинѣ, лежащемъ въ греческомъ архипелагѣ. Теперь перейдемъ собственно къ Везувію.

Везувій представляетъ прекрасный примѣръ проявленія вулканической дѣятельности, почему все сказанное о немъ въ общемъ будетъ относиться и до другихъ вулкановъ.

О Везувіи вмѣются свѣдѣнія за 2000 лѣтъ. Исторически известное изверженіе Везувія, немаломъ съ котораго засыпало города Геркуланумъ и Помпею, произошло въ 79 году по Р. Х., послѣ продолжительнаго абсолютнаго покоя. Периодъ этотъ былъ такъ великъ, что Римляне не считали Везувій за вулканъ, въ заросшей дерномъ и деревьями котловинѣ его паслись стада, а во время невольничьей войны Спортакъ собиралъ тамъ свои войска.

Везувій находится на берегу Неаполитанскаго залива и состоитъ изъ двухъ горъ, изъ которыхъ одна, называемая Монте-Сомма, обхватываетъ полукольцомъ другую, называемую Монте-Везувію, которая собственно и есть вышѣ дѣйствующій вулканъ. Монте-Сомма—древне-разрушенный конусъ. Высота Соммы 1079 метровъ, а Везувія—1191. Обѣ горы отдѣляются долиною Атріо, также имѣющею форму полукольца. Нагроможденные другъ на друга потоки лавъ, вылившихся въ разное время съ Везувія, образуютъ ее основаніе. Въ долинѣ этой возвышается множество колоссальныхъ остроконечныхъ скалъ, отдѣляемыхъ недоступными оврагами, наполненными вулканическимъ пескомъ. Атріо, вмѣстѣ со скалами Соммы, принадлежитъ къ самымъ величественнымъ, совершенно особымъ видамъ, какіе только встрѣчаются въ природѣ. Подобно известковымъ скаламъ, висящимъ надъ поверхностью водъ швейцарскихъ озеръ, точно также и скалы Соммы возвышаются надъ волнами лавы. Нѣтъ на ней никакой растительности, царствуетъ мертвая тишина, прерываемая только глухими, громовыми ударами съ Везувія и стукомъ камней, вълѣдствіе сотрясенія постоянно отдѣляющихся отъ скалистыхъ стѣнъ Соммы. Какъ у всѣхъ вулкановъ, дѣятельность Везувія можно раздѣлить на три періода: покой, przygotowательная дѣятельность и наконецъ самое изверженіе.

Покоемъ или дремотою называютъ, когда изъ вулкана выходитъ только дымъ, состоящій главнымъ образомъ изъ водяныхъ паровъ, къ которымъ иногда бываютъ примѣшаны сѣрнистый водородъ, сѣрнистая и хлористоводородная кислоты, хлористый натрій и хлористый аммоній. Периодъ слабой или przygotowательной дѣятельности Везувія продолжается иногда довольно долго, какъ это было предъ послѣднимъ изверженіемъ 26-го апрѣля 1872 года.

Нѣкогорде изъ ученыхъ посѣтили Везувій въ началѣ апрѣля 1871 г. Вотъ что они пишутъ:

«Мы поднялись по крутизнѣ горы до самаго кратера вулкана; густые пары застилали его внутренность. Вдругъ изъ глубины кратера раздался взрывъ; затѣмъ полетѣли докрасна раскаленные куски шлака, упавшіе частію обратно въ кратеръ, частію на его края и склоны горы. Шлаки падали не часто: мы имѣли возможность слѣдить за направлениемъ ихъ паданія и такимъ образомъ уберечься отъ нихъ. Спустился нѣсколько минутъ, поднявшійся вѣтеръ разсыпалъ пары, застилавшіе внутренность кратера и взору нашему представилось, единственное въ своемъ родѣ, зрѣлище, внутренности работающаго вулкана. Сперва мы было ужаснулись: только нѣсколько шаговъ отдѣляло насъ отъ бездны. Трудно описать эту картину. Изъ самаго жерла вылетали разныхъ цвѣтовъ раскаленные куски шлаковъ, а изъ множества трещинъ и разсѣлинь поднимались фумаролы (фумаролами итальянцы называютъ выходящіе изъ трещинъ вулкана пары). Фумаролы состояли изъ водяныхъ паровъ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы чувствовали запахъ хлористоводородной и сѣрнистой кислотъ. Глубина кратера была отъ 12 до 15 метровъ, а диаметръ до 45 **).

Каждыя 6 или 8 секундъ уровень огненно-жидкой массы поднимался въ кратерѣ на 1 метръ и доходила почти до краевъ его. Потомъ появлялись величнно съ голову пузыря водяныхъ паровъ и вся масса какъ бы кипѣла. Окружающій насъ воздухъ былъ сильно накалилъ выдѣляющимися изъ горы горячими газами. Иногда захватывало дыханіе отъ примѣшанной къ воздуху сѣрнистой кислоты».

Такимъ образомъ przygotowательная дѣятельность вулкана продолжалась до сильнѣе, то слабѣе въ теченіи цѣлаго 1871 г. и до первыхъ мѣсяцевъ 1872 г. Но самая катастрофа, причинившая ужасъ даже въ Неаполѣ, послѣдовала 26 апрѣля 1872 года. Въ періодъ 2,000 лѣтъ, сильныхъ изверженій Везувія бы-

ло чрезвычайно много. Мы упомянемъ о нѣкоторыхъ и то въ такой мѣрѣ, насколько необходимо для представленія общей дѣятельности вулкановъ.

При изверженіи водяные пары играютъ главную роль. Они проникаютъ черезъ жидкую раскаленную массу лавы въ видѣ большихъ шаровидныхъ пузырей и, поднимаясь въ атмосферу, расширяются, при чемъ изъ формы шара принимаютъ форму сдавленную и въ верхнихъ слояхъ атмосферы переходятъ въ облако ослѣнительно-бѣлаго цвѣта. Этотъ столбъ паровъ представляетъ восхитительное зрѣлище, о которомъ съ восторгомъ говорятъ все очевидцы. Ночью этотъ столбъ освѣщается раскаленною лавою и представляется огненнымъ, что и послужило поводомъ къ ошибочному названію — огнедышащая гора.

Облако, вмѣняющее собою столбъ водяныхъ паровъ, проявляетъ въ значительной степени электричество. Надъ вершиною извергающаго вулкана постоянно сверкаетъ молнія, непрерывно раздаются раскаты грома, сопровождаемые сильнымъ ливнемъ, который нѣрѣдко производитъ большой вредъ, нежели самыя извергаемыя вещества: образуются, такъ называемые, грязные потоки. Отдѣльные пузыри водяныхъ паровъ, проникая черезъ лаву, поднимаютъ ее и, достигая поверхности, лопаются, при чемъ мѣстами образовываясь, на охладившейся сверху лавѣ, кора ломается и выбрасывается отдѣльными кусками, разлетающимися въ разные стороны. Эти полугаггердѣвшіе куски лавы называются вулканическими бомбами—неаполитанцы зовутъ ихъ слезами Везувія. Шлаки, уносимые парами въ высоту, образуютъ надъ кратерами раскаленный снѣгъ. Лава, наполняющая кратеръ вулкана, поднимается водяными парами, упругость которыхъ доходитъ иногда до такой степени, что выбрасываетъ лаву черезъ края кратера, и тогда она течетъ въ видѣ огненнаго потока. Лава быстро охлаждается съ поверхности, отвердѣваетъ и образуетъ весьма неровную кору, изъ которой повсюду развиваются водяные пары.

Скорость течения лавы бываетъ различна. При изверженіи Везувія 12-го августа 1805 г. лава прошла 3 итальянскихъ мили въ 4 минуты. За то лавовый потокъ, истекшій въ 1819 г. изъ Этны (на островѣ Сицилія), продолжалъ свое движеніе девять мѣсяцевъ и проходилъ въ часъ только три фута.

Жаръ, который имѣетъ лава при выходѣ изъ вулкановъ, весьма неустойчивъ. Безъ большой погрѣшности можно принять температуру ее около 1270°. Въ 1794 г. потокъ, истекшій изъ Везувія и прошедшій уже шестичасовую путь, покрылъ собою Торре-дель-Грекко. При раскапываніи нашли стекло и металлическія издѣлія въ расплавленномъ состояніи. Когда 1739 года лава проникла въ кармелитскій монастырь въ Торре-дель-Грекко, то при приближеніи ея уже плавилась стеклянные сосуды. Изверженіе Везувія въ 1822 году замѣчательно громаднымъ количествомъ пепла, уносимаго съ горы. Проливной дождь, происшедшій изъ вулканическаго облака, превратилъ массу пепла въ грязный потокъ, который затопилъ деревни С.-Себастьяно и Масса.

Разстоянія, которыя пролетаютъ вулканическія бомбы, даютъ понятіе о силѣ, выбрасывающей ихъ. На Монте-Сомма, полу-кругообразный гребень которой отстоитъ слишкомъ на 6,000 фут. отъ центра кратера Везувія, находится множество угловатыхъ шлаковыхъ обломковъ, которые по всѣмъ признакамъ выброшены изъ кратера и иногда бываютъ до двухъ метровъ въ диаметрѣ.

Наружный видъ верхнихъ частей вулкановъ, большею частію, послѣ сильнаго изверженія, измѣняется. Нѣрѣдко вблизи кратера (дѣйствующаго или потухшаго), отъ внутренняго напора, почва разрыхляется, образуется отверстие, изъ котораго начинаютъ выходить пары, куски шлаковъ и камней, смѣшанныхъ съ лавою. Вещества эти, оставаясь на мѣстѣ, образуютъ такъ называемый конусъ поднятія (или побочный кратеръ). Прилагаемый рисунокъ изображаетъ одинъ изъ такихъ вновь образовавшихся конусовъ.

А—старый, разрушенный кратеръ, В—вновь образовавшійся конусъ поднятія, извергающій пары, раскаленные камни и шлакъ, С—внутреннее отверстие, изъ котораго образовался конусъ В, D—потокъ лавы, Е—высшая точка горы и, наконецъ, F—отверстие (или жерло) конуса, изъ котораго выходятъ извергаемыя вещества.

22-го апрѣля 1872 года показались на Везувіи особенный свѣтъ и огненные ленты поднимались съ вершины. 23-го апрѣля массы паровъ, выходя, клубились въ воздухѣ, а изъ кратера вылетали раскаленные камни, шлакъ и пепель.

24-го апрѣля образовались на вулканѣ трещины, изъ которыхъ потекла лава.

Поздно вечеромъ, 25-го числа, много любопытныхъ отравились съ факелами въ долину Атріо, чтобы оттуда полюбоваться небольшими потоками раскаленной до красна лавы, вытекавшей изъ вулкана, а также и скалами Соммы, освѣщаемыми луннымъ свѣтомъ. Изъ Неаполя было видно, какъ эти огоньки (факелы) двигались долго еще за полночь и многіе изъ этихъ ночныхъ странниковъ, не чувствуя того, любовались прелестною картиною въ послѣдній разъ въ своей жизни.

Рано утромъ, 26-го апрѣля, чувствовали въ Неаполѣ прерывистое колебаніе земли въ соединеніи съ глухими, подземными ударами, раздававшимися то сильнѣе, то слабѣе. Всѣ взоры об-

(*) Общій видъ Санторинъ см. «Ивуа» за 1874 г. № 28.

**) Метръ равняется 3/4 футамъ или 22 1/2 вершкамъ.

ратились въ ту сторону, откуда видѣлся грозный дѣятель. Съ вершины вулкана поднимались въ синее небо, на высоту 5,000 метровъ, столбы паровъ, которые днемъ казались бѣлыми, а позднѣе, смѣшавшись съ туманомъ, выглядѣли совершенно черными. Утромъ же образовались новые кратеры, изъ которыхъ выходили пары и потоки лавы. Но самая катастрофа наступила такъ быстро, что никто не ожидалъ и это былъ единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Люди, которые пришли полюбоваться прекраснымъ источникомъ огня, внезапно были осыпаны каменными и раскаленными кусками шлака, застигнуты потоками огненно-жидкой лавы, которая такъ быстро двигалась, что опережала убѣгающихъ.

Изуродованныя и обгорѣлая тѣла были принесены въ обсерваторію, гдѣ Пальмиери подавалъ нужную помощь пострадавшимъ; въ то же время онъ послалъ въ Неаполь телеграмму, прося о помощи. Помощникъ же Пальмиери, священникъ Діего Франко, напутствовалъ словомъ религіи умирающихъ. Говорятъ, что въ это время погибло до 200 человекъ, въ томъ числѣ до 40 иностранцевъ.

Вылившіеся 26-го апрѣля громадныя потоки лавы потекли по различнымъ направленіямъ. Одинъ изъ нихъ, достигнувъ обсерваторіи, произвелъ нестерпимую жару, отъ которой обуглились деревья, насаженныя вокругъ дома.

Потокъ лавы произвелъ ужасныя опустошенія въ мѣстечкахъ С.-Себастьяно и Монте-Сомма, лежащихъ недалеко отъ Везувія.

Очевидецъ говоритъ:

«Я направился къ мѣстечку С.-Себастьяно, какъ увидаль, что потокъ ринулся къ домамъ его. Высота потока была отъ 10 до 15 метровъ. Выворачивая гигантскихъ разбѣровъ куски старой лавы, потокъ катилъ ихъ передъ собою и двигался по ровной мѣстности со скоростью отъ 9 до 15 метровъ въ минуту. Встрѣчавшіеся на его пути прекрасныя виноградники и сады быстро обращались въ дымъ и пламя. Если же потокъ подходилъ къ дому, то на нѣкоторое время будто останавливался, потомъ вдругъ, моментально, какъ взорванный порохомъ, при блескѣ пламени, домъ летѣлъ на воздухъ. Въ слѣдующую за тѣмъ минуту оставалось о немъ только одно воспоминаніе.

Вслѣдъ за сильнымъ изверженіемъ, когда дѣятельность вулкана начинаетъ ослабѣвать, обыкновенно появляется вулканической пепель.

Такъ 28-го апрѣля столько выпало изъ Везувія пепла, что даже сдѣлалось темно. Пепель этотъ толстымъ слоемъ покрылъ улицы Неаполя. Онъ былъ такъ тонокъ, что проникалъ въ жилища чрезъ затворенныя двери и рамы,—и безъ зонтика невозможно было ходить.

29-го апрѣля сильнымъ вѣтромъ разносило массу осколковъ шлака, которые съ такою силою ударялись, что въ дребезги разбивали стекла въ обсерваторіи. Этотъ каменный дождь причинилъ большіе убытки окрестнымъ жителямъ, между которыми были смертельно ранены.

30-го апрѣля Везувій ослабѣлъ.

Такимъ образомъ кончилось сильное изверженіе Везувія, начавшееся еще въ 1871 году.

Наблюдая различныя явленія, человекъ не можетъ удовлетвориться однимъ только описаніемъ ихъ: онъ желаетъ также знать и причину, производящую эти явленія.

Земля, какъ сфера дѣятельности человекъ, естественно, болѣе всего останавливаетъ его вниманіе—судьба ея тѣсно связана съ судьбою самаго человекъ.

По формѣ земли геологи заключили, что во время своего образованія земля имѣла чрезвычайно высокую температуру, отъ чего находилась въ жидкомъ состояніи. Вслѣдствіе же обращенія ея въ ледяной средѣ, жидкая масса затвердѣла, покрылась съ поверхности твердою оболочкою. Внутренность же земли и до сихъ поръ находится въ расплавленномъ состояніи, такъ что всѣ явленія вулканизма геологи объясняютъ высокою температурою внутреннего ядра земли. Именно:

Вода, просачиваясь чрезъ земную кору, приходитъ въ прикосновеніе съ раскаленною массою, обращается въ паръ, который, собираясь въ углубленіяхъ внутренней части земной коры, тамъ скопляется. Вслѣдствіе же увеличенія упругости, паръ давитъ на огненно-жидкую массу, которая и выходитъ чрезъ отверстія вулкановъ на земную поверхность.

П. Д. Николаевъ.

ДАЛИЛА.

Картина итальянскаго художника Даль-Аква изображающая *Далилу*. была выставлена имъ на послѣдней художественной выставкѣ въ Брюсселѣ, гдѣ живетъ уже много лѣтъ этотъ художникъ. Картина произвела большой эффектъ и заслужила похвальные отзывы художественной критики.

Каждому безъ сомнѣнія извѣстенъ библейскій разсказъ о Самсонѣ и Далилѣ. Самсону можно-бы было пожелать той силы противъ соблазновъ женщинъ, съ какою онъ разрывалъ челюсти львовъ и однимъ избивалъ дѣлныя воинства. Хитрая

Далила была виною смерти сильнѣйшаго изъ людей. Въ обольстительныхъ, ласкахъ ея и слезахъ скрывалась для Самсона та гибель, которой онъ такъ удачно избѣгалъ до тѣхъ поръ.

Мы не намѣрены вдаваться въ художественную критику картины. Знакома нашихъ читателей со всеми выдающимися произведеніями европейскаго искусства, мы помѣщаемъ на своихъ страницахъ вѣрную копию съ произведенія, имѣвшаго большой успѣхъ и принадлежащаго кисти художника, стоящаго въ настоящую минуту на высотѣ своей славы.

СМЪСЬ.

Къ дѣлу о Струсбергѣ. Предварительное слѣдствіе по дѣлу Струсберга и коммерческаго ссуднаго банка окончено 3-го марта и на этихъ дняхъ поступилъ къ прокурору, г. Обнинскому, для составленія обвинительнаго акта. Предварительное слѣдствіе длилось около четырехъ мѣсяцевъ, и документы по этому въ высшей степени любопытному дѣлу обнимаютъ четыре печатныхъ тома, каждый приблизительно въ 500 страницъ. Содержаніе этого «произведенія» представляетъ необыкновенный интересъ, и въ сложности чтеніе этого четырехтомнаго дѣла доктора Генри Бетеля Струсберга гораздо интереснѣе сенсационныхъ уголовныхъ романовъ Эмиля Габорио. Къ сожалѣнію, книга эта отпечатана въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, такъ какъ она, собственно, не предназначена для публики вообще, а лишь для суда, присяжныхъ, подсудимыхъ и ихъ защитниковъ. Струсбергъ продолжаетъ жить на Срѣтенкѣ, въ отелѣ Крюгера, гдѣ онъ, однако, находится подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, такъ какъ его подозреваютъ, впрочемъ, въ весьма понятномъ желаніи увъхать изъ Москвы и Россіи à l'anglaise, т. е. не простившись ни съ кѣмъ. Съ нѣкоторыхъ поръ въ Москвѣ также находится г-жа Струсбергъ, выдающаяся замѣчательную энергію и не переставая хлопотать о своемъ мужѣ. Она постоянно развѣзаетъ по Москвѣ, совѣщается съ адвокатами и другими прикосновенными какъ нибудь къ дѣлу лицами и вообще оказываетъ большія услуги своему мужу, съ которымъ видится по нѣскольку разъ въ день, хотя она не живетъ съ нимъ вмѣстѣ, на что не изъявлено было согласія со стороны судебного слѣдователя г. Глобо-Михаленко. Впрочемъ, судя по всему, дѣло окончится для Струсберга благоприятно; полагаютъ, что кара, повидимому, ограничится тѣмъ,

что онъ будетъ высланъ изъ Россіи съ воспрещеніемъ вѣзды въ предѣлы Россійской имперіи. Струсбергъ врядъ-ли будетъ скорѣе о такомъ приговорѣ, какъ слишкомъ совпадающемъ съ его личными желаніями. Но высылка Струсберга изъ Россіи послѣдуетъ лишь по уплатѣ имъ, т. е. учрежденною по его конкурсу администраціею, 165,000 р. ликвидационной комиссіи, такъ какъ это единственное законное притязаніе, которое покойный коммерческій банкъ можетъ предъявить къ Струсбергу; остальные сдѣланные ему авансы были въ свое время покрыты акціями германско-богемскаго сталелитейнаго завода, равно и его акціями парижско-нарсонской желѣзной дороги (у Струсберга спрашивали, гдѣ собственно эта пресловутая линия, и онъ отвѣтилъ, что она не построена, а только разрѣшена къ постройкѣ въ принципѣ). Правленіе московскаго банка, принимая въ залогъ означенныя фантастическія акціи, не сочло нужнымъ справиться на пражской и парижской биржахъ, какою цѣною обозначаются эти «фонды»; но впоследствии, когда уже было слишкомъ поздно, оказалось, что акціи эти вовсе не допускались къ континированію на означенныхъ денежныхъ рынкахъ и что онѣ, какъ не допускающія и мысли о реализаціи ихъ, не представляютъ собою положительную никакой цѣнности. Струсбергъ самъ при допросѣ доказалъ, что акціи эти не болѣе, какъ макулатура. Активная роль Струсберга въ этомъ дѣлѣ заключается въ томъ, что онъ взялъ у коммерческаго ссуднаго банка подъ залогъ этой макулатуры деньги, которыми онъ израсходовалъ на уплату своихъ долговъ и производство грандіозныхъ работъ на своихъ богемскихъ заводахъ въ Эбировѣ и Голубкѣ. Правда, изъ этихъ милліоновъ Струсбергъ получилъ только около 50%, остальное пошло «на комиссію». Что ва-

(Продолженіе на стр. 253 и 254).

сается дѣла конкурса Струсберга въ Прагѣ, то объ немъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія: конкурсъ этотъ подвѣргся на дняхъ коренному переговору. «Германско-богемское акціонерное общество для сталочугуннаго производства въ Берлинѣ» предъявило дополнительное требованіе въ девять милліоновъ марокъ. Требованіе это вполнѣ-законно, такъ какъ общество представило формальный, заключенный по австрійскимъ законамъ, договоръ съ Струсбергомъ. Другое также не особенно утѣшительное для кредиторовъ Струсберга свѣдѣніе заключается въ томъ, что сенскій судъ въ Парижѣ прислалъ въ Берлинъ, какъ и въ Прагу, заявленіе, окончательно уничтожающее всякую надежду на получение залога, внесеннаго Струсбергомъ при принятіи на себя сооруженія парижско-наибонской желѣзной дороги. Въ официальномъ заявленіи сенскаго суда говорится, что на залогъ уже давно наложено запрещеніе со стороны французскихъ кредиторовъ Струсберга и что, слѣдовательно, о выдачѣ его рѣши не можетъ быть. Семейство Струсберга также предъявило на него конкурсной администраціи искъ въ 600,000 талеровъ, изъ которыхъ, однако, только половинная сумма признана подлежащею удовлетворенію. Жена Струсберга требуетъ 300,000 талеровъ, а именно 100,000 талеровъ своего приданого и

200,000 талеровъ по дарственной записи своего мужа. Требованіе это подтверждено представленіемъ документовъ, но, тѣмъ не менѣе, оно подлежитъ сильному сомнѣнію, такъ какъ эти документы не имѣютъ надлежащей силы по австрійскимъ законамъ. Искъ въ 300,000 талеровъ, какъ причитающаяся имъ доля наследства. Вообще дѣла пражскаго конкурса запутываются все болѣе.

Петербургская фортепіанная фабрика К. М. Шредера недавно послала заказанный ей рояль за границу. Случайно агентъ фабрики г. Шредера въ Веймарѣ, узнавъ, что рояль находится на Веймарской станціи, откуда онъ долженъ былъ слѣдовать далѣе, пользуясь пребываніемъ въ Веймарѣ Листа, предложилъ знаменитому артисту ознакомиться съ этимъ произведеніемъ фабрики сѣверной столицы и сказать о немъ свое мнѣніе. Рояль былъ распакованъ, перевезенъ въ залу мѣстной консерваторіи. Знаменитый артистъ, въ присутствіи многихъ лицъ, игралъ на этомъ роялѣ и выразилъ мнѣніе, что рояль ни въ какомъ отношеніи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Значитъ, производство это у насъ въ Россіи на фабрику г. Шредера не уступаетъ заграничному.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Правительственное сообщеніе.

Государь Императоръ, въ концѣ будущаго апрѣля, изволитъ предпринять путешествіе въ Эмсъ. По пути въ этотъ городъ, Его Величество изволитъ имѣть пребываніе въ Берлинѣ, которое продолжится около трехъ дней, а изъ Эмса Государь Императоръ изволитъ послѣдовать въ Юнгенгеймъ.

По возвращеніи Его Величества, во второй половинѣ іюня мѣсяца, изъ заграничнаго путешествія, высочайшее пребываніе въ окрестностяхъ столицы продолжится до половины августа, т. е. до окончанія въ Красномъ Селѣ лагерныхъ занятій войскъ.

Въ теченіе нынѣшняго же лѣта предполагается посѣщеніе Его Величествомъ Гельсингфорса и ожидается прѣздъ въ столицу ихъ величества императора бразильскаго и короля датскаго и ихъ высочества принца и принцессы шемонтскихъ.

Во второй половинѣ августа мѣсяца Его Величество изволитъ посѣтить Варшаву и затѣмъ, по пути въ Крымъ, произвести смотры въ некоторыхъ другихъ мѣстахъ, назначенныхъ для сбора войскъ.

Къ концу осени ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица изволитъ возвратиться изъ Ливадіи на зимнее пребываніе въ С.-Петербургъ.

Трактатъ, заключенный 25-го апрѣля (7-го мая) 1875 года, въ С.-Петербурѣ, между Его Величествомъ Императоромъ Всероссийскимъ и Его Величествомъ Императоромъ Японскимъ, съ дополнительною статьею, подписанною въ Токио 10-го (22-го августа) 1875 года.

Божею поспѣшествующею милостію, Мы, Александръ Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, Московскій, Киевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынский, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій, и Семігалскій, Самогитскій, Вѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полтавскій, Ростовскій, Ярославскій, Вѣлостокскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и вся Сѣверная страна Повелитель; и Государь Иверскій, Карталинскій и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскіе и Горскіе Князья и иныхъ; Наслѣдный Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскій; Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Сторманскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая и прочая. Объявляемъ чрезъ сіе, что вслѣдствіе вза-

имнаго соглашенія между Нами и Его Величествомъ Императоромъ Японіи, полномочные Наши заключили и подписали въ С.-Петербурѣ 25-го апрѣля (7-го мая) 1875 года трактатъ объ уступкѣ Намъ Его Величествомъ Императоромъ Японіи всей принадлежащей ему части острова Сахалина, взамѣнъ уступаемой Намъ Японіи всей группы Курильскихъ острововъ, который отъ слова до слова гласитъ такъ:

Его Величество Императоръ Всероссийскій и Его Величество Императоръ Японскій, желая положить конецъ многочисленнымъ неудобствамъ, происходящимъ отъ совместнаго владѣнія островомъ Сахалиномъ и упрочить существующее между нами доброе согласіе, постановили заключить трактатъ о взаимной уступкѣ, со стороны Его Величества Императора Всероссийскаго группы Курильскихъ острововъ, а со стороны Его Величества Императора Японскаго его правъ на островъ Сахалинъ (Крафто).

Дѣла церкви.

„Русск. Миръ“ слышалъ, что въ духовномъ вѣдомствѣ возбужденъ вопросъ объ отнѣнн поборовъ сельскаго духовенства съ прихожанъ, причѣмъ, какъ говорить, предполагается установить, на содержаніе сельскаго духовенства, небольшой подворный налогъ. Мѣра эта имѣетъ въ виду, между прочимъ, уравнивать содержаніе сельскаго духовенства и доставить ему болѣе прочное обезпеченіе.

Изъ Вознесенска въ „Нов. Тел.“ пишутъ, что въ послѣднее время секта штундистовъ стала разрастаться. Главными распространителями ея являются женщины. Недавно на базарѣ была задержана одна изъ такихъ проповѣдницъ съ нѣсколькими послѣдователями. Ее привели въ полицію. Пригласили протоіерея здѣшняго собора В. для приведенія заблудшихъ на путь истины; но всѣ доводы почтеннаго протоіерея разбились о слѣпой фанатизмъ штундистовъ, и дѣло ничѣмъ не кончилось. 1 марта въ предмѣстїи Вознесенска, въ селѣ Натягайловкѣ, штундисты среди поста, къ великому соблазну православныхъ, устроили свадьбу. Это возмутило крестьянъ, и они потащили виновныхъ въ волостное правленіе. Не заставъ старшины, крестьяне рѣшились наказать штундистовъ своимъ судомъ. Произошло сѣченіе... Главной виновницѣ досталось около 150 розогъ.

Происшествія.

Въ Вильнѣ, какъ сообщаетъ мѣстный „Вѣстникъ“, разнесся слухъ, что на прошлой недѣлѣ изъ банъ Фина какаля-товъ еврейка похитила христіанскаго ребенка, что мать этого ребенка, съ помощію полиціи, въ тотъ же день нашла его трупъ въ еврейскомъ домѣ, въ потайномъ шкафѣ, исколотого гвоздями.

Слухъ этотъ основанъ на мнѣніи, что для евреевъ нужна христіанская кровь для приготовленія къ празднику ихъ Пасхи, такъ называемой мацы (ветхозавѣтные опресоки). Подобный случай является уже вторымъ, заявленнымъ газетами.

— „Сыну Отечества“ пишутъ изъ Старорусскаго уѣзда о слѣдующемъ случаѣ: Крестьянинъ дер. Березовки, Василій Петровъ, пьнствуя позднимъ вечеромъ, возвратился домой. Мать его, старуха, начала выговаривать ему. На уприсаніи Петровъ отвѣчалъ матери бранными словами; старуха замѣтила, что онъ не смѣетъ ругаться на нее при св. иконахъ. Петровъ, придя въ азартъ, весьма непріятно оговаривалъ и о св. иконахъ, но въ тотъ же моментъ, какъ онъ произнесъ ругательства противъ иконъ, лишился употребленія языка—ошмѣлъ.

— Изъ Москвы „Вир. Вѣд.“ сообщаютъ о слѣдующемъ происшествіи: 3 марта въ московскомъ почтамтѣ, при пріемѣ петербургской денежной корреспонденціи, одна сумка найдена разрызанною. При вскрытіи оказалось, что изъ пакета похищено 1,165 р., пересылавшихся изъ Торжка въ Хвалыньскіе. Дознаніе передано судебному слѣдователю.

— „Gazeta Lubelska“ сообщаетъ, что въ маленькой рошѣ, по близости Люблина, найдено, при срубкѣ дуба, значительное количество серебряныхъ рублей и полтора-рублей; оказалось, что въ деревѣ весьма искусно было сдѣлано дупло и незаметно заложено корою и мхомъ; деньги сложены въ ближайшемъ гминномъ правленіи.

Служи.

„Русскому Миру“ передаютъ, что общество для сдѣлкіи русскому торговому мореходству предполагаетъ устроить небольшую экспедицію къ устьямъ рѣки Оби для изслѣдованія какъ ихъ, такъ и всего Обскаго залива. Экспедиція эта будетъ подъ управленіемъ двухъ опытныхъ моряковъ гг. Дала и Роудзена. На обязанности ея будетъ лежать измѣреніе глубины фарватера.

— „Моск. Вѣд.“ пишутъ, что при второмъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи учреждается особая коммисія для просмотра законоположеній о супружескихъ и родительскихъ правахъ и отношеніяхъ.

— Изъ Тюмени пишутъ въ газету «Сибирь», что новый городской голова, г. Глазуновъ, и одинъ изъ извѣстныхъ кожевниковъ, г. Колмогоровъ, горячо сочувствуя предположенію объ учрежденіи сибирскаго университета, устраиваютъ подписку на зданіе университета, въ успѣхъ которой, по солидности инициативы, нельзя сомнѣваться.

НИВА

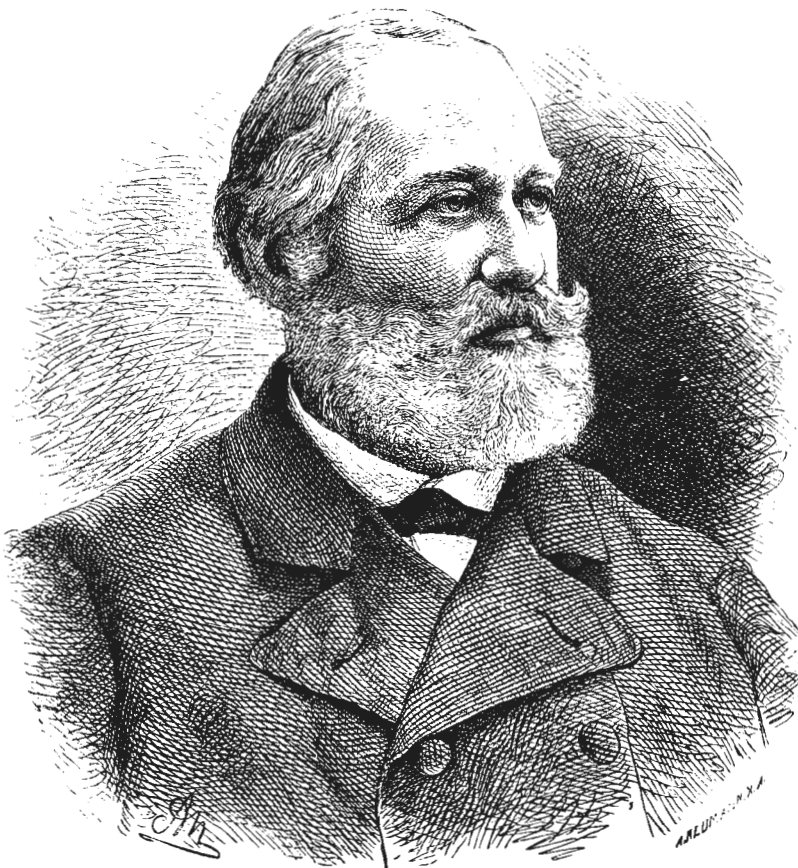
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
 Выданъ 12 Апрѣля 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всея другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
 Каждый новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшія №№ въ 1876 году.

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.

Многочисленные ученые труды по русской исторіи профессора Московскаго университета Сергѣя Михайловича Соловьева болѣе или менѣе извѣстны каждому образованному русскому; своими строго-научными сочиненіями, а также цѣлымъ рядомъ популярныхъ изданій, внеся обильный вкладъ въ литературу нашей отечественной исторіи онъ приобрѣлъ себѣ вполне заслуженную извѣстность и уваженіе всѣхъ, кто дорожитъ русскою наукой и русскимъ просвѣщеніемъ. Совершенно понятнымъ становится поэтому то сочувствіе, съ которымъ встрѣчаетъ теперь наше общество мысль о томъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ вспомнить, что въ настоящемъ 1876 году исполнится 25 лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ перваго тома его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Многочисленные ученики Сергѣя Михайловича, изъ которыхъ многіе занимаютъ уже университетскія кафедры, высоко цѣня его ученныя заслуги, его сердечную преданность своему дѣлу, безъ сомнѣнія поспѣшатъ выразить чувства глубокой признатель-

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Рис. и гравир. Нейманъ.

ности своему учителю и между прочимъ одинъ изъ нихъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета К. Н. Бестужевъ-Рюминъ помѣстилъ въ журналѣ «Русская Старина» (Мартъ, 1876) небольшую статью, гдѣ въ сжатомъ очеркѣ опредѣляется значеніе монументальнаго труда С. М. Соловьева.

Помѣщая портретъ почтеннаго профессора, мы съ своей стороны приведемъ здѣсь біографическія свѣдѣнія о немъ и укажемъ на главнѣйшіе изъ ученыхъ трудовъ его.

Заслуженный профессоръ Московскаго Университета по кафедрѣ русской исторіи, академикъ Императорской Академіи Наукъ, докторъ историческихъ наукъ, политический экономъ и статистикъ, Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ родился 5-го мая 1820 года, въ Москвѣ. До тринадцатилѣтнаго возраста воспитывался онъ дома; потомъ поступилъ въ первую московскую гимназію въ третій классъ. По окончаніи, въ 1839 году, гимназическаго курса, онъ поступилъ въ Московскій Университетъ студентомъ въ 1-е отдѣленіе философ-

ского факультета (что теперь историко-филологический факультет). И дома, и в гимназии любимыми чтениями его были книги исторического содержания, в университете же он посвятил себя окончательно историческим занятиям и преимущественно занятиям русскою исторіею. Немедленно по окончании университетского курса в 1842 году, Сергій Михайловичъ отправился для дальнѣйшаго образования за границу, гдѣ во время двухлѣтняго пребыванія продолжалъ историческія занятія, работавъ преимущественно тѣ предметы, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его главному предмету — отечественной исторіи. Въ 1844 году, возвратясь изъ-за границы, онъ сталъ приготовляться къ магистерскому экзамену, который выдержалъ въ январѣ 1845 года, а въ мартѣ того же года представилъ диссертацию на ученую степень «Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ». 27-го іюля онъ избранъ былъ въ преподаватели русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ, въ октябрѣ защищалъ свою магистерскую диссертацию и затѣмъ въ ноябрѣ 1845 года утвержденъ исполняющимъ должность адъюнкта по кафедрѣ русской исторіи. Диссертацию свою на степень доктора, подъ заглавіемъ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» онъ защищалъ въ іюнѣ 1847 года и велѣлъ затѣмъ утвержденъ былъ въ званіи экстраординарнаго профессора; въ іюлѣ 1850 года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Къ этому времени относится начало его большого труда и первый томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» вышелъ въ августѣ 1851 года, а въ минувшемъ 1875 году издавъ имъ 25-й томъ этого сочиненія, въ которомъ изложено царствованіе императора Петра III и начало царствованія императрицы Екатерины II. Сочиненія и статьи, напечатанныя Сергѣемъ Михайловичемъ до изданія перваго тома исторіи, а именно двѣ его диссертации — магистерская и докторская, статьи о смутномъ времени («Современникъ» 1848—1849 г.), о Малороссіи («Отечественныя Записки», 1849 г.) служили для автора какъ бы подготовкою къ его громадному труду, который мы видимъ теперь предъ собою; и въ этихъ статьяхъ выразилось уже полное и широкое знакомство съ источниками, твердая и ясная мысль, развивающаяся последовательно и неуклонно. До окончанія же своего большаго труда, онъ считалъ полезнымъ сообщать русской публикѣ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, изслѣдованія свои о любопытнѣйшихъ эпохахъ и явленіяхъ отечественной исторіи; такимъ образомъ напечатаны имъ были: 1) обзоръ событій русской исторіи отъ кончины Царя Федора Ивановича до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ; 2) обзоръ царствованія Михаила Феодоровича; 3) очеркъ исторіи Малороссіи; 4) изслѣдованія о мѣстничествѣ; 5) о княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ славянъ; 6) географическія свѣдѣнія о древней Россіи; 7) разборъ исторіи государства Россійскаго, Карамзина; 8) біографія Г. Ф. Мюллера; 9) Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи; 10) очеркъ трудовъ русскихъ историческихъ писателей XVIII вѣка; 11) учебная книга русской исторіи, для среднихъ учебныхъ заведеній, имѣвшая уже семь изданій; 12) общедоступныя чтенія о русской исторіи (1874). Одною изъ заботъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при устроѣніи въ Москвѣ музея прикладныхъ знаній, было организованіе систематическихъ чтеній при музеѣ для произнесенія ихъ съ показаніемъ соответствующихъ картинъ. Предложеніе общества съ большою готовностью помочь дѣлу принято было С. М. Соловьевымъ, изъявившимъ согласіе написать текстъ для чтеній по русской исторіи, обнимающихъ собою последовательно изложеніе главнѣйшихъ событій ея. Повѣствованіе оканчивается здѣсь 1850 годомъ. 13) публичные чтенія о Петрѣ Великомъ, изданные тѣмъ же обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи; 14) Исторія паденія Польши; 15) курсъ новой исторіи въ 2 частяхъ и многія другія монографіи.

Благодаря трудамъ почтеннаго историка, событія, совершившіяся въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ, являются теперь уже въ строго-установленной системѣ, чрезъ всю русскую исторію проведена имъ руководящая нить и въ этомъ заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ его ученаго труда. Удѣльный періодъ, говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, казался прежде безсмьсленнымъ, безсвязнымъ, въ немъ ничего не видали, кромѣ ряда утомительныхъ для памяти драмъ, вызванныхъ слабостію князей, раздѣлившихъ свои владѣнія на удѣлы, историкъ ввелъ въ него руководящую мысль: періодъ этотъ явился необходимымъ плодомъ извѣстнаго состоянія, выраженіемъ извѣстнаго начала. До Соловьева, время отъ смерти Василія Костромскаго до Ивана Калиты казалось, по выраженію Карамзина «темнымъ дѣломъ». Соловьевъ умѣлъ найти свѣтъ въ этой тьмѣ, объяснить условія, при которыхъ выдвинулось московское княжество; онъ умѣлъ привести въ связь дѣятельность московскихъ князей и дѣятельностію владимірско-суздальскихъ: Калиту съ Донскимъ и Боголюбскимъ и Всеволодомъ большимъ гнѣздомъ. Дѣятельность Иоанна III явилась у него въ связи съ дѣятельностію его предшественниковъ; Иоанъ IV пересталъ казаться чудовищемъ. Смутное время приведено въ связь съ предъидущимъ: указаны въ немъ попытка къ преобладанію тѣхъ элементовъ, которые были подавлены дѣятельностію московскихъ князей, указанъ и элементъ, давшій побѣду порядку.

Дѣятельность первыхъ Романовыхъ приведена въ связь съ дѣятельностію Петра, которая такимъ образомъ сдѣлалась понятною и поставлена впервые въ свою законную историческую обстановку. Въ дѣятельности правительства и жизни общества впервые отъ Петра до Екатерины—видна уже почва для дѣятельности Екатерины.

Во всемъ этомъ видна основная мысль, выраженная С. М. Соловьевымъ въ его предисловіи къ исторіи Россіи (т. I. 1851 года стр. 1).

«Не дѣлать, не дробить, русскую исторію въ отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ пріемствомъ формъ, не раздѣлять начало, но разсматривать ихъ въ заимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить высшему вліянію — вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда.»

Для полноты нашего очерка о дѣятельности С. М. Соловьева, мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые отзывы о наиболѣе выдающихся личностяхъ и явленіяхъ въ русской исторіи между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ взглядъ нашего историка на значеніе Петра Великаго.

Думалъ о Петрѣ, говорилъ Сергій Михайловичъ, думая о томъ, за что называютъ его великимъ человѣкомъ, русскій человѣкъ, разумется, долженъ былъ думать и о томъ, что такое великій человѣкъ вообще. Бываютъ въ жизни народовъ времена, повидимому, относительно тихія и спокойныя: живется, какъ жилось издавна и вдругъ обнаруживается необыкновенное движеніе, и дѣло неограничивается движеніемъ внутри извѣстнаго народа, онъ обхватываетъ и другіе народы, которые претерпѣваютъ на себѣ слѣдствія этого движенія. Человѣка, начавшаго это движеніе, совершившаго его, человѣка, по имени котораго знаютъ его народъ современники, по имени котораго знаютъ его время потомки,—такого человѣка называютъ великимъ. Въ то время, когда народы живутъ въ первый возрастъ своего бытія, возрастъ юный, для большинства народа очень продолжительный, когда люди поддаются господству чувства и воображенія, тогда великіе люди являются существами сверхъестественными, полубогами. Понятно, что при такомъ представленіи великій человѣкъ является силою, неизмѣнимою никакою отношенія къ своему вѣку и къ своему народу; народъ стносится къ ней совершенно страдательно, безсознательно, безусловно подчиняется ей.

Христіанство и наука даютъ намъ возможность освободиться отъ такого представленія о великихъ людяхъ. Христіанство запрещаетъ намъ вѣрять въ боговъ и полубоговъ; наука указываетъ намъ, что народы живутъ, развиваются, по извѣстнымъ законамъ, проходятъ извѣстные возрасты, какъ отдѣльные люди, какъ все живое, все органическое; что въ извѣстныя времена они требуютъ извѣстныхъ движеній, перемѣнъ болѣе или менѣе сильныхъ. При такихъ движеніяхъ и перемѣнахъ, при такомъ переходѣ народа изъ одного порядка жизни своей къ другому, изъ одного возраста въ другой, люди, одаренные наибольшими способностями, оказываютъ народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они ясны другимъ сознаютъ потребность времени, необходимость извѣстныхъ перемѣнъ и силою своей воли побуждаютъ и влекутъ меньшую братію, тяжелое на подъемъ большинство, робкое предъ новымъ и труднымъ дѣломъ. Заслуга этихъ людей вѣчная, и признательные народы величаютъ такихъ людей великими и благодѣтелями своими.

Такимъ образомъ великій человѣкъ является сыномъ своего времени, своего народа; онъ теряетъ свое сверхъестественное значеніе, онъ высоко поднимается какъ представитель своего народа въ извѣстное время, носитель и выразитель народной мысли. При такомъ взглядѣ на значеніе великаго человѣка и его дѣятельности высоко поднимается и народъ: его жизнь, исторія является цѣльною, органическою, неподверженною произволу, капризу одного сильнаго средствами человѣка.

Долго относились у насъ къ дѣлу Петра, продолжаетъ С. М. Соловьевъ,—неисторически, какъ въ благоговѣнномъ уваженіи къ этому дѣлу, такъ и въ порицаніи его. Поэты позволяли себѣ воспѣвать: «Онъ богъ твой, богъ твой былъ, Россія». Но и въ рѣчи болѣе спокойной, непозтической, подобный взглядъ господствовалъ, привлекъ Петромъ Россію отъ небытія къ бытію—было общепотребительнымъ выраженіемъ. Взглядъ такой нельзя признать историческимъ, потому что здѣсь дѣятельность одного историческаго лица отрывалась отъ исторической дѣятельности цѣлага народа; въ жизни народа вводилась сверхъестественная сила, дѣйствовавшая по своему произволу, причѣмъ народъ былъ осужденъ на совершенно страдательное отношеніе къ ней: многовѣковая жизнь и дѣятельность народа до Петра обновлялась несуществующею; Россію, народа русскаго, не было до Петра, онъ сотворилъ Россію, онъ привелъ ее изъ небытія въ бытіе. Люди, которые обнаружили несочувствіе къ дѣлу Петра, вмѣсто противодѣйствія крайности приведеннаго взгляда, перегнули дугу въ противоположную сторону; крайности сошлись и опять надобно было проститься съ исторіей. Россія, по одному взгляду, не только не находилась въ небытіи до Петра,

но наслаждалась бытием правильнымъ и высокимъ, все было хорошо, нравственно, чисто и свято; но вотъ явился Петръ, который нарушилъ правильное течение рутинной жизни, уничтоживъ ея народный, свободный строй, поправъ народные нравы и обычаи, произвелъ разнь между высшими и низшими слоями народонаселенія, заразилъ общество иноземными обычаями, устроилъ государство по чуждому образу и подобию, заставилъ русскихъ людей потерять сознание о своемъ, и своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила, опять исчезаетъ исторія народа, развивающаяся по извѣстнымъ законамъ, при влияніи особенныхъ условий, которыя и отличаютъ жизнь одного народа отъ жизни другого. Понятно, что оба взгляда, повидимому противоположные, но въ сущности одинаково неисторическіе, не могутъ держаться при возмужалости науки, когда болѣе высказанныя наблюденія надъ историческою жизнью народовъ должны были повести къ отрицанію также сверхъестественныхъ явленій въ этой жизни, когда убѣдились, что всякое явленіе, какъ бы оно не было громко, какъ бы ни измѣняло, повидимому, народный строй и образъ, есть необходимый результатъ предшествовавшаго развитія народной жизни. Великій человѣкъ даетъ свой трудъ, но величина, успѣхъ труда зависитъ отъ народнаго капитала, отъ того, что скопилъ народъ отъ своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы: отъ соединенія труда и способностей знаменитыхъ дѣятелей съ этимъ народнымъ капиталомъ идетъ великое производство народной исторической жизни. Только великій народъ способенъ имѣть великаго человѣка; сознавая значеніе дѣятельности великаго человѣка, мы сознаемъ значеніе народа. Великій человѣкъ своею дѣятельностію воздвигаетъ памятникъ своему народу: какой же народъ откажетъ въ памятникъ своему великому человѣку?—

Въ этихъ словахъ видѣли и основной взглядъ нашего историка на характеръ историческіхъ изслѣдованій, на значеніе исторіи и вѣрный тактъ въ разсмотрѣніи разнохарактерныхъ мѣстъ предшествовавшихъ писателей на отечественную исторію.

Умственное развитіе находятъ себѣ точку опоры въ теоріяхъ. Теорію принесла школа, однимъ изъ главныхъ представителей которой былъ С. М. Соловьевъ. Школа эта внесла съ собою понятіе о развитіи, о постепенной смѣнѣ умственныхъ и нравственныхъ понятій, о постепенномъ ростѣ народномъ. Народъ— по ученію школы—постепенно переходитъ отъ рода къ государству. Этою теоріею дана была точка опоры сознанию: стало яснымъ, что перемѣняются не только костюмы и обычаи, но измѣняются воззрѣнія, основа всякаго общественнаго состоянія. Въ настоящее время можно спорить о формахъ, которыми проходила жизнь народная, можно отодвигать грани того или другого періода, можно отрицать значенія того или другого явленія, но нельзя отрицать, что исторія есть изображеніе развитія народа, что «исторія есть народное самосознаніе».

Мысль эта впервые выражена была въ русской наукѣ С. М. Соловьевымъ и К. Д. Кавелинымъ. Въ настоящее время все это можетъ казаться общезвѣстнымъ, но именно благодаря значительной степени дѣятельности и трудамъ С. М. Соловьева.

Чтобы еще болѣе уяснить себѣ заслуги нашего историка, и е можемъ мы упустить изъ вида и того соображенія, что въ другихъ великихъ областяхъ знанія, наблюденія болѣею частію предшествовали открытіямъ, сначала записывались факты, а потомъ найдены законы, имъ управляющіе. Но въ изученіе исторіи человѣчества, какъ говоритъ Г. Т. Бокль, въ своей исторіи цивилизаціи,—важные факты были пренебрежены, а неважные сохранены. Вслѣдствіе того, кто задумалъ бы въ настоящее время сообщить историческія явленія, тотъ долженъ имѣть и собирать факты и дѣлать сообщенія. Онъ ничего не находитъ готовымъ: въ одно и тоже время ему приходится быть и каменотесомъ и архитекторомъ, онъ и рисуетъ планъ здания и ломаетъ камень.

Дѣло историка, говорить въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Бокль, состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить невѣжественный взглядъ людей на событія, доказавъ, что развитіе народовъ идетъ совершенно правильно и опредѣляется, подобно всякому другому развитію, исключительно предъидущими обстоятельствами. Кто не можетъ сдѣлать этого, тотъ не историкъ. Онъ можетъ быть лѣтописцемъ, биографомъ, хроникеромъ; но возвыситься надъ этимъ онъ можетъ тогда, когда проникнется языкомъ науки, который возводилъ въ догматъ ученіе о единообразной послѣдовательности. Задача историка слишкомъ громадна и далеко не всякому по силамъ; кромѣ того, онъ долженъ посвятить все свои силы на одно предпріятіе, отложивъ всякое честолюбіе и пожертвовавъ дѣлу многимъ изъ того, чѣмъ надо вообще дорожить. Не для него награды, которыя получалъ бы онъ, отдавшись съ тою же энергіею другому поприщу, не для него сладость общественнаго одобренія; не для него пышность власти; не для него участіе въ совѣтахъ страны; не для него высокія и почетныя мѣста въ глазахъ общества. Не помышляя объ этомъ, онъ долженъ скорѣе готовиться къ клеветѣ, всегда ожидающей тѣхъ, кто, давая начало новымъ мыслямъ, оскорбляетъ предрассудки своихъ современниковъ. Когда его обвиняютъ въ невѣжествѣ и даже хуже чѣмъ въ невѣжествѣ; когда перетолковываютъ его побужденія, заподозрѣваютъ его честность; обвиняютъ его въ отрицаніи значенія нравственныхъ началъ, въ нападкахъ на основы религіи,—онъ долженъ быть спокоенъ, вѣтши продолжать свой путь, не отклоняясь, не останавливаясь и даже не сворачивая съ тропы своей для того, чтобы выслушать гнѣвные крики, которые онъ не можетъ не слышать и которые, какъ человѣкъ, не можетъ не попытаться утишить. Въ этой попыткѣ историкъ не только, можетъ быть, истощитъ свои силы, но еще навѣрное возбудитъ ненависть тѣхъ, кто держится за неприкосновенность стараго метода.

Въ такихъ горячихъ словахъ рисуетъ Бокль общественное положеніе истиннаго историка, предававшагося беззаветно своей любимой задачѣ. Нельзя послѣ этого относиться хладнокровно къ трудамъ С. М. Соловьева, посвятившаго цѣлую четверть вѣка неустанной работѣ и принесшаго русскому обществу громадный вкладъ въ его ученую литературу, вкладъ по своему содержанию и цѣли наиболѣе близкій сердцу каждаго русскаго человѣка.

Первый Стрѣлецкій бунтъ 1682 года.

Стрѣльцы были пѣшимъ и коннымъ войскомъ московскихъ государей, съ половины XVI ст. Нѣкоторые утверждаютъ, что происхождение ихъ восходитъ гораздо раньше и предшественниками ихъ считаютъ такъ называемыхъ пищальниковъ XV ст., вооруженныхъ жалкимъ подобіемъ ружей (пищалей), смахивающихъ на ручныя пушки. Вооруженіе стрѣльцовъ состояло изъ широкихъ бердышей въ видѣ луннаго серпа, мушкетовъ и сабель. Костюмъ ихъ былъ очень наряденъ. Вообще они пользовались особеннымъ царскимъ расположеніемъ и имѣли свои привилегіи: не платили податей, жили въ построенныхъ отъ казны избахъ, на казенной землѣ, свободно пользовались доходомъ отъ своихъ промысловъ и торговли, исключая лишь тѣхъ, которые торговали болѣе чѣмъ на 50 р., эти облагались податями.

Все стрѣлецкіе полки тянули къ стрѣлецкому приказу, для остальныхъ же сотенъ, пятидесятковъ и десятковъ были особая стѣзья избы. Отношенія властей къ подчиненнымъ не отличались въ XVII ст. особенной мягкостью. Начальники обращались съ стрѣльцами своевольно, заставляли работать на себя, собирали незаконные поборы, не выдавали жалованья. Стрѣльцы долго терпѣли, но подъ конецъ царствованія Федора Алексѣевича помянутыя злоупотребленія такъ усилились, что стали появляться жалобы на полковниковъ. Расколъ къ этому времени успѣлъ уже усилиться и проникнуть въ массу: стрѣльцы были далеко не чужды его. Въмѣстѣ съ расколомъ, какъ протестомъ противъцерковнымъ, закраюсь недовольство правительствомъ, которое продолжаетъ держаться Никоновской ереси и заводитъ на Русь разныя новшества. Не мудрено что и стрѣльцамъ пришло въ голову, что отъ послѣднихъ и пошла разныя тяготы, а что въ старину было и лучше и проще.

На стрѣлецкія челобитныя правительство или вовсе не обра-

щало вниманія или строго наказывало, челобитчика: било кнутомъ, ссылао въ Сибирь, которая тогда уже заселялась.

Разъ стрѣльцы выбрали изъ себя одного съ новой просьбой о наказаніи полковниковъ, о взысканіи съ нихъ незаконно забраннаго жалованья. На глазахъ цѣлой толпы стрѣльцовъ началось расправа съ челобитчикомъ. Послѣдній закрывалъ товарищамъ. «Чего же вы смотрите, развѣ я не отъ васъ посланъ?» Стрѣльцы опаматовались, кинулись на вырубку и избili экзекуторовъ въ кровь.

Правительство увидало, что сдѣлало ошибку.

Стрѣльцовъ, жившихъ въ Москвѣ съ семьями и своими домами, было до двадцати тысячъ. Это была сила, да еще въ добавокъ, какъ намъ извѣстно, хорошо вооруженная.

При тогдашней слабости правительства, грозила дѣйствительная опасность.

Сдѣлавъ первый смѣлый шагъ, стрѣльцы пошли дальше: въ нихъ проявилось сознание собственной силы, интересы были у большинства общіе: за невыдачей жалованья многимъ изъ нихъ приходилось съ семьями голодать, терпѣть крайнюю нужду.

«Не сдѣлаете по нашей просьбѣ» кричали стрѣльцы, «такъ мы сами распорядимся съ полковниками, разграбимъ ихъ дома и животы, а послѣ доберемся и до тѣхъ измѣнниковъ, которые царское величество обманываютъ!»

Еще худшее обращеніе начальниковъ, увидавшихъ, что стрѣлецкія жалобы остаются безъ послѣдствій, вызвало большее озлобленіе подчиненныхъ. Приведенныя выше слова были сказаны послѣ смерти Федора Алексѣевича въ третій день царствованія Петра, признаннаго русскимъ царемъ помимо слабоумнаго Ивана. Слова эти были тѣмъ болѣе убѣдительны и страшны, что ихъ сказала ворвавшаяся толпа стрѣльцовъ во дворецъ.

Такое своеволие и дерзость не были бы прощены в другое время, но теперь въ присутствіи малолѣтнаго Петра и беззащитной Наталіи Кириловны, они могли напугать и побудить на уступки. Последнія дѣйствительно и были сдѣланы. Тѣхъ полковниковъ (числомъ девять), на которыхъ жаловались стрѣльцы, общаю было или засадить или възискать деньги. Стрѣльцы требовали, чтобы начальниковъ выдали имъ. Правительство колебалось и какъ то сумѣло отклонить эту просьбу. Несостоятельныхъ должниковъ изъ стрѣleckаго начальства держали часа по два на правѣжѣ, а стрѣльцы принимали участіе въ опредѣленіи количества ударовъ, которые слѣдуетъ кому отпустить; въ этомъ случаѣ заслугой считалось меньшее грабительство лежавшихъ подъ кнутаомъ. На правѣжѣ каждому читали *объявленія вины*. Такъ Семень Грибоѣдовъ прослушалъ на немъ слѣдующее: «Били на тебя челоомъ великому государю пятьдесятъ ники, десятники и рядовые стрѣльцы твоего приказа: ты чинилъ имъ налоги, обиды, и всякія тѣсноты, для взятокъ и рабогъ былъ ихъ жестокии боями, былъ ботагами, съ ругательстваомъ, взивши въ руки ботага по два, по три и по четыре: на ихъ стрѣleckихъ земляхъ устронилъ огороды и всякія овощныя сѣмена на этихъ огородахъ селѣтъ имъ покупать на сборныя деньги; на огороды и въ деревни свои на всякія работы посылалъ ихъ, стрѣльцовъ, и дѣтей ихъ и заставлялъ отвозить туда на ихъ же стрѣleckихъ подводахъ; неволю заставлялъ ихъ шить себѣ цвѣтное платье, бархатныя шапки, желтые сапоги; изъ государскаго жалованя вычиталъ у нихъ деньги и хлѣбъ; отпускалъ ихъ съ карауловъ и на то бралъ съ нихъ деньги; деньги, которыя имъ даются на сѣдной караулъ и запасы изъ дворцовъ, ты бралъ себѣ, приказывалъ имъ покупать дѣсь и всякія запасы на свое дворовое строеніе на сборныя деньги, къ себѣ на дворъ бралъ изъ нихъ деншичковъ по многу и заставлялъ роботать всякую работу и *отходы* *) чистить. Будучи въ походахъ, дѣлалъ имъ также всякія тягости и на подводахъ ихъ возилъ свои запасы. При царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ указано было тебѣ, съ великимъ подкрѣпленіемъ, ни какихъ взятокъ не брать и стрѣльцовъ роботать на себя не заставлятъ, для того тебѣ и дана была деревня и помѣстье, а ты забывъ милость великаго государя, стрѣльцовъ обижалъ и билъ ихъ напрасно.»

Дальнѣйшее своеволие дошло до того, что стрѣльцы стали грубо обращаться съ своими новыми полковниками, Долгорукаго, главнаго начальника стрѣleckаго приказа, ставили ни во что, а съ мелкимъ начальствомъ поступали еще свободнѣе; кидали въ нихъ камнями, палками отгоняли отъ своихъ сѣзжанъ избѣ, бросали съ колончей.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда какъ, говорится, либо панъ, либо пропалъ, поневолѣ являлась рѣшимость дѣйствовать очертя голову, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ стрѣльцы и сознавали, что имъ рано или поздно не одобровать. Нужень, былъ только какой нибудь благовидный предлогъ, чтобы выйдти изъ затруднительнаго и тягостнаго колебанія: на что рѣшиться и что же дальше.

Царевна Софья, родная сестра нецарствующаго царевича Ивана, имѣла причины радоваться стрѣleckимъ волненіямъ: ей хотѣлось самой управлять государствомъ, быть опекуницей надъ малолѣтнимъ царевичемъ, но только не надъ Петромъ, а надъ Иваномъ. Петра она не любила, потому что онъ былъ сынъ Нарышкиной, неожиданно и быстро возвысившейся. У Софьи Алексѣевны было много приверженцевъ, которые цѣнили ея образованный умъ, не бывалый у царевенъ до того времени, и красоту, которая выражалась единственно въ толщинѣ, очень цѣнной русскими. Въ описываемое время, между тѣмъ, ей было не болѣе 25 лѣтъ.

Бояринъ Иванъ Милославскій и князь Хованскій, прозвищемъ Тараруй, любимецъ Софьи, стали подготавливать заговоръ, распространять слухи о слабости правителя, что будто съ царствованіемъ Петра начнутся для стрѣльцовъ и народа еще болѣе тяжкія времена, обложить новыми поборами, придетъ пожадуи иноземець, Русь завоуетъ и вѣру православную искоренитъ. Последнее имѣло особенное значеніе для ревностныхъ раскольниковъ, бывшихъ между стрѣльцами. Было много другихъ заговорщиковъ: Одинцовъ, Толстой, Циклеръ и проч. Какая то малороссійка Федора ходила, раздавала деньги стрѣльцамъ и пропагандировала въ пользу Софьи. На *болье сильныя руки* послѣдней и намекали помянутые бояре, говоря стрѣльцамъ о слабости существующаго правительства.

Бунтъ былъ близокъ. Стрѣleckіе полки заволновались, замахали бердышами и саблями, грозя свернуть шею Нарышкинымъ и Матвѣву, бывшему еще въ сѣлкѣ.

Не зная, какъ подбить стрѣльцовъ на рѣшительный шагъ, сторонники властолюбивой царевны распустили цѣлный слухъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана. Стрѣльцы кинулись въ Кремль *служить государеву службу*; но когда Наталья Кириловна показала имъ обоихъ царевичей здравыхъ и невредимыхъ, они пріостановились; доказательство ложности слуховъ было очень убѣдительно: Иванъ былъ живъ.

12-го мая пріѣхалъ въ Москву прощсннй Матвѣвъ, 15-го, день смерти Дмитрія царевича, былъ днемъ вторженія стрѣльцовъ въ Кремль, день этотъ былъ назначенъ заговорщиками съ явнымъ памякомъ на прѣлое.

Видя замѣнительство стрѣльцовъ, подстрекаемы были поставлены въ туику: ихъ страшило, что стрѣльцы, въ минуту колебанія, могутъ уйдти изъ Кремля и въ другой разъ ихъ и желудъ туда не залучившъ, не повѣрятъ. Тогда стали говорить: Царевичъ живъ, да въ живыхъ и царскіе недоброхоты Нарышкины и Матвѣвъ, Иванъ Нарышкинъ царскую корону примѣривалъ, на престолѣ мѣтнть...

Соседшій къ стрѣльцамъ Матвѣвъ успѣлъ лестью уладить дѣло: онъ вообще отличался, дипломатическимъ искусствомъ.

Заговорщики однако не считали свое дѣло проиграннымъ. Смерть Михаила Долгорукова подъ широкими стрѣleckими бердышами, Долгорукова, захотѣвшаго разыграть въ такую сгущенную, своимъ молчаніемъ минуту, роль начальника и крикливошаго стрѣльцамъ, чтобы они убралась вонъ, повернула дѣло въ иную сторону. Самые отчаянные стрѣльцы кинулись отъ крыльца грановитой палаты на Красное крыльцо. За Долгорукииъ былъ схваченъ Матвѣвъ и, не смотря на то, что для безопасности подхватилъ подъ руку молодаго Петра, былъ оторванъ отъ него и изрубленъ въ мелкіе куски.

Слѣдъ загнѣвъ кинулись въ палаты истреблять измѣнниковъ.

Наталья Кириловна ушла въ Грановитую, изъ двора всѣ спасались бѣгствомъ. Обыскивая каждый уголокъ, чуланъ, заглядывая подъ кровати, тыча конями въ щельи, забѣгая въ церкви, чтобы посмотреть, не спрятались ли кто въ алтарѣ, стрѣльцы совершили не мало убійствъ, желанныхъ и ошнбочныхъ, отыскивая ненавистныхъ Нарышкиныхъ, въ особенности Ивана. «Любо-ли!» кричали стрѣльцы народу послѣ каждого убійства. Народу оставалось только махать шапками. Надъ трупами, которыхъ выволакивали изъ Кремля черезъ Свасскія и Никольскія ворота, глумились всячески. «Вотъ князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукій ѣдтъ! Вотъ бояринъ Матвѣвъ! и проч.

Съ 15-го мая на 16-е стрѣльцы ушли въ свои слободы, оставивъ въ Кремлѣ крѣпкій караулъ. На другой день они опять пришли съ прежнимъ требованіемъ, чтобы имъ выдали Ивана Нарышкина. Было отказано. Въ половинѣ дня они опять разошлись. Двадцати трехъ лѣтнаго красавца Ивана запрятали подъ перины, въ нарочно растворенный чуланъ, чтобы не было такъ подозрительно.

17-го на развѣстѣ стрѣльцы пришли и сказали, что не выйдутъ изъ Кремля, пока имъ не выдадутъ царскаго племянника. Милославскій и Софья вовсе недоброхотствовали Нарышкину, также какъ и убитому Матвѣву: оставалось избавиться отъ послѣдней помѣхи. Софья прямо заявила царидѣ Наталѣ, что надо выдать Ивана Нарышкина стрѣльцамъ, иначе бунтъ не прекратится, а совершится рядъ новыхъ убійствъ. «Не пропалъ же намъ всѣмъ изъ-за него?» говорили другіе. Рѣшили выдать Послѣ исповѣди и причастія, Иванъ Нарышкинъ съ образомъ въ рукахъ былъ выведенъ къ стрѣльцамъ.

Его тотчасъ же схватили и потащили въ застѣнокъ, гдѣ долго пытали, затѣмъ, ничего не допытавшись, и рубили на Красной площади, которая въ то время заслуживала названіе *Кровавой*.

Послѣдней жертвой этого перваго стрѣleckаго бунта былъ иностранный докторъ Гадець, которому поставили въ вину найденныхъ въ его кабинетѣ сушеныхъ змѣй.

Совершивъ это послѣднее убійство, стрѣльцы разошлись по домамъ, заявляя, что они довольны и готовы за царскій домъ головы положить.

Явнымъ слѣдствіемъ этого было некоррѣ учрежденное въ Россіи двоевластіе малолѣтнихъ Ивана и Петра, подъ управленіемъ и надзоромъ Софьи Алексѣевны.

Въ домѣ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта:

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

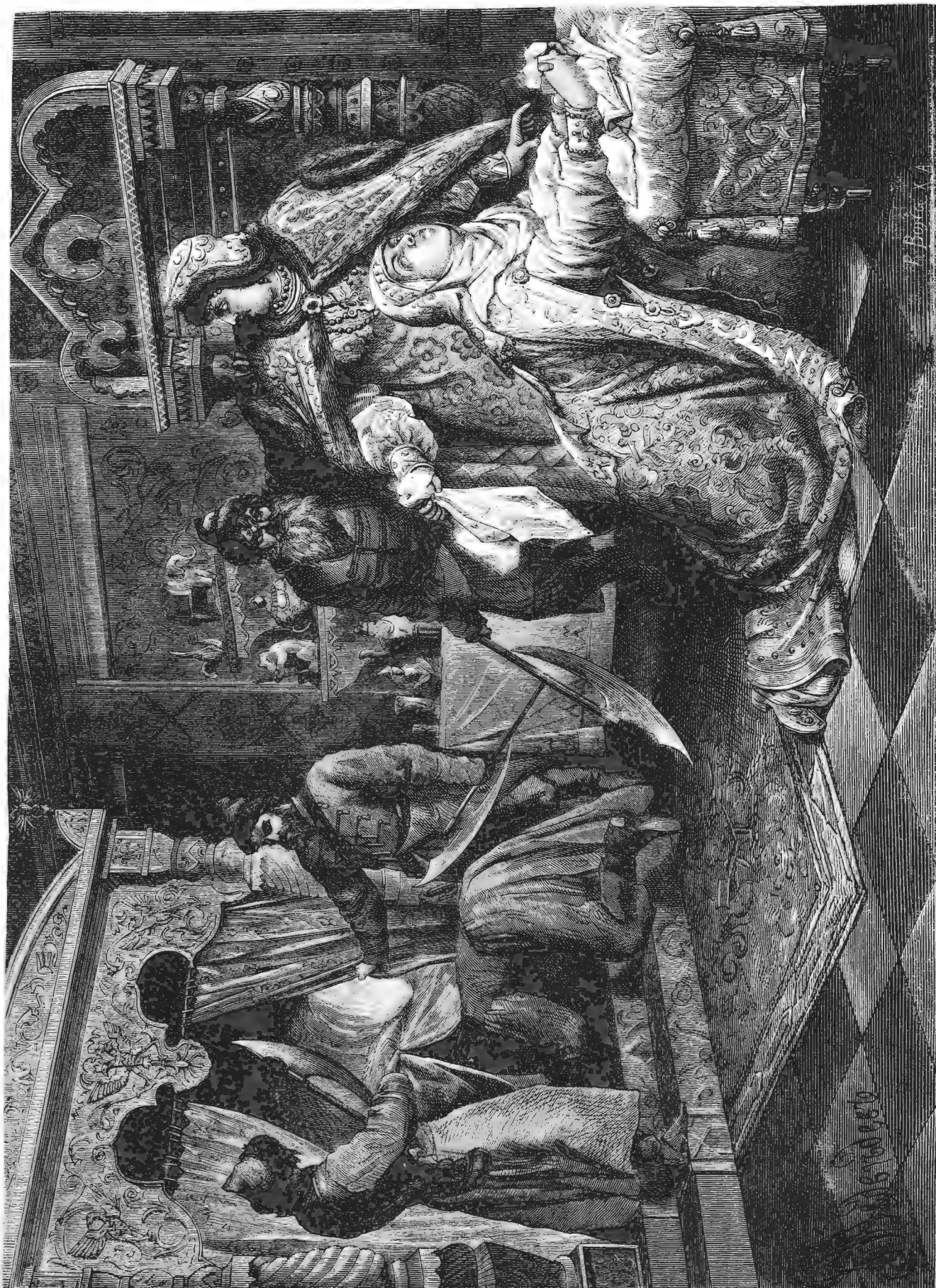
(Продолженіе).

XIV.

На другой день, утромъ, виλλα Баумгартенъ была

*) Помойница ямы.

очень оживлена. Дѣло въ томъ, что наканунѣ, около полуночи, телеграмма извѣстила о возвращеніи коммерціи совѣтника, а часъ спустя онъ и самъ явился. Г.

Стрелецкий бунт. Стрѣльцы обыскиваютъ покой царицы Натальи Кирилловны. Оригинальный рис. П. Мельдеевъ, гравир. Р. Бонгъ.

ф.-Рэмеръ привезъ съ собой двухъ соучастниковъ своихъ „въ дѣлахъ“, которымъ и были отведены комнаты, назначенныя для гостей. Эти господа были корифеями торговаго міра. „Корифей“ намѣревались на другой день, послѣ обѣда, огривиться въ дальнѣйшій путь (они вѣгшествовали), и вотъ для того, чтобы доставить имъ случай мимоѣздомъ повидаться кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ въ резиденціи, коммерціи совѣтникъ еще ночью распорядился заказать на завтра великолѣпный завтракъ. И кухарка, и экономка были по-горло завалены дѣломъ, а лакеи такъ и сповали по лѣстницамъ.

Кэта провела бессонную ночь. Впечатлѣнія дня и страхъ за Генріэтту не давали ей покоя. Она нѣсколько часовъ простояла у одного изъ угловыхъ оконъ своей комнаты, желая увидѣть между качающимися верхушками деревьевъ въ паркѣ хоть кончикъ флюгера на крышѣ „домика за рѣкой“, но, увы, ничего не было видно. Все было тихо по-прежнему, хотя Кэта съ минуты на минуту ждала—вотъ—вотъ какаянибудь фигура покажется въ аллеѣ и встревожить недоброю вѣстью спящихъ здѣсь.

Стоя у другаго окна, она видѣла, какъ пріѣхалъ коммерціи совѣтникъ. Лакеи мигомъ очутились возлѣ кареты, какъ-будто изъ земли выскочили. У каждаго изъ нихъ было по фонарю въ рукѣ. Бѣлыя колонны портика, лоснящаяся бока рыжихъ лошадокъ, блестящая сбруя—все это было ярко освѣщено, даже бронзирванная рѣшетка „променады“ и нѣсколько великолѣпныхъ мраморныхъ статуй выглянули изъ мрака—такъ было свѣтло у подъѣзда. Спенка эта имѣла *совсѣмъ* аристократическій характеръ. Вотъ, изъ экипажа выпрыгнувъ коммерціи совѣтникъ, такой статный, молодой, въ элгантной дорожной шубѣ; въ каждомъ движеніи его проглядывала самоувѣренность, важность; видно было, что онъ *могъ* повелѣвать—словомъ, это былъ богачъ, богатства котораго еще увеличились, блестящая комета съ сверкающимъ золотымъ хвостомъ, такъ какъ потоки золота устремлялись за ней, словно притягиваемые магнетической силой. Г. ф.-Рэмеръ проводилъ своихъ гостей въ назначенные для нихъ покои и только около двухъ часовъ ночи отправился самъ въ башню. Лакей съ фонаремъ шелъ впереди его.

Мало-по-малу на виллѣ все утихло, только вѣтеръ, не переставая, тянулъ сюю заунывную пѣсню и мѣшалъ Кэтѣ заснуть. Передъ разсвѣтомъ она задремала и тѣмъ ужасно досадовала на это, потому что проспала, опоздала: ей хотѣлось быть въ „домикъ за рѣкой“ въ шесть часовъ утра, а вмѣсто того она явилась туда въ девятомъ часу.

Прелестное, румяное, тихое выдалось утро. Южный теплый вѣтерокъ, подхватывающій струи аромата первыхъ весеннихъ цвѣтовъ, вѣялъ надъ землей, надоѣдливо, но ласково дотрогивая тѣ почки, которыя лѣнились развернуться. На крышѣ докторскаго домика весело чирикали птички. Темная зелень вишневыхъ деревьевъ, около самаго строенія, казалось была осыпана снѣжинками—такъ много бѣлѣло на вѣтвяхъ еще нераспустившихся цвѣтовъ. Лужайка передъ домикомъ ярко зеленѣла сегодня.

Проходя чрезъ мостъ, Кэта заглянула за перила. Прозрачныя волны, озаренныя солнечными лучами, тихо катились подъ старой деревянной аркой моста; рѣка казалась тихой, кроткой, смиренной... Что жъ, вѣдь тѣ волны, которые подхватили вчера брошенное кольцо, успѣли за-ночь далеко-далеко умчаться, до самаго моря, а онѣ только и могли прожурчать-рассказать о дерзкомъ поступкѣ женщины, нарочно порвавшей угнетавшую ее цѣпь.

„Домикъ за рѣкой“ принялъ сегодня какой-то особенно-торжественный видъ. Красный кирпичный полъ сѣней былъ усыпанъ мелкимъ бѣловатымъ пескомъ; пахло какимъ-то дорогимъ ароматическимъ куревомъ. Сто-

ликъ, стоявшій неподалеку отъ входной двери, былъ покрытъ чистой салфеткой; на немъ помѣщалась старинная глиняная ваза съ огромнымъ букетомъ изъ еловыхъ вѣтокъ, вербы и панемоновъ. Старая, вѣрная кухарка, съ засушенными руками, въ ослѣпительно-бѣломъ передникѣ, хлопотала у кухоннаго стола; ея краснощокое лицо глядѣло весело, счастливо... Но зачѣмъ это тетушка-дьяконица надѣла сегодня спозаранку свое шелковое платье темно-кофейнаго цвѣта?... На головѣ у нея была бѣлая кружевная наколка, такіе же были воротничекъ и манжеты. Сердце Кэты сжалось отъ боли и страха... Неужели это все въ честь невѣсты, которая должна же вѣдь сегодня опять прійти сюда, чтобы навѣстить больную сестру?..

Сама старушка ничего не сказала относительно этой праздничной обстановки. Тетушка казалась только очень взволнованной, что и можно было замѣтить по ея слегка покраснѣвшимъ вѣкамъ, да по голосу, въ которомъ слышались еще слезы умиленія. Она радостно сообщила молодой дѣвушкѣ, что больная довольно хорошо провела ночь и припадокъ не повторялся.

За такое успокоительное извѣстіе Кэта поцѣловала руку старушки, и тутъ случилось нѣчто необычайное: тетушка, обыкновенно такая сдержанная, внезапно охватила ея руками стройный станъ Кэты и нѣжно прижала ее къ своей груди, какъ родную дочь... Потомъ молча, она провела пріятно-удивленную дѣвушку въ комнату больной.

Генріэтта сидѣла въ постели, а горничная прибирала ея роскошныя волосы подъ ночной чепчикъ. Брукъ, часть тому назадъ, какъ ушелъ къ себѣ, чтобы отдохнуть. Узенькое, вытянувшееся личико больной, съ воспалившимися щеками, эти зловѣщіе темные круги подъ глазами—испугали Кэту... Она замѣтила, что лицо сестры за-ночь получило рѣзкій гиппократическій колоритъ, и, однако-же, Генріэтта смотрѣла весело, радостно. Она не могла наговориться, и все о томъ, съ какимъ самоотверженіемъ ухаживаетъ за нею докторъ: какъ невыразимо-хорошо чувствуетъ она себя въ этой уютной комнатѣ и какъ пугаетъ ее мысль, что рано-ли поздно-ли, а придется ей удалиться отсюда. Потомъ она попросила Кэту вернуться на виллу и принести оттуда книжку, обѣщанную тетушкѣ-дьяконицѣ (Генріэтта на время отдала эту книжку Флорѣ), причемъ шепнула сестрѣ на ухо, чтобы та постаралась ловко намекнуть Флорѣ и бабушкѣ, что слишкомъ частые визиты *ихъ* были бы обременительны для больной... Генріэтта и не подозрѣвала того, что случилось вчера вечеромъ у ея постели, и не знала, конечно, что она *сама* вызвала грозу, такъ долго собиравшуюся, и разразившуюся, наконецъ, настоящимъ ураганомъ.

Кэта едва осмѣливалась смотрѣть ей въ глаза и только тогда вздохнула свободнѣе, когда больная повторила просьбу свою насчетъ книжки и попросила кстати ужъ принести нѣкоторыя вещи изъ ея письменнаго стола, для чего и передала ей ключи.

Молодая дѣвушка, посидѣвъ съ часъ, возвратилась на виллу. Больная произвела на Кэту тяжелое впечатлѣніе... Это мертвенно-восковое, исхудавшее личико просто не давало ей покоя, поэтому она даже отшатнулась, оскорбленная до глубины души, когда, поднявшись на лѣстницу, увидѣла въ бель-этажѣ, чрезъ отворенную дверь въ мавританскую комнату, великолѣпно-сервированный столъ для завтрака. Полъ этой комнаты былъ устланъ громаднымъ, толстымъ ковромъ изъ Смирны—позаботились, значить, чтобы ногамъ было тепло, да не забыли и о головахъ: дорогія вина, изъ погреба въ башнѣ, стояли на столѣ среди блестящихъ приборовъ.

Молодая дѣвушка собрала въ комнатѣ Генріэтты всѣ тѣ вещи, которыя больная желала имѣть, и потомъ сошла внизъ, чтобы поздороваться съ президентшей,

какъ требовалъ того долгъ приличія. Шаговъ ея совѣтъ не было слышно, такъ какъ и лѣстница была покрыта мягкимъ ковромъ. Два лакея, стоявшіе внизу, въ корридорѣ, не слышали поэтому никакого шума. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ пакетъ, вѣроятно, только-что принесенный почтальономъ.

— Чортъ побери! Посылку эту возвращаютъ сюда ужъ въ третій разъ! сердито проговорилъ лакей и почесалъ за ухомъ.—До смерти надоѣла мнѣ эта исторія.. Вѣдь вотъ, завтра опять придется мнѣ быть *столь* любезнымъ, чтобы, значитъ, перепаковать этотъ пакетецъ и написать на немъ новый адрессъ... Барышня наша должно быть, воображаетъ, что у меня и дѣла другого нѣтъ!... (Онъ повертѣлъ пакетъ, какъ вертять въ рукахъ нѣчто никому негодное). Самое подходящее мѣсто для него было бы тамъ... подъ плитой на кухнѣ!..

— Да что въ пакетѣ-то этомъ?—любопытствовала другой лакей.

— Кипа бумаги. На одномъ листѣ барышня изобразила своими долговыми каракулями такое слово: „Женщина“. То-то ужъ, надо полагать, хорошая это штука!..

Лакей вдругъ умолкъ, испугался и сейчасъ же всталъ въ почтительную позу... Кэта сходила съ послѣднихъ ступенекъ лѣстницы, а затѣмъ прошла мимо него въ спальню президентши. Однако, ее не приняли. Вышедшая горничная доложила Кэтѣ, что одна придворная дама пріѣхала къ президентшѣ, чтобы отдать ей утренній визитъ. Молодая дѣвушка сейчасъ-же отправилась къ Флорѣ за книжкой Генриэтты. А ужъ какъ сильно не хотѣлось ей переступить порогъ этой комнаты!.. Даже слышно было, какъ билось сердце у нея отъ волненія, и Кэта узнала тутъ, что въ ея груди и искры нѣтъ сочувствія къ старшей сестрѣ... Это смутило ее, къ тому же вся злоба, которую она старалась заглушить во время безсонной ночи, теперь снова закипѣла въ ней и почти душила ее.

Пожалуй, Флора чувствовала нѣчто подобное; она стояла посреди комнаты, у большого стола, заваленнаго книгами и брошюрами. Огненнымъ взглядомъ окинула она вошедшую... Но... нѣтъ! Конечно, Флору разгнѣвалъ возвращенный пакетъ... Онъ былъ вскрытъ и прекрасная ручка только-что презрительно швырнула въ корзину на полу прочтенное письмо. Этой сценки *не должна* была видѣть фрейленъ ф. Гизе, эта насмѣшливая придворная дама... Ну-чтожъ, можетъ быть, „мизинчикъ“ то Флоры все-таки немножко ошибался относительно успѣха ея книги „Женщины“!..

— Ты, конечно, отъ Генриэтты пришла, сказала Флора и поспѣшно прикрыла возвращенную рукопись синей бумагой.—Она чувствуетъ себя очень хорошо, какъ я слышала; еще въ восемь часовъ утра послала я туда узнать о ея здоровьи... А Морицъ, право, человѣкъ неразсудительный! спозаранку присылаетъ мнѣ записку (ночью изволилъ писать!), заставляетъ вставать рано, чтобы я успѣла нарядиться, потому что ему желательно, à tout prix, представить бабушкѣ и мнѣ гостей своихъ—до завтрака. Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто благоденствіе міра зависитъ отъ этого представленія!.. Полагаю, что и бабушкѣ это тоже не очень-то понравится.

Флора была прелестна. Говорятъ, что человѣкъ невольно, безсознательно одѣвается, соотвѣтственно настроенію своего духа... Если это вѣрно, то надо предположить, что Флора проснулась сегодня необыкновенно-веселой, радостной: ея тонкій, прекрасный бюстъ, казалось, плавалъ въ блестящемъ голубомъ эфирѣ, даже въ изящно-вьющихся локончикахъ виднѣлась голубая атласная лента. Туалетъ этотъ, правда, совсѣмъ почти не гармонировалъ съ кабинетомъ прекрасной хозяйки,—не смотря на яркое солнечное освѣщеніе, комната эта представлялась чрезвычайно мрачной, такой

неуютной, что скорѣе походила на берлогу нелюдимага, завязатаго буквоѣда-ученаго, чѣмъ на жилище полувоздушной феи въ голубыхъ одеждахъ. Да и выраженіе лица прелестной особы не соотвѣтствовало, въ данную минуту, выбранному ею цвѣту платья: Флора видимо была въ дурномъ расположеніи духа и казалась подавленной, удрученной; хотя она и старалась это скрыть, но каждая черточка лица выдавала ее. О событіяхъ вчерашняго вечера не было сказано ни слова, они какъ бы канули въ вѣчность, новидимому о нихъ и забыли; даже тотъ пальчикъ, съ котораго наканунѣ снято было обручальное кольцо, щеголялъ теперь двумя бриллиантовыми колечками.

Фаора, по просьбѣ Кэты, подошла къ одной изъ книжныхъ полокъ и достала требуемую книжку.

— Вѣдь не сама же Генриэтта хочеть читать? спросила она, не поворачивая головы.

— Конечно. Едва-ли д-ръ Брукъ позволилъ бы ей это... Тетупка-дьяконица желаетъ прочесть эту книгу, отвѣтила Кэта спокойнымъ, холоднымъ тономъ и взяла книжку.

Презрительная, насмѣшливая улыбка скользнула по губамъ Флоры, а въ глазахъ ея блеснулъ огонекъ досады, гнѣва... Конечно, она сочла за непростительную безтактность со стороны сестры произносить при ней эти пмена.

Кэта повернулась и пошла, но въ ту минуту, когда она отворяла дверь—ей пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ коммерціи совѣтникомъ.

Какимъ великолѣпнымъ явился г. ф. Рэмеръ! Онъ, можно сказать, сиялъ свѣжестью, хотя и былъ, видимо, очень взволнованъ.

— Останься, Кэта! крикнулъ онъ почти шутливо и растопырилъ руки, чтобы удержать ее.

— Я просто внѣ себя! Что стану говорить обо мнѣ, о моей безтактности?! Генриэтта больна при смерти, а я преспокойно устраиваю тутъ завтракъ, приглашаю гостей!..

— Ты, Флора, все еще враждебно относишься къ Бруку?

— А ты считаешь меня слабоголовой что ли? рѣзко возразила она. Полагаешь, что я способна мѣнять взгляды, какъ, напримѣръ, мѣняютъ платье?..

— Нѣтъ, совсѣмъ я этого не полагаю, но развѣ это не дерзость—идти на переکورъ всему образованному міру!..

— Мнѣ-то какое дѣло до міра?.. (Она вдругъ разразилась громкимъ смѣхомъ.) Всему образованному міру! передразнила Флора. Скажи мнѣ, пожалуста, какимъ это образомъ ты попалъ на такое сопоставленіе, связалъ міръ съ своимъ — достойнымъ сожалѣнія — protégé?..

Г. ф. Рэмеръ какъ-то странно покачалъ головой и взялъ ея за руку. Онъ такъ былъ удивленъ, что почти задышался.

— Постой!.. Вѣдь это-же невозможно! Развѣ ты еще не знаешь!..

— Ахъ, Господи! Да что-жъ мнѣ еще знать? нетерпѣливо перебила она, сердито сдвинувъ брови и слегка топнувъ ногой!..

Дверь быстро распахнулась и въ кабинетъ Флоры вошла президентша. На ней было простое шелковое платье, фіолетоваго цвѣта. Цвѣтъ-ли платья, или, вслѣдствіе вчерашней тревоги, дурно-проведенная ночь — только лицо генеральши было теперь особенно-желтымъ, оно какъ-то постарѣло, осунулось, а сама она казалась сильно-встревоженной.

Коммерціи совѣтникъ подошелъ къ ней и почтительно поцѣловалъ ея руку, причѣмъ сказалъ, что еще полчаса тому назадъ желалъ засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, но не былъ принятъ, такъ какъ она не вы-

ходила еще из своего будуара, гдѣ въ то время сидѣла фрейлина ф Барнекъ, пріѣхавшая съ визитомъ

— Да, добрая Барнекъ нарочно пріѣхала, чтобы выразить соболѣзнованіе свое по случаю болѣзни Генриэтты.

Генеральша въ изнеможеніи опустилась въ кресло. Въ самомъ дѣлѣ, въ голосѣ ея слышалось утомленіе, усталость, а движенія не были уже такъ непринужденно-граціозны, какъ прежде, не смотря на лѣта почтенной дамы.

— Впрочемъ, Барнекъ имѣла п еще причину навѣстить меня, снова заговорила она:—и эта-то вторая причина, конечно, была первой, стояла у ней на первомъ планѣ. Я вѣдь знаю Барнекъ: она принадлежитъ къ тѣмъ особамъ, которыя всегда хотятъ быть первыми относительно передачи такъ-называемой „доброй вѣсточкы“, причѣмъ онѣ вовсе не заботятся о сохраненіи придворныхъ тайнъ... Представьте себѣ, она пріѣхала поздравить меня (поздравить по секрету) со счастьемъ, которое выпало намъ!..

Президентша встала и скрестила руки.

— Но, Боже мой, какая дилемма! Я теряюсь, я, право, не знаю—плакать мнѣ или радоваться?.. Вѣдь это нѣчто такое безотрадное, грустное... Дворъ долженъ подавать хорошій примѣръ, а между тѣмъ именно при дворѣ-то оправдывается, подкрѣпляется старая поговорка о неблагодарности людской!.. Д-ръ Бэръ всю жизнь свою старался, трудился на пользу особъ, которымъ служилъ онъ, и вотъ, вдругъ теперь его обходятъ, поступаютъ съ нимъ такъ, какъ будто вѣрнаго, стараго слуги вовсе и не было никогда... Онъ еще такъ бодръ и тѣломъ, и духомъ, и все-таки ему хотятъ дать—отставку!?

— Такъ съ этимъ-то нарочно пріѣзжала поздравить тебя эта старая дѣва? воскликнула Флора съ досадою.

— Ну, само собою разумѣется, что не съ этимъ, милочка моя, отвѣтила генеральша, возвысивъ голосъ и подчеркивая слова. Странныя дѣла, Флора, творятся на свѣтѣ, Могла-ли-бы ты считать это возможнымъ еще часъ тому назадъ—Брука дѣлають гофратомъ и лейбъ-медикомъ фюрста!..

— О, нелѣпая сплетня! И чего, чего только не выдумаютъ эти праздные головы!.. Ха, ха! онѣ скоро стануть хватать звѣзды съ неба! засмѣялась Флора. Гофратъ и лейбъ-медикъ! И подобную-то чепуху ты, бабушка, выслушиваешь спокойно, позволяешь еще поздравлять себя съ этимъ?..

Она снова громко разсмѣялась.

— Н-ну, нечего сказать—отлично! воскликнулъ коммерціи совѣтникъ, всплеснувъ руками. Да неужели здѣсь, почти въ резиденціи, живутъ въ такомъ отдаленіи отъ всякой цивилизаціи, что даже газетъ не читають?.. Неужели вы, такъ-таки, ничего, рѣшительно ничего не знаете о томъ, что именно случилось, что такъ близко касается насъ?.. Вѣдь я ради только этого вернулся сюда днемъ раньше: радость не дала мнѣ покоя, подмывала летѣть домой... Всѣ газеты кричатъ о чудесной операци, совершенной Брукомъ въ Л*; въ Берлинѣ во всѣхъ кружкахъ только и толкують объ этомъ... Наслѣдный принцъ, штудирующий теперь въ Л*, упалъ вмѣстѣ съ лошадью и такъ сильно расшибъ себѣ голову, что ему грозила серьезная опасность, да такая, что ни одинъ докторъ не рѣшался приступить къ операци. Извѣстный профессоръ Г., и тотъ даже отказался, но онъ вспомнилъ, что въ послѣднюю войну Брукъ, какъ полковой врачъ, имѣлъ подобный же случай и, къ удивленію всѣхъ, счастливо сдѣлалъ операци: больной выздоровѣлъ. Послѣ этого Брука и вызвали телеграммой въ Л*...

— И ты думаешь, что это твоего Брука вызвали, твоего protégé? перебила Флора.

Она попробовала улыбнуться, но это у нея не вышло, потому что поблѣвшія губы какъ бы застыли, да

и красивое лицо ея, съ дерзкимъ выраженіемъ, вдругъ помертвѣло. .

— Ну-да, конечно, *моги* Брука! Я теперь съ гордостью называю его своимъ, подтвердилъ коммерціи совѣтникъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Рэмеръ ужасно какъ радовался такому счастливому обороту дѣла. Онъ, правда, давно ужъ пересталъ упрекать себя въ томъ, что умолчалъ о происшествіи на мельницѣ, происшествіи, почти уже позабытомъ. Страшный случай тотъ не тревожилъ его сна. Коммерціи совѣтникъ былъ истымъ сыномъ своего вѣка, настоящимъ эгоистомъ, который при рѣшеніи вопроса: „Онъ или я“? не станеть колебаться ни одной секунды—предпочтеніе должно быть отдано „я“... Какъ бы тамъ ни было, а весьма-весьма приятно, что все именно такъ случилось, и что Брукъ (Рэмеръ вѣдь предвидѣлъ это!), *благодаря только себѣ*, пробился впередъ, вышелъ на хорошую дорогу.

— А кромѣ того, продолжалъ коммерціи совѣтникъ, въ настоящее время одна брошюра его обратила на себя всеобщее вниманіе медицинскаго міра. Брукъ, въ брошюрѣ этой, вообще указываетъ на открытый имъ—совсѣмъ новѣйшій способъ совершать операци. Говорятъ, способъ этотъ имѣеть громадную важность... Теперь ужъ невозможно отрицать, не вѣрять, что Брука ожидаетъ, можно сказать, великая будущность!..

— Кто же повѣритъ-то этому? проговорила Флора какимъ-то сдавленнымъ голосомъ.

Въ каждой чертѣ лица ея видно было отчаяніе, досада, нетерпѣніе; она походила на игрока, который ставитъ на одну карту все, что имѣеть.

— Все это голословно, а восторженными фразами ты меня не убѣдишь... Тутъ или фамиліи перепутаны, или вся эта чудесная исторія выдуманна! закончила она.

При такомъ упрямомъ, настойчивомъ отрицаніи факта, наконецъ, и у коммерціи совѣтника лопнуло терпѣніе, а терпѣливость его въ отношеніи къ дамамъ, живущимъ съ нимъ подъ одной крышей, вошла даже въ поговорку... Онъ гнѣвно топнулъ ногой и отвернулся отъ Флоры.

Президентша стояла у стола и въ волненіи, нервночески барабанила слегка по столу своими бѣлыми, худощавыми пальцами. Безпокойный взглядъ ея былъ устремленъ на старшую внучку. Генеральша отлично видѣла, что должно было говорить въ настоящую минуту въ душѣ той, которая такъ постыдно ошиблась, оклеветала челоуѣка, прославляемаго теперь всѣми... Да, ужасный ударъ получила Флора, потеряла полное пораженіе, но именно въ такіи-то минуты благовоспитанная свѣтская дама и должна обнаружить находчивость, умѣнье свое держать себя.

— Ты упрямисься, Флора, и, конечно, это тебѣ не поможетъ, хладнокровно замѣтила президентша. Въ концѣ концовъ, должна же будешь повѣрить. Что касается меня, то я.. хотя и странно у меня на душѣ.. болѣе не сомнѣваюсь въ этомъ. Д—скій фюрстъ, братъ матери наслѣднаго принца, съ которымъ случилось несчастье. Онъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно радъ и счастливъ, что племянникъ его спасенъ... И это такъ, потому что вчера вечеромъ я сама видѣли на письменномъ столѣ Брука орденъ княжескаго Д—скаго дома.

— И объ этомъ ты говоришь мнѣ теперь только, бабушка?! воскликнула Флора, какъ безумная.—Зачѣмъ не сказала ты мнѣ этого еще вчера?.. Зачѣмъ ты это скрыла отъ меня?..

— Скры-ла?.. повторила генеральша съ такимъ гнѣвомъ, что голова ея начала слегка трястись. Съ старымъ челоуѣкомъ, если онъ сильно взволнованъ, это зачастую случается.—Какъ это дерзко! Желала бы я знать, что могло бы меня поудить скрывать это, держать втайнѣ?.. Развѣ одно только, что въ эти послѣдніе мѣсяца почти нельзя было произносить при тебѣ

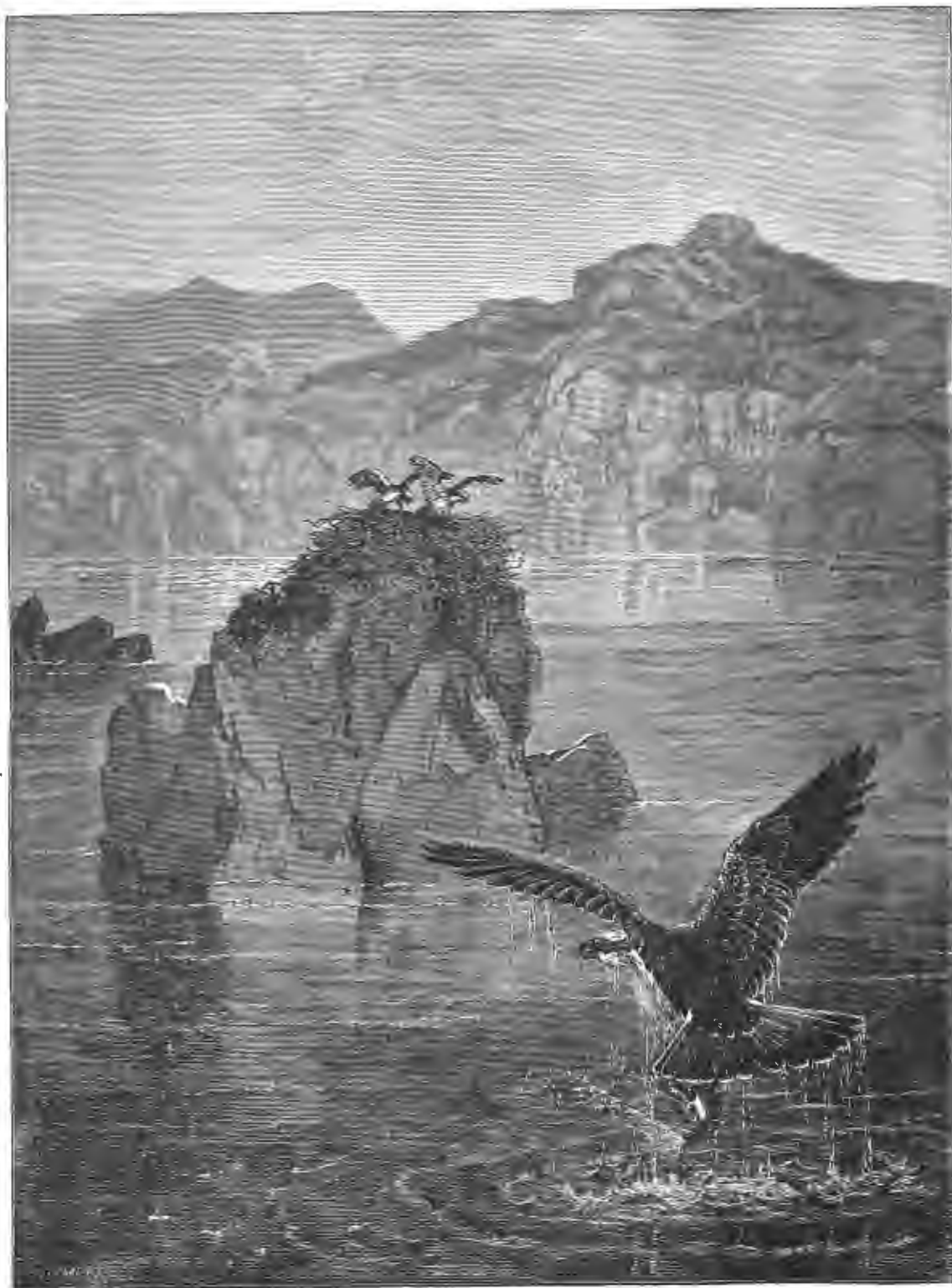
имени Брука... Дѣйствительно, я, по возможности, и избѣгала этого...

— Потому, что поведеніе-то мое было тебѣ совершенно по вкусу, *chère grand'mère*...

— О, пожалуйста!.. Нѣтъ, потому только, что мнѣ противно было присутствовать при вашихъ горячихъ

счетъ этого пропѣть тебѣ пѣсенку.. Что-жъ, развѣ и теперь ты не показала, какъ принимаешь извѣстіе, говорящее въ пользу Брука?..

А сильно должно быть была раздражена президентша, если она вмѣсто того, чтобы, по своему обыкновенію, уорно молчать о бывшихъ неприяностяхъ, сама

Рѣчная скопа (*Pandion haliaetus*). Рисов. Вольфъ, гравир. Гимперъ.

столкновеніяхъ... Вѣдь ты самая ожесточенная противница Брука; ты осуждала его строже, чѣмъ судили его самые недоброжелательные изъ его сотоварищей.. Малѣйшая попытка защитить его—каждый разъ вызываетъ бурю! Вѣднѣй Морицъ и Генріэтта могутъ на-

еще разъ, при свидѣтеляхъ, описала неприятое положеніе Флоры!..

Флора молчала. Она стояла у окна спиною къ присутствующимъ; судя по ея порывистому дыханію, можно было заключить, какъ тяжело она боролась съ собой.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, *когда-же* мнѣ было сообщить тебѣ объ этомъ? продолжала генеральша. Уже не вчера-ли, когда ты, вернувшись домой, только мелькнула въ гостинной, явилась, чтобы пожелать добраго вечера мнѣ и моимъ гостямъ? Не тамъ-ли, въ домѣ доктора, гдѣ намъ совсѣмъ не пришлось побыть наединѣ, и гдѣ бѣдная обстановка жилища жениха, повергла тебя въ самое дурное расположеніе духа?..

— Нѣтъ, въ униіе-то впадала ты, любезная бабушка.. Уже будь такъ добра—вспомни объ этомъ, а относительно меня ты преувеличиваешь.

Кѣта широко раскрыла свои честные каріе глаза.. Такъ нагло отпираться отъ своихъ словъ! Это удивило ее, въ ухахъ ея звучало еще проклятіе, вырвавшееся у Флоры, проклятіе на „ужасную трущобу“. Президентша разсердилась.

— Съ тобой трудно сговориться, знаю вѣдь я тебя!.. Ты вотъ постоянно толкуешь о своей суровой правдивости, и, несмотря на это, не прочь прибѣгнуть къ заpirationству тамъ, гдѣ это бываетъ тебѣ нужно!..

Проговоривъ эти слова, она довольно рѣзкимъ движеніемъ руки сдвинула съ мѣста лежавшую на столѣ рукопись, причемъ синія бумага, прикрывавшая тетрадь, соскользнула съ нея и обнаружила заглавный листъ, на которомъ пестрѣли „долговязыя каракульки“.

— А—а! Такъ *это* опять разгуливаешь по свѣту, прыгаетъ то туда, то сюда? спросила она, указавъ пальцемъ на тетрадь. Слова эти сказаны были такимъ тономъ, который доказывалъ, что почтенная дама, обладавшая мудрою умѣренностью, могла быть подчасъ извительной.—Я полагала, что сочиненіе это, наконецъ, уже успокоилось вонъ тамъ, подъ столомъ—въ корзинкѣ.. Однако, такая настойчивость въ предложеніи со стороны одного изъ членовъ моей семьи и постоянные отказы со стороны издателей-книгопродавцевъ—просто невыносимы для меня!.. Хотѣла бы я знать, чтобы ты заговорила, если бы кто-нибудь изъ насъ, хотя однимъ словомъ, обнаружилъ, что сомнѣвается въ твоихъ „удивительныхъ умственныхъ дарованіяхъ“? А вотъ тутъ ты позволяешь другимъ периодически, ежемѣсячно доказывать тебѣ..

— Бабушка, не горячись наапрасну!.. Вѣдь и ты можешь также легко ошибиться, какъ ошибаются нѣкоторые другія особы, перебила Флора, дрожа отъ гнѣва. Она мелькомъ взглянула на младшую сестру. Взглядъ этотъ былъ негодующій: вѣдь молодой дѣвушкѣ, еще вчера вечеромъ, пришлось услышать подобное же мнѣніе.—Ты, бабушка, не въ духѣ, потому что съ отставкой Бэра почти все теряешь при дворѣ.. Ну, чтожъ, собственно говоря, я и не осуждаю тебя за это; какъ тутъ не расстроиться, любезнѣйшая бабушка?.. Вѣдь Брукъ-то едва ли, согласится защищать твои маленькіе интересы предъ высокопоставленными лицами.. Легко можетъ быть, что онъ не сдѣлаетъ этого даже изъ любви ко мнѣ!.. И-да, тебѣ это, конечно, весьма неприятно, но я все-таки не вижу, почему же мнѣ то, бѣдной жертвѣ, за это расплачиваться?.. Теперь позволяю себѣ удалиться, чтобы выждать болѣе ясной погоды въ нашемъ жилищѣ.

Флора собрала разрозненные листки рукописи „Женщины“ и исчезла, какъ голубое облако, за дверью своей уборной.

— Удивительно, какъ она эксцентрична, заговорила президентша и вздохнула.—Отъ матери она не унаслѣдовала ни одной черты характера: та была олицетвореніемъ кротости, покорности.. Мангольдъ сдѣлалъ большую ошибку, такъ рано предоставивъ Флорѣ роль хозяйки въ домѣ, и я довольно много спорила, тогда, противъ этого, но всѣ слова мои брошены были на вѣтеръ. Ты, Морицъ, лучше всѣхъ знаешь, какимъ упрямымъ могъ быть Мангольдъ..

Кѣта повернулась и направилась къ дверямъ. Ко-

нечно, преждевременно сдѣлать Флору самостоятельной—это было для нея пагубно, этого и нельзя отрицать; но Кѣта не могла слышать, когда упрекали ее отца (и въ такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ) за то, что онъ, имѣя свои причины, не желалъ поставить хозяйкой у себя въ домѣ тещу свою.

Коммерціи совѣтникъ остановилъ молодую дѣвушку, взявъ ее за руку.

— Ты такъ блѣдна, Кѣта, ужасно серьезна, молчалива, сказалъ онъ. — Боюсь, что ты страдаешь, бѣдняжка..

Голосъ его звучалъ совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно..

— Да, она уже нѣсколько дней такая блѣдная, задумчивая, постѣшила замѣтить генеральша.. Знаю я, отчего это: Кѣта тоскуетъ по родинѣ. Не удивляйся, любезный Морицъ! Вѣдь она привыкла жить буржуазной, скромной жизнью.. Ну, тамъ ее боготворять, наконецъ, тамъ, въ этомъ укромномъ уголкѣ, все вертится около богачки—приемной дочери. Мы, при всемъ своемъ желаніи, не можемъ доставить ей этого, потому что ведемъ свѣтскую жизнь; характеръ и всѣ условія жита-бытѣ въ нашемъ кружкѣ совсѣмъ инаго рода.. Понятно, что ей тутъ не по себѣ, ей здѣсь тяжело.. (Президентша подошла къ Кѣтѣ и нѣжно погладила ее по щекѣ). Вѣдь я права, дитя мое?..

— Мнѣ очень жаль, но я должна сказать „нѣтъ“, г-жа президентша, отвѣтила Кѣта своимъ звучнымъ, твердымъ голосомъ, причемъ рѣшительно откинула голову, какъ бы отстраняя дальнѣйшія ласки. Меня тамъ не боготворять, и совсѣмъ не все вертится около „золотой рыбки“. (Она тихо, плутовски засмѣялась).. Ахъ, бѣдная „золотая рыбка“ чувствуетъ теперь сильнѣе, чѣмъ прежде, узду строгаго воспитанія!.. Меня за ошибки мои по хозяйству, прощаютъ не такъ легко съ тѣхъ поръ, какъ я стала богатой наслѣдницей.. Что же касается, аристократическихъ условій жизни вашего кружка, то они вовсе не такъ угнетаютъ меня, не такъ чужды мнѣ, какъ вы думаете. Министръ-канцлеръ ф. Б. принадлежитъ къ числу избранныхъ, составляющихъ небольшое общество по вечерамъ въ домѣ моихъ приемныхъ родителей. Правда, гостиная наша такъ мала, что въ ней нельзя разставить карточныхъ столовъ, но за то нѣкоторые профессора академіи, друзья доктора, почитываютъ у насъ интересные вещи..

Частенько посѣщаютъ насъ музыкальные знаменитости, ну, и мы тогда безмятежно, весело музыканимъ, хотя пианино мое пренюхенькое!

Кѣта опять усмѣхнулась, и что это была за прелестная, веселая, молодая улыбка, однако на этотъ разъ нельзя было не замѣтить отѣнка сарказма въ ней.. Дѣйствительно, молодая дѣвушка обладала „задорной жилкой“.

— Я, Славу Богу, такъ воспитана, что тоскѣ по родинѣ не дамъ властвовать надъ собой (тутъ она обратилась къ коммерціи совѣтнику), если, напримѣръ, буду сознать въ то-же время, что присутствіе мое гдѣ-нибудь необходимо.. О, не пугайся, Морицъ! Не тамъ.. Напротивъ, позволь мнѣ остаться здѣсь на неопредѣленное время—ради Гвэрлетты!

— Боже мой! Да вѣдь это и мое единственное желаніе! Я хочу, чтобы ты осталась тутъ! воскликнулъ Рэмеръ такъ пылко, что это даже удивило молодую дѣвушку.

Генеральша снова очутилась у стола и теперь усердно занялась перелистываніемъ какой то книги. Глаза ея такъ задумчиво слѣдили за каждой страницей, она, казалось, такъ углубилась въ это занятіе, что не слышала, не видѣла ничего кругомъ.

— Ну, само собою разумѣется, ты пробудешь тутъ столько времени, сколько сама пожелаешь, моя милочка, проговорила она спокойнымъ тономъ, не отрывая

глазъ отъ книги. — Только пребываніе твое здѣсь никакъ не должно имѣть и тѣни самопожертвованія. Уже противъ этого мы рѣшительно возстаемъ! Нанни отлично ухаживаетъ за нашей больной, да кромѣ того я и своей горничной приказала помогать по ночамъ Нанни, если помощь ея понадобится тамъ... Поэтому ты могла бы спокойно оставить Генріэтту.

— Да это все равно, дражайшая бабушка! Какая-бы не была тамъ причина—довольно и того, что Кэта хочетъ остаться съ нами, живо заговорилъ коммерціи совѣтникъ. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ дѣвушки... Онъ видѣлъ, что ее ничѣмъ не разубѣдишь, не заставишь никакими мягкими словами отказаться отъ развѣ принятаго рѣшенія. — Знаешь-ли, вѣдь я, радостно предчувствуя, что ты остаешься здѣсь, дитя мое, велѣлъ выслать сюда новый рояль—и какой рояль! (Рэмеръ восторженно, звучно поцѣловалъ кончики пальцевъ правой своей руки.) — Кэта, ты получишь такой инструментъ, въ сравненіи съ которымъ здѣшній—просто баладайка!... Да, я такъ и распорядился, чтобы его выслали прямо сюда.

— Но, Морицъ, вѣдь я совсѣмъ не то хотѣла сказать... Ты меня не понялъ! откровенно воскликнула молодая дѣвушка, слѣлавъ большіе испуганные глаза... Сохрани меня Боже! Дрезденъ—это моя настоящая родина, онъ былъ и будетъ моимъ роднымъ краемъ, а тутъ, на виллѣ Баумгартенъ, я только—въ гостяхъ!... (Она такъ звонко, шаловливо разсмѣялась). Неужели-же мнѣ тоскать за собою, въ видѣ багажа, этотъ рояль?!

— Лшчу себя надеждой, что ты когда-нибудь иначе будешь думать о Дрезденѣ, произнесъ коммерціи совѣтникъ, улынувшись особенно тонко, выразительно... Инструментъ завтра прибѣдетъ сюда и будетъ стоять пока въ твоей комнатѣ.

Президентша захлопнула книгу и положила на нее свою узкую, бѣлую руку.

— Ты, Морицъ, дѣлаешь распоряженія, которыя противорѣчатъ нашему уговору, замѣтила она повидному хладнокровно. — Эго ставитъ меня, правда, въ очень затруднительное положеніе, но я охотно покоряюсь этому... Сегодня-же напишу баронессѣ Штейнеръ, чтобы она въ маѣ мѣсяцѣ не прѣзжала сюда, какъ я условилась прежде съ ней...

— Но я не вижу причины, почему...

— Потому, что гдѣ же мы тогда помѣстимъ ее? Мѣста небудетъ, любезный другъ. Комната Кэты предназначалась гувернанткѣ, которую она хотѣла привезти съ собою...

Коммерціи совѣтникъ пожалъ плечами.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится сожалѣть объ этомъ, но... само-собою разумѣется, опекаемая мною останется тамъ, гдѣ именно она остается.

Онъ возражалъ ей! Онъ дерзнулъ смотрѣть хладнокровно, спокойно въ гнѣвно-сверкавшіе глаза, возмущенной почтенной дамы, и осмѣлился найти естественнымъ, чтобы г-жа баронесса Штейнеръ уступила... Кэтѣ??.. И это—онъ, который, прежде готовъ былъ перевернуть все вверхъ дномъ, чтобы угодить, который, всѣмъ жертвовалъ, ничего не жалѣлъ, когда дѣло шло о приглашеніи сюда знатныхъ особъ! Наружный доскъ, пріобрѣтенный имъ (благодаря тому, что онъ потерялся въ избранныхъ кружкахъ общества), разомъ внезапно сошелъ съ него—и вотъ, неуклюжая, пошлая натуршка выскочки совершенно обнаружилась... Да, вѣдь онъ самъ теперь принадлежитъ къ дворянскому сословию, притомъ же онъ куда богаче большинства новыхъ своихъ братьевъ-дворянъ (на дняхъ еще удалось собрать обильную золотую жатву...)—значитъ, г. ф. Рэмеръ могъ, съ вызывающимъ видомъ, похлопать по своему карману... Ну, онъ это и дѣлалъ теперь!...

Президентша закусила губы и процѣдила:

— Я немедленно сдѣлаю нужныя распоряженія (она приподняла шлейфъ, собираясь уйти, и прибавила съ горечью, повернувъ голову и высоко вздернувъ брови), но... признаюсь—положеніе, въ которое я поставлена... безъ всякой вины съ моей стороны... вовсе незавидное!...

— И это все изъ-за меня?!.. вскрикнула Кэта и, съ протянутой рукой, шагнула къ президентшѣ, чтобы остановить ее.—Морицъ, вѣдь ты же это не серьезно говоришь?... Да?... Неужели мнѣ, молодой дѣвушкѣ, приходится вытѣснять друзей г-жи президентши?... Нѣтъ, этому не бываетъ. Развѣ нѣтъ у меня собственнаго дома?... Вотъ, какъ только пріѣдетъ г-жа ф. Штейнеръ—я тотчасъ же переберусь на мельницу.

— Ты этого не сдѣлаешь, моя милая Кэта. Я рѣшительно протестую противъ такого намѣренія съ твоей стороны, возразила президентша особенно важно—холоднымъ тономъ. Все высокомеріе, присущее этой гордой, свѣтской барынѣ, теперь рѣзко обнаружилось въ ея глазахъ.—Право, у меня уже слишкомъ много терпимости... Твоя покойная мать не имѣла причины жаловаться на недоброжелательность съ моей стороны, но такая тѣсная связь между виллою и мельницей, такое развязное, свободное хожденіе *туда* и *обратно*—все-таки въ душѣ для меня противны... И я тѣмъ менѣе желала-бы подвергать подобный порядокъ вещей рѣзкой критикѣ моей строгой пріятельницы... (Она надменно тряхнула головой). Морицъ, ты найдешь меня въ голубомъ салонѣ, если пожелаешь представить мнѣ своихъ гостей. Проговоривъ эти слова, генеральша удалилась.

Коммерціи совѣтникъ, выждавъ, пока шелестъ шелкового платья не затихъ и услышавъ, какъ захлопнулась слѣдующая дверь (довольно таки сильно она хлопнула)—презрительно вытянулъ верхнюю губу и тихо засмѣялся.

— Вотъ тебѣ, Кэта, и урокъ! воскликнулъ онъ... Н-да, эти бархатныя лапки имѣютъ скрытые острые когти!... Ахъ, умѣетъ царапать эта старая кошка!... Я, бѣдный простофиля, могъ-бы показать довольно таки царининъ, но... слава Богу, пришелъ конецъ и ея царствію... Она дожила до самаго худшаго въ своей жизни: она становится неопасной. Съ отставкой Бэра, госпожа президентша теряетъ значеніе свое при дворѣ, да и въ обществѣ.. (коммерціи совѣтникъ весело потираетъ руки отъ невыразимаго удовольствія).—Послушай, милочка моя, не уступай ты имъ ни на югу! Ты имѣешь больше правъ *здѣсь*, чѣмъ всѣ эти вмѣстѣ... замѣть себѣ это!... Я говорю.

Но ему помѣшали: вошелъ лакей и доложилъ, что гости ожидаютъ господина коммерціи совѣтника. Они уже въ бель-этажѣ.—Рэмеръ поспѣшно взялъ шляпу и хотѣлъ было подать Кэтѣ руку, но молодая дѣвушка, въ смущеніи, успѣла проскользнуть въ корридоръ. Господинъ опекунъ, съ странною какою-то нѣжностью въ тонѣ и манерахъ, вовсе не нравился ей... Его холодныя дѣловыя письма были ей гораздо пріятнѣе. Да и вообще, какъ онъ удивительно весь перемѣнился!.. Тутъ Кэта невольно вспомнила о пріемѣ, оказанномъ ей въ этомъ домѣ, и такъ еще недавно... Ей слышался еще боязливый шопотъ коммерціи совѣтника, когда коммерціи совѣтникъ напоминалъ ей о той почтительности, съ какою она должна относиться къ президентшѣ—и вдругъ теперь онъ самъ дѣлаетъ непочтительныя гримасы за спиной генеральши и начиняетъ пренебрежительнымъ образомъ обрѣзывать власть ея въ этомъ домѣ, власть до сихъ поръ дѣйствительно неограниченную... Все это пугало молодую дѣвушку, казалось ей непонятнымъ, даже страшнымъ, какъ и эта темноврасная комната съ своимъ спертымъ воздухомъ, архивною пылью... Кэта свободнѣе вздохнула въ корридорѣ и, оставивъ виллу, направила свои шаги къ «домику надъ рѣкой».

(Продолженіе будетъ).

Невольничій рынокъ. Картина Цезаря Даль-Аква. Гравир. Р. Рихтеръ.

РЪЧНАЯ СКОПА.

(PANDION HALIACTUS.)

На прилагаемом рисунке (стр. 263) изображено семейство рѣчной скопы, принадлежащей къ орлиной породѣ и составляющей, въ строгомъ смыслѣ, переходъ отъ орловъ къ коршунамъ. Хищная птица эта избираетъ для себя мѣстности, самыя дикія и уединенныя по берегамъ рѣкъ и озеръ, изобилующихъ рыбью, и гнѣздится преимущественно, на высокиихъ и неприступныхъ деревьяхъ, или чаще на скалахъ, выступающихъ изъ воды озера или рѣки. Дикія и недоступныя скалы, составляютъ самое любимое жилище этой птицы, по той простой причинѣ, что любимая и единственная пища скопы, у самаго ея жилища, плаваешь предъ ея глазами и соблазнительно манитъ ее на ловлю. Рѣчная скопа, (Pandion Haliactus) весьма характерна, какъ по своей формѣ и смѣлой, даже дерзкой осанкѣ, такъ и по оригинальному образу жизни. Походя, во многихъ чертахъ, на орла, она и называется нерѣдко *воднымъ* или *рѣчнымъ орломъ*. Туловище рѣчной скопы небольшое, но крѣпко сложено, а крылья длинны, такая длина ихъ способствуетъ быстрымъ истребительнымъ полетамъ, причемъ умная птица, выходя изъ своего пепелища на рыбную ловлю, чтобы не испугать рыбы, дѣлаетъ самыя разнообразныя эволюціи, то быстро кружится надъ водою, то паритъ на значительной высотѣ, то плавно и пѣжно какъ бы стелется въ воздухъ; но замѣтивъ рыбу, бросается на нее стремглавъ и всегда въ косвенномъ направленіи, поражая свою жертву съ быстротою молніи, и впиваясь въ нее или острыми клювомъ или сильными когтями. При крѣпости ногъ скопы и неимоверномъ развитіи силъ въ ея лапахъ, снабженныхъ въ высшей степени подвижнымъ, и вращающимся взадъ и впередъ большимъ пальцемъ, пойманная жертва рѣдко ускользаетъ.

Висмотрѣвъ плавающую рыбу, скопа уже заранѣе расправляетъ свои когти, зорко слѣдитъ за нею и оглашаетъ воздухъ радостными криками; затѣмъ, какъ уже мы замѣтили выше, стремительно спускается въ воду и, схвативъ жертву за спину когтями, также быстро поднимается изъ воды и уже тогда зажимаетъ рыбу обѣими лапами, какъ желѣзными клещами; по этому башкиры и дали этой птицѣ весьма вѣрное названіе, «желѣзнаго когтя». Когда скопа поднимается изъ рѣки, то вода краснуется съ перьевъ серебряными струями, которыя, при отряхиваніи п възмахахъ крыльевъ, разсыпаются безчисленными брызгами бриллиантоваго дождя, играющаго всеми цвѣтами радуги отъ блѣдно-фіолетоваго до темно-краснаго. Надо видѣть, какъ красива бываетъ эта птица при роскошно-распушенномъ, въ видѣ вѣера, хвостѣ. Ловлю рыбы скопа никогда не производитъ при туманѣ или ненастной погодѣ, довольствуясь въ это время припрятанными запасами своего хозяйства, но едва яркій лучъ утренняяго солнца озолотитъ поверхность озера или рѣки и заснутой въ водѣ сверкающія серебрястыя рыбы, скопа уже радостно разсѣкаетъ воздухъ своими мощными крыльями. Часто, однакоже, скопа и сама попадаетъ въ бѣду, и даже погибаетъ, не желая, по крайней жадности своей, ни въ какомъ случаѣ выпустить пойманной рыбы, которая, при большой тяжести, опускается на дно, увлекаетъ за собою и своего смертельнаго врага, и хищникъ такимъ образомъ тонетъ, дѣлаясь, въ свою очередь, пищею для рыбъ, раковъ и другихъ водяныхъ обитателей. Иногда же, осиливъ тяжеловѣсную рыбу, она съ трудомъ доноситъ ее до берега или до скалы и тамъ, положивъ на землю, терзаетъ ее своимъ клювомъ, но никогда не бѣтъ головы (за исключеніемъ глазъ), внутренностей и хвоста, явно пренебрегая ими, какъ невкусною пищею. Небольшихъ рыбъ она уноситъ обыкновенно въ самое дикое и уединенное мѣсто, чтобы съѣсть одной и никакъ не подѣлиться. Только дѣтеныши для чувствъ нѣжной матери составляютъ исключеніе: имъ она радостно несетъ свою добычу, раздираетъ ее клювомъ и когтями, и заботливо дѣлитъ между ними. На прилагаемомъ рисункѣ мы видимъ двухъ молодыхъ птицъ, ожидающихъ на окраинѣ скалы свою мать, въ чаяніи получить отъ нея лакомую

пищу. На сколько грознымъ врагомъ является скопа для рыбы, на столько же она безонастна для разныхъ животныхъ и птицъ; даже пугливыя утки и куры нисколько не боятся ея сосѣдства, вѣроятно понимая, что птица эта, кромѣ рыбы, гнѣшается всякою другою пищею. Кротость скопы къ другимъ пернатымъ кажется даже странною; такъ, напримеръ, ея неприкрытыми врагами являются весьма не храбрыя птицы, какъ вороны, трясогузки, ласточки, и скопа, хотя бы, по сламъ своимъ, могла легко уничтожить враговъ своихъ, но она какъ-будто теряется, и старается отдѣлаться отъ нихъ мирно или даже просто обращается въ бѣгство. Но злѣйшими врагами ея считаются бѣлые американскіе орлы и коршуны паразиты. Какъ первые, такъ и вторые, хотя и любятъ рыбу, но, по лѣности своей, не очень жалуютъ трудную и утомительную охоту, предпочитая жить на чужой счетъ и бѣтъ уже готовую пищу; по этому и орлы и коршуны обыкновенно подстерегаютъ скопу, сидя гдѣ нибудь на деревѣ или на камнѣ и едва замѣтятъ ее съ палочкой добычей, тотчасъ же бросаются на нее и мучатъ до тѣхъ поръ, пока она, потерявъ послѣднія силы въ борьбѣ за лакомый кусокъ, добровольно сама выпускаетъ изъ когтей рыбу и волею-неволею отправляется вновь на свой промыселъ. Впрочемъ и скопа не прочь подѣ часъ насладиться пріятною дѣлью, если ей удастся какъ-нибудь промыслить безъ труда заблудшаго въ береговой тинѣ угря или другую рыбу, неосторожно выпрыгнувшую изъ воды; тогда она проводитъ день среди своего семейства, не пускаясь на свою обычную охоту.

Цвѣтъ перьевъ скопы бурый съ бѣлой и узкой каемкой на каждомъ перѣ, глаза ярко-желтые, кожа на головѣ матовая, свинцоваго цвѣта, а клювъ и когти блестящаго чернаго. Скопа распространена по всей Европѣ, живетъ также во многихъ рѣчныхъ и озерныхъ мѣстностяхъ Азіи; по особенно многочисленна въ сѣверной Америкѣ, избирала своимъ мѣстообитаніемъ самыя уединенныя уголки на скалахъ мѣстныхъ рѣкъ и озеръ. Гнѣзда свои вьетъ въ разщелинахъ скалъ изъ самыхъ крѣпкихъ древесныхъ вѣтвей, устилая ихъ мягкими растеніями и по преимуществу мохомъ. Въ маѣ мѣсяцѣ птицы кладутъ въ гнѣздахъ свои яйца, числомъ не болѣе трехъ. Яйца эти крупны и притомъ очень красиво испещрены кирпично-красными пятнами по свѣтло-свинцовому фону. Образъ жизни скопы чисто кочевой, зависящій отъ увеличенія или уменьшенія рыбы въ данной мѣстности.

Въ Германіи сильно преслѣдуютъ эту птицу и постоянно разоряютъ ея гнѣзда, потому что она является чистымъ бичемъ рыболововъ, истребляя рыбу рѣкъ въ громадномъ количествѣ, даже прогоняя ее этимъ изъ однихъ рѣкъ и заставляя эмигрировать въ другія; кромѣ того зоркая скопа отлично умѣетъ подмѣтить и подстеречь наловленную рыбаками рыбу и, пользуясь оплошностію, налетаетъ цѣлою стаею и истребляетъ все, такъ что рыбаки, проснувшись, конечно, не такъ рано, какъ скопа, видятъ нерѣдко уничтоженными труды нѣсколькихъ дней.

Скопа чрезвычайно осторожна и поймать ее живую весьма трудно; но люди все-таки ухитрились ловить ее посредствомъ канкановъ, разставляя ихъ подѣ водою и помѣщая приманкою какую-нибудь довольно крупную живую рыбу. Видѣть пойманную скопу въ клѣткѣ удается очень рѣдко, потому что попасть въ неволю, она скоро отъ тоски лишается жизни. Недавно въ Гамбургскомъ зоологическомъ саду показывалась плѣнная скопа, но она, не взирая на природное проворство и обычную свою смѣлость, была очень грустна сидѣла въ клѣткѣ смиренно, не издавая даже голоса и не обращая нисколько вниманія на сторожей, ухаживавшихъ за нею. Жизнь ея замѣтно угасала съ каждымъ днемъ и невольница зачала соевѣтъ, такъ что чрезъ три мѣсяца, со дня заключенія, птица найдена была уже въ клѣткѣ мертвою.

НЕВОЛЬНИЧІЙ РЫНОКЪ.

Рабство узаконено въ Турціи. Книга «Хедалъ» содержитъ въ себѣ всѣ уложенія по этому предмету, основанныя на указаніяхъ корана. Тутъ опредѣляется власть господина надъ рабомъ, способы, посредствомъ коихъ рабы могутъ получить свободу и перечислены существующіе по этому предмету «адеты» и обычаи.

Рабомъ дѣлается каждый военноплѣнный, при чемъ онъ принадлежитъ тому, кто первый до него дотронулся. Пяту часть прибыли отъ торговли военноплѣнными получало правительство, остальная часть шла на награды въ арміи. Рабами были также всѣ негры—не мусульмане и всѣ бѣлые рабы—грузины и черкесы, ихъ дѣти и вообще дѣти негровъ и всѣхъ, которые были рабами.

Недалеко отъ мечети Султана Османа въ Константинополѣ, до сихъ поръ существуетъ такъ-называемый «Эгиръ-базаръ» (горъ рабами). Въ прежнее время послѣ каждой войны этотъ рынокъ былъ заваленъ товаромъ. Трактаты, вынужденные Европою, помогли немного. Въ 30-хъ годахъ корабли Порты выгружали тысячи женщинъ и дѣтей съ Архипелажскихъ острововъ и изъ Пелопонеза.

Теперь торговля женщинами производится тайно. Мусульмане разумѣется хорошо знаютъ, гдѣ можно купить бѣлыхъ, гдѣ черныхъ женщинъ. Кварталь «Топъ-Хане» особенно извѣстенъ въ этомъ отношеніи и многіе купцы производили тамъ и производятъ эту выгодную торговлю.

Количество дѣвушекъ, привозимыхъ съ Кавказа въ иной годъ

доходить до цифр 2500—3000. Изъ нихъ $\frac{1}{4}$ назначалась собственно для Константинополя.

Базары невольниковъ еще существуютъ кое гдѣ въ Азіатской Турціи. Предлагаемый рисунокъ, съ картины одного извѣстнаго художника, представляетъ одинъ изъ такихъ рынковъ. Но плѣнныя красавицы сидятъ обыкновенно не на виду, а въ галлерей которой рѣшотки довольно удобны, чтобы видѣть изъ-за нихъ предлагаемый товаръ. Кромѣ того, по свидѣтельству путешественниковъ, здѣсь продаются преимущественно гаремныя служанки или невольницы, подурившія вслѣдствіе болѣзни. Вообще же, какъ мы сказали, это дѣлается втайнѣ.

Купцы, узнавъ цѣны на женщинъ въ Стамбулѣ, выторговываютъ, въ разныхъ мѣстахъ, у родителей дѣвочки лѣтъ 10—14 покрасивѣе или мѣняютъ ихъ на оружіе, порохъ и платѣ. Цѣна на обыкновеннымъ рабынямъ-негритянкамъ на базарѣ бывала отъ 1,500—2,000 пиастровъ. Бѣлыя рабыни доходили иногда и до 15,000—45,000 тыс. пиастровъ. Такія рѣдко попадаютъ на базаръ, развѣ послѣ смерти какого-нибудь паши распродаются его гаремъ.

Не всѣ дѣвочки, конечно, съ грустью и отчаяніемъ покидаютъ своихъ и родину. Ихъ увѣряютъ, что они будутъ султаншами и проч. Купцы содержатъ ихъ, уже изъ расчета, хорошо и чтобы потомъ имѣть въ нихъ заступницъ передъ вельможами, къ которымъ они могутъ попасть, чуть не заискиваютъ въ нихъ.

Художникъ на нашемъ рисункѣ и подмѣнилъ эту черту—кокетство. Кокетство «товара»! Торгъ этотъ развращаетъ и покупающихъ и продаваемыхъ.

«Разъ въ 1862 году, рассказывалъ составителю настоящей статьи одинъ консулъ, во время пребыванія въ Стамбулѣ, пожелалъ я видѣть, какъ производится продажа женщинъ. Въ обществѣ нѣсколькихъ лицъ, знакомыхъ съ мѣстной жизнью, въ день рамазана (поста) въ Галагѣ зашли мы въ одинъ турецкій домъ, гдѣ намъ и показали шесть молодыхъ дѣвушекъ

отъ 13—15 лѣтъ, которыхъ хозяинъ ихъ предложилъ купить. Онъ говорилъ, что онѣ грузинки и черкешенки. Двѣ изъ нихъ были красивы, но не вполне развиты. Остальныя были даже нехороши собою. Всѣ онѣ были очень веселы, болтали и смѣялись. Намъ перевели, что онѣ очень рады, что ихъ наконецъ покупаютъ. Одна дѣвочка только, съ тонкими и изящными чертами личика и черными прекрасными глазами, была грустна и молчалива. Хозяинъ велѣлъ имъ танцовать. Одна взяла въ руки барабанчикъ, другая какой-то инструментъ въ родѣ итальянской мандолины. Мы просили не заставлять дѣвочекъ плясать, на что хозяинъ согласился очень неохотно. Онъ увѣрялъ, что онѣ всегда танцуютъ и показываютъ гостямъ все, чему научились. Особенно хвалилъ онъ молчаливую дѣвочку, говоря, что она «*во снѣ не говоритъ, хорошо поетъ и любитъ купаться какъ утка*»...

Этотъ ужасный, варварскій обычай еще существуетъ среди мусульманъ, противъ гнета которыхъ такъ борются наши несчастные соплеменники — христіане. Несчастныя плѣнницы, вырываемыя изъ своихъ семей варварами, могли бы рассказать много ужасныхъ, кровавыхъ исторій... Сколько тысячъ семей захвачены въ плѣнъ, когда гроза разразилась надъ Мореей, Кандіей, Хиосомъ! А теперь! Какія ужасныя картины людскаго горя, отчаянія, насилія, безчеловѣчія и самоотверженія — униженія женщинъ и героизма нашихъ несчастныхъ братьевъ! — все это залито волнами крови и озарено заревомъ пожаровъ!..

Рынокъ—это широкій неправильный дворъ (какъ изображено на рисункѣ). Кругомъ построены лодки, закрытыя рѣшотками, за которыми и сидятъ женщины. Налѣво дѣти и взрослые невольники, протягивающіе руки въ горѣ и въ отчаяніи къ пораженнымъ этою картиною европейцамъ-путешественникамъ. Впереди женщинъ справа, стоитъ важный купецъ. Характерная сцена изъ жизни Имперіи, которую такъ долго поддерживали ея европейскіе друзья, теперь, кажется, въ ней разочаровались.

НОВЫЯ ИЗОБРЕТЕНІЯ.

Пловучая грузоподъемная машина испанскихъ размѣровъ въ Нью-Йоркѣ.

При постройкѣ гавани въ Нью-Йоркѣ, требуется поднимать и опускать значительныя тяжести. Такъ, напр., при постройкѣ набережной на берегахъ North River'a, опускаютъ теперь на дно рѣки рядами огромныя блоки бетона (гидравлическаго цемента, смѣшаннаго съ хрящемъ), вѣсомъ отъ 80 до 90 тоннъ. Для доставленія и укладки подобныхъ массъ требуются, разумѣется, въ значительномъ количествѣ, различныя грузоподъемныя машины; на верфяхъ и въ мастерскихъ употребляютъ при этомъ въ дѣло разные какъ неподвижныя, такъ и пловучія машины. Самую большую изъ этихъ послѣднихъ машинъ, имѣющую силу въ 100 тоннъ, изображаетъ нашъ рисунокъ. На плоту, имѣющемъ видъ квадрата, возвышается пирамидальная желѣзная постройка, которая содержитъ котель, паровую машину и все остальное, необходимое для приведенія машины въ дѣйствіе. Поперекъ пирамидальной верхушки находится горизонтальный желѣзный рычагъ, правая половина котораго содержитъ рельсовый путь, по которому двигается возокъ, снабженный необходимыми приспособленіями для подъема тяжести. Эта правая сторона соединена многочисленными рычагами съ колонной, находящейся на верхушкѣ пирамиды; отъ этой колонны идутъ еще другіе рычаги къ лѣвой сторонѣ, которые, въ свою очередь, соединены съ фундаментомъ машины посредствомъ канатовъ. Эта паровая машина, не смотря на свои громадные размѣры, представляетъ полную безопасность и, не говоря уже о выгодахъ, представляемыхъ ей примѣненіемъ, передвиженіе, управленіе, установка и ремонтъ ея чрезвычайно удобны.

НОВЫЙ САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ АППАРАТЪ ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЫЯ (WOODWARD'S THE FOUNTAIN CLOTHES-WASHER.)

Этотъ новый, изъ Америки вывезенный и въ въ странѣ этой весьма распространенный, изобрѣтенный Удвардомъ аппаратъ для стирки бѣлья, заслуживаетъ особенное вниманіе нашихъ хозяекъ. Конструкция его чрезвычайно простая. Достаточно котелокъ этотъ, съ грязнымъ бѣльемъ, наполнивъ надлежащимъ количествомъ холодной воды, мыла и золы, оставить на огнѣ въ продолженіи одного только часа, чтобы достигнуть въ это время такихъ результатовъ, которые, при другомъ способѣ стирки, потребовали-бы, въ продолженіи цѣлаго дня, не менѣе четырехъ рукъ. При употребленіи этого аппарата бѣлье не подвергается какой-либо порчѣ, ибо при этомъ не нужно прибѣгать ни къ какимъ химическимъ средствамъ; вода, мыло и паръ суть единственные факторы аппарата Удварда. Бѣлье, все равно состоитъ-ли оно изъ тончайшихъ кружевъ или изъ самой

грубой шерстяной матеріи, требуется, послѣ варки въ этомъ котелкѣ, сполоснуть одинъ только разъ, выжать и затѣмъ повѣсить его для просушки. Сбереженіе времени и труда, при употребленіи этого новаго аппарата, чрезвычайно значительны. Цѣна его не выше цѣны, существующихъ на подобные предметы, находившіеся въ употребленіи до сихъ поръ, и значительно ниже цѣны на машины для стирки бѣлья, которыя сверхъ сего, при дурномъ или неумѣломъ обращеніи съ ними, скоро портятся и дѣлаются негодными къ употребленію.

Аппаратъ Удварда готовится или изъ луженой жести, или изъ мѣди и снабженъ внизу металлическимъ кружкомъ, въ видѣ рѣшета, въ которомъ сдѣланы отверстія, способствующія проникновенію пара въ бѣлье, въ то время какъ кипитокъ, при помощи трубокъ, прикрѣпленныхъ къ этому рѣшету, быстро распространяется по бѣлью. Передъ стиркой, на дно котла, вынувъ предварительно металлическій кружокъ, кладутъ, сообразно величинѣ котла, около $\frac{1}{4}$ ф. мыла, искрошеннаго на мелкіе куски; затѣмъ снова кладутъ металлическій кружокъ и наливаютъ въ котелокъ столько холодной воды, чтобы послѣдняя на два или на три пальца находилась выше кружка. За недостаткомъ мягкой, можно употреблять твердую воду, но примѣшавъ къ ней предварительно немного соды; воды въ большемъ, чѣмъ сказано, количествѣ наливать въ котель не слѣдуетъ; равнымъ образомъ послѣдній долженъ быть наполненъ грязнымъ бѣльемъ до $\frac{2}{3}$ своей величины. Грязное бѣлье, смоченное накачуемъ въ мягкой, холодной водѣ и достаточно намыленное, кладутъ въ котель, снабженный водой и мыломъ, и при томъ по одиночкѣ, плоско, одно на другое, такъ чтобы оно плотно прилегало къ краямъ когда и мѣшало-бы кипитку подниматься въслѣдствіи вдоль краевъ. Затѣмъ, котель покрываютъ крышкою и даютъ кипѣть бѣлью цѣлый часъ, начиная съ той минуты, когда вода начнетъ закипать. Въ продолженіе этого времени необходимо наблюдать, чтобы вода безпрерывно кипѣла и не слѣдуетъ, безъ особой нужды, снимать крышки съ котла. По прошествіи часа, грязь изъ бѣлья отдѣляется и его нужно только промыть немедленно одинъ разъ въ горячей водѣ, которую слѣдуетъ переменять почаще. Сполоснувъ, обычнымъ образомъ, бѣлье въ холодной водѣ, можно приступить къ выжиманію его. На этотъ предметъ рекомендуемъ испытанную и оказавшуюся чрезвычайно цѣлесообразною и практичною машину для выжиманія бѣлья.

Если одновременно со стиркой желательно соединить и бѣленіе бѣлья, то слѣдуетъ опустить въ воду, находящуюся въ котлѣ, стовую ложку буры, въ видѣ порошка. Фланелевыя и другія толстыя шерстяныя матеріи могутъ быть опущены въ котель тогда, когда вода уже закипитъ и въслѣдствіи промываются одинаковымъ способомъ въ горячей водѣ; бѣлье изъ цвѣтныхъ матерій слѣдуетъ класть въ котель отдѣльно, а не вмѣстѣ съ бѣлымъ бѣльемъ. Въ случаѣ, если краски матеріи линючія, то аппаратъ Удварда не слѣдуетъ употреблять въ дѣло.

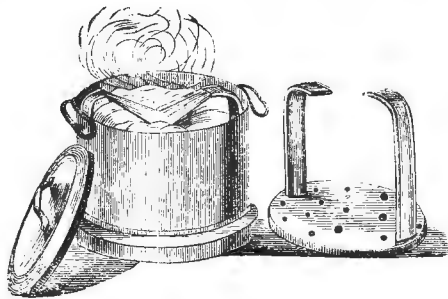
Какъ новый аппаратъ Удварда для стирки бѣлья, такъ и по-

манутую выше машину для выжиманія онаго, различныхъ величинъ, можно получать въ механическомъ магазинѣ И. Э. Милька, находящемся въ Большой Морской улицѣ, въ домѣ подъ № 39, въ С.-Петербургѣ.

Пистолетъ Попэ, дѣйствующій посредствомъ сжатого воздуха.

До сихъ поръ еще не знали удобнаго комнатнаго пистолета, несмотря на множество разнообразныхъ оружій, изобрѣтенныхъ съ этою цѣлью. Маленькіе пистолеты, въ родѣ Тешенскихъ, хотя и не дымятъ и не шумятъ, однако даютъ неприятный запахъ и легко засоряются отъ частаго употребленія. Другіе, устроенные по образцу духовыхъ ружей, слишкомъ сложны и относительно не далеко бытъ. Изобрѣтенный Попэ въ Бостонѣ пистолетъ, дѣйствующій посредствомъ сжатого воздуха, устроенъ весьма просто, чисто и бьетъ вѣрно. Онъ весь сдѣланъ изъ металла, безъ каучука или другихъ легко разрушающихся веществъ, и не смазывается масломъ. Большой рисунокъ (фиг. № 1) изображаетъ наружность пистолета, а маленькій рисунокъ (фиг. № 2) изображаетъ разрѣзъ пистолета при заряжаніи.

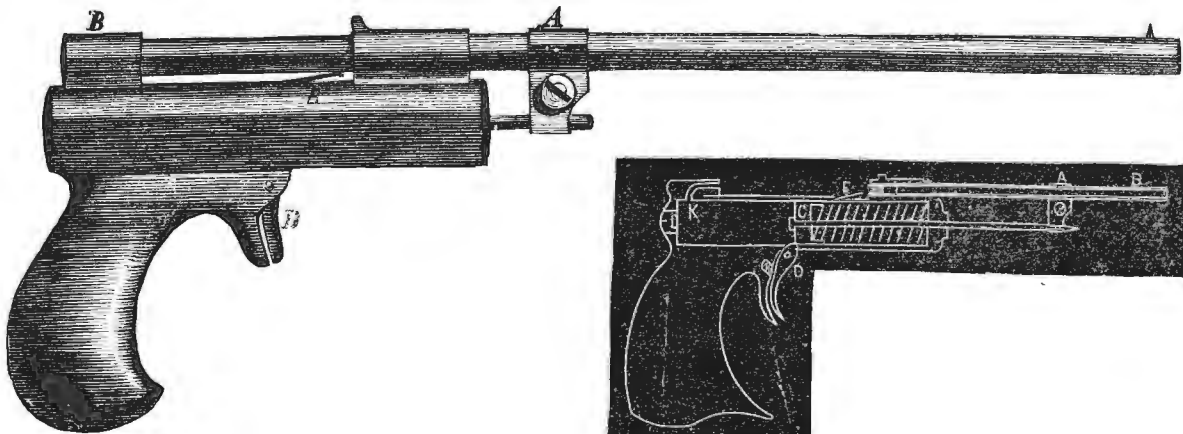
Плоская стальная пружина припираетъ металлическій поршень С къ основанію цилиндра К; но посредствомъ курка Д, поршень С удерживается въ положеніи, указанномъ на рисункѣ фиг. 2. Дуло берутъ за закрѣпку А и выдвигаютъ. Подвижная палочка съ маленькимъ утолщеніемъ у основанія, свободно про-

Новый самодѣйствующій аппаратъ для стирки бѣлья:

ходящая съвозъ поршень С и отверстіе въ вершинѣ цилиндра К, прикрѣпленная къ закрѣпкѣ А, подвигаетъ поршень вперед и сжимаетъ тѣмъ пружину.

Понятно, что въ это время лѣвою рукой, которая держитъ

Фиг. № 1.

Пистолетъ Попэ дѣйствующій посредствомъ сжатого воздуха.

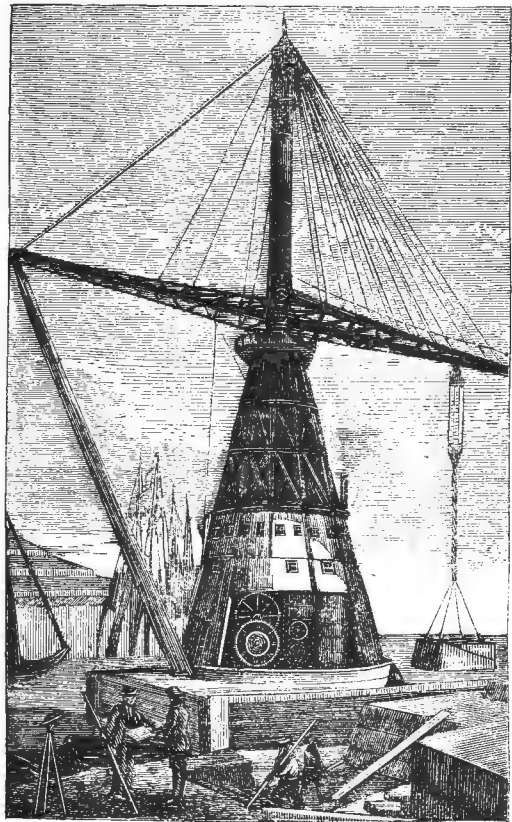
Фиг. № 2.

пистолетъ, не слѣдуетъ нажимать курка, а дуло надобно вытянуть настолько, чтобы курокъ дѣйствительно захватилъ поршень С.

Въ отверстіе въ задней части дула вкладываютъ пулю, нажимаютъ пружинку Е и дуло снова плотно сдвигаютъ съ прикладомъ. Когда спущенъ курокъ, пружина съ силою отталкиваетъ поршень С, поршень гонитъ воздухъ изъ цилиндра въ дуло черезъ отверстіе въ прикладѣ и сообщаетъ такимъ образомъ сильное движеніе пули. При стрѣльбѣ на тридцать шаговъ коническая пуля глубоко врывается въ деревянную доску, такъ что при употребленіи пистолета требуется нѣкоторая осторожность, а то пули могутъ нанести большой вредъ.

Изъ пистолета Попэ легко можно сдѣлать ружье, воткнувъ палку порядочной толщины въ отверстіе, сдѣланное въ прикладѣ F. Такое ружье, будетъ стрѣлять еще вѣрнѣе. По сви-

дѣтельству американскаго генерала Шермана, который съ похвалою отзывался объ этомъ изобрѣтеніи, пистолетъ Попэ можетъ служить не только для забавы, но и для предварительныхъ упражненій въ стрѣльбѣ до ознакомленія съ огнестрѣль-

Пловучая подъемная машина исполинскихъ размѣровъ въ Нью-Йоркѣ.

нымъ оружіемъ. Въ Америкѣ и въ Англій пистолетъ Попэ уже приобрѣлъ многихъ приверженцевъ и безъ сомнѣнія приобрететъ ихъ и у насъ.

Простые пистолеты Попэ вмѣстѣ со всеми ихъ принадлеж-

ностями продаются за 20 марокъ у придворнаго поставщика Фицмана въ Лейпцигѣ; а изящно отполированные за 25 марокъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Сергій Михайловичъ Соловьевъ (съ портретомъ). — Первый Стрѣлечій бунтъ 1682 года (съ рисункомъ). — Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повѣсть Э. Марлитта (продолженіе). — Рѣчная скопа. Pandion Haliaeetus (съ рисункомъ). — Невольничій рынокъ (съ рисункомъ). — Новыя изобрѣтенія: Пловучая грузоподъемная машина исполинскихъ размѣровъ въ Нью-Йоркѣ (съ рисункомъ). — Новый самодѣйствующій аппаратъ для стирки бѣлья (съ рисункомъ). — Пистолетъ Попэ, дѣйствующій посредствомъ сжатого воздуха (съ рисункомъ).

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 16

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 19 Апрель 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫЕРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

ЖАБАКЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ И ГОРЬКІЯ ЕГО ЯГОДКИ.

Внутренность деревенскаго кабака. Рис. Ріу, грав. Эберъ.

КАБАКЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ И ЕГО ГОРЬКІЯ ЯГОДКИ.

Подпись подъ этимъ рисункомъ едва ли не лишняя: кто живалъ когда нибудь въ русской деревнѣ или бывалъ въ ней хоть пробѣдомъ, тотъ, конечно, взглянувъ на этотъ рисунокъ, и безъ подписи, узнаетъ, что тутъ изображена съ фотографической точностью, внутренность русскаго деревенскаго кабака со всею его обычною обстановкою.

На первомъ планѣ нашей картинки нѣсколько ребятшекъ, нисходящее поколѣніе деревенскаго кабатчика, которое расстѣть и развивается въ этой средѣ, видитъ всякія продѣлки, слышитъ и усваиваетъ себѣ памятью и дѣтскимъ воображеніемъ все необыкновенное и заманчивое изъ разсказовъ пьяной компаніи. Что изъ этихъ дѣтей выйдетъ, ежели въремя ихъ не спасутъ отъ влияния всей этой пагубно-растлѣвающей среды и если въ свою пору не укажетъ имъ вѣрный путь церковь. Школа можетъ кое что совершить, въ отношеніи подрастающаго деревенскаго поколѣнія, чему много примѣровъ въ Германіи и въ Англии, но ея влияние, едва ли не безусловно: дѣтей сельскаго кабатчика трудно вывести изъ той обстановки, въ какую бросила ихъ жизнь. Да, дѣти кабатчика, можетъ быть даже одаренныя блестящими способностями, вынесутъ изъ школы одну лишь грамотность, изучитъ которую велѣтъ имъ строго на строго ихъ отецъ, самъ грамотѣй, да еще все таки не совсѣмъ довольный своими грамотѣйскими знаніями.—«Вы у меня, смотрите, пострѣлята, читать, писать, считать на счетахъ и на аспидной доскѣ,—выучитесь какъ можно лучше, чтобы могли мнѣ потомъ во всемъ помогать. Съ насъ земство на школы-то изрядно выщелачиваетъ, такъ намъ нечего зѣвать, за это по крайности хотъ грамотныхъ дѣтей имѣть надо. Мало того, что въ кабакѣ вы, сдѣлавшись грамотниками, будете полезны, того и гляди, со временемъ, да и больно не далеко то времячко, волосистой старшина нашь того или другого изъ васъ возьметъ въ писаря. Учитесь же!... А школа будете учиться, Боже васъ упаси, рукъ своихъ отческихъ не пожалѣю и васъ, поросятъ, до полусмерти запорю!

Этого рода наставленіями иногда въ деревняхъ напутствуютъ ребятшекъ въ школу, и ребятшки эти изъ школы выносятъ лишь грамотность, одну механическую грамотность и, подъ влияніемъ дурной среды, дѣлаютъ изъ грамотности то употребленіе, какое разбойникъ даетъ острому топорю, которымъ трудолюбивый плотникъ строитъ прочную избу, подъ кровлею которой живутъ семьи.

На картинкѣ, которая передъ нашими глазами, мы видимъ среди безпорядка хозяйственнаго обихода еще молодую крестьянку съ груднымъ младенцемъ; подлѣ нея малютка-дочка — дѣвочка лѣтъ трехъ-четырехъ, которая любитъ на своего карапуза братишку, ползающаго по тесовому полу, играя съ котятками. Дальше у стола около печки четыре мужика-бородача въ рубахахъ; двое изъ нихъ пьютъ водку, третій сидитъ передъ шкаликомъ и улыбается на мальчугана, что съ котятками играетъ, а четвертый завалился къ печи и заснулъ.

Тутъ однако есть своего рода драма, которую имѣлъ въ виду, кажется, художникъ, когда его бойкій карандашъ набрасывалъ на кусокъ пальмоваго дерева всю эту сцену. Дѣло въ томъ, что въ селѣ дѣйнемъ, въ томъ, гдѣ этотъ кабакъ, за немного лѣтъ передъ симъ, былъ кабатчикомъ припшій откуда-то мужикъ Дементій Прохоровъ. Этотъ Прохоровъ былъ вдовъ и имѣлъ всего на все одну только дочь, Дуню, красавицу и такую умную, ловкую, дошлую, что съ огнемъ поискать. Да еще Дуня-то эта была грамотна. Ее грамотѣ выучила съ малолѣтства какая то монахиня въ той далекой сторонѣ, изъ которой Прохоровъ прибылъ въ это село. Сторона эта была та богатая старообрядческими скитами сторона поволжская, которую со всѣмъ ея чистымъ, русскимъ людомъ и съ чисто-русскими бытомъ и строемъ такъ мастерски воспроизвелъ недавно въ своемъ романѣ «Въ Лѣсахъ», Печерскій (П. И. Мельниковъ). Кромѣ дочери, Дуни, у Прохорова былъ еще пріемышъ, какъ молва гласила, какой-то подкидышъ, также красивый и молодцоватый парень, смуглый и черноволосый, словно дыганъ, Феклисть, а по батюшкѣ Дементьевичъ, такъ какъ когда Феклисту, еще маленькаго, кто то подкинулъ Дементію Прохорову, то послѣдній былъ его воспріимникомъ; обычаемъ же принято, въ такихъ случаяхъ, ребенку некрещенному давать въ святомъ крещеніи имя того святаго угодника, какого въ этотъ день празднуютъ перковь православная, а отчество заимствовать отъ имени крестнаго отца. Прохоровъ сына не имѣлъ, а полюбилъ хитраго и вкрадчиваго Феклиста, вполнѣ его усыновилъ и выучилъ грамотѣ и счету. Когда Прохоровъ прибылъ въ это село и снялъ этотъ кабакъ, купивши подлѣ него ту избу, внутренность какой вы теперь видите,—Феклисту было уже двадцать два—три года, а красавицѣ Дуни—всего шестнадцать лѣтъ. Феклисть въ тайнѣ полюбилъ свою нарѣченную сестру и рѣшилъ, что будетъ непременно ея мужемъ. Старикъ Прохоровъ очень любилъ своего пріемыша и согласенъ былъ на этотъ бракъ; но, вопреки обычаю крестьянскому, не хотѣлъ неволить дочь, предоставляя ей свободный выборъ себѣ будущаго мужа, и вотъ Дуня выбрала по сердцу челоуѣка. То былъ молодецъ изъ молодецъ, сынъ довольно богатаго мужика изъ сосѣдняго села, Терентій Савельевъ, про-

званный за удалъ свою Безшабашнымъ. Удали его много способствовало и то, что отецъ его торговалъ лошадами и былъ извѣстнымъ въ околдкѣ конскимъ барышникомъ. Терентій помогалъ отцу въ этой, требовавшей ловкости и молодечества, профессіи и сдѣлался отличнымъ наѣздинкомъ. Терешка Безшабашный знаменитъ былъ своею удалюю и лхкимъ наѣздничествомъ не только въ крестьянствѣ, а промежъ и господскаго сословія и у богатей-купцовъ. При этомъ онъ былъ красобай, балагуръ, шутникъ, плясунъ, балабайшикъ запѣвала и никто лучше его не умѣлъ владѣть гармоніей. Всѣ дѣвушки-невѣсты въ околдкѣ желали выдти замужъ за Безшабашнаго, который, кромѣ всѣхъ своихъ достоинствъ, имѣлъ еще одно немаловажное въ глазахъ и мнѣній старика Прохорова,—это то, что такой молодецъ какъ Терентій Савельевъ, доживши до 22 лѣтъ, имѣя уже изрядную бородку, ни пива, ни водки не пилъ, а самое хмѣльное, что себѣ позволялъ, то развѣ только питнаго медку стаканчикъ гдѣ нибудь въ гостяхъ на именинахъ или въ случаѣ престольнаго праздника. Прохоровъ и его пріемышъ и подручникъ Феклисть Дементьевъ, хотъ оба занимались съ великимъ усердіемъ продажею горячихъ напитковъ, сами ничего не пили и пьянства не терѣли. Кабаккою торговлею Прохоровъ составилъ свое состояніе очень, очень кругленькое, какое хотѣлъ оставить послѣ себя дочери Дуни. Однако не такъ полагалъ и соображалъ хитрый Феклисть: онъ рѣшилъ во что бы то ни стало разстроить женитбу, Безшабашнаго на Дуни Прохоровой, и достигъ довольно легко трезваго соперника до того, что онъ проспалъ чуть ли не двѣнадцать часовъ, и какъ проснулся, то намель нужнымъ опохмѣлиться. А извѣстное дѣло, первая чарка всему начало. И вотъ съ этого раза трезвый Терентій превратился въ такого охотника выпить, что сталъ пить не на шутку, а какъ только старикъ его отецъ умеръ, убитый до смерти какою-то свирѣпою степною лошадуею, неловко имъ заарканенною,—Безшабашный сталъ проказничать и проказы эти дошли до того, что онъ въ два, три года промоталъ все состояніе, оставленное ему отцомъ и затѣмъ принужденъ былъ наняться въ ямщики къ одному солидному почтодержателю. Поведеніе Тереха сдѣлалось ужъ такъ дурно, положение его финансовое и общественное были такъ жалки, что ни одна мало-мальски порядочная дѣвушка не хотѣла быть его женою. Даже Дуня, которая такъ его любила, отказала ему и вышла, по волѣ отца, за Феклиста Дементьева. Вскорѣ послѣ свадьбы дочери, старикъ Прохоровъ заболѣлъ какъ-то и умеръ, передавъ все свое состояніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ рублей, единственной своей дочери и ея мужу, своему пріемышу, воспитаннику, имъ вполнѣ усыновленному, Феклисту Дементьеву. Безшабашный однако всякій разъ, когда ему приводилось пробѣжать село, гдѣ былъ кабакъ Феклиста и Дуни,—заѣзжалъ туда и жилъ тамъ, оставая у Феклиста перѣдко послѣднія деньги и уѣзжая всегда больше чѣмъ на веселѣ.

Вотъ на картинкѣ, съ лѣвой стороны—этотъ ражій мужикъ что передъ шкаликомъ, на столѣ стоящимъ, глядитъ съ улыбкою на игры съ котятками маленькаго Феклистова и Дунина сына,—это Тереха Безшабашный. Противъ него сидятъ хозяйка кабака,—Феклисть Дементьевъ, наливающій Терехѣ въ шкаликъ вино. Одинъ изъ друзей Феклиста—Иванъ Непомнящій, стоитъ во весь ростъ также со штофомъ. Хозяйка сидитъ съ груднымъ ребенкомъ въ сторонѣ и, кажется, не хочетъ смотрѣть на эту сцену.

— «Мнѣ теперь пить не ладно, объясняетъ Тереха, я сейчасъ поѣду черезъ лѣсъ съ двумя тройками въ дровяшникахъ, хозяйнѣ велѣтъ привезти на станцію обѣ тройки, какъ мою, которой я только что отвезъ почту въ городъ, такъ и тройку Гришки Развеселаго, который остался въ городѣ справлять свои дѣла по воинской повинности. Анъ, въ лѣсу то, народъ баеетъ, что-то разназились волки голодные. На тѣверѣаго меня не разъ эти косматке черти съ зелеными глазами нападали, и всегда я ихъ разгонялъ кнутомъ, да посвистомъ молодецкимъ; а какъ буду пьянъ,—треклятые, чего добраго, и коней загрызутъ, да и моей шкурѣ достанется, чего добраго. Нѣтъ, братцы, нѣтъ, ужъ увольте, я пить больше здѣсь не буду, а ужъ коли хотите угостить пріятеля, такъ на дорожку подарите мнѣ штофякъ: я выпью его за ваше здоровье».

Феклисть Дементьевъ и Иванъ Непомнящій переглянулись между собою какъ-то нехорошо, и не одинъ, а два штофа, одинъ самой настоящей перцовки, другою забористой полыновки, дали Безшабашному, который только что хотѣлъ встать отъ стола и приняться за одѣванье въ полшубокъ и въ тулупъ, такъ какъ на дворѣ было не на шутку студено, когда вдругъ послышался какой-то страшный вой вдалекѣ и затѣмъ лай чутъ ли не всѣхъ собакъ села. Хозяйка Авдотья Дементьевна крѣпче прижала къ груди своего младенчика и робко глянула на другихъ дѣтокъ, промолвивъ:

— «Господи, крестная сила! Это волки воютъ такъ близко отъ насъ!»

— Ну баба, серьезно и даже какъ-то сурово замѣтилъ Фе-

клись, ея мужъ и хозяйнъ кабака, вотъ ужъ и перепугалась!.. Не ужъ-то думаешь ты, что испугается такой храбрець, какъ Безшабашный. Э, да онъ всѣхъ волковъ разгонитъ!

Между тѣмъ Безшабашный одѣлся и, помолясь передъ иконою и низко поклонясь хозяйкѣ, вышелъ на дворъ, не забывъ однакожь захватить съ собою свои два штофика, подаренные ему такъ любезно. Иванъ Непомнящій успѣлъ въ это время приготовить всѣхъ шестерыхъ Терехинныхъ лошадей, запрягши трехъ въ пошевеньки, а трехъ привязавъ къ грядкамъ на ременныхъ поводьяхъ,—и Безшабашный, прислушиваясь къ вою волковъ, тронулся по заведенному слѣгу въ путь прямо къ лѣсу.

Феклисть и Иванъ Непомнящій возвратились въ избу, гдѣ принялись вдвоемъ за обыскъ уже спавшаго мертвецкимъ сномъ Пахома Разгильдяева.

Часъ или два спустя послѣ отъѣзда Терехи Безшабашнаго, къ Авдотѣ пришла ея знакомая старуха, которая жила на самомъ выѣздѣ изъ села, близехонько отъ лѣса, и рассказала, какъ она слышала сама, посреди воя стаи волковъ, человѣчскіе крики и даже слова: «Помогите, ради Бога помогите!»

— «Чего добраго, молвила, вздохнувъ, Авдотья, Терѣха дорогой сталъ пить и захохотѣлъ крѣпко, а тутъ волки то, на него поиди и напали. Ты вѣдь, Арефьевна, знаешь, что Терентій былъ моимъ женихомъ, когда еще тверѣзо жилъ и примѣрно велъ себя между молодежью всей здѣшней стороны. Пока онъ былъ еще при деньгахъ и не промотался,—мой цыганъ то былъ къ Терѣхѣ ласливъ и ласковъ; Терѣха былъ крестнымъ отцомъ двухъ старшихъ моихъ ребятишекъ, и еще сегодня, передъ отъѣздомъ, Терентій любовался на то, какъ Лукашка игралъ на полу съ котятами. Прощаясь, Терѣха такъ крѣпко разцѣловалъ дѣтокъ, да и такъ глянулъ на меня съ поклономъ, что у меня тотчасъ сердце екнуло и, словно, сказало, что быть бѣдѣ. Жучка наша всю эту ночь провела. Мой Феклисть, да Иванъ Непомнящій, ты знаешь Арефьевна, самые большіе недруги Терѣхины, и отъ нихъ все стаетъ: они нарочно подзадорили этого отчаяннаго ѣхать лѣсомъ одного безъ товарищей и вести шесть коней».

На слѣдующее утро со станціи, гдѣ служилъ Терѣха, приѣхалъ ямщикъ. Онъ, какъ водилось, прибылъ къ судебному слѣдователю, который жилъ въ этомъ огромномъ, когда-то барскомъ селѣ, гдѣ теперь, кромѣ этого уѣзднаго важнаго чиновника, жили: Мировой судья, акцизный чиновникъ-ревизоръ, такъ какъ здѣсь была огромная винокурня, одинъ изъ уѣздныхъ врачей, смотритель казеннаго лѣса, въ которомъ и водились волки и наконецъ ученый агрономъ изъ московскаго земледѣльческаго института. Этотъ ученый хозяйнъ управлялъ хозяйствомъ села и имѣлъ при себѣ цѣлый штатъ механиковъ и разныхъ техниковъ все русскихъ людей. Такимъ образомъ, въ этомъ селѣ интеллигентная часть мѣстнаго общества была представительна.

Почтовый ямщикъ тотчасъ засѣлъ въ кабакъ, куда, само со-

бою разумѣется, немедленно направился, пока судебный слѣдователь вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачомъ дѣлали свои дорожныя приготовления. И вотъ въ кабакъ то Феклиста и Авдотьи Прохоровыхъ (Феклисту дана была и фамильная клччка его воспріемнаго отца) ямщикъ, бойкій парень, Артамонъ рассказалъ исторію Авдотѣ, украдкой утиравшей рукавомъ невольныя слезы.

Дѣло было такъ. Когда вчера Терѣха отъ села лѣсомъ отѣхалъ нѣсколько верстъ,—онъ приложился къ штофику; сначала къ одному штофу и опорожнилъ его до капельки, а затѣмъ къ другому, и ужъ отъ этого-то онъ тотчасъ почти обезумѣлъ. Тогда откуда не возьмись напали на него волки и стали кидаться на коней, кони взбѣсались, залягались, сильный коренникъ, битюгъ, саврасый, у котораго дуга соскочила на оглоблю, такъ двухъ волковъ подковами хватилъ, что одинъ захромалъ и правило (хвостъ) поджалъ. Не имѣя чѣмъ защищаться (внутрь былъ потерянь), Терѣха швырнулъ пустымъ штофомъ въ одного волка и вышибъ ему глазъ. Волки еще больше разъярились, они ужъ не два или три, а нѣсколько бросились на Терѣху. А тотъ въ эту пору вывалился, завязъ въ слѣгу и встать не могъ. Пять же коней, съ остатками дровешеля, и съ запутавшимся въ нихъ Терѣхинымъ тулупомъ, прискакали на станцію, всѣ въ лѣнѣ и въ крови и словно сумасшедшіе, всѣ дрожать и къ корму не прикасаются. Но всего удивительнѣе было то, что пѣгенькій жеребчикъ Гришки Развеселаго, что ходилъ у него слѣва въ пристяжѣ,—примчался на станцію, да не одинъ, а съ сѣдокомъ. Оказалось, что сѣдокомъ то на пѣгенькомъ былъ молоденькій волкъ, вскочившій ему на спину и такъ впившійся въ нее зубами и когтями, что когда молодой жеребчикъ вскакалъ на дворъ станціонной конюшни, весь истекающей кровью и тутъ же упалъ мертвымъ, то волченка нельзя было стащить и надо было пристрѣлить.

— «Ну, а что Безшабашный?» спрашивали Артамонку кабацкіе гости.

— «На крикъ Терѣхи, когда на станцію прискакали всѣ его и Гришкины кони,—нашъ станціонный смотритель въ лѣсъ послалъ всѣхъ насъ свободныхъ ямщиковъ съ большими пошевнями. Мы нашли Терѣху, онъ лежалъ въ слѣзномъ сугробѣ и волки его тормозили. Такъ его, сердечнаго, искусили, что почти живаго мѣста на немъ не было. На станціи въ теплой избѣ Терѣха очнулся, рассказалъ слабымъ языкомъ, какъ все дѣло было и заматался въ безпокойствѣ. Межъ тѣмъ изъ нашего погоста приѣхалъ батюшка нашъ, старичекъ отецъ Данило, и тогда, какъ увидѣлъ св. дары Терѣха, пришелъ въ себя, поуспокоился, сталъ усердно читать молитвы вслѣдъ за священникомъ, сподобился покаяться въ грѣхахъ, причастился и... скончался...»

Этотъ рассказъ произвелъ на слушающихъ сильное впечатлѣніе, они всѣ поочередно перекрестились и видимо задумались надъ тѣмъ, къ чему иной разъ можетъ привести пьянство.

Изъ путевой книжки.

Свободный Гельвеція пышная дѣва
Гребетъ неустанной рукой:
По тихому озеру лодка несется
Беззвучно во мглѣ голубой.

Свободной Гельвеція пышная дѣва
Свѣжа, какъ альпійскій цвѣтокъ,
И, сладко цѣлуя ей алыя щеки,
Ласкается къ ней ветерокъ.

Поетъ она громкую, звучную пѣсню,
Проворно весломъ шевелить,
И, вдругъ замолкая, съ улыбкой привѣта
Порою въ глаза мнѣ глядитъ.

Но вогъ мы причалимъ туда, гдѣ столпились
Громады недвижныя горъ,

Я выйду изъ лодки—и пышная дѣва
Забудетъ усталый мой взоръ..

Предъ нею день каждый мѣняются лица,
И всѣмъ она пѣсни поетъ,
И всѣхъ, озаряясь безпечной улыбкой,
На берегъ далекій везетъ.—

Такъ гдѣ же ей помнить—она, что природа,
Что свѣтлая эта вода,
Въ которой пришелецъ, на мигъ отразившись,
Уйдетъ, не оставивъ слѣда.

Но въ памяти сердца согрѣтаго гостя
На вѣки найдутъ уголокъ—
И озеро это, и мрачныя горы,
И этотъ альпійскій цвѣтокъ.

W. W.

Добыча съ берега.

Грустную картину представляютъ восточные берега Каспійскаго моря. Мертво и безлюдно въ этихъ печальныхъ мѣстахъ, «проклятыхъ Аллахомъ», какъ говорятъ о нихъ даже непреходящие, неизбалованные природою кочевники.

Голые, сплущенныя пески холмистою равниною спускаются къ морю; чѣмъ ближе подступаютъ эти пески къ водѣ, тѣмъ ниже и ниже, отложе и отложе становятся наносные вѣтромъ курганы (барханы) и наконецъ широкими отмелями соединяются съ водою, отмелями, едва отдѣляющимися отъ уровня моря.

Бѣловатая, тонкая полоска пѣны—рѣзко рисуется на темномъ фонѣ смоченнаго песка, словно гигантскій щетинистый

змѣй, дрожитъ и сверкаетъ на солнцѣ прибитый волною къ берегу, перегнившій мусоръ и морскіе выкидыши... Тамъ и сямъ на пескѣ бѣлѣются разбросанныя ракушки и рыбы остовы, а дальше песокъ и песокъ и ничего больше, далеко за видимый горизонтъ, зубчатой, волнистой линіей теряющійся въ знойномъ туманѣ раскаленнаго воздуха.

Мѣстами черноватый скалистый краѣкъ вздымается изъ-подъ слоя песка и гребнемъ подходит къ морю, образуя обрывистые склоны. Мѣстами чахлый верескъ и колючій терновникъ, Богъ вѣсть чѣмъ питающій свои корни, пестритъ пустыню... изрѣдка, и то только раннею весною, зазеленѣтъ мелкорослый

камышь и, не развившись как слѣдует, чуть не через мѣсяцъ послѣ своего зарожденія, превращается въ какую-то буроватую щетину, созданную безпощадными лучами здѣшняго солнца.

Пахнетъ вѣтромъ съ моря,—повѣтъ свѣжестью, станетъ одна за другою нагонять на низменный берегъ длинныя, пологія волны... эти волны принесутъ съ собою новыя выкиды и оставятъ ихъ на пескѣ—догнать на солнцѣ, заражать и безъ того дышашій болѣзнями береговой воздухъ.. Переменится вѣтеръ, подуетъ съ суши,—словно изъ натоленной печи пахнетъ удушливымъ жаромъ, обнажитъ отмели, откроетъ новыя и снова стихнетъ, снова успокоится мертвыя воды и лягутъ ровнымъ, ярко-зеленымъ зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ легкія облачка, бѣгущія гдѣ то очень высоко, высоко,—да все выносящихъ морскихъ чаекъ, спующихъ надъ этою водною равниною.

Рѣдко появится одинокій парусъ на горизонтѣ воды,—рѣдко появятся всадникъ или верблюдъ на гребняхъ песчаныхъ бархановъ... И тотъ и другой избѣгаютъ этихъ мѣстъ, первому нечего здѣсь дѣлать, а второй боится уходить далеко отъ прѣсной воды, а воды этой близко къ морю никогда не бываетъ.

рыбы и даже бьютъ, рѣдкаго въ здѣшнихъ мѣстахъ, тюленя; часто и другія, менѣе благонамѣренныя, мирныя занятія, привлекаютъ сюда предприимчивыхъ моряковъ, заставляють ихъ бросать якорь въ виду этихъ негостепримныхъ бархановъ.

«Только недобрые люди посѣщаютъ недобрыя мѣста». Туркменскіе роды и воровскіе семьи киргизовъ Букеевцевъ, живущіе разбоемъ и грабежемъ, высылають сюда небольшіе партіи хищниковъ. Эти партіи формируются обыкновенно такимъ образомъ: выбираютъ съ десятокъ сильныхъ, выносливыхъ верблюдовъ, большую часть одногорбыхъ наровъ, навьючиваютъ ихъ турсуками съ водою, въ такомъ количествѣ, чтобы ея хватило туда и обратно, на весь безводный переходъ отъ послѣднихъ колодцевъ къ морю, и съ этимъ караваномъ небольшая партія, человекъ въ двадцать, смѣло отправляется на недоброе предприятие. Цѣль подобныхъ партій большею частью двойная: или они встрѣтятъ здѣсь русскихъ, или не встрѣтятъ; если встрѣтятъ и застанутъ ихъ не въ распахъ, а готовыми къ оборонѣ, то хищники мирно кончатъ дѣло и извлекутъ все таки выгоду изъ своей поѣздки; они тогда мѣняють на русской товаръ свои награбленные товары, большую часть негрозд-

Нападеніе волковъ. Рис. Ганье, грав. Паннемакеръ.

«Иди дальше отъ зеленой воды, если не хочешь погибнуть самъ и погубить свою скотину» говоритъ туземная поговорка, тутъ зеленою водою называютъ морскую воду, за ея цвѣтъ, прелестно-изумрудный, блестящій, такъ рѣзко отличающійся отъ мутно-желтаго, глинистаго цвѣта прѣсной воды «воды доброй, благословенной Аллахомъ и его пророками»...

А между тѣмъ и съ моря и съ суши сюда приходитъ человекъ; и иногда въ такое время, когда на горизонтѣ появится бѣлая точка паруса, на песчаныхъ холмахъ зачернѣють крохотныя движущіяся точки, дѣпочкою связанныя одна за другою... Иногда эти точки смѣло идутъ къ берегу и тогда вы видите ясно, что это легкій караванъ верблюдовъ, конвоируемый нѣсколькими вооруженными всадниками; иногда же они не подходятъ къ водѣ и остаются тамъ за этими барханами, воровски прячась за ихъ пологими скатами... И то и другое дѣлается сообразно съ цѣлями самаго прибытія.

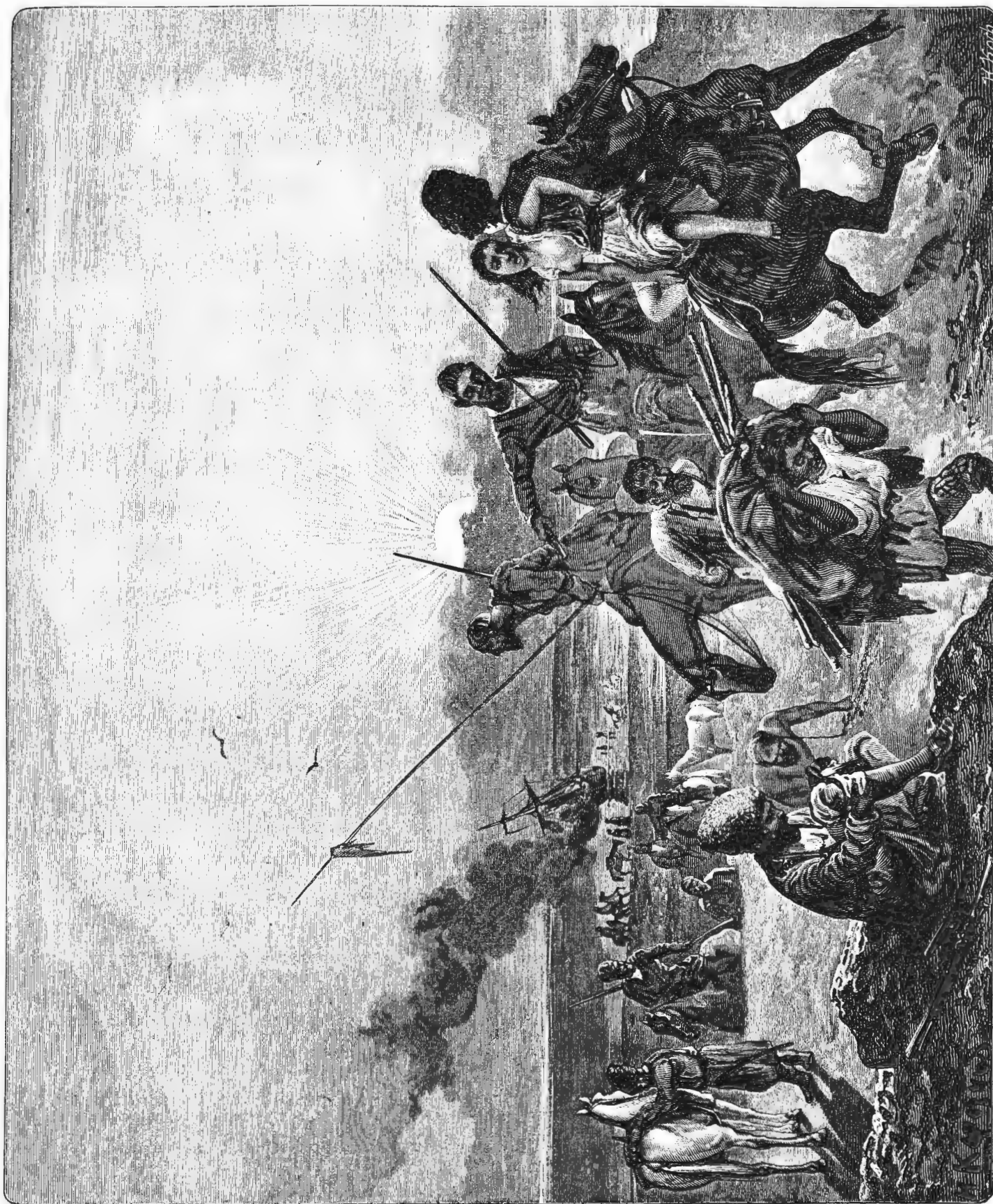
Русскіе рыбаки съ низовьевъ Волги, астраханскіе и уральскіе, на своихъ незатѣйливыхъ парусныхъ шхунахъ, рѣшаются иногда посѣщать здѣшніе берега. Временами года здѣсь, между прибрежными островами-отмѣлями находятъ обильный ловъ

кѣ, но цѣнныя, контрабанда играетъ тутъ конечно роль не маловажную... Русскіе имъ даютъ желѣзо, свои штцы, оружіе, рыбу, русское серебро; хивинцы—шелковые ткани, чай, ковры, бараньи смушки и т. д. Поторгуются, переговариваютъ то и другое между собою, зорко слѣдятъ при этомъ за каждымъ движеніемъ своего противника, кончатъ наконецъ свои коммерческія дѣла и мирно разойдутся, каждый въ свою сторону. Иногда же, когда очень хитро и незамѣтно подошла съ берегу воровская партія и оплошаютъ зазѣвавшіеся мореходы,—то дорого эти послѣдніе полатятся за свою оплошность и добро ихъ такъ задаромъ перейдетъ въ разбойничьи руки и сами они пойдутъ, можетъ быть даже на всю свою жизнь, въ тяжелое, безисходное рабство.

Вотъ рассказъ одного такого раба, освобожденнаго нами при занятіи Хивы, двадцать семь лѣтъ проведеннаго въ неволѣ. Этотъ рассказъ ярко характеризуетъ эпизоды этого рода и я привожу его здѣсь, стараясь сколько возможно ближе держаться къ подлиннику.

— «Когда это было, чтобы то есть точно сказать, въ какое

Добыча съ берега: Разбойники на берегу Каспійскаго моря. Рис. Н. Карзинь, грав. Г. Кохъ.

Навьючили насъ, какъ скотину, Марью мою, какъ спала въ одной рубахѣ, такъ и посадилъ Мерчекъ на сѣдло, за свою спину, только поясомъ ее прикрутилъ къ себѣ для прочности. Погнали насъ прочь отъ берега.

Оглянулись мы назадъ на море, какъ отошли немного, черный столбъ дыма надъ водою стоитъ. То они, разбойники, окажяные шхуну нашу западали, чтобы слѣдовъ не оставалось, другіе кто, въ случаѣ подъѣдутъ, не сомнѣвались-бы.

Ну и приняли же мы дорожной муки, пока насъ черезъ мертвые пески гнали, семеро не стерпѣли, померли, остальные дошли и здѣсь насъ по разнымъ рукамъ, на базарѣ чимбайскомъ, разбили.

Съ тѣхъ поръ я и не видывалъ никого изъ нашихъ. Послѣ уже узналъ я, что отецъ померъ. Марья моя подъ Хиву къ муллѣ одному въ жены поступила и уже ребятъ народила чер-

номазыхъ, а я самъ уже и состариться успѣлъ въ неволѣ, когда вы русскіе подошли и всѣхъ насъ, такихъ-же горемычныхъ на волю высвободили.

Такими эпизодами не разъ оживлялись пустынные мѣста прикаспійскаго побережья, и только теперь, когда русскіе войска заняли этотъ край, когда въ Мангшлакѣ и въ Красноводскѣ, построены постоянные укрѣпленія, оберегающія покой мертваго Усть-юрта, можно надѣяться, что подобныя эпизоды стануть случаться все рѣже и рѣже и можетъ быть и прекратятся совсѣмъ, и степнымъ вѣтромъ да зеленою морскою волною, засыплетъ и смоетъ послѣдніе слѣды кровавыхъ подвиговъ рыцарей пустыни.

Н. Карзинъ.

Въ домъ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

XV.

Комната больной въ домѣ Брука приняла теперь совершенно тотъ-же видъ, какой она имѣла вчера, когда внесли въ нее Генріэтту. Брукъ, уступая наступательнымъ просьбамъ Генріэтты, приказалъ вынести изъ комнаты роскошную мебель съ виллы. Въ просторныхъ сѣняхъ, на красномъ кирпичномъ полу, стояли рядышкомъ кресла съ свѣтло-зелеными подушками; тутъ-же стоялъ и изящный экранъ, а около простой глиняной вазы съ букетомъ изъ еловыхъ вѣтокъ группировалась вынесенная сюда позолоченая умывальная посуда. Фаянсъ опять попалъ въ честь, и старомодные мягкіе стулья, обитые черной саржей, находились на прежнихъ своихъ мѣстахъ. Исчезли роскошные предметы, за то теперь журчалъ тутъ комнатный фонтанчикъ, окруженный цвѣточными горшками, какъ-бы зеленымъ вѣнкомъ, на которые освѣжающая струйка воды бросала серебрястыя капли. На столѣ стояла большая канареечная клѣтка Генріэтты, очутившаяся здѣсь также вслѣдствіе желанія больной. Веселенькія, золотистыя птички были на свободѣ; онѣ вылетали и влетали въ клѣтку, порхали по всей комнатѣ, какъ дома, кружились надъ кроватью и стучали носикомъ въ кусочекъ сахара, который держали восковые пальчики ихъ больной госпожи. — Горничную Нанни отпустили передъ обѣдомъ на виллу, чтобы она могла тамъ выспаться. Тетушка-дьяконица приняла на себя уходъ за больной днемъ. Старушка все еще была въ своемъ шелковомъ коричневомъ платьѣ, но чтобы оно не шелестило—она надѣла широкій полотняный передникъ, который покрывалъ почти всю юбку.

Генріэтта уже знала о перемѣнѣ, происшедшей такъ внезапно въ судьбѣ доктора. Нанни успѣла шепнуть ей, что г-жа дьяконица торжественно встрѣтила какого-то въ сѣняхъ господина изъ придворныхъ и провела его въ комнату Брука... Господинъ изъ придворныхъ у Брука!.. Да вѣдь Брукъ теперь только врачъ „для бѣдныхъ“, не больше. Праздничный костюмъ тетущки, ея веселое, счастливое лицо не укрылись отъ вниманія больной, и она стала беспокоиться, спрашивать, пока наконецъ докторъ не подошелъ къ кровати ея и не рассказалъ (просто, спокойно, какъ всегда) въ чемъ дѣло и какъ все случилось. Когда больная слушала Брука, въ то самое время Кэтъ пришлось быть свидѣтельницей вышеописанной сцены въ кабинетѣ Флоры, сцены, вызванной неожиданною новостью, сообщенной фрейлиной Бэрнекъ и коммерціи совѣтникомъ.

Послѣ обѣда Кэт сидѣла у постели сестры. Брукъ отправился на аудіенцію къ Фюрсту, а тетушка удалась на полчаса, чтобы распорядиться по хозяйству.

Сестры остались опять наединѣ. Невыразимая радость, счастье озаряли лицо Генріэтты. Ей предписано было спокойствіе и молчаніе; докторъ строго запретилъ ей энергически выражать свою радость, которую она шумно обнаружила послѣ разказа его, причѣмъ волненіе ея сильно испугало Брука. Генріэтта послушалась, умолкла, не обращалась больше съ разспросами ни къ тетущкѣ, ни къ доктору, но теперь, не вида серьезныхъ, наблюдательныхъ глазъ его и пользуясь отсутствіемъ тетущки, приподнялась вдругъ и торопливо, съ видимымъ напряженіемъ, спросила шопотомъ:

— Гдѣ Флора?..

— Ты знаешь, что вѣдь бабушка уже нѣсколько разъ присылала сказать, что она сгораетъ нетерпѣніемъ придти сюда, но ей все мѣшаютъ визиты: гости одинъ за другимъ такъ и являются на виллу, желая выразить свое соболѣзнованіе... Бабушка до сихъ поръ не можетъ улучить ни одной минутки, чтобы навѣстить тебя..

— Ахъ, Господи! Бабушка... Ты все о бабушкѣ! прошептала больная съ досадой, обнаруживая нетерпѣніе... Кто о ней спрашиваетъ?... Пусть она себѣ сидитъ тамъ... Я о Флорѣ говорю!..

Генріэтта, ломая руки, подняла ихъ съ какимъ-то страстнымъ порывомъ.

— Кэтъ, развѣ не оправдалось *все*—и какимъ блестящимъ образомъ! Слава Богу, что дожила я до этого!.. Только-бы Брукъ не увлекся... не зашелъ бы онъ на обратномъ пути изъ дворца на виллу!.. Здѣсь, на глазахъ у меня, должна Флора снова встрѣтиться съ нимъ, встрѣтиться тутъ!.. Я жажду видѣть ее передъ нимъ... во прахѣ!..

— Генріэтта, не волнуйся такъ!..

— Ахъ, оставь... Дай мнѣ говорить! торопливо проговорила больная. Если-бы Брукъ зналъ, какимъ мукамъ подвергаетъ онъ меня, запрещаю говорить!.. Я сдерживаю душевное волненіе, а это такъ сдавливаетъ мнѣ грудь, что она, кажется, сейчасъ вотъ разорвется... Такъ и вчера было со мной—передъ тѣмъ страшнымъ припадкомъ, когда кровь хлынула... (Она склонила голову на руку, такъ что пальцы ея совсѣмъ исчезли въ роскошныхъ бѣлокурыхъ волосахъ... Батистовый чепчикъ уже давно былъ сброшенъ.) Брукъ вернулся изъ Л* знаменитымъ, а помнишь-ли ты, какъ Флора насмѣшливо, дерзко, прямо въ лицо ему назвала эту поѣздку *весслой* прогулкой?..

Больная посмотрѣла на сестру изъ-подлобья; глаза ея горѣли; она видимо была ожесточена, и голосъ ея завывалъ такъ же, какъ звывалъ онъ вчера, когда она бредила, чѣмъ и вызвала страшную развязку. Кэтъ вздрогнула.

— А помнишь-ли ты, какъ она издѣвалась надъ Моррицемъ, когда онъ, почти угадавъ, высказалъ предположеніе, что Брука вызвали въ Л*, вѣроятно, къ постели больного?.. Нѣтъ, если бы она даже на колѣняхъ просила у него прощенія—все-таки не могла бы она заглядить своего преступленія, заставить забыть эту безпримѣрную завосчивость... Хотѣлось-бы мнѣ—разокъ только—заглянуть теперь въ ея душу!.. Какое убійственное посрамленіе! Она не посмѣетъ, при первой встрѣчѣ, глазъ поднять на него... на насъ... Не посмѣетъ!..

Кэта сложила руки на колѣняхъ, она смотрѣла внизъ, потупилась, какъ будто виновной была она. Разгоряченная, взволнованная Генриэтта и не подозрѣвала, что первой встрѣчи не можетъ быть здѣсь: вѣдь нога Флоры никогда больше не переступитъ порога этой „ужасной трущобы“... Больной не было еще извѣстно, какъ не знали и другіе, что невѣста *сама себя освободила*, швырнувъ въ волны символъ заключеннаго союза — „простенькое золотое колечко“, которое лежитъ теперь на днѣ рѣки, или, быть можетъ, давно уже унесено теченіемъ.

— Да промолви же хоть словечко, Кэта! разсердилась больная. Въ твоихъ жилахъ вѣрно рыба кровь, если все это нисколько не волнуешь тебя... Конечно, ты не успѣла еще хорошенько вникнуть въ эту исторію, уяснить себѣ всѣ обстоятельства, отношенія, да и на дѣйствующихъ лицъ ты не можешь еще смотрѣть съ настоящей точки зрѣнія. Брукъ, напримѣръ, едва ли можетъ заинтересовать тебя; видишь ты его слишкомъ рѣдко, ну, и совсѣмъ почти не говорила съ нимъ... Да, но вѣдь при тебѣ Флора начала свои отвратительные маневры, приготавлиаясь къ разрыву; ты слышала, какіе безсердечные приговоры изрекала она.. Мнѣ кажется, что у cadaго здороваго человѣка должно быть настолько развито чувство справедливости, чтобы онъ могъ желать (я хотѣла бы сказать—жаждать!) мщенія, заслуженной кары на голову виновной!..

Теперь Кэта подняла глаза; въ нихъ горѣлъ какой-то удивительный огонь... И ужъ навѣрно не рыба кровь такъ внезапно ярко и горячо зарумянила все лицо ея и даже полную, бѣлоснѣжную шею. Кровь эта неудержимо закипѣла и заставила молодую дѣвушку на минуту совсѣмъ забыть, что она сидитъ у постели больной, забыть, что добросовѣстная сидѣлка не должна поддерживать раздражающаго разговора.

— Ну, а если мщеніе дѣйствительно совершится, если Флора со стыдомъ объявитъ, что она сознается въ своемъ заблужденіи—какъ отнесется къ такому раскаянію оскорбленный человѣкъ, какъ онъ оцѣнитъ это? спросила Кэта сдавленнымъ голосомъ. — Вѣдь Флора, какъ ты сама говоришь, не стѣсняясь обнаружила отвращеніе къ нему... Если бы онъ даже получилъ теперь княжескій титулъ—неужели это могло бы уничтожить чувство отвращенія и снова возбудить въ ней любовь?..

— Для такого тщеславнаго, честолюбиваго сердца, какъ сердце Флоры, дѣло это совершенно возможное... простое, отвѣтила Генриэтта съ горечью въ тонѣ, съ презрѣніемъ. Ну, а Брукъ... Вотъ, ты увидишь, что при первомъ съ ея стороны шагѣ къ сближенію—забудетъ *все*, какъ будто ничего и не было. (Откинувъ голову, она на мгновеніе закрыла глаза и проговорила шопотомъ, какъ бы про себя): Да, если бы не было любви, этого вѣчно таинственнаго, загадочнаго чувства!.. А вѣдь онъ—любитъ ее по прежнему... Какже иначе объяснить постоянство его, то удивительное терпѣніе, съ которымъ онъ переносилъ все?..

Блестящіе глаза ея смотрѣли теперь въ потолокъ; въ нихъ свѣтилось что-то неземное; они обнаруживали глубокую скорбь съ оттѣнкомъ горькой ироніи...

— Если бы даже Брукъ видѣлъ въ ея красивомъ

лицѣ дьявола, если бы она была его самого собственными своими руками—и тогда все такъ онъ любилъ бы ее и нѣжно цѣловалъ бы эти руки!..

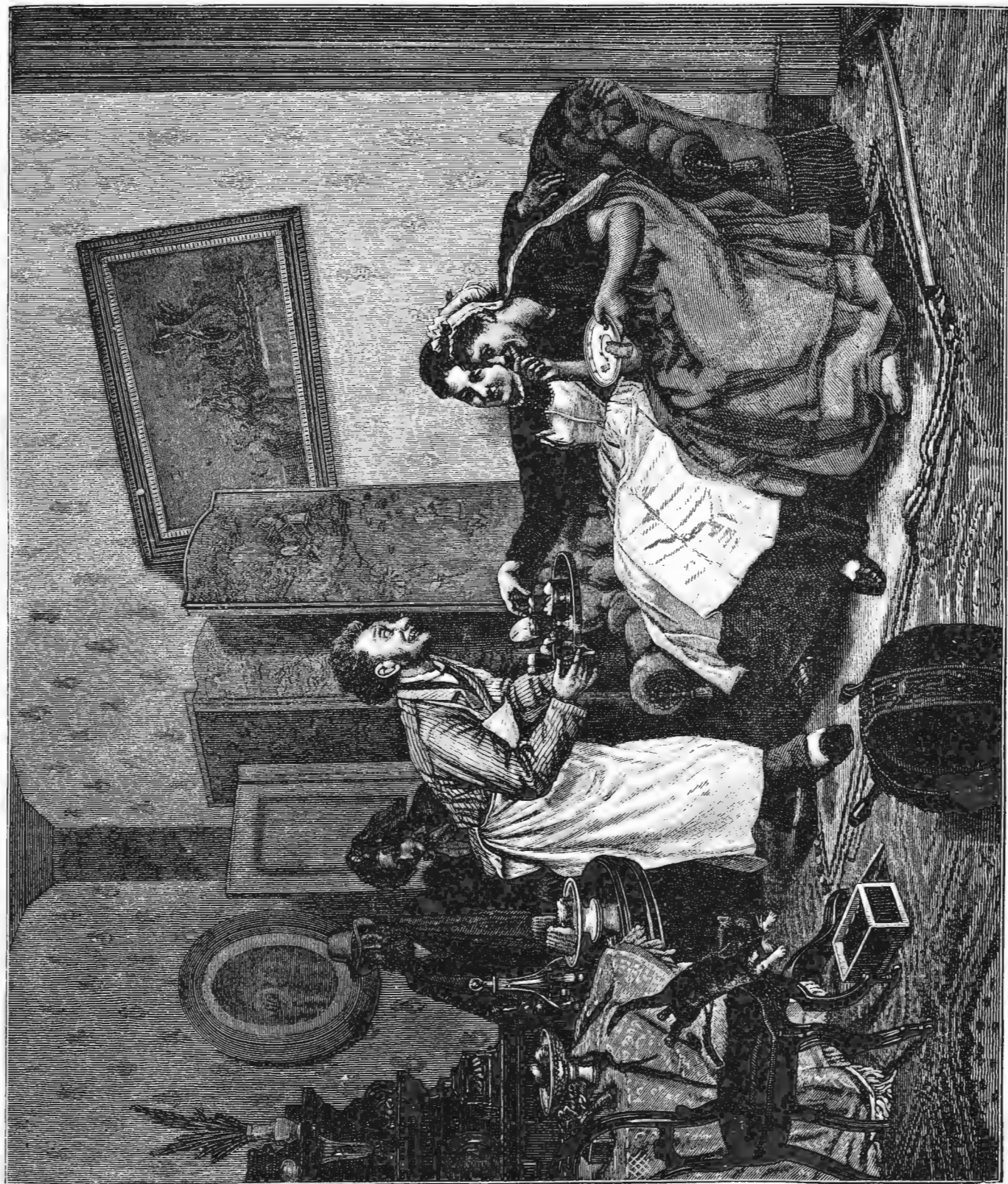
Генриэтта улыбнулась, и отъ этой улыбки, раздирающей сердце, на ея исхудалыя щеки легли рѣзкія морщины... Желая скрыть это, она уткнулась лицомъ въ подушку.

— Раскается она... Раскаяніе это онъ высоко оцѣнить, заговорила больная, послѣ небольшой паузы, рѣшительнымъ тономъ, съ трудомъ однако же овладѣвъ голосомъ своимъ:—и онъ будетъ счастливъ, а потому и мы должны всѣми силами стараться сдерживать себя, такъ чтобъ и помину не было о прошломъ, ни намека на прежнія заблужденія Флоры...

Кэта ничего не сказала, умолкла и сестра ея, хотя видно было, съ какимъ жгучимъ нетерпѣніемъ эта послѣдняя ожидала той минуты, когда она снова увидитъ счастливымъ человѣка, боготворимаго ею, какъ своего врача. Но что будетъ, если Флора не придетъ, если Генриэтта узнаетъ наконецъ, что вѣроломная невѣста *сама* такъ быстро, путемъ насилія, высвободилась отъ долгихъ мученій?.. „Тогда ты даже имени-то нашего не захочешь произнести“... сказала вчера Бруку больная, лежавшая въ лихорадочномъ бреду. Какой-то хаосъ со вчерашняго вечера царилъ въ душѣ Кэты, она и теперь еще была смущена... Законы нравственности представлялись ей всегда такими ясными, опредѣленными; молодая дѣвушка такъ еще мало знала жизнь, что считала награду и наказаніе—непремѣннымъ, естественнымъ результатомъ совершившагося дѣянія.. И вотъ, что же видитъ она?.. Какой странный, причудливый свѣтъ, въ которомъ очутилась она!.. Люди совершенно серьезно стремятся, желаютъ, чтобы неслыханная заносчивость и систематическое нарушеніе разъ принятыхъ на себя обязанностей прошли не только безнаказанно, но еще вознаграждали бы виновную, давъ ей наслаждаться рѣдкимъ счастьемъ... О самомъ проступкѣ даже намѣрены были и не упоминать; заявили, что молчаніе лучше всего... Тутъ привѣтливо относятся къ грѣшницѣ, ласкаютъ ее, чуть не на колѣняхъ готовы благодарить ее за то, что она раскаялась!.. Да если она и обнаружитъ раскаяніе—развѣ будетъ оно дѣйствительнымъ, искреннимъ, а не просто только вызваннымъ перемѣной извнѣ, благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ?.. А *онъ*?.. Неужели человѣкъ, котораго такъ унижали, готовы были смѣшать съ грязью—въ самомъ дѣлѣ сейчасъ же и возвратитъ цѣликомъ свое сердце особѣ, если эта особа соблаговолитъ снова протянуть ему руку?.. Навѣрно такъ и будетъ... Вѣдь не освободилъ же онъ ее даже тогда, когда она прямо объявила, что ненавидитъ его!..

Тутъ Кэта сильно разгнѣвалась. Подобный поступокъ мужчины она считала совсѣмъ не мужскимъ, такъ какъ это обнаруживало только жалкую, злосчастную слабость... Ей хотѣлось бы теперь на свободѣ, отъ всего сердца выплакать всю злобу, которая душила ее... Какимъ опытомъ обогатилась она! Урокъ этотъ омрачилъ ей не только жизнь, но и показалъ ей подъ черной дымкой прекрасный, лучезарный міръ... Однако, ощущение это скоро исчезло, потому что Кэта, послѣ упорной борьбы, подавила таки въ себѣ это странное чувство скорби, стряхнула разочарованіе и, повидимому, стала теперь еще хладнокровнѣе, спокойнѣе. Зачѣмъ плакать?.. И какое ей дѣло до всей этой отвратительной исторіи?.. Надъ чѣмъ ей задумываться тутъ? Рѣшительно нѣтъ ничего такого... Развѣ вотъ подумать о свадебномъ подаркѣ для сестры, напримѣръ, о коврѣ или диванной подушкѣ... Да, если свадьба дѣйствительно должна быть въ назначенный день, то мѣшкать нечего, надо приниматься за работу.

Въ комнату вошла тетюшка, держа въ рукахъ свѣженькую вѣтку бузины. Она положила ее на одѣяло

Колѣка изъ дому -- мыши на столѣ. Картина П. Бокса, граф. Велериса.

страждущей. Эта зеленая вѣтка поздравляла Генриэтту съ веселой, золотой весной, дыханіе которой продвигало цѣлебный бальзамъ. Старушка объявила, что займетъ теперь мѣсто у постели больной, и что Кэта можетъ преспокойно отправиться погулять, подышать въ саду свѣжимъ воздухомъ, пронизаннымъ солнечными лучами, а въ такой прогулкѣ молодая дѣвушка дѣйствительно нуждалась, такъ какъ слѣды вчерашней тревоги, утомленія ясно были видны на ея лицѣ.

Кэта быстро оставила комнату. Да, воздухъ и солнце—вотъ ея добрыя друзья! Они всегда отрезвляли ее, заставляли ощущать внутреннюю силу; подъ вліяніемъ ихъ она чувствовала, что наслаждается своею молодостью, свѣтлѣе смотритъ на міръ, причемъ болѣзненные, неприятныя ощущенія исчезаютъ... Тетушка права,—въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, подъ открытымъ небомъ, все такъ празднично, все цвѣтеть, благоухаетъ, а воздухъ, пронизанный лучами солнца, благотворно вѣетъ, вливая въ тѣло и душу „цѣлебный бальзамъ“.

Молодая дѣвушка остановилась на крыльцѣ; прекрасная грудь ея глубоко, порывисто дышала; она невольно подняла и выгнула руки—такія изящныя, настоящія дѣвическія руки, но крѣпкія, съ упругими, какъ сталь, мускулами. Сходя со ступенекъ, Кэта залюбовалась голубою далью; за низенькимъ палисадникомъ тянулись дуга, которые пересѣкали быстрыя рѣчки; вонь тамъ деревенскіе домики, двѣ-три колокольни... Но величественное сердце странное такое! Не смотря на все это великолѣпіе—оно все таки сжималось и чувствовалось стѣсненіе въ груди!.. А вонь оттуда, со стороны древняго сарая, примыкавшаго къ садовому забору, доносилось вѣселое щебетанье, — это спеваетъ черныя птички, съ металлически-блестящими спинками и рыжевато-коричневыми шейками, хлопотали около слухового окна. Первые ласточки прилетѣли. Слуховое окно издавна было ихъ мѣстопробываніемъ. Кэта, будучи еще ребѣнкомъ, любила наблюдать, лежа на травѣ, какъ эти птички влетали туда и вылетали, но какъ тогда тамъ было пустынно! Чирканье ихъ, подъ монотонный ропотъ волнъ, раздавалось какъ-то глухо среди безмолвія, царившаго надъ закрытымъ домомъ; тишина эта во времена только нарушалась легкимъ шумомъ, когда спѣлый плодъ срывался съ вѣтки и исчезалъ въ густой травѣ. А теперь—изъ открытыхъ оконъ неслись пѣсенки солидныхъ, избалованныхъ комнатныхъ птичекъ; надъ лужайкой, высоко въ воздухѣ, разстилался, въ видѣ прозрачнаго золотистаго покрывала, дымъ, выходящій клубами изъ вечной трубы; у сарая стояла собачья будка; сердитый, косматый дворовый песъ рвался на цѣпи, стремясь схватить красивую свѣтло-желтую курицу, которая, просто по глупости, слишкомъ ужъ смѣло подвигалась къ будкѣ, подбирая просыпанные зерна. Кухарка, вълѣдствіе желанія тетушки дьяконицы, привезла съ собою изъ деревни великолѣпнаго пѣтуха и пять курицъ. Старушка пожелала, чтобы у нея и тутъ все было по старому, какъ и во время оно въ миломъ церковномъ домикѣ.

Кэта отогнала курицу отъ будки, такъ какъ собака не переставала злиться и ворчать, и медленнымъ шагомъ пошла по тропинкѣ, обсаженной фруктовыми деревьями. Прошлогодня жесткая трава мѣстами нестрѣла тѣми голубыми цвѣточками, при видѣ которыхъ проясняется даже лицо угрюмаго старика. Это были первыя фіалки. Высокая, статная дѣвушка пресердно нагибалась, срывая ихъ, — едва ли будучи „мельничной мышкой“, сгибала она когда нибудь такъ свою спину. Кэта почти съ удивленіемъ думала теперь о томъ, что въ качествѣ единственной наследницы имущества дѣда, она еще нѣсколько недѣль тому назадъ была здѣсь хозяйкой... Деньги, уплаченныя докторомъ при покупкѣ этого мѣстечка, принадлежатъ, значитъ, ей и, вѣроятно, лежатъ ужъ тамъ—въ извѣстномъ желѣзномъ

шкафѣ. Но вѣдь деньги эти, нелегко скопленные, пріобрѣтены честнымъ трудомъ, смѣшаны теперь съ золотомъ хлѣбнаго барышника... Она вздрогнула и выронила собранныя фіалки. Жгучее чувство невыразимаго униженія, пережитаго стыда охватило ее. Кэта въ пѣломъ отчаяніи ломала руки. Она знала, что по материнѣ она принадлежитъ къ меньшей брати, но никогда еще не приходило ей въ голову желать себѣ иного проихожденія, напротивъ—Кэта даже рада была и благодарна, что ей достались въ наслѣдство отъ бабушки Зоммеръ и сила и великолѣпное здоровье... Вѣдь бабушка-то на холодкѣ, въ лѣсу, рубя древесные стволы, молодецки дѣйствовала топоромъ!..

Идя по берегу рѣчки, Кэта и сама не замѣтила, какъ постепенно ускорила шагъ. Теперь она почти бѣжала. На томъ мѣстѣ, гдѣ изгородь, сплетенная изъ вѣтвей боярышника (она окружала имѣніе доктора), спускалась по отлогости къ водѣ—ноблескивали на солнцѣ черенки стакана изъ молочного-благаго стекла, того самаго стакана, изъ котораго вчера вечеромъ, по просьбѣ Брука, она пила, чтобы успокоить нервы. Конечно, кухарка бросила эти стеклышки сюда—авось волна унесетъ ихъ—а вѣдь они напомнили молодой дѣвушкѣ то, что заставило ее снова вспыхнуть... Сердце ея какъ-то болѣзненно сжалось, жгучія слезы готовы были брызнуть... Это случалось съ нею каждый разъ, какъ только она вспоминала о вчерашней сценѣ въ кабинетѣ доктора. Да, съ „безумной“ головой своей она ужасно осрамилась!.. Положимъ, этотъ снисходительный, деликатный человекъ сейчасъ-же успокоилъ, утѣшилъ ее, но втайнѣ онъ все-таки не могъ не посмѣяться надъ этой „рослой, дюжей дѣвицей“, отличающейся такою ребяческою сентиментальностью... Хорошо-же,—подобной опрометчивости сердца ея, сострадательнаго до слабости, никогда больше и быть не должно, и не будетъ!.. Пусть лучше ее, Кэту, считаютъ жестокой, злой, называютъ настоящимъ зельемъ—ничего!.. Доктору, конечно, не придется ужъ больше подниматься надъ ней... Да вѣдь у него скоро и случая не будетъ увидѣть ее: Генриэтту на дняхъ, должно быть, перевезутъ на виллу, слѣдовательно, между виллой и докторскимъ домикомъ сношенія будутъ прерваны, и Брукъ „не захочетъ даже и имени-то нашего произнести“... Послѣ того, что случилось вчера вечеромъ при ней, Кэтѣ, какъ единственномъ свидѣтелѣ, не возможно, чтобы Флора повинилась, раскаялась; на раскаяніе ея рассчитывали, но если-бы даже докторъ, съ свойственной ему энергіей, настаивалъ на своихъ правахъ — все таки ничего бы не вышло... Онъ сегодня-же долженъ убѣдиться въ этомъ, сегодня — если она не явится сюда — все порѣшится. Ну, а вдругъ онъ поступитъ такъ, какъ боязливо предположила Генриэтта? Можетъ быть, Брукъ выйдя изъ дворца Фюрета, не въ состояніи будетъ полавить въ себѣ желаніе завернуть по дорогѣ на виллу, чтобы лично сообщить Флорѣ о счастливой перемѣнѣ обстоятельствъ?.. О, тогда пара маленькихъ брилліантовыхъ колечекъ на ея пальцѣ—безъ словъ, но краснорѣчиво, объяснятъ ему все; укажетъ, на что еще можетъ онъ надѣяться!..

Кэта вдругъ обернулась и побѣжала назадъ, на лужайку. Тамъ, около сарая, что-то ужасно зашумѣло, а такой шумъ могъ вѣдь испугать больную... Фуры, отчаянно вскикивая, бѣжали въ рассыпную; мохнатый песъ, волоча цѣпь, яростно набросился на свѣтло-желтую курицу, которая вывела таки его изъ терѣбнаго, разозлила. Молодая дѣвушка быстро очутилась возлѣ собаки и, какъ разъ въ ту минуту, когда хвостовыя перья жертвы пса взлетѣли на воздухъ—виѣпилась ей въ грязновато-бѣлый загривокъ. Кэта совѣмъ по-дѣтски хототала надъ оцѣпанной курицей, уже успѣвшей улизнуть въ дровяной сарай, гдѣ и раздавалось ея жалобное кудахтанье. Дѣвушка потащила собаку къ будкѣ. Упрямый звѣрь сопротивлялся, напрягалъ всѣ силы, чтобы

вырваться изъ рукъ, даже пытался схватить которуюнибудь изъ нихъ, но крѣпкая Кэта не уступала и неутомимо влекла куриного ненавистника къ деревянной тюрьмѣ его. При видѣ такой борьбы, каждый побоялся бы за молодую дѣвушку, потому что песь былъ изъ крупныхъ, сильныхъ, это былъ неукротимый дикарь съ рыжевато-желтыми полосами и пятнами на спинѣ и бокахъ, что напоминало тигра, однако всѣ успѣія его оставались тщетными. Сдерживая дикаря правой рукой, Кэта лѣвой вложила высочившій крючекъ цѣпи въ кольцо, ввинченное въ будку, и вдругъ, выпустивъ пса, далеко отскочила отъ него, но онъ яростно бросился за ней, схватилъ подолъ ея платья и истреблялъ его въ клочья.

— Ахъ, ты, негодий! проговорила она, грози пальцемъ сабакѣ, и стала разсматривать испорченную юбку. Со стороны моста въ эту минуту раздалися торопливые шаги... Кэта сейчасъ узнала, что это шелъ докторъ домой изъ города, но глазъ не подняла. Она не подняла. Она надѣялась, что Брукъ пройдетъ мимо, не обративъ на нее вниманія... Какъ знать, быть можетъ, онъ шелъ теперь прямо съ виалы и... въ весьма печальномъ настроеніи духа?... Сегодня онъ и безъ того вѣдь былъ такой унылый, сосредоточенный, молчаливый... Вчера вечеромъ Брукъ, прощаясь, сказалъ ей: „Покойной ночи, покойной вамъ ночи!“ Слова эти сказаны были (такъ теперь казалось Кэтѣ) особенно кроткимъ, невыразимо мягкимъ голосомъ, какъ будто ему хотѣлось дать понять, что съ этой минуты онъ уже не будетъ вести себя по прежнему...

Докторъ, вмѣсто того, чтобъ направиться къ дверямъ дома, прямо пошелъ къ Кэтѣ. Собака продолжала злобно ворчать и лаять. Брукъ грозно взмахнулъ палкой, и песь сейчасъ же угомонился, принявъ покорный видъ и растянулся возлѣ своей будки. Ударивъ нѣсколько разъ камнемъ по крюку, чтобъ онъ плотнѣе засѣлъ въ кольцо, докторъ бросилъ камень, выпрямился и сказалъ:

— Мнѣ, вѣроятно, придется сбить куданибудь эту собаку: она ужъ слишкомъ дика и неукротима. Положимъ, сторожъ она хорошій, но страхъ, внушаемый ею, чрезмѣрно великъ, а потому лучше съ такимъ стражемъ разстаться.

— Вы, правда, совладали съ ней, но, какъ мнѣ кажется, сознавая свою силу, вы легко увлекаетесь и проявляете безумную отвагу.

Брукъ проговорилъ это серьезнымъ тономъ, въ которомъ слышалось даже порицаніе; конечно, всю сцену схватки Кэты съ полосатымъ звѣремъ онъ хорошо видѣлъ еще издали (кустарникъ не былъ покрытъ листвою).

Кэта засмѣялась.

— О, пожалуйста, не думайте этого! У меня, какъ и у всякой дѣвушки, есть-таки въ душѣ изрядный запасецъ трусости, созналась она откровенно;—чужихъ собакъ я особенно боюсь и всегда стараюсь избѣгать ихъ, но въ критическія минуты приходится выручать себя. Тогда ужъ—прочь всякія слабости! Крѣпко стиснешь зубы и бросишься, очертя голову... Можетъ быть, по этой причинѣ я и казусъ тогда такой ужасно-храброй...

Докторъ слѣдѣлъ въ это время за вылетѣвшей изъ слуховаго окна ласточкой; теперь онъ улыбнулся, но не взглянулъ на Кэту. Ей показалось, что улыбкой этой Брукъ хотѣлъ сказать: „Полно, такъ-ли“?... Конечно, онъ все-таки былъ убѣжденъ, что она желаетъ представить изъ себя героиню и совѣмъ не по-женски чванится своей физической силой, а это было ей вовсе не по-нутру и, главное, тутъ не было правды.

— Вы сомнѣваетесь? спросила Кэта, взглянувъ на него полусерьезно, съ отфѣнкомъ плутовства.—А знаете-ли вы, что героиня-то, которая стоитъ передъ вами,

далеко еще не такъ давно очистила душу свою отъ остатковъ страха. перестала бояться ночного мрака и привидѣній?... (На губахъ ея игралъ прелестный юморъ, а ямочки на щекахъ стали еще глубже, милѣе). Ну, вамъ вѣдь, конечно, не безъпзвѣстно, что на старой „зѣмковой“ мельницѣ во всѣхъ уголкахъ сидятъ домовые, возятся генцельменхены, что самому Фюрету, строятелю мельницы, иногда приходится въ голову выбрать изъ своей дряхлой черной рамы и заняться собственноручно вытряханіемъ мучныхъ кулей?... Много тамъ и привидѣній является—все старые мельники, которые во время оно обвѣшивали на мукѣ бѣдняковъ, дававшихъ имъ зерна на помоль... Само собою разумѣется, Суза ничего не узнала отъ меня, передавалъ мнѣ такіе неопровержимые факты, и я такъ просвѣтилась, такъ твердо увѣровала во все это, какъ будто-бы выросла гдѣнибудь въ Тюрингенѣ, среди суетвѣрныхъ пряхъ. Что касается папѣ и Лукасъ, то они совѣмъ не должны были знать о существованіи этихъ причудливыхъ пугаль (Суза крѣпко выбранила-бы за это, да и мнѣ было-бы стыдно),—ну, тутъ-то, вотъ и приходилось мнѣ преодолевать всѣ страхи и, постукивая зубами, безпрекословно отправляться въ потемкахъ на чердакъ, если этого требовала система разумнаго воспитанія...

— Вы, значитъ, очень рано привыкли слишкомъ много требовать отъ нравственной, душевной своей силы... Хорошо, но... послѣ этого, почему-же вы такъ легко предполагаете, что мужчина способенъ поступить такъ жалко... обнаружить трусость, слабость?...

Кэта вспыхнула, кровь бросилась ей въ лицо.

— Вы вѣдь вчера простили мнѣ опрометчивость мою, проговорила она задорнымъ тономъ и видимо обидѣвшись, причемъ отвернулась и нѣсколько разъ провела рукою по локонамъ, какъ-бы отбрасывая ихъ со лба, а на самомъ дѣлѣ желая прикрыть чѣмънибудь сильно-зарумянившееся лицо.

Брукъ покачалъ головой.

— Вамъ не слѣдовало-бы повторять этого выраженія; о прощеніи и рѣчи быть не можетъ... Вѣдь я вчера еще старался увѣрить васъ, что вы меня ничуть не обидѣли...

Тутъ онъ понизилъ голосъ—такой прекрасный, звучный голосъ, какъ будто ему пришлось коснуться чего-то такого, что втайнѣ уже существовало между ними, но о чемъ никто въ мірѣ не долженъ былъ знать...

— Говоря такъ, я хотѣлъ лишь сказать, что тщетно стараюсь объяснить, найти мотивъ... причину вашихъ вчерашнихъ опасеній...

Кэта мелькомъ взглянула на домикъ. Лицо ея опять прояснилось и стало по прежнему такимъ милымъ, нѣжно-розовымъ, какъ цвѣтокъ яблонн; на губахъ трепетала сдерживаемая улыбка... Даже странно какъ-то было видѣть эту головку, увѣчанную роскошной свернутой косою, это дѣтски-плутоватое личико на строго-прекрасномъ бюстѣ Юноны!... Она указала на роковое угольное окно и проговорила:

— Давно, очень давно, жила тамъ прелестная, благородная женщина...

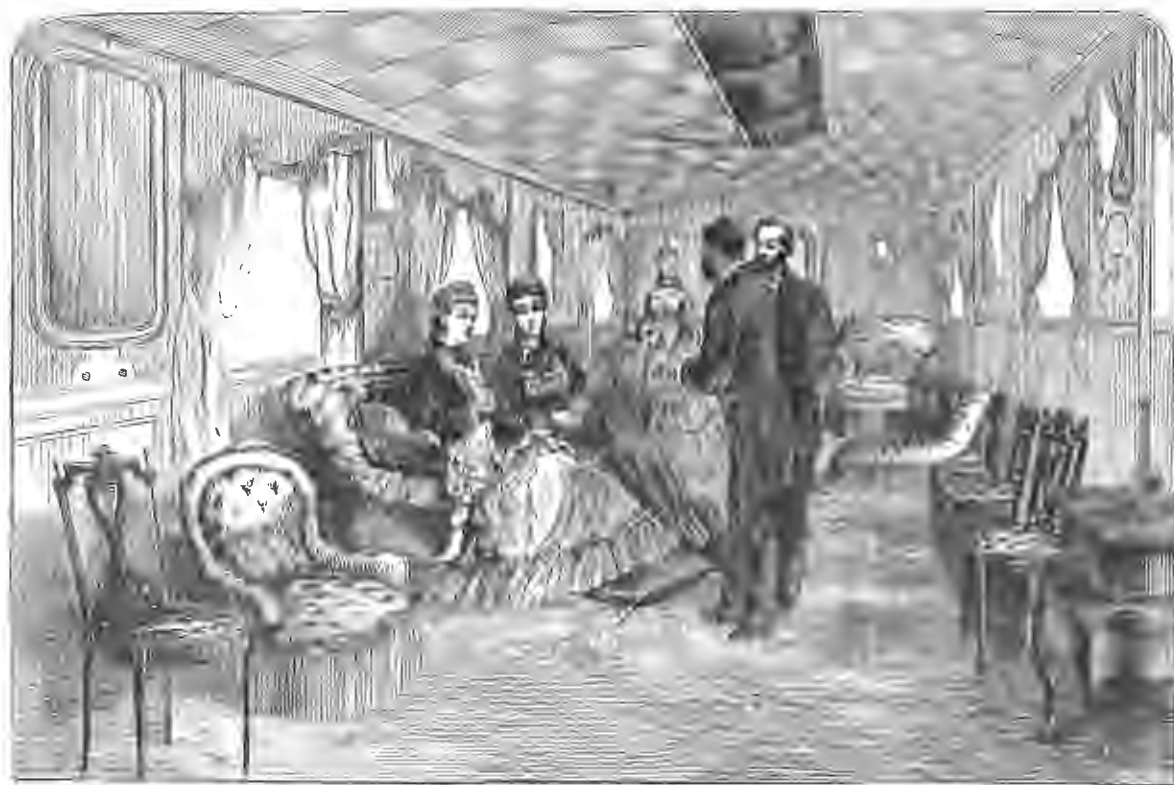
Брукъ перебилъ ее:

— А-а, романическая исторія, которую *тоже* вѣрно рассказываютъ за прилкой!... И такъ, трагическій конецъ... смерть покинутой женщины—это-то и было причиной...

— Не одно это. Всего больше Генриэтта напугала меня...

— Но она больна; нервная система ея сильно потрясена, а это дѣлаетъ ее въ умственномъ отношеніи ненормальной, болѣзненной... Вы-же здоровы и тѣломъ и духомъ.

— Это правда, но есть вещи, о которыхъ своего собственного сужденія не имѣешь, потому что молодость, незнаніе...

Американская желѣзная дорога. Внутренность общаго салона.

Американская желѣзная дорога Внутренность дамскаго отдѣленія.

— Относительно, напимѣрь, чувства любви, снова перебилъ докторъ и взглянулъ на дѣвушку мелькомъ, робко...

— Да, подтвердила она просто, спокойно.

Онъ опустилъ голову, вновь впадая въ глубокое раздумье...

Американская медьная дорога. Видъ общей столовой.

красивымъ столомъ. Она думала, что его нарочно поставили тутъ, чтобы она могла забавляться, раскладывая на немъ собранные фрукты, цвѣты и камешки. Теперь, конечно, Кэта знала, что это былъ не столъ, а пьедесталъ исчезнувшей статуи; на горизонтальной, верхней, сторонѣ куба, покрытой зеленымъ мхомъ, уцѣлѣли остатки маленькой, хорошенькой ножки.

Молодая дѣвушка ласково погладила эту ножку.

— Тутъ стояла нимфа, а можетъ быть муза, заговорила она, — и навѣрно ручки ей были подняты: стройная фигурка улетала въ высь, только кончикъ ножки и прикасался къ камню.. Я живо представляю себѣ эту нимфу, благодаря только вотъ этимъ остаткамъ. Прекрасная головка статуи, быть можетъ, была обращена лицомъ къ мосту... Нимфа *тоже* глядѣла на всадника, ѣхавшаго черезъ мостъ сюда, а потомъ видѣла она и горделивую хозяйку замка въ ея цвѣтномъ парчевомъ платьѣ...

Кэта, сама не зная почему, вдругъ умолкла и взглянула въ лицо Брука... Мысли его, очевидно, были гдѣ то далеко; онъ не слышалъ ея словъ, но, должно быть, то, о чемъ онъ думалъ — навѣрно дѣйствовало на его душу подавляющимъ образомъ... Въ самомъ дѣлѣ, Кэтѣ пришлось въ первый разъ такъ ясно замѣтить на этомъ благородномъ, прекрасномъ, спокойно-характерномъ лицѣ печать тоски... Флора!... Да, она была проклятіемъ для этого человѣка!... Страсть его къ ней сгубить его...

Молодая дѣвушка, внезапно замолчавъ, заставила этимъ доктора поднять глаза.

— Ахъ, да! Вы объ этой статуѣ... заговорилъ онъ, видимо собираясь съ мыслями... Практическіе люди, долго тутъ хозяйничавшіе, находили удовольствіе въ уничтоженіи подобныхъ украшеній. Говорятъ, прежде весь садъ изукрашенъ былъ статуями изъ песчаника, да и теперь еще въ кустарникѣ встрѣчаются такіе-же пьедесталы. Я постараюсь устроить здѣсь все по старому. Хотя садъ со временемъ почти заглохъ, но распланировка его еще видна.

— Тогда тутъ будетъ очень красиво, весьма даже аристократично, но уже не будетъ этой великолѣпной, дикой зеленой чащи... Видъ измѣнится изъ вашего кабинета...

— Въ моемъ кабинетѣ — съ октября поселится одна добрая пріятельница моей тетюшки, перебилъ онъ ее спокойно: — я осенью переберусь въ Л—гъ.

Кэта удивленно посмотрѣла на доктора и, невольно сложивъ руки, воскликнула: — Въ Л—гъ?... Боже мой, такъ вы хотите разстаться съ ней?

Какъ же она къ этому относится?...

— Флора?... Само собою разумѣется, она побѣдетъ со мной.

Брукъ сказалъ это ледянымъ тономъ, однако въ глазахъ его блеснулъ огонекъ горечи и гнѣва.

— Не думаете-ли вы, что я оставляю вашу сестру здѣсь?... Относительно этого можете быть спокойны...

О, какъ рѣзко звучалъ его голосъ!...

Кэта спросила не о Флорѣ, о тетюшкѣ она спраши-

Они стояли около большого камня изъ песчаника, въ формѣ куба, который лежалъ среди лужайки, какъ разъ противъ крыльца. Брукъ машинально стукнулъ концемъ палки въ этотъ камень... Въ былыя времена песчанниковый кубъ былъ для Кэты довольно оригинальнымъ,

вала, но теперь никак не могла указать на это недо-
разумѣніе, такъ ужь смутилъ ее отвѣтъ Брука... Въдъ
Брукъ такъ увѣренъ былъ, что не ошибается.

— Вы только сейчасъ съ вилды? спросила она роб-
ко, съ лихорадочнымъ волненіемъ.

— Нѣтъ, я совсѣмъ и не былъ на вилдѣ, отвѣтилъ
докторъ, подчеркивая словечко „не“... Кѣтъ показалось,
что онъ просто смѣется надъ ней.. Такой деликатный
человѣкъ, никогда не позволявшій себѣ подтрунивать—
и вдрутъ—смѣется!..

— Да и вообще я не имѣлъ еще сегодня счастья видѣть
кого-либо изъ тамошнихъ обитателей. Съ Морщемъ я
бы охотно повпался, но въ то время, какъ я прохо-
дилъ мимо вилды— гости его только что кончили зав-
тракъ, ну, развеселились, зашумѣли... По этой причи-

нѣ лучше ужь было удалиться незамѣченнымъ, что я
и сдѣлалъ.

А, значитъ, съ Флорой онъ и не говорилъ сегодня
и не смотря на это—какая въ немъ увѣренность!...
Ужасно!.. Эта пожелала быть теперь какъ можно по-
дальше отъ всей этой исторіи; ей казалось, что она—
несчастливая дочь Пріама, которая, среди толпы ослѣп-
ленныхъ, одна только и видѣла истину... Хорошо еще,
что въ эту минуту около будки опять чуть было не
досталось хвосту свѣтло-желтой курицы: курица, забывъ,
о данномъ ей урокъ, смѣло приближалась къ своему
свирѣпому неприятелю. Молодая дѣвушка воспользова-
лась этимъ обстоятельствомъ, чтобы прекратить разго-
воръ, и, подбѣжавъ къ глухой птицѣ, загнала ее въ
сарай, а дверь сарая заперла засовомъ.

(Продолженіе будетъ)

Кошка изъ дому—мыши на столѣ.

Такъ называлъ авверскій художникъ (М. Бонъ) свою прекрас-
ную картину. Она не нуждается въ объясненіяхъ. Хозяева
ушли куда то въ гости, и прислуга, воображивъ, что они долго
не вернуться, устроила себѣ маленькій шпръ. Они разсѣлись
на диванчикѣ. Метръ д'отель, закуривъ добрую сигару, предла-
гаетъ хорошенькимъ горничнымъ десертъ. Онъ любезенъ и до-
воленъ успѣхомъ своего угощенія и остроумія. Онъ такъ смѣ-
ется и съ такимъ аметитомъ кушаютъ предложенныя лаком-

ства. Какъ они все сконфузятся и какъ вытянутся ихъ лица,
когда они обернутся и увидятъ хозяевъ, возвратившихся ра-
це, чѣмъ ихъ ожидали. Мы видимъ уже хозяевъ, но передъ
ними пока беззавѣтное веселье. Судя строго, это веселье про-
тивозаконное, но кто Богу не грѣшенъ. Конечно, лучше ве-
селиться, нежели послѣдствій. Истина эта, къ сожалѣнію, не
для всѣхъ доступна, — и запретнымъ плодомъ люди искони
набѣгаются.

Вагоны американскихъ поѣздовъ.

Передъ нами три вида американской желѣзно-дорожной жи-
зни. Судя по приложеннымъ рисункамъ, она полна довольства
и удобствъ намъ незнакомыхъ. Довольство жизнью, ея удоб-
ства, роскошь, комфортъ дѣйствуютъ на воображеніе обаятельно.
Мало этого—онѣ являются иногда и двигателями нашей
дѣятельности. Но вѣрными и полезными двигателями все это
является только тамъ, гдѣ каждый, затративъ известную сум-
му личного труда, можетъ разсчитывать на опредѣленное улуч-
шеніе своего быта съ возможно меньшими потерями въ пользу
другихъ. Сознать, что улучшение личного положенія зависитъ
отъ опредѣленнаго числа часовъ суточной работы, отдаться съ
убѣжденіемъ этой работѣ и достигнуть ожидаемыхъ результа-
товъ—значитъ жить, а жить хочется всякому.

Америка долго, до современнаго переполненія ея работни-
ками-переселенцами и искателями приключеній, удовлетворяла
этому условію. Въ этомъ и была ея зазывающая сила, перема-
нившая изъ Европы столько эмигрантовъ. Поставленные въ не-
обходимость упорно трудиться своими руками, они долго не
встрѣчали никакого соперничества или конкуренціи и посте-
пенно улучшая свое личное положеніе, не мало способствова-
ли ея вышшему величію, созданному прежде всего рука-
ми свободныхъ работниковъ. Не будемъ говорить о томъ, что
представляетъ Америка для такихъ работниковъ теперь, ко-
гда въ ней уже являются разнородныя монополіи, эксплуата-
ція труда и множество злоупотребленій администраціи. Во
всякомъ случаѣ много изъ современнаго прекраснаго у аме-
риканцевъ и притомъ труднаго для насъ, есть именно слѣдъ
ея прежней, кипучей дѣятельности, ея ежедневнаго труда
и заработка, поставившаго начинателей въ такія немисль-
мыя для европейца условія удобства, довольства и роскоши
жизни!

Примѣромъ этого могутъ служить и приведенные нами ваго-
ны американскихъ желѣзныхъ дорогъ. Конечно, эти вагоны по-
строены для достаточнаго класса людей, но есть ли для нихъ
что нибудь подобное въ Европѣ? Нашъ капиталистъ, взявшій
за большіе деньги экстренный поѣздъ, ни въ какомъ случаѣ не
будетъ пользоваться тѣмъ, что предоставляется въ Америкѣ бо-
гатымъ пассажирамъ и въ общихъ поѣздахъ. Преимущество

это важно, въ немъ сводится многое, выражаемое коротко
такъ: богатымъ американцамъ живется лучше, чѣмъ богатымъ
европейцамъ, т. е. Америка выработала для матеріальной жи-
зни больше, чѣмъ Европа.

Посмотрите на этотъ дамскій вагонъ. Многія ли изъ дамъ
Европы пользуются на переѣздахъ такими удобствами, такими
будуарами. Эта всякая качающаяся постель, такъ же заман-
чиво приглашаетъ въ свое лоно счастливую обладательницу ея,
какъ и неподвижная постель домашней спальни. Протянувъ
попки подъ стознъ туалетнаго зеркала, также какъ и дома—
американка отдала въ распоряженіе горничной свою хорошень-
кую головку и несмотря на то, что поѣздъ летитъ со скоростью
50—60 верстъ въ часъ, несмотря на все путевыя тревоги, она
выйдетъ изъ этого вагона въ общую залу, также въ вагонъ—
только другомъ, не менѣ свѣженькая и мыленькая, чѣмъ и въ
обыкновенномъ домашнемъ быту. Вагонъ—куда она перейдетъ,
имѣетъ всю обстановку салона; онъ настолько же идетъ къ
ней, какъ гнѣздышко—къ птичкѣ. Прекрасная мебель, ковры,
кипески, вазы, цвѣты, а главное любезныя американскіе джен-
тльмены и сосѣдки, обитательницы другихъ такихъ же будуа-
ровъ, не дадутъ задуматься и соскучиться молодой путешествен-
ницѣ, имѣющей все права не только быть веселою и счаст-
ливою, но и дѣлать счастливыми другихъ. Мистеръ Робертъ
Репдель рассказываетъ такія уморительныя вещи, что нельзя
не смѣяться, мистеръ Хаупкинсонъ, совсѣмъ другое дѣло: тол-
стый, съ огромной дѣвочкой на животѣ, все говоритъ о камен-
номъ углѣ или читаетъ газету—съ нимъ скучно и зачѣмъ онъ
торчитъ тутъ, шель бы себѣ въ бібліотеку; при немъ и мис-
трисъ Хаупкинсонъ все какъ-то помалчиваетъ, а ей такъ и
хочется разговориться съ Джорджемъ Раулингомъ... Но вотъ
входитъ во фракъ слуга и приглашаетъ общество къ завтраку.
Подавъ дамамъ руки, джентльмены переводятъ ихъ въ дру-
гой, столовый вагонъ: поѣздъ продолжаетъ летѣть,—и весело си-
дятся за роскошнымъ, отлично сервированнымъ столомъ, видя
передъ собою летящія поля плантацій, коттеджи, фермы и
нейзажи хорошо обработанной земли, труженника—жителя по-
лей и временнаго посѣтителя того города, куда съ такою быстро-
тою мчится поѣздъ.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства. ВЫСОЧАЙШИЯ ГРАМОТЫ.

I.

*Нашему тайному совѣтнику, чрезвычайно-
му посланнику и полномочному министру
при его величествѣ королѣ Италіи, борону
Карлу Искулю.*

Во вниманіе къ ревностной службѣ вашей

и отличнымъ трудамъ, понесеннымъ при ис-
полненіи возложенной на васъ обязанности,
Всемилоостивѣше пожаловали Мы васъ ка-
валеромъ Императорскаго ордена Нашего
святаго равноапостольнаго князя Владимира
второй степени, коего знаки при семь пре-
провождая, повѣщаемъ вамъ возложить на
себя и носить по установленію. Пребываемъ
Императорскою милостію Нашею къ вамъ
благодарны.

II.

*Нашему генералъ-адъютанту, генералъ-лей-
тенанту, чрезвычайному и полномочному
послу при его величествѣ султану, Нико-
лаю Иманъеву.*

Отлично исполненіе многотрудныхъ обя-
занностей, довѣриемъ Нашимъ на васъ воз-
ложенныхъ, даетъ вамъ право на особенное
Монаршее благоволеніе, въ ознаменованіе

когого Всемилостивѣйше пожаловали Мы вамъ препровождаемые при семь знаки Императорскаго ордена Нашею святою благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго съ алмазными украшениями. Препиваемъ императорскою милостию Нашею къ вамъ благосклонны.

III.

Нашему генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту, чрезвычайному и полномочному послу при французскомъ правительствѣ, князю Николаю Орлову.

Въ ознаменованіе особенной Нашей признательности за доблестное служеніе ваше Престолу и Отечеству, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашею святою благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, коего знаки при семь препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Препиваемъ Императорскою милостию Нашею къ вамъ благосклонны.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*АЛЕКСАНДРЪ*».

Въ С.-Петербургѣ, 4-го апрѣля 1876 года.

Дѣла церкви.

30-го марта, по словамъ «Риж. Вѣстн.», епископъ рижскій и митавскій, вмѣстѣ съ начальникомъ края барономъ Искулемъ, осматривалъ мѣсто, отведенное подъ постройку православнаго собора въ Ригѣ. Соборъ, котораго Высочайше утвержденный планъ составленъ архитекторомъ академикомъ г. Флугомъ, построенъ будетъ въ византійскомъ стилѣ; онъ будетъ имѣть пять куполовъ и вмѣщать въ себя отъ 2—3,000 человѣкъ. Постройку опредѣлено кончить въ теченіе пяти лѣтъ. Соборъ будетъ находиться на срединѣ эспланадной площади въ небольшомъ разстояніи отъ Александровскаго бульвара, фасадомъ къ тому же бульвару.

Военное дѣло.

ИЗЪ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Въ бывшемъ Коканскомъ ханствѣ, нынѣшней Ферганской области, большой процентъ кочевомо населенія составляютъ кара-киргизы, кочевья которыхъ сгруппированы, главнымъ образомъ, въ горахъ восточной и южной части долины Ферганы. По водвореніи спокойствія, въ минувшемъ февралѣ, на всемъ пространствѣ нынѣшней Ферганской области, населеніе бывшаго Коканскаго ханства повсемѣстно изъявило покорность, радостно привѣтствуя принатіе его въ русское подданство. Этому всеобщему настроенію населенія Ферганской долины не послѣдовали лишь нѣсколько кара-киргизскихъ родовъ и между ними наиболее значительный родъ Барга. Сосредоточившись, подъ предводительствомъ Абула-бека, въ Гульшѣ, этотъ родъ упорствовалъ въ подчиненія русской власти и въ изъявленіи покорности. Раннею весною, въ концѣ февраля и началѣ марта, кара-киргизы, вымучивъ въ юго-восточномъ углѣ Ферганской долины, обыкновенно перекочевываютъ на лѣтовку на Алай. По совершеніи ими этой перекочевки, трудно было бы подчинить ихъ нашей власти. Въ этихъ видахъ, генералъ-лейтенантъ Колпаковскій командировалъ генерала Скобелева въ Ушъ, съ тѣмъ, чтобы кара-киргизамъ данъ былъ трехдневный срокъ для изъявленія покорности и вноса части кибиточнаго сбора; въ противномъ случаѣ предполагалось употребить противъ нихъ вооруженную силу.

Нынѣ, какъ передаетъ «Русск. Инв.», получена отъ генерала Колюпанова телеграмма изъ Ходжента, отъ 25-го марта, изъ которой видно, что, по донесенію генерала Скобелева, кара-киргизскіе родоначальники изъявили въ Ушѣ полную покорность; изъ

рода Барга явились бѣи всѣхъ подраздѣлений, исключая Абула-бека, Омаръ-бека и Сулейманкула. За Абуломъ-бекомъ посланы 50 вооруженныхъ джигитовъ.

— По сообщенію главнаго военнаго прокурора, объявлено по войскамъ гвардіи приказаніе о восполнѣдованіи 18-го марта сего года Высочайшемъ повелѣніи относительно приостановленія пріема офицеровъ въ военно-юридическую академію на будущій 1876—77 учебный годъ.

Морское дѣло.

«Петербургское общество естествоиспытателей» снаряжаетъ въ текущемъ году, между прочимъ, экспедицію для изслѣдованія фауны Каспійскаго моря. Море это, несмотря на значительныя затраченныя для изслѣдованія его суммы, до сихъ поръ чрезвычайно мало извѣстно въ научномъ отношеніи, особенно же относительно его животной жизни. Въ текущемъ году «обществу» удалось выхлопотать себѣ поую субсидію въ 3,000 рублей, и оно сооружаетъ ученую экспедицію, главная цѣль которой будутъ новыя обстоятельныя изслѣдованія и пополненіе уже собранныхъ данныхъ. Настоящая экспедиція предстанитъ какъ бы продолженіе арало-каспійской. По этому поводу высказывается сожалѣніе о томъ, что «общество» избираетъ для своихъ изслѣдованій столь отдаленныя мѣстности, какъ Каспійское море, тогда какъ районъ его дѣйствій собственно окрестныя мѣстности Балтійскаго моря, гдѣ еще далеко не окончены естественно историческія изслѣдованія, несмотря на близость этихъ мѣстностей отъ столицы.

— Пароходъ «Везувіусъ», шедшій изъ Одессы въ Роттердамъ съ грузомъ въ 13,000 четвертей хлѣба, столкнулся съ другимъ пароходомъ и пошелъ ко дну недалеко отъ Голландіи.

— Въ «Кронштадтскій Вѣстникъ» телеграфируютъ, что фрегатъ «Свѣтлана», подъ командою Его Императорскаго Высочества Великаго князя Алексѣя Александровича, 27-го марта (8-го апрѣля) благополучно прибылъ въ Швейцарію.

— Въ статьѣ «Арханг. Губ. Вѣд.» нѣсколько словъ о нашихъ сѣверныхъ мореходцахъ». приводятся факты, подтверждающіе сообщеніе нами уже не разъ мнѣніе, доказывающее, что пройденный въ прошедшемъ году Норденшельмовъ путь — путь не новый и не имъ открытый. Такъ, еще въ 1595 году голландскіе мореходы, дойдя до острова Калугева, извѣстнаго тамъ отъ нашихъ промышленниковъ, что холмогорцы ежегодно на своихъ ладьяхъ ходятъ въ рѣку Обь и даже до рѣки Енисея, чтобы торговать съ тамошними инородцами сушками и другими товарами. Плаванія эти совершались Карскимъ моремъ и Обскою Губой изъ Архангельска въ три и четыре недѣли, а изъ Оби въ Енисей — двѣ или три недѣли. Затѣмъ, обская экспедиція, предпринятая адмиралтействъ-коллегіей въ 1734—1738 годахъ, въ которой самое дѣятельное участіе принимали мезенцы, въ качествѣ лодчановъ, прошла въ 1737 году Бѣлыи Островъ, и 18-го августа вошла въ Обскую Губу, а въ 1739 году, моремъ же, вернулась въ Архангельскъ. Наконецъ, въ 1648 году сибирскій казакъ, Дежневъ, совершилъ плаваніе черезъ проливъ, получившій, 80 лѣтъ спустя, названіе Берингова, по имени мореплавателя, которому и приписана честь открытія этого пролива. Всѣ эти факты доказываютъ, что открытія въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ принадлежатъ не иностранцамъ, а, въ большинствѣ случаевъ, русскимъ поморамъ.

Слухи.

«Русскій Міръ» передаетъ, что носятя слухи, что на заключеніе министества путей сообщенія внесено предположеніе частнаго общества о проведеніи желѣзной дороги отъ Курска до Брянска, Орловской гу-

берніи, которая, соединивъ эти два города прямою линіею, вышла бы на воронежско-группевскую дорогу, къ станціи Каратаево. По мнѣнію учредителей, разрѣшеніе постройки этой вѣтви было бы важно въ интересахъ сообщенія одной части дороги отъ Каратаева до Курска съ киево-вололическою, а остальной до Брянска — для прямого сообщенія съ Ригою.

— Введеніе свидѣтельствъ на право ходатайства въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, какъ показываетъ опытъ, мало повліяло на измѣненіе состава нашей столичной неприслужной адвокатуры, такъ какъ почти всѣ ходатаи, подвизавшіеся въ нашихъ мировыхъ судахъ до введенія новыхъ правилъ, успѣли занести свидѣтельствами, несмотря на свою некомпетентность въ юриспруденціи. Въ виду этого, какъ слышали «Вирж. Вѣд.», въ административныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о введеніи испытаній на право полученія свидѣтельствъ на ходатайство по чужимъ дѣламъ. Сообщая эту слухъ, упоминаемая газета замѣчаетъ, что, по собраннымъ свидѣніямъ, свидѣтельства принесли свою долю пользы, такъ какъ частные повѣренные, допускавшіе до введенія новыхъ правилъ самыя возмутительныя промѣлки, въ настоящее время, подъ влияніемъ опасенія лишиться права ходатайства, сдѣлались гораздо осмотрительнѣе и осторожнѣе.

Извѣстія.

Издаваемая въ Петербургѣ литографированная газета «Correspondance de l'Agence Générale Russe» сообщаетъ, что депутація оренбургскихъ киргизовъ имѣла счастье представиться въ пятницу, 26-го марта, Государю Императору, оказавшему ей самый благосклонный пріемъ. Послѣ аудіенціи депутація была допущена къ обзоръ Зимняго дворца и Эрмитажа. На послѣднемъ смотру, на который была приглашена депутація, Государь Императоръ въволялъ милостиво сказать ей нѣсколько словъ. Изъ Петербурга депутація выѣдетъ послѣ Пасхи.

— Ликвидационная коммисія по дѣламъ коммерческаго ссуднаго банка въ Москвѣ предъявила, будто-бы, въ здѣшнемъ коммерческомъ судѣ искъ къ русскому къ вынѣшней торговли банку, въ Петербургѣ, въ суммѣ 287,000 р. по условію о поставкѣ вагоновъ главному обществу російскихъ желѣзныхъ дорогъ.

— Въ томъ же судѣ предъявленъ искъ обществомъ готобужскихъ фабрикъ и заводовъ къ петербургскому учетному и ссудному банку въ 12,000 руб. Первое дѣло будетъ слушаться 12-го апрѣля, а второе, кажется, 15-го апрѣля.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

- 1) **Б. О. М.** — нъ и **С. Д. Ч.** — нъ. Портретъ, который вы видите въднѣтъ на страницахъ Нивы, будетъ вскорѣ общенъ.
- 2) **В. Л.** въ Ялтѣ. На сколько извѣстно Редакціи Нивы, Редакція журнала «Прѣрода и Люди», расчиталась со всѣми своими подписчиками тѣсно, возвративъ имъ поднесенныя деньги, или передавъ таковыя, но желанію гг. подписчиковъ, въ Редакціи другихъ изданій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

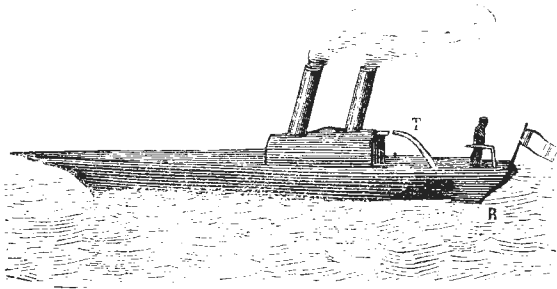
9-го апрѣля 1876 года.

	Покупка- цѣн.	Продажа- цѣн.
5% заемъ съ вынгр. 1-го выпуска	200	201 202 20 3/4
5% заемъ съ вынгр. 2-го выпуска	196	197 198 1/2
5% банк. бил. 1-го выпуска 100	100 1/4	100 100 1/4 1/8
5% » » 2-го » 100	100 1/4	100 100 1/4 1/8
5% » » 3-го » 100	100	—
5% обл. Сиб. Гор. Кред. Общ. 92 1/8	92 3/8	92 3/8 1/4
АКЦИИ.		
125 р. Гл. Общ. Рос. Жел. Дорогъ	162 1/2	162 3/4 162 162 1/4
125 » Рязанско-Днепробурск	132 1/2	—
100 » Московск.-Рязанск	333	—
225 » Орловск.-Витебск	13	—
16 ф. с. Витебск.-Днепр	141	—
100 р. Рязанск.-Бѣлогов	87	87 1/2 87 1/4 87
100 » Тамбовск.-Козлов	75 1/2	—
125 » Моск.-Врестек	78	78 1/2 —

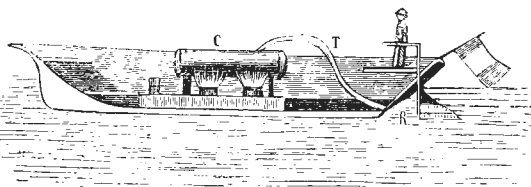
НОВЫЯ ИЗОБРЪТЕНІЯ.

Политехническія новости.

Воздушная паровая лодка. Подъ этимъ названіемъ мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ очень красивую и весьма поучительную игрушку, которая легко можетъ быть приготовлена всякимъ, болѣе или менѣе искуснымъ, жестяныхъ дѣлъ мастеромъ. Фигура 1, изображаетъ ея наружный видъ, а фигура 2, представляетъ ее въ продольномъ разрѣзѣ. Въ С представлень котелъ, отопляемый одною или двумя спиртовыми лампами и окруженный жестянымъ футляромъ съ двумя дымовыми трубами, — что способствуетъ равномерному и спокойному горѣнію пламени.

Фиг. 1.
Воздушная паровая лодка.

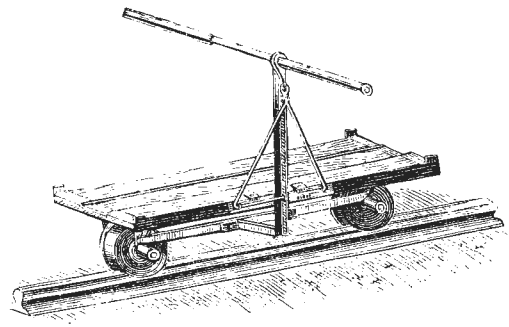

Фиг. 2.
Воздушная паровая лодка.

Съ котла сверху выходитъ паропроводная трубка, къ концу служивающая и горизонтально загнута назадъ. Другая болѣе широкая трубка, S—образно изогнутая, поставлена такимъ образомъ, что одинъ конецъ ея Т обращенъ какъ разъ противъ отверстія вышеупомянутой паровой трубки, а другимъ концомъ R открывается на достаточной глубинѣ подъ поверхностію воды, въ нижней части косога кормового планшера (т. е. задней поверхности лодки). Паръ, вгоняющійся съ сильнымъ напоромъ въ трубку Т, увлекаетъ съ собою туда большое количество атмосфернаго воздуха, который выступаетъ изъ отверстія R въ видѣ пузырьковъ; поднимающіеся изъ воды пузырьки, ударяя

на косую поверхность планшера, своимъ давленіемъ обуславливаютъ движеніе лодочки впередъ. Если придавать рулю косою положеніе, то лодочка приметъ вращательное, круговое движеніе. Игрушечныя пароходы съ дѣйствительнымъ паровымъ механизмомъ съ колесами или винтами не только стоятъ гораздо дороже, но представляютъ еще то неудобство, что, при сложности механизма, они несравненно скорѣе подвержены порчѣ, чѣмъ эта такъ просто и такъ остроумно устроенная игрушка.

Мадеронъ. Австрійскій оберъ-инженеръ К. Мадеръ въ Темшварѣ устроилъ недавно для мѣстной транспортировки рельсовъ, лежней и другихъ желѣзнодорожныхъ строительныхъ матеріаловъ—особаго рода тачку о двухъ колесахъ, представляющую ту особенность, что оба колеса, снабженныя желобообразною окружностію, вращаются не вокругъ одной оси, а стоятъ одно позади другого и могутъ такимъ образомъ двигаться по одному только рельсу. Тачка эта приводится въ движеніе од-

Мадеронъ.

нимъ или двумя работниками и посредствомъ поперечной рукоятки, что вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняетъ ее отъ опрокидыванія. Мадеронъ представляетъ ту несомнѣнную выгоду, что даетъ возможность по однополойному пути одновременно передвигать тяжести въ противоположномъ направленіи, и что въ случаѣ нужды, при внезапномъ приближеніи поѣзда, онъ гораздо легче снимается съ рельсовъ, чѣмъ обыкновенныя четырехколесныя вагоны, употребляемыя для этой цѣли.

СОДЕРЖАНІЕ: Кабакъ въ деревнѣ и горькія его ягоды (съ 2-мя рисунками). — Изъ путовой книжки (стихотвореніе) W. W. — Добыча съ берега (съ рисункомъ). — Въ домѣ коммерціи содѣлкана Повесть Э Марлитта (переводъ). — Кошка изъ дому — мыши на столѣ (съ рисункомъ). — Вагоны американскихъ поѣздовъ (съ 3-мя рисунками). — Разныя извѣстія. — Почтовый ящикъ — С.-Петербургская биржа. — Новыя изобрѣтенія. Политехническія новости (съ 3-мя рисунками). — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ (Босвъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1 Апрѣля вышелъ 7-й № спеціального журнала

„МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ“

Подписка продолжается. Цѣна въ годъ 4 р., съ дост. 5 р., и перес. 6 р. Съ 2 парижск., рускрамен., Модн. картинками, болѣе 120 вырѣзокъ и бесплатной преміей.

Редація въ С.П.Б. на углу Невскаго и Б. Морской, № 18/14 (подъ аптекой). Съ альбомомъ для вышиванія въ русск. и малорос. стилѣ, съ 25 рисункъ и описаніемъ въ 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 р. гг. подписчики на журналъ пользуются 50 н. уступки и книжныя магазины столько же — только при покупкѣ не менѣе 6 экз.

Р. S. Тутъ же за 5 р. и перес. 7 р. (безъ рамы) можно приобрести: 4 Олеографъ Ландшафта, (весна, лѣто, осень и зима). Выдѣленія же къ нимъ рамки: 4, 6 р., и „оруж.“, отправка и укупуорка 4 р. 2 тетради: Самоучитель чистописанія и рисованія, въ 15 уроковъ (съ порошкомъ для чернилъ) по 40 к. а съ пересылкой 70 к. за каждую.

Американскія эластическія подвязки, изъ двойнаго ряда гнуптой пружинки: высебрыныя по 1 р. 25 к., а позолоченныя 2 р. 10 к. за пару (дамскія и дѣтскія). На пересылку (однѣ или 2-хъ пары) прилагается 50 к. Выписывающіе должны и бо до за пересылку не платятъ. № 18.

№ 17. **Вышелъ 3-ій выпускъ** 3—2

Альбома рисунковъ къ соч. Гоголя, заключающей въ себѣ повѣсть „СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА“ изд. А. Н. Голяшкіна. Продается въ магазинѣ Фельтена. Нев. пр., № 20, въ С.-Петербургѣ.

КОНТОРЫ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. ПЕЧЕНКИНА И К^о
въ Казани и Екатеринбургѣ

Продаютъ выигр. билеты 1 и 2 з. съ разсроч. по 10 руб. Пер-
вый взносъ не менѣе 20 р. Страхуютъ билеты по 60 к. 5—5

ВЕНЦЕЛЬ.
МОЛОЧНАЯ МУКА

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскармлія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится **СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ И ПОДПИСЬ** Александра Венцеля, **ЕДИНСТВЕННАГО** агента моего для всей Россіи. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Вевѣ (Швейцарія).

Цѣна жестянки 85 к. безъ пересылки, въск. 1 1/4 ф.

№ 2.

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.
въ С. Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Грущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ. Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключикова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1875 года 75 к. съ перес.

Про что щбетала ласточка. Сочиненіе Шпильгагена. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкой.

26—12

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Мендѣна. 50 38

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
 Выданъ 26 Апрелья 1876 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всея другіе города и местечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
 На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

По военно-грузинской дорогѣ.

Чертова долина на Кавказѣ. Рис. Бланшаръ, грав. Моранъ.

По военно-грузинской дорогѣ.

(Листки изъ исторіи Кавказа).

Описывать военно-грузинскую дорогу—эту грандіозную и въ то же время изящную поэму природы—значило бы конкурировать съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, посвятившимъ ей страницы, исполненные высокой поэзіи. Да къ тому же кто незнакомъ по рассказамъ или лично съ этимъ чуднымъ уголкомъ Кавказа, гдѣ грозные пономары горныхъ вершинъ, громады мрачныхъ утесовъ смѣняются долинами, прелесть которыхъ не разъ вдохновляла истинныхъ поэтовъ.

Въ Ларсѣ начинается Дарьяль. Черная «трещина — жилище змѣя» открываетъ вблизи свою пасть. Вокругъ самаго мѣстечка поднимаются горы одна выше другой, такъ что между ними кажется жалкой саклей, величая сама по себѣ руина старой Грузинской крѣпости, словно орлиное гнѣздо нависнувшей надъ духанами и убогими осетинскими жилищами. Твердыня эта, вѣнчающая грозную массу утеса, повидимому оберегала нѣкогда входъ въ ущелье... Одинъ изъ путешественниковъ очень удачно охарактеризовалъ это небольшое мѣстечко: подѣзжая къ Ларсѣ, говоритъ онъ, вамъ кажется, что вы попали въ глухой переулокъ, изъ котораго нѣтъ другого пути кромѣ обратнаго. Стѣпившіяся горы большею частью застилаются здѣсь облаками, почти всегда ползающими по ихъ голымъ, скалистымъ ребрамъ. Вамъ дѣлается страшно отъ этой тѣноты, но вы еще только у входа въ Дарьяльское ущелье, чернѣющее въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крыльца станціи.

Въ Ларсѣ окрестность васъ гнететъ и давитъ. Точно что-то тяжелое легло на вашъ мозгъ, придавило ваши чувства. Потомъ свыкаешься съ этимъ, но начала дѣйствительно не говоришь ни слова, мысль не работаетъ, точно тупѣешь. Впрочемъ достаточно войти въ первый попавшійся духанъ, чтобы опять очнуться и прійти въ себя.

Тутъ настоящая суматоха и толкотня.

За стойкой, если она есть, а то просто на тохтѣ, въ заманчивомъ обществѣ козлинныхъ бурдюковъ, воссѣдаетъ красноносый, толстый армянинъ, равнодушно поглядывая на толпу осетинъ-потребителей его плохого вина. Пока въ духанѣ одни осетины—тишина мало нарушается. Эти—племя трезвое, молчаливое. Но бѣда если привалитъ сюда же партія солдатниковъ, пробирающихся куда-нибудь по военно-грузинской дорогѣ, или армяне-торговцы или черные евреи. Въ духанѣ тогда—дымъ коромысло! На все тихое мѣстечко звучатъ тогда громкія пѣсни, шумный споръ будоражитъ сосѣдей, смотришь—мало по малу и собираются сюда всѣ наличные обитатели деревни.

Осетины такое интересное племя, что нельзя не остановиться на немъ. Мы въ нашемъ очеркѣ воспользуемся неизвѣстными публикѣ превосходными изслѣдованіями кавказскаго ученаго Пфафа.

Сами себя они зовутъ ирѣ или иранъ и занимаютъ средоточіе Кавказскихъ горъ, т. е. мѣстности, лежація на сѣверъ къ Тереку и его западнымъ притокамъ вплоть до Кабарды. Верховье Ляхвы составляютъ южную границу этого племени. Всего ихъ до 65.000 человекъ, раздѣляющихся на четыре главныя отрасли: дигорцевъ, живущихъ въ суровыхъ верховьяхъ Уруха, это—превосходные и смѣлые охотники. Алагирцы, живущіе по Ардону, самая непривлекательная часть осетинскаго племени, отличающаяся трусостью и даже трусливостью. Тагаурцы заняли лѣвый берегъ Терека въ горахъ, у Ларской станціи. Это самое гордое и передовое племя между осетинами. Они себя считаютъ потомками Тагаура, по преданію, наслѣдника армянскаго престола, будто бы, спасагося въ горахъ отъ преслѣдованія своихъ братьевъ. Они поэтому причисляютъ себя къ высшему сословію и остальные ихъ очень недолюбливаютъ. Куртагинцы самое честное и преданное русскимъ осетинское племя живетъ на западъ отъ Тагаурцевъ за р. Ардона.

Чрезвычайно интересна исторія этого племени, разработанная въ Тифлисѣ г. Пфафомъ. Она восходитъ въ отдаленнѣйшія времена. Языкъ этого племени признаетъ индо-европейскимъ нарѣчіемъ. На этомъ основаніи доказывается, что осетины—иранцы по происхожденію и принадлежатъ къ той вѣтви мидо-персидскаго племени, которое извѣстно подъ названіемъ сарматовъ, жившихъ между рр. Дунаемъ и Дономъ. Донъ на мифическомъ осетинскомъ нарѣчій значитъ вода и рѣка: донъ-бире (Дибиръ)—много воды, плодородная рѣка, дон-стиръ (Дибиръ)—большая рѣка, Душе-донъ, всемирная рѣка. Тѣмъ не менѣе чистыми сарматами осетины не были. Въ отдаленнѣйшей древности они уже перемѣшались съ другими племенами и прежде всего съ какимъ-то самитскимъ племенемъ, общившимъ еврейскій отгѣнокъ наружности, челюстями и говору осетинъ. Осетинскіе обряды погребенія и жертвоприношенія во многомъ сходны съ древне еврейскими. У коренныхъ осетинъ сынъ почти всегда остается жить при отцѣ и всю жизнь безпрекословно подчиняется ему и всѣмъ старшимъ въ родѣ. Это—учрежденіе чисто семитское, патриархальное. По коренному осетинскому праву братъ былъ обязанъ жениться на вдо-

вѣ умершаго брата—тоже семитскій обычай. Всякій достаточный осетинъ, сверхъ законной жены имѣлъ наложницъ, дѣти которыхъ назывались кондасардами, потому что рождались въ ясляхъ. Они служили отцу и старшимъ братьямъ какъ рабы. У осетинъ является сверхъ того нѣсколько еврейскихъ именъ мѣстностей. По выводу Пфафа, Самиты, съ которыми смѣшались осетины, жили на Кавказѣ ранѣе XV вѣка до Рождества Христова.

Осетинскія преданія рассказываютъ о какихъ то нартахъ—богатыряхъ, пришедшихъ въ незапамятную старь изъ Азіи на Кавказъ—Во время ихъ нашествія средняя часть Кавказа была занята племенами Дзау и Задами. Нарты въ ущельяхъ Ардона, Нардона и Фиагодона долго боролись съ этими племенами. Главный мифическій герой осетинъ былъ Батурсъ. На сторонѣ же туземцевъ богатыри Бурефаарингъ и Сайнагъ. Они убили отца Батурса, за что этотъ мстил имъ кровью. Наконецъ онъ загналъ Сайнага въ крѣпость, гдѣ послѣдняго стали защищать ангелы, которые завлекли нартовскаго героя въ безводное мѣсто. Здѣсь стояла такая жара, что «мѣднѣй» черепъ Батурса раскалился и Батурсъ умеръ. Разложившеся тѣло его распространило страшный смрадъ по окрестности, отчего «и умерли многие ангелы». Оставшія послѣ смерти Батурса нарты смѣшались съ своими побѣдителями. Г. Пфафъ доказываетъ, что Дзау и Зай или Закъ были племенами семитовъ, а Нарты—мидо-персидскими. Изъ слиянія ихъ образовалось общее племя—осетинъ. Въ патриархальныя, управлявшіяся родоначальниками, семитскія общины древняго Кавказа Нарты внесли воинственность и личную волю. До I-го вѣка (до Р. Х.) осетины жили мирно и счастливо. Сказанія ихъ показываютъ этотъ періодъ блаженнымъ вѣкомъ. Женщины были у нихъ свободны, но послѣ великаго переселенія народовъ, когда въ въ Осетію ворвалось и поселилось одно изъ племенъ Аланъ, народъ оставилъ мирныя занятія и сталъ вести настоящую войну, состоявшую изъ грабежей. Тѣмъ не менѣе общины жили попрежнему, дворянъ у нихъ не было, народъ управлялся родоначальниками, ни царей, ни династій не существовало.

Тѣмъ не менѣе владычество римлянъ здѣсь было очень шатко. Оно поддерживалось подарками, дѣлаемыми вліятельнымъ осетинамъ, отличіями и чинами, раздававшимися Императорами—и только. Повидимому всѣ вѣрнопопдапническія обязанности аланъ состояли въ принятіи этихъ подарковъ и отличій.

Въ 569 г. Юстинъ II отправилъ къ Хозарамъ посольство. На возвратномъ пути оно «съ великимъ трескотомъ» сбѣгло въ Аланію, потому что боялось народа горскихъ и «московъ». Прибывъ къ Аланамъ, послы пожелали поспѣтѣ герцога осетинъ (dux) Ародія въ его столицы «Аланін». Аланія лежала въ долинѣ р. Терека, она не могла быть большою, потому что въ настоящее время на плоскости сѣверной Россіи не встрѣчаются остатки значительнаго древняго населенія. Это былъ просто аулъ, въ которомъ среди самой патриархальной обстановки жили потомки родоначальника осетинскаго владычельнаго или княжескаго дома. Позднѣе жилища Осетинъ находились въ ущельи р. Фиагодона, гдѣ теперь еще стоятъ древніе аулы Далагау, Ладже Цимити. На этомъ мѣстѣ накоплена такая масса камней, тщательно обгесанныхъ, что здѣсь долженъ былъ находится большой городъ. Въ девятомъ вѣкѣ осетины впервые почувствовали на себѣ вліяніе арабовъ. Рабъ и полководецъ Багдадскаго калифа Бугъ, сначала потерпѣвшій поражение отъ осетинъ, потомъ въ свою очередь разбилъ ихъ и по Дарьяльскому ущелью вывелъ изъ Осетинъ 300 семействъ для заселенія Дманиса. Затѣмъ исторія осетинъ—становится совершенно неизвѣстной.

Въ XI вѣкѣ у осетинъ является царскій домъ. Дочери осетинскихъ царей—на престолахъ Грузіи, Абхазіи и Византіи. Осетія имѣетъ многомодную и блестящую столицу. По всей Осетіи въ замкахъ живутъ феодалы. Всяду стѣны, башни, крѣпости, правильно сооруженныя. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ—таможенныя заставы. У осетинъ является аристократія съ ея роскошью и утонченными правами; распространяется грамотность. Понятно, что феодализмъ занесенъ былъ въ Осетію изъ Грузіи и первыми феодалами здѣсь были грузины. Только часть осетинъ, жившая на востокъ отъ Терека до Каспійскихъ воротъ,—до конца оставалась чуждой феодальной устройству и сохраняла свой семитскій порядокъ управленія родоначальниками. Тѣмъ не менѣе феодализмъ здѣсь не совсѣмъ уничтожилъ власть общины. Зачастую община подвергала сына своего феодала—собственному суду. Собственно, осетинскіе феодалы произошли отъ абрековъ, т. е. людей исключенныхъ изъ среды патриархальнаго общества, беззащитныхъ и безправныхъ, осужденныхъ на изгнаніе и поэтому ставшихъ разбойниками. Абрекъ значитъ «заключать». Это самый страшный звѣрь горъ, опасный для своихъ и чужихъ. «Кровь его стихія, кинжалъ—неразлучный другъ, самъ-же вѣрнѣйшій слуга шайтана». Завидѣвъ въ горахъ папаху кабардинку, опушенную бѣлымъ мѣхдомъ гор-

наго козла, а изъ подъ ея придеи густыя массы волосъ, раскинутыхъ вѣтромъ едвали не по плечамъ наѣзника — мутный и безумно-блуждающій взглядъ, бѣгите—это абрекъ. Дитя-ли женщина, дряхлый-ли старикъ—ему все равно, была бы жертва, была бы жизнь, которую можно отнять хотя бы съ опасностью потерять свою собственную. Абреки соединялись общинами, грабить вѣдь одному трудно. Въ общинахъ выделялись начальники, становившіеся феодалами, когда имъ удавалось завоевать себѣ достаточный кусокъ земли. Изъ осетинъ являлись люди, дѣлавшіеся абреками по побужденіямъ въ высшей степени благороднымъ: для защиты слабыхъ и угнетенныхъ. Очень хорошо замѣчаетъ, г. Пфафъ, что варягъ и абрекъ — одно слово и одно дѣло. Оба названія происходятъ отъ одного слова warg — пзгнанникъ. Вначалѣ осетинскіе феодалы боролись съ патриархальнымъ обществомъ, потомъ, подчинивъ его себѣ, стали бороться между собою. Въ это время выделялись болѣе сильные феодалы, присвоившіе себѣ названіе «алдаровъ» въ сѣверной Осетин. Наконецъ, въ борьбѣ выше всѣхъ сталъ одинъ феодальный домъ, главы которыхъ присвоили себѣ имена «великихъ царей». Такимъ образомъ явились и цари Осетин, опиравшіеся между прочимъ на духовенство. При нихъ границы Осетин значительно раздвинулись къ сѣверу и западу. Замѣчательно, что вольнолюбивые осетины не любятъ вспоминать періодъ царей изъ своей исторіи. Тѣмъ не менѣе «великимъ царямъ» Осетин принадлежала вся страна, занятая теперь кабардинцами и татарами. Послѣ царя осетинскаго, Доргулея, сильные феодалы отложились и образовали удѣлы. Пришли татары и захватили часть Осетин. Въ концѣ XI вѣка — въ Осетин уже не было царя, а существовало только множество мелкихъ владѣній. Царская власть опять уже всплываетъ наверхъ при Багратидяхъ. Царица Тамара, выйдя замужъ за одного изъ царей осетинскихъ, соединила подъ своею властію, Осетию и Грузію. Съ начала появленія царей и до конца ихъ столица помѣщалась въ долинѣ р. Фиагока, о чемъ мы уже говорили. Тутъ встрѣчаются замѣчательныя развалины, остатки восточныхъ бань. Вообще видно, что тутъ жили люди передъ которыми нынѣшнее населеніе осетинъ — полудикари. Тутъ есть развалины монастыря, высѣченнаго въ скалѣ, кругомъ на окрестныхъ горахъ видѣются древнія башни. На рынкѣ Осетинской столицы обращались грузинскія деньги.

При царяхъ Осетія выставляла 40,000 войска. За службу всей страны войска хорошо вознаграждались. Военно плѣнные дѣлались рабами. Въ осетинскихъ замкахъ время убивалось на оргіи. Г. Пфафъ такимъ образомъ описываетъ рыцарскіе осетинскіе банкеты того отдаленнаго времени. Въ просторной комнатѣ башни сидѣлъ рыцарь съ своими гостями, каждый на красивомъ полукругломъ креслѣ. По пріѣздѣ гостей отдавалось приказаніе зарѣзать нѣсколько барановъ или одного быка. Въ задней комнатѣ замка, женщины съ помощью рабовъ варили мясо или жарили его на вертелѣхъ и приготавливали шашлыкъ, — переданный древними обитателями Кавказа въ наслѣдство намъ. Куски мяса кладались на маленькіе, круглые и низкіе треножники, замѣняющіе у осетинъ столы. Оруженосецъ бралъ такой столикъ и относилъ въ комнату, гдѣ сидѣли гости. Тамъ онъ ставилъ его передъ почетнѣйшимъ изъ нихъ. Подъ столикомъ на особенной тарелкѣ клалась баранья голова. Второй оруженосецъ являлся съ кружкой воды, ручной мойникомъ и полотенцемъ къ тому же почетнѣйшему гостю. Рыцари поочередно мыли себѣ ротъ и полоскали руки, между тѣмъ комната наполнялась людьми, становившимися полукругомъ въ полномъ вооруженіи съ палахами на головахъ. Третій оруженосецъ вносилъ кувшинъ араки. Наполнивъ имъ гладкій бараний рогъ, подносилъ его почитительно хозяину. Тотъ снималъ палахъ и, сказавъ краткое привѣтствіе почетнѣйшему гостю, опоражнивалъ рогъ до дна. При этомъ присутствовавшіе желали ему «добраго пути» и восклицали «съ богомъ!» Старшій гость, взявъ пальцами кусокъ мяса начиналъ обѣдъ. Передъ каждымъ гостемъ на столикѣ разсыпали горсточку соли. Рогъ поочередно обходитъ обѣдающихъ, 20—30 разъ каждый опорожнялъ его и ѣлъ пока принималъ желудокъ. Послѣ араки пили пиво, наиболѣе уважаемый у осетинъ напитокъ. Напившись вдоволь, старшій гость съѣдалъ половину бараньей головы, а остальную часть отдавалъ второму нослѣ себя гостю, затѣмъ приносили въ деревянныхъ чашкахъ, приправленный зеленью и лукомъ, бараній супъ. Попойка продолжалась нѣсколько часовъ. Рыцари заѣвали веселую пѣсню или призывали баяна, который подъ аккомпаниментъ двухструнной осетинской скрипки монотоннымъ голосомъ воспѣвалъ древнихъ царей. Это продолжалось часовъ по пятнадцати. Рыцари выпивали цѣлыя бочки—но никогда не пьянѣли. Опьянѣніе считалось величайшимъ стыдомъ. Осрамявъ себя такимъ образомъ, рыцарь готовъ былъ на самоубійство. Народъ любовався на эти пиршества, не смѣя даже присѣсть. По окончаніи праздника оруженосецъ приносилъ опять воды. Рыцари мылись и ложились спать.

Асетія или Акація никогда не была государствомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Со II вѣка по Р. Х. Грузины, побѣдившіе Осетинъ, хотѣли создать изъ нихъ феодальное государство на южныхъ склонахъ хребта. Исторія аланъ-осетинъ, по словамъ г. Пфафа, была постоянной войной. На плоскости

они нѣсколько разъ были поражаемы и спасали свое существованіе уходя въ глубокія ущелья Кавказа. Мужчины знали одну войну, земледѣіемъ занимались урывками также въ горныхъ ущельяхъ. На плоскостяхъ они же отбивали у пришельцевъ-номадовъ стада, которыми и кормились. Въ битвахъ осетинъ зачастую участвовали женщины. Всѣ стремленія аланъ были направлены къ тому, чтобы главнымъ образомъ отстоять свои ущелья, особенно же Куртатинское и Валаджирское въ которыхъ по временамъ помѣщался весь осетинскій народъ. Голодъ ихъ опять выгонялъ оттуда на плоскость. Осетинскіе аланы были люди жестокие и безпощадные. Они погубили по найму на службу къ армянамъ, грузинамъ, персамъ, хазарамъ, дрались тамъ только за плату и часто измѣннически переходили къ неприятелю. Во время этихъ же войнъ Осетины застроили входы въ свои ущелья стѣнами. И теперь даже въ болѣе обширныхъ ущельяхъ, обитаемыхъ ими, встрѣчаются остатки этихъ стѣнъ, запертыхъ двери, въ котловинахъ гдѣ въ полной уже безопасности обѣдали аланы. Стѣны эти нельзя смѣшивать съ великой Кавказской стѣной, которая подобно Китайской, пересѣкала Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Чернаго моря. Они и построены иначе и въ другихъ направленіяхъ. Аланы и Осетины очень усилились. Такъ, во время похода Помпея на Кавказъ, покорившіеся сначала аланы (осетины) поднялись потомъ и выставили противъ римлянъ по Аппіану 60.000 ч. пѣхоты и 22.000 конницы. Помпей остался побѣдителемъ, и римскіе солдаты замѣтили много женщинъ, сражавшихся въ амазонскихъ дружинахъ. Разрывая трупы убитыхъ, они нашли амазонскіе щиты и женскую обувь. Тутъ впервые появляются свѣденія о царствѣ амазонокъ, жившихъ близъ Каспія. Свѣденія эти настоятельно повторяются потомъ многими писателями. По словамъ Зонараса между царствомъ Амазонокъ и Осетинами жили Галчайцы и Лезгинны. Съ ними онѣ сходились ежегодно на два мѣсяца на р. Термодона. Остальное время амазонки обходились безъ мужчинъ. Рождавшихся дѣвочекъ они оставляли у себя, а мальчиковъ выкидывали около земли ихъ отцевъ.

«Въ Средней Африкѣ и въ глубинѣ Средне-Азіатскаго плоскогорья даже въ настоящее время существуютъ амазонскія общества и государства различныхъ видовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заведена полиандрія, въ другихъ живутъ на тѣхъ же началахъ, какъ жили нѣкогда кавказскія амазонки. Подобныя общества являются преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ велись продолжительныя и жестокія войны».

По географіи Моисея-Хоренскаго, въ половинѣ 5-го вѣка осетины уже подъ разными названіями жили въ различныхъ пунктахъ Кавказа, на западѣ въ близіи Абхазцевъ подъ названіемъ царскихъ Сармитовъ, на востокѣ около Каспійскаго моря и Дербента подъ именемъ массагетовъ. Въ теченіи перваго вѣка по Р. Х. осетины принимали участіе во всѣхъ смутахъ и войнахъ закавказья. Вотъ, на примѣръ, какъ Тацитъ рассказываетъ объ участіи кавказскихъ сарматовъ (осетинъ) въ битвѣ съ парфянами. «Они слѣдовали не одному голосу вождя, но подстрекали другъ друга, совѣтовали бросать стрѣлы, смѣлымъ натискомъ подступать къ врагамъ и кинуться въ рукопашный бой. Наконецъ, оставивъ луки, которыми не такъ ловко владѣли, бросились на парфянъ съ мечами, и парфяне должны были уступить». Въ это время осетины стали уже такъ могущественны, что врывались въ среднюю азію. Осетины же принимали постоянное участіе въ распряхъ армянъ съ грузинами, между 83 и 103 годами. Осетины держали сторону грузинъ, и народныя преданія приписываютъ этому времени много поэтическихъ легендъ. Въ 182 г. Осетины уже грабятъ недавнихъ своихъ союзниковъ грузинъ. Вообще это было чисто разбойничье племя, высматривавшее зорко изъ за своихъ горныхъ твердынь. Чуть представался поводъ кинуться на ту или другую сторону, осетины сходили въ долины и воевали, не разбирая, враги или союзники стоятъ противъ нихъ. Христіанство стало распространяться между осетинами уже около этого времени. Здѣсь проповѣдывали въ первомъ вѣкѣ апостолы Андрей, Симеонъ Кананатъ, Фаддей и въ южномъ дагестанѣ Вароламей. За тѣмъ уже въ IV вѣкѣ Св. Нина, при содѣйствіи Епископа Іоанна распространила христіанство у нѣкоторыхъ осетинъ южнаго склона. Г. Пфафъ полагаетъ, что христіанство у осетинъ пустило глубокіе корни. Иначе нельзя объяснить множество древне христіанскихъ легендъ, всюду распространенныхъ между осетинами. Послѣ Грузинъ на Кавказѣ нѣтъ кромѣ Осетинъ страны, гдѣ находилось бы такое множество древнихъ церквей и монастырей. Нельзя думать, чтобы они были построены при одной царикѣ Тамарѣ. Во время переселенія народовъ исторія Осетинъ мало известна. Знаютъ только, что разъ Гунны переходили черезъ владѣнія осетинъ, но при какихъ обстоятельствахъ—преданія не рассказываютъ. Гунны, въ послѣдствіи, подѣлившись сабирами или аваровъ населившіеся въ Дагестанѣ, забросили въ Осетию очень небольшія общины, чему многіе осетинскіе аулы обязаны аварскими названіями. Въ началѣ VI вѣка Дарьяльскій проходъ попалъ было въ руки Гунновъ, но Осетины опять захватили его. Они пользовались этимъ ущельемъ, какъ доходною стаяей. Дароялъ—единственныя ворота въ закавказьѣ, и Осетины брали пошлины съ каждого переходившаго этими дефилеями съ Юга на Сѣверъ или съ Сѣвера на Югъ.

По Грузинскимъ лѣтописямъ въ 449 году осетины предали Карталиню страшному разгрому и, воротясь назадъ черезъ Дагестанъ, увели съ собою трехлѣтнюю сестру Грузинскаго царя Вахтанга Горчаслана, по имени Мирандухту. Черезъ шесть лѣтъ шестнадцати лѣтній Вахтангъ съ огромнымъ войскомъ двинулся черезъ горы въ Дарьяль. Осы и хозары заняли всѣ утесы вдоль ущелья своими скопищами. Битва началась поединками. Вахтангъ убилъ въ единоборствѣ двухъ предводителей осовъ и хазаръ и разбивъ ихъ, принудилъ возвратить свою сестру. Вахтангъ то именно и возобновилъ при этомъ крѣпость Ларсъ и другую знаменитую Дарьяльскую твердыню. Въ VI вѣкѣ осетины вступаютъ въ сношенія съ Персами, подстрекавшими ихъ обрушиться на ближайшія римскія владѣнія—долину рѣки Ріона. Аланы—осетины впрочемъ въ это время сражались на обѣихъ сторонахъ за деньги. Такъ, что частямъ одного и того же племени зачастую приходилось съ римлянами сражаться противъ персовъ и съ персами противъ римлянъ. Наконецъ уже Юстіанъ, примирившись съ персами, сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ походовъ въ Осетию и присвоилъ себѣ титулъ царя Аланскаго, Alanicus. Въ ставѣ Осетинъ, близъ нынѣшняго Нальчика, Юстіанъ учредилъ даже епископство.

ложенія. Осетія раздѣлилась на отдѣльные роды, которые вели войну между собою, Въ это время и остальные феодалы потеряли свою власть и силу. Общины явились ихъ судьями и часто изгоняли или убивали безошадно, по постановленію народнаго суда, недавнихъ своихъ владыкъ.

Въ XV вѣкѣ осетины приняли участіе въ междоусобіяхъ Кабарды, что подало поводъ къ возникновенію прежней вражды между Осетинами и Кабардинцами. Кабарда скоро стала вытѣснять горныя племена на югъ. Осетины же заняли ущелья сѣверной Грузіи. Племя стало въ очень затруднительное положеніе. На сѣверныя плоскости кабардинцы не пропускали ни одного осетина, на южные ихъ не допускали Грузины. Хлѣба было достать не откуда, «Роскошныя и величественныя горныя ущелья края представляли видъ страшной и отвратительной темницы, гдѣ отцы и матери убивали своихъ малолѣтнихъ и даже взрослыхъ дѣтей, чтобы не дать имъ умереть мучительною голодною смертію. Съ этого времени убійства и выкидываніе дѣтей стало у Осетинъ народнымъ обычаемъ. Такимъ образомъ вражда Осетинъ съ Кабардинцами упрочилась и, начавшись съ XV, окончилась только въ XIX вѣкѣ.

У большинства осетинъ вмѣстѣ съ паденіемъ феодализма и

Горы Сіонъ и Орсетъ на Кавказѣ. Рис. Бланшаръ, граф. Фришонъ.

Обычай этотъ черезъ тысячу лѣтъ сохранился и до настоящаго времени.

Когда царская власть въ Осетинъ стала разрушаться, страна по прежнему находилась еще подъ вліяніемъ Грузіи, что не помѣшало татарамъ, во время ихъ владычества надъ Кавказомъ, подчинить себѣ это племя нравственно. Татары поддерживая осетинъ, вызвали войну за независимость Осетинъ. Осетины вторглись въ 1291 г. въ Грузію и взяли городъ Горы, гдѣ держались нѣсколько лѣтъ. Борьба велась съ страшнымъ ожесточеніемъ. Плѣнныхъ убивали, Бареджанъ, царь осетинскій, пошелъ на Тифлисъ и взялъ его, но вслѣдъ затѣмъ былъ разбитъ. Къ этому же времени относятся и подвиги знаменитаго осетинскаго героя и богатыря Осгебогатара, котораго поэтому народъ и считаетъ своимъ родоначальникомъ. Борьба Осетинъ съ Грузіей вызвала на свѣтъ вновь старинныя общины. Послѣ паденія царей оставшіеся феодалы снова начали терзать другъ друга, что помогло народу вытѣснить ихъ вонъ. Рыцарскія замки скоро поэтому оказались въ развалинахъ, церкви и монастыри разхищены и опустошены.

Со времени Осгебогатара, т. е. съ начала XIV столѣтія вслѣдствіе исторія осетинъ представляетъ только картину борьбы и раз-

ло и христіанство. У языческаго большинства этого племени каждый родъ имѣетъ своего бога «дчаура», т. е. «родоваго бога». Въ извѣстные дни года ему приносятъ жертвы. Жрецами прежде были старшіе въ родѣ, теперь являются и другіе, считающіеся въ обществѣ безрѣшными. Въ капища входятъ только жрецы. Въ капищахъ—кубическій жертвенникъ, на немъ много стаканчиковъ съ пивомъ и различныя приношенія. Христіанскія святыя Георгій, Илья и Николай обратились въ дзуровъ. Есть нѣсколько особенныхъ божествъ: Авсати—покровитель скота, Довбеттеръ—важный богъ, Саубаратъ—богъ воровъ и разбойниковъ...

Въ XVI и XVII вѣкѣ часть осетинъ приняла магометанство. Новая религія охватила Дигорію, Тагаурію и Курпати.

Теперь осетины живутъ мелкими обществами, члены которыхъ въ родствѣ между собою. Глава общества—старшій въ родѣ. Эти общины не подчиняются въ дѣлѣ суда ничьей власти. Частной собственности—нѣтъ. Заработки принадлежатъ роду и родъ же снабжаетъ вѣждою средствами къ жизни. Малѣйшее отступленіе отъ обычая исключаетъ виновнаго изъ общества навсегда. Исключенный дѣлается абрекомъ. Число абрековъ такъ усилилось, что еще недавно они населяли цѣлые

Ларст. Военно грузинская дорога. Рис. Подольский грав. Сташковский.

аулы. Кровная месть распространялась не на одного виновного, но на весь его родъ. Семейства часто цѣлые годы проводили въ своихъ башняхъ, чтобы не быть убитыми. По коренному осетинскому уголовному праву преступленіе надъ чужимъ—не преступленіе, а удалство, геройство. Былъ даже богъ Саубарегъ, которому отправляющіеся на воровство приносили публично жертву.

Общество стало разлагаться окончательно. Дѣти убивали своего отца и дѣлались абреками. Братья ссорились и убивали одинъ другого. Только со времени подчиненія ихъ Россіи начинается возрожденіе этой страны, хотя и медленное.

Вотъ обстановка жизни нынѣшнихъ осетинъ: аулы разбросанные по косогорамъ скалъ, большею частью плетневые, вымазанные глиною или же коровинымъ пометомъ. Каждый дворъ состоитъ изъ двухъ сакель; одна *уатъ*—тутъ помѣщаются женщины. Въ уатѣ на нарахъ вдоль стѣны возвышаются тюфяки, одѣяла и подушки. Вдоль стѣны противоположной двери—синтагъ, огромная койка, замѣняющая собою диванъ. За синта-

гомъ—сундуки, одинъ на другомъ, по величинѣ. На стѣнѣ доспѣхи хозяина—ружье, шашка, пистолеть. Другая сакля—тавдаганъ. Назначеніе тавдагана, всегда прилегающаго къ уату—согрѣвать семью. Въ тавдаганѣ печь или огромный каминъ. Лѣтомъ тавдаганъ—складочное мѣсто, кладовая. Необходимая пристройка—хадзаръ, тутъ кухня и помѣщеніе для работниковъ и узденей. У бѣдныхъ осетинъ въ хадзарѣ живетъ семья. Къ хадзару дѣлится плетневый курятникъ. За курятникомъ также навѣсъ для арбъ. Въ очень богатыхъ домахъ пристраивается комната для гостей—кунацкая. Каждый дворъ прежде былъ обнесенъ стѣнами (теперь же просто окружается плетневою изгородью). Въ горахъ есть еще и старыя аулы, сплетенныя изъ горнаго камня, при чемъ посреди каждаго поселка неизбежно высится сторожевая башня.

Недалекѣ отъ Ларса, близъ Крестовой горы, находится глубокая Чертова долина, описанная подробно у Лермонтова.

Немировичъ-Данченко.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

XVI.

Кэта, обернувшись, увидѣла, что докторъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, но глаза его пристально были устремлены на мостъ, а лицо—совсѣмъ стало блѣднымъ. Она могла видѣть его только въ профиль... Брукъ сжалъ губы такъ, какъ это сдѣлалъ онъ на „замковой мельницѣ“, когда она обратилась къ нему съ вопросомъ относительно смерти старика-дѣда. Видно было, что докторъ старался подавить сильное душевное волненіе...

Молодая дѣвушка посмотрѣла по тому-же направлению... Если-бы тамъ, надъ рѣкой, плыла тѣнь благородной женщины—утопленницы—Кэта не такъ-бы испугалась, удивилась, какъ теперь!... По мосту спокойнымъ, граціознымъ шагомъ шла ея красавица—сестра... Въ самомъ дѣлѣ, Флора шла такъ непринужденно-спокойно, какъ будто вчера вечеромъ „весело распрощалась“ со своимъ женихомъ!... Но возможно-ли это?... Да! Вонъ она скользитъ, съ легкостью змѣи, по тому самому мѣсту, гдѣ освободилась на всегда отъ человѣка, которымъ пренебрегла... А вѣдь прошло только нѣсколько часовъ! Съ какимъ презрѣніемъ отнеслась она вчера къ этому домику—и что-же? сегодня идетъ сюда, сегодня прекрасное лицо ея улыбается при видѣ „ужасной труппы“!... Ни плескъ волны, ни струя вѣтерка не напоминали ей о винѣ ея, а солнечные лучи даже золотили стройную фигуру красавицы, лаская ее, какъ любимицу свою.

Флора была въ темномъ платьѣ. Роскошное черное кружево лежало на ея бѣлокурыхъ локонахъ, обвивало бѣлоснѣжную шею и падало на плечи, такъ что длинные концы его издали походили на опущенныя темныя крылья ангела ночи. За Флорой слѣдовалъ коммерціи совѣтникъ; онъ казался такимъ оживленнымъ, веселымъ... Онъ вѣлъ подъ руку президентшѣ и такъ „почтительно“ вѣлъ, что Кэта серьезно призадумалась: да не во снѣ-ли видѣла она насмѣшливые его взгляды, не во снѣ-ли слышала непочтительныя рѣчи о „старой кошкѣ съ бархатными лапками“?...

Брукъ медленно пошелъ теперь на встрѣчу идущимъ, Кэта-же, какъ приговоренная, осталась стоять у сарая... Рука ея невольно вцѣпилась въ задвинутый засовъ. Молодая дѣвушка видѣла, какъ всѣ они просто, непринужденно поздоровались съ докторомъ; ничего необыкновеннаго не случилось, и ни одного неприятнаго слова не было произнесено. Коммерціи совѣтникъ обнялъ Брука, причемъ поздравилъ его, пожелавъ ему всякаго успѣха. Г-жа президентша, благосклонно, предупреди-

тельно улыбаясь, показала кончики бѣлыхъ своихъ зубовъ... А Флора? Дѣйствительно, щеки ея на мгновеніе покрылись яркимъ румянцемъ, а обычный самоуверенный взглядъ, скользнувъ по лицу доктора, упалъ и остановился на травѣ, однако она, какъ всегда, по-товарищески, протинула ему руку... Кончики ея пальцевъ весьма не долго оставались въ рукѣ Брука, да ихъ и не удерживали, какъ и тогда, когда женихъ и невѣста поздоровались при Кэтѣ въ день ея пріѣзда. Молодая дѣвушка замѣтила, что лицо доктора было такое спокойное, что казалось почти окаменѣлымъ.

Флора, едва только вошла въ садъ, какъ уже насмѣшливо закачала головой, окинувъ съ ногъ до головы быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ младшую сестру; потомъ она обратилась къ коммерціи совѣтнику съ какимъ-то, очевидно, злостнымъ, колкимъ замѣчаніемъ... Но вотъ, когда красавица приблизилась къ Кэтѣ, эта послѣдняя замѣтила, какъ въ ея прищуренныхъ глазахъ сверкнуло нѣчто похожее на сдержанный гнѣвъ, даже что-то враждебное засвѣтилось въ нихъ.

— Ну, Кэта, да ты, кажется, успѣла ужъ тутъ славно устроиться! воскликнула Флора. Ты держишь себя такъ, какъ будто тутъ ты дома, у себя, и уже носишь за поясомъ связку разныхъ ключей и ключиковъ!...

Молодая дѣвушка ничего не отвѣтила. Снявъ руку съ засова, она повернула къ сестрѣ лицо свое, такое серьезное, со строго-сжатыми губами. Неужели эта заносчивая особа не испугалась... не устыдилась при звукѣ собственнаго голоса—тутъ, на этомъ мѣстѣ?... „Никогда больше не увидятъ меня здѣсь!“ восклицала вчера Флора, а вонъ, теперь, она поставила ногу на первую ступеньку крыльца, намѣреваясь снова войти въ это „жалкое жилище, подавляющее своею нищенскою обстановкою“.

Коммерціи совѣтникъ быстро подошелъ къ Кэтѣ и взялъ ее подъ руку.

— Сердишься на Флору, миленькая моя? Но вѣдь она пошутила... Ты преспокойно можешь примириться съ этимъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, ты прелестная хозяйка!... Ты такъ была хороша посреди этихъ пестренкихъ курицъ, что хотъ сейчасъ приглашай живописца—прямо на полотно тебя!.. Погоди, у тебя будетъ такой птичникъ, великолѣпнѣе котораго и вообразить нельзя.

Президентша, величественно всходившая теперь на крыльцо, вдругъ остановилась на мгновеніе, какъ бы задыхаясь, и обернулась, чтобы окинуть презрительнымъ взглядомъ нѣжнаго онекуна... Голова ея слегка дрожала.

— Вздорный болтунъ! Какимъ былъ—такимъ остался и останется пошлымъ комми-вожжеромъ!.. пробормотала она съ горечью въ тонѣ, обращаясь къ Флорѣ, которая поторопилась поднести платокъ къ губамъ, чтобы не фыркнуть, не расхохотаться громко.

Кэта какъ-то невольно оставила свою руку на рукѣ опекуна. Она почти не слыхала, что говорилъ онъ ей, даже не замѣтила страннаго удивленія на лицѣ Брука, когда тотъ, безмолвный, неподвижный какъ статуя, стоялъ въ сторонѣ, чтобы дать имъ пройти... Молодая дѣвушка только и видѣла тонкую руку Флоры, зажимавшую ротъ платкомъ: рука эта, удивительно бѣлая, была въ черной ажурной полуперчаткѣ, что гармонировало съ костюмомъ красавицы; обнаженные пальчики казались еще изящнѣе, но... бриллиантовыхъ колечекъ уже не было, за то „простое золотое колечко, давившее какъ желѣзный обручъ“ подъ черною кружевною тканью слабо поблескивало на четвертомъ пальцѣ... Можетъ-ли это быть?! Что за чудо!.. Вѣдь кольцо—тамъ, гдѣ шумятъ волны... Кэта вдругъ почувствовала, что она очутилась въ какомъ-то хаосѣ, какъ будто міръ вверхъ дномъ перевернулся... Ей казалось, что она уже не можетъ больше довѣрять ни глазамъ своимъ, ни ушамъ, хотя эти органы у нея совершенно здоровы...

— Это что же такое? спросила удивленно президентша, остановившись въ сѣняхъ и указывая на стоявшіе рядышкомъ кресла съ зелеными подушками. Она видимо была оскорблена. Брови ея были мрачно сдвинуты.

Генриэтта такъ настойчиво просила удалить все это изъ комнаты, что я долженъ былъ исполнить ея желаніе, холодно-равнодушно отвѣтилъ Брукъ глухимъ голосомъ.

— И она совершенно права. Въ самомъ дѣлѣ, что за странная идея была у тебя (не сердись на меня, бабушка!) такъ загромождаетъ комнату больной, замѣтила Флора, пожавъ плечами. Бѣдняжка и безъ того сильно страдаетъ удущемъ, а тутъ вдругъ—куча мягкой мебели!.. Ну, понятно, Генриэттѣ казалось, что она задохнется...

Съ языка бабушки чуть не сорвался жестокой, ѣдкой отвѣтъ, что легко было подмѣтить, но она сдержала себя, такъ какъ въ присутствіи доктора и служанки, стоявшей въ дверяхъ кухни, не хотѣла уязвить Флору. Генеральша, шурша платьемъ, молча прошла въ комнату больной. На порогѣ она слегка вздрогнула и отшатнулась: Генриэтта сидѣла на кровати, сильно подавшись туловищемъ впередъ; она была очень взволнована; ея широко-раскрытые, блестящіе глаза, устремленные на дверь, такъ горѣли, что президентша испугалась, полагая, что съ больной начинается лихорадочный припадокъ, однако, почтенная дама сейчасъ же успокоилась: внучка поздоровалась съ ней, какъ всегда, холодно-вѣжливо. Президентша замѣтила, что глаза Генриэтты обнаруживали страшное нетерпѣніе и были устремлены именно на Флору, которая въ эту минуту входила въ комнату.

Красавица-невѣста прямо подошла къ тетускѣ-діаконицѣ (при появленіи гостей старушка встала) и такъ любезно, предупредительно подала ей руку, какъ будто хотѣла этимъ загладить вчерашнюю свою забывчивость, потомъ она приблизилась къ кровати.

— Ну, милочка, ты, какъ я слышала, чувствуешь себя отлично...

— А ты, Флора, какъ чувствуешь себя? живо спросила Генриэтта, едва сдерживая нетерпѣніе и разсѣянно подавая руку подошедшему къ ней коммерціи совѣтнику.

Флора съ трудомъ подавила насмѣшливую улыбку.

— Какъ я себя чувствую?.. Да такъ себѣ... сносно. Вчерашняя тревога, конечно, еще до сихъ поръ отзывается на моихъ нервахъ, но у меня есть настолько воли, самообладанія, чтобы казаться спокойной. Прав-

да, вчера на душѣ у меня было очень скверно. Я была почти больна и, кажется, вслѣдствіе нервнаго раздраженія, походила на полупомѣшанную... По крайней мѣрѣ, ничего я не помню, не могу дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлала потомъ, что говорила.. Да и неудивительно! Положеніе мое въ лѣсу было самое критическое.

— Ну, не самое, раздражительно замѣтила Генриэтта:—вѣдь съ тобой была Кэта.. Припомни-ка!..

Коммерціи совѣтникъ, желая прекратить такой разговоръ, заговорилъ объ удивительномъ счастьи своей питомицы.

— Твоя доля прибыли, которая получитъ теперь, благодаря новой счастливой аферѣ—просто—громадна!..

При этихъ словахъ глаза президентши, обыкновенно полуоткрытые, такъ сказать аристократически-утомленные, вдругъ расширились... Словечко „прибыль“ даже загло въ нихъ алчный огонекъ... Такъ ярко они не горѣли, можетъ быть, никогда въ годы молодости, когда красота ея желала побѣды.

— Громадна? повторила она, порывисто дыша... Значитъ, мои акціи не такъ прибыльны... Я сейчасъ же продамъ ихъ и приму участіе въ новомъ предпріятіи.

— Что-жь, устроить это весьма легко, дражайшая бабушка. Извольте, я сегодня же распоряжусь надлежащимъ образомъ вашими акціями. Ну, какъ не сказать, что простой народъ совершенно вѣрно говоритъ: „Ужь гдѣ завелись голуби, туда и другіе голуби прилетятъ“... Никогда изреченіе это не было такъ правдиво, какъ въ наше удивительное время!.. Да-съ, капиталистъ—это, такъ сказать, нѣкая скала, къ которой волны прибываютъ все новыя и новыя сокровища...

— Въ глазахъ людей солидно-разумныхъ это не такъ, Морницъ, заговорилъ д-ръ Брукъ, который еще раньше подошелъ къ Генриэттѣ и, взявъ ея руку, нѣжно успокоивалъ больную. Онъ и теперь стоялъ у кровати, такой серьезный, даже важный, еще во фракѣ и пальто; лѣвая рука была въ перчаткѣ. Кэта замѣтила, что прекрасное лицо его, обращенное теперь къ присутствующимъ, особенно рѣзко выражало то самое страданіе, которое она въ первый разъ сегодня увидѣла на немъ.

— Давно уже стали недовѣрчиво посматривать на это, продолжалъ докторъ, и легкую наживу, наживу безъ труда, начинаютъ теперь обозначать весьма жесткимъ словомъ...

— Прожектерствомъ—хочешь ты сказать? весело подхватилъ коммерціи совѣтникъ.—Любезнѣйшій докторъ, тебя и твои познанія я уважаю, отдаю тебѣ полную справедливость, но въ дѣлахъ коммерческихъ ужь предоставь судить мнѣ! Ты—отличный врачъ, ты прославился, имя твое стало знаменитымъ.

Генриэтта вдругъ приподнялась и, задыхаясь, какъ будто ее душило чувство побѣды, торжества, рѣзко спросила:

— Знаешь ты объ этомъ, Флора?..

— Ну, конечно, знаю, дурочка! Знаю все, хотя г. докторъ до сихъ поръ находилъ, что не зачѣмъ трудиться сообщать лично мнѣ о своей счастливой практикѣ въ Л*. (Флора проговорила эти слова такъ просто, развязно, причемъ глаза ея, встрѣтившись съ глазами сестры, бросили ей дерзкій вызовъ). Мнѣ также извѣстно, что фюрстъ щедро осыпалъ его своими милостями, такъ щедро, какъ еще никого... Конечно, все это пока придворная, государственная тайна... До поры до времени даже невѣста не должно знать объ этомъ!..

Обворожительная, плутовская улыбочка заиграла на губахъ Флоры, обнаруживъ блестящіе, острые зубки; легкой румянецъ, вдругъ покрывшій ея щеки, очень шелъ къ ней.

Генриэтта, ощутивъ горькое разочарованіе, опустила голову на подушку... Да, она даже ошиблось въ ней, въ этой женщинѣ съ душой хамелеона!

Президентша, находясь возлѣ Брука, потрепала его по плечу какъ-то нѣжно-вкрадчиво. До сихъ поръ она никогда не обращалась съ нимъ подобнымъ образомъ, т. е. такъ по-родственному.

— Неужели и теперь намъ нельзя узнать всѣхъ подробностей? Развѣ дѣло это не рѣшено еще? ласково спросила она своимъ пріятнымъ голосомъ.

— Онъ—прямо отъ фюрста, сказала тетушка, не отрывая отъ племянника своего сіявшаго гордостью взгляда.

— А-а, слѣдовательно, отставка г. ф. Бера — совершившийся уже фактъ? .

Почтенная дама сдѣлала этотъ вопросъ аристократически-равнодушнымъ тономъ, однако—притаила дыханіе.

— Этого не знаю, да это меня и не интересуетъ, совершенно спокойно отвѣтилъ докторъ. Фюрстъ желаетъ, чтобы я—пока я еще тутъ—принялъ на себя лѣченіе его ноги, которая уже много лѣтъ беспокоитъ его...

— Пока ты еще тутъ, Брукъ?! порывисто живо проговорила Флора... Развѣ ты намѣренъ уѣхать?..

— Въ началѣ октября я переѣду въ Л—гъ.

Холодно отвѣтилъ онъ, даже не взглянувъ на нее; глаза его были устремлены на зеленныя вѣтви яблони, стоявшей передъ окномъ.

— Какъ! Вы, значить, отказались отъ званія... мѣста при нашемъ дворѣ? воскликнула генеральша, всплеснувъ руками—такъ ее смутило, поразило это обстоятельство.

— Нѣтъ, званіе остается при мнѣ (чуть замѣтная улыбка мелькнула на его губахъ), такъ какъ *segenisimus* не можетъ же допустить, чтобы его лѣчилъ безчиновный врачъ: это не согласовалось бы съ этикетомъ... Поэтому онъ настаиваетъ на томъ, чтобы сдѣлать меня гофратомъ.

Тутъ произошла трогательная сцена: тетушка, не вытерпѣвъ, протянула руку племяннику, а племянникъ, всегда такой сдержанный, обнялъ старушку и крѣпко, горячо прижалъ ее къ своей груди... Да, много вынесли они, мужественно борясь, много горечи испытали! Не дешево достались имъ эти минуты счастья... Ничего общаго, казалось, не было *теперь* между ними и тѣми, которые были тутъ-же, въ комнатахъ.

Флора отвернулась и тихими шагами подошла къ окну. Она чуть не до крови кусала себѣ нижнюю губу... Видно было, что у нея чесались руки—отпихнуть отъ *него* эту вѣрную, любящую женщину, столкнуть ее съ мѣста, которое она, вѣроломная невѣста, безвозвратно потеряла...

— Онъ уѣзжаетъ, тетушка, проговорила Генріэтта хриплымъ, беззвучнымъ голосомъ...

— Да, онъ идетъ навстрѣчу своему счастью, отвѣтила старушка и, улыбаясь сквозь слезы, подняла голову съ его плеча... Что-жъ, я охотно останусь тутъ, у этого очага, даннаго мнѣ сыновнею любовью, если буду знать, что *его* тамъ уважаютъ, почитаютъ, что самъ онъ счастливъ, имѣя возможность удовлетворить своему великому призванію... И безъ того скоро я буду для него лишней — *другая* будетъ заботиться о немъ, она и займетъ мое мѣсто...

Голосъ тетушки уже больше не звучалъ нѣжно: она говорила теперь твердымъ, серьезнымъ тономъ, а глаза ея, обыкновенно такіе кроткіе, почти строго смотрѣли на красивую фигуру дѣвушки, стоявшей у окна.

— Одаренная богатымъ умомъ, она, конечно, съумѣетъ (продолжала старушка) яснѣе, лучше, чѣмъ я, понять, оцѣнить святость его призванія, а въ минуты тяжелой невзгоды (ихъ много бываетъ въ жизни врача) обнаружить болѣе теплое сочувствіе... Поэтому она навѣрно устроитъ ему такой очагъ, у котораго, независимо отъ внѣшнихъ условій, обстоятельствъ, онъ всегда найдетъ тихую радость, отдыхъ, словомъ прелести *всегда*-согласной, задушевной семейной жизни.

Тетушка сдѣлала удареніе на словѣ „всегда“, и это

дало Кэтѣ ясно понять, что старушка очень хорошо замѣтила вчера, какъ Флора некрасиво вела себя—вѣроятно вслѣдствіе каприза.

— Все это прекрасно, любезная моя г-жа діаконица, и я нисколько не сомнѣваюсь, что изъ Флоры выйдетъ весьма солидная профессорша, холодно заговорила президентша (ее видимо раздражилъ тонъ рѣчи простой женщины, вдовы діакона, которая, хотя и осторожно, дерзнула прочесть правоученіе ея внучкѣ), но для пріятной семейной жизни въ наше время требуется еще кое-что, напр., комфортабельное помѣщеніе, приличная обстановка... Ахъ, вотъ это послѣднее обстоятельство сильно озабочиваетъ меня теперь!.. Полчаса тому назадъ, не больше, я имѣла пренепріятное объясненіе съ мебельнымъ фабрикантомъ... Онъ вдругъ началъ увѣрять (ужъ почему—не знаю), что положительно не можетъ доставить къ Троицыну дню „булевскую“ мебель!.. А вѣдь она давно была заказана ему для салона Флоры. И сама Флора крупно поговорила съ содержательницей магазина бѣлья: эта барышня баснословно медлитъ, да еще объявляетъ, что все приданое будетъ готово не ранѣе первыхъ чиселъ іюля... Ну, что намъ дѣлать?..

— Подождемъ, отвѣтилъ Брукъ, по обыкновенію избѣгая многословія, и взялъ шляпу и палку, чтобы отнести ихъ въ свою комнату.

Президентша слегка вздрогнула; отвѣтъ этотъ озадачила ее... На лицѣ ея даже была видна какая-то боязнь, но она быстро оправилась, овладѣла собой и, снова похлопавъ Брука по плечу, произнесла:

— Вотъ это похвально, милѣйшій докторъ! Вы сами пожелали вывести насъ изъ мучительнаго затрудненія, а я ужъ думала, что вы сейчасъ станете (и, конечно, справедливо) настаивать на своемъ... Право, этотъ Троицынъ день сталъ даже пугать меня... почти какъ грозный призракъ! Вы вѣдь не допускали никакой отсрочки...

— Это совершенно вѣрно, но такъ какъ я переѣзжаю въ Л—гъ, то, по необходимости, не могу уже попрежнему настаивать, отвѣтилъ Брукъ и спокойно вышелъ изъ комнаты.

— Ну, а какъ невѣста думаетъ объ этомъ? спросила тетушка не совсѣмъ твердымъ голосомъ. Ее видимо удивилъ дѣловой тонъ племянника, его хладнокровное спокойствіе и то, что присутствующіе какъ-то вдругъ, въ смущеніи, замолчали.

Флора повернула къ ней свое личико, сіявшее веселостью.

— Отсрочка эта мнѣ весьма пріятна въ томъ отношеніи, что я могу теперь лучше подготовиться: вѣдь мое будущее положеніе въ свѣтѣ такъ вдругъ круто измѣнилось! Тутъ нужно собраться съ мыслями, все обдумать... Боже мой, вышла вѣдь такая громадная разница! Отъ жены университетскаго профессора, съ громкимъ именемъ, свѣтъ требуетъ гораздо больше, чѣмъ отъ простой докторши, хотя бы мужъ ея былъ и гофратомъ, и лейбъ-медикомъ фюрста.

Какимъ неизъяснимымъ высокомеріемъ вѣяло отъ этого нѣжнаго, стройнаго существа! Въ каждомъ словѣ звучали скрытая радость и торжество, сдерживаемое съ трудомъ... Теперь Флора была у цѣли своихъ страстныхъ желаній.

Коммерціи совѣтникъ потиралъ руки отъ удовольствія. Онъ готовъ былъ неужержимо, звонко расхохотаться, прямо глядя ей въ глаза. Что касается генеральши, то она, какъ кажется, боролась съ какимъ-то пренепріятнымъ чувствомъ... Теперь, пожалуй, внучка вообразить, что, сдѣлавшись женой знаменитаго профессора, она поднимется на нѣсколько ступеней выше даже своей бабушки—высокопоставленной вдовы президента!..

— Въ какія это сферы забираешься ты? О чемъ мечтаешь, Флора? наконецъ промолвила она, сердито, неодобрительно качая головой.

По дорогѣ въ школу. Картина Жанны Боль, грав. Ст. Паннемакеръ. Библиотека "Руниверс"

— Мечтаю я о моей блестящей будущности, бабушка! Впучка шаловливо улыбалась, но улыбка эта была злая... Затѣмъ Флора такъ краснорѣчиво повернулась спиной къ президентшѣ, какъ будто хотѣла дать понять, что уже окончательно порѣшила съ непріятнымъ прошлымъ и не желала, чтобы ей напоминали о быломъ ни единымъ словомъ.

— Ну-съ, любезная тетушка, теперь я отдаю себя въ ваше полное распоряженіе, обратилась Флора къ старушкѣ, которая умнымъ, пытливымъ взоромъ слѣдила за малѣйшимъ движеніемъ прекрасной невѣсты:— дѣлайте со мной что вамъ угодно! Я заранѣе подчиняюсь всему, только укажите средства, какъ сдѣлать мнѣ Лео счастливымъ?.. Я готова шить, стряпать...

Тутъ она быстро сдернула полуперчатку, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ намѣревалась сейчасъ-же отправиться въ кухню...

— Ахъ! вскрикнула Флора въ испугѣ и задвигала пальцами протянутой руки, какъ-бы ловя что-то въ воздухъ: „простое золотое колечко“ слетѣло съ ея пальца, когда она сдергивала перчатку, и никто не слышалъ, чтобы оно звякнуло на полу. Начали искать, но—тщетно, точно воздухъ поглотилъ его.

— Оно навѣрно гдѣ нибудь въ твоихъ подушкахъ, Генріэтта! жалобно воскликнула старшая сестра. Лицо ея было совсѣмъ блѣдно... Позволь поднять тебя на минутку... поискать, посмотреть...

— Я не могу этого допустить, рѣшительно объявила тетушка, нельзя беспокоить больную и безъ нужды заставлять ее перемѣнять положеніе. Она такъ удобно лежитъ.

— Безъ нужды?.. повторила Флора тономъ упрека и надулась, какъ дитя. Вѣдь это мое обручальное кольцо, тетушка!..

Кѣта вздрогнула при этихъ словахъ... Да неужели Флора въ самомъ дѣлѣ была такимъ баловнемъ счастья, что ради нея даже чудеса являются: невидимая рука возвращаетъ ей исчезнувшее въ волнахъ кольцо?... Или это дерзкая ложь, нахальный обманъ съ ея стороны?... Молодая дѣвушка напрасно старалась прочесть истину въ боязливо-блуждающихъ глазахъ этого сфинкса.

— Конечно, случай непріятный, замѣтила тетушка-диаконица, но кольцо не можетъ совсѣмъ затеряться. Нынче-же вечеромъ, укладывая Генріэтту спать, мы найдемъ его, и служанка моя тотчасъ-же отнесетъ кольцо на виллу.

— О, я по княжески награжу ее! Я дамъ ей полную горсть золота, если она принесетъ мнѣ его сегодня-же вечеромъ.

Флорой овладѣло мучительное безпокойство; видно было, что ей стоило не малаго труда покориться необходимости и терпѣливо ждать вечера.

Президентша и коммерціи совѣтникъ пододвинули теперь стулья поближе къ кровати. Больная никакого участія не принимала въ разговорѣ, лежала смирно, только разъ блѣлоурая ея голова вдругъ отдѣлилась отъ подушки и горькая усмѣшка слегка скривила губы, которая уже открылась — но ни одного слова не вылетѣло... Это было именно тогда, когда бабушка стала наивно увѣрять, что не понимаетъ, по какой причинѣ мебельный фабрикантъ такъ медлитъ доставкой мебели?... Генріэттѣ хотѣлось тутъ крикнуть: „По той причинѣ, что вы вѣдь почти отказались отъ этого заказа!“.. но она спохватилась, вспомнивъ, что съ этого дня ни однимъ словомъ не слѣдуетъ напоминать о прошломъ.

XVII.

Тетушка отправилась готовить десертъ. Кѣта послѣдовала за ней. Чувство омерзѣнія, отвращенія заставило ее выйти изъ комнаты, гдѣ только что была разыграна самая возмутительная комедія. Молодая дѣ-

вушка попросила тетушку предоставить сегодня ей трудъ приготовленія десерта; старушка охотно согласилась и передала Кэтѣ связку ключей.

— Вотъ, милое, мое дитя, моя неизмѣнная, честная душа, Кѣта! проговорила она такимъ нѣжнымъ, дрожащимъ голосомъ, какъ будто старалась удержать глубокой вздохъ, и, обнявъ станъ молодой дѣвушки, нѣжно-любовно прижалась къ ней... Мнѣ такъ сладко-спокойно, когда я вижу ваше открытое, свѣжее личико!.. Какъ посмотрю на него—сейчасъ и вспомню о любимой Кэтѣ Лютера, этой мужественной женщинѣ, которая рука объ руку съ борцемъ храбро шла впередъ!..

Тутъ тетушка не выдержала и тяжело вздохнула—такъ крѣпко была она чѣмъ-то озабочена.. Сильно-покраснѣвшую молодую дѣвушку старушка выпустила изъ объятій и сейчасъ-же вернулась въ комнату больной.

Кѣта достала изъ кладовой банку съ кофе и захватила также корзинку съ печеньемъ, изготовленнымъ ради этого дня. Хорошая служанка въ это время подкладывало дрова подъ котелокъ съ водой. Вытеревъ хрустальную десертную тарелку, молодая дѣвушка принялась нарѣзывать печенье и раскладывать ломтики. Кто-то вышелъ изъ комнаты больной, — она слышала это, потому что кухонная дверь была только притворена... Черезъ широкую щель Кѣта увидѣла Флору, вышедшую въ сѣни.

Прекрасная невѣста робко озиралась и, какъ видно растерялась, не зная куда идти, такъ какъ ей расположеніе комнатъ въ „трусобѣ“ было совершенно незнакомо, но сіяніе этихъ блуждающихъ глазъ, казалось, словно магнитъ, притягивало сюда доктора: онъ какъ разъ въ эту минуту вышелъ изъ тетушкиной комнаты.

Флора ринулась навстрѣчу ему съ расprostертыми объятіями. Длинный темный шлейфъ зашуршалъ по полу, а концы черной вуали, на подобіе развѣвающихся придеи волосъ, волновались за ея плечами. Рукава платья, отдѣланные широкимъ кружевомъ, завернулись, обнаживъ бѣлыя, тоненькія, почти дѣтскія, руки: эти руки и матово блѣдное лицо Флоры напоминали одну изъ тѣхъ призрачныхъ красавицъ, которыя (какъ разсказывается въ народныхъ легендахъ) выходятъ изъ гроба и, бросаясь на любое цвѣтущее, молодое существо, убиваютъ его...

— Лео! ясно прозвучало въ сѣняхъ, но такъ нѣжно, мелодично, какъ будто слово это вылетѣло изъ устъ самого зефира.

Кѣта стала прислушиваться, затаивъ дыханіе. Она была потрясена до мозга костей. Неужели въ самомъ дѣлѣ это голосъ Флоры—такой нѣжный, сладкій?.. Неужели это та-же самая женщина, которая способна заговорить рѣзко, грубо и такъ ядовито улыбаться?.. Молодая дѣвушка потупила глаза, она не хотѣла смотреть туда... Ножъ дрожалъ въ ея рукѣ. Слѣдовало-бы плотнѣе припереть дверь, чтобы совсѣмъ ничего не видѣть, да и самой не быть замѣченной, но—странное дѣло! у Кѣты не хватило на это мужества, она не могла двинуться съ мѣста..

А въ сѣняхъ было тихо, но никто не уходилъ оттуда.

— Лео, взгляди на меня! громче проговорила Флора. Въ голосѣ ея слышалось почти мольба и что то лovelительное... Зачѣмъ эта попытка? Вѣдь твое собственное сердце противъ этого... Знаю я—ты мужественно подавляешь въ себѣ чистое, самое святое чувство, тебѣ это больно, но ты хочешь казаться жесткимъ, суровымъ, чтобы покарать меня!.. И за что? За то, что я вчера почти обезумѣла отъ волненія, не знала, что говорила, что дѣлала... Лео, вѣдь жизнь моя принадлежитъ тебѣ—и жизнь эта была въ опасности!.. Кровь кипѣла во мнѣ, а... ты еще раздражилъ меня...

Кѣта невольно подняла голову — возлѣ нея стояла кухарка. Эта добрая толстая женщина широко улыбалась; ей, должно быть, было пріятно и забавно видѣть

и слышать, какъ вонъ та прекрасная дама въ сѣняхъ принуждена въ чемъ-то извиняться... Это заставило молодую дѣвушку встрепетаться: схвативъ тарелку съ печеньемъ, она смѣло, рѣшительно вошла въ сѣни. Ей удалось еще увидѣть такую сцену: Брукъ стоялъ неподвижно, скрестивъ руки на груди и отвернувъ лицо отъ Флоры. Онъ смотрѣлъ куда-то вдаль чрезъ отвернутую наружную дверь. Загорѣлыя щеки его были совсѣмъ блѣдны, а зубы ожесточенно, крѣпко стиснуты... Флора почти висѣла у него на шеѣ; эта мрачная фигура лгнула къ нему нѣжно, горячо, какъ льнетъ къ своей жертвѣ сказочный вампиръ кровопіецъ. Когда дверь съ шумомъ распахнулась и Кэта, съ тарелкой въ рукѣ, появилась на порогѣ—докторъ вздрогнулъ, и въ то-же мгновение его робко-блуждающій взглядъ встрѣтился съ глазами Кэты... Брукъ такъ сильно вздрогнулъ, какъ будто его поймали на самомъ ужасномъ преступленіи. Флора удивленно оглянулась, повернувъ только голову; прекрасныя руки ея, крѣпко обвивавшія шею жениха, не опустились, остались тамъ-же.

— Ахъ, Господи! Да вѣдь это, Лео, только Кэта! проговорила она, и еще крѣпче прижалась головою къ его груди.

Молодая дѣвушка почти пробѣжала черезъ сѣни и скрылась въ комнатѣ больной. Но какъ постукивало ея сердце отъ испуга и стыдливаго смущенія,—она вѣдь помѣшала любовной сценѣ à la Romeo и Юлія... Дрожащими руками Кэта поставила тарелку на столъ и, по просьбѣ Генріэтты, опасавшейся нападенія своихъ пернатыхъ любимцевъ на принесенныя лакомства и сахаръ, заманила въ клѣтку порхавшихъ по комнатѣ канареекъ. Запирая дверцу птичьей тюрьмы, она вдругъ увидѣла въ клѣткѣ, на бѣломъ пескѣ, золотое колечко, слетѣвшее съ пальца Флоры... Но странно, какъ это колечко пролетѣло туда, не задѣвъ ни за одинъ изъ мѣдныхъ прутьевъ клѣтки?..

Кэта достала колечко и опустила его въ карманъ. Теперь ей нужно было-бы снова уйти и заняться приготовленіемъ кофе, но она почти дрожала отъ страха и отвращенія, желая провалиться въ преисподнюю... По неволѣ пришлось заняться канарейками и слушать, какъ президентша рассказывала тетускѣ о приданомъ Флоры и о томъ, что слѣдуетъ еще закупить на случай переѣздки новобрачныхъ въ Л—гъ. При этомъ генеральна давала чувствовать, что знаменитый племянникъ диаконицы вступаетъ въ бракъ съ принцессой—въ лицѣ прекрасной дочери банкира.

Въ эту минуту Брукъ вошелъ въ комнату. Кэта вздохнула свободнѣе и, не взглянувъ на него, сейчасъ-же вышла. Въ сѣняхъ никого не было. Флора, вѣроятно,

отправилась въ садъ... Въ кухнѣ скрипѣла кофейная мельница—не тотъ-ли скрипъ заставилъ Флору такъ скоро положить конецъ сценѣ примиренія? Кэта не думала, чтобы помѣхой была именно она. — Когда кофе была готовъ, и служанка, надѣвъ чистый передникъ, взяла поднось, чтобъ отнести кофейный сервизъ въ комнату больной, Кэта подошла къ окну и, вынувъ колечко изъ кармана начала разсматривать его... Сердце ея сильно билось... На внутренней сторонѣ кольца было вырѣзано: „Э. М. 1843“—Эрнстъ Мангольдъ... Слѣдовательно, въ рукахъ у нея—обручальное кольцо матери Флоры. Такая безграничная безшабашность старшей сестры при желаніи ея ловко выпутаться изъ затруднительнаго положенія, устранить всякія сомнѣнія—совершенно поразили Кэту... Значитъ, Флора была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя не растеряются никогда и не передъ чѣмъ не остановятся! И это—сестра ея, передъ превосходствомъ ума и характера которой такъ смиренно преклонялось ея юное сердце!.. Эту маленькую, скромную эмблему супружеской вѣрности кротко-сердечная мать Флоры носила до самой своей смерти—и вотъ теперь колечко это осквернено родною ея дочерью—комедіанткой!.. Оно жгло пальцы Кэты; молодой дѣвушкѣ очень хотѣлось куда нибудь забросить его, такъ чтобы никогда никому оно и на глаза не попало... Но—колечко, по праву наслѣдства, принадлежало и принадлежитъ Флорѣ, слѣдовательно и должно быть возвращено ей.

Кэта немедленно оставила кухню и вышла на крыльцо. Тамъ, у шпалеры, стояла Флора и глядѣла вдаль, скрестивъ руки на груди. Ея бѣлокурые волосы подъ кружевною вуалью, освѣщенные солнцемъ, блестѣли, какъ золото. Дворовая собака заливалась злобнымъ лаемъ, негодую на безмолвную незнакомую ей фигуру, а куры робко бродили около шлейфа, растаянушагося темною полосой на лужайкѣ.

Собака такъ шумѣла, что шаговъ Кэты не было слышно, а потому Флора только тогда замѣтила младшую свою сестру, когда та близко подошла къ ней, и быстро обернулась. Нѣжное лицо красавицы было покрыто красноватыми пятнами: очевидно, она была взволнована и находилась въ сквернѣйшемъ настроеніи, а теперь брови ея сдвинулись еще суровѣе, въ глазахъ сверкали молніи вспыхнушаго гнѣва.

— Опять! Ты ужь здѣсь.... Явилась, какъ неизбѣжная Deus ex machina?... Но какая ты безтактная;—разлетѣлась тогда въ сѣни!

Флора заговорила такимъ тономъ, какъ будто передъ ней стояла не взрослая дѣвушка, а шалунья—сестренка которую не мѣшаетъ иногда познать съ розгой.

(Продолженіе будетъ.)

По дорогѣ въ школу.

(Картина Жанны Боль).

Дѣвочка идетъ въ школу — вотъ и весь сюжетъ этой простенькой, но удивительно изящной картинки! Первое основное требованіе искусства есть правда, простота и ясность въ сюжетѣ и въ его выполненіи. Припомните то или другое изъ произведеній, привлекшихъ когда либо ваше вниманіе, и анализируйте ваше чувство въ отношеніи къ нему, — и вы прежде всего замѣтите, что это произведеніе привлекло васъ непременно правдой, простотой и ясностію сюжета. Такъ равно въ сюжетахъ многосложныхъ, полныхъ различныхъ подробностей и въ обстановкѣ сюжета и во взаимныхъ положеніяхъ лицъ, — и въ такихъ произведеніяхъ всегда вы замѣтите неизменно прежде всего то, что въ нихъ болѣе выдается своей ясностію, простотой и правдой. Безъ этого условія достоинство художественнаго произведенія не мыслимо, и если вы припомните какое либо изъ замѣчательныхъ классическихъ произведеній, выдающихся въ области искусства, въ живописи-ли, въ музыкѣ-ли или въ литературѣ вы постоянно замѣтите, что оно необыкновенно естественно, ясно и полно правды. Глубокіе художники всегда умѣютъ постигать ту великую истину, что все

фигурное, искусственное, удовлетворяющее временнымъ интересамъ и симпатіямъ общества — суть скоропроходящее. Вѣчна только одна правда, и въ чемъ бы она не проявлялась, въ обыкновенныхъ-ли поступкахъ людей, въ результатахъ-ли ихъ высшей духовной дѣятельности, — она вездѣ блещетъ красотой, ибо красота не мыслима безъ правды.

Всѣ эти мысли навѣяла на насъ маленькая картинка Жанны Боль (M-me Jeanne Böle). Въ самомъ дѣлѣ, поглядите: сколько чисто-женственной граціи въ позѣ этой хорошенькой школьной ученицы! Она слегка приподняла свое платьице, хотя обѣ руки ея заняты, и кокетливо-серьезно поглядываетъ по сторонамъ, сложивъ губы сердечкомъ... Еще-бы! Ножки у нея такія стройныя, да и сама-то она развѣ не миленькая и не—паинька? Да, вотъ, пусть всякій видитъ: идетъ она по грязной дорогѣ въ школу, идетъ туда учиться, ума набираться. Книжка изъ корзинки торчитъ, книжка толстая, серьезная... Что-жь! она не боится никакой книжки, потому что бабушка рассказала ей сказку о свѣтѣ и потемкахъ, закончивъ свое повѣствованіе словами: «свѣтъ—свѣтъ, не ученье—тъмъ».

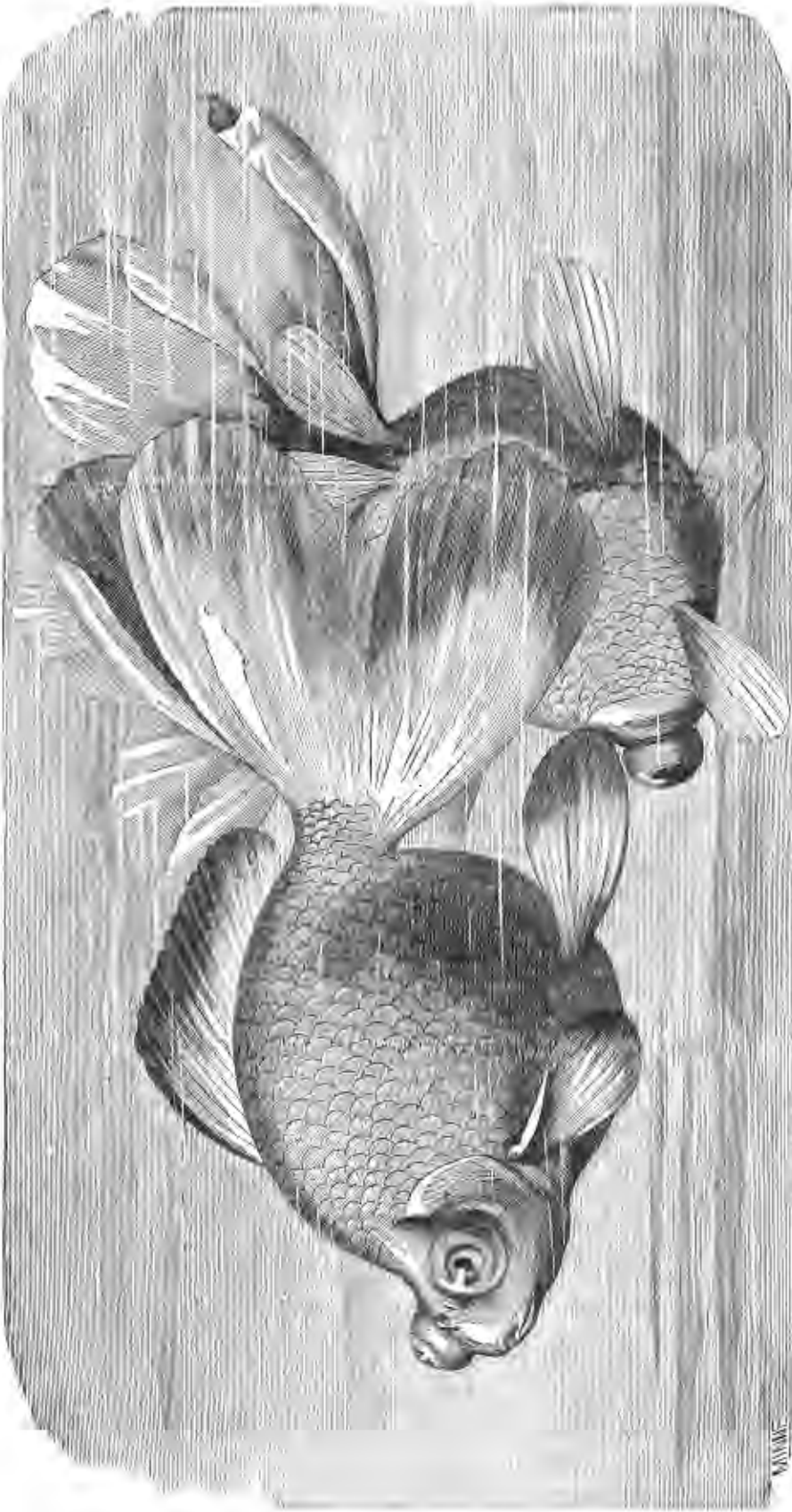
РЫБА ТЕЛЕСКОПЪ.

На прилагаемомъ рисункѣ мы видимъ оригинальную, и въ высшей степени безобразную рыбу телескопъ съ раздутымъ,

Китай и принадлежитъ къ этой китайской диковинкѣ,

породѣ карповъ. Заведя рѣчь объ этихъ китайцахъ, на ихъ оригинальностяхъ и странностяхъ. Искусство побѣждать и видоизмѣнять природу въ органическихъ субъектахъ—растенияхъ и животныхъ, не исключая и людей, издавна составляетъ отличительную черту китайцевъ. Кому не известна старинная и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени оригинальная мода аристократическаго круга дѣлать ногу женщины, ради красоты, неизвѣрно малою, при чемъ отецъ и мать новорожденной дѣвочки, принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы какъ можно скорѣе вернуть ножки ребенка въ листовую свинецъ, который уже и не развертывается до совершенности. Такимъ образомъ, нога, сдавленная свинцомъ, лишается способности расти и въ концѣ концовъ дѣвушка дѣлается вовсе не красавицею, а просто жалкимъ уродомъ, потому что, вмѣсто соразмѣрныхъ тѣлу ногъ, она стоитъ на какихъ то подставкахъ или копытцахъ и не имѣетъ возможности ходить, ежеминутно теряя равновѣсие. Но Китайцы не ограничились ножками своихъ красавицъ и перенесли свое оригинальное искусство на деревья, цвѣты и вообще растенія, а также и на животныхъ. Не говоря уже о томъ, что Китайцы прославились какъ искуснѣйшіе садовники во всемъ свѣтѣ, они отличаются еще своеобразнымъ умѣньемъ видоизмѣнять растительныя породы прививкою однихъ растений къ другимъ и, соединяя такимъ образомъ разнородные соки, достигли особенныхъ цвѣтовъ и плодовъ. Такъ нѣжная дочь Персїи роза, хотя и бываетъ различна по разнообразію мѣстностей, въ которыхъ мы ее встрѣчаемъ, все таки можетъ быть узнава и признана за розу, какъ по запаху, такъ и по очертанію листьевъ и отчасти по цвѣту, но роза китайская—дѣло другое. Садовники Небесной Имперїи сумѣли такъ видоизмѣнить индїйскій шиповникъ, что сдѣлали его въ теченіе вѣковъ растеніемъ неузнаваемымъ, хотя весьма красивымъ и весьма употребительнымъ. Подобно шиповнику, они видоизмѣнили даже могучій дубъ, давъ ему искусственнымъ образомъ маніатюрныя размѣры дѣтской игрушки. Но искусство состоитъ именно въ томъ, что эти маніатюрныя дубы живутъ долго, цвѣтутъ и красуются также своею зеленью, какъ и обыкновенныя дубы, лишь высота ихъ не восходитъ болѣе двухъ аршинъ и листья пропорціональны стволу, то есть маленькіе, рѣзные, какъ бы кружевные. Мы можемъ представить въ примѣръ нѣсколько такихъ маніатюрныхъ дубовъ въ Царскосельскомъ дворцовомъ саду, въ Гамбургскомъ ботаническомъ саду и въ Парижскомъ Jardin des plantes, куда привезены въ прошломъ 1875 году китайскимъ посольствомъ въ подарокъ французской республикѣ. Когда китайцамъ уда-

Рыба телескопъ.

какъ пузырь, тѣломъ и огромными выпученными глазами, имѣющими по наружному виду большое сходство съ выпуклыми стеклами биноклей и другихъ оптическихъ приборовъ. Вотъ причина, почему рыбѣ этой, по своеобразному устройству глазъ ея, дано названіе рыбы телескопа. Водится она въ водахъ

ласъ попытка надѣ ножками и надѣ различными растеніями, они позаботились явить свое искусство и на животныхъ. Изображеніе крылатыхъ драконовъ и разныхъ зубастыхъ чудовищъ на китайскихъ картинкахъ ясно обнаруживаетъ ихъ вкусъ ко всему сверхъестественному, чудесному

Тюрьменни, купающія лошадей. Оригинальный рисунок Н. Каравича, грав. К. Вейерманнъ.

и страшному, но все таки китайцы понимали всегда и сами, что всё эти страшилища, изображенные на ширмах, на стеклах, подносах, обоях, материях и т. п. не болѣе, какъ плодъ ихъ эйзальзированной фантазіи, поэтому имъ хотѣлось добиться до умѣнья создать живого фантастическаго урода или чудовище. И они добились на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, поймавъ случайно въ высшей степени уродливую рыбу, какъ по строенію тѣла, такъ головы и особенно глазъ, китайцы сохраняли ее долго, какъ драгоцѣнное сокровище, пока не удалось подыскать къ пойманному экземпляру такой же уродливой самки. Приплодъ отъ этой пары далъ цѣлое новое поколѣніе рыбъ уродовъ, которое явилось такимъ образомъ въ рѣчныхъ водахъ Китая какимъ то особымъ семействомъ рыбъ, поражающимъ зрителя необыкновенностію своего вида и неуклюжестію формъ, особенно стекловиднымъ строеніемъ глазъ, напоминающимъ оптическіе бинокли, лупы и другіе зрительные приборы. Повторяемъ, что эта баснословная рыба явилась изъ породы весьма обыкновенныхъ золотистыхъ ки-

тайскихъ карповъ. Тѣло этой химерной рыбы почти круглое хвостъ и плавники двойные и притомъ, къ удивленію, такъ сильно развиты и, хотя срослись, но такъ хорошо приспособлены къ плаванію, что рыба телескопъ совершаетъ всё плавательныя эволюціи свои съ необыкновенною легкостію и скоростію, не смотря на свою почти шарообразную форму, мало пріятную плаванію. Самые уродливые глаза ея, вмѣсто помѣхи зрѣнію, расположившись фантастическими слоями зрительныхъ стеколъ, дали этой рыбѣ самое обширное поле зрѣнія и она видитъ или чрезвычайно далеко, такъ въ этомъ значеніи имя телескопа, какъ нельзя болѣе прилично этому необыкновенному существу. Не смотря на всю уродливость по сложенію и виду вообще, она не утратила красоты яркаго золотого и серебрянаго металлическаго блеска своихъ чешуй, такъ что, играя въ водѣ на солнцѣ, она попеременно блещетъ всѣми переливами и всею роскошью этихъ двухъ благородныхъ металловъ.

Н. Зуевъ.

Весной.

Ярче солнце горитъ, съ каждымъ днемъ все теплѣй,
Лугъ зеленой травой покрывается,
И, журча, побѣжалъ по лоцинѣ ручей;
Лѣсъ въ роскошный нарядъ одѣвается.

Изъ далекой страны птицы въ гости летятъ,
Воздухъ пѣснями ихъ оглашается,
И въ саду, разливая вокругъ ароматъ,
Вся цвѣтами сирень убирается.

Всюду звуки и жизнь... вѣетъ счастьемъ, тепломъ,
Всюду слышится что-то свободное...

На поляхъ, гдѣ лежалъ снѣгъ широкимъ ковромъ,
Закипаетъ работа народная.

Всюду звуки и жизнь... сердце бьется смѣлѣй,
Словно силы во мнѣ прибавляются;
И слабѣетъ тоска, на душѣ веселѣй:
Снова вѣрится, снова мечтается.

Пусть въ послѣдствіи жизнь всё мечты разобьетъ,
Сердце снова и горько обманется...
Но тому, кто въ себѣ вовсе вѣру убьетъ—
Что же свѣтлаго въ жизни останется?

А. Кругловъ.

Тюркменки, купающія лошадей.

Женщина, забитая, униженная, лишенная почти всѣхъ чело-
вѣческихъ правъ пресловутымъ кораномъ, у кочевыхъ наро-
довъ мусульманскаго вѣроисповѣданія пользуется несравненно
большою свободою, чѣмъ у осѣдлыхъ мусульманъ.

Вслѣдствіе ли того, что самое ученіе Магомета не могло
имѣть слишкомъ полнаго развитія у кочевниковъ, оказавшихся
не очень-то усердными поклонниками пророка, вслѣдствіе ли
другихъ, чисто бытовыхъ причинъ, но женщина помада жи-
ветъ въ такихъ условіяхъ, которымъ позавидовала бы стѣснен-
ная, связанная по рукамъ и ногамъ, обитательница осѣд-
лыхъ, городскихъ гаремовъ.

Можетъ быть кочевая, разбойничья жизнь, отвлекая мужей
часто изъ дома и отдавая въ руки женщинъ управление хозяй-
ствомъ и семьей, вызвало эту свободу и поставило женщину
помадку въ уровень съ мужчиною.

Даже магометанство, болѣе всего унижающее женщину, пре-
вращая ее не въ подругу мужа, а въ какую-то табунную сам-
ку, не привило въ степяхъ... Рѣдко у кого вы можете на-
считать здѣсь двухъ женъ, и одна только изъ нихъ пользуется
законными правами хозяйки, другая же просто на просто ра-
быня, иноплеменица—добыча удачнаго набѣга.

Женщины тюркменки одни изъ самыхъ красивыхъ женщинъ
въ мірѣ. Высокій ростъ, стройное тѣлосложение, развившееся
подъ свободнымъ костюмомъ—это отличительное достоинство
ихъ. Принадлежатъ къ кавказской расѣ—тюркменки обладаютъ пра-
вильнымъ оваломъ лица, большимъ, но красивымъ носомъ, мило-
виднымъ ртомъ и большими выразительными глазами, глядящи-
ми на васъ не украдкою, не изподлобья, а прямо и ясно.

Костюмъ тюркменки состоитъ изъ долгополой бумажной ру-
бахи ярко-краснаго цвѣта, станутой выше бедеръ широ-

кимъ поясомъ, съ вышитыми концами, висящими ниже ко-
лѣнъ. Поверхъ этой рубахи надѣтъ въ рукава шелковый беш-
метъ съ тальею, а поверхъ этого накинута халатъ, преимуще-
ственно суконный, который и составляетъ собственно верхній
костюмъ, надѣваемый при выходѣ изъ дома.

На головѣ тюркменки носятъ или маленькую шапочку, или
же красиво накрученный тюрбанъ изъ кисеи и въ рѣдкихъ слу-
чаяхъ особый головной уборъ, похожій на наши старые воен-
ные кивера, весь унизанный тяжеловѣсными металлическими
украшеніями и золотыми и серебряными монетами.

При этомъ парадномъ головномъ уборѣ надѣвается еще су-
конный или бархатный нагрудникъ, тоже сплошь унизанный
монетами и разнообразными металлическими украшениями—
тюркменки носятъ длинныя серги въ ушахъ, но никогда не
вдѣваютъ колецъ въ ноздри, какъ то дѣлаютъ сартаки... Они
украшаютъ руки свои тяжелыми коваными браслетами—и но-
сятъ на стройныхъ, загорѣлыхъ шеяхъ ожерелья изъ бусъ и
цвѣтныхъ камешковъ, въ перемежку съ раковинками.

Тюркменки имѣютъ голосъ въ семьѣ и въ общественныхъ
дѣлахъ, они участвуютъ въ совѣтахъ и въ рѣшеніяхъ дѣлъ,
онѣ очень воинственны и потому только не ходятъ съ мужья-
ми въ набѣги, что кто же тогда останется смотрѣть за домомъ,
дѣтми и всѣмъ имуществомъ. Онѣ отлично знакомы съ удо-
момъ за верблюдами и лошадьми, превосходныя наѣздницы,
сильныя, смѣлыя и мужественныя.

Рисунокъ нашъ изображаетъ именно одну изъ подобныхъ
сценъ. Вечеръ, берегъ поросшій густыми, гигантскими камы-
шами, рыаные тюркменскіе кони и голыя наѣздницы, приведе-
нія ихъ къ рѣкѣ на водопой и для купанья.

Н. Каразинъ.

Политическое обозрѣніе.

Неопредѣленность, противорѣчіе извѣстій по восточному воп-
росу лишаетъ почти всякой возможности сказать что либо по-
ложительно относительно даже самаго близкаго будущаго. Если,
съ одной стороны тревога, возбужденная телеграммой, извѣстив-
шей объ окончательномъ принятіи Портой рѣшенія объявить
Черногоріи войну, отчасти уже улеглась, вслѣдствіе появле-
нія депеши, увѣдомившей, что оттоманское правительство
отказалось отъ своего намѣренія, а также и въ виду заявленія,
напечатаннаго въ Правительственномъ Вѣстникѣ, то, съ другой
стороны, печать указываетъ на то, что Черногорія и Сербія,

вооружившись съ ногъ до головы, вполне готовы уже къ вой-
нѣ, и что на дняхъ уже объявятъ ее Турціи, при чемъ сообща-
ютъ даже, что послѣднее княжество должно объявить войну
16/28-го апрѣля. Сербскія войска раздѣлены на 6 дивизій, нѣ-
которые отряды двинуты къ границѣ, князь Миланъ, съ адъю-
тантами и штабомъ, отправляется въ главную квартиру. Часть
сербской арміи, въ 15 тысячъ человекъ, по словамъ нѣкото-
рыхъ газетъ, вступитъ въ Боснію, которая уже почти вся охва-
чена пламенемъ возстанія, Болгарію поднимаютъ изъ Румыніи и
тамъ уже появились отдѣльные небольшіе отряды. Мухтаръ-паша,

по слухамъ, требуетъ отъ правительства провіантъ и денегъ, грозя тѣмъ, что несчастные, голодные солдаты его разбѣгутся. Въ тоже время другія газеты утверждаютъ о готовности инсургентовъ изъяснить покорность, утверждаютъ, что свои требованія они сократили болѣе, чѣмъ на половину. Чему вѣрить, на чемъ остановиться? Не находя возможнымъ дѣлать какія бы то ни было предположенія относительно настоящей минуты, мы позволимъ себѣ сказать, что пока видимъ въ перспективѣ одно изъ двухъ—или австрійское занятіе, которое повело бы, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, съ неисчислимыми усложненіями, или достиженіе славянами цѣли, которую считаютъ единственной наградой за вѣковое мученичество и за принесенныя жертвы.

Франція занята ожесточенною борьбою партій. Бонапартисты нисколько не сомнѣваются въ томъ, что имъ удастся снова возстановить имперію въ республиканской Франціи и одинъ изъ нихъ злорадно замѣтилъ, что Макъ-Магонъ, стоя во главѣ Франціи, исполняетъ только свое назначеніе «сохранить мѣсто для Наполеона IV темлымъ». Недумаемъ, впрочемъ, что-бы это въ дѣйствительности могло случиться. Въ настоящую минуту тамъ происходитъ перетасовка проектовъ, изъ которыхъ одинъ, даже, отставленъ. Кантальскій проектъ, г. де Шазель, завѣдомый антиреспубликанецъ, былъ перемѣщенъ на постъ преемника департамента Верхнихъ Пиренеевъ. Это чрезвычайно разсердило его, и онъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ дерзкое письмо, которое и повлекло за собой его отставку. Замѣчательно то обстоятельство, что онъ былъ уволенъ не прямымъ своимъ начальникомъ, г. Рикаромъ, не находившимся въ то время въ Парижѣ, а совѣтомъ министровъ, который былъ такъ возмущенъ письмомъ преемника, что рѣшилъ его отставку, не дожидаясь мнѣнія своего отсутствующаго члена.

Въ испанскихъ кортесахъ пренія по проекту новой конституціи идутъ своимъ чередомъ. Можно ясно прослѣдить, какъ министерство все болѣе и болѣе, такъ сказать, *gagne de terrain*. Весьма характеристичны въ этомъ отношеніи двѣ фразы, произнесенныя въ двухъ различныхъ засѣданіяхъ кортесовъ главой нынѣшняго кабинета, г. Каповасоли-дель-Кастилью. Онъ служитъ рельефнымъ указаніемъ того, насколько правительство, неуверенное или крайне осторожное въ началѣ сессіи, продвинулось уже теперь по тому пути, по которому должно слѣдовать. Такъ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій испанскій премьеръ на одинъ вопросъ Кастельяра, относившійся къ правамъ монархіи, отвѣчалъ, что права короля узаконены кортесами, избранными націей и служащими представителями ея воли. Въ другомъ же засѣданіи, болѣе близкомъ къ намъ по времени, онъ, тому же безпокойному депутату, отвѣчалъ, что королевскія права, права монарха не нуждаются въ утвержденіи парламента, такъ какъ имѣютъ болѣе высокое происхожденіе. Если президентъ совѣта рѣшился на такое торжественное заявленіе, опровергающее тотъ первый его робкій отвѣтъ, значитъ онъ, зная, повидимому свою сторону и соотечественниковъ, увѣренъ въ томъ, во что съ давнихъ поръ въ Испаніи потеряли вѣру — въ возможность установленія болѣе или менѣе прочнаго правительства, утвердить въ ней какой нибудь порядокъ. По Европѣ не мало раз-

сыпано утопическихкихъ носителей всякаго рода принциповъ, желающихъ ихъ осуществленія, ихъ проведенія въ жизнь *quando memento*, руководящихся болѣе правиломъ «*fiat justitia regeat mundus*», чѣмъ дѣйствительными, реальными потребностями времени и обстоятельствамъ. Понятно, что разъ эти фантазеры становаются у дѣлъ (что бываетъ рѣдко)—дѣло не спорится въ ихъ рукахъ, они оказываются совершенно непригодными и что бываетъ, обыкновенно при этомъ чрезвычайно комично—они непремѣнно, силою вещей, бывають вынуждены, своею дѣятельностью, прямо отрицать тѣ начала, которыя проповѣдывались ими во всеуслышаніе, всему міру, всѣмъ, кто хотѣлъ и не хотѣлъ слушать. Такъ случилось и съ Кастельяромъ во время его краткаго кадиствования. Этимъ обстоятельствомъ сумѣлъ воспользоваться Каповасоли-дель-Кастилью, и указалъ кортесамъ, какъ этотъ краснорѣчивый и энергическій противникъ смертной казни, сдѣлался ея сторонникомъ когда былъ президентомъ испанской республики. Вообще Кастельяру не везетъ въ его парламентской борьбѣ противъ президента совѣта. Полагаемъ, что это объясняется тѣмъ, что несчастная страна утомилась тою неурядицей, которая причинила ей столько неисчислимыхъ бѣдствій, и которую олицетворяютъ личности, въ родѣ Кастельяра и *tutti quanti*. Испаніи нужно твердое, прочное правительство, честно относящееся ко всѣмъ правамъ, твердо ихъ охраняющее, правительство, искренно преданное дѣлу возрожденія страны. Оно должно вырвать съ корнемъ всѣ плевелы на пути къ благосостоянію, должно слѣдовать по тому пути неуклонно.

Америка съ нетерпѣніемъ ждетъ открытія Филадельфійской выставки, и конечно надѣется поразить Европу своимъ богатствомъ и развитіемъ промышленности. Открытіе монумента Аврааму Линкольну въ Вашингтонѣ происходило 14 апрѣля. Монументъ этотъ, какъ извѣстно сооруженъ на деньги, пожертвованныя только неграми и прочимъ *цветнымъ* населеніемъ. Американцы сильно заняты процессомъ военнаго министра, генерала Белькнапа, начавшимся уже въ сенатѣ 17 апрѣля. Процессъ этотъ, какъ извѣстно, разкрываетъ многія темныя стороны американской жизни, по отношенію къ честности ея администраціи.

Греція относительно восточнаго вопроса сохраняетъ нейтралитетъ.

Въ Японіи взволнованы происшедшимъ обмѣномъ русскихъ Курильскихъ острововъ на часть японскаго острова Сахалина и тамонная газета «*Choya Shimbun*», вѣроятно наученная Англією, выражаетъ опасенія на счетъ завоевательныхъ замысловъ честолюбивой Россіи. Названная газетка, въ заключеніе своихъ соображеній объ этомъ, говоритъ: «Въ настоящее время Россія—одно изъ могущественнѣйшихъ государствъ въ мірѣ, и Японія должна зорко слѣдить за ея успѣхами. (?) Какъ мы ни слабы, мы не побоялись бы соединенныхъ силъ Китая и Кореи, но если мы еще болѣе ослабимъ Корею, то ускоримъ приближеніе того роковаго часа когда хищный орелъ бросится на нее и Россія сдѣлаетъ новый шагъ къ югу». Черезъ чуръ преувеличенныя опасенія Японцевъ видимо возбуждены посторонними причинами, а не фактомъ мирнаго обмѣна территорій.

ЗАМѢТКИ О ЛОКОМОТИВѢ.

(25 Сентября 1825 г.)

Въ концѣ 1825 года пущенъ былъ въ ходъ первый желѣзнодорожный поѣздъ между Дарлингтономъ и Стоктономъ, двумя незначительными англійскими провинціальными городками. «Всадники, сопровождавшіе на превосходныхъ лошадяхъ поѣздъ вдоль полотна дороги, никакъ не могли съ нимъ поровняться»,—такъ описываетъ это событіе изумленный «очевидецъ», занесшій такимъ образомъ на столбцахъ *Times*'а первую страницу въ хроникѣ желѣзныхъ дорогъ, нисколько не подозревая тогда будущаго значенія этого могучаго дѣятеля новѣйшей цивилизаціи. Хроникеръ графства Дургамъ (Durham) конечно и тогда уже сообразилъ, что событіе, о которомъ онъ извѣщаетъ, имѣетъ важное значеніе для его родины; но, что черезъ пять десятилѣтій весь земной шаръ съ восторгомъ вспомнитъ объ этомъ событіи,—это ему никогда и не снилось. Но даже тотъ, кто догадался бы тогда, что открывавшаяся только что желѣзная дорога между Дарлингтономъ и Стоктономъ составитъ первую вѣточку той громадной сѣти рельсовъ, петли которой покроютъ нѣсколько десятилѣтій спустя, весь земной шаръ,—и тотъ едва ли могъ бы составить себѣ самое отдаленное понятіе о томъ, какое обширное развитіе производительности, какую высоту промышленной дѣятельности, какое быстрое повышеніе всѣхъ цѣвъ вызоветъ волшебная сила этихъ рельсовъ.

Даже когда локомотиву минулъ уже первый десятокъ лѣтъ его существованія, почти весь образованный міръ, глядя на него, качалъ недоувѣрчиво головой. Въ англійскомъ парламентѣ довольно серьезно выражено было тогда сомнѣніе въ томъ, въ состояніи ли будутъ всѣ выгоды отъ желѣзной дороги вознаграждать хоть бы за возможность того, что быстро мчащійся паровозъ вконецъ раздавитъ какую нибудь, застигнутую имъ врас-

плохъ корову. Министръ торговли въ Пруссіи обнародовалъ въ 1837 году особый циркуляръ, въ которомъ онъ торжественно предостерегаетъ всю страну отъ этого губительнаго нововведенія, констатируя въ тоже время полотно Верхне-Силезской желѣзной дороги, составляющей въ настоящее время самую важную вѣтвь Германской Юговосточной сѣти. Желѣзнодорожная нетерпимость, господствовавшая въ то время, бросаетъ тѣнь на очень многія громкія имена.

За исключеніемъ бельгійскаго короля Леопольда I-го, вызвавшаго геніальнаго изобрѣтателя паровоза, Георга Стеенсона въ Брюссель, — всѣ царствующія лица того времени съ предубѣжденіемъ отвернулись отъ нововведенія, преобразовательное значеніе котораго они не могли тогда понимать. Когда Ротшильдъ ходатайствовалъ предъ недавно умершимъ австрійскимъ императоромъ Фердинандомъ о концессіи на сѣверную (Фердинандскую) желѣзную дорогу, покойный монархъ, которому вообще не легко было отказать кому нибудь въ просьбѣ, разрѣшилъ наконецъ эту дорогу, замѣчая при этомъ: чтожь дѣлать, подобныя вещи нельзя ужъ дольше задерживать.»

На европейскомъ континентѣ первая желѣзная дорога возникла въ Баваріи для соединенія Нюрнберга съ Фортумъ. Нюрнберго-Фортовская Людовикская дорога, имѣвшая впрочемъ протяженіе не больше одной мили, открыта была 7-го декабря 1832 года т. е. слишкомъ 7 лѣтъ со времени открытія первой англійской дороги. Но не смотря на это медленное началъ движеніе впередъ, не успѣло еще пятое десятилѣтіе кануть въ вѣчность, а стеенсоновское изобрѣтеніе распростерло уже свои желѣзныя объятія на всѣ пять частей сѣти. На сѣверѣ Европы и Америки желѣзнодорожные рельсы достигаютъ уже чуть ли

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

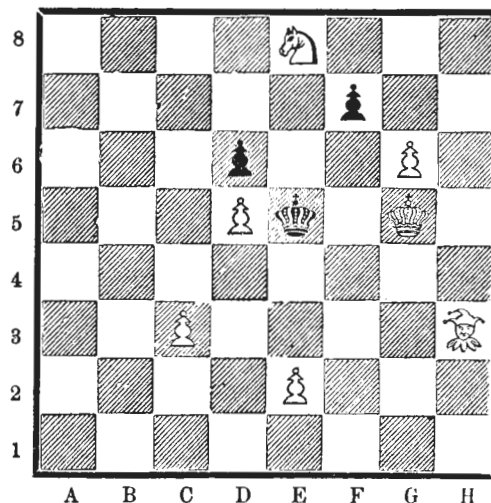

Мать. Ну, чего плачешь, и я шла замужъ, да не плакала.

Дочь. Хорошо тебѣ матушка, какъ ты шла за батюшку, а я то вѣдь иду за чужова.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

задачи въ «Нивѣ» № 12.

Бѣлые.

- 1) F3 — D3 ×
- 2) F2 — F4 ×
- 3) B5 — E5 ×
- 4) D7 — C5 ××

Черные.

- 1) Ферзь беретъ Коня.
- 2) Ладья F5 беретъ Ладью.
- 3) D6 беретъ Ферзя.

не до самаго полярнаго круга. Атлантическій океанъ связанъ теперь желѣзною цѣпью съ Великимъ океаномъ. Непредолжимыя доселѣ препятствія совершенно теперь устраняются, надъ самыми широкими рѣками, чуть ли не надъ морскими проливами перекидываются мосты; надъ снѣжными вершинами Альповъ и черезъ нѣдра испанскихъ горъ повсюду паровозъ пробилъ себѣ дорогу. На всѣхъ дорогахъ земнаго шара, протяженіе которыхъ доходитъ круглымъ числомъ, до 40,000 миль, ежедневно проѣзжаетъ до трехъ милліоновъ людей, ежедневно перевозится больше 75 милліоновъ пудовъ груза; около 60,000 паровозовъ и гораздо больше милліона вагоновъ поддерживаютъ это гигантское движеніе; весь капиталъ, потраченный на желѣзнодорожное дѣло, простирается до слишкомъ 15 милліардовъ талеровъ, т. е. въ десять разъ больше, чѣмъ чудовищная французская контрибуція.

При гигантскомъ переворотѣ, вызванномъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, во всѣхъ сферахъ международныхъ отношеній, не слѣдуетъ забывать: изъ какихъ незначительныхъ и едва замѣтныхъ обстоятельствъ все это первоначально возникло. Мы, съ гордымъ взглядомъ озирающіеся назадъ, съ высоты достигнутыхъ нами результатовъ,—мы не должны забывать тѣхъ скромныхъ тружениковъ науки, остроумію и изобрѣтательности которыхъ мы обязаны настоящимъ нашимъ могуществомъ. Только теперь, по прошествіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, девятнадцатое столѣтіе вспомнило объ одномъ изъ своихъ величайшихъ благодѣтелей; только теперь взоры всего цивилизованнаго міра обратились на маленькій англійскій городокъ, Дарлингтонъ, гдѣ 27 минувшаго сентября происходило открытіе памятника, воздвигнутаго благодарными потомствомъ основателю желѣзныхъ дорогъ Георгу Стефенсону.

Подобно телеграфу, и первые зачатки желѣзнодорожнаго дѣла теряются въ глубокой древности. Мысль—передвигать перевозочныя средства по твердой полосѣ—такъ незатѣйлива, что еще при сооруженіи пирамидъ въ Египтѣ употреблялись въ дѣло рельсовые пути. Для передвигенія тяжестей въ древности были во всеобщемъ употребленіи каменные дороги съ жолобообразными колеями. Въ пропелеяхъ Элевзинскаго храма Цереры найдены были подобныя же дороги, снабженныя даже развѣздными пунктами. Раскопы, произведенные на мѣстѣ древняго римскаго города Помпей, открыли тамъ много такихъ дорогъ изъ каменныхъ рельсовъ для каретъ. Сюда же относятся вѣроятно и дорога, построенная подъ владычествомъ Бакхиадовъ, около 700 лѣтъ до Р. Х., на Коринскомъ перешейкѣ; эта дорога, приспособленная къ передвиженію кораблей между Коринскимъ и Саронскимъ заливами, справедливо можетъ считаться предтечей новѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ среднихъ вѣкахъ во многихъ мѣстахъ, особенно въ Германіи, въ горнозаводской промышленности часто употреблялись

рельсовые пути въ формѣ деревянныхъ дорогъ для транспортировки руды отъ рудниковъ къ плавильнямъ. Это примѣненіе рельсовыхъ путей перенесено было въ Нью-Кастлскія каменноугольныя копи нѣмецкими руками, приглашенными въ Англію королевою Елизаветою съ цѣлью поднять тамъ горную промышленность. На этихъ деревянныхъ дорогахъ желѣзо употреблялось весьма рѣдко и въ ничтожныхъ размѣрахъ; только въ 1767 году директоръ англійскаго желѣзнаго завода Рейнольдъ, вслѣдствіе печальнаго состоянія желѣзной промышленности и единственно для того, чтобы не приходилось ему задувать свои доменные печи, задумалъ приготовить желѣзные рельсы въ формѣ вогнутыхъ полосъ, которымъ ему удалось доставить хорошій сбытъ. Разъ нашедши примѣненіе, желѣзные рельсы стали на твердую почву, съ которой они не сошли и досихъ поръ. Вскорѣ послѣ этого, а именно въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, директоръ машинной фабрики Фридрихъ ввелъ и въ Германіи употребленіе желѣзныхъ рельсовъ для заводскихъ цѣлей, откуда они скоро распространились по всему европейскому континенту.

Въ первомъ періодѣ развитія рельсовыхъ путей, даже послѣ введенія желѣзныхъ рельсовъ, двигательною силою служила только мускульная сила лошадей и человека. Даже, когда сила пара стала всѣмъ извѣстна, тѣмъ не менѣе опыты, сдѣланные надъ этимъ двигательнымъ средствомъ, не привели сначала ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Представившіяся при этомъ препятствія были конечно только воображаемыми. Въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ всѣ были того убѣждены, что примѣненію паровоза помѣшаетъ непременно то обстоятельство, что треніе между колесами и рельсами будто бы не на столько сильно, чтобы обусловливать собою поступательное движеніе машины, и что повтому колеса будутъ только вращаться отъ силы пара вокругъ своей оси, нисколько не подвигаясь впередъ. Много остроумія пущено было въ ходъ съ цѣлью обойти эту мнимую гору, пока не удалось Стефенсону въ 1814 году сообщить своей паровой машинѣ способность къ поступательному движенію. Только въ локомотивѣ найдена была наконецъ та могучая двигательная сила, которая лежитъ въ основаніи желѣзнодорожнаго дѣла новѣйшихъ временъ, и событіе 17-го сентября 1825 года блистательно доказало, что сила пара такъ цѣлесообразно передается колесамъ локомотива, что въ возможности спокойной и безопасной перевозки людей и товаровъ уже нечего болѣе сомнѣваться. Съ тѣхъ поръ, и особенно въ самое послѣднее время, сдѣлано было, конечно, много полезныхъ усовершенствованій въ этомъ дѣлѣ; но специальное разсмотрѣніе ихъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы нашей статьи.

Въ настоящае время круглымъ числомъ имѣютъ теперь: Великобританія—25,000 километровъ желѣзной дороги, Германія—

(Продолженіе на стр. 303, 304, 305 и 306).

22,000, Франция—18,000, Россия—17,500, Австрия—13,000, Италия—7,000, Испания и Португалия—6,500, Бельгия—3,100, Швеция и Норвегия—2,500, Голландия—1,700, Швейцария—1,500, Турция и Греция—1,200, Дания—900 километров. В Великобритании на каждый миллион жителей приходится 800 километров, в Бельгии 625, в Германии 530, в Франции 490, в Австрии 350, в России 236, и в Турции 60 километров.

О всемирном преобразовательном значении степенсоновского открытия можно было бы, конечно, говорить очень много. Мы коснемся только двух особенно выдающихся сторон этого общественного явления. Первое наиболее важное следствие этого громадного переворота в способах сообщения людей между собою—это обширное пассажирское движение, вызванное желѣзными дорогами. Принимая во внимание вышеупомянутый факт, что на всѣх существующих желѣзных дорогах ежедневно путешествует свыше трех миллионѣв людей, мы легко можем сосчитать, что один путешественник приходится на каждые 100 человекъ населенія земного шара. Цифра весьма почтенная! Легкость сообщения людей между собою естественно должна была способствовать взаимному обмѣну мыслей и расширению человѣческаго кругозора, что конечно имѣетъ громадное цивилизующее влияние на современное общество.

Далѣе находимъ уместнымъ указать еще на одно приведенное нами выше статистическое данное. Тотъ фактъ, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ поглотило цѣлыхъ 15 миллиардовъ талеровъ, ясно доказываетъ, что это гигантское дѣло не могло быть совершенно средствами однихъ только крупныхъ капиталистовъ. Пришлось, конечно, призвать къ дѣлу и мелкихъ капиталистовъ, которые до сихъ поръ ревниво и безпроизводительно хранили подъ спудомъ сбереженную копѣйку. Желѣзнодорожное дѣло произвело на свѣтъ акцію, эту пресловутую и столь часто проклинаемую акцію, внушающую самому скромному капиталисту бодрость и предприимчивость. Но она совершила уже свое дѣло и пора ей въ отставку. Во многихъ странахъ въ послѣднее время распространяется все болѣе и болѣе мнѣніе, что слѣдовало бы обратить желѣзнодорожное дѣло въ государственную статью. До сихъ поръ однакожъ рѣдко кто осмѣливается открыто объявить себя въ пользу этой идеи, такъ какъ многимъ трудно отказать отъ вкоренившася въ народѣ убѣжденія, что только одна акція была и будетъ въ состояніи давать желѣзнодорожной сѣти то обширное развитіе, которое она уже получила и которое ей предстоитъ еще получить во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія:

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, 26-го марта сего года, Высочайше соизволивъ предоставить обществу харьково-николаевской желѣзной дороги сооруженіе и эксплуатацію сумской линіи отъ станціи Мерефа (курско-харьково-азовской желѣзной дороги), черезъ станцію Люботинъ, въ городъ Сумы, до станціи Воробья, курско-киевской желѣзной дороги.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра государственныхъ имуществъ, 15-го минувшаго марта, Высочайше повелѣть соизволивъ, въ видахъ усиленія правительственныхъ поощреній къ производству лошадей для кавалеріи, независимо наградъ, существующихъ для коннозаводчиковъ, по ст. 70 прил. къ ст. 410 ч. IV кн. IV свод. воен. посг. (по 6 продолж.), установить еще новую мѣру: награжденіе коннозаводчиковъ за лучшихъ лошадей ежегодныхъ ремонтовъ золотыми медалями отъ главнаго управленія государственнаго коннозаводства.

— Въ № 32-мъ «Собранія узаконеній и распоряженій правительства» обнародованы слѣдующія постановленія.

1) 2-го марта 1876 года. Объ установленіи частнаго сбора съ земель башкиръ-вотчинниковъ, на покрытие расходовъ по отграниченію оныхъ.

2) 2-го марта. О мѣрахъ къ увеличенію числа врачей въ имперіи.

3) 12-го марта. О цѣнномъ пароходствѣ по р. Невѣ, учреждаемомъ оставшимъ коллежскимъ регистраторомъ П. И. Евреинымъ.

4) 22-го марта. Объ учрежденіи рубановскаго судо-сберегательнаго товарищества.

5) 22-го марта. Объ учрежденіи сухо-вязовскаго судо-сберегательнаго товарищества.

6) 7-го апрѣля. О предоставленіи льготы 3-го разряда по семейному положенію лицамъ, старшіе братья которыхъ добровольно остались на сверхсрочной дѣйствительной службѣ.

Дѣла церкви.

Газета «Мшакъ» сообщила въ одномъ изъ своихъ номеровъ извѣстіе, что тифлисское отдѣленіе библейскаго общества намѣревалось напечатать евангеліе на живомъ армянскомъ языкѣ (до сихъ поръ Свящ. Писаніе печаталось только на древнемъ языкѣ) и представило рукопись своего перевода армянскому патриарху въ Эмиадзинѣ. Но святѣйшій армянскій синодъ не разрѣшилъ печатать евангеліе на живомъ и армянской массѣ единственно понятномъ языкѣ.

— Изъ Елисаветграда пишутъ въ «Новор. Телегр.», что 310 уніатовъ мужчинъ переселились въ южный край и размѣнены по разнымъ городамъ Херсонской губерніи. Въ Елисаветградѣ ихъ 42 души, изъ пяти уѣздовъ Сѣвдецкой губерніи.

— Та же газета сообщаетъ о распространившейся въ Одессѣ сектѣ шундистовъ-нѣмцевъ. Сектанты въ количествѣ около 20 человекъ, прибыли въ Одессу и остановились на Пересыпи, въ домѣ Шузера. Лица эти, развѣжая по окрестностямъ, привлекаютъ къ себѣ простодушныхъ нѣмцевъ. Обрядъ крещенія былъ уже совершенъ надъ 3 мужчинами и 1 дѣвчушкою.

Морское дѣло.

— 27-го апрѣля будетъ спускъ на Темзу самаго большаго англійскаго броненосца «Inflexible», для котораго въ Вулвичѣ отлита пушка въ 81 тонну. Принцесса Луиза, герцогъ Единбургскій и многие члены парламента и палаты депутатовъ будутъ присутствовать на церемоніи спуска.

Изящныя искусства.

Въ Херсонѣ 5 апрѣля открылась выставка, устроенная херсонскимъ обществомъ изящныхъ искусствъ. На выставкѣ находится болѣе 200 предметовъ, доставленныхъ херсонскими и одесскими любителями изящныхъ искусствъ.

Народное хозяйство.

Изъ Киевской и Волынской губерній сообщаютъ «Gaz. Polsk.», что тамъ уже озиме хлѣба покрыла землю довольно густою зеленью. Можно надѣяться на хорошій урожай.

— «Нов. Тел.» пишутъ изъ окрестностей Одессы, что утренніе холода совсѣмъ уничтожили надежду на фруктовый урожай. Выходы хлѣба идутъ весьма туго, земля еще не совсѣмъ оттаяла, а дождей нѣтъ. Изъ Подольской губерніи вѣсти еще хуже: тамъ земля на полъ-аршина почти замерзшая; одна надежда на весенніе посѣвы.

— Въ селахъ: Раевѣ и Генераловѣ, Моршанскаго уѣзда, пало отъ безкормицы, по сл. «Моск. Вѣд.», крупнаго и мелкаго скота до 300 головъ.

— «Нов. Тел.» пишутъ изъ Аккерманскаго уѣзда, что уѣздная земская управа предписала всѣмъ волостнымъ и сельскимъ правленіямъ снарядить для работъ, по истребленію ячечь саранчи, всѣхъ крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, отъ 15-ти до 50-ти лѣтняго возраста. Ячичь зарыты на протранствѣ 30,000 десятинъ, и для уничтоженія ихъ крестьянамъ предстоитъ не мало работъ.

— «Новороссійскій Телеграфъ» въ № 355

указываетъ, что дѣѣ волости Херсонскаго уѣзда, новоодесская и гурьевская, поражены почти голодомъ. Командированный губернской управою членъ донесъ, что хлѣба у населенія нѣтъ и питаются оно только квашеной капустой и печеными бураками. Заработковъ нѣтъ, скотъ продать невозможно, по случаю невѣроятно низкихъ на него цѣнъ. Единственное занятіе жителей — рѣзка камыша въ плавняхъ, продаваемого по копѣйкѣ пучекъ, что даетъ, при затратѣ сутокъ на провозъ его въ Николаевъ, отъ 60 до 70 копѣекъ.

— По свѣдѣніямъ изъ Таганрога, требованіе на хлѣбъ въ Европу вообще, а во Францію въ особенности, усилилось. Сравнительно съ зимними цѣнами пшеница и ленъ поднялись до одного рубля на четверть; съ 4 по 11 марта продано изъ амбаровъ въ Таганрогѣ болѣе 30,000 четвертей разнаго хлѣба и приторговывается еще нѣсколько большихъ партий, по которымъ сдѣланы еще не заключены. Есть надежда, что цѣны на хлѣбъ еще поднимутся. Въ Керчь уже пришло изъ разныхъ мѣстъ Европы 15 судовъ.

Промышленность.

Въ «Нов. Вр.» сообщаютъ изъ Москвы, что нынѣшнимъ лѣтомъ въ Кремлевскихъ садахъ будутъ начаты постройки для мануфактурной выставки 1877 года.

— По словамъ «Gazet. Polsk.» на филандельфійской выставкѣ будетъ 70 экспонентовъ изъ Привисланскаго края.

— Изъ Сѣвдецкой губерніи въ «Gazet. Wag.» сообщаютъ, что цѣны на сѣмена кормовыхъ травъ достигли тамъ неслыханныхъ размѣровъ, за четверть платили по 200 р.

— Изъ Поти пишутъ, что 25-го марта открыло тамъ свои дѣйствія поітійское общество взаимнаго кредита. Число членовъ болѣе 90 и основной капиталъ общества, составленный изъ членскихъ взносов, представляетъ собою цифру въ 13 тысячъ руб.

— «Gazet. Polska» сообщаетъ, что въ Варшавѣ съ вѣкторого времени стали продавать курскій рогатый скотъ. Скотъ этотъ хорошо выкормленъ и большихъ размѣровъ.

— На одной изъ дачъ около Ростова г. Баташовымъ сдѣланъ опытъ акклиматизаціи сивовъ. Оплодотворенная икра этой рыбы, въ количествѣ 3,000 ячечь, выписана была г. Баташовымъ изъ Никольскаго завода, Новгородской губерніи. Третья часть ячечь пропала, и вышло только двѣ тысячи маленкихъ рыбокъ. Приучивъ ихъ къ мѣстной водѣ сначала въ комнатѣ, г. Баташовъ выпустилъ все стадо въ довольно обширный прудъ. Всю осень, пока не сталъ ледъ, рыба держалась стадомъ и, сколько можно было замѣтить, нисколько не пострадала.

Разныя известія.

— «Бирж. Вѣд.» сообщаютъ изъ Москвы, что на послѣднихъ дняхъ страстной недѣли въ VII отдѣленіе московскаго окружнаго суда поступило, наконецъ, изъ московской судебной палаты известное дѣло о московскомъ коммерческо-судномъ банкѣ съ утвержденнымъ палатою обвинительнымъ актомъ. По обвинительному акту по этому дѣлу преданы суду 21 человекъ членовъ правленія и совѣта означеннаго банка, обвиняемыхъ въ различныхъ преступленіяхъ и, между прочимъ, даже въ подлогахъ. Свидѣтелей вызывается болѣе 100 человекъ. Подлинный обвинительный актъ изложенъ чуть не на сотню писанныхъ листахъ. Производство судебного слѣдователя обнимаетъ собою 14 громадныхъ томовъ. По слухамъ, передаваемымъ «Русск. Вѣдом.», нѣкоторые изъ членовъ правленія московскаго коммерческаго суднаго банка обвиняются также во взятіи съ Струсберга миллионной взятки.

Вскрытіе рѣкъ.

Большинство рѣкъ вскрылось между 8 и 11 марта. Такъ напримеръ, Волга вскрылась отъ Астрахани до Каспійскаго моря 10 марта; у Ярославля 22. Днѣпръ тронулся у Кіева 5 марта, у Кременьчуга 8; судоходство же открылось 14. Ледоходъ по Оку у Вѣлева и Десны у Чернигова открылся 10; Цна у Моршанска 11; Донъ 8; Висла 7 марта. Москва рѣка въ текущемъ году тронулась раньше—14 апрѣля; въ 1875 году она тронулась 18 апрѣля, а въ 1874 году—28 марта. Нева окончательно освободилась отъ льда 7 апрѣля; Бугъ и Лимаць—къ 4 марта. Навигация въ Ревелѣ открыта 6 апрѣля.

Некрологъ.

27 февраля скончался въ Иркутскѣ проф. русск. ист. А. П. Щаповъ. Въ послѣднее время покойный работалъ въ сибирскихъ архивахъ географич. общества. Болѣе известны его сочиненія: «Земство и расколъ» «Голосъ древней церкви на защиту несвободныхъ людей» и мног. другихъ.

— 30 марта скоростижно умеръ въ Воронежѣ драматическій писатель Дяченко. Лучшія пьесы его: — «Жертва за жертву», «Гувернеръ», «Свѣтскія ширмы». Литературную карьеру покойный началъ въ 40-хъ годахъ.

— 3 апрѣля въ Москвѣ умеръ, 40 съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, известный писатель Б. Н. Алмазовъ. Онъ писалъ, между прочимъ, юмористическія стихотворенія, которые потомъ издалъ подъ названіемъ «Диссонансы». «Піесни о Роландѣ» и «Катенька» повѣсть—самыя крупныя, по объему, его сочиненія.

— 15-го марта, умеръ въ Петербургѣ 88 лѣтъ отъ роду, известный докторъ Э. Б. Крейзеръ устроившій первыя водолечебницы въ Москвѣ и Петербургѣ.

— 14-го апрѣля скоростижно скончался графъ А. П. Шуваловъ Покойный былъ извѣстенъ, какъ неутомимый общественный дѣятель, подвизавшійся на многихъ поприщахъ и въездъ съ усердіемъ, самоотверженіемъ и заботою объ общей пользѣ. Онъ служилъ председателемъ петербургскаго губернскаго земскаго собранія, предводителемъ дворянъ петербургскаго уѣзда и главнымъ петербургской городской думы. Умеръ черезъ часъ послѣ возвращенія изъ думы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Станція Манаевка, А. Л. фонъ-Фр. Что вы замѣтили, то произошло отъ ошибки наборщика.
2) Поступившіе въ редакцію, въ пользу семействъ протрадавшихъ отъ востанія въ Боснии и Герцеговинѣ: отъ г-на Зяновія Богушъ 10 р., отъ А. П. Котинова изъ Елифани 1 р. 50 к., отъ О. К. Иванова, изъ села Лажина, Новгород. губ. 80 к., отъ В. Н. Будневича изъ г. Казалинска 50 к. и отъ А. И. Архарова изъ г. Хвалынска 50 к., сданы въ Главное управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

16-го апрѣля 1876 года,

	Покупа- тели.	Продав- цы.
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска	205	206 206½ 205
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска	201	202 203 202
5% банк. бил. 1-го выпуска 99½	100	100
5% » » 2-го » 99½	100	—
5% » » 3-го » 99½	100	—
5% обл. Сиб. Гор. Кред. Общ. 91½	92	92
АКЦИИ.		
125 р. Гл. Общ. Рос. Жел. Дорогъ	162	162½ 162½
125 » Рязско-Дніпровск.	—	131 —
100 » Московск.-Рязанск.	—	335 —
225 » Орловск.-Витебск.	—	138 —
16 ф. с. Витебск.-Дніаб.	139	141 139
100 р. Рымбск.-Бѣлогор.	86½	87 87½ 87
100 » Тамбовск.-Возлов.	—	73½ —
125 » Моск.-Врестск.	78½	— 78 78½

СОДЕРЖАНІЕ: По военно-грузинской дорогѣ (Листки изъ исторіи Кавказа) (съ 3-ми рисунками). Немировича-Данченко. — Въ домѣ коммерч. совѣтника Поньги З. Марлитта (продолженіе). — По дорогѣ въ шнолу (съ рисункомъ). — Рыба телеснопъ (съ рисункомъ) Н. Зуева. — Весной (стихотв.) А. Круглова. — Тюрименки, купающія лошадей (съ рисунк.) Н. Каразина. — Политическое обозрѣніе. — Замѣтки о локомотивѣ. — Юмористическіе очерки (съ рис.) — Шахматы. — Разныя известія. — Почтовый ящикъ — С.-Петербургская биржа. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 17. Вышелъ 3-ій выпускъ 3—3

Альбома рисунковъ къ соч. Гоголя, заключающій въ себѣ повѣсть

„СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА“

изд. А. Н. Голяшкина.

Продается въ магазинѣ Фельтена. Нев. пр., № 20, въ С.-Петербургѣ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

Въ пользу Московскаго Дамскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета.

Піеса герцеговинки, музыки К. І. Краля, слова заимствованы изъ помещеннаго въ № 5 «Нивы» за настоящій годъ стихотворенія того же названія.

Можно получить въ музыкальномъ магазинѣ Бернарда въ СПбургѣ, и въ Москвѣ у Гутхелля, на Кузнецкомъ мосту, д. Беккерсъ.

Зубной врачъ ВАРСЪ.

Искусственные зубы, plombированіе и леченіе зубныхъ болѣзней, Б. Морская д. 35. 26—10

2 рю. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—39

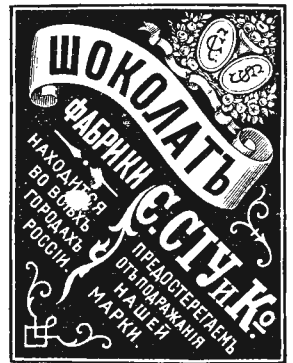
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы В. В. Крестовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. П. Петрова и В. Ключикова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «Нивы» 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щербетала ласточка. Сочиненіе Штилгагена. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 г. 1 р. съ пересылкою.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногий волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытвыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ «НИВЫ» на 1876 г. на 1 р. 80 к. съ пересылкою.

ИЗДАНИЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

„НИВА“

ИЛЛЮСТР. ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТ. И СОВР. Ж.

1875 годъ,

брошюр. 4 р. съ перес. 5 р. въ прост. пер. 4 р. 60 к. съ пер. 5 р. 60 к. въ каленк. пер. 5 р. 50 к. съ пер 6 р. 50 к.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Москва и Тверь, историческая повѣсть В. П. Кельсиева, съ рисунками Панова. Цѣна 1 руб. 50 к. съ пер 2 р., для подписчиковъ «Нивы» на 1876 г. 1 р. 40 к. съ перес. Авторъ изображаетъ эпоху татарскаго ига въ Россіи въ живомъ и поучительномъ разсказѣ. Это по истинѣ народная книга для всѣхъ возрастовъ и состояній.

Рекомендуемъ нашимъ читателямъ слѣдующія книги:

Христова Невѣста, повѣсть Н. А. Лейкина. Изданіе второе. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
Повѣсти, Разказы и Драматическія сочиненія Н. А. Лейкина. Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Содержаніе I тома.

1) Апраксинцы. 2) Кусокъ хѣба. 3) Ямская въ будни и праздники. 4) Крестины въ Ямской. 5) Похороны. 6) Сивая борода за галстукомъ. 7) Театроманія. 8, Критика. 9) Дружественная лотерея.

Содержаніе II тома.

Учебный день въ нѣмецкой школѣ.—Биржевыя артельщики.—Извозчикъ.—Швейцарь.—Маркеръ.—Прачка пощенца.—Охтенка.—Парикмахерскій подмастерье.—Буквинтъ.—Горничная.—Торговый мальчикъ.—Мастеричка.—Лихачъ.—Кухарка.—И, я, да не я.—Ласковый человекъ.—Отецъ и сынъ.—Приказчикъ на отчетѣ.—Водогребничекъ.—Искусъ.—Тестъ и зять.—Рукобиты.—Ряженые.

Историческіе Очерки и Разказы С. Н. Шубинскаго. Изданіе второе, дополненное. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Содержаніе.

Придворные шуты и шутковскія свадьбы въ царствованіе Петра Великаго и Анны Иоанновны.—Березовскіе ссыльцы.—В. В. Головинъ.—Убіство Синклера.—Дочь Бирона.—П. А. Демидовъ.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Императрица Екатерина 2 и ея два статъ-секретаря.—Принцъ Нассау-Зигенъ.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Пѣвица Габриэлла.

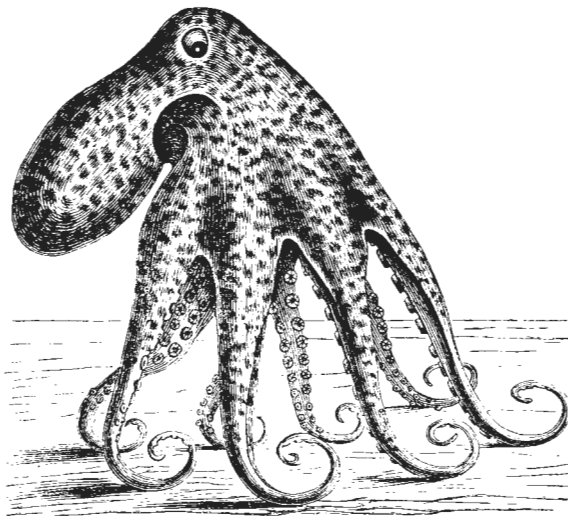
Записки Слѣдователя, сочиненіе Н. П. Тимофѣева.

Содержаніе: 1) Первая впечатлѣнія. 2) Убіство и самоубійство. 3) Поджигатели. 4) Тюремный міръ. 5) Грабительская шайка. 6) Преступленіе суевѣрія. 7) Проститутка. Цѣна 2 руб. съ перес. 2 руб. 50 коп.

Э. А. Россмесслеръ. На Досугъ. Популярныя Бесѣды, съ подтипажами въ текстѣ, переводъ съ нѣмецкаго П. Андреевскаго. Цѣна 3 руб. 50 коп. съ пересылкою 4 руб.

Содержаніе Отд. I. Въ повѣствовательной формѣ. Деревушка въ горахъ (перспектива въ народное естествознаніе) — Маленькій пастухъ. — Комиссія. — Личности. — Выставка. — Шутъ къ просвѣщенію. — Отд. II. Обильныя дары. Царство злаковъ. — Зелень растений. — Альпійская роза. — Крахмалъ. — Дерево. — Кружевное дерево. — Какъ и по какому плану строишь улитка свой домъ. — Древесный жукъ. — Расгустъ ли камни. — Парнасія. — Микроскопическіе грибы. — Альпійскія растенія. — Ивовая роза. — Метаморфозы или превращенія растенія — Чернильная рыба или каракатица. — Отд. III. Подъ деревьями. Садъ царя и зять. — Лѣсъ. — Отд. IV. На свободѣ. Изъ Валенсіи. — Страшнованія пещерныи. — Весна на дворѣ (въ день рожденія подруги). — На Венгеральтѣ. — Дѣвъ црогулки. — Первая. — Вторая. — День изъ путешествія по Южной Испаніи — Два

маленькія приключенія изъ путешествія съ естественнонаучною цѣлью. — Отд. V. Къ вопросу о естествоиспытаніи. Естествознаніе. — Путешествія чедовѣка, свѣдущаго въ природѣ. — Отд. VI. Ради дѣтей. Игра или обученіе? (Наставникамъ и матерямъ). —

Чернильная рыба.

Для маленькаго мира. — Три за одно (Рождественная картинка). — Естествознаніе и народное обученіе. — Отд. VII. Воззваніе къ уму и сердцу. Собирагельница хвороста. — Морская язва религіознаго умонамѣстельства. — Здѣсь и тамъ. — Чѣмъ отличаемся мы отъ животныхъ? — Братъ и сестра — Поэзія и естествознаніе. — Искусство и природа. — Сдѣлайте сами способными къ защитѣ. — Думайте объ этомъ. — Отд. III. Для жизни. Тѣлодвиженія, приемы или жесты. — Плачь. — Снѣкъ. — Стекло (Рождественское разсужденіе). — Бумага. — Каменные мысли. — Лейпцигская ярмарка. — Отд. IX. Памяти Гумбольдта. 6 мая 1859 года. — Похороны Гумбольдта. — Общину Гумбольдта. — 14 сентября 1859 года.

Все эти пять изданій объявленныя здѣсь можно выписывать чрезъ Редакцію «Нивы».

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Симъ имѣю честь обратить вниманіе читающей публики, особенно гг. фабрикантовъ, промышленниковъ, книгопродавцевъ, помѣщиковъ, домовладѣльцевъ, гувернеровъ, гувернантокъ, учителей и проч. и проч. на значительное распространеніе издаваемаго мною журнала «Нива», въ видахъ возможнаго желанія воспользоваться имъ для объявленій.

Такъ какъ «Нива» въ настоящее время—наиболѣе читаемый журналъ (онъ выходитъ въ количествѣ 25,000 экземпляровъ), то помѣщаемыя въ немъ объявленія распространяются въ 4—12 разъ болѣе, нежели напечатанныя въ менѣе распространенной газетѣ или журналѣ. Сверхъ того «Нива», какъ журналъ художественно-иллюстрированный, сохраняется отъ перваго до послѣдняго нумера, и къ концу года переплетается, почему каждое объявленіе въ немъ можетъ быть дѣйствовать въ теченіи цѣлаго года, тогда какъ въ ежедневныхъ газетахъ, оно не сохраняется долѣе двухъ-трехъ дней.

Чрезвычайно распространены предразсудокъ, будто бы скорѣе достигаютъ цѣли большія объявленія, печатаемые крупнымъ лапидарнымъ шрифтомъ—и, если мы заглянемъ въ русскія ежедневныя газеты, то насъ поразишь громадная трата мѣста и денегъ, расходуемыхъ непроизводительно на такія объявленія, чего недѣлается даже въ англійскихъ, американскихъ и проч. газетахъ. Я предлагаю публикѣ испробовать вліяніе **небольшихъ экономическихъ объявленій**, превосходно отпечатанныхъ въ издаваемомъ мною журналѣ. Можно быть тѣмъ болѣе увѣреннымъ въ успѣхъ ихъ, что мелкій, но четкій новый шрифтъ, при хорошей бумагѣ и лучшей краскѣ гораздо удобочитаемѣе крупнаго, но дурно отпечатаннаго,—при чемъ каждому, само собою разумѣется, представлено и въ «Нивѣ» помѣщать объявленія такой величины, какую только допускаетъ форматъ журнала.

Въ каждой строкѣ «Нивы» помѣщается 37 буквъ, т. е. на всей страницѣ 480 строкъ или 18,240 буквъ.

Во всякомъ случаѣ, «Нива» представляетъ каждому возможность въ небольшомъ столбцѣ ея заявить то же самое, что можетъ быть напечатано въ большихъ размѣрахъ на листахъ ежедневной газеты, при чемъ громадное распространеніе издаваемаго мною журнала значительно болѣе противъ другихъ изданій можетъ дать преимуществъ печатаемымъ въ ней объявленіямъ.

На оборотѣ прилагается точный тарифъ, по которому, въ случаѣ заказа, могутъ быть назначены №№, соотвѣтствующіе желаемымъ размѣрамъ объявленія. Если, напр. требуется помѣстить объявленіе въ 20 строкъ, то № 13 покажетъ его величину и цѣну, 5 р. Для болѣе пространныхъ объявленій можно соединять вмѣстѣ по нѣсколькы №№ тарифа.

При чрезвычайно умѣренныхъ, въ сравненіи съ заграничными, цѣнахъ моего тарифа (считая число выхода экземпляровъ и дорогую цѣну хорошей бумаги), смѣю надѣяться на многочисленныя заказы.

Особенно я еще рекомендую приложенія объявленій, тарифовъ и преисъ-курантовъ при «Нивѣ», считая за каждую тысячу по 5 руб.

Для приложеній **инороднымъ** подписчикамъ «Нивы» нужно объявленій въ количествѣ 17,000 экз.

Для приложеній **городскимъ** (с.-петербургск.) подписч. «Нивы» нужно объявленій въ количествѣ 6,000 экз.

Такъ какъ составъ каждаго № «Нивы», т. е. наборъ, корректура, поправка рисунковъ, глазировка бумаги, печать, фальцовка, упаковка и проч. занимаетъ двѣ недѣли, то необходимо доставить объявленія заблаговременно въ контору Редакціи «Нивы».

Издатель «Нивы» **А. Ф. Марксъ.**

ТАРИФЪ и ПОСТРОЧНЫЕ РАЗМѢРЫ объявленій въ журналѣ „НИВА“.

Каждое объявление, помещенное въ „Нивѣ“ сохранивается долгие время, такъ читатели и подписчики журнала, номера не бросаютъ, и поэтому необходимо извѣщать о ежедневныхъ газетъ, а не противъ того, въ концѣ года отдавать въ переплетъ. Кроме 23,000 экземпляровъ для подписчиковъ, печатается еще 2000 листовъ экз. „Нивы“ для продажи комплектами брошюрованными и переплетенными, то есть въ концѣ года, т. е. каждый номеръ печатается въ количестве 25,000 экз.

№ 1. 2 строки 50 коп.		№ 18. 2 двойн. строки 1 руб.
№ 2. 3 строки 75 коп.		№ 19. 3 двойн. строки 1 руб. 50 коп.
№ 3. 4 строки 1 руб.		№ 20. 4 двойн. строки 2 руб.
№ 4. 5 строкъ 1 р. 25 к.	№ 14. 25 строкъ 6 р. 25 к.	№ 21. 5 двойн. строкъ 2 руб. 50 коп.
№ 5. 6 строкъ 1 р. 50 к.		№ 22. 6 двойн. строкъ 3 руб.
№ 6. 7 строкъ 1 р. 75 к.		№ 23. 7 двойн. строкъ 3 руб. 50 коп.
№ 7. 8 строкъ 2 руб.		№ 24. 8 двойн. строкъ 4 руб.
№ 8. 9 строкъ 2 р. 25 к.	№ 15. 30 строкъ 7 р. 50 к.	№ 25. 9 двойн. строкъ 4 руб. 50 коп.
№ 9. 11 строкъ 2 р. 75 к.		№ 26. 11 двойн. строкъ 5 руб. 50 коп.
№ 10. 13 строкъ 3 р. 25 к.		№ 27. 13 двойн. строкъ 6 руб. 50 коп.
№ 11. 15 строкъ 3 р. 75 к.	№ 16. 31 строка 7 р. 75 к.	№ 28. 15 двойн. строкъ 7 руб. 50 коп.
37 буквъ.		76 буквъ.
№ 12. 17 строкъ 4 р. 25 к.		№ 29. 17 двойн. строкъ 8 руб. 50 коп.
№ 13. 20 строкъ 5 руб.	№ 17. 35 строкъ 8 р. 75 к.	№ 30. 20 двойн. строкъ 10 руб.

Въ каждой строкѣ одного формата помѣщается 37 буквъ непареля. Въ каждой строкѣ двойнаго формата помѣщается 76 буквъ непареля. Одна страница или 480 стр., или 18.240 буквъ стоитъ 120 руб. Половина страницы или 240 стр. или 9.120 буквъ стоитъ 60 р

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 18

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 3 Мая 1876 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ И. Гр. Соловьева, А. Ланга и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во все другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
На полгода безъ доставки 2 руб. съ доставкою 2 р. 50 к. съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.			
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.			

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за МАЙ съ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 36 чертежомъ.

Исайка.

Приходская церковь (къ статьѣ Немировича-Данченко «Исайка»). Рис. Ганье, грав. Паннемакеръ.

И с а й к а

(Изъ путевыхъ набросковъ).

Не упомяну я даже теперь, какъ и называлась эта деревня, хотъ и стояла она на бойкомъ почтовомъ трактѣ.

Только и осталась въ памяти старинная приходская церковь, за то она и до сихъ поръ такъ и рисуется передъ моими глазами, живописная, красивая въ самомъ заустѣннн своемъ. Къ каменному, на подобие четырехугольной башни выведенному корнису, съ двумя узенькими въ родѣ бойницъ окошками, примыкала крытая полувоздушная галлерейка надъ аркою главныхъ воротъ. Рядомъ, на четырехъ каменныхъ столбахъ, точно деревянная мельница, поставлена была колоколенка съ четырьмя маленькими и однимъ большимъ куполомъ. Позади церкви за каменной же стѣною, кое гдѣ уже осыпавшейся, тянутся зеленые сады. Молодые вѣтви березовой чащи перекидывались за стѣну. Ярко красныя рябиновыя кисти рдѣли въ темной листвѣ. А тутъ, у самой стѣны, пламенѣли, точно сейчасъ только вспыхнувшіе, алые вѣнички маку и скромные голубеньки колокольчики стыдливо жалась къ нахальному золотому курсатѣну, красовавшемуся на всемъ зеленомъ просторѣ небольшого дужка. Золотыми пятнами тамъ и сямъ разбрасывались колонны ромашки—а внизу едва струилась въ тихомъ заводѣ спокойная вода «студеной» криницы...

— Видалъ ли ты гдѣ такую церкву? хвастался ямщикъ, весело поглядывая на старыя стѣны, сквозь осыпавшіеся кирпичи которыхъ выглядывали мелкіе побѣги какой-то зелени.

— Ты въ Питерѣ бывалъ-ли? оглянулся онъ на меня.

— Бывалъ, какъ же.

— Сказываютъ и тамъ такихъ храмовъ мало. Наша церква старая, сказываютъ, Грознымъ ставлена. Казнилъ, вишь, онъ тутъ неправедно сорокъ сороковъ народу неповиннаго, ну и какъ опаматовался, за упокой ихъ душъ поставилъ, чтобъ кровь значить, не вошляа къ небу... Тутъ подъ церковью должно быть и косточки ихъ покоются. Въ прошлое время, сказываютъ, и чудеса бывали, ну а нонѣ народъ вишь оскудѣлъ вѣрою—и чудесовъ нѣтъ. Опять то сказать, и чудесамъ нонѣ, пожалуй шеловѣрятъ...

— А приходъ-то у васъ великъ-ли?

— Нашего приходу—нѣтъ больше. И поны у насъ богатые поэтому. Одинъ у насъ попъ былъ—тотъ сына-то въ генералы вывелъ, въ Питерѣ служилъ на царской службѣ, сколько орденовъ нахваталъ, страсть, а прѣбхалъ къ отцу сюда — ничего: почтительно держалъ себя. У него въ дому и останавливался. Мы первое время тоже опасались его... Ну а потомъ, ничего. Видимъ, генералъ кроткій, народа не трогаеетъ... Пожилъ, пожилъ—сестру взялъ съ собой и уѣхалъ. Опосля этого нашъ попъ страсть какъ превозноситься сталъ. Съ кѣмъ вы это разговариваете, кричитъ. У меня у самого сынъ въ генералахъ служить! Ну и ему почтеть тоже... нельзя. Мы разд даже большую защиту лъз-за этого самаго генерала получили.

— Эго какъ же?

— Обидѣлъ насъ баринъ сусѣдній. Брался мы ему работать на полѣ три дня въ недѣлю, а онъ намъ за это дужокъ предоставилъ, лѣсокъ отдалъ. Только мы какъ убрали, все ему представили какъ слѣдуетъ—смотримъ, онъ и лѣсъ опять къ себѣ оттягивать сталъ. Кажы, говорятъ, контракту, а какая тутъ контракта, коли мы на совѣсть его полагались.

— Ну, а генералъ тутъ при чемъ же?

— Генералъ! А онъ живетъ въ Питерѣ и баринокъ нашъ въ Питерѣ. Отецъ Гаврилъ и написалъ сынку, тотъ и сократилъ баринка, пристыдилъ его. Извѣстно, спознаеешь совѣсть, ежели приструнять. А безъ струны тоже нельзя. Безъ струны человекъ брюхо свое выпреть, да и величается промежду народа, точно онъ и невѣсть ипостасный господниъ какой.

— Гдѣ это ты словамъ такимъ научился.

— Я грамотный! Тоже учены, слава Богу. У насъ учителемъ былъ удержъ одинъ, такъ онъ съ нами точно съ азиатами. Возьметъ палку и давай учить!.. Я, говоритъ, привыкъ такъ, потому на Кавказѣ сколько, можетъ, крови неприятельской пролилъ. Наконецъ, кони лихо подкатили къ станціонному дому.

Станція, большая дорога, перекладная тройка! Гдѣ вся эта поэзія почтового тракта, эти остановки въ вытянувшихся вдоль дороги селахъ, эти пустыя станціонныя комнаты съ лубочными картинками, съ писаремъ, лѣнниво и нехотя заносающимъ вашу подорожную въ книгу, эти случайныя встрѣчи или съ прелестнымъ личикомъ шестнадцатилѣтней стеной наяды, или съ добродушнымъ ея папашей, тучнымъ и лѣннивымъ, гостеприимнымъ и сообщительнымъ; эти озаренныя солнцемъ золотыя поля по обѣимъ сторонамъ дороги, эти взмыленные гривы удадыхъ кониковъ, уносящихъ вашу телѣжку въ ту синюю заманчивую даль, эти, то гремучи и лихія, то унылыя, словно полкомъ разстилающіяся пѣсни ямщика?... Гдѣ все это!.. Каждый часъ въ то доброе время приводилъ съ собою новыя впечатлѣнія, каждую минуту вы видѣли новыя картины, каждая остановка дарила васъ новой встрѣчей... Пылъ клубится позади васъ... дробно перелпваются колокольчики... пристяжныя завилась кольцомъ и словно сослѣна, вытянувшись, стремглавъ

уносить васъ коренной... Вы перегнали и жемчужную тучку на небѣ и вѣтеръ, лѣнниво гонящій зеленыя волны по всколовшимся нивамъ... И свѣжо, и хорошо кругомъ, аромат полевыхъ цвѣтовъ обливаетъ васъ... свещетъ воздухъ разсѣкаемый вамп... а глаза зорко приглядываются впередъ... впередъ, гдѣ въ туманной синевѣ сливаются и рощи, и поля, и только зубчатая линия, невѣдомо куда убѣгающихъ холмовъ, мерещится, гочно окранны тучки, чуть чуть приподнявшейся на небо-склонѣ. И хорошо, и весело, и самъ человекъ запоетъ на весь этотъ просторъ!..

А теперь!.. Запрутъ васъ въ вагоны, точно въ душное стойло, набьютъ туда людей, дяко оглядывающихъ другъ друга. Противно... Отворили бы вы вагонъ хоть на одну минуту наглядѣться на золотой просторъ лѣтняго полудня, глотнуть полевого воздуха—да вдругъ забрюжитъ подвязанный сосѣдъ, захнычетъ какая-нибудь мокрица въ салончикѣ, обладающая всевозможными недугами и болѣзнями. А и дохнетъ воздуха въ окнѣ—небольшая радость. Отравляющій запахъ каменнаго угля, противный, доводящій до тошноты. Остановки—по командѣ, только что выползли вы—гонять назадъ... Удобно сидѣть и быстро везуть—ни слова! Только отъ этой быстроты и удобства уѣхалъ бы куда-нибудь подальше.

Не разъ вздохнешь, вспоминая старую столбовую дорогу!..

— Исайка, гдѣ Исайка! слышалось когда-то на станціи.

— Гонн его сюда, распорядился станціонный смотритель.

— Да что это за Исайка?

— Писарекъ у насъ такой! И писарекъ самый плюгащенкій. Такъ держимъ, для ради пріюту... Да вотъ и онъ бѣжнть.

Въ дѣряхъ показалась преоригинальная фигурка.

Сѣденькій старичекъ лѣтъ этакъ пятидесяти. Волосы—до плечъ и еще густые... Усы и борода—щетиной, видно съ мѣсятъ небрился... Глаза изъ-подъ сѣдыхъ, словно ставшихъ дыбомъ, бровей глядятъ на васъ крайне презрительно. Черты лица крупны и какъ то неѣжны. Носъ не въ мѣру толстъ—распираетъ его, повидному, на этомъ лицѣ во всю; морщины крупныя—точно ихъ тушью намалевали, губы нѣтъ—такъ провала какой-то... Ходитъ Исайка козыремъ. Руки въ карманы, осанистъ... Грудь впередъ, ноги точно тактъ отчеканиваютъ.

— Прѣбжающій? важно спросилъ Исайка.

— А ты поди опять въ кабакъ былъ? замѣтилъ смотритель.

— Молчи, не съ тобой, холопомъ, говорить...

— Ой ты, пустозвонъ... Баринъ, въ банѣ паренъ, дубьемъ выколоченъ, пѣномъ вымолоченъ.

— Зажужжалъ!.. Съ кѣмъ ты говоришь?.. сановито оглянулся Исайка

— Комедьянтъ! Извольте посмотрѣть на него, господниъ. Такую театру представить, лучше, чѣмъ ахтеръ заправскій.

— Съ кѣмъ ты это говоришь? уже нѣсколько громче продолжалъ Исайка.

— Съ кѣмъ, съ тобой кабацкая затычка...

— А коли со мной, зачѣмъ сидишь, мужикъ... Встанъ, дерево!

— Я мужланъ... Да на мнѣ четырнадцатый классъ! уже обидѣлся въ свою очередь смотритель.

— Холопъ ты! Какъ смѣешь говорить такъ съ...

— Исайкой?

— Не Исайкой, а княземъ Бѣлогубъ - Свѣтзаровымъ!.. Да знаешь ли ты, холопъ, что лѣтъ сто тому назадъ могъ бы я тебя выпоротъ на конюшнѣ и управы ты никакой не нашелъ бы. Мой дѣдъ, князь Иванъ, дай ему Господь царствіе небесное, такъ чъ чиновниковъ, какъ ты, смердъ, медвѣдами травилъ, гонялъ, что зайцевъ сворами поселкомъ. Знаешь ли ты, что мой праѣдъ, князь Симеонъ, повѣсилъ бы тебя на воротахъ, и гнилъ бы ты тамъ, и расклевали бы тебя вороны, и истлѣлъ бы ты безъ христіанскаго погребенія!..

Исайка говорилъ ровно, не волнуясь, какъ говорить не бѣдныя, терпимый «для ради пріюта», а власть и силу имѣющій. Я подумалъ, не образчикъ ли захудалыхъ княжескихъ родовъ передо мною.

— Молчи же, душа чернильная, пивка! И Исайка снова степенно принялся вносить содержаніе моей подорожной въ книгу.

Станціонный смотритель сидѣлъ молча. Огорошенъ былъ ужъ очень.

— Вотъ ужъ именно громъ не изъ тучи... Охъ ты Исайка, Исайка... Форсу то у тебя на пять почтмейстеровъ хватитъ. А ты сократись, сожми хвостъ-то, вишь, онъ у тебя топорщится. Онамедни ревизоръ былъ, такъ ужъ простилъ тебя по добротѣ своей, а то быть бы бичеу на веревочкѣ.

— Простишь?! Воровское племя! Да развѣ я у него просилъ прощенія.

— Да что съ тебя взять, коли ты вишь полоумный какой!..

— Простишь!.. Меня, князя Бѣлогубъ-Свѣтзарова.

— Была тоже фальшивая бумажка, рублемъ величалась, пока становой не поймалъ ее!.. Какой ты князь. Такихъ князей по-

ди страсть сколько попасыпано. Эдакихъ то князей поди полдеревни у насъ.

— Да что онъ, дѣйствительно, князь? спросилъ я тихо у смотрителя.

— Была къ князьямъ взята изъ деревни въ горничныя Аюта, старостина дочка. А на то время изъ Пытера молодой баринокъ прѣхалъ, сказываютъ. Ну и спознался съ ней... долго ли! Вотъ и произошелъ на свѣтъ нашъ князекъ Исайка. Ужь его какъ ругали за это, страсть. На бумагахъ вздумалъ подниматься княземъ Бѣлогубъ-Свѣтозаровымъ, судили за это его, онъ и на судѣ стоялъ на своемъ, ну, за дурость эту самую оправдали! Смолоду то онъ пряткій былъ. Старикъ князь его сдѣлалъ было управляющимъ въ селѣ одномъ, страсть какъ свирѣствовалъ онъ. Помни, говорятъ, князей Свѣтозаровыхъ! Онъ и теперь ужъ на что голодный человѣкъ, ни у него двора, ни у него хозяйства, а ни за что къ мужику въ гости не пойдеть... Женить его хотѣли—не пошелъ. Стану я, говорятъ, свою кровь съ подлой кровью мѣшать...

— Получите вашу подорожную. Исайка точно и не слышалъ,

что мы говорили о немъ. Голосъ былъ попрежнему надмѣненъ. Зная уже изъ объясненій смотрителя, что Исайка человѣкъ бѣдный, «голодный» человѣкъ, я положилъ передъ нимъ деньги. Онъ даже и не взглянулъ на меня. Я думалъ, что незамѣтилъ.

— Это вамъ, за труды!..

Господи! какимъ взглядомъ онъ меня окинулъ!..

— Эй ты, холопъ! обратился онъ къ смотрителю. Проѣзжающій тебѣ вотъ на чай деньги оставилъ!

Смотритель не заставилъ повторять. Мелкимъ шажкомъ подбѣжалъ онъ къ столу и съ поклономъ взялъ мелочь.

Исайка всталъ, выпрямился и, не оглянувшись на меня, вышелъ вонъ.

Скоро почтовая тройка вынесла меня изъ села, на просторъ зеленыхъ полей. Позади давно уже темныя избы слились въ одну неопредѣленную массу, и только бѣлая стѣна старинной церкви съ своими куполами еще мерещилась, вся въ золотой дымкѣ солнечнаго блеска...

Немировичъ-Данченко.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Справедливое негодованіе всецѣло овладѣло Кэтой. Она по натурѣ настолько не была кроткой: молодая кровь ея закипѣла при обидѣ, и бьющему по одной щекѣ—подставлять другую—она не могла... Однако, на этотъ разъ, Кэта преодолѣла себя и отрывисто, холодно сказала:

— Я принесла кольцо.

— Давай его сюда!

Лицо Флоры нѣсколько просвѣтлѣло. Она торопливо взяла колецко съ ладони Кэты и надѣла его на четвертый палецъ.

— Ну, я очень рада, что этотъ маленькій дезертиръ отыскался! Это недобрый знакъ...

Такая безграничная дерзость сильно поразила молодую дѣвушку, такъ что она едва выговорила:

— Въ данномъ случаѣ вѣдь не о дурномъ же предзнаменованіи говоришь ты?..

— А почему-жь-бы и не такъ? Или ты думаешь, что умные люди должны быть непремѣнно свободны отъ суевѣрія?.. Наполеонъ I былъ суевѣренъ, какъ баба,—вотъ и знай, если не знала этого, моя малютка!... Что касается меня, то я... я, по крайней мѣрѣ, не отрицаю предзнаменованій.

Проговоривъ эти слова, Флора такъ прямо и дерзко посмотрѣла на сестру, какъ будто была увѣрена, что подобный взглядъ уничтожитъ въ головѣ молодой дѣвушки всякую самостоятельную мысль и заставитъ ее совершенно забыть о прошломъ. Но прекрасной невѣстѣ пришлось имѣть дѣло съ существомъ неумолимо-правдивымъ, обладающимъ горячимъ сердцемъ...

— Ты забываешь, что вчера вечеромъ ты не одна была тамъ! И Кэта указала рукой на мостъ.

Флора злобно размѣялась.

— Да, вотъ какъ намъ говорятъ, если мы меньшихъ сестрицъ своихъ не держимъ на приличной дистанціи, не подпускаемъ ихъ къ себѣ по крайней мѣрѣ шаговъ на десять! Впрочемъ, это ужъ такая манера у свѣженькихъ, новенькихъ дѣвицъ — принимать важный, таинственный видъ, какъ будто онѣ и въ самомъ дѣлѣ Богъ вѣсть что знаютъ, а потомъ неуклюже, безтактно касаться неприятно-звучащей струны въ человѣческомъ сердцѣ, о существованіи которой желали бы совсѣмъ забыть... Разлюбезнѣйшая моя Кэта, обладательница неизсякаемаго источника мудрости, ты хочешь сказать мнѣ, что я вообще не могу уже связывать съ моимъ

обручальнымъ кольцомъ никакого предзнаменованія, потому что... ну, потому что оно лежитъ на днѣ рѣки?.. Такъ, что ли, сокровище мое?..

И она снова отрывисто, рѣзко засмѣялась.

— Ну, и что, если я, не взирая на всю мою пылкость, безуміе, гнѣвъ (мнѣ вѣдь пришлось выслушать несправедливую, пристрастную критику... Безпощадно были брошены тѣ слова прямо въ лицо мнѣ!) — что, если я, все таки почувствовала жалость, состраданіе и —не бросила тогда мою маленькую драгоценность?.. Развѣ ты, дитя, слышала, какъ колецко упало?.. Разумѣется—нѣтъ: оно вѣдь—здѣсь!..

Флора, играя, вертѣла кольцо на пальцѣ.

— Да, здѣсь, повторила она, хотя незадолго передъ этимъ оно возымѣло намѣреніе самовольно покинуть меня...

— Ну, да, покинуть потому, что кольцо это не по пальцу тебѣ—велико... перебила неумолимая Кэта, отъ негодованія дрожа всѣмъ тѣломъ:—у тебя пальцы потоньше пальцевъ покойной твоей матери.

Флора вздрогнула и даже вытянула руку, какъ бы желая оттолкнуть сестру.

— Ахъ, ты, змѣенышъ! прошипѣла она гнѣвно... Съ первой встрѣчи здѣсь, какъ только взглянула я на тебя—я ужъ знала, что твоя мужицкая, неотесанная фигура кинетъ гадкую тѣнь на мою дорогу... Какъ же смѣешь ты слѣдить за мной, шпионить... наблюдать за моими дѣйствіями? Ты—за мной?! Такъ это-то „честныя правила“, которыя вбивала тебѣ въ голову твоя славная Лукасъ?

— Мою Лукасъ оставь въ покоѣ, сказала Кэта, сохраняя холодное, величавое спокойствіе, тогда какъ Флора была страшно раздражена. Если я такъ думаю и поступаю такъ, то это вовсе не отъ воспитанія. Я знаю, что эти „честныя правила“ у меня въ крови—по наслѣдству отъ моего честнаго отца. Комедій въ жизни я ненавижу, и лучше совсѣмъ, навсегда онѣмѣть, чѣмъ одобрять ложь. Если ты привыкла озадачивать тѣхъ, которые окружаютъ тебя, своими отважными поступками и запугивать ихъ до такой степени, что они молчатъ, видя твою ложь,—то со мной тебѣ не удастся продѣлать этого, не смотря на то, что я и молода, и неопытна. Меня ты не введешь въ заблужденіе: у меня вѣдь здоровые глаза и память хорошая...

— Ну, конечно, гдѣ же тягаться тонкому организму,

чуткой душѣ, съ дюжимъ деревенскимъ произрастениемъ!

Флорѣ хотѣлось съ насмѣшливой улыбкой уйти, не дослушавъ монолога Кэты, оставить эту „резонерствующую юную дѣвицу“, но—она не ушла, она сжимала пальцы въ кулакъ, кусала губы, рвала молодые листочки бука и, оставшись, вдругъ заговорила, такъ разсудительно, такимъ сдержаннымъ тономъ, какъ будто душа ея пребывала въ совершенномъ покоѣ.

— Не знаю, поймешь ли ты меня, дитя... (она пожала плечами). Ты морализируешь, употребляя скучный, старый приемъ, въ который дѣтски вѣруешь, и относишься поэтому къ душѣ человѣческой, какъ лавочникъ, отсчитывающій извѣстное число аршинъ, который не обращаетъ вниманія на качество и цвѣтъ матеріи... Можетъ быть, это тебѣ не ясно?..

Флора шагнула къ сестрѣ и такъ приблизилась къ ней, что Кэта чувствовала ея дыханіе.

— Ну да, ты не ошиблась, заговорила она, понизивъ голосъ и искоса посмотрѣвъ на окна домика:—мое обручальное кольцо тамъ—въ рѣкѣ. Я швырнула его въ порывѣ страшнаго отчаянія, подѣ влияніемъ чувства невыразимаго отвращенія къ нищенской жизни съ Брукомъ. Дѣвушки твоего сорта, конечно, не поймутъ этого... Вы вѣдь выбираете себѣ мужа, зная его средства, ознакомившись съ его наружностью, причемъ принимаете въ соображеніе пріятный видъ лица и... даже красивую бороду. Сказавъ разъ „да“, вы идете за нимъ въ огонь и воду... Что-жь, это очень хорошо. Такія дѣвушки становятся честными матерями благовоспитанныхъ сыновей; сидя въ родномъ гнѣздѣ, онѣ боязливо и скромно закрываютъ глаза, если вдругъ видятъ передъ собой летящаго орла, который стремится въ страшную высь... Вотъ, съ такимъ-то орломъ хочу жить я! Тамъ, гдѣ онъ паритъ—тамъ я могу дышать, тамъ область моя, родина... Я всегда буду возлѣ него, буду восхищаться имъ, вдохновлять его во время гордаго полета...

— Н-да, чтобы потомъ, если коварная пуля случайно подрѣжетъ ему крылья, громко назвать орла вороной и трусливо, потихоньку бросить его, подхватила Кэта, ярко обрисовавъ постыдную измѣну эгоистки - сестры... И если бы ты ушла еще украдкой, молча, какъ обыкновенно дѣлаютъ вѣроломные люди, но—нѣтъ, уходя, ты дала волю ожесточенной своей ненависти, ты *тутъ же* объявила, что будто бы тебя предательски обманули—и, вотъ, теперь снова стоишь на поруганной тобою землѣ!..

— Да, стою здѣсь, какъ обожаемая невѣста Брука, которой—увы, пришлось тяжело ошибиться, не понять во время, громадности предназначеннаго ей счастья!..

На губахъ Флоры играла торжествующая усмѣшка. Она смѣрила сестру съ головы до ногъ гнѣвно-сверкающимъ взглядомъ.

— Э, да ты можешь быть очаровательно - дерзкой, малютка! Меня положительно поразила твоя хорошенка фраза, сказанная по поводу моего сравненія... относительно орла... Ахъ, ну, конечно, ты обладаешь презрительной дозой мѣщанскаго, доморощеннаго ума! Только ума-то этого хватаетъ развѣ на разсужденія вкривъ и вкось о порывахъ гениальной натуры, пламенной души... И что смыслишь ты въ психологическихъ тайнахъ и загадкахъ?.. Вотъ, если бы я заговорила о дружбѣ—ну, пожалуй, это было бы комедіей, но любовь и ненависть уживаются вмѣстѣ, онѣ воспаляютъ другъ друга, и часто причиной жгучей ненависти бываетъ избытокъ чувства любви. Вы, съ вашимъ припухлымъ сердцемъ, конечно, не поймете этого. Женщины, подобныя тебѣ, чтобы примириться съ мужчиной, котораго онѣ оскорбили, начинаютъ варить ему его любимое кушанье!.. Я-же — и вообще натуры моего пошиба—способны искупить смертью содѣянное преступленіе.

Флора прижала кулакъ къ груди, какъ будто вонзала кинжалъ въ сердце свое.

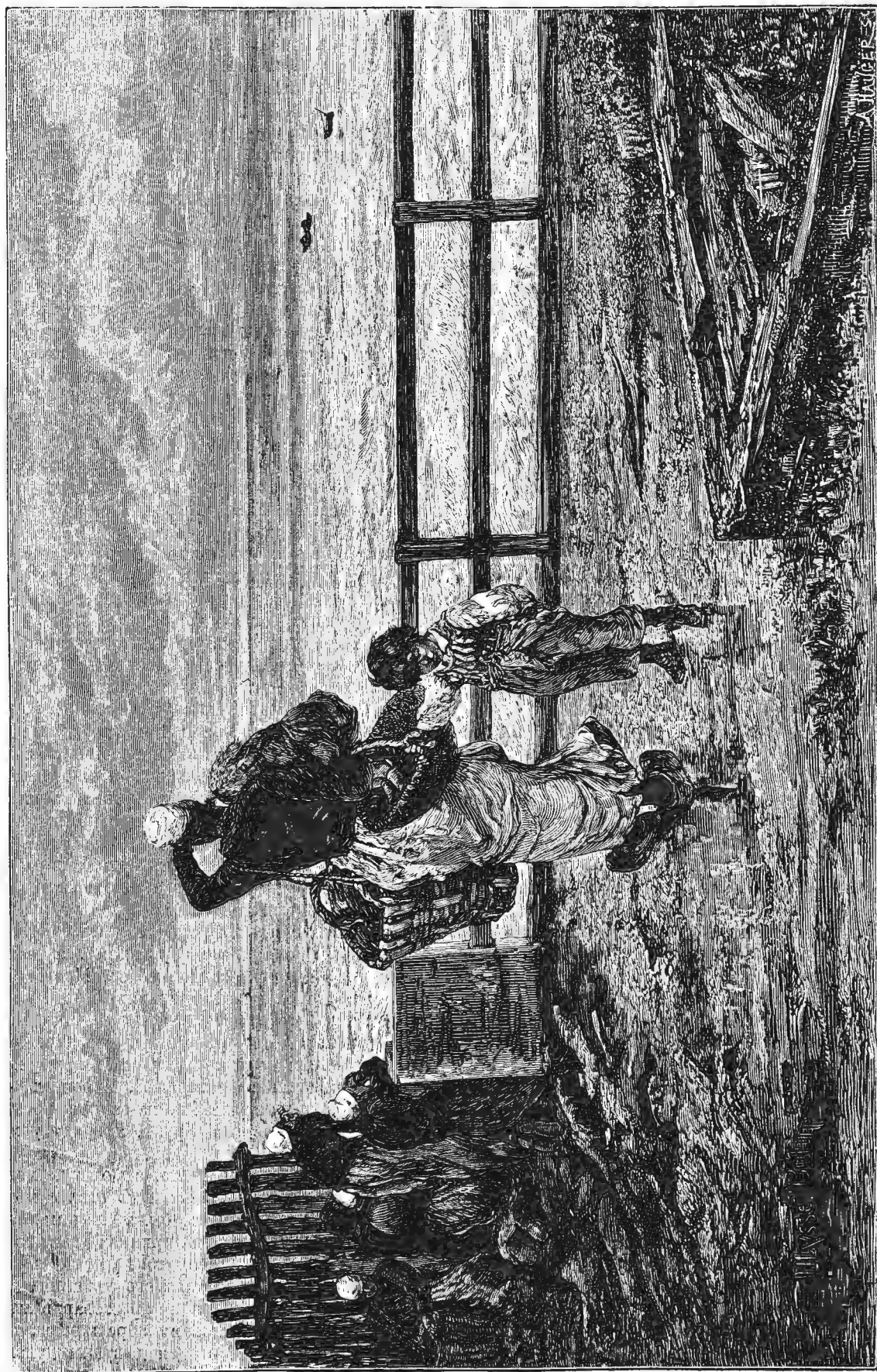
— И вотъ еще что скажу я тебѣ: никогда не любила я Брука такъ страстно, самоотверженно, какъ теперь, съ той минуты, какъ я узнала, что онъ страдалъ, былъ мученикомъ, молчалъ, какъ герой! Да, съ той минуты, когда я должна была сознаться, что смертельно оскорбила его—любовь моя вспыхнула съ новой силой, и... никогда еще (она быстро схватила руку Кэты и притянула къ себѣ молодую дѣвушку... Пальцы ея были холодны какъ ледь)—никогда еще, шептала Флора на ухо ей,—не была я такъ ревнива, такъ жгуче ревнива!.. Забѣть это себѣ, дитя мое! Здѣсь *мое* царство... Хотя я слишкомъ далека отъ мысли считать тебя опасной... Ты для него вовсе не симпатична, что я давно замѣтила, да, наконецъ, онъ только и дышетъ мной... но, все таки, я не привыкла терпѣть возлѣ себя существо, которое такъ умышленно представляетъ изъ себя пріятную особу!.. Твое „хозяйничанье“ здѣсь, развязное расхаживанье по всему дому, манеры твои—не нравятся мнѣ. На будущее время ты должна оставить все это... Поняла, сокровище мое?..

Энергично отчеканивъ эти слова, Флора подобрала своей шумящій шлейфъ, и такъ поспѣшила въ домъ, какъ будто хотѣла лишить Кэту возможности сдѣлать какое-либо возраженіе, но такая торопливость оказалась совершенно напрасной: молодая дѣвушка стояла съ крѣпко сжатыми, поблѣднѣвшими губами. Честная, неиспорченная юность молчитъ въ такихъ случаяхъ; нѣтъ у нея отвѣта на такой вызовъ, проникнутый страшнымъ высокомеріемъ, нахальствомъ, указывающій на паразитическое двоедушіе.

Наступилъ май. Фруктовый деревья уже отцвѣли, зелень замѣтно погустѣла, а уютный домикъ за рѣкой совсѣмъ потонулъ въ зеленомъ морѣ листьевъ, благодаря густо разросшимся винограднымъ лозамъ, которыя доползли почти до самой крыши. Гостиная въ домикѣ снова опустѣла. Генріэтта давно уже перебралась на виллу. Больная видимо поправилась; казалось даже — развитіе болѣзни пріостановилось. Тетушка-діаконица говорила, что все это сдѣлала Кэта—такъ хорошо ухаживала она за сестрой. Обѣ сестры вели теперь въ бель-этажѣ пріятную, уединенную жизнь. Новый роля стоялъ уже въ комнатѣ Кэты. Благодарственное влияніе на больную имѣло сближеніе ея съ тетусшкой: Генріэтта иначе смотрѣла теперь на жизнь, оставила прежнія привычки и стала равнодушно относиться къ свѣтскому шуму.

Никогда еще въ домѣ коммерціи совѣтника не было такъ весело илюдно, какъ въ настоящее время, т. е. когда хозяинъ сталъ дворяниномъ. Завелись новыя, весьма пріятныя, желанныя знакомства; нужно было устраивать разнообразныя празднества, задавать широкіе пиры, и тутъ то изобрѣтательность президентши и кошелекъ г. ф.-Рэмера оказались неистощимыми. Да, человека этого, можно сказать, былъ необычайно счастливъ! Во всемъ была ему блестящая удача: золотой дождь падалъ на него; говорили, что коммерціи совѣтникъ ворочаетъ милліонами... И онъ умѣлъ такъ поставить себя, что имъ интересовались во всѣхъ слояхъ общества. Побывать на виллѣ Бауэргартенъ—считалось солиднымъ шикомъ. Владѣлецъ ея не жалѣлъ денегъ на устройство роскошной обстановки: онъ покупалъ дорогія картины, статуи, составлялъ коллекцію рѣдкостей, а серебряной посуды было у него больше чѣмъ у фюрста.

Около виллы постоянно что-то строилось, такъ что, мѣстами, паркомъ почти нельзя было пройти, не наткнувшись на цѣлыя глыбы плитняка или на куски бѣлоснѣжнаго мрамора, предназначеннаго для возведенія новыхъ конюшенъ. Коммерціи совѣтникъ былъ страстный любитель лошадей, а ихъ у него таки прибавилось, и что за великолѣпныя лошадики были у него!..

Ожиданіе. Картина Улиса Бютена, грав. Хожэ.

Цѣлая толпа рабочихъ рыла обширный прудъ; строились новыя теплицы для пальмовыхъ деревьевъ... На все это летѣли громадныя суммы денегъ. Но этого мало: въ одинъ прекрасный день явились плотники, маляры, обойщики и—около красиваго, большого павильона, стоявшаго въ чащѣ парка, закипѣла работа. Павильонъ этотъ былъ почти заброшенъ; двери его были заколочены, но теперь около него дѣлились уже новыя пристройки изящной архитектуры, въ окнахъ блестѣли широкія зеркальныя стекла. По временамъ коммерціи совѣтникъ вынималъ изъ кармана образчики обой и рисунки паркета, которые и преподносилъ президентшѣ, прося ее по вкусу выбрать то или другое, и всегда въ такомъ случаѣ генеральша становилась особенно колкой, сердилась, а Флора хихикала въ платокъ.. Почтенная дама, хотя и указывала на образчики, однако же увѣряла, что ее совсѣмъ не интересуеетъ эта новая затѣя—перестройка павильона—ради разныхъ дѣловыхъ людей, пріятелей хозяина. Она даже говорила, что нога ея никогда не будетъ тамъ...

Коммерціи совѣтникъ хлопоталъ, суетился, зачастую уѣзжалъ „по дѣламъ“, но это, заявлялъ онъ иногда, скоро кончится: купить онъ себѣ славное рыцарское помѣстье и заживетъ сельскимъ дворяниномъ. Если ему удавалось оставаться дома—онъ почти весь день проводилъ въ бель-этажѣ, гдѣ даже пилъ послѣобѣденный кофе—къ великой досадѣ президентши, которая лишала себя удовольствія посидѣть часокъ въ зимнемъ саду... Конечно, она была слишкомъ внимательна къ „милому Морицу“, чтобы оставлять его одного съ угрюмой, больной и молоденькой „новоиспеченной“ дѣвицей... Генеральша приносила жертву, отправляясь одновременно съ Морицемъ въ бель-этажъ. Это было очень пріятно Кэтѣ... Она чувствовала какую-то непреодолимую, неприятную робость передъ зятемъ-опекуномъ, и именно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ къ ней странно-предупредителенъ, такъ нѣженъ, обнаруживая въ то же время тонкую фальшивость, удивительное коварство, относительно президентши, съ которой, однако, продолжалъ обращаться съ обычною своею любезностью. Кѣта невольно сдѣлалась застѣнчивой, сдержанной; дѣтская игривость ея исчезла... Но это-то, кажется, еще пуще подзадоривало „милаго Морица“ поступать такъ, а не иначе; онъ смотрѣлъ ей въ глаза, угадывалъ ея желанія... Онъ давно уже объявилъ Кэтѣ, что согласенъ на продажу фабричнымъ рабочимъ заброшенной части сада при мельницѣ. Молодая дѣвушка любила помогать бѣднымъ и опекунъ не препятствовалъ ей въ этомъ, даже заботился, чтобы кошелекъ ея никогда не оставался пустымъ. „Что жъ, ты можешь позволить себѣ такую забаву“, говорилъ онъ, намекая на поразительное увеличеніе капитала ея: „мнѣ вотъ скоро придется купить новый желѣзный денежный шкафъ!“...

Кѣта обыкновенно отвѣчала на это мрачнымъ молчаніемъ. Коммерціи совѣтникъ долженъ былъ признаться ей, что все это богатство пріобрѣтено безжалостнымъ барышничествомъ... Президентша никогда не пропустила случая подтвердить это... Молодая дѣвушка еще недавно заявляла, что находитъ восхитительнымъ *быть богатой*, а теперь страхъ обуялъ ее при мысли, что она обладаетъ такой массой денегъ... Богатства растутъ и растутъ, какъ-бы подъ вліяніемъ дьявольскаго навожденія! И кажется ей, что наступить, наконецъ, день, когда вся эта золотая гора станетъ давить ее, являсь орудіемъ справедливаго возмездія...

Кѣта стала вообще серьезнѣе, и, если веселость и овладѣвала ею, то это случалась только тамъ—въ „домикѣ за рѣкой“. Тетушка-діаконица безвозмездно обучала бѣдныхъ дѣвочекъ разнымъ рукодѣліямъ. Дѣвочки являлись къ ней по средамъ и субботамъ, въ послѣобѣденное время. И вотъ Кѣта, съ согласія старушки, стала заниматься съ ребятишками, и вдругъ почувство-

вала, что педагогія—настоящее ея призваніе. Она дарила дѣтямъ платья и заботилась о томъ, чтобы они не уходили домой голодными, что тетушкѣ было бы не по средствамъ. Занятія происходили обыкновенно въ саду, гдѣ дѣти дышали чистымъ воздухомъ и могли на свободѣ порѣзвиться, а это имъ было нужно: бѣдняжки вѣдь жили въ душномъ городѣ. Кѣта заказала скамейки для этой маленькой школы и вообще постаралась обставить все, какъ слѣдуетъ, даже не забыла купить игрушекъ. Ученицамъ, во время отдыха, давались мячики, обручи и т. п. увеселительные предметы.

Флора очень сердилась на Кѣту, такъ какъ ей вообще не нравились отношенія, существовавшія между младшей сестрицей и старухой-діаконицей. Такое сближеніе, думала она, нарушало ея права и выставляло ее въ невыгодномъ свѣтѣ передъ тетушкой. Конечно, невѣста не говорила объ этомъ въ домикѣ за рѣкой... Вѣдь старуха всегда дѣлаетъ недовольное лицо, если слышитъ, что любимицу ея—эту дожую дѣву—не хотятъ признать за образецъ всевозможныхъ добродѣтелей. Флора ежедневно являлась въ домъ доктора. Она велѣла спать себѣ двѣ—три дюжины бѣлыхъ передниковъ (передники были украшены вышивкой), и ужъ безъ передника никогда не посѣщала жениха. Такая прибавка къ костюму была ей „очень къ лицу“. И нельзя было упрекнуть Флору въ нежеланіи, во чтобы то ни стало, понравиться тетушкѣ: прекрасная невѣста училась печь блины, не отворачивала отъ жаркой плиты своего нѣжнаго лица, мариновала фрукты и овощи, смотрѣла за бѣльемъ, а однажды, даже вооружилась горячимъ утюгомъ, чтобы выгладить что-то... Но, не смотря на всѣ эти проявленія добродѣтели, ей не удавалось сблизиться со старушкой: жертвы пропадали даромъ—тетушка относилась къ невѣстѣ чрезвычайно вѣжливо, но сдержанно, и эта сдержанность явилась именно послѣ того рокового вечера... Какъ будто эта добрая женщина знала, что Флора, вернувшись на виллу, обнаруживала ужасную усталость и, чуть не съ проклятіемъ, швыряла въ уголь передникъ, а потомъ, оправившись, садилась въ карету и летѣла въ городъ навѣстить своихъ пріятельницъ. Пріятельницы, конечно, завидовали ея счастью, и такъ какъ плохо скрывали зависть, то этимъ самымъ проливали на ея душу цѣлительный бальзамъ.

На внезапную переměну въ судьбѣ д-ра Брука, на его блестящую карьеру, все еще посматривали, какъ на нѣкое чудо: ничтожный лекарь—и вдругъ—онъ гофратъ, лейбъ-медикъ фюрста! Но какъ могло это случиться?.. Не понимали и удивлялись, а потому, скоро стали превозносить его до небесъ. Многіе больные, узнавъ, что Брукъ переѣзжаетъ въ Л—гъ, захотѣли по лечиться у него... хотя временно;—отъ приглашеній не было отбоя. Докторъ принужденъ былъ оставить начатую рукопись; ему приходилось теперь почевать въ городѣ, обѣдать въ ресторанѣ... Впрочемъ, онъ бывалъ и на виллѣ, и у тетушки, но на самое короткое время.— „Эти минуты, говорилъ Брукъ, я краду у моихъ пациентовъ.“

Кѣта видѣла его не часто, а потому, можетъ быть, видѣ доктора поражалъ ее: и дѣйствительно, Брукъ казался очень утомленнымъ, былъ блѣденъ, а сдержанность его и задумчивость приняли какой-то мрачный оттѣнокъ; онъ, какъ говорится, ушелъ въ себя. Съ той минуты, когда Кѣта застала его въ сѣняхъ въ объятіяхъ Флоры, онъ почти и не разговаривалъ съ ней... Такъ, двумя—тремя словами перекинулся, и то какъ-то робко, мимоходомъ. Молодая дѣвушка думала, что онъ сердится на нее (не впрору влетѣла въ сѣни!), а потому обидѣлась и старалась, гдѣ только могла, избѣгать его... Тутъ были замѣтны и упрямство, и смущеніе.

Брукъ относился къ Флорѣ совершенно по прежнему. Кѣта никакой переměны не замѣтила въ немъ въ этомъ

отношении. Иногда она даже спрашивала себя: да не была-ли та страшная сцена в тетушкиной гостиной плодом ее фантазии?.. Нѣтъ, Брукъ долженъ быть безпредѣльно счастливъ, потому что теперь то онъ будетъ обладать ею... Страстная любовь его непоколебима!.. Что-жъ, быть можетъ, онъ таитъ счастье свое въ глубинѣ души, никому не показываетъ его, а Флора утѣшается мыслью, что такой человекъ, какъ Брукъ, не можетъ-же такъ скоро примириться съ нею, ну, а послѣ свадьбы (она будетъ въ сентябрѣ) — начнется иная, новая жизнь.

Время шло и вотъ настало 20-е мая—день рожденія Флоры. Въ комнатѣ ея, на всѣхъ столахъ благоухали цвѣты—поздравительные букеты отъ пріятельницъ новорожденной. Супруга фюрста также прислала ей букетъ, какъ невѣстѣ гофрата. Высокопоставленные придворныя лица письменно поздравили ее въ самыхъ любезныхъ, лестныхъ выраженіяхъ... Свѣтлый, торжественный день снова выпалъ на долю прекрасной невѣсты, которая еще тверже убѣдилась въ томъ, что она—любимица боговъ... И, однако-же, на лицѣ ея замѣтно было легкое облачко, а брови по временамъ хмурились, обнаруживая какое-то нетерпѣніе, досаду... На столѣ, стоявшемъ посреди комнаты, между подарками бабушки и сестеръ, красовались изящные черные мраморные столовые часы: д-ръ Брукъ рано утромъ прислалъ эту вещь при запискѣ, въ которой поздравлялъ невѣсту съ днемъ рожденія и извинялся, что лично не можетъ явиться, а посѣтитъ виллу только послѣ обѣда: на рукахъ у него былъ опасно-больной въ городѣ.

— Я не понимаю Лео, сказала Флора президентшѣ, съ досадою указывая на подарокъ Брука, неужели онъ не могъ выбрать для меня ничего красивѣе этой каминной вещицы? Въ день рожденія обыкновенно не дарятъ вещей *чернаго цвѣта*... На мой взглядъ—часы эти просто—безвкусна.

Президентша въ это время старательно обнюхивала букетъ супруги фюрста, какъ будто цвѣты эти проливали совсѣмъ особенный ароматъ.

— Нѣтъ, подарокъ этотъ подходящий, совсѣмъ въ твоемъ вкусѣ, Флора. Онъ вполне соответствуетъ необыкновенно-глубокомысленной обстановкѣ твоего кабинета, проговорила Генріэтта, насмѣшливо поглядывая на черные бюсты. Она полулежала на красной кушеткѣ.

— Вотъ, глупости! Тебѣ, кажется, также хорошо должно быть извѣстно, что не могу же я взять съ собою въ Л* всѣ эти вещи!... Положимъ, Морицъ устроилъ этотъ кабинетъ такъ, какъ я желала, но, насколько я знаю, онъ *не подарилъ* мнѣ, ни мебели этой, ни прочихъ украшеній... Да я ни за что и не потащила-бы туда эту дрянь! На что они мнѣ? Мой будуаръ въ Л—гѣ будетъ сиреневаго цвѣта, а отдѣлка будетъ состоять изъ бронзовыхъ арабесокъ.

— Конечно, хорошенькій, свѣжій букетикъ куда лучше часовъ! Но вѣдь ты, Флора, не сантиментальна...

Кэта (она была сегодня въ первый разъ въ бѣлоснѣжномъ платьѣ) молча стояла около великолѣпнаго миртоваго деревца — воспитанника тетушки-диаконицы. Старушка подарила его сегодня невѣстѣ. Молодая дѣвушка, грустно улыбаясь, поглаживала гибкія вѣтки мирты, усыпанныя мелкими листочками. Никто не обратилъ вниманія на этотъ рѣдкій, чудный подарокъ, а вѣдь тетушкѣ разстаться съ этимъ деревцомъ, навѣрно, было очень тяжело.

Послѣ обѣда всѣ сидѣли въ балконной гостиной, такъ какъ все еще являлись лица, желающія поздравить новорожденную.

Генріэтта лежала въ качалкѣ, стоявшей противъ отворенной двери на балконъ. Она тоже принарядилась, пожелавъ одѣться „по майски, по весеннему“, какъ и ея младшая сестра, но ей холодно было въ одномъ кисейномъ бѣломъ платьѣ, и она ежилась, закутаннись

въ дорогую шаль изъ *sêre de Chine*. На ея матово-блѣдномъ лицѣ лежали лихорадочно-красныя пятна. Больная попросила Кэту отправиться къ „старому“ роялю, отыскать „*Lob der Thränen*“ Шуберта и сыграть эту пьеску. Кэта согласилась и пошла въ „музыкальную комнату“. Вдругъ лицо Генріэтты вспыхнуло, пятна обозначились рѣзче, и она невольно приложила руку къ сердцу—въ гостиную вошелъ Брукъ.

Флора порхнула къ нему на встрѣчу и повисла у него на рукѣ. Едва давъ ему время поздороваться съ присутствующими, она увлекла его въ свою комнату, чтобы показать всѣ подарки. Красавицѣ исполнилось сегодня двадцать девять лѣтъ, но она, страхнувшись себя серьезно-ученымъ видъ, вдругъ превратилась въ наивную, веселенькую шестнадцатилѣтнюю дѣвочку, и дѣйствительно — казалась удивительно моложавой, совсѣмъ очаровательной, юной барышней.

Когда женихъ и невѣста проходили въ красный кабинетъ—Кэта стояла у нотнаго шкафа, отыскивая въ немъ „*Lob der Thränen*“. Она оглянулась. Докторъ какъ-то застѣнчиво поклонился ей... Молодая дѣвушка совсѣмъ утонула въ ноты.

— Ну, Лео, сегодня я разрываю то, что еще связывало меня съ моимъ прошлымъ! Да, я такъ сильно заблуждалась тогда, что чуть было сама не разрушила своего счастья... (Флора проговорила эти слова уже въ кабинетѣ, и какимъ невыразимо сладкимъ голосомъ!) Слушай, я не хотѣла напоминать о томъ злосчастномъ вечерѣ, но... вѣдь тогда, потерявъ самообладаніе, я, въ волненіи, раздраженіи, высказала такія вещи, такія мысли, противъ которыхъ встаютъ и сердце мое, и душа моя! Однако, правды ради, и ради собственнаго моего интереса, я обязана, я должна сказать тебѣ, что и ты тогда ошибался, изрекая такой приговоръ. Знай же: не желаніе выставить себя на показъ побудило меня выступить на литературное поприще, а единственно—дарованія мои толкнули меня на эту дорогу, или, лучше сказать, гениальность моя. Не задавай мнѣ никакихъ вопросовъ! Могу тебя увѣрить, что сочиненіе мое „Женщины“ (сочиненія этого ты не знаешь) прославило бы Флору Мангольдъ!... По отзывамъ людей компетентныхъ, трудъ этотъ сдѣлалъ бы имя мое знаменитымъ въ цѣломъ мірѣ... Но—мнѣ и въ голову-теперь не приходитъ, заживъ съ *тобой*, идти своей отдѣльной дорогой, проявлять свои собственные таланты. Нѣтъ, Лео, я буду упиваться только *твоей* славой, какъ и подобаетъ это женѣ... И вотъ, для того, чтобы въ будущемъ и соблазна не было—тетрадь эта, плодъ усердныхъ ученыхъ занятій, поэтическаго вдохновенія, вспыхивающаго въ моей груди, волнующаго мою душу—должна исчезнуть съ лица земли!..

Въ эту минуту Кэта подходила съ нотной тетрадкой къ роялю. Она видѣла, какъ Флора, чиренувъ спичкой, зажгла рукопись свою и бросила ее въ каминъ, а затѣмъ повернула голову къ окну (Брукъ, вѣроятно, стоялъ у окна)... Быть можетъ красавицѣ-невѣстѣ желательно было, что бы онъ бросился спасти „Женщинъ“, но... докторъ не бросился, потому что въ кабинетѣ было тихо, не слышно было шаговъ *его* по направленію къ камину... Значитъ „драгоценное топливо“ погребло въ пламени. Дымъ, отброшенный весеннимъ вѣтромъ обратно въ трубу, влетѣлъ въ комнату и запахъ гари проникъ даже и въ музыкальный салонъ.

Въ то время, какъ Флора, крѣпко закусивъ нижнюю губу, съ странно-сверкающими глазами, отходила отъ каминна, Кэта торопливо сѣла за рояль и начала играть фантазію на тему „*Lob der Thränen*“.

Ей не хотѣлось услышать словъ Брука; ей, наконецъ, просто было противно постоянно быть невольнымъ свидѣтелемъ сценъ между женихомъ и невѣстой... Вѣдь такъ Брукъ по-неволѣ возненавидитъ ее, Кэту. Но эта новая комедія, только что разыгранная на ея гла-

захъ, ужасно возмущила молодую дѣвушку: манускриптъ, порядкомъ таки потертый, постраствовавшій по бѣдъ-свѣту (по „кривымъ дорожкамъ“), нѣсколько разъ возвращенный автору, какъ непригодный, по отзыву „компетентныхъ людей“—долженъ былъ играть роль жертвы, жертвы трогательнаго свойства, приносимой строгому господину и повелителю! Даровитая женщина, проявляя великодушіе свое, самоотверженіе, отказывалась отъ самой себя, отъ своего гения!..

Въ комнатѣ Флоры завязался разговоръ. Кэта на этотъ разъ громче, энергичнѣе ударила по клавишамъ, однако ей все-таки слышался серьезный, спокойный голосъ доктора, но она утѣшалась тѣмъ, что слова въ отдѣльности не долетали до ея слуха, а когда кончила играть—Флора вышла изъ кабинета, чтобы вернуться въ гостиную. Невѣста уже не висѣла теперь на рукѣ жениха: угрюмая, недовольная, какъ ребенокъ получившій нахлобучку и принужденный смолчать, шла она рядомъ съ Брукомъ, держа въ рукахъ букетъ супруги фюрста... Да, пришлось и Флорѣ склонить голову, встрѣтиться *со своимъ господиномъ*. Сердито, искоса поглядѣла она на сестру, еще сидѣвшую за роялемъ, потому остановилась и произнесла:

— Ну, слава Богу, кончила ты! Гремилъ на инструментѣ такъ, что я даже собственныхъ своихъ словъ не могу слышать... Вотъ, свои сочиненьица ты исполняешь очень мило! Вещички эти—невинные, дѣтскіе мотивы, мелодіи безъ всякой глубины... Но играть произведенія Листа и Шуберта тебѣ, Кэта, не слѣдовало-бы, потому что тутъ не хватаетъ у тебя умѣнья, а главное—пальцы не имѣютъ надлежащей бѣглости.

— Генріэтта желала прослушать эту пьесу, спокойно отвѣтила Кэта и закрыла рояль.—Я никогда и не выдавала себя за хорошую пианистку...

— Да, ты никогда этого не заявляла. милая Кэта! Ты совсѣмъ не виртуозка, пальцы твои не прыгаютъ по козлиному на клавишахъ, заговорила Генріэтта, вдругъ очутившись въ дверяхъ музыкальнаго салона,—но хотѣлось-бы мнѣ видѣть дѣвушку, которая понимала бы Шуберта такъ глубоко, какъ ты... А, можетъ быть, сестрица Флора думаетъ, что слезы, навертывающіяся на глаза слушателя во время твоей игры—слезы приторныя, выжимаемыя чисто изъ любезности?..

— Разстроенные нервы, милочка,—вотъ и все! засмѣялась Флора и послѣдовала за докторомъ въ гостиную. Брука позвала туда президентша.

Почтенная дама сидѣла въ креслахъ. Лицо ея было красновато; въ одной рукѣ она держала лорнетку, въ другой—письмо, только что поданное лакеемъ.

— Ахъ, любезнѣйшій, милѣйшій гофратъ (генеральша кстати и не-кстати титуловала такъ Брука, потому что словечко это ласкало ея слухъ... Ну, что-бы тамъ ни было, а все-таки *онъ* гофратъ!),—вотъ, пріятельница моя, баронесса Штейнеръ, пишетъ мнѣ, что на дняхъ пріѣдетъ сюда, чтобы посоветоваться съ вами. Она, видите-ли въ ужасномъ отчаяніи, боится за своего маленькаго внука—представителя древней фамиліи Ф. Брандау. Мальчикъ этотъ вдругъ сталъ хромать... И наилучшіе врачи не могутъ указать на причину такой болѣзни. Не примете-ли вы на себя трудъ осмотрѣть ребенка и полечить его?

— Съ удовольствіемъ, но, само собою разумѣется, если эта дама не будетъ отнимать у меня слишкомъ много времени.

Брукъ зналъ этихъ дамъ—аристократокъ (ему приходилось сталкиваться съ ними, какъ врачу), зналъ, какъ любятъ онѣ заставлять „ждать себя“, да еще желаютъ, чтобы докторъ относился къ простому насморку совершенно серьезно, какъ къ опасной болѣзни.

Президентша видимо была оскорблена такимъ, ужъ слишкомъ равнодушнымъ, отвѣтомъ, а потому, не повторяя просьбы, обратилась теперь къ Флорѣ:

— Баронессу очень обидѣло послѣднее мое письмо... Я писала, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ остановиться ей у насъ нельзя, поэтому пріѣздъ ея сюда не можетъ состояться... Письмецо (она постукала лорнеткой по письму) изобилуетъ тонкими колкостями, остренькими фразами... Если-бы баронесса такъ не тревожилась и не боялась за внука—она совсѣмъ и не отвѣтила-бы мнѣ... Я не могу выразить, какъ мнѣ это больно!.. Баронесса пишетъ, что готова остановиться въ первомъ попавшемся отелѣ, ближайшемъ къ квартирѣ гофрата, и проситъ меня *по крайней мѣрѣ* сдѣлать ей *одолженіе*: пріискать помѣщеніе въ пять комнатъ.

Широкая, полуопущенная вѣки президентши приподнялись, и она бросила уничтожающій взглядъ на молодую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ... Кэта стояла въ трехъ-четырехъ шагахъ отъ генеральши, положивъ руки на спинку стула и потупивъ глаза. Хорошенькое личико ея, то краснѣло, то блѣднѣло... Вѣдь въ каждомъ словѣ почтенной дамы звучалъ упрекъ, относившійся къ ней...

— Ахъ, конечно, нашлось-бы помѣщеніе въ бель-этажѣ, если-бы только эта добрая Штейнеръ не настаивала à tout prix на пяти комнатахъ, продолжала президентша:—ей именно необходимо имѣть два салона—для себя и дочери Маріи, потомъ комнату для маленькаго Юва ф. Брандау и его гувернантки, ну, и, по крайней мѣрѣ, три спальни: она вѣдь и горничную привезетъ съ собой.

Генеральша, видимо озабоченная, недовольная, склонила голову на руку.

— Короче сказать, заговорила Генріэтта рѣзко и занальчиво:—все дѣло въ томъ, что Кэта является помѣхой... мѣшаетъ пріѣзду совершенно-незнакомой намъ барыни—высокомѣрной баронессы!..

— Но, я вѣдь говорила, что могу переселиться на мельницу, замѣтила молодая дѣвушка безъ тѣни обидчивости и провела рукой по головѣ сестры, какъ-бы успокоивая ее.

— О, вѣтъ, Кэта, я знаю лучший исходъ! воскликнула больная, причемъ глаза ея разгорѣлись, ужъ если ты должна уступить, то мы попросимъ тетюшку-діаконицу, чтобы она отдала тебѣ свою славную, уютную гостиную. Я знаю, она будетъ очень рада пожить съ тобой—вѣдь ты любимица ея!.. Ну, рояль твой перенесутъ туда... И знаешь, мнѣ тогда можно будетъ приходить къ тебѣ, когда вздумается...

Она вдругъ умолкла и взглянула на доктора: Брукъ сначала отвернулся и глядѣлъ въ окно, но теперь мрачное лицо его было обращено къ Генріэттѣ, и она прочла въ его глазахъ гнѣвъ и сильное недовольство... Можетъ-ли это быть?.. Вѣдь онъ совсѣмъ на себя не похожъ!..

— Я нахожу практичнѣе устроиться такъ: пусть мальчикъ съ гувернанткой помѣстятся въ моемъ домѣ, холдно и принужденно проговорилъ Брукъ.

Президентша въ смущеніи теребила газовый шарфъ, концы котораго были завязаны у нея подъ подбородкомъ, и едва-едва могла скрыть мимолетную, ироническую улыбку.

— Это трудно будетъ устроить, любезнѣйшій гофратъ, возразила она.—Моя старая пріятельница ни за что не разстанется съ Ювомъ, ну, и, кромѣ того... О, вы и понятія не имѣете, какъ страшно избалованъ этотъ юный, единственный представитель фамиліи ф. Брандау! Онъ привыкъ къ атласу, привыкъ спать подъ бархатнымъ балдахиномъ... Да, эта тощенькая, незрчаная фигурка чрезвычайно изящна. Впрочемъ, что-жь, жить въ подобной роскошной обстановкѣ они могутъ, имѣя на то средства, а вотъ мы даже затрудняемся дать имъ мѣсто.

— А почему ты, Лео, предпочитаешь навязать этого уродца (онъ несноснѣйшій, негодный мальчишка, какихъ

Характерныя женскія лица. Рис. И. Адамъ, грав. Боденмиллеръ.

поискать—не сыщешь!) на шею бѣдной тетушки-діаконицы?.. спросила запальчиво Генріэтта. Ею вдругъ овладѣло то болѣзненное раздраженіе, подъ вліяніемъ котораго она часто высказывала такія вещи, что потомъ и сама была не рада, горько раскаивалась... Что тебѣ сдѣлала Кэта?.. Я давно уже съ неудовольствіемъ вижу, что ты несправедливъ къ ней, предубѣжденъ противъ нея.. Можетъ быть, она недостаточно аристократична для тебя: дѣдъ ея былъ только замковымъ мельникомъ? Тебѣ какъ-то и въ голову никогда не приходитъ заговорить съ ней, а вѣдь это просто даже смѣшно!.. Кэта была, есть и будетъ сестрой Флоры, какъ и я. Всѣ мы говоримъ другъ другу „ты“—только она одна составляетъ для тебя исключеніе...

Тутъ Флора вмѣшалась въ разговоръ:

— Милочка моя, это „ты“ давно уже стоитъ у меня поперекъ горла... И, если-бы это зависѣло отъ меня одной—я-бы постаралась, чтобы, ни ты, ни Кэта не смѣли употреблять въ разговорѣ съ *нами* этого мѣстоименія. Говоря откровенно, я не уступлю никакой женщинѣ ни юты изъ тѣхъ преимуществъ, которыя принадлежатъ мнѣ. Ну, что касается тебя—пусть милость превратится въ право, пусть будетъ по старому, но такой короткости въ отношеніяхъ между Кэтой и Лео—я рѣшительно не потерплю... Серьезно запрещаю это!..

Она схватила обѣими руками плечо Брука и, нѣжно поглядывая на него, прильнула къ нему.

Нѣжность-ли Флоры или упреки Генріэтты заставили вздрогнуть доктора, только онъ такъ вздрогнулъ, какъ будто къ плечу его прикоснулась змѣя, а не прекрасная, нѣжная ручки невѣсты... Лицо жениха почти помертвѣло.

Кэта отвернулась, ей хотѣлось сейчасъ-же выйти изъ комнаты; она готова была расплакаться—такъ жестоко оскорбили ее! Но молодая дѣвушка совладала съ собой и, повидимому, осталась совсѣмъ спокойной, однако-же направилась къ дверямъ... Какъ разъ въ эту минуту дверь отворилась—вошелъ коммерціи совѣтникъ.

Странно, Кэта тутъ совершенно забыла о томъ, какъ она нерасположена къ этому человѣку (чувство это недавно шевельнулось въ ея сердцѣ); теперь она думала только, что вотъ это ея опекунъ, заступившій ей мѣсто отца, поэтому онъ долженъ защитить ее... Молодая дѣвушка подошла къ нему и взяла его подъ руку.

Г. ф. Рэмеръ удивленно посмотрѣлъ на Кэту, а потомъ, весело улыбаясь и плутовски подмигнувъ, прижалъ ея руку къ сердцу, учинивъ это прижатіе локтемъ, такъ какъ руки его были заняты: онъ держалъ небольшой ящикъ, который и былъ поставленъ имъ на столъ передъ президентшей.

Появленіе коммерціи совѣтника вышло очень кстати: въ самомъ дѣлѣ, тяжелая, мучительная сцена такъ и осталась недоигранной, и Генріэтта, вызвавшая ее, готова была теперь броситься къ нему на шею въ благодарность за его веселый, непринужденный тонъ, какимъ онъ заговорилъ.

— Ну съ, вотъ, и утѣшенъ, наконецъ! Мой подарокъ тебѣ, Флорочка, прикатилъ сюда. Берлинскій мой комисіонеръ оправдываетъ медленность свою тѣмъ, что главная задержка была со стороны фабрикантовъ... (Рэмеръ открылъ ящикъ).

Но вотъ въ рукахъ г. Рэмера заблестѣла атласная матерія палеваго цвѣта, а затѣмъ онъ развернулъ кусокъ бархата прелестной фіалковой краски. И то, и другое было преподнесено Флорѣ. Коммерціи совѣтникъ вѣрно рассчиталъ на эффектъ, зная, какъ подобныя вещи обольщаютъ женскій глазъ; даже Генріэтта увлеклась, забыла о своей досадѣ, когда увидѣла изящные вѣера и картонажи съ парижскими цвѣтами и перьями. Ящикъ еще не опустѣлъ... Любезный хозяинъ оговорился, что онъ кстати ужъ и другимъ дамамъ привезъ подарки (зачѣмъ откладывать?), которые и будутъ сей-

часъ же вручены по принадлежности. Президентша получила драгоценную кружевную шаль, Генріэтта поблагодарила зятя за бѣлое шелковое платье; что касается Кэты, то она невольно должна была взять футляръ (солидныхъ размѣровъ), потому что опекунъ почти насильно сунулъ ей въ руки эту вещь, бросивъ на молодую дѣвушку особенно выразительный взглядъ, взглядъ многозначущій... Это сильно встревожило ее; она ощутила нѣчто чрезвычайно неприятное—именно въ отношеніи къ зятю своему—опекуну. Кэта сама удивилась, отчего ей за послѣднее время г. ф.-Рэмеръ сталъ какъ-то противенъ?.. Онъ взглянулъ такъ пламенно, задумчиво... Какъ будто между ними была какая-то тайна, извѣстная только имъ... Что же это такое? Развѣ онъ смѣетъ такъ поглядывать на нее? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. Чувство стыда, отвращенія овладѣло Кэтой, что и отразилось ясно на ея лицѣ... Но это приписали просто смущенію молодой дѣвушки.

— Ну, Кэта, развѣ это для тебя такая новость—получать подарокъ? спросила Флора. А что преподнесъ тебѣ Морицъ? Вѣдь все равно когда нибудь эта сладкая тайна не будетъ для насъ тайной... Покажи-ка, милочка!

Футляръ чуть невыпалъ изъ рукъ Кэты. Флора подхватила его и подавила пружинку—крышка отскочила и—на черномъ фонѣ бархата блѣдно-краснымъ огнемъ засверкали камни ожерелья.

Президентша поднесла къ глазамъ лорнетку.

— Великолѣпная работа!.. Строго говоря—ужъ слишкомъ художественная отдѣлка для подобной поддѣльной вещицы, хотя это нынче въ модѣ и даже принято дамами высшаго круга... Стеклышки замѣчательно чисты, огоньки чудесно поблескиваютъ!..

Она старательно шурилась, а потомъ небрежно протянула руку, чтобы взять футляръ и рассмотреть ожерелье.

— Стеклышки? оскорбился коммерціи совѣтникъ... Но, бабушка, какъ можете вы считать меня такимъ неприличнымъ человѣкомъ?.. Развѣ, напримѣръ, вотъ здѣсь есть хоть одна не шелковая нитка? Онъ провелъ рукою по палевому атласу. Я никогда, никогда не покупаю поддѣльныхъ вещей! Вы это должны, кажется, знать по опыту...

Президентша закусила губы.

— О, я знаю это, Морицъ... Но фактъ *этотъ* невольно смутилъ меня: вѣдь такихъ рубиновъ (насколько мнѣ извѣстно) нѣтъ у нашей многоуважаемой супруги фюрста.

— Что-жь, мнѣ остается пожалѣть фюрста... Значить, у него не хватаетъ средствъ! воскликнулъ Рэмеръ, смѣясь и принявъ надменный видъ. Да я и не могъ подарить Кэтѣ, этой счастливицѣ, что нибудь дешевенькое... Она вѣдь черезъ два года *сама* можетъ купить себѣ кучу брилліантовъ, ну, и тогда ожерелье (если бы оно было съ поддѣльными камнями) навѣрно полетѣло бы въ уголь, какъ оскорбительный подарокъ!

Кэта не обнаружила желанія снова взять футляръ. Ея дрожація руки опять легли на спинку стула.

Почтенная дама заговорила теперь о томъ, что вообще слишкомъ наряжаться и украшаться неприлично восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, а эту-то именно слабость она и подмѣтила въ Кэтѣ.

— Ахъ, бабушка, да развѣ ей всегда будетъ восемнадцатъ лѣтъ? Не останется же она дѣвушкой! шаловливо воскликнула Флора... Ужъ это мнѣ лучше всѣхъ извѣстно... А?.. Не такъ ли, Кэта?..

Чувство стыдливости было оскорблено, и Кэта молча и гордо отвернулась отъ сестры, только глаза ея засверкали.

Невѣста была раздосадована и смущена, но ей не удалось вполне скрыть это; она принужденно разсмѣялась и весело проговорила:

— Э, поглядите-ка, какую величественную осанку может принять эта малютка!.. Она смотрит так, как будто и совѣмъ нечаянно, безъ всякаго умысла, просто болтая, коснулась строжайшей государственной тайны!.. Но развѣ желать выйти замужъ — преступленіе?.. Полно, милочка ты моя, жеманиться!.. Не слѣдуетъ отпѣкиваться отъ того, что вырывается въ минуту откровенности... (Флора подложила бѣлоснѣжные пальчики свои подъ свѣтящіеся рубины и, плутовски щурясь, многозначительно посмотрѣла на коммерціи совѣтника) А вѣдь это, Морицъ, правда: дѣйствительно такое ожерелье можетъ носить только жена милліонера!..

Президентша поднялась при этихъ словахъ и, какъ-то особенно торопливо, взяла дрожащими пальцами письмо, лорнетку и поправила на себѣ мантилью, намѣреваясь уйти.

— Хотя ты, любезный Морицъ, и не терпишь ничего поддѣльнаго, заговорила она важнымъ, спокойнымъ тономъ, но шампанское, которое мы пили сегодня за обѣдомъ за здоровье Флоры, было не настоящее: оно причинило мнѣ невыносимую головную боль, и я должна отдохнуть нѣсколько времени...

Дойдя до середины комнаты, генеральша обернулась и прибавила:

— Послѣ отдыха мнѣ желательно было бы узнать рѣшеніе твое вотъ по этому дѣлу (она подала коммерціи совѣтнику письмо бароне сы Штейнеръ). Прочти эти строки. Ты долженъ будешь убѣдиться, что вторично отвѣтить отказомъ—нельзя, это значило бы оскорбить баронессу. Сначала я было покорилась, желая не нарушать мира, но теперь положеніе мое вовсе не такое, чтобы идти на подобную непростительную уступку... Особы нашего званія не позволяютъ вертѣть собою, какъ вертятъ маріонетками, и не допускаютъ также устраненія, если ихъ желаютъ удалить, находя неудобными. Рекомендую хорошенько подумать объ этомъ, Морицъ!..

XIX.

— Ну, Морицъ, тебя ожидаетъ тяжелая борьба, замѣтила Флора, указавъ на дверь, за которою скрылась генеральша: бабушка-то совѣмъ готова сразиться, вооружена съ ногъ до головы... (Коммерціи совѣтникъ громко разсмѣялся). Смѣйся, но ты увидишь: не захочетъ она уступитъ *другой* ни одной пяди земли, которую ты самъ любезно предоставилъ ей съ правомъ неограниченнаго господства. Я вѣдь не разъ предостерегала тебя.. Теперь не мѣшаетъ тебѣ подумать о томъ, какъ-то ты справишься съ ней?..

Она вдругъ умолкла и, съ озабоченнымъ видомъ, схватила жениха за руку, воскликнувъ страстнымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Скажи мнѣ, ради Бога скажи, что съ тобою, Лео?.. У тебя что-то есть на душѣ, ты страдаешь... я вижу, какъ ты страдаешь и хочешь скрыть это отъ меня?.. Другихъ, пожалуй, тебѣ удастся обмануть, но глаза любящей лучше видятъ—ты не обманешь ихъ!.. Вотъ здѣсь (она провела бѣленькими пальчиками по лбу Брука, при чемъ все лицо его покраснѣло)—здѣсь легли морщинки... Онѣ пугаютъ меня!.. Да это и понятно: ты слишкомъ утомляешься!.. Знаешь что? Я позволю себѣ одну вольность: съ сегодняшняго же дня стану командировать одного изъ нашихъ лакеевъ въ городъ, къ тебѣ на квартиру, съ приказомъ: отгонять непременно всѣхъ назойливыхъ мѣщанъ, которые такъ еще недавно чуть не камнями швыряли въ тебя, порицая твою докторскую дѣятельность, а теперь—безсовѣстно лѣзутъ, отдохнуть не дадутъ!..

Генріэтта совѣмъ смугилась и молча поглядывала на смѣлую, самоуверенную болтуню—сестрицу; коммерціи совѣтникъ легонько покашливалъ, поглаживая изящную свою бородку, чтобы скрыть насмѣшливую улыбку.

Лицо Брука, до сихъ поръ такое неподвижное, почти застывшее, теперь нѣсколько оживилось, и онъ улыбнулся—но какъ мрачно, горько, презрительно..

— Нѣтъ, ужъ это ты оставь, Флора, сказалъ докторъ суровымъ, повелительнымъ тономъ: — я долженъ разъ навсегда воспретить тебѣ вообще вмѣшиваться въ дѣла мои, какъ врача.

Проговоривъ эти слова, Брукъ сейчасъ же обратился къ коммерціи совѣтнику:

— А мнѣ нужно переговорить съ тобою относительно одного трудно-большаго. Сильныя душевныя потрясенія сломили его, и физически, и нравственно... Позволь мнѣ объ этомъ дѣлѣ побесѣдовать съ тобою наединѣ?..

— Трудно-большой? повторилъ г. ф. Рэммеръ и призадумался на секунду, а затѣмъ мрачно сдвинулъ брови, при чемъ губы его какъ-то жестко, неприятно скривились... Ахъ да, ну, теперь знаю, о комъ это ты хлопчешь, заговорилъ онъ, сдѣлавъ презрительный жестъ: это—безшабашная головушка, купецъ Ленцъ, безразсуднѣйшій изъ спекулянтовъ, проигравшій почти все!.. Задумалъ теперь спастись, запустить поглубже руку въ мой карманъ... Весьма благодаренъ!..

— Не лучше-ли намъ уйти *туда*? замѣтилъ Брукъ, сильно подчеркивая каждое слово... Вѣдь Ленцъ, кромѣ насъ, никому ничего не говорилъ о своемъ положеніи; даже жена его не знаетъ...

— Пожалуй, пойдемъ... Послушаю, но наврядъ ли протяну я ему даже палецъ, чтобы спасти его. Дѣло это совѣмъ проигранное, дѣло—дрянь, говорю тебѣ.

Г. ф.-Рэммеръ лѣниво пожалъ плечами... Счастье, деньги засушили его сердце (а прежде оно было мягкое, доброе), и онъ утратилъ способность ставить себя на мѣсто чловѣка, терзаемаго мучительными заботами.

— Какъ *ты-то* принимаешь въ немъ участіе?.. Вѣдь онъ *тоже* швырялъ въ тебя камнями! напомнилъ коммерціи совѣтникъ.

— Что-жъ, неужели мнѣ принимать *это* въ соображеніе? спросилъ Брукъ серьезно.

Рэммеръ покраснѣлъ. Они вышли изъ комнаты.

Сестры остались однѣ. Флора сильно позвонила, чтобы вызвать горничную и приказать ей убрать подарки. Кѣта взяла зонтиекъ.

— Ты гулять идешь? спросила Генріэтта, снова улегшись на качалкѣ.

— Да, сегодня у тетушки-діаконицы урокъ рукодѣлья. Я и то опоздала. Надо поторопиться. Она...

Молодая дѣвушка не договорила. Флора такъ сильно швырнула картонку съ цвѣтами въ корзинку, принесенную горничной, что крышка отскочила, и бѣлые, нѣжныя цвѣточки рассыпались по левому атласу. Она вспылила.

— Ахъ, какъ мнѣ эти „занятія“, вся эта возня тамъ противѣла! Такъ противно, что и выразить не могу! Тетушка эта—олицетвореніе чувства долга—отклонила сегодня мое приглашеніе: я звала ее на чашку кофе, но она отказалась!.. Ну, какъ же можно отослать обратно въ городъ дѣвчонокъ съ пустыми руками?.. То-же вѣдь гости—изъ самаго паскуднаго въ городѣ квартала!.. А фрейлейнъ Кѣта, само собою разумѣется, старается совершенно серьезно относиться къ этому фарсу... У нея чувство долга и добродѣтель прекрасно развиты!..

Давъ уйти горничной, Флора схватила Кѣту за руку, замѣтивъ, что „младшая сестра“ намѣрена была молча удалиться, и прямо объявила, что разъ на всегда воспрещаетъ ей имѣть подобныя сношенія съ домомъ Брука: „Ты ставишь меня въ неловкое положеніе, принимая такое горячее участіе въ занятіяхъ тетушки (говорила Флора); не могу-же я, въ самомъ дѣлѣ, возиться съ этими скверными, грязными дѣвчонками... Вѣдь это пытка!.. Но какъ мнѣ отказать?.. Вѣдь если я брошу всю эту возню—тетушка начнетъ шептать Бруку, что, вотъ, молъ, она какая—чудовище, женщина безсердеч-

ная, не любящая малютокъ, лишенная женственности!.. Опираясь на права свои, я запрещаю тебѣ вообще помогать тетускѣ, бывать тамъ... Слышала?..

— Слышала, но все-таки буду дѣлать все тѣ, что не запрещаетъ мнѣ совѣтъ, отвѣтила Кэти твердымъ, спокойнымъ тономъ и, энергически тряхнувъ рукой, сбросила руку сестры.—Ты говоришь: „опираясь на свои права“, но вѣдь ты *при мнѣ*, сама-же, отреклась отъ этихъ правъ, какъ отъ обузы, слишкомъ тяжелой...

— Что вѣрно, то вѣрно! воскликнула Генриэтта,

— О, ты милѣйшая, мудрѣйшая изъ всѣхъ ревнительницъ морали, воскликнула она,—ты немножко ошибаешься! Слушай-же: любовь, пережившая самую жгучія испытанія, которымъ я умышленно подвергла Брука—ничего не боится; ничто на свѣтѣ не угрожаетъ такой любви!..

— Но это довольно печально! пробормотала Генриэтта хриплымъ голосомъ... Она почти задыхалась, гнѣвно сжимая кулаки. Если бы я постоянно не помнила, что Брукъ обладаетъ мужественною твердостью, всегда по-

Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Рис. Боксъръ, грав. Шанонъ.

вдругъ очутившись возлѣ Кэти. Глаза больной горѣли непримиримую ненавистью къ старшей сестрѣ.

— Слѣдовательно, продолжала молодая дѣвушка, этихъ правъ я не нарушаю. Я знаю, что говорю, тутъ нѣтъ ничего непонятнаго... Но.. плохо-же тебѣ приходится, если въ каждомъ хорошемъ, похвальномъ поступкѣ другихъ лицъ ты усматриваешь нѣчто враждебное, могущее повредить тебѣ...

— Повредить... мнѣ?!

Флора хихикнула и даже всплеснула руками.

ступаетъ послѣдовательно—я бы въ данномъ случаѣ могла назвать его безхарактернымъ человѣкомъ...

— Я вамъ говорю это только потому, что до свадьбы нашей осталось немного времени; свадьба будетъ въ сентябрѣ, продолжала Флора, обращаясь къ младшей сестрѣ (на замѣчаніе Генриэтты она только презрительно пожала плечами)—если я хочу дѣйствовать такъ, то это ничто иное, какъ вѣжливая уступка старухѣ съ моей стороны... Я желаю быть съ нею въ ладахъ. Въ Л—гѣ, конечно, все пойдетъ по новому; тамъ у меня

Сочъ. Рис. Лейднеръ, грав. Бенетъ.

такихъ мыслей не будетъ, ну, а что касается Брука, то не пройдетъ трехъ-четырехъ недѣль послѣ нашей свадьбы, какъ онъ увидитъ, убѣдится, что такая жена, какую прочла ему тетушка—была бы для него не только поспыднымъ бременемъ, но—просто—невозможностью. Да, и онъ, лишь тогда вполне оцѣнитъ меня, когда кружокъ нашъ, представительницей котораго буду я, придастъ настоящій блескъ его видному положенію въ обществѣ; мужъ будетъ видѣть меня всегда элегантной женщиной, которая увѣренно пользуется своими правами. Если я и буду стоять вдали отъ хозяйства и «дѣтской», то вѣдь это не потребуетъ материальныхъ жертвъ со стороны мужа. Я ужъ все рассчитала: за вычетомъ изъ моихъ доходовъ денегъ на мой туалетъ и на булавки, у меня останется еще довольно, чтобы платить изъ собственного кармана отличнѣйшей кухаркѣ, экономкѣ, нянѣкѣ и даже гувернанткѣ.

Тутъ Флора посмотрѣла на свои пальчики съ розовыми ноготками, а потомъ и на себя—въ зеркалѣ. Да, она была ослѣпительно прелестна, и, навѣрно, никому въ голову не пришло бы, при взглядѣ на эту женщину, представить ее въ тѣсномъ семейномъ кругу «добрый, любящей мамашей», у которой на колѣняхъ копошится маленькій любимчикъ, или нѣжной матерью надъ большимъ ребенкомъ...

Прекрасная невѣста, насладившись своею красотой, остановила теперь взглядъ на Кэтѣ (она могла видѣть ее въ зеркалѣ), какъ бы желая заняться сравненіемъ... Если Флора казалась женщиной пожившей, опытной, то младшая сестра ее походила на цѣломудренную «блудую лебедку», на существо невинное, чистое... Быть можетъ, это не совсѣмъ понравилось Флорѣ: она насмѣшливо улыбнулась своему изображенію въ зеркалѣ и кивнула на Кэту.

— Ахъ, ну, конечно, малютка моя, вѣдь не всегда же ты останешься такой наивной скромницей! Твоя наклонность хозяйничать (Лукасъ неблагоуразумно слишкомъ рано развила ее въ тебѣ!), такъ же неумѣстна для тебя, какъ и для меня, при условіяхъ моей будущей жизни. Морицъ не позволитъ тебѣ таскать неприлично-побрякивающія связки ключей—ужъ въ этомъ можешь быть увѣрена, хотя онъ теперь и обѣщаетъ тебѣ такъ любезно цѣлый птичникъ!.. Новенькій дворянчикъ, увидишь, будетъ гораздо строже наблюдать за бѣлыми, выхолощенными ручками своей жены, чѣмъ самъ фюрстъ, относительно своей супруги...

Кэта, совсѣмъ красная, удивленно глядѣла на сестру и наконецъ проговорила:

— Да пусть Морицъ думаетъ, какъ ему угодно. Мнѣ-то какое до этого дѣло?..

— Но, послушай, Флора, какъ можешь ты такъ безтактно, такъ безцеремонно... подталкивать Морица! воскликнула Генріэтта въ испугѣ, такъ какъ она изподтишка серьезно-озабоченно слѣдила за выраженіемъ лица молодой дѣвушки.

— Э, все это пустяки! Онъ скорѣе долженъ благодарить меня за то, что я, такъ сказать, расчищаю ему дорожку... И неужели ты думаешь, что я высказала нѣчто такое, о чемъ Кэта сама давно не знала?.. Развѣ можно найти дѣвушку (старше пятнадцати лѣтъ), которая однимъ чутьемъ тотчасъ же не узнала бы, что она любима?.. Это все равно, что электрическій ударъ—по-неволѣ почувствуешь. Тѣ, которыя не сознаются въ этомъ, или ужъ очень глупы, или онѣ утонченныя кокетки (она снова оглянула себя въ зеркалѣ и поправила локончики)... Кто сумѣлъ замѣтить, полчаса тому назадъ, какъ наша младшая сестрица умѣетъ искренно, довѣрчиво прижаться, тотъ уже не можетъ сомнѣваться въ истинѣ... Не правда-ли, Кэта?.. Вѣдь ты меня понимаешь?..

Флора лукаво прищурила глаза и улыбнулась ей.

— Нѣтъ, я тебя не понимаю, отвѣтила молодая дѣ-

вушка, задыхаясь. Какое-то странное ощущеніе сильнаго отвращенія и предчувствіе чего то недобраго овладѣло ея сердцемъ; ей даже стало странно.

— Уйдемъ, обратилась, Генріэтта къ младшей сестрѣ и обняла ее за талю, чтобы увлечь изъ комнаты: — я не терплю такихъ нескромныхъ допросовъ! прибавила она, топнувъ ногой.

— Ну—ну, не горячись такъ! фыркнула Флора и подала Кэтѣ футляръ съ ожерельемъ. Возьми-ка, милочка. Вѣдь не оставишь же ты такую драгоценность здѣсь: комната проходная, постоянно ходитъ тутъ прислуга.

Кэта (такъ дѣлаютъ иногда дѣти) невольно спрятала за спину правую свою руку, въ которую хотѣли сунуть футляръ.

— Морицъ можетъ взять это обратно, отрѣзала она рѣшительнымъ тономъ. Твоя бабушка права: подарокъ для меня неподходящій; мнѣ неприлично носить такое ожерелье.

— Какъ это простодушно!.. Ты ловко играешь... Но неужели я повѣрю тебѣ? (Флора горячилась; казалось, спена эта ей надоѣла). Перестань!.. Такой большой, здоровенной дѣвушкѣ вовсе не къ лицу подобное дѣтское жеманство. Посмотри: вонъ кружевная шаль—подарокъ бабушкѣ—валяется еще здѣсь! Бабушка пренебрегаетъ этимъ подаркомъ; она, какъ видно, обидчивѣе меня и Генріэтты; мы находимъ совершенно естественнымъ, чтобы Морицъ преподнесъ тебѣ вещь, стоящую четверо дороже всѣхъ остальныхъ подарковъ... Ну, и ты хочешь увѣрить, что ты одна не понимаешь причины такой разницы?.. Охота представлять себя смѣшной! Да, развѣ ты не слышишь ежедневно стукотню около навильона?.. Тамъ кипитъ работа, и всѣ, рѣшительно всѣ, знаютъ, что это устраивается новое жилище для бабушки, которая должна уступить эти блестящія комнаты молодой госпожѣ—коммерціи совѣтницѣ... Ну, невинная крошечка, не прикажешь ли еще яснѣе выразиться?..

Молодая дѣвушка стояла неподвижно, притаивъ дыханіе и начиная понимать намеки сестры; глаза ея глядѣли такъ испуганно, какъ будто у ногъ ея развернулась пестрая ядовитая змѣя... Но теперь Кэта гордо улыбулась, хотя губы были блѣдны.

— Не нужно, не трудись... Я, наконецъ, поняла тебя, отвѣтила она съ горечью въ тонѣ, слегка дрожащимъ отъ испуга голосомъ: ты взялась за дѣло умнѣе, практичнѣе, чѣмъ твоя бабушка.. Дѣйствительно, благодаря тебѣ, дальнѣйшее пребываніе мое въ этомъ домѣ становится невозможнымъ.

— Кэта! не выдержала больная:—нѣтъ, Кэта, относительно этого ты ошибаешься! Флора, какъ всегда, была ужасно неделикатна, но злаго умысла съ ея стороны тутъ не было... Генріэтта крѣпко прижалась къ сестрѣ и, нѣжно глядя ей въ глаза, робко прошептала:

— А если бы и такъ—зачѣмъ же уѣзжать тебѣ? Стоить-ли обращать вниманіе на такое поддразниванье? Но неужели ты не подозрѣвала, что Морицъ любитъ тебя? Вѣдь онъ это такъ явно обнаруживаетъ... Слушай, Кэточка: теперь вотъ я часто страстно желаю умереть, а если бы это уладилось и... ты стала бы госпожей въ нашемъ родномъ домѣ—тогда...

Кэта порывисто высвободилась изъ объятій Генріэтты:

— Никогда! крикнула она, сильно потряхивая головой, такая гнѣвная, ожесточенная, какою можетъ быть только гордая дѣвушка, оскорбленная до глубины души.

— Хе!.. Ни—ког—да! повторила Флора съ отѣнкомъ сарказма. Партія эта, что-ли, для тебя недостаточно аристократична—а?.. Ужъ не поджидаешь ли ты какого-нибудь запутавшагося въ долгахъ графа или принца? Такіе графы и принцы въ наше время пробуждаютъ отъ заколдованнаго сна... но не принцессу прекрасную, а ея денежные мѣшки. Да, нынче подобные

брали не рѣдкость. Ну, а каково приходится тутъ „несчастному приданому“, то есть *женѣ*—кому же это неизвѣстно?.. Если тебѣ постоянно желательно выслушивать рѣчи о томъ, что бѣдѣ твой погоняль лошадей на мельницѣ, а бабка босикомъ бѣгала—тогда, что-жъ, выходи замужъ за какого-нибудь горделиваго аристократа, влѣзь въ его семью!.. Однако, мнѣ, право, хотѣлось бы знать, что именно не нравится тебѣ въ Морницѣ? Спрошу напрямѣ: почему, по какому праву отвергаешь ты его руку?.. Ну, да, ты очень богата,—это такъ, но вѣдь мы знаемъ, какая загвоздка сидитъ въ твоёмъ богатствѣ... Ты свѣжая, здоровая юница, однако, далеко не красавица. Что касается таланта твоего (конечно, ты умѣешь кстати блеснуть имъ), то это просто искорка, которую нарочно раздули честолюбивые преподаватели музыки. Искорка эта очень скоро погаснетъ—почти одновременно съ прекращеніемъ уроковъ, то есть, когда учителямъ этимъ уже не придется получать отъ тебя жирнаго гонорарія...

— Флора! перебила ее Генріэтта, которую слова эти сильно возмутили.

— Ахъ, молчи!.. Я говорю это въ твоихъ же интересахъ!

Грубо оттолкнувъ слабенькую сестру, Флора снова обратилась къ Кэтѣ:

— Неужели тебѣ хочется видѣть Морица пылкимъ, страстно-влюбленнымъ въ тебя, словомъ — не такимъ, каковъ онъ есть?.. Но, милочка моя, вѣдь онъ мужчина среднихъ лѣтъ; гдѣ же ему играть роль героя въ романѣ, представлять юношу?.. Да постой: женится-ли на тебѣ когда-либо, кто-нибудь *по любви*... ради тебя самой? Это еще вопросъ... Такія маленькія милліонерки никогда не могутъ быть увѣрены въ томъ, что именно привлекло къ нимъ мужчину?.. Я не понимаю тебя. До сихъ поръ ты претендовала на роль сидѣлки, какъ какая-нибудь перезрѣлая дѣва, настаивала на этомъ потому, что этого никто не желалъ, а теперь, когда Генріэтта, можно сказать, жизнь свою связываетъ съ постояннымъ пребываніемъ твоимъ въ этомъ домѣ — ты хочешь ухъать!.. У меня вѣдь тоже (когда я буду жить вдали отъ васъ) было бы поспокойнѣе на душѣ: я бы знала, что за нашей больной сестрой ты заботливо ухаживаешь. А что касается Брука... Развѣ ты, бѣдняжка моя, вотъ опять, сегодня, не имѣла случая убѣдиться въ томъ, какъ мало симпатична ты ему?.. Онъ скорѣе согласенъ впустить въ свой домъ негоднаго крикуна, Юва Брандау, чѣмъ терпѣть тамъ возню твою по хозяйству... Вѣдь Бруку придется же, во всякомъ случаѣ, оставить Генріэтту, какъ пациентку свою, и—это я навѣрно знаю—онъ охотнѣе всего передалъ бы ее тебѣ, зная, какъ она къ тебѣ привязана.

Генріэтта, совсѣмъ блѣдная, стояла прислонившись къ стѣнѣ. Она не могла вымолвить ни слова — такъ глубоко возмутила ее Флора, постаравшаяся выставить на видъ все, что должно было оскорбить, унижить обѣихъ сестеръ. Кэтѣ, напротивъ, вполне овладѣла собой и, обратившись къ больной, сказала спокойно:

— Насчетъ этого послѣдняго пункта я еще переговорю съ тобой. Холодными, какъ ледъ, губами прикоснулась она ко лбу Генріэтты, искренно пожимая въ тоже время ея руку... И какъ пальцы ея были холодны!

— Ну, ты теперь пойдешь, конечно, въ свою комнату, прибавила молодая дѣвушка, взглянувъ на часы,—пора тебѣ принимать капли. Я вернусь скоро.

И она вышла, не бросивъ даже взгляда на Флору.

— Экая спѣсивая дѣвчонка! Мнѣ кажется—она еще обижается, что ее не считаютъ первой красавицей, и что мужчины, подобные Бруку, не принадлежатъ къ числу ея поклонниковъ!.. воскликнула прелестная невѣста и, напѣвая какую-то пѣсенку, направилась къ комнатѣ, куда удалились Брукъ и коммерціи совѣтникъ. Когда Генріэтта молча уходила, унося подарен-

ное ей платье и футляръ съ рубиновымъ ожерельемъ, Флора безцеремонно постучала пальцемъ въ дверь, крикнувъ въ замочную скважину, что „весьма нелюбезно оставлять сегодня *новорожденную* совсѣмъ одну“!..

XX.

Кэтѣ долго, безцѣльно бродила по парку и, наконецъ, забралась въ самую глушь его. Она слишкомъ была взволнована, а потому ей не хотѣлось въ такомъ видѣ предстать передъ тетужкой-діаконицей. Старушка, навѣрно, начнетъ спрашивать ее—ну, и придется во всемъ признаться! А вѣдь тетужка тоже, вѣроятно, принадлежитъ къ тѣмъ, которые желаютъ ее, Кэтѣ, сдѣлать коммерціи совѣтницей... Да, тутъ всё противъ нея: и Флора, и Генріэтта, и докторъ... Эгоисты они! Теперь она знаетъ это... Только—нѣтъ, не позволить запереть себя въ золотую клѣтку и—улетитъ.

Невесело, горько было на душѣ молодой дѣвушки. Шла она, шла, наконецъ, утомившись, остановилась передъ руиной. Солнце закатывалось. Вечерѣло. Кэтѣ враждебно смотрѣла на старую башню... Вонъ тамъ, наверху, за громаднымъ зеркальнымъ стекломъ, виситъ тяжелая, алая шелковая занавѣсъ; складки ея походятъ на струи страшнаго кроваваго потока... А за этими складками—пресловутый денежный, желѣзный шкафъ. До сегодняшняго дня она только боялась его, теперь же возненавидѣла эту четырехугольную сокровищницу, которая уничтожала, убивала ея „я“, ея горячее сердце, становясь на мѣсто самой владѣлицы богатства, молодой дѣвушки, полной идеальными надеждами, желаніями, чувствующей пылкое стремленіе къ счастливой, безмятежной семейной жизни... Кто бы неявился просить ея руки—онъ станетъ умильно поглядывать на „желѣзное чудовище“, неразлучное съ ней; каждый пламенный взглядъ, брошенный на нее, будетъ собственно относиться къ милліонеркѣ... Вотъ, ея руку горячо пожимаютъ, мысленно превращая эту руку въ пачку процентныхъ бумагъ... Господинъ коммерціи совѣтникъ ф -Рэмеръ навѣрно тоже имѣетъ это въ виду: богачъ хочетъ еще болѣе разбогатѣть!.. Да, коварная Флора съумѣла впустить въ ея сердце ужаснаго червяка... Вѣчно терзаться, не разставаясь съ такою мучительною мыслью, невольнo слѣдить за тѣмъ, что уничтожаетъ чувство собственного достоинства!..

Теперь глаза Кэтѣ были устремлены на нижнюю часть башни. Тамъ, въ обширномъ подвалѣ, хранились бочки съ драгоценнымъ, тонкимъ виномъ, и тамъ-же, въ самомъ темномъ углу, помѣщались двѣ кадки съ „историческимъ порохомъ“. Кадки эти были такія новенькія, опрятныя, что Кэтѣ какъ-то разъ замѣтила, смѣясь: вѣроятно, эта почтенная святыня обновляется по временамъ, какъ подновляется знаменитое чернильное пятно въ Вартбургѣ!... Этотъ темный уголь погребѣ всегда казался ей страшнымъ; она не понимала, какъ такой богатый человѣкъ могъ хронически терпѣть у себя подъ ногами эти кадки. У Кэтѣ волосы становились дыбомъ, когда воображеніе рисовало ей фигуру родоначальницы Баумгартеновъ, которая, какъ гласило преданіе, появляясь здѣсь, бродила по всей руинѣ съ горящимъ факеломъ въ рукѣ и заглядывала въ темный погребъ... Камни, составляющіе башню, почернѣли отъ времени; вся руина казалось теперь Кэтѣ дѣйствительно руиной, и въ головѣ дѣвушки мелькнула мысль: довольно одной искры, чтобы все это взлетѣло на воздухъ и превратилось въ прахъ... „Историческій порохъ“ сдѣлаетъ свое дѣло—разбросаетъ, уничтожитъ всё сокровища, да и желѣзному шкафу, съ его бумагами и золотомъ, на которыхъ лежитъ печать проклятія бѣдняковъ—не уцѣлѣть.

Кэтѣ испугалась самой себя: вѣ глубинѣ души ея шевельнулось желаніе, чтобы *это* случилось, чтобы взрывъ освободилъ ея „я“, сорвавъ золотую маску съ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

— Что тебѣ нужно?
 — Порошки отъ таракановъ.
 — На сколько?
 — На сколько таракановъ? А кто ихъ знаетъ на сколько... У насъ ихъ, чай, больше тысячи... Дайте ужъ на пятачекъ.

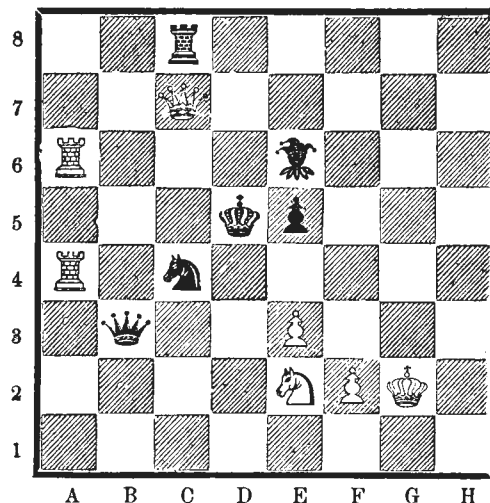
лица, къ которой руки такъ алчно тянулись.... Ее ужаснула картина разрушенія, и молодая дѣвушка закрыла руками глаза, а потомъ, глубоко вздохнувъ, устремила взоръ въ тихую, темную синеву неба. Это успокоило, развѣяло ея мрачныя, дурныя мысли, и она пошла вдоль берега рѣки. Вскорѣ до слуха ея долетѣли веселые дѣтскіе голоса: маленькія ученицы тетушки-дѣяконницы играли еще въ саду! Не смотря на глубокую тоску и душевныя страданія (что собственно мучило ее, она не совсѣмъ еще уяснила себѣ), Кэта повеселѣла, радостное чувство наполнило ея сердце, какъ только услышала она эти звуки. Ахъ, вѣдь дѣти, съ чистыми, невинными глазками, не смотрѣли на нее, какъ на миллионерку! Они ничего еще не знали о желѣзномъ шкафѣ и, когда она ихъ кормила, не спрашивали: кто заплатилъ за кушанье?... Да, тамъ ее любили, любили отъ всего сердца!...

Молодая дѣвушка ускорила шаги и, чѣмъ ближе подходила къ домику, тѣмъ живѣе чувствовала, что возвращается какъ будто домой, послѣ долгаго странствія. Она видѣла, какъ служанка отправилась съ корзинкой въ городъ за покупками. Вотъ, и эта женщина тоже не ради однѣхъ денегъ служила.... Когда Кэта переходила мостъ, ей не было видно дѣтей, такъ какъ они играли по другую сторону дома; по лужайкѣ расхаживалъ крикунъ-пѣтухъ, а куры, завидя знакомую гостью, начали поглядывать на нее, ожидая обычнаго угощенія, къ которому она ихъ приучила, каждый разъ бросая имъ зерна; дворовый песъ даже радостно завертѣлъ хвостомъ,—онъ уже подружился съ Кэтой, пересталъ ворчать на нее, и вообще сталъ настолько цивилизованнымъ, что позволялъ желтой курицѣ беспрепятственно разгуливать около будки. Входная дверь была открыта настежь, а вѣдь кухарка ушла—значитъ, тетушка находилась въ домѣ. Кэта, всходя на крыльцо, вдругъ услышала голосъ доктора, раздававшійся въ сѣняхъ, и остановилась, какъ бы замерла на мѣстѣ...

— Нѣтъ, тетушка, отъ этого шума мнѣ тяжело.... Голова моя стала нынче что-то очень чувствительной,

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

задачи въ «Нивѣ» № 17.

Бѣлые.

- 1) Е 8 — F 6
- 2) Н 3 — F 5
- 3) Е 2 — Е 3
- 4) Е 3 беретъ F4 и Мать.

Черные.

- 1) F 7 — беретъ G 6
- 2) G 6 — беретъ Слонъ.
- 3) F 5 — F 4

говорилъ Брукъ. Если я на короткое время убѣгаю сюда, въ этотъ зеленый уголокъ, то мнѣ и хочется отдохнуть здѣсь. Да, мнѣ покой нуженъ, покой!... (Неужели это дѣйствительно говорилъ докторъ? Такой спокойный человѣкъ и вдругъ—столько раздраженія, столько муки въ тонѣ его голоса!) Я требую отъ тебя жертвы, тетушка, это я знаю, но все таки настоятельно прошу прекратить занятія съ дѣвочками... приостановить уроки эти, пока я еще здѣсь. На это время я охотно готовъ нанять въ городѣ помѣщеніе для школы, платить учительницѣ, чтобы ученицы твои ничего не потеряли...

— Лео... Ради Бога! Тебѣ стоить только пожелать и—все будетъ исполнено! воскликнула старушка въ испугѣ. Какъ могла я угадать, что это вдругъ не понравится тебѣ? Будь-же покоенъ — я позабочусь, чтобы ничто, ничто не тревожило тебя здѣсь!... Только.... вотъ жаль мнѣ тутъ Кэты...

— Вѣчно она—эта дѣвушка! вспылилъ Брукъ, какъ будто жалобный голосъ тетушки вывелъ его изъ терпѣнія, лишило самообладанія... А обо мнѣ ты недумаешь!

— Но, Лео, послушай... Да что съ тобой? Мнѣ кажется даже, что ты ревнуешь свою старую тетушку!..

И старушка засмѣялась, удивленно, недовѣрчиво поглядывая на племянника. Брукъ промолчалъ; онъ шагнулъ къ выходной двери, но приостановился, потому что тетушка снова заговорила:

— Ахъ, бѣдная моя Кэта! Я просто понять не могу, какъ можетъ комунибудь быть непріятной ея гуманная, скромная дѣятельность и... сама она!.. Да, я еще не видѣла подобной дѣвушки: невинна, какъ голубь, остроумна, чистосердечна... Меня тянетъ къ ней неудержимо и... мнѣ кажется, что и Лео моему не слѣдовало-бы быть такимъ несправедливымъ.... Можно обожать невѣсту, но нужно же воздать должное и другой достойной женщинѣ...

Тутъ Кэта вздрогнула—докторъ разразился сардоническимъ смѣхомъ, захохоталъ такъ громко и дико, что она даже ужаснулась, невольно попятилась, желая убѣ-

(Продолженіе на стр. 323, 324, 325 и 326).

жать и... все-таки не убѣжала! Вѣдь смѣхъ этотъ относился къ ней; она хотѣла теперь знать, какое возраженіе сдѣлаетъ Брукъ. Слова тетушки заставили покраснѣть молодую дѣвушку.

Докторъ разомъ оборвалъ смѣхъ и сказалъ:

— Ты такая умная, проникательная женщина, но на этотъ разъ проникательность твоя измѣнила тебѣ... Э, да все равно!.. Конечно, я не стану оспаривать твоего мнѣнія: кому охота дать самому себѣ пощечину?... Обь одномъ только попрошу тебя—пусть до дня моего отъѣзда житье-бытье наше пойдетъ по старому. Будемъ здѣсь совсѣмъ одни.... Это мое желаніе. Вѣдь ты прежде не скучала-же, не искала общества молодыхъ дѣвушекъ? Ну, постарайся на короткое время не скучать въ одиночествѣ... Я не хочу никого видѣть тутъ!..

— Никого.... Значитъ—и Кэту?

На кирпичномъ полу сѣней закрипѣлъ песокъ, — Брукъ, какъ видно, порывался къ двери. Какимъ-то страннымъ голосомъ, полнымъ горечи, воскликнулъ онъ:

— Тетушка! Неужели же мнѣ въ самомъ дѣлѣ настолько....

— Сохрани Господи! подхватила старушка въ испугѣ, не скрывая однако скорби своей.... Все, все будетъ по твоему, Лео! Я устрою это, какъ можно деликатнѣе, чтобы не оскорбить ее.... Но, Боже мой, какъ ты взволнованъ!.. Какая у тебя горячая рука.... Да ты—боленъ? Охъ, нынче у тебя практика слишкомъ велика, ты утомляешься... Ну, хорошо: здѣсь ты найдешь отдыхъ, настоящій отдыхъ!.. Ужь будь увѣренъ въ этомъ. Не хочешь-ли выпить лимонаду? Я сейчасъ приготавливаю....

Онъ поблагодарилъ (тонъ голоса былъ спокойнѣе) и простился съ тетушкой. Кэта слышала, какъ старушка пошла въ кухню, вѣроятно, для того, чтобы приготовить угощеніе для дѣтей.

Брукъ вышелъ на крыльцо.

XXI.

Прислонившись къ стѣнѣ, у самага косяка двери, неподвижно стояла молодая дѣвушка. Лицо ея было блѣдно, зубы крѣпко стиснуты, а глаза безцѣльно глядѣли куда-то, не обращая вниманія на Брука. Она не хотѣла его видѣть.

Докторъ вздрогнулъ и молча остановился передъ ней. Прошла секунда.

— Кэта!.. проговорилъ онъ боязливымъ шопотомъ, какъ человѣкъ, желающій разбудить спящаго, которому снится тяжелый, мучительный сонъ.

Она выпрямилась во весь свой ростъ и медленно сошла со ступенекъ крыльца. Остановившись на лужайкѣ, Кэта какъ-то машинально обернулась одной только головой и, бросивъ теперь на Брука гнѣвный, блестящій взглядъ, спросила:

— Что угодно вамъ, г. докторъ?

Онъ вспыхнулъ, какъ дѣвушка, и подошелъ къ ней. Каждая черточка лица его обнаруживала крайнее нетерпѣніе. Робкимъ голосомъ онъ началъ:

— Вы слышали....

— Да, отъ слова до слова, перебила Кэта, горько усмѣхнувшись.... Что-жь, вы правы, вы охраняете свой домъ отъ непрощенныхъ гостей. Стѣны имѣютъ уши....

И отошла еще на нѣсколько шаговъ отъ крыльца, какъ будто оно было слишкомъ близко къ ней: вѣдь переступить порогъ этого дома она уже не имѣла теперь права.

Брукъ успѣлъ овладѣть собой. Бросивъ шляпу свою на садовый столикъ, стоявшій по близости, онъ тоже выпрямился. Краска исчезла съ его лица, но, казалось, на душѣ у него стало легче, онъ словно обрадовался такому обороту дѣла, какъ счастливому случаю.

— То, что я высказалъ тетушкѣ—вовсе не заставило-бы меня бояться быть подслушаннымъ, заговорилъ онъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ:—здѣсь, въ этомъ тихомъ уголкѣ, нѣтъ тайнъ... Ну, а то, что слѣдуетъ затаить въ груди—такъ и останется не высказаннымъ, даже въ стѣнахъ, неимѣющихъ ушей.... Вы слышали все, отъ слова до слова, слѣдовательно — знаете, что только желаніе на время отдохнуть принудило меня обратиться къ тетушкѣ съ такой просьбой.... Да, я хочу совершенной тишины. Къ сожалѣнію, я долженъ отказаться отъ возможности извинить.... оправдать такой грубый эгоизмъ. Вы, конечно, не можете представить себѣ, что есть такія души, которыя изо дня въ день, непрерывно, устремляются прочь отъ мыслей, бѣгутъ отъ образовъ.... Но вамъ, быть можетъ, легче будетъ вообразить человѣка, попавшаго въ такое положеніе: его преслѣдуютъ, онъ претерпѣваетъ муки отъ этого преслѣдованія, гнѣвъ его доходитъ до болѣзненности, и вотъ, человѣкъ этотъ, изнемогая, сиѣшитъ укрыться въ своемъ домѣ и—какъ разъ встрѣчаетъ тамъ тѣхъ, отъ которыхъ бѣжить!..

Она робко, пытливо взглянула на доктора своими свѣтлыми, умными глазами... Брукъ стоялъ теперь такъ близко къ ней. Да, онъ говорилъ совершенно серьезно и не только изображалъ страданія преслѣдуемаго, но и *ощущалъ* ихъ въ эти минуты.... Лицо было блѣдно, глаза блуждали.... Но отъ кого-же бѣжалъ онъ!.. Конечно, не отъ невѣсты.... А кромѣ нея, Кэты, кто-же бываетъ тутъ?... Значитъ, она не ошиблась: она стала для него невыносимой, потому что ей пришлось быть *третьимъ лицомъ* въ сценахъ между нимъ и Флорой. Брукъ не хотѣлъ встрѣчаться съ ней по крайней мѣрѣ у себя въ домѣ, поэтому и занятія съ дѣвочками должны прекратиться, т. е. нужно отвязать у нея всякій предлогъ являться сюда... Да, это такъ, и сомнѣнія быть не можетъ!.. Ледяная улыбка недоувѣрія застыла на губахъ Кэты.

— Да вы вовсе и не обязаны объясняться, замѣтила она холоднымъ тономъ:—вы здѣсь—хозяинъ, довольно и этого. Однако, принимая въ свой домъ маленькаго крикуна ф. Брандау съ гувернанткой, какое удивительное уваженіе должны вы питать къ баронессѣ Штейнеръ!..

Голосъ ея рѣзко звучалъ. Брукъ, удивленный, смущенный, хотѣлъ было возразить, но Кэта порывисто остановила его:

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не нужно никакихъ оговорокъ! воскликнула она. — Я не хочу, чтобы вы, просто изъ вѣжливости, говорили не то, что думаете.... Вѣдь я же очень хорошо знаю, что заставляетъ васъ поступать такъ!.. (Слезы начинали душить ее). Мнѣ пришлось раза два-три быть непрощеннымъ свидѣтелемъ.... Я вполне понимаю то чувство ожесточенія, съ которымъ вы произнесли эти слова: „Вѣчно она—эта дѣвушка!“ И сама я никогда не прощу себѣ этого, но.... собственноручно говоря, я только одинъ разъ и была виновата, когда нарочно отвела вашу руку. Да, относительно меня—вы самый строгій, неумолимый судья! Меня вы преслѣдуете за промахъ.

(Продолженіе будетъ).

ХАРАКТЕРНЫЯ ЖЕНСКІЯ ЛИЦА.

Есть такія фizioноміи, которыя сами о себѣ безъ словъ краснорѣчиво говорятъ. Правда, наружность иногда и обманываетъ, но, безъ сомнѣнія, существуютъ удачно очерченныя природою

и житейскими обстоятельствами лица, невольно выдающія настоящій характеръ ихъ обладателя. Просимъ обратить вниманіе читателя на помѣщенные въ настоящемъ № нашего журнала

четыре женские портрета. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ эта женщина, съ повязаннымъ кое-какъ на головѣ платкомъ, развѣ не первѣйшая сплетница въ околѣдѣ? Она и теперь, кажется, придушивается къ чему-то... Какъ видно, существо это добрейшее. Если она и сплетничаетъ, мутитъ добрыхъ людей, то совѣтъ не потому, что-бы досадить имъ, не изъ злородства—нѣтъ, эта особа просто любительница всякихъ новостей и новыхъ ощущеній. Такъ какъ она обладаетъ довольно-развитымъ воображеніемъ, фантазіей, то зачастую окрашиваетъ новость въ болѣе яркій цвѣтъ, прибавляетъ, дополняетъ, сочиняетъ, словомъ—вретъ, но вретъ также искренно, какъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ. Это *живая газета*. Обитая въ какомъ нибудь громадномъ домѣ, она знаетъ подноготную исторію всѣхъ жильцовъ этого дома; она знаетъ, что вотъ у Петровыхъ, напримеръ, сегодня пекли шпроты, а у Ивановыхъ вчера была домашняя война, потому что супруга-то... Но ужъ тутъ начинается шептанье и пускается въ ходъ мышика.

Вы, навѣрно, видѣли также и эту почтенную даму (въ чепчикѣ, съ очками на носу) и, если не сказали сами себѣ, то подумали: «Добрая, веселая старушка, пожалуй—юмористка. Не сплетница, но любить поболтать о быломъ. Къ дѣтямъ отно-

сится нѣжно и способна избаловать ихъ. Довольно развитая нижняя челюсть указываетъ, что эта старушка не прочь сладко покушать и за компанію выпить пару рюмочекъ крѣпкой, хорошей, мадеры. Съ такими особами можно весь вѣкъ прожить мирно, и ихъ всѣ любятъ за ровный, спокойный характеръ и постоянное веселое настроеніе духа.

Описывать-ли нравственныя свойства третьей дамы, съ набожно-сложенными руками? Кто не видалъ этихъ благочестиво-приподнятыхъ бровей, закрытыхъ по коначки глазъ, этой скромной полуулыбки? «У! съ этой тихонькой дамой надо быть поосмотрительнѣе... Положи ей палецъ въ ротъ, она всю руку съестъ, и совершенно незамѣтно съестъ! Только потомъ увидишь, что безъ руки остался...» Такія мысли какъ-то невольно лѣзутъ въ голову при видѣ этой смиренной фигуры.

Послѣдняя дама—это настоящая фурія. Такихъ женщинъ въ семьѣ, въ глаза и за глаза, называютъ «вѣдьмами». Сварливость, вонзательность, безсердечіе—вотъ отличительныя черты ея характера. О такой особѣ, обыкновенно, говорятъ такъ: «Нѣтъ, съ нею, пива не сварить!»

—Ъ.

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОНЧАРОВЪ

Рядъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній Ивана Александровича Гончарова, блестящихъ многостороннимъ знаніемъ современной русской жизни и разнообразіемъ созданныхъ имъ типовъ, быстро, и вполне заслуженно, поставилъ его на степень нашихъ популярнѣйшихъ современныхъ писателей, выросшихъ подъ непосредственнымъ влияніемъ критики Бѣлинскаго и высоко-художественныхъ образовъ Гоголя. Отзывы и разборы нашихъ лучшихъ журналовъ уже давно сказали все, что можно было сказать о такихъ романахъ, какъ «Обыкновенная Исторія», «Обломовъ» и «Обрывъ», конечно, прочитанныхъ каждымъ русскимъ, сознающимъ значеніе литературы.

И. А. Гончаровъ, сынъ довольно зажиточнаго купца родился 6 Юня 1813 г. въ Симбирскѣ. Трехъ лѣтъ онъ уже потерялъ отца и остался на полномъ попеченіи своей матери, одной изъ прекрасныхъ простыхъ русскихъ женщинъ, способныхъ забывать самихъ себя для пользы и счастья своихъ дѣтей. Не получивъ никакого образованія, сама матушка Ивана Александровича не жалѣла ничего для образованія сына и это, конечно, повліяло на развитіе его природныхъ дарованій. Другимъ счастливымъ обстоятельствомъ для дѣтства И. А. былъ прїѣздъ въ Симбирскъ его крестнаго отца—старого моряка, образованнаго, умнаго и живого человѣка. Выйдя въ отставку, онъ поселился въ домѣ матери Ивана Александровича и сталъ дѣятельно помогать ей въ воспитаніи своего крестника. Живые, разнообразные и интересные морскіе рассказы о дальнихъ плаваніяхъ и странахъ рано заставляли задумываться Ивана Александровича и по его собственному признанію, совершенное вполнѣдствіи плаваніе на фрегатѣ «Паллада», было только отголоскомъ равней страсти къ путешествіямъ, возбужденной бесѣдами съ крестнымъ отцомъ. Дальнѣйшее воспитаніе Ивана Александровича продолжалось за сѣмъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, составившихъ въ Россіи въ то время замѣчательное явленіе. Помѣщаясь за Волгою, среди нѣсколькихъ богатыхъ имѣній крупныхъ землевладѣльцевъ, пансіонъ этотъ былъ основанъ мѣстнымъ священникомъ. Ученикъ Казанской духовной академіи, священникъ этотъ былъ женатъ на французкѣ. Воспитанники его пансіона, большою частью дѣти окрестныхъ, богатыхъ помѣщиковъ, учились у ней французскому языку и, благодаря этому, И. А. началъ обладать имъ съ дѣтства.

Замѣчательна также и ранняя страсть Ивана Александровича къ чтенію, проявившаяся въ немъ еще до 12 лѣтъ т. е. въ томъ же заволожскомъ пансіонѣ. Небольшая, но разнообразная бібліотека пансіона была повидимому всегда въ полномъ распоряженіи его воспитанниковъ, и чего не перечиталъ въ дѣтствѣ И. А! Путешествіе Кука и Крашенниковова, Мунго-Парка и Палласа, историческія сочиненія Карамзина, Голікова, Роллена, Милота; произведенія Нахимова и Расина, фонъ-Визина и Тасса, мрачные рассказы г-жи Радклиффъ, и даже одинъ томикъ знаменитаго нѣкогда Экартегауза: «Ключъ къ таинствамъ природы»—все возбуждало вниманіе любознательнаго ребенка и, если не дарило ему положительныхъ, систематическихъ знаній, то, конечно, расширяло его взглядъ на Божій міръ и могло только способствовать ускоренію и полнотѣ его общаго духовнаго развитія.

Двѣнадцать лѣтъ И. А. былъ отправленъ въ Москву, въ одно изъ частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, откуда онъ и поступилъ въ 1831 г. на филологическій факультетъ Московскаго университета. Товарищами студентами И. А. были Лермонтовъ и Станкевичъ, но познакомиться съ послѣднимъ ему не пришлось: одинъ садился всегда на переднія, а другой на заднія скамейки, и такимъ образомъ ихъ постоянно разделяло пространство огромной университетской аудиторіи. Говоря о московскихъ профессорахъ филологическаго факультета того вре-

мени, нельзя не вспомнить именъ Шевырева, Надеждина и Давыдова, вліявшихъ на слушателей, и признаннымъ достоинствомъ лекцій, въ ученое отношеніи, и самою энергіею ихъ чтенія, потому что всѣ трое ученыхъ были еще сами молодыми людьми, недавно разставшимися съ университетомъ и не успѣвшими забыть его коллегіальныхъ традицій. Шевыревъ читалъ исторію древнихъ и западныхъ литературъ, Надеждинъ—теорію изящныхъ искусствъ и археологію, а Давыдовъ—исторію русской литературы. При этомъ особенно замѣчательно то, что профессора эти не ограничивались однимъ только официальными программами курса и читали добровольно другіе дополнительные предметы: Давыдовъ—очеркъ исторіи философіи, а Надеждинъ—очеркъ философіи въ искусствѣ.

Университетъ не могъ не имѣть вліянія на умы такихъ молодыхъ людей, какимъ былъ Ив. Алекс. Послѣ долгаго зстоя, внесеннаго въ науку рутинною и схоластикою, она только что начинала оживать подъ вліяніемъ новыхъ дѣятелей, указывавшихъ на связь ея съ искусствомъ и жизнью. Сама жизнь представлялась средствомъ для достиженія идеальн-высокихъ цѣлей: истины, добра, красоты и т. п., что совпадало вполнѣ и съ новымъ направленіемъ литературы, также покидавшей, хотя и не безъ борьбы, прежнюю риторическую школу, среди реформъ Пушкина и его послѣдователей.

Кончивъ курсъ въ университетѣ, И. А., послѣ непродолжительнаго пребыванія на родинѣ, отправился въ Петербургъ и опредѣлился на службу переводчикомъ въ министерство финансовъ. Но такая перемѣна положеній не могла взытаться съ его любимюю дѣятельностью художника-литератора. Постоянныя занятія по службѣ, а весьма часто и простая, казенная формалистика, отнимая у него на каждомъ шагѣ время, должны были только вредить его литературной дѣятельности. Занятія русскою и иностранною литературою сдѣлались для него возможными только въ часы отдыха; при талантѣ Ивана Александровича такое условіе, безъ сомнѣнія, могло быть для него только лишеніемъ и даже тяжкимъ.

Но русское общество конца 30-хъ и начала 40 годовъ относилось къ литературнымъ вопросамъ и интересамъ съ участіемъ и искренностью, теперь уже все болѣе и болѣе рѣдкими. Петербургская жизнь была богата частными кружками, считавшими литературные интересы самыми живыми, разносторонними и близкими.

И. А. Гончаровъ посѣщалъ, какъ извѣстно, чаще другихъ кружковъ, домъ Николая Аполлоновича и Евгеніи Александровны Майковыхъ. (Николай Аполлоновичъ Майковъ, отецъ нашего поэта Аполлона Николаевича Майкова, былъ извѣстный въ свое время художникъ, умеръ въ 1872 году). Здѣсь собирались литературныя и художественныя знаменитости того времени: очень можетъ быть, что сближеніе съ ними вызвало окончательное рѣшеніе Ивана Александровича предпринять разомъ первое крупное литературное произведеніе, появляющееся, какъ это чаще случается, только послѣ нѣсколькихъ очерковъ, рассказовъ, или небольшихъ повѣстей, служачихъ какъ бы мѣркою силы начинающаго писателя.

Напечатанная въ «Современникѣ» 1847 г., издававшемся тогда подъ редакцію Панаева и Некрасова «Обыкновенная исторія» имѣла полный успѣхъ, вполнѣ оправдавшаго горячія похвалы и одобренія Бѣлинскаго, случайно прочитавшаго ранѣе только одну ея первую часть, когда вторая еще не была кончена.

Одновременно съ «Обыкновенной исторіей» авторъ ея задумалъ уже и другое произведеніе и замѣчательно, что помѣстивъ первые отрывки его въ «Современникѣ» 1848—49 г. подъ заглавіемъ «Сонъ Обломова», онъ напечаталъ все произведеніе это только черезъ десять лѣтъ. Трудно допустить, чтобы при-

чпую такой значительной проволочки могло быть бездѣйствіе писателя, написавшаго уже гораздо ранѣе нѣсколько томовъ, а потому и остается заключить, что это время пошло на обработку произведенія, всегда чрезвычайно художественную и оригинальную въ романахъ И. А. Гончарова.

Слѣдующимъ произведеніемъ Ив. Алекс. было «фрегатъ Паллада». Оно заключаетъ въ себѣ письма о кругосвѣтномъ плаваніи, неподражаемыя по языку и обилію поэтическихъ красотъ.

Получивъ въ 1852 г. предложеніе морского министерства отправиться въ кругосвѣтное плаваніе секретаремъ адмирала Путятина, И. А., не колеблясь, принялъ его. За долгимъ, болѣе чѣмъ двухъ-лѣтнимъ плаваніемъ фрегата, И. А. предстояло не менѣе трудный переѣздъ черезъ пустыни и горы Сибири; высоко-художественное описаніе всего путешествія, изданное въ двухъ большихъ томахъ, вышло въ 1856 и 1857 годахъ, и въ 1858—вторымъ изданіемъ. Судовыя сцены и разговоры автора съ матросами займутъ даже и долго плававаго моряка, не потому, чтобы онъ могъ увидѣть въ нихъ, что нибудь для себя новое, а именно потому, что онъ самъ все это нѣсколько разъ видѣлъ и слышалъ и не обратилъ на видѣнное и слышанное никакого вниманія.

По возвращеніи въ Петербургъ, несмотря на множество занятій по службѣ и свѣжія воспоминанія о путешествіи, И. А. Гончаровъ, повидимому, былъ не въ силахъ оторваться отъ задуманнаго имъ созданія «Обломова» и въ 1857 г. отправился на воды въ Карлсбадъ. Здѣсь, въ 47 дней онъ успѣлъ написать всю вторую часть романа, на обдумываніе котораго имъ

было употреблено десять лѣтъ! Иванъ Александровичъ писалъ его не отходя отъ стола, какъ будто не надѣялся дожить до его напечатанія. Наконецъ въ 1858—59 г. «Обломовъ» явился на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» и произведенное имъ впечатлѣніе было поразительно. Поражало умѣнне сочетать въ одномъ *живомъ* типѣ самыя существенныя стороны русскаго человѣка, со всѣми его достоинствами и недостатками.

«Обломовъ» и по мысли и по художественному исполненію установилъ окончательно И. А. на то мѣсто въ ряду нашихъ современныхъ писателей, какое принадлежитъ ему по праву.

Послѣдній романъ И. А. «Обрывъ», напечатанный въ 1868 году въ «Вѣстникѣ Европы» и вышедшій отдѣльною книгою въ 1870 г., задуманъ авторомъ почти одновременно съ «Обломовымъ»; многие находятъ, что «Обрывъ» слабѣе своего предшественника.

Съ 1868 г. и по настоящее время Иванъ Александровичъ не писалъ болѣе романовъ и только въ «Вѣстникѣ Европы» за 1871 г. помѣщенъ имъ небольшой критическій очеркъ о «Горѣ отъ ума», озаглавленный «Милліонъ терзаній». Авторъ «Обломова» стужлъ и здѣсь взглянуть совершенно съ новой точки зрѣнія на гениальное произведеніе Грибоедова и указалъ въ въ характерѣ Чацкаго черты еще не замѣченныя до сихъ поръ никѣмъ изъ нашихъ критиковъ. Заслуга не маловажная.

Скажемъ въ заключеніе, что таланты, подобныя дарованію И. А., и одаренные его анализомъ и художественнымъ тактомъ, не судятся по общей мѣркѣ; Рафаэль написалъ много мадоннъ, но лучшая изъ нихъ только одна, и притомъ не послѣдняя.

С О Н Ъ.

(Картина Ф. Лекадера).

Говорятъ, пишутъ и даже доказываютъ, что человѣчество вырождается, т. е. умалится ростъ человѣка, исчезаетъ красота, физическая сила, изящность формъ. Можетъ быть, это и такъ, но все-таки среди насъ сколько еще живетъ людей, которые могутъ послужить (по выраженію художника) «натурою» для созданія статуи Дианы, Венеры, Аполлона Бельведерскаго и, пожалуй, Геркулеса! Посмотрите на эту стройную фигуру жен-

щины-матери, которая уснула, обнявъ прекрасными античными руками своего первенца-сына. Сколько пластической красоты въ этой фигурѣ! И развѣ такая мраморная или бронзовая группа не была-бы украшеніемъ залы любителя искусствъ? Эта сладко-уснувшая могла-бы послужить, образцомъ для современной Пеллопы.

—Ъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

«Русскія охоты» съ акварелей И. И. Соколова. Хромо-литографированное изданіе Фельтена въ С.-Петербургѣ. Вып. 1. Цѣна 20 р. съ пер. 23 руб.

Недавно поступилъ въ продажу первый выпускъ большой коллекціи охотничьихъ акварельныхъ рисунковъ Петра Соколова, издаваемой владѣльцемъ магазина эстамповъ Фельтеномъ въ С.-Петербургѣ. Нельзя не поблагодарить его за предпріятіе такого роскошнаго изданія картинъ нашего талантливаго художника. Хромолитографія съ большою точностью передаетъ всѣ достоинства акварельнаго оригинала и даетъ возможность пріобрѣсти произведенія художника и тѣмъ любителямъ изящнаго, которые не обладаютъ большими средствами. Намъ удалось видѣть всю коллекцію рисунковъ—оригиналовъ, приготовленныхъ къ изданію, и мы истинно порадовались тому, что публика получитъ возможность купить ихъ за недорогую, сравнительно, цѣну.

Всѣ картины изображаютъ сцены и моменты изъ русской охотничьей жизни и отличаются большимъ мастерствомъ въ исполненіи и постановкѣ фигуръ. Вездѣ наша русская природа съ ея лѣсами, перелѣсками и островами; съ ея безбрежнымъ степнымъ пространствомъ, покрытымъ травой, полями подъ снѣгомъ, болотами и озерами.

То скудные и унылые, то роскошные и веселые, ландшафты русской природы являютъ, и рано утромъ—чуть-чуть брезжетъ заря; и въ знойный полдень, и вечеромъ, и почти совсѣмъ ночью— послѣдніе лучи потухающей зари чуть видѣются сквозь стволы деревьевъ.

На такихъ-то ландшафтахъ разыгрываются сцены изъ жизни нашихъ добѣжачихъ и борзятниковъ крѣпостныхъ временъ и схватки русскихъ мужичковъ, вооруженныхъ дрянными ружьями, съ царемъ нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ— Михайломъ Топтыгиннымъ.

Для охотниковъ это собраніе, помимо своей высокой художественности, будетъ имѣть значеніе по той вѣрности и правдѣ, съ которыми переданы всѣ технические приемы и условныя движенія охотниковъ. Первые четыре картины, составляющія первый выпускъ альбома, изображаютъ слѣдующія сцены: 1) *Сборъ гонимыхъ съ островъ*. Въ густомъ лѣсу шалаши; въ шалаши и около его нѣсколько фигуръ охотниковъ—одинъ изъ нихъ трубитъ въ рогъ, сзывая собакъ, нѣсколько изъ нихъ толпится у его ногъ. 2) *Травля рыси по порошю*. Изображена группа охотниковъ; на деревѣ, злобно оскалившись и принавъ къ сучку, сидитъ рысь, и огрызается на кидającychся къ ней гончихъ.

Третья—*Охота по тетерю на току*, освѣщена яркою утреннею зарею, на фонѣ которой рѣзко выдѣляются сучья кустарника. Охотникъ прицѣливается въ тетерева, важно разгуливающаго по сучку. Картина, названная: «*Amu ego!*», (охотничій терминъ) ни въ чемъ не уступаетъ тремъ предшествовавшимъ: охотникъ съ поднятою нагайкою, группа собакъ; вдали также охотники, приближающіеся по направленію къ зрителю и зайка, притаившійся въ травѣ. Всѣ четыре картины очень хороши, но онѣ, по нашему мнѣнію, не лучшія во всей коллекціи. Есть вещи, исполненныя чрезвычайной экспрессіи и движенія,—напримѣръ, сцена поимки крестьянами охотника, помяваго, въ гоньбѣ за зайцемъ, рожь. Дюжій мужикъ въ синей посконной рубахѣ замахивается на понавшагося охотника дубиной; другой схватилъ лошадь подъ уздцы. У ногъ борющихся валяется заяцъ и невинно пострадавшая гончая, убитая крестьянами. Къ той и другой сторонѣ слѣшать подкрѣпленія и свалка, вѣроятно, выдетъ не маленькая. Другія картины отличаются чрезвычайно удачнымъ освѣщеніемъ—къ такимъ принадлежатъ картина, изображающая охотниковъ, «подмывающихъ» къ себѣ волка. Лѣтняя ночь въ лѣсу; вдали, низко надъ землею, горятъ послѣдніе блѣдные лучи вечерней зари; во мракѣ видны двѣ фигуры конныхъ охотниковъ, нагруженныхъ добычею и возвращающихся съ охоты. Въ лѣсу имъ пришла мысль закончить еще блестяще свою удачную охоту, и къ шкуркамъ лисичъ и зайцевъ прибавить еще шкуру лѣснаго хищника—волка. Одинъ изъ нихъ, сложивъ руки у рта, подражаетъ вытью волковъ, а другой устремилъ глаза въ темную лѣсную чащу и ждетъ—не покажется-ли гдѣ два горящихъ глаза волка. Глядя на картину, чувствуешь, будто самъ находишься здѣсь-же, въ этомъ темномъ лѣсу и жутко становится въ этомъ таинственномъ мракѣ. Хороша также лунная ночь въ лѣсу, зимою, на какой не помню, картинѣ. Отраженіе луны на дѣственно-чистомъ снѣгу передано съ большою правдой, равно какъ и даль лѣсной поляны окаймленной лѣсомъ. Словомъ, коллекція картинъ П. Соколова, въ общей сложности 24 картины, представляетъ вѣрное изображеніе нашей природы, и весною, и осенью, и зимою, и лѣтомъ. Любителя изящнаго онѣ удовлетворяютъ вполне и составляютъ роскошное украшеніе всякаго дома, всякаго кабинета и галлерей. Любшій свою родину, русскій увидитъ въ картинахъ П. Соколова вѣрное отраженіе тѣхъ ландшафтовъ, которыми самъ перѣдко любовался и надъ которыми перѣдко грустнѣлъ.

Тѣмъ болѣе удачна мысль воспроизвести дорогія акварели

дешевымъ хромофотографическимъ способомъ и дать возможность купить ихъ большинству, а не избраннымъ только. Мы конечно далеки отъ того, чтобы утверждать, что картины П. Соколова chef-d'oeuvre искусства, но насъ радуется то, что стѣны русскихъ любителей изящнаго украсятся наконецъ иллюстраціями нашей, русской, родной, жизни и природы и помѣтятся и наши дремучій Брынскій лѣсъ, или вязкое болото.

Были и до этого собранія картины русской природы и жизни, но, во первыхъ: онѣ, будучи оригиналами, стоили громадныхъ

денегъ, а во вторыхъ—не давали такой полноты и всесторонней картинны ея.

Пожелаемъ этому роскошному изданію успѣха среди русскихъ состоятельныхъ людей, ибо успѣхъ одного, повлечетъ за собою другое, подобное-же, изданіе, а это намъ, русскимъ, очень не мѣшаетъ.

Мы далеко отстали въ этомъ дѣлѣ отъ запада—постараемся же восполнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что у насъ въ художникахъ-то нѣтъ недостатка.

А. Арс.

С М Ъ С Ъ .

Ожиданіе.

(Картина Улиса Векена).

«Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не малывался» говоритъ пословица; но кто никогда не ждалъ никого послѣ бури, тотъ также не знаетъ, что значить пламенно, всей душой, взывать къ Богу, когда уже послѣдняя надежда слабѣетъ въ сердцѣ. А море, какъ неумолимое божество, требующее себѣ дань, каждый годъ поглощаетъ новыя и новыя жертвы.

Картина наша представляетъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда, послѣ улегшейся бури, всякій изъ прибрежныхъ жителей, оставшихся дома, спѣшитъ на берегъ въ ожиданіи возлюбленныхъ своего сердца. Жены и матери съ трепетомъ смотрятъ въ даль, возсылая горячія молитвы къ небу о возвращеніи своихъ дорогихъ кормильцевъ. Но многие ли изъ нихъ вернутся?..

Когда, сидя въ вашей уютной комнатѣ, въ кругу вашей семьи, собравшейся за столомъ, вокругъ ярко горящей лампы, вы, беззаботные и веселые, наслаждаетесь своимъ счастьемъ, — вспомните о тѣхъ, кто на морѣ, и помолитесь за тѣхъ несчастныхъ, которые, можетъ быть, погибаютъ въ эту минуту.

Существованіе бразильской водяной змѣи «Succiuu», о которой ничего не говорится въ зоологіи, было опариваемо до послѣдняго времени даже въ ея родинѣ (въ Бразиліи.) Въ № 42 «Deutsche-Auswanderer-Zeitung», говорится, однако, что недавно при Таирирѣ, на берегахъ Парагуа, десятилѣтній ребенокъ былъ поглощенъ этой водяной змѣей, которая, какъ увѣряютъ, показывается иногда во время наводненія, даже близъ населенныхъ мѣстностей. Нѣкій г. Константино-де-Роха убилъ недавно одну изъ этихъ змѣй, длиною 430 вершковъ и корреспондентъ «Deutsche-Auswanderer-Zeitung», жившій 8 лѣтъ въ Парагуа, тоже увѣряетъ, въ 1861 г. онъ видѣлъ водяную змѣю Succiuu, длиною отъ 35 до 40 футовъ. Вѣрно только то, что насчетъ водяныхъ змѣй, какъ сознаются и сами зоологи, намъ еще мало известно. Впрочемъ, приведенныя въ упомя-

нутой газетѣ свѣдѣнія не достаточны для того, чтобы опредѣлить, къ какой породѣ водяныхъ змѣй принадлежить «Succiuu».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

- 1) Петербургъ, г. Н. В. Портретъ нашего уважаемаго, маститаго артиста, Осипа Афанасьевича Петрова и его біографія будутъ помѣщены въ «Нивѣ» въ самомъ продолжительномъ времени
- 2) Цыгры, Курск. губ., Ив. Ф.—теръ. Мы искренно намъ советуемъ оставить занятія стихотворствомъ, сами же вы говорите, что

Не каждому природа счастье равное даетъ.

3) Саранулъ, Вятской губ., А. Г. Р.—ху. Судя по вашей орфографіи, вамъ первоначально слѣдуетъ поучиться, по крайней мѣрѣ, хотя въ приходскомъ училищѣ. Вы пишете: «Если поглянется только что сочиненное мое стихотвореніе, пошло болѣе приятныхъ новыкъ». Нѣтъ, ужь, Богъ съ вами: намъ ваши стихи «неглянутся».

4) Петербургъ, Парфентьевскому. Прежде всего требуется отъ всякой рѣчи, умной или глупой, хорошей или дурной, согласованіе словъ въ числѣ и падежѣ, чего въ вашихъ стихахъ не всегда замѣтно. Кроме того и такія рифмы, какъ «паразитъ» и «поразитъ» давно осмѣяны, даже въ пресловутой Прекрасной Еленѣ.

5) Петербургъ, гостиница «Демуть», г. А. П. Ш.—ову. Посылая свои стихи, вы пишете, что если мы васъ не оцѣнимъ, то другой оцѣнитъ, если не другой, то третій; если, наконецъ, не при жизни, то послѣ смерти оцѣнитъ васъ. Послѣ смерти всѣ наши дѣянія судятъ по достоинству оцѣнены; но вы хорошо дѣяете, что заранѣе просите у людей прощенья, ибо если вы умрете непрочтеннымъ, то вамъ, за ваши стихи, и въ особенности за ихъ грамматику и рифмы, на томъ свѣтѣ достанется порядочно.

6) Харьковъ, А. Др.—ову. Ваши желанія, выраженные въ стихотворной формѣ, совершенно исполнены. Вы пишете:

Все бы слушать волшебныя сказки,
Когда-бъ ты говорила ихъ мнѣ,
Да глядѣла на волшебныя сказки
Посадивъ на колѣни къ себѣ.

Кто же глаза на колѣни садить?

СОДЕРЖАНІЕ: Исайна. Изъ путевыхъ набросковъ (съ рисункомъ) Немировичъ-Данченко.—Въ домѣ коммерціи совѣтника Повесть Э. Марлитта (продолженіе).—Характерныя лица (съ рисункомъ).—Иванъ Александровичъ Гончаровъ (съ портретомъ).—Сонъ (съ рисункомъ).—Юмористическіе очерки (съ рисункомъ).—Шахматы.—Библіографія А. Арс.—Смѣсь. Ожиданіе (съ рисункомъ).—Почтовый ящикъ.—Объявленія.—Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за МАЙ съ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 36 чертежами.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакція «Нивы» желаетъ приобрести по экземпляру прежнихъ изданій соч. Мильтона «Потерянный Рай» въ русскомъ переводѣ.

Извѣстно, что до сихъ поръ были переводы: 1780 г. Амвросія Подобѣдова; 1810 г. (неизвѣстно чей); 1824 г. Люценко, и 1861 г. Зиновьева.

Желающихъ уступить тотъ или другой изъ поименованныхъ переводовъ, редакция покорнѣе проситъ уведомить объ условіяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщенныя въ журналѣ «Нива», могутъ найти самое громадное распространеніе, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и между иногородними подписчиками.

«Нива» расходится въ количествѣ 25,000 экземпляровъ. За строку непарелая (37 буквъ) платится 25 коп. Подробный тарифъ на объявленія напечатанъ въ № 17 «Нивы». 6—1

Поступила въ продажу новая книга: «Путешествіе въ Сѣверную Африку» Л. Ф. Костенко. Роскошное съ 22 рисунками изданіе. Цѣна 2 р. 50 к. Складъ книги при типографіи г. Граншеля, Стремянная, № 11. 2—1

2 руб. 12 к. портретовъ—улицы Малой Садовой и Невскаго, д. Менделѣва. 50 40

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интереснѣе, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытвыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ «НИВЫ» на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

РѢЗЦЫ ДЛЯ ВЫРѢЗКИ ВЫКРОЕКЪ.

Инструментъ этотъ, необходимый для всѣхъ, желающихъ заготовить бѣлье или костюмы, по приложеннымъ къ «Нивѣ» выкройкамъ парижскихъ модъ, можно выписывать чрезъ редакцію «Нивы». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 коп. 4—1

Grand Hotel National

Leopoldstadt, Taborstrasse въ Вѣнѣ.

Имѣю честь обратить вниманіе господъ ѣдущихъ на минеральныя воды и, вообще, путешественниковъ на мою гостиницу, удобно расположенную и имѣющую хорошей ресторанъ. Говорятъ по русски, а также есть разные русскіе журналы и газеты.

Цѣны комнатъ очень умеренныя. 3—1

F. W. Mayer, владѣлецъ.

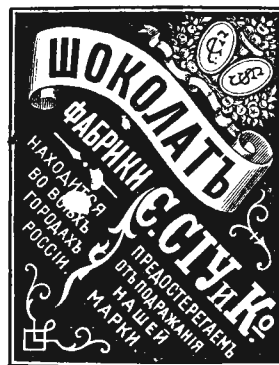
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Крестовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья волнодумцевъ. Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Клоушикова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатериинской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щербетала ласточка. Сочиненіе Шильвагена. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 г. 1 р. съ пересылкою.

45—34

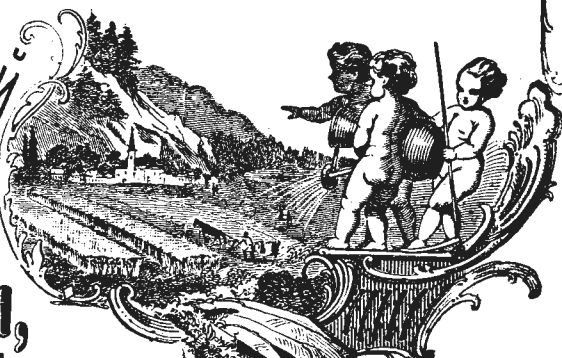
Зубной врачъ ВАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—11

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 19

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выданъ 10 Мая 1876 г.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Открыта подписка на журналъ „НИВУ“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

СЕРНА

(ANTILOPE SIVE CAPELLA RUPICARPA).

Серна (capella rupicarpa) служитъ представительницею особаго рода антилопъ, отличающихся формою роговъ и носить еще другое латинское названіе antilope rupicarpa. Прямые рога этого животнаго стоятъ прямо и на концахъ загнуты назадъ. Настоящею родиною серны считаются Альпійскія горы и именно горы Швейцаріи; отчасти водятся онѣ въ Тироли, Зальцбургѣ, Каринтіи и Крайшн, въ Карнатахъ, въ горахъ Тагра и Фаза, въ горахъ Пиринейскихъ и частию Астурийскихъ, а у насъ, въ Россіи, на Кавказѣ, въ хребтѣ Яйла или горахъ Таврическихъ и горныхъ мѣстностяхъ Сибири. Цвѣтъ серны грязно-рыже-бурый, но серны молодья—рыжевато-бурого цвѣта. Альпійскіе охотники различаютъ два особенно выдающихся вида, а именно: лѣсныхъ и горныхъ серны. Серны обыкновенно избираютъ себѣ самыя высокія, неприступныя мѣстности, на обрывистыхъ скалахъ, на каменныхъ, выдающихся выступкахъ и держатся преимущественно вблизи сѣвѣрной линіи. Лѣтомъ предпочитаютъ онѣ западныя и сѣверныя склоны, а зимою восточныя и южныя. Въ большинствѣ случаевъ серны живутъ по-одиночкѣ, но нерѣдко собираются въ значитель-

Серна. (Antilope sive capella rupicarpa). Рис. Ростескій, грав. О. Ротъ.

ныя стада отъ десяти до двадцати головъ и пасутся на высокихъ солнечныхъ мѣстахъ, дружно и весело проводя время въ рѣзвой игрѣ. Самки, избравшія себѣ самцовъ, живутъ съ ними попарно въ уединеніи. Кромѣ чрезвычайно легкаго и быстраго бѣга, серны отличаются необыкновенно чуткостію и смѣтливостію при малѣйшей, грозящей имъ опасности. Чужа непріятеля, онѣ не успокоиваются до тѣхъ поръ, пока не увидятъ его и слѣдовательно сознаютъ свое положеніе и возможность своего спасенія, тѣмъ или другимъ способомъ. Поэтому, ложась спать, стадо оставляетъ бодрствовать одного стараго вожака, который неутомимо слѣдитъ за малѣйшимъ шумомъ, и во все время своей стражи обращается въ слухъ и зрѣніе, не отводя глазъ ни на одно мгновеніе отъ того предмета, который кажется ему сколько нибудь опаснымъ или подозрительнымъ. Но быстрота бѣга и осторожная бдительность не единственныя качества этой породы антилопъ; серны отличаются удивительнымъ искусствомъ скакать чрезъ огромныя пропасти и выбирать себѣ путь въ самыхъ непроходимыхъ и скользкихъ ледникахъ. Многіе охотники и путе-

шественники увѣряюгь единогласно, что серна, спасаясь отъ человѣка и достигнувъ, наконецъ, обрыва, въ то время, когда, повидимому, ей нѣтъ спасенія. ни въ дальнѣйшемъ бѣгствѣ, ни въ отступленіи, — съ быстротою молніи перепрыгиваетъ зыбкую пропасть и твердою стопой становится на противоположномъ утесѣ. Сернѣ достаточно какого нибудь выдающагося камешка, сучка или засохшаго куста, чтобы найти въ нихъ точки опоры и скользить какою то тѣнью по самымъ ужасающимъ пропастямъ. Падая стремглавъ съ большой высоты, серна все такъ не теряетъ надежды спасти свою жизнь, принимая всегда въ паденіи своемъ направленіе косвенное и скользящее, относительно скаль. и пользуется первымъ предметомъ, чтобы уцѣлиться за него и снова стать твердою ногою. Эта находчивость, неустрашимость и необыкновенная ловкость въ минуты самой безвыходной опасности всегда поражали удивленіемъ всѣхъ естественнотыпателей и туристовъ, утверждающихъ единогласно, что серна никогда не теряется, никогда не останавливается въ нерѣшности и безпомощномъ испугѣ, какъ это дѣлаютъ козы, которые стоятъ съ жалобнымъ блеяніемъ у какаго нибудь обрыва, пока наступитъ, съ опасностію собственной жизни, не придетъ ихъ выручить. Серна скорѣе уберется, чѣмъ остановится предъ опасностію. Серна, какъ говоритъ Брэмъ, можетъ служить эмблемой бдительности. Ея необыкновенно тонкія чувства дѣлаютъ ее чуткой болѣе всякаго другаго животнаго. У нея одинаково хорошо развиты: обоняніе, зрѣніе, слухъ и осязаніе. Забота о самосохраненіи не покидаетъ ее никогда; даже во снѣ не перестаютъ работать органы ея чувствъ. Во время отдыха она рѣдко ложится на землю плашмя, но спитъ такъ, что ей во всякую минуту легко подняться на ноги и бѣжать. Для отдыха серны охотно прячутся въ рѣдкій кустарникъ, но болѣе всего любятъ выступы скаль, гдѣ, прикрытыя сзади, могутъ свободно обозрѣвать окрестность съ боковъ и спереди. Ухо и глазъ работаютъ у сернѣ наравнѣ съ чуткимъ носомъ.

Какъ въ общемъ характерѣ серны, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ движеніи выражается весьма много разсудительности. Память серны превосходная: она помнитъ цѣлые годы тѣ мѣста, гдѣ ее преслѣдовали и избѣгаетъ ихъ, какъ опасныя; знаетъ и тѣ мѣста, которыя вполне для нихъ безопасны и гдѣ ее любятъ. На такъ называемыхъ «*Волныяхъ горахъ*», гдѣ запрещено охотиться за сернами и гдѣ животное сознаетъ свою полную безопасность, оно дѣлается смѣлѣе и безъ робости близко подходитъ къ людямъ.

Отъ паденія снѣжныхъ лавинъ серны погибаютъ только тогда, когда бывають застигнуты ими внезапно. Обыкновенно они живутъ въ лощинахъ, покрытыхъ натуральнымъ сводомъ или мостомъ въ видѣ громаднаго камня или нависшаго утеса. Хотя

въ такихъ мѣстахъ и свергаются лавины, но серны, защищаемыя самой природой, мирно выжидаютъ, пока пронесется надъ ихъ головами этотъ грозный горный ураганъ.

Пища сернѣ въ лѣтнее время состоитъ изъ лучшихъ альпійскихъ растений, произрастающихъ на снѣговой границѣ, преимущественно же изъ альпійскихъ розъ, молодыхъ побѣговъ разныхъ деревьевъ, не исключая и хвойныхъ, то-есть елей и сосенъ, зимою же изъ поблекшей длинной травы, торчащей изъ-подъ сугробовъ горныхъ снѣговъ, изъ мховъ и лишавей, откормываемыхъ изъ подъ снѣгу передними ногами. Вообще почти нѣтъ или весьма рѣдка примѣры, чтобы серны погибали съ голоду, но естественнотыпатель Чуди приводитъ, какъ примѣръ, разсказъ одного охотника въ Бернскихъ Альпахъ, что однажды онъ видѣлъ повисшій на сучьяхъ скелетъ серны, вѣроятно подымавшейся при жизни на заднія ноги, чтобы добыть съ дерева наросшій на немъ лишай, и зацѣпившейся рогами за сучья.

Поздняя осень является у сернѣ временемъ любви. Тутъ наступаетъ для нихъ шумная и веселая жизнь. Все стадо, къ которому присоединяются и старыя самцы, жившіе до сего времени особнякомъ, рѣзвится, прыгаетъ и играетъ по цѣлымъ часамъ. Но нерѣдко эти милыя сцены рѣзвыхъ забавъ и удовольствій смѣняются сценами трагическими. Между влюбленными самцами выступаетъ ревность, и непримиримые соперники вступаютъ въ серьезныя схватки и бьются въ нихъ на смерть. Побѣдитель старается обыкновенно сбросить своего соперника въ пропасть и потому, сбивъ его съ ногъ, добываетъ рогами, ударяя ими сверху внизъ, и затѣмъ сбрасываетъ его въ пропасть, причемъ побѣжденный, ударяясь объ утесы и выступы, разбивается до смерти.

Беременная самка, послѣ двадцатинедѣльнаго ношенія, разрѣшается, обыкновенно, однимъ и рѣдко двумя дѣтенышами, которые, спустя часъ или два послѣ своего рожденія, начинаютъ уже бродить за своими матерями, которыя вообще очень нѣжно любятъ своихъ дѣтей, учатъ ихъ отыскивать кормъ, взбираться на крутизны, скакать черезъ расщелины и, наконецъ, черезъ опасныя пропасти, такъ что черезъ два-три мѣсяца является въ горахъ молодая серна со всѣми физическими и умственными условіями своей породы. Но и дѣти платятъ матери такую же безграничную привязанностью и любовью. Охотники неоднократно видѣли, какъ дѣтеныши или молодцы серны выражали тяжкую скорбь свою, не отходя прочь отъ тѣла умершей или убитой матери и не покидали его даже при приближеніи человѣка, то есть явной опасности, причемъ почти добровольно отдавались въ его руки.

Н. Зуевъ.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Брукъ ничего не сказалъ, но, казалось, старался покрѣпче сжать губы, какъ-бы борясь противъ искушенія заговорить. Онъ глядѣлъ на нее какъ-то сбоку (взглядъ былъ твердъ и выразителенъ), а правая рука его судорожно сжималась... При взглядѣ на этого человѣка нельзя было не сознаться, что онъ обладаетъ сильнымъ характеромъ, и настолько умѣетъ владѣть собой, что только въ крайнемъ случаѣ позволить себѣ высказаться.

— Я очень, очень неохотно ѣхала сюда, снова заговорила Кэта.—Почтенная дама — вонъ тамъ (она указала на виллу Баумгартенъ), оставила во мнѣ пренепріятное впечатлѣніе: когда я была ребенкомъ, эта женщина, съ президентской своей гордостью, гдѣ только могла—отравляла мою жизнь... И я никогда не прощу ей горькихъ слезъ, которая проливала въ то время моя бѣдная Лукасъ, благодаря постояннымъ дерзостямъ со стороны президентши. Вы знаете, съ перваго дня моего приѣзда сюда, какъ я боялась встрѣчи съ сестрой Флорой, гордящейся своимъ умомъ, и какъ, завидя виллу, мнѣ ужасно захотѣлось сейчасъ-же отправиться обратно, вернуться въ свой Дрезденскій домъ... И зачѣмъ я тогда-же не уѣхала?.. На виллѣ — чиновное чванство, и умомъ тамъ чванятся, да кромѣ того царить тамъ еще невыносимое высокомеріе кармана, —

даже, самый воздухъ пропитанъ золотою пылью, насыщенный надменностью!.. Всякая живая мысль, свѣжее, молодое чувство но невольнѣ должны зачахнуть въ такой атмосферѣ. Я, по натурѣ своей, не способна сродниться съ подобной обстановкой, мнѣ не уютится тамъ, но здѣсь (она указала на домики и садъ) — здѣсь я чувствовала себя хорошо и даже могла-бы забыть мой родной уголокъ въ Дрезденѣ... Почему это такъ — я этого и сама не знаю.

Какъ мила была она въ эту минуту въ своемъ блѣднѣющемъ платьѣ, съ задумчиво поникшей головой, украшенной роскошными косами!..

— Мнѣ кажется, меня обворожила славная старушкатушка, прибавила Кэта, весело поднявъ глаза:—у нея такая благородная, непринужденная манера держаться, что у меня сейчасъ становится легче, я успокоиваюсь, когда побываю съ ней... Тихо, скромно идетъ она своей дорогой; рѣзкихъ возраженій отъ нея не услышишь, не видно упрямой настойчивости, и однако-же эта женщина ни на волосъ не измѣнитъ своихъ убѣжденій; что, по ея мнѣнію, хорошо и справедливо, то и должно стоять на первомъ планѣ; слова и дѣло для нея—одно и тоже. Это имѣетъ благотворное вліяніе на того, кто видитъ тутъ-же, рядомъ, столько пустаго чванства, лжи, надменности и... даже постыдной слабости! Да, слабости,

которая, въ сожалѣнію, можетъ овладѣть даже женщиной...

Мрачно нахмуривъ брови, она, съ видимымъ презрѣніемъ, швырнула зеленую вѣточку, сорванную мимоходомъ, которою до сихъ поръ играла. Довольно было и этого, чтобы раздражить и заставить вскинуться стоявшаго передъ ней человѣка... Глаза доктора загорѣлись мрачнымъ огнемъ... Онъ понялъ, что хотѣла сказать молодая дѣвушка.

— Но вы забыли, перечисляя добродѣтели „славной старушки“, упомянуть еще объ одной, а именно: о мягкости и осторожности ея въ приговорахъ надъ людьми, заговорилъ рѣзко и укоризненно Брукъ. — Никогда не произнесла бы она такъ смѣло подобнаго рѣшительнаго приговора... вотъ какъ вы сдѣлали это сейчасъ потому что она знаетъ, какъ легко ошибиться!.. Тетушка знаетъ, что даже часто (какъ и въ данномъ случаѣ, на который вы намекаете) за мнимую слабостью скрывается усиленная твердость; можетъ быть, всѣ силы души находятся въ напряженномъ состояніи...

Докторъ былъ чрезвычайно взволнованъ, — такимъ тономъ онъ никогда еще не говорилъ; куда дѣвалось все хладнокровіе его!

Кэта сначала смутилась и потупила глаза, причѣмъ щеки ея загорѣлись, но тѣмъ не менѣе она все-таки чувствовала себя правой: вѣдь она была поразительно слабъ относительно собственнаго своего „я“, слабъ въ своей страстной любви и въ чувствѣ нерасположенія... Да, и это послѣднее пришлось ей только что испытать на себѣ...

Молодая дѣвушка упрямо откинула голову. Въ эту минуту маленькія ученицы, игравшія въ жмурки, выбѣжали изъ за угла дома. Увидать Кэту и броситься къ ней, было для нихъ дѣломъ одной минуты. Дѣти не обратили вниманія на глубоко-сумрачное лицо доктора, который стоялъ возлѣ дѣвушки, и дѣлалъ имъ знаки не подходить; въ одну секунду стройная дѣвушка была окружена, маленькія рученки толкались и хватились за нее, каждый изъ дѣтей хотѣлъ обнять „красивую тетю“ или по, крайней мѣрѣ, схватить ее за руку. Несмотря на свое волненіе, Кэта чуть было не размѣялась, глядя на толпу дѣтей, которыя не смотря на ея силу, чуть было не уронили ее; докторъ разсердился не на шутку, и вышелъ изъ себя, такъ что дѣвушка никогда не видала его въ такомъ гнѣвѣ. Онъ разбранилъ дѣтей, и сердито отстранилъ ихъ, приказавши дѣтямъ удалиться за уголъ дома и ждать тамъ, покуда ихъ не отпустятъ домой.

Дѣти ушли опечаленныя и испуганныя.

Кэта закусила нижнюю губу, провожая дѣтей печальнымъ взоромъ, пока они не скрылись за уголъ дома. „Какъ бы охотно пошла я за ними, чтобы успокоить ихъ, но я ни сдѣлаю шага назадъ туда, откуда я навсегда ушла“, прибавила она голосомъ, въ которомъ слышались, и скорбь, и сильный гнѣвъ.

— Успокоить! повторилъ докторъ насмѣшливо. „Вы теперь готовы назвать меня извергомъ, какъ передъ тѣмъ, назвали меня слабохарактернымъ? Утѣштесь— дѣтскій возрастъ носить въ самомъ себѣ задатки къ самоуспокоенію; у нихъ смѣхъ и плачъ идутъ рука объ руку. Послушайте, какъ тамъ хихикають дѣти?“ Докторъ съ улыбкой показалъ туда откуда слышался смѣхъ. „Я увѣренъ, что теперь онѣ подсмѣиваются надо мной и надъ моей строгостью. Я остановилъ дѣтей ради вашего спокойствія, не могъ же я спокойно смотрѣть, какъ онѣ бросились на васъ, какъ позволяете вы, чтобы вамъ такъ надоѣдали? Дѣти дурно воспитаны“.

— „Это потому что онѣ любятъ меня! Слава Богу, что это такъ. Имъ по крайней мѣрѣ, могу я вѣрить! воскликнула дѣвушка, сжимая крѣпче руки на груди. Мо-

жетъ быть вы хотите увѣрить меня, въ виду всего происходившаго, что вся эта любовь, эти ласки относятся единственно къ моему денежному шкафу? Но, нѣтъ, въ ихъ дѣтскую неподкуность и искренность я крѣпко вѣрю, и вамъ меня въ этомъ не разувѣрить, можете положиться на это!“

Какъ неприятно и грустно было слушать этотъ протестъ, это предупрежденіе, изъ устъ молодой дѣвушки!

Онъ удивленно отошелъ отъ нея.

— „Что за странная мысль“.

„Неужели васъ удивляетъ, что я, наконецъ, отдѣлалась отъ моей, болѣе чѣмъ дѣтской, довѣрчивости, которая воображаетъ, что люди дорожатъ теплымъ чувствомъ, честной и искренней волей? Не правда-ли, что наконецъ во мнѣ проснулся тяжелый на подъемъ, нѣмецкій Михель, открылъ глаза и увидалъ, что онъ страшно смѣшонъ съ своими давно отжившими возрѣніями на добро и зло, на правду и ложь?“ Она поблѣднѣла и невольно содрогнулась. *Есть что-то ужасное въ внезапно явившемся сознаніи, что ты вовсе не то, чѣмъ воображала себя:* ты думала, что ты молодое существо, имѣющее право сдѣлаться счастливой по своему.

Онъ молча отвелъ отъ нее взглядъ; она, тяжело вздохнувши, продолжала:

— Вы меня спрашивали, при нашей первой встрѣчѣ, какъ отношусь я къ моему неожиданному богатству? Я теперь въ состояніи дать вамъ положительный отвѣтъ на вашъ вопросъ. Мнѣ кажется, что я похожа на утопающую въ денежномъ морѣ, и что-жъ: находится много такихъ, которые готовы протянуть мнѣ руку, но не ради меня, а потому только, что за мной стремятся золотыя волны!

Докторъ въ волненіи отошелъ отъ нея.

— Боже мой, какимъ путемъ пришли вы къ подобнымъ безотраднымъ, ужаснымъ выводамъ?

Она нервно, дико засмѣялась.

И это спрашиваете вы меня, докторъ? Развѣ не укрѣпляютъ во мнѣ люди это убѣжденіе?... И укрѣпляютъ каждодневно, ежечасно? Вѣдь въ моемъ миломъ Дрезденѣ занимаются мной, потому что я только „золотая рыбка“, учителя стараются развить во мнѣ слабый музыкальный талантъ, надѣясь на хорошей гонаръ, опекуны дѣлаютъ мнѣ предложеніе, такъ какъ лучше всѣхъ умѣетъ меня оцѣнить. Она, говоря это, смотрѣла на небо и незамѣтно перевела взоръ свой на доктора.—

— Неужели это правда? проговорилъ онъ, проводя рукою по лбу.— Вамъ вѣрно очень грустно думать, что и Морицъ принадлежитъ къ числу подобныхъ людей? прибавилъ докторъ послѣ минутнаго молчанія.

Она съ удивленіемъ слушала его, голосъ его былъ полонъ грусти и казался разбитымъ.— Меня еще болѣе оскорбляетъ, что каждый считаетъ своей обязанностью вмѣшиваться въ это дѣло, сказала она,— въ эту минуту ея высокая и стройная фигура дышала гордостью и воплощала въ себѣ выраженіе сопротивленія всякому чужому вмѣшательству,—она покачала головой съ горькой усмѣшкой.

— „Подобная мнѣ „золотая рыбка“, продолжала она, должна серьезно бороться, если только она не желаетъ попасть въ руки эгоистовъ, которые будутъ играть ею какъ несчастнымъ мячикомъ, а я этого не хочу, положительно не хочу! Вы, докторъ, принадлежите къ тѣмъ людямъ, которые также совѣтуютъ мнѣ, какъ осиротѣвшей молодой дѣвушкѣ, чтобы я подчинялась чужому вліянію, и пользоваться тѣмъ преимуществомъ, которымъ я обладаю, а именно тѣмъ, что мое присутствіе въ извѣстномъ мѣстѣ радуетъ и веселитъ окружающихъ. Отсюда вы меня изгоняете, а тамъ вы бы меня готовы были приковать цѣпями, чтобы только я осталась. Я желала бы знать: кто даетъ вамъ право на по-

добный произволь? „Я готова“, продолжала она съ нервно-дрожащимъ губами, удерживая слезы, спросить васъ вмѣстѣ съ Генріэттой: „Чѣмъ я виновата?“

Послѣднее вырвалось у ней въ видѣ страстной жалобы и замерло у ней вдругъ на губахъ, докторъ взялъ ее за кисть руки и его холодные пальцы сжали ея руку какъ бы желѣзомъ.

— „Не говорите болѣе, Кэта!“ сказала онъ ей голосомъ, который испугалъ ее. „Я знаю слишкомъ хорошо васъ, чтобы быть увѣрену, что у васъ нѣтъ слѣда фальши, а то я бы готовъ вѣрить, что вы придумали для меня утонченнѣйшія пытки, чтобы заставить выдать глубоко сберегаемый мною секретъ“. Онъ оставилъ ея руку, „но я не хочу этого — ни подъ какимъ условіемъ!“

Онъ скрестилъ руки на груди и отошелъ отъ нея нѣсколько шаговъ, какъ бы желая идти домой... но вдругъ онъ обратился къ словно окаменѣлой дѣвушкѣ и снова подошелъ къ ней. „Меня интересуетъ знать, какъ понимаете вы то, что будто я готовъ бы былъ приковать васъ только для того, чтобы вы остались?“ сказалъ онъ спокойно. Онъ остановился около нея.

Кэта сильно покраснѣла; она сначала, какъ молодая дѣвушка, застыдилась, но потомъ она твердо отвѣчала: „Вы желаете, чтобы я сдѣлалась госпожею въ баумгартенской виллѣ?“

„Я—я?“ Онъ прижалъ руки къ груди и разразился тѣмъ злобнымъ смѣхомъ, который испугалъ ее, еще ранѣе, при разговорѣ его съ теткой. „На чемъ еще основываете вы это обвиненіе? Къ чему долженъ я желать, чтобы вы сдѣлались хозяйкой въ баумгартенской виллѣ? спросилъ ее докторъ, съ трудомъ сдерживая себя.

— „Потому что вы“, какъ говорить Флора, „не желаете такъ легко бросить Генріэтту на произволь судьбы“, произнесла она съ рѣшительной откровенностью, которая не допускаетъ неяснаго отвѣта. „Вы увѣрены, что я люблю мою сестру самоотверженной любовью, готовой на всевозможныя жертвы, чтобы сохранить только за домомъ совѣтника, бывшій нашъ отцовскій домъ, пріютъ для сестры. Я готова сдѣлать все, а достигъ этого возможно только тѣмъ, что я сдѣлаюсь женою коммерціи совѣтника“.

— „И вы думаете что я стою въ главѣ подобной семейной интриги? Вы вѣрите серьезно въ это? Развѣ вы забыли, что я сначала былъ противъ подобной жертвы и противъ ея дальнѣйшаго пребыванія въ домѣ Ремера“...

— „Послѣ того многое измѣнилось“, отвѣчала она живо и съ горечью, „Вы оставляете въ сентябрѣ М. навсегда, а по этому вамъ совершенно все равно, кто будетъ хозяйничать и распоряжаться въ виллѣ; наше спокойствіе не будетъ возмущено личностью, которая вамъ не симпатична“.

— „Кэта!“ воскликнулъ онъ.

— „Господинъ докторъ?...“ Она гордо подняла голову и спокойно выдержала его пламенный взглядъ.—Достигнуть такого окончанія дѣла очень не трудно, и только такое тяжелое, размышляющее существо, какъ я, могла такъ долго оставаться ослѣпленной и незамѣчать ничего“, проговорила она съ существеннымъ спокойствіемъ. Въ ея голосѣ, во всемъ ея существѣ, было столько обдуманнаго, что она какъ будто бы обогатилась вдругъ многолѣтнимъ опытомъ. „Такимъ образомъ въ семейную жизнь не войдетъ чужой элементъ: вся семейная обстановка могла бы остаться въ томъ же видѣ. Домашнее спокойствіе и привычки могли бы остаться неизмѣненными, какъ въ виллѣ, такъ и въ башнѣ. Все осталось бы на своемъ мѣстѣ, даже мой желѣзный шкафъ

могъ бы спокойно стоять въ „казнохранилицѣ“ Морица; все придумано такъ практично“...

— „Что васъ даже не беретъ раздумье ни на одну минуту“, сказалъ докторъ, ожидая съ страшнымъ нетерпѣніемъ отвѣта, который, какъ ему казалось, придетъ недовольно скоро.

— „Нѣтъ, докторъ, вы слишкомъ рано торжествуете побѣду, воскликнула она съ какимъ то злорадствомъ:—упрямая золотая рыбка прорываетъ сѣть. Я сегодня же уѣду. Мои сестры открыли мнѣ глаза и показали мнѣ въ блестящей перспективѣ счастье, которое мнѣ приготовляли. Въ ту минуту, когда я сдѣлала это открытіе, и почувствовала, что изъ голубаго салона президентши для меня одинъ только выходъ, одинъ только путь, прямо ведущій къ желѣзной дорогѣ, которая увезла бы меня домой. И я направилась бы туда, если бы я не вспомнила принятыхъ на себя обязанностей. Я уѣзжаю не на долго, на столько времени, сколько нужно мнѣ для того, чтобы доказать Морицу, что между нами нигдѣ и никогда не можетъ быть никакихъ другихъ отношеній, кромѣ вытекающихъ изъ опеки надо мною, что я ему буду выказывать самое рѣшительное нерасположеніе, всегда, какъ только ему вздумается говорить тономъ не совѣтника, а отца.

Изъ облегченной груди ея вырвались глубокіе вздохи, лицо ея покрылось яркой краской, словно огнемъ охваченное, но видно было, что она, во что бы то ни стало, хотѣла выяснитъ все человѣку, который высоко и надмѣнно выпрямился пока она говорила, словно съ его плечъ внезапно свалилась тяжелая ноша.

Съ того времени, какъ мы привезли глубоко-страждущую Генріэтту къ вамъ, въ домъ diakоницы, между ею и моею бѣдной сестрой, превратились хорошія отношенія; продолжала Кэта съ еще болѣею живостью. Если тетка заступится за Генріэтту, я могу уѣхать съ спокойнымъ сердцемъ. Я хочу ее объ этомъ попросить и для этого я пришла сюда. Я ей буду писать изъ Дрездена, и понятно, что изгнанная изъ вашихъ владѣній, никогда не перешагнетъ и порога этого дома.

Сказавъ это, она, прошла мимо него. „Прощайте, докторъ“ сказала она, слегка наклонившись, и направилась къ мосту. Дошедши до тополя, она остановилась и еще разъ обернулась посмотреть на дорогой ей старый домъ. На самомъ углу его дѣтскія головки весело, съ любопытствомъ выглядывали; у садоваго стола стоялъ докторъ, особымъ образомъ оперши руки столъ, и мутные глаза его какъ-то дико устремлены были вслѣдъ за нею.

Странно женское сердце! Безсознательно она перебѣжала обратно мостъ и ступила на запретный путь, по которому она больше никогда не хотѣла ходить.

Она подошла къ Бруку.

— Ахъ, вы больны, залепетала она боязливо, положивъ свои теплыя и гибкія руки на его руки.

— Нѣтъ, я не боленъ, Кэта, а за что вы меня осудили, хотя бы и въ другомъ смыслѣ—я жалкій, слабохарактерный человѣкъ, почти застоналъ онъ и сильнымъ движеніемъ руки, откинулъ назадъ упавшія на лобъ кудри. „Идите, идите! Развѣ не видите, что я въ такомъ душевномъ состояніи, когда каждое слово утѣшенія, каждый сострадательный взглядъ,—ружейный ударъ, воскликнулъ онъ дико, и съ быстротою молніи онъ нагнулся и крѣпко, горячо прижалъ свои губы къ лежавшей у него на плечѣ рукѣ дѣвушки.

Молодая дѣвушка съ испугомъ отскочила, но она почувствовала, что сердце ея переполнилось какимъ-то, до того невѣдомымъ ей, чарующимъ чувствомъ нѣжности, и на устахъ ея были уже слова: „Нѣтъ, я не поѣду, ты во мнѣ нуждаешься“. Но тутъ онъ снова поднялся, выпрямился и съ выраженіемъ глубокой горести

Галерея Виктора Эммануила в Миланѣ. Рис. Вурландо, грав. Фарберъ.

на лицѣ, но повелительно указавъ ей на мостъ, и дѣвушка побѣжала, словно ангелъ съ огненнымъ мечемъ шествовалъ за нею.

Нѣсколько часовъ спустя, въ шляпѣ съ вуалью, съ саквояжемъ въ рукѣ она сошла съ боковой лѣстницы виллы безъ шума, она уходила также внезапно и неожиданно, какъ и пришла. Генріэтта, съ горячими слезами на глазахъ и въ глубокой горести, не соглашалась на быстрый отъѣздъ сестры и разлуку на много недѣль. Наконецъ она согласилась, но при этомъ она поставила условіемъ, чтобы Кэта, гдѣ бы она ни была, и когда бы то ни было, возвратилась, если больная сестра будетъ нуждаться въ ея помощи.

Генріэтта стояла наверху, лѣстницы въ то время какъ Кэта покрывала вуалью заплаканные глаза. Въ дому было цѣлое море огня: газовые рожки были зажжены, и къ подъѣзду подъѣзжали безпрестанно экипажи. Кэта принуждена была скрыться въ одномъ изъ боковыхъ корридоровъ и, прижавшись къ стѣнѣ, она видѣла проходящихъ мимо дамъ въ роскошныхъ вечернихъ туалетахъ. Лакеи широко открывали двери голубого зала и посреди комнаты стояла Флора, въ шелковомъ свѣтло-розовомъ платьѣ, отдѣланномъ кружевами, привѣтствуя гостей, которые пріѣзжали къ ней, такъ какъ коммерціи совѣтникъ дѣлалъ для нея балъ, по случаю дня ея рожденія.

При взглядѣ на все это, ей показалось, что въ душу ея запало что то горькое. Тамъ стояла Флора гордая, окруженная счастьемъ, которое навязчиво шло за ней, хотя она часто отталкивала его отъ себя; здѣсь же скрывалась та, у которой не осталось надеждъ, стыдливо скрываясь отъ взоровъ какъ порочная. Зачѣмъ выпало на долю одной такъ много счастья, такой избытокъ жизни, той, которая могла бы обойтись и безъ этого, тогда какъ другой сестрѣ, при всемъ богатствѣ, ничего не остается, какъ пройти жизнь печально, отказывая себѣ во всемъ...

Двери затворились, и Кэта выбѣжала въ паркъ, полная безнадежной тоски, которое охватываетъ иногда молодое, страстное сердце. (Въ то же самое время ея горничная напрасно ожидала молодую дѣвушку, чтобы помочь ей одѣться на балъ). Кэта, пройдя по парку, постучалась въ освѣщенное окно мельницы и вызвала Франца, чтобы онъ ее проводилъ до станціи желѣзной дороги...

XXII.

Послѣ этого прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ. Никогда еще Кэта не занималась такъ усиленно музыкой, какъ въ это время, а также она страстно предалась и другимъ занятіямъ, углубляясь въ нихъ съ той лихорадочной дѣятельностью, которая объясняется желаніемъ забыть ся въ усиленныхъ занятіяхъ и трудахъ. Генріэтта вела для нея дневникъ, который посылала ей еженедѣльно. Она въ этихъ листахъ рассказывала ей, какъ текла жизнь на виллѣ. Она читала между строчекъ, что президентша ожила; но за то сдѣлалась еще болѣе невыносимой и деспотичной; за то бабушка восхваляетъ Кэту за выказанный ею тактъ, умѣніе жить, тогда какъ Флора пожимаетъ плечами и называетъ все это дѣтскими выходками. Коммерціи совѣтникъ бранился съ ней нѣсколько дней сряду за ея, лишенные основанія, вмѣшательства. Онъ былъ въ тотъ вечеръ, когда Генріэтта ему сообщила о случившемся въ углу музыкальной залы, совершенно разстроены и навѣрно бы произошла сильная домашняя сцена, если бы его не стѣсняло присутствіе гостей; сцена эта приняла бы болѣе широкіе размѣры, такъ какъ Флора была всѣмъ недоброжелательна, благодаря тому обстоятельству, что женихъ, ссылаясь на свои должностныя обязанности, не пріѣхалъ на званый вечеръ.

Коммерціи совѣтникъ въ тотъ же вечеръ написалъ Кэтѣ и докторшѣ и, ссылаясь на давнишнее желаніе, собирался пріѣхать въ іюнѣ въ Дрезденъ. Дневникъ сообщалъ, что въ это время на виллѣ получались часто депеши, что коммерціи совѣтникъ былъ чаще въ Берлинѣ, чѣмъ дома и что онъ заваленъ дѣлами. Посѣтителей не было; изрѣдка приходили дѣловыя письма отъ опекуна и послѣдній денежный пакетъ отправленъ былъ, чего никогда не случалось, бухгалтеромъ.

Кэта свободно вздохнула: опасное столкновеніе, котораго она боялась, миновало. Опекунъ узнавши, что ему нечего надѣяться, оставилъ ее въ покоѣ. Молодая дѣвушка могла возвратиться назадъ, но противъ этого сильно возстала докторша, такъ какъ Кэта возвратилась домой, утративши со свѣжестью лица и дѣтскую веселость и беззаботность. Къ тому же въ виллу пріѣхала баронесса Штейнеръ на два мѣсяца, и поселилась тамъ съ такой значительной свитой, что не было свободного угла.

Кэта ужасалась при одной мысли о возвращеніи раиѣе того, какъ молодые переѣдутъ въ Л — гъ. Она сознавала, что тамъ она не сохранитъ кажущагося спокойствія, даже въ Дрезденѣ ей нужна была вся душевная сила, чтобы не показать, что она лишилась своего внутренняго покоя, что ей приходится выносить почти не человѣческую борьбу съ той чарующей силой, которая овладѣваетъ ея душой и которую называютъ грѣхомъ. Генріэтта ея не вызываетъ, не смотритъ на страстныя жалобы о скорѣйшемъ желаніи видѣть „сильную, солнцемъ освѣщенную сестру“. Въ своихъ письмахъ она говоритъ съ энтузіазмомъ о самопожертвованіи тетки, которая за ней ухаживаетъ и балуетъ ее. Дневникъ ея содержалъ лишь текуція новости; главное мѣсто въ дневникѣ принадлежало тетущкѣ и доктору. Описывалось особенно все, что случалось въ домѣ у рѣки, хотя бы это была простая смерть курицы, съѣденной собакой; сообщались свѣдѣнія объ урожаѣ винограда, даже въ одномъ мѣстѣ говорилось о новоприобрѣтенной кошкѣ, „которая разлеглась на софѣ у тетущки“, все это не было забыто и придавало дневнику болѣе веселый видъ, тогда какъ остальное было болѣе чѣмъ строгаго оттѣнка. Многія письма имѣли слѣды слезъ, другіе были такъ воодушевлены, что казались были писаны огнемъ. Объ отношеніяхъ невесты и жениха, Флоры къ доктору, не упомянуто было ни однимъ словомъ, хотя писала, что докторъ, вслѣдствіе усиленной докторской дѣятельности, замѣтно измѣнился; только относительно больныхъ онъ остается все тѣмъ же; тогда какъ въ обществѣ — онъ мраченъ, неразговорчивъ и къ тому же раздражителенъ; все это замѣтно бросается въ глаза всѣмъ и каждому.

Понемногу пришелъ срокъ, назначенный для свадьбы.

Флора не хотѣла пригласить дальнихъ родственницъ; у ней множество заботъ, писала Генріэтта, она насилу ходитъ отъ праздниковъ, которые даются въ честь ея, къ тому же она капризничаетъ, какъ и всегда, измѣняя и передѣлывая заказанное, къ полному отчаянію поставщиковъ, она не хочетъ оставаться одна въ этой свадебной суетѣ. Тетущка-діаконица не поможетъ ей въ „ужасныхъ дняхъ“, такъ какъ она сама находится подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ развода. Эти жалобы усиливались все болѣе и болѣе въ каждомъ письмѣ; наконецъ, въ одинъ изъ вечеровъ, Кэта получила телеграмму слѣдующаго содержанія: „Тотчасъ же пріѣзжай! Я нездорова не только душою, но и тѣломъ“!

Тутъ нельзя было медлить и докторша была согласна на то, чтобы Кэта уѣхала... А молодая дѣвушка сама? Нервная дрожь пробѣжала по ея тѣлу изъ страха предъ будущимъ, но въ то же время она испытывала необыкновенное блаженство при мысли, что она еще разъ увидитъ того, кто дѣлался ея шуриномъ.

И вотъ въ одно сентябрьское утро она снова стояла въ мельницѣ замка. Она ѣхала съ ночнымъ поѣздомъ и только что прибыла. Передъ отъѣздомъ она телеграммою дала знать Францу о предстоящемъ прибытіи ея, и родная, любящая мать не приготовила бы ей лучшаго приема, чѣмъ тотъ, какой ей приготовила Суза. Большая комната, наполненная полумракомъ отъ высокихъ каштановыхъ деревьевъ, врывавшихся въ комнату, была пропитана ароматомъ геліотроповъ, розъ и резеды, стоявшихъ на окнѣ; на всѣхъ столахъ были чистыя скатерти, изъ алькова выглядывала бѣлоснѣжная кровать, а на большомъ дубовомъ столѣ стояла извѣстная намъ мѣдная жаровня, на которой подогревался кофе. И пироги собственного печенія были уже готовы и, обсыпанный сахаромъ, стоялъ рядомъ съ позолоченной чашкой, самой лучшей вещью изъ стекляннаго шкафа покойной мельничихи.

Она снова ходила по чисто вымытымъ бѣлымъ поламъ и чрезъ открытое окно слышалось воркованье голубей и шумъ отдаленныхъ мельничныхъ колесъ. Отсюда она хотѣла навѣстить большую сестру и рѣшилась ни въ какомъ случаѣ не принимать навязчиваго гостепримства совѣтницы, которой навѣрно не понравятся странныя отношенія между мельницей и виллой.

Кэта была въ странномъ настроеніи духа. Боязнь за первую встрѣчу въ виллѣ, болѣзненное желаніе видѣть домъ у рѣки, флагъ котораго она видѣла изъ южнаго угла окна; но посѣтить этотъ домъ она не имѣла права, страстное нетерпѣніе видѣть высокій образъ человѣка, котораго она въ первый разъ встрѣтила на мельницѣ и видѣла его постоянно въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Все это въ ней снова ожило, и при этомъ появилось новое чувство боязни и неуверенности въ самой себѣ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ уже стали появляться въ газетахъ извѣстія изъ Вѣны о лихорадочной игрѣ на биржѣ и устройствѣ разныхъ обществъ; такія же извѣстія стали появляться изъ Берлина. Во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ только и говорили о происшедшихъ крушеніяхъ въ финансовомъ мірѣ, даже въ маленькомъ эстетическомъ кружкѣ докторши разсуждали объ этихъ новостяхъ. Во время поѣздки изъ Дрездена въ М. эти новости были причиной разнообразныхъ преній и разговоровъ всѣхъ пассажировъ—разсказывали ужасныя вещи и обѣщали еще болѣе худшаго въ будущемъ. Вскорѣ стали появляться слѣдствія ненормальныхъ спекуляцій.

— „Все такъ идетъ на свѣтѣ“, говорилъ Францъ, внося дорожный сундукъ Кэты на верхъ.

— Благо тому, кто умѣетъ приберечь денежку на черный день! продолжалъ Францъ, спокойно похлопывая по карману. Только наживай честно, трудись и—спи себѣ безмятежно А кто не мастеръ спекулировать—ну, тому и не слѣдъ совѣтаться въ такія дѣла. Вотъ, примѣрно, господинъ коммерціи совѣтникъ—молодецъ! Вся эта сумятица и не касается его... Его не пошатнешь; онъ—умница, и чутье у него хорошее. Видѣлъ я его вчера—ну, и веселымъ же пріѣхалъ онъ изъ Берлина! Говорятъ, опять загребъ деньжищъ цѣлую кучу. А долгонько онъ нынче былъ въ Берлинѣ, да пожалуй и теперь не вернулся бы, если бы сегодня на виллѣ не справляли дѣвичника.

Дѣвичника! Значитъ, послѣ завтра—свадьба... Послѣ вѣнца новобрачные сейчасъ же и уйдутъ. Въдъ знала же это молодая дѣвушка (благодаря дневнику Генриетты), знала и—все таки какъ-то такъ внезапно почувствовала страхъ, даже сердце болѣзненно сжалось, потому что услышало эту вѣсть отъ живого человѣка... Мельникъ проговорилъ послѣднія слова такъ просто, непринужденно—вотъ это-то и защемило сердце Кэты.

— Н-да, сегодня тамъ—пиръ горой, прибавила Су-

за, подавая ей чашку кофе, и затѣмъ начала описывать праздничную обстановку на виллѣ: гостей будетъ тѣмъ тмущая, театръ будетъ, костюмированный балъ, а зелени да цвѣтовъ—цѣлые возы подѣзжаютъ туда.

На фабрику пробилъ одиннадцатый, когда Кэта вилась на вилу. Да, Францъ правъ: коммерціи совѣтника ничто не пошатнетъ, и бури среди денежнаго рынка не грозятъ ему; надъ Морипемъ—ясная лазурь неба... Вонъ тамъ какъ чудесно прудъ блеститъ! Лебеди плаваютъ, лодочка на цѣпи покачивается у берега... Успѣли таки все это устроить! Да и много же рукъ работало тутъ,—денегъ не жалѣли. Готовы тоже и новыя, великолѣпныя конюшни: они словно изъ земли выросли!.. Дѣйствительно, электрическіе удары, заставлявшіе дѣловой, денежный міръ корчиться въ судорогахъ, не долетали сюда, и здѣсь попрежнему высоко билъ золотой фонтанъ.

Иди по тѣнистой, липовой аллеѣ, Кэта все ближе и ближе подходила къ виллѣ. Никогда еще этотъ маленький волшебный замокъ не казался ей такимъ аристократичнымъ, почти неприступнымъ, какъ сегодня, при ярко-золотистомъ утреннемъ освѣщеніи. Надъ верхней платформой, высоко въ воздухѣ, развѣвался пестрый флагъ, какъ бы приглашая избранныхъ гостей.

Молодая дѣвушка невольно прижала руку къ сердцу, которое тревожно забилось... Въдъ *се* не приглашали, а она все-таки явилась! Что-жь, только изъ любви къ сестрѣ приносится ея такая громадная жертва...

На подѣздѣ Кэта встрѣтилась съ дамой, которая, закрывъ лице платкомъ, проскользнула мимо нея, однако молодая дѣвушка успѣла замѣтить, какъ сильно заплаканы были глаза этой особы, и узнала въ ней одну красивую маіоршу, утопавшую въ роскоши, и первую модницу въ резиденціи.

— Маіору-то ничего больше не остается, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ, проговорилъ одинъ изъ лакеевъ.

— Ну, неужели такъ плохо? спросилъ другой.

— Плохи дѣла. У него все опишутъ.. И по дѣломъ! Не офицерское это дѣло—играть бумажками. Что онъ понимаетъ въ коммерческихъ штукахъ?.. Теперь, вотъ, маіорша является сюда и реветъ передъ нашимъ баринкомъ... „Спасите, дескать, помогите!“... Да такихъ-то много нынче къ нему ходитъ... Ежели всѣмъ помогать—самому, значитъ, сдѣлаться нищимъ!.. Такъ-то.

Кэта слышала этотъ разговоръ... Она слегка вздрогнула и, никѣмъ незамѣченная, поднялась на лѣстницу.

— Вотъ, и еще жертва страшной катастрофы, мелькнуло у нея въ головѣ.

Въ бель-этажѣ царил торжественная тишина. Молодая дѣвушка машинально подошла къ бывшей своей комнатѣ и отворила дверь. Баронессы Штейнеръ уже не было здѣсь, но комната была не свободна: на большихъ столахъ разложено было по-истинѣ княжеское приданое госпожи профессорши *in spe*, и прежде всего въ глаза бросилось бѣлое атласное платье съ длиннымъ шлейфомъ, убранное кружевами и померанцовыми цвѣтами. Это было подвѣнечное платье Флоры. Кэта отвернулась и заперла дверь; черезъ нѣсколько секундъ она лежала въ объятіяхъ Генриетты, которая пришла въ такой восторгъ, какъ будто пріѣздъ сестры избавлялъ ее отъ невыразимыхъ мукъ.

Большая сестра была одна. Сегодня (жаловалась она) всѣ въ домѣ такъ заняты, что бросили ее одну; коммерціи совѣтникъ справляетъ Флорину свадьбу съ несслыханной роскошью. Онъ хочетъ, пользуясь этимъ случаемъ, показать всей резиденціи, на сколько онъ выше всѣхъ остальныхъ, когда ему вздумается сыпать золотомъ—такова ужъ его слабость!..

Генриэтта, согласно своей привычкѣ поступать независимо, сочла излишнимъ уведомить своихъ родныхъ о томъ, что она телеграфировала Кэтѣ. Это совершенно не нужно, сказала она, когда Кэта въ смущеніи покачала головой,—я всегда имъ говорила, что сестра возвратится и станетъ ухаживать за мной, слѣдовательно это для нихъ не новость... Что же касается до неожиданной встрѣчи съ коммерціи совѣтникомъ, то она можетъ быть покойна: у него, навѣрно, есть новая страсть въ Берлинѣ; сба послѣдніе раза, и особенно вчера, онъ возвращался довольно разсѣянный, и на поддразниванія Флоры только улыбался, но не отиѣкивался.

Кэта ничего не возражала на слова сестры; она нашла только, что ея прѣздъ былъ дѣйствительно необходимъ: она застала больную въ высшей степени возбужденной; припадки глухого, удушливаго кашля повторялись теперь чаще; руки горѣли, какъ въ огнѣ, дыханіе было тяжелое, затрудненное. До сихъ поръ Генриэтта, даже при самыхъ сильныхъ страданіяхъ, никогда не плакала, у нея была необыкновенно сильная воля, сегодня же ея прекрасные глаза были сильно заплаканы. Она терзалась мыслью, что Брукъ, не смотря на всю свою любовь къ Флорѣ, все-таки будетъ несчастливъ, и что она убѣждена, хотя объ этомъ никогда не было говорено ни слова, что и тетюшка думаетъ также, и тоже страдаетъ... Кэта остановила сестру, сказавъ, что это дѣло Брука; онъ больше, чѣмъ кто либо другой могъ убѣдиться въ эгоизмѣ Флоры, и если онъ послѣ того все таки хочетъ быть ея мужемъ, то съумѣетъ потомъ справиться съ своей судьбой, какова бы она ни была... Генриэтта даже вздрогнула, такъ рѣзко былъ этотъ отвѣтъ; вообще, въ манерѣ младшей сестры было что-то странное, незнакомое: Кэта была сдержанна и замкнута въ самой себѣ, какъ будто и она послѣ тяжелой борьбы рѣшила уже свою участь...

XXIII.

Вскорѣ послѣ этого разговора Кэта, поддерживая больную сестру, спустилась по маленькой лѣстницѣ въ нижній этажъ, чтобы „представиться“. Онѣ вошли въ узкій корридоръ, смежный съ большой залой, занимавшей почти весь боковой флигель, въ которой давались знаменитые балы богатаго человѣка.

Проходя корридоромъ мимо залы, Генриэтта пріостановилась и проговорила съ презрительной улыбкой:

— Тамъ идетъ теперь репетиція къ сегодняшнему вечеру подъ аккомпаниментъ молотка рабочихъ, устраивающихъ сцену и декорации. Какъ противны мнѣ всѣ эти дѣвушки тамъ! Всѣ онѣ были бы готовы выцарапать глаза невѣстѣ, а вечеромъ будутъ ее прославлять въ стихахъ! А Морицъ съ своей безграничной расточительностью ведетъ себя при этомъ какъ дуракъ. Вчера вечеромъ, тотчасъ по прѣздѣ, онъ велѣлъ сорвать со стѣнъ всю обивку, потому что въ темныхъ углахъ рабочіе употребляли для декорации шерстяную матерію, вмѣсто шелковой. Онъ просто противенъ своимъ чванствомъ богача-милліонера! Вотъ посмотри!

Она пріотворила дверь. Въ узкую щель нельзя было видѣть сцены, на которой репетировали; за то былъ виднѣнъ великолѣпный балдахинъ изъ краснаго бархата съ золотой бахромой, назначенный для жениха и невѣсты.

— Какъ то онъ будетъ выглядѣть съ своимъ блѣднымъ, мрачнымъ лицомъ подъ этой шутовской финтифлюшкой! прошептала Генриэтта, въ отчаяніи прижимаясь къ сестрѣ. И она будетъ стоять возлѣ него побѣдоносная, торжествующая, какъ всегда, въ ловко обдуманномъ туалетѣ изъ бѣлой кисеи съ маргаритками, какъ подобаетъ быть невинной невѣстѣ въ такой день.

Ахъ, Кэта, есть что-то странное, непонятное въ этой исторіи! Мнѣ иногда кажется, что тутъ скрывается страшная тайна, нѣчто въ родѣ невидимо-глаголющаго огня подъ сѣрымъ пепломъ.

Въ столовой за завтракомъ сидѣли: президентша, Флора и коммерціи совѣтникъ. Невѣста была въ изысканомъ утреннемъ костюмѣ съ розовой отдѣлкой; утренній чепчикъ покрывалъ ея волосы въ папильоткахъ. Кэта почти испугалась—такимъ отцвѣтшимъ казалось лицо ея красавицы сестры безъ золотистаго ореола локочиковъ; сегодня она въ первый разъ замѣтила, что Флора уже не молода, что безпокойное стремленіе къ извѣстности, жгучее честолюбіе состарили ее.

— Боже мой, Кэта, что это тебѣ вздумалось явиться сюда именно сегодня? вскричала Флора, вскочивъ и не сдерживая досады. Въ какое затруднительное положеніе ставишь ты меня! Волей или неволей, а я должна присединить тебя къ своей свитѣ. У меня уже есть двѣнадцать подружекъ—не могу же я взять тринадцатую, ты сама это понимаешь!.. Она вдругъ умолкла и слегка вскрикнула.

Коммерціи совѣтникъ, сидѣвшій спиной къ двери и державшій въ рукѣ стаканъ съ бургундскимъ, уронилъ его при возгласѣ Флоры, возвѣстившемъ о приходѣ сестеръ... Красное вино пролилось на скатерть и платье невѣсты.

Съ секунду коммерціи совѣтникъ стоялъ неподвижный, смущенный и совершенно блѣдный и испуганно глядѣлъ на дверь, какъ будто тамъ появился призракъ, а не величаво-стройная дѣвушка съ серьезнымъ лицомъ, и спокойными, увѣренными манерами. Но онъ быстро оправился. Извинившись передъ Флорой и позвавъ лакеевъ, онъ подошелъ къ Кэтѣ и ввелъ ее въ комнату. Въ манерѣ его незамѣтно было и тѣни чувствъ отвергнутаго влюбленнаго, въ каждомъ его словѣ, въ пожатіи руки виднѣнъ былъ только опекунъ, который радъ видѣть свою питомицу здоровой и невредимой. Онъ ласково похлопалъ ее по плечу и дружески привѣтствовалъ.

— Я не смѣлъ пригласить тебя, сказалъ онъ, да къ тому же въ послѣднее время я былъ слишкомъ заваленъ дѣлами, не могъ много думать о Дрезденѣ... Ты извинишь...

— Я прѣехала сюда *только* для ухода за Генриэттой, перебила его быстро Кэта; въ ея тонѣ не замѣтно было и тѣни обидчивости за нелюбезное привѣтствіе со стороны Флоры.

— Это очень хорошо, дитя мое, сказала президентша съ прояснившимся лицомъ; въ виду такой непридуманной встрѣчи въ ней исчезло всякое опасеніе. Но куда помѣстить тебя? Въ твоей прежней комнатѣ выставлено приданое Флоры...

— Поэтому вы должны будете позволить мнѣ помѣститься въ моемъ собственномъ домѣ, какъ я это уже и сдѣлала, сказала Кэта вѣжливо и сдержанно.

— Покамѣстъ мнѣ ничего болѣе не остается, какъ согласиться на это, возразила почтенная дама съ улыбкой и какъ видно въ очень хорошемъ расположеніи духа. Сегодня послѣ обѣда нашъ домъ будетъ переполненъ, къ тому же у насъ столько хлопотъ, мы едва собрались позавтракать. Съ самаго утра стучать, репетируютъ...

— Да, онѣ тамъ декламируютъ такъ, что балки дрожать, сказала злобно Генриэтта и опустила въ кресло. Мимоходомъ мы слышали „Палладу Аѳину“, „Розы Кашмира“ и „Новую профессуру“...

— Ухъ! крикнула Флора, затыкая себѣ уши, это просто безсовѣстно! Вотъ, придется сидѣть спокойно и виду не подавать, что готова откусить себѣ языкъ, сдерживая насмѣшку и хохотъ...

Президентша остановила ее жестомъ руки. Въ эту

Молодая мавританка. Картина Ф. Вайбарда, грав. П. Гэлперь.

минуту репетировавших барышни вошли в столовую за своими шляпками и зонтиками. Флора удалилась из комнаты. Фрейленг ф.-Гизе съ аффектированной радостью подошла поздороваться съ Кэтой и подала руку коммерціи совѣтнику.

— Очень рада, что вижу васъ здѣсь. Мы можемъ поблагодарить васъ за ваше любезное содѣйствіе въ нашей маленькой забавѣ сегодня вечеромъ. Какая прелесть! Такую сказочную обстановку можно встрѣтить только на виллѣ Баумгартенъ. Съ этимъ все согласны! Кстати, слышали вы уже о несчастии маіора Бредова? Онъ совершенно разоренъ... Все встревожены... Боже мой, въ какое ужасное время мы живемъ! Разореніе за разореніемъ, и такъ быстро!

— Маіоръ Бредовъ безумно спекулировалъ, сказала президентша равнодушно. Какъ же можно поступать такъ рискованно, такъ необдуманно?

— Въ этомъ виновата его жена, прекрасная Юлія, она слишкомъ много тратила: одни ея туалеты стоили ей три тысячи талеровъ въ годъ.

— Ба! она могла бы и впередъ это дѣлать, если бы ея супругъ осторожнѣе обращался съ своимъ капиталомъ, не рисковалъ бы такъ. Въ такихъ случаяхъ нужно идти за авторитетомъ, какъ, напр., иду я... Не правда ли, Морицъ? Мы можемъ спать покойно?

— Полагаю, что да, отвѣтилъ онъ съ улыбкой, лаконически, и наполнилъ свой стаканъ бургундскимъ, который и осушилъ разомъ. Конечно, при такомъ ужасномъ крахѣ не обойдется безъ маленькихъ потерь; приходится потерять небольшіе капиталы, которыми рисковалъ шутки ради... Это все булавочные ушколы, отъ которыхъ, какъ извѣстно, не истекають кровью...

— Ахъ, да! Я сегодня не получила биржевой газеты, перебила его президентша и выпрямилась. Обыкновенно мнѣ приносятъ ее аккуратно въ девять часовъ (Онъ равнодушно пожалъ плечами).

— Вѣроятно ошиблись въ почтамтѣ, или же газета попала въ мой пакетъ съ письмами и газетами и отслана въ башню; я справлюсь... Съ этими словами онъ поставилъ стаканъ на столъ.

— Pardon, mesdames! сказалъ Рэмеръ, извиняясь въ такомъ поспѣшномъ осушеніи стакана. Я вдругъ почувствовалъ приближеніе моей страшной головной боли; она появляется внезапно, и я обыкновенно прогоняю ее, залпомъ выпивъ стаканъ вина. Дѣйствительно, передъ этимъ лицо его было багровое.

Онъ быстро откупорилъ бутылку сладкаго канарскаго вина и наполнилъ имъ нѣсколько стакановъ, стоявшихъ на буфетѣ, а затѣмъ пригласилъ дамъ выпить съ нимъ за успѣхъ вечерняго представленія, за процвѣтаніе молодости, красоты, за чудесную жизнь, которая имъ всемъ улыбается, и за сладкую причину бытія.

Стаканы зазвенѣли... Президентша весело смѣялась.

Кэта отошла къ окну и встала неподалеку отъ кресла Генріетты. Она видѣла, какъ при провозглашеніи безтолковаго тоста глаза больной стали влажны, и какъ она болѣзненно закусилла губы: вѣдь для ней жизнь была мученіемъ, она платила страданіемъ за всякій вздохъ. Молодая дѣвушка не взяла стакана, да и опекунъ не предложилъ ей выпить. Ея взоръ мрачно былъ устремленъ на оживленное лицо коммерціи совѣтника. Она до сихъ поръ и не подозрѣвала, что за этимъ гладкимъ, безстрастнымъ лицомъ скрывалось другое, искаженное сильной душевной бурей, и вотъ эта буря ясно выражалась теперь въ безпокойно горѣвшихъ глазахъ, въ легкомъ, судорожномъ подергиваніи губъ, въ усиленно веселомъ тонѣ.

Казалось, что богатый человекъ чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ. Онъ невольно взглянулъ по направленію къ оконной нишѣ, потомъ быстро поставилъ ста-

канъ на столъ и провелъ обѣими руками по лбу и волосамъ; къ головной боли, не поддавшейся на этотъ разъ лѣченію виномъ, присоединился легкій припадокъ головокруженія.

XXIV.

Послѣ обѣда шумъ въ нижнемъ этажѣ виллы сталъ просто невыносимъ. Окрестные дворяне пріѣзжали одинъ за другимъ; всехъ нужно было развѣстить. Изъ города тащили картоны съ театральными костюмами, ибо благородныя актрисы должны были костюмироваться на виллѣ. Парикмахеры, портнихи бѣгали взадъ и впередъ; тутъ же толкались и помощники садовниковъ, изнемогавшіе подъ тяжестью громадныхъ пальмъ и померанцевыхъ деревьевъ. Не смотря на весь этотъ шумъ, Генріетта покойно уснула въ своей комнатѣ. Въ соседней горницѣ сидѣла ея горничная Нанни и проворно нашивала серебряныя блестки на газъ, понадобившейся обойщикамъ, все еще работавшимъ въ залѣ.

Кэта осторожно отворила дверь и, попросивъ Нанни не уходить изъ комнаты до ея возвращенія, сошла внизъ, чтобы идти на мельницу и сдѣлать тамъ нужныя распоряженія.

Она миновала главный корридоръ (тамъ было слишкомъ много народа) и повернула въ другой, тянувшійся за залой, который былъ почти пустъ, но въ концѣ его, въ узкой двери, стоялъ коммерціи совѣтникъ въ соломенной шляпѣ и, повидавшему, намѣревался отправиться въ башню. Онъ отдавалъ какія то приказанія своему лакею Антону, жившему съ нимъ въ башнѣ, и посылалъ его зачѣмъ-то въ городъ.

— *Не торопись!* крикнулъ онъ ему вслѣдъ. Я буду переодѣваться не ранѣе шести часовъ.

Кэта шла медленно, неслышными шагами; она надѣялась, что Морицъ спустится въ садъ, но онъ машинально засунулъ руки въ карманы своего легкаго пальто и не уходилъ. Съ этого мѣста онъ могъ видѣть значительную часть великолѣпнаго парка, и это, повидимому, остановило его. По движенію его головы молодая дѣвушка видѣла, что онъ любовался разстилавшеюся передъ нимъ картиною, какъ будто впервые сознавалъ всю красоту этой мѣстности, залитой въ эту минуту розоватымъ свѣтомъ вечерняго солнца; она видѣла также, какъ порывисто, быстро, вздымалась его грудь и замѣтила легкую дрожь его тѣла; она видѣла, какъ судорожно сжимались его руки, засунутыя въ карманы, и какъ онъ, вздрогнувъ, закрылъ потомъ правой рукой глаза. Онъ, конечно, боролся съ недугомъ, на который жаловался сегодня утромъ, и боролся мужественно, чтобы не разстроитъ вечерняго праздника.

Кэта умышленно стала ступать тверже и шумъ ея шаговъ заставилъ его вздрогнуть.

— Твоя головная боль усилилась? спросила она съ участіемъ.

— Да, и въ эту минуту у меня опять былъ припадокъ головокруженія, отвѣтилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ и двинулъ шляпу на лобъ. Оно и неудивительно. Если бы я могъ предвидѣть, сколько хлопотъ и неприятностей причинить мнѣ сегодняшнее празднество, то навѣрно бы отказался отъ него, прибавилъ онъ спокойнѣе. Эти глупые рабочіе въ мое отсутствіе все сдѣлали шиворотъ на выворотъ: они не поняли моихъ распоряженій, и вотъ, пришлось все передѣлывать съизнова. Оттого-то возня и длится еще!

Онъ спустился съ крыльца медленно, нерѣшительно, какъ будто туманъ снова застилалъ все передъ его глазами.

— Не принести ли тебѣ стаканъ сельтерской воды? спросила Кэта, останавливаясь на порогѣ, или не лучше ли будетъ послать за докторомъ?

— Нѣтъ, благодарю тебя, отвѣтилъ онъ особенно

нѣжнымъ голосомъ, а его влажные глаза остановились на стройной дѣвушкѣ, такъ искренно заботившей о немъ. Впрочемъ ты ошибаешься, если воображаешь, что Брука такъ легко найти. Онъ будетъ рыскать по своимъ пациентамъ до послѣдней минуты; мнѣ кажется, что и послѣ завтра его придется везти къ вѣнцу прямо отъ постели больного. Саркастическая улыбка (какъ будто въ душѣ онъ потѣшался надъ всѣми) мелькнула на его губахъ. У меня у самого есть отличное средство, сказалъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, — это мой прохладный погребъ въ башнѣ. Я иду туда, чтобы выдать вина для сегодняшняго вечера; свѣжій воздухъ погреба подѣлываетъ, какъ холодный компрессъ.

Кэти завязала покрѣпче ленты шляпки и вышла на крыльцо.

— Ты идешь теперь на мельницу? Надѣюсь, что не дальше? спросилъ онъ, поглядѣвъ на часы. Этотъ простой вопросъ былъ сдѣланъ небрежно, а Кэти, все-таки, показало, что Морицъ почти задыхался, произнося эти слова.

Спускаясь со ступенекъ, она сказала ему, зачѣмъ идетъ на мельницу и потомъ, ласково кивнувъ головой, пошла по площадкѣ, усыпанной пескомъ: коммерціи же совѣтникъ отправился по направленію къ башнѣ. Дойдя до перваго кустарника, она невольно еще разъ оглянулась на зятя; онъ несомѣнно страдалъ сильнѣе, чѣмъ хотѣлъ это показать. Походка его опять была не тверда, ноги его какъ будто подкашивались; онъ сдвинулъ шляпу на затылокъ, какъ будто кровь снова бросилась ему въ голову, а его взоръ безцѣльно блуждалъ по парку.

Теперь и ей въ голову хлынула кровь, ею овладѣло мрачное предчувствіе. Этотъ больной человекъ—одинъ въ погребѣ! Страшная мысль, посетившая ее уже однажды, при видѣ развалины, снова промелькнула у нея въ головѣ.

— Пожалуйста, Морицъ, будь осторожнѣе съ огнемъ! боязливо крикнула она ему вслѣдъ.

Услышавъ это предостереженіе, онъ сильно вздрогнулъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? крикнулъ Морицъ хриплымъ голосомъ... Или ты видишь призраки среди бѣлаго дня, Кэти? присовокупилъ онъ и разразился громкимъ смѣхомъ, пристыдившимъ молодую дѣвушку, а затѣмъ, выпрямившись, повернулъ въ одну изъ аллей и скрылся изъ виду Кэти.

Полчаса спустя, Кэти шла вдоль берега рѣки. Дѣла на мельницѣ были окончены, а у нея оставалось еще довольно времени, чтобы взглянуть украдкой на милый, старый докторскій домъ. Какъ забилось у нея сердце, когда сквозь листву прибрежныхъ березъ она увидѣла флюгера, блестящаго на солнцѣ! Она шла, какъ изгнанница, желавшая бросить послѣдній взглядъ на обѣтованную землю. Она прислонилась къ тополю у моста,— и вспомнила, что отсюда ей въ послѣдній разъ пришлось видѣть его, находившагося подъ гнетомъ непонятныхъ, тревожныхъ чувствъ. Этотъ образъ съ тѣхъ поръ не покидалъ ее. Въ саду и въ домѣ все было тихо. Ей захотѣлось хоть мелькомъ взглянуть на угловое окно, гдѣ стоялъ письменный столъ! Вѣдъ доктора нѣтъ дома, онъ у больныхъ... Да и комнату эту занималъ уже не онъ. На окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски, обшитыя кружевами: на подоконникѣ, около горшковъ съ цвѣтущими альпійскими фіалками, лежала бѣлая кошечка, а востъ теперь въ окно выглянула сѣдая старушка въ бѣломъ кисейномъ чепчикѣ значить—старая пріятельница тетушки-діаконицы уже пріѣхала. Да, докторъ уже готовъ къ отъѣзду; послѣ завтра гордая, безсердечная сестра ея встанетъ возлѣ него въ бѣломъ атлас-

номъ платьѣ, чтобы сдѣлаться „представительницей салона знаменитаго человѣка“.

Были ли страданія, благородной женщины, жившей здѣсь когда-то, мучительнѣе страданій, которыя испытывала теперь молодая дѣвушка? Она, горько плача, обвила руками стволъ дерева и прижалась лбомъ къ грубой корѣ его. Та блондинка была любима, и хотя осталась покинутой, но виновной она не была; сердце же Кэти терзала преступная ревность, и та, которой она завидовала—была ея сестра.

Твердые мужскіе шаги, раздававшіеся позади нея, заставили ее вздрогнуть. Это шелъ мельникъ Францъ, съ желѣзной палкой; онъ намѣревался осмотрѣть верхнюю плотину, какъ онъ объявилъ. Эта встрѣча заставила молодую дѣвушку покинуть свой наблюдательный постъ, и въ то время, какъ Францъ быстрыми шагами пошелъ впередъ, Кэти медленно двинулась дальше по берегу рѣки. Она не могла еще рѣшиться возвратиться на виллу,—вѣдъ успѣетъ еще переодѣться!

Здѣсь было такъ тихо, уединенно. Здѣсь никто не видѣлъ ея заплаканныхъ глазъ, ея борьбы съ своимъ непокорнымъ сердцемъ, съ своимъ грѣховнымъ желаніемъ, которое привело ее сюда... Да, только это желаніе влекло ее сюда, она не посмѣла лгать самой себѣ и прикрашивать свое страстное томленіе! Не уютный домъ, не славную старушку хотѣлось ей видѣть—она въ тайнѣ надѣялась увидѣть его, и когда въ угловомъ окнѣ показалось чужое, а не его лицо, то этотъ уютный уголокъ показался ей пустыннымъ, покинутымъ...

Мельникъ, шедшій впереди, давно уже скрылся изъ виду... Кэти подходила къ руинѣ. Вода сверкала вдали, и сквозь рѣдкій кустарникъ молодая дѣвушка могла видѣть изящный мостикъ, который былъ перекинутъ черезъ ровъ... Въ эту минуту черезъ мостъ, по направленію отъ башни, переходилъ человекъ съ большой, рыжеватой бородой. Подъ небрежно закинутымъ сюртукомъ у него была голубая рабочая блуза; онъ палкой гналъ передъ собой двухъ сернь, которыя буквально пролетѣли черезъ мостъ и пропали въ паркѣ.

Кэти не обратилъ бы вниманія на этого человѣка (работіе часто бывали тутъ), если бы ее не поразило странное его поведеніе. Коммерціи совѣтникъ нѣжно любилъ сернь; онъ сильно сердился, когда находилъ ихъ въ циркѣ, а этотъ незнакомецъ преспокойно гналъ именно туда этихъ робкихъ животныхъ... Рыжій блузникъ пошелъ къ главнымъ воротамъ парка, выходящимъ на большую дорогу; Кэти слѣдила за нимъ, пока онъ не скрылся въ чащѣ. Какое сходство!.. По осанкѣ, по росту, по тѣлосложенію—этотъ человекъ въ рабочемъ костюмѣ могъ бы быть бѣлокурнымъ братомъ—близнецомъ коммерціи совѣтника...

Она, какъ очарованная, стояла на мѣстѣ и невольно поглядѣла на башню, откуда онъ вышелъ... и опять стало все тихо, только шуршанье голубей, кружившихся надъ башней, едва долетало до слуха Кэти... Итички эти граціозно плавали въ прозрачномъ воздухѣ, вылетая и влетая въ амбразуры каменнаго вѣнца, зубцы котораго рѣзко очерчивались на глубокой синевѣ неба, подрумяненнаго вечерней зарей... Нѣтъ, это былъ уже не каменный вѣнецъ!.. Башня вдругъ превратилась въ грозный вулканъ, выбрасывавшій изъ своего жерла громадные клубы чернаго дыма, которые съ громомъ и трескомъ уносились въ высь... Кэти почувствовала, какъ земля вдругъ исчезла подъ ея ногами, и молодая дѣвушка упала, словно ее опрокинула однимъ ударомъ чья-то могучая рука, а затѣмъ къ ней стали приближаться холодныя волны откуда-то хлынувшей воды...

(Продолженіе будетъ).

ГАЛЕРЕЯ ВИКТОРА ЭММАНУИЛА ВЪ МИЛАНѢ.

Изображенная на этомъ рисункѣ галерея Виктора Эммануила, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ зданій города Милана. Постройка ея началась въ мартѣ 1865 г. Нужно замѣтить, что постройка этой галереи началась при самыхъ зат-

нимъ зданіемъ, но теперь, въ сравненіи съ галереєю Виктора Эммануила, она потеряла всякое значеніе и кажется просто корридормъ. Нужно замѣтить, что не только Кристофорисъ, но даже пасажи Лодова, Брюсселя и Парижа, во всѣхъ отно-

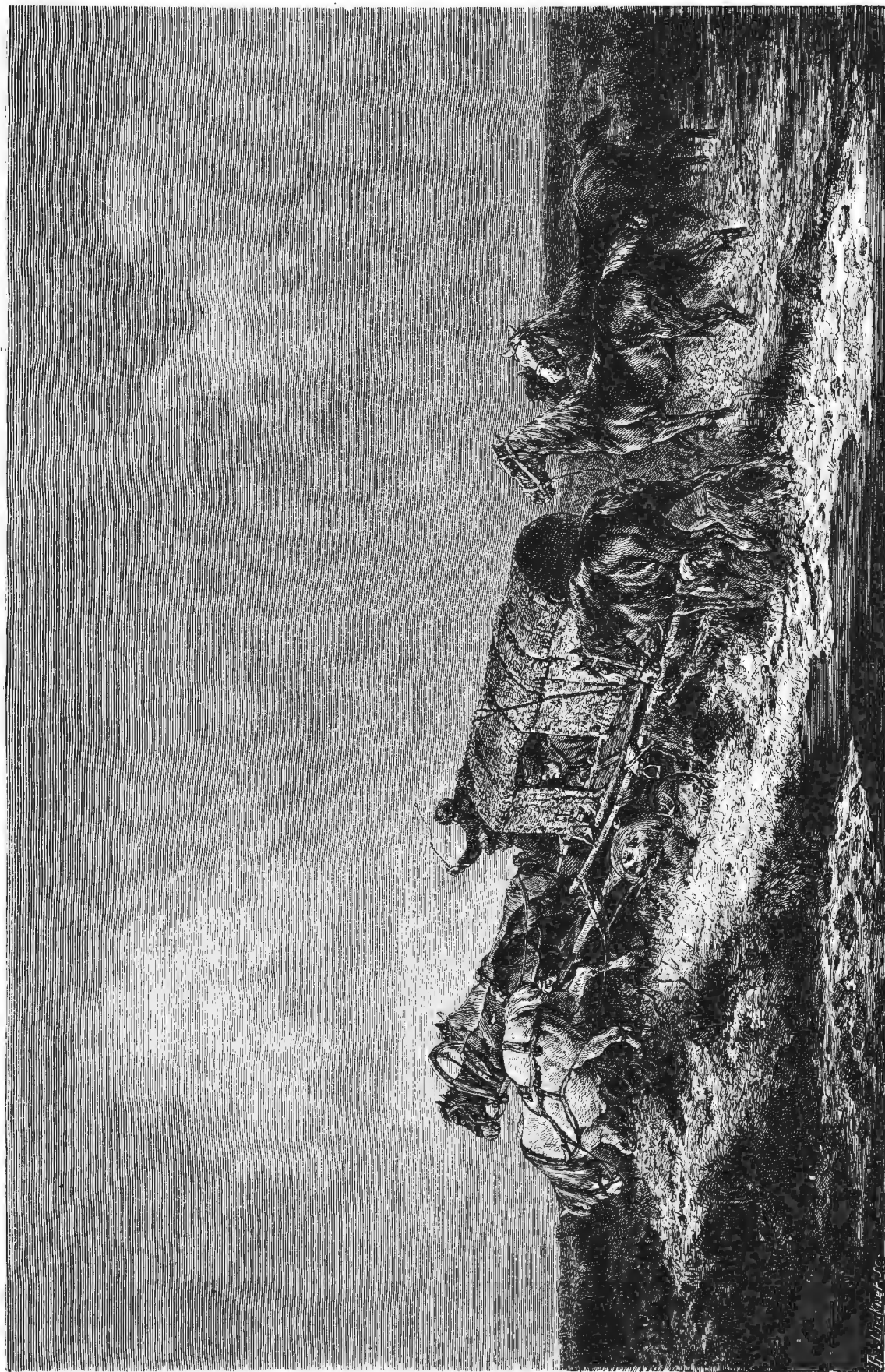
Нашествіе варваровъ на Римъ. Картина Лувине, грав. Робертъ.

руднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ строителей, но, несмотря на это, была окончена въ сентябрѣ 1867 г. Строилась она подъ руководствомъ знаменитаго архитектора Менгони, удостоившагося неоднократно премій на разныхъ иностранныхъ выставкахъ за свои работы. Въ Миланѣ есть еще другая галерея, называемая Кристофорисъ. Постройка ея относится къ 1834 году. Эта галерея считалась когда-то громаднѣй-

шеніяхъ превосходяще Кристофорисъ своей архитектурой и размѣрами, должны уступить первенство галереѣ Виктора Эммануила. Галерея имѣетъ форму креста. Она занимаетъ въ окружности 1450 м., имѣя въ наибольшемъ протяженіи 195 м. и въ боковомъ 105 м.

Подъ куполомъ крестообразные углы усѣчены, и образуютъ восьмиугольникъ, четыре стороны котораго изукрашены фрес-

Конскій барышнякъ на Дону. Картина профессора Зурландта, грав. Пирнеръ.

ками, работы знаменитых художников Каснеди, Пьетрасанто, Паллиано, Джулиано и др. На 24 колоннах красуются статуи работы известных художников г. Милана. Весь полз галлерей состоит из мозаики. Внутренность ее украшена камнями различных цветов, придающая ей очень красивый вид. Находясь в центре города, галлерей часто посещается, как местными жителями, так и иностранцами. Снаружи галлерей освещается при помощи особого аппарата, который дает возможность моментально зажечь тысячи газовых рожков,

свѣтъ которыхъ, при ихъ многочисленности, распространяется на весьма большое пространство. Моментальное освѣщеніе галлерей въ особенности служитъ предметомъ удивленія простодушныхъ, всегда падкихъ до необычайнаго. Но нужно замѣтить, что если простодушны дивятся тому, какъ моментально зажигаются по галлерей огни, то путешественники, не только изъ обыкновенныхъ смертныхъ, но и изъ царственныхъ особъ—восхищаются архитектурной стороной галлерей.

МОЛОДАЯ МАВРИТАНКА.

(Снимокъ съ картины Ф. Вайбарда).

Это не фантазія художника, это портретъ безспорно хорошенькой женщины, способной внушить поэту такіа вдохновенныя рѣчи:

О, вѣрь: ты, пѣвня, дороже славы мнѣ!
Скажу-ль? Мнѣ иногда докучно вдохновенье:
Мѣшаетъ мнѣ его волненье
Дышать любовью въ тишинѣ!
Я сердце предаю сердечному союзу;
Приди, мечты мои разсѣй,
Ласкай, ласкай меня, о другъ души моей,
И покои себѣ бунтующую музу.

Эти стихи Баратынского, и, конечно, они были вызваны живымъ образомъ.

Другой поэтъ (Лермонтовъ) о могущемъ влияніи красоты говоритъ, что почувствовалъ демонъ при видѣ Тамары:

...На мгновенье
Неизяснимое мученье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святиню
Любви, добра и красоты.
И долго сладостной картиной
Онъ любовался,—и мечты
О прежнемъ счастьѣ дѣвѣ длинной.
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катились тогда...

МАШЕСТВИЕ ВАРВАРОВЪ НА РИМЪ.

Паденіе могущественной Римской имперіи произошло отъ ея внутреннихъ неурядицъ и отъ того, что римскій народъ въ послѣднее время своего существованія извратилъ понятія о чести, правдѣ, религіи; пошатнулъ главное основаніе и могущество всякаго государства—семью.

Гуны, вандалы и германцы послужили только орудіемъ судьбы и исполнили то, что должно было исполниться непременно, въ силу исторической необходимости. Здоровый и даровитый Римскій народъ, поднявшійся на самую высокую, какаю только возможна была въ то время, ступень цивилизации и государственнаго благоустройства, быстро шелъ впередъ до тѣхъ поръ, пока надѣялся на собственные силы, пока былъ воздерженъ и дѣятеленъ. Окрестные народы скоро подпали подъ власть Римлянъ и сдѣлались его рабами.

Обогащенные большими боевыми добычами, римскіе полководцы и воины стали жить роскошнѣе, начали пользоваться услугами рабовъ, заставляя ихъ дѣлать, то, что самимъ было лѣнь исполнить. Лѣность повлекла за собою всякіе пороки, нерешеніе отъ отдѣльныхъ личностей и сословій ко всему римскому народу. Легкое удовлетвореніе всѣхъ прихотей и капризовъ породило цѣлое поколѣніе богачей—патрициевъ, которые не знали предѣловъ своимъ желаніямъ и не вѣрили въ невозможность ихъ исполненія.

Во что бы то ни стало—они добивались своего, и тѣмъ падали все ниже, и ниже. За богачами потянулись и средній, и низшій классы. Народъ, потерявшій честные идеалы и не имѣвшій никакихъ твердыхъ нравственныхъ основъ, долженъ былъ пасть. Такъ и случилось.

Огромный организм Римской имперіи распался на множество частей, изъ которыхъ многія развились, окрѣпли и образовали новыя организмы, перерожденные, и болѣе способные къ социальной жизни и прогрессу.

Расскажемъ вкратцѣ факты, сопровождавшіе это паденіе.

При развратномъ и жестокомъ императорѣ Валентиніанѣ III, вступившемъ на престолъ въ 425 году, послѣ Р. X., талантливый, но честолюбивый римскій полководецъ Аэцій привелъ въ Римскую имперію 50,000 гунновъ, чтобы возвести на престолъ Іоанна, секретаря императора Гонорія. Аэцій имѣлъ намѣреніе занять при немъ первое мѣсто. Но онъ не засталъ въ живыхъ Іоанна и кое какъ вывернулся изъ своего затруднительнаго положенія, спровадивъ гунновъ назадъ и подолжавшихъ къ новому императору Валентиніану III. Потворствуя слабостямъ и порочнымъ наклонностямъ Валентиніана, Аэцій неудовольствовался тѣмъ, что самъ занялъ видное мѣсто—онъ захотѣлъ уничтожить другихъ, пользующихся такимъ-же авторитетомъ, какъ и онъ. Однимъ изъ такихъ соперниковъ былъ Бонифацій, намѣстникъ Африки.

По клеветѣ Аэція, Валентиніанъ послалъ Бонифацію приказъ явиться въ Римъ для отвѣта и оправданія во взведенныхъ на него преступленіяхъ. Въ тоже время и Аэцій написалъ Бонифацію дружеское письмо, предупреждая, что ему готовъ уже смертный приговоръ.

Бонифацій повѣрилъ письму мнимаго друга и къ императору не поѣхалъ, а въ предупрежденіе нападенія изъ Италіи, пригласилъ къ себѣ въ союзники противъ Рима вандаловъ подъ предводительствомъ Гензериха. Вандалы, придя въ Африку въ

430 г., вмѣсто помощи Бонифацію, стали грабить и разорять страну, нисколько не обращая вниманія на ея намѣстника. Бонифацій, успѣвшій уже въ это время оправдаться передъ римскимъ дворомъ, долженъ былъ взяться за оружіе, чтобы прогнать вандаловъ изъ Африки, но былъ ими побѣжденъ и съ остатками войска убѣжалъ въ Италію, къ императору. Аэцій былъ въ это время въ Галліи. Узнавъ, что ему не удалось уничтожить соперника интригами, онъ пошелъ на него съ войскомъ, но былъ Бонифаціемъ побѣжденъ и вновь убѣжалъ къ гуннамъ. Придя во второй разъ въ Италію съ войскомъ и напугавъ императора, Аэцій получилъ прощеніе и вновь занялъ видное положеніе при императорѣ. Бонифацій былъ смертельно раненъ на войнѣ.

Въ это время сестра императора Валентиніана III, Гонорія, обладавшая пылкимъ и страстнымъ темпераментомъ и воспитанная въ обществѣ съ нестрогими понятіями о чести, предавалась излишествамъ и вела нескромную жизнь. Мать ея, Пладида, желая исправить дочь, заперла ее, но Гонорія, на зло вѣкъ, послала кольцо и письмо съ предложеніемъ своей руки Атилѣ, грозному предводителю полудикихъ гунновъ. Атилла потребовалъ ея руки и, получивъ отказъ, поднялъ на ноги всю свою орду и двинулся на Римъ, губя и попирая все на пути.

Въ Римѣ приготовились къ его приходу, и Аэцій, прежній союзникъ Атиллы, соединившись съ храбрымъ вестготскимъ королемъ Теодорихомъ, сразился съ гуннами на поляхъ Каталаунскихъ (близъ нынѣшняго Шалона-на-Маритѣ). Эта битва, и по громадности количества войскъ, въ пей участвовавшихъ, и по важности значенія ея исхода для тогдашняго міра, называется «великою битвою народовъ». Она должна была рѣшить—поднадегъ ли цивилизованный міръ подъ власть полудикарей, тѣми нахлынувшихъ съ востока. Битва эта произошла въ 451 году; Атилла былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Паннонію, но черезъ годъ, отправившись, снова потребовалъ руки Гоноріи. Къ нему отправленъ былъ для переговоровъ епископъ (папа) римскій Левъ Великій.

Посольство это было успѣшно, и Атилла отказался отъ Гоноріи, взявъ только ея приданое. Вскорѣ Атилла женился на красавицѣ Ильдигѣ, изъ королевскаго бургундскаго дома, и въ первую же брачную ночь былъ ею убитъ. Со смертью Атиллы (прозваннаго за его свирѣность и искусство въ войнѣ «бичемъ Божіимъ») распались и орды гунновъ.

Въ это время Валентиніанъ, по наущенію придворныхъ, собственноручно убилъ Аэція, и самъ, въ свою очередь, былъ убитъ сенаторомъ Петровіемъ-Максимомъ, жену котораго Валентиніанъ соблазнилъ и обезчестилъ. На престолъ взомель Петроній Максимъ и взялъ въ жены себѣ вдову Валентиніана.

Вдова-императрица, оскорбленная тѣмъ, что ее сдѣлали женою выходца и убійцы своего мужа, рѣшилась отомстить имъ и позвала на помощь вандаловъ. Гейзерихъ съ ордами вандаловъ примчался въ 455 г. въ Римъ, и бросился грабить богатую и роскошную столицу міра. Драгоценности, утварь, рабы, знатъ римская и патриціи—все было захвачено въ плѣвъ и ограблено. 14 дней продолжался грабегъ Рима вандалами.

Съ этихъ поръ германцы приобрѣтаютъ огромное влияніе на судьбы Рима и слѣдующій императоръ, Авитъ, взомель на престолъ западной Римской имперіи уже съ помощью Теодориха, короля вестготовъ. Ридимеръ, начальникъ германскихъ дружинъ, свергъ

Авита съ престола и посадилъ на него Маіоріана. Маіоріанъ, начавшій оказывать сопротивление Рицимеру, былъ измѣнически убитъ войнами, и на престолъ взошелъ Северъ. За этимъ императоромъ слѣдуетъ Амфимъ, который тоже былъ за неповиновеніе свергнутъ Рицимеромъ, а Римъ снова разграбленъ.

Послѣднимъ Римскимъ императоромъ былъ Ромуль-Августулъ, сынъ предводителя наемныхъ германскихъ дружинъ, Ореста. Во время царствованія этого императора на Римъ возсталъ Одоакръ, полководецъ войска, собраннаго изъ разныхъ мелкихъ народовъ и, побѣдившъ Ореста, заставилъ послѣдняго римскаго императора, Ромула-Августула, покорно сложить передъ собою знаки его императорскаго достоинства. Римомъ сталъ управлять самъ Одоакръ, но титула императора не принялъ, а сталъ называться просто патришемъ. Съ этого времени (съ 476 года) исчезаетъ титулъ римскаго императора и отъ прежней могучей Римской имперіи остается только скелетъ.

Такъ произошло паденіе Рима. Римляне сами призвали своихъ враговъ и тѣмъ ускорили свою гибель.

Изъ за достиженія личныхъ, честолюбивыхъ и мелкихъ цѣлей, они призвали полудикихъ гунновъ и германцевъ на свою родину и предали ее разграбленію. Въ тоже время внутренніе раздоры, причиной которыхъ были опять таки животныя, развратныя побужденія и стремленія, лишили государство внутренней опоры и оно пало, не выдержавъ свирѣпаго напора «вар-

варовъ», какъ ихъ называли Римляне. Послѣ Римлянъ намъ осталось богатое наслѣдство, заключающееся въ языкѣ, литературѣ, искусствѣ, и, наконецъ, въ законодательствѣ, которое и до сихъ поръ служитъ основаніемъ и краеугольнымъ камнемъ всѣхъ законодательствъ позднѣйшихъ временъ.

Предлагаемая картинка изображаетъ одну изъ сценъ, относящихся къ этой эпохѣ Римской исторіи. Толпа варваровъ, проѣзжая по улицѣ Рима, увидѣла предметъ, невиданный ими доселѣ, и потому привлекшій ихъ вниманіе и удивившій ихъ. Они увидали негритянку съ чернымъ какъ смоль тѣломъ и остановились, чтобы разсмотрѣть это пещиданное чудо. Нѣкоторые, не удовольствовавшись разсматриваніемъ, хотѣли потрогать ее и убѣдиться, что это живой человѣкъ. Негритянка, страшно испуганная и непонимающая, что хотѣтъ съ нею дѣлать «варвары», прижалась къ подножію колонны и подняла руку, какъ бы защищаясь отъ удара, или отмахиваясь. Двѣ собаки, тоже не менѣе своихъ господъ удивленныя, скалятъ зубы и порываются къ негритянкѣ, чтобы растерзать ее, но, удерживаемыя сильною рукою, ничѣмъ не могутъ выразить своего неудовольствія, кромѣ свирѣпаго рычанія. Между колоннъ видны столпившіяся въ страхѣ женщины римскія, принесшія варварамъ свои сокровища для умилостивленія свирѣбныхъ побѣдителей.

На второмъ планѣ видны толпы воиновъ, въ беспорядкѣ проходящихъ по улицѣ.

А. А.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Симъ честь имѣю объявить гг. подписчикамъ, что относительно **бесплатной преміи** въ журналѣ „Нива“ на нынѣшній годъ мною приняты заблаговременно мѣры, и съ первыхъ же мѣсяцевъ пастоящаго года уже приступлено къ ея изготовленію.

На этотъ предметъ назначена мною значительная **сумма капитала**, и я, имѣя въ виду желанія многочисленныхъ подписчиковъ, нашолъ лучшимъ, вмѣсто нѣсколькихъ посредственныхъ премій, дать одну, **вполнѣ превосходную и замѣчательную въ художественномъ отношеніи**. Смѣю думать, что такихъ премій никогда еще до сихъ поръ **бесплатно неприлагалось** ни къ какимъ журналамъ.

Премія эта будетъ состоятъ изъ **великолѣпно исполненной олеографической картины**, отпечатанной въ **20 тоновъ настоящими масляными красками** и притомъ, съ тѣмъ условіемъ, что картина съ такою-же прочностію сохраняетъ краски, какъ-бы писанная на полотнѣ. Названіе картины:

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Картина Э. Велэ.

Она соединяетъ въ себѣ **превосходный колоритъ, красоту рисунка, экспрессию лицъ и живописную характерность взаимнаго соотношенія фигуръ**. Пейзажная часть картины нисколько неуступаетъ по своимъ достоинствамъ жанровой ея части.

Причина того, что картина до сихъ поръ не высылается подписчикамъ заключается въ томъ, что: 1) то количество экземпляровъ, въ какомъ картина должна быть отпечатана, могло быть болѣе или менѣе определено только въ концѣ февраля, 2) изготовленіе такой массы картинъ (25000 экз.) требуетъ весьма много времени, и мы не можемъ эту премію выдавать нашимъ подписчикамъ по частямъ, а должны выдать всѣмъ въ одно время; 3) печатать можно такую картину только на ручной машинѣ, и два человѣка, работая весь день не могутъ сдѣлать болѣе 250 оттисковъ **одной краской** (т. е. всего до 12 полныхъ картинъ въ одинъ день), но такъ какъ для того числа экземпляровъ, въ какомъ выходитъ „Нива“ требуется 25,000 экз., то это составитъ **ровно 500.000 оттисковъ**.

Если-бы два человѣка на одной машинѣ печатали это число экземпляровъ, то потребовалось-бы **2083 дня или 5 лѣтъ и 259 дней**. Заведеніе, работающее нашу картину, печатаетъ ее на **громадномъ числѣ ручныхъ машинъ** въ одно время, и такимъ образомъ всѣ 25000

экземп. будутъ готовы въ теченіи шести мѣсяцевъ и разошлутся подписчикамъ въ **Октябрѣ**. При отсылкѣ будетъ обращено вниманіе на то, чтобы картина была получена подписчиками въ **совершенной исправности и въ неизмѣтомъ видѣ**.

Нѣсколько экземпляровъ этой картины теперь уже готовы, и желающіе могутъ ихъ **видѣть**:

Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ Редакціи «Нива», и у книгопродавца: Я. А. Исакова, Анисимова и Колесова и Михина, и въ магазинѣ Аванцо (à la Palette de Raphael). Б. Морская, № 9.

» Москвѣ: у книгопродавцевъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ, Живарева, Мамонтова и Васильева.

» Одессѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Дубецкаго (бывшій Вортневскаго), и у Эмиля Берндта.

» Казани, въ книжн. магаз. Дубровина, и у Рязанова.

» Кіевѣ, книжн. магаз. Литова (владѣлецъ Оглоулинъ), у Гюнтера и у Малецкаго.

» Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ Наумова.

» Астрахани, въ книжномъ магазинѣ Ф. Н. Савинова.

» Воронежѣ, въ книжн. маг. Е. Агафопова.

» Вяткѣ, въ книжн. магаз. В. Красовскаго.

» Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ Ульмана.

» Житомирѣ, въ книжномъ магазинѣ В. Менчица.

» Калугѣ, у книгопродавца Н. Ив. Мясникова.

» Кишиневѣ, въ книжн. магазинѣ, Андр. Тараненко.

» Костромѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Солодовникова.

» Кронштадтѣ, въ магазинѣ Карла Раковскаго.

» Курскѣ, въ книжномъ магазинѣ Васил. Сулдова.

» Нижнемъ-Новгородѣ, въ книж. маг. Павла Богданова.

» Новгородѣ, въ книжн. магаз. Парамонова.

» Ноочеркаскѣ, въ книж. магаз. Васил. Дюжикова.

» Пензѣ, въ книжномъ магазинѣ г. Шемаева.

» Перми, въ книжной лавкѣ Гусева.

» Полтавѣ, въ книжной торговлѣ Гогоявленской.

» Ревелѣ, у книгопродавца Клуге и Штремъ.

» Ригѣ, у книгопродавца Гауфа.

» Ростовѣ на Дону, у книгопродавца Ден. Прѣскова.

» Рязани, въ книж. маг. Конст. Ѳеодор. Александрова.

» Саратовѣ, въ книж. магаз. Стеф. Сем. Знаменскаго.

» Симбирскѣ, въ Карамзинск. обществ. библиотекѣ.

» Таганрогѣ, въ книжн. магаз. Ващенко.

» Твери, въ городской общественной библиотекѣ.

» Тулѣ, въ Публич. библиот. Дворянскаго Собранія.

» Харьковѣ, въ книж. маг. и библиотекѣ Максимовича.

» Ярославлѣ, въ книж. маг. и библиотекѣ Раф. Кожуева.

Настоящее заявленіе дѣлается съ нашей стороны **возбѣжжаніе всѣхъ излишнихъ вопросовъ со стороны подписчиковъ о высылкѣ преміи и въ объясненіе тѣхъ причинъ, въ силу которыхъ мы не имѣемъ возможности выдать премію ранѣе Октября мѣсяца**. Причины эти, какъ могутъ изъ изложеннаго убѣдиться читатели, заключаются въ **физической невозможности изготовить премію ранѣе вышеозначеннаго времени**.

А. Ф. Марксъ.

Конский барышникъ на Дону.

Рисунокъ этотъ изображаетъ донскую степь, оживленную лишь тѣлѣю конскаго барышника, ведущаго зааркавенныхъ имъ молодыхъ коней на конскую ярмарку. Между конскими барышниками, разумѣется, бываютъ такіе, которые находятъ, что краденая лошадь не въ примѣръ дешевле купленной обходится. Такіе барышники, подмѣтивъ хорошихъ молодыхъ коней, отгоняютъ ихъ, при помощи своихъ старыхъ скакуновъ, какъ можно дальше отъ чужого конскаго табуна и такимъ способомъ оназдѣваютъ ими. Если кони были «отаврены», т. е. имѣли на себѣ извѣстные выжженные знаки, то эти знаки барышниками иногда передѣлываются въ другіе, иногда же совсѣмъ уничтожаются. Иногда бываетъ такъ, что на ярмаркѣ хозяинъ молоденькой степной лошади находитъ ее, узнаетъ по разнымъ мелочнымъ, лично ему извѣстнымъ, примѣтамъ, но уличить конокрада не можетъ: его защищаетъ искусно измѣненное на украденной лошади «тавро». Конокрадству способствуетъ главнымъ образомъ то, что всѣ вообще донскіе табуны—совершенно дикі: они ходятъ круглый годъ въ степи, и только во время весьма глубокаго снѣга или гололедницы заходятъ въ «базы» (открытыя опороженныя мѣста), гдѣ и кормятся сѣномъ. Въ одной только сѣверной части донской земли, по причинѣ продолжительныхъ и постоянныхъ тамъ зимъ, лошади часто содержатся на базахъ по нѣскольку мѣсяцевъ; напротивъ того, въ полосахъ среднихъ, въ самыя жестокия зимы, табуны кормятся сѣномъ не болѣе одного мѣсяца; въ южной-же полосѣ весьма часто круглый годъ остаются на волѣ.

Донская степь лѣтомъ представляетъ несносный путь по огромнымъ, перерѣзаннымъ балками и ярами пространствами, безлюднымъ, безтравнымъ, усыпаннымъ лишь изсохшими, побелеными травами. Среди яркаго неба кажутся пламенное солнце и выжигающія всю траву степи. Цѣлыя сотни верстъ можно здѣсь ѣхать по мѣстности прожженной огнемъ солнца, — и не увидѣть ни колоска зерноваго хлѣба, только блѣдная полынь, да зеленая «малаканка» (молочай по мѣстному), встрѣчаются на пути и наводятъ уныніе своимъ однообразиемъ. Впрочемъ, кой гдѣ встрѣчаются шалаши «бахчевниковъ» (сторожей стегрегущихъ бахчи т. е. арбузные посѣвы въ степи), да и эти единственные признаки жизни въ степи часто скрываются за густою пылью, въ туѣ которой бѣжить тѣлѣя профзага. Въмѣсто ржи, ячменя, цроса, пшеницы и кукурузы, занимающихъ въ южной части Россіи цѣлыя сотни версты, здѣсь разстилаются на огромныхъ, необозримыхъ пространствахъ: колочка, ямурка, полынь и молодай. Въ степяхъ зачастую бываетъ такъ, что травы и хорошо всходятъ, но не успеваютъ дозрѣть и сгораютъ отъ солнца.

Бездождіе въ донскихъ степяхъ явленіе—очень частое: иногда съ Пасхи до августа ни капли не выпадетъ; но за тѣмъ потоки дождя льются неудержимо, загромяютъ запасы сѣна, иногда при несчастіи въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, при быстротѣ теченія воды, почти мгновенно наполняемыхъ, тонетъ даже скотъ. Проѣзжая по степи во время засухи, можно петомиться отъ жажды, а потому опытные люди, а въ особенности мѣстные жители берутъ съ собой въ дорогу необходимый запасъ воды въ кувшины и глубоко прячутъ ихъ въ сѣно на днѣ телегъ, сохраняя такимъ способомъ воду отъ вліянія солнечныхъ лучей. Кромѣ того, они пускаютъ въ воду стебли полыни, отчего вода хотя и дѣлается горькою, но за то безвредною и не затхнеть.

Случается иногда, что въ степи вдругъ словно покажется и вода, вотъ вдали вылетаетъ бѣлая и обнявшая весь горизонтъ полоса; прозрачна эта полоса, какъ струпъ зеркальной, хрустальной воды, бѣжить и рѣветъ она вверху земли: рѣка, рѣка, ноложительно вѣрится измученному жаждою путнику. Онъ спѣшно подъѣзжаетъ—рѣки нѣтъ, она ушла далѣе, далѣе... и прежде, и послѣ, и кругомъ васъ обдаетъ все таже свѣтлая мгла. Что же это? Это *маревъ* (миражъ). Когда наступитъ полдень, такъ оно, будто для утоленія взора, является на степи и обольщаетъ призракомъ своимъ путешественника. Донской простолюдинъ очень наглядно выражается объ этомъ восхищенно-обманчивомъ маревѣ: «полдень бѣгаетъ», говоритъ онъ.

Въ такихъ-то степяхъ живутъ донскіе табуны. Степи, какъ извѣстно, богаты травами и кромѣ тѣхъ, которыя идутъ исключительно на кормъ скота, въ степяхъ не мало другихъ, нашедшихъ тоже свое примѣніе въ потребностяхъ человѣка. Такъ, чернобыломъ и курую степники топятъ свои избы; полыникомъ и желѣзникомъ наставляютъ водку; шавель, котранъ, таканъ, дубецъ употребляютъ въ очень вкусную пищу; изъ сибирька

вяжутъ вѣшники; дурманъ, буркунъ, ромашка, чистякъ, коровятникъ, бобовникъ, пугovníкъ, мята, полынь, шалфей, молочай, филовникъ и множество другихъ степныхъ растений имѣютъ примѣненіе въ медицинѣ и приносятъ значительную долю пользы. Кромѣ того, въ степи, пока ее не сожжетъ июльское солнце,—бездна душистыхъ цвѣтовъ и превосходныхъ ягодъ, изъ которыхъ тернъ всего превосходнѣе. А бахчи, это ничто иное, какъ великолѣпные, благодатные оазисы донской степи, когда созрѣвшій арбузъ, освѣжительнымъ, всегда холоднымъ своимъ сокомъ даетъ путнику такое средство къ утоленію мучающей его жажды, какого не дастъ ни одинъ самый превосходный ручей или колодезь. Бахча, обыкновенно, предшествуетъ осѣдлому жилью донскаго хуторянина, который кромѣ своего хозяйства любитъ еще и поохотиться въ степи, а вѣдь степи донскія полны дикими птицами, каковы: стрепетъ, куропатка, дрофа (лудакъ), дикій гусь, дикая утка. Изъ четвероногихъ, въ этихъ степяхъ много дикихъ козъ и великолѣпныхъ сайгаковъ, но стрѣляніе и ловля ихъ крайне затруднительны, по причинѣ необыкновенной чуткости этого животнаго.

Вслѣдъ за бахчею—предвѣстникомъ хуторнаго жилья, путникъ встрѣчаетъ хуторъ, и хуторъ этотъ примираетъ его со степью и заставляетъ отбросить всякую мысль о безлюдности ея. Вотъ около большаго «става» (пруда), нарочно туго выкопаннаго и тщательно содержимаго—стоитъ домъ (разумѣется мазаковский или плетневый) съ высокимъ чердакомъ; передъ балкономъ «оливадь» (садъ), гдѣ и вербы, и цвѣтовъ, и плодовыхъ деревъ весьма много. Хорошо и сладко, послѣ труднаго и томительнаго пути по опаленнымъ жгучимъ солнцемъ донскимъ степямъ, отдохнуть у пріютившаго хуторянина.

По поводу картинки, изображающей донскаго коннаго барышника, уводящаго чрезъ донскую степь зааркавенныхъ имъ табунныхъ лошадей, считаемъ не лишнимъ представить еще слѣдующія свѣдѣнія о задонской табунной степи.

Задонская «табуная» степь управляется особымъ полиціймейстеромъ подъ названіемъ «смотрителя степей», имѣющаго нынѣ двухъ помощниковъ и казачью команду; калмыцкимъ же народомъ (20,000 душъ), подраздѣленнымъ на 3 улуса: верхній, средний и нижній, по теченію рѣки Сала, составляющей 13 сотенъ (сотня кочевья соответствуетъ осѣдлой станицѣ), правитъ, по выборамъ отъ донскаго дворянства, калмыцкій судья (судья калмыцкаго народа).

Въ старину, говорятъ, въ отдаленныхъ по Мангычу урочищахъ водились *дикія лошади*, въ видѣ тарпановъ и кулановъ. Нынѣ все это не болѣе, какъ преданія, сохранившіяся отъ временъ давнопрошедшихъ. Впрочемъ, какъ уже мы и сказали, если на Дону этихъ «дикихъ» лошадей вовсе нѣтъ, то за тѣмъ «одпчальныхъ» тамъ много множество, и вотъ, эти то одпчалыя лошади, будучи выѣзжаны и усмирены, являютъ собою такой превосходный типъ «чистокровнаго донца», который такъ уважаемъ всеми истинными любителями хорошихъ, быстрыхъ и неутомимо-сильныхъ коней. Попробуемъ здѣсь сдѣлать набросокъ типа донской породы. Насгонящая донская лошадь гибка и ловка, потому что, будучи хорошо наѣзжана, дѣлаетъ самыя крутыя повороты на всемъ скаку; она спориста, не требуетъ побужденій при состязаніяхъ и идетъ охотно черезъ препятствія: рвы и изгороди. Махъ ея рѣдокъ, но широкъ. На Дону скакунъ идетъ ни по чемъ 10, 15, 20 верстъ безъ передышки. Шагъ донца очень хорошъ: шесть верстъ въ часъ обыкновенно, а не въ рѣдкость ходуну и по 7 верстъ въ часъ. Сносливость донца такова, что, при хорошемъ сбереженіи, онъ служитъ отлично исправно до 20—25 лѣтняго возраста. На кормъ лошади эти неразборчивы, ни сколько не жеманны, благодаря суровымъ превратностямъ степной жизни и своему, какъ бы спартанскому, воспитанію. Степная лошадь, привыкшая оберегать себя и своихъ жеребятъ отъ нападенія звѣрей, преимущественно въ темныя южныя ночи, постепенно сдѣлалась чуткою, сторожкою и очень зоркою—качества, передаваемая ею въ крови и своему приплоду, вмѣстѣ съ отвагою и смѣлостью. Пугливыя лошади между донскими очень рѣдки: донская лошадь подлѣ казакѣмъ идегъ всегда смѣло впередъ и не закидывается ни передъ какимъ бы то ни было препятствіемъ, ни передъ выстрѣлами; она понятлива и намятлива отъ природы, что доказывается тысячами фактовъ. Характеръ чистокровнаго донца: твердый, ровный и довольно горячій, но недовѣрчивый, крайней мѣрѣ, на первое время, пока животное освоится, какъ слѣдуетъ съ члѣвѣкомъ, будь то сѣ хозяинъ или конюхъ, или табунщикъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ послѣднее время восточный вопросъ держитъ Европу въ постоянно-напряженномъ состояніи, между страхомъ и надеждой, то давая ей нѣсколько минутъ относительнаго успокоенія,

но затѣмъ снова пугая призракомъ войны. Мы пишемъ наже обозрѣніе въ одну изъ такихъ тревожныхъ минутъ. Въ Далматин Австрійское правительство сосредоточило до 30,000 солдатъ...

Продолженіе въ прибав. на стр. 343 и 344.

Турция, не смотря на невѣроятное разстройство своихъ финансовъ, тратитъ все, что успѣваетъ перехватить, исключительно на вооруженіе... полагаютъ, что Порты намѣрена выиграть время, собраться съ силами и очерта голову, не взирая на послѣдствія, нанести рѣшительный ударъ—конечно Сербіи и Черногоріи... Общее вниманіе, однако, при настоящихъ обстоятельствахъ, хватается за предстоящее свиданіе въ Берлинѣ трехъ канцлеровъ. Что касается насъ—мы снова обращаемся къ нашему предчувствію австрійскаго занятія.

По новѣйшимъ извѣстіямъ оказывается, что мушаръ (маршалъ) Мухтаръ-паша, хотя и прорвалъ у Дужскаго ущелья славянскую ливію, но, все таки, не дошелъ до Никшича, «не почевалъ тамъ», какъ онъ донесъ о томъ; самый дальній пунктъ, до котораго онъ могъ добраться по трунамъ и крови, оказывается все тотъ же Прессбъкъ, сюда успѣли приблизиться нѣсколько сотъ человѣкъ Никшичскаго гарнизона и частью на выючныхъ лошадяхъ, частью на собственныхъ плечахъ доставить провіантъ въ осажденную крѣпость. Мухтаръ не могъ держаться въ Прессбъкѣ и не смотря на мужество, съ которымъ дрались его войска, дикая, безумная отвага славянъ взяла свое, и турки снова должны были отступить къ Гацко. Битвы, происходившія въ этихъ мѣстахъ, обошлись странной дѣлѣй обѣимъ сторонамъ. Но чего бы онъ не стоили славянамъ—со всѣхъ сторонъ получаютъ извѣстія о томъ, что возстаніе разгорается. За эти дни оно замѣтнымъ образомъ усилилось въ Босніи, гдѣ на сцену выступилъ новый элементъ—тамашіе католики; одинъ ихъ отрядъ, подъ предводительствомъ францисканскаго монаха, имѣлъ уже стычку съ турками и одержалъ побѣду.

На этотъ разъ обзоръ нашъ мы должны пополнить весьма печальнымъ извѣстіемъ: изъ Константинополя получена телеграмма, сообщающая объ умерщвленіи фанатической мусульманской толпой нѣмецкаго консула г. Аббонса (по слухамъ британскаго подданнаго) и французскаго, г. Мулена. По словамъ депеши (турецкой официальной, напечатанной «Journal de St.-Petersbourg», дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: одна христіанская дѣвушка приняла магометанство и, привезенная въ Салоники, по желѣзной дорогѣ, должна была, по заведенному порядку, въ сопровожденіи нѣсколькихъ заштитовъ (жандармовъ), быть доставлена со станціи желѣзной дороги въ домъ губернатора; небольшой corteжъ уже выступилъ, когда появившаяся внезапно подъ предводительствомъ американскаго консула толпа христіанъ, отбила дѣвушку и скрыла ее у одного изъ своихъ единовѣрцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ свою очередь, собралась толпа мусульманъ и раздраженная событіемъ, бросилась сначала къ дому губернатора, съ требованіемъ выдачи дѣвушки, а потомъ въ одну мечеть, куда увлекла съ собой г. Аббонса и Мулена. Губернаторъ узнавъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, немедленно отправился въ мечеть, съ цѣлью успокоить народъ и освободить консуловъ, но изувѣры, видя, что требованіе ихъ относительно христіанки не исполнено, дойдя до крайней степени раздраженія, вооружившись выломанными изъ рѣшотки перекладинами, бросились на консуловъ и, не смотря на всѣ усилія губернатора, прикрывавшаго несчастныхъ собой, умертвили ихъ тутъ же. Въ этотъ моментъ (только въ этотъ!) прибыли войска и разсылали толпу. Порты тотчасъ же командировала въ Салоники 2-хъ уполномоченныхъ, отправившихся туда въ сопровожденіи делегатовъ германскаго и французскаго посольства въ Константинополь и обѣщаетъ быструю и скорую расправу съ злодѣями.

Намъ кажется, что если бы мѣстныя власти, хорошо знакомыя съ мѣстными условіями, приняли, въ виду такого явленія, какъ прибытіе христіанки, перешедшей въ мусульманство (по желанію или нѣтъ—это, конечно, должно было быть разслѣдовано при участіи иностранныхъ консуловъ)—надлежація мѣры, если бы во время вызвали войска и не дали собраться фанатической толпѣ—то несчастія не случилось бы.

Болгарскій комитетъ въ Бухарестѣ дѣятельно ведетъ свое дѣло. Успѣтъ ли дипломатія создать плотину, способную удержать напоръ этого моря пламени, все болѣе и болѣе разливающегося по полуострову, прочна ли будетъ эта плотина, долго ли она будетъ выдерживать напоръ этотъ и какія она, въ свою очередь, будетъ имѣть, въ другихъ отношеніяхъ, послѣдствія—все это еще вопросы проблематическіе, трудно разрѣшимые, или лучше сказать, едва ли разрѣшимые теперь, когда каждый день можетъ создать цѣлую эпоху... Между Турціей и окаянлющими ее князьями дѣло дошло уже до того положенія, когда, по удачному, извѣстному выраженію: «ружья сами стрѣляютъ». Князю Николаю чрезвычайно трудно сдерживать порывы его подданныхъ, но это ему, въ виду болѣе тѣсной связи, существующей обыкновенно между черногорскимъ народомъ и государемъ—все таки отчасти легче, чѣмъ князю Милану, который, повидимому, болѣе и болѣе теряетъ расположеніе сербскаго народа. Недавно, по поводу демонстраціи въ честь дѣвицы Меркусь, толпа встрѣтила князя, вышедшаго на балконъ, характеристическимъ молчаніемъ. Новое румынское министерство заявило о своемъ намѣреніи сохранять «строгий нейтралитетъ», но едва ли это заявленіе можетъ быть вполнѣ искренно, какъ справедливо замѣчаетъ одна нѣмецкая газета. «У новаго кабинета, говорить

она, много работы по внутреннимъ дѣламъ, ему еще надо упрочить свое положеніе въ странѣ, и если бы оно стояло уже твердо—то, вѣроятно, приняло бы иное положеніе въ отношеніи Турціи, сообразно событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ». По послѣднимъ извѣстіямъ, палата выразила довѣріе министерству Флореско. На дипломатіи лежитъ обязанность не только отвратить бѣдствія войны, но и не положить, при настоящихъ обстоятельствахъ, зародыши условностей въ будущемъ.

Переговоры между обѣими главными частями Австро-Венгерской имперіи относительно соглашенія по таможенному и финансовому вопросамъ пришли къ желаемому окончанію; но тѣмъ не менѣе въ Венгріи обошлось не безъ волнений. Вечеромъ, 28-го апрѣля, въ Пештѣ происходилъ факельцугъ, демонстрація въ пользу самостоятельнаго таможеннаго тарифа и національнаго банка, а также въ честь тѣхъ депутатовъ, которые высказались противъ проеятовъ соглашенія, выработанныхъ до того Вѣнѣ. Въ 9 часовъ толпа, состоявшая преимущественно изъ молодежи и студентовъ, съ криками «эленъ», направилась къ зданію, въ которомъ помѣщается либеральный клубъ. Здѣсь было произнесено нѣсколько рѣчей. Одинъ изъ ораторовъ требовалъ отдѣльной таможенной системы и учрежденія національнаго банка, напоминая при этомъ депутатамъ ихъ обязанности исполнять волю народа. Въ томъ же духѣ говорилъ и другой ораторъ, Юсіи Верховай, заявившій, что Тисса или долженъ дѣйствовать сообразно этимъ требованіямъ, или же немедленно возвратиться въ Пештъ. Народъ шумными одобреніями приветствовалъ говорившихъ; но либеральные депутаты, собравшіеся тутъ въ значительномъ числѣ, не обращались къ толпѣ, дѣлая видъ, что не считаютъ демонстрацію предпринятою въ честь ихъ партіи. Руководители манифестаціи же отправили делегатовъ въ эти клубы и толпа, посѣтивъ, затѣмъ, клубы правой стороны и крайней лѣвой, разошлась спокойно по домамъ. Это происходило до вослѣдованія соглашенія, интересно знать, какъ венгерцы примутъ то, къ чему пришли уже въ Вѣнѣ.

Въ Германіи большого шума надѣлало удаленіе отъ дѣлъ президента имперской канцеляріи Дельбрюка. Общественное мнѣніе, до сихъ поръ еще, не привело въ ясность истинныхъ причинъ этого событія. Одни газеты утверждаютъ, что президентъ былъ противникомъ уступки имперіи желѣзныхъ дорогъ, что въ качествѣ сторонника свободной торговли, онъ не желалъ содѣйствовать обнаруживающемуся, въ послѣднее время, направленію въ пользу покровительственной системы, другіе же указываютъ на причину, имѣющую нѣсколько частный личный характеръ, утверждая, что Дельбрюкъ выходитъ потому, что власть, предоставленная ему до настоящаго времени, подверглась чувствительному уменьшенію въ объемѣ. Дѣло въ томъ, что имперская канцелярія, независимо центрального отдѣленія, состояла изъ 4-хъ другихъ—а именно—отдѣленій: почтъ, телеграфовъ, дѣлъ Эльзасъ-Лотаринги и юстиціи; теперь же, съ учрежденіемъ для Эльзасъ-Лотаринги особаго министерства, которое ставится въ непосредственное подчиненіе имперскому канцлеру, а также, съ изліаніемъ изъ вѣдомства канцеляріи отдѣленій почтъ и юстиціи, она утратила и весьма много изъ своего прежняго значенія, которымъ, будто бы, Дельбрюкъ поступиться не хотѣлъ. Достоинно замѣчанія, между прочимъ то обстоятельство, что князь Бисмаркъ, въ своихъ разъясненіяхъ палатѣ относительно удаленія Дельбрюка, ограничился болѣе общими мѣстами, увѣреніями въ всегда царствовавшемъ между ними обоими согласіи, а также отрицалъ, что бы они расходились и по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, но ничего не сказалъ по поводу слуха о вліяніи на рѣшеніе Дельбрюка измѣненій въ имперской канцеляріи.

Между тѣмъ дѣло объ уступкѣ имперіи прусскихъ желѣзныхъ дорогъ, дружно поддерживаемое кабинетомъ, подвигается впередъ—министерское предложеніе выслушано уже въ 3-мъ чтеніи.

29-го апрѣля обнародована наконецъ прокламація, возвѣщающая о принятіи королевой Викторіей титула индійской императрицы. Титулъ этотъ, выражающійся въ латинскихъ словахъ—«Imperatrix Indiae» и въ англійскихъ «Empress India» (индійской формулы не приведено въ прокламаціи), не будетъ употребляться въ хартіяхъ, жалованныхъ грамотахъ, патентахъ и другихъ актахъ, дѣйствіе которыхъ не распространяется за предѣлы соединеннаго королевства. Это, впрочемъ, заявлялось министерствомъ еще и прежде. Неизвѣстно, скоро ли уляжется, искренно, или только искусственно возбужденное противъ принятія титула общественное мнѣніе. Полагаемъ, что англичане скоро освоятся съ этою новостью, особенно въ виду глубокаго уваженія, которое они питаютъ къ своей королевѣ. Индійцевъ же много спрашивать не будутъ.

Петипіонное движеніе во Франціи въ пользу амнистіи возбудило нѣкоторое волненіе въ провинціи, нѣсколько наугадо тако общественное мнѣніе. Оффиціозные органы посѣщали, однако, заявить, что рѣшенія министерства на этотъ счетъ остаются и останутся неизмѣнными. На дняхъ розданъ членамъ сената докладъ Шари, составленный имъ отъ имени парламентской комисіи амнистіи. Докладъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, высказывается противъ амнистіи, хотя и съ нѣкоторыми исключеніями. Такъ, раздѣливъ осужденныхъ коммуналистовъ на 2 разряда—на увлекшихъ и увлеченныхъ, и неумолимый въ

отношеніи къ первымъ, онъ допускаетъ возможность участь послѣднихъ повергнуть на милосердіе президента республики,

въ тѣхъ, впрочемъ, случаяхъ, когда окажется, что бывшая коммисія помилованія 1871 года была несправедлива къ нимъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Редакція покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ, при переиѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками за типографскіе расходы.

РѢШЕНІЕ

шахматной задачи въ «Нивѣ» № 18.

Бѣлые.

- 1) А 6 — D 6 ×
- 2) Е 3 — Е 4 ×
- 3) Ладья А 4 — D 4 ×
- 4) Конь Е 2 — F 4 × ×

Черные.

- 1) Конь С 4 беретъ Ладью (самый лучший ходъ).
- 2) Конь D 6 беретъ Е 4.
- 3) Е 5 беретъ Ладью.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

Распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ 21-го апрѣля 1876 года.

— 15-го сего апрѣля открыта въ Могилевѣ городская дума.

— Наконецъ рѣшенъ вопросъ о времени введенія судебной реформы въ Кіевской губерніи. Съ 1-го января будущаго года предполагается открытіе въ Кіевѣ окружного суда. Институтъ присяжныхъ засѣдаелей будетъ и тамъ; но для составленія списковъ ихъ полагается иной порядокъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Для введенія судебной реформы въ Кіевской губерніи уполномоченъ С. С. Гончаровъ, будущій председатель кіевскаго окружного суда. Съ мая нынѣшняго года зданіе присутственныхъ мѣстъ будетъ приспособляться подъ помѣщеніе новыхъ судебныхъ учреждений.

Дала церкви.

«Нов. Вр.» пишутъ изъ Астрахани, что тамъ, по инициативѣ мѣстнаго епископа открыто «Братство во имя Пресвятыя Троицы». Цѣлю братства будетъ забота объ ослабленіи въ епархіи молаканства.

— Передавая о пребываніи игумена московскаго николаевскаго единобѣрскаго монастыря отца Павла въ станицѣ Николаевской, «Дон. Газ.» говоритъ, что его бесѣды съ старообрядцами шли довольно хорошо: особенно рѣзкихъ выходовъ со стороны старообрядцевъ не было, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ; напримѣръ, въ станицѣ Нагаевской, одинъ фанатикъ кричалъ: «Братіе, во имя Бога Саваова, читайте «Царю Небесный», да изженемъ этого антихриста отъ насъ». Газета надѣется, что посѣщеніе Николаевской станицы о. Павломъ не останется безслѣдно для донскихъ старообрядцевъ.

— Во вторникъ, 20-го апрѣля, по словамъ «Варш. Дневника», высокопреосвященный Леонцій, архіепископъ холмскій и варшавскій, отправляется для обзорѣнія вновь соединенныхъ съ православною церковью, бывшихъ греко-уніатскихъ приходо въ Свѣдлецкой и Люблинской губерній. Высокопреосвященный предполагаетъ посѣтить всего 98 приходовъ, причѣмъ въ нѣкоторыхъ будутъ совершены архіепископомъ литургіи.

Народное образованіе.

Сообщаютъ, что въ началѣ апрѣля послѣдовало разрѣшеніе на открытіе въ городѣ Мариуполѣ (Екатеринославской губерніи) женской гимназіи, и что въ томъ же городѣ уже открыта мужская гимназія.

— Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось на-дняхъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ открытіи четырехклассныхъ прогимназій въ городахъ: Азовѣ—Екатеринославской, Бѣлевѣ—Тульской и Сорокахъ—Бессарабской губерній.

— По слухамъ, начальныя сельскія училища, учрежденныя въ собственныхъ имѣніяхъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ отношеніи къ отбыванію воинской повинности, отнесены будутъ къ IV разряду учебныхъ заведеній.

Учебныя заведенія, подвѣдомственныя министру Императорскаго Двора, предпола-

гаются отнести по отбыванію воинской повинности, именно:

Практическае отдѣленія барнаульскаго окружнаго училища—къ II разряду учебныхъ заведеній.

Техническое училище Имп. фарф. завода, нерчинское окружное училище и барнаульское окружное училище, кромѣ практическихъ отдѣленій,—къ III разряду.

Школу вольноприходящихъ Имп. фарф. завода, начальныя школы при заводахъ и рудникахъ Алтайскаго горнаго округа и при петровскомъ заводѣ нерчинскаго округа, училище при колянванской шифовальной фабрикѣ и при Имп. пегергорской гранитной фабрикѣ и школу придворно-конюшенно-служительскихъ дѣтей — къ IV разряду учебныхъ заведеній.

Народное хозяйство.

Иранское уѣздное земское собраніе послѣдняго очереднаго созыва признало полезнымъ разведеніе въ томъ уѣздѣ табачныхъ плантацій, и для этой цѣли, въ видѣ опыта, опредѣлило выписать табачныя сѣмена, съ тѣмъ, чтобы раздать ихъ лицамъ, которыя изъявятъ желаніе заняться разведеніемъ табаку.

— Въ видахъ сохраненія влаги на Крымскомъ полуостровѣ, возбужденъ вопросъ о принятіи всѣхъ необходимыхъ мѣръ для сохраненія и изученія льсовъ по сѣверному скату Таврическихъ горъ, откуда текутъ, какъ извѣстно, все мѣстные рѣки и ручьи. Въ числѣ этихъ неотложныхъ мѣръ предлагается: запрещеніе пастбища скота въ лѣсахъ и постепенный переходъ частныхъ лѣсовъ въ казну. Относительно же степной части Крыма, то тамъ предполагаютъ сдѣлать обязательную посадку деревьевъ возлѣ каждаго селенія и возлѣ каждаго жилья, а также заняться разведеніемъ льсовъ вдоль по теченію балокъ, возлѣ заурдъ.

— Съ изданіемъ предписаній о запрещеніи провоза спирта, чрезъ таможи, которыя не находятся на желѣзно-дорожныхъ линіяхъ, земледѣліе Калишской губерніи получило жестокий ударъ, потому что, вслѣдствіе этого распоряженія, неминуемо должны уиать всѣ винокуренныя заводы, отдаленныя отъ желѣзной дороги.

— «Нов. Вр.» сообщаетъ, что въ Ригѣ, съ разрѣшенія г. министра государственныхъ имуществъ, съ 3-го по 10-е августа настоящаго года, будетъ происходить третій всероссійскій съѣздъ сельско-хозяевъ, причѣмъ всѣ поступающіе на обсужденіе съѣзда доклады будутъ напечатаны и разосланы заблаговременно лицамъ, которыя изъявятъ желаніе участвовать на съѣздѣ. Заявленія о желаніи принять участіе въ съѣздѣ могутъ быть дѣлаемы лѣсному обществу до 15-го іюля 1876 г., а затѣмъ—до начала съѣзда распорядительной комисіи въ гор. Ригѣ.

Новыя изобрѣтенія.

Одесскій механикъ-самоучка, крестьянинъ О. Тимченко изобрѣлъ электрическіе сигналы, указывающе звономъ выходъ поѣзда со станціи и электрическій аппаратъ для паровозовъ, указывающій поврежденіе пути или недостающіе рельсы.

— Въ мастерскихъ русскаго общества па-

роходства и торговли изготовляется весьма несложный аппаратъ инженера Д. Л. для повѣрки положенія рельсъ желѣзной дороги.

Археологія.

Въ Кіевѣ, 18-го марта, на углу Десятинной улицы и Десятиннаго переулка, рабочіе, при копаніи земли для фундамента новаго дома, нашли кладъ, состоящій изъ разныхъ очень древнихъ предметовъ. Вещи помѣщались въ большой мѣдной кубышкѣ и глиняномъ горшкѣ; сверхъ того, найдено было четырнадцать продолговатыхъ, угловатыхъ плитокъ серебра, примѣрно, фунта въ 3½ вѣсомъ. Къ сожалѣнію, большая часть найденныхъ вещей расхищена. Уцѣлѣвшія древности осмотрѣны были профессорами кіевскаго университета, гг. Антоновичемъ и Роговичемъ, признавшимъ за ними древность свыше восьмисотъ лѣтъ.

Некрологъ.

28 апрѣля скончался Кіевскій митрополитъ *Арсеній*.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Въ Сергачѣ, г. Незымайлоу и въ Родзивилишчи, г. Суцѣвичу. На вопросы ваши о положеніи газеты «Новости» и о ея расцѣтахъ съ спокими подписчиками, мы отвѣтитъ ничего не можемъ, ибо точное положеніе для газеты «Новости» извѣстно только ея издателю.

2) Казань, С—ву. Ваши стихи, безъ размѣра и рیمы, не будутъ напечатаны.

3) СПБ., П. Жиг—ту. Вы рисуете очень неправдоподобныя картины природы. У васъ, напр.
Дрожала луна, въ тучахъ черныя пальма
И чертила круги огненья.

Сколько намъ извѣстно, блѣдная, медленно-павущая луна не дрожитъ и не чертитъ огненьихъ круго́въ.

4) СПБ., Л. Фад—ву. Стихи ваши напечатаны не будутъ.

5) Мелитополь, С. С. р. ву. Дай Богъ, чтобы ваши «первыя въ жизни Литературныя попытки» были и послѣдныя. Вы говорите: «сперва зданъ на вашъ Судъ и Критикъ, которая безъ сомнѣнія признаетъ меня глупымъ рѣмоплетомъ». Конечно, такимъ тономъ можно только отзываться о самомъ себѣ, и намъ остается только молчаніемъ признать справедливость вашего отзыва.

6) Ржевъ, А. Мы—ну—ву. Вишней, «нивакихъ газеткахъ, ни журналахъ, до сихъ поръ еще ненапечатанныхъ», не напечатаетъ и мы, да полагаемъ, и никто не напечатаетъ такой безграмотности.

7) Новгородъ, М. Ник—ну. Ваши стихи напечатаны не будутъ.

8) Москва, Л. Л—ху. Хотя вы и не требуете «поноражія», но стихо́въ, въ родѣ слѣдующихъ:

Сердце страшно замираетъ,
Дѣлаю послѣдній згибъ;
Но вѣско вдругъ выпадаетъ,
И я думаю: «догибъ!»

никто не возьметъ и даромъ, также, какъ и безубытокъ темъ для юмористическаго отдѣла.

9) Глуховъ, А. А—но. } Стихо́въ не напечатаетъ.

10) Самара, П. С—ву. } Стихо́въ не напечатаетъ.

11) С. Горнино, Н. Мал—всему. «Пошрять Васъ къ дальнѣйшему труду» въ стихо́ворствѣ мы не согласимся никакъ, а посоветуемъ Вамъ отъ души заняться вашимъ, гдѣ вы можете оказать истинныя услуги отечеству. Стихо́ворство же намъ не по плечу.

СОДЕРЖАНІЕ: Серна. Antilope sive capella turpissima (съ рисункомъ). — Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повесть Э. Маритта (продолженіе). — Галерея Винтора Эмануэла въ Миланѣ (съ рисункомъ). — Молдая мавританка (съ рисункомъ). — Нашествіе варваровъ на Римъ (съ рисункомъ) А. А. — Нашииъ подписчикамъ. — Конскій барышникъ на Дону (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — О переиѣнѣ адреса. — Рѣшеніе шахматной задачи въ «Нивѣ» № 18. — Разныя извѣстія. — Почтовый ящикъ.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчикъ объявленіе отъ Торговаго дома Ольги Корещенко, въ Москвѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 20

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выдавъ 17 Мая 1876 г. (ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ). Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Подполковникъ генеральнаго штаба Николай Михайловичъ Пржевальскій—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ путешественниковъ—родился 31 марта 1839 года. Происходя изъ дворянъ Смоленской губерніи, Н. М. получилъ первоначальное воспитаніе въ Смоленской губернской гимназій, откуда въ 1855 году поступилъ на службу въ Рязанскій полкъ юнкеромъ. Первый офицерскій чинъ Н. М. получилъ въ 1856 г., а въ 1861 году поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба, гдѣ окончилъ курсъ по второму разряду въ маѣ 1863 года. Занимая за тѣмъ послѣдовательно должности полковаго адъютанта и старшаго адъютанта штаба 7-ой пѣхотной дивизіи, г. Пржевальскій преподавалъ географію въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ, составилъ курсъ географіи и вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ естественныя науки. Но служба въ штабахъ и учительская дѣятельность неудовлетворяли г. Пржевальскаго: «съ дѣтства влелебѣнная страсть къ путешествіямъ» заставила его, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подго-

Николай Михайловичъ Пржевальскій. Рис. и грав. Нейманъ.

товки, хлопотать о переводѣ на службу въ Восточную Сибирь, и вотъ въ 1867 году Н. М. отправился въ Иркутскъ. Съ этого времени начинается его дѣятельность, какъ путешественника и изслѣдователя малоизвѣстныхъ странъ. Черезъ мѣсяцъ по прибытіи въ Иркутскъ, онъ получилъ командировку въ Уссурийскій край для производства различныхъ статистическихъ работъ. Этимъ порученіемъ г. Пржевальскій воспользовался для всесторонняго изученія природы и населенія края, изложивъ результаты изученія въ прекрасномъ сочиненіи, изданномъ въ 1870 году подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Уссурийскомъ краѣ въ 1867 и 1869 годахъ». Добывавъ до селенія Хабаровки, лежащаго при впаденіи Усури въ р. Амуръ, ученый путешественникъ отправился на лодкѣ вверхъ по Усури, безпрестанно выходя на берегъ для охоты, собиранія растений и изслѣдованія общаго характера мѣстности. Рѣка Усури составляетъ главную жилу водъ приобрѣтеннаго нами съ Китаемъ въ 1860

году Уссурийскаго края, который входит въ составъ нашей Приморской Области и лежитъ, вмѣстѣ съ бассейномъ озера Ханка, или такъ называемымъ Зауссурийскимъ краемъ, въ полосѣ отъ 42° до 48° сѣверной широты, т. е. въ мѣстности, находящейся почти на одной параллели съ Испаніей, Италіей и Южною Россіей. Горный хребетъ Сихотъ-Алинь, опредѣляющій топографическій характеръ края, начинается въ Манчжуріи и тянется по берегу Японскаго моря, достигая средней высоты надъ уровнемъ моря отъ 3000 до 4000 футовъ. Орошеніе обильное. Удивительная природа представилась глазамъ путешественника; отличительное свойство ея: разнообразіе формъ и крайнее однообразіе въ распредѣленіи. Виды растеній, попадающихся при устьѣ Усури, можно встрѣтить и у залива Посеть; во за то во всемъ краѣ господствуетъ смѣшеніе формъ, свойственныхъ далекому сѣверу, съ южными формами. «Здѣсь», говоритъ г. Пржевальскій, «растительная жизнь является во всей силѣ, и часто на небольшомъ пространствѣ тѣнятся самыя разнообразныя породы деревьевъ и кустарниковъ, переплетенныхъ вьющимися растеніями, (какъ напримѣръ виноградъ, встрѣчающійся во всемъ краѣ)». «Невозможно забыть впечатлѣнія, производимаго, въ особенности въ первый разъ, подобнымъ лѣсомъ. Правда, онъ также дикъ и недоступенъ, какъ и всѣ прочія сибирскія тайги, но въ тѣхъ однообразіяхъ растительности, тонкая тундристая почва, устланная мхами и лишайми, навѣваютъ на душу какое то уныніе; здѣсь наоборотъ: на каждомъ шагѣ встрѣчаешь роскошь и разнообразіе, такъ что не знаешь, на чемъ остановить свое вниманіе. То высятся передъ вами громадныя пальмы, съ своею широкою вѣтвистою верхушкою, то стройныя кедръ, то дубъ и липа съ пустыми дулистыми стволами, болѣе сажени въ обхватѣ, то орѣхъ и пробка съ красивыми перистыми листьями, то пальмовидный диморфантъ, довольно впрочемъ рѣдкій». Животная жизнь представляетъ не менѣе разнообразіе: на ряду съ соболями и медвѣдемъ можно встрѣтить тигра, неуступающаго по величинѣ и силѣ своему Бенгальскому собрату. Рыбы самыя разнообразныя породъ очень много какъ въ Усури, такъ и въ ея притокахъ. Но среди этой роскоши природы, въ мѣстности, гдѣ, по словамъ Пржевальскаго, стоитъ только пойти съ ружьемъ, чтобы убить козу или изюбря, и заимать съѣсть, чтобы поймать множество рыбы, — среди всего этого богатства, поселенные по р. Усури казаки живутъ въ крайней бѣдности. Чтобы сколько нибудь спасти население отъ голодной смерти, казна должна кормить большую часть населенія почти половину года. Рыбною и мясною пищею пользуются только немногіе счастливыя; большинство же питается кирпичнымъ чаемъ и ржаной мукой, разболтанной въ теплой водѣ (бурдюкъ). «Результатъ такой ужасающей нищеты являются различныя болѣзни, гнусный разваръ и апатія ко всякому честному труду». Достигнувъ устья Сунгачи, составляющей истокъ озера Ханки и выходящей въ Усури, г. Пржевальскій отправился на пароходѣ вверхъ по чрезвычайно извилистой рѣкѣ Сунгачъ въ озеро Ханка, на западной сторонѣ котораго поселены русскіе крестьяне, перешедшіе сюда съ Амура, откуда они были выжаты постоянными наводненіями. Положеніе этихъ поселенцевъ не имѣетъ ничего общаго съ бѣдствіями казаковъ. Благодаря своему трудолюбію, богатству почвы и громадному количеству земли, переселенцы достигли сравнительнаго благосостоянія, которое болѣе и болѣе увеличивается. Углубившись во внутрь страны, Пржевальскій изслѣдовалъ поселенія и образъ жизни различныхъ инородцевъ, каковы: китайцы (или манзы), голды, орги и др. Онъ посѣтилъ китайскія жилища, или фанзы, познакомился съ образомъ жизни и занятіями инородцевъ. Главный промыселъ большей части изъ нихъ—охота за соболями. Китайцы занимаются земледѣіемъ, которое доведено у нихъ до высокой степени совершенства и въ которомъ немаловажную роль играетъ разведеніе корня Жинь-Шень, весьма дорого цѣнимаго въ Китаѣ. Торговля соболями почти вся находится въ рукахъ китайцевъ, которые, покупая ихъ по дешевымъ цѣнамъ у инородцевъ, перепродаютъ русскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ для этого въ Хабаровку. Собственно мѣстная торговля находится въ рукахъ нѣсколькихъ мелкихъ проходивцевъ, обирающихъ и безъ того бѣдное населеніе. Главный предметъ торговли—водка: остальные товары, самаго плохого качества, привозятся изъ Николаевска, Иркутска или же иногда изъ Москвы и продаются въ Уссурийскомъ краѣ по баснословно-высокимъ цѣнамъ. На ряду съ этими наблюденіями, прерывавшимися лѣтомъ 1868 г. необходимою принять участіе въ войнѣ съ китайскими разбойниками, г. Пржевальскій усердно занимался составленіемъ зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій. Въ особенности его интересовали орнитологическія изысканія, сдѣланныя преимущественно въ бассейнѣ озера Ханка. Имъ препарировано болѣе 300 птицъ и 10 чучелъ млекопитающихъ, собрано 300 различныхъ видовъ растеній и 80 сѣмянъ. Ихтиологическія наблюденія также не были забыты: Пржевальскій въ своей книгѣ перечисляетъ множество родовъ рыбы, найденныхъ имъ въ бассейнахъ р. Усури и озера Ханка. По окончаніи командировки въ Уссурийскій край, Н. М. былъ назначенъ въ 1869 году Адъютантомъ при Управленіи Приморской области, а въ 1870 году причисленъ къ Главному Штабу.

Второе ученое путешествіе было предпринято г. Пржеваль-

скимъ въ 1871 г. въ Монголію и страну Тангутовъ—по инициативѣ Географическаго общества и благодаря просвѣщенному содѣйствію Военнаго Министерства. Изслѣдованія этихъ странъ представляются особенно цѣнными, какъ по совершенной почти ихъ неизвѣстности, такъ и по тѣмъ трудностямъ, которыя пришлось преодолѣть ученому путешественнику. «Три года сряду, говоритъ г. Пржевальскій, выносили мы борьбу со всѣми трудностями странствованія въ дикихъ странахъ Азіи и только, благодаря необыкновенному счастью, могли достигнуть своей цѣли: пробраться на озеро Куку-Норъ и даже въ сѣверный Тибетъ, на верховья Голубой рѣки». Въ теченіи трехъ лѣтъ (1871, 1872 и 1873 г.) путешественникъ прошелъ 11.100 верстъ; изъ нихъ 5.300 верстъ сняты глазомѣрно буссолью. Въ 9 пунктахъ сдѣланы наблюденія магнитнаго склоненія, а въ 7-ми—горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма. «Ежедневно 4 раза производились метеорологическія наблюденія, часто наблюдались температура почвы и воды, а психрометромъ, по временамъ, измѣрялась сухость воздуха; анероидомъ и точкою кипѣнія воды опредѣлялись абсолютныя высоты мѣстностей». Въ тоже время путешественниками собраны и привезены слѣдующія коллекціи: 238 видовъ птицъ, въ числѣ около 1000 экземпляровъ; 130 шкуръ млекопитающихъ, принадлежащихъ къ 42 видамъ; десять видовъ пресмыкающихся, въ числѣ 70 экземпляровъ; 11 видовъ рыбъ, болѣе 3000 экземпляровъ насекомыхъ; отъ 500 до 600 видовъ растеній въ числѣ около 4000 экземпляровъ. (Зоологическая коллекція поступила въ музей Академіи Наукъ, а ботаническая въ императорскій ботаническій садъ). Результаты изслѣдованій, произведенныхъ г. Пржевальскимъ во время путешествія, изложены въ сочиненіи, озаглавленномъ: «Монголія и страна Тангутовъ». Первый томъ этого сочиненія, вышедшій въ 1875 году, содержитъ въ себѣ географическія и этнографическія свѣдѣнія о посѣщенныхъ Н. М. мѣстахъ; остальные 2 тома, еще не вышедшіе, будутъ заключать въ себѣ изслѣдованія о климатѣ а также, зоологическія и ботаническія описанія. Постараемся въ нѣсколькихъ строкахъ дать, если не понятіе, то по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторый намекъ на предметъ, составляющій содержаніе 1-го тома прекраснаго сочиненія г. Пржевальскаго. Въ первой главѣ авторъ описываетъ путь отъ Кяхты, черезъ г. Ургу, монгольскую степь Гобь, и чрезъ великую стѣну въ китайскій г. Калганъ, а оттуда въ Пекинъ, изъ котораго собственно должна была отправиться экспедиція въ предположенный путь къ озеру Куку-Норъ. Мѣстность между Кяхтою и Ургою, весьма похожая по виду на лучшія части нашего Забайкалья, смѣняется пустынною и почти безплодною степью Гобь, тянущуюся на сотни верстъ однообразною волнистою поверхностью и смѣняющеюся въ свою очередь горнымъ хребтомъ и плодородными, густо-населенными равнинами собственно Китая. Монгольскія степи заселены 2-хъ-милліоннымъ кочующимъ народомъ—монголами Ламайской вѣры. Правды, характеръ и образъ жизни этихъ кочевниковъ описаны г. Пржевальскимъ чрезвычайно подробно и съ большимъ мастерствомъ. Передъ нами ярко обрисовывается фигура грязнаго, обжорливаго номада, погруженнаго въ крайнее суевѣріе, болтливаго и липемѣрнаго, хитраго и въ тоже время постоянно поддающагося обманамъ китайца, труса и неутомимаго наѣздника, не имѣющаго понятія о нравственности и нѣжно любящаго своихъ дѣтей. Скотоводство составляетъ главное занятіе номада; на стадѣ сосредоточены его главные интересы. «Здоровъ ли твой скотъ?» вотъ первый вопросъ, который задаетъ монгольскій кочевникъ, послѣ обычнаго «здравствуй» *)! Монголы имѣютъ нѣкоторыя другія занятія: они занимаются охотою и въ послѣднее время перевозкою изъ Калгана черезъ Ургу и въ Кяхту грузовъ съ чаемъ, но всѣ эти занятія второстепенныя, не могущія идти въ сравненіе съ главнымъ источникомъ богатства—скотоводствомъ. Путешествіе къ кумирнямъ доставляетъ развлеченіе въ однообразной степенной жизни номадовъ. Они, будучи крайне суевѣрны, вмѣстѣ съ тѣмъ религіозны и очень почитаютъ своихъ святыхъ, главою коихъ почитается живущій въ Ласѣ Далай-Лама. Послѣдній можетъ имѣть огромное вліяніе на кочующее населеніе, и потому Китайцы упреждаютъ всѣ старанія, чтобы выборъ новаго Далай-Ламы (назначаемого обыкновенно предшественникомъ) не упалъ на энергическаго человека, способнаго произвести возстаніе между монголами. Управленіе лежитъ на монгольскихъ князьяхъ, дѣйствующихъ на основаніи писаннаго уложенія и подчиненныхъ надзору китайскихъ губернаторовъ. Подати взимаются князьями со скота. Китай не получаетъ съ монголовъ никакихъ податей, кромѣ отбыванія натуральной военной повинности. Взяточничество и чиновническій произволъ въ монголіи, какъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ Китайской имперіи, распространены въ высшей степени. Изъ Пекина Пржевальскій отправился на сѣверъ къ оз. Далай-Норъ, съ цѣлью наблюденія надъ весеннимъ пролетомъ птицъ. Путешествіе по китайскимъ владѣніямъ представляетъ чрезвычайныя затрудненія для европейца, вслѣдствіе взяточничества чиновниковъ и вообще ненависти къ заморскимъ чертямъ (такъ называютъ тамъ европейцевъ); собственно же для г.

*) Отъ стада они получаютъ свою любимѣйшую пищу. «Вкусно, какъ баранина» есть высшая похвала на языкѣ монголовъ.

Пржевальскаго трудности увеличивались недостатком денежных средств: путешественникам не один раз приходилось голодать в пути вследствие невозможности купить барана, а невозможность взять с собой более 2-х казаков заставляла самого начальника экспедиции, вместе с его товарищем г. Пальцовым, выкопять верблюдов, пасти их, собирать на топливо орсак (помет) и поочередно караулить караван по ночам. Съезера Далай-Норь г. Пржевальский направился по нагорной Монголии, через китайский город Бауту, в страну Ордос, представляющую степную равнину, прорезанную по окраинам невысокими горами. Отсюда путешественники прошли в страну Ала-Шань, составляющую крайний предел, до которого ему удалось достигнуть в первый год путешествия. Недостаток денег и необходимость переманить сопровождавших его казаков и заготовить оружие, заставили г. Пржевальскаго возвратиться в Калган.

Вторая экспедиция была предпринята Н. М. в февраль 1872 года. Достигнув по прежнему пути до Ала-Шаня, ученый путешественник присоединился к каравану Тангутов и с ним отправился к озеру Куку-Норь, составлявшему главную цель путешествия. Пройдя несчаную пустыню Тангери, в которой ощущался крайний недостаток в воде, наши путешественники вступили в плодородную и живописную провинцию Гань-Су, прорезанную горами того же имени, поднимаясь на высоту от 7 до 13 тысяч футов над уровнем моря. Флора и фауна этой провинции чрезвычайно роскошны. Из животных особенно замечательны—як, особая порода тангутских коров, а из растений—ревень, вывозимый отсюда через Пекин и Тянь-Дзинь в Европу. Наконец, 12-го октября 1872 г. были достигнуты берега озера Куку-Норь. Тангуты, составляющие кочевое население провинции Гань-Су и страны Куку-Норь—напоминают по наружности наших цыган; главное их занятие—скотоводство; земледелием же занимаются только немногие из Тангутов, живущих вместе с ки-

тайцами. По нечистоплотности и образу жизни тангуты сходны с монголами, хотя не имеют простодушия, свойственного им в последние годы. В ноябре 1872 года наши путешественники перешли в Тибет; но по недостатку средств не могли добраться до Лассы и, пройдя по горным пустыням северного Тибета, они возвратились весной 1873 года на озеро Куку-Норь, где были произведены наблюдения над весенним пролетом птиц, который впрочем здесь оказался не столь разнообразным, как на озере Далай-Норь. Отсюда, через степь Гобь, экспедиция Пржевальскаго возвратилась в г. Уру и 19-го сентября 1873 года, после почти трехлетнего странствования, прибыла в Кяхту. Во все продолжение пути охота, составляя один из главных источников существования, дозволяла нашим путешественникам знакомиться с разными видами животных Монголии и Тибета. Описание охоты занимает много любопытных страниц в сочинении Пржевальскаго; в особенности интересны рассказы об охоте на дикую (особый вид антилопы), аргали и яков, сильных рогатых животных Монголии и Северного Тибета. Путешествие г. Пржевальскаго, по отзывам компетентных людей, составляет географический подвиг. Исполнив его, он стал наряду с другими нашими учеными путешественниками: Северцовым, Миклухо-Маклаем и Федченко. Труды Н. М. по достоинству оценены Государем Императором, всемилостивейше назначившим ему пожизненную пенсию в 600 рублей в год. Различные ученые общества отнеслись сочувственно к делу Пржевальскаго. В настоящее время Н. М. занят пригласением к новому путешествию к озеру Лобь-Норь. Судя по тому, сравнительно большими средствами, которыми предоставлены были в распоряжение Н. М. и по громадному его опыту, надо ожидать, что результаты новой экспедиции будут еще плодотворнее тех, которые достигнуты ученым путешественником при самых ничтожных средствах.

Д. Б.

Буйволъ.

(BUBALUS).

Буйволъ (Bubalus) принадлежит также, как и обыкновенный быкъ (Bos), къ семейству копытных (Ungulata). Буйволы отличаются вычурным и низким лбом, кривыми, сильными и тяжелыми туловищем; рога утврждены въ задней части черепа и также необыкновенно кривы и сильны при весьма большой толщине; они отдаютъ и закругляются назадъ и обыкновенно бываютъ покрыты неправильными кольцами и бугристыми наростами. Толщина роговъ у корня равняется четвертой части всей головы. Ноги буйвола толстыя, большія и кривыя, какъ жельзо. Глаза расположены въ глубокихъ впадинахъ, уши висятъ внизъ на длинныя футы. Тѣло буйвола голубовато-черное, а цвѣтъ шерсти густой черной. Голова косматая и густая, раздвоенная борода изъ весьма жесткихъ волосъ. Взглядъ свирѣлый и дикій. Кафрскій буйволъ (Bubalus caffer) занимаетъ первенствующее мѣсто между всеми породами буйволовъ и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ страшны и свирѣпы буйволы, доказываетъ тѣмъ, что кафры и другіе африканцы боятся ихъ болѣе льва и слона. Центральная и южная Африка почитаются настоящей родиной буйволовъ. Особенно много ихъ въ первобытныхъ лѣсахъ, гдѣ они совершенно удалены отъ чело-вѣка. Какъ силенъ и свирѣпъ буйволъ, лучшій доказательствомъ служить, то что смѣлый и кровожадный левъ никогда не рѣшается напасть на него въ одиночку, а всегда дѣлою стаю. Не говоря уже о самцахъ, даже самки буйволовъ, такъ сильно прыгаютъ лъвомъ своими рогами, что нерѣдко убиваютъ ихъ, или по крайней мѣрѣ отнимаютъ всякую охоту къ такимъ неудачнымъ нападѣніямъ. Осведло и Бардону случилось видѣть одну замѣчательную схватку, въ которой три льва довольно долго и напрасно силились повалить буйвола, не смотря на то, что онъ былъ уже смертельно раненъ тяжелою пулей. Именно, на берегахъ Лимпопо, они ѣхали вслѣдъ за подстрѣленнымъ имъ буйволомъ, какъ вдругъ, откуда не возмисъ, на него бросились разомъ три льва. Буйволъ встрѣтилъ ихъ смѣлымъ рычаньемъ и долгое время оборонялся отъ нихъ на бѣгу, но, наконецъ, пришлось сдаться: онъ упалъ, а львы съ жадностью припали къ совершенно ослабѣвшему животному. Между тѣмъ охотники подкрались и выстрѣлили. Одинъ левъ повалился мертвымъ на буйвола, другой убѣжалъ, а третій спокойно приподнялъ голову и опять принялся рвать свою добычу, но новые выстрѣлы свалили и этого смѣльчака.

Не трудно понять, какъ опасно встрѣтиться съ гигантскимъ африканскимъ буйволомъ. Такъ какъ буйволу приходится вести часто ожесточенныя войны съ другими свирѣпыми обитателями лѣсовъ и часто приходится пробираться чрезъ густую чащу колючихъ акацій, то длинныя уши его бываютъ постоянно изорваны и покрыты многочисленными рубцами и ранами. Буйволы необитаемыя страны и лѣсовъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ, куда еще не проникло огнестрѣльное оружіе и гдѣ нѣтъ смѣлыхъ охотниковъ, вовсе не злы, и тамъ можно встрѣтить ихъ

беззаботно пасущимися дѣлыми стадами въ открытыхъ мѣстностяхъ, вместе съ антилопами и зебрами. Въ другихъ мѣстахъ они даже боязливы, живутъ въ густой чащѣ лѣсовъ, но, будучи преслѣдуемы, оказываются весьма хитрыми и злыми животными. Спасаясь отъ охотника, буйволъ обращается въ бѣгство или прячется такъ искусно, что его нельзя видѣть, хотя бы онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ сбоку въ кустарникѣ. Иногда, впрочемъ, получивъ рану, онъ самъ нападаетъ на непріятеля или прямо, или изъ засады, употребляя слѣдующую военную хитрость: онъ возвращается назадъ и прячется въ сторонѣ, въ густомъ кустарникѣ или травѣ, чтобы потомъ напасть на своего противника съ фланга. Поэтому охота на буйвола, особенно безъ собакъ, весьма опасна, какъ это испытано на себѣ Куммингъ, гоняясь однажды за большимъ буйволомъ, въ сопровожденіи лишь одного спутника. Животное засѣло до самой шеи въ тину, а голову спрятало въ траву. Устремивъ все свое вниманіе на слѣдъ, Куммингъ самъ не подозрѣвалъ того, что подлѣзалъ къ нему очень близко, какъ вдругъ звѣрь, съ яростнымъ ревомъ, выскочилъ изъ своей засады, бросился на его спутника и повалилъ его вместе съ лошадей. Этому проводнику удалось, однакоже, вскочить на ноги и онъ бросился бѣжать, но звѣрь не покидалъ его, лишь къ счастью поскользнулся и совсѣхъ ногъ свалился въ тину, а откуда онъ вылѣзалъ оттуда съ страшнымъ ревомъ, Куммингъ успѣлъ уже послать ему надежную пулю. У лошади мясо оказалось прорваннѣмъ до самыхъ костей.

Во время путешествія по берегамъ Замбези, Ливингстону пришлось также встрѣтиться съ буйволомъ. Сопровождаемый дикарями, онъ ѣхалъ по густой чащѣ кустарника и деревьевъ, и ничего не опасаясь, вдругъ приблизился къ нѣсколькимъ буйволамъ, которые вѣроятно вообразивъ себя въ опасности, яростно бросились на пѣшеходовъ. Услышавъ крикъ, докторъ обернулся и увидѣлъ одного изъ своихъ спутниковъ взлетѣвшимъ футомъ на семь въ воздухъ надъ забрызганнымъ кровью животнымъ, которое мчалось со всѣхъ ногъ. Вслѣдъ за тѣмъ дикарь упалъ на лицо и, не смотря на то, что буйволъ пронесъ его на рогахъ по крайней мѣрѣ шаговъ двадцать, прежде чѣмъ вскинулъ на воздухъ, онъ, кромѣ небольшихъ царапинъ рогами, не получилъ ни одной серьезной раны, ни одного перелома и уже чрезъ недѣлю послѣ того былъ опять на охотѣ.

Въ другой разъ охотники подстрѣлили огромнаго и сильнаго буйвола изъ стада, къ которому подкрались незаметно. Одинъ буйволъ упалъ, другіе же обернулись съ удивленіемъ, желая знать, откуда явилась опасность, потому что мирная мѣстность эта представляла настоящій рай для буйволовъ, огромная стада которыхъ паслись вездѣ даже днемъ, а это доказывало, что они еще не были знакомы съ самымъ хищнымъ животнымъ на землѣ—человѣкомъ и его оружіемъ. Когда показались охотники, животныя разыграли преоригинальную сцену, подбавъ на рога своего раненаго товарища и пробѣжавъ такимъ образомъ до-

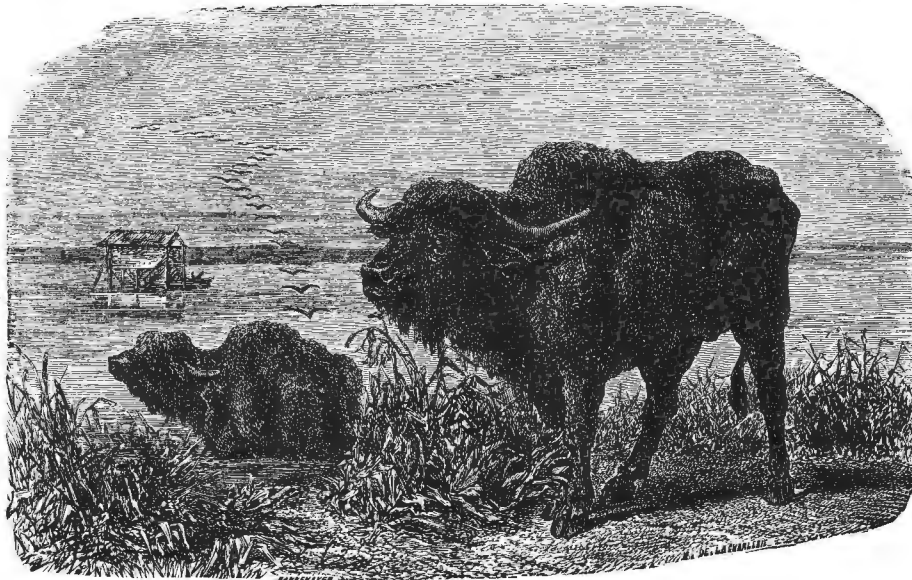
вольно далеко, впрочем не для того, чтобы спасти, а скорее чтобы дованать его, такъ какъ буйволы, подобно многимъ другимъ животнымъ, имѣютъ обыкновеніе убивать или прогонять раненыхъ изъ стада, а теперь они, повидимому, готовы были добить его своими рогами, но увидя людей, обратились въ бѣгство.

Андерсонъ встрѣтилъ нѣсколько буйволовъ на лѣсистыхъ берегахъ Тіоге, и туземцы такъ боялись ихъ тамъ, что достаточно было одного слова «буйволы», чтобы всѣ бросились бѣжать, какъ безумные. Одинъ разъ онъ наткнулся на стадо, состоявшее, по крайней мѣрѣ, изъ двухсотъ штукъ. Какъ ураганъ пронеслось оно мимо него, опрокидывая все на пути и поднимая такую пыль, что его почти было не видно за нею. Охотникъ выстрѣлилъ на удачу и повалилъ одну самку. Тогда все стадо вдругъ остановилось и выстроилось передъ нимъ во фронтъ, обмѣривая его съ головы до ногъ своими угрожающими взглядами. Андерсонъ спрятался за дерево, находившееся въ 150 шагахъ отъ этой страшной фаланги, оперся ружьемъ на крѣпкую вѣтвь и, прицѣлвшись въ вожака, выстрѣлилъ въ него. Хотя можно было ясно слышать, какъ пуля вошла въ животное, но оно оставалось неподвижнымъ, какъ скала. Между тѣмъ одинъ изъ туземцевъ собрался съ духомъ, какъ можно осторожно подобрался къ охотнику и подаль ему другое, заряженное ружье. Андерсонъ выстрѣлилъ въ другого буйвола и опять, какъ казалось, безъ всякаго успѣха. Наконецъ онъ послалъ въ стадо по крайней мѣрѣ, еще шесть пуль, и ни одно изъ раненыхъ животныхъ не отступило ни на дюймъ отъ стада. Всѣ они

ной *буфало*, охраняющей въ подобныхъ опасностяхъ носорога. При каждомъ стадѣ буйволовъ паритъ непремѣнно цѣлая воздушная стая этихъ пернатыхъ, сопровождающая грозныхъ животныхъ, даже во время ихъ бѣгства. Буйволы очень любятъ эту птицу за то, что она, садясь на нихъ цѣлыми десятками, непрестанно клюетъ на тѣлѣ многочисленныхъ жалающихъ наѣдомыхъ, терзающихъ это громадное, но въ тоже время вполне беззащитное противу ничтожнаго наѣдомаго животное и тѣмъ облегчаетъ страданія буйвола. Въ благодарность птичекъ за такую великую услугу буйволы позволяютъ ей безнаказанно щипать носикомъ мягкую шерсть изъ хребта, которая нужна птицамъ для устиланія своихъ гнѣздъ.

Послѣ кафрскаго и вообще африканскаго буйвола, видное мѣсто занимаетъ буйволъ индійскій, который ведетъ такіе же ожесточенныя войны съ тиграми, какъ первый со львами и также почти всегда остается побѣдителемъ. Европейскіе буйволы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Венгріи и Италіи, по общему мнѣнію натуралистовъ, имѣютъ своего прапращура не въ африканскомъ, а именно въ индійскомъ буйволѣ.

Буйволы японскіе также очень сильны и свирѣпы и часто употребляются тамъ на аренахъ для битвъ съ тиграми. Однажды микадо сидѣлъ на своемъ тронѣ, окруженный 30 придворными дамами, 3 женами, своими министрами и приглашенными на зрѣлище европейцами. Предъ нимъ стояла огромная желѣзная клетка и въ ней запертъ былъ буйволъ. Возлѣ буйвола находился также въ клеткѣ тигръ, который выступилъ на арену

Буйволъ, *Bubalus*. Рис. Шарлеръ, грав. Паннемакеръ.

какъ будто присели къ мѣсту и не спускали съ него своихъ злобныхъ глазъ. Хотя Андерсонъ и имѣлъ возможность, въ случаѣ ожидаемаго нападенія, взлѣзть на сосѣднее дерево, но подобная тактика столь отважному и знаменитому охотнику была не по душѣ. Вдругъ все стадо, сверхъ ожиданія, повернуло въ другую сторону и съ страшнымъ, потрясающимъ ревомъ, съ поднятыми хвостами и опущенной головой, какъ бѣшеное, ринулось въ бѣгство.

У буйволовъ, какъ и у носороговъ, всегда есть свой крылатый спутникъ и тѣлохранитель, отыскивающий въ немъ наѣдомыхъ и вспархивающій при всякой опасности, которую онъ, благодаря своему острому зрѣнію, замѣчаетъ скорѣе чѣмъ буйволъ. Эта птица принадлежитъ къ породѣ, сродной съ бдитель-

для битвы съ буйволомъ съ страшнымъ ревомъ, что видимо обнаруживало его боязнь. Бой начался, тигръ старался ловко увертываться отъ могучихъ роговъ буйвола и неоднократно вскакивалъ ему на шею, чтобы разодрать ее когтями, но буйволъ такъ страшно придавливалъ его къ стѣнѣ клетки, что тигръ, задыхаясь отъ изнеможенія, выпускалъ его изъ когтей своихъ. Сраженіе кончилось полною побѣдою буйвола, чему очень радуются японцы, высоко чтящіе и любящіе это животное и ненавидящіе тигровъ. Однажды, когда самому большому и лютому королевскому тигру удалось въ одинъ день побѣдить трехъ буйволовъ, скорбные японцы, огорченные ихъ смертію, повѣсили хищное животное тотчасъ послѣ представленія.

Н. Зуевъ.

Эдистонскій маякъ.

Въ самыя отдаленныя, древнія времена, когда мореплаваніе находилось еще въ младенчествѣ, человѣкъ сознатель, какъ необходимо обозначать опасныя прибрежныя мѣста (рифъ и мели, губительныя для кораблей), а потому для мореплавателей на такихъ моряхъ днемъ выставлялись различныя цвѣтныя сигналы, ночью же зажигались огни. Благодаря тому гуманному обычаю, въ древности, столь богатой художественными твореніями, явились два произведенія искусства, которыя по смѣлости замысла и выполнения и по красотѣ, причислены къ семи чудесамъ древняго міра, а именно: знаменитый маякъ въ Александрійской гавани и колоссъ Родосскій — исполинская чело-вѣческая фигура у входа въ гавань острова того же имени. Въ

ворота, образуемая широко-разставленными ногами колосса, могли проходить самыя большіе корабли съ мачтами и развернутыми парусами. Эта послѣдняя статуя держала въ поднятой рукѣ горящій факель. Въ средніе вѣка было сооружено нѣсколько новыхъ маяковъ попроче на видъ, а въ наше время на маяки обращено особое вниманіе. При подобныхъ сооруженіяхъ теперь обнаруживается съ одной стороны высшая степень изобрѣтательности и искусства, съ другой — стремленіе воспользоваться новѣйшими научными данными въ видахъ наилучшаго устройства маячнаго освѣщенія.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ маяковъ новаго времени считается по справедливости маякъ, устроенный на Эди-

Эдмонтонский маякъ. Рис. В. И. Бостъ, грав. Рикаръ.

стонскомъ утесѣ, передъ входомъ въ Плимутскую гавань. Маякъ этотъ знаменитъ, какъ самой постройкой своей, такъ и трудностями, которыя приходилось преодолѣть при сооруженіи его, а также славенъ онъ своей судьбой. Рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ номерѣ журнала, изображаетъ маякъ въ нынѣшнемъ его видѣ. Могучія волны, устремляющіяся изъ Атлантическаго океана въ Британскій каналъ, разбиваются объ Эдистонскій утесъ съ такой силой, что въ бурную погоду разурюють водоворотъ, въ которомъ уже погибъ не одинъ прекрасный корабль. Вслѣдствіе частыхъ кораблекрушеній на этомъ мѣстѣ, давно уже чувствовалась настоятельная потребность въ сооруженіи именно здѣсь маяка. Самый утесъ, совершенно обнаженный, отстоитъ отъ берега болѣе чѣмъ на нѣмецкую милю; поэтому не только весь матеріалъ для постройки приходилось доставить туда на судахъ, но нужно было имѣть въ виду и то, что работать на утесѣ можно только въ рѣдкіе дни, когда море бываетъ совсѣмъ спокойнo, да къ тому же слѣдовало еще опасаться сильнаго прибоя волнъ, который могъ уничтожить за ночь весь дневной трудъ. Несмотря на все это, одинъ изъ богатѣйшихъ гражданъ Плимута, по имени Винстенлей, рѣшился, на зло стихіямъ, построить маякъ именно на этомъ утесѣ. Онъ заказалъ изготовить планъ и затѣмъ приступили къ дѣлу. Фундаментъ былъ сложенъ изъ массивныхъ плитъ; на немъ утвердили высокія колонны, поддерживавшія самый фонарь и комнату для сторо-

жа. Строитель сообразилъ, что сквозная башня, т. е. изъ отдѣльныхъ колоннъ, будетъ менѣе противодѣйствовать напору волнъ, чѣмъ массивная, а потому и рѣшили соорудить сквозную, такъ какъ это было целесообразнѣе. Однако безъ бѣды не обошлось: въ одну страшную бурную ночь маякъ вмѣстѣ съ строителемъ, случайно находившимся тамъ, былъ снесенъ волнами. Построили новый маякъ уже въ видѣ исполннской круглой колонны, обшитой снаружи толстыми дубовыми досками, чтобы умѣрить удары волнъ; этотъ маякъ хорошо выполнялъ свое назначеніе въ продолженіи слишкомъ сорока лѣтъ, пока въ 1755 году не былъ разрушенъ ударомъ молніи. Тогда приступили къ сооруженію третьяго маяка и на этотъ разъ изъ одного камня; громадные плиты были соединены желѣзными полосами, а снаружи тѣсными рядами обвиты чудовищной желѣзной цѣпью, которая была предварительно раскалена и затѣмъ уже наложена, вслѣдствіе чего звенья ея при охлажденіи стянули башню еще крѣпче. Внутренность маяка наполнена цементомъ и камнями; входъ въ него находится на значительной высотѣ. Самый фонарь, устроенный по чертежу полковника Смитона, находится на разстояніи 93 футовъ отъ поверхности земли и, несмотря на то, волны иногда достигаютъ до верха, причемъ такъ бьютъ, что вся башня дрожитъ. Три сторожа денно и ночью находятся въ башнѣ. Обязанность ихъ состоитъ въ поддержаніи огня, который видѣнъ мореплавателямъ изда-

ВЪ ДОМЪ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобретено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Что... что это такое?.. Всѣ, рѣшительно всѣ, бывшіе на виллѣ, бросились стремглавъ въ садъ, чтобы спастись... Домъ былъ потрясенъ до основанія, казалось, что онъ сейчасъ рухнетъ. Землетрясеніе!.. Блѣдные, какъ полотно. затаивъ дыханіе, стояли люди въ саду, ожидая ежеминутно, что вотъ-вотъ земля провалится подъ ихъ ногами. Тамъ, на болѣе низменныхъ частяхъ лужайки, уже струились потоки воды; въ воздухѣ пахло гарью; хлопья пепла сыпались дождемъ на крупный песокъ площадки... Оконныя стекла горделивой прекрасной виллы полопались, а въ большой залѣ огромныя зеркала лежали на паркетѣ въ кускахъ; бархатныя и шелковыя занавѣси были оборваны съ насоро построенной сцены; рабочимъ приходилось защищаться отъ тяжелыхъ стѣнныхъ бронзовыхъ украшеній, которыя падали на нихъ.

Тѣ, которые гуляли близъ виллы, теперь тоже бѣжали сюда; между ними былъ и Антонъ, только что вернувшійся изъ города. „Вонъ гдѣ! Тамъ! Тамъ!“ кричали нѣкоторые, обращаясь къ президентшѣ, которая почти въ изнеможеніи опиралась на плечо Флоры; кричавшіе указывали ей въ глубь парка. Пожаръ былъ тамъ— густые, черные клубы дыма поднимались столбами, и среди этого непрогляднаго мрака только по временамъ взлетали, подобно ракетамъ, огненные языки.

— Порохъ въ башнѣ вспыхнулъ! крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Вздоръ! отвѣтилъ Антонъ, почти смѣясь, но стуча зубами отъ страха и ужаса. Этотъ дрянной, старый порохъ и вспыхнуть-то не могъ, а нѣсколько щепотокъ свѣжаго (баринъ потѣхи ради насыпалъ его сверху) не могли бы сдвинуть съ мѣста и одного кирпича!..

Не смотря на это, Антонъ какъ безумный бросился въ паркъ черезъ залитую водой лужайку... Вѣдь онъ зналъ, что его баринъ былъ тамъ, гдѣ горѣло... Толпа устремилась за нимъ. На городской башнѣ ударили въ набатъ.

Какое опустошеніе! Въ одну секунду прелестный уголокъ, земной рай коммерціи совѣтника, превратился въ безобразную дымящуюся кучу, среди которой грозно высилась башня, лишенная верхняго этажа, украшеннаго зубчатой короной... Только что отстроенная великолѣпная стеклянная теплица для пальмовыхъ деревь-

евъ являлась теперь въ видѣ рѣшета: каменный дождь ни одного стекла не оставилъ цѣлымъ.

Миновавъ послѣдній кустарникъ, скрывавшій самое мѣсто катастрофы, запыхавшаяся толпа невольно отшатнулась при видѣ страшной картины разрушенія!.. Волосы у всѣхъ стали дыбомъ. Неужели прародительница Баумгартеновъ въ самомъ дѣлѣ подожгла „историческій“ порохъ, чтобы положить конецъ фиглярству выскочки, лишить возможности „новаго хозяина“ кощунственно относиться къ почтеннымъ остаткамъ ея родового замка?.. И все таки руина не погибла: правда, верхній этажъ башни съ своей зубчатой короной развалился и его разнесло по парку; отъ нижней же части этого каменнаго колосса сила взрыва могла оторвать только нѣсколько каменныхъ плитъ, которыя и лежали неподалеку отъ рва. Огонь продолжалъ работать въ самой башнѣ; желтоватое пламя по временамъ вылетало оттуда, унося въ массѣ дыма красныя искры...

— О, мой бѣдный баринъ, стоналъ Антонъ, въ отчаяніи протягивая руки ко рву, гдѣ бурлили волны... Страшный подземный толчекъ заставилъ воду выступить изъ береговъ и разлиться далеко по парку; теперь она широкими потоками снова устремлялась въ свое ложе, увлекая съ собою песокъ, дернъ и окровавленные трупы голубей и галокъ. Изящный мостикъ исчезъ безслѣдно; красивые, зеленые склоны холма дали глубокія трещины, а старыя орѣховыя деревья, украсившія это мѣсто, были совсѣмъ выворочены изъ земли.

Толпа любопытныхъ увеличивалась, явились и пожарныя трубы, бочки, багры — но къ чему все это? Спасти чтонибудь не было уже возможности. Да и кто станетъ искать въ этомъ дымящемся кратерѣ остатковъ драгоценной мебели, осколковъ знаменитой коллекціи бокаловъ, статуй, перемѣшанныхъ съ обрывками произведеній живописи и клочками богатыхъ ковровъ?.. Какъ бы въ насмѣшку, одна изъ алыхъ шелковыхъ занавѣсей, пощаженная огнемъ, вылетѣла изъ окна и, зацѣпившись, повисла на оконномъ карнизѣ. Издали этотъ кусокъ матеріи казался страшнымъ кровавымъ пятномъ на стѣнѣ развалины.

Въ толпѣ перешептывались; одни говорили другъ другу о цѣлыхъ грудяхъ сохранявавшихся въ башнѣ золота и серебра... Другіе толковали о томъ, что раз-

ных бумаг и документов (напр., купчихъ крѣпостей) тамъ больше хранилось чѣмъ золота... Уцѣлѣли-ли это драгоценности, гдѣ онѣ теперь?.. Очень можетъ быть, что желѣзные шкафы, въ которыхъ хранилось все это, провалились въ подвалъ, и теперь, среди пламени, преобладаютъ невредимы, какъ чудесные фениксы?..

Ну, а что случилось съ *самимъ-то*, съ богатымъ баринкомъ? Антонъ увѣрялъ всѣхъ и каждого, что часъ тому назадъ баринъ отправился въ баню, чтобы достать изъ погреба вина. Толпа, затаивъ дыханіе, глядѣла въ это огненное море... Вѣрный слуга бродилъ, ломая руки, около рва и громко звалъ своего господина... Ахъ, что за непростительная неосторожность! Какъ можно было держать порохъ въ такомъ мѣстѣ, куда приходится ходить съ огнемъ?!..

— Ну, только не пресловутый „историческій“ порохъ натворилъ все это. Такое разрушеніе — могло учинить какое либо другое взрывчатое вещество, замѣтилъ громко и рѣшительно инженеръ, явившійся однимъ изъ первыхъ на мѣсто катастрофы.

— Хорошо-съ, но какимъ образомъ попало это другое вещество въ погребъ? пробормоталъ Антонъ, оставившись и бессмысленно глядя испуганными глазами на говорившаго.

Инженеръ промолчалъ и, съ двусмысленной улыбкой пожавъ плечами, отошелъ вмѣстѣ съ другими. Пожарныя трубы начали работать. Вода вступила въ борьбу съ огнемъ. Натащили досокъ и жердей и стали хлопотать надъ устройствомъ моста черезъ ровъ; шумъ, сумятица возрастали съ каждой секундой... Вдругъ, среди этого гвалта, раздался раздражающій душу вопль. Тамъ, довольно близко отъ башни, по дорогѣ къ верхней плотинѣ, нашли трупъ мельника Франца: тяжелый камень упалъ на него и раздавилъ ему грудь.

Казаось, будто вопль, вырвавшійся у мельничихи при видѣ бездыханнаго тѣла мужа, повторили сотни, тысячи голосовъ—такой стонъ стоялъ въ паркѣ.

Президентша вздрогнула и пролепетала:

— Они нашли его... Морица!..

Въ изнеможеніи сидѣла она на садовой скамейкѣ, неподалеку отъ дома; у нея почти отнялись ноги—попробовала было подняться и не могла. Почтенная дама слишкомъ была потрясена; старческая слабость невольнo обнаружилась.

— Они нашли его? Что-жь, умеръ онъ?.. Убить?.. лепетала она, совсѣмъ утративъ свой горделиво спокойный видъ и крѣпко ухватившись за руку Флоры, стоявшей возлѣ нея.

Одна только красавица невеста не теряла присутствія духа. Какой контрастъ! Среди дыма, грязи, груды осколковъ стекла и опрокинутыхъ деревьевъ, среди всего этого гвалта и суетни, стояла она въ своемъ бѣлоснѣжномъ платьѣ съ букетами бѣлыхъ маргаритокъ на груди и на бѣлокурыхъ локонахъ, блѣдная какъ полотно, но спокойная и такая разсудительная — какъ будто *лично* несчастье не смѣло коснуться ея.

— Хоть бы ты выпустила мою руку, бабушка! проговорила она нетерпѣливо.—Можетъ быть, и могла бы тогда доказать тебѣ, что тебя пугаютъ только призраки... Почему ты вообразила, что Морицъ непременно погибъ?.. Ха!.. Онъ-то, Морицъ, съ своимъ баснословнымъ счастьемъ?! Я увѣрена, что онъ здоровъ и невредимъ и находится гдѣ нибудь тамъ въ толпѣ, а наша безмозглaя прислуга, которая, кстати замѣтитъ, считаетъ совершенно излишнимъ позаботиться о насъ, и только мимоходомъ сообщаетъ намъ разный вздоръ, эта безмозглaя челядь не видитъ передъ собой своего барина.

Флора смотрѣла на мокрую лужайку, а потомъ взгляды ея остановились на ея собственной ногѣ въ бѣлой ботинкѣ, кончикъ которой выглядывалъ изъ подъ платья. Подумаютъ, что и я тоже немножко съ ума спятила,

сказала она, пожавъ плечами; однако мнѣ слѣдуетъ пойти туда...

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты останешься здѣсь, вскричала президентша и вибрировала руками въ складки бѣлаго платья. Ты не оставишь меня одну съ Генриэттой — вѣдь она еще безпомощнѣе, чѣмъ я, она не можетъ подать мнѣ никакой помощи... О, Боже мой, я умираю!.. Что если его уже нѣтъ?.. Что будетъ тогда?

Ея голова склонилась на грудь, на которой сверкали брилліанты. Какой дряхлой старухой казалась въ эту минуту эта женщина, и какъ не-кстати пышное желтое платье облекало ея фигуру!

Генриэтта приютилась на другомъ концѣ скамейки; блѣдная отъ волненія, она дѣтски-испуганными глазами глядѣла куда-то вдаль.

— Кѣта! Гдѣ же это Кѣта? шептала она дрожащими губами, автоматически повторяя эти слова.

— О, Господи, подкрѣпи меня! Вѣдь, всякое терпѣніе лопнетъ, пробормотала сквозь зубы Флора. Вѣда съ этими слабыми женщинами... Ну, скажи на милость, Генриэтта, зачѣмъ ты безумолку зовешь Кѣту? Никто не отниметъ ее у тебя!

Она съ явнымъ нетерпѣніемъ глядѣла по направлению къ дому, но тамъ не было видно ни одного живого существа, которое могло бы освободить ее отъ насильно навязанной ей роли защитницы; вся челядь была около башни, да и собравшіеся гости поспѣшили туда-же. Но вотъ пріѣхали изъ города молодыя дѣвушки, которыя должны были играть сегодня на виллѣ въ качествѣ благородныхъ актрисъ. Онѣ-то и освободили Флору.

— Скажите, ради Бога, что такое случилось у васъ? воскликнула фрейлейнъ ф. Гизе, стремительно подходя къ президентшѣ.

Флора пожала плечами.

— Въ башнѣ былъ взрывъ—вотъ и все, что мы знаемъ. Всѣ бѣгутъ, не обращая на насъ вниманія, никто ничего не объяснитъ, я-же не могу двинуться съ мѣста, потому что бабушка потеряла голову и въ превеликомъ своемъ страхѣ рветъ, именно рветъ, на мнѣ платье. Она вообразила, что Морицъ погибъ!..

Такая страшная мысль сильно поразила молодыхъ дѣвушекъ. О, неужели этотъ цвѣтущій, красивый кавалеръ, еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ провозглашавшій тостъ за „чудную жизнь“, погибъ тамъ, среди пламени или былъ разорванъ на мелкіе куски. Ахъ, эта мысль просто невыносима!..

— Невозможно! простонала фрейлейнъ ф. Гизе.

— Невозможно! повторила президентша, и въ голосѣ ея слышались и рыданья, и безумный смѣхъ... Вдругъ она встrepенулась, встала, но покачнулась, какъ пьяная, и робко указала на ближайшую рошцу...

— Вотъ, вотъ—они несутъ его! Боже праведный! Морицъ! Морицъ!..

Дѣйствительно, молча-торжественно оттуда несли кого-то; среди толпы любителей, сопровождавшей носильщиковъ, шель и докторъ Брукъ; онъ былъ безъ шляпы, его высокая фигура сразу бросалась въ глаза.

Флора побѣжала на встрѣчу печальной процессіи; президентша разразилась истерическимъ рыданіемъ. При приближеніи величаво-прекрасной невесты толпа невольнo разступилась... Взглянувъ мелькомъ на человѣка, котораго несли на кушеткѣ, Флора тотчасъ же вернулась и крикнула:

— Успокойся, бабушка! Нѣтъ, это не Морицъ..

— Это она—Кѣта!.. Я такъ и знала, прохриѣла Генриэтта, почти рыдая, и поспѣшила къ тому мѣсту, гдѣ усталые носильщики опустили кушетку, чтобы перевести духъ.

Несчастная лежала на старомодной кушеткѣ, взятой изъ кабинета доктора; платье Кѣты было въ такомъ видѣ, какъ будто ее сейчасъ вытащили изъ рѣки. Спи-

на и голова молодой дѣвушки покоились на мягких подушкахъ; если бы не струйка крови на лѣвой щекѣ и не перевязка на лбу (значить голова ранена), то можно было бы подумать, что молодая дѣвушка спитъ — такъ покойно опущены были ея вѣки, такъ небрежно лежали ея руки.

— Что случилось съ Кэтой, Лео? Зачѣмъ пошла она туда, на мѣсто страшной катастрофы? Что ей тамъ понадобилось? спросила Флора, подходя къ кушеткѣ. Тонъ ея голоса и взглядъ выражали скорѣе досаду на такое (будто бы) любопытство младшей сестры, ни тревоги, ни испуга не было замѣтно.

Передъ тѣмъ, когда Флора крикнула: „Успокойся, бабушка! Нѣтъ, не Морицу!“ глаза доктора гнѣвно сверкнули; теперь же онъ, повидимому, вовсе не слышалъ того, что она говорила — такъ крѣпко были сжаты его губы, такъ равнодушно скользнула его взглядъ по ней и потомъ остановился на Генриэттѣ.

Бѣдная Генриэтта стояла задыхаясь передъ нимъ и, сквозь слезы, боязливо смотрѣла ему въ лицо.

— Только одно слово, Лео — жива она? пролепетала больная, съ мольбой протягивая къ нему руки.

— Да, жива; отъ сильнаго сотрясенія воздуха и потери крови она лишилась чувствъ; опасность въ настоящую минуту только въ томъ, что на ней мокрое платье; рана на лбу незначительна... Слава Богу! Слова эти Брукъ проговорилъ дрожащимъ голосомъ и нѣжно, какъ братъ, обнявъ слабенькую Генриэтту, которая едва держалась на ногахъ.

— Ну, двигайтесь! съомандоваль докторъ отдыхавшимъ носильщикамъ; онъ видимо былъ встревоженъ и горѣлъ нетерпѣніемъ...

Толпа разошлась, видимо разочарованная: что-жь, отдѣлалась барышня счастливо, опасности не было никакой... Кушетку понесли черезъ площадку, мимо президентши, которая совершенно безознательно глядѣла на безчувственную Кэту и, повидимому, ничего не понимала, ничего не сознала. Испуганныя молодая дѣвушка робко жались другъ къ другу и какъ-то безпомощно глядѣли на молодого врача, который, не обращая на нихъ вниманія, шелъ рядомъ съ носильщиками. Лѣвой рукой онъ все еще поддерживалъ Генриэтту, правую же руку онъ положилъ на лобъ Кэты, какъ бы желая предотвратить малѣйшее болѣзненное сотрясеніе. Этотъ застѣнчивый, сдержанный человѣкъ (его въ послѣднее время видѣли постоянно мрачнымъ, подавленнымъ) глядѣлъ теперь съ нескрываемой нѣжностью на блѣдную молодую дѣвушку, какъ будто она одна была у него на свѣтѣ.

Флора шла слѣдомъ за ними; казалось, что она тутъ совершенно постороннее лицо. Бѣленькія ботинки и шлейфъ тарлатановаго платья невѣсты порядкомъ таки позагрязнились. Красавица поспѣшно сняла съ головы вѣнокъ изъ бѣлыхъ маргаритокъ: кстати-ли теперь, думала она, украшать себя цвѣтами?.. Машинально срывая цвѣточки, Флора роняла ихъ, оставляя за собою слѣдъ изъ маленькихъ бѣлоснѣжныхъ звѣздочекъ.

Невѣста прошла мимо бабушки и подругъ своихъ, не взглянувъ на нихъ. Ея сверкающій взглядъ былъ устремленъ на высокую фигуру жениха — видно было, что она каждую секунду ждала, что онъ обернется, чтобы посмотреть на нее; и такимъ образомъ она шла за нимъ шагъ за шагомъ черезъ площадку и вошла въ домъ. Президентша окликнула ее, но тутъ вдругъ со стороны руины послышался снова сильный трескъ, такъ что земля дрогнула, а затѣмъ оглушительно загудѣли человѣческіе голоса...

Флора даже не оглянулась... Какое же ей дѣло до всего этого — она шла съ непреклонной рѣшимостью постоять за „свои права“.

XXV.

Кончился этотъ страшный день, и наступила безмолвная, тяжелая ночь, полная мучительныхъ, тревожныхъ ожиданій. Никто не ложился спать; всѣ газовые рожки въ домѣ были зажжены; прислуга или ходила на цыпочкахъ, или шепталась, сидя по угламъ, и только когда со стороны башни приближались шаги пожарнаго или кто нибудь осторожно отворялъ наружную дверь — люди вскакивали и бросались въ корридоры, думая встрѣтить хозяина дома... Онъ долженъ же былъ явиться! Но вотъ и ночь прошла, утренняя заря занялась, а хозяинъ не приходилъ... да и не придетъ онъ!..

Розоватый свѣтъ, предвѣщавшій ясный день, разлился надъ виллой Баумгартенъ и заигралъ въ разбитыхъ оконныхъ стеклахъ. Онъ проникъ и въ залу, освѣтилъ тамъ алый бархатъ опрокинутаго балдахина, поигралъ на поблекшей зелени свалившихся, поломанныхъ оранжевыхъ деревьевъ... Что за хаосъ! Одного удара было достаточно, чтобы превратить эту волшебную декорацию изъ „тысячи и одной ночи“ въ груду осколковъ, тряпья и щепокъ.

Сегодня, можетъ быть впервые, утренній лучъ солнца могъ освѣщать эти аристократическіе покои, такъ какъ ставни не были заперты, шторы не были спущены; солнечные лучи могли даже свободно проникнуть въ великолѣпную спальню въ партерѣ, выходящую окнами на сѣверо-востокъ, съ ея богатыми, красными шелковыми занавѣсами и съ дорогой кроватью, покрытой кружевнымъ покрываломъ. Утреннее солнце играло также и въ брилліантахъ, украшавшихъ голову президентши. Почтенная дама не ложилась спать, она въ своемъ тяжеломъ желтомъ шелковомъ платьѣ ходила по длинной амфиладѣ комнатъ, ходила среди опрокинутаго мебели и статуи, упавшихъ съ карнизовъ.

Газовый шарфъ, покрывавшій шею и подбородокъ пожилой особы, развязался, и угловатая, нижняя челюсть, обыкновенно такъ тщательно скрываема, выступала теперь особенно рѣзко. Да, президентша была очень стара, дни ея были, можно сказать, сочтены — и, несмотря на то, старуха лихорадочно вздрагивала, со страхомъ думая только объ одномъ: „Кто наследуетъ Морицу?“ Она сама не имѣла ни малѣйшихъ правъ на наследство внезапно погибшаго, она не имѣла правъ даже на кровать, на которой спала... Коммерціи совѣтникъ рано осиротѣлъ; сколько старухъ было извѣстно, у него не было родныхъ, носившихъ его фамилію, но онъ довольно часто помогалъ родной теткѣ своей, женицѣ бѣдной, жившей гдѣ-то на Рейнѣ. Неужели эта нищая будетъ наследницей? Такая мысль доводила президентшу до бѣшенства. Жена какого-то писца, жалкая бѣлошвейка, сдѣлается обладательницей колоссальныхъ богатствъ, а г-жа президентша Урахъ, привышая къ богатой, вполне комфортабельной обстановкѣ, должна вдругъ лишиться всего этого!.. Ей придется стащить съ чердака свою старую мебель, нанять тѣсную квартиру, остаться безъ лошадей, безъ ливрейныхъ лакеевъ и уже не имѣть княжески-роскошнаго стола... Вѣдь она и обѣ ея внучки не были кровными родственницами милліонера, который не успѣлъ сдѣлать духовнаго завѣщанія.

Пріѣхавшіе наканунѣ гости (все изъ дворянскихъ фамилій), не оставляли президентшу почти всю ночь; хотя они не затрогивали вопроса о наследствѣ, однако, мимоходомъ, нѣкоторые изъ нихъ указывали на пуганицу въ денежныхъ дѣлахъ несчастнаго, которая навѣрно увеличится вслѣдствіе страшной катастрофы... Въ самомъ дѣлѣ, коммерціи совѣтникъ хранилъ всѣ документы и книги въ башнѣ, а все это исчезло теперь безслѣдно...

Положимъ, что погибли милліоны — но развѣ земля и вила, гдѣ находилась въ эту минуту почтенная дама,

Онъ будетъ нашъ! Картина Л. Журдина, грав. Паточка.

не стоили десятковъ тысячъ? Развѣ здѣсь внизу, подъ крѣпкими каменными сводами не хранились груды разныхъ серебряныхъ вещей и сервизовъ? Развѣ въ конюшняхъ не было лошадей самой благородной породы? А собраніе картинъ знаменитыхъ художниковъ? Одного этого было бы достаточно, чтобы обезпечить за г-жей президентшей, до конца ея дней, роскошную жизнь!..

Заходила разговоръ и о той, которая лежала теперь въ комнатѣ Генріэтты, интересовались судьбою внучки замковаго мельника; всѣмъ, разумѣется, было извѣстно, что все ея громадное состояніе хранилось въ башнѣ. Президентша, находясь въ тревожномъ состояніи, почти не слушала, что говорилось... Да и какое ей дѣло до жидовскихъ денегъ бывшаго мельничнаго батрака!

Флора, обладавшая замѣчательнымъ хладнокровіемъ и умѣньемъ владѣть собою, даже въ такія минуты, напротивъ: внимательно прислушивалась къ разговору, взвѣшивая разныя случайности, ожидавшія ея сводную сестру вслѣдствіе гибели всѣхъ документовъ.

Невѣста въ десять часовъ оставила бѣль-этажъ. При взглядѣ на ея красивое лицо нельзя было не замѣтить, что ее мучила какая-то затаенная злоба. Еще бы: вѣдь она, душа общества, красавица, умъ и мнѣнія которой были закономъ для ея знакомыхъ, и что же?—ей приходится, къ величайшей досадѣ своей, играть тамъ, наверху, въ комнатѣ больной, жалкую роль лишняго человѣка!... Кромѣ Генріэтты, которая, пріютившись на диванѣ, ни за что не хотѣла покидать Кэты, для ухода за больной явилась и тетушка-діаконица. Старушка вынуждена была просить пріюта на виллѣ, такъ какъ въ домикѣ надъ рѣкой, вслѣдствіе близости его къ мѣсту катастрофы, провалились трубы; стѣны же дали подозрительныя трещины; окна были разбиты, ни одна дверь не запиралась... Пріятельница тетушки и кухарка помѣстились на мельницѣ, у Сузы. Докторъ нанялъ двухъ сторожей, поручивъ имъ ночью смотрѣть за опустѣвшимъ домомъ.

У постели больной Кэты не нашлось мѣста для Флоры. У изголовья, въ креслѣ, сидѣла тетушка съ сильно заплаканными глазами, напротивъ нея—докторъ. „Старуха“ держала себя такъ, какъ будто легкая рана на лбу Кэты и ея продолжительный обморокъ были самымъ большимъ несчастьемъ этого рокового дня; Брукъ ни на минуту не покидалъ своего мѣста;—онъ тогда только оставлялъ руку Кэты, когда нужно было положить свѣжій компрессъ на ея голову. Быть смѣренной свидѣтельницей такой заботливости о „дюжей дѣвицѣ“, обладавшей нервами и мускулами бабки Зоммеръ, было очень трудно для Флоры, и она употребляла всѣ усилія, чтобы терпѣніе ея не лопнуло.

Боязливый, осторожный шопотъ крѣпко надоѣлъ ей; увидѣвъ, что съ этими встревоженными особами сегодня нельзя заговорить какъ слѣдуетъ, разумно, прекрасная невѣста сочла за лучшее удалиться и спустилась въ нижній этажъ, сильно раздосадованная.. Кровь кипѣла въ ея сердцѣ—вѣдь докторъ не только не помогъ сойти ей съ лѣстницы, но даже не проводилъ ее до двери!..

Флора тоже не легла спать, она сняла только съ себя бѣлое тарлатановое платье и закуталась въ бѣлый кашмировый платокъ греческаго покроя; передъ разсвѣтомъ она прилегла на красную кушетку въ своемъ кабинетѣ.

Эта комната казалась теперь такою пустынною и неуютною, какъ еще никогда. Черный писменный столъ былъ пустъ; на немъ лежалъ густой слой пыли; съ книжныхъ полокъ всѣ книги были сняты и уложены въ большіе ящики, стоявшіе посреди комнаты. Пьедесталы вмѣстѣ съ бюстами валялись на полу; дурно заправленная висячая лампа коптила потолокъ, тускло освѣщая стѣны кабинета.

Дождавшись утра, Флора послала на верхъ попро-

сить доктора придти къ ней; черезъ нѣсколько минутъ она услышала его твердые шаги въ корридорѣ. Поспѣшно поправивъ подъ утреннимъ чепчикомъ растрепавшіяся локочки, она крѣпче прижала свое мраморное лицо къ краснымъ подушкамъ кушетки и прищурясь глядѣла на дверь, въ которую долженъ былъ войти женихъ.

Брукъ вошелъ... Она никогда не видала его *такимъ*, и потому невольно приподнялась и встала, какъ будто передъ нею стоялъ совершенно незнакомый человѣкъ.

— Я чувствую себя что-то нехорошо, Лео, сказала она нервнито, не отводя удивленнаго взгляда отъ его лица. Лицо доктора хотя и было блѣдно, но казалось очень оживленнымъ, свѣтилось какимъ-то новымъ, радостнымъ чувствомъ, и вдругъ приняло теперь совсѣмъ иное вырженіе...

— Голова моя горитъ... испугъ и простуда—вотъ, вѣроятно, причина лихорадочнаго состоянія.

Она проговорила это съ запинкой, замѣтивъ, какъ его глаза холодно-пытливо были устремлены на нее... Онъ спокойно наблюдалъ ее, какъ и подобаетъ врачу... Этотъ взглядъ вскипятилъ ея кровь.

— Берегись, Брукъ! произнесла она совершенно спокойнымъ тономъ, причемъ однако грудь ея порывисто поднималась и опускалась, а двѣ глубокия морщинки прорѣзались на бѣлой кожѣ ея лба. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я терплю соперницу—и эта соперница—*твоя практика!* Она сдѣлалась твоей возлюбленной!.. Такъ это и пойдетъ, знаю, чувствую, но, благодаря моему возвышенному образу мыслей, я могу покориться этому. . И покорюсь, потому что знаю, что такая горячая любовь къ своему дѣлу сдѣлаетъ знаменитымъ человѣка, имя котораго я буду носить.

Тутъ Флора откинула голову и устремила взглядъ въ пространство, какъ будто передъ ея умственнымъ окомъ развернулся обширный міръ, утопавшій въ сіяніи этого славнаго, громкаго имени... Прекрасная невѣста потому и не замѣтила, какъ вспыхнули щеки Брука.

— Но я рѣшительно не потерплю ни малѣйшаго невниманія съ твоей стороны, когда мнѣ самой нужна твоя помощь, какъ врача, продолжала она. Намъ всѣмъ пришлось пострадать отъ этой страшнаго катастрофы, а мнѣ, бѣдной жертвѣ, выпало на долю еще заботиться о бабушкѣ, почти безумѣвшей отъ страха, присматривать за больной Генріэттой... Ну, задача не совсѣмъ-то легкая!.. И несмотря на это, тебѣ и въ голову не пришло спросить меня: „Какъ-то ты переносишь такое несчастье?“..

— Я не спрашивалъ потому, что знаю, что ты хорошо справляешься съ подобными душевными потрясеніями, вообще подчиняешь сердце разсудку, да, наконецъ—я съ перваго взгляда увидѣлъ, какъ мало и тѣлесно то пострадала ты...

Флора съ удивленіемъ прислушивалась къ звуку его голоса: Брукъ очевидно желалъ говорить спокойно, но обыкновенію, но голосъ его дрожалъ, какъ бы отъ сильнаго сердцебіенія.

— Что касается твоего послѣдняго предположенія, то ты ошибаешься, сказала она послѣ минутнаго молчанія,—у меня, дѣйствительно, стучать виски, относительно же перваго пункта—ты, можешь быть, и правъ. Я стараюсь въ каждомъ случаѣ, и какъ можно скорѣе, овладѣть собою и взглянуть здраво, ясно на вещи. Тебѣ, кажется, не нравится во мнѣ эта черта? Я это слышу въ странномъ тонѣ твоего голоса... Да, и вотъ именно сегодня ты долженъ былъ бы въ этомъ отношеніи отдать мнѣ справедливость. Я никогда не поддавалась на уговариванія насчетъ спекуляціи модными облигаціями, наслѣдованными отъ папа. Если бы я, какъ нѣкоторые другіе, увлеклась баснословнымъ счастье-

емъ, то, навѣрно, сегодня стояла бы передъ тобой съ пустыми руками: мое приданое улетучилось бы, какъ и несмѣтные богатства, разлетѣвшіяся вчера на всѣ четыре стороны. Что-жь, смотри, смотри на меня, Брукъ! (Она понизила голосъ). Я не позволяю морочить себя и называю вещи прямо по имени. Бабушка вонъ бѣгаетъ тамъ и ломаетъ руки, она внѣ себя, потому что „громадное богатство“ достанется другимъ; наши любезные гости до полуночи предавались скорби и плакали о богатомъ человѣкѣ, этомъ баловнѣ счастья, котораго злая насмѣшница судьба такъ трагически вырвала изъ его земного рая... Ну, а я вотъ что скажу: театральнѣйшій финалъ былъ плохо устроенъ, послѣдняя картина совсѣмъ не хорошо поставлена была въ глуби-

нѣ сцены... Въ одной декорациі не доглядѣли дыры, а черезъ эту-то дыру можно добраться до истины... Вотъ, погоди, можетъ быть надняхъ судъ объявить, что Рэмеръ сначала былъ легкомысленнымъ спекуляторомъ, а подъ конецъ—просто... мошенникомъ.

Эта послѣдняя мысль Флоры, какъ предсказаніе, могло поразить своею неожиданностью, да и Брукъ никакъ не ожидалъ услышать этого отъ Флоры, а она—она стояла въ своей бѣлоснѣжной одеждѣ Ифигениі на томъ же красномъ коврѣ, подъ той же висячей лампой, даже на томъ же самомъ мѣстѣ, съ котораго еще въ декабрѣ мѣсяцѣ клеймила передъ коммерціи совѣтникомъ дѣятельность своего жениха и говорила тогда же: „Я не терплю тайны въ своей душѣ!“...

(Продолженіе будетъ).

ОНЪ БУДЕТЪ НАШЪ!

(Картина А. Журдана).

Занятія жителей побережій океана и вообще островитянъ, какъ извѣстно, заключаются преимущественно въ рыболовствѣ, потому что этотъ трудъ лучше вознаграждается, даетъ больше средствъ къ жизни и, сравнительно, требуетъ меньше затратъ и усилій, чѣмъ при земледѣліи. Да и не вездѣ земля годна для обработки. Такъ, напр., на французскихъ островахъ почва—безплодный песокъ, да не думайте она и на приморскомъ берегу: съ одной стороны—необозримое море, съ другой—такъ называемыя дюны, тоже море, но песчаное, неподвижное, беззвучное, словомъ—мертвая пустыня. На этихъ сыпучихъ пескахъ, съ которыми ничего нельзя подѣлать, ничѣмъ удобрить, жители умерли бы съ голоду, или ушли бы куда нибудь, если бы море не давало имъ средствъ къ жизни. Мужчины занимаются исключительно ловлею рыбы, не только крупной, но и мелкой (сардинокъ); ловятъ они также омаровъ, краббовъ (морскихъ раковъ и пауковъ), съѣдобныхъ улитокъ, и вся эта добыча отправляется на рынокъ. Женщины трудятся не меньше мужчинъ: кромѣ домашнихъ работъ, онѣ во время отлива идутъ на берегъ, и тамъ, стоя въ водѣ по самыя плечи, собираютъ устрицы. Дѣти тоже не сидятъ сложа руки. Ростутъ они на свободѣ, съ младенчества привыкая къ самостоятельности, труду и золотой добродѣтели—терпѣнью. Выдается хорошей, теп-

лой денекъ—ну, какъ не убѣжать на берегъ, къ морю? И развѣ они боятся моря?.. Только не прогулки у нихъ на умѣ... Нѣтъ! «Авось удастся изловить славнаго, крупнаго омара (думаютъ дѣти), ну тогда его сейчасъ въ корзинку, а тамъ и на рынокъ! Мамѣ денегъ принесемъ, а то и сами купимъ себѣ что нибудь»... Сказано—сдѣлано.

Картина А. Журдана не требуетъ многословнаго описанія. Мальчикъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ сестренкой своей, добрался таки до желаннаго пункта—большаго камня на самомъ берегу моря. Зоркій глазъ его подмѣтилъ сидящаго въ норкѣ большаго крабба... «Ухъ, славная добыча! Давай-ка рыбку! Приманки надо его—такъ-то не поймашь. Да приготовь другую на всякій случай»... Рыбка насажена на сучекъ... Ну, теперь надо смотрѣть въ оба. Ракъ зашевелился при видѣ соблазнительной приманки, но, какъ видно, не рѣшается схватить ее. Можетъ быть онъ удивляется и никакъ не можетъ понять, почему эта рыбка надъ водой, а не въ водѣ? Тутъ что-то не ладно!.. Пусть ракъ размышляетъ, медлитъ—а ужъ быть ему въ корзинкѣ, потому что мальчикъ терпѣливъ, и такой добычи ни за что не уступитъ. Взгляните на личико дѣвочки: какъ она заинтересована этой охотой! Губки ея сжаты, но она, кажется, говоритъ: «Вотъ—сейчасъ—сейчасъ... онъ будетъ нашъ!»...

Э м с ъ.

Нассауская провинція обладаетъ необыкновеннымъ богатствомъ минеральныхъ водъ, между которыми наиболѣе замѣчательны и извѣстны около 20 источниковъ и колодезевъ въ Эмсѣ. Черезъ нихъ небольшой городокъ Эмсъ, съ 5,600 жителей, приобрѣлъ всемирную славу цѣлебнаго мѣста. Благопріятное мѣстоположеніе въ живописной долинѣ быстрой рѣчки Ланы, прелестныя, прохладныя, лѣсистыя окрестности, близость Рейна—этой большой дороги всѣхъ туристовъ и частыя посѣщенія высокихъ особъ—сдѣлали изъ Эмса роскошныя минеральныя воды, которыя ежегодно посѣщаются большими въ числѣ отъ 10 до 11 тысячъ человѣкъ. Множество очень хорошихъ гостиницъ, съ устройствомъ и цѣною для людей всѣхъ состояній и замѣчательныя удобства для лѣченія способствуютъ увеличенію числа посѣтителей и дѣлаютъ жизнь во время лѣченія тѣмъ болѣе пріятною и занимательною, что здѣсь удовлетворяется потребность быть въ хорошемъ обществѣ. Кабинеты для чтенія, концерты, нѣмецкій и французскій театры доставляютъ богатый источникъ для развлечения.

Наши картины могутъ дать наглядное понятіе о мѣстоположеніи города и зданій его минеральныхъ водъ. Лѣсистыя склоны горъ близко подходятъ здѣсь къ берегу Ланы, и узкая долина у подошвы ихъ вся застроена рядомъ великолѣпныхъ зданій минеральныхъ водъ, отелей, публичныхъ и частныхъ построекъ. Между ними наибольшій интересъ для насъ представляютъ кургаузы и источники, которымъ Эмсъ обязанъ своею извѣстностью и множествомъ посѣтителей. Такъ, на первой картинѣ мы представляемъ нашимъ читателямъ видъ курзала; здѣсь находится часть источниковъ, у которыхъ толпятся массы народа въ утренніе и предъобѣденные часы дня. Въ курзалѣ находятся естественныя и искусственно проведенныя источники, которые служатъ частью для питья, а частью для купанья. Въ разныхъ частяхъ зданія устроено множество ваннъ, стоящихъ отъ 7 зильбергрошей до 1 талера, смотря по большей, или меньшей роскоши ихъ устройства. Комнаты же верхняго этажа отдаются для помѣщенія пріѣзжающимъ. Кур-

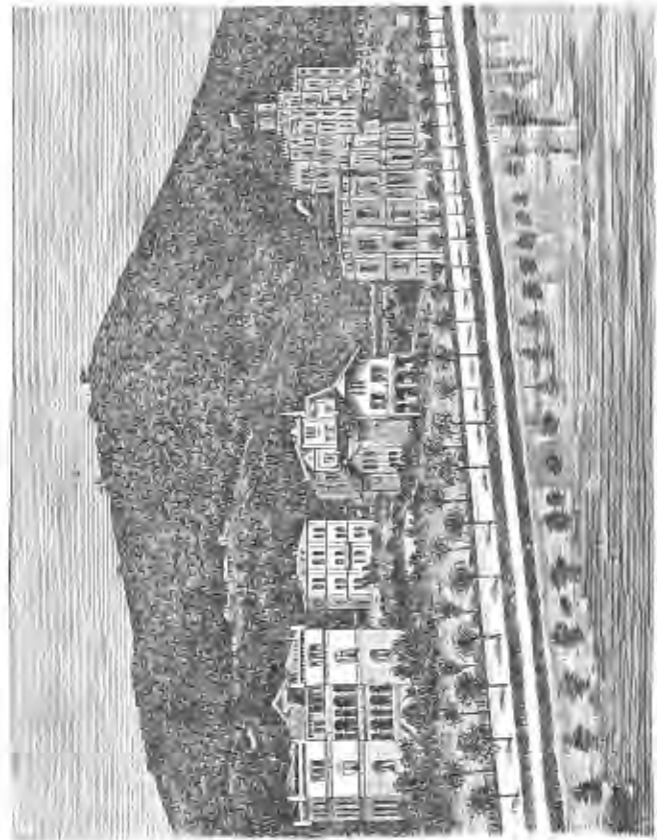
гаузъ, предназначенный для пріѣзда Германскаго Императора, занимаетъ значительную часть долины праваго берега Ланы и состоитъ изъ обширныхъ построекъ. На второй картинѣ изображенъ курзалъ съ изящными замками, построенный въ 1839—1844 г. на правомъ берегу рѣчки Ланы. Онъ представляетъ сосредоточіе и сборный пунктъ всего лечащагося общества, такъ какъ кромѣ собственно курзала, украшеннаго фресками въ помпейскомъ стилѣ и мраморными колоннами въ нижнемъ этажѣ зданія помѣщаются различныя боковыя залы съ рестораною и съ читальнями, а наверху концертныя и театральныя залы; снаружи идетъ колоннада съ магазинами.

Садъ, прилегающій къ курзалу, соединяется прекрасными аллеями съ лѣсистыми склонами горъ, которые, окружая Эмсъ какъ бы величественнымъ природнымъ паркомъ, вмѣстѣ съ прелестными окрестными вилами, деревенскими домиками и живописными постройками, увеличиваютъ удовольствія здѣшняго мѣстопребыванія.

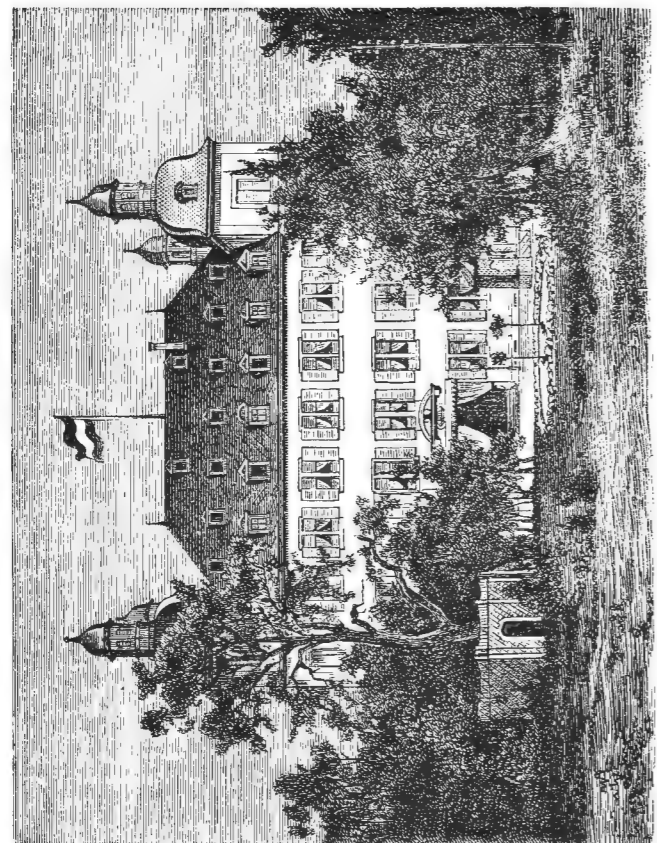
Третья картина представляетъ нѣкоторыя изъ изящныхъ комфортабельныхъ виллъ въ окрестности города, а на четвертой изображенъ красивый видъ кургауза, носящаго названіе «Четырехъ Башенъ» и состоящаго въ связи съ образцовымъ отелемъ англійскаго двора, гдѣ неоднократно помѣщался и пребываетъ въ настоящее время Его Величество Государь Императоръ Всероссійскій.

Правый болѣе населенный берегъ соединенъ съ лѣвымъ, на которомъ находится новый домъ для купанья и мѣстечко Шписъ-Эмсъ, посредствомъ мостовъ: чугунаго на аркахъ, съ рѣшеткою на мраморныхъ столбахъ и плашкоутнаго вблизи Англійскаго двора. (Первые два моста видны на картинкѣ, изображающей общій видъ города). Для питья изъ Эмскихъ источниковъ особенно замѣчательны Кессельбрунненъ, Крэнхенъ, Фюрстенбрунненъ, Августафельзенквелле, Викторія и Эвенфельзенквелле, съ температурой отъ 16 до 37° R; вслѣдствіе чего ихъ слѣдуетъ пить непосредственно изъ источника.

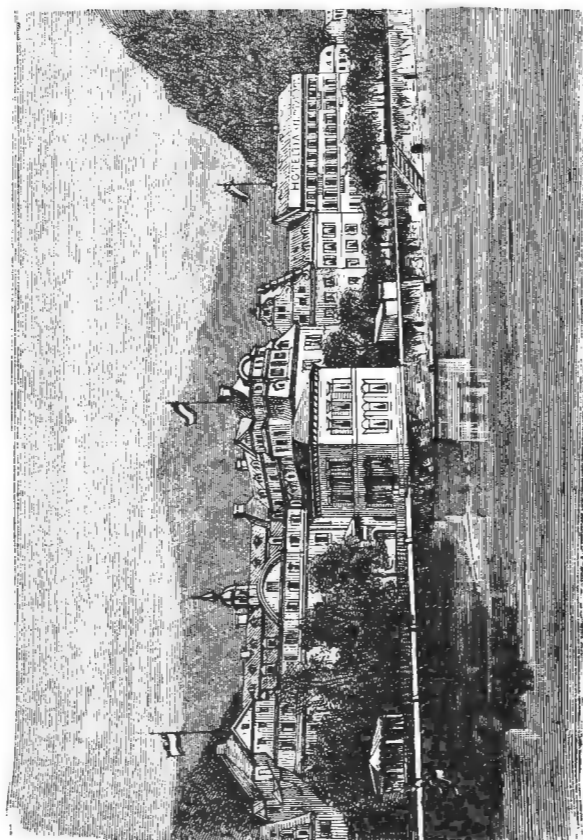
ПРЕБЫВАНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ЗА ГРАНИЦЕЮ: ВИДЫ ГОРОДА ЭМСА.

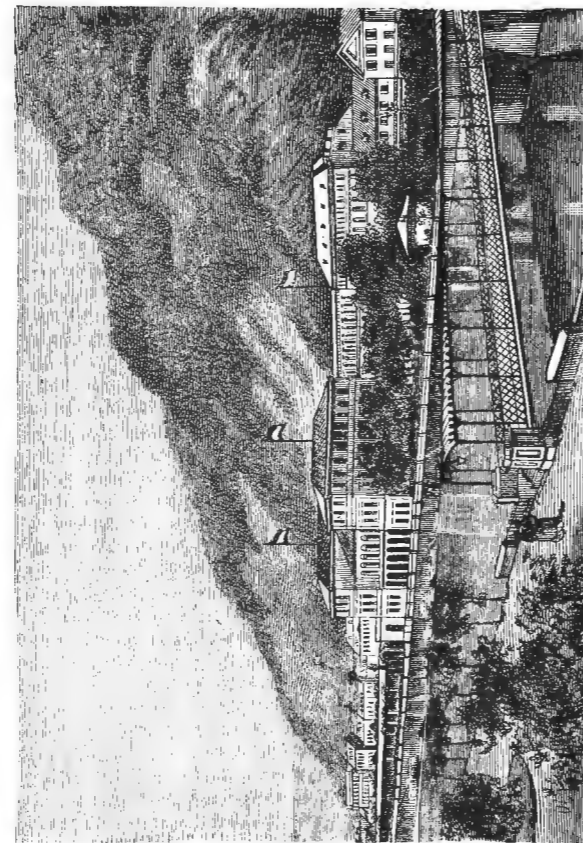
Разныя дачи въ окрестностяхъ Эмса.

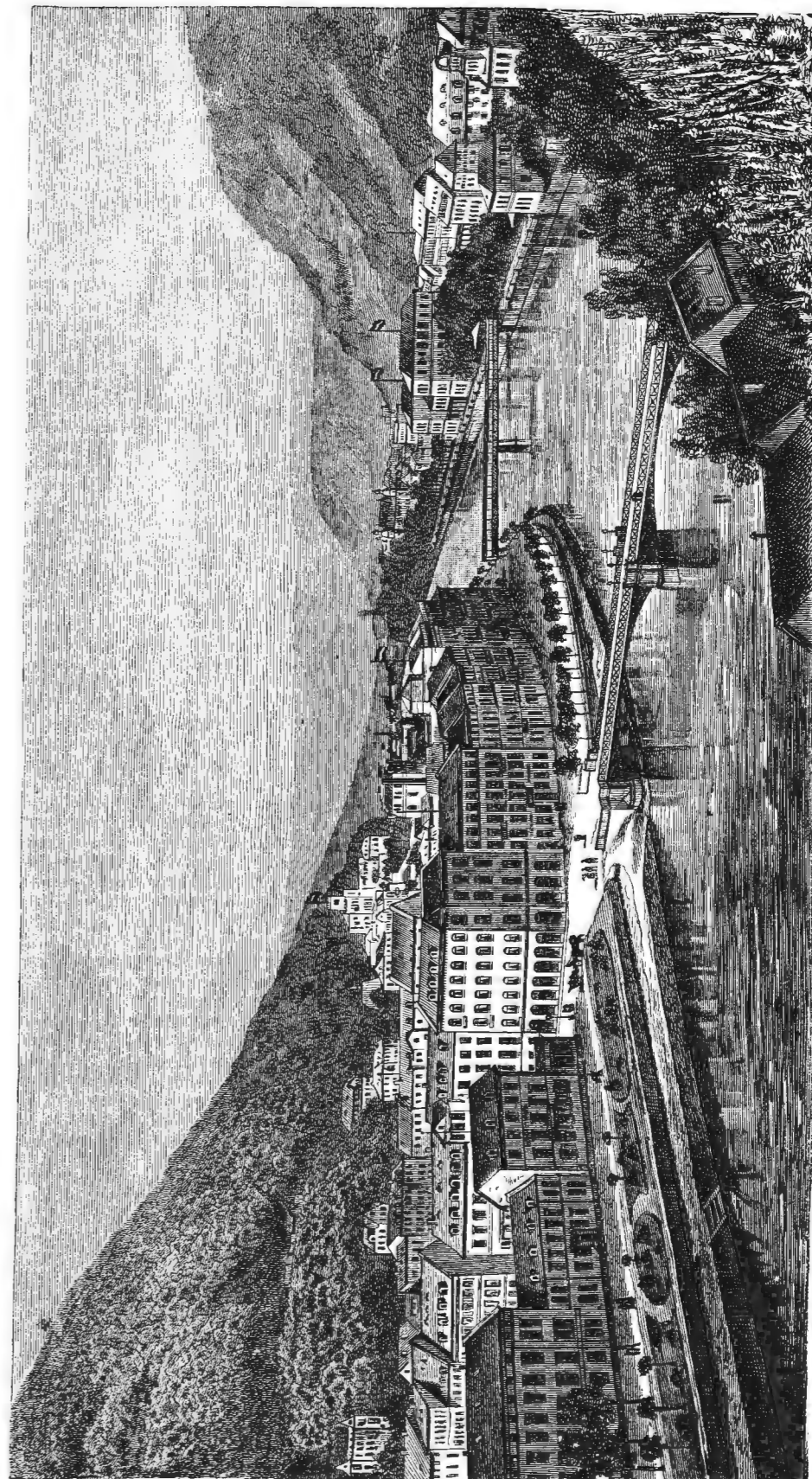
Четырехбашенный замокъ, мѣстопребываніе Императора Всероссийскаго.

Кургаузъ, мѣстопребываніе Императора Германскаго.

Общій видъ курзала въ Эмсѣ.

Общій видъ города Эмса.

Хозяйственные советы.

Хорошее копченое мясо готовить можно по следующему способу: окорок или вообще мясо, которое желательнее прокоптить, пропитать хорошенько смесью из 32 частей поваренной соли и одной части селитры, затем обсыпать его ржаными или пшеничными отрубями, завернуть в бумагу, употребляемую для печати, и приступить к копчению мяса. Бумага предохраняет это мясо от влияния неприятных испарений и не дает ему слишком засохнуть.

Фрикадели. Остаток жареной телячьей ляшки разрезать на кусочки в палец длиною, в палец толщиной и в два пальца шириною, прошиповать их шпекотом и опустить прошипованные фрикадели в горшок, употребляемый для приготовления душеного мяса. В горшок этот прибавить: полфунта масла, штук шесть сардинок в рубленном виде, лимон разрезанный на кружки, блага перца в цельном виде, небольшое количество воды и мушкатного цвета и, накрыв горшок, поставить его в горячую духовую печь. Кость ляшки можно отварить в воде и полученный таким образом отвар употребить вместо воды. Фрикадели эти идут к тертому картофелю и т. п.

Пересылка живой рыбы. Намочив кусок хлеба водкой, положить его в рот рыбы и влить туда еще небольшое количество водки. Затем нужно завернуть рыбу в свежую солому, перевязать солому толстыми нитками и запечатать ее в холст. По доставлении рыбы на место назначения, следует освободить ее скорей от соломы и пустить в свежую воду, в которой рыба приходит скоро в себя и начинает плавать. Больших рыб можно таким образом сохранить живыми в продолжении восьми дней и отправить за тысячи верст.

О картофельной муке. Картофельная мука во многих домашних хозяйствах хотя и бывает употребляема нередко для приготовления разных пирожных, тортов, пудингов, кремов и т. п., но покупка ее обходится не дешево, так как в продажу мука эта идет в незначительном количестве. Между тем способ приготовления картофельной муки домашними средствами довольно прост. Этот испытанный способ состоит в следующем: очистить от шелухи по возможности крупные красные картофелины, которые должны непременно заключать в себя значительное количество мучных частиц; затем промыть их и растереть. Полученную массу нужно окатить водой и хорошенько протереть, потом пропустить ее через мелкое сито, всего лучше волосяное, и полученную таким образом осадку следует промывать несколько раз и до тех пор, пока она не сдлается достаточно белой. Затем этот осадок нужно просушить на воздухе или на солнце и растереть его руками как можно мелче. Более твердые комки муки, которые невозможно будет раздавить, могут быть употребляемы вместо саго, приготовленная же таким образом мука может заменить крахмал. Во всяком случае растертая картофелины должны быть промытамы до тех пор, пока мучные частицы не отделятся совершенно от волокон, которые могут быть употребляемы затем в корм для домашнего скота.

Для приготовления обыкновенного уксуса нужно употребить два боченка, из которых один для приготовления, а другой для сохранения уксуса. Оба боченка должны быть дубовые и хорошо обиты железными обручами. На первом из боченков, на передней стороне, в прямом направлении под краном или трубкой, на 1 или 1½ дюйма от края, необходимо просверлить отверстие, которое должно иметь в поперечнике ½ дюйма. Оба боченка поставить в погреб, который зимой может быть согреваем в тепле. Сперва наполнить первый боченок до отверстия совершенно чистым, химическим уксусом, для чего достаточно будет употребить около 10 мьр. Дать боченку простоять две недели и затем, отлив из него три мьра, вылить их в другой боченок и заменить таковым же количеством кипяченой воды, в которую, прежде слития в боченок, прибавить еще 12 унц. чистейшего 90° (по Трал.) винного спирта. По истечении еще двух недель, операцию эту следует опять повторить и поступать таким образом непрерывно. После того, как второй боченок будет наполнен, можно приступить к употреблению в дело находящегося в нем и очень приятного на вкус уксуса.

Мыло для вывода жирных и других пятен на одежду. Взять 2 фун. так называемого испанского мыла и ½ фун. поташу, распущенного в ½ бут. воды; разрезать мыло на кусочки и проварить их вместе с поташем. Когда масса эта начнет сгущаться, то нужно прибавить к ней: ½ унц.

камфоры, 1 унц. алкоголя и 1 унц. спирту оленьего рога, и затем полученную массу формовать в виде дощечек.

Полировка мебели. Смешав в горшке, не бывшем в употреблении, один лоток алканного корня с 5—6 столовыми ложками льняного масла, лоток прокипятить этой массой на углях, жарь которых должен быть умеренный. По охлаждении массы, мазать ею мебель, а по прошествии суток полировать ее посредством замши или суконной тряпки. Мебель, принявшую от времени тусклый вид, можно сделать таким образом вновь блестящею и придать ей приличный вид.

Сохранение зимою яиц. Один из самых лучших и простейших способов сохранения зимою яиц заключается в том, чтобы уложить их концами вниз на чистой, сухой соли, насыпанной в горшки или боченки, и за тем поставить последние в сухом месте. Соль в этом случае может быть также заменена и древесной золой. Яйца сохраняются еще лучше, если прежде укладки вымазать их каким либо жирным или масляным веществом.

Чистка белых гипсовых фигур. Если на гипсовых фигурах образовался от времени затвердевший слой пыли, то нужно покрыть их слоем густого, горячего крахмала на 1 вершок толщиной. Когда слой крахмала совершенно высохнет, следует отделить его от гипсовой фигуры посредством какого-либо остроконечного инструмента, при этом получается свой первобытный белый вид. Вслучае, если фигуры уже чрезвычайно грязны, то из смеси гипсового порошка с водой необходимо приготовить раствор, коим и следует вымазать фигуры после промывки их крахмалом.

Средства для истребления древесных червей. Находящегося в дереве и для мебели столь вредного червя можно истребить вливанием бензина в отверстия, сделанные червем. Предохранить дерево от появления новых червей можно смазыванием его совершенно легким, для рук безвредным слоем раствора сулемы (хлористой ртути).

СМЕСЬ.

Самая большая фабрика спичек находится в Богемии, близ Пильзена. Она расходует ежегодно 3,000 австр. клат. дерева, 300 центн. сьры и от 6 до 7 центн. фосфора. Коробки для упаковки спичек, в количестве не менее трех миллионов, доставляет одно из исправительных заведений. Спички на этой фабрике готовят посредством обыкновенного струга, с помощью которого один рабочий, в продолжении двенадцати часов может сделать до двух миллионов спичек.

По известиям из Калькутты, королева, в память посещения принцем Уэльским Индии, назначила его полковником восьми туземных полков, из числа которых, полков его имени будет четыре, а остальные—имени королевы. 11 марта принц, приняв прощальный адрес от жителей Бомбея, отправился из этого города в Англию на пароходе «Серапис». Кроме симпатичного населения, высокий путешественник привез с собою еще много подарков. За исключением дорогих подарков, состоящих из золота и драгоценных камней, а также своей собственной охотничьей добычи, заключающейся в тигровых шкурах и слоновьих клыках, принц привез еще много представителей животного царства Индии, как-то: маленьких тигров и молодых слонов, подаренных ему индийскими князьями.

В последних числах февраля через станцию Саарбрюкенъ провозились много римских древностей как-то: рельефныя изображения, части колоссальной мраморной урны и т. д. Все эти древности были найдены в селѣ Велленъ (къ сѣверозападу от Саарбурга, напротив Люксембургскаго мѣстечка Гревенматеръ) и будут выставлены въ археологическомъ музѣ въ Боннѣ. О томъ, какъ отыскали эти древности, рассказываютъ следующее: при производствѣ земляныхъ работъ, во время постройки тирско-диденгофенской желѣзной дороги, наткнулись въ саду одной гостиницы на стѣны, очевидно римской постройки. При дальнѣйшихъ раскопкахъ, сдѣланныхъ съ величайшею осторожностью, открылись подземные своды римской бани. Бани, какъ кажется, составляла часть римской виллы, построенной въ 3 или 4 столѣтіи по Р. Х., и судя по найденнымъ остаткамъ колоннъ, украшеній, рельефовъ и мозаикъ, была устроена весьма роскошно. Въ томъ же самомъ мѣстѣ, найдено еще, какъ слышно, довольно много римскихъ монетъ, колець и женскихъ золотыхъ украшеній.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

Особая коммисія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ пришла къ заключенію, что генераль-губернаторства могутъ имѣть мѣсто лишь на окраинахъ Азиатской Россіи, и полагаала необходимымъ образовывать три генераль-губернаторства: 1) степное — съ центромъ въ Омскѣ, изъ областей: Уральской, Орской, нынѣ Тургайской (съ землей оренбургскихъ казаковъ), Омской, нынѣ Акмолинской, и Семипалатинской; 2) туркестанское, съ центромъ въ Ташкентѣ—изъ областей Сыр-Дарьинской, Самаркандской и отдѣловъ Тянь-Шанскаго и Аму-Дарьинскаго; 3) амурское — съ центромъ въ Благовѣщенскѣ, изъ губерній Забайкальской (нынѣ области) и области Приамурской (нынѣ области Амурской и Приморской).

Военное дѣло.

Утверждены военнымъ министромъ временныя правила, для храненія, перевозки, испытанія и освѣженія комплектныхъ металлическихъ, герметически укуренныхъ патроновъ; правила приняты для руководства на два года, по истеченіи какового срока вмѣнено въ обязанность представлять сообщенія, относительно удобопримѣнимости ихъ, согласно указаніямъ опыта.

— Мы слышали, что, по вопросу о введеніи въ Финляндіи всеобщей воинской повинности, предполагается установить, чтобы молодые люди, окончившіе курсъ въ университетѣ или политехническомъ институтѣ, послѣ дѣйствительную службу не болѣе шести мѣсяцевъ, а студенты и гимназисты—не болѣе года и трехъ мѣсяцевъ; наконецъ, юноши, окончившіе образованіе въ городскихъ или другихъ низшихъ школахъ, несли бы дѣйствительную службу по два года, а всѣ прочіе граждане, не получившіе образованія, находились бы въ дѣйствующемъ корпусѣ по три года.

Морское дѣло.

Изъ Лондона телеграфируютъ: «Франція присоединилась къ Англіи, Россіи и Германіи въ дѣлѣ уничтоженія пиратства на китайскихъ водахъ».

— Въ „Moniteur de Flotte“ пишутъ, что число погибшихъ на англійскихъ купеческихъ корабляхъ въ 1870, 1871 и 1872 годахъ простирается до 5,916 человекъ; изъ этого числа погибло моряковъ 5,531 и пассажировъ 385 человекъ, что составляетъ среднимъ числомъ до двухъ тысячъ погибшихъ въ годъ.

Народное образованіе.

«Gazeta Handlowa» слышала, что проектъ устава о ремесленныхъ училищахъ, на устройство которыхъ завѣщанъ г. Канарскимъ капиталъ, уже пересланъ въ С.-Петербургъ.

— «Русск. Инв.» говорятъ, что школы оренбургскаго казачьяго войска, давая значительное число грамотныхъ людей въ стрелецкія части, приносятъ большую пользу въ дѣлѣ упроченія чисто-русскихъ началъ на войсковой территоріи, такъ какъ въ составъ войска входитъ значительный процентъ инородческаго мусульманскаго населенія, которое, одинаково съ русскимъ, отдаетъ своихъ дѣтей въ войсковыя школы. Въ настоящее время, во всѣхъ трехъ отдѣлахъ войска 325 школъ съ 12,629 учащимися. Сверхъ того, есть школа офицерскихъ дѣтей съ 35-ю учениками.

— Слышно, что существуетъ предположеніе установить премій для тѣхъ содержателей и содержательницъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе и воспитаніе будетъ идти особенно успѣшно.

Промышленность.

Изъ напечатанныхъ въ «Твер. Губ. Вѣд.» свѣдѣній о фабричномъ и заводскомъ про-

изводствѣ Тверской губерніи видно, что всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ 1875 г. было въ дѣйствиіи 530, изъ коихъ 252 въ городахъ и 278 въ уѣздахъ; производительность ихъ опредѣлялась въ 19,517,221 руб., а число рабочихъ простиралось до 20,874 человекъ.

— «Gazeta Polska» сообщаетъ, что варшавскимъ промышленнымъ и земледѣльчскимъ комитетомъ предполагается въ нынѣшнемъ году устроить двѣ выставки: одну—земледѣльческую, другую—промышленную.

Пути сообщенія.

Въ Тулѣ будетъ приступлено въ непродолжительномъ времени къ постройкѣ постоянного моста чрезъ рѣку Упу, вмѣсто ниже-перекопскаго. Мостъ долженъ быть желѣзный, раскосной системы, шириною не менѣе девяти аршинъ провѣздного полотна, а стоимостью не превышать представленной смѣты въ 70,000 рублей.

Железные дороги.

«Вѣстникъ желѣзныхъ дорогъ и пароходства» сообщаетъ, что нарицательный капиталъ всѣхъ существующихъ въ Россіи обществъ желѣзныхъ дорогъ равняется 1,320,000,000 р. Изъ этой суммы, безъ гарантіи правительства, обращается 249,284,048 руб., а съ правительственною гарантіею 1,070,859,033 р.

Благотворительность.

«Wiek» сообщаетъ, что нѣкто, докторъ Бонувичъ, умирая, завѣщалъ 7,500 руб. въ пользу недостаточныхъ вдовъ мѣстныхъ врачей; сумма эта, должна быть причислена къ постоянному капиталу варш. врач. общества, съ тѣмъ, чтобы проценты выдавались ежегодно въ день именинъ жертвователя пяти вдовамъ врачей.

— «Kurjer Codzienny» сообщаетъ, что въ правленіе варш. благотворит. общества прислано неизвѣстнымъ лицомъ 500 рублей, съ просьбою, чтобы на эти деньги были куплены швейная машина, и чтобы въ одной изъ залъ принадлежащаго обществу зданія дозволено было бѣднымъ женщинамъ бесплатно шить на этихъ машинахъ.

— Киевское общество пощенія о больныхъ и раненыхъ воинахъ предполагаетъ, по словамъ «Киевланина», образовывать въ Киевѣ общину сестеръ краснаго креста, по образцу общины св. Георгія въ Петербургѣ.

— Въ Ригѣ, существуетъ заведеніе для идитовъ. Въ заведеніи находится въ настоящее время 10 воспитанниковъ, въ возрастѣ отъ 6 до 32 лѣтъ. Для развитія скудныхъ способностей этихъ несчастныхъ съ ними предпринимаются различныя физическія и психическія упражненія. Для развлеченія ихъ устраиваются разнаго рода игры, на подобіе употребляемыхъ въ дѣтскихъ садахъ, причемъ въ особенности музыка оказываетъ сильное и благотворное вліяніе на эти бѣдныя существа.

Новыя изобретенія.

Передаютъ извѣстіе, что, во время американской выставки, поѣзды между Филадельфіею и Нью-Йоркомъ будутъ ходить со скоростью ста пятидесяти верстъ въ часъ. Для этой цѣли приготовлены особаго рода локомотивы на механическомъ заводѣ президента Грана. Директоръ этого завода, а также изобрѣтатель такихъ локомотивовъ—уроженецъ Варшавы и бывшій воспитанникъ варшавскаго реальнаго училища, Оома Краевскій.

Служки.

Газеты сообщаютъ, что нѣсколько европейскихъ ученыхъ имѣютъ намѣреніе посѣтить нынѣшнимъ лѣтомъ Россію. Говорятъ, что изъ Франціи прїѣдетъ Катрфажъ, изъ Германіи—Вирховъ, а изъ Англіи—Дарвинъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Нишиневъ, подписчикамъ «Нивы» Мы увѣрены, что совѣты ваши искренни, но не все то исполнимо, что искренно совѣтуется, и притомъ,—на всѣхъ не угодишь. Сравните «Ниву» прежнихъ лѣтъ съ «Нивою» настоящаго года, и убѣдитесь, что заботы наши объ улучшеніи изданія неограничиваются только приложеніемъ премій. Мы не говоримъ уже о приложеніи модъ, которыхъ, напримѣръ, въ 1870—71 г. вовсе не было, въ 1873 г. было очень мало и на которыя расходы наши въ настоящее время болѣе чѣмъ удешевились, но указываемъ на улучшения «Нивы» въ художественномъ и литературномъ отношеніяхъ. Разныя извѣстія не могутъ не отставать отъ газетныхъ, ибо «Нива», во первыхъ, не ежедневный журналъ, а во вторыхъ печатаніе 25 тысячъ экземпляровъ требуетъ заблаговременнаго заготовленія матеріала. Обычныя оригинальныя повѣсти и рассказы будутъ въ настоящеемъ году своевременно напечатаны; что же касается указанія на замедленіе въ печатаніи продолженій нѣкоторыхъ статей, то нужно быть болѣе близко знакомымъ съ внутренней жизнью изданія, чтобы ставить ему въ упрекъ это замедленіе и въ особенности указывать на необходимость немедленнаго печатанія такихъ статей, которыхъ печатаніе редакция обусловила общими въ формѣ «когда нибудь». За сими упреки за неапечатаніе въ 1875 году нѣкоторыхъ общими повѣстей мы, конечно, обязаны принять молча, но, повторимъ, если бы читатели ближе стояли къ издательскому дѣлу и были бы знакомы съ тѣми многочисленными обстоятельствами, въ коихъ находится литературная сторона изданія, то не сдѣлали бы намъ такого упрека.

2) Моншаны, г. В. Л.—ову. Пожары и падежи скота, какъ вы можете убѣдиться изъ статистическихъ свѣдѣній, ежегодно публикуемыхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», составляютъ несчастіе не только Мокшанъ, но и всей Россіи. Для того, чтобы страна могла съ достаточною силой бороться противъ этого величайшаго зла, мало тѣхъ печатныхъ обличеній, на пользу отъ которыхъ вы возлагаете надежду, необходимы другія мѣры, и, насколько намъ извѣстно, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вопросъ о борьбѣ съ этимъ зломъ занимаетъ видное мѣсто.

3) Варшава, г. Т. Д. Стихи не будутъ напечатаны. Если хотите знать почему, то прочтите любую изъ теорій словесности и узнаете, что достоинства художественнаго произведенія выражаются, какъ въ музыкѣ, такъ равно въ живописи и литературѣ, такъ называемую художественную правду, т. е. воспринизведемъ явленій дѣйствительной жизни въ ясныхъ и опредѣленныхъ образахъ, полныхъ мысли и чувства. Ничего подобаго нѣтъ въ вашихъ стихахъ.

4) Игумень (Мянской губерніи) Самуилъ Н.—вичу. Вы пишете, что ваши произведенія не разъ «выдержали уже самыя зоркіе взгляды строжайшихъ критикъ». Это хорошо, что они такъ выносились, но это не можетъ все такъ испускить ихъ литературныхъ недостатковъ. И хорошо же должны быть критики, посоветовавшіе вамъ печатать ваши произведенія!

5) Ржевъ, А. Л. Гр.—ову. Въ стихахъ вы просите смягчить муку вашего сердца. Средства для этого, по нашему мнѣнію, есть вѣрно—не писать вовсе стиховъ.

6) Станція Нитковка (Черниговской губерніи) М. Р.—вой. Ваше сочиненіе: «Институтъ и институтки» не можемъ принять. Институтская жизнь сто разъ уже описывалась и, извините, болѣе талантливо. Что касается послѣдней главы (о гимназіяхъ), то смѣемъ увѣрить васъ, что вы имѣете въ высшей степени ложное понятіе о человѣческихъ достоинствахъ.

7) Москва (д. Трапезникова) П. В. Я.—ву. Повѣсть ваша неудобна въ печати по своему сюжету, да и вообще, напрасно вы беретесь поучать, когда нужно самому еще поучиться.

8) Тула, П. С. Триповскому. Разсказы Соснецкаго, «Рамсъ» и «Странный человекъ» не годятся. Повѣсть же «На рубежѣ паденія» можно принять при сокращеніи на половину и подъ другимъ названіемъ. Просимъ увѣдомить объ условіяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

7-го мая 1876 года,

Покупа-		Продава-		Продавно.	
		теми.		ци.	
5%	заемъ съ выигр.	1-го выпуска	218 ¹ / ₄	219	218,219,218 ¹ / ₂
5%	заемъ съ выигр.	2-го выпуска	212 ¹ / ₄	213	212 ¹ / ₂ ,213
5%	банк. бил.	1-го выпуска	100	100 ¹ / ₄	—
5%	"	2-го	100	100 ¹ / ₄	100 ¹ / ₈
5%	"	3-го	97 ⁷ / ₈	100 ¹ / ₄	—
5%	обл. Сиб. Гор. Кред. Общ.	91 ⁷ / ₈	92 ¹ / ₈	92,92 ¹ / ₈	—

АКЦИИ.

125 р.	Гл. Общ. Рос. Жел. Дорогъ	164 ¹ / ₂	164 ³ / ₄	164 ¹ / ₂
125	" Рязско-Днябургск.	128	129	—
100	" Московск.-Рязанск.	309	—	310,310 ¹ / ₂
125	" Орловск.-Витебск.	138	—	—
20 ф. с.	Витебск.-Дняб.	139	141	—
100 р.	Рыбинск.-Вологов.	93	93 ¹ / ₂	93 ¹ / ₂ ,93 ¹ / ₂
100	" Тамбовск.-Козлов.	—	73	—
125	" Моск.-Врестск.	79 ¹ / ₄	80	79 ¹ / ₂

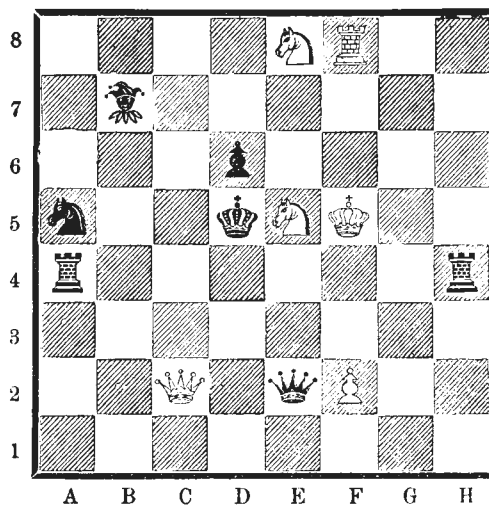
ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Жидь Купи, пань, ружье.
Хохоль. Да чтожь оно кривое?
Жидь. А такъ и нузно: и прямо можно палить, и изъ за угла не страшно.

ЗАДАЧА

Бѣлье.

Черные.

Бѣлье начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.
Рѣшеніе задачи въ слѣдующемъ номерѣ.

СОДЕРЖАНІЕ. Николай Михайловичъ Прижевальскій (съ портретомъ). Д. Б.—Буй-воль (Bubalus) (съ рисункомъ). Н. Зуева.—Эдистонскій маякъ (съ рисункомъ).—Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повесть Э. Марлитта (продолженіе).—Онъ будетъ нашъ! (съ рисункомъ). Эмсъ (съ 5-ю рисунками).—Хозяйственные совѣты.—Сибель.—Разныя извѣстія.—Почтовый ящикъ.—С.-Петербургская биржа.—Юмористическіе очерки (съ рисункомъ).—Шахматная задача.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РѢЗЦЫ ДЛЯ ВЫРѢЗКИ ВЫКРОЕКЪ.

Инструментъ этотъ, необходимый для всѣхъ, желающихъ заготовлять бѣлье или костюмы, по приложеніямъ къ «Нивѣ» выкройкамъ парижскихъ модъ, можно выписывать чрезъ редакцію «Нивы». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 коп.

Grand Hotel National Leopoldstadt, Taborstrasse въ Вѣнѣ.

Имѣю честь обратить вниманіе господъ ѣдущихъ на минеральныя воды и, вообще, путешественниковъ на мою гостиницу, удобно расположенную и имѣющую хорошій ресторанъ. Говорятъ по русски, а также есть разныя русскія журналы и газеты.

Цѣны комнатъ очень умѣренныя.

F. W. Mauger, владѣлецъ.

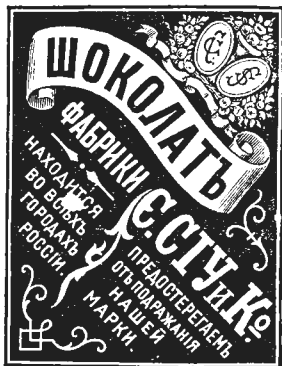
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Протопопова (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ. Историческая повесть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключниковъ. Повесть эта въ безпристрастной формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событиями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «Нивы» 1876 года 75 к. съ перес.

Про что цѣбетала ласточка. Сочиненіе Штильманна. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 г. 1 р. съ пересылкой.

45-34

Поступила въ продажу новая книга: «Путешествіе въ Сѣверную Африку» Л. О. Костенко. Роскошное съ 22 рисунками изданіе. Цѣна 2 р. 50 к. Складъ книги при типографіи г. Траншеля, Стремянная, № 11. 2-2

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ для вскармленія грудныхъ дѣтей. ГЛАВНОЕ ДЕЛО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи Александръ Венцель

Цѣна ЖЕСТИЯНИКИ 85 к. безъ пересылки, въсь 1 1/4 ф.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестианки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННОГО агента моего для всей Россіи. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). № 2. 26-5

ФРАНЦУЗСКІЙ ВОЖАТЫЙ

путешествовавшій уже неоднократно съ знатными «саміями» и имѣющій хорошія рекомендаціи, предлагаетъ свои услуги тѣмъ лицамъ, которыя желаютъ посѣщать морскія купанья.

Адресоваться письменно въ редакцію журнала «Нива», подъ лит. F. G. № 19.

Сибирскія, противъ зубной боли, капли. Л. Гиршгорна. Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ С.-Петербургѣ; также у Рувалькова и Гольца, въ Казанской ул., на углу Денидова пер. и въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, у Подлинскаго моста, въ д. Вашикова. Въ Харьковѣ: въ отдѣленіи этого общества, у Лопатинскаго моста, въ д. Бодаевскаго. Цѣна 75 коп. 4-1

ЖЕНСКОЕ СПЕЦІАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

въ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

НАСТОЛЬНАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

Сост. М. Златновскій.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

№ 26

ВЫШЛА НОВАЯ КНИЖКА:

СКОРОМНЫЙ И ПОСТНЫЙ СТОЛЬ.

Руководство для приготовленія 2800 блюдъ, начиная съ самыхъ изысканныхъ и заканчивая печеній, хлѣбныхъ, вареній, наливокъ и т. п. съ 20-ю раскрашенными рисунками всѣхъ частей быка и теленка, снятыми съ натуры и совершенно новыми подробными описаніемъ употребленія каждого кушакъ. Цѣна 4 руб. сер. Составлено и издано О. Павловскій. Рисунки исполнены художникомъ П. Борелемъ.

Продается въ С.-Петербургѣ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, въ Москвѣ у гг. книгопродавцевъ. Мамонтова, Соловьева и Салаева. № 25

ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщаемыя въ журналѣ «Нива», могутъ найти самое громадное распространеніе, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и между инопородными подписчиками.

«Нива» расходуется въ количествѣ 25,000 экземпляровъ. За строку непареллели (37 буквъ) платится 25 коп. Подробный тарифъ на объявленія напечатанъ въ № 17 «Нивы». 6-2

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуязычій полкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Карамзина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ гурьестанскими красавицами. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя живописныя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ «НИВЫ» на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

При этомъ № для гг. инопородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 21

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ.
Выданъ 24 Мая 1876 г. (ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫЕРОЕКЪ). Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ нижние магазины И. Гр. Соловьева, А. Давы и А. Живореча	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

САЛОНИКИ.

Салоники, древніи Фессалоники, нынѣ главный городъ Румелийскаго санджака, расположенъ полукругомъ въ одномъ изъ заливовъ архипелага, среди гористой, многоводной и богатой

Европейской Турціи. Благодаря своему географическому положенію, Салоники уже въ древности былъ цвѣтущимъ и роскошнымъ городомъ. Здѣсь сохранились многіе остатки римскаго

Общій видъ города Салоники. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

многими естественными и минеральными произведеніями мѣстности, считается однимъ изъ главнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ

зодчества, къ сожалѣнію обезображенны; еще цѣла триумфальная арка, воздвигнутая, какъ думаютъ, въ честь Августа,

древней гипподромъ и часть колоннады, выстроенной при Неронѣ. При раскопкахъ въ городѣ открыто множество античныхъ барельефовъ, мозаикъ и монетъ. Много замѣчательныхъ по своей архитектурѣ церквей свидѣлствуютъ о прежнемъ богатствѣ и набожности христіанскаго населенія Салоникъ, до подчиненія его мусульманскому игу. Нынѣ многие изъ этихъ древнихъ и прекрасныхъ церквей обращены въ мечети, какъ, напримѣръ, храмъ Св. Георгія и Св. Димитрія. Городъ очень красивъ съ моря; высокія зубчатая стѣны и безчисленные минареты придаютъ ему очаровательный видъ. Внутренность же города, какъ вообще на востокѣ, представляетъ неправильныя узкія улицы и переулки и ряды однообразныхъ домовъ съ маленькими рѣшетчатыми окнами. По этимъ кривымъ и узкимъ улицамъ тянутся цѣлые караваны верблюдовъ, нагруженныхъ товарами и сопровождаемыхъ толпою оборванныхъ болгаръ — погонщиковъ. Множество разнообразныхъ типовъ толпится здѣсь, на улицахъ и площадяхъ; испанскіе евреи, греки, могамедапе, цыгане, негры и европейцы смѣшиваются здѣсь и пестрятъ своеобразными нарядами. Городъ раздѣленъ на нѣсколько кварталовъ, отдѣльныхъ для турокъ, христіанъ, евреевъ и цыганъ. Турки составляютъ преобладающее населеніе, и изъ нихъ преимущественно состоитъ низшій и средній классъ жителей. По своей численности за ними слѣдуютъ евреи, которыхъ приходится 35,000 на 80,000 жителей. Евреи называютъ здѣсь себя испанцами, такъ какъ они бѣжали сюда изъ Испаніи въ 1571 году, спасаясь отъ преслѣдованія инквизиціи. Умные вести свои дѣла, столь свойственное еврейской расѣ, здѣсь, какъ и вездѣ, сосредоточило въ ихъ рукахъ самыя выгодныя профессіи: банкировъ, купцовъ, маклеровъ и ростовщиковъ, такъ что

въ Левантѣ они считаются за самыхъ способныхъ и дѣловыхъ людей. Эти испанскіе евреи раздѣляются на множество разнообразныхъ сектъ, питающихъ другъ къ другу полнѣйшій антагонизмъ, доходящій до того, что они не могутъ ни жить подъ одною кровлей, ни пить, ни ѣсть изъ одного сосуда. Секта Мамни преобладаетъ въ Салоникахъ; приверженцы этой секты наружно исповѣдуютъ исламъ, а въ тайнѣ иудейство; по необходимости посѣщаютъ мечети, даже пилигримствуютъ въ Мекку, но не вступаютъ въ брачныя союзы ни съ турками, ни съ евреями другихъ сектъ. Ихъ вѣроученіе и обрядность содержатся въ глубокой тайнѣ, и всѣ попытки турецкаго правительства разоблачить ихъ блии вполне неуспѣшны. Христіанно въ городѣ весьма немного, по профессіи они преимущественно врачи, учителя и содержатели различныхъ торговыхъ заведеній; не мало встрѣчается австрійскихъ выходцевъ и даже существуетъ чешскій оркестръ увеселяющій въ садахъ и кофейняхъ разнообразную публику своими національными мотивами.

Въ Салоникахъ, какъ въ каждомъ приморскомъ городѣ, господствуетъ полнѣйшее смѣшеніе какъ племенъ, такъ обычаевъ и правовъ. Новогреки, англичане и итальянцы несомнѣнно вліяли на складъ жизни мѣстнаго населенія; но этого цивилизующаго, европейскаго вліянія было недостаточно чтобы подавить фанатизмъ господствующаго мусульманскаго населенія. Послѣднія печальныя событія въ Салоникахъ — убійство европейскихъ консуловъ, — ясно доказываютъ настроеніе массы и враждебныя ея отношенія къ христіанскому населенію.

А. Н.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ НА БИРЖѢ.

(Мои личныя впечатлѣнія и наблюденія).

I.

Бѣдность, нужда и невозможность найти частной службы заставили меня, чиновника оставшагося за штатомъ, идти на голландскую биржу. Памятенъ мнѣ этотъ день. Было 4 часа утра, когда подошелъ я къ университету. Смотрю: идетъ какой-то бѣднякъ, съ веревкой черезъ плечо, съ узелкомъ, какъ и я же; пошолъ я за нимъ слѣдомъ.

Отъ угла университета, гдѣ стоитъ будка, мы пошли на противоположную сторону по какой-то галлерей, и дошли наконецъ до рѣшотки. Тутъ были люди всякихъ сословій и возрастовъ: и дѣньщики, въ своей характерной форменной фуражкѣ съ кантами, и кучера съ отежкой отъ пьянства физиономіей, въ изодраной нанковой безрукавкѣ, сившіеся мастеровые, заворовавшіеся прикащики, артельщики, повара съ генеральскихъ кухонь. Были тутъ и такіе экземпляръ, о которыхъ трудно сказать положительно, что и кто они были прежде чѣмъ явились на биржу, потому что, ни по костюму, ни по физиономіи нельзя было опредѣлить, что это за субъекты; ихъ можно назвать биржевыми завсегдатаями, поденщиками по профессіи; они тутъ родились, и какъ будто имъ на роду было написано дальше биржи не распространять своей дѣятельности. Такія завсегдатаи день работаютъ на биржѣ, ночь проводятъ въ пегровскомъ или александровскомъ паркахъ на травкѣ-муравкѣ, или въ пустыхъ баркахъ, подъ мостами, и вездѣ, гдѣ только можно пріютиться на нѣсколько часовъ, не замѣченными полиціей. Этотъ классъ поденщиковъ представляетъ положительную особенность въ средѣ другихъ. Это совершенно отдѣльный типъ рабочихъ, встрѣчающійся исключительно на биржѣ. Зимой, когда прекращается навигація, они разсѣваются по больницамъ и наводняютъ тюрьмы. Костюма они неимѣютъ, если не считать рубахи, штановъ, да иногда жилета. Штаны въ ихъ дослѣхахъ играютъ не маловажную роль, и потому болѣе предпочитаютъ парусинныя, какія употребляются рабочими на заводахъ. Были съ виду и на меня похожіе, не то чиновники, не то семинаристы, и мнѣ, глядя на нихъ, стало веселѣй. Потому ли, что я увидалъ себѣ подобныхъ, или почему другому — не знаю, но только, присмотрѣвшись къ толпѣ, я понялъ, что самъ представляю живое звено этой цѣпи, составленной изъ столь разнообразнаго матеріала.

У воротъ явился драгильскій десятскій съ связкою жестяныхъ билетиковъ на веревочкахъ. Начался наборъ.

— На первый, двадцать человѣкъ, по полтиннику! кричитъ десятскій, и каждому рабочему выдаетъ по жестянкѣ. — На второй 30 человѣкъ, и т. д.

При первыхъ выкрикахъ дрягиля я началъ тискаться къ рѣшоткѣ, что бы получить номеръ.

— Куда лезешь, чиновалъ, надорвешься! Я почувствовалъ что здоровенная рука остановила меня за фалды сюртука, оглянувшись: сзади меня стоитъ плечистый парень, въ дырявой широкополой тирольской шляпѣ, въ рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, надѣтой поверхъ испачканныхъ дегтемъ парусинныхъ штановъ, съ засученными выше локтя рукавами. Я смотрѣлъ на него въ недоумѣніи.

— Ты, какъ видно, не полпрованъ еще, — продолжалъ онъ наставительно — лѣзешь на второй. Отъ словъ этого тирольца я остановился.

— На 10-й, тридцать два — по тридцати! прокричалъ снова дрягиль.

На десятый, не смотря на то, что вмѣсто полтинника давали только тридцать коп., всѣ, точно наэлектризованные, кинулись къ воротамъ, наперерывъ хватая у дрягиля жестянки. Тирольецъ, изъ первыхъ кинувшійся къ рѣшоткѣ, оглянулся, и увидѣвъ что я стою, началъ мнѣ махать рукой.

— Ты должно еще новикъ, первый день тутъ работаешь — отнесся ко мнѣ другой поденщикъ — такъ, значить, и не знаешь гдѣ тепло, а гдѣ дуетъ.

Я сознался.

— Ну, такъ ты держись за насъ обѣимъ руками, мы тебя худому не научимъ, мы тутъ всегда, кажиный день, работаемъ. — Эй, Васька! Смотри, нашего полку прибываетъ: самъ его высоко не перескочишь пожаловаль!

Васькой оказался мой совѣтникъ въ тирольской шляпѣ.

Молодецъ! заключилъ онъ, потрепавши меня по плечу. Немного жидковатъ, ну да ничего, покрѣпнешь!

Маршъ на штабель! скомандовалъ дрягиль.

— Это куда же? полюбопытствовалъ я у одного изъ рабочихъ въ ватномъ бухарскомъ халатѣ и валенкахъ.

— А на 10-й штабель, значить, отвѣтилъ халатъ, а ты иди не отставай, добавилъ онъ, такъ увидишь.

Пополь я сзади. Пришли на пристань. Штабелемъ оказалось пространство, на которое раздѣлялась вся пристань; во всю длину пристани, на равномъ одно другому разстояніи, въ гранитной обшивкѣ набережной были высѣчены нумера, обозначающіе нумера штабелей. Всѣхъ штабелей на пристани было 17.

Каждый штабель заключалъ въ себѣ такое пространство, какое могъ занять корабль. Кромѣ того, въ каждомъ штабелѣ, помѣщалось нѣсколько кораблей рядомъ. На нашемъ десятомъ штабелѣ было три. Пристань сплошь была завалена разнымъ товаромъ: бочками съ масломъ, ящиками съ какими то машинами, сорговымъ желѣзомъ, чугунными трубами и проч.

На штабелѣ наша команда выстроилась въ шеренгу. Штабельный дрягиль провѣрилъ народъ счетомъ по жестянкамъ.

— Эй вы! закричалъ Васька: — за дегтемъ!

Принесли дегтю въ лагункѣ и швабру мочальную. Слѣдовало до звонка у всѣхъ тележекъ на своемъ штабелѣ вымазать оси дегтемъ.

— Ну-ка, ваше сіятельство! Берись за швабру, а я, значить, буду повертывать да указывать, говорить халатъ, тебѣ, чай, это вновѣ, такъ ты учишь, потому — подъ старость хлѣбъ будетъ. Я взялъ швабру и началъ такъ усердно мазать, точно и въ самомъ дѣлѣ ожидалъ отъ этой работы хлѣба подъ старость. Поденщики, смотря на мою работу, скалили зубы, поощряли остротами.

— Ай-да чинарь! Ишь какъ у него густо выходитъ!

— Это онъ въ регистратурѣ научился, печати прикладывавши, вставилъ другой.

— Колеса мазать мастакъ, значить — не хвастунъ!

— Слышь, Васька! Мы его теперь на первый раз пустимъ въ корню, посмотримъ: какъ его благородіе въ корню ходить. Я отмалчивался.

— А ты думаешь какъ! Мы съ нимъ въ первой парѣ пойдемъ, продолжалъ Васька. Это что у тебя въ узелѣ? полюбостговалъ онъ.

— Это мнѣ жена на завтракъ припасла, отозвался я просто-душно.

— Инъ ты! Его, братцы, жена кормить, ухмыльнулся халатъ, а Васька не удовлетворился отвѣтомъ, пощупалъ руками висѣвшій у меня на поясѣ узелокъ.

Между тѣмъ пристань все болѣе и болѣе оживлялась. На корабляхъ матросы тоже готовились къ работѣ: снимали брезенты съ люковъ, приготовляли и придаживали къ мачтамъ штрены, на которыхъ посредствомъ лебедки выгружали изъ кораблей товары. Нѣкоторые уже распорядились на счетъ кофе. Въ нашей командѣ оказался одинъ рабочій, пропившійся парикмахеръ, кое что мараковавшій по французски. Онъ пробрался на корабль и уже присеѣдился къ французскимъ матросамъ пить кофе. Тѣ, разумеется, рады, что нашанъ съ кѣмъ поболтать на своемъ родномъ языкѣ, приютили его и болтали, какъ со старымъ приятелемъ. Но вотъ на Петропавловской крупности заиграли куранты 6 часовъ; раздался звонокъ на работу. Явились два досмотрщика: одинъ выгрузной или провозчатый, а другой штабельный, въ каррикатурно сшитыхъ кепи, въ пиджакахъ, похожихъ на матросские, которые до того выгорѣли на солнцѣ, что трудно было опредѣлить, изъ какого матеріала они сшиты были: одна сторона рукава была черная, а другая рыжая, спина желто-зеленаго цвѣта, а клананъ стягивающей талію—черный; такъ что весь костюмъ, казалось, былъ сшитъ изъ стараго сукна съ новымъ въ перемѣжку. Выгрузной, высокій солдатъ, съ загорѣлой подъ цвѣтъ костюма физиономіей, съ подстриженными усами, съ ярко вычищенной, мѣдной, таможенной бляхой на груди—держалъ въ рукѣ папку съ какими то бумагами. Къ папкѣ былъ привязанъ на ниткѣ кусочекъ карандаша. На пуговицѣ пиджака болтался пузырекъ съ чернилами.

Петру Ивановичу, наше вамъ-съ! Встрѣтилъ выгрузного Васька.

— А, ты опять ко мнѣ пожаловалъ, да и не одинъ ты, французъ тоже, кажется, здѣсь?

— Бовъ журъ, Петръ Ивановичъ! отозвался парикмахеръ съ корабля.

— Смотри ты, бунжуръ! У меня не пакостить, какъ только замѣчу что, сейчасъ къ чертовой матери!

— Подайвай телѣжки! Закричалъ съ кораблей.

Началась выгрузка: завизжали, заскрипѣли, надрывающимъ душу звукомъ лебедки; поднимали изъ трюмовъ ящики, клали ихъ на телѣжки и потомъ свозили на пристань. Въ нашихъ корабляхъ оказался сахарный песокъ въ ящикахъ, орѣхи въ мѣшкахъ, черносливъ и вино въ бочкахъ. Васька, не смотря на дрягилу, ходившаго около телѣжекъ съ камышевкой, то и дѣло терся около мѣшковъ, да ящиковъ съ сахарнымъ пескомъ; то съ одной, то съ другой стороны пальцемъ поковыряетъ. Въ ожиданіи пока телѣжки нагрузятся, всѣ разсѣлись, гдѣ кто нашелъ удобнѣе, а тоже присѣлъ на уголокъ ящика.

— Ну, чтожь ты сидишь! Точно на именинахъ! закричалъ на меня дрягиль, скоро повезутъ, а ты и присяги не припасъ!

Я вытаращилъ на него глаза.

— Не тронь его, Митюха, вступился за меня Васька, его благородіе такъ потащитъ, просто ручками.

Тутъ я догадался въ чемъ дѣло: у меня не было лямки, тогда какъ у другихъ, у cadaго, висѣли на плечахъ мочальные веревки съ петлями на концахъ. У французско-парикмахера, та часть лямки, которая на плечахъ, была сшита изъ холстины и набита ватой, чтобы не болело плечу. У Васьки была такая же лямка, но только съ приспособленіемъ не изъ холстины, а просто свернуть былъ въ нѣсколько разъ кулъ и надѣтъ на плечи, а отъ куля уже висѣла лямка съ петлей. Присагой ее называютъ именно потому, что безъ лямки на бирѣ почему дѣлать. Лямками снабжали поденщиковъ дрягилы, вотъ почему дрягиль, увидя, что я сижу сложа руки и безъ лямки, закричалъ на меня. Спасибо, халатъ выручилъ, принесъ мнѣ откуда то новую, «на вотъ тебѣ, еще не надетая», сказалъ онъ подавая мнѣ лямку. «Вашему брату все найди да подай». Я сталъ придаживать ее на плечо, какъ у другихъ.

— А ты поцѣлуй ее, а потомъ прилаживай, а то она тебя исеушитъ, совѣтовалъ Васька.

Въ это время прошолъ мимо дежурный по пристани чиновникъ. Штабельный досмотрщикъ всталъ, неуклюже приложилъ ладонь къ козырьку, растопыривъ при этомъ пальцы, и вышло что то въ родѣ того, какъ говорится «честь отдать».

— Нуко-съ, молодцы, съ Богомъ! сказала выгрузной досмотрщикъ, намѣчая мѣломъ, которую телѣжку везти и въ какой пакгаузъ.

— Ну-ка, ваше благородіе, навались! Что плеча-то жалѣешь. Дѣйствительно пришлось навалиться. Трудность хожденія въ корню, заключалась въ томъ, что нужно было оглоблями править, и чуть если прозѣваешь, колесо упадетъ въ яму, тогда не подъ силу тронуть вытащить. «Куда тебя претъ, стрекула! Не видишь яма! Ты возьми глаза то въ зубы» училъ меня Васька.

Мостовая на пристани была торцовая и вся усѣяна выбоинами, и такими большими, что другой разъ, рискуя попасть однимъ колесомъ въ яму и свалить на бокъ всю телѣгу — нужно было сворачивать въ сторону и обѣзжать кругомъ выбоину. Понятная вещь, что вся трудность этой работы ложилась на переднюю пару, которая, лавируя передними колесами давала направление всей телѣгѣ. Не знаю, какъ Васька, а я положительно надрывался: потъ съ меня катился градомъ, лямка впибалась мнѣ въ плечо и рѣзала его самымъ варварскимъ образомъ. Но при всей боли, которую я испытывалъ, мнѣ не хотѣлось показать этимъ отпѣтымъ оборванцамъ, что я бѣлоручка.

— Вороти больше влѣво! Что голову-то на бокъ свѣсилъ!

— Стой, передніе! раздалось сзади. Остановились. Халатъ, шедшій съ третьей телѣгой въ корню, сфальшивилъ и завезъ колесо въ яму, телѣга покосилась на бокъ и захрясла въ такомъ положеніи. Весь поѣздъ остановился и загородилъ другимъ дорогу. Дрягиль суетился около телѣжекъ и поминутно пускалъ въ дѣло камышевку, потому что рабочіе другихъ штабелей, почуявъ мѣшки съ орѣхами, налетѣли со всѣхъ сторонъ, какъ мухи на сахаръ. Слѣдовало поспрашивать, чтобы не подпороли мѣшка. Но общими усилиями телѣгу изъ ямы вывезли, послѣ минутнаго отдыха нужно было везти дальше, Васька понукаетъ, остритъ, что я силу свою, вмѣсто чернилъ, въ канцелярш, на клалъ исписалъ. Ужь не помню, какъ мы поворотили съ пристани направо, проѣхали мимо сквера и очутились у пятаго пакгауза.

Нужно было вкатывать телѣги въ пакгаузъ, на высоту второго этажа, по отлогому спуску. Тутъ уже къ намъ въ помощь припрягли еще четыре человѣка отъ другой телѣжки, и когда везли нашу, мы, въ свою очередь, помогли имъ везти ихъ телѣжку. Везли въ пакгаузъ, сгрузили на указанное мѣсто. «Ну, теперь, предлагаетъ Васька, ваше степенство, садись, а я тебя прокачу на курьерскихъ». Я полагаю, что онъ хочетъ удрать со мной какую нибудь штуку, не соглашался сѣсть, но, видя что солдатъ съ парикмахеромъ усаживаются на телѣжку, рѣшился послѣдовать ихъ примѣру, и мы лихо скатились со спуска внизъ.

Воротились на пристань. Между тѣмъ, какъ мы возили товаръ, изъ одного корабля стали подавать сахарный песокъ въ корзинахъ изъ тростника, а изъ другого корабля кофе въ мѣшкахъ. Было около 9 часовъ; нѣкоторые поговаривали объ обѣдѣ; Васька тоже перемигивался и шептался, то съ парикмахеромъ, то съ халатомъ, не коса украдкой поспрашивая на дрягилу. Немного спустя, подходит ко мнѣ парикмахеръ и таинственно отзывается въ сторону. «У насъ составляетъ компанія, пендуть онъ мнѣ, Васька и халатъ, на шабашъ передъ обѣдомъ будутъ грузиться кофеемъ, если хочешь, то мы и тебя нагрузимъ». Я сказалъ что грузиться не желаю. На это парикмахеръ представилъ мнѣ тму резоновъ, что если и не нагрузусь, то буду дуракъ набитый. «Нехошь, такъ наплевать, только чуръ, уговоръ дороже денегъ, самъ не будешь, такъ намъ не мѣшай. Обдѣлаемъ чисто—солянкой угостимъ».

— Эй, эй, ты! кричитъ дрягиль на солдата въ нагрудникѣ, отгоняя его отъ мѣшка съ орѣхами, «пошолъ прочь, чего тамъ прислонился».

Солдатъ отошолъ.

Приятное утро смѣнилось июльскимъ солнцемъ. Въ воздухѣ пахло смолой и дегтемъ, который при мазаньѣ телѣжекъ проливался и смѣшивался съ пылью, чрезъ что на мостовой образовался толстый слой дегтяной массы. Съ утра, пока еще было не очень жарко, мостовая не представляла ничего особеннаго, но какъ только стало припекать солнцемъ, деготь разогрѣлся, мостовая сдѣлалась мягкой, телѣжки оставляли по себѣ непрерывныя на ней колесъ отъ колесъ, во всѣхъ направленіяхъ бороздившія пристань. Жарко, и не смотря на близость воды, было очень душно. Все, какъ говорится, раскисло, солнце палило выноснимо, по грязнымъ физиономіямъ рабочихъ, раскрасившимся отъ жара, струился потъ, и отъ этого они казались еще чертѣй и непригляднѣй. Медленно сгибались и разгибались рабочіе, верта лебедки, на которыхъ подымали пзъ кораблей тяжести, и также медленно опускали ихъ на подаваемыя телѣжки. Визгъ и скрипъ отъ этихъ лебедокъ надрывалъ душу и раздражалъ нервы. Еще на иностранныхъ корабляхъ лебедки не такъ назойливы, какъ на нашихъ русскихъ судахъ, гдѣ вмѣсто лебедокъ работаютъ на шпиль, и каждая снасть свою пѣсно выговариваетъ.

— «Отдай!» раздается на кораблѣ—и грузно опускается бочка или ящикъ на телѣжку, только мостки загрещать.

Пришолъ досмотрщикъ съ печатью. Нужно было опечатать поврежденный ящикъ, иначе его не примутъ въ пакгаузъ. Пришолъ куноръ, задралъ трещину, а досмотрщикъ сталъ прилаживать восковыя печати; артельщикъ съ дрягилемъ и штабельный досмотрщикъ засмотрѣлись на эту работу; праздная толпа поденщиковъ тоже обступила кругомъ, а Васька съ халатомъ и парикмахеромъ были заняты другой операціей: парикмахеръ съ халатомъ стали рядомъ и загородили такимъ образомъ Ваську, который, проворно разстегнулъ штаны и запустивъ руку въ мѣшокъ, началъ усердно сыпать кофе, сперва въ одну половину штановъ, потомъ въ другую. Насыпавши по ковшу въ штаны, онъ застегнулся и потомъ сталъ насыпать себѣ кофе за рубаху. Нагрузившись, Васька отошолъ прочь и легъ въ

укуромномъ мѣстечкѣ, будто отдыхаа. За нимъ сталъ нагружаться халатъ, пригласивъ меня занять его мѣсто около парикмахера, я было не хотѣлъ, но Васька, лежа на землѣ, такой показавъ кулачище, что я волей-неволей повиновался, съ твердымъ намѣреніемъ, какъ только нагрузится халатъ, отойти отъ этой компаніи подальше. Кончивъ свое дѣло, халатъ отошелъ въ противоположную сторону, парикмахеръ торопливо поправилъ растерзанный мѣшокъ.

— Пошолъ въ 5-й, а я сейчасъ буду — приказалъ Петръ Ивановъ.

— Ладно, ухмыльнулся Васька, мы свое дѣло разумѣемъ. Какъ только довели до сквера—новая пара явилась на смѣну Васьки и халата, которые вмгъ отцѣпили лямки и куда-то исчезли. Васька даже сдѣлалъ ручку парикмахеру и при этомъ мигнулъ особеннымъ образомъ. Новая пара пристянула лямки и поѣздъ даже не остановился, какъ бы ничего не произошло, все это сдѣлалось на ходу а другіе рабочіе даже не обратили вниманіе на этотъ пассажъ. Какъ только доѣхали до пабауза, такъ и эти два молодца точно сквозь землю провалились. Черезъ десять минутъ мы также, какъ и въ первый разъ, скатились со спуска, но только правилъ вмѣсто Васьки парикмахеръ. Пришли на пристань. «Шабаш! Не подавай больше, сейчасъ звонюкъ!» распорядился дрягиль. Это было около 11 часовъ, на обѣдъ полагалось два часа. Зазвонили къ обѣду, всѣ повалили къ воротамъ. Парикмахеръ опять очутился на кораблѣ у французовъ, стоитъ въ одной рукѣ рюмка, а въ другой кусокъ морского сахара. Тѣ, которые еще не успѣли уйти изъ нашей артели обѣдать, начали просить парикмахера, что бы онъ выпросилъ у француза всѣмъ по рюмочкѣ передъ обѣдомъ. Просьба увѣчалась полнымъ успѣхомъ: всѣмъ поднесли по рюмочкѣ вина, только въ закускѣ отказали. Я развязалъ свой узелокъ, въ немъ оказались три яйца, нѣсколько огурцовъ и хлѣбъ. Парикмахеръ навязался ко мнѣ въ нахлѣбники, представляя тотъ резонъ, что мы сейчасъ отправимся къ какому то Никитѣ, гдѣ насъ ждетъ Васька съ солянкой, а теперь закусить необходимо хоть немного. Вмгъ моего узелка какъ не бывало; я хотѣлъ было распознаться на отдыхѣ, но парикмахеръ рѣшительно поклялся воспрепятствовать этому и за любезность отплатить любезностію—накормить меня за закуску обѣдомъ. Какъ мнѣ ни противно было это товарищество, но отказаться я не могъ.

II.

Мы подошли къ воротамъ. У воротъ столнилось народу порядочно, потому что безъ обыска не пропускаютъ. Каждого выходящаго изъ воротъ поденщика обыскиваютъ казаки пограничной стражи, и если у кого что находятъ, отрываютъ жестианку и ведутъ въ присутствіе, отбираютъ украденное, а вора отводятъ въ корабельную контору и сажаютъ за рѣшотку. Насъ обыскали и пропустили.

— Ты обѣдалъ когда нибудь на шереметьевской кухнѣ,—спрашиваетъ меня парикмахеръ, и не ожидая моего отвѣта, продолжаетъ: вотъ она!

Все пространство около рѣшотки было усеяно торговцами и торговками. Пріѣзжаетъ, наиримѣръ, баба съ телѣжкой, въ телѣжкѣ три чугуна, въ первомъ щи—или супъ, во второмъ—горло, сердце, печенка, легкое, какъ есть весь требухъ бычачій, въ третьемъ—гречневая каша. Всѣ три чугуна покрыты разной домашней вѣштою: ватнымъ одѣяломъ, солдатскою шинелью и пр. Кромѣ этой снѣди, заключающей въ чугунахъ, имѣется приличный запасъ ржаного хлѣба, порѣзаннаго на ровные куски, цѣной въ копѣйку каждый. Тутъ же стоитъ корзина съ ложками и деревянными чашками двухъ величинъ: въ 2 к. и 3 к. за порцію щей или супа, что на тотъ разъ случится; мясо продается отдѣльно. Рабочіе окружаютъ эту ходячую кухню и весь обѣдъ получаютъ за 10 коп., т. е. на 3 к. щей, на 3 коп. легкаго или печенки, на 3 коп. каши и на 1 коп. хлѣба. Вотъ эта то ходячая столовая и окрещена рабочими «шереметьевской кухней». Кромѣ этого, здѣсь можно получить пироги съ картофелемъ по 2 к. и свиная кишка съ кашей. Постомъ меню нѣсколько мѣняется: вмѣсто бычачей требухи—треска и горячій картофель, селедка по копѣйкѣ за кусокъ и лукъ зеленый, вмѣсто скоромныхъ щей—горохъ, приправленный чернымъ коноплянымъ масломъ. Болѣе смѣтливныя торговли запасаются и ведромъ квасу со льдомъ, по грошу за кружку, или за копѣйку—пей до сыта. Кто ѣлъ полный обѣдъ, т. е. щи, мясо и кашу, тотъ пользовался правомъ пить квасъ даромъ. Бли между ними и холодные буфеты, также на колесахъ; въ нихъ можно было получить пеклеваники и бѣлыя булки, сыръ, масло, ветчину, колбасу и проч. Эти буфеты были аристократическіе, около нихъ толпились публича сосостоятельныя, болѣе чиновная: артельщики, дрягили, досмотрщики—люди болѣе или менѣе начальственный. Прибѣгаютъ сторожа изъ присутствія для закупокъ завтраковъ, посылаемые канцелярскими. Собственно говоря, большая торговля продолжается какъ нибудь минутъ 45, въ эти минуты рабочій людъ, вооружившись ложками, старается какъ можно поскорѣй убраться со своей обѣды, запить его квасомъ, да завалиться гдѣ-нибудь на часокъ, т. е. до звонка, на кипу съ хлопчатой бумагой, а затѣмъ площадь пустѣетъ до окончанія работы. Остаются только холодные буфеты, постоянные, да нѣсколько бабъ съ лакомствами, состоящими изъ под-

солнечниковъ, да моченаго гороха, который они продаютъ на мѣру въ грошъ и копѣйку. Мѣрой служатъ разной величины банки изъ-подъ помиды.

У парикмахера оказалось огромное знакомство. Проходя мимо поденщиковъ, разсѣвшихся по турецки, на землѣ, онъ то и дѣло, раскланивался. «Это все наши!» подмигнулъ онъ мнѣ, какъ бы давая чувствовать, что вотъ, дескать, какой я здѣсь извѣстный человекъ.

Мы направились къ видѣвшемуся наиротивъ трактиру, называемому почему-то «небѣленнымъ». Подъ трактиромъ была харчевня, или, какъ гласила закоптѣлая вывѣска: «продажа съѣстныхъ припасовъ». Мы спустились въ подвальчикъ.

Грязный и темный подвалъ былъ уставленъ большими столами и скамейками, на которыхъ сидѣли рабочіе и обѣдали. На противоположной сторонѣ двери былъ прилавокъ, на коемъ помѣщались разнаго рода закуски въ видѣ варенаго мяса, ветчины и проч. На прилавкѣ стояло въ рядѣ нѣсколько сковородокъ разныхъ величинъ съ крошеной говядиной и картофелемъ. Тутъ же на прилавкѣ, помѣщались вѣсы и хлѣбъ. Далѣе, за прилавкомъ, въ углу, пріютилась русская печь, плита и котлы со щами и горохомъ, а за печью дверь въ какую-то коморку. Въ эту коморку часто входили и выходили назадъ поденщики и получали отъ маркитанта денги. Съ прихода, около дверей, за столомъ, на которомъ дымилась огромная сковорода съ «солянкой» и красовался полштофъ, значительно отпитый—сидѣли Васька и халатъ.

— А вотъ и мы поспѣли! Ишь какъ въ акурать,—сказалъ парикмахеръ, забираясь черезъ скамейку за столъ. Пригласили и меня.

— Ты у насъ молодецъ будешь,—началъ Васька, трепля меня по плечу,—держишься пословицы: «съ волками жить, по волчьи вить».

— Ты, если когда что нибудь слимонишь на пристани, то тащи прямо къ Никитѣ Трифоничу: онъ все принимаетъ и расчитываетъ по чести,—между прочимъ поучалъ меня парикмахеръ,—такъ прямо и проходи вонъ въ ту дверь за печку.

Я поблагодарилъ за совѣтъ и изъявилъ сомнѣніе, что едва ли имъ придется мнѣ воспользоваться.

— Дурень ты, ваше благородіе, сейчасъ видно, что еще не полированъ, тебѣ только бы колеса мазать, али чугунныя пирорсы (трубы) выгружать, а не бакалею, вотъ какъ получишь за весь то день четвертакъ, такъ на другой день умнѣ станешь, значить просвѣтишься немного.

— Отчего же я получу четвертакъ?

— А отъ того, отъ праздника; я ужъ эти порядки лучше тебя разумѣю, потому и говорю. Ты думаешь, дрягиль тебѣ повѣритъ, что ты, день у него проработавши, ничего не слимонишь. Вонъ на второй штабель небось и по полтиннику мало охотниковъ работать: тамъ отъ чугунной то баласыны лудовъ въ двадцать ничего не откусншь, да и въ лазуху не запрячешь, развѣ только, какъ зазѣваешься, такъ безъ ноги или руки останешься—за то тамъ и полтина. Здѣсь не то; здѣсь дрягиль порядитъ по тридцати, да при расчетѣ по пятаку и сброситъ: «вы, дескать, украли каждый на рубль», вотъ оно какъ, значить, съ васъ и не грѣхъ по пятаку скинуть, ну, значить, и нарови неостаться въ накладѣ; а то, какъ получишь четвертакъ за цѣлый день, такъ нечего будетъ и за полчетъ отлатъ. Ужъ тутъ такъ подведено, что рука руку моетъ; ты думаешь, что дрягиль не видѣлъ, какъ Васька грузился?... шалишь!

— Стало быть и ты четвертакъ получишь, не я одинъ.

— Ты, милый человекъ, на меня не смотри. У насъ компанія, не я, такъ Васька выручить, не онъ, такъ другой, мы въ одной квартирѣ живемъ, у насъ все сообща.

На два часа прекратившееся движеніе уже опять проснулось. Минутъ черезъ десять дрягиль колонистъ зазвонилъ на работу.

— Вставай, вставай! собака пролаяла, — кричали дрягили, толкая въ бока сонныхъ, разметавшихся по пристани поденщиковъ. Все зашевелилось: опять зашныли лебедки; послѣ обѣда работа показалась еще скучнѣй, телѣжки нагружались медленней, да и жара стояла невыносимая.

Вдругъ, слышу, шумъ, оглянулся—двое артельщиковъ схватили на какой-то покражѣ поденщика и расправлялись своимъ судомъ. Оказывается, что несчастный напихалъ въ брюки и сапоги хлопчатой бумаги (ваты), его поймали на мѣстѣ и безъ всякихъ околичностей начали бить. Рабочій сначала не оборонялся, сознавая вѣроятно, что скверно сдѣлалъ и сѣдуетъ полатиться за это, но когда стало не втерпеть, схватилъ вальнушугоса въ пустой лагункѣ дегтарную швабру и первого подвернушагося такъ съѣздили по головъ, что шапка отлетѣла на нѣсколько сажень. Бой принялъ другой оборотъ: артельщики и дрягили, какъ дикіе звѣри, кинулись на поденщика, вмгъ разорвали на немъ брюки, вытаскали вату, а потомъ схватили кто за волосы, кто зашиворотъ и потащили съ пристани за калитку. На пути приставали къ нимъ другіе артельщики и каждый какъ бы обязанностію считалъ дать ему затрещину. Я даже похолодѣлъ отъ такой расправы. Поденщики и досмотрщики безучастно смотрѣли на эту травлю, и не одного слова, ни одного взгляда не было въ пользу несчастнаго, только послѣ смѣялись цѣлый день надъ артельщикомъ, у

Рабочій день на биржѣ. Съ нагурь расов. Медѣвъ, грав. Стамбовскій.

которого вся голова и лицо оказались въ дегтю, а изъ носа текла кровь.

— Ишь какъ онъ тебя разрисовалъ, — смѣялся штабелъный досмотрщикъ.

Васька тоже покатывался со смѣху, только халатъ нахмурился и молчалъ, наконецъ и тотъ заговорилъ.

— Нѣтъ, это не мода, пусть свой, штабелъный дрягиль или артельщикъ расправляется, если у него украли, а со всей пристани собираются и бить, кому и не слѣдъ — не водится.

III.

Работалъ у насъ на штабелѣ отставной солдатикъ, еще не очень старый, его обязанность была завозить телѣжки на мостки и принимать поднятый изъ трюма товаръ. Такъ какъ мостки были настланы не надъ самымъ люкомъ, а немного въ сторону, то, когда ящикъ или бочка поднимался въ уровень съ телѣжкой, то ихъ слѣдовало раскачать и крикнуть «отдай»; рабочіе по этому паролю опускаютъ лебедку и грузъ ложится на телѣжку. Случилось такъ, что рабочіе въ извѣстный моментъ не опустили лебедку, и бочка тягестію своею оттолкнула назадъ отъ телѣжки; солдатикъ не успѣлъ, ни удержать эту бочку надъ телѣжкой, ни крикнуть «стой!» какъ рабочіе опустили: лебедка быстро завертѣлась, бочка, мимо телѣжки и мостковъ, полетѣла въ трюмъ корабля, а за ней, потерявъ балансъ, полетѣлъ внизъ головой и солдатикъ...

Какъ онъ тамъ ударился — Богъ его знаетъ. Набѣжалъ народъ, поденщики, артельщики, явилось начальство, въ лицѣ дежурнаго по пристани чиновника. Кто совѣтовалъ сбѣгать за фельдшеромъ, а кто говорилъ, что ужъ поздно, не надо. Работа на нашемъ штабелѣ прекратилась. Лебедки перестали скрипеть. Прибѣжалъ фельдшеръ, съ сумой черезъ плечо, его пропустили впередъ и толпа опять смятилась. Пришелъ старшій корабельный смотритель, высокій, съ красной физиономіей, скуластый. Рабочихъ погнали съ корабля, стали разгонять и на пристани. Корабельный смотритель спустился по трапу въ трюмъ, гдѣ уже суетился фельдшеръ. Немного погодя, оба выдѣли, а потомъ подняли на лебедѣ и самого солдатика. Оказалось, что голова его представляла облитую кровью массу. Матросы положили трупъ на тряпку и снесли на пристань. Меня удивило то обстоятельство, что таможня даже носилокъ не имѣла. Положили трупъ на рогожку и покрыли его солдатской шинелью, принадлежавшей покойному. Тутъ я увидѣлъ то, чего не ожидалъ: Васька взялъ солдатскую шапку, положилъ на покойника, досталъ серебряный гривенникъ, бросилъ въ шапку и перекрестившись на петропавловскую крѣпость, отошелъ прочь. Почти всѣ поденщики послѣдовали его примѣру: кто пятакъ, кто три копѣйки, кто копѣйку, однимъ словомъ казавшіеся до сей минуты безучастными, равнодушными къ товарищу, котораго артельщики били за кражу — тронулись какимъ-то особеннымъ чувствомъ къ несчастной судьбѣ труженника, за тридцать копѣекъ получившаго смерть. Бросая монетку въ шапку, вѣроятно многимъ приходило на мысль, что и съ нимъ могло случиться то же, а можетъ быть, когданибудь и случится. Корабельный смотритель положилъ три рубля. Прибѣжалъ елисейскій артельщикъ «Непирка», бросилъ гривенникъ и оговорился притомъ, что больше мелкихъ нѣтъ. Шкипера съ кораблей тоже жертвовали.

— Эй вы, беритесь! что руки поразставили, покойника не видали, всѣ покойники будемъ!

Дрягиль сталъ отвязывать у покойника поденную жестянку.

— Стой братъ, не торопись, — остановилъ его Васька, — можетъ быть наслѣдники найдутся, вѣдь онъ больше полдня проработалъ!

Такъ и не дали отвязать жестянку.

Рабочіе снова бранились за дѣло, но уже не такъ лихо, какъ до этого случая, видно было, что на нихъ это подѣйствовало весьма не угѣшительно. Зубоскальство прекратилось. Нужно было ѣхать. «Ну, братики, навалились!» понукалъ Васька, вѣрно ужъ такая ему планда вышла, что помереть на голандской». Только вывели къ скверу, посмотримъ: бѣжить какая то бабенка, реветъ и голосить на все горло...

— Братцы родименькіе! Гдѣ солдатика-то приняло?

— Твой штоли, тета! Ступай тамъ на пристани.

— Може и мой, касатики, посмотритъ надо!

— Да не узнаешь, потому...

— Эва, не узнать, по одеждѣ узнаешь.

Но баба не дослушала и со всѣхъ ногъ пустилась на пристань.

— Да это никакъ та — говорить одинъ поденщикъ — что утрьсь намъ пироги на мосту продавала; что то ровно похожа, только у той сарафанъ кажись не красный.

— Вотъ и овдовѣла. Теперь, какъ увидить, да если ее, такъ взвоетъ еще пуше.

— Ну это какъ придется. Намнясь на стрѣлкѣ рязанца хлопкой задавило, такъ жена то какъ пришла, слава тебѣ, говорить, Господи, что ослобонилъ ты меня; хорошъ онъ, говоритъ, былъ живой — а какъ убрали, такъ сталъ еще лучше. Даже перекрестилась, право.

— Всяко бывастъ.

Когда воротились на пристань, тамъ уже стоялъ околочный надзиратель и городской. Баба дѣйствительно нашла, кого искала, но узнала только по одеждѣ, потому что голова была обернута въ холстину и защита. У солдатика, по словамъ бабы, было трое ребятишекъ, которые теперь остались сиротами.

Даръ начиналъ спадать, было около 5 часовъ, а трупъ солдатика все еще лежалъ на пристани. Кто-то распорядился было перенести его въ часовню, находящуюся тутъ же на пристани, да таможенное начальство не дозволило, «и тутъ де хорошо». Баба сидѣла и плакала надъ покойникомъ. День склонялся къ вечеру, уже скоро и шабашъ.

Передъ шабашомъ Васька отправился на рекогносцировку по прочимъ штабелямъ и гдѣ-то посчастливилось ему снова нагрузиться, на этотъ разъ не кофеемъ а кубовой краской, индго, да несчастливилось пробраться за ворота. Стражники при выходѣ обыскали его по тщательнѣй, нашли индго около 10 фунт., схватили Ваську и потащили въ корабельную контору.

— Сходимъ что-ли заключеннаго навѣстить, — подбивалъ меня парикмахеръ, — пока телѣжки наложить, мы живо слетаемъ, не успеетъ стриженная дѣвка косы заплестъ, какъ мы тутъ будемъ, кстаті покуримъ». Курить мнѣ очень хотѣлось; я согласился.

Входъ въ корабельную контору былъ прямо съ пристани; мы вошли. Огромная комната, по одной стѣнѣ тянется перегородка, надъ перегородкою аптресали съ нарами, въ лѣвой сторонѣ печь, а за ней въ углу, въ довольно большой нишѣ, устроенная арестантская, отдѣленная деревянною толстою рѣшеткою, занертою висячимъ замкомъ. Парикмахеръ, какъ вошелъ, направился прямо къ рѣшеткѣ, я за нимъ.

— Вы куда, лапманская гвардія! закричалъ на насъ старенькій, маленькаго роста, сѣденькій съ лысиной досмотрщикъ, съ длинной кавалеріей на груди.

— Къ тебѣ, Антонъ Митричъ, съ просьбой.

Старикъ уставилъ на него свои мутные глаза, удивленный, что его назвали по имени.

— Какова тебѣ шута нужно, сердился старикъ.

— Да вотъ пришло на брата поглядѣть, за рѣшеткой сидитъ.

— На брата поглядѣть, — переразнилъ Антонъ Митричъ — а самъ небось, ягничья мать, водки принесъ!

— Нѣтъ, ей Богу нѣтъ, обиди коли не вѣришь! распинался парикмахеръ. — А коли хошь попотчуетъ.

— Вы всѣ только сулите, проворчалъ Антонъ Митричъ.

Мы подошли къ рѣшеткѣ, тамъ было очень темно, и потому узнать кого бы то ни было можно было только по голосу.

— Васька.

— Оу!

— Ну что, какъ дѣла!

— Дѣло швахъ, отобрали все.

— Ходи еще! совѣтуетъ парикмахеръ.

— Изъ-за рѣшотки то?

— Эва! Первой разъ что ли! Давай денегъ, вотъ его благородіе пока здѣсь покурить, я сбѣгаю за сороковушкой, приподнесемъ ее Антону Митричу, онъ и выпуститъ.

— Да не успѣю ничего сдѣлать, сейчасъ шабашъ.

— Не успеешь, не успеешь — все равно, не сидѣть же тутъ.

— Такъ, айда! Васька далъ денегъ парикмахеру, который выигъ исчезъ въ другія двери. Я закурилъ папирску, сѣлъ около печки на полѣно и сталъ наблюдать. Антонъ Митричъ принесъ изъ другой комнаты, гдѣ помѣщалась самая контора, лампаду, и вылилъ изъ нея масло въ бутылку. Явился молодой писарекъ съ перомъ за ухомъ.

— Антонъ Митричъ, кто дежурный сегодня изъ чиновниковъ?

— Сегодня?... Мошкинъ!

— То то ты и масло выливаешь.

— Я не вылью, такъ онъ вылетѣтъ, да домой унесетъ. Ужъ такой скаредъ, — продолжалъ Антонъ Митричъ — теперь оставъ ему цѣлую свѣчку, а на кой шутъ! Теперь лѣто, всю ночь свѣтъ, а на утро придешь, — подсвѣтничекъ ужъ пустой! Такъ цѣльную свѣчку домой и унесетъ. Хошь зима, хошь лѣто, а ему чтобъ была свѣчка, ворчалъ Антонъ Митричъ, — чтобъ его волки заѣли.

— Ты потому на Мошкина сердитъ, что онъ тебѣ на выпивку не даетъ.

— Чего сердитъ, коли нагдысь самъ видѣлъ, какъ онъ свѣчку въ карманъ пряталъ.

— Да велѣли бы тебѣ посадить его за рѣшотку, — ты-бы обрадовался.

Въ это время явился парикмахеръ съ полуштофомъ, который передалъ сквозь рѣшотку Васькѣ. «Маширъ», мигнулъ онъ мнѣ и мы вышли на пристань. До конца работы оставался одинъ часъ. Убитаго солдатика уже не было, увезли въ полицію. Нужно было свезти до шабаша послѣднюю поѣздку; мы пристегнули ламки и тронулись. Не прошло пяти минутъ — какъ Васька былъ уже между нами.

Однако, братъ, ты скоро выплылъ, тебя, знать, за деревянной рѣшоткой не удержали — говорили поденщики.

— Ладно, смѣйтесь, а меня полуштофъ выручилъ.

— Ну, эй ты, красной! закричалъ дрягиль, чѣмъ ласы-то точить, тянуть бы, а не то проваливай! Пошолъ, пошолъ, под-

гонял онъ. Пакгаузы запруть. Мы навалились и повезли скорѣй. «Порожня тельжки не бросать на дорогѣ, вези на штабель!» Распоряжался дрягиль. Сдали бочки въ пакгаузъ и съ порожними тельжками нѣкоторые воротились на пристань, а нѣкоторые остались за калиткой.

— Эй! Ребята, кричитъ дрягиль, кто хочетъ на шабашъ котель выкатывать, становись во фронтъ! Стали строиться въ шеренгу, всталъ и я. Стой, довольно! Сосчиталъ, оказалось 63 человекъ, трюхъ отбавилъ. По семи копѣекъ на рыло! объявилъ дрягиль.

— Мало, Костя! по гривеннику посули.

— Ну, ну, ладно, копѣйку прибавлю. Пошолъ на 15-й, командовалъ онъ. Толпа повалила на 15-й штабель.

Огромный паровикъ лежалъ на палубѣ бота. Его слѣдовало сваять съ палубы, положить на большую тельжку (медвѣдку) и отвезти къ часовнѣ. Положили два толстые бревна, однимъ концомъ на край бота, другимъ на пристань. Двѣ веревки, однимъ концомъ укрѣпили на пристани, а другіе два конца подсуныты были подъ котель и потомъ перебросены черезъ него рабочимъ. За каждый конецъ взялось по тридцати человекъ. Матросы на ботѣ вооружились толстыми дубинами и приготовились направлять ходъ котла, на случай, если бы онъ пошелъ не ровно. Дрягильскій десятскій, изъ колонистовъ, помѣстился въ серединѣ между обѣими рядами рабочихъ и приготовился заправлять соло извѣстной дубинишкой.

— Слышь эй, десятскій! кричитъ съ бота шкиперъ,—смотри, сдюжить ли снасть! неравно лопнетъ, судно попортитъ, и людей поколѣбнись! Смотри, эвонъ она тутъ размочалилась!

— Это борода твоя размочалилась! Равняйся! кричалъ десятскій, не обращая вниманія на замѣчаніе шкипера, что въ кучу-то сблизилъ, овцы! Все-ли готово, эй, шкиларь!

— Ладно, поспѣешь, не торопись, потопишь судно, такъ не тебѣ по міру то идти, ворчалъ шкиперъ, а самъ распорядился, чтобы матросы, по мѣрѣ того, какъ котель будетъ подаваться впередъ, немедленно подкладывали брусья, на тотъ случай, если бы веревка лопнула, то чтобы онъ не покатился назадъ на палубу, которую могъ пробить, или самъ съ размаха перекачаться черезъ судно и унасть въ Неву. Готово! закричалъ шкиперъ, когда все приладилъ на случай опасности.

— Подтянись, молодцы! закричалъ дрягиль, вынулъ изъ-за пояса кожаную рукавицу и дирижируя ею надъ головой затянулъ:

Ой, ребятушки, собирайтесь,
За веревочку хватайтесь!

Хоръ подхватилъ:

Ой, дубинушка, ухни!
Ой, зеленая сама пойдетъ,
Идетъ!...

— Идетъ, идетъ, идетъ! Вали, вали, ребята!.. Судно накренилось на бокъ подъ тяжестью желѣзнаго гиганта. Толстые бревна, какъ спички, хрустѣли подъ нимъ. Смѣтливый шкиперъ работалъ со своей командой, и не напрасно.—Вали ребята, не выдавай молодчики! непусто ревѣлъ дрягиль. Вдругъ—трахъ! одна сторона молодчиковъ грянулась объ землю. Лопнула веревка. Шкиперъ былъ правъ. Поденьщики со всего размаха покатились въ перекувырку. Многие получили ушибы и ихъ пришлось поднимать и отводить въ сторону. Одинъ рабочий, ткнувшись носомъ, попалъ на концы сортового желѣза—и трудно представить, что сдѣлалось съ его физиономіей. Всѣ накиннулись на десятскаго, хотѣли его поколотить, но только ограничили бранью. Однако шестерымъ, болѣе потерпѣвшимъ, толпа принудила дрягиля дать по рублю. Пока сбѣгали въ дрягильскую контору за свѣжей веревкой, рабочіе понемногу оправились, но все таки болѣе десяти человекъ за веревку уже не брались. Приладили новую веревку, замѣнили раненыхъ здоровыми и работа пошла впередъ. Сбѣли еще нѣсколько ну-

меровъ дубинушки съ болѣе или менѣе нецензурными вариантами припѣвокъ, и какъ только котель перевалился съ палубы судна на пристань, шкиперъ тотчасъ велѣлъ отвязать тросы, и судно отошло отъ пристани. Картина приняла другой видъ. Рабочіе забунтовались. Подай расчесть! кричали они,—ты навимаешь рабочихъ котель выкатывать, да снасти гнилыя даешь! Подай рваную снасть, мы его со снастью то въ фарталь приставимъ! Десятскій струсилъ. Снастью рабочіе дѣйствительно завладѣли и тащили съ нею десятскаго въ полицію. Пришолъ дрягильскій староста разбирать, въ чемъ дѣло.

— Вы не орите всѣхъ, говори кто-нибудь одинъ, а то незнамо, кого слушать, урезонивалъ староста.

— Эй, Ванька-нѣмецъ, говори за всѣхъ. Ванька-нѣмецъ говоритъ будетъ!

Изъ толпы вышелъ здоровый мужикъ въ кучерской безрукавкѣ.

— Что вамъ отъ десятскаго нужно и почему вы не работаете? спрашиваетъ староста.

— А хотъ бы потому, значить, неработаешь,—началъ Ванька-нѣмецъ, подпершись кулаками въ бока и разставивъ ноги, что твой десяткой подражаетъ людей по 8 коп., даетъ гнилую снасть котель выкатывать, да на смерть людей калѣбнись, вотъ отчего. Теперь, вонпервыхъ, продолжалъ ораторъ, поворотившись къ дрягилю бокомъ и оставивъ одну ногу—теперь, если ты насъ, значить, по четвертаку на рыло не считаешь, то мы, значить, эту самую гнилую снасть, всей артелью въ часть приставимъ, и вонъ гѣхъ битыхъ сведемъ, да и тебя съ десятскимъ туда же притянемъ! а во вторыхъ, наше слово—олово! На своею поставимъ, небудь я, значить, Ванька-нѣмецъ, если не поставимъ.

— Это вѣрно: отъ насъ неоткашлинешься, кричали изъ толпы нѣсколько голосовъ.

Староста смекнулъ, что дѣло дряннѣе, веревка была гнилая, да и покатыченые тутъ на лицо, разчиталъ, вѣроятно, что если дѣло дойдетъ до полиціи и мирового, ему придется больше заплатиться.

— Ну ладно, расчитаютъ васъ по четвертаку, подайте сюда веревку!

Но веревку раньше расчета рабочіе не отдавали.

— Ступайте за калитку! Тамъ васъ расчитаетъ десятскій! говоритъ староста.

— Нѣ, нѣ, братцы! За калитку идти не слѣдъ! Пусть насъ тутъ расчитаютъ! Мы порядки то знаемъ, кричалъ какой-то юрнсть—за калитку выйдемъ, такъ тамъ полиція насъ разгонитъ, али въ часть за шумъ заберетъ! Пусть насъ тутъ удовлетворить, а за калитку мы не пойдемъ!

Староста повернулся къ нимъ спиной и велѣлъ десятскому расчитывать рабочихъ по четвертаку.

— Кто у васъ деньги получаетъ.

— Ванька-нѣмецъ получаетъ! За всѣхъ онъ получитъ, кричали рабочіе.

Ванька-нѣмецъ стоялъ впереди всѣхъ, другой поденьщикъ сзади его держалъ разорванную веревку.

Десятскій вынулъ три синенькихъ, вручилъ Ванькѣ-нѣмцу, а взаменъ получилъ рваную веревку.

Вся толпа повалила за калитку.

Ванька-нѣмецъ сбѣгалъ въ кабакъ, что около университета, и размѣнялъ тамъ деньги. Начался расчесть. Съ нѣкоторыхъ вычитали по 2 коп. Я получилъ полный четвертакъ. По окончаніи расчета, тѣ, съ которыхъ былъ вычетъ, пошли въ кабакъ записывать стачку.

Полученный четвертакъ я приложилъ къ прежде полученнымъ отъ дрягиля 30 коп., и у меня составился заработокъ въ 55 коп., и кромѣ того ломъ въ плечахъ и что-то очень тяжелое на душѣ. Вотъ все, что я заработалъ на биржѣ и съ чѣмъ воротился къ женѣ на р. Пряжку.

О. Ч — къ.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Флора была права: дѣйствительно, она называла вещи по имени—и высказала то, чего въ душѣ не отрицалъ и Брукъ, что мучило его и томило со вчерашняго дня; но его нѣжная, чуткая душа была глубоко возмущена тономъ и манерой Флоры: этотъ изящный женскій ротикъ не гнушался самыми рѣзкими выраженіями, чтобы только выставить на показъ проницательность, „не позволяющую себя обманывать“.

— Ахъ, я вижу, что у меня сегодня ужъ такое несчастье говорить все такія вещи, которыя тебѣ не нравятся, сказала она послѣ минутной паузы полу-саркастическимъ, полу-сердитымъ тономъ, идя за нимъ вслѣдъ (Брукъ не скрывалъ своего негодованія: отвернулся отъ нея и отошелъ къ окну). Можетъ быть я высказала свое мнѣніе нѣсколько рѣзко; можетъ быть, мнѣ изъ благодарности къ Рэмеру за его любезность и преду-

дупредительность слѣдовало бы быть менѣе откровенной —но, что дѣлать!.. я врагъ всякихъ слабостей и много причинъ негодовать

— Тѣмъ лучше! прошепталъ докторъ и улыбнулся.

Какъ ни тихо были сказаны эти слова, но они долетѣли до слуха Флоры.

— Тѣмъ лучше? спросила она съ удивленіемъ и засмѣявшись, всплеснула руками. Откровенно говоря, и мнѣ наша младшая сестра не очень-то симпатична, но въ чемъ провинилась она предъ тобой, что ты такъ странно относишься къ ея несчастью?

Онъ, не говоря ни слова, прижался лбомъ къ оконному переплету, а она задумчиво глядѣла въ садъ.

— Конечно, дѣла Кэты не такъ плохи, какъ дѣла Генріэтты—у первой остается замковая мельница, а въдъ мельница эта стоитъ порядочныхъ денегъ, прибавила, помолчавъ немного, Флора. Когда здѣсь все полетитъ вверхъ дномъ, Кэта можетъ пріютиться тамъ, да и для нашей бѣдной больно я не могу придумать болѣе подходящаго убѣжища; обѣ сестры любятъ другъ друга и, конечно, уживутся вмѣстѣ. Устроить дѣло иначе не возможно: бабушка съ своими скромными средствами положительно не можетъ содержать Генріэтту, а что касается насъ, то я никогда не потребую, чтобы ты взялъ больную сестру въ нашъ домъ. (Она вдругъ схватила его и обольстительно нѣжно поглядѣла на него). Ахъ, Лео, какъ я буду благодарить Бога, когда мы завтра сядемъ въ карету и уѣдемъ отъ всѣхъ ужасныхъ сценъ, которыя должны здѣсь еще разыграться...

Порывистымъ движеніемъ онъ высвободился изъ ея объятій; никогда еще не видала она это кроткое, серьезное лицо такимъ гнѣвнымъ...

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь покинуть этихъ несчастныхъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи, зная, что на дняхъ на нихъ посыплются страшные

удары судьбы? вскричалъ онъ виѣ себя. Ступай, куда хочешь—я остаюсь.

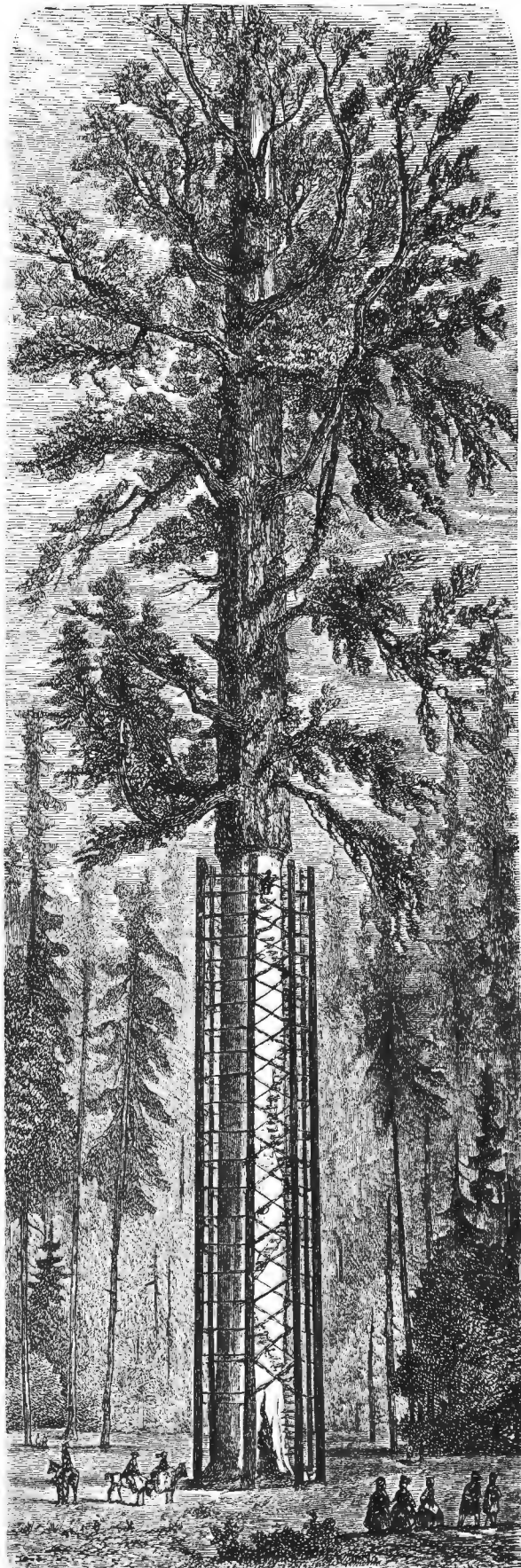
— Лео! крикнула Флора и на мгновеніе умолкла, стараясь сдержать порывъ невыразимаго гнѣва, а потомъ прижала руку къ сердцу, какъ будто его поразили ударомъ кинжала, и прибавила глухимъ голосомъ: Ты, навѣрно, не взвѣсилъ своихъ, слишкомъ опрометчивыхъ словъ, а потому я замѣчу тебѣ только одно: если мы не уѣдемъ завтра, прежде чѣмъ разразится ударъ (а никто не можетъ осудить насъ за это), то нашу свадьбу придется отложить на неопредѣленное время.

Онъ молчалъ и не обернулся даже къ ней; это молчаніе видимо раздражало ее: вся ея страстная натура обнаружилась въ ея большихъ, гнѣвно сверкавшихъ сѣрыхъ глазахъ.

— Я тебѣ передъ этимъ объявила, что готова всю жизнь добровольно уступать первое мѣсто въ твоемъ сердцѣ любви къ твоему призванію и дѣятельности, заговорила она настойчивѣе, —но никогда не пожертвую я своими интересами ради другихъ *женщинъ*... Замѣть себѣ это, Лео! Я не понимаю и никогда не пойму, почему я должна, ради бабушки и моихъ сестеръ, переживать здѣсь эту страшную катастрофу, когда имѣю полное право укрыться отъ всего этого у тихаго семейнаго очага, который ты обѣщала для меня устроить; такой жертвы ты не долженъ былъ бы и ожидать отъ меня. Развѣ въ моей власти измѣнить положеніе дѣлъ? Нѣтъ и нѣтъ!.. Къ чему же тогда эти бесполезныя волненія и тревоги? Неужели я непременно должна испытать удовольствіе быть тоже предметомъ людскаго состраданія? Я готова лучше сейчасъ же уйти отсюда... я не *хочу*, чтобы на меня указывали пальцами.

Флора въ волненіи прошлась по комнатѣ.

— Ты не можешь, относительно меня, ничѣмъ извинить своего рѣшенія остаться здѣсь, заговорила она снова, съ мрачно-нахмуренными бровями, не дождавись отъ него ни слова. Ты не можешь даже сослаться на больныхъ въ бѣль-этажѣ. Генріэтту ты и такъ долженъ былъ предоставить ея судьбѣ, а что касается Кэты, то ты не убѣдишь ме-

Отецъ лѣса, гигантское дерево въ Калифорніи.

Литературный альбомъ: Людмила въ замкѣ Черномора. Рис. Медвѣдъ, грав. Р. Бонъ.

ня, что ея шрамъ на лбу, который ты и самъ объявилъ неопаснымъ, требуетъ твоего искусства и помощи, какъ врача. Откровенно говоря, я сегодня ночью должна была удерживаться отъ смѣха, глядя на тебя и на тетушку. Если Генриэтта проливаетъ ребяческія слезы изъ-за нѣсколькихъ капель крови, то это еще понятно—она больна, нервозна—но ты... ты тоже держалъ себя такъ, какъ будто наша младшая сестра, этотъ дюжій отпрыскъ дровосѣковъ, была соткана изъ эфира... Она невольно умолкла—докторъ обернулся къ ней съ грозно поднятымъ пальцемъ, лицо его выражало сильное волненіе.

Она злобно разсмѣялась. Ты думаешь, что я боюсь? Я могу противопоставить твоему неумѣстному жесту всеѣмъ иную угрозу: берегись—еще у алтаря не произнесено „да“; еще въ моей власти дать дѣлу такой оборотъ, какой тебѣ едва-ли понравится... Да, я еще разъ повторяю, что что твое вчерашнее докторское укаживанье за Кэтой мнѣ стало наконецъ противно. Развѣ я могу не смѣяться, когда ты возишься съ ней, какъ съ какой-нибудь принцессой...

— Нѣтъ, Флора, не какъ съ принцессой, а какъ съ возлюбленной моего сердца, какъ съ первой и единственной любовью, перебилъ ее Брукъ.

Невѣста вздрогнула, какъ будто молнія ударила въ землю у ея ногъ; невольно воздѣвъ къ небу руки, она бросилась къ доктору.

Брукъ только отстранилъ ее, не измѣнивъ спокойной позы.

— То, что я до сихъ поръ, страшно борясь съ самимъ собою, таилъ въ своей груди (изъ стыда и ради принципа, который оказался ложнымъ, даже безнравственнымъ), теперь долженъ объявить тебѣ. Я не хочу ни оправдываться, ни прикрашивать (голосъ его дрогнулъ)—я былъ тебѣ невѣренъ съ той самой минуты, когда впервые увидѣлъ Кэту.

Флора медленно опустила руки. Какъ ни ясно было высказано это признаніе, оно показалось ей невѣроятнымъ, невозможнымъ. Ха, ха! Какъ могла она быть такой легковѣрной—выказать такой безумный страхъ! Часто, даже очень часто, случалось, что великолѣпная Флора Мангольдъ привлекала мужскія сердца, а потомъ немилосердно, жестоко отталкивала ихъ отъ себя. Да, это бывало,—но чтобы мужчина могъ измѣнить ей—ужъ это что-то смѣшно! Невозможно! Этому никто не повѣритъ, а ужъ тѣмъ болѣе она. Гораздо вѣрнѣе предположить, что докторъ Брукъ наконецъ рѣшился отомстить ей... Она довела „свое испытаніе“ до крайности; она, въ своемъ справедливомъ негодованіи пригрозила за нѣсколько часовъ до вѣнчанья нарушить данное слово; это раздражило его, терпѣніе его истощилось и вотъ онъ вздумалъ наказать ее, возбудивъ въ ней ревность. Ея безграничное тщеславіе и легкомысліе отсрочили на нѣсколько минутъ самое горькое разочарованіе всей ея жизни.

Флора насмѣшливо сжала губы и, скрестивъ руки, заговорила ироническимъ тономъ:

— Ахъ, такъ вотъ какъ: съ перваго взгляда! Что-же, гдѣ это случилось? Тамъ, въ корридорѣ, когда она, по обычаю ремесленниковъ, явилась сюда въ запыленныхъ сапожкахъ, съ романтическимъ узелкомъ въ рукѣ...

Видно было, какъ отъ каждаго ея слова вскипала кровь въ жилахъ доктора: въ эту серьезную минуту, когда рѣшался вопросъ всей его жизни, его допрашивали, смѣясь, шутиво, какъ школьника. Онъ съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Я самъ проводилъ ее сюда, я встрѣтился съ Кэтой на мельницѣ, отвѣтилъ Брукъ довольно спокойно.

Яркая краска удивленія разлилась по лицу Флоры; глаза ея загорѣлись; она закусила губы.

— А—а, я слышу объ этомъ въ первый разъ!... И эта хитрая особа съ „чистымъ“ сердцемъ тоже вѣрно

имѣла причины умалчивать объ этой интересной встрѣчѣ? (Она засмѣялась короткимъ, рѣзкимъ смѣхомъ). Ну, что же дальше, Брукъ?..

— Если ты будешь продолжать въ такомъ же тонѣ, то мнѣ придется письменно объясниться съ тобой.

Онъ сердито повернулся, чтобы уйти, но Флора не пустила его.

— Боже мой, какъ ты трагически къ этому относишься!.. Вѣдь я просто стараюсь разыгрывать, вмѣстѣ съ тобой, маленькую комедію. И такъ, ты хочешь начать со мной войну на бумагѣ? О, милый Лео, ты будешь побѣжденъ—будь увѣренъ въ этомъ!.. Хотя ты и выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько капитальныхъ брошюръ по медицинѣ, но—тутъ спасуешь!..

Горделивая улыбка, сопровождавшая эти слова, застыла на ея губахъ, подъ его ледянымъ, мрачнымъ взглядомъ. Теперь въ душѣ ея возникло подозрѣніе, что онъ, можетъ быть, не шутить, а говоритъ совершенно серьезно (не о своей *милой* любви къ Кэтѣ—это вѣдь немыслимо!), а о томъ, что онъ рѣшился, при всей своей любви къ ней, все таки разойтись съ капризной невѣстой, чтобы не остаться мученикомъ на всю жизнь. Она раскаялась теперь въ своемъ поведеніи, но неукротимое упрямство и заносчивость все таки взяли верхъ.

— Хорошо, иди! сказала она, быстро отходя въ сторону... Такихъ взглядовъ я не выношу! Иди-же! Я пальцемъ не шевельну для того, чтобы удержать тебя! (Она разразилась рѣзкимъ, презрительнымъ смѣхомъ.) О, мужчины! Было время, когда я чуть не на колѣняхъ вымаливала себѣ свободу... Но тогда ты былъ настолько низко, что насильно удерживалъ меня! Ну, посмотри и поучись у Флоры Мангольдъ, чѣмъ должна въ подобныя минуты руководиться даже „слабая, тщеславная женская душа“! Гордость!..

— Да, именно это чувство побуждало меня тогда оставаться неумолимымъ, и эта гордость была неукротима, подхватилъ Брукъ, хотя и совѣмъ иного рода, чѣмъ твоя... Ты вотъ называешь гордостью смѣсь упрямства и досады... Сознаюсь, что я жестоко ошибался; я не буду ни защищаться, ни оправдывать себя, сваливая вину на другихъ; я уже говорилъ это... Моими поступками въ то время руководила моя вѣра въ собственную силу, въ силу воли мужчины, который *долженъ* и можетъ справиться со всякой душевной бурей. Такъ думалъ я тогда. Я не возвратилъ тебѣ твоего слова, потому что привыкъ считать слово, данное мною, ненарушимымъ во вѣки вѣковъ; съ этой точки зрѣнія наше обрученіе казалось мнѣ такимъ же крѣпкимъ, неизмѣннымъ, какъ бракъ у католиковъ... Не отрицаю, что и остатки студенческихъ понятій о чести жили еще тогда во мнѣ. Въ тотъ вечеръ я высказалъ тебѣ только *эту* побудительную причину, а теперь долженъ повторить ее: я не хотѣлъ встать въ ряды твоихъ *отвернутыхъ* поклонниковъ.. Говорю еще разъ: Эти понятія я считаю теперь юношески-незрѣлыми, потому что въ такихъ случаяхъ компрометируется не честь мужчины, а честь женщины.

Флора съ гнѣвно сверкающими глазами отвернулась отъ него и забарабанила пальцами по столу.

— Я никогда не скрывала отъ тебя, что до моей помолвки съ тобой, многіе, очень многіе добивались моей руки, сказала она гордо, небрежно, не поворачивая къ нему даже головы.

— Да, ни ты, ни мои знакомые не скрывали этого, замѣтилъ Брукъ. Ты, однако, не должна забывать, что ты была недостижимымъ идеаломъ во дни моей юности. Въ университетѣ и во время похода меня поддерживала мысль, что твое гордое сердце никому еще не принадлежало, что оно сдѣлаетъ несказанно-счастливымъ того, кто завоюетъ его... Докторъ вдругъ умолкъ, онъ не долженъ былъ и не хотѣлъ намекать на ея кокет-

ство; ему казалось унижительнымъ прибѣгать даже къ справедливымъ упрекамъ... Флора вспыхнула:

— Не хочешь ли ты еще утверждать, что изъ всей толпы этихъ неизбежныхъ поклонниковъ я любила только *одного!*

— *Любила?*.. Нѣтъ, Флора, ты никого, даже меня не любила! Любила ты только свою несравненную красоту, свой успѣхъ въ обществѣ, свое остроуміе, будущую славу великолѣпной Флоры Мангольдъ...

— Вотъ какъ!.. У тебя прежде никогда не находилось льстивыхъ словъ для меня; даже въ минуты нѣжной ласки ты не умѣлъ подобрать для меня льстиваго эпитета—а теперь, вознегодовавъ, ты рисуешь мой портретъ самыми привлекательными красками!..

Онъ покраснѣлъ и отвернулся, чтобы не видѣть ея смѣющихся глазъ.

Красавица воображала, что какъ разъ во время напомнила ему о прекрасномъ прошломъ. Ну, теперь игра выиграна! мелькнуло въ ея головѣ.

— Лео, неужели ты пришелъ сюда только для того, чтобы обойтись со мной жестоко, чтобы обвинять меня? спросила она, и быстро подойдя къ нему, положила свою руку на его плечо.

— Ты забываешь, что сама позвала меня сюда, отвѣтилъ онъ серьезно. По собственному побужденію я не пришелъ бы къ тебѣ... У меня двѣ больныхъ наверху; подъ утро положеніе Генріэтты стало опаснымъ... Безъ твоего настоятельнаго требованія я не оставилъ бы ее, точно также, какъ не подумалъ бы въ эти несчастные дни окончательно разяснить наши взаимныя отношенія. Ты сама толкнула меня на это... Я и рѣшилъ.

— Рѣшилъ?.. Какъ толкнула? То есть подъ вліяніемъ дѣтскаго упрямства и досады велѣла тебѣ уйти?.. Перестань! Какъ можешь ты относиться такъ серьезно къ порыву гнѣва сердца дѣвушки?

Кровь бросилась въ лицо доктору... Онъ увидѣлъ, что ни до чего еще не договорился, что надо начинать съизнова объясненія.

— Я не стану обвинять тебя и въ этомъ, отвѣтилъ Брукъ съ явнымъ нетерпѣніемъ. Я позволилъ себѣ увлечься и признаться тебѣ въ томъ, что...

— Ахъ да! Ты началъ говорить о своей силѣ воли, которая *должна* справиться со всякой душевной бурей. Что-же, эта сила воли измѣнила тебѣ?..

— Нѣтъ, не измѣнила... Взглядъ мой только *на нѣкоторыя вещи измѣнился*... Флора, *вѣдь я-же, кажется, достаточно объяснилъ тебѣ все*... Словомъ сказать: ты никогда меня не любила, а я... *просто увлекся!*..

Она молчала и не поднимала глазъ; она не смѣла солгать ему въ лицо.

— Я тѣмъ крѣпче, тѣмъ боязливѣе цѣплялся за ненарушимость моего слова, чѣмъ непокорнѣе становилось мое сердце, чѣмъ дальше были отъ тебя мои мысли...

— А—а, такъ это все правда?..

— Да, Флора, правда. Я боролся съ своей привязанностью, какъ съ самымъ ожесточеннымъ смертельнымъ врагомъ. (Онъ тяжело вздохнулъ). Я съ первой минуты сталъ поступать жестоко и съ собой, и съ дѣвушкой, внушавшей мнѣ новую непобѣдимую любовь. Я тщательно избѣгалъ малѣйшаго, самаго невиннаго сближенія съ *ней*... Даже тѣ цвѣты, которые она держала въ рукѣ и потомъ забыла у меня на столѣ, вынесъ я изъ своей комнаты.. Она охотно посѣщала мой домъ, но я запротестовалъ противъ этого, я былъ холоденъ съ ней, говорилъ ей грубости въ глаза, хотя глаза эти и лицо нравились мнѣ больше всего на свѣтѣ...

— Ахъ, Боже мой, это—понятно!.. Кѣта восхищала тебя, какъ врача: лицо такое здоровое, круглое, бѣлое и розовое, точно размалеваное!.. но тутъ хладнокровіе измѣнило ей и, прижавъ руку къ груди, Флора крикнула:

— И ты смѣешь дѣлать подобныя признанія мнѣ?.. Какъ! Эта наивная юница, бросающая цвѣты въ комнату мужчинъ, которыхъ хочетъ прельстить...

— Ни слова больше!.. (онъ бросилъ на нее тотъ повелительный взглядъ, передъ которымъ умолкалъ даже дерзкій ея языкъ). Меня ты можешь осыпать упреками, я ихъ снесу терпѣливо, но Кѣту я не позволю трогать. Кѣта никогда сознательно не разжигала любви моей... Она возвратилась въ Дрезденъ, не уяснивъ себѣ ни моихъ, ни своихъ собственныхъ чувствъ... Ты лучше всѣхъ знаешь, почему она тогда уѣхала. Съ одной стороны ее уговаривали выйти замужъ безъ любви, по расчету, съ другой—ей ясно дали почувствовать, что она должна очистить свою комнату для баронессы ф. Штейнеръ. Я былъ свидѣтелемъ этой некрасивой сцены... Я чуть было тогда не забылся и не наговорилъ г-жѣ президентшѣ непріятностей... Однако, когда мнѣ косвенно предложили помѣстить въ моемъ домѣ эту *лишнюю*, тогда и у меня не оказалось мѣста для нея, а потомъ, часъ спустя, этой дѣвушкѣ пришлось услышать на порогѣ моего дома, какъ я просилъ тетю прекратить съ нею сношенія на время моего пребыванія здѣсь. Тогда она ушла, глубоко оскорбленная, а я былъ настолько жестокъ,—нѣтъ—хуже: настолько безнравственъ, что ради ложнаго принципа, ради глинянаго идола, представителя извѣстныхъ понятій о чести, сталъ упорствовать въ громадной лжи, въ которой хотѣлъ увѣрить и Кѣту, и самого, себя, и весь міръ!..

Брукъ въ волненіи умолкъ, а Флора бросилась на кушетку, охвативъ голову тоненькими своими ручками, какъ будто она не хотѣла ничего больше слышать. Онъ продолжалъ:

— Я далъ ей уѣхать; тогда я вздохнулъ свободнѣе, надѣясь, что безъ нея мнѣ будетъ легче, что мои мученія прекратятся... Безумецъ!.. Не замѣтилъ я, что въ ту самую минуту, когда она скрылась за прибрежнымъ кустарникомъ, ко мнѣ подкрался демонъ и поселился въ моемъ сердцѣ... Нѣтъ, не отъ утомленія, не отъ визитовъ провалились у меня щеки, и сталъ я тогда угрюмъ (работа всегда доставляла мнѣ удовольствіе): причиной этому была моя страсть, возрастающая съ каждымъ днемъ.

Онъ отошелъ отъ окна и началъ въ волненіи ходить по комнатѣ; Флора тоже встала и порывистымъ движеніемъ откинула локоны со лба.

— Страсть къ Кѣтѣ?!. вскричала она, горько разсмѣявшись.—О, хотѣлось бы мнѣ, чтобы папа могъ теперь видѣть, какой вѣрный инстинктъ руководилъ его старшую дочь, когда она отказывалась называть дочь замковаго мельника „мамашей“, когда она отворачивалась отъ новорожденной младшей сестры! Нѣтъ, ты поступалъ до сихъ поръ не по ложному принципу... Нѣтъ!.. Людей, не отступающихъ отъ такого принципа, всегда называютъ и будутъ называть respectableными и честными...

— Я далъ себѣ слово не касаться прошлаго, перебилъ ее Брукъ, дрожащимъ голосомъ, однако съ твердой рѣшимостью покончить дѣло теперь же, — но ты привуждаешь меня возвратиться къ тому, что произошло между нами въ моемъ домѣ. Въ тотъ вечеръ я позволилъ невѣстѣ своей сказать прямо въ лицо мнѣ, что она меня *ненавидитъ*, или лучше—презираетъ, потому что неудача, повидимому, мѣшала мнѣ стать знаменитостью, а женой этой знаменитости ты и хотѣла быть... На другой день мнѣ пришлось увидѣть нѣчто небывалое: вслѣдствіе пожалованія меня въ гофраты—эта „ненависть“ моей невѣсты вдругъ превратилась въ самую преданную любовь!.. Скрывъ презрѣніе, я молча продолжалъ сносить свое ярмо, потому что хотѣлъ остаться „respectableнымъ, честнымъ“. И я довелъ бы эту ужасную ложь до конца, если бы муки разбитаго сердца угрожали только мнѣ одному, но... тутъ замѣ-

шалось третье лицо, съ любящимъ горячимъ сердцемъ...

Легкій крикъ, вырвавшійся изъ груди Флоры, заставилъ умолянуть доктора.

— Неужели эта лицемѣрка въ самомъ дѣлѣ дерзнула поднять глаза на жениха своей сестры?... Она призналась тебѣ въ своей преступной любви?! Призналась?...

Онъ глядѣлъ на нее съ минуту молча, глаза его горѣли невыразимымъ гнѣвомъ.

— Ты можешь употреблять какія угодно эпитеты, но тебѣ не удастся запятнать эту непорочную дѣвушку, проговорилъ наконецъ Брукъ.—Со времени отъѣзда ея въ Дрезденъ, я не говорилъ съ ней вовсе; даже въ эту ночь, очнувшись отъ обморока, она не промолвила ни слова... Кэта пріѣхала вчера, но я этого не зналъ. Отъ шума и суетни (во время приготовленій къ дѣвичнику)

Флоры постепенно преображалось... Да, игра проиграна— все кончено, но Флора не была бы ловкой, проникательной интриганткой, если бы не сдумѣла тотчасъ же найтись въ своемъ новомъ положеніи. Натянутость въ движеніяхъ ея исчезла, а въ манерахъ стало проглядывать что-то кошачье. Она торопливо поправила чепчикъ и, завязывая ленты подъ подбородкомъ, сказала съ сатанинской улыбкой, ехидно взглянувъ на него:

— Какъ? И даже не спросивъ меня покончили, господинъ докторъ? Ну, пусть будетъ такъ!.. Теперь я задаю такимъ вопросомъ: что случилось бы съ тобою Флора, если бы ты сдѣлалась женою такого сантиментальнаго мечтателя?.. Что-жь, и хорошо, что все такъ случилось, это хорошо для насъ обоихъ. Я возвращаю тебѣ твое слово и свободу, но освобождаю тебя такъ, какъ освобождаютъ птичку, т. е. одинъ конецъ веревки

Убіеніе французскаго и германскаго консуловъ въ Салоникахъ.
Рисов. съ наброска, Бролингъ; грав. К. Вейерманъ.

я ушелъ въ свой садъ, а потомъ увидѣлъ ее на другомъ берегу... Она, какъ изгнанница, не смѣла перейти черезъ мостъ!..

Докторъ вдругъ умолкъ; яркій румянецъ вспыхнулъ на его щекахъ... Нѣтъ, онъ ни за что не скажетъ Флорѣ, что въ ту именно минуту, когда увидѣлъ Кэту у моста впалъ въ восторженное состояніе, потому что во-очію увидѣлъ, узналъ, что эта дѣвушка тоже любитъ его!..

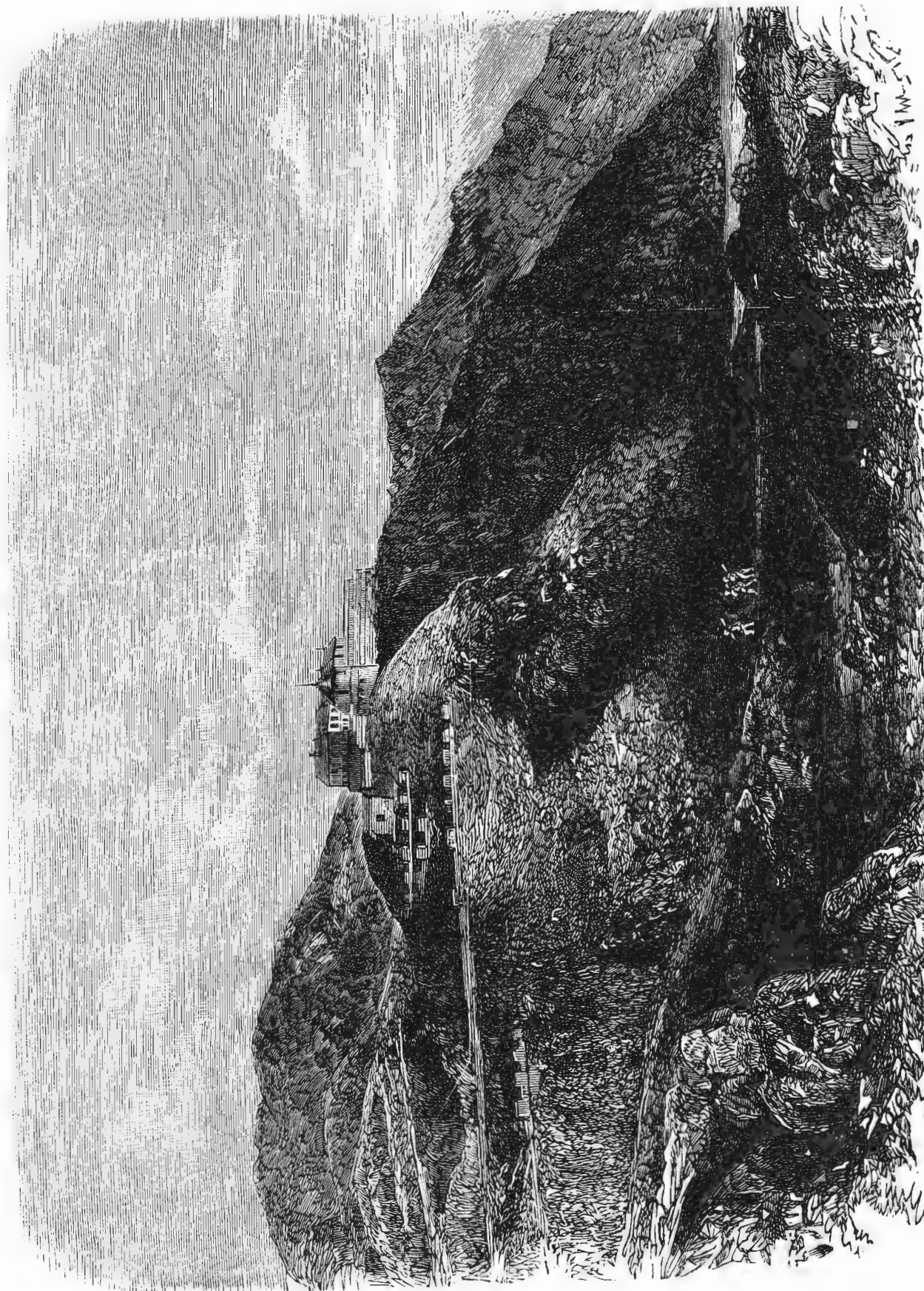
— Потомъ, послѣ того страшнаго взрыва, я отправился въ паркъ отыскивать ее, продолжалъ Брукъ болѣе покойнымъ тономъ: — когда я нашелъ и поднялъ ее, я сказалъ себѣ, что смерть пощадила ея молодую жизнь для моего счастья... Тутъ я покончилъ съ прошлымъ!..

По мѣрѣ того, какъ Брукъ говорилъ, все существо

вочки оставляю у себя и крѣпко обматываю его вокругъ пальца (она съ насмѣшливой улыбкой постучала по обручальному кольцу).—Сватайся за любую молодую дѣвушку въ резиденціи (хотя бы за самую злую мою завистницу—ихъ вѣдь у меня довольно!), и я передамъ ей это колечко... Но на Кэтѣ и не думай жениться! Нѣ—тъ!.. Слышишь?.. И если ты уйдешь съ ней за море, или захочешь обвиняться съ ней гдѣ нибудь въ самой глухой деревушкѣ, знай: я непременно, явлюсь во время, чтобы помѣшать вамъ!..

— Слава Богу, что это не въ твоей власти, замѣтилъ Брукъ, поблѣднѣвъ какъ мертвецъ... Онъ тяжело дышалъ.

— Ты такъ думаешь?.. Предоставь ужъ мнѣ позаботиться о томъ, чтобы никогда тебѣ не быть счастливымъ по своему!.. О, вѣроломный, жалкій человекъ! Ты

Крепость Нижний на границе Герцеговины и Черногория. Съ фотографии грав. Веверлинг.

топчешь пышный цвѣтокъ, чтобы сорвать простую маргаритку!.. Ты услышишь еще обо мнѣ...

Презрительно хихикая, Флора быстро прошла въ свою комнату и заперлась тамъ, а вслѣдъ затѣмъ, постуचा-

лись въ противоположную дверь, и вошедшей лакей просилъ доктора пожаловать въ бельэтажъ, потому что у фрейлейнъ Генриэтты повторился сильный припадокъ удушья.

(Продолженіе будетъ).

ОТЕЦЪ ЛѢСА, ГИГАНТСКОЕ ДЕРЕВО ВЪ КАЛИФОРНИИ.

За предѣлами земледѣльческаго района Калифорніи, прилегающаго преимущественно къ берегамъ океана, начинаются ея рудокопныя графства, составляющія территорию золотопромышленниковъ. Одно изъ такихъ графствъ—Марипоза, лежащее на юго-востокъ отъ Стоктона, значительнаго Калифорнскаго города обладаетъ замѣчательною рѣдкостью растительнаго царства, заставляющею многихъ путешественниковъ, посѣтителей Санъ-Франциско, предпринимать довольно трудныя поѣздки въ эту страну. Рѣдкость эту составляетъ кедровый лѣсъ, вполне справедливо названный—исполнскимъ. Уже по приближеніи къ нему начинаютъ попадаться огромныя деревья, составляющія какъ бы авангардъ чудовищъ, ожидающихъ впереди путешественника. Деревья лѣса мало по малу увеличиваются въ вышину и ширину, и наконецъ открывается плато Бекъ-Горнъ, представляющее одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ и поразительнѣйшихъ лѣсныхъ пейзажей въ мірѣ. На этомъ плато глухо шумятъ своими верхушками четыреста кедровъ, елей или кипарисовъ, болѣе половины которыхъ имѣютъ до тринадцати метровъ въ діаметрѣ, т. е. чтобы окружить каждое изъ этихъ деревьевъ, надо установить вокругъ него отъ двѣнадцати до тринадцати взявшихся за руки человѣкъ. Сваленное грозой, или сломившееся просто отъ дряхлости, одно изъ такихъ деревьевъ занимало по длинѣ протяженіе около 68 сажень (болѣе 150 метровъ), т. е. болѣе въ восемь разъ выше обыкновеннаго, пятиэтажнаго дома. Окружность его составляла около 40 метровъ т. е. почти 18 сажень. Это было, кажется, самое высокое и толстое дерево во всемъ лѣсу и въ цѣломъ мірѣ. По числу слоевъ ему было отъ роду около четырехъ тысячъ лѣтъ, такъ что оно могло застать еще потопъ. Рассказываютъ, что кора одного изъ такихъ деревьевъ, бывъ доставлена въ Санъ-Франциско, послужила впоследствии оградой для одного изъ лотерейныхъ базаровъ. Поставивъ ее такъ, какъ она лежала на

деревѣ можно было-бы устроить внутри ея балъ, болѣе чѣмъ на двадцать человѣкъ, установивъ въ это же пространство и фортепьяно. Размѣры этихъ деревьевъ такъ мало правдоподобны, что въ Англии, для того, чтобы убѣдить невѣрующихъ, возстановили искусственно въ настоящую величину одинъ изъ исполнскихъ кедровъ Калифорніи; это было сдѣлано въ сиденгемскомъ кристалльномъ дворцѣ близъ Лондона. Другой исполнскій лѣсъ, хотя и уступающій, по величинѣ деревьямъ, описанному, находится также въ Калифорніи, въ графствѣ Калаверасъ, смежномъ съ графствомъ Марипозою. Деревья этого лѣса называются у американцевъ мамонтовыми mammoth trees. Название это можно считать очень удачнымъ, потому что эти колоссы растительнаго царства, такой же памятникъ его прошлаго, какъ и мамонтъ въ царствѣ животномъ. Деревья калавераскаго лѣса носятъ неизвѣстно кѣмъ данныя имъ имена. Тутъ есть: *Отецъ*, *Мать* и *Дочь* лѣса. Есть три *Сестры*, *Мужъ* и *Жена*, *Хижина Дяди Тома*, *Шалашъ Рудокопа* и т. п. На нашемъ рисункѣ представленъ *Отецъ лѣса*, самое высокое изъ калаверасскихъ деревьевъ. О ширинѣ или толщинѣ его можно судить по находящимся у подошвы этого дерева верховымъ людямъ; ему насчитываютъ около пятидесяти столѣтій, и подѣйствіемъ такой старости оно уже видимо начинаетъ склоняться, что и заставило оградить нижнюю часть его ствола надежною рѣшоткою изъ вертикальныхъ стоекъ, соединенныхъ между собою укрѣпленіями. Лѣстница и снятая снизу кора служатъ для постоянного осмотра ствола дерева, потому что паденіе его можетъ повредить и даже сломать другія, также болѣе или менѣе замѣчательныя деревья. Не очень давно тому назадъ Шалашъ Рудокопа, стоявшій вблизи Отца лѣса пораженъ молніею. Паденіе его было очень счастливо для другихъ деревьевъ и теперь онъ лежитъ, склонясь къ ногамъ Отца, близкій конецъ котораго предсказать не трудно.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

«Русланъ и Людмила», поэма А. С. Пушкина.

Эта поэма принадлежитъ къ самымъ раннимъ, юношескимъ произведеніямъ нашего великаго поэта, Александра Сергѣевича Пушкина. Онъ началъ писать ее, будучи еще въ Царскосельскомъ лицѣѣ, 17 лѣтъ отъ роду, въ 1817 году, а окончилъ въ 1819 году. Въ 1820 году она появилась въ печати и возбудила чрезвычайно много самыхъ разнородныхъ толковъ и критическихъ разборовъ. Одни, восхищенные и удивленные легкостью и игривостью стиха и другими крупными достоинствами поэмы, превозносили ее до небесъ и въ авторѣ ея видѣли могучее дарованіе, гениальнаго поэта. Другіе, пуристы, видѣвшіе въ поэзіи только средство поучать, не наскучивая, и признававшіе только дидактическую поэзію истинно полезною, вооружились на нее за ея вольныя и безнравственныя, по ихъ мнѣнію, мѣста и разразились грозными филиппиками по поводу ея выхода. Одинъ изъ замѣтнѣйшихъ тогдашнихъ писателей сказалъ, прочитавъ «Руслана и Людмилу»: «я тутъ не вижу ни мысли, ни чувства, вижу только чувственность». Кромѣ того, появились стихи, въ которыхъ про поэму говорилось: «Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть». Конечно, нельзя поручиться, что отзывы эти вполне безпристрастны и что тутъ нѣтъ нѣкоторой доли зависти писателей, чувствовавшихъ, какъ блѣднѣютъ ихъ имена отъ сіянія вновь восходящаго на поэтической горизонтъ свѣтила.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время подобныя упреки, надѣмся, не повторятся и мы съ удовольствіемъ выпишемъ стихи, къ которымъ нарисована наша картинка.

Поэма начинается съ описанія пира по случаю свадьбы Руслана съ Людмилою, дочерью князя Владиміра-Красное солнышко. Для полноты впечатлѣнія выпишемъ и эти стихи, хотя они и не относятся непосредственно къ картинкѣ.

Пиръ конченъ, всѣ...

Встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ пригнула,
И свѣтель радостный женихъ.
Но тѣнь объемяетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ меду,

Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньи:
Ласкаетъ онъ въ воображеніи
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету...

Но прекрасную княжну Людмилу вдругъ ночью похищаетъ старый волшебникъ Черноморъ и уноситъ въ свой волшебный замокъ. Не будемъ рассказывать содержаніе поэмы подробно, такъ какъ она, полагаемъ, известна *всякому*, мало мальски знающему съ литературою. Незнающихъ же отсылаемъ къ самой поэмі; а тутъ напомнимъ лишь то, что прямо относится къ иллюстраціи. Людмила перенесена въ замокъ и просыпается на другой день.

На встрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотыя
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной залдела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась, и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго стекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своеправныхъ думъ,
Примѣрить шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ;
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушка въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь!
Людмила шапкой завертѣла;
На брови, прямо, на бокренъ,

И задомъ на передь надѣла.
И чужь! о чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула—передь ней
Людмила прежняя предстала;
Назадъ надѣла— снова нѣтъ;
Сняла—и въ зеркалѣ! «Прекрасно!
Добро, колдунъ, добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужь безопасно,
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
И шапку старого злодѣя
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ на передь.

Благодаря этой шапкѣ-невидимкѣ, Людмила могла скрывать-ся отъ Черномора и не попадать ему въ руки. Долго Черноморъ искалъ ее, но ему не удавалось ни найти ее, ни поймать. Наконецъ имъ придумана хитрость: принявъ на себя образъ Руслана, онъ сталъ громко звать ее и она, обманутая наружнымъ видомъ, чуть было не попала въ его объятія. Въ этотъ моментъ Черноморъ слышитъ звукъ трубы, призывающей его на битву. Это Русланъ.

Черноморъ побѣжденъ Русланомъ, и ему отрѣзана борода—источникъ его могущества. Княжна Людмила, объята глубо-кимъ чародѣйскимъ сномъ, снова въ рукахъ Руслана, и онъ мчится съ нею къ князю Владимиру...

Подлостью труса Фарлафа опять одерживаютъ верхъ надъ Русланомъ, но, въ концѣ концовъ, съ помощью добраго волшебника Фина, Русланъ одерживаетъ побѣду надъ всѣми врагами и препятствіями и добивается счастья.

Прелестная, полная юношескаго жара и поэзіи, поэма имѣетъ прологъ, который начинается стихами:

«У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ...

Эти стихи сдѣлались любимыми у дѣтей, потому что въ нихъ въ короткихъ словахъ, но чрезвычайно образно, очерченъ весь причудливый, волшебный міръ русскихъ народныхъ сказокъ, которыя такъ часто вдохновляли этого великаго поэта и до сихъ поръ служатъ любимымъ дѣтскимъ чтеніемъ.

А.

УБИЙСТВО ФРАНЦУЗСКАГО И ГЕРМАНСКАГО КОНСУЛОВЪ ВЪ САЛОНИКАХЪ.

7-го мая разнеслась по Европѣ ужасная вѣсть объ умерщвлении въ Салоникахъ двухъ европейскихъ консуловъ—германскаго, г. Аббота и французскаго, г. Мулена. На первыхъ порахъ было весьма трудно узнать съ полною достоверностью какъ самый поводъ убійства, такъ и обстоятельство, при которыхъ оно совершено. Мѣстный губернаторъ донесъ, что 6-го мая прибыла на станцію желѣзной дороги одна молодая болгарская дѣвушка, принявшая исламъ. Согласно существующему на тотъ случай порядку, ее слѣдовало доставить къ губернатору; съ этой цѣлью къ дебаркадеру было выслано нѣсколько запѣвъ; но когда кортежъ тронулся, то толпа христіанъ, собранная американскимъ консуломъ (русскій подданный, право-славный грекъ, г. Перикль Лазаро), бросилась подъ его предводительствомъ, на жандармовъ, отбила дѣвущку и скрыла ее въ домѣ одного христіанина. Мусульманское населеніе, взволнованное подобнымъ «насиліемъ», толпой кинулось къ дому губернатора и, потребовавъ выдачи дѣвущки, удалилось, затѣмъ, въ одну изъ мечетей. Нѣсколько времени спустя, вали (губернатору) дали знать, что германскій и французскій консулы вошли въ мечеть за народнымъ скопищемъ; губернаторъ немедленно же отправился туда, но, не смотря на всѣ усилія, не смотря на то, что, рискуя собственной жизнью, сталъ между жертвами и убійцами, не могъ уже спасти несчастныхъ, которые, вскорѣ, пали подъ ударами разсвирѣпѣвшаго народа. Военная же сила, за которой было послано, прибыла, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Такъ доноситъ губернаторъ. Но вслѣдъ за официальнымъ донесеніемъ, въ печати появилось не мало относившихся къ этому событію извѣстій, часто одно другому противорѣчившихъ, одно другое опровергавшихъ. Не вдаваясь въ перечень ихъ и оцѣнку, мы приводимъ рассказъ очевидца, заключающій въ себѣ самый достоверный отчетъ о происшествіи.

Съ нѣкоторыхъ поръ, по словамъ этого очевидца, въ турецкомъ кварталѣ замѣчалось возмущеніе противъ христіанъ. Въ виду этого, консулы обратились даже съ замѣчаніями къ вали, не принявшему никакихъ мѣръ предосторожности. 5-го мая, на станцію желѣзной дороги, расположенную за городомъ въ 2-хъ километрахъ изъ мѣстечка Богданца, пріѣхала, въ сопровожденіи своей матери и нѣсколькихъ мусульманъ, одна молодая болгарская дѣвушка. Мать ея начала звать на помощь, съ громкими криками объясняя, что турки силою заставили ея дочь принять исламъ. Сбѣжавшіеся на ея крики христіане отбили ее у запѣвъ, посадили въ экипажъ американскаго консула (экипажъ этотъ стоялъ вблизи станціи, въ ожиданіи г. Лазаро) и отвезли въ домъ греческаго негодянта, г. Авчерино, который и спряталъ ее у себя. Около полудня слѣдующаго дня, на улицахъ мусульманскаго квартала было видно необыкновенное движеніе. Около сотни турокъ явились къ дому губернатора съ жалобой на христіанъ, осмѣлившихся схватить магометанку. Губернаторъ успокоилъ ихъ и просилъ удалиться въ близъ стоящую мечеть, куда общаго прислать къ нимъ «меджлисъ» (родъ городского совѣта). Между тѣмъ, по улицамъ сновали уже различныя лица, призывавшія турокъ къ оружію во имя

пророка. Въ городѣ распространился слухъ, что магометане готовятся умертвить всѣхъ христіанъ. Эти послѣдніе, въ ужасѣ, заперли всѣ свои лавки и баррикадировались въ своихъ домахъ. Излишне, конечно, говорить, что власти предоставили полную свободу взбунтовавшимся фанатикамъ. Французскій консулъ, желая удостовѣриться въ происходящемъ, отправился къ губернатору; по пути къ нему присоединились и германскій консулъ (слѣдуетъ замѣтить, что г. Абботъ и Муленъ были родственники: жены ихъ, родныя сестры, гречанки по происхожденію и племянницы бывшаго турецкаго посла въ Берлинѣ, Арстархи-Бея). Придя къ вали, они потребовали, чтобы онъ принялъ необходимыя мѣры къ охраненію христіанъ отъ грозившей имъ опасности. Губернаторъ отвѣчалъ, что въ мечети собрался меджлисъ. Гг. Абботъ и Муленъ отправляются туда; турки, еще болѣе разсвирѣпѣвшие при видѣ появившихся консуловъ, окружили ихъ, угрожая имъ смертью, если дѣвушка не будетъ немедленно доставлена. Г. Абботъ наскорю написалъ записку, дѣвущку ищутъ, ее нашли, приводятъ въ мечеть—но уже поздно!

Такъ какъ появленіе дѣвущки естественно замедлилось, то вся злоба расходившейся фанатической черни обрушилась на консуловъ. Одинъ турокъ, выломавъ изъ рѣшотки перекладину, ударилъ ею г. Аббота въ лицо. Г. Муленъ мужественно выступилъ впередъ, угрожая толпѣ жестомъ и голосомъ, — то была ужасная минута! Какъ стая голодныхъ тигровъ бросились изувѣры на двухъ несчастныхъ.... Всѣ находившіеся здѣсь власти исчезли моментально!

Муленъ получилъ сабельный ударъ, перерубившій ему горло, ударъ книжаломъ въ сердце, 32 раны ножемъ и, кромѣ того, безчисленное множество ударовъ желѣзными перекладинами, разбившихъ ему всѣ кости. Онъ былъ страшно изуродованъ.

У Аббота разрублено саблей лицо, кромѣ того ему нанесено множество ранъ ножами и желѣзными перекладинами. Турки не оставили своихъ жертвъ въ покоѣ и послѣ смерти: они топтали ихъ, плевали имъ въ лицо, а затѣмъ, развернувъ зеленое знамя (священное знамя пророка) съ торжествомъ обошли улицы Салоникъ, угрожая смертью всѣмъ христіанамъ.

Итальянскій консулъ, г. Фоскарини, узнавъ о присутствіи консуловъ въ мечети, но еще не зная объ ихъ участи, тотчасъ же бросился къ намъ, надѣясь посѣтить еще во время, чтобы спасти своихъ несчастныхъ товарищей. Онъ находитъ вали спокойно сидящимъ за своимъ кофе; на отчаянные возгласы г. Фоскарини флегматическій турокъ отвѣчаетъ, что группы консуловъ находятся въ мечети, и что онъ можетъ ихъ взять. Придя туда, онъ видитъ ужасныя трупы Аббота и Мулена, видя, что нѣсколько турокъ продолжаютъ издѣваться надъ останками... Онъ приказываетъ перенести тѣло пераго на его квартиру, а тѣло второго—въ домъ сестеръ милосердія.

Только поздно ночью появились патрули на улицахъ и предъ консульствами. Въ воскресенье турки, вооруженные съ ногъ до головы, продолжали еще расхаживать по городу и грозить христіанамъ.

КРѢПОСТЬ НИКШИЧЪ.

Эта герцоговинская крѣпость, расположенная неподалеку отъ черногорской границы, за Дужскимъ ущельемъ, грозно высится среди лѣсовъ и глубокихъ овраговъ. Ея стратегическое значеніе, въ особенности при настоящихъ событіяхъ, весьма важно для турокъ. Владѣя ею, они во 1-хъ, имѣли бы въ рукахъ какъ бы ключъ къ Черногоріи, а во 2-хъ, господствовали бы надъ ущельемъ, что доставило бы имъ большія преимущества. Все это хорошо понимается какъ славянами, тѣсно обложив-

шими и уже нѣсколько мѣсяцевъ упорно защищающими Дужское ущелье, которое ведетъ къ форту, такъ и турками, тщетно, до сихъ поръ, пытающимися — уже не освободить его отъ осады, а хотя бы снабдить гарнизонъ провіантомъ въ достаточномъ количествѣ. Много жертвъ и крови стоили эти успѣлы, съ одной стороны, пробиться къ Никшичу, и съ другой, не допустить свободнаго прохода сквозь ущелье. Между тѣмъ гарнизонъ, въ послѣднее время, дошелъ до крайности, все, что

могло идти въ пищу, было уже съѣдено, и солдаты поддерживали свое существование мясомъ нѣсколькихъ лошадей, провѣденныхъ какъ-то ночью въ крѣпость со стороны Черногорин; все это вынуждало турокъ принять чрезвычайныя мѣры къ тому, чтобы доставить туда провіантъ. Мухтаръ (маршалъ) Мухтаръ-Ахмедъ-Паша двинулся на свѣтлой недѣлѣ, съ большимъ отрядомъ къ ущелью, но послѣ дѣлаго ряда кровопролитныхъ битвъ, происходившихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, принужденъ былъ отступити. Рѣшившись, во чтобы ни стало, придти на помощь осажденнымъ, онъ, чрезъ нѣсколько дней (27-го апрѣля н. ст.), и съ гораздо болѣе значительными силами снова атаковалъ дефиле и, хотя не пробился лично къ Никшичу, но далъ возможность гарнизону его выйти за припасами, которые и были, въ пылу битвы, доставлены въ крѣпость. На другой день славяне получили подкрѣпленіе, атаковали Мухтара, укрѣпившагося въ ихъ родномъ ущельи, и, послѣ упорнаго боя, стойкаго обѣимъ сторонамъ ужасныхъ потерь и продолжавшагося до ночи, выбили его изъ позицій и оттѣснили къ Гацко. Какъ бы ни были относительно успѣхъ, достигнутый Мухтаромъ, онъ, едва ли, могъ добиться и такого результата своихъ усилій, еслибы, по отзыву европейской печати, не прибѣгнувъ къ довольно неблагоприятной хитрости. Весьма странно покажется, даже на первый взглядъ, что инсургенты, нанесшіе не за долго предъ тѣмъ, такое рѣшительное поражение турецкимъ войскамъ, допустили затѣмъ снабженіе

Никшича провіантомъ и не противуоставили оттоманскимъ войскамъ серьезной преграды; но дѣло въ томъ, что въ промежутокъ времени между нападѣніями турокъ на ущелье, были начаты съ княземъ черногорскимъ переговоры о новомъ перемиріи и о доставленіи черногорцами провіанта въ Никшичъ. Успѣхъ переговоровъ этихъ казался до такой степени вѣроятнымъ, что инсургентскіе отряды разошлись по разнымъ направлениямъ на свои бивуаки и квартиры, вмѣстѣ съ тѣмъ были уже приняты мѣры къ снабженію турецкой крѣпости припасами, и нѣсколько старшинъ не принимавшаго участія въ возстаніи населенія Кучи и Брекаловичей, которые должны были при этомъ служить посредствующими лицами, отправились въ Подгорицу. Этотъ-то, именно, моментъ, когда непріятельскія дѣйствія приостановились въ ожиданіи перемирія, все успокоилось, вѣрившись происходившимъ переговорамъ,—Мухтаръ-Паша счелъ самымъ удобнымъ для того, чтобы выполнить то, что не удалось въ 1-й разъ, и неожиданно бросившись на инсургентовъ, которыхъ засталъ, конечно, врасплохъ и непритовленными, вступилъ въ Дужское ущелье прежде, чѣмъ они успѣли собрать свои разрозненныя силы и дать отпоръ. Они, впрочемъ, какъ можно видѣть изъ вышеизложеннаго, быстро успѣли оправиться и отплатить Мухтару-Пашѣ за его коварство. Интересно, между прочимъ, то, что кучскіе и брекаловичскіе старшины—миротворцы были схвачены, связаны и отведены въ Скутари.

Политическое обозрѣніе.

Какъ только получилось оффиціальное извѣщеніе о преступленіи, совершенномъ толпой изувѣровъ, въ Салоникахъ, немедленно большая часть правительства отправили туда свои военные корабли; понятно, что только подъ прикрытіемъ этой внушительной силы и могла дѣйствовать смѣшанная коммисія, о которой мы упоминали въ прошлый разъ и которая была послана на мѣсто для суда надъ убійцами; только присутствіе этой силы и дозволило совершить безпрепятственно торжественныя похороны жертвъ. Что салоникское убійство является лишь отдѣльнымъ, частнымъ проявленіемъ общаго фанатическаго возбужденія, въ какомъ находится теперь мусульманское населеніе Турціи—это доказывается положеніемъ дѣлъ въ самомъ Константинополѣ. Какъ уже извѣстно, тамъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, царствовалъ чуть не терроръ. Жители магометане массами ходили по городу, угрожая христіанамъ. Ходили слухи объ открытіи дѣлаго заговора, имѣвшаго цѣлью сверженіе султана и министровъ. Насколько это достоверно—трудно сказать утвердительно, но нельзя, однако, не принять во вниманіе, что чернь, возбуждаемая софтами (студентами богословія) и мудлами, собралась ко дворцу и потребовала удаленія великаго визиря и «шейхъ-уль-исламе», на что правительство немедленно же согласилось (извѣстіе это было сообщено изъ Константинополя оффиціально). Положеніе грозило принять болѣе опасный характеръ. Извѣстно было, что софты и народъ запасались оружіемъ, всюду раскупали кинжалы, револьверы. Все это, вмѣстѣ съ бранью и оскорбленіями, направленными противъ христіанъ, естественно встревожили проживающихъ въ Стамбулѣ иностранцевъ, которые немедленно же обратились къ своимъ посланникамъ за защитой и покровительствомъ. Понадобилось, понятно, и здѣсь присутствіе «внушительной силы»—и вотъ, въ настоящее время, флаги всевозможныхъ государствъ развѣваются на водахъ Босфора, куда спѣшатъ еще и другіе военные корабли, въ помощь къ находящимся уже тамъ.

На театрѣ возстанія замѣтно нѣкоторое затишье. Изъ Боснии сообщаютъ, что турецкую Костайницу стараются укрѣпить насколько возможно сильнѣе, въ виду присутствія неподалеку отряда инсургентовъ въ 1,800 человекъ. Въ окрестностяхъ Баньялуки жители 14-ти селъ сами сожгли свои жилища и удалились съ семействами въ горы. Съ тѣхъ поръ, какъ получилась вѣсть изъ Салоникъ, во всей Боснии царствуетъ страшное волненіе. Съ 10-го мая происходило нѣсколько стычекъ—такъ, въ день этого числа—близъ Линики (гдѣ инсургентами командовалъ попъ Каранъ), 11-го при Враноградѣ, причемъ съ обѣихъ сторонъ пало очень много народа, затѣмъ—при азарачѣ. 12-го мая бригаднымъ генераломъ Солиманъ и Селимъ Пашамъ были присланы подкрѣпленія съ приказаніемъ двинуться, вмѣстѣ съ дивизионнымъ генераломъ Али-Пашой, противъ позицій инсургентовъ въ Казарачскихъ, Ризовачскихъ и Гремзичскихъ горахъ. Весьма вѣроятно, что турки и на этотъ разъ не будутъ имѣть никакого успѣха, потому что для взятія такихъ сильныхъ позицій необходимо, по крайней мѣрѣ, 30 тысячъ человекъ, тогда какъ число турецкихъ войскъ простирается всего до 18 тысячъ человекъ, считая тутъ же и башки-бузюковъ. Что же касается собственно Герцеговины, то, какъ пишутъ изъ Рагузы, тамъ, послѣ послѣднихъ большихъ битвъ между Дужскимъ горнымъ проходомъ и Никшичемъ, все это время сраженій не было. Подобное бездѣйствіе со стороны инсургентовъ объясняютъ полученнымъ, по слухамъ, въ ихъ лагерѣ конфиденціальнымъ совѣтомъ воздерживаться отъ нападеній до окончанія берлинскаго совѣщанія. Теперь конференція въ Берлинѣ уже окончена, но едва-ли, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту,

можно съ достовѣрностью утверждать, что борьба не возобновится. Если, съ одной стороны, выработанная въ Берлинѣ программа еще пока неизвѣстна, за то, съ другой, хорошо уже извѣстно, что она встрѣтила менѣе благосклонный приемъ, чѣмъ Андрашевская нота. Англія рѣшительно отказалась одобрить ее, Порта, согласно послѣднимъ телеграммамъ, намѣрена послѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру англійскаго правительства, находя, что нота заключаетъ въ себя условія, невыполнимыя для нея; но самымъ характеристически-неблагоприятнымъ для этой программы признакомъ служитъ извѣстіе о томъ, что сама Австрія готовится ко всякой возможной случайности. Послѣднія мѣры австро-венгерскаго правительства, выражаются въ заказѣ нѣкоторымъ желѣзнодорожнымъ правленіямъ повозовъ для раненыхъ, почти положительно утверждаютъ, что Австрія, въ случаѣ неудачи, могущей постигнуть берлинскую программу, намѣрена или сама непосредственно вѣшаться въ дѣло возстанія, не желая дать Черногоріи и Сербіи возможности затянуть войну, или же оказать Турціи помощь.

Будемъ ждать, что скажетъ болѣе или менѣе близкое будущее. Въ прусской палатѣ господъ начались пренія по вопросу о приобрѣтеніи государствомъ желѣзныхъ дорогъ и въ засѣданіи 18-го мая происходило 1-е чтеніе желѣзнодорожнаго проекта. Министръ Ахенбахъ утверждалъ, что дѣло идетъ не о покупкѣ непременно всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, а о передачѣ въ собственность имперіи только главныхъ желѣзнодорожныхъ линий. Проектъ отнюдь не преслѣдуетъ частныхъ цѣлей, а представляетъ имперіи возможность дѣйствительнаго наблюденія надъ дорогами. Князь Бисмаркъ объявилъ, что опасеніе противниковъ проекта относительно того, что будто бы имперія на будущее время менѣе будетъ заботиться о старинныхъ провинціяхъ Пруссіи—не основательно; на всѣ провинціи будетъ постоянно обращено одинаковое вниманіе. Точно также лишено основанія опасеніе, что проектъ неисполнимъ по финансовымъ причинамъ, такъ какъ имперія нѣтъ необходимости непременно приобрѣсть всѣ желѣзно-дорожныя линии. Акціонеры довольно проектомъ и ему противятся только правленія желѣзныхъ дорогъ, по легко понятнымъ причинамъ. Нельзя также утверждать, чтобы передача имперіи главнаго управленія желѣзными дорогами представляла для нея какія либо затрудненія, какъ, равнымъ образомъ, неосновательны увѣренія, будто бы принятіе проекта повлечетъ за собой измѣненіе конституціи имперіи. Обладая обширною желѣзнодорожною сѣтью и управляя ею, имперія только основывается на опредѣленіяхъ конституціи, опасенія же, что не будутъ приниматься жалобы на желѣзныя дороги, не выдерживаютъ критики. Взаключеніе государственный канцлеръ выразилъ, что рѣшеніями ландтага ни въ какомъ случаѣ не воспользуются для давленія на союзный совѣтъ или на Рейхсратъ. При послѣдовательномъ затѣмъ голосованіи, проектъ былъ принятъ большинствомъ 57 голосовъ противъ 26. Въ то же засѣданіе палаты утвержденъ проектъ закона о присоединеніи къ Германіи Лауэнбурга.

СОДЕРЖАНІЕ: Салоникъ (съ рисункомъ) А. Н. — Рабочій день на биржѣ. Мои личныя впечатлѣнія и наблюденія (съ рисункомъ) О. Ч. — Въ домѣ коммерціи съѣздившихъ. Повесть Э. Маршета (продолженіе). — Отецъ лѣса, гигантское дерево въ Калифорніи (съ рисункомъ). — Литературный альбомъ: «Руслякъ и Людмила» поэма А. С. Пушкина (съ рисункомъ) А. — Убійство французскаго и германскаго консуловъ въ Салоникахъ (съ рисункомъ). — Крѣпость Никшичъ (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 22

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 31 Мая 1876 г. (ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ). Цена этого № «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ:

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ . . . . . 4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . . . . 5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всея другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

Осипъ Афанасьевичъ Петровъ,
заслуженный артистъ русской оперы.

Кому изъ просвѣдѣнныхъ русскихъ не дорого наше русское искусство! Кто не радуется, слыша объ успѣхахъ русскихъ артистовъ за границей, ставшихъ на ряду съ европейскими, и русскихъ оперъ, которыми восхищаются тамъ. «Жизнь за Царя»—это произведение чисто-русскаго музыкальнаго гения приводило въ восторгъ итальянцевъ—музыкальнѣйшій народъ въ мірѣ. Имя творца ея, Михаила Ивановича Глинки, конечно, по достоинству, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду именъ замѣчательнѣйшихъ композиторовъ. Но съ именемъ творца оперы «Жизнь за Царя» почти неразрывно связано имя маститаго исполнителя главной ея роли, Осипа Афанасьевича Петрова, въ апрѣлѣ нынѣшняго года праздновавшаго свой полувѣковой юбилей служенія русскому оперному искусству. Такого примѣра, сколько намъ извѣстно, не встрѣчалось еще ни на одной изъ европейскихъ оперныхъ сценъ. Подувѣковой юбилей О. А. Петрова былъ, поистинѣ, праздникъ русской оперы, потому что маститый

Осипъ Афанасьевичъ Петровъ. Рисов. и грав. Нейманъ.

юбилляръ и по происхожденію, и по воспитанію *вполнѣ* русскій человекъ, и его лучшія роли—въ русскихъ операхъ.

Осипъ Афанасьевичъ родился въ Елисаветградѣ, въ 1807 г., 3-го ноября. Отецъ Осипа Афанасьевича былъ мелкимъ торговцемъ бакалейными товарами. Будущему пѣвцу было еще только два мѣсяца, когда умеръ его отецъ, и онъ остался на рукахъ своей матери и дяди, тоже торговца, человека строгаго и старинныхъ правилъ.

Первое дѣтство О. А. провелъ такъ, какъ проводитъ его большинство русскихъ дѣтей—простолюдиновъ—бѣгая съ товарищами по улицамъ и задворкамъ. Дядя прочилъ его въ торговцы и потому несколько не заботился объ его образованіи. Только семи лѣтъ О. А. принялся за азбуку у дьячка, къ которому его стали посылать. Грамота даровитому ребенку далась скоро, въ это же время въ душу его запали первая сѣмена любви къ тому искусству, которому пришлось потомъ послужить пятьдесятъ лѣтъ. Ходя въ церковь, онъ полюбилъ

церковное пѣніе и скоро самъ поступилъ на клиросъ. Громкій голосъ обращалъ на него внимание и снискалъ ему похвалы, которыя очень льстили его дѣтскому самолюбію.

Въ немъ съ самаго дѣтства проявилась страсть и способность къ музыкѣ, и первымъ инструментомъ, на которомъ онъ скоро и легко, по слуху, научился играть—была гармоника нѣхъ кучера, лихого игрока. Но скоро обогатѣтельства сложились такъ благоприятно, что эта страсть къ музыкѣ получила возможность правильно развиваться. Въ домъ его дяди былъ поставленъ полковой капельмейстеръ, который замѣтилъ въ мальчикѣ большія способности и началъ учить его разбирать ноты и играть на кларнетѣ. Ученіе шло успѣшно, и О. А. въ четыре мѣсяца научился хорошо играть на кларнетѣ. Подаривъ ему за это кларнетъ, капельмейстеръ сталъ учить его игрѣ на фаготѣ и другихъ инструментахъ и все съ одинаковымъ, быстрымъ успѣхомъ. Надобно замѣтить, что все это происходило скрытно отъ дяди-торговца, нелюбившаго чтобы его племянникъ отвлекался отъ занятій торговлею. Упражнения происходили ночью, или въ мѣстахъ, откуда бы не было слышно дядѣ это *баловство*, по его словамъ. Но, несмотря на все эти прелестія, О. А. успѣлъ настолько ознакомиться съ вышеозначенными инструментами, что могъ уже играть въ полковыхъ оркестрахъ.

Въ 1826 г. въ Елисаветградъ прибыла труппа Жураховскаго и начала давать свои представленія. 19-тилѣтній О. А. увлекся игрою провинціальныхъ актеровъ и самъ возымѣлъ сильное желаніе поступить въ число этихъ актеровъ. Для опыта, онъ выступилъ въ первый разъ на сцену статистомъ, но скоро былъ принятъ и въ труппу. Первая пьеса, въ которой игралъ будущій знаменитый пѣвецъ, была оперетта князя Шаховскаго: «Казакъ-стихотворецъ». Развѣжая съ этою труппою по провинціальнымъ городамъ, О. А. поналъ наконецъ въ Курскъ. Здѣсь, исполняя роль матроса въ пьесѣ Коцебу «Амстердамскій налачъ», О. А. Петровъ очень понравился случайно тамъ бывшему режиссеру Императорскихъ С.-Петербургскихъ Театровъ, Лебедеву, который и предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, на оперную сцену. Неувѣренный въ себя, О. А. согласился на это съ тѣмъ условіемъ, что если онъ въ продолженіи года окажется не оправдавшимъ ожиданій и не годнымъ для Петербургской оперной сцены, то Лебедевъ обязуется доставить его обратно въ Харьковъ на казенный счетъ.

28-го Іюля 1830 года Осипъ Афанасьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и, по испытаніи его голоса капельмейстеромъ Кавосомъ, былъ принятъ на оперную сцену съ жалованьемъ въ 1,000 рублей ассигнаціями въ годъ. Первою ролью его на Петербургской оперной сценѣ, была роль Зороастра въ оперѣ Монарха «Волшебная флейта». Свѣжій, сильный голосъ молодого пѣвца и его осмысленная игра обратили на него всеобщее вниманіе. Театральный рецензетъ «Сѣверной Пчелы», Яковлевъ, очень одобрительно отзывался объ этомъ дебютѣ и обратилъ вниманіе особенно на то, что О. А. Петровъ не пошелъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, и не удовлетворялся зауценными и принятыми разъ на всегда жестами и движеніями, а придалъ своей игрѣ, сообразно съ характеромъ роли, жизнь и правдивость. Второй разъ онъ игралъ въ оперѣ Боальды: «Жанъ Парижскій», а третій—въ «Монтенерскомъ замкѣ». Усердно работая надъ своимъ талантомъ и развивая его въ правильной и хорошей школѣ подъ руководствомъ Кавоса, О. А. Петровъ дѣлалъ быстрые успѣхи и снискалъ горячія симпатіи публики.

Въ 1835 году за неподобное исполненіе роли Бертрана въ оперѣ «Робертъ-Дьяволъ», Осипъ Афанасьевичъ былъ награжденъ отъ имени Императора Николая I брилліантовымъ перстнемъ.

Но вотъ, 27-го ноября 1836 года, была поставлена опера геніальнаго русскаго композитора Глинки, «Жизнь за Царя». Здѣсь Петровъ исполнялъ роль Ивана Сусанина и привлекъ всѣхъ въ восторгъ. По поводу перваго представленія «Жизни за Царя» любителями русскаго искусства данъ былъ обѣдъ, на которомъ Осипу Афанасьевичу, еще молодому тогда пѣвцу, отъ дирекціи была назначена, кромѣ жалованья, поснектакльная плата въ 25 р. ассиг.

Роль Ивана Сусанина Осипъ Афанасьевичъ, въ продолженіи своего долгаго служенія оперѣ, исполнилъ 293 раза!

Вообще О. А. отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и игралъ не только въ операхъ, но и въ драмахъ, комедіяхъ и водевиляхъ. Оперныхъ ролей онъ исполнилъ 131, въ 106 операхъ. Кромѣ русскаго, онъ игралъ и въ итальянской оперѣ, въ которой ему пришлось пѣть 18 разъ, не зная итальянскаго языка. За исполненіе итальянской роли Дона-Базиліо въ «Севильскомъ цирюльничкѣ», О. А. получилъ отъ Государя Императора Николая Павловича, который очень любилъ и заботился о благоустройствѣ и успѣхахъ оперы и вообще театра, еще перстень.

6-го мая 1846 года О. А. получилъ званіе потомственнаго почетнаго гражданина. Лучшее, по силѣ производимаго впечатлѣнія на слушателя, ролью считается роль «мельника» въ оперѣ Даргомыжскаго: «Русалка», которая была поставлена въ первый разъ 6-го мая 1836 года.

1861 года справлялся двадцатипятилѣтній юбилей со времени постановки на сцену «Жизни за Царя». На этомъ представленіи О. А. Петрову было поднесено много драгоценныхъ подарковъ отъ публики и отъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Послѣ этого, въ 1866 году, въ день его бенефиса, ему поднесенъ былъ отъ русскаго музыкальнаго общества дипломъ на званіе почетнаго члена, отъ В. К. Елены Павловны—рескриптъ и опять много цѣнныхъ подарковъ. Все эти оваціи и подарки вылились заслуженно талантливымъ и трудолюбивымъ пѣвцомъ, оказавшимъ неоцѣнимыя услуги русской оперѣ.

Въ нынѣшнемъ 1876 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени вступленія Осипа Афанасьевича Петрова на сцену, и 21-го апрѣля въ Маріинскомъ театрѣ въ Петербургѣ состоялся бенефисъ его, на который собрались все горячіе приверженцы русскаго искусства. Давалась въ 440-й разъ «Жизнь за Царя»; между дѣйствіями маститому юбиляру читали адресы отъ разныхъ обществъ, и подавали лавровые, серебряные, золотые и даже брилліантовые вѣнки и множество другихъ цѣнныхъ подарковъ. Но всего утѣшительнѣе была, конечно, та непритворная, живая признательность, которую публика не стѣсняясь выражала своему маститому пѣвцу. Растроганный юбиляръ со слезами на глазахъ благодарилъ публику. Вечеромъ дома, въ которомъ онъ живетъ, былъ роскошно иллюминированъ, и огромныя толпы читателей его громкими криками неоднократно вызывали своего любимца.

Но ему готовились еще болѣе блестящее торжество въ Петербургскомъ отдѣленіи русскаго музыкальнаго общества.

24-е апрѣля было днемъ истиннаго торжества русскаго искусства въ лицѣ Осипа Афанасьевича Петрова.

Въ консерваторіи, среди роскошной обстановки, Осипу Афанасьевичу прочли рескриптъ Е. В. Великаго Князя Константина Николаевича и множество адресовъ: отъ консерваторіи и отдѣленія русскаго музыкальнаго общества.

На пресвосходный бюстъ юбиляра, возложенъ былъ лавровый вѣнокъ сестрою творца «Жизни за Царя» Л. И. Шестаковой (урожденною Глинкою), а юбиляру поднесена великолѣпная серебряная стопа. Отъ музыкальнаго общества юбиляру былъ поднесенъ бархатный, украшенный золотомъ, альбомъ съ портретами дѣятелей консерваторіи и музыкальнаго общества.

Кромѣ того, дирекціею русскаго музыкальнаго общества учреждена при консерваторіи стипендія имени Осипа Афанасьевича Петрова и предоставлено ему право самому помѣстить на нее ученика или ученицу по его выбору. Все это сопровождалось торжественною музыкою, (между прочимъ была исполнена хоромъ и оркестромъ каптала извѣстнаго русскаго композитора Чайковскаго на слова Н. А. Некрасова) чтеніемъ стиховъ въ честь юбиляра и восторженными возгласами присутствовавшихъ. Такъ отпраздновался этотъ замѣчательный юбилей ветерана русской оперы, оставивъ въ сердцахъ всѣхъ самыя радостныя и свѣтлыя чувства и надежды.

Пожелаемъ, чтобы подобное торжество не было исключеніемъ и будемъ надѣяться, что въ русскомъ народѣ и еще найдется много талантовъ, которые поднимутъ высоко и прославятъ русское искусство. Примѣръ имъ—Осипъ Афанасьевичъ Петровъ, высокоталантливый русскій престолюдинъ, собственною энергіей и трудомъ добившійся и славы, и богатства, и всего, что люди называютъ благами жизни.

А. А.

Видъ города БѢЛГРАДА.

БѢЛГРАДЪ (городъ и крѣпость) находится въ сѣверной части Сербіи, при впаденіи рѣки Савы въ Дунай; онъ расположенъ на правомъ берегу обѣихъ этихъ рѣкъ. Самая крѣпость построена на крутомъ каменномъ холмѣ. БѢЛГРАДЪ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ; еще римляне имѣли здѣсь свою колонію, называвшуюся Alba traesca, или Sigindunum, которая въ продолженіи многихъ лѣтъ играла важную роль въ торговомъ отношеніи. Въ 186 году нашей эры венгерскій король Соломонъ отнялъ у Греціи эту крѣпость вмѣстѣ съ небольшимъ городомъ, расположеннымъ у подножія ея; съ тѣхъ поръ маджары называютъ БѢЛГРАДЪ Пандаромъ, или Феберваромъ. Въ средніе вѣка эта крѣпость была яблокомъ раздора для болгаръ, грековъ и

венгровъ, причѣмъ городъ былъ неоднократно разрушаемъ. Въ 1343 году боснійскій король (или штагальтеръ) Стефанъ Душанъ построилъ вновь крѣпость и укрѣпилъ въ ней; въ 1382 г., послѣ смерти венгерскаго короля Людвигъ I, крѣпость была завоевана сербами и оставалась подъ ихъ владычествомъ до 1433 года, когда снова перешла въ руки венгерскаго короля Зигмунда, который значительно увеличилъ и укрѣпилъ ее. Послѣ этого БѢЛГРАДЪ неоднократно осаждали турки, и наконецъ онъ былъ взятъ Салиманомъ II, въ 1521 году. Подъ владычествомъ турокъ этотъ городъ оставался до 1688 г.; потомъ онъ былъ отнятъ у нихъ австріянами подъ предводительствомъ курфюрста Максимилиана Баварскаго, но черезъ два года былъ снова отбитъ

турками. Въ 1717 г. принцъ Евгенийъ Савойскій осадилъ Бѣлградскую крѣпость и, по заключеніи Пассаровитскаго мира, она осталась за австрійцами, которые значительно улучшили укрѣпленія, а также подняли городскую промышленность и сдѣлали Бѣлградъ главнымъ торговымъ пунктомъ по нижнему теченію Дуная. Въ 1739 г. турки, однако, снова овладѣли городомъ. Подъ ихъ владычествомъ, продолжавшемся почти безъ перерыва до 1862 г., городъ пришелъ въ упадокъ, обнищаль, какъ и всѣ турецкіе города, и только съ 1867 г., когда его окончательно присоединили къ Сербіи, и освободили отъ непосредственнаго турецкаго притязанія, онъ началъ оправляться.

Въ настоящее время Бѣлградъ имѣетъ около 27,000 жителей и состоитъ изъ нѣсколькихъ кварталовъ. Въ центрѣ — «верхній городъ» или крѣпость, обнесенная тройною стѣною и рвами, защищенная высокими башнями; въ ней устроены крѣпкіе казематы и, на всякій случай, подведены мины. Въ крѣпости находится дворецъ бывшаго пани, арсеналъ, знаменитый колодезь и нѣсколько жилыхъ домовъ; но сама она такъ дурно содержится (великолѣпные магазины, устроенные австрійцами въ 1738—39 гг., оставлены на произволь судьбы), что производитъ впечатлѣніе какой-то древней развалины. У подножія крѣпости расположены остальные части города, сообщающіяся съ ней тремя воротами. Если Бѣлградъ, вообще по наружному виду, смахиваетъ на восточный, азиатскій городокъ, то юго-восточный кварталъ его (Паланка) со своими узкими, мрачными и грязными улицами (тутъ же стоитъ 14 заброшенныхъ мечетей) имѣетъ совершенно турецкій характеръ. Лучшій кварталъ тотъ,

который занимаетъ мѣста между Дунаемъ и Савою. Тенерь Бѣлградъ служитъ мѣстамъ отправки продуктовъ страны и колѣбелью сербской образованности, такъ какъ въ немъ существуютъ: академія (или университетъ), гимназія, реальное и ремесленное училища, 17 церквей, банкъ и разныя ученія общества. Народоначаленіе его смѣшанное, но сербскій элементъ преобладаетъ. Препее промышленное значеніе Бѣлграда въ настоящее время сильно упало; прежде здѣсь очень дѣятельно занимались выдѣлкою кожи, производствомъ ковровъ, хлопчатобумажныхъ тканей, красныхъ шерстяныхъ фесокъ, оружія и другихъ желѣзныхъ вещей; но эти издѣлія не выдерживаютъ теперь конкуренціи съ австрійскими и германскими. По своему географическому положенію Бѣлградъ можетъ разсчитывать на блестящую будущность.

Въ послѣднее время иностранная печать много говоритъ о прїѣздѣ въ Бѣлградъ генерала Черняева. По словамъ газеты, генералъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у князя Милана. Въ настоящее время онъ занялся шерстяныхъ знакомленіемъ съ состояніемъ боевыхъ силъ Сербіи, объѣзжалъ и осматривалъ укрѣпленія и различныя оборонительныя приспособленія и средства кляжества. Генералъ Черняевъ, какъ говорятъ газеты, поражаетъ всѣхъ вѣрностью и мѣткостью своихъ тактичeskихъ соображеній и своимъ блестящимъ организаторскимъ талантомъ. Печатающіяся въ настоящее время въ газетѣ «Русскій Миръ» денши, за подписью генерала Черняева, присылаются собственно изъ Бѣлграда.

Городъ Торжокъ.

Г. Торжокъ, Тверской губерніи, одинъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ древней Руси. Имя стараго Торжка появляется въ исторіи вслѣдъ за водвореніемъ христіанства въ Новгородскихъ областяхъ, занимавшихъ въ былыя времена нынѣшнюю Новгородскую губернію и часть губерній: Петербургской, Псковской и Тверской. Очень давно Новгородцы восточныхъ областей, производя торговля сношенія съ финскими племенами Веси и Мери (коренными обитателями Ростовско-Суздальскаго края), образовали сначала Торжець, бывшій родоначальникомъ настоящаго Торжка, историческая жизнь котораго уже существовала до тысяча пятнадцатаго года.

Центромъ города служитъ соборный храмъ Преображенія и каменная одноглавая церковь св. Николая. Изъ этихъ двухъ старинныхъ памятниковъ города, постройка перваго относится къ 1815—1820 гг. Онъ построенъ на мѣстѣ основанной первоначально Новгородцами и Новоторжцами въ 1364 году древней деревянной церкви во имя всемілосердаго Спаса. Великій Князь Михаилъ Александровичъ Тверской, считая постройку этого храма признакомъ могущества и силы Новгородцевъ и ихъ собратій Новоторжцевъ, и опасаясь этого могущества, послалъ въ Торжокъ въ 1382 г. своихъ наместниковъ, которыхъ раздраженные Михаиломъ Новгородцы выгнали изъ Торжка и вслѣдъ затѣмъ ограбили тверскихъ купцовъ. Подозрѣвая жителей Торжка въ доброжелательствѣ къ Михаилу, они взяли съ нихъ клятву быть вѣрными ихъ древнему правленію. Эта клятва въ связи съ самоуправствомъ Новгородцевъ раздражила Михаила. Его войска немедленно окружили Торжокъ, и когда жители города, вѣрные своей клятвѣ, отказались выдать ему виновниковъ и признать его своимъ княземъ, то Михаилъ немедленно приказалъ начать осаду и двинуть противъ города Тверскія дружины. Бывшіе въ Торжкѣ новгородскіе бояре, подъ предводительствомъ храбраго воеводы Александра Абакумовича вышли изъ города и стремительнымъ натискомъ опрокинули осаждавшихъ. Но эта отчаянная вылазка храбраго воеводы разбилась о большинство тверскихъ дружинъ, и когда въ неравной битвѣ палъ Александръ Абакумовичъ, то его дружина, разбитая на голову тверскими войсками, искала спасенія въ бѣгствѣ. Колѣны дружины князя въ ожесточеніи топтали бѣглецовъ конями. Часть разбитыхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ, успѣвшихъ спастись въ городъ, подверглась вѣдмъ ужасамъ пожара, въ нѣсколько часовъ обратившаго въ пепелъ всѣ каменные и деревянные постройки города, кромѣ собора, монастыря и двухъ-трехъ каменныхъ церквей. «И вѣдога въ церковь св. Спаса (соборную), спасавшіяся жители, ту захохоташа», говоритъ летописецъ. «Женъ и дѣвицъ одраду до послѣдней наготы, говоритъ онъ далѣе: иже и поганіи тако не творятъ, и тѣ жены и дѣвицы, испоганились въ рѣкѣ, срама ради». Тверскія дружины, истребляя жителей, тонувшихъ въ

рѣкѣ, спасаясь отъ непріятеля и горѣвшаго города, не оставили въ церквахъ и домахъ не одного золотого или серебрянаго оклада и толпы раздѣтыхъ до нага мужчинъ, женщинъ, дѣвицъ и даже монахинъ, составляли трофей дикой, необузданной мести.

На правой сторонѣ р. Тверцы до настоящаго времени сохранился Борисоглѣбскій мужской монастырь, основанный въ 1038 году на посадѣ стараго города, за землянымъ валомъ, бывшимъ копушеннымъ бояриномъ князя Бориса Ростовскаго, Ефремовымъ. Ефремовъ удалился въ 1015 г., послѣ смерти своего князя Бориса и вмѣстѣ съ нимъ убитого меньшаго своего брата Георгія, въ восточные предѣлы новгородскихъ областей, гдѣ въ трехъ верстахъ отъ Торжка первоначально построилъ страннопріимный домъ, а затѣмъ, черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ того, переселился ближе къ городу и на посадѣ его основалъ, въ честь и память Бориса и Глѣба, Борисоглѣбскій монастырь. Въ немъ онъ и скончался первымъ архимандритомъ въ 1058 году.

На лѣвомъ берегу Тверцы доживаютъ свой вѣкъ ямщички, коренные жители этой стороны. Обстроившаяся и украсившаяся на современный ладъ, она, лѣтъ сорокъ тому назадъ, благодаря проведенію по ней Петербургскому шоссе, слыхала, какъ

Раздавался подъ дугой
Голосистый запѣвалъ,
Колокольчикъ разсыпной.

Титъ ямщиковъ, съ проведеніемъ Новоторжской желѣзной дороги, совершенно исчезаетъ. Забывается также и пѣсня:

Какъ по питерской, по дороженькѣ,
По тверской-ямской, съ колокольчикомъ...

Ямска ялица до сихъ поръ сохранила свое названіе и украшеніемъ ея служатъ гостиница Оеудухина-Пожарскаго, гдѣ до соединенія Петербурга съ Москвою желѣзной дорогой при проѣздѣ черезъ Торжокъ, постоянно останавливалась Императорская фамилія, которую жители города встрѣчали и провожали всегда въ старинныхъ мѣстныхъ костюмахъ. О костюмахъ этихъ сохранились теперь одиѣ только воспоминанія. Современныя моды замѣнили шитые золотомъ повоинки, кокошники, жемчужныя раски, фаты, платки съ золотомъ бахромою, фериан, сарафаны и т. д.

Все это забыто, отжило свой вѣкъ и замѣнилось новымъ, которое, въ свою очередь, также забудется и замѣнится другимъ, и потомки наши будутъ, смотря на изображенія современныхъ нарядовъ, также находить ихъ странными, какъ находимъ мы страннымъ нарядъ того времени.

И. Красницкій.

Отъ пирамидъ до Сенъ-Готардскаго туннеля.

Взглядъ на прошедшее и настоящее инженерныхъ наукъ *).

II.

Источники знаній, бывшіе въ Вавилонѣ и Ассиріи такой бо-

* См. «Нива» № 5-й.

гатою струей, лязгали еще въ очень раннія времена. Съ паденіемъ Вавилона и разрушеніемъ Ниневіи, изъ плодородныхъ равнинъ исчезъ и переселившійся сюда народъ; тамъ, гдѣ до

устройства орошения разстилась необозримая пустыня, опять вступилъ въ свои права гонимый вѣтрами желтый песокъ, и засыпалъ памятники славной нѣкогда страны, пока европейскіе изслѣдователи не вызвали ихъ изъ забвенія.

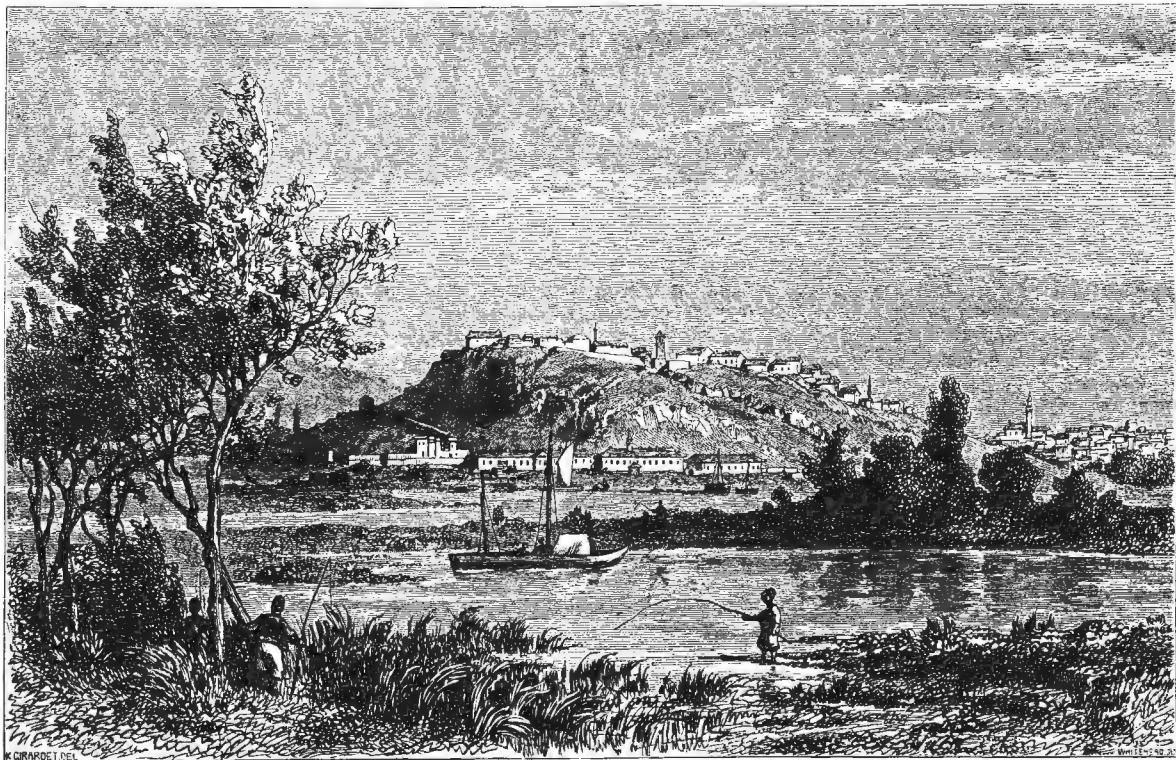
Не то было въ Египтѣ. Достигнувъ высшей точки могущества и блеска, онъ долго еще оставался живымъ источникомъ, изъ котораго почерпали свою премудрость древніе греки и римляне. Эллинскіе философы, высочайшіе умы націи, ѣхали въ чудную страну пирамидъ какъ въ высшую школу, и даже въ позднѣйшія времена, потоки знаній щедро изливались изъ Александріи на западъ. Но страны Евфрата и Тигра также не мало способствовали созданію древне-эллинской культуры; даже одинъ изъ современныхъ ассиріологовъ, Смитъ, прямо высказываетъ мнѣніе, что классическіе народы «почерпали гораздо больше изъ долины Евфрата, чѣмъ изъ долины Нила». Въ астрономіи первое мѣсто занимало древнее Халдейское царство. Въ Санхерибскихъ дворцахъ найдена была астролѣбія; тамъ же нашли доску съ раздѣленіемъ года по четыремъ его временамъ, при чемъ было обращено вниманіе на добавочное число одного мѣсяца въ високосномъ году. У Халдеевъ были карты звѣзднаго неба, они знали теченіе планетъ, наблюдали кометы, вычисляли солнечныя и лунныя затмѣнія и опредѣляли знаки зодіака.

Черезъ посредство предприимчивыхъ греческихъ купцовъ, ко-

Петербургу, все еще не могутъ придти даже просто къ предварительному рѣшенію вопроса, что лучше: «канализація или вызовъ нечистоты?»

Относительно полезныхъ общественныхъ сооружений, съ нашимъ временемъ можетъ поспорить только древній Римъ въ цвѣтущую его эпоху. Размѣръ нашей статьи не позволяетъ намъ дѣлать оцѣнки общественныхъ сооруженийъ древнихъ римлянъ. Къ счастью нѣкоторые изъ нихъ сохранились до нашего времени и стоятъ къ намъ ближе, чѣмъ тѣ памятники, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, поэтому и судить о нихъ легче. Римляне, какъ завоеватели всего извѣстнаго тогда цивилизованнаго міра, дѣлали его данникомъ своей столицы на берегахъ Тибра, и украшали послѣднюю всѣми сокровищами покоренныхъ странъ, не забывая самыхъ отдаленныхъ провинцій.

Война, какъ ни ужасны непосредственныя ея слѣдствія, часто оказывала благотворныя челоуѣчеству. Во время продолжительныхъ осадъ, какія предпринимали греки и римляне, умы изощрялись на изобрѣтеніе, какъ осадныхъ, такъ и оборонительныхъ орудій; величайшіе философы и математики того времени, служили на войнѣ, и великій Архимедъ, изобрѣтшій метательную машину, которая была пущена противъ римлянъ во время защиты родного его города Сиракузъ, самъ погибъ въ этой битвѣ. Такъ и въ наше время, искуснѣйшіе инженеры, соперничая между собою въ изобрѣтеніи страшныхъ боевыхъ орудій и пан-

Видъ города Бѣлграда. Рисов. Жирарде, гравир. Виттѣ.

рабли которыхъ во всѣхъ направленіяхъ пересѣкали Средиземное море, сокровища науки переняли съ востока на западъ. Уже по своему географическому положенію, Греція должна была сдѣлаться посредницей въ дѣлѣ цивилизаціи, но древнѣйшія постройки Греціи, приблизительно за семь столѣтій до Рождества Христова, представляютъ еще рѣзкую противоположность съ художественными формами Египта и Месопотаміи. Такъ называемыя пелазгійскія постройки, огромныя массы безформенно, но прочно сложенныхъ камней, совершенно лишены той архитектурной красоты, которая позднѣе, въ золотой эллинскій вѣкъ, подъ вѣчно яснымъ небомъ Аѳинъ, обнаружилась въ высшихъ формахъ, какія только доступны искусству.

Въ настоящее время, когда вопросъ объ общественномъ здоровьи и санитарномъ устройствѣ большихъ городовъ, вездѣ стоитъ на первой очереди, не лишнимъ будетъ напомнить, что за 23 столѣтія тому назадъ, городъ Агригентумъ, теперешній Джирженти въ Сициліи, имѣлъ, какъ свидѣтельствуегъ Диодоръ, пространную сеть сточныхъ каналовъ. И это отнюдь не единственный городъ древности, о которомъ мы знаемъ, что онъ былъ дренарованъ. Еще за 200 лѣтъ раньше этого, была устроена въ Римѣ *Cloaca maxima*; подъ вавилонскими дворцами сохранились также могучіе своды, служившіе сточными каналами. Таковы примѣры тысячелѣтней древности, между тѣмъ, какъ въ настоящее время многіе большіе города, въ томъ числѣ и

пырныхъ судовъ, стремясь дать военнымъ кораблямъ возможно быстрѣйшій ходъ, своими изобрѣтеніями и усовершенствованіями военнаго флота, вмѣстѣ съ тѣмъ оказываютъ услуги и мирному торговому флоту.

Тамъ, гдѣ торговля и сообщеніе не давали достаточнаго толчка къ постройкѣ дорогъ и мостовъ, это дѣлалъ солдатъ для военныхъ цѣлей; но, исполнивъ свое назначеніе, эти пути становились благотворными посредниками мирнаго сообщенія. Такъ было въ древнемъ Римѣ: гдѣ проходили римскіе легионы, возникали, даже въ отдаленныхъ варварскихъ провинціяхъ, великолѣпныя дороги, остатки которыхъ и теперь приводятъ насъ въ изумленіе, и которыя «все вѣли въ Римъ». Не менѣе дорѣдъ замѣчательны были римскіе водопроводы. Нашъ городъ только въ послѣднія десятилѣтія снабженъ водопроводами, между тѣмъ, какъ въ Римѣ, въ первомъ столѣтіи, были такіе водопроводы, что могли въ достаточномъ количествѣ снабжать водой до семи милліоновъ людей. Девять акведуковъ вели воду съ горъ; сюда впоследствии было присоединено еще пять водопроводовъ. Чтобы снабдить водой *теперешній* Римъ, достаточно только трехъ изъ этихъ древнихъ акведуковъ. За этими гигантскими сооружениями древняго инженернаго искусства, слѣдуютъ пристани, мосты, базилики, бани, и разнаго рода сооружения въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, великолѣпно и прочно построенныя, такъ что многія изъ нихъ дошли до насъ.

Общій видъ города Тогѣжа, Тверской губерніи. Съ фотোগрафіи рисов. Подбѣльскій, грав. Станковскій.

С падением Рима, в культуру вступает застои; дикая орда, во время переселения народов пронесшаяся по Европу, не имела потребности ни в мостах, ни в дорогах. Новый толчок был дан арабскими учеными; им мы много обязаны в области астрономических и математических наук.

От десятого до четырнадцатого столетия, когда наступил длинный период церковных построек, и поднялись в небо стройные башенки великодушных готических церквей, стали забывать, исключая впрочем Италию, о других общественных постройках, благотворных для народа. В одной Италии, во время пробуждения наук и искусств в 12 и 13 столетиях, были предприняты сооружения пристаней, канализация речек, и проч. В 1481 г. были выстроены первые шлюзы на канале; Леонардо-да-Винчи, — великий художник был в то же время выдающимся инженером, и отличился в постройке шлюзов.

Но гораздо легче провести воду туда где в ней есть потребность, чем удержать ее напором, там где она производит страшные бедствия и опустошения. В последнем отношении всего больше сдѣлал голландец. Сама природа принудила их к этому, поставив омываемую и разбѣваемую морем страну, в полную зависимость от человеческого искусства. Когда начал этот народ свою борьбу с морем, в точности неизвестно; но мы знаем что уже в 12 столетии они строили плотины, чтобы защищать от моря низменности. Когда, вследствие смѣлых морских путешествий, выгодной колониальной торговли, отважных китоловных экспедиций в арктический моря, благосостояние Нидерландов и увеличение ее народонаселения росли все больше и больше, были предприняты сооружения больших разрывов: у моря, шаг за шагом, отнимали поглощаемую им землю, рыли каналы, воздвигали гигантские машины для осушения дѣльных огромных озер. До недавнего времени, оконченный в 1825 г. Сѣверный голландский канал, был величайшим в своем роде; только Суэзский канал затмил его. Но голландцы уже окончили сооружение, которое может стать парангом с Суэзским каналом, — это Амстердамский канал с его колоссальными шлюзами. По ширине и глубине, он еще превосходит творение Лессенса. Высушив все Гарлемское озеро и превратив его в плодородную землю, голландцы уже возымѣли теперь колоссальную мысль осушить Цуйдерское озеро.

В то время как голландцы служат остальным народам учителями в сооружении каналов, Франция выдвинулась с прошлого столетия постройкой дорог, которая поручалась научно-образованным людям. Отсюда оставался уже один шаг к дальнѣйшему облегчению путей сообщения. Деревянные рельсы были в первый раз примѣнены в 17 столетии на Гарских рудниках; первые рельсы появились в Англии в 1738 г. Следовательно, основание желѣзной дороги было уже готово.

Великий переворот в способѣ сообщения наступил только с появлением паровой машины. Вначалѣ, конечно, и не предвидѣли всѣх великих послѣдствій открытiя Уатта; не мало дивились уж и тому, что пар может замѣнять водяные и вѣтряные мельницы, или лошадиные вѣрты. Посредством его же осушались болота, выкачивалась вода из рудников, что до этого дѣлалось только посредством шпонель, устройству которых требовало больших издержек. Медленная работа рук и мускулов нашла другое употребленiе, вследствие чего число рабочих рук увеличилось в нѣсколько тысяч раз.

Хотя, сравнительно говоря, пар не скоро еще был примѣнен к облегчению путей сообщения — только в нашем столѣтiи, — но за то он рано начал служить на пользу промышленности. Самым удивительным остается до сих пор его примѣненiе к пряжке и ткацкой. Как огромно было мiяние пара на бумагопрядильную мануфактуру! Известная в Индiи с самых ранних исторических временъ, бумага достигла Персiи и Египта только около Рождества Христова. В Испани начали обрабатывать хлопок лишь в 10-м, в Итали в 14-м столѣтiях, а Манчестер, — в настоящее время величайшая бумагопрядильная мануфактура в мiрѣ, — узнала его только в 17-м столѣтiи. Скажем здѣсь кстати нѣсколько слов о почетной старинной льняной пряжке. Родословная ее доходит до древних египтян; многiя из найденных мумiй обернуты в льняные ткани, не уступающiя своей тонкостью лучшим билефельдским батистам. Вавилоняне также носили, кромѣ шерстяных, полотняные одежды великодушных цвѣтов и узоров. До 1738 г., пока не начались усовершенствованiя в прядильных машинах — при чем имена Аджрейта и Гаргривса навсегда останутся бессмертными в исторiи прядильного искусства — всякая ниточка прядлась на самопрядкѣ, которая была изобрѣтена брауншвейским каменотесом Юргенсоном, и до сих пор еще влечет свое жалкое существованiе в деревнях, между тѣм как на фабриках давно уже шумят и свистят миллионы паровых стержней, обрабатывая новые волокнистыя растенiя, юту, новозеландскiй ленъ, рами и проч.

Введенiе паровых, электрическаго телеграфа и желѣзных дорог, совершилось еще на глазах нашего поколѣнiя.

Ровно сорокъ лѣтъ тому назад, один знаменитый англiйскiй ученый объявил, что никогда паровоз не в состоянии

перѣхать Атлантическiй океанъ. Вскорѣ послѣ этого, в 1838 году, «Сирius» в семнадцать дней пришел из Бристоля в Нью-Йоркъ, это был первый корабль, дѣйствовавшiй одним паромъ, между тѣм еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣм, корабль «Savannah» ходил из Англии в Америку, частью паромъ, частью под парусами. За «Сирiusомъ» послѣдовалъ «Грэтъ-Истернъ», который совершил этотъ перѣздъ уже в 13 1/2 дней. Этимъ открылось паровое сообщенiе через океанъ.

Не прошло еще время одного человѣческаго поколѣнiя со времени рожденiя трансатлантическаго парового сообщенiя, а паровозы уже успѣли вытѣснить парусныя корабли; число первыхъ возрастаетъ в гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ число послѣднихъ. Именно: къ концу 1860 г. число плавающихъ в океанѣ европейскiхъ паровозовъ простиралось до 2,964, число же парусныхъ кораблей до 92,272. В 1873 году число морскихъ паровозовъ возросло до 6,228, между тѣм, какъ во всей Европѣ не насчитывалось больше 92,778 парусныхъ кораблей. Следовательно, в промежутокъ времени отъ 1860 до 1873 года европейскiй торговый флотъ увеличился на 3,254 паровоза, и всего на 506 парусныхъ кораблей, то есть в эти 13 лѣтъ было выстроено паровозовъ в шесть разъ больше противъ парусныхъ кораблей. Паровозный флотъ удвоился, парусный остался в одномъ положенiи. Отъ увеличенiя же числа паровозовъ зависитъ быстрота доставки и огромное увеличенiе оборотовъ, такъ какъ каждая подъемная тонна паровоза равняется четыремъ тоннамъ паруснаго корабля, потому что паровозъ дѣлаетъ четыре рейса во столько времени, сколько нужно парусному кораблю для одного рейса.

Вмѣстѣ съ увеличенiемъ числа паровозовъ росли и размѣры ихъ, пока наконецъ в «Грэтъ-Истернѣ», созданнѣм Брунеля, онъ не достигъ своего maximum'a; однако это чудовище, в финансовомъ отношенiи, было ошибкой; можно сказать, что в «Грэтъ-Истернѣ» перешли уже за предѣлы, до которыхъ можетъ быть доведена, по крайней мѣрѣ в настоящее время, постройка паровозовъ.

Послѣ изобрѣтенiя электрическаго телеграфа довольно много прошло времени, прежде чѣмъ онъ вошелъ в общее употребленiе. Мюнхенъ и Богенгаузенака обсерваторiи были первые соединены телеграфной проволокой; в 1838 году лондонская Блэкъ-уэльская желѣзная дорога вошла на своей линiи электрическiй телеграфъ, и с тѣхъ поръ онъ уже покорилъ весь мiръ. Со введенiемъ такъ называемой автоматической системы, быстрота его дѣйствiя стала изумительна: онъ передаетъ 200 словъ в минуту; это больше, чѣмъ можетъ написать лучшiй стенографъ. На длинныхъ под-одныхъ проволокахъ, сила его (вслѣдствiе различныхъ физическихъ причинъ) далеко слабѣе. Атлантическiй телеграфъ, в 1858 г. передавалъ только 2 слова в минуту, между тѣм, какъ теперь онъ уже передаетъ среднимъ числомъ 15 словъ в минуту, и даже можетъ довести до 24 словъ. Но всего удивительнѣе в электрическомъ телеграфѣ, — это его «двойная система», которая даетъ возможность двойнѣ пользоваться одной и той же проволокой, то есть, одновременно телеграфировать по ней в оба конца. Такимъ образомъ, благодаря этой системѣ, основанной на лучшемъ изолированiи, удаляется работа каждой проволоки.

В настоящее время телеграфная проволока опоясываетъ почти всю землю; ни море, ни стени, не служатъ для нее препятствiемъ. По всей вѣроятности, в весьма недалекомъ будущемъ, пополнятся и остальные два недостающiе еще члена, между Санъ-Франциско в Калифорнiи и Токио в Японiи. Телеграфное сообщенiе между Европой и Америкой, возникшее около десяти лѣтъ тому назадъ, такъ обезпечено теперь нѣтъ конкурирующими линiями, что о перерывѣ сообщенiя между этими двумя частями свѣта, едва ли можетъ быть рѣчь. Съ Австралией мы также имѣемъ с 1872 г. правильное телеграфное сообщенiе. Длина всѣхъ телеграфныхъ проволокъ обнимаеетъ теперь 95,000 географическихъ миль, а число телеграфныхъ станцiй простирается до 30,000!

Съ научной точки зрѣнiя, изобрѣтенiе электрическаго телеграфа стоить еще выше изобрѣтенiя желѣзныхъ дорогъ. Но по тѣмъ послѣдствiямъ, какiя повлекло за собою громадное развитiе желѣзныхъ дорогъ, послѣднiя выше телеграфа, такъ какъ служатъ гораздо большей массѣ людей, и имя Георга Стефенсона, изобрѣтателя желѣзной дороги, будетъ упоминаеться в числѣ величайшихъ благотѣлей человечества, пока можетъ быть новое изобрѣтенiе не сдѣлаетъ желѣзныхъ дорогъ излишними.

Мы не станемъ распространяться здѣсь объ исторiи желѣзныхъ дорогъ, о препятствiяхъ, съ которыми приходилось бороться при введенiи ихъ и т. д. Остановимся лучше на отраднѣй картинѣ ихъ настоящаго состоянiя, по простетивнъ ровно 50 лѣтъ отъ открытiя первой желѣзной дороги (между Штоктономъ и Дарлингтономъ, в 1825 г.). Побѣды современной техники, для которой никакая горная стѣна не кажется слишкомъ могучей, чтобы нельзя было пробить ее, такъ часты и такъ извѣстны, что для осуществленiя самыхъ смѣлыхъ проектовъ, весь вопросъ заключаетъ теперь только в соединенiи капиталовъ и в непосредственной поддержкѣ правительствъ. Какъ в Европѣ, такъ и в Америкѣ задуманы в настоящее

время такой работы, которая заставляет отдаленнейших потомков признать величие нашего вѣка.

Къ двумъ альпійскимъ желѣзнымъ дорогамъ черезъ Земмерингъ и Бреннеръ, въ 1871 г. присоединилась Монъ-Сенпская вѣтвь съ туннелемъ въ 12,236 метровъ длины. Остается еще четвертая гигантская работа: дорога черезъ Сенъ-Готтардъ; съ обѣихъ сторонъ, итальянской и швейцарской, работы ведутся такъ энергично и съ такими техническими усовершенствованиями, что окончаніе туннеля можно ожидать скорѣе раньше, чѣмъ позже назначеннаго срока. Длина туннеля рассчитана въ 14,913 метровъ (двѣ нѣмецкихъ мили): къ 1-му іюля 1875 г. отъ Гошенена, съ швейцарской стороны, было уже окончено 2,217 метровъ, и отъ Эроло, съ итальянской стороны, 1,976 метровъ, следовательно всего 4,193 метра. Остается просверлить еще 10,720 метровъ, пока рабочіе обѣихъ сторонъ не протянутъ другъ другу руки, какъ это было пять лѣтъ тому назадъ въ нѣдрахъ Монъ-Сенса. Но какъ ни грандіозно это предпріятіе, оно превзойдетъ еще другое — сооруженіе туннеля *подъ моремъ* для желѣзной дороги между Франціей и Англіей.

Что касается до сѣверныхъ и восточныхъ желѣзныхъ дорогъ Европы, то на нихъ можно смогрѣть, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на пионеровъ цивилизаціи. Проектъ желѣзной дороги въ Лапландію не принадлежитъ вовсе къ области фантазіи, такъ какъ норвежскія и шведскія желѣзнодорожныя линіи поднимаются все въ болѣе и болѣе высокія широты. Главныя линіи турецкихъ желѣзныхъ дорогъ, направляясь отъ востока на западъ, ведутъ къ Босфору, а проектируемая новая линія должна проникнуть въ глубь Малой Азіи до Ангоры. Россія имѣетъ уже шесть линій, которыя подходятъ къ Волгѣ и смотрятъ въ Азію. Отъ конечной станціи въ Царицынѣ на Волгѣ, пароходы приходятъ въ два дня въ Астрахань, къ устью Волги, впадающей въ Каспійское море; еще четыре дня, и вы уже на персидскомъ берегу. Въ 1873 году открыта на южномъ Кавказѣ Потти-Тифлисская линія. Это также одно изъ смѣлыхъ, грандіозныхъ предпріятій. На протяженіи 32 верстъ дорога слѣдуетъ изгибамъ быстрой Куры, дѣлая подлѣмы въ 1:45 на высотѣ, далеко превосходящей снѣжную границу. Собственно горный проходъ преодолеваетъ она подъемомъ въ 1:18 на протяженіи слишкомъ девяти верстъ, и потомъ, также круто спускается внизъ. Черезъ колоссальныя плотины, черезъ горныя туннели, черезъ 430 желѣзныхъ мостовъ, висящихъ надъ пропастями, доходитъ дорога до Тифлиса. Мало того, есть мысль о соединеніи сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ съ Пешаверомъ, конечнымъ пунктомъ индѣйскихъ дорогъ; проектируются дороги, которыя должны будутъ соединить съ Европой населеннѣйшую страну востока, Китай, съ его 400 миллионнымъ населеніемъ. Трудно исчислить, какія выгоды могутъ произойти отъ этого непосредственнаго сообщенія, когда люди, товары и идеи въ двѣ недѣли будутъ доходить изъ главныхъ городовъ Европы въ Пекинъ! Впрочемъ, китайцы все еще уклоняются отъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Уваженіе къ праху предковъ доходитъ у китайца до фанатизма, поэтому онъ не хочетъ, чтобы священную землю, гдѣ покоятся кости праотцевъ, перерывалъ заслупъ желѣзно-дорожнаго рабочаго. Другое дѣло кровный родственникъ китайца, японецъ: этотъ ревностно заимствуетъ, что можетъ, отъ западной цивилизаціи; съ 1873 г. въ Японіи уже заведены желѣзныя дороги.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ сначала, просто можно сказать, съ бѣшеннымъ накинудомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, въ послѣднее время, вслѣдствіе общаго финансоваго кризиса, замѣтенъ поворотъ назадъ. Въ текущемъ году нѣсколько линій были даже совсѣмъ закрыты — событіе небывалое со времени введенія желѣзныхъ дорогъ. Тѣмъ не менѣе, величайшая американская дорога, оконченная 16-го мая 1869 г., такъ называемая *Тихо-океанская*, идущая отъ океана къ океану, пошлетъ отъ себя на сѣверъ и на югъ много побочныхъ линій; одна изъ нихъ, «Канзасъ-Океанійская желѣзная дорога» будетъ производить быстрѣйшее сообщеніе между Санъ-Франциско и Нью-Йоркомъ. Она будетъ проходить черезъ горный туннель въ 24 километра — больше трехъ нѣмецкихъ миль длины! При прорѣзаніи этого послѣдняго, янки надѣются напасть на такія драгоценныя жилы металловъ, что это покроетъ всѣ издержки по постройкѣ туннеля. Соединенные Штаты обладаютъ величайшей желѣзнодорожной сѣтью въ мірѣ; уже къ концу 1873 г. она доросла до протяженія 71,564 англійскихъ, или 14,670 нѣмецкихъ миль. Это почти столько же, сколько могутъ представить всѣ европейскія дороги, взятыя вмѣстѣ, такъ какъ въ 1873 году въ Европѣ считалось желѣзныхъ дорогъ на 16,071 нѣмецкую милю. При этомъ однако надо взять во вниманіе, что вся Европа имѣетъ 181,700 квадратныхъ миль, Соединенные же Штаты (вмѣстѣ съ Аляской), немногимъ менѣе, именно 168,400 квадратныхъ миль.

Южная Америка также не отстала въ этомъ отношеніи: Андская дорога отъ Лимы до Оройя въ Перу, какъ гигантское предпріятіе, возбуждаетъ величайшій интересъ. Назначеніе этой дороги — открыть путь къ приморскимъ городамъ Тихаго океана, произведеніямъ богатыхъ земледѣльческихъ странъ по восточному склону Кордильеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — раскрыть минеральныя сокровища этихъ горъ. Чтобы пройти горную цѣпь, эта желѣзная дорога должна промчатся черезъ туннель, лежащій на высотѣ вершины Монблана. Препятствія, съ которыми приходилось здѣсь бороться, были почти непреодолимы. Быстрое возвышеніе отъ морской поверхности до высоты 4,769 метровъ требовало мѣстами неразрывной связи туннелей, мостовъ, вѣдугтовъ. Вслѣдствіе этого постройка Андской дороги поглотила большія суммы и большее число человѣческихъ жпзней, чѣмъ всѣ значительнѣйшія дороги въ мірѣ, исключая Панамской, которая идетъ черезъ тропическія болота и покрыта, какъ говорятъ, трупами китайскихъ куліевъ.

Всѣ желѣзныя дороги на земномъ шарѣ имѣли къ концу 1873 г. 36,396 нѣмецкихъ миль протяженія; изъ этого числа 17,334 приходилось на Европу, 17,066 на Америку и 317 на Австралію. Общая сумма капиталовъ, потраченныхъ на сооруженіе всѣхъ дорогъ земного шара, равняется, по вычисленію компетентнаго въ этомъ дѣлѣ профессора Неймана, 16,188 милліонамъ рублямъ. Чтобы правильнѣе судить о величинѣ этой суммы, надо подумать о томъ, что она требуетъ только для четырехпроцентной олаты *ежедневно* чистаго дохода, круглымъ числомъ 2 милліона рублей, или (считая только 40 процентовъ расходовъ) ежедневнаго валоваго дохода въ 3 милліона рублей. Число локомотивовъ на всѣхъ желѣзныхъ путяхъ земного шара считается въ 53,000, а вагоновъ въ 1½ милліона.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ ПЛОДЫ.

(Снимокъ съ картины М. А. Тульмуша).

Братецъ Сержъ и дядя Теодоръ сѣли въ гостиной играть въ шахматы... Ну, значитъ, часа два-три съ мѣста не встанутъ! Кабинетъ дяди Теодора не запертъ, а тамъ богатая бібліотека, высокіе книжные шкафы... Много тамъ такихъ книжекъ, о которыхъ тетя Sophie и мама не иначе говорятъ, какъ съ гримасой: «Фу! это такія вредныя книжки!» Дядя Теодоръ не пускаетъ племянницъ въ бібліотеку свою и всегда самъ любезно предлагаетъ имъ принести «Фрегатъ Паллада», «Записки охотника» или какой нибудь романъ Вальтера Скотта, а то, пожалуй, и «Вѣщаго жидка» Эжена Сю. Братецъ Сержъ ничего не предлагаетъ, онъ безъ церемоній говоритъ сестрицамъ: «Книжки вамъ совсѣмъ не къ лицу... Я вѣдь знаю, до чего вы добираетесь! Только *ты* сочиненія не про васъ писаны. Вотъ, когда за мужъ выйдете — ну, тогда читайте что угодно!»

И такъ, братецъ Сержъ и дяденька Теодоръ сидятъ за шахматнымъ столикомъ... Прекрасно! Почему-же не воспользоваться благоприятной минутой?... Сидите-же, господа, подольше, играйте внимательнѣе, обдумывайте каждый ходъ!..

Барышни по-очередно вышли изъ гостиной, на ципочкахъ проѣзжали залу и вихрючили въ кабинетъ дяди Теодора.

— У меня слухъ хорошій, я буду караулить, вывалася Катя, — только ты, Маня, не забудь достать для меня Боккачіо... Не забудешь?..

— Ужь я его вытраву, но безпкойся, отвѣтила Маня, которая взбралась уже на лѣстницу.

— А ты что для себя возьмешь?

— «Жертву вечернюю» Бобарыкина. Кузина Olga очень хвалитъ это сочиненіе.

— Расскажи мнѣ потомъ сюжетъ этой «Жертвы».

— Непремѣнно! А ты мнѣ что нибудь изъ Боккачіо.

А Лиза и Саша въ это время, овладѣвъ какимъ-то сборникомъ стихотвореній, упилились поэтическими звуками. Саша въ полголоса читала на распѣвъ стихотвореніе Мен:

Милый въ дверь мою кедрскую
Стукнулъ смѣловъ рукой;
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной,
И полна желанья знойнаго
Встала съ ложа я покойнаго:
Съ смуглыхъ плечъ моихъ покроетъ
ночной скользкий,
Жжетъ нога моя холодный
мраморъ вилить,
Съ черныхъ косъ моихъ сгуститъ
ароматъ,
На рукахъ запасья цѣнныя
бряцать.
Отперла я дверь докучную,
Статный юноша вошелъ
И со мною сладкозвучную
Потяховку рѣчь повелъ,
И слилась я съ рѣчью въжнюю
Всей душой моею мятежною.

Читаютъ барышни и наслаждаются. Еще-бы не наслаждаться, читая такое, вполне художественное, прекрасное стихотвореніе.

ПЛАЩЕНОСНАЯ ЯЩЕРИЦА, ИГУАНА ИЛИ ЛЕГУАНЪ.

Древесныя ящерицы или игуаны (*Hypsilorhi*) водятся въ тропической Америкѣ, но у нихъ много общаго съ древесными ящерами Стараго Свѣта. Подъ именемъ василиска древніе греки и римляне представляли себѣ змѣеобразное чудовище съ геркулесовскою силою, порожденное таинственнымъ, чудеснымъ образомъ чрезъ посредство неспособныхъ къ этому животныхъ—змѣи, жабы и пѣтуха. Для древнихъ игуана и была василискомъ, но, собственно, василиски (*Basiliscus*) имѣютъ на спинѣ и при началѣ хвоста кожистый гребень, поддерживаемый острыми отростками позвонковъ, и чешуйчатые края на пальцахъ заднихъ ногъ. Голова и шея короткія, тѣло сухое, хвостъ очень длинный и сильно сжатый съ боковъ. Голова покрыта маленькими, килеватыми щитками, а туловище ромбoidalными чешуйками. Зубовъ безчисленное множество. Замѣчательнѣе американскій или племоносный василискъ, имѣющій на затылкѣ острый шлемъ, покрытый снаружи килеватыми чешуйками и поддерживаемый хрящевыми пластинками.

Вотъ какъ описываетъ извѣстный туристъ—естествоиспытатель Шомбургъ свое знакомство съ игуаною (Э. Брэмъ):

«Два вида цвѣтущихъ сладкихъ бобовниковъ привлекли безчисленное множество насѣкомыхъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, привлекли необычайно число игуанъ. Съ каждымъ ударомъ весель, которымъ мы подвигались впередъ—три или четыре большихъ животныхъ бросались съ деревьевъ въ воду, или, съ быстротою мысли, скользя съ одной вѣтви на другую, исчезали въ густой листвѣ на деревьяхъ. Но и это убѣжище не могло спасти ихъ отъ зоркаго глаза и мѣткихъ стрѣлъ индѣйцевъ. Все оживилось и пришло въ движеніе, потому что теперь дѣло шло о томъ, чтобы добыть на обѣдъ одинъ изъ самыхъ лакомыхъ кусочковъ. Охота съ ружьями была не такъ усѣбна, какъ со стрѣлами, потому что игуана, подстрѣленная дробью, но не раненая на смерть, мгновенно кидалась въ воду и навсегда пропадала изъ виду, стрѣлы же, при своей длинѣ, препятствовали этому. Въ числѣ добычи находились экземпляры въ 5—6 футовъ длиною и въ одинъ футъ толщиною. Не смотря на страшный видъ животного, мясо его принадлежить къ нѣжнымъ, лица также очень вкусны. Благодаря этимъ качествамъ, животное становится все рѣже и рѣже, особенно на берегахъ, гдѣ къ туземцамъ присоединяются еще европейцы, цвѣтныя люди и черныя».

Iguana—Hypsilorhus—Tuberculata можетъ служить прототипомъ этого семейства. Игуана достигаетъ 5 ф. длины, но около 3 ф. изъ этой длины приходится на хвостъ. Основной цвѣтъ кожи красивый, древесно-зеленый, который мѣстами переходитъ въ голубой, темнозеленый, бурый и сѣрый; нижняя сторона тѣла и ноги полосатыя; хвостъ украшенъ нѣсколькими рѣзко очерченными полосками. Игуана, изображенная на нашемъ рисункѣ, водится въ сѣверной части Бразиліи и въ странахъ, окружающихъ Мексиканскій заливъ, а также и на Антильскихъ островахъ. Животное это живетъ на деревьяхъ и преимуще-

ственно—прибрежныхъ. Тутъ игуаны чувствуютъ себя очень хорошо; онѣ постоянно карабкаются и перепрыгиваютъ съ сучка на сучекъ; прячутся отлично, такъ что новичку ихъ и не замѣтить въ густой листвѣ. Къ вечеру игуана сходитъ на берегъ, чтобы поохотиться, но при малѣйшемъ шумѣ сейчасъ-же ударяется въ бѣгство—или на верхушку дерева, или въ воду. Въ водѣ она двигается, благодаря природному веслу (длинному хвосту), довольно свободно; говорятъ, что игуана долго можетъ оставаться подъ водою, и только чрезъ часъ бываетъ принуждена вынырнуть для перемѣны воздуха. Въ точности еще неизвѣстно, чѣмъ именно питается это животное: растительною или мясною пищею, хотя въ желудкахъ нѣкоторыхъ игуанъ находили растительныя вещества, насѣкомыхъ и кусочки мяса.

Игуана, конечно, не можетъ похвастаться привлекательностью. Это животное еще мало наблюдали, но видѣвшіе его на свободѣ говорятъ, что оно не обладаетъ большою смѣлостью, за то проявляетъ сильную злобу и хитрость. Обыкновенно игуана убѣгаетъ отъ человека—она привыкла видѣть въ немъ своего злѣйшаго непріятеля, однако, доведенная до крайности, храбро становится въ оборонительное положеніе, надувается (при этомъ *воротникъ* или *плащъ* расширяется вдвое, *) шипитъ и фыркаетъ. Игуана не прочь вспрыгнуть на своего врага и укубить его, а также нанести ему чувствительные удары сильнымъ хвостомъ. Во время любовнаго періода, рассказываетъ А. Брэмъ, онѣ бывають очень возбуждены и становятся еще злѣе. Самцы не оставляютъ избранную самку, яростно кидаются на каждое приближающееся къ ней существо и свирѣпо дерутся между собою за обладаніе самкою. Самка, черезъ нѣсколько недѣль послѣ оплодотворенія, кладетъ въ дыру, въ песокъ круглыя, по величинѣ похожія на голубиныя, бѣлыя яйца съ гладкою скорлупою.

Игуанамъ нигдѣ не даютъ спуска и охотятся на нихъ съ особеннымъ остервенѣніемъ. Въ иныхъ мѣстахъ, для травли ихъ употребляютъ приученныхъ собакъ. Чтобы обезопасить себя отъ укушенія, пойманнымъ животнымъ втыкають въ кожу нижней челюсти и въ одну ноздрю острый стебель, затѣмъ связываютъ имъ рыло, послѣ этого у нихъ вытягивають сухожилія длинныхъ среднихъ пальцевъ, скручивають ими на спину обѣ пары ногъ и на слѣдующее утро приносятъ замученную такимъ образомъ жертву на рынокъ. Здѣсь покупають ее охотню, и любители запекають мясо въ кукурузное тѣсто, предвкушая грядущее гастрономическое наслажденіе.

Пойманныя игуаны бывають вначалѣ очень дики и чрезвычайно злы, наравятъ укубить своего хозяина, шипятъ и фыркають на каждое приближающееся къ нимъ животное, а слабѣйшихъ изъ домашнихъ животныхъ нерѣдко убиваютъ. Мало по малу гнѣвъ ихъ слабѣетъ, и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, онѣ дѣлаются совсѣмъ ручными. На родинѣ ихъ часто держатъ на свободѣ, въ садахъ или домахъ, гдѣ онѣ приносятъ пользу тѣмъ, что ловятъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Принцъ Уэльскій въ Инди *)

(Окончаніе).

Изъ Бомбея принцъ Уэльскій поѣхалъ въ Бароду **, куда прибылъ утромъ 19-го ноября. Весь путь отъ станціи до жилища британскаго резидента, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться, былъ украшенъ триумфальными арками, повсюду развѣвались знамена и флаги. У дебаркадера стояло 15! раскрашенныхъ въ сѣрый и красный цвѣтъ, богато убранныхъ слоновъ. Передній былъ покрытъ золотой парчой, надъ которой возвышался багдахивъ съ золотыми колонками, сбоку была спущена маленькая серебряная лѣсенка; громадное животное, по данному сигналу, опустилось на колѣни у нижнихъ ступеней подѣзда дебаркадера, серебряная лѣстница была быстро прикрѣплена, и его высочество въ одно мгновеніе уже сидѣлъ подъ балдахиномъ, а за нимъ, сіяя своими брилліантами, вошелъ и гвиковаръ (господарь Бародскаго княжества) и помѣстился съ лѣвой стороны своего высокаго гостя; на заднемъ сидѣніи занялъ мѣсто Магдавъ-Рао, даровитый министръ юнаго государя, съумѣвшій возстановить финансы страны; свита размѣстилась на остальныхъ слонахъ и фантастически-роскошный кортежъ двинулся, предшествуемый значкосными и замыкаемый военнымъ эскортомъ. За значкосными, въ бѣлыхъ и красныхъ одѣяннѣхъ, слѣдовалъ государственный зонтикъ, окруженный толпой служителей, съ опахалами и вытканными золотомъ платками въ рукахъ; далѣе ѣхали конные герольды и музыканты. На всемъ пути живую изгородь стояла разодѣтая въ самые яркіе цвѣта толпа, новозки туземцевъ, запряженныя быками съ посеребренными и позолоченными рогами, безчисленные всадни-

ки въ полномъ вооруженіи. По окончаніи официальныхъ визитовъ, для принца былъ устроенъ бой звѣрей, любимая забава въ Бародѣ. Вотъ какъ описываетъ это зрѣлище одинъ изъ очевидцевъ: «Въ 4 часа насъ ввели въ расположенную позади арену, занимающую отъ 200 до 300 футовъ длины, около 100 ширины и окруженную стѣной въ нѣсколько метровъ, со множествомъ довольно широкихъ, свободно пропускающихъ человека, отверстій. Изъ-за баррикадированной двери противъ входа слышался страшный вой и шумъ. Съ трехъ сторонъ стѣнки толпилась туземная публика, а съ 4-й возвышался навильонъ въ четыре этажа; въ нижнемъ помѣстился принцъ Уэльскій и гвиковаръ, во 2-мъ—дамы англійской колоніи Бароды, въ 3-мъ—корреспонденты иностранныхъ газетъ и, наконецъ, въ 4-мъ—офицеры и чиновники. Звѣри были выпущены не сразу—спектакль начался съ борьбы шестерыхъ туземныхъ гладиаторовъ, которые, поборовшись съ четверть часа, уступили мѣсто словамъ. Чудовища, очутившись на свободѣ, ринулись другъ на друга и въ одно мгновеніе составили какую-то неуклюже-барахтающуюся массу; ихъ клыки гнулись одинъ о другой, ихъ хоботы заплетались, какъ вдругъ одинъ изъ сражавшихся обратился въ постыдное бѣгство, его разъяренный противникъ бросился за нимъ и съ такою силою ткнулъ его клыками, что тотъ заревѣлъ отъ боли; ихъ немедленно розняли и увели. Слоновъ смѣнило зрѣлище, напоминающее испанскій

*) См. «Нива», № 8.

**) Значительное туземное государство, того же имени, въ предѣлахъ Бомбейскаго президентства. Въ немъ насчитывается 2,500,000 жителей; цифру доходовъ опредѣляютъ въ 37 милліоновъ франковъ.

*) *Воротникъ* этотъ вырастаетъ по бокамъ шеи, поддерживается лучисто-расположенными хрящами; онъ зазубренъ по краямъ, на поверхности покрытъ тонкими чешуйками, достигаетъ на затылкѣ значительнаго развитія, и можетъ развертываться въ видѣ зонтика во все стороны, на разстояніи до шести дюймовъ, даже можетъ иногда завертываться на голову. *Воротникъ* обыкновенно бываетъ прижатъ къ тѣлу, но, при малѣйшемъ испугѣ животного, онъ развертывается.

Запрещенные плоды. Съ картины Тульмуша, Рисов. Бретонъ, грав. Тришонъ.

бой быковъ, но съ тою разницей, что вмѣсто быка, дѣйствовать опять такі слоны. Затѣмъ, на арену выпустили двухъ носороговъ, которыхъ, впрочемъ, съ большимъ трудомъ заставили «осгласиться» подражаться. Они бодались какъ козлы, бороздя землю своими мордами; поединокъ прекратился послѣ нѣсколькихъ схватокъ; за носорогами послѣдовало сраженіе буйволовъ, имѣвшее нѣсколько болѣе серьезный исходъ; послѣдними дрались — и дрались ожесточенно — два барана. Если на этотъ разъ дѣло не имѣло трагическаго результата, то все-таки не обошлось безъ крови. Спектакль закончился оригинальною процессією, открывшеюся крупными антилопами, за которыми шли газели, изъ коихъ нѣкоторыя были запряжены въ легкіе, миниатюрные экипажи, похожіе на тильбюри, далѣе огромные бараны, убранные драгоцѣнными матеріями, обезьяны, большой барсукъ и дѣлая вереница птицъ; наконецъ шестіе замыкалъ огромный тигръ, котораго вели на привязи двѣнадцать атлетовъ.

На другой день принцъ Уэльскій присутствовалъ на охотѣ пантеры на ланей. «Мы пріѣхали, рассказываетъ тотъ же очевидецъ, къ жонглямъ, гдѣ, въ густой травѣ, было расположено стадо, приблизительно въ 400 ланей. Завидѣвъ насъ, граціозныя животныя бросились въ сторону и растянулись въ длинную линію, которую мы поспѣшили раздѣлнить въ центрѣ. Огнѣзанный, такимъ образомъ, арьергардъ, стараясь присоединиться къ другой части стада, быстрыми и легкими скачками мчался па самомъ близкомъ разстояніи. Охотники подвели кожаную повязку, пустили на свободу. Страшный звѣрь остановился на нѣсколько секундъ, уставился на мелькавшихъ мимо его глазъ несчастныхъ ланей и, казалось, выбиралъ свою жертву; затѣмъ, въ нѣсколько прыжковъ, онъ слгналъ одну изъ нихъ, опрокинулъ и впился ей въ горло; но пантерѣ не дали долго тѣшиться,—ее немедленно схватили и привязали снова; впрочемъ, въ награду за подвигъ, ей подали въ особой чашѣ кровь, которая же выпотрошенной жертвы».

По возвращеніи изъ Бароды въ Бомбей, принцъ Уэльскій отправился 25-го ноября въ дальнѣйшій путь, который теперь лежалъ на Цейлонъ. По дорогѣ царственный путешественникъ остановился въ португальскомъ Гоа, куда флотилія («Сераписъ», на которомъ плылъ принцъ, сопровождала, какъ извѣстно, суда «Осборнъ» и «Ралей») прибыла 27-го, вечеромъ. На другой день, рано утромъ, на встрѣчу принцу выѣхалъ, на своей галерѣ, губернаторъ португальской колоніи, дивизионный генераль Таваресъ-де-Аламейда; его галера являлась живописнымъ анахронизмомъ, въ особенномъ нарядѣ съ паровыми судами: ея старинная форма и матросы, одѣтые въ костюмы XVII-го вѣка, въ красныхъ береткахъ съ серебряными, тонкой работы, бляхами—все въ ней напоминало прошлое; губернаторъ и свита, въ парадныхъ мундирахъ, помѣщались посрединѣ, подъ навѣсомъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и представленій, генераль Таваресъ, его высочій гость и свита пересѣли на галеру, которая направилась къ берегу.

Въ губернаторскомъ дворцѣ, гдѣ принцу были представлены значительнѣйшія лица Гоа (этотъ городъ и окружающая его, между 14 и 15 градусами широты, мѣстность, на пространствѣ около 40 миль—вотъ все, что осталось отъ владѣній Португалии въ Индіи), онъ оставался недолго и чрезъ четверть часа уѣхалъ осматривать «старый Гоа», оставленный болѣе 230 л. тому назадъ, по причинѣ нездороваго свойства мѣстности. Среди грудъ развалинъ нѣкогда знаменитаго города можно видѣть слѣды улицъ и площадей и высятся еще окруженные и обвитые зеленью большой соборъ, зданія инквизиціи и епископской тюрьмы. Соборъ—массивное зданіе снаружи—величественъ и изященъ внутри, къ нему ведутъ высокія со сводами ворота, въ нишѣ которыхъ помѣщается раскрашенная статуя «Васкода (а не де) Гама». Говорятъ, что каждый новый губернаторъ колоніи долженъ, по пріѣздѣ, непременно посѣтить храмъ. Стѣны покрыты живописью и позолотой. Затѣмъ принцъ осматривалъ церковь «Vom-Iesu» (милосердаго Иисуса), гдѣ покоятся мощи Франциска Ксаверія, положенныя въ огромную серебряную раку, стоящую на блохмъ мраморномъ пьедесталѣ, покрытомъ барельефами, и любовался богатыми, прекрасными серебряными и золотыми чашами и другими цѣнными вещами. Въ 12 часовъ принцъ Уэльскій уже возвратился на «Сераписъ», который въ 3 часа отплылъ далѣе. Утромъ 1-го декабря флотилія достигла Цейлона и бросила якорь у порта Коломбо. Принцъ высадился въ 4 часа и былъ принятъ съ тѣмъ же энтузиазмомъ, какъ и въ Бомбей. Сдѣланнымъ для его встрѣчи приготовленіямъ много придавали своеобразнаго изящества украшенія изъ пальмъ.

Коломбо, считающійся по своимъ размѣрамъ и значенію только третьимъ городомъ острова, представляетъ, согласно отзывамъ очевидцевъ, чрезвычайно красивый видъ: широкія улицы, по бокамъ которыхъ рисуются граціозныя, изящныя виллы съ арками, колоннадами и верандами, отдѣленные другъ отъ друга зеленою садовъ и газоновъ. Что касается населенія, то преобладающимъ элементомъ являются смѣшанныя по-

роды, иногда съ сильно-обозначеннымъ португальскимъ типомъ; въ массѣ попадаются стройныя, гибкія фигуры женщинъ, напоминающія своими маленькими ножками и черными глазами, испанокъ. Но костюмъ туземцевъ безобразенъ: «Идали, разсказываетъ одинъ путешественникъ, вамъ кажется, что приближается элегантная дама съ зонтикомъ, съ шиньономъ, подерживаемыхъ черепаховою гребенкой, на дамѣ темная «tunique» поверхъ полосатой юбки; незнакомка подошла къ вамъ и—оказывается, что это мужчина-пейлонецъ. Нѣкоторые изъ нихъ, сверхъ этого костюма, надѣваютъ еще сюртукъ или черное пальто европейскаго покроя. Предоставляю вамъ судить объ эффектѣ!».

Пріѣздъ принца сопровождался, по обыкновенію, артиллерійскими салютами, представленіями, привѣтственными рѣчами, адресомъ и восторженными кликами. Президентъ муниципальнаго совѣта поднесъ его высочеству шкалуку рѣзной слоновой кости превосходной работы, украшенную драгоцѣнными камнями мѣстныхъ копей и заключающую въ себѣ, кромѣ золотого лезвія кинжала, съ выгравированнымъ на немъ текстомъ адреса, еще образцы главныхъ мѣстныхъ продуктовъ: корицу, кофе, кокосъ, ваниль, перецъ, бешель и нѣкоторыя другія приности. Тотчасъ же по окончаніи церемоніи пріема, принцъ совершилъ въ каретѣ прогулку по улицамъ города и, затѣмъ, возвратился на «Сераписъ». На слѣдующее утро принцъ выѣхалъ изъ Коломбо по желѣзной дорогѣ въ Канди. Этотъ единственный рельсовый путь на островъ, начатый въ 1862 году, открытъ, собственно для торговаго движенія, только въ 1867 г., хотя 1-й поѣздъ по линіи прошелъ еще въ 1864 г., во время посѣщенія острова герцогомъ Брабантскимъ. Древнимъ туземнымъ царямъ Канди было нѣкогда предсказано, что ихъ независимость обезпечена только, пока телѣга не перейдетъ ихъ рѣкъ, не замочивъ своихъ колесъ, и быкъ не перейдетъ ихъ горъ. Мосты и туннели маленькой коломбской линіи осуществили пророчество. Канди расположенъ въ глубинѣ долины, окруженной горами на берегу небольшого озера. 10-ти тысячное населеніе городка принадлежитъ ко всевозможнымъ исповѣданіямъ, это можно видѣть изъ того, что тамъ находится нѣсколько индусскихъ пагодъ, мечетей, 7 протестантскихъ церквей и 1 католическая—и все это живетъ въ добромъ согласіи, подъ «отеческимъ окомъ британскаго правительства». Цейлонъ, впрочемъ, издавна былъ страню вѣротерпимости. Еще въ IV столѣтіи до нашей эры религиозная свобода была здѣсь фактомъ, признаннымъ и освященнымъ законами, на ряду съ свободой торговли и эмиграціи. Близъ озера возвышается дворецъ прежнихъ царей Канди, служачій теперь жилищемъ губернатора. Къ нему пристроены 8-ми угольный павильонъ, на которомъ красуются изображенія солнца, луны и звѣздъ, считавшихся въ прежнія времена эмблемами королевской власти. Изъ этого павильона цари показывались народу. Рядомъ со старыми дворцами расположено храмъ «Далада-Малигава» или «Священнаго Зуба», состоящій, какъ вообще мѣстныя пагоды, изъ прямоугольнаго зданія посреди двора, по бокамъ котораго идутъ кельи. Внутренность центрального святилища вся изукрашена скульптурными работами и позолотой. Противъ этихъ зданій расположена еще пагода «Ната-Девали». Храмъ и дворецъ обнесены двойной стѣной. На другой день пріѣзда принца Уэльскаго, въ честь его происходила процессія «парагерра», (народное цейлонское торжество, отправляемое, обыкновенно, ежегодно въ августѣ, на этотъ разъ—въ день новолунія). «Во главѣ кортежа, пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ, шли музыканты съ флейтами и тамбуринами и знаменосцы, за ними слѣдовало до 40 богатоизукрашенныхъ слоновъ, нѣкоторые изъ нихъ, гигантскихъ размѣровъ, несли на себѣ балдахины на позолоченныхъ колонкахъ; въ интервалахъ шли туземные вожди, въ сопровожденіи людей ихъ свиты, вооруженныхъ алебардами и несшихъ зонтики и вѣера изъ пальмовыхъ листьевъ. По временамъ пробѣгали, при звукахъ тамбуриновъ, танцоры, останавливавшіеся предъ принцемъ, чтобы исполнить какое-нибудь особенно ловкое па, дотронуться лбомъ до земли и, поджавшись, однимъ скачкомъ исчезнуть въ массѣ кортежа. Но всего болѣе выдѣлялись «танцоры дьявола»: эти послѣдніе—увѣшанные бубенчиками и погремушками, украшенные браслетами, выдѣлявали такіе изумительные па и скачки, о которыхъ въ Европѣ не имѣютъ никакого понятія. Слоны, проходя мимо принца, опускались на колѣна, за что получали изъ рукъ царственнаго гостя куски сахара».

Затѣмъ, какъ извѣстно, принцъ Уэльскій посѣтилъ Мадрасъ. Этотъ разбросанный въ садахъ городъ, представляетъ какъ-бы лѣвую область связанныхъ между собой парками и рощами городовъ и деревень. Онъ рѣзко отличается отъ столицы Британской Индіи, «города дворцовъ»—Калькутты. Пребываніе царственнаго путешественника въ этомъ послѣднемъ ознаменовалось торжественною церемоніей раздачи туземнымъ раджамъ ордена «индійской звѣзды», высоко цѣнимаго туземцами. Прорѣхавъ, далѣе, въ Аэру, Дели, гдѣ происходилъ смотръ войскамъ, Аллагабадъ, Непаль, принцъ около половины марта возвратился въ Бомбей, и 11-го мая уже былъ въ Портсмутѣ.

ВЪ ДОМЪ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

ПОВѢСТЬ

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобретено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

XXVI.

Никто изъ старожиловъ въ резиденціи не запомнитъ такого всеобщаго волненія, какое было вызвано теперь въ городѣ взрывомъ въ башнѣ и гибелью двухъ чело- вѣкъ—мельника Франца и хозяина виллы, коммерціи совѣтника ф. Рэмера.

Со времени взрыва прошло два дня, и въ эти двое сутокъ скорбныя чувства и сожалѣнія о погибшемъ „богатымъ чело-вѣкѣ“ уступили мѣсто другимъ: въ городѣ начали распроостраняться неопредѣленные, зловѣщія слухи, встревожившіе особенно дѣловыхъ людей и реме-сленниковъ, такъ какъ въ ихъ счетныхъ книгахъ зна- чились за погибшимъ милліонеромъ большія суммы, у иного десятки тысячъ талеровъ. Всѣ новыя постройки и другія работы, имѣвшія цѣлью украсить старое помѣстье Баумгартеновъ, коммерціи совѣтнику передалъ подрядчикамъ, по счетамъ которыхъ онъ успѣлъ уплатить только незначительную часть денегъ... И вотъ, къ мнѣнію, высказанному такъ беспощадно инженеромъ, при первомъ взглядѣ на картину страшнаго разрушенія, примкнули теперь и другіе компетентные люди: эта мысль переходила изъ устъ въ уста, и довѣрчивые подрядчики и рабочіе по неволѣ должны были задать себѣ вопросъ: „какъ и зачѣмъ попалъ динамитъ въ винный погребъ коммерціи совѣтника ф. Рэмера, и именно въ башню, гдѣ хранились всѣ его документы и дѣловыя книги?“... Отвѣта на этотъ вопросъ пришлось не долго ждать. Въ конфиденціальныхъ письмахъ изъ Берлина сообщалось о громадныхъ потеряхъ, которыя долженъ былъ потерпѣть коммерціи совѣтникъ (о его страшной смерти въ Берлинѣ еще не знали) при конкурсахъ, быстро слѣдовавшихъ теперь одинъ за другимъ. Никто изъ ближнихъ людей „богатаго чело-вѣка“ не зналъ о положеніи его дѣлъ, даже секретарь его, бывшій бухгалтеръ прядильни, не имѣлъ понятія о биржевой игрѣ Рэмера. Милліонеръ обладалъ счастли-вою способностью скрывать за непроницаемымъ, блестящимъ облакомъ золотой пыли оборотную сторону своей медали. Такимъ образомъ, ему, можетъ быть, и посчастливилось бы, не смотря на извѣстіе о громадныхъ его убыткахъ, остаться въ глазахъ людей несчастной жертвой своего пристрастія къ историче-ской рѣдкости—пороху въ погребѣ руины, если бы онъ не ошибся въ дозѣ новаго взрывчататаго вещества... Это-то и была та „дыра въ одной изъ декорацій, че-резъ которую можно добраться до истины“, какъ вырази-лась Флора.

Въ то время, какъ въ городѣ готовилась новая, не-избѣжная катастрофа, на виллѣ тоже дѣла принимали печальный оборотъ. Въ первый день послѣ взрыва въ башнѣ, всѣ друзья Рэмеровскаго дома явились навѣ-стить обитательницъ его, но уже на второй день ни въ партерѣ, ни въ бѣль-этажѣ не было ни одного го-стя. Г-жа президентша еще не подозрѣвала, что за страшною катастрофой долженъ послѣдовать еще вто-рой тяжкій ударъ; всѣ ея чувства и мысли сосредото-чивались пока только на одномъ вопросѣ: что осталось отъ безвозвратно погибшаго богатства и кому достанет-ся то, что уцѣлѣло? Чувство эгоизма, свойственное осо-бамъ преклонныхъ лѣтъ, заставило позабыть ее и ду-мать о несчастномъ Рэмерѣ. Вообще эгоизмъ бабушки и старшей внучки никогда еще проявлялся такъ рѣзко, въ такомъ непривлекательномъ видѣ, какъ въ эти дни несчастья.

Послѣ объясненія съ докторомъ Флора въ короткихъ словахъ объявила президентшѣ о разрывѣ своемъ съ Брукомъ, не объяснивъ даже причины, почему они разошлись, впрочемъ, почтенная дама и не поинтересо- валась узнать въ чемъ дѣло—она только разсѣянно по- глядѣла на внучку и потомъ пожала плечами. Какой ничтожной казалась ей эта переменъна въ судьбѣ Флоры рядомъ съ ея трагическимъ положеніемъ, черной ту- чей, грозившей лишить ее, высокопоставленную, изба- лованную старуху, княжеской роскоши и ввергнуть въ пучину всяческихъ матерьяльныхъ лишеній... Сообщивъ бабушкѣ о разрывѣ съ женихомъ, Флора удалилась въ свою комнату, подъ предлогомъ сильнаго нездоровья; она не выходила къ гостямъ и цѣлый день занималась уборкой и укладкой своихъ вещей.

Въ подвалѣ, гдѣ помѣщались лакеи и прочая при- слуга, царствовала въ этотъ день (назначенный для свадьбы Флоры) страшная сумятица. Слухи, ходившіе по городу, проникли и сюда; они казались настолько правдоподобными, что уже въ первое утро послѣ взры- ва нѣкоторые изъ лакеевъ рѣшились робко намекнуть, что „дѣло это, вѣрно, не совсемъ чисто, что-де не- счастье случилось не спроста“. Теперь каждую мину- ту ожидали пріѣзда на виллу членовъ суда, каждый служащій собиралъ свое добро и готовился уходить; нѣкоторые мимоходомъ опустошали отпертую кладовую, гдѣ на длинныхъ столахъ помѣщались пирожное, тор- ты и вина, приготовленные для дѣвичника.

Прислуга первая дала почувствовать г-жѣ прези- дентшѣ Урахъ, что ея *царствіе* на виллѣ Баум- гартенъ считается оконченнымъ. Прежде, бывало, ла- кеи являлись по первому звонку, а теперь почтенной дамѣ приходилось звонить по нѣскольکو разъ и даже кликать прислугу; она слышала, какъ ея собачка, ко- торую челядь, бывало, ласкала и баловала, теперь извизи- гивала подъ неловкими ногами суетившихся людей; глаза, опускавшіеся прежде почтительно передъ ея взглядомъ, теперь нагло, развязно поглядывали на это строгое лицо.

Однако, прислуга держала себя по прежнему съ тѣ- ми, которые находились теперь въ бѣль-этажѣ. Генри- этта была добра и снисходительна къ ней; простые люди глядѣли на это слабенъкое существо, какъ на младенца, обреченнаго смерти; въ присутствіи большой привычки ходить на ципочкахъ и говорить въ полго- лоса, а сегодня эти предосторожности соблюдались даже вдвое строже, такъ какъ „г. гофратъ“ сказалъ, что по- ложеніе фрейлейнъ Генриэтты опасно.

Дѣйствительно, Генриэтта сильно измѣнилась, только чудные голубые глаза ея оставались все тѣ же; она безропотно выносила страданія и покорялась своей судьбѣ, вполне сознавая, что должна умереть... Ей не придется бѣжать изъ роднаго дома и искать убѣжища на замковой мельницѣ, какъ говорила Флора. Она успокоится раньше всѣхъ, она не увидитъ, какъ равнове- ритъ по вѣтру все богатство ея зятя на удовлетворе- ніе кредиторомъ и не узнаетъ, какимъ тяжкимъ пре- ступленіемъ заклеямена память этого чело-вѣка... А то, что она такъ горячо всегда желала—все-таки исполни- лось: она умретъ на рукахъ *своего* врача... Брукъ ска- залъ ей, что останется здѣсь, не уѣдетъ въ Л—гъ, по- ка ей не будетъ лучше. Теперь она чувствовала себя такой же счастливою, какъ и въ домѣ тетушки-діако- ницы: докторъ Брукъ ухаживалъ за ней, а Кэта помо-

гала ему—этихъ двоихъ она любила больше всего на свѣтѣ.

Кэти быстро поправлялась. На второй день послѣ обѣда она встала съ постели. Если бы не узкая повязка вокругъ головы и не распущенныя косы, то никому и въ голову не пришло бы, что страшный подземный ударъ далеко отбросилъ эту стройную дѣвушку, что она погибла бы, залитая водою, если бы ее

номъ несчастия... Она робко намекнула объ этомъ доктору Бруку—и онъ не могъ дать ей отрицательнаго отвѣта. Докторъ былъ сдержанъ и молчаливъ, какъ всегда. Этого требовало положеніе Генріетты, но въ этой сдержанности было что-то особенно торжественное, и эта торжественность перешла, кажется, и къ тетушкѣ-діаконицѣ.

Подъ вечеръ перваго дня, послѣ разговора съ док-

Плащеносная ящерица или Лигуанъ. Рисов. А. П. Увехъ, гравир. Маррионъ.

не отыскалъ любящій человѣкъ! Во всѣхъ ея движеніяхъ проявлялись по прежнему сила и энергія, ея обычная сдержанность и самообладаніе возвратились къ ней, хотя на душѣ у нея было далеко не спокойно... Она глубоко грустила при видѣ умирающей сестры, тяжелое впечатлѣніе оставила въ ней трагическая кончина Рэмера и, кромѣ того, ее преслѣдовала страшная мысль, что зять, опекунъ ея, не былъ неповиненъ въ ужас-

номъ въ комнатѣ, смежной съ спальней Генріетты, старушка вышла оттуда съ заплаканнымъ, но сияющимъ лицомъ и, попрощавшись, ушла домой. Ей нужно было распорядиться отправить кровати и мебель въ городскую квартиру доктора, куда она намѣревалась переселиться съ своей пріятельницей на время, необходимое для поправки докторскаго домика. Она не проронила ни слова о томъ, что творилось у нея на

Путешествие Принца Уэльского. Охота на ланей, съ прирученными пантерами.

душъ... По временамъ старушка заходила на виллу на нѣсколько минутъ, чтобы навѣстить Генриэтту, причемъ явно старалась избѣгать встрѣчи съ Флорой.

Прекрасная невѣста всего только разъ появилась въ баль-этажѣ, чтобы провѣдать тяжело больную сестру, и какъ нарочно—въ то время, когда докторъ Брукъ отправился къ фюрсту, присылавшему за нимъ. Проходя мимо постели Кэты, она даже не взглянула на молодую дѣвушку, которая приподнялась было, чтобы поздороваться съ ней. Странно, обидно было такое пренебреженіе! А тутъ еще Нанни сообщила, двусмысленно посмѣиваясь, что барышня уже готовится къ отъѣзду, хлопочетъ тамъ, внизу...

Тяжело было на душѣ у Кэты; она ничего не понимала, что-то загадочное овладѣло ею, и ей было даже страшно оставаться здѣсь—такъ все измѣнилось послѣ той ужасной катастрофы.

Въ теченіе дня на верхъ приходила нѣсколько разъ и президентша съ разстроеннымъ лицомъ, въ черномъ креновомъ чепчикѣ. Хладнокровіе и гордое спокойствіе совершенно ей измѣнили, хотя она и утверждала, что именно въ несчастія эти качества и должны проявляться самымъ блестящимъ образомъ... Почтенная дама могла теперь только плакать и ломать руки... Изнуренная Генриэтта радостно вздыхала, когда шлейфъ черного шерстяного платья бабушки исчезалъ за дверью.

Утромъ, на третій день послѣ взрыва въ башнѣ, дверь краснаго кабинета распахнулась и на порогѣ появилась президентша съ газетой въ рукахъ. Въ это время Флора изготавляла ярлычки для своихъ вещей; она встала и, догадываясь въ чемъ дѣло, пошла на встрѣчу бабушкѣ, которая успѣла уже опуститься въ кресло.

— Мои... мои четыре тысячи талеровъ! простонала старуха. О, Флора! Меня обманули... Мошенники лишили меня состоянія, моего маленькаго наслѣдства, оставленнаго мнѣ дѣдушкой... Четыре тысячи талеровъ, которыя я берегла, какъ зеницу ока...

— Ахъ, бабушка, не искажай истины!.. Ужь скажи лучше: мои четыре тысячи талеровъ, которыми я слишкомъ легкомысленно спекулировала! перебила ее неумолимая Флора, желая сдѣлать упрекъ. Помнишь, какъ я тебя предостерегала?.. Тогда надо мною смѣялись, зачѣмъ это я не пускаю въ оборотъ свои вѣрныя, гарантированныя государственныя бумаги? А что, развѣ предпріятіе, въ которое ты вложила свои деньги, лопнуло?..

— Еще какъ!.. Мошенники! Вотъ, читай!.. Я думаю, у меня и пятидесяти талеровъ не останется! воскликнула президентша и закрыла лицо руками. Вотъ только чего не понимаю я: въ газетѣ ссылаются на прежнее заявленіе: о банкротствѣ было объявлено уже дня четыре тому назадъ—и Морицъ ничего объ этомъ не знаетъ... Непостижимо!..

— Можетъ быть, объ этомъ было объявлено въ биржевомъ листкѣ, котораго ты не получила... Помнишь?..

— А-а, такъ ты полагаешь, что нашъ бѣдный Морицъ хотѣлъ избавить меня отъ тревоги въ день свадебнаго праздника и самъ спряталъ этотъ листокъ?.. Да, дѣйствительно, это могло быть такъ!.. Но онъ заплатилъ бы мнѣ эту сумму, я знаю это... Вѣдь онъ самъ уговаривалъ меня пустить деньги въ оборотъ... Боже мой, эта мысль, кажется, внушена мнѣ свыше!.. Если будетъ нужно—я могу присягнуть, что Морицъ уговорилъ меня вложить мои деньги въ то предпріятіе... Но могу ли я, опираясь на это, потребовать вознагражденія за понесенные мною убытки, т. е. чтобы мнѣ выдали эту сумму изъ наслѣдства Морица...

Флора бросила газету на столъ. Эта, всегда неумолимая, безошадно-откровенная особа, въ настоящую минуту не знала, какъ приступить къ объясненію, какъ разрушить иллюзіи бабушки... До сихъ поръ она мол-

чала въ надеждѣ, что кто нибудь изъ добрыхъ друзей приметъ на себя трудъ разъяснить старухѣ—въ чемъ дѣло, но добрые друзья и глазъ не показывали, совсѣмъ забыли о виллѣ, а потому самой внучкѣ пришлось побесѣдовать объ этомъ съ бабушкой... Да Флора и не можетъ допустить, что бы бабушка ея осрамилась передъ цѣлымъ свѣтомъ, обнаруживъ свою доврчивость и непониманіе дѣла.

— Послушай, заговорила Флора, понизивъ голосъ и взявъ руку старухи,—вѣдь еще неизвѣстно, какъ велико это наслѣдство...

— О, милочка, оглянись, посмотри въ окно.. Довольно этого, чтобы сообразить, что и за вычетомъ моихъ четырехъ тысячъ талеровъ здѣсь останется еще много, очень много... Положимъ, громадный оборотный капиталъ Морица пропалъ безвозвратно, такъ какъ всѣ дѣловыя книги и документы уничтожены, но недвижимое имущество и другія цѣнности, оставшіяся послѣ него—развѣ это не состояніе, которое можно смѣло назвать огромнымъ, блестящимъ?.. (При этихъ словахъ ея груди вырвался тяжелый, болѣзненный вздохъ). Какъ бы я благодарила Бога, если бы имѣла неоспоримое право на это наслѣдство!..

Флора пожалала плечами.

— Ну, даже и въ такомъ случаѣ это еще вопросъ: вступила ли бы ты во владѣніе...

Президентша вскочила

— Съ ума ты сошла, Флора!.. Какъ ни слабы мои ноги, но я готова избѣгать цѣлыя мили, голодать, не спать по ночамъ, если только этимъ могла бы добыть себѣ право па наслѣдство... Могла ли я ожидать, что судьба такъ жестоко, такъ дьявольски насмѣется надо мной? Я... привыкшая жить въ аристократической обстановкѣ, должна покинуть этотъ домъ, который мнѣ одной обязанъ своимъ блескомъ?!, И неужели другая будетъ здѣсь хозяйничать?.. Какая нибудь штопальница бѣлая... простая баба?..

— Тебѣ, бабушка, нечего волноваться изъ-за этого... Старуха, тетка Морица, не получить наслѣдства также какъ и ты...

— Да? Значитъ есть и другіе наслѣдники?

— Ну, конечно... кредиторы.

Президентша пошатнулась, вскрикнула и рухнула въ кресло.

— Ахъ, потише, пожалуйста!.. Прошу тебя, не дѣлай скандала... пробормотала Флора. Внизу, въ подвалѣ прислуга, которая знаетъ все это лучше меня... Наши люди собираются покинуть этотъ домъ, какъ крысы покидаютъ тонущій корабль. Я не могу и не должна скрывать отъ тебя истины... Намъ нужно быть наготовѣ, если мы, одураченныя, не желаемъ стать посмѣшищемъ въ глазахъ людей. (Она проворно поправила чепчикъ на головѣ почтенной дамы и привела въ порядокъ ея сѣдые локоны). Въ такомъ видѣ никто не долженъ тебя видѣть, бабушка, замѣтила Флора строгимъ тономъ Мы должны какъ можно скорѣе, съ надлежащимъ достоинствомъ, выпутаться изъ этого дѣла.. Оно слишкомъ пошло и гадко!.. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что взрывъ въ башнѣ—дѣло Морица... Въ порывѣ ли отчаянія совершилъ онъ это, или по просту—смотенничалъ, но только это вѣрно...

— Негодяй!.. Подлый обманщикъ! вскричала президентша и забѣгала въ волненіи по комнатѣ.

Флора указала на окно съ разбитыми стеклами, не загороженное ширмочками.

— Не забывай, бабушка, что тебя могутъ слышать! Съ самаго утра около дома шныряютъ разные подрядчики и коммерсанты... Говорятъ, что весь городъ сильно встревоженъ. Все, что въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ потреблялось въ нашемъ большомъ хозяйствѣ, бралось въ кредитъ. Мясникъ, напимѣръ, имѣлъ дерзость пробраться сюда и требовать, чтобы тебя разбудили, такъ

какъ ему необходимо переговорить съ тобой. Конечно, онъ хочетъ попытаться получить, какъ отъ хозяйки дома, свои шестьсотъ талеровъ. Этотъ мужикъ имѣлъ даже наглость сказать моей горничной, что и дамы коммершіи совѣтника тоже, вѣдь, купали мясо, какъ и онъ!..

— О, Боже, въ какую яму бросилъ насъ этотъ жалкій негодяй! завопила президентша, задыхаясь отъ злости и негодованія, однако, сейчасъ же отошла отъ окна.— Господи! Какое ужасное положеніе! Что намъ теперь дѣлать? спрашивала она, ломая руки.

— А вотъ что: прежде всего укладывать то, что, намъ принадлежитъ по праву, а потомъ уѣхать отсюда, если мы не желаемъ, чтобы и наша собственность была опечатана; въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы долго ждать, пока намъ возвратятъ наше добро!.. Я намѣрена пойти теперь на верхъ и... (она извѣтельно засмѣялась) уложить въ ящики свое приданое. Потомъ, вмѣстѣ съ прислугой, примусь за составленіе описи всего имущества бывшаго хозяина, и если ты не хочешь самолично вручить судебному приставу...

— О, нѣтъ, ни за что!

— Ну, тогда это можетъ сдѣлать экономка... Что-жъ, мы имѣемъ полное право сказатьсь больными!..

Проговоривъ эти слова, Флора достала изъ письменнаго стола ключъ отъ комнаты, гдѣ было выставлено ея приданое, а президентша, все еще ломая въ отчаяніи руки, побѣжала къ себѣ, чтобы спасти свои вещи отъ опечатанія.

XXVII.

Легкій утренній вѣтерокъ игралъ, колыхая верхушки деревьевъ въ паркѣ, и по временамъ влеталъ въ настѣжъ отворенное окно, наполняя комнату больной ароматомъ резеды и левкоевъ. Генріэтта спала; ея постель, волосы и блѣдныя ручки были усыпаны мелкими листочками дикаго винограда... Эту зелень она просила нарвать и принести ей, „какъ послѣдній привѣтъ лѣта, которое тоже приготовлялось въ дальній путь...“

Кѣта сидѣла у постели и охраняла сонъ сестры. Въ комнатѣ царствовала такая глубокая тишина, что можно было явственно слышать медленное, слабое дыханіе больной. Докторъ Брукъ долженъ былъ оставить на полчаса свою пациентку; фюрстъ непремѣнно желалъ ежедневно видѣть своего врача, такъ быстро вылечившаго его. Брукъ оставлялъ больную только тогда, когда она засыпала.

Горничная помѣстилась съ шитьемъ своимъ за занавѣской у кровати, чтобы, въ случаѣ надобности, быть тутъ подъ рукой; она по временамъ украдкой поглядывала на молодую дѣвушку, неподвижно сидѣвшую въ креслѣ, и дивилась спокойствію молодой особы, потерявшей на дняхъ пол-милліона!.. Гм! Такая молодая и ужъ такая степенная... Такая цвѣтушая, здоровая и такъ равнодушна къ свѣту и богатству!.. размышляла Нанни... Вонъ та-то красавица, что укладываетъ теперь свое приданое, гораздо умнѣе... Она прежде всего заботится о своемъ добрѣ... Н-да!.. Она гоняетъ свою горничную и туда, и сюда... Носовой платокъ—и тотъ ей подай!.. Невѣста не хочетъ ничего оставить тутъ... Да такъ она всегда поступала, а потому одна въ семьѣ и осталась теперь богатой, никакихъ убытковъ не потерпѣла!.. Пресчастливая она, право!.. Размышленія Нанни были прерваны сильнымъ шумомъ въ комнатѣ, гдѣ лежало приданое. Генріэтта вздрогнула.

— Это наша барышня-невѣста укладываетъ тамъ свои вещи, сказала Нанни притворно равнодушнымъ тономъ, когда Кѣта въ испугѣ вскочила и протянула свои руки къ больной.

Между спальней Генріэтты и той комнатой, гдѣ шумѣли, находилась гостиная; вѣроятно, Флора не стѣснялась стучать ящиками, надѣясь, что больная не услышитъ этого шума. Кѣта встала и, заперши за собою дверь гостиной, пошла прямо къ Флорѣ.

Флора вскрикнула (неизвѣстно, отъ неожиданности или отъ досады), когда увидала на порогѣ высокую, блѣлую фигуру сестры. Кѣта попросила ее не шумѣть и не тревожить больную.

— Весьма сожалѣю, что такъ случилось, но я полагаю, что тамъ шума не будетъ слышно... Хорошо-съ, мы будемъ осторожны, отрывисто прибавила Флора съ видимымъ раздраженіемъ. Злая улыбка слегка скривила ея губы.—Ты бродишь такими неслышными шагами подому, что можно подумать, что это прародительница Баумгартеновъ переселилась сюда, такъ какъ ея родовой замокъ разрушенъ... Да, несчастье слѣдуетъ за тобой по пятамъ, твое появленіе пророчитъ бѣду—и благочестивый христіанинъ долженъ отречься отъ тебя!..

Флора движеніемъ руки велѣла горничной удалиться.

— Стой! крикнула она, когда и Кѣта хотѣла молча уйти. Если въ тебѣ есть хоть искра женской чести—ты должна теперь отвѣчать мнѣ!

Кѣта холодно оттолкнула руку, державшую ее за платье, и отошла отъ двери.

— Я къ твоимъ услугамъ, сказала она спокойно и устремила свои серьезные глаза на гнѣвное, искаженное лицо сестры.—Только прошу тебя, не говори слишкомъ громко, чтобы Генріэтта не услышала...

Флора схватила Кѣту за руку и увлекла ее къ окну.

— Сюда!.. Дай на тебя посмотреть... Я хочу знать, какъ ты глядишь... послѣ поцѣлуя мужчины...

Молодая дѣвушка отвернулась отъ наглого взгляда сестры; слишкомъ развязная фраза этой послѣдней звала на ея лицѣ яркую краску стыда.

— Тебѣ, какъ старшей сестрѣ, не слѣдовало-бы говорить такія вещи...

— Ахъ, сватая ты невинность!.. Ну, а я тебѣ скажу вотъ что: какъ младшая сестра, ты не должна была поднимать глазъ на человѣка, обрученнаго съ старшей сестрой!..

Кѣта стояла, словно громомъ пораженная. Какъ проникли въ тайникъ ея сердца и узнали ея тайну, которую она всеми силами старалась скрыть? Она чувствовала, что блѣднѣетъ... Она знала, что въ эту минуту она стоитъ передъ Флорой, какъ виновная, пойманная на мѣстѣ преступленія, и, все-таки не промолвила ни слова.

— Вотъ, она—нечистая-то совѣсть! Ты—олицетвореніе такой совѣсти, засмѣялась Флора и дотронулась пальцемъ до груди дѣвушки.—Ну, что—а?.. То-то и есть, сокровище ты мое: какъ не хитри, а старшую сестру не проведешь!.. Старшая сестра насквозь видитъ подобную „невинную“, дѣвственную душу... Она зорко прослѣдила за малѣйшими проявленіями *этого чувства* съ того самаго момента, когда были брошены въ комнату мужчины цвѣточки... съ наивнымъ желаніемъ обратить на себя вниманіе...

При этихъ словахъ Кѣта встрепенулась и невольно всплеснула руками... Въ головѣ ея мелькнуло:

— Неужели за такой маленюкй прѣмахъ она заслуживаетъ такого гадкаго упрека?..

Справедливый гнѣвъ закипѣлъ въ ея душѣ.

— Послушай... Я вѣдь сама сердилась на себя за этотъ прѣмахъ, проговорила молодая дѣвушка, гордо выпрямляя свой станъ... Но кто-бы тебѣ ни передавалъ объ этомъ...

— Кто-бы!.. Да онъ самъ сообщилъ мнѣ, крошечка ты моя...

— Въ такомъ случаѣ, ты сама придала не тотъ смыслъ... смыслъ ложный этому ничтожному факту.

— Ахъ, милочка, успокойся, охладись немножко... Полно! Пора опомниться... Долго сдерживаемая страсть горитъ въ твоихъ глазахъ! воскликнула Флора съ холодной усмѣшкой, нетерпѣливо топая каблучкомъ... Позвольте-съ, сударыня, значить—лгу я, а не *онъ*, захотѣвшій хвастнуть своей побѣдой?..

(Продолженіе будетъ).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

18-го мая совершился въ столицѣ халифовъ переворотъ, вслѣдствіе котораго султанъ Абдуль-Азисъ-Ханъ, сынъ султана Махмуда, низверженъ съ престола халифовъ и турецкихъ падишаховъ, и сегодня уже провозглашенъ падишахомъ и султаномъ Султанъ Махмедъ-Мурадъ-Ханъ. Ему нѣтъ еще 36-ти лѣтъ. Султанъ Мурадъ родился 21-го сентября 1840 г., онъ старшій сынъ покойнаго султана Абдуль-Меджида (умершаго 25-го іюня 1861 года).

По мусульманскому закону, который уже пять сотъ лѣтъ строго выполняется въ Турецкой имперіи, престолонаслѣдіе династіи Османовъ переходитъ, по праву старшинства, не отъ отца къ сыну, а къ старшему въ родѣ, который и дѣлается законнымъ падишахомъ османской имперіи. Цѣль такого закона очевидна: законодатель безъ сомнѣнія хотѣлъ этимъ предупредить бѣдствія, часто бывающія при несовершеннолѣтій наслѣдника престола,—опасности регентства, и проч. До сихъ норъ, какъ извѣстно, ни одинъ султанъ не касался этого основного закона и никто не осмѣливался его нарушить, хотя довольно часто бывали случаи, когда султаны желали измѣнить этотъ порядокъ вещей на европейскій ладъ и передать престолъ сыну.

Чтобы обойти такой законъ, весьма нѣрѣдко молодые султаны, по восшествіи своемъ на престолъ халифовъ, совершали даже братоубійства, которыя, со временъ Махмеда II (1444—1481) сдѣлались какъ бы обычными въ династіи Османовъ.

Въ силу именно этого закона, вступилъ на османскій престолъ, послѣ смерти султана Абдуль-Меджида, 1861 г., его братъ Абдуль-Азисъ, между тѣмъ какъ остальные семь братьевъ совершенно удалились отъ дѣлъ въ частную жизнь. У Абдуль-Азиса четверо сыновей. Самый старшій—Султанъ-Юсуфъ-Изеддинъ-Эффенди—родился только 9-го октября 1857 года. Онъ не могъ вступить на престолъ, пока живы пятеро его дядей, именно: Султанъ-Абдуль-Мехмедъ-Мурадъ (род. 1840 г.), Абдуль-Хамидъ (род. 1842 г.), Мехмедъ-Решадъ (род. 1844 г.), Ахмедъ-Кемаль-Эддинъ (род. 1847 г.), Махмедъ-Буранъ-Эддинъ (род. 1849 г.), и Нуръ-Эддинъ (род. 1851 г.). Только послѣ смерти ихъ всѣхъ наступила бы очередь старшаго сына Абдуль-Азиса, Юсуфа-Изеддинъ-Эффенди, имѣющаго уже званіе мушира (маршала).

Такимъ образомъ, законнымъ наслѣдникомъ былъ настоящій султанъ—Мехмедъ-Мурадъ-Ханъ V-й.

Совершившимся государственнымъ переворотомъ окончилось первое дѣйствіе разыгрываемой софійными революціонной драмы. День этотъ имѣетъ, однако, еще болѣе важное историческое значеніе, какъ годовщина завоеванія турками столицы византийской имперіи. Ровно четыреста одинъ годъ тому назадъ, 18-го мая 1475 года, свирѣпый султанъ Мохамедъ II штурмомъ взялъ Константинополь и вступилъ въ этотъ городъ, перешагнувъ черезъ трупъ послѣдняго византийскаго императора Константина. За нимъ, въ Европу ворвалась орда азіатскихъ варваровъ, заклятыхъ враговъ цивилизаціи и христіанства.

Съ 18-го мая старая Турція перестала существовать. Возрожденіе Турціи на новыхъ началахъ становится теперь необходимымъ. Конституціонная османская имперія должна отнынѣ доказать, имѣетъ ли она право на существованіе, кроются ли въ ней жизненныя силы, которыя были подавлены лишь прежнимъ диспотизмомъ, а нынѣ могли бы развиваться съ установленіемъ свободы. Если Турція не представитъ несомнѣнныхъ доказательствъ своей жизненности, то она должна будетъ сойти со сцены Европы, несмотря на всю эту, разыгранную при столь торжественной обстановкѣ, парламентскую комедію, и начало новой эры будетъ не только концомъ стараго строя, но окончаніемъ, вообще, мусульманскаго господства въ Европѣ.

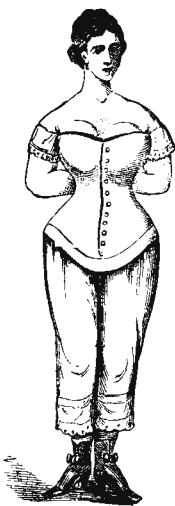
ЗАЯВЛЕНІЕ.

Картину «Спящая красавица», назначенную въ бесплатную премію подписчикамъ «Нивы» 1876 г.,—въ Новочеркасскѣ можно видѣть въ Донскомъ книжномъ магазинѣ И. Б. Засипкина, а не въ магазинѣ Г. Дожикова.

СОДЕРЖАНІЕ. Осипъ Афанасьевичъ Петровъ, заслуженный артистъ русской оперы (съ портретомъ). А. А.—Видъ города Бѣлграда (съ рисункомъ). Городъ Торжокъ (съ рисункомъ) И. Красницкаго.—Отъ пирамидъ до Сень-Готардскаго туннеля. Взглядъ на прошедшее и на будущее нѣжнѣхъ наукъ.—Запрещенные плоды (съ рисункомъ). Пещерная женщина, игуана или легуанъ (съ рисункомъ)—Принцъ Уэльсъ въ Индіи (окончаніе) (съ рисункомъ)—Въ домѣ коммерціи совѣтъ.—Повѣсть Э. Марлитта (продолженіе).—Политическое обозрѣніе.—Заявленіе.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КОРСЕТЫ, ПОЯСА и ВАНДАЖИ,

одобреніе С.-Петербургскими врачами.

Корсетъ, сохраняющій здоровье и исправляющій самую испорченную талію. Бандажи и корсеты для беременныхъ. Пояса для подвижной почки. Пояса послѣ родовъ. Пояса для пупочной грыжи. Бандажи для пупочной грыжи. Бандажи для паховыхъ и другихъ грыжей. Корсеты дѣтскіе съ высокой спинкой. Бинтъ для согрѣвающихъ компрессовъ. Обыкновенные корсеты отъ 6 руб. до 15 руб.

По Гороховой улицѣ, между Садовой и Каменнымъ мостомъ, д. № 28. Магазинъ хирургическихъ инструментовъ К. Гербера.

НАСТОЯЩІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ КАЛЬБО.

Л. КАСТИЛЬОНЪ,

КОММИСИОНЕРЪ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА.

Петербургъ.—На углу Вольной Морской, и Невского просп., д. Елизѣва. Москва.—Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова, № 68.

Всякая настоящая машина Кальбо или Кастильона имѣетъ торговый знакъ съ русскими государственнымъ гербомъ, и съ надписями вокругъ: «Леонъ Кастильонъ, коммисіонеръ военнаго министерства».

Молоко рисовыхъ цвѣтовъ.

Рисовое молоко принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ средствамъ, которыя имѣютъ весьма благотворное дѣйствіе на кожу; оно придаетъ ей бѣлизну и нѣжность, уничтожаетъ загаръ, предохраняетъ отъ веснушекъ и способствуетъ ихъ уничтоженію.

Цѣна за флаконъ 1 руб., почтовая пересылка 75 коп. во всѣ города.

Магазинъ А. Рузанова, Гостинный Дворъ, № 40, С.-Петербургъ.

2—1

МАГАЗИНЪ ИЗЯЩНЫХЪ РУКОДѢЛІЙ и МОДНЫХЪ БАССОННЫХЪ ОТДѢЛОКЪ А. А. БЕТЦЪ.

Перинная линія № 20, въ Гостинномъ дворѣ въ С.П.Б., существуетъ съ 1853 г. Получены въ большомъ выборѣ бумажные тканые чулки и носки.

обыкновен. данны		выше колѣнъ.	
1 дюж. бѣлыхъ или небѣлыхыхъ дамск. №№ 8 1/2, 9, 9 1/2, 10	отъ 6 р.	до 11 р.	отъ 8 р.
1 дюж. пестрыхъ или полосатыхъ дамск. новѣйшихъ узоровъ.	—	—	отъ 12 р.
1 дюж бѣлыхъ, гладкихъ или рубчатыхъ дѣтскихъ № 1 и 2.	отъ 4 р.	20 до 6 р. 60.	отъ 4 р. 80 до 7 р. 20.
1 дюж. пестрыхъ или полоскати № 1 и 2.	отъ 4 р.	80 до 7 р. 20.	отъ 5 р. 40 до 8 р. 40.
№ 3 4 5 6 7	дороже на 60 60 + 60 + 60.		
1 дюж. бѣлыхъ и пестрыхъ дѣтскихъ носокъ	отъ 3 р.	60 к.	до 6 руб.
» бумажныхъ, небѣлыхыхъ, вилдекоксъ и пестрыхъ мужск	отъ 4 р.	80 до 9 р.	
Лѣтнія цвѣтныя флискексъ и шелковыя перчатки	отъ 25 к.	до 1 р.	50 к.
Роскошные легкіе платки изъ черной, бѣлой, сѣрой матеръ шерсти	даже отъ 2 р.	до 5 руб.	

Заказы отсылаются съ первой отходящей почтой, исполняютъ со строгою аккуратностію и ручаются за добротачественность товара. Всѣ товары получаютъ изъ заграницы, прямо съ фабрикъ. Гг. иногороднымъ по требованію высылаютъ подробный Прейсъ-Курантъ. № 27.

ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА:

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ЧАСОВАГО МАСТЕРСТВА

СОСТАВЛЕННОЕ ЧАСОВ. Д. МАСТРОМЪ И. М. ГУСЕВЫМЪ.

Съ 70-ю гравированными рисунками.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ 1870 ГОДА

ЦѢНА 1 Р. 60 К.

Книга эта будетъ полезна не только желающимъ изучить часовое мастерство, но и для всякаго любознательнаго человѣка; въ ней объясняются способы: обращаться съ часами при повѣркѣ, прибавленіе и убавленіе хода, повѣрка часовъ по солнцу; устройству солнечныхъ часовъ и электромагнитныхъ, вычисленіе относительной равенности мѣстностей по времени; составленія приповерхъ и папіе, каленіе стали, шлифованіе и полированіе металловъ, окрашиваніе мѣди, золоченіе и серебреніе. По этому книгѣ можетъ быть полезна вообще для начальнаго механическаго обученія, а также для слесарей, паяльщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ особенности же для провинцальскихъ мастеровъ въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ для ремесленника вовсе нѣтъ средства для пріобрѣтенія научныхъ познаній. Продается: въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ часовомъ магазинѣ И. М. Гусева, въ Москвѣ, въ редакціи «Ремесленной Газеты» и у всѣхъ книгопродавцевъ.—Пересылка бесплатно. № 30.

100 рублей 2 тома рисунковъ Gavagni въ переплетахъ. За-райскъ Ряз. губ. с. Щекотова, у почт. гражд. Сергія Александровича Кондратьева.

3—1

EAU ET POUDE REPARAËL.

Вода Рафаэль совершенно уничтожаетъ загаръ, веснушки, прыщи, морщины и жѣлтизну. Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 2 р. Пудра Рафаэль не сунитъ кожу, плотно прилегаетъ, не замѣтна на лицѣ при дневномъ свѣтѣ, уничтожаетъ жаръ и красноту. Ц. 75 к. съ перес. 2 р.). Получены: у Рузанова, Саблукова, Ушакова, Гост. дв. въ С.П.Б. и на всемірной филадельфійской выставкѣ.

4—1

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 23

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
(ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ). Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересллкою 20 коп.

Выданъ 7 Іюня 1876 г.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересллкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечка Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересллкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ІЮНЬ съ 37 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 32 чертежами.

НИЩЕ НА РУСИ.

«Нищему подать — Богу подать».
Пословица.

Крестьянская женщина съ ребенкомъ на рукахъ, заверну-

щевыя сумы; бѣдная сельская обстановка: соломенные крыши, ветхія крылечки и бѣдные люди—все это, читатель, вы видите на приложенныхъ рисункахъ, все это вамъ такъ давно знакомо.

Нищие на Руси. Рисов. Лосевъ, гравир. Шляскій и Езерскій.

тымъ въ грязное тряпье, съ пятилѣтней босоногой дѣвчонкой, цѣпляющейся за мамкинъ сарафанъ; два слѣпыхъ, которыхъ ведетъ мальчикъ; перекинутыя черезъ плечо заплатанныя хол-

щевыя сумы; бѣдная сельская обстановка: соломенные крыши, ветхія крылечки и бѣдные люди—все это, читатель, вы видите на приложенныхъ рисункахъ, все это вамъ такъ давно знакомо.

любное причитанье: «Будьте, отцы, милостивы: сотворите святую милостыню, помняючи родителей во царствіи небесномъ!» какъ протягивается рука крестящагося дателя. Въ рѣдкихъ случаяхъ услышитъ деревенскій нищій въ отвѣтъ на свои просящія слова короткое и какъ бы робкое: «Не прогнѣвайся!»

Мало ли что заставляетъ въ крестьянскомъ быту стать нищимъ... Причинъ такъ много, что ихъ можно намѣтить лишь въ общихъ, главныхъ чертахъ. Часто случай, играющій такую видную роль въ деревенской жизни: какойнибудь пожаръ, неурожай и т. п. разоряетъ въ конецъ или временно заставляетъ надѣть суму; важное мѣсто въ ряду причинъ занимаетъ также личная воля человѣка, дурная склонности, привычки, выработанныя предшествовавшими обстоятельствами.

Едва ли не самымъ страшнымъ бѣдствіемъ, пускающимъ по міру десятки и сотни тысячъ людей, надо считать пожары. Въ несмѣтной толпѣ нищихъ всякаго разбора бродячихъ по городамъ и главное, по русскимъ селамъ, закинутымъ въ самую глушь, погорѣльцы составляютъ самый значительный процентъ. Вотъ какъ описываетъ Максимовъ эту, до сихъ поръ почти неизбѣжную, бѣду русскихъ крестьянъ въ своей «Бродячей Руси».

«У неосторожныхъ стали вспыхивать овины. Одинъ вотъ вечеръ ѣхали мы, а не одну такую бѣду видѣли: первую прямо, вторую налѣво. Вспыхивала вдаль, какъ порохъ, свѣчка; на нашихъ глазахъ превращалась въ пламя и разливала свѣтъ отъ него по темному небу короткими заревомъ. Упало вскорѣ зарево, погасла и свѣчка, предварительно выбросивъ изъ себя облачко яркихъ искръ и густого черного дыма, который мы не видали только потому, что мѣшала вечерняя мгла и даль. Стало быть сбѣжались во время музыки, растаскали горѣвшія бревна, залили головешки, затоптали лаптишками затлѣвшуюся было солому, накиданную по гуменику. Второе зарево держалось дольше: все искрилось и очень скоро встало въ ночномъ мракѣ и на темномъ небѣ огненной полосой несомнѣннаго пожара. Такъ понимаютъ и спутники, въ одно слово, со вздохомъ говоря оба:

— Деревня занялась!

— Унаси Богъ вѣтра.

— Кѣттици, кажишь, горять, словно бы въ ихней сторонѣ, али Обѣдалово?.. Угадай ты ночью-то!

— А можно. Дѣдушка! (проходящему старику) гдѣ горить?

— Пропастщи горять...

— Отъ овиновъ надо быть, дѣдушка?

— Отъ чего больше? Отъ нихъ, отъ овиновъ.

Дуль вѣтеръ въ лазейку овина, на яму, гдѣ горятъ сухія дрова, выбивалъ изъ нихъ и крутилъ навверхъ крупныя искры. Одна крупная пролетѣла сквозь рѣшетины потолка, на которыхъ разостланъ сухой хлѣбъ, зажгла солому. А въ плохо притворенное окно «садила» опять влетѣлъ вѣтеръ и раздулъ тлѣвшее мѣсто; занялся и хлѣбъ и рѣшетины. Перелуганные мужики не следили съ огнемъ и вѣтромъ: вырвалъ онъ головешку и вонзилъ въ первую соломенную крышу жилья, да такъ, что никто того и не примѣтилъ, слизнулъ огненнымъ языкомъ эту избу, а тамъ загорѣлась и сосѣдняя и еще третья въ другомъ порядкѣ, да такъ вся деревня подъ рядъ. Кричатъ на пожаръ всѣ, что есть мочи, бѣгаютъ отъ избы къ избѣ, словно оиоеные, наталкиваясь и сшибая съ ногъ ребятъ и бабъ, обходящихъ избы съ образомъ «неопалимой кушницы», который на такіе случаи имѣется во всякой деревнѣ...

«... Взошло солнышко, засіялъ свѣтленькій денекъ, осветилась дорога и на ней большая толпа задымленныхъ, немыхъ, въ рваныхъ армякахъ погорѣльцевъ.

— Какіе такіе?—Изъ Дубковъ. — Когда погорѣли-то? — Да вотъ день ходимъ.—Примите Христа ради.—Спаси тебя Богъ на святой твоей милостинкѣ!..

Подали и мы этимъ людямъ, этимъ осеннимъ встрѣчнымъ спутникамъ, въ томъ убѣжденіи, что ужъ если они случайно погорѣли, то у нихъ сгорѣло все, что было изъ пасенаго и коленаго. Дома у нихъ ничего не осталось. Иной безъ шапки высочилъ и въ торопяхъ не успѣлъ захватить армячишка; такъ и остался. Другой въ лаптяхъ на одной ногѣ, а ребята всѣ въ однихъ рубашенкахъ. И сколько было въ деревнѣ жителей, всѣ вотъ они на лицо, всѣ вышли на большую дорогу.

— Не осталось ли кого?—Да дядя Митрій, ветхій человѣкъ. Искали его—не нашли. Глухой онъ былъ и на ногахъ не твердый: сгорѣлъ.—Еще кого не забыли-ли?—Антонъ не пошелъ: у него зать богатый—пріютить Федосей, самъ мужикъ денежный, пошелъ къ кому вздумалъ. А остальные всѣ здѣсь въ куцѣ, всѣ здѣсь»...

Такова судьба этихъ бѣдныхъ людей. Но подъ словомъ «нищіе» разумѣются какъ я сказала, не одни погорѣльцы. Общая доля «бродячей Руси»—скитанье по улицамъ селъ, городовъ и богатыхъ столицъ, по всѣмъ торнымъ путямъ между этими селами и городами. Имѣя до сихъ поръ въ виду лишь однихъ деревенскихъ нищихъ, обходя массу такого же рода людей въ городскомъ сословіи, мы считаемъ далеко не лишнимъ сдѣлать краткій обзоръ исторіи русскаго нищенства, которое составляло съ давнихъ поръ наше исконное непоправимое зло.

Еще въ первые вѣка христіанства русской земли раздавалась князьями милостыня неимущимъ. Нищіе искони считались богомольцами за міръ.

«Горе-злосчастіе», доведшее человѣка того времени до конечнаго раззоренья, ходило въ разныхъ образахъ; весь складъ жизни того давняго времени способствовалъ зарожденію и развитію нищенства и голытьбы. Не говоря о страшныхъ пожарахъ, моровыхъ повѣтрѣяхъ и голодахъ,—набѣги чужеземцевъ и внутреннія смуты, всякаго рода раззоренья, которымъ и счета нѣтъ въ нашей исторіи,—лишали народъ крова и хлѣба.

Винновыми въ нищенствѣ древней Россіи, по словамъ Костомарова, были и воеводы, и дьяки, и служилые люди, и помѣщики. Разныя наименованія нищихъ указывали прямо на то, почему привязалось къ этимъ людямъ неотвязное горе-злосчастіе, о которомъ сохранилась такая тяжелая память въ народѣ. Бобыли, захребетники, бѣглецы, погорѣльцы, стѣблецы, сившіеся, немущіе—вотъ изъ кого состояла тогда просившихъ подаванія. Было бы излишнимъ объяснять, что бѣгали отъ тяжелыхъ податей и пр.

Взглядъ князей прежняго времени на нищихъ ничѣмъ не отличался отъ народнаго. — Нищихъ пускали даже въ царскіе терема, хорошо кормили и надѣляли богатой милостыней. На древнихъ поминкахъ, вообще при всякихъ торжествахъ, печальнаго или веселаго характера, нищей братіи многое перепало со стола богатыхъ людей. Благодаря щедрымъ подачамъ народилось на Руси то нищенство, которое практикуется теперь какъ прибыльное ремесло людямъ, повидному совершенно здоровыми и молодыми.

Въ пользу раздаванія милостыни читались духовными лицами проповѣди, въ которыхъ укорялись затворившіе отъ нищихъ врата. Установилось мнѣніе, что чѣмъ богаче милостивы, тѣмъ легче войти въ царство небесное. Все это, при общей бѣдности народа, «нищаго духомъ и тѣломъ», приводило нерѣдко къ полнѣйшей отдачѣ своего я на волю дававшего. «Побейте меня, да покорните; руки, ноги поломайте, да милостыньки христовой подайте!» голосили нищіе на какихънибудь богатыхъ поминкахъ.

Такіе факты занесла на свои страницы позднѣйшая исторія нищенства, когда государственный механизмъ значительно усложнился.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ нищія дѣлались на богадѣльныхъ, кладбищенскихъ, дворцовыхъ, патриаршихъ, соборныхъ, церковныхъ, монастырскихъ, гулящихъ и лежанокъ. Первые ютились въ избенкахъ, возлѣ церквей и монастырей. Много лѣтъ спустя, избенки эти преобразовались въ богадѣльни для пенущаго люда. Цари продолжали кормить нищую братію, въ числѣ которой значились такъ называемые *верховные* богомольцы, но кормленіе это не имѣло уже прежняго значенія, той, такъ сказать, простоты отношеній, кака была во время раздачи золота, серебра и платья Ярославомъ и послѣдующими князьями.

Въ Москвѣ были нищіе аптекарскаго двора, придворные; затѣмъ каждый соборъ имѣлъ своихъ нищихъ; тоже находимъ и въ другихъ городахъ, напр. въ Муромѣ, гдѣ на соборномъ дворѣ жили нищіе въ четырехъ кельяхъ. Съ церквей и монастырей собиралась въ пользу неимущихъ особая пошлина. При нѣкоторыхъ монастыряхъ сѣрой вереницей покрывившихся избъ тянулись нищенскія слободы. Люди жившіе въ нихъ прозывались, по писовымъ книгамъ, *бродящими*, бѣдными. Во то время слово «нищій» нерѣдко смѣшивалось съ словомъ «работій». И Новгородская земля не была изъята отъ нищихъ, которые селились среди ея лѣсовъ и топей. При Грозномъ число просящихъ милостыню страшно возросло вслѣдствіе многихъ вышеупомянутыхъ причинъ. Голодъ и пожары скопили въ Москвѣ огромное число нищаго люда.—Царь милостиво относился къ нему, заискивая народное расположеніе. Дерзость московскихъ нищихъ дошла до того, что они дрались въ церквахъ. По Москвѣ ходили разные юродивые, блаженные и бѣсноватые.

При Годуновѣ голодъ пустилъ по міру множество семействъ, и въ его время *безъ числа нищихъ* бы.

Число это не уменьшилось, потому что раздача хлѣба и денегъ не въ силахъ были искоренить развившееся зло. Нищихъ еще хорошо кормили (такъ, напр., у патриарха перебивало ихъ въ 1678 году—двѣ съ половиной тысячи). Навязчивость многихъ переходила предѣлы. «Дай мнѣ, или убей меня!» говорили нищіе того времени, по словамъ одного иностранца. Отсюда недалеко была и другая фраза: «Не дашь мнѣ — я убью тебя!» Нищенство имѣло одной стороной прямую связь съ воровствомъ, обманомъ и даже разбоемъ. Во время разинищны въ Москвѣ появились нищіе разбойники, безчеловѣчные *комтрачкосы*, люди, калѣчившіе малолѣтнихъ дѣтей для того, чтобы ихъ крикомъ умилить проходящихъ. Появились городскіе трупобитки. Въ такой ужасной школѣ выросло цѣлое поколѣніе нищихъ дѣтей, на что было обращено вниманіе правительства въ 1682 г. Разныя калѣпки и леженки сдѣланы на московскихъ перекресткахъ и мостахъ, вытягивая гнусными голосами «Лазаря» и другіе стихи. Для сбора милостыни многие выставили гроба, что придавало еще болѣе печальный видъ и безъ того невеселымъ московскимъ улицамъ. Петръ пошелъ и въ вопросѣ о нищихъ совершенно наперекоръ старой Руси. Начались ссылки въ Сибирь, тяжкія тѣлесныя наказанія гулящихъ людей; опредѣлены были люди для ловли нищихъ. За милостыню поданную на улицѣ налагался штрафъ, очень тяжелый даже и по тому времени. Петръ старался искоренить этимъ мѣрами ни-

щенство, если не въ Россіи, то, по крайней мѣрѣ, въ своей любимой столицѣ—Петербургѣ. Духовенство старательно помогало его начинаніямъ. «Нищія», упоминалось въ духовномъ регламентѣ, написанномъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ реформъ Петра Великаго, Новгородскимъ Епископомъ Теофаномъ Прокоповичемъ, «младенцамъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ, а наны члены развращаютъ».

Нищихъ отсылали въ монастырскія управленія, но горе злощастіе преслѣдовало ихъ и здѣсь: монастыри спроваживали немощныхъ, говоря что *мѣста тѣмъ*.

Таковъ скорбный листъ нищей братіи...

Садовниковъ.

СРЕДИ ПРИРОДЫ.

(Рисунокъ Медвѣдева).

Картинка представляетъ лѣтній день и дѣвушку, спящую на травѣ и цвѣтахъ. Раскрытая книга на ея колѣняхъ говоритъ намъ, что дѣвушка читала; но теплый воздухъ и ароматная зелень лѣсовъ и полей усыпили ее. Какое спокойствіе на ея лицѣ и какую свободную, непринужденную позу сумѣлъ придать ей художникъ: головка покоится на рукахъ, а распутившіеся волосы волнами лежатъ на травѣ. Возлѣ спящей соломенная шляпа, полная цвѣтовъ. Вообще картинка очень красива и переноситъ насъ въ деревню, туда, гдѣ

Поле зыблется цвѣтами...
Въ небѣ льются свѣта волны...
Вешнихъ жаворонковъ пѣнья
Голубяя бездны полны.

Намъ, сѣверянамъ, обреченнымъ на 8 мѣсячное заточеніе въ нашихъ каменныхъ домахъ, почти не видя ясныхъ дней, особенно плѣнительно представленіе лѣта и картинка, изображен-

ная здѣсь, полная красоты и изящества и прекрасная по содержанию, должна особенно нравиться. Къ ней такъ и хочется отнестись съ словами поэта (А. Н. Майкова):

Солнце, птицы! блескъ и счастье!
Лугъ росистъ, цвѣтеть сирень..
А еще ты въ сладкой лѣтнѣ
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду, нарву сирени,
Да холодною росой
Вдругъ на сонную-то брызну..
То-то сладко будетъ мнѣ
Цобѣдить въ ней укоризну
Свѣжей вѣстью о веснѣ.

Но, слава Богу, читатель, и мы съ вами вступаемъ въ пору теплаго времени.

Водопадъ Учанъ-су въ Крымѣ.

Южный берегъ Крыма—это очаровательно-прекрасный уголокъ, особенно если его посѣтить послѣ утомительно-однообразныхъ малороссійскихъ и новороссійскихъ степей и безводныхъ солончаконъ Перекона. Роскошная природа здѣсь удивляетъ на каждомъ шагу разнообразіемъ своихъ красотъ, богатствомъ растительности, изобиліемъ воды, зелени и утесовъ. Здѣсь, благодаря постоянному теплу и свѣту, почти круглый годъ цвѣтутъ розы и фіалки; зрѣетъ виноградъ и въ изобиліи произрастаютъ персики, оливки и вишневые ягоды. Не удивительно, что число посѣщающихъ эту часть Крыма, съ каждымъ годомъ увеличивается, и можно надѣяться, что, благодаря удобному и недорогому сообщенію, наслажденія красотами южно-крымской природы не будетъ стоить въ экономическомъ отношеніи такъ дорого, какъ было до сихъ поръ. Одной изъ красотъ южнаго берега, можетъ считаться по всей справедливости водопадъ Учанъ-су. Онъ находится вблизи городка Ялты, среди живописной и дикой мѣстности. Дорога къ водопаду идетъ между громадными скалами и въ чащѣ гигантскаго хвойнаго лѣса. Минувъ древнее, полуразрушенное укрѣпленіе съ остатками свода высокихъ воротъ и узкими боблицами, путешественникъ вскорѣ достигаетъ того мѣста, гдѣ водопадъ съ шумомъ падаетъ съ отвѣсной скалы, вышиною въ 350 футовъ. Водопадъ образуется изъ рѣчки, которую Татары называютъ учанъ-су, т. е. легучая вода, и особенно бываетъ грандіозенъ во время горнаго половодія, послѣ дождей или послѣ бури. Сбѣгая съ уступа на уступъ, водопадъ наконецъ образуетъ множество рукавовъ и падаетъ каскадами въ глубину оврага. Издали, при свѣтѣ солнца, онъ представляется бѣлоснѣжной пеленой, спускающейся съ высоты скалы и исчезающей за зеленью древесной чащи. Многие путешественники, видѣвшіе знаменитые швейцарскіе водопады и потомъ посѣтившіе Учанъ-су, утверждаютъ, что онъ не уступаетъ имъ ни въ красотѣ, ни въ грандіозности. Но только дѣло въ томъ, что сколько нибудъ живописныя мѣстности Швейцаріи сняты тысячу разъ и извѣстны всѣмъ и каждому по фотографіямъ и рисункамъ. Тысячи туристовъ ежегодно посѣщаютъ ихъ и разносятъ потомъ свои восторги по всему міру. Тамъ при каждомъ нѣсколько замѣчательномъ водопадѣ устраивается гостинница и всѣ удобства для того, чтобы туристъ могъ съ разныхъ сторонъ любоваться паденіемъ горнаго потока. Учанъ-

су, при всей своей красотѣ—лишенъ всякой извѣстности; число лицъ, посѣщающихъ его, весьма не обширно; около него глушь и дичь, и если туристъ такъ любознателенъ, что захочетъ полюбоваться водопадомъ во всемъ его живописномъ величіи, то онъ долженъ дѣлаться и лѣзть по скаламъ, что, впрочемъ, сказать, не всегда бываетъ безопасно. Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ скоромъ времени и Учанъ-су утратитъ свой дикій, нелюдимый характеръ и обзаведется разными удобствами для самыхъ прихотливыхъ туристовъ. Начало тому уже положено проведеніемъ прекрасной дороги отъ Ливадіи до самаго водопада. Со времени частаго пребыванія Государыни Императрицы въ Ливадіи и водопадъ Учанъ-су удостоивается иногда посѣщенія высочайшихъ особъ; здѣсь устроена императорская бесѣдка и проведена тропинка до перваго уступа, откуда открывается восхитительный видъ. Во время своего знаменитаго путешествія по Тавридѣ, Екатерина вторая, въ сопровожденіи князя Потемкина, посѣтила и Учанъ-су и долго любовалась этой живописной мѣстностью вновь завоеваннаго ея края. Евгенийъ Марковъ, одинъ изъ недавнихъ путешественниковъ по Крыму, слѣдующимъ образомъ описываетъ то впечатленіе, которое на него произвелъ Учанъ-су. «Еще издали, говоритъ онъ гулъ, падающихъ водъ наполняетъ ванъ слухъ, и приковываетъ все вниманіе ваше; вблизи этого гулъ превращается въ немолчный ревъ. Дрожь стоитъ въ лѣсу, въ воздухѣ. Наконецъ послѣдніе ряды сосенъ разступились... вы очутились надъ обрывомъ. Съ недосыгаемой высоты, изъ поднебесья, загороженнаго каменною стѣнною скалою, съ неистовымъ напоромъ несутся надъ самою головою вашею, массы водъ, темно-бурая, вспѣнныя, только что вытопленныя солнцемъ изъ альпійскихъ снѣговъ Ялты; всею тяжкою массою своею они рухаютъ съ обрыва гигантской стѣны, на одинъ уступъ, потомъ на другой и низвергаются, наконецъ, сплошнымъ полотномъ въ пропасть, надъ которою вы теперь стоите. Вы видите съ какою бѣшеною злостью они kloчуютъ и пляшутъ тамъ, зажатые камнями, или же, оторванныя грызутъ и треплютъ ихъ, и, вырвавшись, летятъ другъ черезъ друга, съ воемъ, съ плескомъ внизъ, къ морю, черезъ лѣсныя пропасти».

А. Невельской.

Выставка въ Филадельфіи.

(Павильонъ „женскаго труда“).

Въ № 11 «Нивы» за 1874 г. былъ помѣщенъ рисунокъ, представляющій «новое вавилонское столпотвореніе въ Филадельфіи», а въ № 44, за прошлый годъ, мы помѣстили видъ главной залы зданія этой выставки. Въ настоящемъ году въ № 4,—цѣлый рядъ рисунковъ разныхъ зданій на выставкѣ, а въ этомъ № нашего журнала представляемъ еще рисунокъ—видъ павильона «женскаго труда» на тойже всемирной выставкѣ въ Филадельфіи. Американки обнаружили не менѣе мужины, участіемъ своимъ въ всемирной выставкѣ 1876 года, глубокое пониманіе важности этого національнаго дѣла. Еще въ началѣ 1873 г.,

въ Филадельфіи организовался женскій центральный комитетъ изъ тринадцати дамъ, но число членовъ быстро росло, такъ что во всѣхъ штатахъ образовались комитеты, подчиненные главному, которые дѣятельностью своею и примѣрнымъ усердіемъ оказали этому «національному дѣлу» немаловажную помощь. Главный женскій комитетъ устраивалъ вечера, концерты, чтенія, на которые публика охотно шла, неся свои доллары, и такимъ образомъ, вскорѣ собрана была сумма въ 150,000 долл. Эти деньги немедленно были переданы въ полное распоряженіе финансоваго отдѣленія выставки. Однако, члены жен-

скаго комитета не удовольствовались этимъ и задумали соорудить собственное зданіе *исключительно* для женщинъ, «которое (по словамъ почтенной предсѣдательницы) служило-бы на выставкѣ помѣщеніемъ для издѣлій женскихъ рукъ, съ цѣлью воочію показать всему міру то, что уже сдѣлано женщинами, и доказать наглядно, что кругъ дѣятельности женщины не ограничивается *молкой*». Въ сравнительно короткое время собрано было еще 30,000 дол., и вотъ, такимъ образомъ, возникъ «женскій павильонъ», двери котораго открыты только женщинамъ, желающимъ выставить свои труды—къ какой-бы области они не относились: промышленности, техники, искусства (живописи всѣхъ родовъ, ваянія, архитектуры). Этотъ отдѣлъ выставки общается быть однимъ изъ самыхъ интересныхъ и, можно сказать, изящныхъ... Въ самомъ дѣлѣ, что сравните съ женскимъ вкусомъ? Гдѣ прошла рука женщины—тамъ, за рѣдкими исключениями, все мило, хорошо, изящно и уютно!.. Павильонъ женскаго труда находится вблизи отдѣленія садоводства, у Бальмонта-Авеню, и занимаетъ площадь въ 30,000 кв. ф. Онъ построенъ въ видѣ греческаго креста, обѣ пересѣкающіяся полосы котораго имѣютъ въ ширину каждая по 64 ф., а въ длину 192 ф. По угламъ оконечностей креста возведены маленькіе павильоны, центральный же на 25 ф. выше остальныхъ частей зданія и увѣнчанъ обсерваторіей, украшенной высокимъ куполомъ. Высота павильона—90 ф. Внутреннее убранство его представляетъ великолѣпный, даже величественный видъ: стѣны, напр., разукрашены аллегорическими группами, изображающими вѣру, надежду, любовь, гениевъ искусствъ, промышленности и т. д.

Выставка въ настоящее время, какъ известно, уже открыта. Открытіе выставки происходило въ среду, 28 апрѣля (10 мая). Погода стояла блистательная. Небо прояснилось какъ разъ во время, и перемѣною освѣщали самые яркіе лучи солнца. На зарѣ раздались звуки колокола со «Зданія Независимости» (выстроеннаго для празднествъ, по случаю столѣтія независимости Соединенныхъ Штатовъ, 4-го іюля 1876 года), возвѣщая наступленіе торжественнаго дня. Немедленно, по телеграфу съ главной полпейской станицы, былъ данъ сигналъ начинать благовѣсть во всѣ колокола города. Всѣ публичные зданія раздѣлились флагами всѣхъ націй; украше-

нія съ патриотическими аллегоріями повисли въ окнахъ и мѣстахъ даже перекидывались черезъ улицы. Англійскій флагъ былъ въ особенности эффектенъ. «Зданіе Независимости», центръ интересовъ дня, было украшено 4,000 флаговъ. «Павильонъ», какъ разъ составляющій ему *vis-à-vis*, былъ украшенъ 200 флагами различныхъ націй, населяющихъ Соединенные Штаты.

Президентъ республики и прочіе члены вашингтонскаго кабинета, императоръ и императрица Бразиліи, равно какъ и большинство почетныхъ посѣтителей прибыли наканунѣ въ Филадельфію. Въ 10 часовъ вся Филадельфія была уже по дорогѣ къ зданію выставки. Въ 10 часовъ 30 минутъ процессія десятка главнаго зданія выставки, между которыми и художественнымъ отдѣленіемъ были выставлены двѣ большія платформы: одна изъ нихъ для официальныхъ лицъ и 2,000 приглашенныхъ гостей; (для императора и императрицы Бразиліи устроена была особенная ложа, рядомъ съ мѣстомъ для президента); на другой платформѣ помѣщался хоръ изъ 1,000 пѣвчихъ и оркестръ въ 160 человекъ музыкантовъ, подъ управленіемъ Теодора Томаса. Съ девяти часовъ стали пускаться публику на мѣсто, окружающее зданія. Появленіе президента было приветствовано громкими кликами.

Послѣ рѣчи президента, объявившаго выставку открытою, оркестръ проигралъ юбилейный маршъ, сочиненный Рихардомъ Вагнеромъ, по заказу юбилейной комиссіи, заплатившей сочинителю за него 1,000 фунтовъ ст. Маршъ вызвалъ восторженныя рукоплесканія. Епископомъ Матью Симпсономъ была пропѣтана молитва, за которой былъ исполненъ громаднымъ хоромъ въ 1,000 человекъ юбилейный гимнъ, написанный Уиттнеромъ.

При звукахъ генделевского хора «Аллалуйя!», маршемъ и морские офицеры, выстроивъ шпалерой по дорогѣ, отдали честь президенту, императору, императрицѣ и всѣмъ почетнымъ посѣтителямъ, направившимся къ главному зданію; здѣсь президентъ и императоръ, положивъ одновременно руки на рычаги гигантскаго привода паровика Коллиса въ шестьсотъ лошадиныхъ силъ, повернули его и пустили въ ходъ весь безконечный рядъ машинъ выставки. Вообще выставка открыта въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ въ Парижѣ и Вѣнѣ.

СЕРБСКІЙ КНЯЗЬ КАРА - ГЕОРГІЙ ПЕТРОВИЧЪ.

Георгій Петровичъ (кара или черній) родился въ селѣ Вышевахъ, въ 1771 г., отъ одного поселяннина, по имени Петроша и въ ранней молодости вмѣстѣ съ родителями жилъ въ Тополѣ, мѣстечкѣ, лежащемъ въ горахъ. Онъ участвовалъ въ первомъ возстаніи сербовъ, когда они, не дождавшись появленія австрійцевъ, еще въ 1787 году поднялись противъ турокъ. Это самое рѣшило его участь. Поставленный въ необходимомъ спасаться бѣгствомъ, онъ, въ то время 17-ти лѣтній юноша, собралъ все свое имущество и вмѣстѣ съ отцомъ, котораго не хотѣлъ оставить между турками, отправился на рѣку Саву. Старикъ, подобно многимъ другимъ тогдашнимъ сербамъ, всосавшимся, такъ сказать, въ угнетеніе и рабство, лучше желалъ покориться туркамъ, и дорогою не разъ уговаривалъ сына воротиться домой. Уже Сава была недалеко, когда онъ снова началъ убѣждать Георгія, который не хотѣлъ и слышать о томъ; старикъ же хотѣлъ, во что бы то ни стало, поставить на своемъ. «Ну, такъ иди же ты одинъ, сказалъ старій Петрошій, а я отправляюсь домой!» «Нѣтъ, воскликнулъ пылкій Георгій, я не потеряю, чтобы турки уморили тебя медленною смертью; лучше умри теперь отъ моей руки!» Онъ схватилъ пистолетъ, выстрѣлилъ въ отца, и не желая видѣть его предсмертныхъ судороганій, велѣлъ одному изъ товарищей добить его. Въ ближайшей деревнѣ онъ подарилъ поселянамъ свое стадо, сказавъ имъ: «Похороните моего старика, да выйдите за упокой его души!» и затѣмъ переправился на другой берегъ Савы.

Этотъ поступокъ, совершенный имъ въ первыхъ лѣтахъ мужества, выдвинулъ его изъ обыкновенной колен. Онъ возвратился въ Сербію фельдфебелемъ сербской національной арміи въ отрядѣ волонтеровъ; но, разсердившись на начальство, которое обшло его при раздачѣ медалей, ушелъ въ свои горы и сдѣлался гайдукомъ. Потомъ онъ помирился съ корпуснымъ полковникомъ Михалевичемъ, по заключеніи мира поселился въ Австріи, въ Крушедольскомъ монастырѣ и сторожилъ монастырскій лѣсъ. Но и въ Австріи ему не пошло: услыхавъ о кропотливомъ правленіи тогдашняго сербскаго бегербея Хаджи Мустафы, онъ возвратился на родину и началъ усердно заниматься прежнимъ своимъ промысломъ, свиноводствомъ. Этотъ промыселъ онъ покинулъ въ 1804 году, имѣя уже независимое состояние, чтобъ стать во главѣ возстанія, результатомъ котораго было созданіе княжества сербскаго.

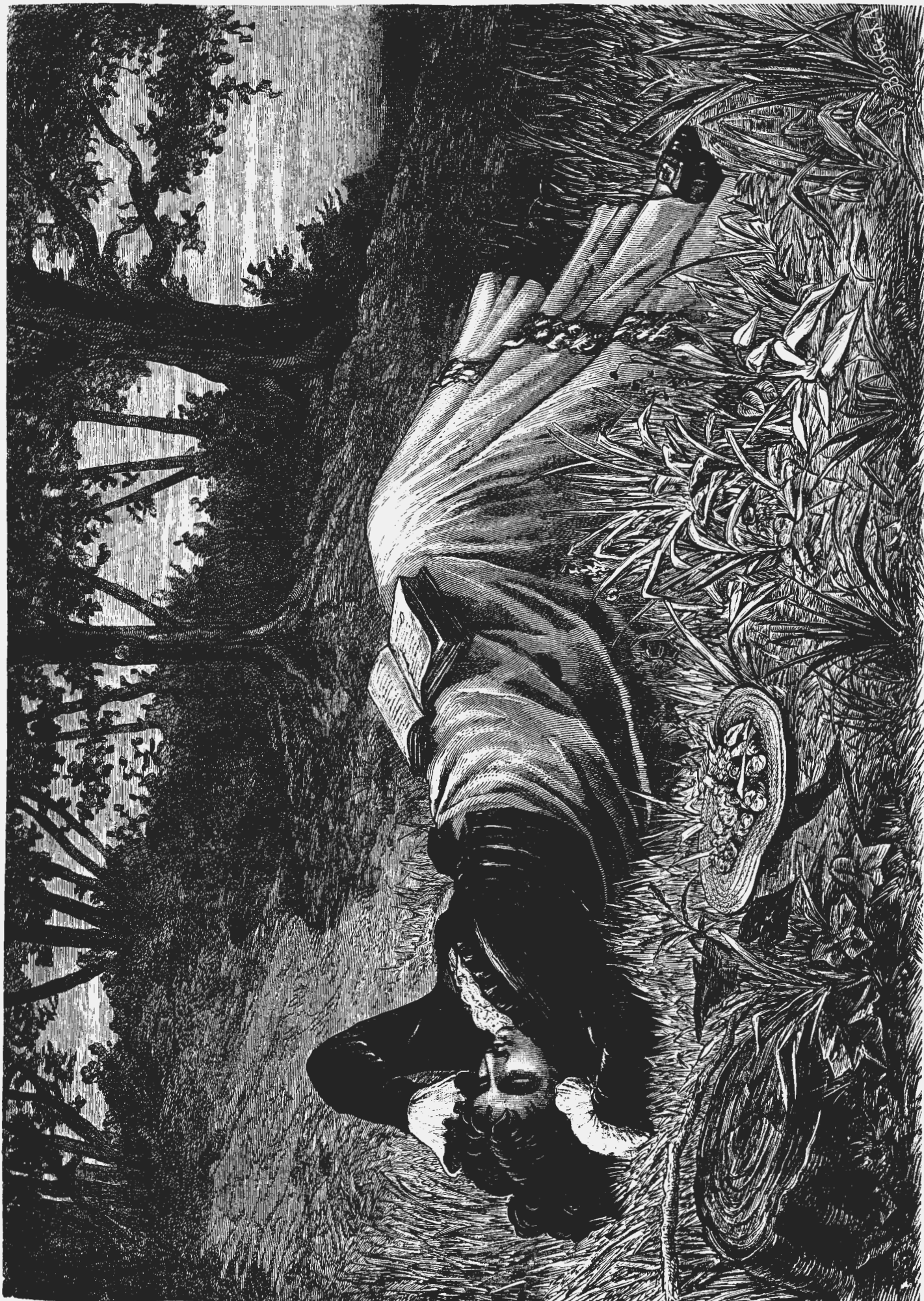
Георгій былъ человекъ необыкновенный. Часто, бывало, онъ просиживалъ цѣлые дни, не говоря ни слова и кусая себѣ ногти. Иногда онъ ничего не отвѣчалъ на вопросы и только покачивалъ головою. За виномъ онъ становился словоохотливъ, и развеселившись, даже пускался плясать «коло» (національный сербскій танецъ). Роскошь и внѣшній блескъ нисколько не

привлекали его: на вершю своего могущества онъ продолжалъ носить свои старые свѣтлосиніе шаровары, короткую истасканную шубку и всѣмъ сербамъ столь извѣстную черную шапку, хранящуюся нынѣ подъ стекломъ въ Бѣлградскомъ національномъ музеумѣ. Дочери его также не отличались отъ деревенскихъ дѣвушекъ и ходили съ ведрами за водою, въ то время, какъ отецъ ихъ, уже князь и александровскій кавалеръ, пожалованный отъ Русскаго Императора Александра I, занимался государственными дѣлами въ сенатѣ, съ 12-ю сенаторами.

Въ Тополѣ (названіе его дачи подъ Бѣлградомъ) всякій считалъ бы Георгія за обыкновеннаго поселяннина. Онъ работалъ съ своими «момками» (гвардейцами) въ лѣсу, спускалъ воду на мельницѣ, или ловилъ съ ними рыбу въ ручьѣ Асеницѣ. Онъ пахалъ и косилъ и однажды сломалъ свою серебряную александровскую звѣзду (съ которой никогда не разставался), набивая обручъ на бочку. За то въ битвѣ Георгій былъ истиннымъ вошномъ. Сербы воодушевлялись, завидя его въ толпѣ его почетной стражи; узнать его было легко по необыкновенно высокому росту, сухощавому стану, широкимъ плечамъ, большому рубцу отъ сабельнаго удара вдоль всего лица, по маленькимъ, сверкающимъ глазамъ. Обыкновенно онъ слѣзалъ съ боевого коня, любя ходить пѣшкомъ. Еще когда онъ былъ гайдукомъ, пуля исковеркала ему правую руку; но это не мѣшало ему отлично владѣть ружьемъ. Появленіе его пугало турокъ, потому что побѣда почталась его спутницею.

Въ гражданскихъ дѣлахъ Георгій обнаруживалъ любовь къ порядку и письменоводству, хотя самъ не умѣлъ писать; хотѣлъ, чтобы дѣла шли своимъ чередомъ, но когда они слишкомъ тревожили его, то въ рѣшеніяхъ своихъ былъ скоръ и жестокъ. Единственный его братъ, надѣясь на него, много себѣ позволялъ лишняго; Георгій все терпѣлъ; но когда братъ его обезчестилъ одну дѣвушку, и родственники ея начали громко жаловаться, говоря, что и турокъ прогнали за такія дѣла, Кара-Георгій развирѣлъ, и какъ ни любилъ своего единственнаго меньшаго брата, но велѣлъ повѣсить его на воротахъ дома обезчещенной имъ дѣвицы и запретилъ родной матери плакать о немъ.

Несмотря на свое добродушіе и честность, Георгій вѣрилъ, когда о комъ нибудь говорили ему дурное, хотя бы не задолго предъ тѣмъ и убѣжденъ былъ въ противномъ. Стояло только раздражить его, и тогда его гнѣвъ не зналъ предѣловъ. Въ такихъ случаяхъ онъ не щадилъ никого, и даже не призывалъ тѣлохранителей (момковъ), а самъ убивалъ на мѣстѣ своего противника. Такъ погибъ князь Теодосій, тотъ самый, которому онъ былъ обязанъ въ 1804 году своимъ саномъ и возвышеніемъ. Но опомнившись, онъ даже плакалъ и обыкновенно го-

Среди природы. Рисов. Медвідзь, гравир. Г. Бонгъ.

варивалъ: «Суди того Богъ, кто затѣялъ ссору». Чувство мести было Георгію вовсе не знакомо, и, простивъ своего врага, онъ уже никогда больше не вспоминалъ о полученномъ имъ оскорбленіи.

Въ Кара-Георгіѣ есть много сходнаго съ народными героями сербскихъ пѣсень.

Онъ получилъ политическое значеніе, какъ представитель великой идеи освобожденія христіанскихъ народовъ отъ ненавистной власти Турокъ. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ повсюду, чему отчасти способствовала даже самая его трагическая смерть отъ подкупнаго убійцы. Въ сербскихъ, и въ особенности въ Черногорскихъ пѣсняхъ, имя Кара-Георгія повторяется постоянно. Бывшій владыка Черногорин, Петръ Петровичъ Нѣгушъ I, умѣвшій превосходно владствовать, былъ въ тоже время и поэтомъ, посвятившимъ перо свое всего болѣе воспѣванію великаго, какъ онъ выражается, «освободителя всего славянства». Походъ 1809 года, когда войска сербскія соединились съ войсками черногорскими, воиновъ оправдалъ смыслъ всей народной поэзіи, воспѣвавшей имя безсмертнаго князя Сербіи, Кара-Георгія Петровича.

Съ 1812 по 1816 годъ Георгій находился вдали отъ всякой дѣятельности и жилъ въ Австріи и въ Бессарабіи, откуда тайное общество «гетеристовъ», создавшееся въ Европѣ, надѣясь на величайшій успѣхъ новаго возстанія противъ турокъ, отъ одного имени Кара-Георгія, вызвало его на театръ дѣятельности, при содѣйствіи нѣкоего сербскаго бояра Вунца, жившаго въ мѣстечкѣ Смедеровѣ, близъ Бессарабской границы. Вунць разыгрывалъ роль агента тайнаго европейскаго общества, цѣлью котораго было освобожденіе христіанъ и изгнаніе турокъ. Этотъ Вунць однако оказался измѣнникомъ, служившимъ

тогдашнему мѣстному пашѣ съ усердіемъ вѣроломнаго агента деспотизма. По его приказанію одинъ изъ его тѣлохранителей умертвилъ Георгія, разрубивъ ему, сияющему, топоромъ грудь. Сила крѣпкой натуры Кара-Георгія была такъ велика, что онъ, сраженный ударомъ, могъ еще обнажить до половины саблю, на рукоятіи которой и во снѣ постоянно покоилась его правая рука. Но герой не имѣлъ уже силы встать, кровь душила его и убійца отсѣкъ ему голову, которая потомъ и была бѣлградскимъ пашой, по обычаю, препровождена къ Султану. При этомъ нельзя не обратить вниманія на одинъ изъ эпизодовъ рисунка, изображающаго умерщвленіе Георгія Чернаго. Эпизодъ этотъ изображаетъ съ правой стороны, на далекомъ планѣ, одного человѣка, который упалъ, сраженный неожиданно другимъ, притаившимся въ кустахъ съ ружьемъ въ рукахъ. Это одинъ изъ вѣрныхъ слугъ Георгія, сопровождавшій его и теперь, въ потѣдкѣ его на мызу Вунца. Онъ случайно узналъ о намѣреніи послѣдняго умертвить Георгія и сѣвшилъ къ нему на помощь; но за нимъ слѣдили и онъ палъ жертвою своей преданности и усердія близъ трупа своего господина.

Султанъ былъ въ восторгѣ, воображая, что со смертью Кара-Георгія настанутъ для него дни спокойствія, но изъ исторіи извѣстно, какъ непрочны были эти надежды падишаха. Новый князь, Милошъ Обреновичъ вскорѣ счумѣлъ такъ отомстить туркамъ смерть Кара-Георгія, своего знаменитаго предшественника въ дѣлѣ управленія Сербіею, что турецкое правительство, велею-неволею пошло на всевозможныя уступки и, при содѣйствіи Россіи, въ то время необыкновенно высоко стоявшей на политическомъ горизонтѣ всего просвѣщеннаго міра, заключило съ Сербіею миръ, выгодный и благотворный для послѣдней.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти пріобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Кэта поблѣднѣла, но энергически затрясла головой. — Нѣтъ и нѣтъ! И если ты мнѣ тысячу разъ повторишь это—не повѣрю тебѣ! Я скорѣе повѣрю чему угодно, только не этому. Онъ даже мысленно солгать не въ состояніи... Развѣ можетъ онъ хвастаться побѣдой, какъ какой нибудь хлыщеватый франтъ?.. Онъ, который... (Она вдругъ умолкла, какъ-бы испугавшись собственнаго страстнаго порыва)—Ты наклеветала на него и тогда, когда я въ первый разъ пріѣзжала сюда, прибавила Кэта болѣе спокойнымъ тономъ... Въ то время я не смѣла возражать тебѣ, хотя инстинктивно тотчасъ же приняла его сторону, но теперь, когда я узнала его—я не потерплю, чтобы его такъ поносили... И я должна говорить тебѣ это?! Это что-то такое невѣроятное!.. Какъ можешь ты оскорблять на каждомъ шагу честь человѣка, имя котораго сама-же будешь носить?..

Флора вздрогнула и недовѣрчиво посмотрѣла на сестру, словно не вѣря собственнымъ ушамъ.

— Одно изъ двухъ: или ты—отличная актриса, или тебѣ нужно разжевать, да въ ротъ положить „объясненіе въ любви“, чтобы ты раскусила его. Неужели въ самомъ дѣлѣ, ты *ничего* не знаешь? громко и дерзко спросила она засмѣявшись. Флора схватила обѣими руками Кэту за руку и оттолкнула ее отъ себя... Ха, ха, ха! Что-жъ я, однако, говорю?.. Развѣ передъ этимъ ты не горячилась, не ратовала за него такъ, какъ будто готова была пожертвовать для него жизнью?..

Кэта повернулась и пошла къ двери.

— Не понимаю, зачѣмъ ты удержала меня здѣсь, проговорила она съ досадой.

— Ахъ, такъ ты не поняла меня? Должна-ли я высказаться прямо?.. Ну, хорошо, моя милая!.. Мнѣ хочется знать, о чемъ говорилъ съ тобой Брукъ вчера и сегодня?..

— Объ этомъ ты можешь сейчасъ узнать все, безъ утайки, отвѣтила Кэта:—Онъ старался заставить меня (а это было ему не легко сдѣлать) не надѣяться такъ смѣло на выздоровленіе больной... Онъ старался приготовить меня къ тому... (тутъ голосъ ея дрогнулъ и

слезы заблестѣли въ глазахъ) ну, къ тому, что Генріэтта навсегда оставитъ насъ...

Флора молча, въ смущеніи, отошла къ окну; при всемъ своемъ самообожаніи она, можетъ быть, почувствовала въ эту минуту, что ей всегда приходилось играть далеко не похвальную роль относительно этихъ двухъ людей.

— Но, милочка, развѣ тебѣ самой давно не было это извѣстно? проговорила она глухимъ голосомъ.

— Развѣ ты не сознавала, что все мы должны молить Бога, чтобы Онъ избавилъ бѣдную страдальницу отъ тяжкаго креста, ниспосланнаго ей свыше? (Флора неслышными шагами снова подошла къ молодой дѣвушкѣ). Постой! Ты можешь увѣрить меня, что вы *только объ этомъ* говорили другъ съ другомъ?..

Чувство невыразимаго презрѣнія шевельнулось въ душѣ Кэты. Она знала, что пошлая ревность Флоры—ревность женщины не любящей, тщеславной, наблюдающей тайкомъ за мужчиной только ради того, чтобы улавливать его на каждомъ словѣ.

— А ты полагаешь, что въ тѣ минуты, когда Брукъ долженъ явиться утѣшителемъ, поддержать бѣдную страдальницу—способенъ онъ думать о чемъ нибудь другомъ, интересовавшись чѣмъ нибудь постороннимъ? отвѣтила Кэта серьезно, съ отѣнкомъ укоризны... Нѣтъ, это невозможно! прибавила она:—Въ такое-то время, у постели, на которой умираетъ вѣрнѣйшій другъ его на землѣ—и думать о другомъ?!

— Н-да, она любила его, сказала Флора холоднымъ тономъ.

При этихъ словахъ Кэта вспыхнула... Старшая сестрица наслаждалась дѣвическимъ смущеніемъ и тщетнымъ желаніемъ младшей сестры скрыть эту краску.

— О, да! Этотъ человѣкъ можетъ гордиться своимъ обаяніемъ... Вѣдь его обаятельная личность привлекаетъ къ себѣ сердца дѣвушекъ также неудержимо, какъ огонь мотыльковъ!.. А сколько смѣху будетъ, когда узнаютъ, что все три дочери банкира Мангольда были

такими мотыльками относительно Брука... Пстой, останься!..

Пока Кэга не отвернулась и не направилась къ двери, красавица говорила почти игривымъ тономъ, теперь же слова ея „пстой, останься!“ прозвучали какъ-то дико, рѣзко... Молодая дѣвушка остановилась, какъ вкопанная, она боялась двинуться съ мѣста изъ опасенія, что крикъ можетъ повториться и испугать больную.

— Да-съ, и наша меньшая сестрица, прекрасная мельничиха, здоровячка, обладающая мужественной душой, тоже не устояла, тоже обожглась, продолжала Флора, снова впадая въ саркастическій тонъ.—О, ужъ, не желаетъ-ли ты протестовать, сдѣлавъ такую упрямую мпну?.. Это только жалкая попытка представиться гордой, оскорбленной!.. Ну, хорошо, — я повѣрю тебѣ; можешь оправдаться, если отречешься отъ словъ, которыя ты передъ тѣмъ съ такой неподражаемой выразительностью произнесла желая возвелчить Брука...

— Нѣтъ, ни одного слова своего не возьму я назадъ!..

— А!.. Видишь, грѣшная ты душа, ты всѣмъ существомъ своимъ отдалась преступной любви своей! Погляди-ка мнѣ въ глаза! Можешь ли ты сказать въ лицо своей обманутой сестрѣ „нѣтъ?“

Кэга подняла голову и бросила взглядъ на Флору черезъ плечо, а потомъ прикоснулась рукой къ ранѣ на лбу, которая вслѣдствіе нервнаго возбужденія начала болѣть... Молодая дѣвушка сдѣлала это машинально; если бы рана грозила даже опасностью ея жизни—она въ эту минуту не обратила бы на это вниманія, потому что всѣ ея мысли и чувства были сосредоточены только на одномъ...

— Ты не имѣешь права задавать мнѣ подобные вопросы, произнесла она твердо, хотя въ голосѣ ея слышалось сильное волненіе;—я не обязана отвѣчать тебѣ. Ты назвала меня грѣшницей, говорила отъ измѣнѣ... Что-жъ, я и сама обвиняла себя въ этомъ, казнилась, пока не поняла того чувства, которое ты называешь преступнымъ...

— Вотъ какъ! Это, значитъ, самое откровенное признаніе... Кроткая улыбка заиграла на блѣдно-розовыхъ губахъ Кэты, просвѣтлѣло поблѣднѣвшее лицо ея, казавшееся въ эту минуту такимъ же бѣлымъ, какъ повязка на лбу.

— Да, Флора, это откровенное мое признаніе: вѣдь мнѣ нечего стыдиться и, если я призналась, то сдѣлала это ради нашего покойнаго отца... Уважая его память, я не хочу принимать на свою душу небывалаго грѣха:—*будто я посягнула на священныя права одной изъ моихъ сестеръ*. Мы не властны въ своихъ чувствахъ, мы можемъ отвѣчать только за ту власть, которую даемъ имъ надъ собой... Это узнала я послѣ безуспѣшной борьбы съ загадочной любовью, про которую говорятъ, что она родилась съ человѣкомъ, что она всегда жила въ немъ—только не была активной, находилась въ дремотномъ состояніи. И развѣ грѣшитъ человѣкъ, подходя съ благоговѣніемъ къ семейному очагу другаго? Развѣ грѣшно глядѣть и любоваться на величественное дерево, растущее въ саду сосѣда? Неужели и это грѣхъ, если я люблю безкорыстно, не требуя взаимности?.. Мнѣ ничего не нужно отъ васъ... Я никогда не буду помѣхой ни тебѣ, ни Бруку. Вы никогда не услышите обо мнѣ, да никогда и не вспомните меня. Какъ же могу я помѣшать вашему супружескому счастью, если буду любить *его* вѣчно, до могилы, если буду вѣрна ему, какъ нѣкоторыя личности бываютъ вѣрны своимъ милымъ усопшимъ...

Дерзкій смѣхъ заглушилъ слова Кэты.

— Ха, ха! Берегись, малютка, ты, пожалуй, въ порывѣ вдохновенія сейчасъ стихами заговоришь...

— Нѣтъ, Флора, ужъ это предоставляю тебѣ! Я не та, что была прежде... Чувства мои стали глубже, по-

нятія шире, и именно съ тѣхъ поръ, какъ любовь за-
красала въ мою грудь.

Кэга сдѣлала нѣсколько шаговъ въ глубину комнаты и, проходя мимо вѣшалки, машинально дотронулась до висѣвшаго на ней подвѣчнаго платя, которое, слегка зашуршавъ, вдругъ свалилось съ колышка. Молодая дѣвушка испугалась и сейчасъ-же нагнулась, чтобы поднять, но Флора концомъ ботинки презрительно отшвырнула его въ уголъ.

— Оставь эту тряпку, произнесла она рѣзко... Однако, вотъ видишь, даже мертвая матерія была возмущена, когда къ ней прикоснулось преступное существо...

— А себя... ты считаешь совершенно невинной, Флора? спросила Кэга быстро и порывисто дыша, потому, не дождавшись отвѣта, заговорила:

— Первое чувство, закрывшее въ мою душу, было состраданіе, невыразимое состраданіе къ благородному человѣку, котораго ты не поняла, съ которымъ ты на нашихъ глазахъ обращалась дурно... Отъ этого человѣка ты хотѣла освободиться во что бы то ни стало. Если все это не было тяжкой виной — зачѣмъ же ты просила тогда прощенія? Я видѣла тебя кающейся... Когда ты бросила кольцо въ рѣку...

— О, Боже мой! Кэга, да перестань ты говорить о призракѣ! Вѣдь это—игра твоего собственнаго воображенія, воскликнула Флора и на мгновеніе зажала уши обѣими руками, а потомъ, вздернувъ верхнюю губу, поднесла къ глазамъ молодой дѣвушки четвертый палецъ лѣвой руки своей.

— Ну, вотъ... вотъ, это кольцо! Могу тебя увѣрить, что оно настоящее... Буквы, вырѣзанныя на внутренней сторонѣ его—самое лучшее доказательство. Однако, чтобы покончить это дѣло, скажу тебѣ: вещь эта въ судьбѣ моей не играетъ теперь уже никакой роли... Колечко это для меня—просто только веревочка, посредствомъ которой можно управлять маріонеткой... То, что соединяло меня съ Брукомъ, уже не существуетъ... Мы—разошлись.

Кэга, пораженная, отшатнулась.

— Но... ты вѣдь и прежде добивалась—только безуспѣшно—этого разрыва, пробормотала она въ смущеніи, затаивъ дыханіе.

— Да, и прежде, въ то время, когда въ душѣ этого жалкаго человѣка была еще сила, теперь-же онъ превратился въ послушный воскъ.

— А онъ, Флора, освободилъ тебя?..

— Боже мой! Ну-да, если тебѣ *непремьнно* хочется еще разъ услышать эту радостную вѣсть...

— Если такъ, то онъ никогда не любилъ тебя... По какой нибудь другой причинѣ Брукъ настаивалъ тогда на своихъ правахъ... Слава Богу, теперь онъ еще можетъ быть счастливъ!..

— Ты такъ думаешь? Но вѣдь я еще жива, сказала Флора и стиснула руку молодой дѣвушки, причѣмъ ея выразительный, демоническій взглядъ впился въ ясные, каріе глаза Кэты.—Я *никогда* не прощу ему, не забуду того часа, когда онъ заставилъ меня напрасно молить о возвращеніи мнѣ свободы. Теперь онъ долженъ почувствовать, каково бываетъ человѣку, когда у него вырываютъ изъ рукъ кубокъ съ желаннымъ напиткомъ—вырываютъ въ ту самую минуту, когда онъ поднесъ его уже къ губамъ!.. И я не отдамъ ему кольца, если бы даже онъ ухватился за него зубами!!

— Поддѣльнаго кольца...

— А ты можешь доказать это, малютка? Гдѣ же свидѣтели?.. Меня не смутитъ недоказанное обвиненіе,—вѣдь не даромъ же говорятъ про меня, что во мнѣ сидитъ геній юриста... Впрочемъ, ты можешь успокоиться. Я не на столько безчеловѣчна, чтобы запретить бывшему моему жениху жениться: онъ можетъ обвѣнчаться хоть завтра, если это ему угодно, но, само собою разумѣется, съ *нелюбимой женщиной*... Я ничего

не имѣю противъ такого брака... Я буду слѣдить за малѣйшими, неосторожными проявленіями его чувства, и—горе ему, если поймаю его на дорожкѣ, которая ведетъ его не туда, куда по моимъ планамъ надлежитъ ему идти!..

Флора подняла померанцевую вѣточку (ихъ много валялось на полу) и стала вертѣть ее. Что-то хищное было въ позѣ этой женщины, похожей на красиваго плотояднаго звѣря, алчно обнюхивающаго свою жертву.

— Ну, Кэта, и такъ, ты любишь его... Не желаешь ли похотѣйствовать за него—а? заговорила она снова, подчеркивая каждое слово.—Видишь-ли, счастье его въ моихъ рукахъ; я, смотря по желанію, могу раздавить его, могу и воскресить. Такая власть, конечно, для меня неосцѣнна, но—я едва могу устоять противъ искушенія отказаться отъ этой власти единственно для того, чтобы испытать, насколько тверда и непоколебима восхваляемая, такъ называемая, истинная любовь.. Положимъ, что я отдала бы тебѣ это кольцо съ правомъ распоряжаться имъ, какъ тебѣ угодно... Пойми меня хорошенько: *лично* я отказалась бы тогда отъ всякаго права вмѣшиваться... была ли бы ты согласна подчиниться любому условію съ моей стороны для того, что бы освободить Брука, предоставить ему свободный выборъ?..

Кэта невольно скрестила руки и прижала ихъ къ порывисто поднимавшейся груди... Видно было, что въ этой юной душѣ шла теперь тяжелая, страшная борьба.

— Хорошо... Принимаю любое условіе, даже самое тяжкое, если могу этимъ освободить Брука изъ сѣтей твоихъ, проговорила она наконецъ глухимъ голосомъ, но рѣшительнымъ тономъ.

— Не торопись такъ, дитя мое! Вѣдь принесеніе подобной жертвы можетъ легко уничтожить твое собственное счастье...

Кэта молчала, и опять правая рука ея прикоснулась къ больному лбу. Видно было, что юношеская отвага, самонадѣянность, вѣра въ конечную побѣду надъ собой—покидали эту сильную дѣвушку... Одна только воля оставалась непреклонной, неизмѣнной.

— Я знаю, чего хочю; мнѣ нечего раздумывать, сказала она.

Флора прильнула лицомъ къ померанцовой вѣткѣ, какъ бы вдыхая ароматъ искусственныхъ цвѣтовъ.

— Ну, а если *онъ*—хотя бы для того, чтобы страшно унижить меня—сдѣлаетъ предложеніе тебѣ самой? спросила она, прищуривъ глаза.

При этихъ словахъ Кэта почти замерла.

— Этого *онъ* не сдѣлаетъ... Я никогда не была ему симпатична.

— Это такъ, совершенно вѣрно. *Предположимъ*, однако, что *онъ* скажетъ, что любить тебя, тогда вѣдь залогъ его свободы окажется въ очень ненадежныхъ рукахъ... Какъ ты думаешь?.. Въ одинъ прекрасный день посвѣтаетъ *онъ* за любимую дѣвушку, а она будетъ не въ силахъ отказать ему—и вотъ, мнѣ, обладающей неоспоримымъ правомъ, придется быть свидетельницей этого!.. О, нѣтъ, пусть колечко мое и останется у меня!..

— Господи! Да неужели же сестра можетъ подвергать сестру такой страшной пыткѣ? воскликнула Кэта въ недоумѣніи. Слушай: именно теперь, вотъ въ эту минуту, когда весь твой безграничный эгоизмъ, твое сердце, не знающее состраданія, твоя непреодолимая страсть къ интригѣ обнаруживаются во всемъ своемъ блескѣ—именно теперь-то чувствую я особенно сильно, что должна во что бы то ни стало избавить Брука отъ вампира, жаждающаго его крови.. Нѣтъ, ты *не должна* имѣть надъ нимъ власти!.. Пусть *онъ* начнетъ новую жизнь... У своего семейнаго очага *онъ* успокоится и будетъ наслаждаться счастьемъ, котораго ему никогда

не найти въ пустой, свѣтской жизни, рядомъ съ безсердечной, тщеславной женой..

— Очень благодарна за такое лестное мнѣніе обо мнѣ! Но... ты слишкомъ горячо желаешь ему счастья, а потому я боюсь ввѣрить тебѣ мою драгоценность...

— Дай кольцо!.. Ты можешь быть спокойна.

— Постой... Ну, а если-бы *онъ* въ самомъ дѣлѣ искренно любилъ тебя?..

Губы молодой дѣвушки судорожно подергивались — такія невыразимыя муки претерпѣвала она въ эти минуты... Топая въ отчаяніи руки, Кэта осталась все-таки твердой, непоколебимой.

— Если бы это было и такъ... Что-жь, вѣдь я не такая ужъ рѣдкость... Какъ легко будетъ ему найти дѣвушку лучше меня!.. Горькій опытъ спасетъ его отъ вторичной ошибки. Ну, давай кольцо! Хотя я и знаю, что оно *поддѣльное*, что, на самомъ дѣлѣ, съ нимъ не связано и тѣни какого бы то ни было права—все равно: отдай!.. Я общаю тебѣ смотрѣть на него какъ на настоящее, которое покоится теперь въ рѣкѣ... Да, какъ *на настоящее*, потому что, не взирая на все, это колечко будетъ служить мнѣ ручательствомъ въ томъ, что Брукъ будетъ свободенъ отъ тебя.

— На сколько я тебя знаю, я могу рассчитывать, что ты будешь настолько честна, чтобы никогда не воспользоваться имъ *для себя*, проговорила Флора выразительно, снимая съ пальца кольцо.

Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу Кэты, когда золотая „драгоценность“ очутилась на ея ладони; затѣмъ пальцы ея судорожно сжали колечко, и въ то же время горькая, презрительная улыбка мелькнула на губахъ дѣвушки... Кэта была слишкомъ горда, чтобы еще разъ общасть сестрѣ то, что уже общано.

— Ну, что-жь ты? почти воскликнула въ тревогѣ Флора.

Въ эту самую минуту, когда Кэта переступила порогъ комнаты, на верхней ступенькѣ противоположной лѣстницы показался докторъ Брукъ. Быстрымъ взглядомъ окинулъ *онъ* двѣ женскія фигуры... Одна стояла посреди комнаты — такая гордая, торжествующая, съ холодной усмѣшкой поглядывавшая ему въ глаза другая—уходила... И *онъ* видѣлъ, какъ раскраснѣвшаяся молодая дѣвушка чуть не упала при взглядѣ на него... Недоумѣвая, что бы это значило, Брукъ поспѣшилъ къ ослабѣвшей Кэтѣ, и, не долго думая, смѣло обнялъ ее...

Дверь за ними захлопнулась—и хорошо знакомый имъ тихій смѣхъ послышался за этой дверью.

XXVIII.

Послѣ обѣда нагрянула буря, которую предвѣщали носившіеся, какъ чайки, около дома слухи о пріѣздѣ незваныхъ гостей—и дѣйствительно: пріѣхали судейскіе. Съ самаго утра готовились къ официальной описи, наложенію печатей запрещенія и, все таки, появленіе этихъ господъ у подвѣзда виллы было для всѣхъ живущихъ на ней громовымъ ударомъ. „Судейскіе“ явились слишкомъ рано. Лакеи не успѣли еще перетаскать съ чердака въ главный корридоръ старомодныхъ столовъ и комодовъ изъ краснаго дерева, принадлежавшихъ президентшѣ, дивановъ, стульевъ, запыленныхъ съ разорванной обивкой; ящики, съ уложеннымъ въ нихъ приданнымъ Флоры, стояли еще наверху въ ожиданіи подвода; въ кладовыхъ и въ винномъ погребѣ оставалась еще изрядная батарея неоткупоренныхъ бутлокъ съ различными питіями.

Президентша гордо и важно удалилась въ свою спальню—она не хотѣла видѣть „судейскихъ“... Какъ ни были эти послѣдніе вѣжливы и почтительны — они все таки не могли надлежащимъ образомъ обратить вниманіе на нервные припадки почтенной дамы; господа эти должны были спросить: составляетъ ли убранство этой спальни собственность президентши? Полу-

Водопадъ Учанъ-Су, въ Крыму. Съ фотографіи, гравир. Халуца.

чивъ отрицательный отвѣтъ, имъ пришлось попросить ее перейти на время въ другую, пустую комнату, потому что эта спальня *должна быть запечатана...* И вотъ, старая мебель была перенесена въ небольшую, хорошенькую комнату, старая перины провѣтрены и уложены на кровать, покрытую полинялымъ, коричневымъ шелковымъ одѣяломъ, много лѣтъ уже не попадавшимъ на глаза президентши... При видѣ этого одѣяла дрожь отвращенія пробѣжала по ея тѣлу. Горничная старалась прибрать комнатку какъ можно красивѣе и уютнѣе; она разставила на цвѣточномъ столикѣ у окна листовныя растенія, добытыя ею изъ зимняго сада, кромѣ того успѣла захватить изъ прежней спальни самыя любимыя и необходимыя для ея избалованной госпожи вещи, однако же почтенная дама и не замѣтила, какъ старалась ея камеристка: генеральша сидѣла у окна и смотрѣла въ паркъ на павильонъ, украшенный новой блестящей крышей, которая видѣлась изъ-за рошцы.

Это когда-то столь страшное, столь ненавистное „вдовье жилище“ стало теперь для нея настоящимъ волшебнымъ маленькимъ замкомъ. Сквозь листву клена были видны богатыя кружевыя занавѣси за зеркальными стеклами углового окна; все блестяло тамъ новизною: гладкій паркетъ, элегантная мебель, живопись на потолкахъ, люстры въ салонахъ; даже кухня была снабжена съ избыткомъ всѣмъ нужнымъ... И эта-то „дорогая игрушка“ должна была принадлежать ей до конца ея жизни, а она, президентша, съ презрѣніемъ оттолкнула тогда эту игрушку изъ одного страха, что это отдалить ее отъ веселой жизни въ домѣ коммерціи совѣтника... Что же теперь-то, теперь?..

Между тѣмъ Флора отстаивала свое добро, но, не смотря на всѣ доводы ея и, наконецъ, даже на ссылку на свидѣтельство прислуги, желаннаго результата не получилось, ибо ей вѣжливо, но рѣшительно отвѣчали, что фрейлейнъ Мангольдъ можетъ *потомъ* требовать свои вещи, въ настоящую же минуту все должно быть опечатано. Бѣготня взадъ и впередъ по лѣстницамъ продолжалась нѣсколько часовъ. Кадки и горшки съ цвѣтами, украшавшіе виллу, были отнесены въ оранжерею; слышно было, какъ щелкали замки то въ одной, то въ другой комнатѣ, ставни запирались—даже страшно становилось при видѣ того, какъ вслѣдъ за исполнителями закона въ домѣ воцарялись мракъ и безмолвіе. Среди всей этой суматохи слышались брань и проклятія прислуги, которая теперь уже не стѣснялась и громко заявляла свои сѣтованія на задержку жалованья, собираясь покинуть домъ, гдѣ все было уже подъ замкомъ... Остался только садовникъ, который и былъ во дворенъ въ лакейской.

Во время всей этой суматохи, всеобщаго смятенія, наверху, въ бѣль-этажѣ, одна душа человѣческая, душа дѣвушки, расправляла уже крылья, чтобы послѣ многолѣтней, упорной борьбы разстаться тихо, покорно съ своей брэнной оболочкой—больнымъ тѣломъ.

„Судейскіе“ не заглянули въ комнаты Генріэтты—тамъ все принадлежало ей. Въ бѣль-этажѣ старались не шумѣть, даже ходили осторожно, такимъ образомъ большую никакой шумъ не потревожилъ. Въ открытое окно Генріэтта видѣла только розовое небо да бѣлокрылыхъ ласточекъ, носившихся серебристыми стрѣлами подъ розовыми вечерними облаками... Птички готовились къ перелету, а потому видимо были встревожены. Вчера еще запахъ дыма, доносившійся со стороны руины, и отдаленный шумъ привлекали вниманіе больной; мысли ея безпрестанно блуждали около мѣста катастрофы, гдѣ подъ обрушившимися стѣнами погибъ „неосторожный“, котораго она, не смотря на его слабости и недостатки, любила, какъ брата... Сегодня ничто уже не нарушало торжественной тишины угасаю-

щаго дня и не тревожило угасающей недолгой дѣвичьей жизни...

Докторъ сидѣлъ у постели Генріэтты. Онъ видѣлъ, какъ смерть налагала свою печать на это умное, выразительное лицо; пульсъ большой слабѣлъ, промежутки между ударами становились больше...

— Фло—ра, прошептала Генріэтта и выразительно посмотрѣла на Брука.

— Позвать ее? спросилъ онъ, приподнимаясь, чтобы сходить за Флорой.

Генріэтта отрицательно покачала головой.

— Ты не сердись на меня за то, что я желаю остаться наединѣ съ тобой и Кэттой, пока... (она не договорила и начала считать ослабѣвшими пальчиками поблекшіе виноградные листочки, лежавшіе на ея одѣялѣ). Я хочу избавить ее отъ послѣдняго свиданія со мной, и она будетъ благодарна мнѣ за это (саркастическая улыбка въ послѣдній разъ мелькнула на ея губахъ). Она терпѣть не можетъ трогательныхъ сценъ... Ну, Лео, передай ей только мой поклонъ...

Брукъ молча наклонилъ голову. Возлѣ него стояла Кэта. Сильно билось сердце въ ея груди... Умиравшая, ничего не подозревая, намекала на тѣ отношенія, которыя уже не существовали... Узнаетъ ли она еще всю правду? Кэта робко заглянула въ лицо доктора—оно было серьезно и покойно... Да, отходящую въ лучшей міръ не слѣдовало волновать, тревожить неожиданною вѣстью, а приготовить ее къ такому факту уже не было времени; *смерть стояла у изголовья.*

Генріэтта устремила свой взоръ въ небеса.

— О, какъ тамъ чудесно! Какой прозрачный, розовый цвѣтъ! Какое наслажденіе для освобожденной души окунуться въ эти волны эфира, пролетѣла она съ чувствомъ... А можно ли увидѣть оттуда, что дѣлается на землѣ?.. Только на одно хотѣла бы я поглядѣть... (Она съ трудомъ повернула голову и въ первый разъ поглядѣла на Брука съ выраженіемъ безпредѣльной любви). Будешь ли ты счастливъ, Лео? Увидя тебя счастливымъ, я бы исчезла тогда въ безконечномъ пространствѣ...

Робкая, сдержанная дѣвушка даже въ предсмертный часъ свой не рѣшилась проговорить: „Я должна это знать для своего успокоенія, потому что я любила тебя всѣмъ существомъ своимъ!“..

Лицо Брука вдругъ просвѣтлѣло.

— Все измѣнилось къ лучшему для меня, счастье мнѣ улыбнулось, Генріэтта, сказалъ онъ съ чувствомъ. Я могу льстить себя надеждой, что совершу жизненный путь не одинокимъ и скорбящимъ... Скажу смѣлѣе: я *знаю*, что пробьетъ часъ, и осуществится моя мечта объ истинномъ счастьи... Довольна ты этимъ, сестра моя?.. Онъ поцѣловалъ тонкую, похолодѣвшую руку, которую держалъ въ своей, и прибавилъ: благодарю тебя!

Нѣжный, какъ вечерняя заря, румянецъ показался на мгновеніе на щекахъ умирающей; съ выраженіемъ тихаго счастья она невольно перевела свой взглядъ на Кэту, которая стояла облокотившись правой рукой на кресло Брука. Кэта очевидно боролась съ какимъ-то скорбнымъ, подавляющимъ ощущеніемъ, но въ то же время лицо ея выражало и смущеніе, и удивленіе. При видѣ молодой дѣвушки, чувства грусти и состраданія овладѣли Генріэттой.

— Взгляни на мою Кэту, Брукъ! заговорила умирающая тихимъ, прерывающимся голосомъ. Позволь мнѣ высказать теперь то, что всегда тяготило и печалило меня... Ты былъ къ ней всегда такъ холоденъ и, однажды, даже жестокъ до грубости, а вѣдь никто... никто не сравнится съ ней! Лео, я никогда не могла понять твоего предубѣжденія... О, будь добрѣ къ ней... Не покидай ее...

— Не покину!.. Никогда!.. До гробовой доски! Умру

— и тогда не оставлю ее! подхватил Брукъ, едва сдерживая бурный порывъ своего сердца.

— Ну... теперь... все хорошо... Я знаю, если ты будешь вѣрнѣе ей, то моя крѣпкая, славная Кэта всегда будетъ облегчать твое сердце отъ всѣхъ невзгодъ.

— Какъ вѣрная *сестра*, какою онъ можетъ считать меня съ этой минуты, добавила Кэта полушопотомъ.

Неземная улыбка блуждала на губахъ Генриэтты; больная лежала съ закрытыми глазами. Она не видѣла, что ея „крѣпкая, славная“ сестра дрожала, какъ въ лихорадкѣ, что она отвернулась и оттолкнула руку доктора, которую онъ протянулъ ей, оттолкнула, какъ бы считая не позволительнымъ даже пожать ее...

Исчезла улыбка, и умирающая прохрипѣла:

— Кланяйся бабушкѣ... Теперь я хочу покоя... Лео!.. покоя, во что бы то ни стало... Слышишь?.. прошептала она боязливо.

— Черезъ десять минутъ ты уснешь, Генриэтта, отвѣтилъ Брукъ успокоивающимъ тономъ. Онъ положилъ ея руку на одѣяло и, привставъ, просунулъ свою подъ подушку. Такъ поконилась она, какъ дитя у его груди... Блаженная смерть!

Прошло десять минутъ. Больная спала. Виноградные листочки тихо шуршали у окна, какъ бы отъ нѣжнаго дуновения вѣтерка, а розовое небо тамъ—наверху, куда стремилась дѣвственная душа, внезапно вспыхнуло яркимъ заревомъ... Маленькая, бойкая птичка вдругъ появилась на подоконникѣ и тихонько защебетала, глядя въ послѣдній разъ на восковое личико дѣвушки.

Но вотъ, наконецъ, и въ комнатѣ Генриэтты уже съ шумомъ заперли ставни. Ихъ откроютъ тогда, когда явятся какіе нибудь новые хозяева виллы коммерціи совѣтника.

Явилась президентша, согбенная, удрученная, какъ будто старость, долго подстерегавшая ее, теперь свирѣпо вцѣпилась въ нее своими когтями. Бѣлое газовое облако снова прикрывало ея подбородокъ и шею: она обросила черный креповый чепчикъ, сказавъ, что „по мошеникѣ не носятъ траура“. Почтенная дама подошла къ кровати и—легкая судорога искривила ея губы, когда она взглянула на покойное, мертвое личико внучки.

Флора пришла и ушла, не сказавъ ни слова: (Кэта и Брукъ *не существовали* для нея)... Она поцѣловала въ лобъ покойную сестру и, закинувъ голову, направилась къ той самой двери, черезъ которую вошла. На порогѣ она остановилась, но не повернула головы и даже не взглянула въ ту сторону, гдѣ стоялъ д-ръ Брукъ, который серьезнымъ, строго-торжественнымъ тономъ передалъ ей поклонъ усопшей. Красавица только кивнула головой и вышла, шурша шлейфомъ. Она отправилась внизъ за шляпой и плащемъ, намѣреваясь уйти въ ближайшій отель, гдѣ уже успѣла нанять комнаты для себя и президентши. Никому изъ членовъ семейства Мангольдъ, даже покойницѣ, не слѣдовало оставаться долѣе подъ кровлей преступника—Морица Рэмера.

Когда, съ наступленіемъ вечера, тѣло Генриэтты было вынесено, тогда и послѣднія комнаты въ бель-этажѣ заперли. Кэта и докторъ сошли съ лѣстницы. Какъ отчетливо раздавались ихъ шаги въ безмолвномъ, опустѣломъ домѣ! Садовникъ несъ впереди ихъ небольшую лампу, и какъ призрачно мерцалъ свѣтъ ея на стѣнахъ сѣней и корридоровъ,—этихъ безмолвныхъ свидѣтелей безумно-роскошной жизни въ золотые дни на виллѣ.

(Продолженіе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Султанъ Абдуль-Азисъ не многимъ пережилъ свое низложеніе—онъ умеръ нѣсколько дней спустя послѣ катастрофы, «лишивъ себя жизни въ припадкѣ умопомѣшательства», какъ гласятъ официальные извѣстія изъ Константинополя. Мы не будемъ останавливаться надъ этимъ фактомъ, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что событія во всей своей истинности рѣдко извѣстны современникамъ—будущее, не справляясь съ официальными отчетами, и даже съ протоколомъ, подписаннымъ 19 врачами (какъ сказано въ официальной депешѣ изъ Константинополя), разъяснить, конечно, воплѣтъ фактъ «самоубійства» Абдуль-Азиса. Новый султанъ издалъ уже въ прадѣ, которымъ, даруетъ амнистію политическимъ преступникамъ, т. е. герцоговинскимъ и боснійскимъ инсургентамъ, а также перемиріе на 6 недѣль, съ цѣлью «дать имъ время изъявить покорность и представить свои жалобы и требованія мѣстнымъ властямъ».

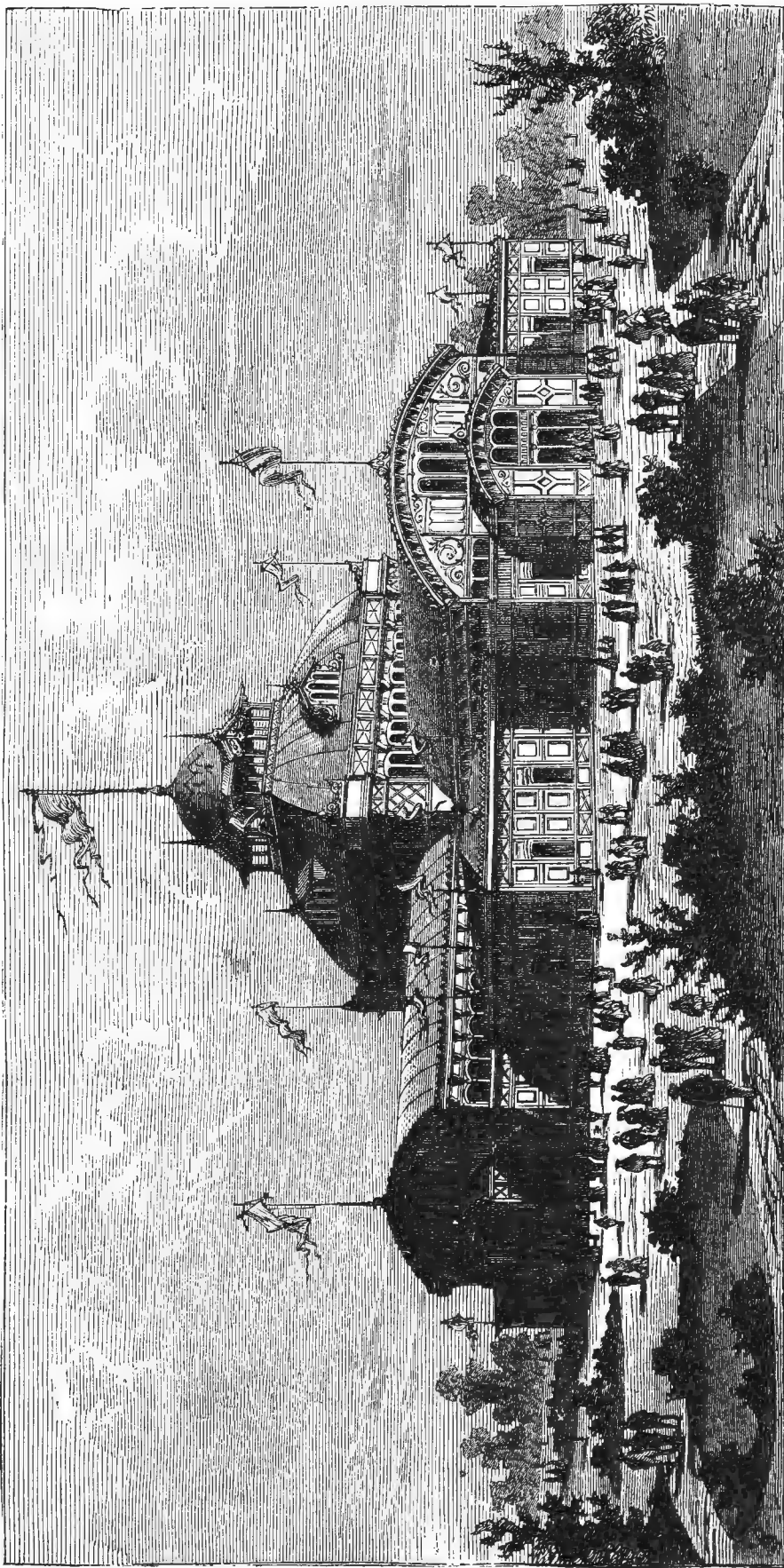
Чѣмъ отвѣтить на это возставшіе славяне—полагаемъ, отгадать не трудно. Пользуемся случаемъ, чтобы напомнить читателямъ мнѣніе, высказанное нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Мы говорили тогда, что дѣло освобожденія славянъ, проходя различные фазисы, неизбежно дойдетъ до конца, желаннаго инсургентами, не щадящими, въ виду своей цѣли, ни крови, ни имущества. Если еще, пока, мы не видимъ, чтобы ожиданія и надежды ихъ осуществились уже, то, съ другой стороны, вся европейская печать (и между прочимъ «Times» — вѣрный отголосокъ общественнаго мнѣнія Англій), значительнѣйшая часть которой высказывалась противъ самостоятельности возставшихъ провинцій, эта печать, въ одинъ голосъ, твердитъ только одно—о необходимости предоставить имъ автономію, независимость.

Истинныя въ этомъ отношеніи намѣренія Мурада V неизвѣстны еще. Незвѣстно пока еще и то, насколько онъ будетъ имѣть возможности обнаружить эти намѣренія, насколько, въ дѣлахъ управленія, будетъ руководиться собственными побужденіями. Всѣ извѣстія по этому предмету, надо сказать правду, довольно сбивчивы. Если его возвелъ на престолъ партия духовенства, фанатиковъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, о немъ говорятъ, что онъ пользуется репутацией иррелигіознаго человека, человека, чувствующаго большую склонность къ европейцамъ и цивилизаціи. Далѣе говорилось, что возведеніе его на тронъ падишаховъ обусловлено дарованіемъ народу «представительства». Все это не даетъ яснаго понятія объ истинномъ значеніи Мурада, какъ государя, не объясняетъ воплѣтъ опредѣленно—самостоятельный ли онъ повелитель правовѣрныхъ, или только орудіе партій.

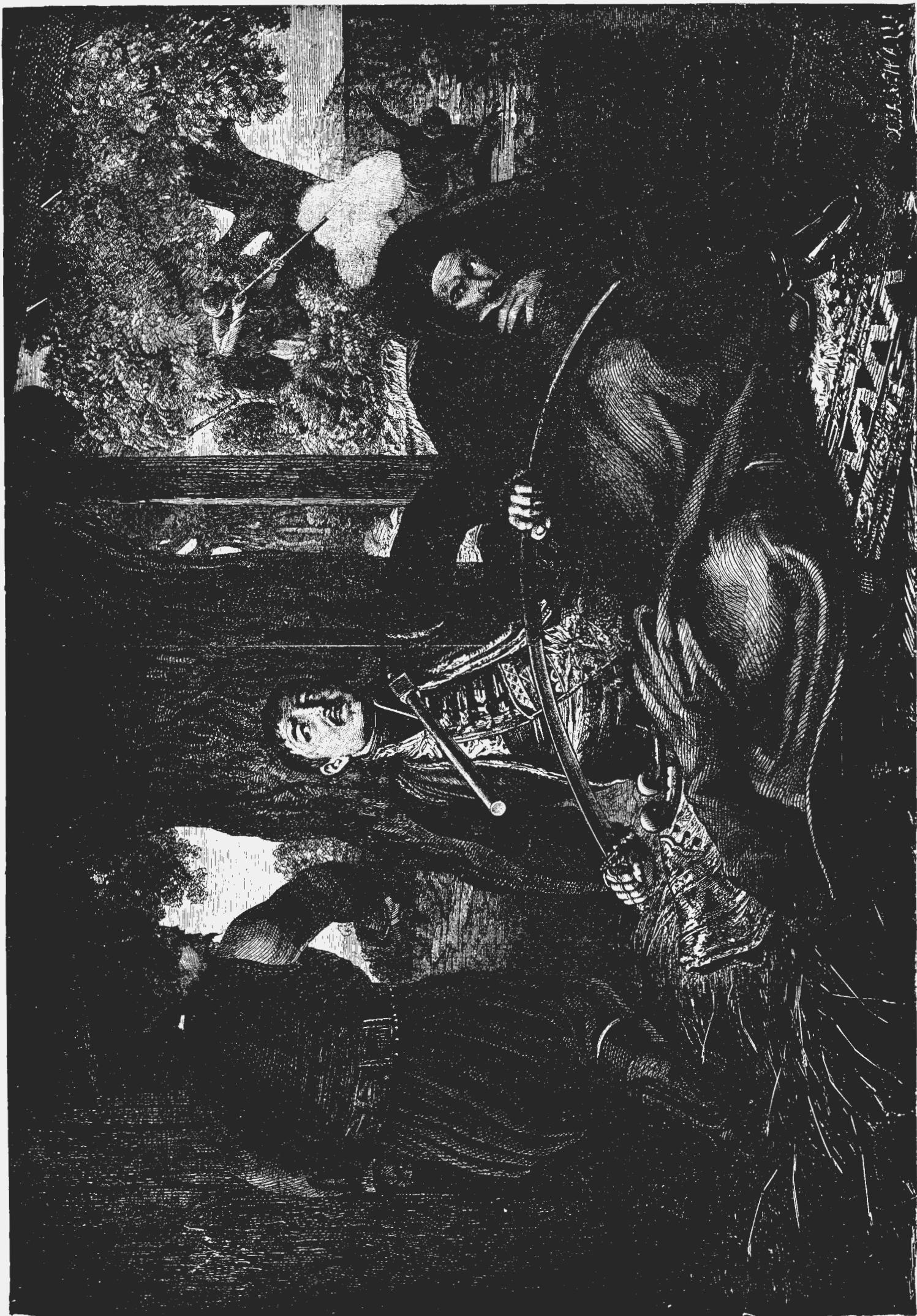
Что касается до Черногоріи и Сербіи, то настроеніе, господствующее въ первомъ княжествѣ, трудно опредѣлить съ точностью. Вообще, оно представляется какъ бы смѣсь стремленія къ дѣйствию съ дипломатическою осторожностью, къ чему присоединяется еще недовольство медленнымъ ходомъ событій. Но во всякомъ случаѣ, въ положеніи обоихъ княжествъ, весьма понятно, можно видѣть большое сходство. Утверждаютъ, что князь Николай, чрезъ посредство Петровича, далъ понять державамъ, совѣщавшимся въ Берлинѣ, что онъ долженъ будетъ принять участие въ возстаніи, если только замедлится умиротвореніе возставшихъ провинцій. Въ признакахъ приготовленій къ войнѣ и ожиданій ея недостатка нѣтъ. Такъ, княгиня Милена, супруга князя Черногорскаго, отправившаяся, какъ извѣстно, на морскія купанья въ Кантіаро, сказала собравшемуся провожать ее народу: «Какъ только начнется война, я возвращусь сюда—мѣсто мое будетъ тогда рядомъ съ сражающимся супругомъ».

Далѣе, княжеское правительство поглощено заботой о закупкѣ провіанта. Изъ Триеста доставлено въ Цетинью довольно значительное количество провіанта. Сербскіе торговые дома въ Триестѣ отпускаютъ пшеницу въ кредитъ. Уплатить же часть расходовъ по вооруженію обязалась, какъ слышно, Сербія. Въ Цетиньи оказываютъ большое уваженіе племени миридитовъ. Повидимому, послѣдніе не прочь вступитъ въ тѣсный союзъ съ Черногоріей. По крайней мѣрѣ, въ столицѣ княжества часто бываетъ одинъ глава миридитовъ изъ поколѣнія Дода, который, кажется, ведетъ переговоры съ княземъ Николаемъ. Племя миридитовъ, исповѣдующее католическую религію, населяетъ около 50 селъ и соперничать съ нимъ въ воинственности могутъ, во всей Турціи, только родственные ему арнауцы. Въ случаѣ войны, князь Николай намѣренъ раздѣлить всю черногорскую армию на 2 части. Одна будетъ расположена близъ Подгорицы, чтобы отражать наступленіе турокъ, другая же пойдетъ на помощь герцоговинскимъ инсургентамъ и постарается установить сообщеніе съ сербскими войсками близъ Нового Базара. Объ отношеніи Сербіи къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ, намъ, какъ мы уже сказали выше, придется повторить тоже самое, что мы говорили о Черногоріи. Князь Миланъ (такъ телеграфируютъ газетѣ «Daily Telegraph») заявилъ еще энергичнѣе о необходимости для него присоединиться къ дѣлу славянъ: онъ объявилъ консуламъ о принятомъ имъ рѣшеніи адресовать державамъ ноту, въ которой объясняетъ, что Сербія не остается иного выбора, какъ стать во главѣ возмущенія,

Выставка въ Филадельфiи. Павильонъ женскаго труда. Съ фотогр. грав. на деревѣ.

Смерть Сербского князя Кара-Георгия Петровича. Рис. и грав. Лде.

или же погибнуть. Сообщение этой ноты замедлилось вследствие трудности определить положение Черногория, по, в настоящую минуту, этот вопрос уже разрешен. Сербская войска (5 тысяч регулярных, 125 тысяч милиции — действующих и 160 ты-

сяч — прикрытия страны) продолжают движение к границам и недавно из Бѣлграда, в присутствии князя Милана и генерала Черняева выступили пионеры и часть военного обоза Бѣлградского округа.

БИБЛИОГРАФИЯ.

«Общественная и домашняя жизнь животных». Сатирические очерки, иллюстрированные 158 рисунками Гранвилла. СПб. 1876 г., ч. 2 р. 50 к.

Далеко не новая мысль пзобѣ азать людскіе недостатки и пороки, приписывая ихъ животнымъ, растеніямъ и различнымъ неодушевленнымъ предметамъ. Еще въ глубокой древности, во времена полудикаго состоянія челоѣчества, существовали сказанія такъ называемаго животного эпоса, гдѣ дѣйствующими лицами были животныя, растенія, а иногда и челоѣкъ. Въ этихъ безыскусственныхъ произведеніяхъ первобытнаго челоѣка является отличительною чертою торжество добродѣтели и правды надъ пороками и ложью, хотя бы послѣдніе и торжествовали, но всегда торжество это временное. Въ позднѣйшія времена произведенія животного эпоса переходятъ въ басни, гдѣ уже ясно выражена опредѣленная моральная тенденція.

Басни имѣли еще въ древности писателя, давнаго имъ литературно-язычную форму. Это былъ Эзопъ, знаменитый фригійскій философъ и баснописецъ, жившій за пять съ половиною вѣковъ до Рождества Христова. Басни Эзопы имѣли множество подражателей, заимствователей и переводчиковъ, но изъ этого множества выдѣлились только два баснописца: у французовъ — Лафонтенъ и у насъ — Крыловъ, обезсмертившіе себя славою не только переводомъ басенъ Эзопы, но и своими собственными оригинальными произведеніями въ этомъ родѣ. Засимъ, въ новѣйшее время, стали появляться въ литературѣ такія произведенія, гдѣ дѣйствующими лицами, подобно сказаніямъ животного эпоса, были звѣри, птицы и проч. Такая форма всего болѣе удобна для произведеній сатирическихъ, ибо даетъ возможность дѣлать очень остроумныя сопоставленія между челоѣкомъ, одареннымъ разумомъ, и животнымъ, дѣйствующимъ лишь инстинктивно. Конечно, эти произведенія и по формѣ, и по содержанию исполнѣ принадлежатъ новому времени. Самое замѣтное изъ подобныхъ произведеній есть, безспорно, «Рейнеке - Лисъ», которое, впрочемъ, справедливѣе будетъ отнести къ произведеніямъ древне-германской поэзіи, ибо та форма, въ которой мы знаемъ «Рейнеке - Лисъ», дана ему впоследствии знаменитымъ Гете, заимство-

вавшимъ сюжетъ этого произведенія изъ старинныхъ сказаній.

«Общественная и домашняя жизнь животных» относится отчасти къ подобному же роду произведеній и есть сборникъ очерковъ,

принадлежащихъ перу лучшихъ французскихъ писателей. Въ этой книгѣ, представляющей только первый томъ всего сочиненія, находятся слѣдующія имена: П. Ж. Сталь, де-Бальзакъ, Э. де-Бедольеръ, Жоржъ-Зандъ, В. Франклинъ, Густавъ Дрозъ, Жюль Жаненъ, Эд. Лемуанъ, Поль-Мюссе, Ш. Нодье и Луи Виардо.

Общій характеръ этого сборника — сатирическій, но тамъ попадаются вещи и не чисто-сатирическія. Есть произведенія, отличающіяся большою глубиной психическаго анализа, какъ напр., «Сѣтованія одной старой жабы», Густава Дроза, «Приключенія мотылька», П. Ж. Сталя, и «Неудачи одной левретки» Г. Дроза. Остальные представляютъ болѣе или менѣе ѣдкую сатиру на общественные нравы, политическое и социальное устройство разныхъ государствъ и народовъ. Такъ «Сердечныя страданія одной англійской кошки», «Осель-путеводитель» и «Путешествіе африканскаго льва въ Парижъ», принадлежащія перу де-Бальзака, мѣтко осмѣиваютъ: первая — нелѣпныя требованія англійской лицемѣрной нравственности, считающей вышнее приличіе выше и прежде всего; вторая — шарлатанство ученыхъ, а третья — затрогиваетъ политическіе вопросы.

Къ политической сатиры принадлежатъ также и «Путешествіе парижскаго воробья, съ цѣлью отыскать наилучшій образъ правленія», Жоржъ-Занда.

Кромѣ этихъ, особенно замѣтныхъ произведеній, въ книгѣ есть еще нѣсколько, написанныхъ тоже съ большимъ талантомъ. «Страданія зеленаго жучка», Поля де-Мюссе, есть сатира на уродливости нравовъ и понатій, такъ называемаго великосвѣтскаго общества, grand monde; «Жизнь и философія мѣтвня Пингвина» — осмѣиваетъ ученія нѣкоторыхъ социалістовъ; «Первый фельетонъ пистолета» выставляетъ смѣшныя стороны театральныя нравовъ и фанфаронство посредственныхъ театральныя критиковъ и проч. и проч.

Выписывать заглавія всѣхъ статей и опредѣлять ихъ содержаніе было бы излишне — скажемъ только, что всѣ статьи написаны живо и талантливо.

Цибеть предлагаетъ понюхать табану старому Бобру.

«Подержите-же меня хорошенько!» сказалъ заяцъ собацѣ — сенунданту, «вы свидѣтель, что я сдѣлалъ все возможное для того чтобы это отвратительное убійство не состоялось!»

Не менше талантливо и живы иллюстрації, которыми украсилъ настоящую книгу французскій художник Гранвилль, этотъ неподражаемый мастеръ въ изображеніи физиономій животныхъ. Физиономіямъ звѣрей онъ умѣетъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, придать выраженіе вполне человѣческое, освѣтить эту физиономію движеніями всевозможныхъ человѣческихъ страстей и чувствъ: гнѣва, ревности, хитрости, глупости, добродушія и такъ далѣе, до безконечности. Наиболее удачны въ этомъ отношеніи фигуры животныхъ четвероногихъ.

Для того, чтобы дать возможность читателю ближе познакомиться и съ литературными достоинствами книги, и съ рисунками Гранвилля, мы сдѣлаемъ нѣкоторые извлечения изъ книжки и помѣстимъ нѣсколько, наиболее характерныхъ, гравюръ отсюда на страницахъ «Нивы». Книга начинается прологомъ, гдѣ разсказывается, какъ въ одну ночь, «тайно отъ всѣхъ великихъ державъ», собрались животные всѣхъ странъ на совѣщаніе. «Въ эту ночь, когда весь міръ спалъ, всѣ замки были взломаны, какъ бы волшебствомъ, всѣ двери отворились разомъ — и обитатели кѣтокъ вышли въ молчаніи на своихъ оконечностяхъ.

«Образовался большой кругъ: домашнія животные помѣстились по правую сторону, дикіе звѣри заняли мѣсто на лѣвой, моллюски находились въ центрѣ. Тотъ, кто увидѣлъ бы эту странную сцену — тотчасъ бы понялъ всю ея важность.

Исторія сартии не представляетъ ничего подобнаго тому, что происходило въ этой средѣ травоядныхъ и плотоядныхъ знаменитостей. Гиены поразили своей энергіей; гуси были трогательны. Всѣ представители цѣловались подъ конецъ засѣданія, но посреди всеобщаго излиянія чувствъ, произошло, къ сожалѣнію, два-три прискорбныхъ случая: лисица, упоенная радостью, *задушила утку*; волкъ, въ порывѣ энтузіазма, *задавилъ барана*; а тигръ, обезумѣвшій отъ восторга, — *лошадь*. Такъ какъ эти господа съ давнихъ поръ находились во враждѣ со своими жертвами, то они объявили, что сила чувства и привычка взяла надъ ними верхъ, и что это легкое забвеніе приличій — должно быть приписано только счастью примиренія. Одна утка обѣщала съочинить оду на смерть своей сестры и другихъ мучениковъ, погибшихъ за отечество. Она сказала, что охотно воспоетъ этотъ прекрасный конецъ, который долженъ доставить имъ безсмертіе. Увлеченные этими краснорѣчивыми словами, собраніе положило перейти къ очереднымъ запятіямъ. Точно также рѣшено было оставить безъ послѣдствій и то обстоятельство, что *слонъ*, говоря противъ смертной казни, *раздавилъ ногою тиздо крысъ*.

Въ слѣдующемъ засимъ «протоколѣ собранія» подробно описаны пренія и дебаты собравшихся, предлагавшихъ каждый свое средство для возстановленія мира и всеобщаго благосостоянія между животными.

Въ рѣчахъ ораторовъ ясно изобличается ихъ характеръ и порода: левъ и тигръ предлагаютъ всеобщую, безопадную войну противъ человѣка; съ ними соглашаются хищныя животные.

Олень проситъ свободы, англійская лошадь — уничтоженія желѣзныхъ дорогъ; собака превозноситъ домашній бытъ и выгоды цивилизованной жизни; соловей восхваляетъ ясное солнце, теплый воздухъ, синее небо; барашекъ вздыхаетъ о прелестяхъ сельской жизни.

Всѣ эти рѣчи возбуждаютъ шумъ и пренія. Хамелеонъ, взойдя на кафедру, соглашается со всеми ораторами. Наконецъ на трибуну всходитъ лисица и резюмируетъ всѣ произнесенныя рѣчи. Выписываемъ это замѣчательное резюме: «лисица говоритъ, что она съ глубокимъ вниманіемъ выслушала все, что было сказано до настоящей минуты; она благоговѣетъ предъ возвышенными и благородными идеями льва; никто больше ея не уважаетъ величіе его характ ра, но, тѣмъ не менѣе, она считаетъ долгомъ замѣтить, что почтенный членъ есть единственный левъ въ собраніи; а для всѣхъ остальныхъ членовъ, разстояніе отъ Ботаническаго сада до степей слишкомъ громадно;

что она и хотѣла бы вѣрить иллюзіямъ собаки, но видѣть у ней на шеѣ ошейникъ. (Собака почесываетъ себѣ ухо. Какой-то шутникъ замѣчаетъ, что у нея уши стали, какъ будто, поменьше и спрашиваетъ, не въ модѣ ли теперь носить ихъ короткими? Общій смѣхъ). Ораторъ продолжаетъ, что онъ самъ увлекся было геройскимъ духомъ тигра и чуть-чуть не повторилъ за нимъ его воинственнаго призыва; но, что война хороша только для тѣхъ, кто отъ нея уцѣлѣетъ, вообще же она оставляетъ много вдовъ и сиротъ; что пороховъ выдуманъ человѣкомъ, а животные еще не умѣютъ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ. И притомъ фактами, доказано, что на этомъ свѣтѣ не всегда правые остаются побѣдителями, и что, наконецъ, цѣпи ихъ порваны еще такъ недавно, что, по всей вѣроятности, многие не успѣли еще записаться заграничными паспортами. (Одобреніе съ правой. Левъ молчитъ. Центръ не говоритъ ничего и ничего не думаетъ. Скворецъ замѣчаетъ, что многие прослыли умниками за то, что молчали). Рѣчь соловья, продолжаетъ лисица,

Собрание обсуждаетъ сдѣланныя ему предложенія.

безъ сомнѣнія — прекрасна, но она нисколько не подвинула вопроса. Слѣдовало бы также условиться въ пониманіи нѣкоторыхъ словъ: равенство, желаемое нѣкоторыми, есть потребность матеріальная, которую никогда не признаетъ разумъ (левая протестуетъ). Олень, прося свободы, долженъ бы былъ вмѣстѣ съ тѣмъ просить и умѣнья пользоваться ею. Если непріятно быть рабомъ, то съ другой стороны, иногда и свобода очень стѣсняетъ: рабство усовершенствовано до такой степени, что рабъ и за дверями своей тюрьмы не встрѣчаетъ ничего, кромѣ горя. Бывали примѣры, что люди, освобожденные отъ крѣпостной зависмости, не зная, куда дѣваться, опять возвращались къ ней. (Изъ глазъ огорченнаго оленя медленно текутъ слезы, дроздъ свистѣтъ, что неспособность рабовъ обусловливается рабствомъ-же). Разсужденіе свиньи имѣетъ ту хорошую и ту дурную сторону, что оно нисколько не измѣняетъ дѣла; мнѣніе-же, высказанное кабаномъ, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ мнѣнія свиньи. (Одобреніе сторонъ. Цибетъ пред-

лагают понюхать табуку старому бобру. Сосѣдка его, свинья, сконфузившись, закрываетъ глаза, какъ будто собирается чихнуть).

Благородныя чувства барашка глубоко растрогали меня, представляетъ ораторъ но, къ сожалѣнью, свѣтъ устроенъ такъ, что излишняя доброта вредитъ. Пусть барашекъ вспомнитъ, что восхваляемый имъ добрый пастухъ, отвѣть его мать на бойню. (Барашекъ, рыдая, бросается въ объятія барана, который упрекаетъ лисицу за ея жестокосердныя слова. Сцена эта провозводитъ тяжелое впечатлѣнне на собраніе. Голубъ говоритъ, такъ, чтобы всѣ слышали, что отсутствіе деликатности есть почти всегда признакъ отсутствія сердца). Лисица, желая оправдаться, сожалѣетъ, что не всѣ истины можно высказывать; она увѣряетъ, что сантиментальная политика была-бы ей совершенно по вкусу, но что бываютъ такіа болѣзни, для которыхъ не годятся паллативныя средства, и Макиавелли находить, что иногда жестокость бываетъ спасительна и благотворна. Она отвѣчаетъ затѣмъ хамелеону, что всемірныхъ животныхъ не существуетъ.

Каждый долженъ имѣть свою особенность, а такъ какъ особенность хамелеона заключается въ одобреніи всѣхъ и каждого, то ораторъ надѣется, что будетъ имъ также одобренъ... Опровергнувъ такимъ образомъ всѣхъ ораторовъ, лисица предлагаетъ свое средство. Средство это заключается въ томъ, чтобы издать сначала популярную иллюстрированную жизнь животныхъ, написанную самими животными. Изданіе этой исторіи имѣетъ цѣлью всесторонне выяснитъ нужды животныхъ. Предложеніе лисицы принято, и затѣмъ составлена была редакція изъ обезьяны и попугая, долженствовавшая просматривать рукописи и поправлять ихъ. Такимъ образомъ образовался настоящій сборникъ. Прилагаемая здѣсь картинка, изображаетъ собраніе, обсуждающее сдѣланныя ему предложенія. Если разсмотрѣть картинку хорошенько, то можно увидѣть, что тутъ бездна типичности. Все эти животныя *разговариваютъ*, обсуждаютъ что-то, очень для нихъ интересное.

Обезьяна въ очкахъ что-то весьма обстоятельно доказываетъ серьезному пуделю въ ермоликѣ и тоже въ очкахъ; съ какимъ жаромъ, въ другой группѣ, гена опровергаетъ или доказываетъ что-то солидному медвѣдю; позади ихъ тигръ, пунтъ за пунтомъ, опровергаетъ мирную политикку барана. Тигръ видимо увлекается, глаза загорѣлись, такъ и хочется ему броситься на смиреннаго барана и доказать превосходство своихъ мнѣній на его шкурѣ... А впереди собралась мелкота и тоже разсуждаютъ: черепаха и ракъ, два политика, нелюбящіе сѣбѣшить, забѣгаютъ впередъ, и чомышище мудрую классическую поговорку: «festina lente» (сбѣжи медленно), стлуютъ на поспѣшность, оживленіе и волненіе окружающихъ, тогда какъ, по ихъ мнѣнью, можно все это сдѣлать потихоньку, помаленьку, обдумавши и обсудивши. Лагушка никакъ не можетъ согласиться съ доводами хорька и безнадежно разставила лапы; а вокругъ великана-пингвина въ шляпѣ, собралась мелкая птичка и слушаютъ мудрыя рѣчи глубокомысленной птицы... словомъ, бездна комора, типовъ и удачно нарисованныхъ фигуръ!

Обратимся къ очеркамъ. Первый очеркъ принадлежитъ перу П. Ж. Сталя и озаглавленъ: «Исторія одного зайца, разсказанная сорокою». Старый заяцъ, чувствуя приближеніе смерти, собралъ своихъ сыновей и разсказываетъ имъ свою жизнь. Разсказъ этотъ записала сорока. Повѣствованіе свое онъ ведетъ отъ самаго дѣтства, какъ, затѣмъ, онъ попалъ въ Тюльерійскій дворецъ, къ придворному лакею и служилъ забавою его маленькой дочкѣ. Тутъ онъ былъ свидѣтелемъ іюльской революціи. При первыхъ звукахъ выстрѣловъ, заяцъ вообразилъ, что это его родичи, зайцы, вздумали отомстить людямъ за всѣ ихъ притѣсненія. «Боже мой, подумалъ я, неужели у зайцевъ достало безумія забраться въ Парижъ, гдѣ такъ много людей, собакъ и ружей? И ужасное воспоминаніе объ охотѣ въ лѣсу оледенило меня ужасомъ. Наверно, подумалъ я, когда нибудь, давно, людямъ сильно досталось отъ зайцевъ: я, по крайней мѣрѣ, не могу иначе объяснить себѣ такой страшной ненависти, какъ потребностью мщенія, и я я посмотрѣлъ на мою хозяйку, прося у нея защиты. По лицу ея я увидѣлъ, что она сама струсила не меньше меня. Я только что хотѣлъ поблагодарить ее за жалость, которую ей, повидимому, внушало бѣдственное положеніе моихъ братьевъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что ея испугъ былъ чисто личный...

«Эти ружейныя выстрѣлы, отъ которыхъ у меня застыла кровь въ жилахъ, были вовсе не по зайцамъ. Оказалось, что люди стрѣляли въ людей же...

«У людей такъ велика потребность охотиться, что они предпочитаютъ убивать другъ друга, чѣмъ не убивать никого.

— Въ томъ, что вы разсказываете, нѣтъ ничего удивительнаго, отвѣчала я (сорока) Сколько разъ, когда наступала ночь, мнѣ приходилось подвергаться выстрѣламъ охотниковъ, у которыхъ страсть разряжать ружья по сорокамъ, чтобы, какъ они говорятъ, не пропалъ даромъ порохъ. А между тѣмъ мы не годимся въ пищу. Такіе подлены!

— Но страннѣе всего то, продолжалъ мой старый пріятель, утвердительно кивнувъ головой на мои слова, что люди, вмѣсто того, чтобы стыдиться, еще гордятся этой противоестественной рѣзней. Кажется, они употребляютъ въ дѣло пушки всякій разъ, какъ не поладятъ между собой, и время, въ которое пролито особенно много крови, считается въ ихъ лѣтописяхъ самымъ замѣчательнымъ періодомъ».

Такого рода наивныя замѣчанія заяцъ дѣлаетъ при каждомъ фактѣ, поразившемъ его своею противоестественностію, съ точки зрѣнія животнаго. Далѣе онъ описываетъ безпорядки во дворцѣ, оставленномъ всѣми, и въ который приходитъ сначала роуллисты, а потомъ республиканцы. Но вскорѣ, по словамъ зайца, все успокоилось; въ Тюльери ровно ничего не перемѣнилось, кромѣ короля, и высшее общество скоро стало опять показываться на гуляньи.

Очень хорошо также то мѣсто въ этомъ очеркѣ, гдѣ заяцъ описываетъ свою невольную дуэль съ пѣтухомъ — бреттеромъ.

Нелѣпный обычай «смывать кровью» самыя незначительныя обиды, господствующій и до сихъ поръ въ извѣстной части общества, въ этомъ описаніи является очень глупымъ и отвратительнымъ.

Вотъ какъ разсказываетъ заяцъ этотъ случай:

«Какъ разъ около самой деревни Пюто, я увидалъ пѣтуха. Глаза мои, утомленные постояннымъ созерцаніемъ мужчинъ и женщинъ, съ удовольствіемъ отдохнули наконецъ на этомъ животномъ. Это былъ пѣтухъ превосходной породы, на очень высокихъ ногахъ. Онъ ходилъ, покачиваясь, какъ животное, которое не прочь похвастать своимъ ростомъ; да вообще въ его походкѣ и осанкѣ было что-то воинственное, напоминавшее мнѣ французскихъ солдатъ; которые часто, бывало, толпились около нашего театра въ Елисейскихъ поляхъ.

— Клянусь моимъ гребнемъ! сказалъ онъ мнѣ вдругъ. въ что-то слишкомъ долго на меня смотрите; я нахожу, что для зайца вы очень дерзки.

— Какъ, отвѣчалъ я, развѣ запрещено находить васъ красивой птицей! Я возвращаюсь изъ Парижа, гдѣ не видѣлъ никого, кромѣ людей, и очень радъ, что наконецъ встрѣтилъ животное.

Отвѣтъ мой кажется, былъ совершенно простъ; но онъ все-таки нашелъ поводъ обидѣться.

— Я деревенскій пѣтухъ, вскричалъ онъ, и не допущу, чтобы какой нибудь скверный заяцъ смѣлъ безнаказанно оскорблять меня!»

За сямъ дѣло дошло до дуэли. На сколько типична эта сцена въ рисунокѣ Гранвиля, предоставляемъ судить читателю.

Вѣрность этого изданія не оставляла бы желать ничего лучшаго, еслибы прелестныя рисунки Гранвиля не были нѣсколько испорчены небрежнымъ печатаніемъ. Невыгоды печатанія въ плохой типографіи видны на подобныхъ изданіяхъ съ большою осизательностію; желаемъ, чтобы рисунки второго тома не подверглись той же участи.

А. Арс.

СОДЕРЖАНІЕ: Ницше на Руси (съ 2-мя рисунками). Садовникова. — Среди природы (съ рисункомъ). — Водопадъ Учачъ-су въ Крыму (съ рисункомъ). А. Невельского. — Выставка въ Филадельфій. Навильонъ «женскаго труда» (съ рисункомъ). — Сербскій князь Нара-Георгій Петровичъ (съ рисункомъ). — Въ домѣ коммюни советника. Повѣсть Э. Марлитта (продолженіе). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія (съ 3-мя рисунками). А. Арс. — Объявленія. — Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ЮНЬ съ 37 рисунками и большой листъ выроеетъ съ 32 чертёжами.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ

„РУССКАГО БОГАТСТВА“

журнала Торговли, Земледѣлія и Естествознанія, вышло 15 тетрадей, съ 90 рисунками въ текств. При №№ 3, 7 и 13 расославы слѣдующія бесплатныя приложенія: два выпуска «Парижскихъ модъ», съ 10 гравюрами, съ двумя модными картинками, кинновымъ узоромъ и 23 рисунками женскихъ работъ; посылки портреты гг. Тургенева, Остроумова, графа Толстого и Далия. Подписка на «Русское Богатство» продолжается; новымъ подписчикамъ журналъ высылается съ № 1-го и всѣ бесплатныя приложенія. Цѣна годовому изданію «Русскаго Богатства» съ пересылкой во всѣ мѣста Имперіи—5 р., на полгода 2 р. 50 к.

Требованія адресовать: въ Москву, редактору-издателю Н. Ф. Савичу (Спаская улица, домъ Виноградскаго).

СТУДЕНТЪ университета желаетъ получить урокъ въ отъѣздѣ. Обозначивъ подробно условія, адресовать: Петербургъ, Кронверскій проспектъ, д. № 35, г-ну М. Д.

Сибирскія, противъ зубной боли, капли, Л. Гиршгорна. Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ С.-Петербургѣ; также у Рулюковуса и Гольма, въ Казанской ул., на углу Дежидова пер. и въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, у Полицейскаго моста, въ д. Башмакова. Въ Харьковѣ: въ отдѣленія этого общества, у Лопачинскаго моста, въ д. Бодаевского. Цѣна 75 коп. 4—2

100 рублей 2 тома рисунковъ Gavagni въ переплетахъ. Зарайскій, Ряз. губ., с. Щегогово, у почт. гражд. Сергія Александровича Кондратьева. 3—2

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—12

ЖИЗНЬ

№ 24

ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
(ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ). Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 14 Іюня 1876 г.

Султанъ Мурадъ V.

Мурадъ V, новый турецкій султанъ. Рис. В. Тагаццо, грав. Пугцъ.

Султанъ Мурадъ V.

Ровно пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Амурадъ I (1376 г.) организовалъ отборное войско—*сипайевъ* (кавалерія), которое вмѣстѣ съ янычарами одерживало славныя побѣды,—такъ были завоеваны этимъ султаномъ провинціи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ одной отчаянной битвѣ этотъ Амурадъ былъ убитъ. Послѣ смерти перваго Амурада до воцаренія Амурада V (Мурада) прошло пять вѣковъ, отмѣченныхъ въ исторіи Турціи, всякими тревоженіями и блестящими побѣдами. Владычество турокъ длилось до 70-хъ годовъ XVIII вѣка, т. е. до смерти Селима II, когда, впервые, при Лепанто, былъ нанесенъ чувствительный ударъ возрастающей силѣ «правовѣрныхъ». Эта битва доказала, что не всегда побѣда можетъ быть на сторонѣ *криовыхъ* саблей. Взглянемъ теперь на судьбу тѣхъ султановъ, которые послали имя Амурадъ. При Амурадѣ II турки въ первый разъ дошли отъ Адрианополя до Константинополя, но, ничего не сдѣлавъ, вернулись. Въ царствованіи этого султана впервые вспыхнула янычарскій бунтъ, который при Амурадѣ III повторился до десяти разъ и всегда былъ погашаемъ богатыми подарками, преподносимыми возставшимъ, слѣдовательно безъ кровопролитія. Турецкое знамя въ царствованіи Амурада III особенно часто было побѣднымъ знаменемъ. Главнымъ военачальникомъ турецкихъ полчищъ, Уздемиръ-Оглу-Османъ, завоевалъ Арменію и сѣверную пограничную персидскую провинцію Азербайджанъ, затѣмъ достигъ Тавриса и прислалъ много богатой добычи повелителю своему въ Стамбуль. Въ то время на берегахъ Босфора возвышался великолѣпный, въ персидскомъ вкусѣ, дворецъ, котораго и слѣдовъ теперь уже нѣтъ. Грозю своего времени и тираномъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, тираномъ, какимъ можетъ быть только восточный деспотъ—былъ Амурадъ IV. Войска его одерживали блестящія побѣды, самъ же онъ былъ просто палачемъ и вообще, какъ свидѣтельствуеъ лѣтописецъ, имѣлъ натуру звѣрскую: присутствовать при казняхъ было для него наслажденіемъ. Онъ умеръ въ 1640 г. Послѣ этого на тронѣ османовъ не было султана, носящаго имя Мурадъ, и только теперь, вслѣдствіе всеобщей неурядицы въ европейской Турціи и удавшегося заговора—Абдуль-Азисъ палъ (онъ, будто-бы, кончилъ жизнь самоубійствомъ, въ припадкѣ умопомѣшательства) и на его мѣсто сѣлъ Мурадъ пятый. Абдуль-Азисъ царствовалъ почти 15 лѣтъ. Онъ былъ братомъ Абдуль-Меджида, который умеръ въ 1861 г. Умирая, Абдуль-Меджидъ принялъ отъ наслѣдника своего торжественную клятву, что *новый* султанъ не будетъ притѣснять и вообще вредить племянникамъ своимъ (у Абдуль-Меджида осталось шесть сыновей и восемь дочерей). Абдуль-Меджидъ особенно любилъ Абдуль-Гамида и Мурада, и потому объ участіи этихъ двухъ сыновей онъ очень заботился. Абдуль-Азисъ сначала энергично принялся за управление государствомъ, желая быть образцовымъ государемъ, но потомъ свернулъ на торную дорожку, ударился въ роскошь и сталъ вести расточительную жизнь. Слово, данное имъ покойному брату, онъ не сдержалъ, т. е. началъ враждебно относиться къ Мураду... И вообще, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, съ наслѣдниками Турціи обращались весьма дурно: до Мурада III наслѣдники допускались къ занятію государственными дѣлами и, такимъ образомъ, пріобрѣтая нужныя познанія, вступали на престолъ уже опытными правителями. Мурадъ III былъ послѣднимъ «свободнымъ» наслѣдникомъ; послѣ него cadaго наслѣдника (а случалось и всѣхъ братьевъ его) запирали во дворцѣ, позволяя имъ видѣться только съ извѣстными личностями. Нерѣдко бывало и такъ, что султанъ изъ страха за свой тронъ и жизнь *совершенно* устранялъ претендентовъ (Магомедъ III приказалъ умертвить всѣхъ братьевъ своихъ, а ихъ было 17).—Обычай держать взаперти наслѣдниковъ престола вредно вліяетъ на нихъ, потому что, становясь султанами, представителями свѣтской и духовной власти въ Турціи, они должны были учиться многому тогда, когда уже объ ученіи и рѣчи не могло быть, ибо требовалось знаніе и умѣнье прилагать его на практикѣ. Такой порядокъ, конечно, имѣлъ пагубное вліяніе на внутреннюю жизнь государства. Мураду-Эфенди пришлось испытать на себѣ всю тягостъ такого положенія; хотя онъ и не былъ плѣнникомъ во дворцѣ, однако-же находился подъ надзоромъ, а потому открыто могъ видѣться только съ нѣкоторыми лич-

ностями (съ одною изъ своихъ сестеръ онъ любилъ бесѣдовать въ особенности). Рассказываютъ, что давая небольшія денежные подарки сторожамъ своимъ, Мурадъ пользовался свободой и посѣщалъ (по вечерамъ) кафешантаны въ компаніи съ друзьями. Въ 1874 г. онъ часто видѣлся въ одномъ загородномъ домикѣ съ важными особами изъ турецкой аристократіи, а именно съ бывшимъ свѣтымъ воспитателемъ—Эдхемамъ-пашой (теперешнимъ посланникомъ при Берлинскомъ дворѣ) и съ Митхадомъ-пашой. А въ это-то время Абдуль-Азисъ, благодаря сговорчивости великаго визиря, совершенно серьезно задумывалъ уничтожить законный порядокъ престолонаслѣдія, имѣя намѣреніе сдѣлать сына своего Юсуфа-Изедина наслѣдникомъ. Но это ему не удалось: самъ Абдуль-Азисъ былъ свергнутъ съ престола, и законный наслѣдникъ Мурадъ V—объявленъ султаномъ. Замѣтимъ здѣсь, что султаны, носившіе имя Мурадъ, особенно старались украшать свою столицу, такъ, напр., въ мечети Ая-Софья пышному султану многое напоминаетъ о его предкахъ: великолѣпная кафедра была поставлена въ этой мечети Мурадомъ IV; при предшественникѣ его, Мурадѣ III, Ая-Софья украсилась двумя громадными мраморными вазами; на позолоту полумѣсяца пошло не менѣе 50,000 дукатовъ. Церемонія восшествія на престолъ Мурада V уже совершена: онъ опоясавъ саблей въ Эюбской мечети (Эюбъ—это прелестное предмѣстье Стамбула на правомъ берегу Золотого Рога. Здѣсь, какъ гласитъ преданіе, палъ въ 668 г., при первой осадѣ Константинополя, Эюбъ-Ансари—знаменосецъ великаго пророка, гдѣ и былъ похороненъ).

Эюбская мечеть съ саркофагомъ этого турецкаго героя считается такой святыней, что иновѣрцу (гяуру) и въ наше время трудно проникнуть въ нее. Саркофагъ покрытъ роскошно-вышитымъ шелковымъ покрываломъ, на которомъ лежатъ остатки покрывала Кооба. Серебряная рѣшетка окружаетъ гробницу, по обѣимъ сторонамъ которой стоитъ по одному громадному канделябру изъ серебра. Извѣстно, что каждый новый падишахъ, при опоясаніи его саблей, долженъ торжественно произнести клятву, что будетъ распространять исламъ «огнемъ и мечемъ». Мурадъ V, ставъ падишахомъ «по милости Божіей и по волѣ націй» (съ этимъ воцареніемъ связываются надежды на возрожденіе Турціи), *едва ли* могъ дать подобную клятву, но доказавъ это, конечно, нельзя, такъ какъ ни одинъ европеецъ не могъ быть свидѣтелемъ этой церемоніи. Послѣдующія событія покажутъ—могутъ ли такіе сюрпризы, какъ низверженіе съ престола Абдуль-Азиса, предотвратить паденіе современнаго калифата. Вотъ нѣкоторыя подробности о личности новаго султана Мурада V. Абдуль-Меджидъ ласково обращался съ братомъ своимъ Абдуль-Азисомъ, зная очень хорошо, что прежде султаномъ будетъ этотъ послѣдній, а не сынъ его—Мурадъ. Онъ полагалъ, что Абдуль-Азисъ, въ отношеніи къ Мураду, постарается отплатить брату тѣмъ же. Мурадъ бралъ уроки музыки и французскаго языка у одного изъ французскихъ профессоровъ. При жизни отца молодой Мурадъ имѣлъ во дворцѣ свой штатъ; до 20-лѣтняго возраста онъ былъ баловнемъ, воспитывался на европейскій манеръ, посѣщалъ театры, заводилъ любовныя интрижки въ греческихъ домахъ и вообще велъ веселую жизнь. Великій визирь Мегметъ-Кунресли не отчаявался въ сынѣ своего повелителя, надѣясь, что съ лѣтами пройдетъ легкомысліе Мурада, а потому не препятствовалъ ему вести разсыпанную жизнь. Мегметъ - Кунресли познакомилъ Мурада со многими важными особами, пріѣзжавшими въ Константинополь, такъ, напримѣръ, онъ былъ знакомъ съ принцемъ Наполеономъ, герцогомъ Кембриджскимъ, графомъ Парижскимъ, герцогомъ Шартрскимъ, графомъ Шамборомъ и другими высокопоставленными лицами. Мурадъ никуда не выѣзжалъ изъ Турціи, только разъ (и то на короткое время) посѣтилъ Вѣну, когда тамъ была всемірная выставка. Мураду теперь 36 лѣтъ. Онъ похожъ на отца, но не имѣетъ отцовской кротости; онъ храбръ, отваженъ и наклоненъ къ фантазіи, хорошо сложенъ, но не особенно цвѣтушъ, даже блѣденъ; здоровье его уже расшатано; у него ясныя, быстрые глаза; Мурадъ, какъ извѣстно, сынъ черкешени. Наѣздникъ онъ отличный.

ТЕГЕРАНСКІЕ ТИПЫ.

Какое разнообразіе фізіономій и костюмовъ можно ежедневно видѣть на базарахъ города Тегерана, о томъ читатель едва можетъ составить себѣ понятіе.

Здѣсь можно встрѣтить индѣйцевъ, татаръ, кавказцевъ, армянъ, грузинцевъ; курдовъ, иліатцевъ, туркменовъ, турокъ, европеецевъ и чистокровныхъ персіанъ.

Базары, это мѣста сборищъ тегеранскихъ гражданъ; они имъ замѣняютъ и театры, и клубы; а потому здѣсь всегда, съ утра до вечера, бываетъ до того полно, что всадникъ только съ большимъ трудомъ и весьма медленно можетъ пробираться сквозь эту пеструю толпу.

Но для европейцевъ этотъ рай Ирана болѣе похожъ на адъ, и онъ лучше объѣдетъ городъ, чтобы только не попасть въ этотъ лабиринтъ смрадныхъ нереулковъ подъ кирпичными сводами съ небольшими отверстіями для свѣта. Заблудиться здѣсь весьма не мудрено, такъ какъ базары запираютъ почти половину всего стараго города.

Несмотря на препятствія, любопытство побуждаетъ иногда и европейца идти на эти базары. Прогуливаясь между открытыми лавками, между важно сидящими купцами, видишь картины, въ которыхъ для наблюдательнаго зрителя есть много интереснаго.

Купцы, отличающиеся от прочих чистотою и опрятностью, большею частью персияне. Многие из них умѣютъ читать и писать, а что касается способовъ дѣйствія ихъ и торговли, то они всегда запрашиваютъ за свой товаръ значительно дороже, чѣмъ онъ стоитъ, и съ ними всегда слѣдуетъ торговаться.

Какъ уже сказано было выше, здѣсь можно найти большое разнообразіе національностей. Небольшія кучки курдовъ часто тѣснятся по базарамъ. Въ своихъ фантастическихъ костюмахъ, вооруженные старинными пистолетами съ кремнями, кинжалами, ножами, щитами и длинными бамбуковыми пиками—они выглядятъ совершенными разбойниками. Дerviши, похожіе на оранжево-утанговъ, съ крикомъ бросаются къ проходящимъ и просятъ милостыню. Эти дerviши постоянно странствуютъ, иногда цѣлыми партіями, и въ послѣднемъ случаѣ придираются къ одинокимъ путникамъ и не считаютъ грѣхомъ ограбить, если есть возможность. Они бывають иногда довольно чисто одѣты въ длинные индійскіе балахоны и носятъ на головѣ шапку, вышитую шелкомъ, а на плечахъ леопардовую шкуру; вооружены они палками съ желѣзными пулями на концѣ. Милостыню собирають въ блюдо, сдѣланное изъ кокосоваго орѣха. Кромѣ внищенства они также занимаются и торговлею ханшишемъ и другими одурачивающими веществами, которыхъ Персіяне покупають очень много.

Муллы, или, такъ сказать, ихъ «начетчики», отличаются отъ всѣхъ бѣлою чалмою. Потомки пророка, сеиды, носятъ зеленую чалму и зеленые кафтаны; вообще этотъ цвѣтъ считается священнымъ, и никто, кромѣ ихъ, не имѣетъ права носить зеленое платье. Какъ муллы, такъ и сеиды имѣють большое вліяніе

на народъ и суть главные враги цивилизаціи, своимъ фанатизмомъ заражающе и массу.

Персіянки весьма тщательно закутываются въ длинные темно-синіе платки, чтобы никто не видѣлъ лица ихъ. Дѣвочка восьми и девяти лѣтъ уже считается бракоспособной и выходитъ замужъ за того, кто больше всего заплатитъ денегъ. Каждый персіанинъ можетъ имѣть четырехъ женъ и сколько угодно наложницъ.

Наша картинка изображаетъ нѣкоторые изъ Тегеранскихъ типовъ. Въ серединѣ, (1) группа курдовъ въ ихъ своеобразныхъ азіатскихъ костюмахъ. Различное оружіе, которымъ они обвѣшаны, дѣйствительно, придаетъ крайне подозрительный видъ этимъ статнымъ молодцамъ; на 2 изображена молодая азіатская женщина дома и потому не завѣшенная чадрой; на 3 вы видите другую женщину, изъ богатаго семейства; сидящую *по европейски*, на стулѣ. Красивая поза! Видно, что этотъ способъ сидѣнія ей несроденъ и что она съ удовольствіемъ промѣняла бы всѣ эти европейскія затѣи на покойный коверъ, на которомъ она могла бы гораздо спокойнѣе усѣсться по азіатски, подогнувъ подъ себя ноги. Далѣе, (4) персидская женщина на улицѣ, вся укутанная и прикрытая скромною чадрой, чтобы ни одинъ глазъ невѣрнаго *шурра*, и вообще посторонняго мужчины, не могъ увидѣть ее. Вызвуженное (5) святоша-дerviшъ, грязный и растрепанный, внушаетъ нѣкоторое недобѣріе къ своей набожности и смиренію, и встрѣтиться съ нимъ, вооруженнымъ палкой, въ глухомъ мѣстѣ—крайне нежелательно. Группа купцовъ и горожанъ тоже довольно интересна своими восточными костюмами, равно какъ и мулла, сидящій съ раскрытою книгой Магомета—кораномъ.

Видъ города Люцерна въ Швейцаріи.

Люцернъ—главный городъ кантона того-же имени, расположенъ при истокахъ р. Рейса, вытекающей изъ Фирвальдштетскаго озера, у подошвы Пилатовой горы. Этотъ предлестный городъ со своими стѣнами, башнями и загородными домами, издали кажется гораздо больше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Люцернъ стоитъ у одной изъ вѣтвей центральной швейцарской желѣзной дороги и раздѣляется р. Рейсомъ на двѣ неравные части, изъ которыхъ одна (на правомъ берегу рѣки) называется «*Большимъ городомъ*», а другая—«*Малымъ*». Улицы въ городѣ широкія, съ хорошею мостовою; вообще, это одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Швейцаріи. Между зданіями первое мѣсто занимаетъ церковь Св. Леодгара (построенная въ 1633 г. на мѣстѣ старой, сторѣвшей тогда церкви), съ двумя башнями, изъ которыхъ одна, вышиною въ 250 фут., была сооружена въ 1406 г. Кромѣ того, замѣчательны еще: бывшая иезуитская коллегія и иезуитская церковь (1676 г.) съ великолѣпнымъ запрестольнымъ образомъ работы Франческо Торіани, прежній урсудинскій монастырь съ красивой церковью, новая реформатская церковь, ратуша съ прекрасными рѣзными работами и живописью, большой городской госпиталь, богадѣльня, сиротскій домъ, театр, новый исправительный домъ, музей, зданіе бібліотеки, новая школа, арсеналъ съ древними трофеями славныхъ битвъ союзниковъ. Черезъ р. Рейсъ перекинута три моста; изъ нихъ два крытые, украшенные

картинами, изображающими сцены изъ исторіи Швейцаріи.

Къ достопримѣчательностямъ Люцерна принадлежитъ и монументъ, сооруженный въ 1820 г. по инициативѣ генерала Пфиффера въ память офицеровъ и солдатъ—швейцарцевъ, павшихъ 10 августа въ 1792 г. при защитѣ Тюльери; модель монумента сдѣлана Торвальдсеномъ, самый же памятникъ, представляющій умирающаго льва, который правой лапой защищаетъ гербъ бурбоновъ, былъ высѣченъ въ скалѣ ваятелемъ Агорномъ; надъ памятникомъ помѣщена надпись: «*Helvetiorum fidei ac virtuti*». Неподалеку отъ памятника находится капелла съ надписью: «*Invictus rex*», гдѣ ежегодно, 10 августа, служатся панихиды. Замѣчательны также рельефныя изображенія кантоновъ: Цуга и Унтервальдена и большей части кантоновъ Люцерна, Ури, Швица; барельефъ этотъ имѣетъ 22½ ф. длины и 12 ф. ширины. Люцернъ служитъ мѣстопребываніемъ папскаго нунція. Изъ учебныхъ заведеній въ городѣ имѣются: богословская семинарія, гимназія, лицей, французская школа, учительская семинарія, музыкальная и рисовальная школы, бібліотка съ 80,000 томовъ, самая богатая въ Швейцаріи, естественноисторическій и монетный кабинеты и пр. Жителей въ городѣ 11,500; промышленная дѣятельность незначительна, фабрикъ мало, торговля, не смотря на выгодное положеніе города, тоже малогажна. Главные предметы вывоза: сыръ и крупный рогатый скотъ.

Енисейскъ.

Дальнія окраины Сибири обращаютъ на себя вниманіе, хотя и не особенно часто, ученыхъ путешественниковъ и туристовъ. Недавно шведская полярная экспедиція постигла этотъ малоизвѣстный край русской земли и, при слѣдованіи по рѣкѣ Енисею, побывала и въ городѣ Енисейскѣ, Енисейскѣ, раскинувшийся вдоль лѣваго низменнаго берега Енисея, нынѣ—огражденный городъ Енисейской губерніи, не смотря на свою скромную внѣшность, ведетъ довольно большую торговлю, особенно съ туруханскимъ краемъ. Исторія Енисейска, какъ вообще всѣхъ сибирскихъ городовъ, не особенно далекой древности и не заключаетъ въ себѣ важныхъ историческихъ событій. Основанъ онъ въ 1618 году по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича. Боярскій сынъ Албычевъ съ сотникомъ Рукинымъ и казаками, прибывъ къ мѣсту, занимаемому нынѣ городомъ, построили нѣсколько домиковъ, обнесенныхъ частоколомъ и заложивъ, маленькое укрѣпленіе съ тремя бойницами, чтобы обезопасить населеніе отъ набѣговъ сѣверныхъ дикарей, назвали его Енисейскимъ острогомъ. Рѣку, протекавшую вблизи поселенія, русскіе назвали Енисеемъ, передавъ по своему тунгусское ея названіе Хоанъ-дези т. е. большая рѣка.

Въ 1678 году Енисейскъ былъ переименованъ въ уѣздный городъ и, при учрежденіи въ 1822 году Енисейской губерніи, Енисейскъ сдѣлался окружнымъ городомъ, а Красноярскъ—

губернскимъ. До начала сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, Енисейскъ оставался главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ пушныхъ товаровъ, и населеніе его получало большіе барыши отъ звѣроловства. Съ появленіемъ золотопромышленности другіе промыслы стали быстро падать: производство желѣзныхъ издѣлій уменьшилось значительно и совсѣмъ не стало рѣзчиковъ, которыхъ прежде было столь много, что всѣ мѣстныя церкви были украшены ихъ разнообразною рѣзкою. Лучшіе золотые рѣзчики выработались, а большіе заработки, доставляемые жителямъ золотопромышленностью, не могли надолго ихъ обезпечить при упадкѣ торговли и другихъ промысловъ. Въ 1869 году (27-го августа) городъ Енисейскъ постигло новое горе: страшный пожаръ опустошилъ его и большую часть обратилъ въ развалины. Хотя городъ послѣ пожара значительно обстроился, но, все такъ, требуетъ еще значительныхъ улучшеній. Что же касается до общественной жизни, то ее въ Енисейскѣ почти не существуетъ, публичныхъ увеселеній нѣтъ и жителямъ остается или ходить другъ къ другу въ гости, или бродить безцѣльно по улицамъ. Населеніе Енисейска, при замѣтной апатіи къ умственному труду и при равнодушіи ко всему полезному, тормозитъ развитіе города а, при такихъ условіяхъ, его будущность, конечно, не можетъ обѣщать многого.

А. Невельской.

Лисица (CANIS VULPES.)

Съ юнаго дѣтства намъ знакомы рассказы и сказки нянекъ о хитрой и смѣтливой лисѣ, обманывающей другихъ простодушныхъ животныхъ. Въ возрастѣ перваго ученья, мы встрѣчаемся снова со старою знакомою въ басняхъ Лафонтена, Хемницера, Крылова; вступаая въ юношество и зрѣлый возрастъ и читая спеціальныя сочиненія объ этомъ животномъ, мы находимъ въ лисѣ все тогъ же неизмѣнный характеръ, который, какъ грѣза, слышался нами въ дѣтствѣ.

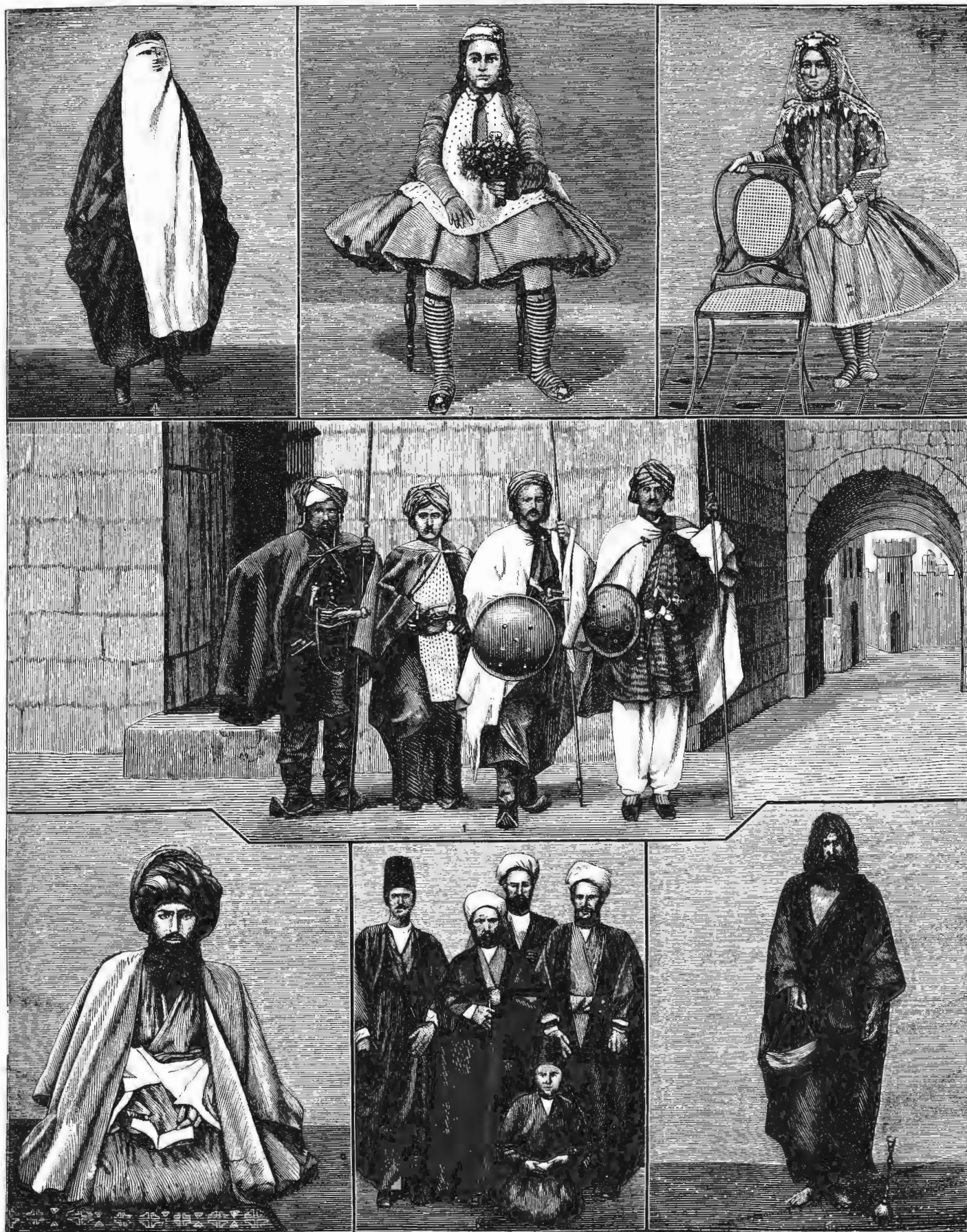
Рейнке Фуксъ (лиса Рейнке) было предметомъ всѣхъ средневѣковыхъ сказаній и легендъ о лисѣ, и даже великій германскій поэтъ Гёте не пренебрегъ этой старинной, и казалось бы, избитой темою, чтобы вывести ее вновь на сцену въ своемъ прославленномъ поэтическомъ твореніи, сохранившемъ тоже названіе: *Рейнке Фуксъ*.

Хитрость и смѣтливость лисицы хорошо подмѣчена по дѣйствіямъ и отношеніямъ ея къ другимъ животнымъ; такъ, напримеръ, желая устроить себѣ жилище, она хотя и не прочь сама выкопать себѣ нору со всѣми входами и другими удобствами, но предпочитаетъ всегда воспользоваться чужими трудами и преимущественно глупаго барсука. Барсукъ дѣлаетъ себѣ просторныя помѣщенія, вырывая ихъ своими крѣпкими когтями, и труды его часто остаются для него и его семейства совершенно бесполезными. Лиса, подмѣтивъ хорошую и чистую нору, вырытую барсукомъ, съ нѣсколькими входами, употребляетъ всѣ усилія, чтобы выгнать его оттуда и воспользоваться готовою квартирою, но, такъ какъ барсукъ силенъ, болѣно кусается и крѣпко рветъ своими острыми когтями, то одолѣть врага силою нѣтъ никакой возможности, поэтому лиса прибѣгаетъ къ самой тонкой хитрости. Зная, что барсукъ любитъ безукоризненную чистоту, она старается досадить ему разными проделками, раздражающими въ немъ чувство опрятности и порядка. Она таскаетъ во всѣмъ входамъ его жилища дохлахъ крысъ, лягушекъ и подобные предметы, издающіе смрадный запахъ. Долго не сдается упрямый барсукъ, но, потерявъ наконецъ всякое терпѣніе, покидаетъ со своимъ семействомъ родную нору, а лисѣ только того и нужно: она немедленно вступаетъ въ полныя права наследія, очищаетъ новое жилище отъ сдѣланныхъ ею же нечистотъ и поселяется съ своими лисятами, какъ законная хозяйка.

Лиса очень необщительна и весьма трудно приручается. Замѣчено, что она всегда держится особнякомъ во всѣхъ зоологическихъ садахъ и предпочитаетъ сидѣть дико, гдѣ нибудь въ углу своей клѣтки—тюрьмы, чѣмъ воспользоваться обширнымъ дворомъ для своей прогулки, что охотно позволяютъ ей содержатели звѣринцевъ, и чего они рѣдко достигаютъ. Сначала одиночное заключеніе приводитъ ее въ ярость и остервененіе, затѣмъ она, мало по малу, стихаетъ и, въ концѣ концовъ, безропотно покоряется своей участи. Принадлежа къ семейству собакъ, лиса отличается отъ всѣхъ своихъ сродниковъ наружностію, имѣетъ нѣжную, красивую шерсть, тонкую морду, ослѣпленную умными и выразительными глазами; особенно красивъ у лисы ея пушистый хвостъ, который она держитъ весьма грациозно, обвивая его около переднихъ ногъ, когда, подобно обыкновенной собакѣ, сидитъ на заднихъ лапахъ. Цвѣтъ лисей шерсти, въ большей части случаевъ, красновато-бурый, съ блѣлыми просвѣтами, но не рѣдко попадаются и черно-бурья лисицы, и преимущественно на сѣверѣ, мѣхъ которыхъ цѣнится весьма дорого. Величина лисицы отъ 2/3 до 3/4 фута; чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ красивѣе мѣхъ животнаго. По образу жизни лиса любитъ уединеніе и хотя живетъ парами, но охотнѣе особнякомъ. Обществомъ живетъ только лисица-мать съ своими дѣтенышами и избираетъ въ такомъ случаѣ для себя жилища съ крайнею осторожностію, чтобы нора ея не была замѣчена ни людьми, ни животными и чтобы входы въ нору были непременно закрыты отъ глазъ или кустами, или хворостомъ, или высокорастущею травою. Въ бурю и непогоду, въ сильный морозъ или жаръ, въ проливной дождь, лиса постоянно сидитъ у себя дома въ своемъ углубленномъ среди норы гнѣздѣ. Въ хорошую погоду днемъ она выходитъ погулять и подышать чистымъ воздухомъ, но, по свойственной ей предусмотрительной осторожности, она проводитъ время среди густыхъ кустовъ, въ высокой ржи или осоцѣ, въ тростникѣ или камышахъ, не упуская при этомъ случая ловить сусликовъ, тушканчиковъ, полевыхъ мышей, неосторожныхъ птичекъ, легко поддающихся хитрой тактикѣ лисы, но, за неимѣніемъ этихъ лакомыхъ блюдовъ, она довольствуется и дождевыми червями, и лягушками, и гусеницами, и осами, и шмелями, и пчелами. Днемъ она любитъ грѣться на солнцѣ, и охотно ложится подъ теплыми его лучами среди какой нибудь тихой и никѣмъ невозмущаемой мѣстности, гдѣ и проводитъ въ глубокомъ снѣ по нѣсколько часовъ сряду. Замѣчено, что она выходитъ на охоту, въ большинствѣ случаевъ, ночью, при чемъ, все-таки, предпочитаетъ ночи лунныя. При этомъ она нападаетъ на ягнятъ, на дикихъ козъ, на лебедей, индѣекъ, гусей, утокъ, куръ, кроликовъ, маленькихъ поросятъ, зайцевъ, воронъ и голубей. Смѣлость лисы доходитъ иногда и до того, что она отваживается нападать на

молодыхъ отсталыхъ отъ стада оленей, и не пропустить случая перегрызть горло большимъ хищнымъ птицамъ, если тѣ, по неосторожности, близко подпустятъ къ себѣ это животное. Такимъ образомъ, благодаря своей неутомимости, ловкости и хитрости, лисица пользуется всегда сытнымъ и вкуснымъ обѣдомъ и только въ суровыя зимы, во время страшныхъ мятелей, терпитъ недостатокъ, причемъ, побуждаемая голодомъ, не брезгаетъ иногда и падалюю. Лиса любитъ такъ же рыбу, которую обманываетъ своею мертвою неподвижностію, и рыба, не подозрѣвая западни, весьма близко и доврѣчиво подплываетъ къ самому берегу, причемъ лиса, съ быстротою молніи, схватываетъ ее лапами и вытаскиваетъ на берегъ. Раки также входятъ въ число блюдовъ лисьихъ обѣдовъ, приправляемыхъ и яблоками, и грушами, и сливами, и морковью, и огурцами, и рѣпкою, и виноградомъ, и картофелемъ. Плоды и овощи, любимые лисою, избѣгаются прочими породами собачьяго семейства. Выходя на охоту, лиса вооружается всею, свойственною ей, осторожностію: она крадется, оглядывается, обнюхиваетъ каждую подозрительную травку, чтобы не попасться на глаза какому нибудь опасному врагу, въ родѣ волка, рыси или медвѣдя, и идетъ впередъ зигзагами, между камнями, и такими окольными путями достигаетъ предъизбранной цѣли своей охоты. Она обращаетъ свое чуткое вниманіе даже на такіе ничтожные предметы, предъ которыми не остановится ни одно, даже робкое, животное и съ поразительной ловкостію умѣетъ пользоваться каждымъ своимъ наблюденіемъ, въ чемъ много помогаютъ ей тонкіе органы ея чувствъ. Попадши въ тенета, она, не теряя времени, быстро перегрызаетъ ихъ и, пользуясь благоприятною минутою, убѣгаетъ. Съ капканами она осторожна въ высшей степени и смотритъ на нихъ, какъ на предметъ самый подозрительный и самый опасный для ея существованія; подходя къ нему, она весьма долго осматриваетъ его съ большимъ вниманіемъ и, не взирая на лакомый кусокъ приманки, не скоро дается въ обманъ и лишь изрѣдка, и то слегка, дотрогивается до приманки лапою, и когда неподвижность куска убѣждаетъ ее въ безопасности, а предстоящее наслажденіе вкуснымъ кушаньемъ соблазняетъ ее взять приманку, то она бросается на нее моментально, чтобы тотчасъ же и убѣжать съ добычею, но эластическая пружина капкана быстро обвивается вокругъ шеи, и животное въ такомъ случаѣ безропотно покоряется своей участи, не крича, не вырываясь и не употребляя ни малѣйшихъ усилій къ своему освобожденію. Если же пружина захватитъ только ногу, то лиса быстро соображаетъ свою опасность, перегрызаетъ свою плѣнную ногу и убѣгаетъ на трехъ ногахъ. Иногда будучи подстрѣлена и неимѣя силы обороняться противъ человека, лиса притворяется мертвою, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Тогда охотники съ увѣренностію берутъ ее въ руки и уносятъ къ себѣ домой, но едва достигнуть они лѣса или какого нибудь ущелья, она быстро выскользаетъ изъ рукъ пораженнаго удивленіемъ охотника, не пропуская при этомъ удобномъ случаѣ отомстить своимъ врагамъ, разорвавъ ихъ платье и изранивъ зубами. Смѣтливость лисы обнаруживается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: терзаемая лѣтомъ блохами она беретъ въ зубы клочекъ сѣна или травы и затѣмъ пачитъ задомъ постепенно въ рѣку: блохи испуганныя приближеніемъ воды, скачутъ на спину, а когда вода, мало по малу, подходит и къ спицѣ—на голову животнаго. Тогда лиса постепенно погружаетъ и голову, такъ что сѣно остается для насѣкомыхъ послѣднимъ мѣстомъ спасенія. Въ это время лиса быстро оставляетъ сѣно на водѣ, а сама выбѣгаетъ изъ воды на берегъ.

Лисица не терается даже въ минуты самой безнадежной опасности, когда не могло бы спасти себя никакое другое животное и даже человекъ. Въ доказательство этого, одинъ охотникъ рассказываетъ, что, однажды, онъ видѣлъ лисицу, спасающуюся быстрымъ бѣгомъ отъ преслѣдованій большого и сильнаго альпійскаго орла, который парилъ надъ нею и съ каждымъ взмахомъ своихъ могучихъ крыльевъ все ближе и ближе наступалъ избранную имъ жертву. У лисы не доставало уже болѣе силъ, чтобы ускорить свой бѣгъ, а на ровной мѣстности не видѣлось ни кустовъ, ни камней, за которыми могла бы она скрыться отъ ужасавшаго ее преслѣдованія. Роковая минута наступила, и орелъ спустился на нее, какъ грозная молнія, захватилъ жертву за хребетъ своими желѣзными когтями и взвился вмѣстѣ съ нею въ небесную высь. Долго слѣдилъ охотникъ за этой сценою, пока орелъ не началъ спускаться вновь, къ выступавшей скалѣ, чтобы растерзать на ней свою добычу. Скала мѣшала охотнику видѣть происшедшее за нею, и онъ послѣдилъ туда съ заряженнымъ ружьемъ, чтобы покончить дѣло разомъ и съ лисою, и съ орломъ, но каково же было его удивленіе, когда онъ, подходя къ этому мѣсту, увидѣлъ только одного орла, умирающаго въ мученіяхъ. По соображенію охотника оказалось, что лиса, во время высокаго полета, успѣла растерзать орлу шею, что, безъ сомнѣнія, заставило его такъ скоро спуститься съ нею къ скалѣ. Оказалось, что орелъ самъ могъ сдѣлаться для лисы обѣдомъ, но, она подъ влияніемъ

Тегеранскіе типы. Рисов. съ фотографіи Н. Лосевъ, гравир. К. Вейерманъ.

- 1) Курды. 2) Молодая женщина. 3) Женщина изъ богатаго семейства въ домашнемъ костюмѣ. 4) Общій костюмъ всѣхъ персидскихъ женщинъ внѣ дома. 5) Дервишъ. 6) Купцы и граждане. 7) Мулла сеидъ.

страха, видимо уже не думала о пищѣ и спѣшила только обезпечить свое собственное спасеніе.

Охотник Винкель подстрѣлилъ однажды переднюю ногу лисицы, которая тотчасъ же бросилась спасаться бѣгствомъ, по такъ какъ передняя болтавшаяся нога мѣшала ей бѣжать, то она, ни мало не задумываясь, отгрызла ее и продолжала бѣжать, пока не скрылась изъ виду.

Разсказавъ многое объ осторожности, лукавствѣ, умѣ и хитрости лисы, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ и о ея кровожадности и ненасытномъ хищничествѣ. Всѣхъ наблюдателей за правами лисицъ удивляетъ то, почему она душитъ такое множество куръ и другихъ домашнихъ животныхъ, когда для своего насыщенія нуждается не болѣе, какъ въ одной штукѣ. Самыя кровожадныя животныя, какъ тигры, барсы, ягуары, львы, пантеры, рыси, хотя и безжалостны къ попадающимся имъ животнымъ и птицамъ, но ограничиваются одною жертвою и рѣдко уже двумя, если голодъ такъ великъ, что одно маленькое животное не въ состояніи удовлетворить его. Кровожадность лисицы особенно замѣтна изъ того, что она безперервно поѣдаетъ своихъ сородичей, такихъ же лисицъ, какъ и сама и даже изъ собственного семейства. Однажды лиса, вернувшись въ нору, увидѣла въ крови собственного своего дѣтеныша, что сильно разлакомило ее, и она, недолго задумываясь, съѣла его; въ другомъ примѣрѣ маленькіе лисята подрались между собою въ норѣ, и когда одинъ изъ нихъ былъ прокушенъ до крови, то немедленно былъ съѣденъ своими же братьями и сестрами. Въ третьемъ примѣрѣ лисица—мать, раненая пулею, возвратилась къ своему семейству, исходя кровью, но встрѣтила въ родной своей семьѣ не участіе и ласки вскорлненныхъ ею дѣтей, а была ими же немедленно съѣдена.

Лисицы трудно дѣлаются ручными, но бываютъ случаи, хотя и рѣдкіе, что онѣ привязываются къ человѣку, какъ собака особенно если пойманы въ самой ранней молодости и вскормлены коровьимъ молокомъ. Такъ Ленцъ приручилъ лисицу, которая слѣдовала за нимъ, какъ собака, бѣжала къ нему на встрѣчу и съ визгомъ бросалась къ нему отъ радости, если долго не видала, расточая ему самыя непритворныя ласки, но онъ не могъ никакими строгостями отучить ее душить куръ и часто, гуляя съ нею, видѣлъ, какъ она яростно бросалась на куръ и утокъ, за которыхъ часто приходилось ему расплатываться съ недовольными хозяевами. Однажды она скрылась отъ него въ небольшой лѣсъ; посланная за ней домашняя прислуга не могла возвратити ее, но когда онъ самъ пошелъ туда за нею, то она тотчасъ же вышла изъ норы, услышавъ любезный для ея сердца голосъ хозяина, стала къ нему ласкаться и охотно вспрыгнула къ нему на руки, ни мало не сопротивляясь возвращенію домой. Въ другой разъ она забралась на высокую заборъ и хотя хорошо знала всю прислугу Ленца, но не покорилась никому изъ нихъ, не сходя съ забора; когда же явился онъ самъ—она немедленно соскочила, только побѣжала къ лѣсу, безпрестанно оглядываясь на него и какъ будто желая ему дать знать, что она хочетъ быть лишь съ нимъ однимъ и покорится одному ему. Догадавшись, онъ велѣлъ всѣмъ уйти домой, и когда, дѣйствительно, лиса осталась съ нимъ наединѣ, то тотчасъ исполнила всѣ его приказанія и радостно возвратилась вмѣстѣ съ нимъ въ квартиру. Этотъ, рѣдкій впрочемъ, случай указываетъ, все таки, на возможность прирученія лисы.

Н. Зуевъ.

ВЪ ДОМѢ КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКА.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Продолженіе).

Струя мягкаго ночного воздуха бальзамически дѣйствовала на воспаленные, заплаканные глаза Кэты. Звѣздный шатеръ развернулся надъ уснувшимъ паркомъ; можно было различить каждую группу деревьевъ; вдали сверкала зеркальная, серебристая поверхность пруда. Крупный песокъ хрустѣлъ подъ ногами, а издали доносился шумъ воды, стремящейся черезъ плотину, но ни одинъ листокъ не шевелился на деревьяхъ и кустарникахъ. Тутъ вокругъ было также тихо, какъ и въ комнатѣ покойницы, гдѣ въ этотъ день всѣ говорили шопотомъ, а потому Кэта испугалась и вздрогнула, когда докторъ нарушилъ эту тишину, заговоривъ своимъ звучнымъ голосомъ. (Они подходили теперь къ тѣнистой аллеѣ, и тутъ Брукъ остановился):

— Черезъ нѣсколько дней я уѣзжаю изъ резиденціи и, насколько знаю я васъ, вы до отъѣзда моего не придете къ моей тетускѣ, да и мнѣ не позволите придти на мельницу. (Въ словахъ его слышались невыразимая тоска и тревога)... И такъ, мы идемъ теперь въ послѣдній разъ другъ возлѣ друга... то есть, это *пока-мѣтъ только*... потому что...

— Навсегда! перебила его Кэта беззвучнымъ, но твердымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Брукъ рѣшительно:— разлука эта была бы дѣйствительно вѣчной, если-бы я долженъ былъ считать неизмѣннымъ то, что вы высказали нѣсколько часовъ тому назадъ, потому что... мнѣ не нужно *сестры*!.. Вы думаете, что мужчина можетъ всю жизнь довольствоваться милыми, ласковыми писмами „сестры“ тамъ, гдѣ онъ жаждетъ услышать отъ любимой женщины живое слово?.. Но... нѣтъ!.. Сегодня мнѣ не хотѣлось-бы говорить объ этомъ... Эгоистическое чувство заставляетъ меня безпокоить васъ въ такую минуту, когда душа ваша переполнена печалью... Однако, относительно одного пункта, я долженъ высказаться: сегодня, послѣ обѣда, у васъ былъ разговоръ въ той комнатѣ, изъ которой вы вышли такая взволнованная... Вамъ сообщили, конечно, о томъ, что произошло, ну, и, само собою разумѣется, говорили, что

вся вина падаетъ на меня... Совершился разрывъ, и виновнаго выставили передъ вами въ некрасивомъ свѣтѣ! Я узналъ это по вашему лицу... Потомъ, когда вы, отвергая болѣе близкія между нами отношенія, обѣщали—изъ любви къ Геприэттѣ—быть мнѣ сестрой, — и слышала, что вы повѣрили злымъ навѣтамъ... Слава Богу, не на вѣки-же, однако, повѣрили!.. Я знаю это. Вашъ ясный, умный взглядъ можетъ помрачиться, но не на долго; вы не останетесь глухи къ истинѣ... Слушайте, Кэта: въ день катастрофы въ паркѣ, послѣ обѣда, я былъ въ своемъ саду, стоялъ я за прибрежнымъ кустарникомъ и видѣлъ на другомъ берегу рѣки дѣвушку... Эта дѣвушка, прижавшись лицомъ къ древесному стволу, горько плакала...

Кэта сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла убѣжать въ аллею, но Брукъ успѣлъ крѣпко схватить ея руку, которую и не выпустилъ изъ своей.

— Да, я увидѣлъ ее, живое существо, съ плотью и кровью! А передъ тѣмъ, въ воображеніи своемъ, я страстно обнималъ и прижималъ къ груди своей эту дѣвушку... Въ эти минуты въ душѣ моей происходила послѣдняя, рѣшительная борьба, терзавшая меня въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ... И я остался побѣдителемъ: отдѣлался отъ ложныхъ взглядовъ и тутъ же сказалъ себѣ, что буду клятвенно преступникомъ, если вступлю въ ненавистный бракъ, потому что ношу здѣсь... въ сердцѣ, непобѣдимую, страстную любовь къ *другой*... Потомъ, вся душа моя возликовала: я увидѣлъ, какъ глаза ея, полные слезъ, были устремлены на окно, но не на окно тетуски...

Онъ умолкъ и поцѣловалъ руку Кэты... Молодая дѣвушка стояла, прислонившись къ липѣ, безмолвная, смущенная... Языкъ не повиновался ей.

— Упрекать бывшую мою невѣсту я не имѣю права; но если въ чемъ и я виноватъ, такъ это въ томъ, что отношенія наши прекратились такъ внезапно и насильственно... Вѣдь я изъ-за фразы „что скажетъ свѣтъ?“ проявилъ слабость—не могъ отретироваться въ ту минуту, когда, оцущая смертельную тоску въ душѣ, убѣ-

дился, что увлекся поразительно прекрасною формою, нравственное содержание которой оказалось, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, дурного качества, почти ничтожнымъ... А прозрѣлъ я черезъ двѣ-три недѣли послѣ нашей помолвки...

Нѣтъ, не ничтожество скрывалось подъ этой очаровательно-прекрасной оболочкой! Женская душа, полная дьявольской злобы, сидитъ въ этомъ прекрасномъ тѣлѣ... Вѣдь Флора знала (благодаря собственному признанію Брука) о любви его къ ней, Кэтѣ... О, какая подлая интрига! Кольцо теперь въ карманѣ у обманутой молодой дѣвушки: она дорого купила его, желая имѣть это колечко, во что бы то ни стало... И она сама оснаивала и опровергала хитрые доводы сестры интриганки, и потомъ дала честное слово не употреблять этого кольца въ свою пользу, если бы даже Брукъ попросилъ ее руки... Кэтѣ въ порывѣ отчаянія устремила глаза въ звѣздное небо. Она знала, что Флора ни за что не возвратитъ ей даннаго слова, хоть на колѣняхъ умоляй ее объ этомъ; она знала также, что всѣ осудятъ ее и Брука, потому что никто вѣдь не зналъ настоящаго положенія дѣла, никто не могъ отнестись къ нимъ надлежащимъ образомъ, безъ предразсудка. Не нужно даже обладать блестящимъ краснорѣчіемъ Флоры, чтобы убѣдить свѣтъ, что обманута она, Флора, что младшая сестра отбила у нея жениха... Флора именно такъ все и объяснить, ужъ это вѣрно, какъ дважды два—четыре... Вонъ тамъ—высоко—какъ блестятъ эти золотыя звѣзды!.. На которую изъ нихъ попала освобожденная душа Генріэтты? Видитъ ли она оттуда, что творится на землѣ? Знаетъ ли, что счастье любимаго ею человѣка разбито?..

— Вы ничего мнѣ не отвѣчаете, Кэтѣ... Вы, я вижу, молча даете мнѣ понять, что разговоръ этотъ считается неумѣстнымъ. Мнѣ не слѣдовало бы объясняться сегодня, заговорилъ снова докторъ: и потому не буду больше надобѣдать вамъ. Я очень хорошо знаю, что мои просьбы и желанія погрузятъ вашу душу въ тяжелое раздумье, потому что справедливость и честь присущи вашей натурѣ... Вѣдь я знаю васъ, Кэтѣ! И я достигну желанной цѣли, не прибѣгая къ огненнымъ цвѣтамъ краснорѣчія... Да, это такъ. Теперь даю время подумать и подвергнуть меня испытанію... Пусть уляжется сначала глубокая печаль, овладѣвшая вашей душой... Печаль эта придаетъ совсѣмъ другой колоритъ вашимъ мыслямъ и чувствамъ... Я уѣду не осчастливленнымъ, но вернусь къ вамъ. Идемъ же теперь на мельницу! Вы можете спокойно дать мнѣ вашу руку: сегодня я вашъ охранитель и защитникъ, какъ братъ, горячо, безкорыстно любящій свою сестру... А почему бы вамъ не присоединиться къ намъ, когда мы поѣдемъ въ Л—гъ?..

— Я не вернусь въ Саксонію, отвѣтила Кэтѣ.

Она оперлась на руку Брука, и они пошли по аллеѣ. Молодая дѣвушка чувствовала, какъ она цѣпенѣетъ... Могильный холодъ сталъ прохватывать ее, онъ останавливалъ порывистое біеніе ея сердца и сжималъ горло, что дѣлало голосъ глухимъ и грубоватымъ...

— Когда я въ послѣдній разъ была въ Дрезденѣ, то уже и тогда чувствовала, что исключительное занятіе изученіемъ языковъ и музыки, мелкіе хлопоты по хозяйству и т. п.—трудъ совсѣмъ не годный для меня при теперешнемъ состояніи моей души... Мнѣ нужна теперь другая дѣятельность—какая-нибудь тяжелая, напряженная работа, работа изо дня въ день. Прежде, то есть, нѣсколько дней тому назадъ, я не рѣшалась обнаружить этого намѣренія, потому что знала, что заикнусь я только объ этомъ и—мой опекунъ воспротивится... Вѣдь у „золотой рыбки“ уже было своего рода призваніе и свой кругъ дѣятельности: тратить съ безукоризненнымъ шикомъ свои деньги... Теперь все это кончено. Страшный денежный швафъ не

существуетъ больше, или вѣрнѣе—бумаги, хранившіяся въ немъ, еще раньше потеряли всякую цѣнность, превратились въ ничто прежде, чѣмъ онъ взлетѣлъ на воздухъ. Я убѣдилась въ этомъ сегодня послѣ обѣда, когда молодая дѣвушка явится самостоятельной представительницей фирмы.

— Да... И я полагаю, что едва ли возможно будетъ чтонибудь спасти...

— Мельница моя, однако, принадлежитъ мнѣ... Здѣсь я и останусь. Можетъ быть, вы станете серьезно порицать меня, если я скажу вамъ, что съ этихъ поръ хочу сама управлять своимъ имуществомъ? Могутъ, пожалуй, сказать, что это „эманципація“, то есть, когда молодая дѣвушка явится самостоятельной представительницей фирмы.

— Я не раздѣляю такихъ невѣрныхъ взглядовъ на вещи—напротивъ, я на сторонѣ такой самостоятельности женщинъ. Я знаю, что вы, обладая силой и энергіей, поведете дѣло какъ слѣдуетъ, но, Кэтѣ, это не ваша дорога. Ваше призваніе—семья, вы должны создать и упрочить семейное счастье, а не стоять изо дня въ день за конторкой, занимаясь цифрами и расчетами. Лучше и не беритесь за это! Въ одинъ прекрасный день за вами явятся и не спросятъ, на чемъ вы остановились въ вашихъ дѣловыхъ книгахъ, подвели итоги? Ну, и тутъ можетъ выйти большая путаница!..

Если бы хоть одинъ голубой лучъ съ звѣзднаго неба проникъ въ темную аллею, то Брукъ не растаялъ бы съ молодой дѣвушкой... Онъ увидѣлъ бы, какое безпредѣльное отчаяніе выражалось въ каждой чертѣ ея лица; онъ взялъ бы ее подъ свою защиту и поторопился бы разузнать настоящую причину ея сдержанности и сопротивленія... Но мракъ ночи скрывалъ отъ его глазъ слѣды страшной борьбы, происходившей въ душѣ молодой дѣвушки, которая молча шла возлѣ него... Она даже ни разу не вздохнула, не выдала себя... Брукъ думалъ, что смерть Генріэтты слишкомъ сильно опечалила Кэтѣ, и вотъ она до сихъ поръ находится подъ гнетомъ грусти и унынія, а потому и голосъ ея такъ глухъ и однозвученъ.. Особенно явственно, среди безмолвія, слышался плескъ рѣчныхъ волнъ. Но вотъ, Кэтѣ и Брукъ дошли до конца липовой аллеи, и надъ ними развернулось снова звѣздное небо, на лучистосинемъ фонѣ котораго рѣзко очерчивалась пара стройныхъ тополей, стоявшихъ возлѣ деревяннаго моста.

Брукъ невольно прижалъ руку молодой дѣвушки къ своей груди.

— Взгляните туда, Кэтѣ, прошепталъ онъ съ чувствомъ:—вонъ тамъ вы всегда рвали первыя фіалки... Помните, я говорилъ вамъ, что вы всегда можете приходить сюда за этими цвѣточками? Обѣщаніе это я могу исполнить: праздникъ Пасхи я всегда буду проводить здѣсь.

Кэтѣ притиснула правую руку къ груди... Ей казалось, что она вотъ-вотъ задохнется—такъ сильно застучало ея сердце, но прошла секунда, и молодая дѣвушка спросила, повидимому, совершенно спокойно:

— А тетюшка ваша поѣдетъ съ вами въ Л—гъ?..

— Поѣдетъ. Тетюшка будетъ тамъ хозяйничать у меня... до поры до времени... пока я буду одинокимъ. Уѣзжая со мной туда, она ради меня приноситъ великую жертву и, конечно, будетъ благодарить Бога, когда ей возможно будетъ стянуть съ ногъ своихъ пыль городскую—и вернуться сюда—въ свой любимый, земной уголокъ. Я... я знаю, что благородная, великодушная дѣвушка, которой я предлагаю руку, не заставитъ ждать себя слишкомъ долго и освободитъ старушку отъ обязанностей хозяйки, прибавилъ Брукъ мягкимъ, просающимъ голосомъ.

Тутъ увидѣли они огонекъ на мельницѣ. Тѣло мельника Франца сегодня принесли туда. Несчастный оста-

вить послѣ себя вдову и троихъ сиротъ. Кровля, защищавшая ихъ теперь, не принадлежала уже имъ, а небольшой капиталъ, скопленный этимъ трудолюбивымъ человекомъ, не могъ обезпечить семью. Суза на минутку заходила сегодня на виллу, чтобы провѣдать свою госпожу. Она говорила Кэтъ о томъ, въ какомъ безвыходномъ и отчаянномъ положеніи находится осиротѣвшее семейство Франца, жаловалась также на беспорядки на мельнице, оставшейся безъ хозяина.

Въ полукругломъ окнѣ жилой комнаты на замковой мельницѣ, которое выходило въ паркъ, не видно было огня. Мрачной, почти безобразной массой возвышалось зданіе мельницы, казавшейся теперь покинутой, запустѣлой... Залаяли собаки, слышавъ шумъ приближавшихся шаговъ, но лай этотъ звучалъ какъ-то странно, словно среди пустыря. Мельничныя колеса бездѣйствовали, мукомольня была пуста — и тамъ царила такая торжественная тишина, какъ будто въ моментъ смерти мельника оттуда выбрались маленькіе гейнцельменкены и ушли куда-то, закрывъ свои печальныя рожицы темнымъ капюшономъ.

Надо было отворить калитку, но докторъ привлекъ къ себѣ молодую дѣвушку и заговорилъ робкимъ, нерѣшительнымъ голосомъ:

— Мнѣ, знаете, кажется, будто я провожаю васъ въ изгнаніе... Почему-бы вамъ не избавить меня отъ горя—оставить васъ одну именно сегодня, въ такія тяжелыя минуты?.. Пойдемте со мной! О, какъ счастлива была-бы тетушка, если бы вы посѣтили ее!.. Она стала бы заботиться о васъ такъ, какъ нѣжная мать...

— Нѣтъ... нѣтъ! воскликнула Кэта. Ахъ, не думайте, пожалуйста, что въ одиночествѣ я всецѣло отдамся бесплодной тоскѣ... У меня не будетъ времени на это, да я и не хочу этого. Мнѣ слѣдуетъ идти туда (она указала на полукруглое окно, гдѣ теперь за ситцевой занавѣской показался слабый свѣтъ), я должна утѣшить этихъ несчастныхъ сиротъ, такъ какъ они остались на моемъ попеченіи...

— Милая, дорогая Кэта! произнесъ Брукъ и снова прижалъ ея руку къ груди... Да, идите туда и—да благословить васъ Богъ! Я почелъ бы за тяжкій грѣхъ помѣшать вамъ... Вы мужественно вступаете на кремнистый, но вѣрный путь, чтобы заглушить въ сердцѣ бесплодную горе. Только не будьте слишкомъ строги къ себѣ въ первое время! Бѣды вы еще не совсемъ поправились!.. Не снимайте-же повязки съ заживающей раны. И такъ, теперь... до свиданія, до Пасхи, до той поры, когда зимніе туманы исчезаютъ, когда снѣгъ и ледъ превращаются въ воду... Въ тѣ дни и сердце человѣческое становится мягче, добрѣе... На Пасхѣ я вернусь сюда, а до тѣхъ поръ не забывайте, что тамъ... далеко у васъ есть горячо-преданный вамъ человѣкъ... Пусть же между мной и вами *никогда* не будетъ мѣста ни клеветѣ, ни недобвѣрію!

— *Никогда!* почти вырвалось изъ груди Кэты.

Брукъ горячо поцѣловалъ ея руку, но она сейчас-же высвободила ее—и калитка захлопнулась за молодой дѣвушкой. Кэта не сдѣлала ни шага дальше; прижавшись къ холодной, сырой стѣнѣ и закрывъ лицо руками, она прислушивалась, затаивъ дыханіе, къ его удаляющимся шагамъ. Что значила смерть Генріэтты въ сравненіи съ муками ея бурнаго, горячаго сердца, которое должно еще жить и страдать?.. Она все стояла и прислушивалась до тѣхъ поръ, пока кругомъ нея все стало опять тихо... Не проронивъ ни одной слезы, Кэта направилась къ дому, чтобы явиться тамъ ангеломъ-утѣшителемъ вдовы мельничихи и ея дѣтей.

Черезъ три дня, тотчасъ послѣ погребенія Генріэтты, д—ръ Брукъ и тетушка диаконица уѣхали изъ резиденціи. Такъ Кэта и не видѣла больше доктора; старушка приходила къ ней нѣсколько разъ и просиживала два три часа на мельницѣ. Въ тотъ-же день уѣхали Флора

и президентша. Почтенная дама отправилась на воды, а Флора—въ Цюрихъ, гдѣ какъ поговаривали въ резиденціи, она намѣревалась прожить нѣкоторое время и заняться изученіемъ медицины.

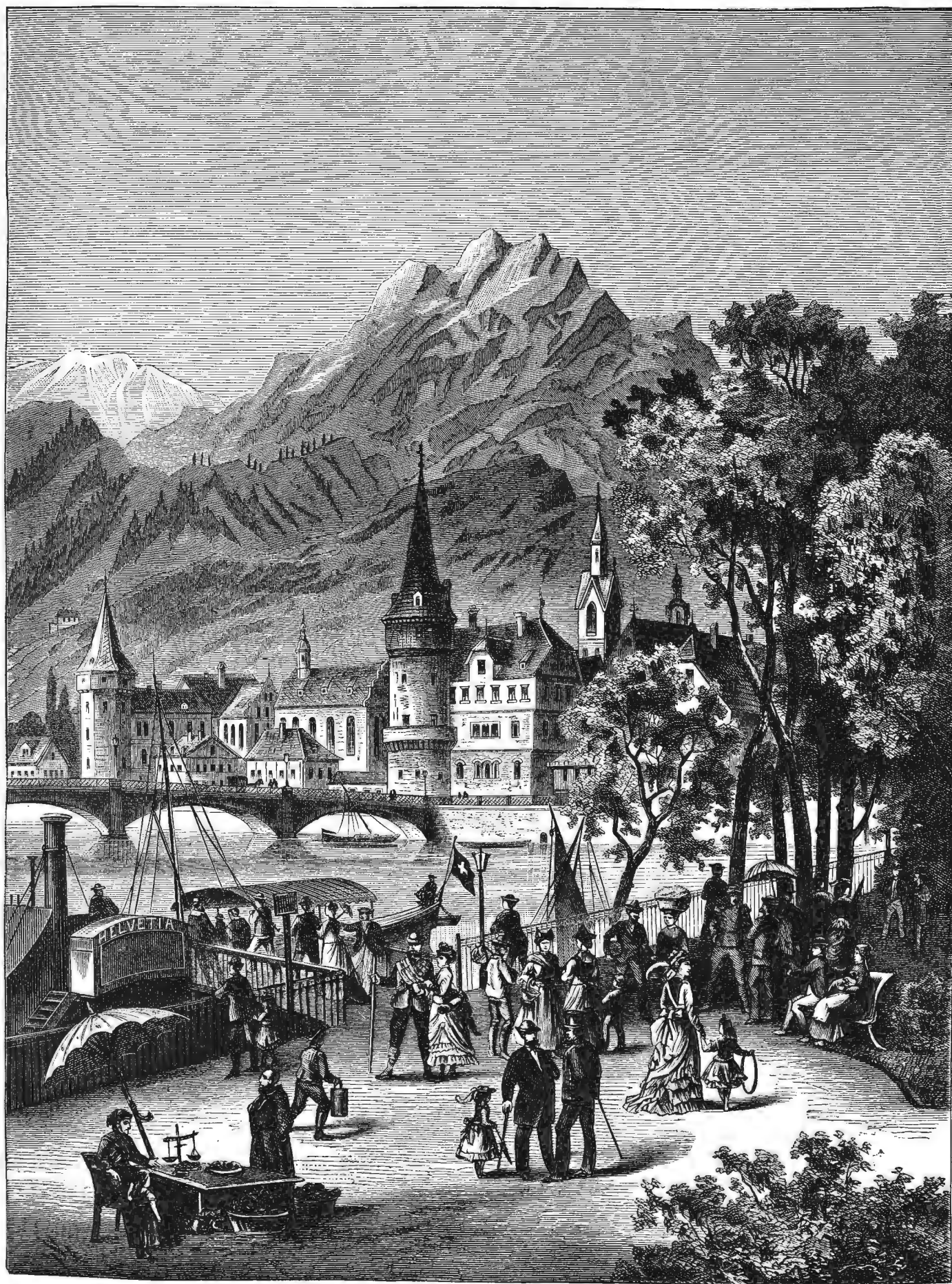
XXIX.

Прошло болѣе года съ того мартовскаго дня, когда Кэта Мангольдъ, внучка и единственная наслѣдница богатаго замковаго мельника, шла по проѣзжей дорогѣ изъ города въ домъ своего опекуна, чтобы представиться тамъ въ своемъ новомъ званіи „золотой рыбки“.

Дорога эта, прежде вѣчно грязная, теперь была поσειною; по правую сторону ея тянулся цѣлый рядъ красивыхъ маленькихъ домиковъ; эти домики принадлежали рабочимъ прядильни и стояли на мѣстѣ прежняго мельничнаго сада, на той землѣ, которую Кэта успѣла отвоевать у своего опекуна для фабричныхъ. Обыватели резиденціи очень охотно ходили теперь по этой дорогѣ. Здѣсь прежде возважалась старая, толстая стѣна, окружавшая владѣнія замковаго мельника; тропинка, змѣвившаяся вдоль этой стѣны, почти никогда не просыхала, такъ что мѣсто это называли болотомъ. Въ настоящее время тутъ красовалась аллея изъ кустовъ акаціи. Домики, заново выкрашенные, выглядели такими чистенькими и красивенькими; около каждаго былъ разбитъ палисадникъ, въ которомъ пестрѣли цвѣтушіе кусты. На заднемъ планѣ этой картинки гордо возвышалась замковая мельница, порядкомъ таки почернѣвшая отъ времени; окна ея выходили на противоположную сторону, и казалось будто эта „старина“ гнѣвно отвернулась отъ маніатюрныхъ новыхъ строеній. Въ самой мельницѣ не произошло никакихъ перемѣнъ; только старыя, поистершіяся солнечные часы были подновлены, да калитка въ стѣнѣ, отдѣлявшей мельницу отъ парка, была задѣлана. Теперь не существовало уже никакихъ отношеній между замковой мельницей и бывшимъ помѣстьемъ вымершихъ рыцарей ф. Баумгартеновъ, отъ которыхъ она во время оно и получила свой титулъ „замковая“,—однако-же, оглушительная стукотня въ этомъ почтенномъ зданіи среднихъ вѣковъ раздавалась теперь съ удвоенною силой — работа кипѣла тамъ, а по дорогѣ, ведущей во дворъ мельницы, безпрерывно тянулись подводы съ зерномъ и мукой. Дѣломъ на мукомольнѣ заправляла, какъ видно, сильная рука, послушная смѣтливой, коммерческой головѣ. Предпріятіе Кэты вполнѣ удалось: она нашла для своей мельницы честнаго, опытнаго управляющаго; относительно веденія книгъ ей помогаль купецъ Ленцъ, теперь совершенно обдѣнѣвшій.

Молодая дѣвушка опредѣлила себя въ ученицы при своей мельничной конторѣ; благодаря познаніямъ своимъ, ясному уму и быстрой сообразительности, Кэта въ короткое время догнала своего учителя и даже не уступала ему въ умѣннн вѣсти конторскія дѣла. Она, дѣйствительно, работала изо дня въ день, не хуже мужчины. Дѣло быстро росло, развивалось и давало такіе результаты, какихъ не могъ добиться даже покойный замковый мельникъ. Довольныя лица, окружавшія Кэту, поддерживали ее на „кремнистомъ“ пути жизни, по которому она сама пошла. А ужъ какой порядокъ былъ во всемъ! Всякому воздавалось должное. Вдову и дѣтей злосчастнаго Франца Кэта помѣстила въ новомъ, небольшомъ флигелѣ. Бывшая мельничиха и Суза завѣдывали небольшою экономіей при мельницѣ; хозяйство также лежало на ихъ рукахъ; что касается дѣтей погибшаго мельника, то они получали такое воспитаніе, какого, навѣрно, не далъ бы имъ отецъ, заботившійся преимущественно о приобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ.

Отъ громаднаго наслѣдства замковаго мельника у Кэты, дѣйствительно, ничего не осталось, за исключеніемъ мельницы и нѣсколькихъ тысячъ талеровъ, которыя, вмѣстѣ съ кускомъ земли, она выпросила у опе-

Люцернъ и гора Пилатусъ въ Швецаріи. Съ фотографіи рѣзалъ Пейне.

куна, отдавъ эти деньги займы рабочимъ для постройки домиковъ. Сотни же тысячъ талеровъ исчезли безслѣдно въ огнѣ, послѣ взрыва, а небольшіе слитки золота и серебра, найденные среди развалинъ на мѣстѣ катастрофы, получились скорѣе отъ расплавившейся посуды и кубковъ, чѣмъ отъ монетъ. При конкурсѣ, послѣдовавшемъ за взрывомъ въ башнѣ, множество кредиторовъ коммерціи совѣтника лишились своихъ капиталовъ. Оставшіяся послѣ „богатаго человѣка“ недвижимое имущество и другія цѣнности не могли покрыть всѣхъ его долговъ; вообще конкурсъ этотъ оказался однимъ изъ самыхъ ужасныхъ и безнадежныхъ, какіе только могъ вызвать страшный биржевой крахъ. Вилла и паркъ снова попали въ дворянскія руки; новые владельцы велѣли убрать куда-нибудь (и какъ можно скорѣе) всю руину, отвести воду въ рѣку, а самый ровъ засыпать, даже холмъ приказано было срыть... Новымъ хозяевамъ хотѣлось, чтобы ничто на землѣ этой, изстари принадлежавшей родовымъ дворянамъ, не напоминало о высокобѣрномъ выскокѣ, окончившемъ свой прыжокъ такъ позорно. Старый, уже знакомый читателю, почтенный мостъ черезъ рѣку былъ тоже сломанъ, а потому чтобы попасть теперь въ докторскій домикъ — нужно было пройти новый, каменный мостъ неподалеку отъ придѣльны и повернуть потомъ въ красивую аллею вдоль берега рѣки.

Домикъ надъ рѣкой стоялъ теперь пустой, хотя былъ поправленъ еще осенью. Старая пріятельница тетушки діаконицы осталась на зиму въ прежней городской квартирѣ доктора и только весной собиралась опять посѣлиться тутъ... Кэта почти ежедневно ходила къ докторскому домику. Ни туманы осенніе, ни грязь, ни снѣжная мятель, ни вѣтеръ не могли удержать ее: съ наступленіемъ сумерекъ она бросала перо, закутывалась потеплѣе и отправлялась къ мѣсту своей прогулки...

Тутъ она на полчаса стряхивала съ себя дѣловыя заботы, разставляла съ своими цифрами и ужъ не думала о сухихъ вычисленіяхъ; здѣсь она не была серьезной, аккуратной хозяйкой... Въ эти часы сумерекъ, Кэта была молодой дѣвушкой, вполне отдававшей своимъ пылкимъ чувствамъ, и какъ ни строго относилась она къ своему упрямому сердцу—все таки бывали минуты, когда она не могла удержаться, чтобы сладко не помечтать о счастья и радостяхъ взаимной любви.

Кэта входила обыкновенно черезъ узкую калитку въ палисадникъ, мимоходомъ она всегда съ любовью проводила рукой по каменному, поросшему мхомъ пьдесталу, у котораго однажды стояла съ Брукомъ; потомъ подходила къ тому мѣсту, гдѣ находился прежде садовый столикъ... Тутъ страдалъ Брукъ, *страдалъ изъ-за нея*... Теперь это она знала. Молодая дѣвушка, обходя запустѣлый домъ съ закрытыми ставнями, останавливалась у главной двери и жадно прислушивалась... Если тамъ и было все тихо, то все же это не была могильная тишина, къ тому же Кэта знала, что право отпереть эту дверь принадлежало любимому человѣку... Да, въ одинъ прекрасный день въ этомъ домикѣ снова будутъ раздаваться шаги, а въ окнахъ замелькаютъ милыя, дорогія лица... Вѣдь такъ было рѣшено, хотя Кэта и говорила самой себѣ, что она будетъ всегда уѣзжать куда-нибудь на то время, пока, наконецъ, Брукъ не явится сюда подъ руку съ какой-нибудь молодой дѣвушкой—и этой-то дѣвушкой она, Кэта, и передастъ то кольцо...

А въ Л—гѣ ему вѣрно хорошо, тамъ за нимъ ухаживаютъ... Еще-бы! Слава его росла съ каждымъ днемъ; его аудиторія была всегда переполнена слушателями. Репутація его, какъ отличнаго врача, облетѣла чуть-ли не весь свѣтъ. Письма тетушки діаконицы (а она частенько писала Кэтѣ) дышали счастьемъ и были для молодой дѣвушки источникомъ наслажденія, но въ то-

же время и—причиною страшной душевной тревоги, и потому Кэта рѣже давала отвѣты старушкѣ, и тонъ ея писемъ звучалъ весьма умѣренно. Брукъ не писалъ Кэтѣ (обѣщавъ вѣдь не надѣвать ей поръ, до времени), онъ посылалъ ей только поклонъ (въ письмахъ тетушки), и Кэта отвѣчала ему тѣмъ же.

Такъ и шла, изо дня въ день, въ удлинении, ея молодая жизнь. Она и не подозрѣвала, что въ городѣ занимаютъ ею гораздо больше съ тѣхъ поръ, какъ она такъ энергично добилась объявленія себя совершеннолѣтней и такъ рѣшительно встала во главѣ общпріятаго предпріятія; она не знала, что ею интересуются тамъ и уважаютъ ее гораздо больше теперь, чѣмъ прежде, когда она слыла „золотой рыбкой“... Эта добрая молва объ молодой дѣвушкѣ была причиною того, что на мельницу стала приходиться теперь очень часто одна гостья, при первомъ появленіи которой Кэта не мало удивилась. Г-жа президентша Урахъ уже не находила унизительнымъ для себя, гуляя въ сопровожденіи горничной, заходить на мельницу для того, чтобы, какъ она говорила, „провѣдать меньшую дочь своего милаго, покойнаго зятя“...

Почтенная дама довольно скоро вернулась въ резиденцію, она «не могла жить» на чужбинѣ. Занимая двѣ небольшія комнаты въ верхнемъ этажѣ (домъ находился въ какой-то узкой улицѣ), она жила, сообразно съ своими скромными средствами, вдали отъ свѣта, позабытая почти всѣми. Тайный совѣтникъ ф. Бэръ купилъ себѣ помѣстье и уѣхалъ изъ столицы, такъ что президентша ничего и не знала о немъ; изъ прежнихъ друзей ее посѣщали двѣ-три пріятельницы старушки, да отставной полковникъ ф. Гизе, приходившіе поиграть съ ней въ карты. Почтенная дама внезапно начала чувствовать себя очень хорошо въ „большой, высокой комнатѣ на мельницѣ, гдѣ такъ легко дышется“; утомившись во время прогулки, она удобно усаживалась на старомодномъ мягкомъ диванѣ замковаго мельника, и съ наслажденіемъ пила дорогой кофе, который Кэта всегда варила для нея на конфоркѣ. Президентша вовсе не протестовала, когда Суза, по знаку своей молодой барыни, передавала генеральской горничной большую корзину съ свѣжимъ масломъ, яйцами и окорокомъ.

О Флорѣ старая дама не любила говорить: внучка, не потерявшая ни одной копѣйки изъ своего состоянія, мало помогала бабушкѣ, платя только за квартиру прислугѣ ея; все же остальное тратила на себя и „едва могла свести концы съ концами“, какъ зачастую увѣряла она бабушку въ письмахъ своихъ. Красавица не долго пробыла въ Цюрихѣ — „ужасная“ медицинская наука раздражала нервы ея до „сумашествія“. Флора принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя кокетничаютъ умомъ и хотятъ во что бы то ни стало играть видную роль, обращать на себя вниманіе; онѣ принимаютъ глубокомысленный видъ, ударяются въ ученія разглагольствованія, а самомъ-то дѣлѣ для нихъ серьезная умственная работа—хуже горькой рѣдкки. Но вотъ и праздникъ Пасхи уже не за горами, а за плечами. Въ саду докторскаго домика давно начались работы. Брукъ прислалъ изъ Л—га садовника, который теперь прокладывалъ новыя дорожки, или лучше сказать, приводилъ садъ въ его первоначальный видъ, руководствуясь при этомъ старымъ планомъ. Много рукъ работало тутъ: рыли, сажали, расчищали мѣста для статуй (статуи эти, присланныя изъ Л—га, стояли еще въ ящикахъ). Ставни въ домѣ открыты были двѣ недѣли тому назадъ; стѣны комнатъ оклеивались новыми обоями, потолки бѣлились, а на кровельномъ конькѣ появилась даже палка для флага. Когда все было готово, въ домъ переѣхала пріятельница тетушки и привезла съ собой цѣлый отрядъ поденщиковъ для мытья половъ, оконъ и дверей.

Кэта продолжала по прежнему прогуливаться сюда. Еще сегодня, накануне праздника Пасхи, она пришла послѣ обѣда взглянуть на свое любимое мѣстечко. Въ саду еще сажали и сѣяли; между группами тисовыхъ деревьевъ, среди темной зелени, красовались статуи изъ песчаника; дорожки были усыпаны бѣлымъ пескомъ; вмѣсто деревянной, скрипучей калитки въ заборѣ палисадника вставлена была изящная черная желѣзная рѣшетка; бесѣдку тетушки діаконицы залово выкрасили бѣлой краской, а позади дома досчатый заборъ окружалъ новый птичникъ.

На каменномъ (уже извѣстномъ читателю) пьедесталѣ, передъ домомъ красовалась теперь статуя Терпсихоры. Богиня эта, граціозно вытянувъ руки, стояла на пальчикахъ своей маленькой ножки, принявъ ту именно позу, въ какой представляла ее себѣ Кэта.

— Статуйка эта, можно сказать, прелесть, замѣтилъ Л—ий садовникъ,—только стоитъ-то она вовсе не на мѣстѣ. Этотъ лужокъ (онъ обвелъ около себя рукой) какой-то дикій пустырь, но г. профессоръ строго и строго запретилъ мнѣ даже прикасаться лопатой къ этому дикому мѣсту.

Яркая краска разлилась по лицу Кэты... Молодая дѣвушка молча нагнулась и начала рвать фіалки около пьедестала. Цвѣточки эти росли здѣсь въ изобиліи.

— Н—да, лужайка эта совсемъ поросла дрянной травой, прибавилъ садовникъ и ушелъ.

Домикъ надъ рѣкой, превратившійся въ настоящій маленькій замокъ, сіялъ новизной; онъ имѣлъ какой-то особенно — праздничный видъ, „какъ будто не вѣста должна пріѣхать сюда“, сказала съ простодушной улыбкой старушка, пріятельница тетушки, обратив-

шись къ Кэтѣ... Бѣлая кошечка неслышными шагами расхаживала въ сѣняхъ по новому мозаичному полу; въ въ комнатѣ тетушки діаконицы, за филейными оконными занавѣсками, среди лавровыхъ и миртовыхъ деревьевъ, зимовавшихъ въ городѣ, громко распѣвала канарейка; золотыя рыбки по прежнему плавали въ стеклянннй вазѣ... Все было по старому, но тутъ уже трепетала новая жизнь... Сама тетушка должна была пріѣхать сегодня послѣ обѣда. „Старушка-пріятельница“, таинственно прищуривъ глаза, сообщила Кэтѣ, что тетушка привезетъ съ собой гостью, но кого именно — не знаетъ. Ей, „пріятельницѣ“, поручили только разставить въ гостиной новую, красивую мебель. „Взгляните-ка туда!“ пригласила она Кэту и, съ чувствомъ собственного достоинства, распахнула обѣ половинки двери гостиной... Заглянувъ въ эту комнату, Кэта не выдержала и залилась слезами... Она вспомнила Генриэтту, которая тутъ страдала и все таки была безконечно счастлива, находясь въ домѣ любимого человѣка. Но, рядомъ съ этимъ горестнымъ воспоминаніемъ, молодая дѣвушка ощутила въ душѣ совершенно новое, незнакомое ей жгучее чувство — чувство *ревности*. Кто же та незнакомка, которую тетушка полюбила такъ горячо, что даже пригласила ее гостить къ себѣ?..

Ситцевыя занавѣски съ розовыми букетами и висячія вазы съ цвѣтами остались въ этой комнатѣ, за то старомодная, неуклюжая мебель и выпѣвѣтшія картины исчезли куда-то, давъ мѣсто другимъ, новенькимъ... Какъ хорошо, уютно стало теперь здѣсь!.. Небольшой кабинетъ, смежный съ этой комнатой, стоявшій прежде совершенно пустымъ, былъ обращенъ теперь въ спальню.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Путешествіе въ Сѣверную Африку Л. О. Костенко. С. П. Б. 1876 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Трудъ г. Костенко представляетъ яркій контрастъ съ произведеніями того же рода, очень часто знакомящими насъ только съ личными ощущеніями «туриста», его дилетантскими замѣтками, дающими лишь смутное понятіе о странѣ, которую онъ посѣтилъ. Г. Костенко, проѣхавъ Алжиръ отъ морского берега, поперекъ, до Сахары и посѣтивъ Тунисъ, сообщаетъ массу любопытныхъ, какъ статистическихъ данныхъ, такъ и свѣдѣній по топографіи, этнографіи, объ экономическомъ положеніи обѣихъ странъ, фауны, флоры и т. д., свѣдѣнія, не только почерпнутыя имъ изъ личнаго посѣщенія, но и заимствованныя изъ довольно богатой литературы, относящейся къ Африкѣ.

Въ своей книгѣ авторъ проводитъ параллель, намѣчаетъ аналогію, существующую между нашими среднеазиатскими владѣніями и французскою Алжиріею, какъ въ отношеніи экономическаго быта туземцевъ и ихъ нравственнаго уровня, такъ и въ отношеніи тѣхъ ожиданій и надеждъ, которыя мы возлагаемъ на наши пріобрѣтенія въ центральной Азій, а французы — на сѣверъ Африки. Сравненіе это, однако, оказывается не въ пользу Алжира. Дѣйствительно, французы, въ теченіи своего почти полувековаго владычества ничего не извлекли изъ африканской провинціи, почти ничего не успѣли сдѣлать для нея. Экономическое положеніе, нравственный и интеллектуальный бытъ туземной массы остался тотъ же, что и въ 30-хъ годахъ, т. е. въ эпоху начала войны. Причины того слѣдуетъ, главнымъ образомъ, отнести, конечно, къ самымъ неблагоприятнымъ мѣстнымъ условіямъ страны, но, въ извѣстной степени, виноваты и завоеватели. Скудная почва Алжира, лишенная къ тому же воды, — тѣ незначительныя рѣчки и потоки, которые и встрѣчаются мѣстами, высыхаютъ лѣтомъ, — орошаемая, по большей части, только дождями, заключаетъ въ себѣ мало данныхъ къ культурѣ хлѣбныхъ растений (хлѣбъ привозится изъ Марселя, Швеции и Россіи), а отсутствіе, въ то же время, заласей ископаемаго топлива, исключаетъ возможность эксплоатціи минеральныхъ богатствъ, которыми обладаетъ Тель-гористая полоса, тянущаяся отъ Марокко до Туниса, параллельно морскому берегу и отдѣляющая Малую Сахару отъ Большой. Такимъ безотраднымъ естественнымъ условіямъ отвѣчаетъ и экономическое положеніе туземцевъ. Если охотная часть населенія бѣдна, если все ея богатство заключается въ грязныхъ домишкахъ, да нѣсколькихъ, охраняемыхъ какъ зѣница ока, пальмахъ (мы говоримъ, конечно, о масѣ), а все производство состоитъ изъ фабрикаціи «шашія» (фески), бурнусовъ и сусе-

ныхъ финиковъ, то кочевые, дикіе сыны пустыни живутъ лишь щепоткой риза. Матерьяльному уровню соотвѣтствуетъ и умственный и нравственный. Странно сказать, французы, до сихъ поръ, не сумѣли сдѣлать ничего дѣйствительнаго для того, чтобы хотя сколько-нибудь вывести туземное населеніе изъ его жалкаго состоянія. Принимаясь за перевоспитаніе кочевниковъ, они примѣнили нѣсколько системъ, которыя, однако не дали практическихъ результатовъ. Такъ, сначала были устроены «шимы» — родъ военныхъ поселеній, куда поселялись туземцы, которыхъ пріучали къ земледѣлію командированные для того солдаты и унтеръ-офицеры; но это не повело ни къ чему: плата инструкторамъ была такъ ничтожна, что ничѣмъ не вознаграждала за неудобства жизни и за трудъ, и все велось, конечно, безъ всякаго усердія, спустя рукава, и, какъ мы только что сказали, не дало никакихъ результатовъ; затѣмъ администрація попробовала учреждать среди кочевниковъ и сельскаго населенія — колоніи французовъ — послѣдствія вышли не лучше: вызванные изъ метрополи цивилизаторы оказались въ большинствѣ случаевъ авантюристы; понятно, что и тутъ ожиданія не могли оправдаться. Въ настоящее время правительство возложило всѣ свои надежды на трудолюбивыхъ и нравственныхъ эльзасцевъ, не пожелавшихъ остаться въ своемъ отечествѣ подъ властью пруссаковъ — но авторъ, видѣвшій ихъ поселенія, сомнѣвается въ успѣхахъ. Что же остается сказать о цивилизаторскомъ влияніи Франціи въ Алжирѣ — въ виду чудовищнаго факта, привоимаго авторомъ, который указываетъ, насколько неискренно различныя западные «носители культуры» относятся къ возвышаемымъ ими «великимъ интересамъ человечества» — дѣло въ томъ, что французы, въ нѣкоторыхъ, расположенныхъ въ Сахарѣ оазисахъ, какъ Варгла, Лезабъ, Эль-Голеа, оазисахъ, находящихся подъ протекторатомъ Франціи, и въ которыхъ расположены французскіе гарнизоны, — открыто практикуется торгъ невольниками! Нужны ли здѣсь комментаріи? Не лишнимъ ли является тутъ и самый вопросъ о томъ — чего слѣдуетъ ожидать отъ французскаго владычества въ отношеніи моральнаго прогресса Алжира? Едва ли самая система управленія является въ достаточной степени благоразумною: администрація, подобранная изъ разныхъ вліятельныхъ туземцевъ — кандовы, абатъ-агъ, калифа и т. д., награждая ихъ отличіями, давая имъ довольно значительное содержаніе (достигающее иногда до 20 тысячъ франковъ), въ то же время облагаетъ народъ стѣснительнымъ налогомъ, падающимъ на cadaго верблюда, на каждую овцу, что, конечно, раздражаетъ народъ и не ослабляетъ въ немъ враждебнаго чувства къ завоевателямъ.

Нечего и говорить, что африканская провинція достаточнымъ

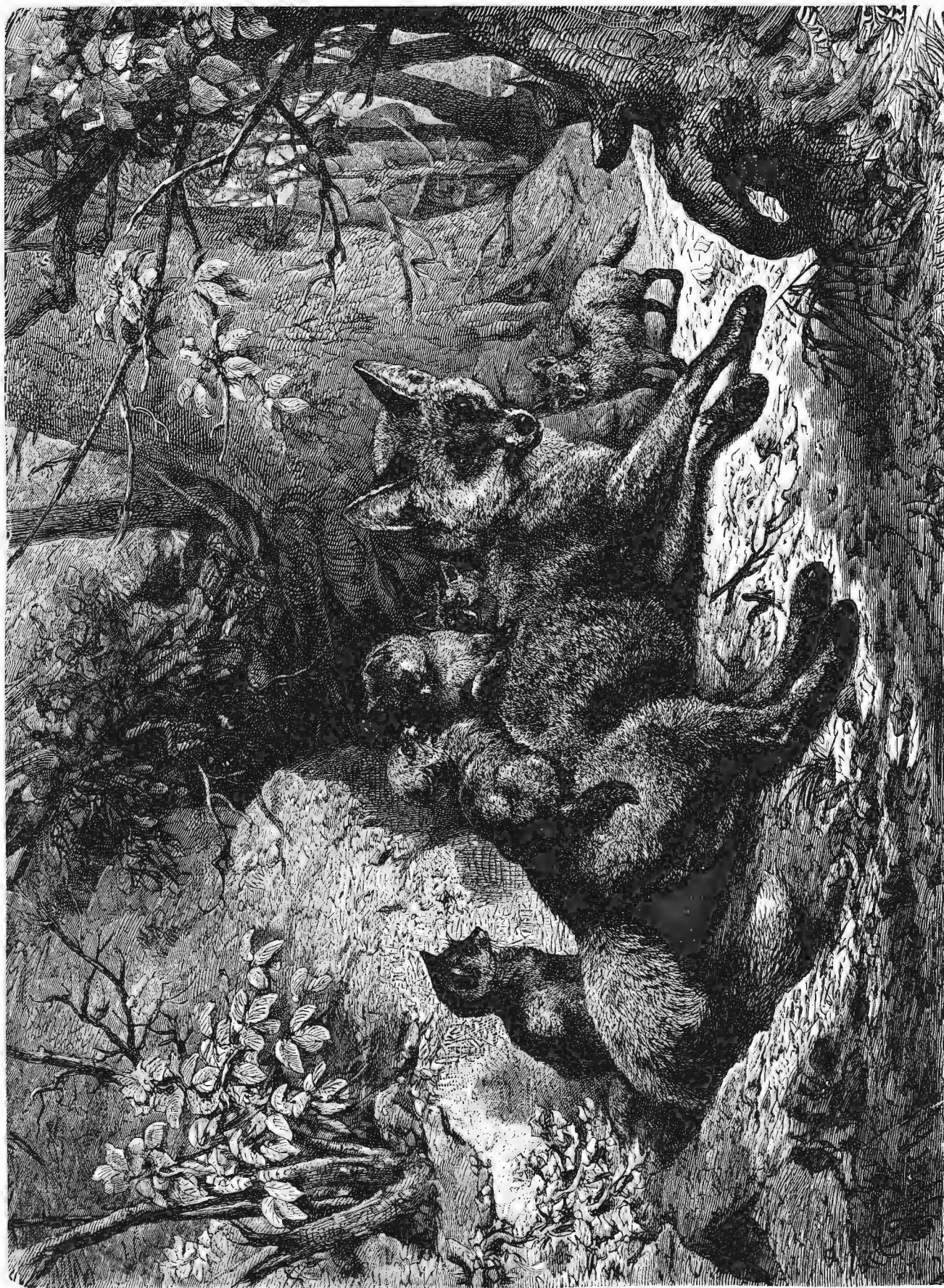

Главная улица въ Енисейскѣ. Рисов. Манкель.

Ратуша въ Енисейскѣ. Рисов. Манкель.

Лисица и ея потомство. Рисов. и грав. Шпехтг.

образом вознаграждает усилия метрополии. Алжиръ ежегодно обходится Франціи до 50 милліоновъ франковъ, не говоря уже объ удобствахъ имѣть дѣло съ дикими, необузданными племенами, то поднимающимися противъ властителей, то враждующими между собой. Вообще, какъ справедливо замѣчаетъ г. Костенко, положеніе французовъ въ Алжирѣ не завидно—они, можно сказать, съ самаго момента завоеванія, силою вещей, должны стремиться все впередъ и впередъ, отыскивая естественную оборонительную, охранительную границу для своихъ владѣній. Необходимость эта имѣла уже то послѣдствие, что, дойдя сначала до Сахары, въ пограничной чертѣ которой они полагали найти необходимую охранительную линію, они, вызываемые набѣгами и волненіями племенъ, принуждены занимать одинъ оазисъ за другимъ—и неизвѣстно, гдѣ это движеніе закончится, и что еще будетъ это стоить.

Политическое обозрѣніе.

Конституція въ Турціи! Какое странное сопоставленіе! А между тѣмъ, приходится, по крайней мѣрѣ, констатировать газетныя и телеграфическія извѣстія объ этомъ странномъ явленіи. Такъ, «Международное телеграфное агентство» сообщило 31-го мая (12-го іюня) слѣдующую депешу: «Султанъ Мурадъ пригласилъ великаго визиря представить ему, въ теченіи этой недѣли, правительственную программу и объявилъ, что намѣренъ принять ее. На Мидхадъ-Пашу возложена разработка проекта о созваніи національнаго совѣта, который будетъ заниматься исключительно «финансовыми дѣлами и обсуждать бюджетъ». Прежде чѣмъ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми размышленіями, на которые вызываетъ «турецкая конституція», мы познакомимъ ихъ съ основными началами новой государственной системы, въ томъ видѣ, въ какомъ они сдѣлались извѣстными до появленія этой телеграммы. Вотъ главные начала этого совокупнаго труда великаго визиря Мегемета-Рушди-Паша и главы реформатскаго министерства, Мидхада-Паша: «1) Всѣ оттоманы, т. е. всѣ жители, подданные имперіи всѣхъ націй и исповѣданій, будутъ равны предъ закономъ и будутъ пользоваться равнымъ участіемъ въ обязанностяхъ и правахъ гражданъ; 2) такъ какъ всѣ особы привилегіи уничтожены, и между прежними завоевателями и побѣжденными не должно существовать никакого различія, то всѣ налоги, въ томъ числѣ и военный, будутъ распределены, съ полнымъ равенствомъ, между всѣми гражданами; 3) должность великаго визиря упраздняется; 4) исполнительная власть будетъ ввѣрена министерству, члены котораго вполнѣ солидарны и въ которомъ предѣлительствуетъ первый министръ; 5) каждый изъ административныхъ областныхъ совѣтовъ будетъ посылать въ Константинополь 2-хъ делегатовъ; 6) делегаты эти образуютъ «большой національный совѣтъ», на обязанности ко-его будетъ лежать обсужденіе и опредѣленіе государственнаго бюджета доходовъ и расходовъ, а также и разсмотрѣніе проектовъ законовъ, вносимыхъ министерствомъ; 7) большой національный совѣтъ будетъ, равнымъ образомъ, имѣть право предлагать измѣненіе и расширеніе основъ конституціи». Съ перваго же взгляда бросаеся въ глаза то различіе, которое существуетъ между обими извѣстіями о конституціи. Въ первомъ—къ кругу законодательной компетенціи большаго національнаго совѣта отнесенъ не только бюджетъ, но и разсмотрѣніе и одобреніе или неодобреніе самыхъ законовъ, во второмъ же извѣстіи—дѣятельность турецкой палаты представителей ограничена лишь однимъ бюджетомъ. Такое различіе является, какъ говорятъ, результатомъ борьбы, происходившей въ средѣ министерства изъ-за реформы. Дѣло въ томъ, что Мегеметъ-Рушди-Паша и Мидхадъ-Паша, съ одной стороны, стояли за нововведенія, Гуссейнъ-Авни-Паша противился имъ—весьма возможно, слѣдовательно, что сокращеніе предѣловъ вѣдомства большаго національнаго совѣта есть услуга, цѣною которой куплено согласіе противника конституціонной формы правленія въ оттоманской имперіи.

Нужно ли говорить, что реформа эта останется для «христіанъ-оттомановъ» реформой на бумагѣ, что она ничѣмъ не улучшитъ ихъ положенія? Ни коранъ, до сихъ поръ почти безгранично властвующій надъ понатіями мусульманской массы, ни вкоренившееся убѣжденіе о превосходствѣ мусульманина надъ «христіанскою собакою», не допустятъ проникновенія въ жизнь «полаго и совершеннаго равенства» между прежними завоевателями и побѣжденными, не устранимъ существующаго въ продолженіи вѣковъ различія! Какая же можетъ быть, по этому роль делегатовъ-христіанъ? Можно до нѣкоторой степени составить себѣ представленіе о ней по той жалкой участи, которую испытываютъ немногіе члены административныхъ совѣтовъ. Турецкій христіанинъ у власти немедленно превращается въ безгласное орудіе своихъ повелителей, или же онъ не долго терпимъ. Въ состояніи ли онъ, при такомъ порядкѣ вещей, быть официальнымъ защитникомъ своихъ угнетенныхъ братьевъ?

Слѣдуетъ ли далѣе говорить также и объ абсолютной невозможности установить между магометанами и христіанами равенство въ отношеніи военной повинности и службы вообще.

Наконецъ, какое конституціонное значеніе можетъ имѣть пред-

Въ книгѣ г. Костенко мы находимъ много интереснаго и о Туниисѣ. Любопытенъ тотъ фактъ, что нынѣ царствующій бей, Магометъ-Эль-Садыкъ, человекъ, по отзыву автора гуманный и довольно просвѣщенный, далъ въ 60-хъ годахъ, своему народу либеральную конституцію, но подданные, не сумѣвшіе оцѣнить намѣреній своего государя и возбужденные фанатическими учителями, возстали противъ нововведенія и принудили его возстановить прежній порядокъ, такъ что страна снова возвратилась къ порядкамъ патріархальнаго добраго стараго времени.

Всего, заключающагося въ книгѣ г. Костенко, не перечислить въ бѣгомъ очеркѣ, и мы отсылаемъ читателей, интересующихся предметомъ, къ этому добросовѣстному труду. Книга издана изящно. Подтипажи (22 рисунка) оставляютъ, впрочемъ, желать лучшаго ибо рисунки при печатаніи замѣтно пострадали и утратили значительную долю своихъ достоинствъ.

ставительное учрежденіе, лишенное существеннѣйшихъ своихъ прерогативъ, и необходимѣйшихъ функций?

Но готовящаяся реформа, независимо своихъ, теоретическихъ недостатковъ, едва ли способна внушить христіанамъ довѣріе, уже въ силу того одного обстоятельства, что исходитъ отъ турецкой власти. Въ настоящую минуту недовѣріе это имѣетъ еще болѣе оправданія, чѣмъ прежде: вопреки всему общепринятымъ, вопреки всѣмъ торжественнымъ заявленіямъ Порты о ея намѣреніяхъ, исключительно клонящихся ко благу христіанскихъ подданныхъ, вопреки самому положенію дѣлъ — та же Порта—отдаетъ снова на откупъ налоги Востни! Естественно рождается вопросъ: есть-ли какая либо возможность требовать отъ возставшихъ славянъ, чтобы они, принеся покорность, отдались безоружными въ руки турокъ?

Великій визирь, какъ уже извѣстно, обратился къ князю Милану съ требованіемъ дать разъясненія относительно вооруженій Сербіи. «Увѣренія вашего высочества, писалъ визирь, устранили тѣ опасенія, которыя возникли у Порты подъ вліяніемъ значительныхъ вооруженій Сербіи. Между тѣмъ, вооруженія все еще продолжаютъ въ широкихъ размѣрахъ и сербская армія готовится нынѣ выступить въ походъ. Турецкое правительство тѣмъ менѣе можетъ равнодушно относиться къ положенію вещей, неблагоприятствующему сохраненію спокойствія въ ея провинціяхъ, что образъ дѣйствій Сербіи только способствуетъ къ усиленію волненій. Въ виду этого, его величество султанъ, одушевленный желаніемъ поддерживать неизмѣнно дружественныя отношенія къ княжескому правительству, поручилъ мнѣ официально обратиться къ вашему высочеству и пригласить васъ дать прямыя и точныя разъясненія на счетъ причинъ и цѣли упомянутыхъ вооруженій». Сербія, съ своей стороны, отвѣчала въ формально-примирительномъ духѣ, выразивъ серьезное искреннее желаніе сербскаго правительства не нарушать мира. Сербія вовсе не думала о вооруженіяхъ, а только заканчиваетъ свою военную организацію на основаніи принципа всеобщей военной повинности. Послѣдовавшія недавно назначенія офицеровъ соотвѣтствуютъ нормальнымъ потребностямъ. О войнѣ и о томъ, чтобы угрожать неприкосновенности Турціи, Сербія тѣмъ менѣе могла думать, что именно сохраненіе этой неприкосновенности представляетъ собою высочайшій интересъ для Сербіи. Къ временному занятію границъ Сербія была вынуждена чрезвычайнымъ положеніемъ дѣлъ въ пограничныхъ съ нею провинціяхъ и совершившимся, конечно противъ воли мѣстныхъ турецкихъ властей, нарушеніемъ территоріальныхъ правъ Сербіи. Впрочемъ, сербское правительство сердечно желаетъ удалить нѣкоторыя возникшія затрудненія и съ этою цѣлью отпрать спеціальныхъ уполномоченныхъ въ Константинополь. Во всякомъ случаѣ, постоянное желаніе Сербіи—сохранить наилучшія отношенія къ Портѣ.

Энергическое вмѣшательство Англіи, сопровождавшееся управленіемъ флота въ Безикскую гавань, рѣшило, по видимому, судьбу Берлинскаго меморандума. Сколько извѣстно, Дизраэли съ самаго начала, выразилъ въ парламентѣ надежду, что меморандумъ не будетъ сообщенъ Портѣ. Въ засѣданіи палаты общинъ, 9-го іюня, на запросъ лорда Гартингтона (вождя оппозиціи) первый министръ подтвердилъ уже положительно тоже самое, присовокупивъ, что державы согласились не допускать давленія на султана Мурада V-го и дать ему и его министрамъ время зрѣло обдумать и привести въ исполненіе всѣ мѣры, необходимость которыхъ будетъ ими признана.

Вообще—принципъ невмѣшательства оставленъ Англіею совершенно въ сторонѣ. Напротивъ того, она дѣлательно вмѣшалась не только, какъ мы видѣли,—явно, но и тайно. Что касается ея закулисныхъ махинацій то много интереснаго подробностей объ этомъ предметѣ сообщается въ одномъ изъ своихъ писемъ извѣстный корреспондентъ газеты «Русскій Миръ», Петръ Петровъ. Изъ одного письма мы, напримѣръ, узнаемъ, что въ Мостарѣ, ни съ того, ни съ сего, появились путешественники-англичане, которымъ пребываніе обшлось уже очень что-то дорого, по крайней мѣрѣ, по пріѣздѣ ихъ, турецкія войска—немедленно получили жалованіе, въ первый разъ послѣ 18-ти мѣсячнаго

ожидания! Денегъ надо было очень много; затѣмъ, турки получили 1½ миллиона отъ хлѣба и т. д. Мы не видимъ, чтобы ка-

кое либо другое государство относилось къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ съ подобною же заботливостью.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

Въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства» обнародованы слѣдующія постановленія:

— О пропускѣ безплатно среднеазиатскихъ произведеній (кромя чая), привозимыхъ въ Астрахань чрезъ Александровскій фортъ и другія мѣстности Мангышлакского полуострова.

— О примѣненіи къ губерніямъ юго-западнаго края правила объ опредѣленіи размера вознагражденія за порчу войсками полей.

— Газетамъ передавали, что въ министерствѣ юстиціи составляется проектъ измѣненія въ нашихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Предполагается, будто бы, уничтожить нынѣшніе мировые сѣзды, замѣнивъ ихъ судомъ изъ коронныхъ судей, въ числѣ четырехъ человекъ, къ которымъ будетъ присоединяться одинъ почетный мировой судья. Этотъ судъ будетъ имѣть болѣе обширный районъ, чѣмъ нынѣшніе сѣзды мировыхъ судей, и для рѣшенія дѣлъ будетъ выѣзжать на сессіи въ уѣзды.

Дѣла церкви.

Для цѣлей миссіонерства въ Лифляндіи собрано, по словамъ «Балт. Вѣстн.» въ 1875 году 4,747 р. 25 к. изъ коихъ для обращенія язычниковъ—3,569 р., а евреевъ — 1,178 руб. 27 коп.

Морское дѣло.

Изъ Николаева пишутъ, что 27-го мая вышли изъ гавани военные корветы: «Воинъ», «Львица», «Память Меркурія», подъ фла-

гомъ адмирала Баженова, въ практическое плаваніе. Всѣ эти суда имѣютъ полное боевое снабженіе.

— Въ «Moniteur de la flotte» пишутъ, что въ Шербургѣ недавно испытывалось достоинство приготовляемаго въ этомъ портѣ пластыря, котораго назначеніе—прекращать течъ въ суднѣ, получившемъ пробойну; для опыта употребленъ былъ батопортъ, подъ одну изъ водоотливныхъ трубъ котораго подведенъ былъ пластырь, прекратившій почти абсолютно, при давленіи воды, доходившемъ до 5 метрвъ (16 ф. 5 д.) пропиккивленіе ея въ батопортъ.

Некрологъ.

15-го мая скончался Францъ Палацкий, знаменитый чешскій ученый и историкъ. Онъ родился въ 1798 году; замѣчательнѣйшія его сочиненія: «Исторія Чехія», «Критика чешскихъ лѣтописцевъ» и «Политическое завѣщаніе чехамъ».

Служк.

Нынѣшнимъ лѣтомъ Петербургъ посѣтятъ многіе царственные гости: король и королева Эллиновъ, датское королевское семейство, императоръ бразилскій, итальянскій наслѣдный принцъ и принцъ Воа-Элвое, дядя японскаго микадо.

Новыя изобретенія.

Сообщаютъ, что житель Каховки, мастеръ Илья Вѣляевъ, изобрѣлъ *разобщительный аппаратъ*, который при неправильномъ движеніи вагоновъ (во время схода ихъ съ рельсъ) разобщаетъ соединительныя цѣпи смежныхъ вагоновъ и, такимъ образомъ, пре-

дупреждаетъ сходъ остальныхъ вагоновъ съ рельсъ.

Смѣсь.

«Times», говоря о кенсингтонской выставкѣ научныхъ аппаратовъ, замѣчаетъ, что на первомъ планѣ фигурируютъ Россія и Германія. Участіе же Англій вовсе незамѣтно. Особенно богатое собраніе аппаратовъ прислано русскимъ педагогическимъ музеемъ, которое, по мнѣнію «Times'a», ясно доказываетъ, что «въ Англій цѣнять научное образованіе гораздо ниже, чѣмъ въ Россіи».

— *Вывозъ золота.* По 6 мая вывезено за границу золота и серебра на 26,783,309 руб.; болѣе впротивъ 1875 г. на 23,035,261 руб. Привезено на 1,094,532 руб. менѣе впротивъ 1875 года на 1,609 руб.

— *Сожженіе кредитныхъ билетовъ.* 6-го мая сожжено на дворѣ Государственнаго банка кредитныхъ билетовъ на сумму 38,720,716 руб., полученныхъ за проданное съ 28-го января по 1-е мая изъ металлическаго фонда золото по номинальной цѣнѣ на 32,200,355 руб. Разница впротивъ номинальной цѣны въ 6,520,361 руб. представляетъ полученный при продажѣ лажъ на золото (22½/100).

— *Уменьшеніе отпуска хлѣба.* Въ январѣ и февралѣ сего года вывезено хлѣба изъ Россіи всего 1,239,407 четвер. впротивъ 1,882,985 четв. одновременно въ 1875 году, т. е. на 643,578 четв. менѣе, въ томъ числѣ пшеницы ра 317,956 четв. и овса на 246,629 четв.

— *Тамосенные сборы* дали по 6-е мая 13,137,162 руб.; впротивъ 1875 года на 526,421 руб. менѣе.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Посуда фабрики Воде. Котелки для варки пицци съ герметически-закупориваемой крышкой, препятствующей улетученію паровъ, уже давно вошли въ употребленіе во многихъ хозяйствахъ, вслѣдствіе какъ значительнаго сбереженія времени и дровъ, такъ и скорости, съ которой можно разваривать въ нихъ даже и трудно-варимую пиццу. Бывшіе до сихъ поръ въ употребленіи подобныя котелки, приготовляемы были изъ эмалированного литого желѣза, или изъ луженой жести съ крышкою изъ литого желѣза. Котелки изъ литого желѣза тяжелы и употребленіе ихъ не совсемъ безопасно въ томъ отношеніи, что при паденіи или толчкѣ, они могутъ получить тре-

могутъ лопнуть, даже и въ такомъ случаѣ, если случайно засорятся краны, потому что крышка, вслѣдствіе своей эластичности, при увеличивающемся давленіи паровъ, расширяется, такъ что излишекъ паровъ можетъ улетучиться между крышкою и краями котелка.

Подобныя котелки, въ различную величину, можно получить въ С.-Петербургѣ, въ оптическомъ и механическомъ магазинѣ И. Э. Милька, находящемся по Большой Морской улицѣ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Издатель считаетъ необходимымъ заявить гг. подписчикамъ, что при печатаніи № 23 журнала «Нива» встрѣтилась остановка отъ разрыва клише одной изъ картинокъ, а именно «Смерть Сербскаго князя Георгія Чернаго». Вслѣдствіе этого разсылка означеннаго № нѣсколько замедлилась, такъ какъ картинку пришлось рѣзать на деревѣ вновь.

ПОЧТОВЫЯ ЯЩИКЪ.

1) Нишиневъ. Портретъ Ю. Ф. Самарина, съ биографіею его, будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ ближайшихъ № журналовъ «Нива».

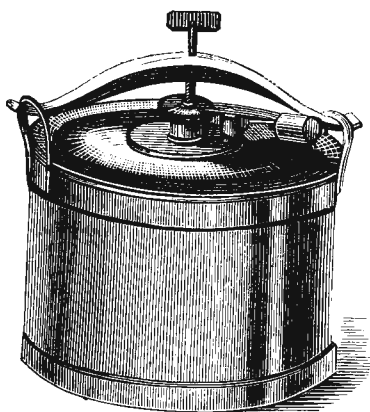
2) Могилевъ, И. Н. Ваше обращеніе къ редакціи, по нашему мнѣнію, для васъ же самихъ оскорбительно. «Взывать» можно только къ Богу. Вы просите, васимъ, покровительства вашему таланту; какой же талантъ виднѣнъ въ такихъ стихахъ:

И подражать Везалію я очень радъ,
Но вотъ бѣда! Во мнѣ хранится
Сладъ грѣха, что я не могу
Взирать на мертвеца.

Какого же это грѣха сладъ на васъ хранится—не убійства же, полагаемъ? Далеко вы говорите:

Все это грезы, пустяки!
Зачѣмъ же данъ намъ отъ Творца
Разсудокъ здравъ, а мы далеки
Развѣять страхъ хотя глупца.

Вамъ, конечно, известно, что рассудокъ дается человѣку между прочимъ и для того, чтобы онъ не маралъ понапрасну бумагу. Оставьте же стихи и поработесь, чтобы вашъ рассудокъ «былъ здравъ».

Котелокъ для варенія бульона.

щины, отъ которыхъ во время варки могутъ лопнуть отъ давленія паровъ. Вѣнская фабрика М. Воде и Комп. (V. Siebenbrunnengasse, 30) приготовляетъ съ недавняго времени изъ луженой бессемеровою стали такіе котелки, которые отличаются не только своею легкостью, но и тѣмъ, что они не

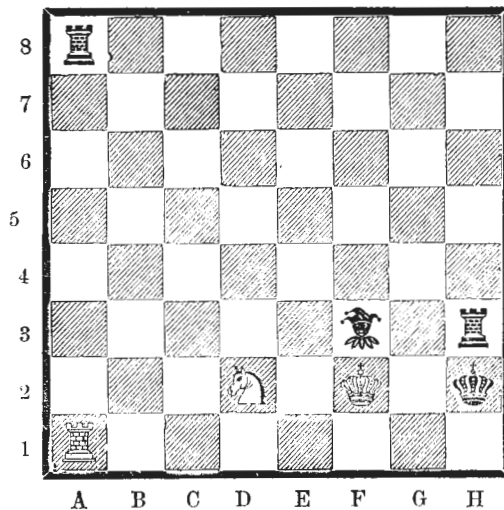
ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

— Мой крестный папаша фонъ!
Нашла чѣмъ хвастать! у меня родной папаша Трифонъ, да еще кондукторъ, и то я носъ не задираю.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ.

задачи въ «Нивѣ» № 20.

1) Конь E 8 — C 7×	1) Король D 5 — D 4
2) Конь C 7 — E 6×	2) Король D 4 — D 5
3) Ферзь C 2 — C 5×	3) D 6 беретъ ферзь C 5
4) Ладья F 8 — D 8×	

СОДЕРЖАНИЕ: Султанъ Мурадъ V. (съ портретомъ) — Тегеранскіе типы (съ рисункомъ). — Видъ города Люцерна въ Швейцаріи (рисункомъ). — Енисейскъ (съ рисункомъ) А. Невельского. — Лисица (Canis Vulpes) (съ рис.). Н. Зуева. — Въ домѣ коммерціи совѣтника. Повесть Э. Марлитта (продолженіе). — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — Газныя извѣстія. — Новая изобрѣтенія (съ рис.). — Завѣщаніе. — Почтовый ящикъ. — Юмористическіе очерки (съ рис.). — Шахматная задача. — Объявленія.

Редакторъ Д. Стахѣевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. (Изъ «Дом. бесѣды». 1875 г.)

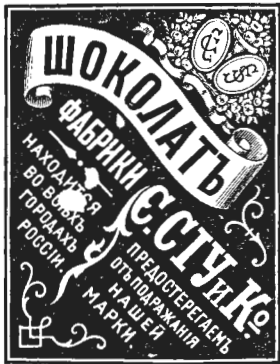
Поученія настоятеля Архангело-Михайловской г. Таганрога церкви, священника *Василія Бандакова*. Изданіе второе, исправленное. Таганрогъ. 1875 г.

Краткія простионародныя поученія его же. Выпускъ 2-й. Екатеринбургъ. 1875 г. У насъ все жалуются, что пастыри наши не говорятъ поученій, что они лишнимъ въ дѣлѣ благоустройства и равнодушны къ нравственнымъ нуждамъ своихъ пасомыхъ. Жалобщики эти, сколько намъ извѣстно, принадлежатъ болѣею частью къ числу тѣхъ господъ, которые и въ храмъ-то Божій рѣдко заглядываютъ, а отъ произносимыхъ тамъ проповѣдей бѣгутъ, какъ нѣкое существо отъ лапана. А между тѣмъ, и поученія пишутся и говорятся, и нетронутый цивилизаціей и ложнымъ прогрессомъ добрый русскій народъ въ сладость и пользу душевную слушаетъ ихъ. Да и какъ не слушать и не назидаться такими поученіями, какъ поученія о. *Василія Бандакова*? Краткія онѣ; но сколько въ нихъ простоты евангельской, сколько теплоты духовной, сколько силы, замислованной не отъ свѣтскаго краснорѣчія, не отъ хитросплетеній часто дгущаго разума, а отъ Духа Божія! Прочтешь одно поученіе, — тянетъ къ другому, къ третьему, и такъ до конца книжки. Мы хотѣли было выписать хоть одно изъ поученій о. *Василія Бандакова*, но, признаться, растерялись и не знали, на которомъ остановиться: одно другого назидательнѣе. Всѣхъ поученій о. *Василія Бандакова*, въ двухъ выпускахъ, СЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЕМЬ. Желавшіе приобрести ихъ съ требованіями своими могутъ обращаться въ Таганрогъ къ самому автору. Цѣна за оба выпуска одинъ рубль, а съ пересылкою 1 р. 50 к. № 34.

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 90 в. съ пересылкою. *Семья вольнодумцевъ*, Историческая повесть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключниковъ. Повесть эта въ безлестрической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 75 в. съ пересылкою. *Про что щибетала ласточка*. Сочиненіе *Шильманна*. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 г. 1 р. съ пересылкою.

45—35

EAU ET POUДRE PARNAËL.

Вода Рафаэль совершенно уничтожаетъ загаръ, веснушки, прыщи, морщины и жегтзшу. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою. 2 р. Пудра Рафаэль не сушитъ кожу, плотно прилегаеть, не замѣтна на лицѣ при дневномъ свѣтѣ, уничтожаетъ жаръ и красноту. Ц. 75 в. съ пересылкою. 2 р.). Получены: у Рузанова, Саблукова, Ушакова, Гост. дв. въ СИБ. и на всемірной филадельфійской выставкѣ. 4—2

2 руб. 12 наб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менделѣва. 50—41

ЖИЗНЬ ОТВѢТИЛА.

Повесть изъ современной жизни А. Г. Щегловитова Спб. 1876 г. П. 1 р. 25 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ Ал. Игн. Бортневскаго, уголь, Троицкаго и Градскаго переулковъ, въ С.-Петербургѣ. № 36.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногий волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Каразина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытвыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ «НИВЫ» на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

26—14

Молоко рисовыхъ цвѣтовъ.

Рисовое молоко принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ средствамъ, которыя имѣютъ весьма благотворное дѣйствіе на кожу; оно придаетъ ей бѣлизну и нѣжность, уничтожаетъ загаръ, предохраняетъ отъ веснушекъ и способствуетъ ихъ уничтоженію.

Цѣна за флаконъ 1 руб., почтовая пересылка 75 коп. во всѣ города.

Магазинъ А. Рузанова, Гостинный Дворъ, № 40, С.-Петербургъ. 2—2

РѢЗЦЫ ДЛЯ ВЫРѢЗКИ ВЫКРОЕКЪ.

4—3

Инструментъ этотъ, необходимый для всѣхъ, желающихъ заготовлять бѣлье или костюмы, по приложеннымъ къ «Нивѣ» выкройкамъ парижскихъ модъ, можно выписывать чрезъ редакцію «Нивы». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 коп.

НИВА

№ 25

ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 21 Юня 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫНРОЕНЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

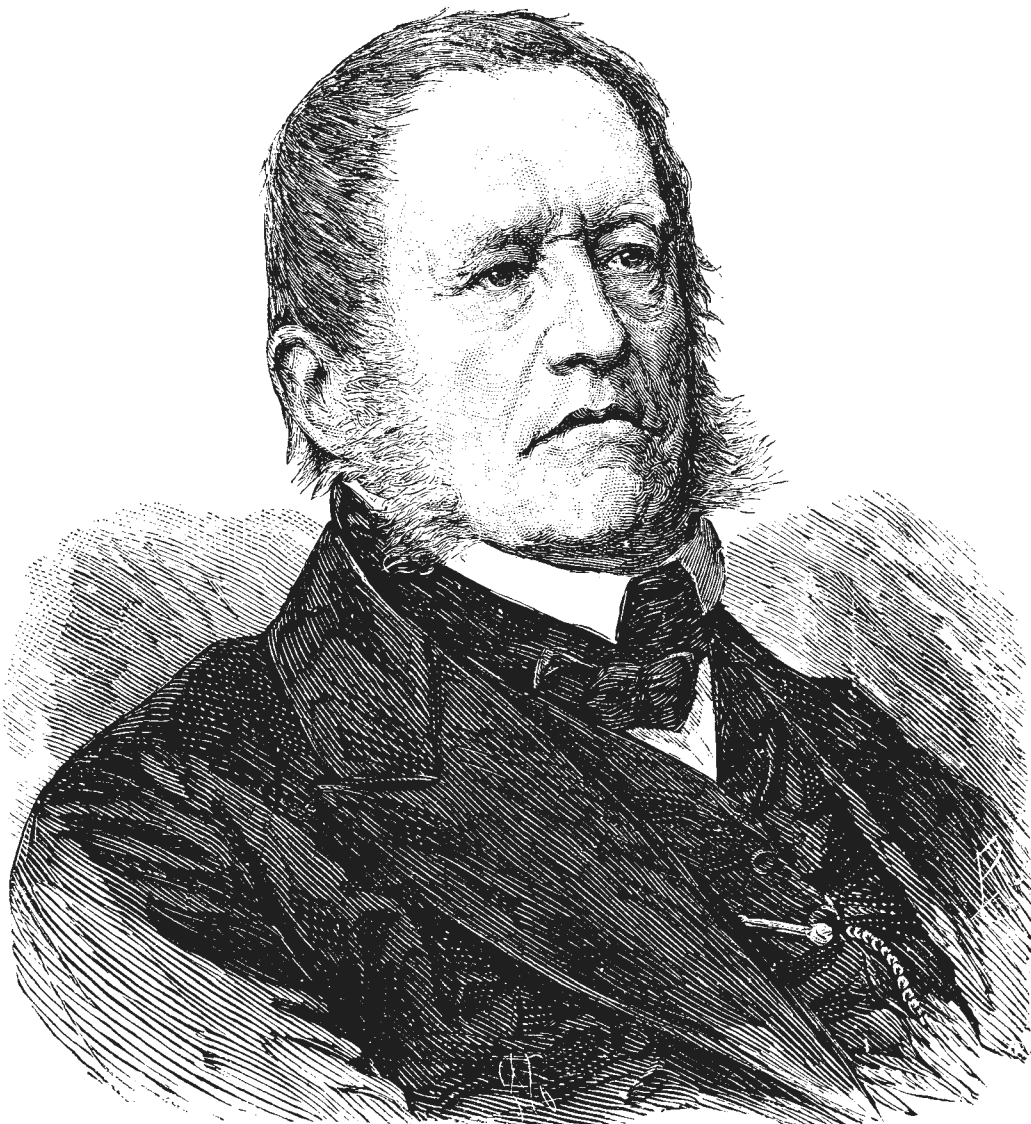
Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Нива-
репа 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересыл-
кою иногороднимъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

Францъ Палацкій.

Въ Прагѣ, 26-го прошлаго мая скончался Францъ Палацкій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей современной Австріи, организаторъ и видный представитель чешско-національнаго движенія. Чехи имѣютъ много причинъ глубоко скорбѣть о потерѣ Палацкаго. Этотъ человекъ всю жизнь свою былъ краснорѣчивымъ и разительнымъ пропагандистомъ желаній и надеждъ чеховъ. Францъ Палацкій — сынъ кальвинистскаго школьнаго учителя. Онъ родился 14-го юня 1798 года въ Гетцендорфѣ, въ Моравіи. Въ 1807 г., когда ему минуло девять лѣтъ, его отдали для обученія нѣмецкому языку въ деревенскую школу въ Куневальдѣ. Образование свое онъ началъ и окончилъ въ Вен-

Францъ Палацкій. Рис. Тагацци, грав. Веберъ.

грии, сначала въ Трентшинѣ (1809—1812 г.), а потомъ въ евангелическомъ лицее въ Пресбургѣ (1812—1819 г.), гдѣ одновременно съ предметами школьнаго преподаванія онъ занимался и усвоилъ себѣ почти всѣ европейскіе языки. Первое литературное произведение, вышедшее въ свѣтъ съ его именемъ (1817 г.) было богемскій переводъ нѣкоторыхъ пѣсень Макферсонова Оссиана. Въ то же время онъ издавалъ съ однимъ профессоромъ латинскую газету «Ephemerides politico-statisticae Rossionieuses». Въ 1818 г. въ Пресбургѣ вышла книга: «Основныя правила богемской поэзи вообще и просодіи въ частности», составленная Палацкимъ и Шафарикомъ. Въ 1828 году Палацкій при-

былъ въ Прагу и взялъ мѣсто воспитателя въ домѣ графа Хотека (вносѣдствіи старшаго бургграфа), что доставило ему значеніе въ аристократическихъ кружкахъ, гдѣ онъ ревностно агитировалъ въ пользу пробужденія чешско-національнаго сознанія. Благодаря знакомству съ графами Каспаромъ и Францемъ Штернбергами, онъ получилъ мѣсто во главѣ управленія богемскимъ музеемъ; тутъ Палацкій трудился надъ изданіемъ какъ нѣмецкаго, такъ и чешскаго журнала при музее; при немъ этотъ чешскій журналъ сталъ органомъ національнаго дѣла. Съ 1827 г. Палацкій неутомимо изслѣдовалъ богемскіе архивы. Въмѣстѣ съ Іосифомъ Юнгмаромъ и Преслемъ онъ основалъ «*Matice Cesca*». Въ 1828 году ему предложили продолжать сочиненіе богемскаго іезуита Пубичка: «*Исторія Богеміи*», но Палацкій предложилъ государственными чинами Богеміи обработать исторію этой страны научно, на основаніи историческихъ данныхъ. Государственные чины приняли предложеніе, однако, богемскій канцлеръ графъ Саурау отказался поддержать просьбу о назначеніи Палацкаго официальнымъ исторіографомъ. Между тѣмъ Палацкій продолжалъ заниматься изслѣдованіемъ источниковъ, предпринималъ съ этою цѣлью нѣсколько поѣздокъ, такъ, напр. посѣтилъ Римъ (1837 г.), гдѣ по ходатайству бывшаго австрійскаго посланника, графа Люцова, получилъ дозволеніе заниматься въ ватиканскихъ архивахъ. Когда въ 1836 г. вышелъ первый томъ его исторіи Богеміи, Палацкій былъ утвержденъ въ званіи богемскаго исторіографа. Послѣдующіе годы онъ исключительно занимался своимъ сочиненіемъ. Благодаря связямъ своимъ со многими вліятельными особами, Палацкій успѣшно работалъ въ смыслѣ, развитія своихъ политическихъ плановъ. Онъ всегда умѣлъ ловко заставить служить богемскихъ феодаловъ чешско-національному дѣлу. Зимой 1834 года, въ домѣ князя Карла Шварценберга, въ присутствіи двадцати членовъ избранной богемской аристократіи, онъ читалъ лекціи о чешскомъ государственномъ правѣ, о земскихъ постановленіяхъ при Фердинандѣ и о роли дворянства относительно стремленій чешскаго народа. Результатъ его дѣятельности обнаружился въ 1848 г., въ которомъ Палацкій открыто вступилъ на политическое поприще. Комитетъ *пятидесяти* Франкфуртскаго предварительнаго парламента приглашалъ его способствовать отправленію депутатовъ въ этотъ парламентъ. Палацкій отказался отъ этого (извѣстное письмо его отъ 11-го апрѣля 1848 г., заключающее первую его политическую программу). Чехи то же принимала участіе въ выборахъ въ нѣмецкій парламентъ, хотя они и не могли помѣшать богемскимъ нѣмцамъ послать своихъ депутатовъ. Въ 1848 году Палацкій былъ членомъ національнаго комитета; онъ издалъ прокламацію къ моравамъ о восстановленіи союза земель Богемской короны, но прокламація не имѣла успѣха. Въ этомъ же году онъ предсѣдательствовалъ въ славянскомъ конгрессѣ, который, какъ извѣстно, окончился ничѣмъ. Въ то же время ему предлагали портфель министра просвѣщенія, но онъ отъ него отказался. На рейхстагахъ въ Вѣнѣ и въ Кремзирѣ Палацкій былъ самымъ виднымъ, дѣятельнымъ членомъ; его планъ конституціи легъ въ основу Кремзирской редакціонной комисіи. Послѣ 1848 г. Палацкій снова преданъ своимъ научнымъ трудамъ. Въ Вѣнѣ онъ являлся только во время общихъ засѣданій академіи наукъ, членомъ которой состоялъ съ

самаго ея учрежденія. Съ пробужденіемъ политической жизни въ 1860 г., Палацкій опять явился во главѣ чешской оппозиціи, которую вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Ригеромъ и организовалъ. Призванный Шмергелингомъ въ Палату господъ, онъ высказалъ тамъ свои федералистическіе взгляды. Самыя замѣчательныя изъ рѣчей его: — сказанная 27-го августа 1862 г., при обсужденіи перваго адреса, и рѣчь 28-го сентября 1861 г. о законѣ касательно отмены леннаго союза, въ которой онъ открыто защищалъ взгляды феодаловъ. 30-го сентября 1861 года Палацкій взялъ «отпускъ» и болѣе уже не появлялся въ Палатѣ господъ. Съ тѣхъ поръ онъ былъ вождемъ оппозиціи въ богемскомъ ландтагѣ; дѣйствовалъ также и въ пражскомъ магистратѣ, гдѣ управленіе было въ рукахъ чеховъ. Чешская оппозиція обнаружилась во время ландтага протестами и отсутствіемъ депутатовъ. 19-го апрѣля 1861 г. Палацкій, вмѣстѣ съ Ригеромъ, заявилъ протестъ противъ февральской редакціи богемскаго избирательнаго закона. Въ мартѣ 1863 г. въ богемскомъ ландтагѣ Палацкій предложилъ пересмотрѣть этотъ избирательный законъ, но послѣ горячихъ преній предложеніе его было отвергнуто 130 голосами противъ 70. Въ томъ же году, но случаю польскаго возстанія, онъ открыто высказался противъ стремленія поляковъ, а послѣ поѣздки въ Москву, вмѣстѣ съ Ригеромъ, еще рѣзче и рѣшительнѣе напалъ на партію возстанія.

Въ 1868 году чехи, и во главѣ ихъ опять Палацкій, обнародовали извѣстную декларацію, объясняя причины, по которымъ они не участвуютъ въ необязательныхъ по закону для чешскаго королевства конституціонныхъ учрежденіяхъ, и рѣзко поставили свою программу. Только въ 1871 г. императоръ Францъ-Іосифъ обратился черезъ своего министра-президента графа Гогенварта, къ чехамъ съ извѣстнымъ манифестомъ и рескриптомъ 12 сентября. Онъ торжественно призналъ права чешскаго народа. Но противъ этого возстали вѣнскіе нѣмцы, социалисты и мадьяры, и императоръ Францъ-Іосифъ черезъ мѣсяцъ обнародовалъ уже новый рескриптъ, въ которомъ чешское государственное право толкуется совершенно иначе, чѣмъ въ первомъ. Тогда, конечно, всѣ были поражены этимъ. Весь авторитетъ Палацкаго и Ригера былъ нуженъ, чтобы въ Чехіи не вспыхнуло открытаго сопротивленія. Броженіе умовъ было очень сильное; но скоро чехи нашли поводъ высказаться противъ иностранной политики графа Бейста, когда былъ княземъ Горчаковымъ поднятъ черноморскій вопросъ. Тогда всѣ депутаты чешскаго сейма, и во главѣ ихъ Палацкій и Ригеръ, прямо высказались въ своей деклараціи, что Россія давно имѣетъ право на Черное море, но что Бейстъ не имѣетъ права говорить отъ имени славянъ Австріи, которые въ этомъ вопросѣ понаѣ раздѣляютъ мнѣніе Россіи. Такое энергическое заявленіе имѣло желанный результатъ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, окончилъ Палацкій свою «*Исторію чешскаго народа*», и чехи торжественно праздновали это событіе. Палацкій, благодаря за оказанное ему сочувствіе, сказалъ, что онъ «одною ногой уже въ могилѣ». Предсказаніе его скоро исполнилось: съ той поры онъ сталъ чувствовать себя все хуже и хуже. Воспаленіе легкихъ и должно было имѣть такой неблагоприятный исходъ въ его преклонныя лѣта.

Видъ города Тюбингена.

Въ самомъ сердцѣ Швабіи, въ прелестной, очаровательной холмистой мѣстности между Шварцвальдомъ и швабскими альпами, покоится древняя колыбель швабской учености — провинціальныи и университетскій городъ Тюбингенъ. Тюбингенскій университетъ самый южный изъ германскихъ университетовъ, а въ научномъ значеніи онъ съ давнихъ поръ играетъ весьма видную роль въ Германіи. О красотѣ мѣстоположенія города читатель можетъ судить по картинкѣ, помѣщенной въ настоящемъ номерѣ нашего журнала. Въ 1877 году городъ будетъ праздновать *четвертый* столѣтній юбилей своего знаменитаго университета, основаннаго герцогомъ Эбергардомъ въ 1477 г.

Въ благоприятной мѣстности, при устьѣ двухъ небольшихъ рѣчекъ, Штейнаха и Аммера, впадающихъ въ Неккаръ, у подножія трехъ красивыхъ холмовъ, гнѣздится старыи и довольно тѣсно построенный, но уютный городъ. На вершинѣ одного изъ холмовъ возвышается укрѣпленный древній замокъ бывшихъ пфальцграфовъ. Уже римляне имѣли въ Тюбингенѣ свою колонію, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ найденные тамъ римскіе памятники и остатки римскихъ улицъ. Съ половины XII столѣтія Тюбингенъ сдѣлался резиденціей пфальцграфовъ тюбингенскихъ, обширныя владѣнія которыхъ простирались до Ульма, а потомъ имъ принадлежала и большая часть Верхней Швабіи. Эти пфальцграфы были на столько-же могущественны, на сколько и благочестивы: они основали нѣкоторые изъ самыхъ значительныхъ швабскихъ монастырей. Блаубейренъ, Бебенгаузенъ, Мархталь и Августинскій монастырь въ Тюбингенѣ. Бебенгаузенская община счумѣла такъ умно воспользоваться благочестіемъ пфальцграфовъ, что мало по малу приобрѣла въ распоряженіе монастыря самый городъ, отстроившійся у подножія могучаго пфальцграфскаго замка. Но въ 1342 году графъ Виртембергскій въ силу купчей крѣпости, заключенной съ пфальцграфами, вырвалъ городъ изъ рукъ монаховъ. Рядъ пфальцграфовъ вымеръ окончательно въ 1631 году.

Городъ Тюбингенъ разцвѣлъ только подъ виртембергскимъ владычествомъ; въ 1388 году онъ получилъ свое первое, очень ограниченное, городское право. Возвышенію города способствовалъ главнымъ образомъ благородный герцогъ Эбергардъ, основатель университета, одинъ изъ богатыишихъ фюрстовъ, который могъ справедливо похвастаться на рейхстагѣ въ Вормсѣ тѣмъ, что онъ можетъ спокойно положить свою голову на колѣни каждаго изъ своихъ подданныхъ. При этомъ герцогѣ, на мѣстѣ прежней небольшой романской церкви, была построена большая церковь св. Георгія, въ склепѣ которой и погребены этотъ фюрстъ. Далѣе, при немъ, же были сооружены: мостъ черезъ Неккаръ, нѣсколько зданій для университета, а Августинскій монастырь обращенъ въ закрытое учебное заведеніе; старыи-же замокъ былъ еще болѣе укрѣпленъ.

Не останавливаясь болѣе на прошломъ города, обратимся къ современному Тюбингеру, который со своимъ драгоценнѣйшимъ университетомъ и 9,000-мъ населеніемъ принадлежитъ къ жемчужинамъ въ Виртембергской королевской коронѣ. За послѣдніи десятилѣтія, послѣ соединенія его съ общей сѣтью германскихъ желѣзныхъ дорогъ, Тюбингенъ достигъ значительной степени процвѣтанія. Главными доходами городъ обязанъ своему университету, славящемуся особенно своими теологическими и медицинскими факультетами и богатыми учебными

средствами, но, кроме того, здесь дѣятельно занимаются сельскимъ хозяйствомъ, преимущественно разведеніемъ хмѣля, винограда и фруктовыхъ деревьевъ; въ послѣднее-же время тутъ начала развиваться и промышленная дѣятельность: книжная торговля, пивовареніе, суконое производство, устроены мельницы, бѣдильни и пр. Въ городѣ существуютъ отличныя приготовительныя учебныя заведенія: гимназія, реальное училище, учительская семинарія и т. п. Въ университетѣ насчитывается

до сотни профессоровъ и доцентовъ, а студентовъ среднимъ числомъ отъ 800—900 человекъ. Общественная жизнь въ Тюбингенѣ носитъ на себѣ печать у. иверситетскаго города, т. е. немощно скучновата, но великолѣпныя окрестности, пріятный климатъ и дешовизна предметовъ первой необходимости стали привлекать въ этотъ уголокъ и чужестранцевъ. Человѣкъ, прожившій въ Тюбингенѣ, уноситъ на родину пріятнѣйшія воспоминанія объ этомъ городѣ.

Круговоротъ жизни.*)

Вблизи одно отъ другого, можно даже сказать, рядомъ, помѣщались нѣкогда два гнѣзда: одно качалось на вѣтвяхъ старой яблони, другое—ютилось подъ ея сѣнью. Первое было гнѣздо птицъ, второе—небольшой домикъ священника.

Бѣлые и розоватые лепестки, которыми яблонь украшалась весной, часто падали въ гнѣздо птицъ; и пернатая мать не разъ бывала недовольна этимъ, находя цвѣточныя лепестки недостаточно хорошими для своихъ будущихъ дѣтей и считая свой собственный цвѣтнй пухъ несравненно лучше.

Въ старомъ, окруженномъ зеленью домѣ священника, тоже порхали двѣ неселыя птички: мальчикъ и дѣвочка.

Старый священникъ, любясь ихъ дѣтскими играми, часто называлъ ихъ рѣзвыми птичками, и вздыхая, вспоминалъ давно прошедшія дни своего дѣтства, когда онъ самъ, былъ подобенъ имъ.

Окна мезонина выходили на ту сторону, гдѣ стояла старая яблоня, и дѣти не разъ видали, какъ птицы устраивали свои гнѣзда.

Птицы тоже заглядывали въ окна дома, и доверчиво садилась на подоконники, чтобы полакомиться хлѣбными крошками, которыя разсыпались тамъ для нихъ ласковыми дѣтскими руками.

«Вотъ и апеть!» говорилъ дѣти весной, когда красноногий ихъ другъ прилеталъ осмотрѣть свое старое гнѣздо на вехушркъ амбара: теперь скоро и птички прилетятъ.

— Мама! Мама! кричалъ не разъ весной мальчикъ, прыгая на одной ножкѣ и подбѣгая къ окну мезонина, — Мама, бѣги сюда, бѣги скорѣе ко мнѣ: птички уже прилетѣли; смотри-ка, смотри-ка, вонъ они!

Мама бросала своихъ куколъ и то же подбѣгала къ окну; но она была разсудительнѣе брата и тотчасъ же за порывомъ перваго восторга, начинала серьезно шептать брату, спрашивая его не кричать громко. И братъ притихалъ, и вотъ они оба таинственнымъ попуткомъ передаютъ одинъ другому свои впечатлѣнія, наблюдаютъ за птичками и любятъся ими.

— Милые наши птички, шепчутъ они.

— Дѣдушка! бабушка! возглаголютъ они чрезъ нѣсколько времени, сбѣгая съ лѣстницы въ нижнія комнаты домика — наши милыя птички прилетѣли.

Они говорили «наши птички», точно также какъ «наше дерево», какъ будто ежегодно прилетали тѣ же самыя птички, которыя на ихъ глазахъ учились летать. Для дѣтей это были именно тѣ самыя птички, которымъ онѣ прошлымъ лѣтомъ дали кормъ изъ окна мезонина. Имъ не приходило въ голову, что молодыя птички въ свою очередь подрастали и могли нуждаться въ своемъ собственномъ гнѣздѣ.

Они росли не такъ скоро, какъ птицы, и долго еще не имѣли сознанія о томъ, что такое собственный кровъ.

Беззаботно, какъ лиліи на полѣ, жили онѣ. Впрочемъ, опасности, угрожавшія жизни ихъ любимцевъ, знали онѣ хорошо. Парилъ, наиримѣрь, надъ домомъ хищная птица, и онѣ трепетали при ея появленіи.

— Ахъ, Ваня, Ваня! громко кликала дѣвочка къ себѣ на помощь брата и суетливо металась около яблони, отыскивая чѣмъ бы оградить птичекъ отъ злого врага. Или, случалось, подкрадывался негрый котъ, тотъ самый, который, лежа на скамейкѣ у печки, умѣлъ мурлыкать съ такимъ удовольствіемъ и такимъ возбуждающимъ доверіе образомъ.

— Ахъ, гадкій, гадкій васька! Ванечка, милочка, умоляла сестра, неси скорѣе скорѣе, камень и самый большущій.

Умоляетъ она брата жалобнымъ тоненькимъ голоскомъ, а сама суетливо вовсе стороны бросается, отыскивая «большущій камень». И бровки ея сильно нахмурены и глазенки горятъ гнѣвомъ на злодѣя, такъ коварно подкрадывавшагося къ гнѣзду любимыхъ птичекъ.

Мальчикъ желалъ имѣть ружье, чтобы излѣчить коварнаго злодѣя отъ всякой страсти къ охотѣ за птицами. Дѣдъ очень справедливо замѣчалъ, что ружье имѣть нельзя потому что оно, пожадуй, можетъ выстрѣлить, и вслѣдствіе этой уважительной причины приходилось занемѣннѣемъ ружья кидать въ котъ камнемъ, и хитрецъ обращался въ бѣгство.

Опасности и страданія людской жизни дѣти еще не знали. Подъ кровлей стараго дома священника имъ ничто не угрожало.

Много разъ возвращалась весна и снова цвѣло старое дере-

во. Много разъ приходила осень, и дѣти подбирали краснощекие яблоки.

Съ каждымъ годомъ умножались сѣдины въ темныхъ волосахъ жены священника, и самъ онъ все медленнѣе и медленнѣе ходилъ, при звукѣ колокола, въ ближнюю церковь, чтобы проповѣдывать тамъ слова любви и мира, но его сердце оставалось молодо. Съ собственными дѣтьми ему пришлось разстаться рано, но съ внуками онъ продолжалъ жить, старый съ виду, но молодой сердцемъ.

Мальчикъ и дѣвочка, полные силы юности, рѣзвились подъ старымъ деревомъ, а на вершинѣ его молодыя птицы, перелетая съ вѣтви на вѣтку, испытывали въ первый разъ силу своихъ крыльевъ.

Тысячи отношеній связывали дерево съ обитателями гнѣздъ. Въ его корѣ были вырѣзаны имена дѣтей и внучатъ священника, жившихъ нѣкогда тоже вблизи этой старой яблони; нѣкоторыя изъ именъ были уже покрыты мохомъ, нѣкоторыя еще совсѣмъ свѣжи, какъ память о недавно утраченномъ.

Каждый годъ, въ день рождества внучатъ, старый священникъ ставилъ подрастающихъ дѣтей подлѣ ствола дерева и дѣлалъ на немъ знакъ, насколько они выросли въ теченіи года.

— Мы оба скоро можемъ смѣрять себя, на сколько мы стали меньше! шутилъ говаривалъ онъ погомъ своей женѣ.

Дѣти подросли. Скоро не кого уже было смѣрять. Мальчикъ выучилъ все, чему могъ научить его дѣдъ.

— Ну, голубчикъ, говорилъ дѣдъ внуку, птица оперилась и летитъ въ даль, чтобы научиться владѣть своими крыльями; ты подросъ и тоже долженъ идти въ свой путь, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ человѣкомъ». И вотъ прежній Ваня, восторженно когда-то прыгавшій на одной ножкѣ при видѣ птичекъ, теперь серьезный юноша.

Какъ перелетная птица возвращался онъ иногда домой, и каждый разъ при его прибытіи была весна въ сердцѣ стариковъ и самъ онъ былъ невыразимо счастливъ подъ роднымъ кровомъ. Да, счастливъ тотъ, кто среди многотревожной и полной заботъ жизни, пробиваясь между ея терниями, имѣетъ хотя изрѣдка сладкую минуточку утѣшенія при мысли о томъ, что тамъ, въ дали, гдѣ нибудь въ тихомъ укромномъ уголкѣ, помнятъ его и любовно слѣдятъ за его борьбой, близкіе люди хотя можетъ быть и бѣдные матеріально, но богатые той любовью, которая возвышаетъ человѣка надъ всемію окружающими его видимыми твореніямъ.

— Гдѣ-то нашъ Ваня, вспоминаетъ дѣдъ зримымъ вечеромъ, сядя передъ каминомъ и слѣдя за догорающими угольками.

Старушка въ отвѣтъ на это молча вздыхаетъ, и въ памяти ея быстро проносятся одно за другимъ воспоминанія о рѣзвыхъ дняхъ Вани, какъ онъ, бывало, тутъ, около нихъ прыгалъ, рѣзвился и восторгался всемію окружающимъ.

— Да, послѣ нѣкотораго молчанія произноситъ вдругъ старушка, какъ бы въ подтвержденіе вопроса своего мужа.

— И не пишетъ что-то, грустно и уныло подсаживаетъ дѣдъ. Но вотъ и письмо отъ Вани пришло и самъ онъ потомъ вскорѣ опять появился между стариками ненадолго, блеснулъ какъ метеоръ.

— Милые мои, дѣдушка и бабушка! восклицаетъ онъ прощаясь,—ждите весны, прилетятъ птички, будутъ устраивать свое гнѣздышко, прилечу въ одно время съ ними и я.

Насталъ также и для Маши часъ разлуки съ дѣдомъ и бабушкой. Плачетъ она, переходя изъ одной комнаты домика въ другую и мысленно прощаясь совсѣмъ тѣмъ, среди чего прошли золотые годы ея дѣтства. Вотъ и мезонинъ, и окно въ садикъ, гдѣ красуется, широко раскинувъ свои вѣтви, старая яблоня, вотъ и гнѣздо птичекъ...

И бѣгутъ, бѣгутъ воспоминанія одно за другимъ, и льются тихіе, грустныя слезы, слезы безотчетныя.

— Не плачь же моя дорогая! говоритъ вблизи Маши ласковый нѣжный голосъ, не плачь.

Мама отнимаетъ платокъ отъ глазъ и поспѣшно старается оправиться.

— Я не плачу, шепчетъ она, я такъ только... дѣтство вспоминала...

И глаза ея уже блестятъ и видно что она счастлива и видно, что утѣшающій и успокоивающій ее обладатель ласкагого и нѣжнаго голоса есть ея близкій человѣкъ, избранникъ ея сердца—будущій мужъ.

— Не плачь же мой ангелъ.., утѣшаетъ онъ.

* Подражаніе Ellen Lucio.

— Ты видишь, я не плачу, я уже успокоилась...

И они идутъ вмѣстѣ изъ маленькой комнатки мезонина внизъ— веселые и любящіе, и радуются, глядя на нихъ старики.

— А она у васъ плакса такъ порядочная, шути замѣчаетъ

— Ну полно-же, ахъ, въ самомъ дѣлѣ, Машенька, полно-же. И дѣдъ, и бабушка и женихъ утѣшаетъ ее, а она уже рас- плакалась и не можетъ удержаться отъ рыданій.

— И сейчасъ... я сейчасъ успокоюсь... все пройдетъ...

И сами старики плачутъ, да и женихъ то что-то сильно жму-

Круговоротъ жизни: 1) Весна. Рис. Гакомелли, грав. Месль.

женихъ,—на гнѣздо птичекъ засмотрѣлась, а слезки, такъ одна за одной, одна за одной...

У Маши въ самомъ дѣлѣ опять полились слезы, снова хлынули одно за другимъ воспоминанія, и любить то она своего избранника сердца, и жаль оставить родное гнѣздышко.

ригъ глаза, видно и ему близко то чувство, которое такъ охватило Машу при расставаньи съ роднымъ гнѣздышкомъ.

— Теперь ты должна позаботиться, дорогая моя, о томъ, чтобы построить свое собственное гнѣздо говорила старушка утирая слезы.

— Да будет Тотъ, кто охраняетъ молодыхъ птичекъ, твоей охраной и щитомъ говорилъ дѣдъ, провожая дорогу внучку изъ своего мирнаго домика.

И такъ они удалились, и въ старомъ домикѣ стало пустынно, но не смотря на это, вѣчно юная надежда царила въ немъ. Старики тихо доживали свои дни, думая о своихъ далекихъ милыхъ внучатахъ.

— Настаетъ и для насъ зима! не разъ уже замѣчалъ священникъ.

Они не боятся этого! Стремленіе, непонятное для нихъ самихъ, принуждаетъ ихъ подняться и летѣть далѣе и далѣе къ новой родинѣ—тоже стремленіе присуще и сердцу человека.

Такимъ образомъ старики часто сидѣли подѣ деревомъ. Цвѣты уже давно опали, плодъ за плодомъ тоже скатился на зеленую траву.

Теплое солнце свѣтило поздней осенью на опадающіе листья. Пришолъ часъ — и старики смежили свои утомленные глаза. Опустѣло въ старомъ домѣ. Пусто было и старое гнѣздо на де-

Круговоротъ жизни: 2) Лѣто. Рис. Гиакомелли, грав. Меоль.

— Осень наша была благословенна и счастлива! говорила въ отвѣтъ старушка, пусть приближается наша зима, мой милый. Зимой старое дерево покойно спитъ подѣ теплымъ, бѣлымъ одеяломъ, пока не придетъ весеннее солнце и пробудитъ его къ новой жизни. Небесное солнце пробудитъ также и насъ для вѣчной весны. Чего горевать намъ?

— Да! со вздохомъ замѣтилъ священникъ, да будетъ благословенно имя Господне! Слышишь, птицы еще поютъ на деревѣ, а между тѣмъ, близка осень и имъ скоро придется улетѣть.

ревѣ. Стоить около яблони старый домикъ занесенный снѣгомъ, окна забиты ставнями и во время вѣтра скрипятъ они на ржавыхъ петляхъ, точно жалуются на свое одиночество. И яблонь вся въ снѣгу—уныло поникла черными сучьями, угрюмая и осиротѣлая.

Но вотъ опять настала весна; мѣръ Божій обновился. Щелбеча, прилетѣла молодая чета птичекъ и осмотрѣла старое гнѣздо. Вѣточки и стебельки начали приносить они, какъ нѣкогда старыя птицы.

А тамъ внизу въ обвитый зеленью домъ священника тоже вступила молодая чета.

— Тутъ я счастливо провела свое дѣтство, сказала растроганнымъ голосомъ Маша, теперь уже молодая мать: да будетъ благословенно это воспоминаніе.

И вотъ снова украшается милое старое гнѣздо.

Снова зацвѣла яблоня; лепестки ея цвѣтовъ, надале, какъ прежде, въ гнѣздо птицъ, и дѣти молодой хозяйки такъ-же любовались птичками и приманивали ихъ хлѣбными крошками на

окно мезонина, какъ когда-то дѣлала ихъ мать. И снова слышны веселые голоса дѣтей, и молодая хозяйка сидитъ подъ тѣнью яблони, вспоминая тѣ дни своего дѣтства, когда она бѣгала тутъ такъ-же, какъ бѣгаютъ теперь ея дѣти.

Подростутъ они, возмужаютъ, состарятся и сойдутъ въ свою очередь «подъ вѣчные своды», и «у гробоваго входа, младая будетъ жизнь играть».

Удивительная, непостижимая тайна!..

Д. Стахѣевъ.

Въ домъ коммерціи совѣтника.

повѣсть

Э. Марлитта.

Право перевода этой повѣсти приобрѣтено по соглашенію съ авторомъ.

(Окончаніе).

Кэта еще разъ взглянула на все это отуманенными отъ слезъ глазами и отправилась на мельницу, чтобы сѣсть тамъ за письменный столъ и написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ. Ленцъ долженъ былъ вечеромъ сегодня возвратиться (онъ уѣхалъ по дѣламъ); до приѣзда его молодой хозяйкѣ нужно было окончить кой-какіе расчеты, послѣ чего, освободившись отъ конторскихъ занятій, она намѣревалась уѣхать недѣли на двѣ въ Дрезденъ къ своимъ приемнымъ родителямъ.

Но какая разсѣянность напала сегодня на Кэту! Какъ лихорадочно бился ея пульсъ, какъ безсвязны были мысли и какой нетвердой рукой выводила она буквы!.. А тутъ еще явилась горничная президентши, съ большой, пустой корзиной (она шла въ городъ за кое-какими покупками къ празднику). Г-жа президентша изволила сказать, что она можетъ зайти на мельницу, это—небольшой крючокъ, и потому отдала ей для передачи „милой фрейлейнъ Кетъ“ только что полученное письмо отъ фрейлейнъ Флоры.

Сузъ тотчасъ же было приказано наполнить корзину до-верху превосходнымъ печеньемъ и другими вкусными снадобьями изъ кладовой, что и было исполнено. Горничная давно уже успѣла вернуться въ городъ, а письмо фрейлейнъ Флоры все еще лежало непрочитаннымъ на письменномъ столѣ Кэты.

Президентша уже неоднократно давала молодой дѣвушкѣ для прочтенія письма Флоры.. Каждый разъ при этомъ Кетъ казалась, что исписанный листокъ жжетъ ей пальцы, но она, все-таки, терпѣливо прочитывала каждое письмо, чтобы не обнаружить передъ генеральшей враждебныхъ чувствъ своихъ къ сестрѣ. Вотъ и теперь чудилось молодой дѣвушкѣ, будто изъ раздушеннаго конверта высовывалось огненное жало змѣи, готовое впитаться въ ея тѣло. Въ порывѣ досады, Кэта отпихнула локтемъ ненавистный пакетикъ, который и попалъ подъ кипу счетовъ. И зачѣмъ ей каждый разъ раздражать себя чтеніемъ фривольныхъ посланій, преисполненныхъ тщеславія и высокомерія.

Кэта снова взялась за перо, но не надолго... Она была взволнована; желая какъ нибудь успокоить себя, ухватилась, какъ за спасительный талисманъ—за принесенныя съ собою фіалки, стоявшія передъ ней въ стаканѣ, и начала жадно вдыхать ихъ освѣжающій сладкій ароматъ; потомъ подошла къ роялю и сыграла для собственнаго успокоенія простенькую, тихую мелодію; затѣмъ отворила окно и начала ласкать бойкихъ голубей, пріютившихся на подоконникѣ.. Тутъ въ головѣ ея нѣсколько разъ промелькнула мысль, что сегодняшняя присылка письма—только предлогъ, то есть, президентша отправила горничную сюда, единственно имѣя въ виду кладовую Кэты... Но, должно быть, какія то злыя чары были въ этомъ злосчастномъ конвертѣ, потому что кровь быстрѣе и бурливѣе прилиwała къ головѣ молодой дѣвушки, и вотъ она, наконецъ, какъ бы въ лихорадочномъ жару, отодвинула кипу счетовъ и схватила коварный пакетъ.

Развертывая письмо, Кэта выронила изъ него запечатанную записочку и не замѣтила этого: она пробѣгала глазами первыя строчки посланія; чувство удивленія ясное, рѣзче стало проявляться на ея лицѣ, и эта сильная дѣвушка, чтобы устоять на ногахъ, принуждена была ухватиться за край стола... Вотъ что писала Флора изъ Берлина:

„Ты будешь смѣяться и торжествовать, любезная бабушка, но... по моему—такъ лучше; часъ тому назадъ я обручилась съ твоимъ бывшимъ protege, Карломъ ф.-Штеттенемъ. Н-да, онъ сталъ еще *прекраснѣе*—совсѣмъ обрюзгъ, да къ тому же носитъ теперь (представь фізіономію бульдога!) синіе очки... Въ синихъ очкахъ—fi donc!.. Я до гроба буду стыдиться идти съ нимъ подъ руку,—впрочемъ, его собачья вѣрность и поистинѣ глупѣйшая страсть ко мнѣ—пробудили, наконецъ, въ моемъ сердцѣ какое-то человѣческое чувство къ нему, а такъ какъ онъ, благодаря скоростной смерти своего молодаго кузена, сдѣлался вдругъ маіоранымъ владѣльцемъ Лингена и Штромберга, то ему открыта дверь во дворецъ и, какъ кажется, мой будущій супругъ состоитъ на хорошемъ счету въ обществѣ. Вотъ поэтому то я и не имѣю ничего противъ такой партіи...“

Кэта бросила письмо на столъ... И такъ, Брукъ свободенъ, цѣпи его порваны... Теперь онъ имѣетъ право придти даже на замковую мельницу... Неужели это правда, неужели это *возможно*?.. Такая внезапная, неожиданныя перемена послѣ семи мѣсяцевъ страшныхъ страданій! Вѣдь она, Кэта, напрягала всѣ свои силы, чтобы побороть свое непокорное сердце, разсѣять тѣ мысли, и дойти до такого стойческаго хладнокровія, мужественнаго спокойствія души, при которомъ легко было бы вручить ненавистное золотое колечко избранной Брука, а затѣмъ пройти суровый жизненный путь и одинокой очутиться у могилы, не запятнавъ своей чести, не нарушивъ даннаго слова...

Молодая дѣвушка закрыла лицо руками, какъ будто, опьяненная счастьемъ, вдругъ увидѣла передъ собой страшный призракъ... Боже, неужели же она ошиблась, не такъ поняла?! Ахъ, нѣтъ — вѣдь это же вѣрно?.. Флора, это загадочное существо, дѣйствительно обручилась?.. Послѣ многократныхъ неудачныхъ попытокъ прославиться, она, въ концѣ концовъ, все таки выходитъ замужъ?.. Кэта снова взяла пространное, раздушенное письмо... Да, дѣйствительно, она не ошиблась: все это и было тамъ изображено „долговязыми каркульками“... Далѣе въ письмѣ слѣдовала точная инструкторія относительно того, какъ и въ какой формѣ объявить знакомымъ въ резиденціи о помолвкѣ; потомъ говорилось о свадьбѣ, которая, какъ бы въ память прошлаго, была назначена въ духовъ день, и затѣмъ уже Флора обращалась къ бабушкѣ съ приглашеніемъ на свадебное празднество. Все это было неопровержимо и ясно какъ день... Но что это?.. Вдругъ мертвенная блѣдность покрыла лицо молодой дѣвушки... Сердце

ей такъ сжалось, какъ будто смерть явилась передъ ней... Вотъ что еще писала Флора:

„По дорогѣ въ Берлинъ я останавливалась на нѣскольکو дней въ Л—гѣ. Тебѣ небезынтересно будетъ узнать, что извѣстному намъ гофрату и профессору Бруку, пользующемуся баснословнымъ счастьемъ, не только слава свалилась съ неба, но и одна прекрасная графиня упала къ его ногамъ. Меня многіе увѣрили, что онъ втайнѣ обручился съ своей очаровательной пациенткой... Когда всѣ доктора отказались помочь ей — онъ одинъ взялся вылечить ее и — вылечилъ, дѣйствительно спасъ графиню отъ смерти, сдѣлавъ отчаянно-смѣлую операцию. Родители молодой графини ничего не имѣютъ противъ этого брака, да и милѣйшая, благочестивая тетушка-діаконица тоже, кажется, не отказывается въ своемъ благословеніи. Я видѣла старуху эту въ театральной ложѣ, рядомъ съ женихомъ и невѣстой; она казалась, по обыкновенію, спокойной, какъ всегда „добродѣтельной“ и, если не ошибаюсь, была въ нитяныхъ визаныхъ перчаткахъ. Графиня очень хороша собой, хотя лицо ея безъ всякаго выраженія, словомъ — особа эта напоминаетъ куклу... А *онъ*? Ну, тебѣ, бабушка, я могу сказать это: я до крови искусила себѣ губы отъ злости и досады, потому что дурацкое счастье сдѣлало этого челоѣка предметомъ всеобщаго обожанія... Вѣдь онъ стоялъ за стуломъ своей невѣсты въ такой спокойной позѣ, такой самоувѣренный, какъ будто всѣ почести должны быть отдаваемы ему по праву, какъ будто слабость и безхарактерность неизвѣстны этому господину... Негодяй!.. Передай Кэтѣ прилагаемую здѣсь записку“...

Ахъ—да, вонъ куда упала эта запечатанная записочка съ надписью „Кэтѣ Мангольдъ“... Въ глазахъ у молодой дѣвушки зарябило, руки ея дрожали, какъ въ лихорадкѣ, и едва не вырвали тоненькій свертокъ бумаги. Въ запискѣ было только нѣсколько словъ: „Сдѣлай одолженіе—передай вѣренное тебѣ кольцо графинѣ Витте, или, если хочешь, пожалуй, брось его въ рѣку—къ другому кольцу.

Флора».

На душѣ у Кэты вдругъ стало и хорошо, и спокойно. Она машинально разглядила записку и положила ее на столъ вмѣстѣ съ письмомъ... Ужъ не прекрасная ли графиня Витте та *лостья*, для которой приготовили гостиную въ домикѣ надъ рѣкой?.. Молодая дѣвушка энергично тряхнула красивой своей головой, изящно-украшенной роскошными косами: ея каріе глаза начали проясняться, и она крѣпко прижала обѣ руки къ своей груди. Если хоть на секунду она усумнится въ *немъ*—можетъ ли она тогда считать себя достойной прямо взглянуть ему въ глаза? Вѣдь онъ сказалъ: „на Пасхѣ я снова буду здѣсь“. И онъ явится сюда... Самые краснорѣчивые доводы не могли бы убѣдить ее въ противномъ: она вѣритъ, что онъ любить ее и придетъ за ней... Прочь сомнѣнія!.. Да, какой-нибудь высокопоставленный владѣтель замка былъ способенъ привести въ домъ когда-то любимой имъ несчастной, бѣлокурой женщины новую, гордую хозяйку въ подвѣнечномъ платьѣ — но *онъ*, этотъ челоѣкъ, съ такой искренней душой, *не можетъ* поступить такъ... Онъ не нарушитъ слова, даннаго внучкѣ мельника, онъ не измѣнитъ ей ради *другой*, хотя бы эта другая и была графиней.

Чувство невыразимаго счастья наполнило все существо Кэты, даже голова у нея закружилась, мысли стали путаться... Она устремилась къ южному угловому окну, чтобы взглянуть, только взглянуть на милый, старый домикъ надъ рѣкой... Боже! Тамъ, за верхушками деревьевъ, уже развѣвался пестрый флагъ... Ужъ не пріѣхали ли желанные гости? Не пойти ли ей туда, чтобы обнять тетушку-діаконицу? Нѣтъ, въ такомъ рас-

положеніи духа она не должна идти туда... Нѣтъ, пусть прежде исчезнетъ этотъ предательскій румянецъ и сердце станетъ постукивать ровнѣе—ну, тогда можно будетъ стать лицомъ къ лицу съ яснокой старушкой... Надо поуспокоиться, поуспокоиться!..

Кэта подошла къ письменному столу и наклонилась надъ раскрытой гроссъ-бухъ; тутъ же лежало шесть дѣловыхъ писемъ, на которыя слѣдовало немедленно отвѣтить... А вонъ тамъ, на дворѣ, застучала тяжелая телѣга, нагруженная мѣшками съ зерномъ. Собаки неистово лаяли на нищаго, которому Суза подала кусокъ хлѣба изъ окна передней... Вотъ она, суровая то дѣйствительность, проза жизни!... Да и въ комнатѣ этой все такъ чинно, буднично... Тутъ всякое волненіе сердца скоро утихнетъ!..

Взоръ молодой дѣвушки блуждалъ по комнатѣ; потомъ она взяла почтовый листъ бумаги, обмакнула перо и написала: „Г. Шиллингу и Комп. въ Гамбургѣ“... Ахъ, какъ неразборчиво вышли буквы! Вѣдь такъ и прочесть нельзя... Кэта въ отчаяніи провела рукой по горячему лбу и откинула назадъ каштановые локоны, что обнаружило узкій красный рубецъ на верхней части лба. Закрывъ лѣвой рукой глаза, а правую съ непослушнымъ перомъ положивъ на бумагу, она просидѣла такъ неподвижно съ минуту. Вдругъ холодная струйка воздуха скользнула по ея щекамъ... Вѣтерокъ могъ ворваться или въ отворенную дверь, или же въ окно. Кэта подняла голову и—увидѣла *его*: *онъ*, улыбающійся, радостный, стоялъ на верхней ступенькѣ деревянной лѣстницы, ведущей въ комнату.

— Брукъ!! Я такъ и знала! воскликнула Кэта и, швырнувъ перо, кинулась съ распростертыми объятіями на грудь доктора.

Въ эту минуту черезъ сѣни проходила Суза. „Это что значитъ? подумала она, дверь отворена настежь, въ апрѣлѣ-то мѣсяцѣ, когда приходится ежедневно, жечь такіе дорогіе дрова?“... Восклицаніе Кэты она тоже слышала...

Старуха такъ растерялась, что засунула себѣ въ ротъ конецъ синяго передника, которымъ передъ тѣмъ собиралась обтереть потъ со лба... Еще-бы — вѣдь тамъ, внизу стоялъ самъ господинъ д—ръ Брукъ и держалъ въ своихъ объятіяхъ барышню ея такъ крѣпко, какъ будто собирался не разставаться съ ней во всю жизнь... „Господи Боже!.. Какъ-же это... вѣдь онъ не женихъ ей, да и она не невѣста?“...

Осторожно, по стѣнкамъ, подошла Суза поближе къ двери, чтобы притворить ее, но Кэта увидѣла Сузу, покраснѣла и возмѣла намѣреніе высвободиться изъ объятій доктора.

Брукъ засмѣялся—такимъ веселымъ смѣхомъ—и, еще крѣпче прижавъ дѣвушку къ своей груди, проговорилъ:

— Ну, нѣтъ, Кэта, хотя ты и сама подбѣжала ко мнѣ, я, все таки, не довѣряю тебѣ! Глупцомъ-бы я былъ, если бы далъ тебѣ время опомниться... и... и снова сдѣлаться *только сестрой*... А пожалуйста сюда, сударыня Суза! крикнулъ докторъ, замѣтивъ у дверей старую экономку. — Будьте вы свидѣтелемъ того, что Кэта *невеста моя*, и тогда я, пожалуй, выпущу ее изъ рукъ!

Суза отерла заслезившіеся глаза и рассыпалась въ многорѣчивыхъ поздравленіяхъ, потомъ торопливо затворила дверь и побѣжала черезъ дворъ къ вдовѣ мельника Франца, чтобы сообщить ей эту новость... „Да, вотъ и наступилъ конецъ славному времечку на мельницѣ, потому что барышня хочетъ идти за-мужь...“

Брукъ подошелъ къ письменному столу и торжественно закрылъ гроссъ-бухъ.

— Карьера прекрасной мельничихи окончена, потому что настала праждникъ Пасхи, произнесъ онъ. — А какъ считалъ я дни до этого срока! Самъ вѣдь я долженъ былъ назначить его, если не желалъ потерять

тебя навсегда! Ты не знаешь, что значить уѣхать, не получивъ рѣшительнаго отвѣта, находиться въ неизвѣстности и постоянно дрожать за счастье всей своей жизни!.. Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ были письма твоя къ тетущкѣ, эти ясныя, свѣтлыя письма, исполненные силы воли и серьезнаго взгляда на жизнь.. Между строкъ я читалъ въ этихъ письмахъ о тайной любви... Но какъ скупилась ты писать!.. Онъ взялъ ея руку и снова привлекъ къ себѣ молодую дѣвушку.—Я зналъ и видѣлъ, что долженъ былъ пройти нѣкоторый промежутокъ времени между печальнымъ прошлымъ и новой моей жизнью, зналъ, что подвергнусь тяжелому испытанію,—но, Кэта, и до настоящей минуты для меня остается загадкой, почему хотѣла ты навсегда разлучиться со мной и одинокой пройти свой жизненный путь?..

Брукъ внезапно умолкъ... Яркая краска разлилась по его лицу, потому что тутъ только онъ замѣтилъ записочку, лежавшую рядомъ съ закрытой гроссъ-бухъ. Доктору хорошо былъ извѣстенъ этотъ крупный, но не твердый почеркъ—такія записочки онъ частенько получалъ отъ Флоры въ первое время послѣ обрученія своего съ нею.

Кэта, съ видомъ рѣшимости не уступить, послѣшно прикрыла рукой оба письма Флоры... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ обнаруживать эту гнусную интригу? Пусть ужъ все это будетъ предано забвенію, похоронено на вѣки-вѣчныя!.. Теперь вѣдь *ничто* уже не могло быть помѣхой счастью молодой дѣвушки... Однако, *упрямый* докторъ вытащилъ письмо и записку, при чемъ произнесъ рѣшительнымъ тономъ:

— Я не могу допустить никакой тайны между нами, а тутъ, Кэта, что-то скрывается...

Онъ прочелъ письмо и записку, а затѣмъ потребовалъ объясненія. Выслушавъ исповѣдь молодой дѣвушки, Брукъ понял, какую страшную душевную борьбу пришлось вынести ей, но за то въ тоже время онъ узналъ, какъ глубоко безкорыстная любовь ея къ нему. Да, чтобы освободить его—она охотно жертвовала всею своею будущностью...

— Ну, а что-же прекрасная-то графиня Витте? Я думала—она пріѣдетъ сюда съ тетущкой и будетъ жить въ гостиной, прибавила Кэта, смѣясь сквозь слезы... Ей хотѣлось прекратить непріятный разговоръ, такъ сильно взволновавшій доктора, и это ей удалось. Онъ засмѣялся.

— Въ гостиной буду жить я, отвѣтилъ Брукъ. Я нарочно не предупредилъ тебя о своемъ пріѣздѣ, и, какъ видишь, сдѣлалъ хорошо... Чутье не обмануло меня. Что-же касается молодой графини, то она, излеченія ради, прожила три мѣсяца у меня въ домѣ, теперь же, благодаря тому обстоятельству, что мнѣ посчастливилось вылечить ее, сія особа ужъ слишкомъ пылко стала выражать свою благодарность... Вотъ и все. Недѣли черезъ двѣ ты, дорогая моя, познакомишься съ ней, такъ какъ профессоръ хочетъ уѣхать отсюда съ про-

фессоршей... О, вѣдь *семь* долгихъ мѣсяцевъ длилась наша разлука!.. Подумай объ этомъ!.. Согласишься-ли ты обвиняться со мной вонъ тамъ?.. И указавъ на церковь сосѣдней деревушки, онъ прибавилъ:—это мѣстечко всегда правилось мнѣ.

— Куда поведешь—туда и пойду за тобой, отвѣтила Кэта тихимъ, задушевнымъ голосомъ—но... у меня тутъ есть еще кое-какія дѣла...

— Да?.. Ну, гроссъ-бухъ уже закрыта, а съ „Шиллингомъ и К^о въ Гамбургѣ“ можетъ покончить расчетъ твой вѣрный Ленцъ.

Кэта размѣялась.

— Пусть будетъ такъ!.. Повинуюсь и выхожу, значить, въ отставку... Теперь для бѣднаго Ленца наступить лучшіе дни: онъ будетъ арендаторомъ мельницы и, такимъ образомъ, быстро поправитъ свои дѣла!..

Вотъ, наконецъ и комната на замковой мельницѣ заперта, потому что Кэта пошла подъ руку съ Брукомъ по той самой тропинкѣ, по которой она такъ часто ходила одна и въ бурю, и въ непогоду. А ужъ какъ чудесно было идти сегодня подъ живымъ навѣсомъ вѣтвей, покрытыхъ почками!.. Бархатистыя сережки вербы ласкали разгорѣвшіяся щеки молодой дѣвушки... Вотъ повѣялъ легкій вечерній вѣтерокъ съ рѣки, тихо катившей свои синія волны. Вдали темнѣлъ паркъ, и видно было, какъ лебеди лѣниво скользили по зеркальной поверхности пруда, а тамъ, высоко въ воздухѣ, надъ верхушками деревьевъ, развѣвался желто-голубой флагъ, слѣдовательно—„господа“ уже на виллѣ.

При видѣ этой картины, сколько воспоминаній воскресло въ душѣ Кэты и Брука, которые только что поклялись другъ другу въ взаимной вѣрности до гроба...

— А знаешь, вѣдь говорятъ, что Морица видѣли гдѣ-то въ Америкѣ, шепнулъ докторъ Кэтѣ.

Она утвердительно кивнула головой.

— Нѣсколько дней тому назадъ вдова Франца получила изъ Калифорніи отъ *неизвѣстнаго* пятьсотъ талеровъ—ну, и ломаетъ теперь голову надъ вопросомъ: кто этотъ благодѣтель?.. Я-то знаю этого благодѣтеля...

Тутъ Кэта рассказала Бруку о работникѣ, съ длинной русой бородой, который не за долго до взрыва въ башнѣ, гналъ въ глубь парка сернъ, чтобы спасти ихъ отъ страшной смерти... Вѣдь эти серны были *когда-то* его любимыми животными...

Но вотъ женихъ и невѣста дошли наконецъ до милаго, „старога домика надъ рѣкой“, окутаннаго густыми вечерними сумерками. Рабочихъ уже не было въ саду, и кругомъ царил торжественная тишина. Со ступенекъ крыльца неслышными шагами сходила старушка съ распростертыми руками, чтобы прижать къ своему материнскому сердцу „милое, дорогое существо“, которое она такъ долго вымалывала у неба для своего любимца...

Въ эту самую минуту въ городѣ раздался первый, протяжный ударъ колокола, возвѣстившій всѣмъ наступленіе свѣтлаго праздника Пасхи...

ЗАВТРАКЪ НА ПОЛѢ

На приложенной картинкѣ изображена группа крестьянъ, завтракающихъ въ полѣ, послѣ работы. Мужикъ средних лѣтъ и молодой паренъ сидятъ на землѣ; возлѣ нихъ на разостланомъ столеникѣ—чашка, горшокъ молока и каравай чернаго хлѣба; позади—заслоняясь рукой отъ солнца, стоитъ баба въ нестромѣ платкѣ, опершись на наклепку телѣги; кругомъ—поле. Однимъ словомъ, передъ вами знакомая картина, переданная вѣрно, до мельчайшихъ подробностей «крестьяне завтракаютъ», думаете вы, глядя на фотографическій снимокъ: одинъ подноситъ ложку ко рту, другой сейчасъ зачерпнетъ изъ деревянной чашки. Лапти, грубые рубахи, волоса въ кружало, небольшая велико-русская борода, знакомый сарафанъ, нехитрая соха съ бороной, торчащая позади, и грязныя колеса широкой, трясковой телѣги.

Почему же эта картинка изъ трудовой крестьянской жизни

не производитъ на васъ такого впечатлѣнія какъ напримѣръ картина Рѣнна «Бурлаки на Волгѣ»? Потому что она не художественное произведеніе а фотографія, передающая вѣрно одинъ небольшой фактъ и только. Изображенныя лица, или дѣйствительно такъ сидѣли, или были нарочно посажены неподвижной живой картиной. Всѣ трое, видимо заняты не столько фой, сколько снимающимъ *баритомъ*, который навелъ на нихъ свою непонятную машину. Живопись, музыка и литература—три великіе настройщика, но на долю не каждого изъ людей, причастныхъ имъ, выпало счастье одинаково настраивать своихъ зрителей и слушателей на благое и великое. Многіе должны считать себя довольными если ихъ работа, ихъ трудъ нейдетъ въ разладъ съ великими дѣлами дѣйствительныхъ художниковъ.

Ждать частаго появленія такихъ произведеній, какъ картина

Городъ Тюбингенъ. Рисов. Р. Штилеръ, грав. Бренд'Амуръ. Библиотека "Руниверс"

Рѣпина, было бы нескромнымъ желаніемъ; въ ней широкой исторической сюжетъ; при взглядѣ на его «Бурлаковъ» въ умѣ cadaго промелькнетъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній. Но развѣ народная жизнь бѣдна другими сюжетами? И зачѣмъ брать одни историческіе? Въ промежутки между появленіями выдающихся произведеній живописи не надо бро-

сать собраніе фактовъ, и благая доля тѣхъ фотографовъ, которые избрали для своихъ альбомовъ народную жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, могущихъ отразиться на негативѣ. Разъ вниманіе публики приковано къ известной мысли—явятся и выразители этой мысли.

НА БЕРЕГАХЪ БАЛТИЙСКАГО МОРЯ.

Между различными водорослями, составляющими растительность океановъ и морей (водорослями, которыя прибываютъ къ берегу морскимъ теченіемъ или морскою зыбью), нѣтъ почти ни одной ненужной, безполезной въ хозяйствѣ человѣка. Многія изъ этихъ растений употребляются въ пищу, другія идутъ на кормъ домашнему скоту, а нѣкоторыя доставляютъ отличное удобреніе для полей и луговъ, или служатъ хорошей подстилкой въ хлѣвахъ и конюшняхъ. Отъ сожженія морскихъ водорослей получается зола, изобилующая солью, или поташъ, необходимый при производствѣ различныхъ предметовъ,—поэтому въ Европѣ прибрежные жители (поморяне) тщательно собираютъ такія морскія травы и затѣмъ просушиваютъ ихъ. Сердитыя волны, обыкновенно недружелюбно относящіяся къ человѣку, тутъ прислуживаютъ ему, несутъ добро, оказываютъ хорошую помощь—умѣй только пользоваться подарками стараго суроваго Нептуна, который любитъ казнить, но любитъ

и миловать. На нашей картинкѣ изображенъ сборъ морской травы на берегу Балтійскаго моря. Здѣшніе поморяне, преимущественно рыбаки, послѣ cadaго почти отлива, и ужь непременно послѣ сильной бури, отправляются на побережье, вооружившись длинными граблями, которыми они сгребаютъ эту траву. Собранныя такимъ образомъ водоросли, разбрасываются для просушки на берегу или складываются въ стога; въ послѣднемъ случаѣ трава, подвергаясь гніенію, превращается въ весьма цѣнное удобреніе. Часть наловленныхъ водорослей идетъ на потребу, въ хозяйствѣ самыхъ труженниковъ, другая—продается. Тяжела и не совсѣмъ благодарна эта работа, но обитатели нашего остзейскаго побережья—народъ весьма трудолюбивый, въ требованіяхъ своихъ умѣренный, скромный; онъ не боится никакой работы, не бѣжитъ отъ тяжкаго труда, если трудъ этотъ можетъ доставить ему честный заработокъ.

„ИВАНОВЪ ДЕНЬ“ И КАНУНЪ ЕГО „АГРАФЕНА КУПАЛЬНИЦА“.

(Царь огонь и царь водица).

Наступило лѣто, наступило тепло, наступили и лѣтнія удовольствія, отличающіяся такимъ обильнымъ разнообразіемъ, особенно въ провинціальномъ и сельскомъ быту. Тамъ каждое подобное удовольствіе или празднество непременно основано на обычаяхъ, на повѣртіи или преданіи, а каждый обычай и каждое преданіе имѣетъ начало въ сѣдой, далекой старинѣ. Большинство праздниковъ русскаго народа перешло къ нему изъ славянскаго язычества, и не взирая на христіанство, принятое Русью еще при Владимірѣ Святѣмъ, всѣ народныя игрища по сіе время сохраняютъ въ себѣ явные слѣды язычества, даже среди обрядовъ христіанства. Такимъ образомъ сохранилось вѣрованіе въ счастливые и несчастные дни, въ счастливыя и несчастныя числа разныхъ мѣсяцевъ. *Понедѣльникъ* считался и считается самымъ несчастнымъ днемъ недѣли и ведетъ свое начало даже не изъ славянскаго, а изъ римскаго язычества. Въ древнемъ Римѣ былъ обычай выводить преступниковъ на казнь только по понедѣльникамъ (*dies Lunae*), а потому весьма естественно, что понедѣльникъ, по своему тяжелому впечатлѣнію на народъ, казался ему самымъ несчастнымъ днемъ недѣли и назывался *тяжелымъ* днемъ. Среда и пятница, дни поста, также не принадлежатъ къ благоприятнымъ человѣку днямъ, но за то вторникъ, четвергъ и особенно воскресенье почитаются легкими.

Въ первые вѣка христіанства въ Россіи впечатлѣніе язычества было еще такъ сильно, а новое ученіе еще такъ непрочно, что не только самъ народъ, но иногда и духовенство, не противилось сочетанію языческихъ обрядовъ съ обрядами христіанства. Только къ XVI столѣтію, когда христіанство твердо упрочилось въ нашемъ отечествѣ, началось преслѣдованіе языческихъ обрядовъ, которые всѣ вообще, безъ исключенія, подведены были тогдашнимъ духовенствомъ подъ одинъ уровень колдовства и скomorшества, куда причислены были также всѣ игрища, сопровождавшіяся пляскою, пѣснями и музыкой. По языческимъ понятіямъ музыка и пѣсни имѣли чудодѣйственную силу, какъ и заклинанія заговоровъ и вмѣстѣ съ пляской принадлежали къ числу языческихъ обрядовъ. Если въ первые вѣка христіанства эти игрища не преслѣдовались формально, то уже осуждались положительно, какъ видно изъ того, что Кириллъ Туровскій называетъ ихъ играми бѣсовскими. Продолжая свое порицаніе, лѣтописецъ говоритъ: «дьяволъ льститя вселескими «дестями, пробавляя трубами и скomorохи, гусльми и русалью («русальи игри»); видимъ бо игрища и людей много множество, позоры дѣюще отъ бѣса».

Книга *Стоглавъ* вооружается противъ слѣдующихъ явленій: «въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы, и органики, и смѣхотворцы, и гусельники, и бѣсовскія пѣсни поютъ... да «предъ свадебными поѣзды со всѣми тѣми игри рыщутъ, да «по дальнимъ странамъ ходятъ скomorохи, совокупляясь многими ватаги по шестидесять, по семидесять и до ста человекъ... На погостахъ (кладбищахъ) егда учнутъ скomorохи и «гудцы и прегудницы играти, тогда всѣ бывшіе, преставъ отъ «плача, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти».

Такимъ образомъ *Стоглавъ* говоритъ противъ пѣсенъ, музыки и плясокъ, сопровождавшихъ всѣ обрядныя церемоніи и свадьбы, и праздники въ честь умершихъ, и разныя игрища. Кромѣ

Стоглава противъ всѣхъ подобныхъ соблазновъ предохраняютъ разныя лѣтописцы и между прочими игуменъ Памфилъ въ посланіи своемъ къ псковскимъ властямъ (1605 г.); замѣчательнъ также патриаршій указъ Іоакима въ 1684 году и грамота 1648 года. Эта грамота особенно любопытна по своимъ подробностямъ; въ ней патриархъ требуетъ, чтобы православные не призывали къ себѣ скomorоховъ (плясунѣвъ) съ домрами, сурнами*), волынками, гудками и всякими играми, и на улицахъ, и поляхъ, и во время свадебъ «бѣсовскихъ» лѣсенъ не пѣли бы и по ночамъ не плясали, и въ ладони не били, и скomorошныя платья и личинъ (масокъ) на себя не накладывали. Воеводамъ предписывалось отбирать у всякаго музыкальные инструменты, ломать и жечь; а тѣхъ, у кого они найдутся, бить батогами (кнутомъ) и ссылатъ въ украинныя мѣста. Такой строгій взглядъ на скomorошество понятенъ. Скomorохо принадлежало въ языческомъ мірѣ особенное значеніе; пѣсни и пляски были необходимыми обрядами при языческихъ жертвоприношеніяхъ и воззваніяхъ къ божествамъ. Въ одномъ старинномъ сборникѣ сказано: «не подобаесть крестьянамъ (христіанамъ) игорь бѣ-«совскихъ играти, иже есть пляска, гудба, пѣсни бѣсовскія и «жертвы идольскія». Здѣсь пляска и музыка прямо отнесены къ одному разряду съ жертвами идоламъ.

Вмѣстѣ съ плясками, музыкой и пѣснями, какъ воеводы, такъ и высшія духовныя лица постоянно дѣлали предписанія подчиненнымъ имъ властямъ о преслѣдованіи и отбирани всѣхъ бѣсовскихъ инструментовъ, каковы были: рожки, дудки, желѣйки, синовки, свирѣли, сопѣлы, роги, волынки, балалайки, гусли, гудки, ложки и тарелки.

Какъ ни стремились къ изгнанію бѣсовскихъ игръ воеводы и епископы, даже патриархи и самые цари, стремленіе ихъ оказывалось бессильнымъ противу народного влеченія къ играмъ, неизбежно сопровождавшимся музыкой и пѣніемъ; точно также трудно было изгнать и уцѣлѣвшіе обряды язычества, заключавшіе въ себѣ такъ много поэзіи и доставлявшіе такъ много удовольствія народу. Правда, разныя указы и сильныя мѣры временно подавляли народныя празднества, но при первомъ удобномъ случаѣ—онѣ вновь возстановлялись со всѣми обычаями и обрядами милой старины.

Весенніе праздники начинаются у русскаго народа Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, а за нимъ слѣдуютъ: *Преполовненіе*, *Вознесеніе*, *Троицынъ день* и *Духовъ день*. Но всѣ эти праздники отличаются чисто христіанскимъ характеромъ, а потому мы перейдемъ къ «*Иванову дню*» и кануну его «*Аграфентъ купальницъ*», сохранившимъ до сихъ поръ въ народныхъ увеселеніяхъ много языческаго.

Наши предки говаривали: «обычай не клятка, не престаивши», то есть другими словами: если бы и не хотѣлъ отпраздновать Иванова дня, какъ подобаесть, то не достанетъ на это ни силы воли, ни умѣнья. При этихъ словахъ праотцы наши, вмѣстѣ съ преданіями старины, вмѣстѣ съ заветными чувствами русскаго сердца, передали намъ и разныя суевѣрные обряды. Въ глубокой старинѣ эти обряды имѣли конечно свое значеніе, вытекавшее изъ образа возрѣвшаго древняго язычества вообще и предковъ нашихъ въ особенноти на мірозданіе, на

*) Домра—балалайка, сурна—сиринка.

господствующую въ немъ гармонию, на стихіи природы, которыя, или служатъ человѣку и его выгодамъ, или, напротивъ, враждебно сталкиваются съ нимъ. Но человѣкъ боготворилъ одинаково и милостивое, и грозное, въ окружавшей его природѣ, потому что въ первомъ имѣлъ нужду, а второго боялся. Кромѣ солнца, луны и звѣзды, у славянъ большимъ почетомъ пользовались громъ и молнія, олицетворявшіеся въ кievскомъ Перунѣ, которому приносились человѣческія жертвы. Далеко, огонь и вода занимали между богами далеко не послѣднее мѣсто, чему служатъ яснымъ доказательствомъ празднества въ честь огня въ *Ивановъ день* и въ честь воды въ день *Аграфены купальницы*. На этихъ шествіяхъ всегда присутствовали вѣнчае бабы и, подобно скальдамъ и бардамъ, воспѣвали по преимуществу доблестъ убитыхъ воиновъ, сопровождая пѣніе свое игрой на струнахъ особаго инструмента, походившаго на цимбалы.

Славяне были, по преимуществу, народъ земледѣльческій и имѣли два земледѣльческихъ языческихъ празднества: *Коляда* и *Купало*. Коляда соотвѣтствуетъ тому времени, когда плоды уже собраны съ полей, когда земледѣлецъ чувствуетъ потребность возблагодарить божество за дарованныя имъ и уже осуществившіяся блага. Оно совершалось зимой, по прошествіи долгой осени и праздновалось 24 декабря, въ канунъ христіанскаго праздника Рождества Христова. Святки, съ ихъ переодеваньями и масками, составляютъ праздникъ чисто языческій, лишь подходящій случайно по времени къ великому празднику христіанскому, а потому колядованія и всѣ святочные забавы, гаданья и увеселенія, хотя не имѣютъ ничего общаго съ христіанскими обычаями, но такъ сроднились съ духомъ народа, что по сіе время упорно держатся въ народѣ. Ровно чрезъ полгода, то есть 24-го іюня, празднуется *Купало*. Это уже праздникъ не благодарности божеству, а надеждъ на его милосердіе. Земледѣлецъ видитъ предъ собою поляну, покрытую зеленью, видитъ хлѣбъ, который колосится и цвѣтетъ. Въ хорошемъ урожаѣ заключается вся его надежда на настоящій годъ. Малѣйшая немилость какого-нибудь божества, особенно же воды и солнца, истребить все его благосостояніе. Чувство страха и надежды борются въ сердцѣ пахаря, и что же ему остается дѣлать, какъ не умоливать празднествами свои божества? Все это обще-славянское относится всецѣло и до коренныхъ обитателей Россіи. Замѣчательно, что дни, посвященные православною церковью памяти святой Аграфены (Аграфены купальницы) и Рождество святаго Іоанна Предтечи совпадаютъ съ древне-языческими служеніями въ честь воды и огня (солнца, свѣта). Достоинно также вниманія, что у разныхъ народовъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же промысломъ, и религіозныя убѣжденія одинаковы: они одного и того же бояться, одно и тоже боготворятъ, и между празднествами, существующими у каждаго изъ нихъ, всегда встрѣчается большое сходство. Напримѣръ у древнихъ германцевъ Ивановъ день праздновался всегда среди дѣта. Тогда зажигались такъ называемые «*ивановы огни*», чрезъ которые германцы переводили свои стада для предохраненія ихъ отъ заразы и отъ злого духа; зоду же бросали на поле и около воды, для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ. Тоже самое вѣрованіе въ силу ивановыхъ огней, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, встрѣчается и въ другихъ, особенно же славянскихъ земляхъ, въ которыхъ праздникъ Купала носитъ разныя названія. Такъ въ Литвѣ, наканунѣ дня святаго Іоанна Предтечи (23-го іюня) справлялся праздникъ *росы*; въ Польшѣ онъ назывался «*сobotками*» (отъ слова *сobитъ*, то есть приспособлять), какъ день, въ который приготовлялись или приспособлялись къ полевнымъ работамъ (къ сѣнокосу). Но у большей части славянскихъ народовъ, а также и у русскихъ, празднество это называлось *Купаломъ*. Оставляя въ сторонѣ различныя мифы ученыхъ о происхожденіи слова «*Купало*», должно только вспомнить о существующемъ во всей Россіи повѣртіи, что купаться можно только съ 23-го іюня, со дня *Аграфены купальницы*, равно какъ и томъ, что въ Ивановъ день вездѣ собираютъ различныя травы, которымъ приписывается цѣлебная и перѣдко чудодѣйственная сила. Много сохранилось въ народѣ разсказовъ про свойства *папоротника* и его *цвѣтка*, о чудесныхъ дѣйствіяхъ *разрывъ-травы* и другихъ травахъ, менѣе важныхъ, изъ которыхъ однако каждая имѣетъ свое свойство и значеніе. Въ подтвержденіе же производства слова *Купало*, отъ времени, когда у насъ начинаютъ купаться, можно привести въ примѣръ нѣкоторыя пѣсни, относящіяся къ этому празднеству. Въ Малороссіи, по этому случаю, поется пѣсня, которая начинается такъ: «*Купался Иванъ, да въ воду упалъ*». Другая подобная же пѣсня пѣлась въ Галичѣ, на Днѣпрѣ:

У пана Ивана посередѣ двора
Стояла верба,
На вербѣ горѣли свѣчи.
Съ той вербы капля упала,
Озеро стало:
Въ озерѣ самъ богъ купался
Съ дѣтками, судѣтками».

Какъ бы то ни было, но въ народѣ до сихъ поръ господствуетъ повѣртіе, что *Купало* есть *царь-огонь*, а *купальница* — *царь-водица*. Этимъ вполне объясняется боготвореніе двухъ важ-

нѣйшихъ и необходимыхъ для земледѣльца условій, особенно въ то время, когда совершается въ честь ихъ празднество. Не у всѣхъ народовъ славянскихъ, равно какъ не во всѣхъ частяхъ Россіи празднество это происходитъ одинаково. У славянъ, жившихъ на Арконѣ, праздникъ въ честь огня и свѣта совершался слѣдующимъ образомъ: еще наканунѣ празднества народъ собирался во множествѣ около храма. Въ самый день праздника, по принесеніи кумиру разныхъ жертвъ, совершался большой народный пиръ. Жрецъ, который вопреки общему обыкновенію страны, не стригъ ни головы, ни бороды, еще за день до праздника являлся въ святилище храма, куда только ему одному дозволенъ былъ входъ, выметалъ полъ вѣеникомъ, какъ можно чище, стараясь при этомъ совершенно не дышать внутри храма, а потому всякій разъ, принужденный выдохнуть или вдохнуть въ себя воздухъ, онъ выбѣгалъ къ наружнымъ дверямъ, чтобы не осквернить человѣческимъ дыханіемъ присутствія чтиваго божества.

На другой день жрецъ, въ виду толпившагося вокругъ храма народа, бралъ рогъ изъ рукъ кумира и если находилъ, что вина въ немъ много убыло, то возвѣщалъ безидольный годъ и повелѣвалъ беречь хлѣбъ къ будущему году, если же вино стояло въ рогѣ у кумира на значительной высотѣ, то верховный жрецъ предсказывалъ плодородіе; затѣмъ онъ возливалъ старое вино къ ногамъ кумира, а рогъ наполнялъ новымъ. Почтивъ идола особыми обрядами, какъ будто бы онъ пилъ это вино, жрецъ пещилъ народу всѣ почетныя *прозвища* и *титлы* божества; себѣ и отечеству желалъ счастья, а присутствующимъ и отсутствующимъ гражданамъ приращенія имуществъ и славныхъ побѣдъ. Окончивъ рѣчь, жрецъ залпомъ очищалъ рогъ, наполнялъ его снова виномъ и подносилъ съ благоговѣніемъ плоду. При этомъ праздникъ употребляли еще круглый пирогъ, начиненный разными сластями и необыкновенной величины, въ ростъ большого человѣка. Жрецъ ставилъ этотъ пирогъ между собою и народомъ и спрашивалъ гражданъ, видятъ ли они его пзъ за пирога?

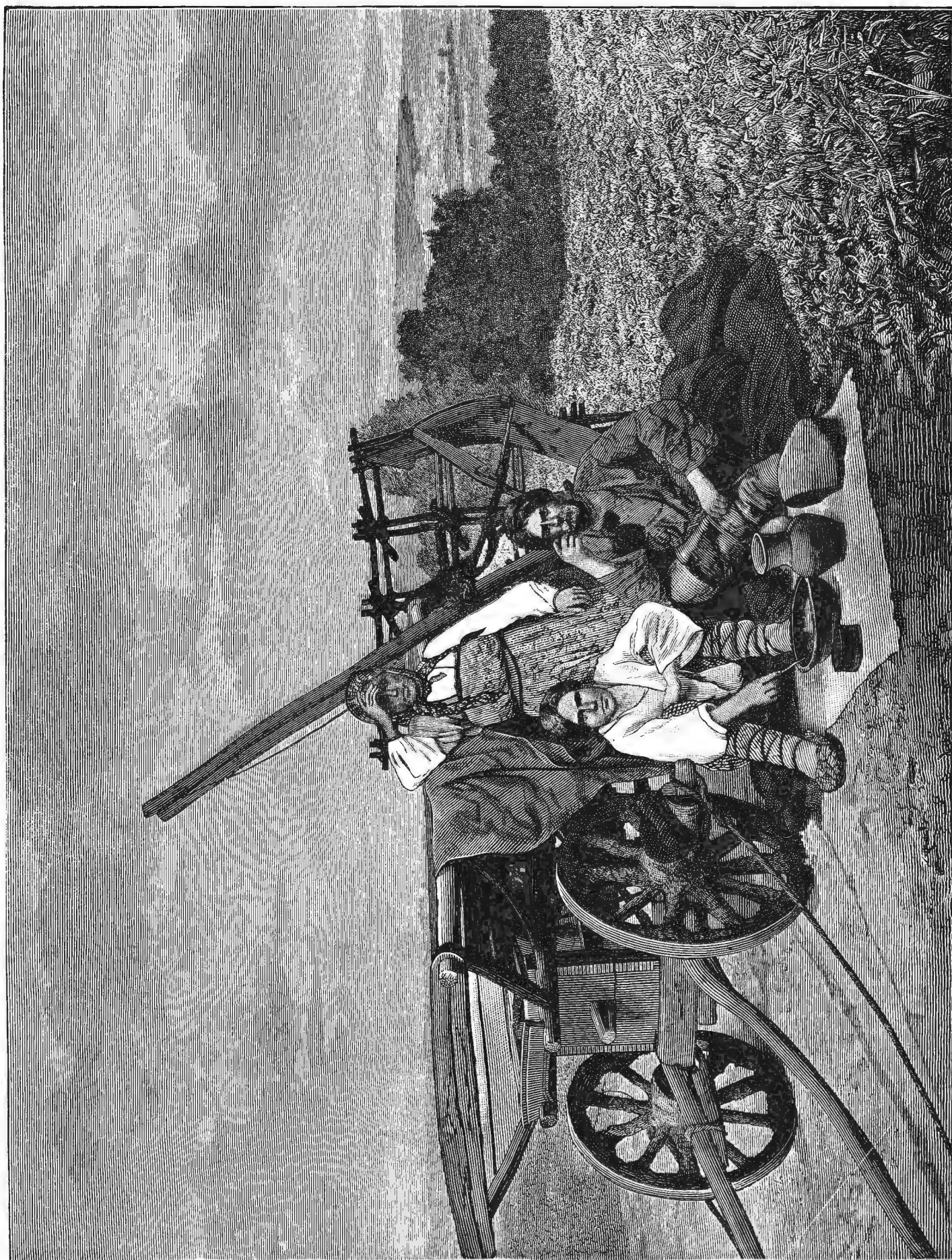
Когда присутствовавшіе отвѣчали, что видятъ, то онъ выражалъ желаніе, чтобы годъ былъ такъ плодороденъ, чтобы на слѣдующій разъ его вовсе не было видно изъ за пирога. И славяне вѣрили, что такой обрядъ способствуетъ не только благосостоянію народа, но и обилію слѣдующей жатвы. Наконецъ верховный жрецъ привѣтствовалъ народъ именемъ божества, просилъ его не скупись и ревностно приносить жертвы, обѣщая за это вѣрныя и несомнѣныя побѣды надъ врагами на морѣ и сушѣ.

Остальная часть дня проходила въ шумномъ пиру, гдѣ потрѣблялись жертвы и гдѣ невоздержность была добродѣтелью, а утѣренность стыдомъ. Для содержанія кумира каждый житель острова, обонхъ половъ, вносилъ въ этотъ день серебряную, а бѣдную мѣдную монету, и изъ этихъ приношеній, почти обязательныхъ, составлялись значительныя капиталы; кромѣ опредѣленныхъ взносовъ ему дарили третью часть добычи и хищенія, вѣря, что его защита даруетъ вѣрныя успѣхы. Въ день празднества приводили къ истукану триста лошадей и столько же всадниковъ, которые тотчасъ же вручали верховному жрецу все то, что было добыто ими въ теченіи года насиліемъ или хитростію. Все снесенное въ день торжества къ ногамъ идола относилось жрецами въ огромныя сундуки и запиралось большими висячими замками, отпереть которые могъ только самъ богъ своимъ могуществомъ и силою, или свѣше вдохновенный жрецъ или волшебная *разрывъ-трава*; въ этихъ сундукахъ скоплялось огромное количество золота, въ нихъ лежало и множество пурпуровыхъ одеждъ, прившедшихъ въ ветхость и гнилость отъ времени. Слава божества разносилась далеко и доходила до государей иноземныхъ, которые, будучи также язычниками, съ благоговѣніемъ посылали кумиру для его умоливленія богатыя подарки: между прочими король Швеции прислалъ ему въ даръ драгоцѣнную чашу самой художественной работы.

Между особенными наружными отличіями бога свѣта и огня былъ посвященный ему одному совершенно бѣлый конь. Выдернуть хоть одинъ волосъ изъ гривы священнаго коня почиталось тяжкимъ преступленіемъ. Одинъ верховный жрецъ имѣлъ право его кормить и на немъ ѣздить, чтобы ѣзда обыкновенныхъ людей не унизила божественное животное. Славяне вѣрили, что богъ свѣта и огня ведетъ на немъ войну, а это заключали они изъ того, что часто по утрамъ видали ковы стоящаго ночью въ стойлѣ, покрытаго пѣною и грязью, какъ будто онъ воротился изъ дальней дороги. Такъ чтлось и прославлялось божество, олицетворявшее собою свѣтъ и солнечное тепло, не малымъ почетомъ пользовалось также его *прибоги* или подчиненные ему боги.

Праздникъ Свято-Ивановскихъ огней 24 іюня былъ на Волховѣ былъ и праздникомъ богини любви *Лады*. Веселыя сборища мужчинъ и женщинъ появлялись съ пѣснями, играми и плясками въ лѣсахъ и тѣнились тамъ до исхода другихъ сутокъ и до полнѣйшаго истомленія силъ, но эти сборища удовольствія современемъ потеряли свой безвинный характеръ и сдѣлались предметомъ общаго осужденія, какъ самый безнравственный разгулъ, и зажиганіе живого огня, какъ это было въ Костромской губерніи, сдѣлалось синонимомъ полнѣйшаго разврата; бо-

Завтракъ на полѣ. Съ фотограф. Морвинова. гравир. Дзеуанцъ.

На берегу Балтийского моря. Сбор морской травы. Рис. профес. Геберанц, грав. Бренд'Амурь.

гиня же любви Лада переименовалась в Лайдачку, то есть мерзкую и безстыдную женщину. Как правилась славянам и русским подобные праздники, можно видеть из перехтской пѣсни, гдѣ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидаются праздники за праздникомъ, а именно:

«Скоро приходитъ праздникъ Купальницы.
«Первый праздникъ Семикъ честной,
«Второй праздникъ Троицынъ день,
«А третій праздникъ Купальницы».

Необъятное множество разныхъ сказаній имѣемъ мы о возжиганіи огня въ ночь съ 23-го на 24-е іюня. Общаго въ этомъ праздникѣ то, что молодые люди, мужчины и женщины, холостые и женатые выходятъ изъ своихъ селеній съ ликованіемъ и пѣснями, разводять огонь, лучше всего на горѣ, при рѣкѣ, въ рошѣ; пляшутъ вокругъ огня, скачутъ черезъ него, расигвая пѣсни нѣжно или страстно-любовнаго содержанія и гада, исполняются ли желанія сердца, или надежды честолюбія, или расчеты домовитаго хозяйства. Вникая глубже въ праздники Купалы и Купальницы мы убѣждаемся, что огонь и вода почитались у славянъ началами высшей животворности. И по сіе время у насъ, на Волховѣ, въ ночь на Ивановъ день, достаютъ живой огонь или царь-огонь посредствомъ тренія сухого дерева о мокрое. Этимъ огнемъ на Руси окуриваютъ отъ падежа скотину. Поляки палили *сobotки* и чтобы былъ настоящей дьявольскій светъ, доставали также этотъ дьявольскій огонь треніемъ сухихъ досокъ о мокрая. Въ старинной сербской балладѣ описывается Будимская королева сожигающею на царь-огонь заколдованную рубашку, которая неоднократно обращала ея сына въ чудовище.

Это дѣйствіе жизни огня при празднествѣ, во время стоянія солнца на самой большой его высотѣ, славяне распространили на всю природу, на урожай и на неурожай. Такъ русскіе, совершая торжество купальницъ, ожидаютъ изобилія плодовъ и хорошей жатвы. Въ Богеміи скачутъ черезъ пламя такъ высоко, какъ желаютъ, чтобы имѣла ростъ конопель. Кто скакнетъ выше, у того и конопель вырастетъ выше. Въ Сербіи, навзавъ факеловъ и бересты, и зажегши то и другое, обходятъ такимъ образомъ хлѣвы и пастбища, потомъ уходятъ на гору и сжигаютъ факелы при шумныхъ пляскахъ. Въ Малороссіи бѣгаютъ вокругъ огня съ березками, приговаривая:

«Кобъ мой, лень мой, такъ великій, какъ этаа фаразина!»

Изъ разныхъ пѣсенъ видно, что огни зажигаются для прогнанія вѣдьмъ и злыхъ духовъ. Ускоки держутъ, надъ огнемъ маленькихъ дѣтей, чтобы отогнать отъ нихъ чары злого духа. Въ Малороссіи считается за дурное, если выпустить коня на свободу въ Ивановъ день, иначе на немъ уѣдутъ чародѣйки или вѣдьмы. Сербы, для удаленія злыхъ духовъ, вѣшаютъ на кровляхъ домовъ и на хлѣвахъ душистые вѣнки. Чехи, высокимъ прыжками черезъ огонь, оберегаютъ себя отъ заколдованія и отъ обращенія въ оборотней. Польскія дѣвушки въ Галиціи припѣваютъ:

«Кто на *сobotкѣ* не будетъ,
У того боль въ головѣ будетъ».

Въ Ивановъ день колдуньи и знахари отыскиваютъ травы, имѣющія власть надъ духами: такъ въ Вильнѣ ходятъ въ Ивановъ день на *Росу* искать волшебный цвѣтъ *папроу*, *папортникъ* или *кочедыжникъ*; исканіе продолжается до полуночи; тогда этотъ цвѣтъ разцвѣтаетъ и въ мгновение ока опять опадаетъ. Кто владѣетъ такимъ цвѣткомъ, тотъ можетъ, по желанію, сдѣлаться невидимкою и оборотнемъ. По всей Россіи существуетъ обычай исканія цвѣтка кочедыжника, который оказываетъ, будто бы, несомнѣнные услуги при исканіи кладовъ. Между волшебными травами самыми вѣрными и чародѣйственными почитаются: *колока* трава, *Адамова голова*, собираемая въ Ивановъ день, но силу волшебства имѣющая лишь въ Великій четвергъ, *трава припрыгъ*, разрушающая чародѣйства при свадьбахъ, то есть спасающая заколдованныхъ невѣстъ и жениховъ, *сонъ-трава*, *кочедыжникъ* или *папортникъ*, *тирличъ-трава*, собираемая подъ Киевомъ на Лысой горѣ, населенной знаменитыми киевскими вѣдьмами; *разрывъ трава*, *прыгунъ* или *скажунъ трава*, имѣющая свойство разрывать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдъ на мелкіе куски, *плакунъ-трава*, страшная бѣсамъ, полу-бѣсамъ, колдунамъ и старымъ вѣдьмамъ киевскимъ, *не-чуй-отверъ трава*, растущая зимою. *Перуника трава*, носящая грозное имя Перуна, но служащая нынѣ лишь для раскраски щекъ сербскихъ красавицъ. *Калоперъ-трава*, имѣющая свойство усыплять женщинъ подъ вечеръ когда хотятъ испытать ихъ вѣрность.

Кто же былъ это царь-огонь, живой огонь? Чей кумиръ пользовался такимъ высокимъ почетомъ, горѣлъ въ огнѣ, принималъ жертвы и былъ осыпанъ приношеніями, ѣлъ хлѣбъ и пилъ вино. Если свѣтъ, добывавшійся отъ тренія дерева, былъ настоящимъ дьявольскимъ светомъ, кто же этотъ дьяволъ и духъ свѣта? Конечно Свѣтовитъ, пользовавшійся высокимъ богопочитаніемъ славянъ въ храмѣ Арконы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвочки плетутъ изъ цвѣтовъ вѣнки,

возлагаютъ ихъ себѣ на головы и пляшутъ вокругъ огня, справляя зеленяя святки и проводя домашнихъ животныхъ чрезъ очистительный огонь. Дѣвушки коютъ при этомъ случаѣ свои гадальныя пѣсни и замѣчаютъ на огнѣ по разнымъ примѣтамъ, сбудутся ли ихъ желанія? Въ Украинѣ это празднество совершается другимъ образомъ. Въ мѣсто, назначенное для празднества, приносятъ вѣтви вербы, или же родъ куклы, величиной около трехъ четвертей аршина, утверждаютъ ее въ землѣ, украшаютъ вѣнкомъ изъ душистыхъ травъ, потомъ ходятъ вокругъ нея и коютъ различныя пѣсни въ честь Купалы. Это продолжается болѣе часу, пока молодые мужчины, стоящіе въ сторонѣ, не бросятъ на вербу, которую, не смотря на защиту дѣвушекъ, они обрываютъ и уносятъ, чѣмъ и кончается обрядъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, вмѣсто огня, перенрываютъ черезъ кучи крапивы, и проводятъ также чрезъ нее скотъ. Крапиву кладутъ на окнахъ хатъ и даже на порогахъ дверей для защиты себя отъ нападенія вѣдьмъ, которыя, по общему преданью, въ Ивановскую ночь бываютъ гораздо злѣе и зловерднѣе, чѣмъ во всякое другое время. На эту ночь онѣ слетаются для какого то важнаго совѣщанія съ цѣлью, напри- мѣръ, испортить поствы хлѣба и вообще какъ бы помѣшать осуществленію надеждъ земледѣльца. Мѣста, для празднованія Купалы, избираются обыкновенно гористыя или дѣсныя, изобилующія травами и водою, такъ, чтобы можно было собирать разныя *ивановскія* травы для предохраненія себя и своего скота отъ пагубнаго дѣйствія злыхъ духовъ, а также, чтобы потомъ выкупаться для очищенія себя и сохраненія отъ болѣзней на цѣлый годъ. Въ Москвѣ, и повнѣ бываетъ въ этотъ день гулянье на трехъ горахъ, замѣчательныхъ своею водою и растительностію травъ. Въ Петербургѣ сохранилось преданіе, что болѣе ста лѣтъ тому назадъ ижорцы собирались, въ десяти верстахъ отъ Петербурга по Рижской дорогѣ, къ липѣ, вѣтви которой слетались съ вѣтвями другихъ деревьевъ, такъ что составляли собою природную бесѣдку. Тутъ они проводили всю ночь, при разложенномъ огнѣ, съ пѣніемъ, воплями и плясками. Наконецъ сожигали блага пѣтуха, сопровождавъ это жертвоприношеніе пѣснями и скачками. Кромѣ того, всѣмъ извѣстное, шумное народное гулянье въ томъ же Петербургѣ, совершается въ ночь на Ивановъ день. Избранная для этой цѣли мѣстность—*Куллербергъ*, находится на юго-западной сторонѣ Крестовскаго острова. Здѣсь, уже безъ всякой вѣрны въ Купалу, веселятся отъ всей души, скачутъ чрезъ огонь, пляшутъ вокругъ него по болотнымъ кочкамъ, снотыкаются, валяются, снова встаютъ, снова спотыкаются и снова валяются подъ отягчающимъ вліяніемъ винныхъ паровъ и только уже на третій день, то есть не ранѣе полудня 25 іюня усталые и истомленные члители ивановскихъ огней возвращаются въ полусознаніи по домамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ празднество въ честь Купальницы совершается съ другими обрядами, хотя значеніе праздника одно и тоже, именно: предохраненіе себя чудесною силою травъ и воды отъ вреднаго вліянія вѣдьмъ. Напри- мѣръ, въ Архангельской губерніи, въ день Аграфены Купальницы томятъ бани, настлаютъ полъ травою «*лютикомъ*» (травой купальницей) и потомъ купаются въ рѣкѣ. Въ окрестностяхъ Москвы и въ другихъ мѣстахъ въ этотъ день дѣвушки парятся въ баняхъ свѣжими вѣнками, связанными изъ разныхъ жгучихъ и цѣлебныхъ травъ: крапивы, папортника, богородицкой травы, Иванъ да Марыи, ромашки, мяты, полыни. Странный и нѣсколько отличный отъ обыкновеннаго обрядъ въ этотъ день совершается въ Костромской губерніи, въ Перехтскомъ уѣздѣ: накануне Аграфены Купальницы дѣвушки собираются къ одной изъ своихъ подругъ: «*толочи въ ступѣ ямень*», что сопровождается веселыми пѣснями. На другой день варятъ изъ ячменя кашу, которую ѣдятъ вечеромъ; потомъ берутъ передніе колеса телеги съ осью и оглоблями, возятъ сидящихъ на оси дѣвушекъ по селенію и полямъ, распѣвая до утренней росы пѣсни, и наконецъ умываются рососою, думая, что она приноситъ имъ здоровье и красоту. Купальскія пѣсни не имѣютъ особеннаго характера, приуроченнаго къ этому празднеству. Въ нихъ обыкновенно заключаются мечты парней о своихъ возлюбленныхъ, и упоминаются какія нибудь растенія, даже и такія, которымъ приписывается волшебная сила.

Ивановская ночь страшна по тѣмъ вѣроваціямъ, которыя распространены о ней въ народѣ: это ночь вѣдьмъ и злыхъ духовъ. По народному повѣрью, для отвращенія отъ челоука этого ужаса, растутъ разныя купальскія травы, имѣющія огромную силу, и кромѣ того предохраняющія отъ болѣзней и злыхъ духовъ, а также открывающія тайны. Самая чародѣйственная трава папортникъ, по преданіямъ старина, только и можетъ цвѣсти въ ночь на Ивановъ день и отыскавъ ее очень трудно и не иначе, какъ при самыхъ затѣйливыхъ обрядахъ и заклинаніяхъ. Кто найдетъ разцвѣтшій папортникъ, почитается особеннымъ счастливецомъ, потому что въ его руки, вмѣстѣ съ чуднымъ огненнымъ цвѣткомъ, переходитъ и необыкновенное сверхъестественное могущество. Предъ нимъ открываются желѣзные запоры, ему доступны влады и всѣ сокровища міра, даже нечистые духи безропотно повинуются ему. Но если такъ хорошъ и соблазнитель цвѣтокъ папортника, то уже конечно трудно овладѣть имъ по общему закону природы: все трудно

достающееся бывает хорошо, а все хорошее достается не легко. Какъ цвѣтетъ папортникъ и какія принимаются средства для его приобритенія, объ этомъ разсказываютъ, такъ называемые, *знахоры*, и вотъ ихъ разсказъ. Изъ широколиственного папортника является цвѣточная почка и поднимается постепенно: она то движется, то останавливается, и вдругъ заматается, перевернется и запрыгаетъ, какъ живая. Иные даже слышатъ при этомъ голосъ и щебетаніе, и все это дѣлаетъ адская власть, чтобы, пугая людей, не допустить ихъ до цвѣтка. Когда почка созрѣетъ, тогда наступаетъ ровно двѣнадцать часовъ ночи; почка разрывается съ трескомъ, вся покрывается огненнымъ цвѣтомъ, такимъ яркимъ, что глаза не могутъ вынести: отъ цвѣтка идетъ жаромъ. Вокругъ и вдали разливается яркій свѣтъ, и только невидимая рука срываетъ цвѣтокъ. Искатели цвѣтка очерчиваютъ около папортника кругъ, становятся на немъ и, произнося заклинаніе, ожидаютъ полуночи. Надобно, чтобы рѣшившійся на такой опасный подвигъ, былъ неустрашимъ, и могъ бы безбоязненно перенести все ужасы привидѣній. Если онъ отзовется на голосъ или повернется къ какому либо призраку, то лишится жизни: злой духъ сорветъ съ него голову, вмѣсто папортника, и пошлетъ его душу въ адъ на мученіе за то, что онъ дерзнулъ похитить цвѣтокъ, составляющій лучшее украшеніе преисподней.

Все эти суевѣрные обряды и вѣрованія не могли не обратить на себя вниманія какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ властей, которыя, подъ страхомъ наказанія, запрещали народу держаться подобныхъ суевѣрій и укоряли тѣхъ, которые «въ громное громеніе купаются въ рѣкахъ и озерахъ и чнпять

безстыдное скаканіе и плясаніе и поютъ бѣсовскія пѣсни». Въ Стоглавѣ, между прочимъ, упоминается о празднествѣ Купалы слѣдующее: «егда сходятся мужья, жены и дѣвѣцы на «ночное плещованіе и на безчинный говоръ и на скаканіе и «егда ночь мимо ходитъ, отходятъ къ рѣдѣ съ великимъ кричаніемъ и умываются водою, и егда учнутъ заутреню звонити, «отходятъ въ дома своя и падаютъ, аки мертвы, отъ великаго «влокотанія». Далѣе мы находимъ: «Егда бо приходитъ велій «праздникъ, день Рождества Предтечева, и тогда, во святую «ту ночь, мало не весь градъ взмется и взбѣсится, бубны и «сопѣлы и гудѣніемъ струннымъ и всякими неподобными, са- «таньяскими игры, плесканіемъ и плясаніемъ, и того ради дви- «нется и всяка встанетъ неприянная угодія, яко въ поруга- «ніи и безчестіе Рождеству Предтечеву. Сатана же красуетъ и «печалуетъ ими и т. д...»

Въ настоящее время, если и сохранились разные обряды скаканія чрезъ огонь, исканія травъ и гаданья, то уже безъ всякаго языческаго значенія; канунъ Иванова дня въ нынѣшнее время празднуется исключительно только ради удовольствія и забавы, какъ пріятная встрѣча лѣта во всей заманчивой его красотѣ. Праздникъ Рождества Іоанна Предтечи справляется во всѣхъ мѣстахъ тѣмъ охотнѣе и веселѣе, что на долю Ивановой ночи достается почти всегда отличная погода; исключенія конечно бывають, но они рѣдки; впрочемъ страсть къ удовольствіямъ такъ велика, что если идетъ и дождь, то и онъ не останавливаетъ, особенно молодежь, справить любимый народный праздникъ.

Н. Зувевъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ послѣднее время Константинополь служитъ сценой, на которой разыгрываются трагедіи одна мрачнѣе другой. Сверженіе могущественнаго падишаха, полновластнаго главы миллионныхъ правовѣрныхъ, его смерть, затѣмъ—почти всего нѣсколько дней спустя,—умерщвленіе, или лучше сказать—избіеніе министровъ, неизвѣстность судьбы султанинъ Валидѣ, матери покойнаго Абдуль-Азиса, его сына Иззедина-Эфенди, толки о ихъ смерти—все напоминаетъ темныя страницы кроваваго прошлаго Оттоманской имперіи. Вотъ какъ передаетъ послѣднія событія телеграмма „Международнаго агентства“:

Константинополь, 4-го (16-го) іюня, пятница. Великій визирь сообщилъ иностраннымъ посламъ и посланникамъ о происшедшихъ въ прошлую ночь убійствахъ слѣдующее: человекъ, по имени Хассанъ, родомъ черкесъ, выпущенный 4 года назадъ изъ военной школы съ чиномъ поручика, а затѣмъ произведенный въ капитаны, съ назначеніемъ въ багдадскую армію, по нѣкоторымъ причинамъ, былъ оставленъ въ Константинополѣ и назначаемъ на разныя должности. Произведенный, затѣмъ, въ чинъ адъютанта-маіора и получивъ должность при упомянутой арміи, онъ придумывалъ отговорки, чтобы не уѣзжать, былъ посаженъ подъ арестъ и долженъ былъ сегодня отправиться къ мѣсту назначенія. По освобожденіи его вчера изъ-подъ ареста, онъ вечеромъ отправился во дворецъ сераскира. Узнавъ тамъ, что сераскиръ находится у Митхадъ-Паши на совѣщаніи съ товарищами по министерству, онъ отправился туда. Часовые безпрепятственно пропустили его, какъ адъютанта, въ конференцъ-залу. Хассанъ на самомъ близкомъ разстояніи выстрѣлилъ изъ револьвера въ Гуссейнъ-Пашу. Въ то время, какъ всѣ присутствующіе спѣшили схватить убійцу, имъ умерщвлены еще Рашидъ-Паша, адъютантъ великаго визира, Ахмедъ—слуга Митхадъ-Паши и одинъ солдатъ и ранены морской министръ и одинъ солдатъ. Убійца арестованъ. Мы можемъ прибавить уже, что убійца повѣшенъ, такъ какъ судъ свершился надъ нимъ съ тою же поражающею быстротою, съ какою онъ успѣлъ исполнить свое злодѣйское дѣло. Несмотря, однако, на то, что правосудіе получило удовлетвореніе—истинное значеніе, истинный смыслъ трагедіи, до сихъ поръ не можетъ считаться разъясненнымъ.

Невольно терпясь въ догадкахъ и предположеніяхъ. Весьма естественно, что въ такое смутное время, какое переживаемъ мы теперь—время полное сомнѣній—событіе, въ родѣ только что упомянутаго, непременно должно вести ко всевозможнымъ подозрѣніямъ... Съ одной стороны, официальные свѣдѣнія объясняютъ преступленіе чувствомъ личнаго мщенія, съ другой же, слухи, идущіе изъ источниковъ немѣющихся официальныхъ или полуофициальныхъ характера, относятъ его къ другимъ причинамъ, относящимся къ низложенію Абдуль-Азиса, при дворѣ котораго Хассанъ находился въ положеніи фаворита. Мы предпочитаемъ

пока воздержаться отъ какихъ бы то ни было предположеній по этому поводу и подождать дальнѣйшихъ разъясненій, если онѣ только появятся, въ чемъ, признаться, нѣсколько сомнѣваемся.

Собственно, самый восточный вопросъ находится въ эту минуту въ крайне неопредѣленномъ еще состояніи. Въ этомъ отношеніи возможно только констатировать одну лишь подготовительную работу—державы готовятъ дипломатическое разрѣшеніе вопроса, готовить Турція свою «конституцію», свои военныя силы, готовятъ инсургенты, Черногорія, Сербія. По послѣднимъ извѣстіямъ, форпосты турецкихъ и сербскихъ войскъ стояли другъ противъ друга на разстояніи ружейнаго выстрѣла; генераль Черняевъ начальствуетъ въ Алексинацѣ и, согласно слухамъ, ему будетъ въ скоромъ времени предоставлено еще болѣе важное командованіе.

О ходѣ торговыхъ и таможенныхъ переговоровъ въ Австро-Венгрии сообщаютъ, что до сихъ поръ произошло уже 4 засѣданія, на которыхъ разсмотрѣны 7 первыхъ классовъ общаго таможеннаго тарифа. Обсужденіе подвигается довольно успѣшно, хотя на переговорахъ и приходится согласовать, иногда противоположныя другъ другу возрѣнія. Пока, впрочемъ, не могли еще высказаться сильныя разногласія, такъ какъ еще не было приступлено къ ожидаемому на дняхъ пересмотру пошлинъ на промышленныя издѣлія. Засѣданія рейхстага закроются на 3-й недѣлѣ іюня. Въ числѣ проектовъ, которые будутъ предложены осенью на разсмотрѣніе рейхстага будетъ, найдется и проектъ объ образованіи палаты господъ. О возобновленіи засѣданій въ сентябрѣ будетъ, какъ утверждаютъ, упомянуто въ рескриптѣ о закрытіи.

Недавно, разнесся слухъ объ уступкѣ Англіею Германіи острова Гельгоганда, и хотя Дизраэли, на запросъ по этому поводу въ палатѣ общинъ, отвѣчалъ—очень кратко и очень категорично,—что слухъ этотъ лишенъ основанія, тѣмъ не менѣе событія часто измѣняютъ рѣшенія министровъ и заставляютъ ихъ, потомъ, отказываться отъ своихъ словъ. Такъ можетъ случиться и на этотъ разъ, тѣмъ болѣе, что обладаніе Англіи нѣмѣцкимъ островомъ, находящемся въ устьяхъ Эльбы, какъ-то не ладится съ провозглашеннымъ Германіей (т. е. Бисмаркомъ) принципомъ соединенія въ одно цѣлое всѣхъ земель, «гдѣ раздается нѣмецкая рѣчь», и, къ тому же, не можетъ не вести къ нѣкоторой натянутости отношеній. «Національная Газета» замѣчаетъ по этому вопросу, что уступка острова скрѣпитъ узы дружбы между обѣими державами и послужитъ доказательствомъ того, что «онѣ не будутъ придерживаться политики, которая бы стремилась къ противоположнымъ интересамъ». Въ виду положенія, принятаго Англіею относительно восточнаго вопроса, положенія, въ которомъ она нуждается въ союзникахъ, слова нѣмѣцкой газеты имѣютъ свое опредѣленное значеніе.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Издатель журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ гг. полугодовыхъ подписчиковъ поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе,—въ противномъ слу-

чай высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики теряютъ право на полученіе преміи „Спящая красавица“.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

11-го Июня 1876 г.

	Поку- Про- Про-			Поку- Про- Про-		
	пателн. дащи.	данн.	данн.	пателн. дащи.	данн.	данн.
5% заемъ съ выигр.				АКЦІИ.		
1-го выпуска . . .	210 1/2	211 1/2	211 1/2	125 р. Гл. Общ. Росс.		
5% заемъ съ выигр.				Ж.-д. Дорогъ . . .	166	166 1/2 166
2-го выпуска . . .	205	206	205 1/4	125 » Рижско-Динаб.		127 1/2 —
5% банк. б. 1 вып.	100 1/2	100 3/8	100, 100 1/4	100 » Моск.-Рязанск.	313	314 313 1/2
5% » » 2 »	100	100 1/4	100, 100 1/4	125 » Орловско-Вит.	132 1/2	— —
5% обл. Спб. Гор.				20 ф. с. Вит.-Динаб.	132 1/2	— —
Кред. Общ.	92	92 1/4	92, 92 1/8	100 р. Рыб.-Болог. . . .	85 3/4	86 —
5% облигацин Моск.				100 » Тамб.-Козлов. . . .	87	— —
Гор. Кред. Общ.	88	88 1/4	—	125 » Моск.-брест. . . .	81 3/4	82 1/4 82

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

- 1) Оренбургъ. А. И. Н—чу. Вашъ рисунокъ, не будетъ помѣщенъ.
- 2) Москва, Балнашь. Проф. П—ву. Помѣстивъ коню съ вашъ картини, «Ивива» могла отличить образомъ се популяризовать. Выгоды такой популяризации художники западно-европейскихъ странъ всегда сознавали и сознаютъ до сихъ поръ. Конечно ваши взгляды, какъ и взгляды другихъ русскихъ художниковъ мнѣющихся себя знаменитостями—намъ непередѣлывать; но платить за одно право помѣщения кони такія суммы каковы вы издумали назначить, мы признаемъ невозможнымъ.
- 3) Подписчику «Ививы». Портретъ П. Карзина былъ помѣщенъ въ «Ививѣ» 1874 г. № 36. Цѣна № «Ививы» съ пересылкою—20 к.
- 4) Тамбовъ. Н. В. Тих—ову. Никакого опредѣленнаго отвѣта дать не можемъ. При случаѣ воспользуемся вашимъ предложеніемъ.
- 5) Чембарь (Сенз. губ.) П. Н. Шу—ву. Напрасно вы *вновь* надѣетесь, что редакция помѣститъ такіе стихи:

Желая каждому и всѣмъ
Наступившій этотъ годъ
Провести съ радостями и весельемъ
И безъ множества заботъ...

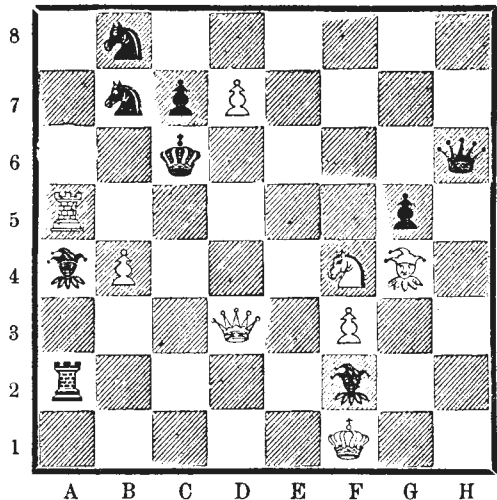
- 6) Слоб. Александровна. (Воронеж. губ.) Кр. А. П. Ш—нову. Согласно вашей *покорнейшей* просьбѣ, уведомляемъ васъ о *достопочтенности* вашихъ стиховъ: по нашему это не стихи, а безграмотные обрывки словъ напоминающіе безсвязную и торопливую рѣчь школьника, пойманнаго на мѣстѣ преступленія.
- 7) СПБ. А. А. Мей—неру. Ваша: «Шеня» и «Совѣтъ» не будутъ напечатаны.
- 8) А. А. Алекс—ову. Ваши обличенія «юнаго задолжавшаго франтика» обличаютъ васъ самихъ... въ полномъ незнакомствѣ съ правилами стихосложенія. Вы пишете:

...По нашъ франтъ не унываетъ
И н. етъ денно, ночью
И за галстухъ заливааетъ:
«Эву все равно...»

- 9) Екатеринославъ. П. В. Бын—у. Послалъ стихотвореніе «Съ чешскаго», Вы, вѣроятно, помини французскую поговорку: «La sauce fait manger le poisson». Вы ошибаете, если думали поль соусомъ Вашей фамилии якобы знаменитой, събыть недоброкачественный продуктъ-стихотвореніе. Хорошо еще, что авторы переводимыхъ Вами стихотвореній очень и вѣстны, а то пожалуй, публика могла-бы получить совершенно прерратное понятіе объ ихъ талантѣ.
- 10) А. К. Сучкову. Премію получать только годовые подписчики на «Ививу»; покудашніе отдѣльными №№ ея не получаютъ.

ЗАДАЧА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

задачи въ «Ививѣ» № 24.

Бѣлые.	Черные.
1) D 2 — F 1 ×	1) H 2 — H 1
2) F 1 — G 3 ×	2) H 1 — H 2
3) A 1 — H 1 ×	3) Слонъ F 3 беретъ Ладья H 1
4) G 3 — F 1 ××	

СОДЕРЖАНІЕ: Францъ Палацій (съ портретомъ). — Видъ города Тюбингена (съ рисункомъ). — Круговоротъ жизни (съ 2 рисунками). Д. Стахѣвъ. — Въ домъ коммерціи съѣзжана. Повѣсть Э Марлитта (окончаніе). — Завтракъ въ полѣ (съ рисункомъ). — На берегахъ Балтійскаго моря (съ рисункомъ). — «Ивалонъ день» и каунтъ его «Графиня Кунальница» Н. Зувѣ. — Политическое обозрѣніе. — Заявленіе. — С.-Петербургская биржа. — Почтовый ящикъ. — Шахматная задача — Объясненія.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МАМОНТОВА,

бывшаго Александра Ильича ГЛАЗУНОВА

(Москва, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Честъ имѣю уведомить, что одиннадцатаго іюня текущаго года открывается также книжный магазинъ мною въ Петербургѣ (Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора, № 46).

Цѣль обоихъ моихъ магазиновъ—возможно полнѣе слѣдить за вновь выходящими книгами, а равно дать обимъ столицамъ возможность болѣе скорого объѣна текущими новостями, а также содѣйствовать болѣе успешному удовлетворенію требованій гг. иногородныхъ.

№ 37. Книгопродавецъ Н. И. МАМОНТОВЪ.

Сибирскія, противъ зубной боли, капли. Л. Гирингорна. Во всѣхъ известныхъ аптекахъ въ С.-Петербургѣ; также у Рузловскаго и Гольца, въ Казанской ул., на углу Демидова пер. и въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, у Польцевскаго моста, въ д. Башмакова. Въ Харьковѣ: въ отдѣленіи этого общества, у Лопатинскаго моста, въ д. Бодаевского. Цѣна 75 коп. 4—3

100 рублей 2 тома рисунковъ Gavarni въ переплетахъ. За-райскъ, Ряз. губ., с. Щеголово, у почт. гражд. Сергія Александровича Кондратьева. 3—3

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, plombированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—13

29 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—42

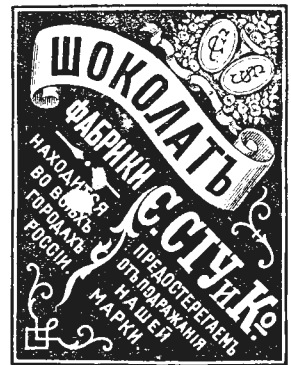
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы В. В. Арестовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событиями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щербетала ласточка. Сочиненіе Шмилъветана. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЫ» 1876 г. 1 р. съ пересылкою.

45—36

EAU ET Poudre PARFUMÉE.

Вода Рафаль совершенно уничтожаетъ загаръ, веснушки, прыщи, морщины и желтизну. Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 2 р. Пудра Рафаль не сушитъ кожу, плотно прилегаетъ, не замѣтна на лицѣ при дневномъ свѣтѣ, уничтожаетъ жаръ и красноту. Ц. 75 к. съ перес. 2 р.). Получены: у Рузанова, Саблукова, Ушакова, Рост. да. въ Спб. и на всемирной филладельфійской выставкѣ. 4—3

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ Н. Карзина, съ 20 рисунками автора, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскими краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовныя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ «НИВЫ» на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 26

1876

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 28 Іюня 1876 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: черезъ книжные магазины И. Гр. Соловьева, А. Лань и А. Живарова	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

Князь Антіохъ Кантемиръ.

...живи тихъ, ища, что честно
Что и тебѣ и другимъ пользуетъ незлестно
Къ правому исправленію; слава твоя вѣчно
Между добрыми людьми будетъ жить вѣчно.
(А. Кантемиръ, Сатира шестая).

Громадные и смѣлые планы и замыслы Петра I-го о коренномъ преобразованіи всего государственнаго строя, застали Русь совершенно неподготовленною къ такимъ грандіознымъ реформамъ. Столѣтіями установившаяся жизнь текла тихо и медленно развивалась; всѣ существовавшіе порядки и понятія были глубоко укоренены въ самомъ народѣ и не поддавались легко высшему реформаціонному вліянію. Но могучій царь-богатырь Петръ I-й нашелъ въ себѣ достаточно силы такъ повести дѣло преобразованія, что вѣковые нравы и обычаи или измѣнились подъ его могучею рукою, или рушились. Въ случаѣ особенно сильнаго сопротивленія онъ прибѣгалъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ и всегда, такъ или иначе, справлялся съ дѣломъ. Онъ въ одно время и рушилъ старое, и созидалъ новое: отстраняя отъ дѣла вельможъ, крѣпко преданныхъ старинѣ, онъ въ то же время посылалъ за границу молодыхъ людей учиться и зоркимъ окомъ высматривалъ въ толпѣ окружающихъ его людей, способныхъ быть

Князь Антіохъ Кантемиръ. Рисунокъ и гравюра А. Нейманъ.

ему усердными помощниками, сознательно идти за нимъ по тому новому пути, который онъ расчищалъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла образовались двѣ большія партіи, рѣшительно расходившіяся въ убѣжденіяхъ и взглядахъ на вещи. Старое боярство, видѣвшее въ сохраненіи дѣдовскихъ традицій и формъ высшую степень благоустройства, возмутилось противъ этихъ нововведеній и горячо вступило за свои идеалы, но вскорѣ, увидѣвъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, начало уступать и подаваться. Наибольше упорные въ сопротивленіи — погибли.

Совершенную противоположность этой партіи составляла партія приверженцевъ Петра, — людей, понимавшихъ пользу преобразовательныхъ трудовъ его и потому ревностно помогавшихъ ему въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Она состояла изъ русскихъ, наиболѣе образованныхъ молодыхъ людей, иностранцевъ, вызванныхъ Петромъ въ Россію и вообще изъ, стоявшихъ по своему умственному развитію выше массъ.

Къ этой же партіи

«птенцовъ гнѣзда Петрова» принадлежалъ и князь Антиохъ Дмитриевичъ Кантемиръ, знаменитый сатирикъ и лучший выразитель въ литературѣ того новаго идеала, который выработался у тогдашнихъ русскихъ прогрессивныхъ людей подъ влияніемъ европейскаго образованія.

Князь Антиохъ Кантемиръ былъ сынъ молдавскаго господара Дмитрія Константиновича, постоянно боровагося за обладаніе престоломъ Молдавіи. Антиохъ родился 10-го сентября 1708 г. въ Константинополѣ, отъ первой жены его отца, Кассандры Сергѣевны, изъ рода греческихъ князей Кантакузенныхъ. Отецъ Антиоха былъ очень образованный для своего времени человекъ, зналъ много языковъ и чрезвычайно любилъ занятія наукою. Имъ написаны: «Система мохамеданскаго закона», «Исторія о возвышеніи и упадкѣ оттоманской имперіи», «Свѣтъ и душа», «Физическое разсужденіе о монархіи», «Сокращенная логика» и много другихъ, болышею частью философскихъ и историческихкихъ, сочиненій. Онъ владѣлъ десятию восточными, древними и новыми языками. Во время возникшей между Турціею и Россіею войны, Дмитрій Кантемиръ рѣшилъ свергнуть съ Молдавіи тяжкое турецкое иго и потому обратился къ Петру Великому съ просьбою принять Молдавію подъ свою державу. Петръ щедро одарилъ его, и Кантемиръ съ семействомъ и съ запятѣнными боярами переселился въ Россію. Эта война съ Турціею кончилась для Россіи неудачно: Петръ былъ окруженъ при рѣкѣ Прутѣ 200 тысячною турецкою арміею и долженъ былъ отдать Турціи Азовъ и устья Дона; но онъ рѣшительно отказалъ Туркамъ, когда они потребовали выдачи Дмитрія Кантемира. Маленькому Антиоху въ это время былъ только третій годъ. Имѣя высокообразованныхъ родителей, Антиохъ съ малыхъ лѣтъ началъ получать блестящее образованіе, подъ руководствомъ ученаго грека Анастасія Кондонди, обучавшаго, между прочими предметами, дѣтей господара греческому, латинскому и итальянскому языкамъ.

Въ первое, по переселеніи въ Россію, время, Кантемиръ жилъ въ Харьковѣ, но вскорѣ все семейство переѣхало въ Москву, и Антиоха отдали въ греко-уніатскую школу. Отлично подготовленный дома, Антиохъ былъ тамъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, и настолько хорошо владѣлъ древними языками, что въ 1718 году, 10-ти лѣтъ отъ роду, говорилъ въ церкви при Академіи, въ присутствіи Петра, похвальное слово св. Дмитрію Селунскому на греческомъ языкѣ.

Около этого времени умерла мать Антиоха, Кассандра Кантакузенъ, и отецъ его женился во второй разъ на знаменитой въ свое время красавицѣ, княжнѣ Трубецкой. Блестящая, свѣтская, воспитанная на европейскій ладъ Трубецкая, все перевернула по своему: мужъ сбрилъ бороду и переѣхалъ свой молдавскій національный костюмъ на французскій камзолъ и штблетты. По ея же настоянію, Кантемиръ переселился изъ Москвы въ Петербургъ и устроилъ свой домъ вполне по европейски и роскошно. Грекъ Кондонди до переѣзда въ Петербургъ былъ взятъ Петромъ на службу, и его мѣсто занялъ русскій учитель, бывший студентъ московской академіи, Иванъ Ильинскій. Этотъ учитель не забылъ занятія, которое было въ большомъ ходу у тогдашнихъ студентовъ академіи и въ свободное время кропалъ силлабическія вирши. Силлабическій размѣръ (основанный на равномъ числѣ слоговъ въ строкѣ) былъ заимствованъ съ польскаго и весьма неудачно примѣненъ къ русскому языку. Еще въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Симеонъ Полоцкій дѣлалъ попытки писать этимъ размѣромъ. Силлабическими стихами онъ переложилъ Псалтирь и написалъ «Вертоградъ многоцвѣтный», Рифмологію или стихословъ» и комедію «Навуходоносоръ». Подобныя комедіи, или, какъ ихъ тогда называли «комидійныя дѣйства», разыгрывались на придворной сценѣ и, позже, были въ большомъ ходу въ академіяхъ и семинаріяхъ, гдѣ ихъ сами сочиняли и разыгрывали. Прелюбимый семинаристъ, Иванъ Ильинскій не оставилъ виршенствования и даже поселилъ къ нему склонность и въ своемъ воспримчивомъ ученикѣ, Антиохѣ. Плодомъ этихъ совместныхъ занятій стихотворствомъ была «Симфонія на псалтирь», напечатанная въ 1727 году. Это былъ первый литературный трудъ Кантемира—восемнадцатилѣтняго юноши. Самъ Иванъ Ильинскій написалъ въ это время «Симфонию на четвероевангеліе». Подъ его руководствомъ Кантемиръ основательно познакомился съ русскимъ и церковнославянскимъ языками и значительно пополнилъ свое греческое образованіе.

Въ 1822 году онъ, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, сопутствовалъ отцу въ персидскомъ походѣ, а въ 1823 году его отецъ умеръ, оставивъ завѣщаніе, что наслѣдство получить не старшій, а тотъ, кто больше всѣхъ окажется успѣховъ въ наукахъ. Высокая любовь къ наукѣ, которую Дмитрій Константиновичъ Кантемиръ питалъ во всю свою жизнь, чрезвычайно сильно сказалась въ этомъ завѣщаніи. Ни одинъ изъ его сыновей еще не былъ въ совершенныхъ лѣтахъ и потому никто изъ нихъ его не получилъ, но видно было, что, по смыслу завѣщанія, наслѣдство перейдетъ къ Антиоху, какъ наиболее прилежному и образованному.

Въ 1825 году, по открытіи Императорской Академіи Наукъ, Антиохъ, состоя на службѣ въ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку, слушалъ въ Академіи лекціи русской литературы и разныхъ наукъ. Кромѣ того, онъ просился за границу для оконча-

нія курса наукъ, по его просьба почему то не была уважена. Несмотря на это затрудненіе, онъ все-таки окончилъ свое образованіе подъ руководствомъ академикомъ: Бернулли, Байера и Гросса. Это было уже по смерти Петра, въ царствованіе Екатерины I, которое продолжалось всего два года. Она завѣщала престолъ малолѣтнему внуку Петра, Петру Алексѣевичу, а до его совершеннолѣтія управленіе государствомъ поручила верховному тайному совѣту.

Въ этотъ періодъ всѣ Кантемиры достигли совершеннолѣтія, и вопросъ о наслѣдствѣ долженъ былъ, наконецъ, рѣшиться. По общему мнѣнію наслѣдство должно было перейти къ Антиоху Кантемиру, такъ какъ онъ, будучи только двадцати лѣтъ, слылъ за образованнѣйшаго человека своего времени, но, противъ всякаго ожиданія, наслѣдство получилъ не Антиохъ, а Константинъ Кантемиръ, зять одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ верховнаго совѣта, князя Дм. Мих. Голицына. Остальные братья и сестры остались съ весьма скудными средствами, а Антиохъ принужденъ былъ жить ничтожными жалованьемъ гвардейскаго офицера.

Вообще, со смертью Петра Великаго, дѣло реформы затормозилось и Петровы любимцы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, находились въ опалѣ.

Вскорѣ пришлось имъ выйти изъ опального положенія. Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ на престолъ была выбрана Анна Иоанновна, причемъ власть ея была ограничена; но когда она прибыла въ Москву для коронованія, ей была подана отъ дворянства просьба о восстановленіи самодержавія. Подъ этой просьбой, въ числѣ прочихъ, находилась и подпись Кантемира. Анна Иоанновна вступила на престолъ самодержавной императрицей, и дѣла Кантемира поправились. Онъ получилъ въ награду 1030 душъ крестьянъ, а верховный совѣтъ, гдѣ было много недоброжелателей Кантемира, вскорѣ былъ уничтоженъ. Въ 1727 году Кантемиръ, какъ сказано было выше, напечаталъ «Симфонию на псалтирь», а въ 1829 г., будучи двадцати съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, онъ написалъ первую свою сатиру «Къ уму моему, или на хулящихъ ученіе». Появленіе этой сатиры ясно свидѣтельствуетъ о томъ желчномъ настроеніи и пессимизмѣ, которые овладѣли всегда спокойнымъ и умѣреннымъ Кантемиромъ. Это настроеніе было вызвано разными житейскими невзгодами, и въ особенности явно-несправедливымъ приговореніемъ наслѣдства Константину, далеко отставшему отъ Антиоха въ наукахъ. Въ сатиру «Къ уму моему» Кантемиръ выводитъ нѣсколько типовъ современныхъ ему «хулящихъ ученія» и вообще весьма рѣзко бичуетъ тогдашніе пороки. Сначала онъ съ горечью говоритъ, что заниматься науками не стоитъ, что есть пути къ благосостоянію, гораздо легчайшіе и быстрѣе приводящіе къ цѣли.

«...Кто надъ столомъ гнется,
Пля на книгу глаза, большихъ не добется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду,
Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду»...

Ханжа Критонъ говоритъ, что ученіе отбило людей отъ церкви, что «въ церкви соблазну, библию честь стали», захотѣли знать причины окружающихъ явленій и пр. «Силванъ другую вину наукамъ находить: «Ученіе», говорить, «намъ голодъ наводитъ».

«Живали мы прежь сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли».

Далѣе, въ сатиру выведенъ Лука—типъ кутилы, совѣтующій «съ кубкомъ прогулять дни и ночи»; Медоръ, щеголь («пети-меръ» по тогдашнему) тужитъ, что ему не осталось бумаги на завертку завитыхъ кудрей. Затѣмъ Кантемиръ указываетъ нѣкоторые пути, по которымъ всего легче дойти до благосостоянія, ничему не учась и ничего не зная. Сатира эта, хотя и не была напечатана, но быстро получила огромную извѣстность и заслужила всеобщія похвалы ея молодому автору, Новгородскій епископъ Теофанъ Прокоповичъ, горячій приверженецъ Петровыхъ реформъ, еще не знавшій Кантемира, привѣтствовалъ это произведеніе стихами:

«Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, великой достоинъ ты славы.
Да почто-жъ было имя укрывать?
Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы?
Плюнь на ихъ грозы. Ты блаженъ триераты.
Благо, что Богъ далъ умъ тебѣ здравый.
Пусть весь мѣръ будетъ на тебя голосливый—
Ты и безъ счастья довольно счастливый»... и т. д.

Съ этого времени начинается тѣсная дружба этихъ, образованнѣйшихъ для своего времени, людей и ихъ совместная борьба противъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

Въ 1731 году Антиохъ Кантемиръ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ и ему поручено было возобновить мирныя отношенія между Великобританіею и Россіею. Это порученіе было имъ исполнено успѣшно и потому, пробывъ шесть лѣтъ

въ Лондонѣ (1732—1738 г.), онъ получилъ новое назначеніе, въ Парижѣ. Въ 1738 году онъ уже былъ при французскомъ дворѣ, въ качествѣ полномочнаго министра съ чиномъ камергера. Порученіе, данное ему на этотъ разъ, состояло въ томъ, чтобы убѣдить французскаго короля признать императорское достоинство русской императрицы и тѣмъ самымъ снять съ Россіи репутацію дикой, варварской страны, населенной медвѣдями и пресловутыми «cossagues».

Кантемиръ прибылъ въ Парижъ, къ блестящему французскому двору, во время царствованія короля Людовика XV-го. Это была эпоха, когда французскій дворъ поражалъ своимъ великолѣпьемъ и распушенностью нравовъ, о которыхъ въ исторіи и мемуарахъ сохранилось много анекдотовъ самаго пикантнаго свойства. Въ дѣлѣ управленія государствомъ появляются имена великолѣпныхъ фаворитокъ: маркизы де-Помпадуръ, герцогини де-Шатору, графини Дюбарри. Чрезмѣрная расточительность короля и его полный индифферентизмъ къ дѣламъ государства вошли даже въ пословицу. Говорятъ, что когда королю представляли всѣ несчастія, которыя неминуемо обрушатся на государство, если онъ не умѣритъ своей расточительности и не займется дѣлами, то онъ отвѣчалъ на это поговоркою маркизы Помпадуръ: «Eh! apres nous—le déluge!» (Послѣ насъ—хоть трава не рости!)

Королю «великой націи» сначала даже показалось страннымъ, что «страна медвѣдей», т. е. Россія, послала *полномочнаго министра* и что этотъ министръ просить у него аудиенціи. Поэтому поводу много было сказано французскими придворными острогъ, но, въ концѣ концовъ, Кантемиръ аудиенцію получилъ.

Но ему всетаки не удалось исполнить главнаго его порученія и блестящій Людовикъ XV не призналъ недавно пробудившуюся Россію имперіею. При французскомъ дворѣ Кантемиръ прожилъ шесть лѣтъ, вплоть до самой смерти.

Умѣренный и твердо-правдивный Кантемиръ и при французскомъ дворѣ сумѣлъ обставиться такъ, что жизнь его текла мирно и спокойно. Въ занятіяхъ литературою и въ бесѣдахъ съ друзьями онъ находилъ отдыхъ отъ хлопотливыхъ дипломатическихъ дѣлъ. Въ числѣ друзей его были: Монтескье, Монертюп, аббаты Гуаско и Венути и много другихъ ученыхъ людей.

Въ это время онъ перечитывалъ и изучалъ классическихъ и новѣйшихъ авторовъ, а также занимался переводами съ иностраннаго на русскій. Незабывались и сатиры: онъ ихъ писалъ, изливая въ нихъ горечь своихъ трудныхъ минутъ, которыхъ у него, когда онъ состоялъ на дипломатической службѣ, было не мало. Всѣхъ сатиръ имъ написано девять; изъ нихъ пять до 1732 года, т. е. до назначенія его резидентомъ въ Лондонъ. Содержаніе первой уже извѣстно читателямъ; вторая, озаглавленная «Филаретъ и Евгений, или на зависть и гордость дворянъ злонаравныхъ» осмѣиваетъ гордыхъ не заслугами, а происхожденіемъ дворянъ и ихъ претензіи на всеобщее уваженіе. Третья: «О различіи страстей чековѣческихъ» онъ написалъ въ эпистолярной формѣ, обращаясь къ Теофану Прокоповичу, котораго онъ чрезвычайно уважалъ.

«Дивный первосвященникъ, которому сила
Вышей мудрости своей тайны всѣ открыла,
И вся твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняють,
Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ!
Теофанъ, которому все то далось знати,
Здрава челоуѣка умъ, что можетъ поняти!» и т. д.

Онъ спрашиваетъ, почему люди, одинакіе по наружности, бываютъ такъ различны по характеру? и затѣмъ рисуетъ нѣсколько типовъ: Хризиппа-скунца, Лонгина-фанфарона и болтуна, Клеарха-мота и гуляку и многихъ другихъ.

Въ четвертой, «Къ мужъ своей, о опасности сатирическихъ стихотвореній», Кантемиръ приводитъ толки, которые возбуждали его сатиры въ тогдашнемъ обществѣ. Толки эти были не утѣшительны для автора, такъ какъ его смѣлое перо многихъ задѣло за живое и вооружило на обличителя. Пятая—«Сатиръ и Періергъ, на челоуѣческія злонаравія вообще», въ диалогической формѣ рисуетъ нѣсколько отрицательныхъ типовъ. Самою важною изъ всѣхъ, считается шестая сатира: «О истинномъ блаженствѣ», потому что въ ней онъ выразилъ свой нравственный идеалъ; то, что онъ считалъ истиннымъ счастьемъ въ жизни. Какъ видно, онъ ставилъ выше всего на свѣтѣ чистоту и спокойствіе совѣсти и независимость убѣжденій. Чуждый суетныхъ помысловъ о славѣ, богатствѣ и извѣстности, онъ высшее благо жизни полагалъ въ тихихъ занятіяхъ наукою и литературою. Вся жизнь его доказываетъ, что эти убѣжденія *дѣйствительно* руководили имъ во всѣхъ его поступкахъ и дѣйствіяхъ.

Сатира начинается такъ:

«Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежду
Стезю добродѣтели, къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,

Къ се даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣ-бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ-бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латини,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.
Учась знать, образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнушно иль любезно:
Желанія всѣ мои крайни составляетъ!»...

Далѣе онъ говоритъ, что неразумно всю жизнь бороться изъ всѣхъ силъ, интриговать, подставлять ногу другому челоуѣку, изъ-за того, чтобы самому достигнуть минутнаго счастья и богатства и удовлетворить своему пустому тщеславію; что люди, въ погонѣ за большимъ богатствомъ, часто теряютъ и то малое, которое имѣли, «какъ песь басенный кусокъ съ зубъ опустилъ мяса»; что можно быть счастливымъ и безъ богатства, уважаемымъ безъ множества слугъ и что, наконецъ, всѣ эти блага, которыхъ съ такимъ жаромъ добиваются люди—ничто иное, какъ прахъ и тлѣныя скоропреходящія.

Содержаніе остальныхъ сатиръ мы пересказывать не станемъ, скажемъ только, что въ нихъ выразился тотъ новый взглядъ на вещи, на людскія отношенія и на челоуѣческое достоинство, который выработался у лучшихъ русскихъ образованныхъ людей того времени. Взглядъ этотъ чрезвычайно вѣренъ и, несмотря на то, что выработывался подъ влияніемъ тогдашней европейской цивилизаціи, онъ вполне согласенъ съ христіанскими воззрѣніями. Будучи образованѣйшимъ челоуѣкомъ своего времени, Кантемиръ сумѣлъ остаться высоко-правдивнымъ и благочестивымъ, не впавши въ крайнее отрицаніе, что зачастую случалось тогда съ умами менѣе сильными, съ людьми менѣе его твердыми.

Кромѣ сатиръ, Кантемиръ занимался переводами; изъ нихъ наиболѣе извѣстны: «О множествѣ міровъ» Фонтенелля, «О свѣтѣ» Альгаротти, переводы изъ Анакреона, Густина, десять «исемь» Горація. Изъ оригинальныхъ произведеній его извѣстны, кромѣ сатиръ, «Правила русскаго стихосложенія Харитона Макентина» и поэма «Петрида», начатая имъ незадолго передъ смертью и неоконченная, и много другихъ, оставшихся въ рукописяхъ. Въ закончатыхъ литературою и науками Антоха Кантемиръ, какъ мы сказали выше, находилъ отдохновеніе отъ своихъ дипломатическихъ трудовъ. Это влеченіе къ наукѣ перешло къ нему отъ отца, который былъ тоже ученый для своего времени челоуѣкъ. Страсть къ научнымъ занятіямъ у нихъ является родовою.

При французскомъ дворѣ Антоха Кантемиръ служилъ шесть лѣтъ, получая безпрестанно замѣчанія и выговоры отъ иностраннаго министерства, которымъ въ то время управлялъ хитрый и искусный дипломатъ графъ Остерманъ, сильно нерасположенный къ Кантемиру. Кантемира это обстоятельство сильно разстраивало, дакъ тому же дипломатическая служба, требующая нѣкоторой хитрости, изворотливости и двуличности, была не по душѣ честному и открытому Кантемиру. Слѣдствіемъ этого недовольства службою была просьба его объ увольненіи. Онъ сильно желалъ возвратиться въ Россію и отдохнуть отъ трудовъ на донѣ обожаемой имъ науки: ему предложено было званіе президента Академіи Наукъ, членомъ которой онъ уже давно состоялъ. Но Кантемиру не удалось воспользоваться полученнымъ наконецъ увольненіемъ отъ дипломатической должности, потому что онъ, послѣ тяжелой болѣзни, умеръ 31-го марта 1744 года, 36 лѣтъ отъ роду. Тѣло его было привезено въ Москву и погребено въ греческомъ монастырѣ.

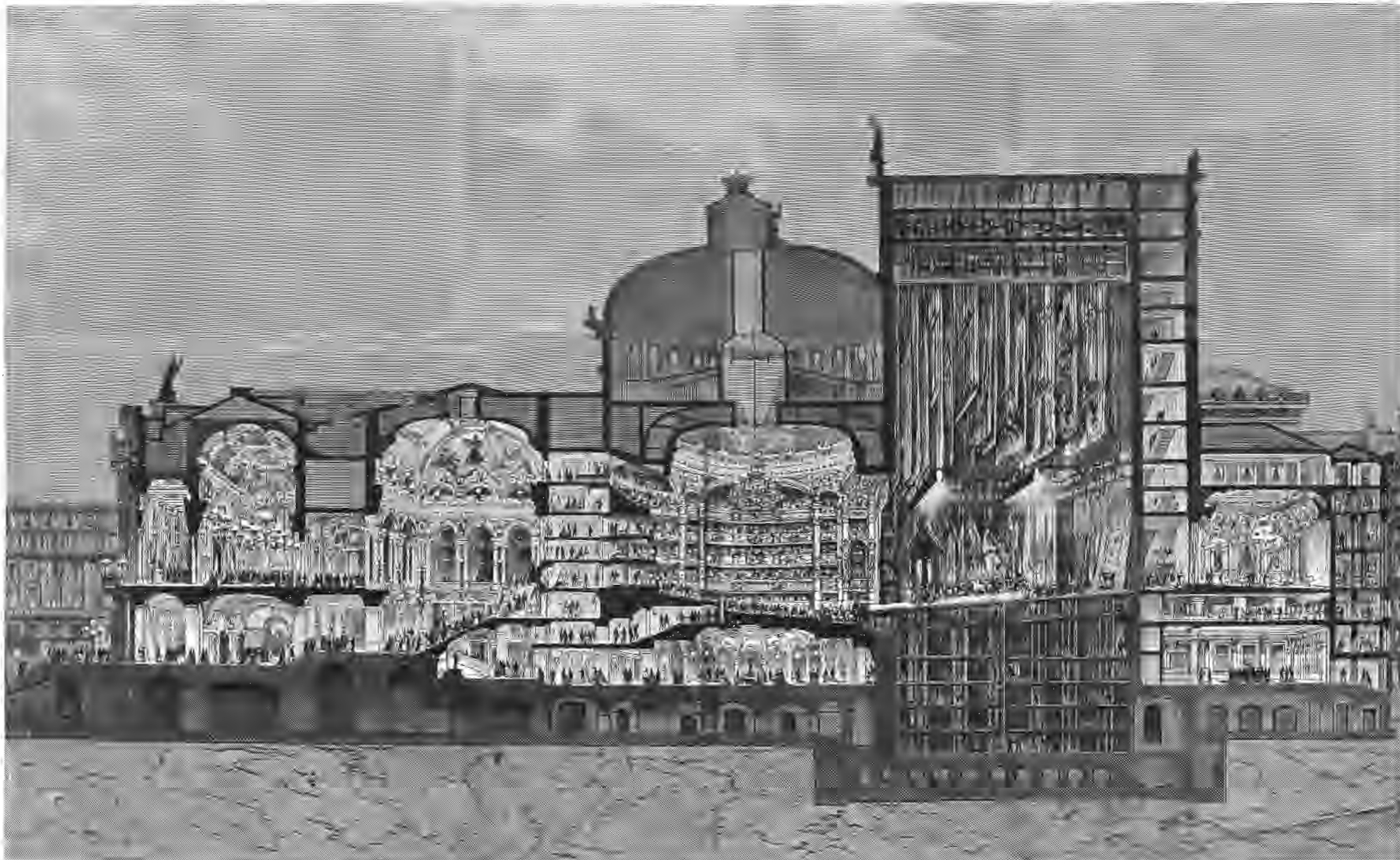
Личность князя Антоха Кантемира, какъ *челоуѣка*—особенно рѣзко выдѣляется изъ общей массы своею непреклонною честностью и отсутствіемъ той лихорадочной жажды славы, почестей и богатства, которую мучило современное ему общество. Умѣренный въ желаніяхъ и потребностяхъ относительно самого себя, онъ въ то же время хотѣлъ принести возможно больше пользы другимъ и словомъ, и дѣломъ.

Какъ ученый, онъ тоже весьма замѣчателенъ тѣмъ, что обладая обширнѣйшими познаніями, сумѣлъ найти истинный путь, по которому и шель неуклонно, не сворачивая ни на сторону отрицателей, ни на сторону тѣхъ людей, которые пользуются своею ученостью для достиженія цѣлей, ничего общаго съ наукою неимѣющихъ. Его безкорыстная, жаркая преданность къ наукѣ снискала ему большое уваженіе и современниковъ и потомковъ.

Литературная дѣятельность Кантемира, существенно полезная для современниковъ—для насъ важна лишь, какъ фактъ, знаменательный для той эпохи, въ которую совершился. Его сатиры, конечно, въ наше время, утратили въ нѣкоторой степени свое значеніе, вслѣдствіе измѣненія понятій и склада общественной жизни; но его нравственный идеалъ, выраженный въ шестой сатирѣ, по своей высотѣ, можетъ имѣть отчасти руководящее значеніе не только для настоящаго времени, но и для многихъ послѣдующихъ поколѣній.

А. Арс.

Гранд-Отель. Открытая галерея. Большое фойе. Зал перед фойе. Главная лестница. Коридоры лож. Амфитеатр 4-го яруса. Амфитеатр. Ротонда. Ложь президента республики. Декорация. Лестница служащих. Национальное фойе. Уборная артистов.
 Подъезд с фасада. Первая передняя. Главная передняя. Контроль. Фонтан Пифа. Амфитеатр 4-го яруса. Ложь с салонами. Партер. Входь абонентов. Оркестр. Подпольная часть сцены. Зала кордебалета. Зала речетий хористов.

Новая опера въ Парижѣ. Продольный разръзъ здания. Рисов. М. А. Деруа, грав. А. Доденардъ.

НОВАЯ ОПЕРА ВЪ ПАРИЖѢ.

Парижане вправдѣ гордятся своей Новой Оперой. Зданіе это (построенное архитекторомъ Гарнье) всѣми признается за одно изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній современнаго искусства.

Постараемся дать читателямъ нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія. Начнемъ съ фасада. Эта часть зданія вызвала въ первое время послѣ снятія лѣсовъ, много неслетныхъ о себѣ отзывовъ: фасадъ находили слишкомъ пестрымъ, тоны ея красокъ слишкомъ рѣзкими и бросающимися въ глаза. Строитель однако мало обращалъ на это вниманія, будучи убѣжденнымъ что время придастъ колориту фасада приятную мягкость и гармонію.

Налюбовавшись вдоволь прелестнымъ видомъ фасада съ его цѣльными колоннами, зритель невольно обращаетъ вниманіе на группы, украшающія главный подъѣздъ. Группы эти сдѣланы изъ камня песчаника и изображаютъ трагедію, музыку, поэзію и танцы. Одну изъ этихъ четырехъ группъ, а именно изображающую танцы, мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ «Нивы» (страница 448). Съ главнаго подъѣзда входъ ведетъ въ первую переднюю, предназначенную собственно для публики, собирающейся въ театрѣ за долго до начала спектакля. Рядомъ съ первой находится главная передняя — большая свѣтлая зала во всю ширину зданія, гдѣ находится касса и контроль билетовъ. Эта обширная комната не богата украшеніями: кромѣ пяти паръ канделябровъ, по парѣ у каждой двери, въ ней находится четыре статуи знаменитыхъ музыкальныхъ композиторовъ, изображенныхъ сидящими на креслахъ съ рукописями своихъ твореній въ рукахъ,—это статуи:—Рамо, Люлли, Генделя и Глюка, представляющихъ музыкальныхъ гениевъ четырехъ національностей: французской, англійской, итальянской и нѣмецкой.

Когда возникъ вопросъ о томъ, кого избрать въ представители національной музыки, г. Гарнье обратился въ Парижскую Академію и Консерваторію а также и къ свѣтлдамъ музыкальныхъ мира съ просьбой руководить его въ выборѣ артистическихъ знаменитостей. Въ отвѣтъ на это приглашеніе г. Гарнье получилъ цѣлый ворохъ списковъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ похожъ на другой; убѣдившись въ полнѣйшемъ отсутствіи согласія между музыкантами, строитель оперы рѣшился выбирать самъ. Для Франціи онъ избралъ Рамо, для Англій—Генделя, для Италіи—Люлли, для Германіи—Глюка.

Выходъ изъ этого контрольнаго зала ведетъ къ парадной лѣстницѣ, на которую есть, впрочемъ, еще другой входъ для абонентовъ, имѣющихъ особый подъѣздъ. Подъ сводами лѣстницы струится фонтанъ съ бронзовой статуей Психеи—работы княгини Колонны Кастальоне, извѣстной въ артистическомъ мѣрѣ подъ именемъ Марсели.

Лѣстница такъ великолѣпна, что, по отзывамъ знатоковъ, она одна могла бы обезпечить бессмертіе за творцомъ ея. Ступени лѣстницы изъ розоваго мрамора перила изъ орлеанскаго оникса. Четверной рядъ балконовъ, обвивающихъ лѣстницу, даетъ возможность зрителю, отдыхая на каждомъ ярусѣ, любоваться живою картиной лѣстницы и обозрѣвать входящую и выходящую публику, залитую цѣлымъ моремъ огня.

Балконъ перваго яруса мраморный, остальные изъ золоченой бронзы. Своды лѣстницы поддерживаются тридцатью колоннами на которыхъ изображена исторія Аполлона.

Изъ перваго этажа есть выходъ въ залъ передъ фойе, украшенный восемью колоннами зеленовато-желтаго мрамора; изъ этой комнаты нѣсколько дверей ведутъ въ главное фойе—громкую, роскошную залу, гдѣ г. Гарнье выказалъ въ полномъ блескѣ все богатство фантазіи архитектора-колориста. Онъ покрылъ позолотой всевозможныхъ отгѣнковъ, колонны, карнизы и потолки, украсилъ всю залу пресквіпнѣйшими твореніями лучшихъ французскихъ ваятелей и живописцевъ и сдѣлалъ изъ этого фойе волшебную залу изъ тысячи и одной ноци. Двѣнадцать люстръ обливаютъ залъ потоками свѣта (по словамъ французскихъ газетъ, яркаго какъ африканское солнце). Двадцать соединенныхъ попарно колоннъ окружаютъ стѣны; надъ каждой изъ нихъ виднѣтся золоченая статуя—символъ одного изъ качествъ или добродѣтелей, необходимыхъ для артиста, а именно: воображеніе, надежду, преданіе, фантазію, страсть, силу, мысль, благоразуміе, умѣренность, изящество, волю, грацію, знаніе, вѣру, благородство, красоту, мудрость, философію, независимость и скромность.

У основанія сводовъ на карнизахъ видны пзванія сидящихъ дѣтей.

Въ простѣнкахъ между колоннами красуются музы кисти г. Бодри, развившаго въ этихъ фрескахъ необыкновенно широкую свободу рисунка, богатство и оригинальность фантазіи.

Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, банальнѣе, на первый взглядъ, этого стариннаго сюжета.

Сколько ваятелей, сколько живописцевъ въ древнія времена и въ эпоху возрожденія эксплуатировали эту тему и прославляли девять цѣломудренныхъ сестеръ, покровительствуемыхъ Аполлономъ (смотри выносокъ). Таково уже свойство, простижъ народныхъ мнѣевъ, что, являясь результатами наблюденій надъ природой, они живутъ долго и часто переживаютъ породившія

ихъ религіи, переходя изъ поколѣній въ поколѣнія, и постоянно возобновляясь.

Такимъ образомъ музы и теперь, какъ много вѣковъ тому назадъ, служатъ символомъ самыхъ возвышенныхъ, самыхъ благородныхъ занятій человѣческаго ума а потому г. Бодри имѣлъ полное право, не опасаясь въпасть въ банальность (это *bête-noire* французовъ), представить глазамъ современниковъ древнихъ музъ, заставивъ говорить нашей рѣчью и жить нынѣшней жизнью.

Въ его картинахъ эти цѣломудренныя дѣвы-богини, гордо взирающія на облаченныхъ въ черныя фраки смертныхъ изъ всего древняго сохранили только имена, благородныя одежды и величественныя осанки — во всемъ же остальномъ: въ живости и разнообразіи очертаній лица, въ его выразительности, въ остроумныхъ и привычныхъ улыбкахъ — эти дѣвы вполне изображаютъ собою музъ XIX столѣтія.

Это настоящія французки или, лучше сказать, чистокровныя парижанки. Цѣлая пропасть отдѣляетъ этихъ музъ Парижской оперы отъ древнихъ музъ Ватиканскаго музея (*).

Клио, напримѣръ, подъ вліяніемъ времени и его переворотовъ, теперь уже долго раздумываетъ, прежде чѣмъ вписать чье нибудь имя на свои мѣдныя доски. Видъ ея теперь сталъ гордымъ и непрступнымъ—она суровѣе смотритъ на жизнь.

За то граціозная Эвтерпа, флейтистка, стала гораздо веселѣе, съ тѣхъ поръ какъ изъ укромнаго сельскаго уголка она переселилась въ шумныя залы Парижской оперы и замѣнила тихія мелодіи Эллиновъ современной музыкой.

Также преобразилась и Талія; маска не скрываетъ уже болѣе ея лица, плоды и виноградъ сняты съ ея головы; въ нарядѣ небрежность, въ глазахъ столько игривости и веселья — что трудно представить себѣ болѣе вѣтреное изображеніе современной комедіи, постоянно вѣтренной и болтливей и такъ рѣдко серьезной.

Воплощая въ своихъ музахъ характеръ современной жизни, г. Бодри хотѣлъ, какъ видно, придать имъ и нѣкоторый сатирическій отгѣнокъ. Принужденный размѣрами фойе довольствоваться изображеніемъ только восьми сестеръ, художникъ изгналъ изъ храма новѣйшаго искусства самую серьезную и умную изъ девяти богинь—Полигимнію—музу философіи и знанья.

Остальныя музъ отличаются такимъ же характеромъ: полунагая Терпсихора, съ растрепавшимися волосами, небрежно сбрасываетъ съ ножки башмакъ; влюбчивая Эрато, лицомъ своимъ

(* Музъ у Грековъ и Римлянъ считались богинями пѣнія, музыки, поэзіи и въ особенности тѣхъ изящныхъ искусствъ, которыя способствуютъ развитію человѣческаго образованія. Всѣхъ музъ было девять, отсюда ихъ считали Юпитеръ (творческій разумъ), матерью Гемелиада (память).

Музъ обитали на вершинахъ Геликона. Парнаса и Пинда, у священныя горныхъ ключей, и тамъ упражнялись въ изящныхъ искусствахъ, вдохновляя смертныхъ мужей. Часто являлись они на Олимпѣ, чтобы чуднымъ своимъ искусствомъ украшать блаженную жизнь бессмертныхъ боговъ. Музы наказывали тѣхъ дерзкихъ, которые осмѣливались соперничать съ ними въ пѣніи и музыкѣ, какъ было напр. съ Сиренами. Самъ Аполлонъ стоялъ во главѣ музъ и носилъ названіе Музонта.

Древние изображали музъ всегда и веждѣ въ одинаковыхъ одеждахъ—въ длинныхъ хитонахъ, съ закрытой грудью (у всѣхъ остальныхъ древнихъ богинь грудь всегда обнажена), головы ихъ увѣнчаны лаврами или плющемъ, они сидятъ или стоятъ на скалахъ Парнасса съ соответствующими атрибутами въ рукахъ: цитры, арфы, рукописные свертки и т. п.

Замѣтимъ мимоходомъ, что собраніе подобныхъ свертковъ послужило къ образованію первоначальныхъ библиотекъ и хранилищъ различныхъ произведеній искусства, названіе этихъ хранилищъ—музеи и въ настоящее время наименованіе ихъ первоначальное пр. исхожденіе.

Перечислимъ имена музъ и укажемъ на характеръ дѣятельности каждой изъ нихъ.

I. *Клио*—богиня исторіи. Имя ея означаетъ славу, достигающую въ удѣлѣ дѣтей, которымъ исторія даруетъ бессмертіе. Богиня эта изображалась увѣнчанной лаврами съ развернутымъ свиткомъ пергамента въ рукахъ, возлѣ нея урна съ подобными же свитками.

II. *Каллиопа*, имя которой означаетъ прекрасный голосъ, была богиней красорѣчія и въ особенности поэзіи героической. Ее изображали сидящей съ дощечками и графіемъ (рѣзецъ) въ рукахъ или стоящей, въ вѣнкѣ и съ рукописнымъ сверткомъ или *трубой* (родъ музыкальнаго инструмента, похожаго на трубу) въ рукахъ.

III. *Мельпомена*—муза драмы и трагедіи. Имя ея значитъ: я пою; идеаль ея мужественнѣе и строже, нежели другихъ сестеръ. Она изображалась въ видѣ высокой, величественной дѣвы въ длинныхъ одеждахъ съ короткой тунікой сверху; опираясь на камень лѣвой ногой, богиня держитъ въ правой рукѣ трагическую маску. Это муза иногда изображалась въ блестящей діадемѣ или въ вѣнкѣ изъ кипарисныхъ вѣтвей; въ рукѣ же кинжалъ или палица.

IV. *Талія*—муза комедіи и сценической шутки, изображалась, стоящей въ длинной туникѣ съ бахрамой; въ одной рукѣ наступшій гуляватый посохъ, въ другой закрученный вѣнокъ, а въ другой смѣющаяся маска.

V. *Полигимнія*—муза пѣнія и философіи. Имя ея означаетъ: многозвучная, пѣсье-обильная. Ее почитали избрѣтательницей мнѣевъ а потому и изображали въ лавровомъ вѣнкѣ съ задумчивымъ видомъ приложившую палецъ къ устамъ.

VI. *Уранія* т. е. небесная, муза астрономіи, изображалась сидящей съ небеснымъ полузакртымъ глобусомъ; въ одной рукѣ циркуль, другая указываетъ на небо. Иногда ее изображали стоящей въ звѣздномъ вѣнкѣ съ лирой, устремивъ къ небу взоръ.

VII. *Эвтерпа*—то есть веселящая, муза музыки, изображена, играющей на двойной флейтѣ.

VIII. *Эрато*—т. е. любимая, муза пѣсень любви, и брачныхъ пѣснопѣій. Она изображалась въ вѣнкѣ и въ пышной одеждѣ, съ многострунной лирой, иногда съ лирой у ногъ, со стрѣлой въ одной рукѣ и миртовымъ или розовымъ вѣнкомъ въ другой.

IX. *Терпсихора*—муза пляски, на однихъ изображеніяхъ—въ длинныхъ одеждахъ въ вѣнкѣ играетъ на малой лирѣ; на другихъ же—богиня со звучнымъ бубномъ и въ легкой позѣ, какъ бы устремляющаяся въ пляску.

и глазами ясно говорить что ей не трудно утѣшиться отъ горя и невзгодъ.

Только двѣ изъ музъ не поддались влиянію вѣка и сохранили суровость нравовъ и серьезность — Мельпомена, муза трагедій и Калліона муза эпопей (героической пѣсни). Въ этихъ двухъ фигурахъ выразилась вся сила ихъ творца. «Его Мельпомена, говорятъ французскіе артисты, приблизили его къ знаменитому флорентинцу Микель Анджели, духъ котораго руководилъ кистью парижанина». Въ изображеніи Калліоны высказался французъ—патріотъ. По лицу богини видно, что на дочечкахъ своихъ она начертила слово надежды на лучшее будущее и скорое наступленіе времени «возмездія».

Пять большихъ стеклянныхъ дверей отдѣляютъ главное фойе отъ открытой галлерей (La Loggia), которая есть ничто иное, какъ лѣтнее фойе; изъ балконовъ галлерей открывается обширный и оживленный видъ на площадь, улицы и бульвары.

Теперь перейдемъ въ главную залу. Въ акустическомъ отношеніи она безукоризненна, чего не сумѣли достигнуть въ другихъ большихъ театрахъ, напр. въ Вѣнской оперѣ. Акустика вообще наука очень фантастическая и любить дѣлать сюрпризы, издѣваясь надъ самыми тщательными планами и тончайшими предосторожностями. На этотъ разъ ей угодно было благосклонно позволить г. Гарнье построить удачно залу и сцену—резонансъ пресоскоденъ, артисты въ восторгѣ, что имъ такъ легко поется.

Восемь коринфскихъ колоннъ раздѣляютъ четыре яруса ложъ и поддерживаютъ своды потолка, украшеннаго фресками.

Относительно украшеній залы, иногда замѣчаютъ, что слишкомъ много позолоты ослѣпляетъ зрителя и лишаетъ украшенія изысканной простоты. Но къ позолотѣ этой глаза скоро привыкаютъ, потому что она самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, красноватаго, розоваго, зеленоватаго, фіолетоваго и др. Цвѣта

эти притомъ же такъ сочетаются, что отраженіе ихъ смягчаетъ рѣзкій желтый основной тонъ.

При всѣхъ ложахъ есть маленькія гостинныя; мебель вся обтянута темно-синимъ бархатомъ.

О сценѣ скажемъ лишь, что она величайшая изъ всѣхъ сценъ стараго и новаго свѣта.

Болѣе всего парижане интересуются *фойе для танцевъ*, запрещенный плодъ, доступъ къ которому открытъ только для свѣтилъ политическаго и финансоваго міра.

Здѣсь собирается весь персоналъ балета въ ожиданіи выхода на сцену, въ антрактахъ и послѣ спектакля.

Стѣны этого фойе украшены четырьмя картинами, изображающими различные роды танцевъ: военный, вакхическій, любовный и сельскій. Рѣзкость колорита и нагота фигуръ вызываютъ негодованіе многихъ. Колонны со спиральной рѣзбой доходятъ до сводовъ, у основанія которыхъ двадцать статуй изображающихъ дѣтей, поддерживаютъ столько же медаліоновъ съ портретами двадцати танцовщицъ—первоклассныхъ звѣздъ блиставшихъ въ различные эпохи на горизонтѣ французской оперы и балета.

За уборными артистовъ помѣщается вся администрація оперы, и, конечно, лица, входящая въ ея составъ, болѣе всѣхъ соотечественниковъ довольны новымъ театромъ, потому что имъ кромѣ пѣнія, музыки и блеска, достались еще обширныя, изящныя и прекрасно устроенныя, а главное—безплатныя квартиры.

Вотъ, въ заключеніе, нѣкоторыя числовыя данныя о новой оперѣ. Постройка продолжалась съ 1861 по 1874 годъ т. е. 13 лѣтъ. Размѣры зданія слѣдующіе: длина—90 саж., ширина 65 саж., высота 29 саж., съ подземной же частью 42 саж. Мѣстъ 2,156. Въ сооруженіи и постройкѣ зданія приняли участіе: со рокъ пять подрядчиковъ, десять орнаментистовъ, тридцать семи скульпторовъ и семь живописцевъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Разставаяся на вѣки
И подавъ другъ другу руки,
Двое милыхъ долго плачутъ
И вздыхаютъ въ часъ разлуки.

Не рыдали, не вздыхали
Мы съ тобой при разставаньи;
Но за то потомъ явились
Къ намъ и вздохи, и рыданья.

Ив. Тх...

НОВОЕ МѢСТО

(ЭТЮДЪ СЪ НАТУРЫ).

Н. Успенскаго.

Въ одно осеннее утро семейство овдовѣвшаго священника сидѣло за объемистымъ самоваромъ. Глава дома, одѣтый въ нанковую куртку, понохивая табачекъ, дѣлалъ наставленіе своимъ дѣтямъ:

— Я вотъ до сѣдыхъ волосъ работаю... Можно сказать, на вѣку хватилъ горячаго до слезъ... Ну-ко, понянчись съ такимъ хороводомъ! Да! Попробуй, поживи на своихъ хлѣбцахъ! Ничего дніе лукавы суть; кого ни спроси: всѣ охаютъ да вздыхаютъ; крестьяне жалуются на подати, помѣщики на безденежье, купцы на торговлю, духовные на сокращеніе штатовъ и упраздненіе наслѣдственныхъ мѣстъ... Ужъ нынче не до жиру, хоть бы до живу... А то велика персона, какой-нибудь исключенный изъ философіи! Онъ хочеть у отца на печкѣ лежать? Нѣтъ, братъ! стара дудка... Не хочешь быть сельскимъ наставникомъ, ступай въ кондукторы, въ почталыоны, въ писаря... Вонъ Семенецкій волостной писарь выстроилъ себѣ постоянный дворъ, да каждый годъ десятины полтора ста земли снимаетъ на аренду... Вотъ тебѣ и неученый! въ нынѣшнее время жизнь-то стала, что твоя академія!

Проповѣдникъ накрылъ свою чашку вверхъ дномъ и, поднимаясь изъ-за стола, продолжалъ:

— Хотъ бы Алешка... на кого онъ надѣется, буйная голова? Развѣ онъ не видитъ, что отецъ бьется какъ рыба объ ледъ...

— Онъ намъ самимъ надоѣлъ, какъ горькая рѣдка, вставилъ юноша съ угреватымъ лицомъ, подстриженный въ скобку и съ серьгой въ ухѣ: только и знаетъ, что книжки почитываетъ, либо рыбу удить, а то за перепелками шляется...

— Ничего! пусть его разгуляется! Я ему сказалъ разъ навсегда, чтобы онъ ко мнѣ на дворъ не показывался, заключилъ глава семейства и отправился въ свой кабинетъ.

— Зачѣмъ ты еще поджигаешь отца? тихо обратилась къ угреватому юношѣ дѣвушка лѣтъ семнадцати.

— А по твоему я буду объ немъ плакать? Если бы моя была воля, я бы и не такъ съ нимъ поступилъ.

— Спасибо, не имѣешь права! утирая фартукомъ слезы, проговорила дѣвушка: онъ такой же сынъ, какъ и ты...

— Нѣтъ, ошибаешься! выколачивая о подоконникъ кучерскую трубочку, возразилъ юноша: позволь спросить: почему онъ бросилъ учительское мѣсто въ Зарытовѣ? Почему онъ не хотѣлъ ѣхать въ Болотово, когда самъ тятенька хлопоталъ объ этомъ мѣстѣ?

— А ты отчего неидешь въ учителя?

— Мнѣ и тутъ хорошо... Я работаю... На мнѣ, можно сказать, весь домъ держится...

— А онъ по три мѣсяца жалованье не получалъ да мерзнулъ цѣлую зиму въ холодной избѣ...

— Вишь, какой благородный!..

Сельскій учитель, о которомъ шла рѣчь, одѣтый въ ветхую кавказскую бурку, подѣзжалъ на крестьянской телѣгѣ къ дому псаломщика села Судьбищъ, говоря своему подводчику:

— Ты, Еременчъ, погоди уѣзжать... Можетъ быть, тебя тутъ покормятъ...

— Нѣтъ, благодаримъ... Я, признаться, захватилъ съ собой хлѣбушка.

— Какъ знаешь...

— Это я только для васъ, Ликсѣй Федорычъ... а то бы не взялъ Богъ знаетъ чего... Сами знаете: теперь самая молотьба...

— Спасибо, братъ... Просто выручилъ!.. Ну, кланяйся нашимъ, слѣзая съ телѣги, сказалъ Алексѣй Федорычъ.

— Доправлю...

Усталая лошадь тронулась въ обратный путь.

Молодой человекъ, держа въ рукѣ связанный веревкою узелъ, вошелъ въ просторную, опрятную горницу, гдѣ его встрѣтила сухопарая хозяйка въ синемъ капотѣ. Гость поклонился и проговорилъ:

— Вы меня, Манефа Егоровна, должно быть, не узнаете... Я сынъ Залегощинскаго священника... Красновъ... немного довожусь вамъ съ родни... Гдѣтъ шесть, какъ я у васъ не былъ...

— Лицо что-то знакомое... Позвольте, позвольте... не на Спасовъ ли день вы у насъ были?

— Такъ точно... съ нашимъ управляющимъ... Помните, еще въ горѣлки играли у церкви?

— Ахъ, братецъ, какъ же вы измѣнились... вы тогда были совсѣмъ мальчикъ... А теперь... усы ужъ пробиваются... Ну, здравствуйте!

Родственники поцѣловались. Учитель снялъ съ себя бурку, досталъ изъ бокового кармана визитки гребешокъ и, расхаживая по комнатѣ, принялся расчесывать свои черные, густые волосы.

— Ну, какъ дяденька поживаетъ! спросила хозяйка.

— Плохъ сталъ! доктора совсѣмъ запретили ему употреблять спиртные напитки... Онъ въ приходѣ, вмѣсто вина, беретъ деньги...

— Конечно, это хорошо! замѣтила хозяйка, накрывая на столъ скатерть: по крайности доброе не пропадаетъ... Вы теперь что же, братецъ, на службѣ состоите или еще учитесь?

— Нѣтъ, я уже два года какъ оставилъ семинарію... изъ философіи вышелъ... потому, не стойтъ... по нѣшнему времени... нынче и богословъ безъ мѣста ходятъ... Я занимаю должность сельскаго наставника. Въ каникулярное время живу на кондиціяхъ у господъ...

— Такъ-съ... Это ничего... все-таки родителю помочь...

— Въ настоящее время я ѣду на новое мѣсто: въ село Болотово: туда назначили меня наставникомъ... Говорятъ, село изрядное...

— Веселое село! подхватила хозяйка: первое дѣло не далеко отъ желѣзной дороги, второе—тамъ три явленыхъ ключа, къ которымъ стекаются богомольцы, и два раза въ годъ бываетъ ярмарка... А какія тамъ постройки, какой барскій садъ!.. Духовные тамъ живутъ,

какъ помѣщики, особливо отецъ Вареоломей... у него пятьсотъ десятинъ своей собственной земли... пролетки—не пролетки, дрожки—не дрожки... Вѣдь вы у него будете подъ начальствомъ; онъ членъ училищнаго совѣта

— Я знаю... Папаша ѣздилъ къ нему хлопотать объ учительскомъ мѣстѣ...

— А какія у него хорошенькія дочки!

— Слышаль... слышаль...

— Вотъ бы вамъ убить бобра!..

— Это все такъ... да говорить пословица: хороша Маша, да не наша...

— Пожалуйте, братецъ, съ дорожки выпить, закусить, что Богъ послалъ... Въ этакого молодца, какъ вы, любая барышня влюбится... Я отвѣчаю Богъ знаетъ чѣмъ, если вы не подхватите дочку отца Вареоломей...

— Кабы вашими устами да медъ пить...

— А то что ваша учительская должность? Въ курной избѣ день деньской гомите съ мальчишками и получаете какихъ-нибудь сто рублей въ годъ...

— Я ужъ хотѣлъ давно бросить эту музыку, да отецъ велитъ служить... Ничего не подѣлаешь!

— А вы до поры до времени не бросайте... а то за шатущаго ни одна не пойдетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ: учился, учился, а какою я себя сдѣлалъ карьеру? Ровно никакой... Что и такое? У меня нѣтъ ни угла, ни семьи... не имамъ, гдѣ главу приклонить...

— Ничего, братецъ, не унывайте! Не унывайте! Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ... Слышали вы это?

— Что, Антонъ Ивановичъ дома? спросилъ вдругъ учитель.

— Нѣтъ, онъ на богомолье уѣхалъ... А что?

— Я было хотѣлъ у него попросить лошадку... доѣхать до Болотова.

— Это я и безъ него сдѣлаю... Вотъ какакая оказія! А ось вы намъ не чужой... Тутъ всего то восемь верстъ... Я, пожалуй, сама съ вами поѣду: мнѣ давно хотѣлось провѣдать сестру въ Дубровкѣ...

— Вотъ и прекрасно! А я запрягу лошадь... чай, у васъ батрака-то нѣтъ?

— И! какой батракъ! Мы, братецъ, живемъ по prostu. Я часто говорю мужу: надо благодарить заступницу, что дѣтой нѣтъ...

— Вотъ вамъ и кончившій курсъ богословія, разсуждалъ Алексѣй Федорычъ,—дѣлая себѣ папиросу.

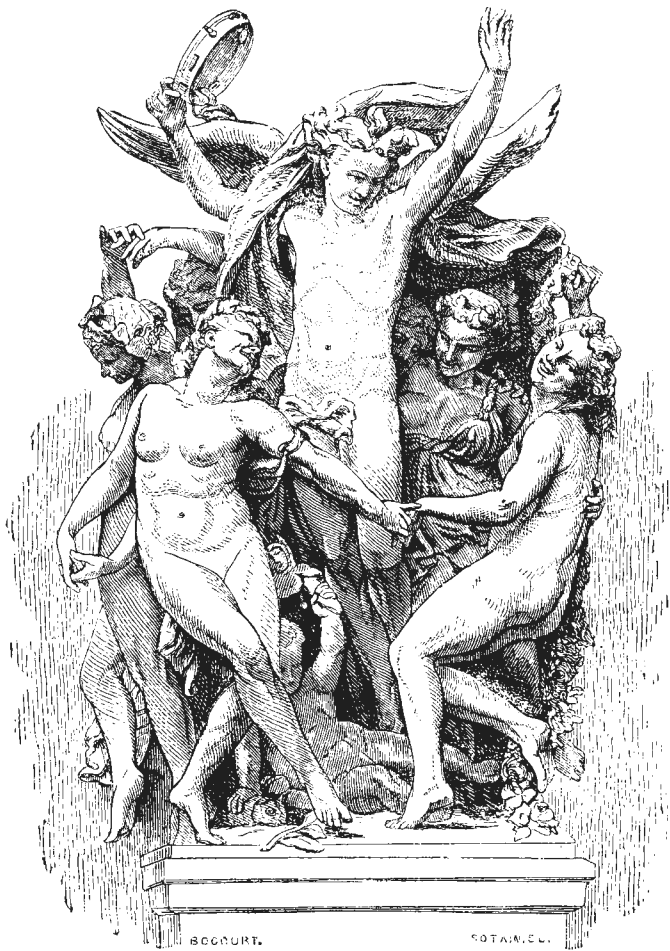
— Вы когда же хотите ѣхать въ Болотово?

— Если можно, сегодня; потому, время осеннее: надо убираться за погоду.

— Вы бы у насъ денежъ-другой погостили... съ мужемъ повидались бы... Сколько времени не видались.

— Нѣтъ, Манефа Егоровна, у насъ теперь пошли

Къ статьѣ: „НОВАЯ ОПЕРА ВЪ ПАРИЖѢ“.

Танцы. Група скульптора Карно. Рис. Вокуръ, гравир. Сотень.

Съ добрымъ утромъ. Картина Т. Гольмана, гравир. Бред'Амуръ.

строгости: разные члены да зрителя разбѣзжаютъ... за каждымъ шагомъ наблюдаютъ... Намъ надо быть въ струнѣ!..

— Ну, когда такое дѣло, я сейчасъ попрошу церковнаго сторожа сходить за лошадейю ..

Часа въ два пополудни родственники отправились въ село Болотово. Учитель уступилъ своей кузинѣ устланное свѣжей соломой дно въ телѣгѣ, а самъ помѣстился у передка. Онъ оказался исправнымъ кучеромъ, умѣвшимъ стегнуть кнутомъ лошадь и собакъ, вереницей провожавшихъ телѣгу.

Проѣхавъ село, путники очутились на большой дорогѣ, пролегавшей черезъ казенную засыку. Такъ какъ, засѣчная дорога, на протяженіи семи верстъ, составляла одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, поднимаемыхъ въ земской управѣ, и ежегодно испытывала на себѣ разнаго рода улучшенія въ видѣ насыпей, канавъ и рытвинъ, то телѣга двигалась такъ, что давала путникамъ полную возможность любоваться столѣтними дубами, нескончаемыми просѣками, питомниками, отводами и завалившимися верстовыми столбами. Пользуясь досужимъ временемъ, Манефа Егоровна принялась рассказывать учителю о Болотовскомъ отцѣ Варооломѣ. Оказалось, что онъ былъ женатъ на дочери полковаго священника, прельстившись ея приданымъ, на которое приобрѣлъ пятьсотъ десятинъ отличнаго чернозему. Не смотря на то, что онъ слылъ во всемъ уѣздѣ за „евангельскаго богача“, воздвигавшаго одну житницу за другой, на немъ, по словамъ Манефы Егоровны, вполне оправдалась мудрая пословица, что „и черезъ золото слезы льются...“ Въ его семействѣ происходитъ такая неурядица, что онъ, бѣдный, не радъ и богатству. Его сожигательница съ юныхъ лѣтъ перекочевывала изъ города въ городъ вмѣстѣ съ Бутырскимъ полкомъ и усвоила себѣ такія повадки, которыя лишь свойственны однимъ сынамъ Марса; она дѣлала окрики на мужа и дѣтей, какъ ротный командиръ; каждое ея слово отецъ Варооломей уподоблялъ ружейному выстрѣлу. Въ своемъ благовѣрномъ она ненавидѣла все: его бороду, библейскій костюмъ, привычку спать послѣ обѣда, славянскія изрѣченія, приводимыя съ цѣлю показать разницу между супружескимъ счастьемъ и боевыми схватками. Проживъ съ мужемъ 18 лѣтъ, она все еще жаловалась на свою судьбу и безпрестанно вспоминала двухъ молодыхъ прапорщиковъ, во время оно вскружившихъ ей голову. Варооломей Сидоровичъ съ первыхъ же дней своей женитьбы убѣдился, что не ему должно принадлежать „главенство“ въ домѣ и смирился до зѣла: по требованію своей супруги, онъ не только совершалъ отдаленныя поѣздки съ порученіемъ пригласить къ себѣ офицера или прибывшаго изъ столицы студента, но даже удалялъ изъ дома свою родную мать-старуху, называвшую невѣстку „антихристомъ“. „Польстился на приданое—по дѣломъ вору и мука!“ говаривалъ онъ.

— Одно слово, змѣя! заключила свой рассказъ Манефа Егоровна.

— Авось мнѣ съ нею не дѣтей крестить, возразилъ учитель.

— Насчетъ себя-то вы не безпокойтесь... Она страсть какъ любитъ молодыхъ людей... Посмотрите, какъ она васъ приметъ!..

На крутой горѣ показалось село Болотово съ двумя колокольнями и множествомъ барскихъ построекъ съ зелеными крышами; у подошвы горы сверкалъ широкій прудъ, въ который превращалась глубокая рѣчка: среди плотины, усаженной ветлами, красовалась мельница съ жестянымъ флагомъ на тесовой крышѣ.

Путники поднялись въ гору, внимательно разсматривая дворню, волостное правленіе, торговыя лавочки, питейныя заведенія, украшенныя скворечницами и окруженныя мужиками, барскій садъ, и наконецъ подѣ-

хали къ церковной оградѣ, близъ которой стояло деревянное, покрытое соломой, Болотовское училище.

— Ну, сестрица, привязывая лошадь къ периламъ крыльца, весело проговорилъ Алексѣй Федорычъ: теперь пожалуйте ко мнѣ въ гости. Ужъ не взыщите, если не чѣмъ будетъ подчивать...

— Вы сперва обзаведитесь, отвѣчала Манефа Егоровна, слѣзая съ телѣги: вотъ тогда я нарочно къ вамъ приѣду—не одна, а съ мужемъ... Посмотрите, братецъ! указывая на рѣку, продолжала она: чисто—городъ! какое раздолье!

— Признаюсь, я такихъ сель не встрѣчалъ... Нечего сказать, тутъ не соскучишься... есть гдѣ разгуляться... и сады, и лѣса...

— Здравія желаю! вдругъ проговорилъ пожилой солдатъ въ холстинномъ фартукѣ и въ ремennomъ наголовникѣ, выходя изъ церковныхъ воротъ.

— Послушай, служба! Какъ бы отпереть школу?.. Я здѣшній учитель.

— А—а! Милости просимъ! А мы васъ все поджидали... Батюшка, отецъ Варооломей, вчера вспоминалъ объ васъ...

— Да нельзя ли тутъ гдѣ нибудь добыть самоварчикъ?..

— Это все можно! Пожалуйте въ горницу...

Манефа Егоровна наотрѣзъ отказалась отъ чаю, говоря, что она немедленно поѣдетъ къ своей сестрѣ, какъ только посмотритъ школу.

Болотовскій разсадникъ просвѣщенія не составлялъ предмета особенной заботливости ни для крестьянъ, ни для мѣстныхъ предержавшихъ властей: онъ находился въ такомъ запустѣніи, которое могло быть объяснено лишь цвѣтущимъ состояніемъ питейныхъ заведеній, въ Болотовѣ, не уступавшихъ своею численностію любому уѣздному городу. Ближайшій начальникъ Болотовскаго училища, отецъ Варооломей, какъ человѣкъ практический, по преимуществу занятъ былъ хозяйствомъ въ своемъ купленномъ имѣніи: устраивалъ молотилки, разводилъ сады, скупалъ на ярмаркахъ овецъ и лошадей, сбывалъ въ Москву свою пшеничку, такъ что даже для исправленія церковныхъ требъ у него не хватало времени; для этого онъ нанималъ отставнаго батюшку, помѣщавшагося вмѣстѣ съ батраками. Не мало времени также отнимали у него поѣздки съ порученіями отъ жены и разнаго рода семейныя умиротворенія, хотя въ своихъ воскресныхъ поученіяхъ онъ возставалъ противъ индифферентизма прихожанъ къ дѣлу просвѣщенія и не совѣмъ одобрялъ ихъ излишнее пристрастіе къ водкѣ. Болотовскій помѣщикъ постоянно жилъ въ Кіевѣ, ограничивая свое содѣйствіе народному образованію присылкою въ школу душевспасительныхъ книгъ.

Церковный сторожъ, входя на крыльцо, предупредилъ приѣзжихъ, что онъ нанятъ „только другой день“, а потому даже не успѣлъ и побывать въ училищѣ. Вотъ какая картина предстала передъ глазами родственниковъ, когда они вступили въ школу: гигантскихъ размѣровъ шкапъ съ классными принадлежностями и оторванными дверцами, опрокинутая учительская кафедра, жестяная купель для крещенія младенцевъ, завалившаяся печка, на которой лежали вѣнчики, тетради, мѣлъ, восковыя свѣчи, грифельныя доски и пр., остатки картинъ съ изображеніями ветхозавѣтныхъ лицъ украшали стѣны. За досчатой перегородкой, испещренной всевозможными надписями, скрывалась учительская комната съ однимъ окномъ; она имѣла девять аршинъ въ длину и два въ ширину, напоминая длинный корридоръ. Въ ней находился дубовый столъ, два табурета, какія-то плетушки, и кровать, на которой можно было спать не иначе, какъ поднявъ ноги на стѣну или свернувшись калачикомъ.

Все это хотя и не ново было для Алексѣя Федорыча, но онъ почти съ ужасомъ взглянулъ на свою кузину,

как бы приглашая ее объяснить столь неожиданное зрѣлище. Манефа Егоровна только всплеснула руками.

Относительно „продовольствія“, о котором завела рѣчь добрая кузина учителя, сторожъ сообщилъ, что, по примѣру „сбѣжавшаго“ предшественника, Алексѣй Федорычъ можетъ поступить „на хлѣбъ“ къ волостному писарю, содержащему бѣлую харчевню.

Мечты родственниковъ о „новомъ мѣстѣ“ разлетѣлись въ прахъ. Грустная перспектива учительской дѣятельности заставила Манефу Егоровну еще разъ напомнить Алексѣю Федорычу, что ему необходимо жениться.

— Ничего, сестрица! говорилъ послѣдній: я вотъ по-

живу—посмотрю... Если очень жутко покажется, поступлю на желѣзную дорогу... Нынче вездѣ люди нужны... Одна голова—не бѣдна; а если и бѣдна—такъ одна!

— Нѣтъ, ваше благородіе, возразилъ солдатъ: нонѣ изъ мѣстовъ даже трудно... Я ужь это знаю... А вамъ на что лучше—жениться на духовной? будете жить у тестя... харчи, стало быть, вольные...

И сторожъ началъ описывать привольную жизнь духовныхъ. Проводивъ свою родственницу Алексѣй Федорычъ отправился съ визитомъ къ отцу Варооломею.

Н. Успенскій.

СЪ ДОБРЫМЪ УТРОМЪ!

(Картина Т. Гольтмана).

Благодаря ловкой кисти художника, сценка эта почти не требуетъ описанія. Кому неизвѣстно, какъ дѣти дружелюбно относятся вообще къ животнымъ и какъ животныя (конечно, домашнія) любезно обращаются съ ребятами?.. Иногда даже удивляешься долготерпѣнью собаки или кошки, понавшей въ объятія маленькаго человѣка!.. Ребенокъ видитъ въ собачкѣ, котенкѣ, и даже птичкѣ, прежде всего забавную, «живую» игрушку, съ которою и входитъ въ самыя короткія, пріятельскія отно-

шенія: онъ готовъ бесѣдовать съ такими друзьями, дѣлиться съ ними пряникомъ, конфеткой и вообще сочувственно относиться къ безсловеснымъ товарищамъ, видя въ нихъ, безъ обиды для себя, одухотворенныя существа, которыя почему-то не умѣютъ говорить.

Педагогъ, можетъ воспользоваться богатымъ матеріаломъ, если будетъ наблюдать за своими питомцами въ отношеніяхъ ихъ къ животнымъ.

НА ЖИЗНЬ И НА СМЕРТЬ.

(Съ англійскаго).

Я, Гарри Линдманъ, одинъ изъ многихъ молодыхъ англичанъ, которыхъ надежда на быстрое обогащеніе, заманила на далекій западъ Америки, жилъ въ это время въ Токсонъ-Сити, въ качествѣ коммисіонера торговаго дома братьевъ Куртисъ.

Братья Куртисъ, достигшіе рядомъ умныхъ операцій, вліянія и почета, имѣли въ это время въ виду одну чрезвычайно важную спекуляцію. Они сдѣлали, преимущественно въ Техасѣ, весьма большія закупки рогатаго скота, овецъ и свиней, назначавшихся для продовольствія быстро возрастающаго населенія неплодородныхъ горно-заводскихъ округовъ, гдѣ всѣ жизненные припасы, а въ особенности мясо, стояли въ очень высокой цѣнѣ. Дѣло обѣщало тѣмъ большія выгоды, что двѣ язвы Новой Мексики, засуха и саранча, произвели громадную смертность скота въ Аризонѣ и пограничныхъ съ нею территорияхъ.

Однако всѣ эти расчеты должны были казаться поколебаться вслѣдствіе вновь вспыхнувшей кровавой войны съ индѣйцами, войны, которой и конца никогда не будетъ въ этой, полной опасностей, странѣ. Ходили слухи, что апахы, непримиримые враги всѣхъ бѣлыхъ, въ союзѣ съ другими племенами, кювасами, наваясами и страшными команчесами, встали на военную ногу. Изъ отдаленныхъ поселеній доходили до насъ ужасные рассказы о разныхъ жестокостяхъ индѣйцевъ. Войска были послѣдственно двинуты туда, отчего караваны, намѣревавшіеся идти черезъ прерію, должны были стоять на мѣстѣ, за неимѣніемъ конвоя. Отдалились больше, чѣмъ на двѣ, три мили отъ обитаемаго поселенія, считалось безумной отвагой. Между тѣмъ приближался срокъ, когда должна была сполна быть уплачена оставшая сумма за быковъ и свиней, пригнанныхъ въ Кристобаль. Принципалы мои отлично знали, что кредитъ фирмы сильно пострадаетъ, если плата за скотъ не будетъ внесена чистоганомъ въ блестящихъ долларахъ. Господа Куртисъ наирагали всѣ успія чтобы реализовать требуемую сумму, и она была на лицѣ; но все предпріятіе должно было, повидимому, лопнуть по причинѣ опасности дорогъ, вслѣдствіе войны. Ни въ одиночку, ни вооруженной толпой, даже за большое вознагражденіе, никто не соглашался отвезти деньги черезъ прерію. Тѣмъ болѣе удивились мои принципалы, когда я добровольно вызвался исполнить это порученіе, безъ всякаго конвоя.

Мой караванный конь, изъ Кентуки, былъ отлично выдрессированъ, необыкновенно выносливъ и быстръ на ходу. Я любилъ какъ друга мою лошадь (ее звали «Молнія»), которая была столько же умна и повятивая, какъ и проворна, и зналъ что вѣрное животное всюду пойдетъ за мной, какъ собака, и что стоитъ мнѣ только опустить поводья на его гладкую шею, чтобы оно сейчасъ же остановилось, какъ вкопанное.

Мнѣ нельзя было тратить много лишняго времени на прощанья. Было уже далеко за полдень, когда я выѣхалъ въ сопровожденіи поль-дожичныя молодцовъ изъ Токсона. Черезъ поль-часа я простился съ своими спутниками. Всѣ искренно пожали мнѣ руку, и очень растроганные, желали мнѣ счастливаго возвращенія домой. Я еще и теперь живо помню, какъ, доѣхавъ до одного маленькаго пригорка на преріи, я кивнулъ имъ головой, въ отвѣтъ на ихъ размахиванья шляпами и платками, и какъ

потомъ они повернули въ сторону, а я одинъ поѣхалъ по опасной дорогѣ.

Тяжелый, удушливый зной стоялъ надъ преріей. Ни одинъ листокъ не шевелился въ рощахъ хлопчатника, мимо которыхъ я проѣзжалъ въ углубленныхъ мѣстахъ равнины; на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, высокая трава вся была спалена солнцемъ, такъ какъ дождя не было давно. Рѣзкая трескотня прерійнаго кузнечика да отдаленный лай страннаго животнаго, прерійной собаки, одни прерывали, почти мертвую тишину. Часа черезъ три послѣ того, какъ я оставилъ Токсонъ, мелькнула мнѣ въ сторонѣ голубая вода бухты; я отпустилъ подпругу моей лошади, и пустилъ ее пить, наполнивъ въ тоже время и мою походную фляжку, которая была привязана къ сѣдлу, такъ какъ въ этой пустынной странѣ, не скоро опять могла представиться возможность утолить жажду. Эта предосторожность оказалась весьма благоразумною, потому что, оставивъ луговую прерію, я поѣхалъ по мѣстамъ еще болѣе увлчлмымъ и пустыннымъ; топотъ копытъ моего коня по голой, изсохшей землѣ былъ здѣсь единственнымъ звукомъ.

Далеко влѣво видѣлось что-то, будто какая высокая стѣна, только ее не нельзя было различить ясно. Я зналъ, что это зубчатые гребни и горные пики Мимберна, естественной крѣпости, гдѣ жили варравскія племена, факель и томагаукъ, которыя опустошили не мало цвѣтущихъ, счастливыхъ поселеній.

Кости муловъ и воловъ, блѣвущія по дорогѣ, гдѣ я теперь ѣхалъ, служили мнѣ достаточными предостереженіями. Тамъ и сямъ попадались грубые деревянные кресты, на которыхъ крупными буквами, гдѣ черной, гдѣ красной краской, было написано либо имя, либо однѣ начальные буквы съ краснорѣчивой надписью «убить апахами!»

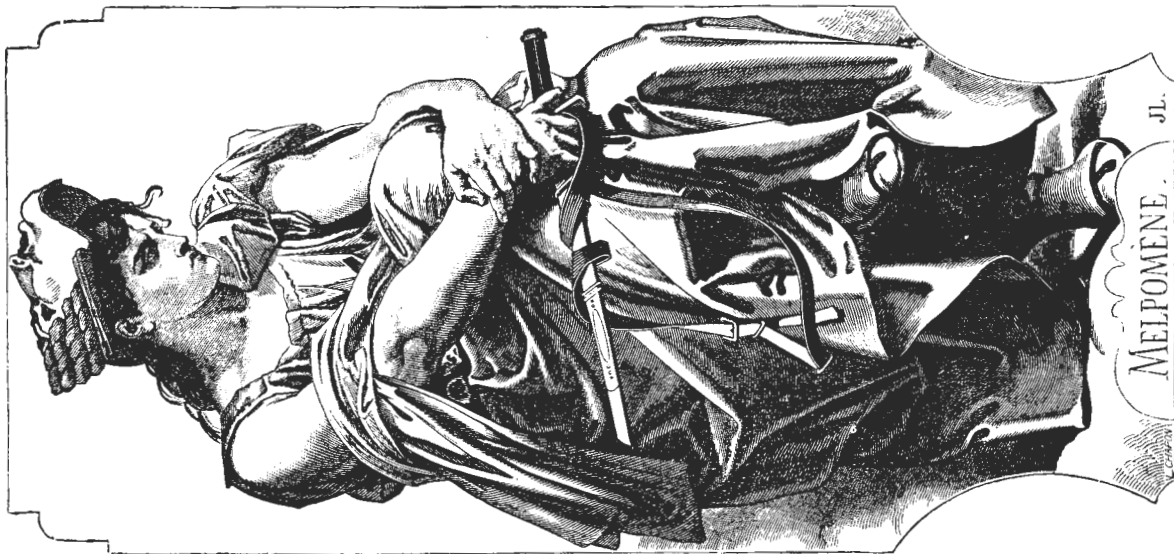
Солнце зашло, на травѣ и кустахъ дикаго шалфея блеснула роса, давно желанный вѣтерокъ охладилъ раскаленный воздухъ, и полный, ясный мѣсяцъ, словно серебряный щитъ, взомель на небѣ, и освѣтилъ далекую прерію своимъ ровнымъ матовымъ свѣтомъ. Я взялъ немножко вглубь, пока не доѣхалъ до одного уютнаго мѣстечка въ родѣ оазиса, гдѣ было довольно травы, деревьевъ и воды и выбралъ его для своего ночлега. Съ разсвѣтомъ я опять ужь былъ въ сѣдлѣ, и ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день, со мной не приключилось никакой бѣды. Воды, конечно, находилъ я очень мало, и сквернаго качества, но и та муть, какая попадалась, все-таки могла утолить мучительную жажду, самую ужаснѣйшую изъ настоящихъ путешествующаго по этимъ сожженнымъ солнцемъ равнинамъ. Гдѣ встрѣчалась вода, тамъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и пастбище для моей лошади; между тѣмъ, какъ для самаго себя у меня имѣлся запасъ буйволоваго мяса, разрѣзаннаго по мексиканской манерѣ полосками, которыя сушались на солнцѣ, и еще мѣшокъ съ мансовыми булочками. Эти предметы, да бутылка водки, испанскій плащъ и заряды для моего карабина и револьвера, вмѣстѣ съ упомянутой выше походной фляжкой, составляли весь мой багажъ.

На третій день, вечеромъ, я расположился на отдыхъ въ одной маленькой, богато-орошенной долинкѣ, вблизи обширной бухты; отъ Токсона я отѣхалъ уже приблизительно миль сто

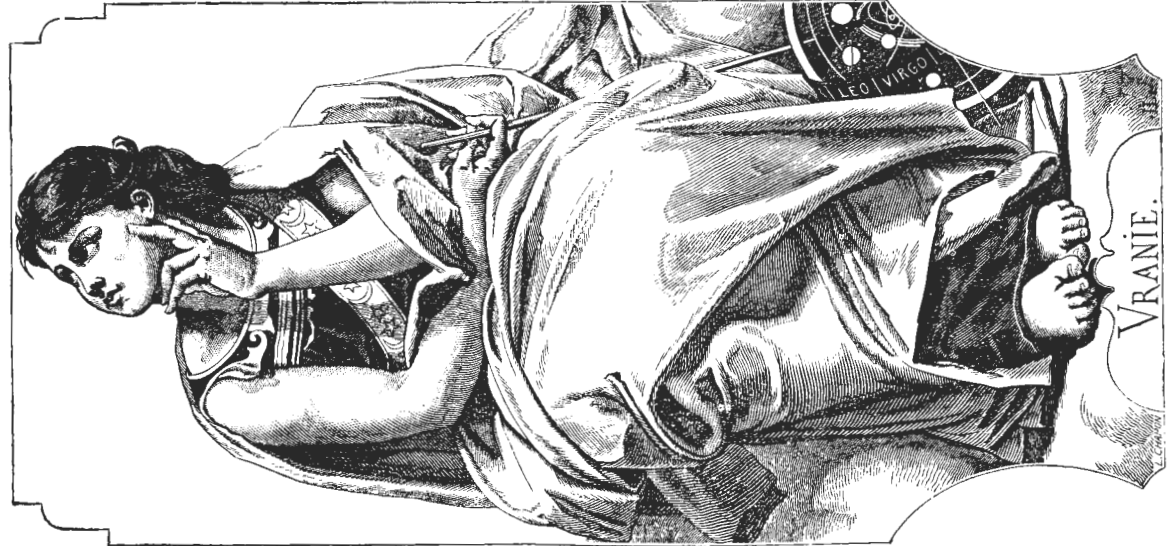
Къ статьѣ: „НОВАЯ ОПЕРА ВЪ ПАРИЖѢ.“

Клио.

Мельпомена.

Уранія.

Эрато.

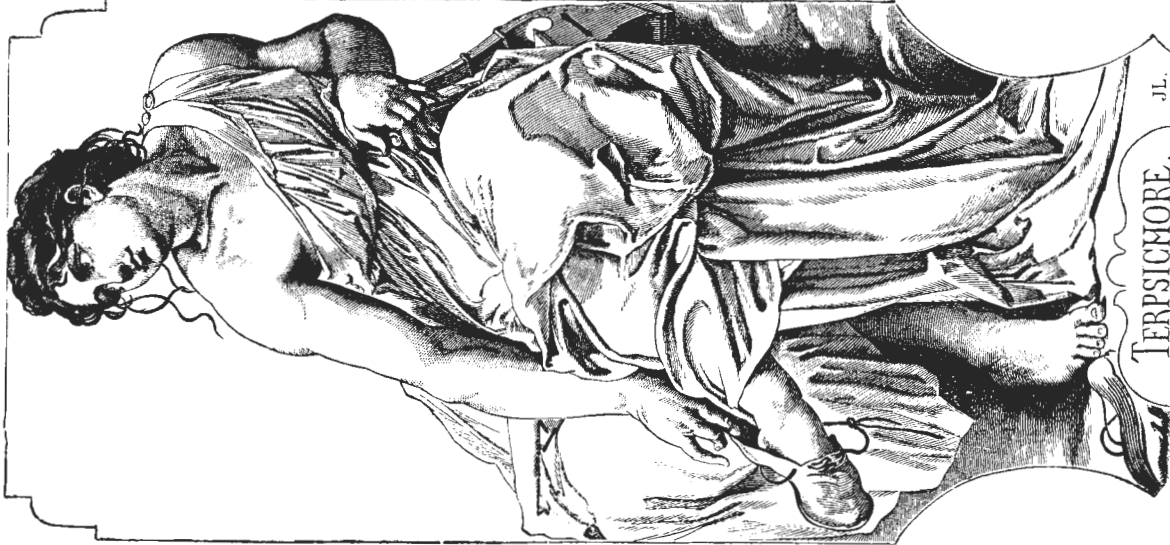
CALLIOPE.

Каллиопа.

EUTERPE.

Эвтерпа.

TERPSICHORE.

Терпсихора.

THALIE.

Талия.

„М. УЗЫ“. Живопись Поля Бодри в фойе новой оперы. Рисов. Л. Шапюнь, грав. Жюль Лане.

двадцать. Еще восемьдесят миль, и я достигну форта Вебстера, а стоять только перебраться на ту сторону Жилы,—там уж я буду в полной безопасности и могу безпрестанно продолжать свое путешествие до Кристобала. До сих пор мы не встретились еще ни единой души, ни дружеской, ни враждебной. Не раз казалось мне, как будто на окраинѣ темнаго горизонта видѣлись копыта и перистыя головы; разъ на голой коричневой поверхности степи извилось облако пыли; но оно могло быть поднято стадомъ бизоновъ или дикихъ лошадей, столько же, сколько анахами или кѣмъ нибудь изъ ихъ союзниковъ. Увѣренность моя возрастала, но мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ; я былъ увѣренъ что прелюбополучно достигну цѣли своего путешествія.

На слѣдующую ночь, когда я заснулъ, плотно завернувшись въ плащъ и положивъ голову на сѣдло, мнѣ приснилось будто я на родинѣ, въ старой Англїи, еще маленькій, и играю съ своими сестрами и братьями, какъ вдругъ меня разбудило громкое, пронзительное ржанье моей лошади, привязанной рядомъ. Открывъ глаза, я встрѣтился съ огненнымъ взглядомъ отвратительно раскрашеннаго лица, которое было такъ близко ко мнѣ, что я почти прикасался къ нему. Я почувствовалъ на своей щецѣ горячее дыханіе индѣйца, и увидѣлъ, какъ въ правой его рукѣ блеснулъ ножъ. Я схватился за револьверъ, лежавшій у меня подъ головой, но другая рука индѣйца стиснула мою руку, между тѣмъ, какъ лошадь моя съизнова принялась жалобно ржать; тогда я приподнялся на одномъ колѣнѣ, то увидѣлъ, что она сильно лягается задними ногами, и въ то же время двѣ темныя фигуры подкрадываются къ тому мѣсту, гдѣ была привязано животное, съ очевиднымъ намѣреніемъ отвязать лошадь.

Изъ того что, произошло потомъ, осталось у меня одно смутное воспоминаніе. Я помню короткую, отчаянную борьбу, во время которой по мнѣ два раза скользнулъ ножъ индѣйца; послѣ этого рука моя освободилась изъ-подъ варварскихъ тисковъ дикаря; курокъ щелкнулъ, и звукъ трехъ выстрѣловъ нарушилъ тишину пустыни. Непосредственно затѣмъ я услышалъ топотъ отчаяннаго галопа и увидѣлъ несущихся въ темнотѣ двухъ всадниковъ съ пучками перьевъ на головахъ. Первый мой противникъ лежалъ у моихъ ногъ. Рука его, когда я ее поднялъ, безжизненно упала на землю, мрачное лицо его, только что раскрашенное свѣжими красками, уже мертвенно окоченѣло. Два орлиныхъ пера, прикрѣпленные къ его длиннымъ чернымъ волосамъ посредствомъ серебряной брошки, показывали въ немъ вождя, а по цвѣту татуировки можно было видѣть, что онъ принадлежитъ къ племени анаховъ.

Мною овладѣлъ новый страхъ, что два ускокавшіе товарища позовутъ своихъ на помощь. Самымъ благоразумнымъ казалось мнѣ—это какъ можно поскорѣе убраться отсюда. Было то сѣрое, неприятное время, которое предшествуетъ разсвѣту, но я осѣдлалъ своего взволнованнаго коня и пустился въ дорогу. До сихъ поръ я берегъ Молнію, но теперь, не смотря на наступившій по мѣрѣ приближенія дня жаръ, сталъ подготавливать моего коня поишбче. Бѣдное животное въ первый разъ обнаружило признаки усталости, когда мы подѣхали къ берегу одной рѣки; мутная вода ей кажется жгла губы, пившія ее съ такой жадностью, но сколько я могъ разсчитать, мы находились еще по крайней мѣрѣ въ трехъ часахъ отъ Жилы, по ту сторону которой я считалъ себя въ безопасности.

Безлюдная, каменистая пустыня, разстилавшаяся передо мной, когда я, на своей измученной лошади, пустился въ дальнѣйшій путь, была почти совершенно лишена растительности. Продолжительная засуха и палящіе лучи солнца не оставили ни одной зеленой былинки; все пожелтѣло и повяло, а озера и рѣки высохли, испуская изъ себя зловещественные пары. Я раздѣлилъ съ Молніею послѣднюю каплю воды, какая оставалась въ моей фляжкѣ, и добрѣйшее животное кажется было благодарно мнѣ за это: оно ласково терлось о мою руку своей бархатистой мордой, въ то время, какъ я гладилъ его по шеѣ, которая уже не была мягка и гладка, какъ шелкъ, потому что отъ изнуренія и лишения шерсти его взерошилась и глаза потеряли блескъ. Стоя подлѣ него, я оглянулся кругомъ, и вдругъ увидѣлъ зрѣлище, отъ котораго вся кровь во мнѣ похолодѣла.

Я ясно увидѣлъ толпившіяся густыми кучками на одномъ пригорѣ дикія фигуры съ украшенными перьями головами, съ копытами, щитами, въ ярко-красныхъ покрывалахъ или буйволовыхъ кожахъ. Когда я вложилъ ногу въ стремя и вскопчилъ въ сѣдло, индѣйцы, державшіеся до сихъ поръ смирно, подняли свой яростный воинственный крикъ, сопровождавъ его отвратительными гримасами и жестами и пустились преслѣдовать меня съ такой яростью, которая показывала, чего я долженъ ожидать, еслибы попался имъ въ руки. Началась отчаянная погоня—скачка на жизнь и на смерть. Молнія бодро слушалась моихъ поудительныхъ возгласовъ и первая четыре, пять миль, враги почти не были видны, но наконецъ, топотъ ихъ лошадей сталъ безошибочно приближаться, они уже скоро должны были настичъ меня. Будь это въ первый день моего путешествія, я бы насмѣялся надъ своими преслѣдователями, но теперь, когда моя лошадь была уже измучена, а ихъ маленькія, пѣгія лошади, сравнительно свѣжи, то мнѣ трудно было тягаться съ ними. Стоянь вырвался изъ моей груди, когда

я почувствовалъ, что Молнія начала изнемогать подо мною, хотя мои крики и ласки воспламеняли благородное животное.

Мили за милей мчались мы такъ по пустынной прерїи, но при неровности почвы, которая теперь постоянно то возвышалась, то опускалась: мой конь началъ спотыкаться по временамъ. Индѣйцы видѣли свои преимущества, и не щадили ничего, чтобы настичъ меня. Стрѣла слегка ранила моего коня въ шею: другая стрѣла задѣла меня по щецѣ, и я почувствовалъ при этомъ, будто по шеѣ прошло каленое желѣзо. И по сіе время видѣнъ еще тонкій, синій шрамъ. Но въ безумно-возбужденномъ состояніи, въ какомъ я былъ, я далъ Молніи шпоры, и на нѣсколько времени откинулъ своихъ преслѣдователей; наконецъ, впереди засеребрилась рѣка, которая не могла быть никакой другой, какъ Жилой; по ту сторону ея возвыщались стѣны однокаго зданія, безъ всякаго сомнѣнія, форта Вебстера.

«Впередъ, Молнія, впередъ!» Еще одно усиліе преданнаго животного,—и мы внѣ опасности!

Я поглаживалъ взмыленную шею моего коня: благородное животное отвѣчало на мою ласку и еще рванулось изъ всѣхъ силъ впередъ. Рѣка, окаймленная высокими деревьями и тростникомъ, была уже совсѣмъ близко; ужъ слышенъ былъ плескъ съ быстрыхъ волнъ, какъ вдругъ Молнія упала на колѣни, и потомъ совсѣмъ свалилась, чтобы ужъ никогда не вставать больше. Въ ея боку торчала стрѣла, которой я не замѣчалъ раньше, и чудесное животное истекло кровью, съ неизлечимымъ мужествомъ неся своего господина по неровной прерїи. Въ первую минуту отъ горя я почти забылъ страшную опасность, грозившую мнѣ, однако долго предаваться горести было нѣкогда, такъ какъ уже слышались звуки ударовъ копытъ вражескихъ лошадей; индѣйцы уже нагоняли меня, издавая отвратительные, дикіе вопли.

Рѣка была не дальше какъ шагахъ въ тридцати отъ меня, но она была слишкомъ глубока и быстра, чтобы я при моемъ изнеможеніи былъ въ состояніи переплыть ее. Но пока оставался хоть какой нибудь шансъ, я не терялъ еще надежды спасти свою жизнь. Револьверъ былъ у меня за поясомъ, но пистолетъ и оба мѣшка съ деньгами братьевъ Куртисъ были прикрѣплены къ сѣдлу. Быстро отвязавъ я эти вещи, хотя рѣшительно не зная, какими судьбами я могу спастись съ ними. Разъяренные враги были отъ меня не дальше какъ на разстояніи шести коней, какъ я бросился въ кусты, чтобы спрятаться въ тростникахъ, иттая слабую надежду, что крики дикарей вызовутъ гарнизонъ изъ форта. Въ величайшей моей радости, я увидѣлъ привязанный къ мимозѣ чепецъ съ неводомъ, принадлежавшій вѣроятно кому нибудь изъ солдатъ; вспрыгнувъ въ него, я схватилъ весла и выѣхалъ на середину рѣки; въ эту самую минуту, четверо или пятеро индѣйцевъ, сойдя съ лошадей, съ ножами и томагавками въ рукахъ, продирались сквозь кусты къ берегу.

Теченіе было очень быстро, и я былъ не изъ слишкомъ искусныхъ гребцовъ, но индѣйцы колебались приближаться къ берегу, очевидно опасаясь близости форта, и хотя они преслѣдовали меня неистовыми криками и градомъ стрѣлъ, изъ которыхъ одна слегка ранила меня въ кисть руки, я все таки счастливо переперался на ту сторону, гдѣ былъ встрѣченъ радостными криками гарнизона, при появленіи котораго горько разочарованные анахи быстро удалились. Вскорѣ я увидѣлъ себя окруженнымъ дружескими лицами, но усталость и волненіе до того изнурили меня, что не дойдя до форта Вебстера, я лишился чувствъ и безъ памяти упалъ на землю.

Мой краткій разсказъ подходитъ къ концу. Благодаря обязательности командующаго фортомъ, я имѣлъ возможность продолжать мое путешествіе, какъ только возстановились мои силы. Безъ дальнѣйшихъ приключеній достигъ я Кристобала, и прибылъ туда какъ разъ во время, чтобы спасти кредитъ фирмы, представителемъ которой я былъ, и обезоружить такимъ образомъ непріязненность полудикихъ мексиканскихъ торговцевъ, уже начинавшихъ ворчать на замедленіе платежа. Быки и другой скотъ, нѣсколько недѣль спустя, бытосланы въ Тѣксонъ при сильномъ прикрытіи кавалерїи; я и самъ бы воспользовался этимъ случаемъ для обратнаго пути, если бы отъ чрезмѣрнаго физическаго утомленія и напряженія не сдѣлалось у меня горячки, уложившей меня въ постель.

Разъ послѣ болѣзни, еще блѣдный и слабый, сидя подлѣ тѣню манюліи и кофейныхъ деревьевъ, я увидѣлъ весело приближавшихся въ мою сторону двухъ знакомыхъ дѣвицъ, доброта которыхъ во время моей болѣзни была безгранична.

«Можете-ли вы перенести хорошую вѣсти, Гарри?» улыбаясь спросила меня одна изъ нихъ, и дѣйствительно вѣсти были очень хороши. Мои добрые старикъ—принципалы сдѣлали больше, чѣмъ обѣщали; они не только приняли меня въ компаньоны, но еще назначили меня постояннымъ агентомъ въ Кристобалѣ, гораздо болѣе приятномъ и здоровомъ мѣстѣ, чѣмъ Тѣксонъ, и здѣсь, благодаря щедрости братьевъ Куртисъ, зажилъ я богачемъ. Такой переворотъ въ моей карьерѣ заставилъ мистера Грея окончательно рѣшиться отдать мнѣ руку своей дочери; но среди моего счастья, на меня часто нахлываютъ грустныя минуты при воспоминаніи о моемъ спасителѣ, вѣрномъ моемъ конѣ, кости котораго бѣлѣютъ на берегахъ Жилы.

БИБЛИОГРАФІЯ.

В. И. Немирович-Данченко. *На просторъ* (очерки). Подъ этимъ заглавіемъ вышла книжка, въ которой собрано четыре разсказа: „Затерянные въ океанъ“, „Въ тихой и мирной пристани“, „Полярное лѣто“ и „Мертвая бухта“. Содержаніе перваго очерка слѣдующее: Старикъ охотникъ, молодой парень, рыбакъ, и культурный человѣкъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, носятся на ледяной глыбѣ по безконечному океану. Съ ними находится собака „Вѣрный“. Положеніе ихъ ужасно: набѣгающія на льдину морскія волны безпрестанно угрожаютъ разбить и затопить ее; несчастныхъ преслѣдуетъ акула, готовая проглотить сваливагося въ море или даже близко подошедшаго къ краю глыбы человѣка; они раздѣлили послѣдній остатокъ пищи и, близость голодной смерти дополняютъ ихъ бѣдствія. Лежа на холодной льдинѣ, каждый изъ погибающихъ припоминаетъ наиболее выдающіяся событія изъ его жизни и наиболее дорогіе ему образы: молодой парень, рыбакъ, жалѣетъ объ оставленной имъ дома невѣстѣ, старикъ разсказываетъ своимъ собеседникамъ о лежащемъ на немъ тяжкомъ грѣхѣ—онъ задушил малютку сына и любовницу; наконецъ культурному человѣку представляется „счастливая ночь“, когда онъ, идя по оживитой свѣтомъ улицъ большого города, услышалъ пѣніе, выходящее изъ устъ неизвестной женщины съ распущенными волосами и съ граціознымъ изгибомъ шейки; она пѣла „громкую пѣсню любви“, небрежно перебирая пальцами клавиши рояля!.. На минуту передъ несчастными мелькнулъ лучъ надежды: на горизонтѣ имъ представилась земля. Они ожили, дѣлаютъ различныя предположенія, но увы! Надежда обманула ихъ—земля оказалась тучею, вскорѣ подымающею надъ горизонтомъ и повергшую путниковъ еще въ большее отчаяніе. Старикъ, разсудивъ, что кара Божія постигаетъ ихъ за его грѣхи, бросается въ пасть акулы, которая мгновенно его проглатываетъ; молодой парень умираетъ съ голоду, а культурный человѣкъ съ собакою спасаются отъ гибели подошедшею къ нимъ на помощь поморскою шкуною. Очеркъ можетъ считаться бойко написаннымъ упражненіемъ на заданную тему. Отличительная черта его—отсутствіе жизненной правды и дѣланность рѣчи и положеній. Часто разсказъ прерывается восклицаніями въ родѣ: „ни звука, ни слова“, „ни мысли, ни сознанія“; вѣроятно, этимъ предполагалось усилить впечатлѣніе, производимое трагизмомъ положенія.

Отрывокъ „Въ тихой и мирной пристани“ представляетъ, по словамъ автора, былъ начала настоящаго столѣтія. Авторъ ведетъ читателя въ отдаленный густой лѣсъ; въ срединѣ его раскинулось обильное рыбой озеро, на островѣ котораго помѣщается раскольничій скитъ, гдѣ наши убійцы и укрылись отъ преслѣдованія иноки стараго благочестія. Сюда же отсылаются разгнѣванными родителями дѣвочки—дочери, погрѣшившія противъ правилъ строгой морали. Все содержаніе очерка, въ его теперешнемъ видѣ, заключается въ томъ, что московскій купецъ отдалъ свою виновную дочь въ названный скитъ подъ начальство матери Апполинарія. Дѣвица помѣщается въ скитѣ, свободная жизнь котораго приходится ей какъ нельзя болѣе по сердцу, и очеркъ оканчивается тѣмъ, что молодая бѣлица посылается въ видѣ посланія для сбора грибовъ въ лѣсъ, гдѣ онѣ встрѣтились съ парями-шатунами, разбились на пары „и вѣтви кустарника скоро совершенно укрыли ихъ отъ посторонняго взгляда“. Очеркъ написанъ бойко и читается легко, но въ настоящемъ его видѣ онъ не только не даетъ понятія о томъ, какую именно былъ имѣть намѣреніе разсказывать авторъ, но даже не знакомитъ читателя съ обстановкою жизни скита и нра-

вами его обитателей, если не считать указаній на легкомысліе обитательницъ скита.

„Полярное лѣто“ состоитъ изъ нѣсколькихъ живыхъ и интересныхъ разсказовъ изъ жизни рыбаковъ Мурманскаго берега. Рыбаки отправлялись на работу; ловъ былъ особенно удаченъ; все лѣто продолжается эта удача; рыбы наловлено видимо-невидимо: есть чѣмъ разсчитаться съ хозяевами, да можно и себя позабыть. Можно выпить чаю у поселившагося въ становищѣ финна, закупить у него, что слѣдуетъ, и покутить вдосталь въ городѣ Колѣ. Тамъ рыбаки пируютъ въ свое удовольствіе и расхваливаютъ до небесъ сѣверный городъ, которому по красотѣ не находятъ равнаго во всей Норвегіи. Прощая слухъ, что на становище ѣдутъ норвежцы. Закручинился честный финнъ, другъ нашихъ рыбаковъ. Пришельцы отобьютъ у него покупателя и лишатъ его плодовъ долгихъ и упорныхъ усилій; да не лучше будетъ и рыбакамъ: норвежцы съумѣютъ высосать изъ нихъ послѣднія денежки. Опасенія сбываются: ловкіе норвежцы заставляютъ уйти финна изъ становища, обираютъ рыбаковъ и дѣлаютъ имъ различныя притѣненія, до тѣхъ поръ, пока выведенная изъ себя толпа рыбаковъ силою не заставитъ своихъ эксплуататоровъ убраться во свояси. Къ сожалѣнію дѣланность разговорнаго языка и какое-то оригинальничанье въ описаніяхъ составляютъ принадлежность и этихъ очерковъ. Многие какъ то особенно подчеркивается, что, по нашему мнѣнію, придаетъ слогу вычурность и претенциозность. Напримѣръ: „Вглядитесь въ океанъ, зорко взглянитесь“. „Вонъ чернятъ какія-то точки. Недвижно чернятъ“. „Застываютъ онѣ на застывшемъ морѣ“. Описывая разговоръ рыбаковъ, авторъ заставлятъ ихъ пересыпать разсужденія о душѣ и загробной жизни соображеніями о томъ: дорогъ или дешево ромъ. Г. Данченко совершенно вѣрно подмѣтилъ привычку русскаго человѣка, разговаривая о высокихъ предметахъ, неожиданно перейти на водку или что-нибудь подобное, но у него рыбаки ведутъ почти *цѣлый разговоръ*, въ которомъ первая фраза относится къ душѣ, а послѣдняя къ рому и на оборотъ, что вслѣдъ, сколько-нибудь знакомый съ нравами простолюдина, несомнѣнно признаетъ за грубую утробку.

Впрочемъ, несмотря на такіе промахи, очерки, вошедшіе въ составъ „Полярнаго лѣта“, читаются съ интересомъ. Очеркъ „Мертвая бухта“ изображаетъ ужасы полярной бури у береговъ Ледовитаго океана и Бѣлаго моря. Она разбиваетъ корабли, выбрасываетъ на берегъ расплюснутыхъ о прибрежныя скалы китовъ и трупы людей, и приводитъ въ тревожное состояніе бѣлыхъ медвѣдей. Вычурность языка и погоня за образностью выражений въ этомъ очеркѣ превышаютъ всякую мѣру. Сравнивая всю землю съ застигнутымъ штурмомъ кораблемъ, авторъ говоритъ: „А провозвѣщающія смерть трубы архангеловъ все громче и громче“. „Чаще и чаще поднимаются небесныя вѣжды, грознѣе и пристальнѣе смотритъ оттуда кровавое око“ (!). Не много заботы и о правдѣ выказываетъ авторъ, изображая глядящаго изъ-подъ снѣга прямо на небо мертвыя очи шести оконченнѣйшихъ труповъ. „Тѣль ихъ не видно. Снѣгъ и недвижные глаза, да черныя космы волосъ“!!.

Резюмируемъ общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ чтенія книжки г. Данченко. Авторъ не лишенъ извѣстной доли беллетристическихъ способностей, но ему не достаетъ основательнаго изученія описываемаго предмета и надлежащей простоты въ описаніяхъ, замѣвъ чего въ его произведеніяхъ господствуетъ вычурность языка, невозможность положеній и трескучіе эффекты.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нѣсколько времени тому назадъ телеграфъ принесть извѣстіе о томъ, что турецкіе и сербскіе форпосты еще сократили раздѣляющее ихъ разстояніе, еще ближе подвинулись другъ къ другъ и стоятъ теперь на менѣе, чѣмъ «благородной» дистанціи—на дистанціи, позволяющей цѣлымъ и ядрамъ легко достигать цѣли. Теперь полученъ рядъ депешъ, дорисовывающихъ картину:

«25-го іюня, архимандритъ Дучичъ, съ сильнымъ легіономъ волонтеровъ, переправился черезъ рѣку Дрину при Любови, недалеко отъ Вальева. Ему удалось безопасно пробиться съвозомъ турецкій пограничный отрядъ. «И такъ, говоритъ телеграмма, дѣйствія начались». Далѣе идутъ извѣстія не менѣе опредѣленнаго характера: 10-го при Жуновѣ, близъ Алексинаца (гдѣ командуетъ генералъ Черняевъ), 400 черкесовъ вторглись на сербскую территорию, но, окруженные въ лѣсу батальономъ Бѣлградской бригады, перестрѣляны все до одинаго. Все постановленія скучины на случай войны приведены уже въ исполненіе. Жалованье чиновникамъ сокращено. Генералъ Захъ командуетъ моравскою арміею, Алмичъ—сильнѣйшею дринскою арміею, а генералъ Черняевъ—южною, стоящею противъ укрѣпленнаго турецкаго лагеря въ Нишѣ. 13-го іюня, при Ложницѣ, переправился черезъ рѣку Дрину 7 тысячъ волонтеровъ подъ начальствомъ подполковника Груи Мишковича, майора Влайковича и капитана Путника.

Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что князь Миланъ отъѣзжаетъ въ армію 30-го (т. е, 18-го) іюня, въ этотъ же день будетъ обнародованъ манифестъ о войнѣ, а затѣмъ, 1-го іюля, вся Сербія будетъ объявлена въ осадномъ положеніи.

Въ Черногоріи призваны подъ знамена все способные носить оружіе мужчины отъ 17-ти до 60-ти лѣтъ, до окончанія войны управляетъ страной будетъ сенатъ, именованъ князя. Ходитъ между прочимъ слухъ о томъ, что въ Цетинье отправляется депутация отъ инсургентовъ, съ цѣлью побудить князя Николая, объявленнаго княземъ Герцеговины, принять господство надъ этою страной.

Что касается Константинополя, то, согласно тѣмъ же депешамъ, и тамъ тоже считаютъ столкновеніе съ Сербіею неизбежнымъ. Правительство султана отложило до времени свои работы по реформамъ и сосредоточило все вниманіе на военныхъ приготовленияхъ, Турецкія войска на сербской границѣ (главное командованіе поручено Абдуль-Кериму-Пашѣ) и турецкая дунайская флотилія получили приказаніе быть готовыми къ началу военныхъ дѣйствій по первому сигналу.

Признаться—мы не вполне еще убѣждены въ полной несомнѣнной неизбежности войны въ настоящую минуту, не вполне вѣримъ, что она начнется, или завтра, или послѣ завтра. Не потому сомнѣваемся мы, чтобы обстоятельства противорѣчили

этой неизбежности—насколько возможно—все условия борьбы на лицо. Но, дело в томъ, что условия эти уже давно находились «на лицо» и, однако, несмотря на массу полученных и прочтенных нами, со времени начала возстанія, депешъ,—борьба эта не начиналась. Известно, что державы, руководимыя благороднымъ желаніемъ мира, прилагаютъ все усилія къ тому, дабы отклонить борьбу. Авторитетъ Европы известенъ какъ въ Константинополь, такъ и въ Цетиньи и въ Бѣлградъ—мы твердо вѣримъ въ то, что война не можетъ начаться безъ разрѣшенія 6 участниковъ Парижскаго трактата. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что между Портой и Бѣлградскимъ правительствомъ идутъ, или шли въ последнее время, переговоры о территориальныхъ уступкахъ, для чего въ Константинополь отправленъ специально къ тому уполномоченный—г. Ристичъ; съ другой стороны—Черногорія послала въ Эмсъ, Вѣну, Берлинъ своего агента—сенатора Станко Радича—съ тою же цѣлью и въ тѣхъ же видахъ. Мы не будемъ говорить о предѣлахъ требованій, потому что, конечно, достоверно это не можетъ быть известно никому, до окончанія дѣла.

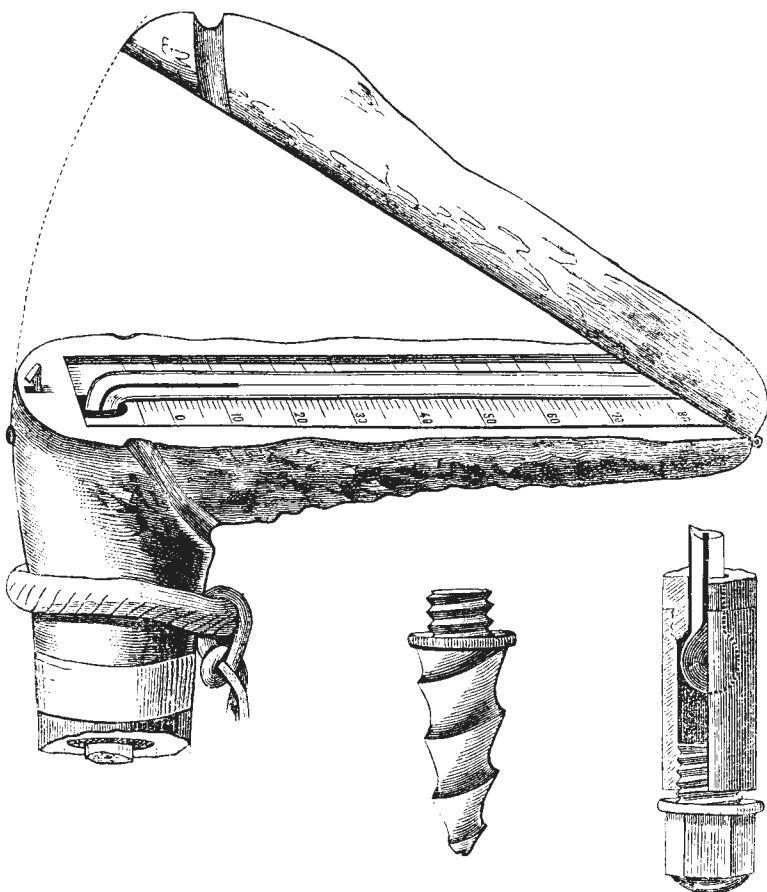
Невольно сопоставляются въ головѣ эти одновременныя переговоры и военные приготовления... Невольно, пріэтомъ, послед-

нія кажутся угрожающе демонстраціей въ подкрѣпленіе первыхъ, почему и допускаются державами...

Мы откровенно высказываемъ читателямъ наши подозрѣнія, но, само собой, не настаиваемъ на ихъ полной основательности; весьма можетъ быть, что Великобританія, настаивая на «невмѣшательствѣ» въ восточномъ вопросѣ, противъ воли довела дѣло до настоящаго положенія, изъ котораго надѣется вывести Турцію тайною помощью деньгами и иными средствами, желая доставить ей возможность самой справиться съ славянами—подданными и вассалами и, тѣмъ самымъ, дать Европѣ очевидное доказательство излишности ея участія въ событіяхъ на востоцѣ. Впрочемъ, по ея мнѣнію, такой образъ дѣйствій поведетъ еще къ тому послѣдствію, что поселитъ въ христіанахъ убѣжденіе въ необходимости подчиненія султанскому правительству, въ необходимости сохраненія «*status quo*» отношеній, что упрочитъ существующій порядокъ вещей и, въ свою очередь, устранивъ надолго (?) перспективу измѣненія политической карты Европы.

А между тѣмъ, независимо кабинетныхъ расчетовъ, плановъ и соображеній, поднимаются славянскія земли, протягиваютъ другъ другу руки братья разрозненной семьи, семьи униженной, оскорбленной, подавленной!

НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ.

Термометръ, вдѣланный въ трость. Сельскимъ хозяевамъ и вообще сельско-хозяйственнымъ промышленникамъ (напр., пивоварамъ, сахарнымъ заводчикамъ) чрезвычайно важно имѣть такой термометръ, которымъ можно было-бы удобно измѣрять температуру *внутри* скученнаго матерьяла (въ кучѣ картофеля, копнѣ сѣна, массѣ солода и т. п.) для того, чтобы узнать степень разившейся теплоты и устранить во время опасности, грозящую всему матерьялу, вслѣдствіе слишкомъ высокой температуры. Въ «Нѣмецкой сельско-хозяйственной газетѣ» сообщается о вновь изобрѣтенномъ землевладѣльцемъ Мейеромъ термометрѣ—*термометръ-палка*—вдѣланномъ въ трость. Термометръ этотъ отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что ртутный шарикъ, заключенный въ полый металлическій наконечникъ палки, окруженъ ртутью. Этимъ, съ одной стороны, достигается большая прочность инструмента, съ другой—ртутная оболочка обуславливаетъ быстроту сообщенія шарикомъ съ ртутью температуры массы, изслѣдуемой Мейеровскимъ термометромъ. Отъ ртутнаго шарика вдоль всей палки идетъ узкая трубка, окруженная дурными проводниками тепла; загнутый конецъ этой трубки, вмѣстѣ со скѣлой, находится въ открывающейся рукояткѣ трости, что и видно на нашемъ рисункѣ. «Мейеровскіе» термометры, въ видѣ простой палки или изищно-сдѣланной трости, изготовляются въ мастерской г. Шульца, фабриканта издѣлій изъ слоновой кости, въ Берлинѣ (Wassergasse.), и стоить отъ 6—8 руб. за штуку.

СОДЕРЖАНІЕ. Никъ Антіохъ Мантемиръ (съ портретомъ). А. Арс—Новая опера въ Парижѣ (съ 10-ю рисунками).— Стихотвореніе Изъ Гейне. Ив. Тх...—На новомъ мѣстѣ (этюдъ съ натурой). Н. Успенскаго.—Съ добрымъ утромъ! (съ рисункомъ).—На жизнь и на смерть (съ англійскаго).—Библиографія.—Политическое обозрѣніе.—Новое изобрѣтеніе (съ рисункомъ).—Объявленія.

Редакторъ Д. Стахѣвъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РЕКОМЕНДУЕМЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:
Христовъ невѣста, повѣсть Н. А. Лейкина. Изданіе второе. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
Повѣсти, разсказы и драматическія сочиненія Н. А. Лейкина. Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.
Историческія очерки и разсказы, С. Н. Шубинскаго. Изданіе второе, дополненное. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
Записки слѣдователя, сочиненіе Н. П. Тимофѣева. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.
Э. А. Россмесслеръ. На досугѣ. Популярныя бесѣды, съ политическими въ текстѣ, переводъ съ нѣмецкаго П. Андреевскаго. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.
Все эти изданія можно выписывать чрезъ контору журнала «Нива». № 39.

ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Утвержденное правительствомъ въ 1871 году, имѣя спеціалитетъ по всемъ отраслямъ искусства, принимаетъ заказы на живопись всякаго рода: образа, картины, портреты и копии масляными красками и мозаичные, а также составляетъ архитектурные проекты и рекомендуетъ учителей рисованія и живописи.

Письма и посылки адресуются на имя Комитета, Пантелеймоновская улица, д. Кюпа № 12—18. № 40.

Сибирскія, противъ зубной боли, капли, Д. Гиршгорна. Во всѣхъ известнѣхъ аптекахъ въ С.-Петербургѣ; также у Рудковскаго и Гольма, въ Казанской ул., на углу Демидова пер. и въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, у Польнейскаго моста, въ д. Башмакова. Въ Харьковѣ: въ отдѣленіи этого общества, у Лопачинскаго моста, въ д. Водаевскаго. Цѣна 75 коп. 4—4

EAU ET POUDE RARNAËL.

Вода Рафалъ совершенно уничтожаетъ загаръ, веснушки, прыщи, морщины и желтизну. Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 2 р. Пудра Рафалъ не сушитъ кожу, плотно прилегаетъ, не замѣтна на лицѣ при дневномъ свѣтѣ, уничтожаетъ жаръ и красноту. Ц. 75 к. съ перес. 2 р.). Получены: у Рузанова, Саблукова, Ушакова, Гост. д. въ Спб. и на всемирной филаделфійской выставкѣ. 4—4

Присталъ сестьр бѣлый съ желтыми пятнами, большой. 7 ул., д. № 42, кв. № 3, отъ 6 часъ вечера. № 38.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 85. 26—14

2 руб. 12 наб. портретовъ—уголѣ Малой Садовой и Невскаго, д. Мешденъ. 50—45

РѢЗЦЫ ДЛЯ ВЫРѢЗКИ ВЫКРОЕКЪ.

Инструментъ этотъ, необходимый для всѣхъ, желающихъ заготовить бѣлье или костюмы, по приложеніямъ въ «Нивѣ» выкройкамъ парижскихъ модъ, можно выписывать чрезъ редакцію «Нивы». Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 коп. 4—4